

ВАДИМ КОЖИНОВ

РОССИЯ
КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ
И КУЛЬТУРА

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион	Лешков В. Н.	Соловьев В. С.
Св. Нил Сорский	Погодин М. П.	Бердяев Н. А.
Св. Иосиф Волоцкий	Беляев И. Д.	Булгаков С. Н.
Москва – Третий Рим	Филиппов Т. И.	Трубецкой Е. Н.
Иван Грозный	Гиляров-Платонов Н. П.	Хомяков Д. А.
«Домострой»	Страхов Н. Н.	Шарапов С. Ф.
Посошков И. Т.	Данилевский Н. Я.	Щербатов А. Г.
Ломоносов М. В.	Достоевский Ф. М.	Розанов В. В.
Болотов А. Т.	Игнатий (Брянчанинов)	Флоровский Г. В.
Пушкин А. С.	Феофан Затворник	Ильин И. А.
Гоголь Н. В.	Одоевский В. Ф.	Нилус С. А.
Тютчев Ф. И.	Григорьев А. А.	Меньшиков М. О.
Св. Серафим Саровский	Мещерский В. П.	Митр. Антоний Храповицкий
Шишков А. С.	Катков М. Н.	Поселянин Е. Н.
Муравьев А. Н.	Леонтьев К. Н.	Солоневич И. Л.
Киреевский И. В.	Победоносцев К. П.	Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Хомяков А. С.	Фадеев Р. А.	Башилов Б.
Аксаков И. С.	Киреев А. А.	Концевич И. М.
Аксаков К. С.	Черняев М. Г.	Зеньковский В. В.
Самарин Ю. Ф.	Ламанский В. И.	Митр. Иоанн (Снычев)
Валуев Д. А.	Астафьев П. Е.	Белов В. И.
Черкасский В. А.	Св. Иоанн Кронштадтский	Лобанов М. П.
Гильфердинг А. Ф.	Архиеп. Никон (Рождественский)	Распутин В. Г.
Кошелев А. И.	Тихомиров Л. А.	Шафаревич И. Р.
Кавелин К. Д.	Суворин А. С.	Кожин В. В.
Коялович М. О.		

ВАДИМ КОЖИНОВ

**РОССИЯ
КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ
И КУЛЬТУРА**

**МОСКВА
Институт русской цивилизации
2012**

УДК 8Р2+9(С)

ББК 63.3(2)6

К 58

Кожин В. В.

К 58 Россия как цивилизация и культура / Сост., предисл., коммент. С. С. Куняев / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2012. — 1072 с.

В книге публикуются главные труды выдающегося русского мыслителя, критика и литературоведа В. В. Кожина. Его личность в истории русской мысли знаменует переходный период, через который прошли многие деятели русской культуры советского времени — от национал-большевизма к православной русской идеологии монархистов, славянофилов и черносотенцев. И хотя он сам этот путь до конца пройти не успел, для значительной части русских патриотов 80–90-х годов книги Кожина стали введением в неисчерпаемые богатства мысли Великой России.

ISBN 978-5-4261-0016-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда в январе 2001 года скончался Вадим Валерианович Кожин и об этом было сообщено в одном большом «либеральном» литературном собрании – словно минута молчания прошла по залу. В собрании сидели не друзья Вадима Валериановича и не его единомышленники. Тем не менее присутствовавший корреспондент одной «демократической» газеты написал, словно бы даже против своего желания, что в этот момент все почувствовали: «Ушла эпоха».

Признание чрезвычайно симптоматичное. И обладающее тем смыслом, о котором едва ли догадывались собравшиеся.

С Кожиним ушла последняя и единственная с п о к о й - н а я эпоха в истории России XX столетия. Эпоха, располагавшая к неторопливому собиранию мысли, обдумыванию важнейших онтологических, судьбоносных узлов исторического бытия России и мира. И нет никакого противоречия в том, что создание и публикация основных исторических и историософских кожиновских сочинений – «История Руси и русского Слова» и «Россия. Век XX» – пришлись на время всероссийского и всемирного катаклизма, на 1990-е годы XX столетия. Их появление было подготовлено всей предшествующей работой мысли теоретика литературы, литературного критика, литературоведа, историка, историософа.

Творческая деятельность Кожина началась с теоретических работ в области поэтики художественной литературы. В начале 1960-х годов он принимал участие в числе других молодых сотрудников ИМЛИ в написании 3-томного научно-

го труда «Теория литературы», работал над книгами «Виды искусства» и «Происхождение романа». При этом работа в такой «тихой гавани» – в области теоретических проблем литературы – сопровождалась весьма непростой и драматичной эволюцией взглядов и мировоззренческих установок молодого автора. «Скажу со всей откровенностью, – писал он впоследствии, – что в университете (Кожин закончил филологический факультет МГУ в 1953 г. – С. К.) я довольно быстро стал, если угодно, искренним, убежденным “сталинистом”. Это отнюдь не означало бездумного приятия всего того, что я видел, слышал, знал... Если говорить, по крайней мере, о людях этого молодого тогда поколения, о них, по сути дела, нельзя судить в зависимости от их отношения к Сталину. Но это отношение – что очень важно – было, так сказать, “надмирным”, а каждый из нас непосредственно сталкивался с вполне конкретными земными явлениями. И вот с этой точки зрения люди – и тогда достаточно резко различались».

В конце 1950-х годов Кожин, по его признанию, пришел к отрицанию всего исторического пути России после 1917 года. Решающее значение для его научной, критической, исторической работы, а также для всего его мировоззрения имело знакомство с М. М. Бахтиным, с которым он встретился в г. Саранске и которому помог перебраться на постоянное жительство в Москву. Именно благодаря Кожину были в начале 1960-х годов изданы книги Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» и «Творчество Франсуа Рабле», заново открывшие для России уникального отечественного философа и мыслителя. А со временем, переболев в молодости всеми возможными «отрицаниями», Кожин пришел к простой и в то же время совершенно неочевидной для многих его современников мысли: важна не «позиция», занятая по отношению к тем или иным трагическим узлам истории, а п о н и м а н и е исторического процесса в целом.

История и литература существовали в мировосприятии Кожина как единое целое и поэтическое слово, исследованию которого он посвятил существенную часть своей жизни,

которое обрело для него свою подлинную ценность в контексте Большой Истории. Именно стремление найти и разгадать смысл этого слова и было его «сверхзадачей» в процессе работы над «Книгой о русской лирической поэзии XIX века», книгой «Стихи и поэзия», над предисловиями к поэтическим сборникам его ближайших друзей – Николая Рубцова, Владимира Соколова, Анатолия Передреева, Станислава Куняева, Юрия Кузнецова. «Эти поэты...», – писал он в статье «Полнокровность поэтического мира», – осознанно стремились к тому, чтобы в полной мере возродить, воскресить заветы русской классической поэзии, усматривая в этом отнюдь не собственно литературную, а жизненную, бытийственную задачу. Сейчас чуть ли не каждый литератор говорит о великих ценностях, утраченных или извращенных в катаклизме революции. Поэты же, о которых я говорю, сумели если и не осмыслить в полной мере, то всем существом почувствовать, пережить все это три десятилетия назад (статья писалась в 1992 году. – С. К.)... И более того – выразить в поэтическом слове, право же, сильнее и глубже, чем это делают столь многие ныне, чаще всего попросту следуя за общим поветрием... Толстой как-то заметил, что подлинное художественное произведение – какие бы беды и страхи в нем ни являлись, – неизбежно властно затягивает в себя, рождая острое желание побыть в сотворенном в нем мире, пусть даже мир этот предельно страшен. Ибо ведь и нет для людей высшей цели и заслуги, чем остаться собой в таком мире...»

Но сама по себе исследовательская работа Кожина с поэтическим словом его современников и их недавних предшественников свидетельствовала не только о ценностях утраченных, но о ценностях обретенных и созданных в той самой эпохе, которую он некогда пытался отвергнуть всю в своем молодом максимализме неофита.

Главным трудом Кожина, созданным в 1970-е годы, стала книга о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева, изданная в серии «Жизнь замечательных людей» лишь в 1988 году. Кожин представил читателю Тютчева во всем его гармоническом

единстве великого русского поэта, выдающегося дипломата, пронизательного публициста и как бы заново раскрыл смысл его поэтического творчества. «Для Тютчева все подлинное бытие России вообще совершалось как бы на глубине, недоступной поверхностному взгляду. Истинный смысл этого бытия и его высшие ценности не могли – уже хотя бы из-за своего беспредельного духовного размаха – обрести предметное, очевидное для всех воплощение...»

Хорошо известно, что любой, пишущий о любимом писателе, вкладывает в написанное и жизненный опыт, и свои пристрастия, и увлечения и во многом смотрится в описываемый им художественный мир, как в зеркало. И трудно отделаться от мысли, что Кожинов актуализировал в Тютчеве близкое себе самому.

«Поскольку каждое, даже само по себе частное событие своего времени являлось перед Тютчевым как определенное звено во всемирной истории, нет ничего парадоксального в том, что потрясенное видение Космоса сочеталось в его душе со страстным интересом к сегодняшней газете».

Читая Кожинова, видишь, как важен для него диалог, полемика с предшественниками и современниками, в этом непрекращающемся обстоятельном разговоре цитаты и ссылки сменяют друг друга и создается солидный массив мнений, тенденций, высказываний по самым разным проблемам, объединенным одной, актуализированной Кожиновым, темой... В своих неустанных трудах на русское дело, он стремился окружить себя единомышленниками и соратниками. Когда он писал о том, как Тютчев «жадно искал людей, которые смогли бы действовать с ним заодно в области внешней политики», он писал отчасти и о себе самом, искавшем и находившем соратников, действующих с ним заодно в области познания культуры, истории, политических процессов...

Диалог... Это главное, что Кожинов вынес для себя из общения с М. М. Бахтиным. Все его собственное творчество строилось по принципу диалога. И вот здесь мы подходим к чрезвычайно острой и непростой проблеме.

Убедительный, глубокий, пронизанный мыслью диалог Кожинов мог вести в относительно спокойной атмосфере, в которой ощущалась готовность к диалогу с обеих сторон, вне зависимости от убеждений того или иного оппонента. Он не переносил «обличений», «нередко патологически нервных и комически многословных», по его же собственному выражению. В этом отношении вспоминается дискуссия «Классика и мы», инициированная им и прошедшая в Центральном доме литераторов 21 декабря 1977 года, обозначившая окончательное размежевание по самым острым граням двух направлений в литературе и – шире – в искусстве: русского и русскоязычного, патриотического и космополитического. Причем аргументация и тональность представителей русского направления (П. Палиевского, Ю. Селезнева, Ст. Куняева) произвели столь убедительное впечатление, что на их сторону встали и тогдашние умеренные либералы (И. Золотусский, С. Ломинадзе). Сам же Кожинов убедительно отверг все демагогические попытки обвинения его и его друзей в «антисемитизме».

При всем этом само выступление Кожинова трудно назвать полностью удачным. Он не позволил себе погрузиться в антикультурную истерику, которая бушевала в зале и которую преднамеренно раздували некоторые из выступавших (в частности, режиссер А. Эфрос). Но вынужденный выход на открытую перепалку, в которой было уже не до аргументов (а именно в их обстоятельном подборе Кожинов был наиболее силен), не позволил сделать выступление полностью убедительным. В подобной перепалке часто мелькает лишнее слово и иной раз начинает подводить память. Сила Кожинова была именно в спокойном углубленном споре, в котором без каких-либо опасений можно было убедительно ответить на самые «убойные» аргументы противника. Собственно, в этом и состоит сама суть русского спора, в котором на протяжении столетий выковывалась и обретала свои зримые очертания русская мысль.

Это важно знать именно в связи с претензиями, которые за последнее время были предъявлены Кожинову иными литераторами и в которых наиболее отличился Сергей Кур-

гинян, обвинивший Кожина в близости к «погромной квазисоветской партократической субкультуре». Этот человек в последнее время стал своего рода кумиром русских патриотов, благодаря своим телевизионным диалогам с Леонидом Млечиным и Николаем Сванидзе и отстаиванию в этих диалогах патриотических констант и смысла основных вех советской истории; более того, многим он видится настоящим носителем исторической правды. По существу русское сознание загнано телевидением в узкий коридор, в преднамеренно расставленную ловушку, обужено навязываемым выбором между откровенным русофобом и антисоветчиком Сванидзе и советским патриотом Кургияном, который обвинил – ни больше ни меньше – Михаила Бахтина и Вадима Кожина в разрушении духовных и государственных устоев с помощью Юрия Андропова... Подобное обвинение, конечно, могло родиться только в воспаленном воображении человека, всерьез увлеченного конспирологией и воспринявшего, как истину в последней инстанции, сплетни, ходившие в коридорах Института мировой литературы и... Но суть все же в другом. На этих ристалищах мы не видим (и, скорее всего, при нынешней власти никогда не увидим) подлинных историков высочайшей квалификации, носителей истинно русского сознания, таких как Андрей Фурсов, Игорь Фроянов или Александр Вдовин. А сами по себе телеристалища очень напоминают старую карикатуру, изображающую реку, на одном берегу которой стоят Троцкий, Зиновьев и Каменев, а на другой – Сталин, Орджоникидзе и Микоян. Под карикатурой красовалась подпись: «И заспорили славяне, кому править на Руси».

Кожин здесь со своими книгами, в которых в спокойном течении мысли, чередовании убедительнейшей аргументации выстраивается подлинная история Отечества во плоти и в духе, – явная помеха не только Сванидзе (о нем и речи нет!), но и Кургияну, который не может эту помеху не чувствовать и посему пытается «расчистить себе территорию», дабы кожинское слово даже не присутствовало в сознании внимающей ему публики, хотя бы и в качестве необходимого под-

крепления... Кожиновского слова – по мысли организаторов и участников подобных ристалищ – не может существовать в искусственно созданной атмосфере взаимных обличений – «патологически нервных и комически многословных»... Сверхзадача нынешнего агитпропа – превратить любую дискуссию о прежних, нынешних и грядущих путях России в «ток-шоу», где на первый план выходит не мысль, а набор фактов (или их имитация) в патологическом и комическом обрамлении.

При всем том некогда сформулированное Кожиновым уже давно вошло в обиход не только профессиональных историков, но и просто читающих людей. Достаточно вспомнить статьи «Правда и истина» и «Самая большая опасность», разоблачающие наиболее крикливых «перестройщиков» и «антисталинистов», показывающие все их двуличие, ложь и невежественность в обращении с историей. Ясная и справедливая мысль, что Сталин – это продукт всемирного грандиозного мирового революционного катаклизма, уже прочно вошла в обиходное сознание, а тогда, высказанная Кожиновым, она стала предметом изощренных издевательств либералов всех мастей – от «неистового» Рассадина до «умеренного» Лакшина.

Для Кожина любая историческая дискуссия, касалась ли она взаимоотношений Руси с Хазарским каганатом или национального состава первого советского правительства, питалась живыми токами современности и была непосредственным зеркальным отражением страстей, бурлящих в жизни, творящейся на его глазах. С начала 1980-х годов его внимание все более и более сосредотачивалось на истории России, которая не отделялась от истории русского художественного слова. «Первой ласточкой» такого рода «органического исследования» стала статья «И назовет меня всяк сущий в ней язык...», опубликованная в 11 номере «Нашего современника» за 1981 год, после чего через несколько месяцев был снят с должности подписавший этот номер в печать первый заместитель главного редактора Юрий Селезнев, а в недрах Комитета государственной безопасности Кожин был взят

на примету как один из ярчайших представителей «русизма», который андроповское ведомство почитало за самую главную опасность. Едва ли будет преувеличением утверждать, что именно появление этой статьи послужило сигналом для составления памятного постановления «О творческой связи литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства», после чего цензурные ограничения, налагаемые на русскую мысль в печати, стали особенно жесткими. И в связи с этой статьей невозможно снова не вспомнить о диалоге – о диалоге между Вадимом Кожиновым и Юрием Кузнецовым, который в стихотворении «Повернувшись на Запад спиной...» как бы соединял голоса Достоевского и Кожинова в единый звуковой поток, воссоединял образы классика и современника, цитирующего и цитируемого, – и мысль этого двуединого персонажа направлена на Восток.

Повернувшись на Запад спиной,
К заходящему солнцу славянства,
Ты стоял на стене крепостной,
И гигантская тень пред тобой
Убегала в иные пространства.

Обнимая незримую высь,
Через камни и щели Востока
Пролегла твоя русская мысль.
Не жалей, что она одинока!

Если «солнце славянства» на Западе зашло и России уготован другой путь, то даже одинокая мысль соратника, которую некому ныне подхватить, прокладывает новый путь и проводит к тому, «что завяжутся русским узлом эти кручи и бездны Востока». Несостоявшееся пророчество? А если состоявшееся?

Плодом их бесед стало и написанное тогда же Кузнецовым стихотворение «Для того, кто по-прежнему молод...» с прямым обращением к монологам Версилова в «Подростке» и

Ивана в «Братьях Карамазовых» о том, что европейские «священные камни кроме нас не оплачет никто».

Кожин ов обладал удивительным магнетизмом, он притягивал множество людей в свое поле, и в этом поле каждый вырастал и в собственных, и в его глазах. Множество мыслей, разбросанных им и не воплощенных в собственных статьях и книгах, подбиралось благодарными и внимательными собеседниками и воплощалось в их собственных трудах, которыми потом зачитывались думающие читатели.

Последние годы жизни Кожин ова были самым непосредственным образом связаны с журналом «Наш современник». Его книги «История Руси и русского Слова» и «Россия. Век XX» стали своеобразным становым хребтом журнала, выстраивали его политическую и интеллектуальную линию. Кожин ов стал, если угодно, «теневым идеологом» издания, привлекая на его страницы множество замечательных авторов – от Игоря Шафаревича до Сергея Кара-Мурзы и Александра Панарина. Авторы разных, подчас категорически не согласных между собой, но умеющих вести подлинно интеллигентный диалог и вместе работающих на общее русское дело.

Наибольший интерес в книге «Россия. Век XX» вызвала у читателя серия глав, посвященных «черносотенцам». Кожин ов впервые показал, что люди, исповедовавшие «черносотенную» идеологию, представляли культурнейший слой России начала XX века и – единственные в то время – понимали происходящее и прозревали грядущие катаклизмы. Он показал также, что эти идеи, пусть не оформленные в сознании, исповедовали и широкие народные массы, «третья сила», которая в сложившихся исторических условиях была обречена на поражение. Но поражение политическое не стало поражением духовным, смысловым, что и показал писатель в последующих главах «Истории».

... Есть нечто симптоматичное в том, что «Кожин овские чтения» вот уже 10 лет (с небольшими перерывами) проходят не на филологическом факультете МГУ, который он закончил в свое время, и не в Институте мировой литературы, которому

отдал большую часть своей жизни, а в далеком Армавире, в местном педагогическом университете, где уже сформировалась «кожиновская школа» филологов, выступающих подчас с удивительными по законченности и совершенству мысли докладами. Кожиновское слово живет и действует на просторах России, даром что изгоняемо из Москвы столичной агитпроповской «тусовкой» – по причине крайнего неудобства существования рядом с ним.

Когда однажды в серии ЖЗЛ будет издана книга «Вадим Кожинов», думаю, ее автор напишет не событийную биографию, а сложную, богатую и чрезвычайно непростую биографию кожиновской мысли. И это будет лучший памятник для грядущих поколений – памятник ученому, исследователю тайн русского слова и русской истории, широкому, яркому, искрящемуся человеку, любомудру двадцатого столетия.

Сергей Куняев

ЧАСТЬ I

ИСТОРИЯ РУСИ, РОССИИ И РУССКОГО СЛОВА

Рождение России (создание русской государственности (конец VIII — IX век))

Читатели, знакомые с книгами о русской истории — как дореволюционными, так и послереволюционными, — неизбежно столкнутся в моем сочинении с целым рядом положений, которые значительно отличаются от «привычных». Но не следует видеть в этом плоды моих личных субъективных размышлений. Мое сочинение — вплоть до мельчайших его деталей — основывается на многочисленных новейших работах наших историков и археологов — работах, созданных за последние десятилетия.

Сейчас модно бранить и развенчивать историческую науку, которая-де пребывала до перестройки в тенетах догматики или прямого фальсификаторства. Между тем это верно только по отношению к книгам и статьям об истории послеоктябрьского периода. Что же касается предшествующей — в особенности древней и средневековой — истории России, ее изучение развивалось достаточно плодотворно. Лучшие работы современных историков и археологов во многом превосходят то, что было сделано дореволюционными исследователями.

* * *

Действительная история каждого народа начинается с момента создания государства, которое, по сути дела, является собой воплощение исторической воли народа. Именно посредством государства, в лице государства, народы осуществляют те свои целенаправленные деяния, из коих складывается их подлинная история.

Разумеется, само бытие народа берет свое начало за долго – за столетия или даже тысячелетия – до формирования государственности. Далекие предки тех людей, которые в VIII–IX веках создали государство Русь, жили на этих же землях – прежде всего приднепровских – в течение нескольких веков, а возможно, и дольше. Но, согласно выводам современной археологии, основная масса населения, которое впоследствии стало ядром государства Русь, надолго уходила с этих земель в эпоху Великого переселения народов, то есть времени с конца IV до VII столетия, когда сдвинулись подчас очень далеко – с прежних своих территорий – многие этносы Европы и Азии.

Отправившись в конце IV – начале V веков к югу и к западу и достигнув в ходе этого переселения Дуная, предки будущих создателей Руси соприкоснулись здесь с наивысшей тогда по своему уровню греко-римской цивилизацией и культурой и усвоили те или иные достижения античного мира, прежде всего в области земледелия и ремесел.

А впоследствии – с конца VII века – «переселенцы» проделали обратный путь и довольно быстро расселились по будущей территории Русского государства – от реки Днестр до Ладожского озера. К середине VIII века освоение этого огромного пространства было осуществлено.

Летопись сохранила названия¹ освоивших в VIII веке земли Руси славянских племен, которые позднее слились воедино. На самом севере, у Ладоги, размещались в VIII веке словене, южнее – кривичи, в центральной части (с запада на восток) – дреговичи, радимичи и вятичи, вокруг Киева (опять-таки с запада на восток) – волыняне, древляне, по-

ляне и северяне, а в самой южной части (подчас уже близко к Дунаю) – хорваты (небольшая часть племени, которая переселилась еще в VI веке в будущую Югославию), уличи и тиверцы. Вместе с тем на территории, куда «возвратились» будущие русские, жили в это время финские (на севере и востоке), балтийские (в центральной части западной части) и иранские и тюркские (на юге, в степной части) племена. Но нет сведений о каких-либо существенных конфликтах славян с этими племенами. Более или менее мирное «вселение» славян объясняется различием экономических, хозяйственных интересов: не принадлежавшие к славянам южные племена жили прежде всего кочевым скотоводством, северные – охотой, рыбной ловлей и собиранием природных плодов; основной же жизнедеятельности славян было, как доказано в последнее время, земледелие.

Большинство тех неславянских племен, которые, по сведениям летописи, находились тысячелетие с лишним назад на землях Руси, существует и поныне – с теми же или новыми национальными названиями (исключение составляют только иранские и тюркские племена, населявшие лесостепную и степную полосы; они «растворились» в целом ряде приходивших – волна за волной – в VIII–XIII веках из Азии различных кочевых племен). Это являет собой резкий контраст с историей, например, Германии, где балтийские и славянские племена, первоначально населявшие большую часть ее территории, почти начисто исчезли, были «ассимилированы» – во многом насильственно. Летопись сообщает, что финские племена чудь и весь в полном равноправии с ладожскими словенами и псковскими кривичами утверждали северорусскую государственность (чудь даже стоит первой в летописном перечне создававших государство Русь племен!).

Часть неславянского населения постепенно обрусела, влилась в русский народ, внеся в его склад и характер те или иные свои черты. Но в местностях, где имелось значительное сосредоточение финских и балтийских племен, они продолжали существовать и развиваться, – вплоть до нашего времени.

Необходимо видеть, что Русское государство с самого своего изначалья было многонациональным; это – его поистине неотъемлемое определение. Ныне в «Российской Федерации» русские составляют 81,5 процента населения. Такую же долю населения в сегодняшней Франции составляют французы, а в Великобритании англичан меньше – всего 77 процентов населения в целом, и еще меньшую долю составляют испанцы в Испании – 70 процентов. Тем не менее вовсе не принято считать эти три государства многонациональными: в них безусловно господствует одна нация. Россия же и теперь продолжает восприниматься как страна, где равноправен, по пушкинскому слову, «всяк сущий в ней язык»² – то есть народ (и Пушкин видел свое призвание в служении всем народам России, не только русскому). Это, повторим, неотъемлемая особенность Руси-России, которая с поэтическим гиперболизмом выразилась в знаменитых есенинских строках:

Затерялась Русь в Мордве и Чуди,
Нипочем ей страх...³

* * *

До недавнего времени преобладало мнение, что Русское государство возникло в 862 году, когда, согласно летописи, в качестве главы этого государства был «призван» широко известный тогда варяжский князь Рюрик; в 1862 году было торжественно отпраздновано Тысячелетие Государства Российского и воздвигнут знаменитый памятник в Новгороде.

Однако дальнейшее изучение истории показало несостоятельность этого мнения. Так, например, было точно выяснено, что еще в 838 году в далекий Константинополь пришло посольство от «русского кагана» («каган» – тюркское слово, означающее самодержавного, то есть независимого, – правителя государства), и из этого факта следует, что Русское государство уже прочно сложилось.

Ныне утвердилось представление, что государственность возникла на Руси еще в конце VIII века, примерно в 770–780 годах. При этом центры власти образовались тогда в двух далеких друг от друга селениях, вскоре превратившихся в города, – в северной Ладоге, расположенной у Ладожского озера при впадении в него реки Волхов (первоначально озеро называлось Нево, а селение – Невогород), и в Киеве. Центры эти были так или иначе связаны между собой; впоследствии – в конце IX века – главным средоточием власти стал Киев (а Ладога – как бы его северным филиалом).

До нас дошло имя князя, который на рубеже VIII–IX веков правил в Киеве, – это долго считавшийся чисто легендарным, но постепенно обретший признание историков князь Кий. Кий, согласно летописи, посетил с «дипломатическими» целями Константинополь, был там принят «с честью», а на обратном пути вознамерился – так же, как два столетия спустя, в 970-х годах, русский князь Святослав, – поселиться на Дунае, но встретил сопротивление местных племен и вернулся в Киев; но основанный им у Дуная городок в течение нескольких веков сохранял название «Киев»!

Известно предание о ранних (до появления Рюрика) северонорусских правителях – Гостомысле и, как считается, его внуке Вадиме Храбром, который поднял восстание против власти Рюрика (призванного в свое время, кстати, по предложению Гостомысла) и героически погиб. Но эти люди – по крайней мере сегодня – рассматриваются чаще как легендарные, поскольку сообщения о них содержатся только в поздних летописях (а в известных нам ранних – отсутствуют). Однако нельзя исключить, что сведения о Гостомысле и Вадиме⁴ имелись и в какой-либо древней, но не сохранившейся летописи северного происхождения. Видный историк Б. Д. Греков (1882–1953) считал Гостомысла и Вадима Храброго реальными лицами⁵. Стоит отметить, что в этом же предании жившая уже в X веке супруга князя Игоря Ольга (после гибели в 944 году мужа она правила Русью) причислена к потомкам Гостомысла (названа его «правнукой», что

нередко означало не потомка в третьем поколении, а потомка вообще); сообщается также ее первоначальное русское имя – Прекраса («варяжским» именем ее, возможно, звал Игорь, но своему сыну она все же дала русское имя Святослав). Словом, есть немало сведений о носителях власти, правивших до того 862 года, которым иногда еще и ныне датируют рождение Русского государства.

* * *

При обращении к началу истории Руси неизбежно встает вопрос о «призвании варягов», – вопрос, в течение двух с половиной столетий являвшийся предметом острейших споров, вспыхивающих то и дело и сегодня. В «призвании» на Русь правителя из чужой, иностранной династии – в данном случае представителя династии скандинавских конунгов – усматривают «унижение» достоинства страны и государства. При этом, как ни странно, начисто забывают, что правление «чужих» династий – типичнейшее явление, имевшее место чуть ли не в любой стране. Так, одновременно с утверждением на Руси скандинавской династии Рюриковичей во Франции и Италии правила германская династия Каролингов, и подобных примеров можно привести немало. Дело в том, что «чужая» династия обладает очень существенными преимуществами по сравнению со «своей», местной. Прежде всего ей естественно присуща та необходимая отчужденность от населения страны, без которой возникновение государственной власти вообще невозможно. Далее, она гораздо более беспристрастно может отнестись к особым интересам различных племен и слоев населения (именно этим, кстати, и объясняет летопись «призвание» Рюрика). Наконец, пришедшая династия как бы заранее имеет более высокий статус, чем своя: ее происхождение «теряется» в истории другой страны, она представляется заведомо «древней» и «чужой» властитель видится более законным. Это не «выдвиженец» из местного населения, над которым он с какого-то момента вдруг

начинает властвовать; «чужой» является как «изначально» предназначенный быть властителем – ибо он был им в своей стране. Историки в последнее время показали, что призванный на Русь скандинавский конунг Рюрик ранее властвовал на обширных землях южного побережья Балтийского моря и имел немалую славу.

Что же касается «чужести» приглашенного из другой страны властителя, которая сама способна смутить, она обычно имеет место недолго. Так, по некоторым сведениям, Рюрик на Руси вступил в брак с женщиной из знатного местного рода, и, следовательно, его сын был уже наполовину русским (об этом говорит, в частности, современный историк Г. С. Лебедев⁶), а Рюриков внук или, что гораздо достовернее, правнук Святослав предстает как уже всецело «обрусевший» правитель.

Но перейдем к более важным проблемам первоначальной истории Руси. Ее центры – Ладога (Новгород – как ясно и из самого его названия «новый» – возник позже) и Киев – размещались, что может удивить, близко к границам Руси. Лишь значительно позднее центр государства переместился в географический центр – Владимир на Клязьме и затем в Москву, а главным северным городом стал вместо пограничной Ладоги расположенный в верховьях Волхова Новгород.

Размещение важнейших центров у границ страны характерно для ранней стадии развития государства, ибо юная держава должна вобрать в себя материальные и духовные богатства остального мира. Главными путями из Руси были тогда водные, – и купцы и послы из Киева постоянно отправлялись по Днепру и Черному (которое определенное время даже называлось Русским) морю в византийский Херсонес в Крыму (на месте нынешнего Севастополя), далее в Константинополь или же по малым рекам добирались до Дона, переправлялись из него в Волгу и т.д. Арабский автор Ибн Хордадбех сообщал⁷ еще в 880-х годах: «Что же касается русских купцов... то они вывозят бобровый мех, мех черной лисицы и мечи из самых отдаленных частей страны... отправляются по Тис (то есть Дону), реке славян, и проезжают проливом (имеется в виду Волга)

столицу хазар... Затем они отправляются к Джурджанскому (Каспийскому) морю и высаживаются на любом его берегу... иногда они привозят свои товары на верблюдах из Джурджана в Багдад... Выдают они себя за христиан» (часть русских действительно приняла христианство еще в 860-х годах).

В свою очередь, из северной Ладоги открывался путь в Скандинавию и всю Западную Европу. Вполне закономерно, что впоследствии Петр I, начиная совершенно новую эпоху в истории России, снова перенес ее центр к границе, создав свой Санкт-Петербург поблизости от древней Ладоги-Невогорода.

Следует сказать и о том, что Петр, которого часто называют создателем Русского флота, на самом-то деле возродил его. В первые века своей истории Русь обладала одним из крупнейших в тогдашней Евразии флотом, который господствовал не только на великих восточноевропейских реках (Днепре, Нижнем Дунае, Доне, Волге, называвшейся в X веке «русской рекой»), но и на Черном и Каспийском морях, а отчасти и на Балтийском (тогда – Варяжском). Флот этот состоял из небольших судов, которые можно было «переволочить» из одной реки в другую. Живший в первой половине X века византийский император Константин Багрянородный сообщал, что во множестве селений Руси есть мастера, изготавливающие надежные суда, способные доплыть до Константинополя.

В летописи запечатлено представление о бытии Руси как о постоянном движении по рекам и, далее, морям. В IX–X веках Русью как бы владело стремление постоянно выходить за свои пределы: и сами ее правители, начиная с Кия и до Владимира Святого, и гости (купцы), и различные посольства, и войска многократно совершали (в основном по воде) тысячеверстные путешествия и походы на север, запад, юг и восток.

Десятки или, быть может, даже сотни тысяч людей Руси побывали за эти два века в соседних и более отдаленных странах. Лишь к середине XI века Русь сосредоточивается в самой себе: создание той могучей и богатой по своему содержанию державы, какой Русь предстает при князе (его величали также «цесарем» и «каганом») Ярославе Мудром, было невозможно

без усвоения ценностей всей западной Евразии – от Скандинавии до Арабского халифата, от Византийской империи до среднеазиатской цветущей цивилизации Хорезма.

Русское государство вообще рождалось и мужало как бы в чрезвычайно мощном магнитном поле. К северу от Руси, в Скандинавии, в это время словно извергается вулкан викингов с их всюду проникающими дружинами, которые стали страшной грозой для всей Западной Европы и покорили себе часть земель Франции, Италии и всю Англию, но на Руси оказались в основном в «союзнических» отношениях с коренным населением. Хотя поначалу скандинавы подчинили себе северную Русь, их через какое-то время, по сведениям летописи, «изгнали за море», и Рюрик пришел уже по добровольному «приглашению» народа.

На юге тогда переживает очередной период расцвета наиболее цивилизованное и культурное государство всей западной Евразии – Византийская империя, с которой Русь вступает в тесные, хотя и сложные отношения.

Наконец, на востоке достиг наибольшего своего могущества Хазарский каганат, пытавшийся в течение полутора столетий покорить Русь, которая сумела не только противостоять этому натиску, но и закалиться в борьбе, как бы в соответствии с пушкинскими стихами:

Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкой млат,
Дробя стекло, кует булат.⁸

* * *

Борьба с Хазарским каганатом была долгой и трудной. В первой четверти IX века – после смерти Кия – хазары подчинили себе часть южной Руси (земли восточнее Днепра) и наложили дань на полян, северян, радимичей и вятичей. Угрожало хазарское нашествие и другим племенам, но северное Русское государство продолжало существовать и крепнуть,

и его правитель, противопоставляя себя хазарскому, принял его титул – «каган», что значило носитель «самодержавной» – суверенной – власти.

Летописные даты, относящиеся к IX, а отчасти и к X веку, были проставлены довольно поздно, и многие события произошли в действительности раньше, чем указано в летописи. Рюрик был приглашен в Ладогу, очевидно, не в 862 году, а в самой середине (или даже еще ранее) IX века. И сохранились сведения, что поляне-киевляне отправили к Рюрику посольство с просьбой помочь сбросить власть хазар, которые, в частности, взяли с полян «дань мечами»: по мысли знаменитого историка Л. Н. Гумилева (1912–1992)⁹, это означало, что хазары отняли у полян оружие. Рюрик отправил в Киев своего или родственника, или приближенного – Аскольда, который отверг притязания хазар, но, как можно заключить из дальнейших событий, спустя некоторое время потерпел поражение и вынужден был подчиниться каганату.

Впоследствии, в 882 году, с севера пришел еще один сподвижник Рюрика, его родственник Олег, который сверг Аскольда и объявил войну хазарам. Киев он назвал «матерью городов русских», и город стал столицей всей Руси (и южной, и северной).

Здесь перед нами предстает одна существенная загадка. Согласно летописи, Олег привез с собой в Киев малолетнего сына умершего князя Рюрика – Игоря, который и должен был законно править отсюда Русью. Между тем летопись сообщает, что Игорь начал править лишь в 910-х годах, после смерти Олега, когда ему уже было под сорок лет, и родил своего наследника Святослава только в конце 930-х годов, то есть примерно в шестидесятилетнем (!) возрасте. Все это – о чем писал уже Н. М. Карамзин¹⁰, а за ним большинство историков – крайне неправдоподобно.

С другой стороны, Олег явно «раздваивается» в различных летописных известиях: он предстает то как воевода Рюрика, а затем Игоря, то как вполне самостоятельный князь Руси; более того, есть сообщения о смерти его в разных ме-

стах – и в Киеве, и в Ладоге, и «за морем» – и даже о разных его могилах и т.п. Наконец, существуют достоверные сведения о том, что именно Олег правил Русью в конце 930-х годов, когда, казалось бы, давно уже должен был править Игорь. Словом, летописный образ Олега явно нуждается в особом исследовании и осмыслении.

Естественное разрешение этих каверзных противоречий, предложенное некоторыми историками (в частности, М. И. Артамоновым¹¹), заключается в том, что в действительности на рубеже IX–X веков было два Олега (имя это, кстати, являлось на Руси в те времена излюбленным) – воевода Олег и опекаемый им вначале князь Олег, сын Рюрика. Но по мере течения времени (не будем забывать, что дошедшая до нас летопись была составлена лишь через 150–250 лет после правления первых Рюриковичей) два Олега из-за своей одноименности в глазах потомков слились в одно лицо, которое тем не менее выступало то в качестве воеводы, то в качестве законного князя.

Очень характерно, между прочим, что в летописи сохранился словесный оборот, в котором к Олегу применена архаическая глагольная форма двойственного числа: Олег «придоста», что означает «пришли двое». По всей вероятности, первоначально было написано «Олег и Олег придоста», либо «Олеги придоста» (то есть воевода и ребенок-князь), но позднейший переписчик летописи опустил «второго» Олега, хотя и не стал исправлять глагольную форму (нужно было бы написать «Олег приде», а не «придоста»).

Что же касается Игоря, он был, очевидно, не сыном Рюрика, а его родившимся (не в 870-х годах, а намного позже) внуком – то есть сыном князя Олега – и произвел на свет своего наследника Святослава не в шестидесятилетнем, а в значительно более молодом возрасте. Кстати сказать, его супруга Ольга с очевидностью предстает в летописи как молодая вдова (хотя, согласно летописным датам, ей было якобы не менее 55 лет), потерявшая горячо любимого – едва ли столь пожилого – мужа.

Таким образом, начало династии Рюриковичей предстает в следующем виде: в середине IX века в Ладогу был приглашен править Рюрик; после его кончины (датированной в летописи 879 годом) законным князем становится малолетний сын Рюрика Олег, но фактически правит до возмужания князя другой Олег – воевода из «родни» Рюрика, умерший в Киеве в 910-х годах (согласно преданию, от укуса змеи).

Князь же Олег, по-видимому, погиб только в 943 году в Закавказье, у границ Ирана: в одном из вариантов летописи сказано, что смерть пришла к «идущую ему за море» (а не в Киеве). Сын этого Олега, Игорь, княжил самостоятельно недолго; его убили древляне при сборе дани, и он оставил малолетнего сына Святослава, до возмужания которого правила вдова Игоря Ольга.

Хотя династия Рюриковичей до XI века включительно сохраняла связи со Скандинавией, не раз принимая на службу наемные отряды варяжских воинов, пользуясь услугами энергичных варяжских купцов и возлагая на них дипломатические обязанности, – все же Рюриковичи с самого начала жили интересами Руси (а вовсе не какими-либо «скандинавскими»). Известно, в частности, что они исповедовали не свою собственную, а славянскую языческую религию (уже князь Олег «клялся» Перуном и Волосом – иначе Белесом, – а не скандинавскими Одином и Тором); далее, они приняли имевший большое значение в ходе борьбы Руси с Хазарским каганатом титул «каганов» (он достоверно зафиксирован для северной Руси уже в 838-м и, позднее, в 871 году), а не звались, по-скандинавски, «конунгами»; наконец, само утверждение в конце IX века столицы государства в далеком от Скандинавии Киеве ясно свидетельствовало о полном приобщении варяжской династии к собственным судьбам Руси.

* * *

Юная Русь развивается и крепнет с несомненной быстротой и энергией. Историки и археологи доказывают, что

на всем пространстве от Киева до Ладоги совершается постоянный рост земледелия и животноводства, различных промыслов и ремесел, торговли и воинского искусства. Развитие Руси ярко выразилось в возникновении множества укрепленных городов: в Скандинавии Русь даже называли тогда «Гардарики» – «страна городов».

Нередко полагают, что древнерусская мифология была де неразвитой и бедной, ибо она несравнима с точки зрения содержательности и многообразия с древнегреческой. Между тем боги и мифические герои Эллады известны нам отнюдь не из изначальной народной мифологии: все, что мы о них знаем, почерпнуто из развивавшейся в течение нескольких столетий древнегреческой литературы, которая изощренно разрабатывала первоначальные (гораздо более «элементарные») мифологические образы и сюжеты. На Руси же литература с самого начала имела христианский характер и только в малой степени вобрала в себя языческую мифологию и фольклор. Русские писатели стали активно обращаться к народной мифологии лишь во второй половине XVIII века, но тогда было уже поздно: христианство давно оттеснило языческую стихию на обочину культурного развития.

В древнерусские же литературные произведения – такие как летопись или «Слово о полку Игореве» – вошли только отдельные элементы дохристианского мирозерцания. Но внимательный взгляд исследователей обнаруживает, что перед нами слабые и частные отзвуки громадного и полновзвучного мифотворческого мира, который существовал и развивался в первоначальной Руси. Когда молодой князь Владимир Святославич, не помышляя пока о принятии христианства, воздвиг в Киеве целый пантеон языческих богов, он опирался на еще жившее полной жизнью в народе мифологическое богатство, весомость и энергия которого доказывается и тем, что языческие верования продолжали сохраняться в глубинных селениях России тысячу лет, вплоть до нашего времени!

Насколько значительно и полновесно было это древнерусское мирозерцание, свидетельствует и тот факт, что запи-

санные в XVIII–XIX веках народные сказки, былины, песни, заговоры и т.д. буквально пронизаны этим мирозерцанием, которое родилось еще в древнейшую эпоху.

Наконец, археологами и этнографами открыты многообразные предметные воплощения древнейшего язычества, счастливо сохранившиеся в течение тысячелетий. Следует не забывать, что в лесной Руси почти все изготовлялось из дерева, которое не могло сохраняться в течение долгих веков. Изделия из камня редки, – как, например, знаменитый четырехликий бог, найденный в прошлом столетии на реке Збруч (северном притоке Днестра). Не так давно на дне Днепра обнаружен оснащенный кабаньими клыками священный дуб Перуна, который сохранился именно потому, что находился в воде.

Мифологические представления воплотились и во множестве произведений прикладного искусства – от орнамента на орудиях труда до вышивок на ткани, притом вплоть до нашего времени мастера продолжали воссоздавать на своих изделиях древнюю символику, что свидетельствует о глубокой значительности и мощи русского язычества.

В наше время нередко можно столкнуться с сожалением или даже возмущением по поводу того, что христианство «вытеснило» древнее язычество. Но с такими же основаниями можно сетовать, что поэзия Пушкина и Тютчева «заслонила» собой когда-то известные всем и каждому фольклорные тексты. Другое дело, что надо знать и ценить духовную культуру и самых далеких наших предков, создававших свое мифологическое видение и истолковывание основ бытия.

* * *

В самом начале своего пути Русь соприкасалась и с мусульманскими государствами (Арабским халифатом, Хорезмом и соседней с Русью Волжской Булгарией), и с иудаистским Хазарским каганатом, и с католической (хотя с полной определенностью католицизм сложился позднее) Германской империей, и с православной Византийской.

Пытавшийся в течение полутора столетий покорить Русь Хазарский каганат не единожды захватывал Киев, где даже была выстроена крепость с иудейским названием Самбатин и имелись кварталы, называвшиеся Козаре и Жидове. В летописном предании о выборе Владимиром религий хазарские иудеи, уцелевшие после разгрома Святославом их каганата, как бы в последний раз предлагают обратиться к их вере.

С другой стороны, Русь с самого начала испытывала мощное тяготение к самой высококультурной в те времена Византии, куда отправлялся уже и Кий, и посольство 838 года. Многозначительно, что на Руси издревле называли Константинополь Царемгородом – Царьградом, в чем выразилось восхищенное отношение к Византии. Хазарский же каганат с момента установления господства в нем иудаизма, то есть с конца VIII века, находился в резко враждебных отношениях с христианской Византией, и Русь явилась своего рода полем борьбы между двумя мощными государствами, постоянно вырабатывая свою собственную политику и идеологию.

Под тяжким давлением Хазарского каганата правитель Киева Аскольд в 860 году отправился в военный поход на Константинополь, но не захватил его. Важно иметь в виду, что до Константинополя обычно добирались водным путем, вдоль побережья Черного моря, а у Хазарского каганата не имелось сколько-нибудь значительного флота, и Русь была для хазар как бы необходимым участником их противостояния с Византией.

В Константинополе прекрасно сознавали, что поход Аскольда был организован Хазарским каганатом (в одном из византийских сочинений¹² Аскольд именуется «воеводой прегордого кагана» – кагана хазар), и сразу же после ухода войска Аскольда отправили к кагану посольство во главе со святыми Кириллом и Мефодием, которые окрестили двести человек на Руси. Правда, в дошедшем до нас тексте «Жития» св. Кирилла эта вторая «русская» миссия не выделена, речь по-прежнему идет будто бы о пребывании у хазарско-иудейского кагана. Однако в тексте присутствует немыслимое противоречие. Люди,

к которым обращается св. Кирилл, говорят неким своим соплеменникам: «тот из вас, кто... еврейские молитвы читает... скоро смерть от нас примет». При дворе хазарского кагана (куда вначале прибыл св. Кирилл) такой эпизод никак не мог иметь место, и в этом случае речь идет, по-видимому, о пребывании св. Кирилла в Киеве – хотя позднейшие переписчики «Жития» соединили две «миссии» в одну. И посольство св. Кирилла и Мефодия было, по всей вероятности, первым приобщением Руси к христианству, которое станет ее государственной религией через почти сто тридцать лет.

* * *

Несмотря на то что древнейшая Русь, о которой идет речь, отделена от нас более чем тысячелетием, многое в характерах тогдашних русских людей и их поведении, в их культуре и быте явственно перекликается с нашей современностью. Те или иные явления и свойства не претерпели существенных изменений за тысячу с лишним лет. Так, побывавший в X веке в западных землях Руси путешественник из Испании Якуб ибн Ибрагим¹³ рассказывал как о диковине о местной бане: «...они устраивают себе дом из дерева и законопачивают щели его... Затем они устраивают очаг из камней – и на самом верху против очага открывают окно для прохода дыма. Когда же очаг раскалится, они закрывают это окно и запирают двери дома – а в нем есть резервуары для воды – и поливают этой водой раскалившийся очаг; и поднимаются тогда пары. И в руке у каждого из них связка сухих ветвей, которою они приводят в движение воздух и притягивают его к себе. И тогда открываются их поры и исходит излишнее из их тел... И не остаются ни на одном из них следы сыпи или нарыва». Точно такие же «бани по-черному» любят и сегодня многие русские люди, едва ли размышляя о том, что прямо и непосредственно продолжают более чем тысячелетнюю традицию предков, – хотя, вероятно, все же как-то чувствуя это...

И, конечно, далекая древность продолжается не только в способе «телесного очищения». В 860-х годах, то есть тысячу сто тридцать лет назад, в Киеве был построен самый первый на Руси христианский храм во имя преподобного Николая Чудотворца, который, возможно, именно потому, что его узнали на Руси раньше других, стал любимейшим в народе святым. И совершавшееся в храме духовное очищение совершалось, вероятно, именно так, как и сегодня.

Сквозь очень скудные летописные сведения о первых русских правителях все-таки проступают их живые лица. Вот тот же Кий. Летопись сообщает, что иные считают его не князем, а перевозчиком, чья ладья переправляла людей через полноводный Днепр. Но ведь он же «ходил к Царюгороду!» – возражает летописец; значит, он был князем. Летописцу, жившему через три столетия после Кия¹⁴, когда государство уже имело строгую иерархию, представлялось, что перевозчик не мог являться в Царьград и, уж конечно, стать князем. Но Кий был первым князем у полян, и не исключено, что его, бывшего перевозчика, все же избрали князем – может быть, после того, как он побывал на своей доброй ладье в Царьграде и тщетно попытался укорениться на Дунае. Почему бы, вернувшись после таких странствий, он не мог стать князем полян и основателем Киева? А человеческий характер проглядывает в кратком летописном рассказе такой, что в пору сочинять о Кие поэму...

Есть в летописи сведения и о совсем других древних героях – например, о древлянском князе по имени Мал. Древляне (обычно их называют «древлянами», но в летописных текстах чаще встречается форма «деревляне», вероятно, более правильная) жили к западу от Киева в девственных лесах и долго стремились противостоять киевским властям. Как известно, древляне во главе с Малом жестоко расправились с князем Игорем, предав его своей, «лесной» казни. По сообщению современника события, византийского императора Иоанна Цимисхия¹⁵, Игорь был «привязан к стволам деревьев и разорван надвое». Это произошло в 944 году.

А затем князь Мал совершает крайне дерзостный поступок: сватает оставшуюся без мужа Ольгу... Вместе с ближайшими сподвижниками Игоря, варягами Свенельдом и Асмудом, Ольга страшно отомстила Малу и деревлянам. Сам сложный ритуал мести, подсказанный, по-видимому, Свенельдом и Асмудом, явно не русский, а скандинавский, германский; ни об одной подобной акции в русских летописях больше не повествуется. Но вот что удивительно: история князя Мала на этом не завершается. Его юного сына Добрыню и дочь Малушу Ольга делает своими слугами, рабами, но в конце концов Малуша становится супругой Святослава и матерью Владимира, а Добрыня – верным воеводой последнего! Создается впечатление, что Ольга, отомстив Малу, вместе с тем оценила его стойкость и дерзость и захотела, чтобы ее внук был внуком и Мала (так что свадьба все же состоялась...). Перед нами, в сущности, целый драматический роман о князе Мале и его детях, сыгравших весомую роль в истории Руси. Роман этот как бы получит завершение через много лет, когда внук Ольги и Мала Владимир будет сватать дочь полоцкого князя Рогнеду, а та надменно скажет: «Не хочу разуть сына рабыни» (то есть сына Малуши) и еще раз разыграется жестокая драма.

А противоречивое столкновение характеров словно предвещает столь отдаленные во времени острые коллизии романов Достоевского...

* * *

Итак, обращаясь к самым ранним страницам истории Руси, мы обнаруживаем уже и там богатую, сложную, многостороннюю жизнь, которая способна захватить разум и душу так же, как и новейшая русская история. Притом следует помнить, что дошедший до нас первый летописный свод был составлен около 1113 года, то есть по меньшей мере через триста лет после князя Кия и через сто семьдесят лет после князя Мала, и что многие сведения о древнейшей Руси почерпнуты

из иностранных и иноязычных источников, как, например, византийское сообщение о «способе» деревянской казни князя Игоря. Дело в том, что на Руси письменность сложилась намного позже, чем, скажем, в западноевропейских государствах. В этом факте нет ничего «принижающего» Русь. Ведь западные государства возникли непосредственно на землях сокрушенного «варварами» Древнего Рима и целый ряд его достижений – в том числе высокоразвитую латинскую письменность – «варвары» получили в свои руки без всякого труда. Поначалу даже и писали за них вчерашние римляне, уцелевшие среди битв, и лишь через несколько веков латинское письмо было приспособлено к языкам заселивших Западную Европу «варварских» племен.

Между тем на землях, где складывалась Русь, никакой письменности не было¹⁶. Ее создали в 863 году византийцы, святые Кирилл и Мефодий. Русь не получила, а обрела, взяла себе письменную культуру, которая достигла у русских высокого уровня уже к середине XI века; к XIII веку на Руси имелись уже сотни тысяч рукописных книг.

Но вернемся к самой ранней поре русской государственности. Уже в IX веке были заложены основные устои и устремления всей последующей истории Руси-России, хотя многое выразилось пока не в полновесных свершениях, а скорее в открывающихся возможностях или даже только намеках. Так, Русь еще во время правления Аскольда в Киеве начала приобщаться к христианству, хотя до действительно-го утверждения его как основополагающей религии должно было пройти столетие с лишним. Наметилось и становление единой и сильной центральной власти, присущей позднейшему развитию Руси, что просматривается в действиях князя Рюрика и, тем более, его воеводы Олега, и князя Олега. Наконец, уже тогда складывается трудно понимаемый, глубоко противоречивый характер русского народа, который то безропотно, безмолвно подчиняется существующему порядку вещей, то вдруг резким и мощным движением опрокидывает весь этот порядок.

В начальный период «имаху дань варязи из заморья на чуди и на словенех, на мери и на всех и на кривичах» (то есть «взимали дань варяги из-за моря с чуди, словен, мери, веси и кривичей»; речь идет о финских и северных славянских племенах). В течение определенного времени никто этому порядку не сопротивлялся, но в какой-то момент «изгнаша варяги за море и не дата им дани». А затем еще прошло время, и «идоша за море варягом» и «реша (то есть сказали) чудь, словене, и кривичи, и весь: Земля наша велика и обильна, а наряда (то есть власти: иногда это неточно переводится с древнерусского словом «порядок») в ней нет. Да пойдете княжити и володети нами». Так в Ладоге стал править Рюрик. И снова происходит то, о чем в свое время Н. М. Карамзин в «Истории Государства Российского» написал так: «Славяне скоро вознегодовали на рабство, и какой-то Вадим, именуемый Храбрым, пал от руки сильного Рюрика вместе со многими единомышленниками».

Это чередование безропотной, безграничной покорности и столь же безграничного, беспредельного непокорства, побуждающего к борьбе не на жизнь, а на смерть, – характернейшее свойство русской истории. Нередко оно подвергается резкому осуждению и России как бы ставят в пример страны Запада, для которых типично постоянное сопротивление общества давлению власти, почему и дело гораздо реже доходит до ярого бунта.

Однако подобная постановка вопроса едва ли основательна и серьезна: легкомысленно и даже нелепо требовать от какой-либо страны – в данном случае от России, – чтобы она отошла, отказалась от присущего ей тысячелетнего своеобразия. Необходимо только ясно понимать, что своеобразие страны и народа нельзя рассматривать как заведомо «отрицательное» (и в равной мере как «положительное») явление: это именно своеобразие, в котором всегда есть свое зло и свое добро, своя ложь и своя истина, свой грех и своя святость, свое безобразие и своя красота.

Да, Россия – в отличие от тех же стран Запада – страна «крайностей», и это вызывает и проклятья, и восторги у раз-

ных людей (а нередко и у одного и того же человека в различных обстоятельствах). Но объективный и трезвый взгляд на русскую историю призван понять эту ее неотъемлемую особенность, а не хулить и, равным образом, не восхвалять ее.

* * *

В самый ранний период закладываются и основы евразийской сущности России – то есть свойственного ей слияния многообразных особенностей двух столь отличающихся друг от друга континентов. Эта двуединая природа имеет бесспорное фактическое обоснование: ведь в историческую жизнь Руси уже с конца VIII – в IX веке влились и европейская или точнее, северноевропейская струя в лице варягов, и, с другой стороны, пришедшие из Азии племена, входящие в состав соседнего и не раз вторгавшегося в южную и восточную Русь Хазарского каганата, – сами хазары, булгары, гузы, аланы и т.д., которые внесли азиатскую стихию (позднее из Азии приходили все новые и новые племена). Немалую роль на Руси сыграли хорезмийцы, которые, эмигрировав в начале VIII века из своего высококультурного азиатского государства в Хазарский каганат, ко второй трети IX века оказались в Киеве. По всей вероятности, именно от хорезмийцев были восприняты образы двух (из шести) главных языческих божеств Киева – Хорс (от его имени произошло существеннейшее русское слово «хорошо») и Симаргл.

Двуединая – евразийская – природа Руси подкреплялась и ее многовековыми взаимоотношениями с Византийской империей, которая также являла собой синтез европейской и азиатской стихий. Представления о евразийском характере Руси-России нередко весьма неточны: «евразийство» понимают как простое объединение, «приплюсовывание» европейских и азиатских этносов в составе России. На деле же только русский народ является по своей глубокой сути евразийским. Другие – западные и восточные – этносы приобретали евразийские черты, лишь войдя в состав России. Например, кал-

мыки и казахи или, позднее, армяне и грузины стали евразийскими народами только после своего вхождения в Россию (а ранее были безусловно азиатскими).

Впоследствии отечественная мысль, начиная с Чаадаева, стала разрабатывать понятие о «всемирности», «всечеловечности» русского сознания; это присущее русскому народу качество уходит корнями в его изначально евразийскую природу, которая давала возможность без отчужденности, родственно воспринимать как все европейское, так и все азиатское, что с высшей полнотой и совершенством явлено в поэтическом мире Пушкина и о чем так глубоко сказал позднее Достоевский.

Это обращение к отделенному долгими веками русскому будущему при разговоре о древнейшей поре Руси не должно восприниматься как нечто неправомерное, как безосновательное сближение не могущих быть сопоставленными явлений. Напротив, многих изучающих историю Руси-России людей следует упрекнуть в том, что они не видят либо не хотят видеть определенного единства этой истории, не замечают повторения или, вернее, воссоздания в каждую эпоху ряда существеннейших устойчивых первооснов. Правда, и стремление показать это единство истории приводит подчас к натяжкам. Так, например, едва ли уместно предложение некоторых историков видеть в Гостомысле, считавшем необходимым призвать Рюрика в качестве правителя Руси, первого «западника», а в Вадиме Храбром, восставшем против пришедшего с Запада властителя, первого «славянофила». Но сама смена добровольного подчинения сильной власти самоотверженным восстанием против этой власти выражает всегда готовую обнаружиться особенность Руси-России, особенность, которую многие склонны оценивать как роковую, трагическую и потому-де крайне прискорбную, нуждающуюся в преодолении.

Однако роковое и трагическое – неотъемлемая сторона человеческого бытия вообще (хотя в истории разных народов эти стихии проявляются глубоко различно). Как сказал Пушкин:

...И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.¹⁷

«Изъять» роковое и трагическое из истории невозможно точно так же, как невозможно изъять из судьбы человека ожидающую его смерть... И более того: без присущей ей трагедийности история Руси – как и других государств – перестала бы быть захватывающим наш разум и душу движением народа через века. Человеческая мысль давно определила трагическое как одно из проявлений прекрасного в бытии. Ведь пойти ради своих заветных целей на вполне вероятную гибель – значит преодолеть смерть, свободно избрать ее, а не подчиниться ее неизбежному приходу...

И жившие тысячелетие назад русские это ясно понимали. В 971 году князь Святослав перед заведомо неравным боем с огромным войском византийского императора Иоанна Цимисхия сказал своим воинам: «Да не посрамим земли Русская, но ляжем костями ту: мертвые бо срама не имутъ. Еже ли побегнем, срам имам». Обычно в этом видят выражение воинской героики, но нельзя не увидеть здесь и определенное понимание сути человеческого бытия в целом – и жизни, и смерти: человек, согласно слову Святослава, не может не думать о своем посмертном бытии, – каким он останется – мертвым – перед лицом мира...

Широко распространено представление, что отделенные от нас тысячелетием предки были темными, «полудикими» людьми; однако на деле вопрос должен решаться совсем по-иному. В те далекие времена сознание людей еще не выражало себя на том тщательно разработанном в новейшую эпоху «языке» богословия, философии, науки, которым теперь каждый из нас более или менее владеет. Но в иной форме, на ином языке люди и тогда выражали многое из того, что ныне может казаться достоянием только «образованного» (в современном понимании) человека...

Изложенные выше летописные сведения о первоначальной Руси относятся большей частью к X веку; более ранний

период отражен в летописи крайне скудно. Но сохранились сочинения константинопольского патриарха Фотия¹⁹, в которых повествуется о событиях, происходивших в IX веке, в 860-х годах. Как уже говорилось, летом 860 года киевский правитель Аскольд под давлением Хазарского каганата совершил мощный поход на Константинополь. И современник и даже непосредственный участник обороны Константинополя от русского войска Фотий писал по горячим следам события, совершившегося 18 июня 860 года:

«Помните ли тот час невыносимо-горестный, когда приплыли к нам варварские корабли, дышащие чем-то свирепым, диким и убийственным... когда они проходили под городом, неся и выставляя пловцов, поднявших мечи?... народ вышел из страны северной, устремляясь как бы на другой Иерусалим... держа лук и копье...»

Фотий особо подчеркивал своего рода недоумение: как эти варвары осмелились напасть на великий город и действительно стали для него грозой: «Я вижу, как народ, грубый и жестокий, окружает город, расхищает городские предместья, все истребляет, все губит... всех поражает мечом... Народ, где-то далеко от нас живущий, варварский... без военного искусства, так грозно и так быстро нахлынул на наши пределы, как морская волна...»

Следует сообщить, что византийская армия во главе с императором воевала в это время с арабами далеко от Константинополя, а флот ушел к острову Крит. И «всякая надежда человеческая оставила здешних людей... – продолжает Фотий, – трепет и мрак объял умы, и слух отверзался только для одной вести: “Варвары уже перелезли через стены, и город уже взят врагами...”» Но тут происходит неожиданный поворот событий: «Когда легко было взять его (город), а жителям невозможно защищать, то спасение города находилось в руках врагов, и сохранение его зависело от их великодушия». Фотий даже скорбит по этому поводу, ибо «возвышается человеколюбие неприятелей – так как город не взят по их милости – и присоединенное к страданию бесславие от этого великодушия не-

приятелей усиливает болезненное чувство пленения». Но так или иначе «мы увидели врагов наших удаляющимися». Фотий далее объясняет это так: «...ризу Богоматери все до одного носили вместе со мною для отражения осаждающих и защиты осажденных... Как только девственная риза эта обнесена была по стене, варвары сняли осаду города».

Несколько позже, согласно рассказу византийского императора Константина Багрянородного¹⁹, его дед, император Василий Македонянин, «народ Россов, воинственный и безбожнейший... привлек к переговорам и, заключив с ними мирный договор, убедил сделаться участниками божественного крещения...» И после этого, в начале 867 года, патриарх Фотий с глубоким удовлетворением писал, что «так называемые русы... переменили... нечестивое учение, которого держались ранее, на чистую и неподдельную христианскую веру и любовно поставили себя в ряду наших подданных и друзей вместо недавнего грабительства и великой против нас дерзости... И... они приняли епископа и пастыря».

В этом событии или, вернее, цепи событий (жестокое нападение войска Руси на Константинополь – неожиданный его уход, хотя все говорит об обреченности города, – принятие частью Руси из рук Византии христианства) есть нечто таинственное, как и в целом ряде других событий истории Руси-России. Патриарх Фотий, исходя из того, что Русь еще была языческой, объясняет все обнесением ризы Богородицы по стенам вокруг Константинополя. В глазах Фотия русы-русские – только «объект» этого молитвенного деяния жителей Константинополя. Позднейшие византийские хронисты, пытаясь отбросить мысль о «великодушном» уходе Руси от готового пасть Константинополя, выдумали, что будто бы ризу Богоматери «приложили... к поверхности моря и... внезапно поднялось... непрерывное восстание волн, и суда безбожных руссов разбились»; этот позднейший вымысел во многом повторила, увы, и наша летопись, питавшаяся византийскими хрониками. Между тем патриарх Фотий, который сам обносил ризу вокруг стен, ничего об этом явлении

не сообщает. Напротив, он с горечью говорит о том, что в то время, когда русские корабли обложили город, «море тихо и безмятежно расстило хребет свой, доставляя им приятное и вожделенное плавание».

И скорее уж надо видеть тайну в поведении пришельцев из Руси; если искать следы божественной воли, она воплотилась не в действиях византийцев, а непосредственно в поведении русских, чью волю она и направляла, хоть они и не были еще крещены...

Тютчев сказал о России:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.²⁰

«Всю тебя» относится, надо думать, не только к протяженности русского пространства, но и ко времени – всему времени русской истории, с самого ее начала. И событие 18 июня 860 года нам следует знать и помнить...

* * *

Итак, к концу VIII века на территории будущей Руси возникают два центра власти – в Ладоге, на землях самого северного племени словен, и в Киеве, где решающую роль сыграли поляне. Первый князь южной Руси Кий осуществляет мирное путешествие в Константинополь, начиная тем самым многовековую традицию исключительно важных для Руси взаимоотношений с Византийской империей, которая вплоть до XIV–XV столетий являла собой наиболее высококультурное государство в западной Евразии. Стремление Кия к Византии настолько сильно, что он пытается перенести центр своей власти на соседний с ней Дунай, основывая здесь другой Киев. Но сопротивление местного населения заставляет его вернуться на Днепр. Летопись сообщает о

целом «княжеском доме» Кия – о его братьях Щеке и Хориве и сестре Лыбеди – и о том, что в дальнейшем южной Русью правили их потомки.

Уже при этих потомках в Киев пришло войско Хазарского каганата и обложило данью полян, северян, радимичей и вятичей. Летопись сообщает, что от «дыма», то есть очага, дома, хазары брали, в частности, по «шелягу»; недавно было выяснено, что это древнееврейское слово («шеллаг») обозначает белую – серебряную – монету (выше говорилось, что реальная власть в Хазарском каганате принадлежала не хазарам, а иудеям).

Кроме того, у полян ранее была взята дань мечами, то есть, по-видимому, было изъято оружие, чтобы обессилить покоренных. Все это произошло, как полагают, около 825 года.

В северной же Руси, в Ладогe, правил в это время Гостомysl. В какой-то момент имело место нашествие варягов, которые также наложили дань на северные славянские и финские племена. Летопись говорит как об одновременном положении, создавшемся к 825 году: «Имаху (взымали) дань варязи из заморья на чюди и на словенех, на мери и на всех (веси), и на кривичех. А козари имаху дань на полянех, и на северах, и на вятичех».

Затем ладожане «изгнаша варяги за море, и не даша им дани». Однако после этого в северной Руси «въста род на род и быша в них усобице, и стали воевати почаша сами на ся» (то есть: «Встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом»). И Гостомysl предложил пригласить в правители Рюрика. Правда, вскоре Гостомysl умер, и Рюрик был приглашен уже без него, но по его завету.

Рюрик пришел с двумя братьями – Синеусом и Трувором; но существует основательное мнение, что это вымышленные фигуры. К тому же оба брата всего через два года умерли и Рюрик «нача владети един». Летопись сообщает, что его власть простиралась на древнейшие русские города Изборск, Белоозеро, Ростов, Муром, – то есть на всю северную половину Руси.

Как уже говорилось, твердая власть Рюрика вызвала восстание во главе с внуком Гостомысла Вадимом Храбрым. Часть мятежников была перебита, а часть бежала в Киев. Тем не менее есть сведения, что киевляне затем отправили к Рюрику послов с просьбой освободить их от хазарского ига и в Киев пришли Аскольд с Диром – по летописи, «боярины» Рюрика, собравшие себе в помощь много варяжских воинов.

Они стали владеть землей полян, но, как заметил еще Карамзин, «невероятно, чтобы козары, бравшие дань с Киева, добровольно уступили его... хотя летописец молчит о воинских делах Аскольда и Дира... оружие, без сомнения, решило, кому начальствовать». Сохранились, впрочем, не учтенные Карамзиным летописные сведения о том, что Аскольд воевал с болгарам и в битве с ними даже погиб его сын; а, как хорошо известно, часть болгар входила в состав Хазарского каганата и была его мощной военной силой.

И к 860 году Хазарский каганат снова подчинил себе Киев и заставил Аскольда подготовить сильный флот и совершить военный поход на непримиримо враждебную властям каганата Византийскую империю. Историки уже давно пришли к выводу, что поход Аскольда был осуществлен «по наущению хазар» (Ю. Д. Бруцкус, 1924) или, по более осторожному определению, «с ведома и при сочувствии хазар» (М. А. Артамонов, 1962). Последующее изучение этого наиболее раннего по времени крупного военного предприятия, в котором участвовала Русь, показало, что нападающие на Константинополь знали об отсутствии там в данное время главных сил византийского войска и флота и даже самого императора Михаила, – а знать об этом могли не киевляне, а хазарские власти, имевшие свою «агентуру» в Византии. Далее, действия войска в захваченных предместьях Константинополя носили заостренно антихристианский характер – сожжение храмов и монастырей, распятие пленных и т.п., в чем нельзя не видеть волю враждебного христианству хазарского иудаизма.

Свидетельствует о главенствующей хазарской роли и тот общеизвестный факт, что сразу после событий Византия

отправила посольство святых Кирилла и Мефодия не к кому-нибудь, а к хазарскому кагану. Невозможно игнорировать и византийское сообщение, в котором Аскольд квалифицируется как «воевода кагана».

Наконец, дальнейшая истории Руси ясно показывает, что в Киеве жило настоятельнейшее стремление к миру и дружбе с Константинополем-Царьградом, который ничем не угрожал Руси и мог принести ей великую пользу, – и мир этот заключался при первой же возможности.

По убеждению современных историков, уже в 860 году, после того как русское войско сняло осаду с Константинополя, между Русью и Византией был торжественно заключен первый договор «мира и любви», причем предводитель русских – то есть, очевидно, Аскольд – уже после заключения договора настаивал на личной встрече с императором Михаилом, который, правда, отсутствовал, находясь в Малой Азии во главе войска, сражающегося с напавшими на империю арабами. Словом, от подчинения воле Хазарского каганата Русь перешла к союзу с враждебной ему Византийской империей.

Однако тот факт, что пришедший позднее из Ладogi в Киев в 882 году Олег объявил себя «врагом» хазар и «не даст» окрестным племенам «козарам дани платити», ясно говорит о том, что Хазарский каганат сумел восстановить свою власть над южной Русью. И в сохранившем ряд древних сведений «Архангелогородском летописце» сообщается, что, свергнув хазарского вассала Аскольда и укрепившись в Киеве, «иде Олег на козары». Олег вырвал из-под хазарской власти полян, северян и радимичей и затем «обротаи по всей земли Рускои устави, и многи городы постави».

На этом, правда, вовсе не завершается борьба Руси с Хазарским каганатом: напротив, она достигает особой остроты в X веке. Здесь же необходимо сказать, что, сделав Киев столицей Руси («Се буди мати градом русьским») и установив государственный порядок в южнорусских землях, Олег возвратился на какое-то время в Ладogu и построил там первую из известных нам каменную крепость. Таким образом, Олег,

вошедший в предание как «вещий», явился основоположником единого Русского государства, простирающегося от Киева до Ладоги. Для этого ему пришлось, пусть и на время, сбросить с южной Руси хазарское иго.

Отправляясь в походы, Олег уже вел с собой «множество варяг, и словен, и чюдь, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и северо, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверцы», то есть всю совокупность племен и северной и южной Руси.

Таким образом, именно Олег Вещий должен рассматриваться как создатель единой Руси, хотя историки нередко недооценивали его роли. Так, фигура Олега отсутствует в сонме героев, представленных памятником «Тысячелетие Государства Российского» в Новгороде, между тем как Рюрику там отведено одно из самых почетных мест. Это обусловлено его статусом основателя династии Рюриковичей, но все же недооценка Олега заведомо неправильна. Чуткий Пушкин воспел его в своей «Песне о вещем Олеге», которую начал с очень важного мотива:

Как ныне собирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам...

Возможно, недооценка Олега объясняется той известной неопределенностью его образа, о которой шла речь выше: образ этот раздваивается – Олег как бы и воевода, и князь, он странно умирает в различных местах и т.п. Раздвоение произошло от слияния в один образ двух Олегов. Но так или иначе в древнейших письменных памятниках, восходящих к первой половине XI века, – «Слове о законе и Благодати» митрополита Илариона и «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» монаха Иакова – о князе Владимире сообщается, что он – сын Святослава и внук Игоря, а о предшественниках предков нет ни слова, хотя, казалось бы, следовало назвать здесь и прославленного прадеда – Рюрика. Это означает, что митрополит Иларион и монах Киево-Печерского монастыря Иаков

не знали с полной достоверностью, кто именно был отцом Игоря, и лишь позднейшие летописцы решили объявить его сыном Рюрика (ради сохранения единства династии). Между тем шестьдесят лет, протекавшие между рождением Игоря (если бы он действительно был сыном Рюрика) и рождением его сына Святослава, явно неправдоподобны. А признать Игоря сыном Олега (разумеется, князя, а не другого Олега – воеводы) авторы XI века не могли, поскольку в исторической памяти два Олега уже слились в один противоречивый образ. Но именно он, Вещий Олег, должен быть признан основателем единого государства Руси. Хотя это и не значит, что до Олега государства не было: оно складывалось и развивалось на юге и на севере; более того, два центра государственности в той или иной мере имели связи друг с другом. Роль же воеводы-правителя Олега выразилась в окончательном объединении русских земель под властью Киева, и это было началом новой эпохи в истории России.

Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи

Иларион – создатель древнейшего (по крайней мере из дошедших до нас) великого творения отечественной литературы – «Слова о законе и Благодати». Согласно новейшим исследованиям, оно было написано в 1049 году – ровно 940 лет назад. «Слово» Илариона открывает историю русской литературы – одной из величайших литератур мира – и открывает ее поистине достойно, ибо проникнуто глубоким и богатым смыслом, воплощенным с совершенным словесным искусством.

Иларион, родившийся, по всей вероятности, в конце X века, становится известен – по свидетельству «Повести временных лет» – как священник дворцовой церкви Святых Апостолов в княжеской резиденции Берестово у Днепра, на юго-восточной окраине Киева (несколько ближе к центру города, чем Киево-Печерская лавра); до наших дней сохрани-

лась здесь в перестроенном виде другая, созданная уже после смерти Илариона, между 1113–1125 годами, церковь Спаса на Берестове. Дворец, а также, скорее всего, и первая церковь в Берестове были построены еще окрестившим Русь князем Владимиром Святым, который и скончался в этом дворце 15 июля 1015 года. Не исключено, что Иларион оказался в Берестове еще при жизни Владимира, поскольку в своем «Слове о законе и Благодати» он обращается к покойному князю как к близко знакомому ему человеку.

Доподлинно известно, что Иларион стал ближайшим сподвижником сына Владимира, Ярослава Мудрого, правившего на Руси с 1016 по 1054 год (с небольшим перерывом). Так, в основополагающем юридическом документе – Уставе князя Ярослава – сказано: «Се яз князь великий Ярослав, сын Володимерь... сгадал есмь с митрополитом с Ларионом...»* Один из списков Устава содержит дату, согласно которой Ярослав с Иларионом совещались об Уставе значительно ранее того времени, когда Иларион стал митрополитом (в 1051 году), – еще в 1032 году**, а титул, возможно, был вставлен в Устав позже.

«Повесть временных лет» в записи под 1037 годом*** ярко воссоздает тот культурный мир, в котором совершилось становление писателя и мыслителя Илариона: «...любил Ярослав церковные уставы, попов любил немало: особенно же черноризцев, и книги любил, читая их часто и ночью и днем. И собрал писцов многих, и переводили они с греческого на славянский язык. И написали они книг множество... Велика ведь бывает польза от учения книжного... Это ведь реки, напояющие вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина...» Далее есть и как бы конкретизация: «...князь Ярослав любил Берестово и церковь, которая была там Святых Апостолов, и помогал попам многим, среди ко-

* Древнерусские книжные уставы X–XV вв. М., 1976. С. 86.

** См.: Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI–XIV вв. М., 1972. С. 227.

*** Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы XI – начала XII века. М., 1978. С. 167.

торых был пресвитер именем Иларион, муж благой, книжный и постник»*.

Уже в 1030-х годах Иларион создал, как убедительно доказал А. А. Шахматов**, своего рода ядро русской летописи, которое Д. С. Лихачев назвал позднее «Сказанием о распространении христианства на Руси»***.

Ярослав (см. выше) «особенно» любил черноризцев, то есть монахов, но и Иларион, будучи священником дворцовой церкви, вместе с тем, как сказано в «Повести временных лет», ходил «из Берестового на Днепр, на холм, где ныне находится старый монастырь Печерский, и там молитву творил... Выкопал он пещерку малую, двухсаженную, и, приходя из Берестового, пел там церковные часы и молился Богу втайне».

Далее поведано, что именно в эту пещеру пришел первый игумен Киево-Печерского монастыря, Антоний, а к нему присоединились создатель первой летописи, наставник Нестора Никон Великий и прославленный подвижник Феодосии Печерский.

Основанный, по сути дела, Иларионом Киево-Печерский монастырь явился важнейшим центром русской культуры того времени; при этом, как доказывает в цитированном труде Д. С. Лихачев, и Никон Великий, и Нестор развивали в своих творениях духовное наследие Илариона. Таким образом, Иларион был родоначальником отечественной литературы и в самом прямом, «практическом», смысле.

Тем не менее – как это ни странно (и печально!) – творчество Илариона до самого последнего времени было явлением, неведомым даже высокообразованным людям.

Одно из отраднейших выражений современного роста культуры – самое широкое, обретающее поистине всенародный характер приобщение к великому творению древнерус-

* Перевод Д. С. Лихачева.

** Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 417–419.

*** См.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 66–71.

ской литературы – «Слову о полку Игореве». Когда несколько лет назад газета «Неделя» предложила своим читателям участвовать в конкурсе на лучший перевод (или, вернее, переложение) на современный русский язык одного из прекраснейших фрагментов «Слова» – «Плача Ярославны», в редакцию было прислано около тысячи переложений! Это ясно свидетельствует о самом родственном отношении к литературному произведению, созданному 800 лет назад...

Нельзя не упомянуть и о том, что различного рода (в том числе роскошные) издания «Слова о полку Игореве» вышли за последние десятилетия общим тиражом в несколько миллионов экземпляров и каждое из них мгновенно исчезало с прилавков.

Но есть и другая сторона проблемы. «Слово о полку Игореве», к сожалению, воспринимается подавляющим большинством читателей – в том числе даже самых просвещенных – как «исток» или «пролог» (эти определения можно найти и в научных трудах) отечественной литературы. Между тем в действительности «Слову о полку Игореве» предшествует по меньшей мере *двухвековое* литературное развитие – и развитие весьма интенсивное и богатое.

Согласно «Повести временных лет», в 988 году князь Владимир повелел «собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное», а уже в XIII веке, по убедительным подсчетам Б. В. Сапунова, «книжные богатства Древней Руси следует определить в 130–140 тысяч томов»*. Таким образом, «Слово о полку Игореве» (конец XII века) создавалось в условиях широко развившейся книжной культуры.

К моменту его появления были уже созданы и проникновенное «Сказание о Борисе и Глебе», и монументальная «Повесть временных лет» Нестора, и дышащее эпической силой «Поучение» Владимира Мономаха, и многосмысленное «Хождение» Даниила, и исполненные высоты духа и слога «Слова» Кирилла Туровского, и десятки других – пусть и менее значительных – литературных произведений. Таким об-

* Сапунов Б. В. Книга в России в XI–XIII вв. Л., 1978. С. 82.

разом, «Слово о полку Игореве» возникло на почве давней и широкой литературной традиции. Оно отнюдь не было неким «началом», напротив, в нем воплотилось высокоразвитое и предельно изощренное словесное искусство, – как и в появившихся несколько позже «Молении» Даниила Заточника и «Слове о погибели Русской земли».

Нам нередко кажется, что движение истории – и в частности истории культуры – протекает решительно и быстро только лишь в новейшие, близкие к нам времена, а в отдаленные от нас эпохи оно, это движение, было медленным и как бы незаметным. Но это, конечно, ошибочное представление. Правда, отдельные сферы человеческой деятельности в новейшее время развиваются в самом деле стремительно, – скажем, точные науки и техника или внешние формы быта. Но, если говорить об истории *культуры* в узком, собственном смысле, едва ли можно оспорить, что на ранних этапах своего развития она движется весьма мощно и быстро.

Нет сомнения, что русская литература в первые два века своей истории развивалась с очевидной быстротой. И в самом деле: прошло немногим более полувека с зафиксированного в летописи начала этой истории, и уже явилось подлинно великое творение отечественной литературы, получившее заглавие «Слово о законе и Благодати» (сам автор, Иларион, определил свое сочинение как «повесть», но позднее за ним прочно закрепился термин «Слово»).

Творец «Слова о законе и Благодати» Иларион, которого основоположник советской исторической науки Б. Д. Греков назвал (это было сделано впервые) «гениальным»*, являет собой – в совокупности своих многообразных свершений (о них уже говорилось) – одного из немногих самых крупных деятелей отечественной культуры за *всю ее историю*. Но особенно существенно, что Иларион был *первым* по времени деятелем такой духовной высоты и творческой мощи.

«Слово» Илариона на *полтора столетия* – или почти на *полтора столетия* – «старше» «Слова о полку Игореве» (вто-

* Греков Б. Д. Культура Киевской Руси. М.–Л., 1944. С. 66.

рая половина 1180-х – 1190-е гг.), то есть временное «расстояние» между этими творениями такое же, как, скажем, между одой Державина «Бог» (1780) и драматической поэмой Есенина «Пугачев» (1921). Можно бы даже поразмышлять о том, что от Державина до Есенина новая русская литература совершает своего рода циклический путь, который уместно сравнить с путем, пройденным литературой Киевской Руси от «Слова о законе и Благодати» до «Слова о полку Игореве»...

Но, как уже было отмечено, творение Илариона, в отличие от «Слова о полку Игореве», было до сего дня известно только специалистам по истории древнерусской культуры. Очень характерен в этом смысле недавно опубликованный рассказ Арсения Гулыги о его знакомстве с произведением Илариона.

Этот известный историк философии и культуры размышлял о «скептиках», отрицающих подлинность «Слова о полку Игореве», и упомянул их характерный аргумент: «Как могло возникнуть гениальное “Слово о полку Игореве”, когда до него в русской словесности ничего значительного не было, на пустом месте ничего возникнуть не может. Я спросил, – продолжает Арсений Гулыга, – мнение западногерманского слависта Л. Мюллера, что он думает по этому поводу. “Как ничего не было? Какое пустое место? – возмутился он. – А “Слово о законе и Благодати” Илариона?” Он дал мне свой перевод “Слова”... Было дело в Тюбингене, к стыду своему, здесь я, русский профессор, на шестом десятке своей жизни впервые прочитал по-немецки эту подлинную жемчужину... Ну, а где прочитать?.. Это... недопустимая культурно-историческая лакуна. Мы не знаем, с чего начинались наша литература и наша философская мысль. А мысль Илариона бьется напряженно, предвосхищая на много веков этические искания...»*

Да, у творения Илариона – труднейшая судьба. Правда, в допетровскую эпоху судьба эта была совсем иной. До нас дошло более 50 относящихся к XIII–XVI векам рукописей – так сказать, древнерусских «изданий» – «Слова» Илариона.

* Новый мир. 1987. № 10. С. 248–249.

А по расчетам одного из виднейших современных специалистов по древней письменности, Л. П. Жуковской, время, а также бесконечные войны, усобицы, пожары, наконец, начавшееся в XVIII веке небрежение древнерусской культурой привели к тому, что из общего количества древних книг до наших дней дошло никак не более *одного процента**. Таким образом, можно с полным основанием предположить, что реальный «тираж» творения Илариона превышал 5 тысяч; для тех времен это, конечно, очень и очень немало.

Известно также, что «Слово о законе и Благодати» упоминается, цитируется, пересказывается во множестве литературных произведений XII–XVII веков**. Короче говоря, до XVIII века «Слово» Илариона представало как одно из *важнейших* явлений отечественной литературы.

Но в новую эпоху развития русской культуры, начавшуюся со времени Петра Великого, «Слово» Илариона оказалось достоянием только чисто научного знания – к тому же в весьма ограниченном кругу исследователей Древней Руси.

Правда, уже в 1806 году известный историк и искусствовед, будущий президент Академии художеств А. Н. Оленин обратил внимание на «Слово» Илариона, а в 1816-м о «Слове» пишет Карамзин в первом томе своей «Истории Государства Российского», называя его (что, разумеется, не вполне верно) «Житием Святого Владимира».

Наконец, в 1844 году историк и филолог А. В. Горский (1812–1875) подготовил первое печатное издание «Слова о законе и Благодати» и издал его вместе с переводом на современный русский язык.

Перевод в данном случае дело необходимое, поскольку архаичность языка Илариона такова (его произведение, напомним, на полтора столетия старше «Слова о полку Игореве»),

* Жуковская Л. П. Сколько книг было в Древней Руси? // Рус. речь. 1971. № 1. С. 73–80.

** См.: Никольская А. Б. Слово митрополита Киевского Илариона о позднейшей литературной традиции // Slavia. Praha, 1928–1929, гоđ. 7, seř. 3–4.

что современный читатель, не обладающий специальными познаниями, едва ли способен правильно понять текст «Слова о законе и Благодати».

В дальнейшем было предпринято еще несколько изданий различных списков «Слова» (в 1848, 1888, 1893, 1894 и 1911 годах)*, но издания эти предназначались, по сути дела, только для узких специалистов (они, в частности, не сопровождались переводами). А после 1911 года публиковались только лишь *небольшие фрагменты* «Слова» в хрестоматиях по древнерусской литературе.

В 1962 году в ФРГ вышло в свет издание «Слова», подготовленное упомянутым выше Лудольфом Мюллером. На следующий год отечественный ученый Н. Н. Розов издал текст «Слова» – но не на родине, а в Чехословакии... И лишь в наше время, в 1984 году, появилось в Киеве первое подлинно научное издание «Слова о законе и Благодати», тщательно подготовленное А. М. Молдованом.

На основе этого издания Т. А. Сумникова сделала новый – первый после перевода А. В. Горского, появившегося в 1844 году, – перевод «Слова», который был опубликован в изданном в 1985 году Институтом философии АН СССР ротاپринтном сборнике «Культура как эстетическая проблема»; в 1986 году этот перевод был еще раз опубликован тем же институтом в состоящем из двух частей ротاپринтном издании «Идейно-философское наследие Илариона Киевского». Наконец, в 1987 году в «Богословских трудах» (сборник двадцать восьмой) был опубликован другой перевод «Слова», принадлежащий А. Белицкой.

Вполне понятно, что все перечисленные издания недоступны хоть сколько-нибудь широкому кругу читателей. И тем не менее нельзя не видеть, что за последние четыре года судьба «Слова о законе и Благодати» Илариона решительно меняется. Об этом ясно свидетельствует и появление в 1984–1988 годах целого ряда специальных работ о «Сло-

* Помимо того, в 1906 году опубликован небольшой фрагмент «Слова» по древнейшей из сохранившихся рукописей XIII века.

ве»; за это пятилетие их издано больше*, чем за предшествующие сто лет!

Дело не только в том, что исследование «Слова» Илариона было в течение долгого времени явно недостаточным; с начала XX века оно во многом пошло по неверному пути.

В 1872 году студент Петербургского университета Иван Жданов написал кандидатскую – то есть, в нашем нынешнем обозначении, дипломную – работу «“Слово о законе и Благодати” и “Похвала князю Владимиру”». Талантливый юноша предложил в ней увлекательную, но, безусловно, лишенную реальных оснований интерпретацию творения Илариона, представив его тщательно *зашифрованную* (в виде нападок на Ветхий завет) атаку на Византию и ее церковь, – связав, в частности, эту атаку с походом сына Ярослава, Владимира, на Константинополь в 1043 году**.

И. Н. Жданов издал позднее несколько десятков серьезных работ, в 1881 году блестяще защитил магистерскую диссертацию (соответствует теперешней кандидатской), в 1895-м – докторскую, в 1899 году был избран в действительные члены Академии наук, но – что вполне естественно – никогда не пытался издать свою юношескую ученую фантазию. Только после его смерти студенческая рукопись была найдена в его архиве, и ею решили открыть первый том собрания сочинений покойного, изданный в 1904 году.

И вот в течение долгого времени в различных книгах и статьях давались ссылки на «труд академика И. Н. Жданова» (хотя надо было бы ссылаться на «сочинение студента Ивана Жданова»), оцениваемый как неоспоримое «открытие».

Только в 1968 году вышло в свет (посмертно) созданное в 1962–1963 годах исследование академика (тут уже, как говорится, без обмана) М. Н. Тихомирова «Философия в Древней Руси», где крупнейший наш историк решительно отверг, как он писал, «высказывания, согласно которым “Слово о законе

* Если не считать «обязательных» параграфов об Иларионе в различных курсах истории древнерусской литературы и культуры.

** О причинах этого похода еще будет идти речь.

и Благодати” направлено против Византии как бы в виде противоположения новой русской церкви старой греческой. Но такое предположение, – утверждал М. Н. Тихомиров, – опровергается самим текстом “Слова”, в котором упоминается о Константинополе как о Новом Иерусалиме». К этому своему утверждению М. Н. Тихомиров дал следующую сноску: «Про Владимира говорится, что он с Ольгой принес крест от “Нового Иерусалима Константина града”. В таких словах нельзя было говорить против Византии...»*

К этому стоит добавить, что в «Слове» Илариона совершенно недвусмысленно говорится о «благоверной земле Греческой (то есть Византии. – В. К.), христолюбивой и сильной верой; как там Бога единого в Троице чтут и ему поклоняются, как у них свершаются и чудеса и знамения, как церкви людьми наполнены, как все города благоверны, все в молитве предстоят, все Богу служат!» Поистине абсурдно мнение, что произведение, содержащее такое славословие Византии и ее церкви, могло будто бы нести в себе некий скрытый антивизантийский прицел!

М. Н. Тихомиров, цитируя (в собственном переводе) символические формулы Илариона – в частности, «озеро законное иссохло, евангельский же источник наводнился», – доказывал: «В этих словах Илариона заключается противопоставление Хазарского царства Киевской Руси. Иссохшее озеро – это Хазарское царство, наводнившийся источник – Русская земля. Прежние хазарские земли должны принадлежать Киевской Руси; Иларион и называет киевского князя Владимира Святославича “каганом” – титулом хазарского князя, трижды повторяя этот титул. Владимир Святославич в “Слове о законе и Благодати” не просто князь киевский, он также и хазарский каган»**.

Таким образом, М. Н. Тихомиров раскрыл, что в основе содержания «Слова о законе и Благодати» – *главная* и наи-

* Тихомиров М. Н. Русская культура X–XVIII веков. М., 1968. С. 130–131.

** Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 132.

более *острая* политическая и идеологическая проблема древнерусской жизни IX – начала XI века, проблема взаимоотношений и борьбы с Хазарским каганатом. Как раз в то время, когда М. Н. Тихомиров работал над цитируемым исследованием, вышел фундаментальный трактат М. И. Артамонова «История хазар» (Л., 1962), в котором были подведены итоги двухвекового изучения проблемы. Но можно с полным правом сказать, что наиболее основательное и объективное освоение хазарской проблемы, опирающееся на громадный опыт археологических исследований, было осуществлено уже *после* создания работы М. Н. Тихомирова – во второй половине 1960-х – 1980-х годах.

В целом ряде книг и многочисленных статьях наших археологов и историков, с разных сторон изучавших и сам по себе Хазарский каганат, и его отношения с Русью, предстала заново открытая историческая реальность становления Древнерусского государства*.

Стоит сопоставить суждения Б. А. Рыбакова из его двух работ, первая из которых написана в начале 1950-х годов, а вторая – в начале 1980-х: «Историческая роль Хазарского каганата нередко излишне преувеличивалась, – писал в 1952 году Б. А. Рыбаков. – Хазарию представляли огромной державой, почти равной по значению Византии и Арабскому халифату». На деле это было, по тогдашнему убеждению Б. А. Рыбакова, «небольшое степное государство, не выходявшее за пределы правобережных степей» (имеется в виду правый берег Волги), и заведомо-де ложны попытки «представить Хазарию X века *огромной империей*»**.

* См., напр., книги: П л е т н е в а С. А. От кочевий к городам. М., 1967; Она же. Хазары. М., 1976. 2-е изд., 1986; Она же. Кочевники Средневековья. М., 1982; Г у м и л е в Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1966; Г а д л о А. В. Эпическая история Северного Кавказа. Л., 1979; М а г о м е д о в М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983; Маяцкое городище: Тр. сов.-болг.-венг. экспедиции. М., 1984; М и х е в В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985, а также многочисленные статьи этих и десятков других исследователей.

** Р ы б а к о в Б. А. Русь и Хазария // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. ст. М., 1982. С. 76, 88. Выделено мной. – В. К.

Однако ровно через тридцать лет Б. А. Рыбаков писал о походе Святослава на хазар в 960-х годах: «Результаты похода были совершенно исключительны: *огромная* Хазарская империя была разгромлена и навсегда исчезла с политической карты Европы»*.

Дело не просто в изменении взглядов историка, но в капитальных открытиях, осуществленных целым рядом исследователей – прежде всего археологов. С. А. Плетнева завершила свой обстоятельный труд о салтово-маяцкой археологической культуре, созданной населением Хазарского каганата, словами о том, что каганат был «могучей державой» и сумел «на протяжении почти двух веков противостоять крупнейшим государствам того времени – Византийской империи и Арабскому халифату»**.

Сейчас более или менее общепризнано, что Хазарский каганат, начавший свою историю в середине VII века, переживший коренные преобразования к середине следующего, VIII века, и достигший наивысшего могущества на рубеже VIII–IX веков, так или иначе подчинил себе – либо по крайней мере сделал зоной своего влияния – громадную территорию, простирающуюся с востока на запад от Урала до Карпат и с юга на север от Кавказа почти до верхнего течения Волги. Арабский путешественник Ибн-Фадлан, посетивший в 922 году Хазарский каганат, писал о хазарах и их царе (кагане): «Все, кто соседит с ними, находятся в покорности у него (царя), и он обращается к ним как к находящимся в рабском состоянии, и они повинуются ему с покорностью»***.

В течение определенного времени данниками хазар были, как свидетельствует, в частности, «Повесть временных лет», и юго-восточные племена Руси – поляне, северяне,

* Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XVIII вв. М., 1982. С. 377. Выделено мною. – В. К.

** Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967. С. 190.

*** Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и коммент. А. П. Ковалевского. М.–Л., 1939. С. 86.

радимичи и вятичи. Показания русской летописи совпадают с известным письмом хазарского царя (каган-бека), относящимся к более позднему времени (940–950-е годы), в котором также сообщается о вятичах, северянах и славянах*, что «они мне служат и платят мне дань»**.

Один из интереснейших нынешних исследователей начальной истории Руси Д. А. Мачинский доказывает, что установление хазарского ига над этими племенами приходится на «вторую четверть, или первую половину IX в., т.е., условно, не позднее 825 г.»***. Известный историк Г. В. Вернадский датировал это событие примерно 840 годом****.

В 880-х годах князь Олег, пришедший с мощной дружиной из Ладоги в Киев, вырвал полян, северян и радимичей из-под хазарской власти (вятичи были освобождены лишь Святославом в 964 году). Однако имеются прочные основания полагать, что впоследствии Русь неоднократно терпела поражения от огромных хазарских полчищ, в состав которых входили аланы, болгары (разумеется, не те, которые ушли за Дунай и ославянились), гузы, печенеги и другие народы и племена, а в 920–930-х годах иго восстановилось и существовало вплоть до победного похода Святослава в середине 960-х годов.

Арабский историк Масуди в своей книге «Промывальни золота и рудники самоцветов», написанной в 943–947 годах, свидетельствовал, что «русы и славяне... – войско и рабы» хазарского царя*****.

* Имеются в виду, по всей вероятности, поляне и радимичи, территории которых были отделены от центра Хазарского каганата территориями северян и вятичей, в силу чего племена эти были не так хорошо известны хазарам и вместо конкретных племенных имен в письме дано «родовое» имя – славяне.

** Коковцов П. Н. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 98–99.

*** Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 48.

**** Ver n a d s k y O. V. Ancient Russia. New Haven. 1943. P. 331–332.

***** См. уже ставший классическим двухтомный труд: За х о д е р Б. Н. Капский свод сведений о Восточной Европе: Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962. С. 224.

Понятие «хазарское иго» непривычно для большинства читателей, которые знают только татаро-монгольское иго. Но в замечательном труде С. А. Плетневой «Кочевники Средневековья: Поиски исторических закономерностей» со всей конкретностью показано, что «Золотая Орда во многом повторяет историю развития Хазарского каганата»*. Выдающийся археолог и историк обоснованно раскрыла, что Хазарский каганат и татаро-монгольская Золотая Орда занимали примерно одну территорию, имели, в сущности, тех же вассалов, союзников и врагов, такие же стратегические и торговые центры и т.д.** «Наконец, – пишет С. А. Плетнева, – Золотая Орда просуществовала недолго – всего около 200 лет, т.е. примерно столько же, сколько длился второй период жизни Хазарского каганата*** – период с середины VIII столетия, когда каганат превратился в громадную империю.

Нельзя не сказать о том, что хазарское иго было, без сомнения, гораздо более опасным для Руси, чем татаро-монгольское, – в частности, потому, что Русь представляла собой только еще *складывающуюся* народность, государственность и культуру. В то же время следует признать, что сама необходимость сопротивления и преодоления выковывала характер страны – по пушкинскому слову:

...в искушеньях долгой кары
Перетерпев судьбы удары,
Окрепла Русь. Так тяжелой млат,
Дробя стекло, кует булат.

В новейшей работе известного историка Древней Руси А. Н. Сахарова приводится запись «Повести временных лет» под 965 годом – «Иде Святослав на козары» – и справедливо говорится:

«За этой лаконичной и бесстрастной фразой стоит целая эпоха освобождения восточнославянских земель из-под ига

* П л е т н е в а С. А. Кочевники Средневековья. М., 1982. С. 117.

** Там же. С. 117–120.

*** Там же. С. 120.

хазар, превращения конфедерации восточнославянских племен в единое Древнерусское государство... Хазария традиционно была врагом в этом становлении Руси, врагом постоянным, упорным, жестоким и коварным... Повсюду, где только можно было, Хазария противодействовала Руси... Сто с лишним лет шаг за шагом отодвигала Русь Хазарский каганат в сторону от своих судеб...»*

Более или менее общеизвестен поход Святослава, сокрушивший могущество Хазарского каганата. Однако борьба с хазарами на этом не закончилась (о чем, кстати сказать, знают и поныне уж совсем немногие – в основном только историки – специалисты по этому периоду). Сын Святослава Владимир, как сказано в его житии, написанном хотя бы в некоторой его части еще в XI веке Иаковом Мнихом, «на Козары шед, победи я и дань на них положи»**. По убедительному мнению М. И. Артамонова, этот поход был предпринят через двадцать лет после Святославова похода – в 985 году; кстати сказать, сообщение Иакова Мниха подтверждается свидетельством *современника* похода Владимира – арабского географа Му-каддаси (аль Макдиси) в его сочинении, написанном в 985–989 годах***.

Но столкнуться с хазарами пришлось еще через сорок лет и сыну Владимира – Ярославу Мудрому. Его брат Мстислав княжил в Тмутаракани (на Таманском полуострове, где был один из центров Хазарии), и в 1023 году, как сообщает «Повесть временных лет», «пошел Мстислав на Ярослава с хазарами и касогами». Мстислав пытался овладеть Киевом, но потерпел неудачу и «сел на столе в Чернигове». Во время битвы при Листвене в 1024 году он выставил против варяжской дружины Ярослава черниговскую (северянскую) дружину: воины изрубили друг друга, и Мстислав сказал записан-

* Сахаров А. Н. Мы от рода русского...: Рождение русской дипломатии. Л., 1986. С. 263.

** Память и похвала Иакова Мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку // Крат. сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР. 1963. № 37. С. 71.

*** См.: Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 435.

ную в «Повести временных лет» фразу: «Кто тому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела», – то есть цела хазарско-касожская дружина.

Ярославу пришлось отдать в 1026 году во владение Мстиславу все русские земли по левому берегу Днепра. И тот десять лет правил ими со своей хазарско-касожской дружиной.

Лишь после смерти Мстислава в 1036 году – то есть всего за какой-нибудь десяток лет до создания «Слова о законе и Благодати» Илариона – Ярослав «стал, – по определению «Повести временных лет», – самовластцем в Русской земле».

Короче говоря, проблема хазар оставалась остросовременной во времена Илариона – ближайшего сподвижника Ярослава Мудрого. М. Н. Тихомиров в уже цитированной работе писал, что «после смерти Мстислава... окончательно было ликвидировано хазарское владычество...» Об этом, по убеждению М. Н. Тихомирова, и говорится в «Слове» Илариона: «Отошел свет луны, когда воссияло солнце, так и закон уступил место Благодати. И ночной холод исчез, когда солнечная теплота согрела землю».

«Для современника, – заключает М. Н. Тихомиров, – были понятны намеки Илариона, что он считает ночным холодом и солнечной теплотой. В этих словах едва ли заключено противоположение Византии и Руси, как предполагают иные авторы... Это намек на то, что Ярослав, опиравшийся на христианскую Русь, победил Мстислава, действовавшего с помощью печенегов и хазар, среди которых была распространена иудейская вера»*.

Стоит, впрочем, добавить, что в Тмутаракани хазары сохраняли свои позиции и позже: согласно «Повести временных лет», в 1079 году, то есть через тридцать лет после создания «Слова» Илариона, они свергли и выслали князя Олега Святославича – внука Ярослава Мудрого – и лишь в 1083 году он вернул себе власть, причем, как сказано в «Повести временных лет», «иссек хазар». Как бы утверждая свою победу над хазарами, он – как ранее Владимир и Ярослав –

* Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 131.

принял титул «кагана», с которым он и упоминается в «Слове о полку Игореве»*. После этого времени хазарские силы сохранялись лишь в Крыму, который долго (до XVI века) назывался Хазарией.

Итак, для Илариона противостояние Руси и Хазарского каганата имело самое живое значение. И главное было, конечно, не в самом том факте, что борьба с хазарами продолжалась в его время, ибо в XI веке хазары уже не представляли грозной опасности. Но это *продолжение* борьбы побуждало постоянно помнить о хазарском владычестве, которое Русь пережила – с перерывами – от 820–830 годов до победоносного похода Святослава в 960-х годах. Прямое напоминание об этом – и напоминание драматическое или даже трагическое – содержится в «Молитве» Илариона, примыкающей к «Слову о законе и Благодати». Иларион обращается здесь к Богу:

«И доколе стоит мир... не предай нас в руки чужеземцев, да не прозовется город твой городом плененным».

Под городом имеется в виду, понятно, Киев, который был впервые захвачен хазарами в 820–830-х годах, о чем рассказано в самом начале «Повести временных лет», где Киев назван еще «городком», ибо он возник на рубеже 790–800-х годов**.

Как уже говорилось, позднее, за двадцать пять – тридцать лет до похода Святослава, Хазарский каганат в очередной раз подчинил себе Киев. Это явствует, в частности, из написанного в 948–952 годах сочинения византийского императора Константина Багрянородного, в котором говорится об имеющейся в Киеве крепости, носящей имя Самбатас. Как убедительно показано в недавней работе А. А. Архипова, Самбатас – хазарское название, имеющее значение «пограничный город» (Киев находился на тогдашней западной

* См. подробнее изложение этих событий в новейшей работе: Г а д л о А. В. К истории Тмутараканского княжества во второй половине XI в. // Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. 1. Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. С. 194–213.

** См. об этом: Т и х о м и р о в М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 52–53 (работа 1960 года); Ш а с к о л ь с к и й И. П. Когда же возник город Киев? // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 70–73.

границе Хазарского каганата)*. Тот же Константин Багрянородный свидетельствует, что юный князь Святослав «сидел» тогда не в Киеве, бывшем под властью хазар, но в Невограде, в котором до недавнего времени неосновательно видели Новгород; на деле, как показано в последних исследованиях вопроса, речь шла о Невограде – дальнем городе на берегу озера Нево, то есть Ладожского, – древнейшей Ладоге**, которая имела второе название – Невоград (как и озеро). Ладожане, между прочим, в период подчинения собственно Киевской Руси хазарам вели борьбу с ними, о чем говорится в уже упомянутом мною выше письме каган-бека Иосифа – правителя Хазарского каганата, который писал около 950 года (то есть именно тогда, когда Святослав находился в Ладоге): «Вот какие народы воюют с нами: асия, Баб-ал-Аб-ваб, зибус, турки, лузния»***. По определению ряда авторитетных исследователей, последнее название означает «ладожан»****.

В то время, когда Святослав «сидел» в Ладоге, его мать, княгиня Ольга, как хорошо известно, пребывала не в контролируемом хазарами Киеве, а в своем хорошо укрепленном замке Вышгороде, воздвигнутом в двадцати километрах к северу от Киева, с его хазарской крепостью Самбатас.

От времени владычества хазар в Киеве остались отмеченные в «Повести временных лет» (под 945 годом) названия городских урочищ «Козаре» и «Пасынча беседа». «Пасынча», по убедительной догадке американского тюрколога Омеляна Прицака, произошло от хазарского «basinc» – взиматель налога, дани (от глагола «bas» – «господствовать», «подавлять»****);

* Архипов А. А. Об одном древнем названии Киева // История русского языка в древнейший период. М., 1984. С. 224–240.

** См.: Кирпичников А. И. Ладога и Ладожская земля VIII–X вв. // Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. 1. С. 55.

*** Кокорцов П. К. Указ. изд. С. 122–123.

**** Предыдущие – это, по-видимому, узы (гузы), жители Дербента, зихи (ср. джихеты – черкесское племя), мадьяры.

***** В исследовании Н. А. Баскакова «Тюркская лексика в “Слове о полку Игореве”» (М., 1985), начальная часть которого (с. 5–48) посвящена эпохе хазарского ига, отмечено хазарское – «тот, кто господствует» (с. 44).

ср. утвердившееся во время татаро-монгольского ига слово «баскак»); слово «беседа» в древнерусском языке означало (помимо «разговора») «шатер» (юрту), «палатку» (ср. «беседка»). Кроме того, в древнем Киеве была местность «Копырев конец», а слово «копыр» О. Прицак не без основания выводит из распространенного в Хазарском каганате «kabar» или kabуг»; «Киевское письмо» X века, которое исследует О. Прицак, написал, в частности, «Kiabar Kohen»*.

Хазарское «присутствие» в Киеве подтверждается и археологическими материалами, притом – это особенно существенно – в киевском некрополе IX–X веков были обнаружены хазарские погребения, явно свидетельствующие о постоянном, длительном пребывании хазар в Киеве**.

Заключая обсуждение этой проблемы, имеет смысл сказать несколько слов об известной записи так называемых Бертинских анналов. Запись свидетельствует, что в 839 году к германскому императору Людовику Благочестивому прибыло посольство византийского императора Феофила, в составе которого были и «некие» люди, говорившие, что «их, то есть их народ, зовут рос и... царь их, по имени Хакан, отправил их к нему (Феофилу) ради дружбы. В упомянутом письме (Феофил) просил, чтобы император милостиво дал им возможность воротиться (в свою страну) и охрану по всей своей империи... Тщательно расследовав причину их прибытия, император узнал, что они принадлежат к народности шведской»***.

Информация о правившем в 839 году (когда Русь находилась, согласно хотя бы «Повести временных лет», под властью хазар) «хакане народа рос» дала основание В. О. Ключевскому утверждать в своем «Курсе русской истории», что речь шла о хазарском кагане, «которому тогда подвластно было днепровское славянство». Но в последнее время не раз

* Golb N., Pritsak O. Khasarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca–London, 1982. P. 57–58.

** См., напр.: Каргер М. К. Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры Древнерус. государства. М.–Л., 1958. Т. 1. С. 136–137.

*** Памятники истории Русского государства IX–XII вв. Л., 1936. С. 23.

утверждалось, что в «анналах» имелся в виду киевский князь, уже тогда-де принявший титул кагана.

Вопрос нашел убедительное решение в новейшей работе Д. А. Мачинского и А. Д. Мачинской, которые, в частности, пишут: «Возвращаться через Нижний Рейн из Константинополя в Киев (как полагают некоторые) было бессмысленно, в то время как путь из низовьев Рейна в Ладогу был уже проторен... Послы хакана “народа рос” при проверке показались “свеонами”, что опять же говорит о Северной Руси, так как для 830-х гг. присутствие заметной прослойки скандинавов в Киеве исключено, а в Ладоге они археологически улавливаются с 750-х гг. Итак, не киевский князь, а правитель Северной Руси к 830-м годам «принял, в подражание хакану Хазарии, высокий титул “хакана” и отправил послов в Константинополь». Ладога (Невоград), как уже говорилось, никогда не была в подчинении у хазар. Д. А. и А. Д. Мачинские опираются также на относящееся ко второй половине IX века сообщение арабского географа Ибн Хордадбега «о “русах”, которые торгуют с халифатом через Хазарию и характеризуются как “вид славян”, живущий в отдаленнейших частях Славии»*, – то есть в Северной Руси (так как для араба самое отдаленное – наиболее северное).

Для понимания творчества Илариона необходимо и ясное представление о взаимоотношениях Руси и Византии. Они начались уже при Кие, который княжил в созданном им Киеве на рубеже VIII–IX веков, во времена византийской императрицы Ирины и ее сына Константина VI (то есть с 780 по 802 год)**.

В «Повести временных лет» сообщается, что Кий «ходил... к Царь-граду... к царю и великие почести воздал ему, говорят, тот царь, при котором он приходил». Словом, отношения Руси и Византии начинались как дружелюбные. Однако позднее русские князья Аскольд, Олег, Игорь совершили

* Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 47 и далее.

** Это убедительно обосновал М. Н. Тихомиров в работе «Начало русской историографии» (1960); см. его книгу: Русское летописание. М., 1979. С. 52–53.

жестокие военные походы на Царьград. Первый из них был предпринят в 860 году*. В историографии сложилась весьма давняя традиция своего рода восхищения этими русскими атаками на Византию. При этом как-то совершенно отбрасывается в сторону то обстоятельство, что походы эти имели характер агрессии; ведь Византия никогда не нападала на Русь. И лишь в последнее время начинает складываться мнение, что эти походы предпринимались под давлением хазар, которые, не имея флота, заставляли подвластную им Русь на тысячах ее ладьях** воевать на Черном море против враждебной Хазарскому каганату Византии и на Каспийском – против мусульманских городов Закавказья.

В известной «беседе» византийского патриарха Фотия, который в 860 году говорил о жестоком нападении Руси на Константинополь, русские названы народом «рабствующим», что, по мнению М. В. Левченко, означало «намек на уплату дани хазарам»***. Но еще более существен тот факт, что сразу же после похода Византия отправила знаменитое посольство Кирилла и Мефодия не на Русь, а в Хазарию; византийцы, очевидно, понимали, что поход русского флота был направлен на Константинополь оттуда****.

Далее, об одном из походов Олега в уже не раз упомянутом письме хазарского каган-бека прямо сообщается, что разбитому войском хазар Олегу было приказано: «...“Иди на Романа (византийский император. – В. К.) и воюй с ним...”» И пошел тот против воли и воевал против Кустантины (Константинополя. – В. К.) на море четыре месяца»*****.

* В историографии немало говорится о более ранних походах Руси на византийские владения (Сурож и Амастриду), но достоверность этих сведений серьезно оспаривается.

** Реки в лесной Руси издавна были главными или даже единственными путями сообщения.

*** Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 43.

**** См. об этом: Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 115.

***** Коковцов П. К. Указ. соч. С. 120.

Наконец, как утверждал М. И. Артамонов, «вполне вероятно, что поход Руси на Константинополь в 941 г. был организован с ведома и при сочувствии хазар»*, правда, здесь явно слишком «мягкая» формулировка («сочувствие»). По основательному мнению С. А. Плетневой, еще в IX веке «самые неприязненные отношения... установились у Хазарии с Византией»**.

Что же касается отношений Руси и Византии, они приобретают самый дружелюбный характер со времени княжения Ольги, которая прибыла с посольством в Царьград, захватив с собой, по-видимому, и юного Святослава; он путешествовал инкогнито, как некий «близкий родственник» (в византийском обозначении – «анепсий»***). Небесспорно и мнение, что Ольга пыталась женить Святослава на дочери императора Константина; это в искаженном виде отразила «Повесть временных лет», где рассказано о невероятном намерении женатого императора вступить в брак с самой Ольгой****.

Тесный союз с Византией был, в частности, вызван необходимостью противостоять Хазарскому каганату. И нужно прямо сказать, что продолжающиеся до сего времени попытки истолкования «Слова о законе и Благодати» Илариона как некоего выступления против Византии не выдерживают проверки историческими фактами. В частности, явно неубедительно давнее стремление как-то связать «Слово» Илариона с походом сына Ярослава Мудрого Владимира в Царьград в 1043 году.

Польский византолог и русист А. В. Поппэ с предельной убедительностью доказал, что *все* русские походы второй половины X – XI веков в византийские владения были совершены по просьбе тех или иных властителей *самой Византии*

* Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 375.

** Плетнева С. А. Хазары. М., 1986. С. 68.

*** См.: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 67. Эта догадка была подтверждена другими историками.

**** См.: Аринов Ж. П. Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение Ольги / Визант. временник. 1980. Т. 41. С. 119–120.

(поход Святослава в 968 году – по просьбе посла Калокира, а через него – самого императора Никифора II Фоки; поход Владимира в 988–989 годах – по личной просьбе императора Василия II; поход Сфенга, которого называли братом Владимира, в 1016 году – по просьбе того же Василия II и т.д.).

Другой вопрос – что по мере развития событий (как, например, в случае со Святославом) обстановка могла осложниться и русские войска вступали в конфликт с пригласившей их Византией. Однако заранее целенаправленных действий против Царьграда Русь, начиная со времени Ольги, не принимала. И это вполне понятно: ведь Византия никогда ничем не угрожала Руси (уже хотя бы потому, что границы ее собственной территории проходили за тысячу километров от Киева) и была, так сказать, необходимой для Руси и в экономическом, и в культурном отношении.

Все это, повторяю, хорошо раскрыто в ряде работ А. В. Поппэ – прежде всего в его книге «Государство и церковь на Руси в XI веке»*, а также в изданных у нас статьях «Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии»** и «О причине похода Владимира Святославича на Корсунь 988–989 гг.»***.

Трудно сомневаться в том, что поход Владимира Ярославича в 1043 году был вызван теми или иными деятелями самой Византии. А. В. Поппэ полагает, что русское войско пригласил в 1043 году претендент на византийский престол полководец Георгий Маниак. Г. Г. Литаврин подверг этот вывод весьма основательным сомнениям и обратил внимание на другое, гораздо более существенное обстоятельство****. Дело в том, что с 1028 года византийской императрицей была двоюродная сестра Ярослава Мудрого Зоя (дочь императо-

* P o p p e A. Panstwo i Kosciol na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968.

** Визант. временник. Т. 28. 1968. С. 85–108 и т. 29. 1968. С. 95–104.

*** Вести. Моск. ун-та. Сер. История. 1978. № 2. С. 45–58.

**** Л и т а в р и н Г. Г. Борьба Руси против Византии в 1043 году // Исследования по истории славянских и балканских народов: Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972. С. 178–222.

ра Константина VIII, сестра которого Анна стала супругой Владимира Святого). У Зои была вообще нелегкая судьба, а в 1042 году она была свергнута и пострижена в монахини (ранее была пострижена и ее сестра Феодора), и только народные волнения заставили вернуть ее на престол. Затем она вышла замуж, и новый император Константин IX Мономах подвергал ее унижениям, в частности пытался заменить ее на троне своей любовницей Склиреной.

Г. Г. Литаврин пишет: «Вполне вероятно, что при русском дворе с некоторой тревогой и неудовольствием следили за развитием событий... Идея наследственности высшей власти пустила на Руси в это время гораздо более глубокие корни, чем в Византии (это ясно видно, между прочим, и в «Слове о законе и Благодати», возводящем власть «к старому Игорю». — В. К.). Последние представительницы Македонской династии, Зоя и Феодора, были связаны... узами родства с русским двором... Не могло не беспокоить русский двор и известие о смутах и унижающей скипетр империи неразберихе при дворе на Босфоре*. Не исключено, что Зоя, оказавшись в тяжком положении, в конце концов тайно обратилась за помощью к двоюродному брату, Ярославу Мудрому.

И поход Владимира Ярославича в Царьград не был направлен против Византии как таковой, а явился попыткой поддержать те или иные силы при византийском дворе. Как подчеркивает Г. Г. Литаврин, накануне 1043 года «постоянные дружеские связи Руси и Византии непрерывно углублялись и крепились... Мало того, в то самое время, когда русская рать отправлялась в поход... в Киеве византийские мастера трудились над украшением интерьера св. Софии, а в столице империи пребывали во множестве русские купцы и воины, несшие здесь союзническую службу**».

Стоит добавить, что в 1046 году либо, может быть, несколько позже, но так или иначе всего лишь через несколько лет после похода Владимира Ярославича его младший брат

* Там же. С. 218.

** Там же. С. 178.

Всеволод вступил в брак с дочерью Константина IX Мономаха*; в 1053 году у них родился сын – Владимир Мономах.

Словом, «враждебные отношения» Руси и Византии, в свете которых ряд исследователей пытается истолковывать и «Слово о законе и Благодати», и деятельность Илариона в целом, – это историографический миф. Поход 1043 года был вызван не враждебностью к Византии, а, напротив, – озабоченностью судьбой правящей династии или даже судьбой империи в целом.

Без вышеизложенных фактов, обрисовывающих историческую реальность IX–XI веков, невозможно понять истинный смысл творчества Илариона. В новейшей работе по истории Древней Руси справедливо сказано: «Государство “Русская земля” развивалось и крепло в борьбе с хазарской экспансией»**. Это, в сущности, и воплощено в основном содержании «Слова о законе и Благодати».

Но, разумеется, не менее существенны для истории становления Руси были и ее взаимоотношения с Византией – в особенности со времен княгини Ольги, то есть с 945 года, за сто лет до «Слова о законе и Благодати». Как справедливо писал А. П. Новосельцев, Ольга «проводила политику сближения с Византией... В период ее правления по просьбе византийского правительства в различных районах Средиземноморья на стороне византийцев действовали русские вспомогательные войска (русские дружины воевали тогда в Малой Азии, Сирии, на островах Средиземного моря)***. Это тем более относится к последующему времени – к эпохам Владимира Святого и Ярослава Мудрого.

Подводя итоги осмысления «Слова о законе и Благодати» Илариона, М. Н. Тихомиров, который умел, как, пожалуй, никто из историков, сочетать точнейшее следование фактам с самыми широкими обобщениями, писал: «Под видом цер-

* Ее звали, по некоторым сведениям, Марией.

** Толочко П. П. Древняя Русь. Киев, 1987. С. 28.

*** Новосельцев А. П. Киевская Русь и страны Востока // Вопр. истории, 1983. № 5. С. 25.

ковной проповеди Иларион, в сущности, поднял *крупнейшие* политические вопросы *своего времени*, связанные со сношениями Киевской Руси с остатками Хазарского каганата и с Византийской империей*.

Конечно, это только, так сказать, земной «фундамент», «исходная ситуация» творения Илариона. Он возводит над ней «здание» многостороннего и исключительно весомого духовного смысла – и смысла всецело позитивного, утверждающего. И все же историческая реальность эпохи сыграла, несомненно, громадную роль в творчестве Илариона.

«Политические вопросы» становятся в «Слове о законе и Благодати» подосновой глубокой, полной значения *историософской* концепции, а «решение» этих вопросов совершается на пути утверждения высших *нравственных* идеалов, которые обобщены в понятии Благодати. В самое последнее время началось все расширяющееся изучение этого конкретного духовного содержания творчества Илариона**.

Вполне закономерно, что «Слово о законе и Благодати» – это *первое* творение русской литературы – имеет последовательно *синкретический* характер. Элементы повествования сливаются в нем с обнаженным движением мысли, пластичная образность – с полными значения риторическими формулами. И столь же естественно, что сегодня «Слово» изучают не только литературоведы, но в равной мере и философы, политологи, правоведы и т.д. Эта наша первая ве-

* Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 133. Выделено мною. – В. К.

** См., напр., новейшие работы: Горский В. С. Образ истории в памятниках общественной мысли Киевской Руси (на основе анализа «Слова о законе и Благодати» Илариона) // Историко-философский ежегодник. М., 1987. С. 119–138; Мильчаков В. В. «Слово о законе и Благодати» Илариона и теория казней божиих // Человек и история в средневековой философской мысли русского, украинского и белорусского народов. Киев, 1987. С. 50–55; Кармин В. А., Любимова Т. Б., Пилюгина Н. Б. Характер философского мышления Илариона в «Слове о законе и Благодати» // Там же. С. 58–68; Пляков А. И. Метод символической экзегезы в историософской теологии Илариона Киевского // Идеино-философское наследие Илариона Киевского. М., 1986. Ч. II. С. 56–81; Макаров А. И. Нравственные воззрения Илариона Киевского // Там же. С. 96–111; а также ряд других исследований.

ликая книга важна и необходима для всех. Можно с полным правом сказать, что из нее, как из семени, выросло гигантское древо и литературы, и мысли России (стоит напомнить, что в течение последующих пяти столетий, до XVIII века, «Слово о законе и Благодати» было в центре внимания просвещенных людей).

Для меня нет сомнения, что глубокое изучение «Слова о законе и Благодати» способно доказать, что в нем уже начинало складываться то целостное понимание России и мира, человека и истории, истины и добра, которое гораздо позднее, в XIX–XX веках, воплотилось с наибольшей мощью и открытостью в русской классической литературе и мысли – в творчестве Пушкина и Достоевского*, Гоголя и Ивана Киреевского, Александра Блока и Павла Флоренского, Михаила Булгакова и Бахтина.

И освоение наследия Илариона должно стать основополагающим, исходным пунктом изучения отечественной литературы и мысли. Нынешние публикации этого наследия и выходящие одна за другой работы о нем – по моему убеждению, одно из самых важных для развития культуры явлений нашего переломного времени.

* * *

Данное сочинение первоначально публиковалось в журнале «Вопросы литературы», где вслед за ним была напечатана полемическая статья М. Робинсона и Л. Сазоновой. Основная их полемика направлена против цитируемой мной работы М. Н. Тихомирова. М. Робинсон и Л. Сазонова, как это ни странно, сочли возможным предъявить крупнейшему историку обвинения в полной необоснованности концепции и, более того, в невежестве... При этом вся их аргументация, по сути дела, сводится к многочисленным ссылкам (их около 20) на

* О внутренней связи творческого мира этих художников и Илариона я писал в статье «“И назовет меня всяк сущий в ней язык...”: Заметки о своеобразии русской литературы» (Наш современник. 1981. № 11. С. 158–160).

трактат М. И. Артамонова «История хазар», который они рассматривают как некое абсолютно бесспорное и «последнее» слово о хазарах. Полемисты внушают читателю, что М. Н. Тихомиров не смог или не сумел освоить это последнее слово и потому впал в грубейшие «ошибки».

Между тем на деле М. Н. Тихомиров самым внимательным образом следил за ходом исследования хазарской проблемы и в нашей стране, и за рубежом* и, конечно, был хорошо знаком с трактатом М. И. Артамонова. Моим оппонентам следовало бы знать, что трактат этот был в основном написан и отчасти даже опубликован** еще в 1930-х годах (о чем, кстати, сам автор сообщает в предисловии) и не раз являлся предметом обсуждения. Все дело в том, что острые, но нередко малопродуктивные споры вокруг хазарской проблемы надолго задержали выход в свет книги М. И. Артамонова.

Несомненно, что книга эта – очень ценный и серьезный труд, но все же те или иные ее положения – и в частности характеристика взаимоотношений Хазарского каганата и Руси – давно устарели. Собственно говоря, это неизбежно должно было произойти за целых пятьдесят лет, которые отделяют нас от того времени, когда сложилась историческая концепция М. И. Артамонова.

Многие детали статьи М. Робинсона и Л. Сазоновой ясно свидетельствуют о том, что в процессе ее написания авторы *впервые* стали знакомиться с обширной литературой о Хазарском каганате. Это явствует, например, из того, что они пишут о взглядах выдающегося ученого Л. Н. Гумилева. В моей статье названа только его книга «Открытие Хазарии» (1966), и М. Робинсон и Л. Сазонова, понятно, ограни-

* См., напр., книгу: Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова... Научное описание. М., 1974; из нее ясно, что ученый поддерживал контакты и с отечественными (Б. Н. Захoder, Н. Я. Половой, С. М. Шапшал и др.), и с зарубежными (А. Н. Поляк, В. А. Мошин и др.) «хазароведами».

** Основное содержание трактата М. И. Артамонова изложено (в чем нетрудно убедиться) в посвященных хазарам разделах изданной в 1939 году на правах рукописи (тираж – 250 экз.) «Истории СССР с древнейших времен до образования Русского государства».

чились знакомством лишь с нею. Между тем, называя книгу Л. Н. Гумилева в числе нескольких книг других авторов, я – и это было необходимо – добавил: «...а также многочисленные статьи этих и десятков других исследователей». В названной книге Л. Н. Гумилев почти не касался проблемы взаимоотношений Хазарского каганата и Руси. Но М. Робинсон и Л. Сазонова совершенно опрометчиво зачислили его в число единомышленников М. И. Артамонова и самих себя. Если бы они познакомились не только с названной мной ранней книгой Л. Н. Гумилева «Открытие Хазарии», а и с рядом написанных им позже статей, и особенно с его неопубликованными, но депонированными в ВИНИТИ работами, они увидели бы, что им ни в коем случае не следовало бы ссылаться на авторитет Л. Н. Гумилева.

Ибо в работах Л. Н. Гумилева те представления об отношениях Хазарского каганата и Руси, которые изложены в моей статье, предстают в гораздо более резком, так сказать, крайнем выражении. Например, в своей статье «Сказание о хазарской дани» (1974) Л. Н. Гумилев, в сущности, начисто отвергает концепцию М. И. Артамонова, который в свое время был его учителем, и доказывает, что уже при Олеге Вещем, то есть в конце IX – начале X века, Русь потерпела сокрушительное поражение от хазар и Олег «в наследство Игорю... оставил не могучее государство, а зону влияния Хазарского каганата»*, который в конечном счете «сумел подчинить себе русских князей до такой степени, что они превратились в его подручников и слуг, отдававших жизнь за чуждые им интересы»**. Далее говорится, что Олег и Игорь «потерпели от Хазарии поражение, чуть было не приведшее Русь к гибели. Летописец Нестор об этой странице истории умолчал»***.

Словом, предпринятая М. Робинсоном и Л. Сазоновой попытка опереться на Л. Н. Гумилева свидетельствует об их, если угодно, крайне непродуманном отношении к делу.

* Рус. лит. 1974. № 3. С. 167.

** Там же. С. 168.

*** Там же. С. 172.

Не буду опровергать других несообразностей статьи М. Робинсона и Л. Сазоновой, так как «случай с Гумилевым» вполне очевидно свидетельствует об их неподготовленности к обсуждению вопроса о взаимоотношениях Руси с Хазарским каганатом.

Скажу лишь еще раз в заключение о том, что в высшей степени прискорбна та попытка третировать суждения М. Н. Тихомирова, которая, по сути дела, легла в основу статьи М. Робинсона и Л. Сазоновой (они назойливо пишут о «незнании», «ошибках», «неточностях», «грехах», «упрощениях», «незнакомстве» и т.п., будто бы характерных для этого ученого). Не боясь высоких слов, можно с полным правом назвать М. Н. Тихомирова одним из главных творцов отечественной исторической науки. И не может не восхищать тот факт, что ученый уже четверть века назад, в начале 1960-х годов, прозорливо видел грядущий путь решения «хазарской проблемы», как, впрочем, и многих других проблем истории Древней Руси.

Художественный смысл «Жития» Аввакума

1

Новеллы ренессансного типа и неразвернутый плутовской роман о Фроле Скобееве явились закономерным выражением определенных процессов русской жизни последней трети XVII века. Однако они далеко не исчерпывали всего содержания, даваемого действительностью. В предпетровскую эпоху уже завязывается узел тех противоречий, которые будут определять русскую жизнь вплоть до XX века, весь «новый период русской истории», – в то же время судьба Фрола Скобеева едва ли может обнаружить эти противоречия. Естественнo предположить, что в данное время возникают и иные художественные явления, которые в большей степени предвещают будущее и имеют тем самым

гораздо более живое значение и в эпоху высшего расцвета русской литературы.

Во второй половине XVII века уже выявляется одно из существеннейших качеств русской жизни нового времени – крайне тесное и сложное переплетение прогрессивного и реакционного, передового и отсталого, революционности и косности. Это своеобразие жизни, со всей силой запечатлевшееся в искусстве, ясно и глубоко раскроет потом Ленин в статьях о Толстом. Ленин покажет, как «море» русской жизни, волнующееся на громадных пространствах между Европой и Азией, определило кричащие противоречия Толстого, который одновременно и идет во главе мировой художественной культуры, делает шаг вперед в художественном развитии всего человечества, и смотрит на мир глазами словно совсем еще не затронутого цивилизацией патриархального крестьянства. Причем это вовсе не взаимоисключающие, но необходимо связанные, переходящие друг в друга стороны: ведь именно свежесть, искренность, полнота «крестьянского» взгляда дает Толстому, как художнику, неизбывную силу, а с другой стороны, именно отталкивание от бесчеловечных сторон современной мировой цивилизации заставляет подчас встать на ограниченную точку зрения отсталой, косной массы.

Это взаимопроникающее соединение бросков и устремлений «вперед» и «назад», как говорилось ранее, повсюду просвечивает уже в жизни второй половины XVII века. Очень характерна, например, крайняя чересполосица оценок, которые давали различные историки основным явлениям и событиям того времени. Это следствие реальных противоречий.

Так, крестьянская война 1667–1671 годов соединяет в себе и незнакомый Европе революционный размах, вовлекающий даже угнетенные народы татар, чувашей, мордвы, и идею борьбы за «великого государя» и его «благоверных царевичев». Степан Разин в одном из своих «прелестных писем» призывает в свое войско тех «татаровя, и чуваша, и мордва», которые «похотят заодно тоже стоять за дом пресвятой богородицы

и за всех святых, и за великого государя, и за благоверных царевичев...»^{*} Более того, Разин объявляет себя единомышленником недавно низложенного патриарха Никона, который, кстати, был мордвин по происхождению... «Несоответственность» здесь настолько резка, что вызывает даже комический эффект, хотя в ней немало и трагического смысла.

Словом, «кричащие противоречия» мы встречаем в конце XVII века на каждом шагу. Сильвестр Медведев – образованнейший человек и видный поэт – оказывается во главе реакционного стрелецкого заговора вместе с полудиким атаманом Федором Шакловитым; Григорий Котошихин, написавший ценнейшее сочинение о России своего времени¹, казнен в Швеции за убийство в пьяной драке; просвещенный основатель театра Артамон Матвеев участвует в жестоких расправах над раскольниками...

Кричащими противоречиями пронизано и творчество великого русского писателя XVII века Аввакума Петрова (1621–1682). Одаренный сын простого деревенского священника, он в середине века становится видным деятелем церкви и со страстью отдается своему делу. В его «Житии» превосходно отражена эпоха разложения патриархальных средневековых устоев, народных мятежей, хаотического столкновения борющихся сил. Уже на первых страницах Аввакум вводит нас в атмосферу времени, изображая дикое своеволие местных властей и бояр:

«У вдовы начальник отнял дочь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери, и он... пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги...

Таже ин начальник, во ино время... прибежал ко мне в дом, бив меня, и у руки отгрыз персты, яко пес, зубами... И егда шел путем, наскочил на меня он же... и, близ меня быв, запалил из пистолы, и божиею волею... пищаль не стрелила... Сердитовал на меня за церковную службу: ему хочется скоро, а я пою по уставу. ...Посем двор у меня отнял, а меня выбил, всево ограбя, и на дорогу хлеба не дал...

^{*} Хрестоматия по истории СССР. М.: Учпедгиз, 1940. Стр. 406.

Таже ин начальник на мя рассвиrepел: приехав с людьми ко двору моему, стрелял из луков и из пищалей с приступом»^{*}.

Но Аввакум изображает и совсем иного рода столкновения: «Государь меня велел в протопопы поставить в Юрьевец-Повольской. И тут пожил немного, – только осьмь недель; дьявол научил попов, и мужиков, и баб, – пришли к патриархову приказу, где я дела духовные делал, и, вытаща меня из приказа собранием, – человек с тысящу и с полторы их было, – среди улицы били батожьем и топтали: и бабы были с рычагами. Грех ради моих, замертва убили и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежали и, ухватя меня, на лошади умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Людие же ко двору приступают... Аз же, отдохня, в третей день ночью... ушел к Москве. На Кострому прибежал, – ано и тут протопопа ж Даниила изгнали. Ох, горе! везде от дьявола житья нет».

Действительно, «житья нет» и время «дьявольское», ибо зверское своевластие «начальников» соединяется с незапными народными бунтами, а идущее, как кажется Аввакуму, с Запада разложение светских и церковных князей – с распространением «блуда» в народе. В этих непонятных и грозных условиях формируется будущий писатель. Существо эпохи состоит в том, что громадная страна еще только начала бурлить перед выходом из средневекового состояния и разнообразные течения сталкиваются, взаимно истощаясь, и не могут вылиться в определенный, целеустремленный поток, обрекая себя пока на безысходность. Поскольку все вдруг сдвинулось с мест и почва заколебалась под ногами, каждая общественная группа и в верхах и в низах ощущает возможность и необходимость действия. Именно эту своего рода раскрепощенность обнаруживает Аввакум, изображая своевластие «начальников» и мятежи народных толп. Но действия эти предстают в целом как хаос скрещивающих-

^{*} Здесь и в дальнейшем произведения Аввакума цитируются по изданию «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения» (М.: Гослитиздат, 1960).

ся волн. Так воспринимает современную действительность и сам Аввакум:

«Человецы, грешницы, мнутяся, яко пружи (то есть саранча) бьются, и дерутся, яко пьяни суть. Не явно ли то бысть в нашей Росии бедной: Разовщина (то есть разинщина) – возмущение грех ради, и прежде того в Москве коломенская пагуба (то есть бунт в селе Коломенском)², и мор, и война, и иная многа».

В это время невозможно провести столь естественное в других условиях разделение на цепляющиеся за старое верхи и борющиеся за новое низы. Часть правящего боярства действительно всеми силами стремится вернуть устойчивое прошлое, но другая часть – возглавляемая такими крупнейшими деятелями времени, как Федор Ртищев, Афанасий Ордин-Нащокин, Артамон Матвеев, – пытается действовать в духе будущих петровских реформ. С другой стороны, и в низах – в массе крестьян, посадских людей, стрельцов – дух борьбы против всей феодальной системы соседствует с реакционным стремлением возратить идеализируемые патриархальные отношения. В силу политической и культурной неразвитости низы даже наиболее склонны обращать взор в прошлое.

Крайняя неопределенность интересов и стремлений борющихся сил создает поистине иррациональную запутанность: чуждые, в сущности, друг другу элементы могут соединяться в едином порыве – так, например, реакционные бояре и обуржуазивающиеся богатые купцы окраин объединяются в расколе, а объективно родственные движения оказываются совершенно разобщенными – как стрелецкие бунты и казацкие мятежи.

В этих сложнейших условиях начинает свою общественную деятельность Аввакум. Еще молодым человеком, 27 лет, этот талантливый проповедник и организатор входит в московский кружок «ревнителю благочестия», объединивший крупнейших деятелей церкви – духовника царя Стефана и будущего патриарха Никона – и целый ряд способных и энергичных священников из разных областей страны. Этот кружок, самостоятельно действовавший под покровительством

царя, как раз и стремился, опираясь на мощь церкви, спасти страну от начавшегося брожения и распада и в низах и в верхах, в том числе и в самом духовенстве. Поскольку речь шла об авторитете церкви и обращении народа на путь патриархального благочестия, идеалом, естественно, представлялось средневековое прошлое.

Аввакум вначале осуществляет эту программу на своем посту, в Нижегородском крае, где он «имел у себя детей духовных много, ...сот с пять или с шесть будет». То, с чем ему пришлось столкнуться, показано в приведенных выше выдержках из «Жития». Затем он переселяется в Москву и начинает уже действовать и мыслить в масштабах всей страны, становясь одним из виднейших представителей кружка.

Однако уже в 1653 году происходит столкновение кружка с бывшим его членом Никоном, ставшим теперь патриархом. Цель деятельности Никона была та же – подъем авторитета церкви. Он шел даже дальше остальных, пытаясь подчинить церковной власти и само государство, и в этом смысле был, несомненно, реакционной силой. Причины конфликта заключались в том, что Никон, стремясь к безраздельной власти, лишил кружок всякой самостоятельности и права голоса и, во-вторых, проводил иную программу укрепления «благочестия», и прежде всего реформу богослужения, призванную привести русские обряды в соответствие с обрядами других православных церквей – греческой, украинской и восточной, чтобы получить их поддержку, в которой было заинтересовано и государство. Царь был на стороне Никона, и взбунтовавшиеся члены кружка были отправлены в ссылку, где погибли или раскаялись.

Однако раскол уже пустил корни в широких слоях населения. Внешне выражающаяся в споре о деталях обряда борьба Никона и его противников имела под собой гораздо более существенные основания. Патриархальный демократизм «ревнителей благочестия» сталкивался с аристократической властью Никона, окружившего себя раболепием и роскошью, стремившегося укрепить церковь именно в об-

лике недостижимого владыки; привычные народу традиционные обряды противостояли чуждым пока нововведениям. Но главное было даже не в этом, но в самом факте репрессий власти против членов кружка благочестия: последние неизбежно предстали в ореоле борцов против ненавистного боярства и князей церкви. Поэтому их идеи оказались необычайно удачной формой для выражения любого недовольства, лозунгом всякой борьбы против властей – властей, которые, естественно, приняли никонианскую реформу. Именно потому, что восстающие против феодального гнета крестьяне, ремесленники, стрельцы не могли выработать какой-либо определенной программы, они с легкостью берут на вооружение идеи раскола и очередное московское восстание, состоявшееся через год после расправы над «ревнителями благочестия», уже проходит под их знаменем.

Но вернемся к Аввакуму. Он был сослан вместе с соратниками и провел одиннадцать лет в неслыханных тяготах и мучениях – сначала в Тобольске, а затем в Забайкалье, куда его отправили в колонизаторском отряде жестокого и дикого воеводы Пашкова. Здесь Аввакума окружают страдающие вместе с ним простые казаки, которые «плачут на меня, жалеют по мне»; он встречает байкальских рыбаков, которые «рады, миленькие, нам, и с карбасом нас, с моря ухватя, далеко на гору несли Терентьюшко с товарищи; плачут, миленькие, глядя на нас, а мы на них. Надавали пищи сколько нам надобно...» В сознании Аввакума вырастают ощущение безмерных страданий народа и глубокий демократизм, так поражающие в его позднейших сочинениях.

Трудно найти европейского писателя его времени, который мог бы сказать подобное тому, что Аввакум писал об охранявших его тюрьму стрельцах: «Прямые добрые стрельцы те люди, и дети таковы не будут... Оне, горюны, испивают допьяна да матерны бранятся, а то бы оне и с мучениками равны были; да што же делать? и так их не покинет Бог!»

Аввакум был возвращен из ссылки вскоре после низложения Никона, пытавшегося подчинить церковной власти

само государство. Царь надеялся использовать в своих интересах авторитет протопопа, но Аввакум уже по дороге, «до Москвы едучи, по всем городам и по селам, во церквах и на торгах кричал, проповедавая слово божие и уча и обличая безбожную лесь». И, вернувшись в 1664 году в Москву, Аввакум оказался вождем широкого движения, объединившего самые различные силы – от «четвертой боярыни» Морозовой до беднейших крестьян и нищих. Отрицание «бесовской» официальной церкви стало прочной и убедительной формой любого оппозиционного настроения.

Своими проповедями Аввакум, по выражению царя, «церкви запустошил», то есть вырвал из-под авторитета государства массы людей. Уже через несколько месяцев власти вынуждены были выслать Аввакума из Москвы: «Не любо стало, как опять я стал говорить; любо им, как молчу, да мне так не сошлось». Действительно, Аввакум ощущал теперь себя главой мощного и справедливого народного движения, борцом за благо всей страны. После трехлетних уговоров и скитаний по монастырям он в 1667 году был окончательно «закопан» в земляной тюрьме на дальнем Севере и просидел здесь пятнадцать лет, до огненной своей казни. Именно здесь, лишенный возможности действовать, он стал писателем. Его «беседы», «обличения» и «письма» тайно распространялись по всей стране. Вскоре раскольники начали долгое Соловецкое восстание³, к которому позднее присоединились уцелевшие участники крестьянской войны Степана Разина, разразившейся в год заключения Аввакума. Раскольники принимали участие во всех восстаниях последней трети века, а их мелкие бунты то и дело вспыхивали по всей стране – от Москвы до северных и южных окраин.

Таким образом, даже сама деятельность Аввакума была глубоко противоречивой: он стремился к установлению благочестия, способного преодолеть всеобщее дьявольское брожение, но стал вдохновителем дальнейшего роста и обострения народной борьбы. Столь же сложно и противоречиво было, разумеется, и мировоззрение Аввакума.

Но нас интересуют здесь не деятельность Аввакума и не его религиозно-философские взгляды, а его художественное сознание, в котором своеобразно преломились жизненный опыт и идеи раскола. Несмотря на всю свою значительность в роли вождя народного движения и деятеля церкви, Аввакум действительно велик именно как писатель.

Возглавленное им движение было бесплодно и быстро выродилось в реакционную секту⁴. Между тем, создав художественное повествование о себе и своей эпохе, Аввакум смог завоевать бессмертие, ибо он отразил и претворил в совершенные образы искусства те существеннейшие противоречия русской жизни, которые он никак не был способен решить в практической деятельности или хотя бы охватить в теоретическом мышлении. Поэтому именно художественное творчество Аввакума стало имеющим непреходящую ценность вкладом в русскую жизнь и культуру.

Все сочинения Аввакума, даже собственно религиозные, в значительной мере представляют собою произведения искусства, — это обусловлено и общим характером времени, и личными особенностями жизни и сознания автора; но наиболее художественным и вместе с тем самым выдающимся является «Житие», написанное в 1672–1673 годах и позднее дополненное рядом эпизодов.

Аввакум пишет историю своей жизни «от юности и до лет пятидесяти пяти годов» — жизни подвижника и вождя народного движения. Он осознает себя как прямого продолжателя и последователя старых «героев» русской церкви: «Меня благословляют московские святители Петр, и Алексей, и Иона, и Филипп...» И, обращаясь к Богу, он восклицает: «Аще меня задушат, и ты причти мя с Филиппом, митрополитом Московским... а буде в воду посадят, и ты, яко Стефана Пермского, паки свободишь мя».

Итак, перед нами «житие» подвижника, «Христова воина». Однако сразу же поражает одна, но невероятно значительная особенность: ведь это «житие» о самом себе!.. Уже один этот факт есть как бы полное отрицание, переворачи-

вание традиционного житийного жанра русской литературы. Правда, Аввакум, пытаясь как-то оправдать свой дерзостный замысел, ссылается на древнейших западных апостолов и поповедников, которые-де «о себе возвещали». Но это никак не может «оправдать» его, ибо он рассказывает не столько об имеющих назидательное значение «подвигах», сколько о своей прозаической повседневной жизни. Он взволнованно и жадно повествует о таких личных мелочах, что ему приходится снова и снова извиняться перед ждущими совсем иного читателями: «Еще вам побеседую о своей волоките...», «Простите меня... уж розвякался, – еще вам повесть скажу...», «Простите, – еще вам про невежество свое побеседую», – и рассказывает, как он, получив в подарок от духовного отца святую книгу, «ту книгу брату двоюродному, по докуке ево, на лошадь променял...» И в конце концов Аввакум вынужден признать: «Иное было, кажется, и не надобно говорить».

Повествование Аввакума, без сомнения, отражает существенные стороны и черты целой эпохи; но само его повествовательное искусство совершенно ново по своей природе, ибо Аввакум непосредственно *изображает* человеческую личность и ее всецело личные отношения с другими личностями. Он в самом деле повествует о *своей* «волоките» и своем собственном «душевном плавании». В «Житии» перед нами предстают поведение и сознание самостоятельной человеческой индивидуальности во всем многообразии ее проявлений.

2

Мы еще обратимся ниже к анализу новаторского повествования Аввакума; необходимо прежде понять самое существо художественного сознания писателя. Вглядываясь в его творчество, сразу поражаешься внешне парадоксальному соединению взаимоисключающих и, казалось бы, несовместимых начал. С одной стороны, Аввакум предстает как «божий подвижник», воплощающий в своих поступках и переживаниях лишь волю некой внешней силы; далее, он –

вождь фанатического движения, отрицающий все личное и самую свою жизнь ради общей цели; наконец, он полностью обращен в патриархальное прошлое, в средневековое благочестие, опять-таки лишаящее личность всякой собственной активности и обособленности. Однако вместе с тем Аввакум действует и мыслит совершенно самостоятельно; в своем «Житии» он, в сущности, утверждает – оговариваясь и извиняясь – безграничную ценность индивидуального бытия и сознания; наконец, уже поэтому он вырывается далеко в будущее, преодолевая горизонт своего времени, создает произведение, которое по-настоящему оценят лишь во второй половине XIX века Толстой, Достоевский, Горький.

Это цельное единство взаимопротиворечащих стихий открыто выступает в сочинениях Аввакума. Вот он осознает себя только как орудие Бога и святого дела, как бы полностью отрицая и свою личность, и личности своих соратников: «Много тое грязи у Христа наделано. Не тот Аввакум, ино другой. А за ним дело не станет спасения человеческого...», «Мучься за сложение перст, не рассуждай много! А я с тобою за сие о Христе умереть готов». Однако тот же Аввакум после несправедливых побоев воеводы Пашкова неожиданно вступает в дерзкий спор именно с Христом: «Лежа, на ум взбрело: за что ты, Сыне Божий, попустил меня ему таково больно убить тому? Я веть за вдовы твои стал! Кто даст судию между мною и тобою?» Правда, Аввакум сразу же раскаивается в своем «безумном» желании «со владыкою судитца», но это не может уже зачеркнуть самого факта спора. И позднее, страдая в тюрьме, он докучает Богу, «да явит ми, не туне ли мое бедное страдание...» И лишь галлюцинация – явление ангела, Богородицы и самого Христа – спасает его от сжимающего сердце горького сомнения.

Аввакум призывает народ к самоотвергающейся борьбе, провозглашая абсолютную ничтожность живого бытия:

«А ты, душе, много ли имеешь?.. Разве мешок, да горшок, а третье лапти на ногах... А ты откладываешь, говоря: дети малы, жена молода, разориться не хочется... Мужик, да безу-

мнее баб, не имеешь цела ума: ну, дети переженишь и жену ту утетишь. А за тем что? не гроб ли?..»

Итак, реальное бытие личности не имеет никакой ценности... Но сам же Аввакум с какой-то пронзительной жалостью и нежностью вспоминает даже о «курочке», которая скрашивала будни сибирской ссылки: «Курочка у нас черненька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу... На нарты везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум придет. Ни курочка, ни што чудо была: во весь год по два яичка на день давала: сто рублей при ней плюново дело, железо! А та птичка одушевленна, Божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую тут же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала». Правда, Аввакум здесь же стремится освятить свое переживание, утверждая, что «Бог так строил» и «птичка во славу его», но это призвано лишь оправдать возвеличивание жизненной мелочи, вдруг словно затмевающей все.

Наконец, Аввакум борется за старое русское благочестие, за идеализируемое патриархальное Средневековье, когда «у нас, благодатию Божиею, самодержство, до Никона отступника, все у благочестивых князей и царей было: и все православие чисто и непорочно, и церковь немятежна». Однако именно сам Аввакум более всего «мятежит» церковь и подрывает «самодержство». Он неустанно и безгранично бунтует против церковных и светских властей, подчас впадая в истинно разинский дух: «Каковы митрополиты и архиепископы, таковы и попы наставлены. Воли мне нет да силы, — перерезал бы... всех, что собак!», «Также бы нам надобно царя тово Алексея Михайловича постричь бедного, да пускай поплачет хотя небольшое время». На царя даже и Разин не отваживался замахиваться...

Итак, Божий подвижник, вождь фанатического движения и рыцарь средневекового благочестия выступает вместе с тем как человек, остро ощущающий свое личностное содержание, как бунтарь и, наконец, как всецело самостоятельная, спорящая с Богом и судящая царя индивидуальность. Аввакум

кума нередко изображали неким выходцем из прошлого века, который рядом с просвещенными, тяготеющими уже к Петровским реформам деятелями воплощает дух Средневековья. Однако это совершенно не так. Средневековый характер носят многие идеи Аввакума, но не его человеческое существо. Как тип человека Аввакум, напротив, далеко «обгоняет» своих противников. Замечателен рассказ о его спорах на церковном соборе 1667 года⁵. Он отрицает никонианскую реформу: «А патриарси со мною, протопопом, на сонмище ратовавшие, рекоша: “не на нас взыщется, но на царе! Он изволил изменить старья книги!”... Воистинну омрачися неразумное их сердце, во еже быти им безответным».

Это значит, что как раз противники Аввакума обладают средневековым сознанием: вся ответственность, с их точки зрения, лежит на царе, который, в свою очередь, установлен Богом и обычаем, а человек должен только исполнять высшую волю. Между тем Аввакум – всего лишь протопоп, к тому же расстриженный – утверждает и берет на себя личную ответственность за судьбы мира. Он, простой деревенский священник, проживший всего год в Москве и затем более десяти лет проскитавшийся, «яко разбойник», по ссылкам и тюрьмам, хочет и смеет быть судьей власти и всего общества. Он ведь даже не является непосредственным вождем начавшегося движения раскольников, ибо с самого начала оторван от него, общается лишь с несколькими близкими друзьями. Все исходит из него самого, из его собственной воли и разума. Он поистине хочет, пользуясь выражением Гегеля о людях Возрождения, «самостоятельно регулировать условия своего более широкого или узкого круга, опираясь лишь на свою личность, на ее дерзновенное и непомутненное чувство справедливости». И совершенно прав был Горький, когда говорил, что в Аввакуме «поражает быстрый рост духовной мощи личности», характерный для «эпох социальных бурь», подобных времени «Возрождения и Реформации»*.

* М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 27. М.: Гослитиздат, 1953. Стр. 34.

И мы не сделаем никакой натяжки, если сблизим Аввакума, например, с героем повести о Горе-Злочастии, который ушел от родителей и слышит суд Горя: «Не захотел ты им покориться, постыдился ты им поклониться, а хотел ты жить, как тебе любо есть!»

Однако Аввакум вырвался далеко вперед. Он уже не захотел «покориться» и «поклониться» не родителям, но патриархам, воеводам и царю; и несмотря на все страдания, муки, насилия, на безмерное Горе, которое набросилось на непокорного, – он счастлив, он действительно живет, «как любо есть», и сама его, казалось бы, аскетическая вера предстает в его душе в прекрасном и сладостном образе возлюбленной Соломона: «Мы же, здесь и везде сидящие в темницах, поем пред владыкою Христом, Сыном Божиим, песни песням, их же Соломан воспе...: се еси добра, прекрасная моя! се еси добра, любимая моя! очи твои горят, яко пламень огня; зубы твои белы паче млека; зрак лица твоего паче солнечных луч, и вся в красоте сияешь, яко день в силе своей...»

И Аввакум уже не сдается, как это сделал молодец; он не возвращается «покориться». Так в облике Аввакума действительно проступают ренессансные черты.

Как уже говорилось, в России второй половины XVII века ренессансные процессы предстают только как тенденция, ограничиваемая и извращаемая конкретными условиями жизни. Но именно эта тенденция едва ли не наиболее ярко проявилась в Аввакуме, в его человеческом существе. Он апеллирует к прошлому и насаждает церковное благочестие, – но он утверждает старые идеи сам, от себя, в то время как в средневековом обществе они утверждаются верховной властью или силой обычая. Этот средневековый порядок продолжает господствовать и теперь, хотя те или иные явления и идеи прошлого, патриархальное «благочестие» уже распадаются. И поэтому Аввакум, пытающийся сам, лично, вопреки верховной власти и уже измененному обычаю, вернуть прошлое, предстает все же как совершенно новый тип человека, немислимый в Средневековье. И можно, пожалуй, сказать,

что *старое*, определенный комплекс средневековых идей, есть лишь *форма* бытия и сознания Аввакума, облекающая уже глубоко новое человеческое *содержание*, которое способно подчас как бы взрывать эту форму.

Это ясно проявляется, например, в отношении Аввакума к Богу. Со средневековой точки зрения, личность – слепое орудие Бога. И Аввакум сам обличает таких учеников беса, как «Платон и Пифагор, Аристотель и Диоген, Иппократ и Галин», которые «достигоша с сатаною разумом своим небесных твердей... гадающе к людской жизни века сего... и тою мудростию своею уподобляхуся Богу, мнящеся вся знати». Между тем «вси христиане от апостол и отец святых научени быша смирению, и кротости...». Аввакум действительно не стремится уподобиться Богу в знании всего; но он явно уподобляется Богу *практически*, стремясь подчинить своей воле целый противостоящий ему мир, казалось бы установленный так именно Богом («один-де ты стоишь во своем упорстве», – справедливо говорят ему церковные и светские власти). Он хочет самым своим духом – не «мудростию», а целостной силой души – овладеть всем миром.

И он в самом деле уподобляется Богу, когда, говоря о царе, который, по его же словам, поставлен по «Бога нашего благодатному устроению», заявляет: «О царю Алексею! Покажу ли ти путь к покаянию и исправлению твоему?» Такова неслыханная дерзость расстриженного и сидящего в яме протоппа. Он берет на себя высшую ответственность, требуя от своих сторонников массовых самосожжений: «А в огне том здесь небольшое время потерпеть, аки оком минуть, так душа и выступит! Разве тебе не разумно? Боишися печи той? Дерзай, плюнь на нея, небось! До печи той страх-от, а егда в нея вошел, тогда и забыл вся». Эта варварская и изуверская идея провозглашается дерзким и действительно уподобляющим себя всевышнему Богу человеком, ибо никто не давал ему официальной власти над людьми.

Наконец, в послании к царю из тюрьмы в 1669 году Аввакум создает потрясающий образ своего личного величия:

«И лежащу ми на одре моем... распространися язык мой и бысть велик зело, потом и зубы быша велики, а се и руки быша и ноги велики, потом и весь широк и пространен под небесем по всей земли распространился, а потом Бог вмести в меня небо, и землю, и всю тварь... Так добро и любезно мне на земле лежати и светом одеяну и небом прикрыту быти; небо мое, земля моя, свет мой и вся тварь...»

Не так уж существенно, что это «видение» – галлюцинация голодного человека, как несущественно и объяснение Аввакума, что-де «Бог мне дал» небо и землю; суть дела в самом этом ощущении своей личности, разросшейся до божественной грандиозности. Отсюда уже естественно вытекает все остальное – и безграничный бунт против мира, и чувство личной ответственности за его судьбы, и гордые слова «никово не боюся, – ни царя, ни князя, ни богата, ни сильна, ни диявола самого», и не менее дерзостное повествование о самом себе, о своей повседневной «волоките» и «душевном плавании».

Само по себе противоречие «формы» и «содержания» в деятельности Аввакума не является необычным. Проповедь аскетизма, благочестия, фанатичность в той или иной мере соединяются с ренессансным духом и у многих деятелей и писателей западноевропейского Возрождения – таких как Д’Обинье, Тассо, Кальдерон и даже Кампанелла, не говоря уже о религиозных деятелях типа Лютера и Кальвина. Кроме того, защита старины у Аввакума часто выражает вовсе не его идейную реакционность, но его демократизм, близость к реальной жизни масс, которые еще пребывают в «средневековом» состоянии. Как верно заметил глубокий исследователь творчества Аввакума и Достоевского В. Л. Комарович, «вся полемика Аввакума в защиту старых обрядов против никониан насквозь пронизана одной идеей – жизненной нерасторжимости этих обрядов... с национальным бытом, со всей совокупностью веками выработанного русского уклада семейной, хозяйственной и личной жизни»*.

* История русской литературы, т. II, ч. 2. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Стр. 308.

С другой стороны, и самая религиозность Аввакума пронизана именно демократическим духом, как бы возвращающим христианской идеологии ее первоначальную свежесть. «Господин убо есть над всеми царь, раб же со всеми есть Божий», – пишет Аввакум. Боярыне Морозовой он указывает: «Али ты нас тем лутчи, что боярыня? Да одинако нам Бог распростре небо, еще же луна и солнце всем сияет равно... тебе не больши, и мне не меньши». Вспомним также рассказ о пьяных стрельцах, которые почти равны святым мученикам.

Словом, само противоречивое и взаимопроникающее слияние «старины» и «новизны» в Аввакуме не является необыкновенным и загадочным. Сложнее и таинственнее другое – каким образом идейный вождь фанатичных русских раскольников XVII века мог обрести столь мощный и буйный ренессансный дух, как могла вырасти в этих условиях столь яркая и дерзкая личностная энергия? И вот с этой точки зрения как раз *нет* противоречия между судьбой Аввакума – вождя старообрядцев – и существом его личности; первое всецело определяет второе.

Аввакум вступает в жизнь в середине века, когда уже обнаружилось распадение средневекового бытия и люди начинают «выламываться» из старых оков и норм, действовать по *личной* воле; это неопровержимо отражено в рассмотренных выше русских повестях 1660–1670-х годов⁶. «Дьявольские козни», «блудни», свидетельства падения благочестия, которые Аввакум изображает на первых страницах «Жития», и есть плоды этого разложения традиционных устоев. Но замечательно, что и сам Аввакум вступает за благочестие, испытывая бесконечные побои и издевательства, по глубоко личной воле, исходя из внутреннего, индивидуального, собственного представления об идеале. Он пишет об этом времени своей молодости:

«А в церкви стою, паки внутренняя беда: бесчинства в ней не могу претерпеть. Беспременно ратуюся с попами пьяными и с крылошаны, и с прихожаны... Иное хочу и промолчать, ино невозможное дело: горит во утробе моей, яко пламя

палит. И плачю, и ратуюся... Все бегуны, все потаковники, все своя си ищут, а не яже суть Божия».

Эта «внутренняя беда», это неутолимое личностное «пламя», которое не поддерживает ни уже распадающийся обычай, ни вышестоящие церковные власти, – совершенно новое явление. И оно глубоко родственно тому неутолимому стремлению к личной свободе, которое наполняет героев новеллистической литературы того же века. Оно так же свободно и индивидуально, только направлено совсем в иную сторону: ведь именно о «новых» людях говорит Аввакум, что они «бегуны» и «своя си ищут», то есть движимы чисто индивидуалистическими интересами.

Таким образом, Аввакум с самого начала несет в себе личностный дух. Однако от этого невнятного внутреннего стремления к благочестию еще очень далеко до уподобления Богу, дерзкого низложения царя, жажды подчинить своему духу весь мир и создания жития о самом себе. Эта исторически обусловленная личная энергия является только почвой для будущего величия. Она прежде всего дает возможность Аввакуму из деревенского священника стать видным деятелем общерусской церкви. Но едва ли Аввакум, при всем его громадном художественном таланте, природной одаренности, стал бы великим писателем-новатором, если бы он не оказался одним из главных героев раскола. Это было концом его церковной карьеры и началом пути народного вождя, а затем великого писателя.

Здесь, собственно, и обнаруживается самое главное в судьбе Аввакума как писателя, решающая основа его творчества. Перед расколом Аввакум, при всей развитости личного начала, был все же самоотверженным членом церковной иерархии и верным подданным своего царя. Раскол и ссылка сразу и уже бесповоротно *вырывают* его из системы традиционных отношений; он отпадает от церкви, а затем и от царя. Что бы он ни делал теперь, как бы он ни мыслил – он действует и сознает сам. Даже обращаясь к прошлому, он пытается вернуть его по своей личной воле и разумению, в то время

как его враги (в том числе и Никон) даже новшества вводят не лично, от себя, но по общегосударственной воле.

После возвращения из первой ссылки эта самостоятельность только обостряется, ибо Аввакум еще более проникается уверенностью в своей правоте. И вот уже происходит замечательная сцена с царем, возмущенным продолжающейся деятельностью Аввакума: «Я пред царем стою, поклоняюсь, на него гляжу, ничего не говорю; а царь, мне поклоняюсь, на меня, стоя, глядит, ничего ж не говорит; да так и разошлись». Царь по-прежнему царь, а Аввакум тот же протопоп, к тому же вернувшийся из мучительной ссылки. Но здесь ясно видно, что они равны в этом молчаливом поединке; личность Аввакума выросла так, что царский титул не может уже ее перевесить.

В это же время Аввакум становится и сознает себя вождем народного движения. Однако оно не может поглотить его личность, превратить его в эпического героя, только лишь совершающего исторические деяния, ибо, во-первых, он оторван и от этого движения – он вновь отправляется в нескончаемые ссылки и тюрьмы, а с другой стороны, само это обреченное, бесплодное движение является цепью разрозненных истерических мятежей и не находит в себе сил даже на то, чтобы освободить своего идейного вождя. Аввакум – именно и только идейный вождь, и потому эта его роль не подавляет в нем личное начало, а, напротив, развивает его еще шире и глубже, доводя до поразительного размаха и напряженности. Так даже реакционность движения, обрекающая его на безвыходность и слабость, способствует росту самого Аввакума: он как бы компенсирует своим собственным пафосом, страстной действенностью своего сознания недостаток желаемого действия в самой жизни. Если бы движение было мощным и целеустремленным, оно вбирало бы энергию вождя в себя и поглощало его личность. Здесь же сам Аввакум как бы *больше* всего раскольничьего движения; он – его «мысленное солнце», он – его «слово живо и действенно», которое «от небытия в бытие приведе».

Итак, отпадение Аввакума от церкви и государства и его роль идейного вождя своеобразного народного движения определяют ренессансный размах личностного начала. Но есть и другая, не менее существенная сторона дела. Ведь почти три десятилетия жизни Аввакума после раскола, в который он вступил еще молодым и полным сил человеком, – это история непрерывных попыток подавить его личность угрозами, насилиями, ссылкой в дикие и голодные места, истязаниями, уговорами, тюрьмой, проклятиями и, наконец, похоронами заживо в пустозерской земляной тюрьме. Он и сам зовет себя – «живой мертвец».

Однако это непрерывное подавление дает прямо противоположные плоды, что ясно выразилось в «Житии». Так, именно когда воевода Пашков жестоко избил Аввакума за его обличения, протопоп впервые дерзнул «судитца» с Богом; когда же по указу царя Аввакум был посажен в земляную тюрьму на хлеб и воду, он, «плюнув на землю, говорил: “я, – реку, – плюю на его кормлю...”» Энергия Аввакумова духа только нарастает и накаляется, зажатая насилиями и тюремными стенами. Он и сам сознает это, говоря о себе и своих сторонниках: «Елико их больше подавляют, тогда больши пищат и в глаза лезут». Не властная вылиться в действия, в дело, личная энергия переходит в жгучую лавину сознания:

«Помяните себе, что я говорю: пропасть и вам за собак места!.. Горе вам, насыщении, яко взалчете! Горе вам, смеющимся, яко восплачете и възрыдаете! Дайте только срок, собаки, не уйдете у меня..!», «Ужаснись, небо, и вострепещи, земле..! Вам засвидетельствую, вам являю, будете ми свидетели во всей Июдеи и Самарии и даже до последних земли...»

Мощный дух, как бы вобравший в себя подспудное клочкотание времени, страдания и внутренний порыв народа, земной пафос многовековых религиозных идей, становится лишь сильнее, глубже и богаче от притеснений и гнета. В творчестве Аввакума впервые осязаемо предстало, отразилось это противоречивое свойство русской жизни. Переполнившая личность Аввакума духовная мощь дает ему возможность

чувствовать себя словно равным целому миру, вмещать в себя «небо, и землю, и всю тварь». И это происходит *не* несмотря на борьбу Аввакума за старое благочестие и *не* вопреки его роли вождя раскольников (а именно такие объяснения нередко даются исследователями), но закономерно рождается в этой борьбе и в этой исторической роли. Противоречивость Аввакума – не столько результат его личной исключительности, сколько отражение противоречивости русской жизни второй половины XVII века, а значит, и последующего развития, ибо «узел» завязывается здесь. Именно потому творчество Аввакума, запечатлевшее противоречия его личности и эпохи в целом, обладает громадной ценностью, которая только возрастает со временем.

3

Мы подходим теперь к еще одной – и наиболее интересной для нас – стороне дела. Аввакум глубоко «личностен» в своем отношении к Богу, который есть для него воплощение всеобщности, мира, и в своей связи с народным движением, и в своем противостоянии неправым властям. Но есть еще обширная и многогранная сфера, где личность Аввакума проявляется наиболее сильно и полно, – сфера частной жизни, непосредственно личных отношений с людьми и вещами. Это сразу поражает в «Житии». Божий подвижник и народный вождь повествует о своей жизни, – и вдруг оказывается, что основным объектом изображения предстает повседневное личное бытие во всех его мелочах, частностях, оттенках.

Опять-таки неправильно было бы истолковывать это как некое прямое противоречие, как отступление Аввакума от заданной цели. Аввакум действительно повествует о своем подвижничестве: «Сказываю вам деемая мною, непотребным рабом Божиим, о Святом Дусе со Отцем и Сыном». И тот факт, что «Житие» изображает не столько возвышенные деяния во имя Святого Духа, сколько «непотребную» человеческую «волокиту» – скитания, тяготы, семейные дела, личные

взаимоотношения с людьми и сомнения Аввакума, – с необходимостью вытекает из конкретно-исторического своеобразия его судьбы на избранной дороге подвижника. Это своеобразие состоит в следующем.

Аввакум опирается на Бога и обращается от его имени к народу, к народному движению. Это как бы две лежащие вне его реальности, которые определяют его жизнь. Однако приглядимся к ним внимательнее. Пока Аввакум находился в лоне официальной церкви, она и была предметным воплощением Бога; Аввакум действовал по ее воле, не рассуждая и не сомневаясь, и сами его действия были как бы безличным проявлением общецерковной деятельности. Но с момента раскола, когда церковь, по его мнению, была «ограблена» и «разорена», а сам Аввакум сослан в сибирские просторы, Бог становится для него только реальностью его воображения, только идеей, не имеющей предметного бытия и не дающей прямых «указаний». Поэтому Аввакум мыслит и действует сам, в одиночку или по совету с близкими людьми. Такова великолепная сцена во время возвращения на Русь из ссылки:

«Таже в русские грады приплыл и уразумел о церкви... Опечался, сидя, рассуждаю: что сотворю? проповедаю ли слово Божие или скроюсь где? Понеже жена и дети связали меня. И виде меня печальна, протопопица моя приступи ко мне со опрятством и рече ми: “что, господине, опечалился еси?” Аз же ей подробну известих: “жена, что сотворю? зима еретическая на дворе; говорить ли мне или молчать? – связали вы меня!” Она же мне говорит: “Господи помилуй! что ты, Петрович, говоришь? ...Аз тя и с детьми благословляю: дерзай проповедати слово Божие по-прежнему, а о нас не тужи... Поди, поди в церковь, Петрович, – обличай блудную еретическую!” Я-су ей за то челом и, отрясше от себя печальную слепоту, начах по-прежнему слово Божие проповедати и учити по градам и везде, еще же и ересь никониянскую со дерзновением обличал».

Судьбу Аввакума определяет и другая реальность – народное движение, к которому он обращается. Однако и здесь

положение оказывается глубоко своеобразным. Аввакум в течение почти всей жизни практически оторван от масс, и, с другой стороны, само движение слишком разрозненно и «духовно», чтобы стать в полном смысле слова реальностью. Аввакум не имеет ощутимой, предметной связи с этим движением: он действительно связан лишь с несколькими самыми близкими людьми своей веры*. Как и бог, реальность народного движения невидима, и, обращаясь к нему, Аввакум сразу впадает в нехарактерную для него абстрактную проповедь, – например, в послании «Совет святым отцем преподобным» (1676): «Никонияня изгнаша святых Божиих от градов и сел и весей. Они же, вселишася в горах, со ученики витают. Отцы святии, подобни бысте тверди небесней, на ней же сияет видимое солнце!» и т.д.

Совершенно по-иному говорит Аввакум о непосредственно связанных с ним отдельных друзьях. В «Житии» наиболее подробно рассказывается о Феодоре – сыне богатых родителей, который, в облике нищего юродивого, ходит по городам, мутя народ или приступая «к цареve корете со дерзновением». Отношения Аввакума с Феодором предстают как чисто личные:

«Мне неможется, так меня подымает, говоря: “встань, миленький батюшко, – ну, таки встащися как-нибудь!” Да и роскочает меня. Сидя мне велит молитвы говорить, а он за меня поклоны кладет. То-то друг мой сердечной был!» После второго ареста Аввакума Феодор «приезжал ко мне втай... и спрашивался со мною: “как-де прикажешь мне ходить – в рубашке ли по-старому или в платье облещись – еретики-де ищут и погубить меня хотят...” Я, подумав, велел ему платье носить и посреде людей таяся жить. А однако не ухоронил от еретических рук, удавили на Мезени... Детушки миленькие мои, пострадали за Христа!»

Если бы Аввакум был действительным вождем действительного народного движения, его отношения с соратниками не могли бы иметь такого всепоглощающего личного харак-

* Можно, пожалуй, сравнить отношения Аввакума к раскольничьему движению с отношениями Толстого к движению «толстовства».

тера – или, точнее, вовсе не это было бы тогда главным, *достойным повествования*. Личное поглощалось бы общим делом; индивидуальная воля Аввакума просто переходила бы в поступки его соратников, в историческое деяние, и он представлялся бы как эпический герой, направляющий эпическую стихию. Здесь же, напротив, историческое полностью растворено в частных отношениях.

Таким образом, с реальностью возглавляемого им народного движения, как и с Богом, Аввакум соотносится только мысленно; его практические действия и *непосредственное* восприятие жизни всецело пребывают в сфере частного бытия. Именно эта повседневная реальность выступает на первый план, оттесняя все остальное, когда Аввакум начинает повествовать о своем подвижническом «житии». Эта видимая, слышимая, осязаемая, воспринимаемая на вкус и обоняемая реальность становится основным объектом изображения, приобретая громадное и самостоятельное значение. Вот одно из потрясающих мест повествования:

«Таже привезли в Братцкой острог, кинули больнова в студеную башню... Гной по всему и вши, и мыши, и стужа, и ясти хочется. В шелку гляжу, а у Пашкова таво прыгут (то есть жгут огонь) да жарят и носят на блюдах, и пьют, и веселятся. А ко мне никто не заглянет, ничево не дадут – дураки! Я бы хотя блюдо то полизал или помоев тех испил, – льют на землю, а мне не дадут».

Сколь ни странным может показаться такое сближение, – этот эпизод, как и многие другие сцены «Жития», решительно напоминает натуралистические изображения бедствий героев плутовских романов! Жизнь идейного бунтаря, выброшенного из официального общества на тяжкий и страдальный путь, становится *объективно* похожей на жизнь плутовских героев. Они уже родились в России и живут рядом с Аввакумом. Замечательно, что в одном из посланий Аввакум прямо говорит о появлении в русских городах этого человеческого типа, неизвестного Средневековью. Он пишет: «Есть в мори рыба многоножица, пронирылива глубоце, изменяет вид своего естества.

Егда прислонится к камени, бывает яко камень, а к зеленому – зелена, а белому – бела, или ко траве, или ко древу – везде ся приладит... Тацы мнози суть человецы во градах пронырливы, коварни суть, применяются на нравы различныя, друг друга оманывая...» Это точная и яркая характеристика именно плутовского героя, который все время надевает на себя разные маски. Мы видели это уже в Уленшпигеле; но и русский Фрол Скобеев последовательно изображает из себя богатого дворянина перед Аннушкиной мамкой (подарив ее двумя рублями, замечает: «То мне сие ни во что»), переодевается дворянской дочерью, а затем лакеем монастырской тетки, выступает как встревоженный муж мнимобольной Аннушки и, наконец, предстает в качестве зятя знатного боярина.

Все это, конечно, совершенно противоположно пути Аввакума; почему же его «Житие» оказывается в чем-то сходным с теми или иными плутовскими романами? Для этого действительно есть основания. И Аввакум, и плутовские герои борются с противостоящим миром за себя, за свою собственную личность. Различие или, скорее, противоположность состоит в том, что Аввакум борется за то, чтобы сохранить, пронести через все испытания свою живую душу; плутовской же герой сражается с миром прежде всего за свое живое тело, которое хочет хорошо есть, быть в тепле, красиво одеваться и т.д. Для этого плутовской герой подчас готов пожертвовать своей душой – ее достоинством, чистотой, благородством, честью; он как угодно изворачивается, лжет, выступает в любой роли. Аввакум, напротив, идет по прямой и, всегда готовый жертвовать своим живым телом, сохраняет чистую и нетленную душу. Он говорит об одном из своих врагов, никонианском митрополите Павле, который «как учинился попенком, так по боярским дворам блюдолизить научился: не видал и не знает *духовнаго* того *жития*». И когда Аввакум, закопанный в пустозерской яме, называет себя «живым мертвецом», «жизнь» заключена именно в сбереженной душе; плутовскому же герою грозит опасность стать «живым мертвецом» как раз в обратном смысле.

Но здесь и выступает противоречие. Мы видели, как бесчестный Паблос у Кеведо⁷ не захотел принять деньги от дяди-палача. И мы видим также, что изголодавшийся Аввакум хотел бы «полизать блюдо» и «испить помои» из рук своих палачей...

Дело здесь вовсе не в моральных или даже жизненных проблемах: наша задача в том, чтобы выяснить, почему Аввакум создал не житие в традиционном смысле, но глубоко новаторское повествование о частной жизни. Оказывается, что его подвижничество реально предстает как непрерывная личная борьба за свою живую душу, борьба, которая *вовлекает*, вбирает в себя все мелочи повседневного бытия, придавая им безграничное значение. Как борьба плутовского героя за свое живое тело делала для него – и, соответственно, для писателя и читателя – неоценимо существенной любую жизненную подробность, так и борьба Аввакума за свою живую душу превращает все прозаическое частное бытие в подлинно *эстетическую* реальность. Он повествует об одном из своих тюремных сидений: «Щелка на стене была, – собачка ко мне по вся дни приходила, да поглядит на меня; яко Лазаря во гною у вратех богатого пси облизаху гной его, отраду ему чинили, так и я со своею собачкою поговаривал, а человецы далече окрест меня ходят и поглядеть на тюрьму не смеют». Собачка причастна к личной борьбе Аввакума, – и поэтому она с любовью вовлекается в повествование, делается частицей художественной реальности; к тому же Аввакум просвечивает ее религиозной символикой, сравнивает с евангельскими псами. Но это сравнение не хрестоматизирует ту реальную собачку, которая глядела в щелку на Аввакума, в то время как «човецы далече окрест меня ходят».

Именно «далече окрест» взрываются и замирают раскольниковы бунты, «далече окрест» витает Бог и евангельские псы, а реально существует только эта собачка, ближайшие друзья, страждущая вместе с неукротимым главой семья:

«Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошадьми итти не поспеем; голодные и

томные люди. Протопопица бедная бредет бредет, да и повалится, – кольско гораздо! ...А иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут... Я пришел, – на меня бедная пеняет, говоря, “долго ли муки сея, протопоп, будет?” И я говорю: “Марковна, до самыя до смерти!” Она же, вздохни, отвечала: “добро, Петрович, ино еще побредем”». Это и есть подлинная реальность жизни и повествования Аввакума.

Вместе с тем нельзя забывать, что для Аввакума существуют, помимо этой основной реальности, также и чувственно не воспринимаемые реальности Бога и народного дела: без них сама его личная жизнь не имела бы смысла.

Своеобразная трисоставность четко выразилась даже в композиции «Жития». Оно начинается с Божовой реальности: «Всесвятая Троице, Боже и Содетелю всего мира! Поспеси и направи сердце мое начати с разумом...», затем идет сам рассказ о жизни, а в заключение (если не считать отдельных дополнительных рассказов) Аввакум обращается к народу: «Нутко, правоверне, нарцы имя Христово..! Мучься за сложение перст, не рассуждай много!»

Но эта же трисоставность определяет и структуру многих отдельных эпизодов «Жития»; исходя из Бога, Аввакум повествует о том или ином факте жизни и взывает к народу. Вместе с тем обе идеи только освещают и окрашивают возвышенным колоритом основное и подчиняющее себе все остальное содержание – образ личного бытия и сознания. Иногда «божественная проекция» вообще не дается или оказывается отдельным, отпавшим элементом содержания. Так, Аввакум рассказывает о своей встрече с мятежным туземным населением Сибири во время возвращения из ссылки:

«...Оне с луками и обскочили нас. Я-су, вышед, обниматца с ними, што с чернцами, а сам говорю: “Христос со мною, а с вами той же!” И оне до меня и добры стали и жены своя к жене моей привели. Жена моя также с ними лицемеритца, как в мире лесь совершается; и бабы удобрились. И мы то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро.

Спрятали мужики луки и стрелы своя, торговать со мною стали, – медведен (то есть залежалый товар) я у них накупил, – да и отпустили меня... Приехав в Тоболеск, рассказываю; ино люди дивятся тому... А я говорю: “Христос меня пронес, и Пречистая Богородица провела...”»

Здесь обнаруживается явное распадение, несоответствие двух мотивировок: с одной стороны, мирность туземцев объяснена тем, что Аввакум ведет себя с ними «што с чернцами», и покупает у них залежалый товар, и взаимной симпатией женщин; кстати, это, пожалуй, единственный случай, где Аввакум – не полемизировать же с не понимающими русского языка туземцами! – поступает в духе плутовского героя, льстит и «лицемеритца». С другой стороны, оказывается, что все совершилось волей Бога, спасающего Аввакума; так он объясняет это народу. Здесь три реальности действительно распались, хотя, конечно, во многих других эпизодах «Жития» они едины, взаимопроникновенны. Каждую жизненную мелочь Аввакум стремится просветить своим целостным мироощущением: личные тяготы и страдания он осмысляет как подвижничество во имя народного дела, а в удачах видит проявления Божьей воли.

И все же в «Житии» перед нами предстают не деяния рыцаря и подвижника, но частная судьба человека, который имеет личных друзей и личных врагов и борется прежде всего за свою собственную живую душу. Так получается вовсе не вопреки подвижничеству, ибо как раз высокое представление о своей роли только и внушает Аввакуму сознание ценности своего *личного* бытия. Лишь гораздо позднее, в русской литературе XIX века, ценность личного человеческого бытия будет осознана сама по себе. Но, так или иначе, Аввакум эстетически утверждает именно свою *частную* жизнь. И это получается уже как бы независимо от его воли – его жизнь *объективно* оказывается частной, слагающейся из личных отношений с людьми.

Это особенно ярко выражается в столкновении Аввакума с враждебными представителями власти.

Мы еще не касались этой очень существенной стороны дела. Противостоящие Аввакуму власти представляют собою еще одну реальность его жизни. Подчас он создает обобщенный образ «бесовской», «антихристовой» власти – особенно в призывных посланиях. Однако в большинстве случаев представители власти выступают в совершенно индивидуальных образах: «Друг мой Иларион, архиепископ Рязанской... В карету сядет, растопырится, что пузырь на воде, сидя на подушке, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу, по площади, чтобы черницы-ворухи унеятки любили! Ох, ох, бедной! Некому по тебе плакать!» Это уже, казалось бы, крайняя заостренность личного: речь идет о бывшем друге. Но на самом деле это обычный подход Аввакума к врагам: ведь они все его бывшие «друзья», то есть, если говорить с научной точностью, члены церковной иерархии, к которой ранее принадлежал и сам Аввакум. Они и раньше вовсе не были, по существу, друзьями Аввакума: он просто не имел с ними непосредственно *личных*, частных отношений или, во всяком случае, эти отношения выступали крайне ослабленно, были всецело подчинены официальным отношениям, «дружбе» в средневековом смысле слова – сословной, безличной дружбе. После раскола, отпав от церкви, Аввакум оказывается как раз в частных отношениях с ее владыками; они становятся его *личными* врагами – так же как отошедшие от церкви сторонники Аввакума стали *личными* друзьями.

«Посем Никон, друг наш, ...приехал; с нами яко лис: челом да “здорово!” Ведает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помешка какова не учинилась... Царь его на патриаршество зовет, а он бытто не хочет, мрачил царя и людей... Егда поставили патриархом, так друзей не стал и в крестовую пускать». Здесь поистине небывалым для русской литературы оказывается самый предмет, объект изображения: Аввакум изображает не патриарха, но действующую человеческую личность.

Как очень точно писал Д. С. Лихачев, в древней русской литературе «все действия героев соизмеряются только

с тем, как они должны были бы поступить согласно своему официальному положению... Князь описывается как князь, боярин – только как боярин, монах – только как монах и т.д. ...За пределами своего положения у героя литературного произведения нет своего личного и неофициального отношения к действительности^{*}. Между тем в «Житии» Аввакума воевода Пашков, патриарх Никон и даже сам царь Алексей Михайлович предстают как прежде всего частные люди, как определенные, своеобразные личности, только занимающие *положение* воеводы, патриарха, царя.

Это замечательно выразилось в рассказе о том, как еще до раскола царь одарил семью Аввакума пасхальными яйцами: «Сын мой Иван маленек еще был и не прилучился подле меня, а он, государь, знает гораздо ево, послал брата моего роднова сыскивать робенка, а сам долго, стоя, ждал, докамест брат на улице робенка сыскал; руку ему дает целовать, и робенок глуп, не смыслит, видит, что не поп, так не хочет целовать; и государь сам руку губам робенку принес, два яйца ему дал и погладил по голове». В этом столь характерном для будущей литературы изображении «точки зрения» наивного ребенка царь как бы превращен в обыкновенного человека, которому *полагается* целовать руку, но ребенок еще не знает этого «положения». Но сам Аввакум уже знает, что царь именно обыкновенный человек, который может быть зол и добр, умен и глуп, труслив и смел и т.д. и лишь в силу своего положения может влиять этими своими качествами на судьбы многих людей – в том числе и самого Аввакума. Рассказывая, как Никон льстиво восхваляет достоинства царя, Аввакум замечает: «А царь-ет, петь, в те поры чается и мнится, бутто и впрямь таков, святее его нет!»

Это новое сознание, полностью отделяющее личность от ее официальной «маски», – в соединении с художественным талантом Аввакума, способностью воссоздать в словесном образе живой и истинный облик человека – позволяет ему за-

^{*} Д. С. Лихачев. Движение русской литературы XI–XVII веков к реалистическому изображению действительности. М.: ИМЛИ, 1956. Стр. 7.

печатлеть неповторимый *индивидуальный* характер слабого и нерешительного царя Алексея, который долго колеблется между Аввакумом и его врагами. Это великолепно выразилось в сцене, изображающей приезд царя к тюрьме, где сидел Аввакум: «А как на Угреше был, тамо и царь приходил и, посмотри около полатки, вздыхая, а ко мне не вошел; и дорогу было приготовили, насыпали песку, да подумал, подумал, да и не вошел; полуголову взял и с ним, кое-што говоря про меня, да и поехал домой».

Но, конечно, с наибольшей силой и полнотой изображена в «Житии» индивидуальность самого Аввакума; собственно, ведь именно через его восприятие, с его точки зрения (а она все время определяет повествование) и обнаруживается личностное содержание других героев. Основу «Жития» составляет повествование о частном бытии и сознании рассказчика и одновременно центрального героя в рамках «прозаической» повседневной жизни. Эта новаторская художественная материя, которая при сопоставлении с предшествующей русской литературой предстает как явление совершенно иной эпохи, резко выделяет «Житие» даже среди других произведений второй половины XVII века – новелл типа повести о Татиане Сутуловой и зародыша плутовского романа о Фроле Скобееве. И потому книга Аввакума с наибольшими основаниями может быть названа предтечей русского романа.

В прошлом веке повествование Аввакума подчас рассматривалось как своеобразное продолжение агиографической литературы, как «житие» в жанровом смысле*. Эта точка зрения не выдерживает критики уже хотя бы потому, что «Житие» Аввакума написано им самим: для русской житийной литературы это абсолютно невозможная ситуация, а самооправдывающая ссылка Аввакума на назидательные примеры собственных подвигов в сочинениях полумифических апостолов или греческого проповедника XI–XII веков Доротея едва ли может рассматриваться как серьезный

* Напр., в кн. А. К. Бороздина «Протопоп Аввакум» (СПб., 1900, стр. 299).

аргумент. Характерно, что один из видных исследователей склонен был даже видеть в произведении Аввакума элементы пародии на «высокий» житийный жанр*. И в этом есть определенная объективная правда – хотя Аввакум, конечно, не ставил перед собой такую задачу.

В подавляющем большинстве новейших работ об Аввакуме «Житие» определяется как «художественная автобиография». Отсюда подчас выводится и довольно наивное умозаключение: решив написать житие о себе самом, не дожидаясь, пока напишут другие, Аввакум как раз и создал новаторское повествование о личной человеческой судьбе. Однако таким образом явно переворачиваются причина и следствие. Ведь именно небывалая личная судьба, переполнившая душу небывалым содержанием, побудила Аввакума написать автобиографию. Не обращение к форме рассказа о себе породило, вызвало к жизни это жгущее разум и сердце содержание, а напротив, именно оно требовало для своего воплощения такой формы. И далеко не случайно, что автобиографическая форма вообще типична для романа вплоть до середины XVIII века, – хотя личность рассказывающего о себе героя подчас и несовместима с личностью автора (романы Грина, Сореля, Гриммельсгаузена автобиографичны и в прямом смысле).

С другой стороны, автобиографичность произведения вообще почти ничего еще не говорит о его художественной природе. Совершенно верно замечает современный исследователь творчества Аввакума: «Сказать о Житии протопопа Аввакума, что мы имеем дело с автобиографией, еще не значит дать определение ж а н р а; это лишь служит указанием на м а т е р и а л , положенный в основу произведения». Далее напоминает, что в русской литературе есть масса произведений – от «Поучения» Владимира Мономаха (рубеж XI–XII веков) до трилогии Горького, – основанных на автобиографическом материале; это еще не дает никаких оснований для

* См. А. С. Орлов. Древняя русская литература. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1945. Стр. 339.

их сближения как определенных художественных явлений*. И В. Е. Гусев вполне справедливо говорит «о приближении Жития к определенному жанру, окончательно оформившемуся лишь позднее. Мы имеем в виду ту тенденцию становления синтетического жанра романа, которая одновременно и поразному проявилась в повествовательной литературе второй половины XVII века...»

По мнению В. Е. Гусева, наиболее «важным проявлением тяготения Жития к жанру романа является... впервые осуществленное Аввакумом изображение человека как средоточия общественных противоречий, его попытка собрать в фокусе частной жизни и личной психологии события большого общественного значения, судьбы и психологию целого социального слоя» (там же, стр. 200). Эти соображения высказаны В. Е. Гусевым и в его предисловии к последнему изданию сочинений Аввакума (Гослитиздат, 1960).

Подход к «Житию» как к роману или, точнее, явлению, приближающемуся к роману, – это вовсе не игра в термины. Речь идет об истинном понимании как новаторской сущности произведения Аввакума, его художественного своеобразия, так и процесса развития русской литературы в целом. Думается, что именно такое понимание «Жития» станет вскоре общепринятым.

4

Определение повествования Аввакума как раннего образца романа исходит из всей совокупности мыслей, высказанных в данной книге и о сущности романа вообще, и о художественном сознании самого Аввакума.

Вождь русских раскольников XVII века создал повествование, обнаруживающее характерные черты эпоса нового времени, в силу исторического своеобразия его эпохи и его собственного положения в ней. И в «Житии» отчетливо

* См. В. Е. Гусев. О жанре Жития протопопа Аввакума. Труды отдела древнерусской литературы. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1958. XV. Стр. 196.

предстают существенные особенности новаторской эстетики и поэтики романа.

Стоит отметить, что В. Е. Гусев выражается не вполне точно, когда он говорит о «попытке» Аввакума «собрать в фокусе частной жизни и личной психологии события большого общественного значения». Это суждение можно понять в том смысле, что перед Аввакумом открывалась возможность воплотить то же самое содержание и вне образа «частной жизни и личной психологии». На самом деле изображение личностной судьбы было в данном случае не одним из способов, но необходимостью, которая, собственно, и рождает роман. Только в новаторском повествовании о частном бытии и можно было художественно осознать те противоречия целой эпохи или даже русской жизни вообще, которые – конечно, смутно, внутренне, стихийно – волновали и жгли Аввакума. Иначе он и не смог бы рассказать «о времени и о себе». Не Аввакум, а сама *история* как бы «собрала в фокусе частной жизни и личной психологии» решающие противоречия общенародной, национальной жизни. Причем это характерно именно для второй половины XVII века: в Петровскую эпоху жизнь как бы делает шаг назад – хотя вместе с тем безудержно и стремительно вырывается в будущее. Но во всяком случае глубина и сила искусства Аввакума могла быть понята лишь в XIX веке – в определенном смысле он, с его личностным пафосом, забежал далеко вперед.

Выше мы достаточно подробно говорили о ренессансном начале в Аввакуме. И в этом отношении интересно сопоставить его с западными религиозными деятелями эпохи Возрождения – например, Мартином Лютером, который ведь также был выдающимся писателем, автором знаменитого хорала – «Марсельезы XVI века» (Энгельс), поучительных басен, страстных памфлетов против римского папы. В своих сочинениях Лютер нередко близок к Аввакуму. Он писал о папстве: «Ввиду того что эта дьявольская держава не только являет собой открытый разбой, обман и тиранию адских сил, но и губит дух и тело христиан, обязаны мы приложить

все старания, чтобы спасти христианский мир от этого горя и разорения... Если мы по праву вздергиваем на виселицу воров и обезглавливаем разбойников, почему должны мы оставлять на свободе римскую алчность, которая является величайшим вором и разбойником из всех когда-либо существовавших и могущих существовать на свете...» Это действительно напоминает послания Аввакума против никониан, хотя только отчасти.

Очевидно, что Аввакум во многих отношениях предстает как значительно более «средневековая» фигура, чем Лютер. Мы не найдем у него того свободомыслия, широты и революционного духа, которыми проникнуты сочинения вождя немецкой Реформации. Аввакум ведь вовсе не стремился реформировать церковь в каком-либо «новом» смысле: он, напротив, хотел вернуть уже пошатнувшийся старый патриархальный мир. С этой точки зрения Аввакум далеко «отстал» от Лютера, — разумеется, в силу конкретных обстоятельств русской жизни. Однако, с другой стороны, Аввакум как раз значительно ушел вперед. Этот религиозный подвижник обладает таким глубоким и острым личностным сознанием, которое совершенно недоступно Лютеру. Руководитель буржуазной Реформации не только не написал и не мог бы написать роман о себе; в его сочинениях нет и следа той напряженной стихии собственной индивидуальности, которая пронизывает «беседы» и письма Аввакума, внедряющего обнаженный пафос личной жизни и своего неповторимого духа даже в толкования псалмов.

Так, Лютер стремится прежде всего точно перевести Библию на немецкий язык. Между тем Аввакум, даже излагая пророчества об антихристе, не может удержаться, чтобы тут же не перейти в личную сферу: «Исперва будет казаться людям кроток, и смирен, и милостив, и человеколюбив: слово в слово как Никон... Я ево высмотрел дияволова сына, до мору тово еще..! ...В окно из палаты нищим деньги бросает, едучи по пути нищим золотые мечет! А мир-от слепой хвалит: государь такой-сякой, миленькой, не бывал такой от веку! А бабы

молодые, – простите бога ради, – и черницы, в палатах тех у него верременницы, тешат его, великого государя пресквернейшаго... У меня жила Максимова попадьа, молодая жонка, и не выходила от него...; пришед песни поет: у святителя государя в ложнице была, вотку пила ...Простите же меня за сие. И бол мни тоя безделицы я ведаю, да плюнуть на все. Слово в слово таков-от антихрист будет».

Но, как ни просит прощения Аввакум, «безделица» частной жизни явно выходит на первый план и заслоняет ему и читателю образ «антихриста» как такового. Речь идет о личностях и о личном отношении к ним Аввакума, который смотрит на мир глазами нового, частного человека. В этом отношении как раз Лютер оказывается близок средневековой, безличной точке зрения. Если же мы возьмем Аввакумово «Житие» в его целостном художественном своеобразии, можно с полным правом сказать, что писатель, который, кажется, лишь вчера оторвался от средневекового бытия, неожиданно «забегает вперед» не только в сравнении с Лютером, но и относительно западной литературы эпохи Возрождения в целом, ибо роман как повествование о собственно частной жизни складывается в Германии или даже Франции в самом конце этой эпохи. В России еще лишь впервые забрезжили лучи нового развития, с трудом пробивающиеся через толщу средневекового быта и сознания, – и сразу является Аввакум со своим поразительно новаторским повествованием. И это всецело закономерно для истории России, с ее необыкновенным переплетением консерватизма и революционности, – России, где еще только накануне отмены крепостного права (на Западе в это время уже начинает складываться высшая стадия капитализма) рождаются такие художники, как Толстой и Достоевский, становящиеся во главе мировой литературы, вырывающиеся невероятно далеко вперед. Причем в творчестве этих гигантов, как и у Аввакума, внешне консервативные, словно вышедшие из Средневековья религиозно-философские образы неожиданно оборачиваются революционной, устремленной в будущее стороной.

В. Е. Гусев в уже цитированной работе совершенно верно указывает существенные особенности «Жития» как произведения нового жанра – синтез субъективного лиризма с эпичностью, сочетание «героического и обыденного, трагического и комического», «стремление к изображению разносторонности характера» и, наконец, черты строения: «развернутость повествования, многофигурность... многоэпизодность и в то же время однолинейная, цепочная композиция». Необходимо только рассматривать эти свойства как элементы целостной художественной структуры, где каждая черта взаимосвязана с другими, где все закономерно вырастает из основного зерна содержания. И в «Житии» так или иначе выступают все характерные качества романа, о которых шла речь выше, в связи с анализом ранних западноевропейских образцов жанра.

Аввакум оторвался от официального общества, которое теперь гонит и преследует его. И его судьба становится поединком с этим обществом. Поэтому отдельный человек, в одиночку борющийся за свою живую душу, выступает как центр и подлинный герой развернутого повествования о целом мире, новой эпопеи. Но поскольку это частный герой, повествование не отвлекается, не уходит в идеализированные высшие сферы от повседневной прозаической жизни в ее многообразии. И эта повседневность вовсе не предстает как царство низменного, обыденного бытия (что имеет место в сатире, которая изображает частную жизнь и в средневековую эпоху, но только с целью разоблачения ее ничтожности и пустоты). Роман открывает в прозаической повседневности глубокий смысл, героизм и идеальность.

Это рельефно обнаруживается уже на первых страницах «Жития», повествующих о детстве и отрочестве Аввакума. Начинается неприкрашенный рассказ о рождении в селе Григорове, о том, что отец «прилежаше пития хмельнова», а матери «постница и молитвенница бысть». И тут же Аввакум говорит о рано пронзившем его сердце религиозном пафосе, который затем определит всю жизнь: «Аз же некогда виде

у соседа скотину умершу, и той ноши, восставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся нощи молитися». Итак, в начале жизни стоит не лучезарное видение ангела, но грубая реальность мертвого тела животного, поразившая мальчика, который плачет от смертного ужаса. Но нельзя не видеть и другой, «высокой» стороны этого факта, ибо он говорит также о духовной глубине и активности: не чужие вдалбливаемые назидания, не давление общепринятых норм, но собственное, личное осознание жестокого впечатления порождает в мальчике веру. А это означает в конечном счете, что Аввакум в иных условиях мог бы также лично, самостоятельно и глубоко отдаться и другой, более богатой и человеческой идее...

Эта нерасщепляемая эстетическая многогранность присуща и всему дальнейшему повествованию: в грубой или даже грязной обыденности живет возвышенная героика; комические приключения несут в себе трагический смысл. В высшей степени замечательно, что эту противоречивую многогранность своей жизни и своего повествования о ней осознает и сам Аввакум. Он многократно замечает в «Житии»: «И смех и горе, как помянутся дние оны...», «и смех с ним и горе!», «и горе, и смех!» и т.д. Это совершенно новое восприятие жизни, которое позволяет Аввакуму писать о мучительной тюремной жизни так: «Что за разбойниками, стрельцов войско за нами ходит и срать провожают; помянется, – и смех и горе...»

Характерен и рассказ Аввакума о том, как в Тобольске против него «попы и чернцы весь возмутили град»: «Мучился я с месяц, от них бегаючи втай; иное в церкви ночью, иное к воеводе уйду. Княгиня меня в сундук посылала: “Я-де, батюшко, над тобой сяду, как-де придут тебя искать к нам”... А иное в тюрьму просился, – ино не пустят». Так геройское и трагическое сопротивление Аввакума предстает в комическом облике: он ищет убежища в тюрьме, и ему, словно некоему плуту, предлагают спрятаться в сундук...

И Аввакум в самом деле осознает глубокое новаторство своего повествования – с гораздо большей ясностью, чем иные позднейшие исследователи. Свой рассказ о личных подвигах он воспринимает именно как неслыханную дерзость: «Как молоть (то есть молвить)? – и сором и не смею...» Вполне объективно характеризует он существо своей жизни: «Мотаюсь, яко плевел посреде пшеницы, посреде добрых людей, а инде посреде волков, яко овечка, или посреде псов, яко заяц...» Наконец отчетливо понимает Аввакум и небывалую природу самого своего стиля, с необходимостью порожденного новаторским содержанием: «Аще что реченно просто... не позазрите просторечию нашему...» Он дает и более резкое определение своего рассказа: «Моего вяканья много веть слышал...» Действительно, изображение того, как человек «мотается», естественно требует своеобразной манеры «вяканья» – безыскусственного просторечного сказа. Но, конечно, безыскусственность не означает отсутствия большого и подлинного искусства. Лев Толстой, с восхищением выписывавший в свой дневник фразы «Жития», говорил об Аввакуме как о «превосходном стилисте», умевшем писать «коротко и образно»*.

Свободная форма сказа гибко передает ритм изображаемых событий или переживаний. Вот Аввакум рассказывает, как чуть не утонул в сибирской реке, – и сжатые, схватывающие лишь самое главное, действенные фразы, состоящие к тому же из ряда самостоятельных смысловых звеньев, с живой предметностью выражают быстроту и напряженность происходящего: «Барку от берегу оторвало водою, – людские стоят, а мою ухватило, да и понесло!.. Вода быстрая, переворачивает барку вверх боками и дном; а я на ней ползаю, а сам кричу: “Владычице, помози! упование, не утопи!” Иное ноги в воде, а иное выползу на верх. Несло с версту и больши; да люди переняли. Все размыло до крохи!..»

Далее движение фраз замедляется, становится спокойным и вбирает в себя подробности и мелочи: «Я, вышед из

* Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 55. Стр. 544.

воды, смеюсь; а люди-те охают, платье мое по кустам развешивая, шубы отласные и тафтяные, и кое-какие безделицы тое много еще было в чемоданах да в сумах; все с тех мест перегнило – наги стали. А Пашков меня же хочет опять бить: “Ты-де над собою делаешь за посмех!”»

Не следует думать, что все это не имеет отношения к проблеме близости «Жития» к роману; ритм прозы, передающий, изображающий различные ритмы самой повседневной жизни, рождается лишь в романе. Так, в «Слове о полку Игореве» или в действительно героическом «Житии Стефана Пермского» Епифания Премудрого (XV век) ритм повествования имеет совсем иную природу. Он близок к стихотворному ритму и призван прежде всего воплотить стихию возвышенности и героики. Так, Епифаний изображает один из подвигов своего героя: «Коль много лет мнози философи еллинстии събирали и составляли грамоту греческую и едва устави многими труды и многими времени едва сложили; пермскую же грамоту един чрьнецъ сложил, един составил, един счинил, един калогер, един мних, един инок, Стефан глаголю, приснопомнимый епископ, един в едино время, а не по многа времени и лета, якоже и они, но един инок, един воединый и уединяся, един, уединеный, един у единого Бога помощи прося, един единого Бога на помощь призываа, един единому Богу моляся...»

Но мы еще вернемся к этому вопросу, говоря о форме романа. Важно лишь понять, что новаторское художественное содержание «Жития» Аввакума – содержание, которое я стремился подробно охарактеризовать, – закономерно порождает и определенные формальные свойства повествования, тяготеющие к жанровым признакам романа. Усвоив специфику содержания романа и, с другой стороны, уяснив своеобразное проявление этого содержания в данном произведении – например, в «Житии» Аввакума, – мы уже можем действительно глубоко и полно осмыслить новаторскую форму романа.

В предыдущих главах речь шла именно о содержании романа на раннем этапе его истории – в народных романах,

подобных книге об Уленшпигеле, в плутовских романах XVI–XVII веков, в своеобразном повествовании Сервантеса. С этой же, «содержательной», точки зрения мы подходили к истокам русского романа – к переходным формам, подобным повестям о Савве Грудцыне и о Горе-Злочастии, к «Истории о Фроле Скобееве».

Между прочим, характернейшей чертой русского литературного развития второй половины XVII века – в отличие и от предшествующего, и от последующего периодов – является необычайно тесная связь литературы и фольклора. Если при анализе русской литературы XI – начала XVII века и затем XVIII–XX веков речь идет о воздействии фольклора, о фольклорных элементах – например, в «Слове о полку Игореве», «Задонщине» и т.д., а затем у крупнейших писателей новой литературы, – то для второй половины XVII века вопрос встает совершенно по-иному. Новеллистические повести и сатиры этого времени как бы одновременно принадлежат и литературе, и фольклору. Даже «История о Фроле Скобееве» – нечто вроде «приказного фольклора». Это своеобразное свойство имеет громадный смысл: оно означает, что происходит рождение новаторской литературы, которая исходит не столько из предшествующей традиции, сколько из самой жизни. Поэтому профессиональное творчество (а оно к XVII веку было достаточно высоко развито на Руси) вдруг словно растворяется, сливается с народным. Литература как бы начинается заново, на пустом месте, и не случайно тот же Аввакум все время подчеркивает, что «аз есмь ни ритор, ни философ, дидакалства и логофетства неискусен, простец человек и зело исполнен неведения. Сказать ли, кому я подобен? Подобен я нищему человеку, ходящу по улицам града и по окошкам милостыню просящу...» В другом месте он с вызовом утверждает, что «виршами философскими не обык речи красить».

Ошибочно было бы видеть в этом только «реакционное» пренебрежение культурой. Ведь то же самое явно могли бы сказать вместе с Аввакумом авторы всех крупнейших произ-

ведений эпохи – повестей о Горе-Злочастии, Савве Грудцыне, Татиане Сутуловой, Фроле Скобееве и т.д. Они не столько обращаются к какой-либо литературной традиции, сколько действительно ходят «по улицам града» и собирают образы и слова живой реальности, воплощая их в «неприкрашенной» форме. Поэтому, например, «История о Фроле Скобееве» – столько же фольклорное, сколь и литературное явление, и в данном отношении этот зародыш плутовского романа родствен первым романам Запада – например, «Жизни Ласарильо с Тормеса» (в этом романе тоже сомкнулись фольклор и литература), где один из героев – также обедневший дворянин-пикаро, стремящийся поправить свои дела выгодной женитьбой. Родство здесь, конечно, вовсе не ограничивается совпадением тематики, но отчетливо проступает и в самом характере изображения.

В то же время «Житие» Аввакума в известном смысле может быть соотнесено с «Дон Кихотом» Сервантеса; в этих произведениях есть целый ряд аналогичных моментов содержания. Аввакум, как и Дон Кихот, обращен в прошлое, охвачен стремлением воплотить в окружающей его жизни идеал минувшего века, – правда, это средневековый идеал патриархального «благочестия», а не дух «странствующего рыцарства», вобравший в себя идеи испанского Возрождения. Во всяком случае, Аввакум – также своего рода «рыцарь», или, пользуясь его словами о святых подвижниках, «храбрый и непобедимый воин Царя Небесного». Он хочет на каждом шагу подражать героям русской житийной литературы, подобным Стефану Пермскому, о котором он прямо упоминает в «Житии», – этим «рыцарям» агиографического эпоса.

Опираясь на устаревший, уже совершенно неприменимый в условиях распада средневекового бытия идеал, Аввакум, как и Дон Кихот, отважно вступает в борьбу с целым миром, стремясь «исправить» и «спасти» его. С первых страниц «Жития» он неукротимо защищает сирот, вдов, притесняемых казаков и стрельцов, получая непрерывные удары со всех сторон. Более того, Аввакум, подобно Дон Кихоту,

не замечает препятствий, делающих его стремления чисто утопическими, и в этом смысле даже приобретает черты фантастического безумца.

Конечно, в повествовании о самом себе отсутствует какое-либо осознание этого, но если представить себе вполне возможный «объективный» роман об Аввакуме, здесь, без сомнения, должны были бы гораздо острее обнаружиться донкихотские черты этого рыцаря благочестия.

Впрочем, и в «Житии» есть эпизоды, удивительно совпадающие с некоторыми сценами романа Сервантеса. Так, например, Аввакум рассказывает: «Придоша в село мое плясовые медведи с бубнами и домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, ухари и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, — одного ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле». Этот подвиг непосредственно напоминает разгром Дон Кихотом кукольного театра и бегство обезьяны Хинеса. Правда, Дон Кихот в своем безумии принимает злодеяния на сцене за действительность, а Аввакум видит в скоморошьях играх реальную угрозу благочестию, — однако *объективно* действия обоих героев совпадают.

Но более всего сходство проявляется, конечно, в тех эпизодах, где Аввакум повествует о явлениях Христа, Богородицы, ангелов и бесов и их фантастических деяниях. При крайней искренности, с которой написано все «Житие», невозможно предположить, что Аввакум выдумал свои видения. Это явно галлюцинации, вызванные религиозной экзальтированностью и нервным напряжением, обостренным голодом и страданиями; такое объяснение дают и все писавшие об этой стороне дела исследователи. Словом, Аввакум действительно близок к Дон Кихоту.

Но главное, разумеется, вовсе не в подобных совпадениях; повествования Аввакума и Сервантеса сближает то, что в центре их стоят герои, стремящиеся в одиночку исправить мир и, с другой стороны, движимые уже бессильным идеалом минувшего века.

Несмотря на свой героический фанатизм, оба оказываются частными индивидами, борющимися в условиях прозаической повседневности, и истории их жизни предстают как своеобразные романы, как эпические повествования нового типа, правда, существенно отличающиеся от другой линии начального развития романа – плутовских историй.

Итак, «Житие» Аввакума – это раннее выражение русского романа, причем, как мы стремились показать, сразу вбирающее в себя многие элементы, характерные именно для русского романа, отразившего своеобразные противоречия русской жизни нового времени. Крайне существенно уже то, что автобиографический роман Аввакума изображает духовные искания, идейную борьбу, которая станет определяющей темой позднейшего русского романа.

О главном в наследии славянофилов

Проблема славянофильства осложняется тем, что само это слово имеет не очень определенный и, в сущности, случайный характер. Представители славянофильства, кстати, не раз отрещивались от этого названия. Александр Кошелев писал, например: «Называть нас следовало не славянофилами, а, в противоположность западникам, скорее туземниками или самобытниками»*.

Действительно, самый существенный признак направления, которое именуют славянофильством, состоит вовсе не в «любви к славянам», а в утверждении принципиальной самобытности исторических судеб и культуры русского народа – в сравнении и с Западом, и с Востоком. Иногда эту самобытность распространяли и на остальные славянские народы, но в других случаях эта единая для славян самобытность решительно оспаривалась. Так или иначе, вопрос об отношении к славянам вообще – это совершенно особый вопрос.

* Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883). Берлин, 1884. С. 78.

Вторая сложность заключается в том, что термин «славянофильство» уже давно и прочно стал двойственным. С одной стороны, он означает вполне определенное учение, сложившееся в 1830–1850-х годах. Но «славянофильством» вместе с тем нередко называют чрезвычайно широкую и исключительно разнородную тенденцию в развитии русской общественной мысли – тенденцию, так или иначе основанную на идее сущностной самобытности России. Это ясно выразилось, например, в статье А. Янова, открывшей дискуссию¹: славянофильство здесь – хотя и с оговорками – возводится к идеологии непосредственных противников Петровской реформы, а своего рода завершающую его стадию автор усматривает в «черносотенной» идеологии начала XX века.

Что ж, если под славянофильством в широком смысле иметь в виду общую идею самобытности, А. Янов прав. Но он весьма сузил исторические рамки развития этой идеи. Ибо она достаточно ясно выразилась уже в первом из дошедших до нас памятников русской мысли – «Слове о законе и Благодати» Илариона (XI век), нашла развитие в идеологии Третьего Рима (XV–XVI веков) и – по-своему – у сторонников так называемого древнего благочестия, выступивших задолго до Петра, и т.д. С другой стороны, «самобытничество» в его традиционном виде развивается в какой-то мере и сейчас в некоторых кругах эмиграции, настроенных в духе группировок, сложившихся в 1920–1930-х годах, – «сменовеховцев», «евразийцев», «младороссов» и т.п.

Наша дискуссия посвящена славянофильству в узком смысле. И необходимо последовательно отграничивать понятие об этом по-своему законченном и стройном учении второй трети XIX века от представлений о «самобытничестве» вообще. Но в то же время едва ли можно до конца понять это учение, не исследуя его истоков и последующих отражений, не рассматривая его на фоне тысячелетней традиции. Конечно же, оно входит в эту традицию, поскольку речь идет об идее самобытности.

Эта широкая историческая перспектива – пусть она в столь кратком изложении неизбежно выглядит схематично – нужна для того, чтобы дать верную характеристику самой идее самобытности. Ведь сплошь и рядом эту идею, например, нераздельно связывают с консерватизмом и реакционностью. Так, между прочим, поступает и А. Янов. Вот линия, на которой он размещает славянофилов: реакционные стрельцы конца XVII века – консерваторы второй половины XVIII века, включая саму Екатерину II, – Сергей Глинка, граф Ростопчин (и, очевидно, не упомянутые автором «славянороссы» во главе с адмиралом Шишковым) – Шевырев, Погодин и редакция «Маяка» – «охранители» второй половины века и т.п.

Итак, «самобытничество», по-видимому, непременно сочетается с консерватизмом, и отсюда неизбежно вытекает вывод, что все «передовое» на стороне западничества. Сама борьба западников и «самобытников» отождествляется с борьбой передового и отсталого, нового и старого, жизненности и косности и т.п. «Самобытничество» – это в лучшем случае консервативная утопия, обреченная на вырождение.

Но все это совершенно не соответствует реальности. Не буду углубляться в далекое прошлое и доказывать, что и митрополит Иларион, ближайший соратник Ярослава Мудрого, и сторонники идеи Третьего Рима были самыми «передовыми» людьми своего времени. Обратимся к началу XIX века.

Нельзя забывать, что наряду со «славянороссами» – шишковистами – существовало Общество соединенных славян. И вообще очень значительная часть декабристов принадлежала к убежденным «самобытникам», приходившим даже к отрицанию Петровских реформ. Петр Каховский писал, например: «При царе Алексее Михайловиче еще существовали в важных делах государственных великие соборы, в которых участвовали различные сословия государства... Петром I, убившим в отечестве все национальное, убита и слабая свобода наша...»*

* Цит. по: Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика. М.–Л., 1951. С. 506.

Петр I, вторил ему декабрист Александр Улыбышев, обладал «скорее гением подражательным, нежели творческим... Толчок, данный этим властителем, надолго задержал у нас истинные успехи цивилизации... Только удаляясь от иностранцев... мы смогли поравняться с ними»*. Член Северного общества Михаил Фонвизин писал, что «в общественном быту славян преобладала стихия демократическая и общинная» и Древняя Русь оставалась «верною коренной славянской стихии: свободному общинному устройству»**.

Подобные высказывания декабристов, предвосхищающие славянофильство 40-х годов, можно приводить до бесконечности. Любопытно другое: родство по идее самобытности подчас оказывалось для декабристов важнее всех разногласий. Так, член Общества соединенных славян Кюхельбекер в 1833 году гордо записывал в дневнике: «...я вот уж 12 лет служу в дружине славян под знаменем Шишкова, Катенина, Грибоедова, Сихматова»***.

Не менее наглядно выразилось «самобытничество» и у многих народников, начиная с таких основоположников этого движения, как Бакунин****, Огарев и Герцен. Их бывшее западничество после 1848 года постепенно заменяется идеей самобытного развития России.

Герцен писал, например, в 1863 году: «Идеал Хомякова и его друзей был в прошедшем народа русского, в его быте, преображенном в небывалой чистоте. Но апотеоза, как бы ни была преувеличена, все же в ней *главные* черты истинны»***** (курсив мой. — В. К.). Герцен признавался теперь: «По стран-

* Там же. С. 290–291.

** Там же. С. 367.

*** Цит. по: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Собр. соч.: в 3-х т. М., 1951. Т. 3. С. 135.

**** Уже Белинский понял близость Бакунина к славянофилам и заметил в письме к Анненкову от 15 февраля 1848 г.: «Лучшие из славянофилов смотрят на народ совершенно так, как мой верующий друг» (имеется в виду Бакунин).

***** Герцен А. Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 17. С. 104. В дальнейшем все цитаты, приведенные в тексте статьи, даны по этому изданию.

ной иронии мне пришлось... проповедовать на Западе *часть того*, что в сороковых годах проповедовали в Москве Хомяков, Киреевские... и на что я возражал». Прочитав посмертно изданные сочинения Хомякова, он с удивлением обнаружил, «как во многом мы *одинаким образом* поняли западный вопрос, несмотря на разные объяснения и выводы» (курсив мой. – В. К.).

В 1866 году Герцен писал: «Между Европой и Азией развивается страна на иных основаниях... Она сложилась в государство без римского права и сохраняя как народную особенность свою оригинальное понятие об отношении человека к земле», которое «чуждо европейскому пониманию». Русские, писал он, обращаясь к европейцам, «имея иное происхождение и иную традицию, идут своим, весьма трудным путем, не восхищаясь вашим». «Ваши часы остановились».

В 1867 году Герцен с возмущением пишет: «Мы увидели, что лишены всего, начиная с платья и бороды (sic! – В. К.). Нас приучили презирать собственную свою мать и насмехаться над своим родительским очагом. Нам навязали чужеземную традицию».

Впрочем, мысли этого рода есть чуть ли не в каждой теоретической статье Герцена 1860-х годов. Они глубоко проникали и в сознание многих позднейших народников разных направлений и, далее, социалистов-революционеров – вплоть до созданной при участии членов этой партии идеологии «скифства»². И Щедрин* был, безусловно, прав³, когда в 1880 году упрекал Глеба Успенского: «Вы увлекаетесь идеалами Достоевского и Аксакова».

Говоря обо всем этом, я ни в коей мере не собираюсь ставить знак равенства между декабристами, народниками и славянофилами (в узком смысле). Я хочу сказать лишь, что «самобытничество» вовсе не тождественно консерватизму и антиреволюционности. Есть революционные «само-

* Который, кстати сказать, в 1850-х годах сам был очень увлечен учением славянофилов.

бытники», и есть крайне консервативные западники – как, скажем, Б. Чичерин, о котором тот же Герцен отзывался с острой враждебностью (по отношению к славянофилам, кстати, он никогда не употреблял такой тон) и, в частности, писал о нем в 1864 году⁴: «Реакция завоевывала позиции так быстро и с такой дерзостью, что один молодой профессор-юрист... открыл чтение своего курса изложением философии пассивного повиновения. Он поучал... что великий долг человека – это безусловное повиновение всякому закону, даже несправедливому и нелепому, потому только, что это закон». Замечательно, что эта критика исходит из позиций явно славянофильского оттенка, ибо с «западной» точки зрения всякий закон в самом деле священен (ведь отдельное нарушение закона создает прецедент, ведущий к подрыву системы законности). Но Герцен уже пришел к выводу, что Россия сложилась «на иных основаниях», нежели Европа, – в частности, «без римского права»... Впрочем, он здесь далеко не одинок: трудно представить себе более резкое отрицание права и суда в «западном» смысле слова, нежели то, которое дано было, скажем, Достоевским и Толстым; в этом они выступали как дальние последователи митрополита Илариона, противопоставившего «закону» – «Благодать»*.

Итак, «самобытничество» само по себе не имеет определенной политической окраски, и идею глубокой самобытности России отстаивали самые разные и даже противоположные идеологи: «шишковисты» и декабристы, издатели «Маяка» и молодая редакция «Москвитянина» во главе с Островским, представители «почвенничества» и Герцен, К. Леонтьев и народники, монархические националисты начала XX века и социалисты-революционеры и т.д. и т.п. Стоит напомнить и о том, что в русле «самобытничества» так или иначе развивались столь разные русские писатели, как

* То же значение имеет, в сущности, противопоставление «свободы» и «воли» в «Живом труп» Толстого: «“свобода” – это нечто, имеющее пределы, установленные законом; воля не имеет пределов и легко переходит в произвол...»

Гоголь, С. Аксаков, Тютчев, Достоевский, Толстой, Островский, Г. Успенский, Лесков, Блок, Пришвин, Есенин, – если брать только великие имена.

Одни из «самобытников» аристократичны, другие – всецело демократичны; одни исходят из необходимости национальной революции, другие – в принципе против всяких революций; одни религиозны, другие – атеисты; одни выдвигают на первый план национальную государственность, другие вообще отрицают значение политического строя (вплоть до анархических идей); одни придерживаются исторического оптимизма, другие, напротив, пессимисты и т.д. и т.п.

Примерно те же различия характерны и для представителей западничества. А это означает, что собственно идеологический водораздел проходит не здесь, не между западничеством и «самобытничеством» как таковыми. Сами по себе эти направления стремились прежде всего объективно понять существо исторического пути и культуры России (другое дело, как и в каких целях истолковывались те или иные объективные данные), и каждое из них схватывало определенные стороны истины.

«Самобытники», например, долго не признавали неизбежности развития капитализма в России. Но в то же время западники не смогли предвидеть, что общее развитие России все же пошло по-иному, чем в Западной Европе.

Ошибки в изучении славянофильства ярко выражаются в том, что западничество вообще как-то безусловно и априорно оценивается более «высоким» баллом. Подчас это находит крайние и даже нелепые выражения. Так, в статье Ю. Карякина и Е. Плимака⁵ о западниках их спор со славянофилами о сущности России объявлен лишь выдуманной в цензурных целях формой дискуссии противников крепостного права, то есть западников, с крепостниками – славянофилами...

Но даже в серьезных и проникнутых пониманием исканий славянофилов статьях Б. Егорова и Л. Фризмана⁶ в данной дискуссии славянофильство все же подчас оценивается путем сопоставления с западничеством: положительным

представляется в основном то, что так или иначе сближает «самобытников» с западниками.

А. Янов усматривает главный порок славянофильства в утопичности социальной программы. Но разве западническая идея пересадки на русскую почву европейских порядков не оказалась утопией? Или А. Янов полагает, что революции 1905-го и тем более 1917 года преобразовали Россию по образу и подобию Западной Европы? Или другой пример. А. Янов так или иначе сближает литературно-критические позиции славянофилов и «Маяка». Едва ли это следовало делать. Ведь для писаний А. Мартынова⁷, которые цитирует А. Янов, характерен прежде всего своего рода нигилизм по отношению к чуждым ему ценностям культуры. Именно это определяет существо его рассуждений о Пушкине. И если уж с чем-либо сравнивать эти фразы о «легкомыслии», «мишурности», «незрелости», «пустоте» поэта, то скорее всего с рассуждениями о Пушкине некоторых «западнически» настроенных нигилистов 1860-х годов. Здесь можно бы указать и текстуальные совпадения. К славянофилам же все это не имеет никакого отношения.

Дело в том, что А. Янов ошибается, когда он «жестко» связывает оценку Пушкина (и культурных достижений вообще) с определенной идеологией. Известный в свое время историк и филолог В. Пузицкий⁸, принадлежавший к консерваторам (он критиковал русское самодержавие справа и даже пострадал за это – был переведен из Москвы в Егорьевскую гимназию), писал о Пушкине как о величайшем поэте.

Словом, чтобы всерьез говорить о славянофильстве, необходимо отказаться от ярлыков и исследовать конкретную сущность идеи самобытности в различных ее формах.

Теперь мы можем непосредственно обратиться к характеристике славянофильства 1840–1850-х годов. И первое, о чем необходимо сказать, – это о том, что создатели учения были глубокими и самобытными мыслителями, поставившими целый ряд сложнейших философских и иных вопросов. Их высокие достоинства не раз признавали даже пря-

мые идейные противники славянофильства. Чернышевский писал, не скупясь на превосходные степени⁹: «...гг. Аксаковы, Кошелев, Киреевские, Хомяков... принадлежат к числу образованнейших, благороднейших и даровитейших людей в русском обществе». Герцен, еще будучи «правоверным» западником (в 1843 году), утверждал¹⁰, что статьи Ивана Киреевского «предупредили современное направление в самой Европе» (т. 2, с. 321; курсив мой. – В. К.), а это в его устах было тогда наивысшей похвалой.

Как бы ни относиться к тем или иным взглядам И. Киреевского, Хомякова, К. Аксакова, Ю. Самарина, нельзя не признать, что это были выдающиеся представители русской мысли.

Сейчас было бы просто смешно, если бы кто-нибудь, говоря, скажем, о Гегеле или Шеллинге, ограничился утверждением, что перед нами идеалисты в философии и консерваторы в политике. Между тем при упоминании целого ряда выдающихся представителей русской философии до сих пор не считается зазорным ограничиться подобным определением и на этом поставить точку.

Главные представители славянофильства исключительно много сделали в различных конкретных областях знания. К сожалению, до сих пор общепризнанна только лишь выдающаяся фольклористическая деятельность П. Киреевского. Однако не меньшее значение сохраняют сочинения Хомякова, посвященные всеобщей истории, эстетико-критические статьи И. Киреевского, языковедческие труды К. Аксакова, работы по русской истории Ю. Самарина, публицистика И. Аксакова и т.д.

Но, конечно, решающее место в наследии славянофилов принадлежит философии в самом широком ее смысле. Как и подавляющее большинство русских философов, они не стремились к строгому и последовательному философскому анализу. Их правильнее назвать мыслителями, а не философами в точном значении слова. Но это не мешало их мысли обладать глубиной и богатством.

Очень характерно, что Чаадаев, который отнюдь не принадлежал к славянофильству, в 1846 году счел нужным лично перевести на французский язык для издания в Париже одну из работ Хомякова. Отправляя перевод своему знакомому парижанину, графу Сиркуру, он заметил: «Я не разделяю взглядов автора», но в то же время писал здесь же о славянофильстве: «Ничто не может быть благодатнее того направления, которое приняла теперь наша умственная жизнь»*.

В этой связи нельзя не коснуться статьи А. Дементьева «Сомнительная методология» (Вопросы литературы, 1968, № 12), в которой он, в частности, отвергает мое понимание позиции Чаадаева, выраженное в статье¹¹, опубликованной в этом же журнале (1968, № 5). Так, он цитирует слова Чаадаева из этого самого письма Сиркуру («Я думаю, что прогресс еще невозможен у нас без апелляции к суду Европы...» и т.д.) и на этом основании, в сущности, зачисляет мыслителя в разряд западников.

Но о чем идет речь в этом письме? А. Дементьев не раз упрекает меня в том, что я «свободно» обхожусь с цитатами. Скорее этот же упрек можно переадресовать ему самому. Ибо двумя фразами выше той, которую цитирует А. Дементьев, Чаадаев говорит: «...я полагал, что наилучший способ заставить нашу публику ценить произведения отечественной литературы, это – делать их достоянием широких слоев европейского общества... Среди нас еще преобладает старая привычка руководиться мнением вашей публики»**.

Итак, речь идет всего лишь о том, что «западнически» настроенная «публика» сможет оценить русскую мысль (и мысль не кого-нибудь, а Хомякова!) только после того, как ее оценят во Франции. В этом-то и состоит та апелляция к «суду Европы», о которой говорит Чаадаев, а вовсе не в том, что самобытная русская мысль еще неспособна развиваться без «суда Европы». А. Дементьев, почитающий Чаадаева западником, даже не заметил, что в той самой цитате, кото-

* Сочинения и письма П. Я. Чаадаева. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. С. 257, 264.

** Там же. С. 264.

рую он приводит (из письма Чаадаева Сиркуру), есть прямое опровержение его, А. Дементьева, позиции. Ибо Чаадаев недвусмысленно говорит здесь, что «освобождение» русской культуры наступит только в том случае, если мы сумеем «свергнуть иго вашей (то есть западной. – В. К.) культуры, его просвещения и авторитета» и станем «истинно свободны от влияния чужеземных идей». Мог ли так говорить западник, каким А. Дементьев тщится изобразить Чаадаева?

Метод полемики А. Дементьева в целом очень несложен: он попросту умалчивает о тех рассматриваемых в моей статье высказываниях Чаадаева¹², которые никак невозможно истолковать по-иному (скажем, о его оценке «Клеветникам России» Пушкина), и, с другой стороны, пытается так или иначе переакцентировать те высказывания, которые как-то поддаются этой операции. Как видим, сама цитата из письма Сиркуру буквально вопиет изнутри против подобного перетолкования.

Или еще пример. А. Дементьев пытается объявить чисто иронической высокую оценку русской мысли в письме Чаадаева к Вяземскому (1847). Как он это делает? Он приводит две фразы, предшествующие той, с которой я начал цитату, и указывает на их явно иронический тон (См.: Вопросы литературы, 1968, № 12, с. 79). Что ж, если уж цитировать «полностью», то начнем тогда с письма Вяземского, на которое отвечает Чаадаев.

«Вы очень умны в Москве, – писал Вяземский, – но у вас мало наличных и ходячих мыслей в обращении. Вы капиталисты, но ваши миллионы все в кредитных бумагах на дальние сроки и в акциях, которых выручка отложена на неопределенное время, так что на свои нужды и на насущные нужды ближних нет у вас карманных денег»*.

Иронический тон ответа Чаадаева задан уже остроумием Вяземского. Но во внутреннем смысле этого ответа нет, по существу, никакой иронии. «Чтоб в уме нашем вовсе не было проку, с этим никак не могу согласиться, – отвечает Вяземско-

* Старина и новизна. 1897. Кн. 1. С. 208–209.

му Чаадаев. – Неужто надо непременно делать дела, чтобы делать дело? Конечно, можно делать и то и другое; но из этого не следует, чтобы мысль, и не выразившаяся еще в жизни, не могла быть вещь очень дельная. Настанет время, она явится и там... Вы скажете, что мысли наши не только не проявляются в жизни, но и не высказываются на бумаге. Что ж делать? Знать, грамотка нам не далась...»*

Где же здесь ирония по существу? Когда далее Чаадаев утверждает: «Поверьте, в наших толках очень много толку. Мир всплеснет руками, когда все это явится на свет дневной», – он всего лишь продолжает разговор о «дельности» мысли, еще «не выразившейся в жизни», и делает это вполне всерьез, хотя и смягчает торжественность своего утверждения несколько ироническим тоном.

Подобным образом можно бы показать беспочвенность и остальных попыток А. Дементьева сделать Чаадаева западником, однако это слишком перегрузило бы мою статью.

Статья А. Дементьева, в сущности, сводится к спору вокруг ряда цитат из сочинений Чаадаева, Герцена, Белинского, которые автор пытается истолковать по-своему. Он даже не стремится выдвинуть какую-либо свою концепцию, с которой можно было бы поспорить, ибо считает, что все основные вопросы, связанные с литературой 1830-х годов, давно решены (характерно, что то же самое отношение к делу определяет его позицию в данной дискуссии: А. Янов, по его мнению, «ломится в открытую дверь»). Он, в частности, отвергает мой тезис о недооценке литературы 1830-х годов в нашей науке, ссылаясь на различные отдельные оценки писателей того времени в новейших работах. Но заслушаем более раннее суждение самого А. Дементьева: «Общественное движение 1840-х годов, естественно, сопровождалось очень важными изменениями в русской литературе... Русская литература... обратилась от вымысла и фантазии к истине и действительности»**.

* Сочинения и письма П. Я. Чаадаева. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. С. 279.

** Дементьев А. Очерки по истории русской журналистики 1840–1850 гг. М.–Л., 1951. С. 32.

Итак, автор вполне недвусмысленно утверждает, что в литературе, предшествующей 40-м годам, господствовали «вымысел» и «фантазия». Как это ни странно, он все же сумел забыть здесь, что подлинное лицо литературы накануне 40-х годов определяли Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тютчев, Боратынский, Кольцов, к которым никак не привяжешь уничижительные слова о «вымысле и фантазии».

Впрочем, А. Дементьев может возразить, что за два десятилетия его представления могли измениться. Ведь утверждает же он теперь в своей статье, что в 30-е годы «подъем переживает не только литература, но и все русское искусство, вся русская культура», говорит о «расцвете русской культуры и литературы в 30-е годы», о ее «богатом и мощном движении», о «ни с чем не сравнимой роли Пушкина, Гоголя, Лермонтова» (курсив мой. – В. К.) и т.п.

Но вот что удивительно: вслед за статьей в «Вопросах литературы» А. Дементьев опубликовал статью в «Новом мире» (1969, № 4), где, между прочим, иронически замечает, что-де ему «представляется... сомнительной затеей... попытка В. Кожина объявить “духовной Элладой” тридцатые годы прошлого века».

Собственно говоря, я никогда не использовал выражения «духовная Эллада». Но если понимать под этим «расцвет», «подъем всей русской культуры» и «богатое и мощное движение» 30-х годов, когда были заложены самые основы национальной культуры всемирно-исторического значения, можно бы употребить и данное выражение. (Кстати, об «эллинском» характере творчества Пушкина говорили многие – начиная с Герцена и кончая Луначарским...) Остается непонятным только, почему А. Дементьев через столь короткое время вновь, в сущности, отказывается признать 30-е годы эпохой расцвета русской культуры («Эллады», мол, никакой не было)?..

Как же все это понять? Мне кажется, что особых противоречий в позиции А. Дементьева нет, ибо он, на мой взгляд, всегда считал и продолжает считать 40-е годы более значи-

тельной культурной эпохой, чем 30-е, и «противоречия» обусловлены небрежностью в полемике, избыточной надуманными обвинениями и всякого рода натяжками. Чтобы вернее «сразить» оппонента, А. Дементьев в одном случае объявляет ложными мои замечания о недооценке культуры 30-х годов в нашем литературоведении, а в другом – протестует против моих утверждений об исключительно высоком расцвете русской культуры в эти самые годы...

Но вернемся к Чаадаеву. Ясно, что он (о чем я говорил и в своей прежней статье) не был славянофилом. Он был сформирован как мыслитель той глубоко своеобразной – Пушкинской – эпохой развития русской культуры, когда в течение полутора десятилетий она сохраняла поразительную дельность и полноту. Но столь же неправомерно причислять его к западникам.

Чаадаев высоко ценил оба направления и, говоря о «благодатности» исканий славянофилов в письме к Сиркуру, тут же воздал должное и западникам: «Бесстрашие, с которым оба воззрения исследуют свой предмет, делает честь нашему времени...» Более того, он считал, что в конечном счете оба направления по-своему уясняют своеобразие судьбы России: «Столь часто повторяемое теперь сравнение нашей исторической жизни с исторической жизнью других народов показывает нам на каждом шагу, как резко мы отличаемся от них». Решение спора еще впереди, полагал Чаадаев: «Позже мы узнаем, можно ли народу так обособиться от остального мира и должен ли он считаться частью исторического человечества...»*

А. Дементьев утверждает, что Чаадаев занимался «постоянной» критикой славянофилов. Это утверждение имело бы реальный смысл, если бы А. Дементьев прибавил: «и западников». Ибо Чаадаев действительно стремился стать беспристрастным судьей обоих направлений. И уж во всяком случае, следовало прибавить, что, во многом не соглашаясь со славянофилами, Чаадаев видел в них выдающихся мыслителей.

* Сочинения и письма П. Я. Чаадева. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. С. 264.

лей, совершающих громадное и необходимое «дело», – пусть пока, как говорил он, «и не выразившееся в жизни»*.

* * *

Нельзя не отметить, что – сколь это ни покажется кое-кому странным – славянофилов как мыслителей достаточно высоко оценил и их прямой и главный противник – Белинский, хотя он, конечно, никогда не разделял их программы.

В конце 1846 года Белинский писал: славянофильство «мы... во многих отношениях считаем весьма важным явлением, доказывающим, в свою очередь, что время зрелости и возмужалости нашей литературы близко... Славянофильство, без всякого сомнения, касается самых жизненных, самых важных вопросов нашей общественности... Они говорят много дельного, с чем нельзя не согласиться хотя наполовину, как, например, что в русской жизни есть какая-то двойственность, следовательно, отсутствие нравственного единства, что это лишает нас резко развившегося национального характера... что это делает нас какими-то междоумками, которые хорошо умеют мыслить по-французски, по-немецки и по-английски, но никак не умеют мыслить по-русски; и что причина всего этого в реформе Петра Великого. Все это справедливо до известной степени... Начинает оказываться, что, во-первых, мы не так резко оторваны от нашего прошедшего, как думали, и не так тесно связаны с Западом, как воображали». «Славянофилы правы во многих отношениях... Россию нечего сравнивать со старыми государствами Европы, которых история шла диаметрально противоположно нашей... В нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль... Элементы ее («русской национальности». – В. К.) уже начинают пробиваться и обнаруживаться сквозь бесцветность и подражательность, в которые ввергла нас реформа Петра Великого...»** Далее Бе-

* Напомню, что в письме к Вяземскому речь идет о «московской» мысли, то есть преимущественно славянофильской.

** Белинский В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 10. С. 17, 18, 20, 21.

линский говорит о вопросах, занимающих Европу: «...для нас было бы вовсе бесплодно принимать эти вопросы как наши собственные... У себя, в себе, вокруг себя, вот где должны мы искать и вопросов и их решения»*.

Конечно, в этой же статье Белинский критикует многие идеи славянофилов, с которыми он не согласен. Но высокая оценка их теоретических исканий выражена здесь ясно и недвусмысленно.

Правда, у Белинского можно найти и другие – отрицательные и подчас даже уничтожающие – оценки славянофильства. Их чаще всего и цитируют в статьях о славянофилах. И в этой связи необходимо поставить один существенный для нашего литературоведения в целом вопрос.

У любого писателя и критика можно найти разноречивые или даже противоречащие друг другу суждения. Это связано и с неизбежными изменениями взглядов, и со специфической («поэтической») «вольностью», и с особенной эмоциональностью литературного дела. Разноречивость суждений весьма характерна и для Белинского, что во многом объясняется страстным темпераментом «неистового Виссариона». Так, всего через полгода после только что цитированных слов о «жизненности», «дельности», «правоте» исканий славянофилов Белинский, которому очень не понравились некоторые статьи, опубликованные в изданном тогда славянофильском «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год», писал: «Мы... не можем понять, что такое славянофильство и на что оно нужно... Мы... видим в нем что-то книжное, литературное, поддельное, искусственное». Искания славянофилов Белинский называет здесь «бесполезными и лишними».

Эта продиктованная остротой полемики оценка едва ли может быть признана справедливой; Белинский слишком отдался здесь возмущенному чувству. Предыдущая оценка, без сомнения, более объективна.

Разноречивость характерна и для ряда суждений Белинского, высказанных на разных этапах его полемики со славя-

* Там же. С. 32.

нофилами вокруг творчества Гоголя. Об этом я уже писал на страницах «Вопросов литературы» (1968, № 5). Я стремился показать, что в своем понимании творческого метода Гоголя Белинский в ряде моментов был близок к К. Аксакову, но полемический пафос подчас побуждал его излишне резко отталкиваться от суждений славянофильского критика.

Вот характерный пример. 10 января 1840 года Белинский писал Аксакову: «Радуюсь твоей новой классификации – Гомер, Шекспир и Гоголь... Да, велик Гоголь, поэт мировой: это для меня ясно, как $2 \times 2 = 4$ ». Но в статье 1842 года, представляющей собой как бы открытое письмо тому же Аксакову, он утверждает, что Гоголь «не имеет решительно никакого значения во всемирно-исторической литературе и... помещение рядом имен Гоголя, Гомера и Шекспира оскорбляет и приличие и здравый смысл...»

13 июня 1840 года Белинский писал Боткину: «Гоголь велик, как Вальтер Скотт, Купер; может быть, последующие его создания докажут, что и выше их». Но в цитированной статье 1842 года против Аксакова – уже после появления «Мертвых душ» – он утверждал, что Вальтер Скотт и Купер как художники «имеют несравненно и неизмеримо высшее значение во всемирно-исторической литературе, чем Гоголь».

Теперь, когда романы Вальтера Скотта и Купера давно стали, в сущности, детским или юношеским чтением, а Гоголь получил всеобщее мировое признание, ясно, что первоначальное мнение Белинского оказалось более верным.

А. Дементьев и Д. Николаев в споре со мной¹³ (См.: Вопросы литературы, 1968, № 12) обвиняют меня в том, что я искажил представление Белинского о Гоголе и, в сущности, приписал ему «противоположную» точку зрения – свойственную К. Аксакову и, позднее, А. Григорьеву. Для доказательства этого мои оппоненты исходят именно из тех высказываний Белинского, которые были продиктованы остротой полемики.

А. Дементьев даже старается просто не замечать других суждений критика. Он пишет, например: «Что же касается наличия в героях “Мертвых душ” “русского духа”, “народной

субстанции” (как пишет В. Кожинов)... то Белинский возражал против этого самым решительным образом».

Прошу прощения, но ведь это как раз Белинский писал, что «русский дух ощущается... и в пафосе всей поэмы, и в характерах действующих лиц, от Чичикова до Селифана». Не менее замечательно, что А. Дементьев говорит о совпадении моего понимания творчества Гоголя с представлениями не только К. Аксакова, но и Шевырева. Между тем в споре между Белинским и Аксаковым вокруг «Мертвых душ» Шевырев был на стороне Белинского, о чем уже шла речь в данной дискуссии, в статье А. Иванова¹⁴.

Д. Николаев в своей полемике более аккуратен; так, он не отрицает, что Белинский по-разному говорил о Гоголе и в иных своих высказываниях был близок к Аксакову. Но, как утверждает мой оппонент, это были незрелые суждения и надо обратиться к «более поздним статьям», где и высказана «последняя позиция» Белинского по затронутым вопросам.

Тем самым Д. Николаев решил как бы распространить на все литературоведение принятый у нас текстологический принцип «последней воли автора». Но едва ли этот принцип спасет положение. Так, Д. Николаев, опираясь на суждение Белинского, высказанное в 1842 году¹⁵ в полемике со славянофильской точкой зрения, утверждает: «Белинский возражал против попыток истолковать “Мертвые души” как совершенно особенное явление, стоящее вне современного литературного развития». Однако ведь через пять лет после этого не кто другой, как Белинский, говорил, что Гоголь действительно родствен не новейшим современным писателям, а Сервантесу. Правда, Д. Николаев пытается доказать, что это суждение касается лишь «Тараса Бульбы». Однако положение дела при этом ложном решении еще более запутывается, ибо повесть о Тарасе оказывается тогда вырванной не только из «современного литературного развития», но и из творчества самого Гоголя...

Наконец, в 1848 году, в своем едва ли не самом «последнем» высказывании о Гоголе¹⁶, Белинский утверждал: «Гоголю

не было образца, не было предшественников ни в русской, ни в иностранных литературах». С этой «последней позицией» критика трудно согласиться. Но дело не в том: я хотел только продемонстрировать несостоятельность провозглашенного Д. Николаевым метода.

Впрочем, более печально другое качество статей Д. Николаева и А. Дементьева. То ли боясь впасть в «славянофильство», то ли по какой-то другой причине они отстаивают и дух и букву «наиболее распространенных» литературоведческих представлений, возмущаясь уже самым стремлением что-то в них пересмотреть. Это повторяется и в статье А. Дементьева в данной дискуссии (1969, № 7), где он, как и С. Покровский, объявляет загадку славянофилов «мнимой»¹⁷. И здесь, оказывается, все ясно, все давно решено.

Между тем в статьях А. Дементьева¹⁸ и С. Покровского проблема славянофильства, по существу, даже не затронута. Речь идет об одном – об общей социальной позиции славянофилов в конкретной обстановке 1840–1850-х годов: об их отношении к правительству, к проблеме крестьянской реформы, к тем или иным общественным деятелям эпохи и т.п. Разумеется, все это очень важно. Но при этом еще не затрагивается специфическая сущность учения славянофилов. Ведь едва ли можно доказать, что собственно социальная позиция славянофилов резко отличала их, скажем, от таких «умеренных» западников, как А. Галахов или Е. Корш. В период реформы 1861 года такие видные деятели ее, как западники Кавелин и Милютин и славянофилы Самарин и Кошелев, стояли в общем и целом на одной социальной платформе.

Суть славянофильства – в утверждении принципиальной самобытности России, ее образа жизни, ее культуры и в особенности самой русской мысли. Как уже не раз отмечалось в этой дискуссии, за рубежом в последнее время одна за другой появляются солидные работы о славянофилах. Л. Фризман совершенно прав, когда говорит о том, что интерес к славянофильству «вырастает прежде всего из интереса к России, к русскому народу, к его национальным особенно-

стям», которые стремились понять славянофилы; собственно социальная позиция остается при этом на втором плане. Нельзя не согласиться с Л. Фризманом и когда он говорит о необходимости ответить на этот широкий поток зарубежной литературы о славянофилах. Но совершенно ясно, что, идя по пути, предложенному, например, С. Покровским и А. Дементьевым, данную задачу выполнить никак не возможно, ибо специфическая сущность учения славянофилов при этом вообще остается за скобками.

Обратимся к одной обобщенной характеристике славянофильского учения, весьма характерной для зарубежной науки. Речь идет о философских истоках и основах славянофильства.

Вначале отмечается, что исходным пунктом развития общеевропейской мысли была древнегреческая философия. Но она дошла до новых европейских народов двумя путями – через Рим и через Византию, которая уже в IX веке передала свою образованность славянам: «...ведущим философом в Византии был не Аристотель, отец логики, а Платон... В 870 году Фотий основал в Византии Академию... читал лекции по греческой философии. ...В духе Фотия действовали также двое знатных молодых людей из Салоник, примерно одного с ним возраста, – Кирилл и Мефодий, славянские апостолы... Литургия православной церкви непонятна без знания платоновской философии... У славян... греческое духовное наследство выражается... в общем отношении человека к миру и другим людям... Русский философ Киреевский, во времена Гегеля учившийся в Берлине, говорил, что особым чувством постигают западные мыслители нравственное, другим чувством – прекрасное, третьим – полезное... Славянин мыслит, исходя из центра своего “я”, и считает своей нравственной обязанностью держать все свои духовные силы собранными в этом центре и направлять их на вещи и людей не иначе, как соединенными... Славянское мышление в своей сущности является экзистенциальным... На Западную Европу... пытающуюся окончательно освободиться от единовластия

рационализма, Восток оказал самое сильное влияние через романы Достоевского...»*.

В этом рассуждении намечена (правда, поверхностно и искаженно, о чем еще пойдет речь) реальная и существенная основа философского творчества славянофилов. Они продолжали именно «платоновскую» линию, которая, как они доказывали, определяла движение русской мысли с самого момента принятия христианства и развитие которой никогда не прерывалось. Основываясь на изучении древнерусской истории и литературы, И. Киреевский утверждал¹⁹, что «необозримое пространство» Руси «было все покрыто как бы одною непрерывною сетью, неисчислимым множеством уединенных монастырей, связанных между собою сочувственными нитями духовного общения. Из них... разливался свет сознания и науки во все отдельные племена и княжества... Вспомним, что некоторые из удельных князей XII и XIII века уже имели такие библиотеки, с которыми многочисленностью томов едва могла равняться первая тогда на Западе библиотека Парижская; что многие из них говорили на греческом и латинском языке так же свободно, как на русском... что в некоторых уцелевших до нас писаниях XV века (см. Писания Нила Сорского) мы находим выписки из русских переводов таких творений греческих, которые не только не были известны Европе, но даже в самой Греции утратились после ее упадка, и только в недавнее время и уже с великим трудом могли быть открыты в неразобранных сокровищницах... Несмотря на то, что уже полтора столетия прошло с тех пор, как монастыри наши перестали быть центром просвещения... русский быт, созданный по понятиям прежней образованности и проникнутый ими, еще уцелел... в низших классах народа».

Здесь раскрыто понятие об истинных корнях мысли славянофилов, о той тысячелетней традиции, которую они стремились осознать и продолжить. Самобытное русское мышление, которое, по мнению славянофилов, опиралось, в отличие от западного, не на аристотелевскую, а на платоновскую тра-

* Философский словарь. Пер. с нем. М., 1961. С. 224–225.

дицию, представляло, с их точки зрения, необходимую, главную и исключительно ценную реальность русской культуры. Этому мышлению, по их понятиям, соответствовали так или иначе и своеобразные исторические судьбы, и особенный быт, и неповторимое искусство, и обладающий специфическим строем язык русского народа*.

На Западе, как явствует и из цитированной статьи, это самобытное мышление склонны называть «экзистенциальным». Определенные основания для этого, по-видимому, есть; в каком-то отношении славянофилы предвосхищают экзистенциализм XX века.

Герцен, как уже говорилось, восхищался тем, что И. Киреевский в 1830-х годах на десять лет опередил развитие европейской мысли. Но иные размышления И. Киреевского предваряют те идеи, которые стали всеобщими лишь через столетие. Такова, например, его мысль о «существенности»²⁰ (то есть, пользуясь современной терминологией, «экзистенциальности»): «Для одного отвлеченного мышления существенное вообще недоступно. Только существенность может прикасаться существенному. Отвлеченное мышление имеет дело только с границами и отношениями понятий. Законы разума и вещества, которые составляют его содержание, сами по себе не имеют существенности, но являются только совокупностью отношений... Для рационального мышления живая личность** разлагается на отвлеченные законы саморазвития, или является произведением посторонних начал, и в обоих случаях теряет свой настоящий смысл...»

«Отделенное от других познавательных сил, логическое мышление составляет естественный характер ума, отпавшего от своей цельности». А без этой цельности «жизнь человека не будет иметь никакого смысла, ум его будет счетною машиной, сердце – собранием бездушных струн, в которых свищет случайный ветер; никакое действие не

* Киреевский И. Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911. Т. 1. С. 202–203.

** И. Киреевский говорит еще о существенности «разумно-свободной личности».

будет иметь нравственного характера, и человека собственно не будет».

Казалось бы, здесь – задолго до западной мысли – сформулировано именно понятие об «экзистенциальном мышлении». К тому же это вроде бы и лестно для русской мысли, так опередившей Запад. Однако в действительности философия славянофилов столь же несовместима с экзистенциализмом, как и художественная мысль Достоевского. Во-первых, славянофильское мышление включает в себя как неотъемлемый органический элемент понятие о народе (которое явно чуждо индивидуалистической философии экзистенциализма) и, более того, всецело определяется народной идеей. Во-вторых, славянофильская философия лишена той иррационалистической, принципиально антинаучной закваски, без которой невозможно представить себе экзистенциализм*. В-третьих, славянофильство, в противоположность экзистенциальной философии, проникнуто пафосом историзма. В-четвертых, славянофильское учение стремится к практическому, реальному претворению своих идей в жизнь народа, что никак не свойственно экзистенциализму, и т.д. и т.п.

Но, разумеется, прежде чем критиковать западные толкования идей славянофилов, необходимо глубоко изучить их философское наследие. А мы до сих пор ограничиваемся общими словами об их идеализме и консервативности. Нет сомнения, что славянофилы были идеалистами. Однако ведь и самый ярый противник идеализма не может отрицать, что в русле идеалистической мысли, начиная с Сократа и Платона, родилось множество глубоких и необходимых для человечества философских открытий.

Собрания сочинений²¹ И. Киреевского (два тома), Хомякова (восемь томов), К. Аксакова (три тома, издание не закончено), Ю. Самарина (двенадцать томов), И. Аксакова (восемь томов) – кстати, далеко не полные – раскрывают перед любым непредубежденным читателем богатство и глубину идей, не-

* Еще Чернышевский справедливо писал, что славянофилов одушевляет «горячая ревность к основному началу всякого блага, просвещению».

смотря на все многочисленные устаревшие и односторонние выводы, содержащиеся в этих тридцати с лишним томах.

До сих пор из этого наследия извлекаются и так или иначе характеризуются преимущественно те моменты, в которых выразилась конкретная социальная позиция славянофилов. Сами же специфические идеи славянофилов, их многогранная и сложная философия, их учение о народе и личности, о мысли и творчестве почти не затрагиваются. Именно потому, в частности, при обсуждении наследия славянофилов им сплошь и рядом приписываются убеждения, которых они в действительности не разделяли. Это характерно и для теперешней дискуссии.

Так, например, А. Янов утверждает, что в основе славянофильства лежит безоговорочное «обожествление» простого народа, его полная идеализация, возведение его в безусловный «образец для подражания». Конечно, можно подобрать отдельные высказывания (особенно из публицистических статей К. Аксакова), в которых с полемической заостренностью провозглашается нечто подобное. Но если говорить о славянофильстве в его целостном и глубинном смысле, утверждение А. Янова явно ошибочно.

Тот факт, что главные представители славянофильства неповинны в «обожествлении» народа, можно доказать многочисленными примерами. Приведу только одно рассуждение И. Киреевского. «Русский народ... — писал он, — потерял уже одну из необходимых основ общественной добродетели: уважение к святыне правды... Да, к несчастью, русскому человеку легко солгать. Он почитает ложь грехом общепринятым, неизбежным, почти не стыдным, каким-то внешним грехом, происходящим из необходимости внешних отношений, на которые он смотрит, как на какую-то неразумную силу. Потому он, не задумавшись, готов отдать жизнь за свое убеждение... и в то же время лжет за копейку барыша, лжет за стакан вина, лжет из боязни, лжет из выгоды, лжет без выгоды...»^{*} Это рассужде-

^{*} В словах Киреевского выразилось, конечно, не какое-либо принижение русского народа: речь идет о качествах, порожденных конкретно-историческими условиями, а не о национальной природе вообще.

ние – особенно если взять его в полном виде – принадлежит к самым резким образцам национальной самокритики и, конечно, несовместимо с каким-либо обожествлением русского народа. И уж, во всяком случае, ясно, что недопустимо на тезисе об «обождествлении» основывать все вообще понимание славянофилов, как это делает А. Янов.

Не буду говорить об ошибочных утверждениях, содержащихся в близких друг другу статьях С. Покровского и А. Дементьева, ибо даже чисто социальная позиция славянофилов очерчена в них неверно, что убедительно показано А. Ивановым и Л. Фризманом на материале статьи С. Покровского. Впрочем, трудно удержаться от одного краткого замечания. А. Дементьев без всякого обоснования обвиняет славянофилов в национализме, то есть по меньшей мере в утверждении безусловного, имманентного превосходства русской нации над другими. Это совершенно ложное обвинение. Славянофилы вовсе не считали, что русские в чем-то превосходят немцев, англичан, французов и т.д. Они говорили только об упадке западной культуры в их время и выражали уверенность в грядущем великом расцвете русской культуры. Конечно, А. Дементьев может подобрать отдельные запальчивые высказывания славянофилов, в которых можно обнаружить националистические ноты. Но я берусь найти такие ноты и у западников.

Но пойдем далее. Б. Егоров в своей статье утверждает, что славянофилы видели свой идеал «в сохранении патриархальных основ, уходящих корнями в быт и нравы допетровской Руси», и «основу для воплощения своего идеала именно в древней Руси». Опять-таки можно подобрать цитаты, как будто бы подтверждающие правоту исследователя. Однако цельная концепция славянофилов не предполагала какого-либо воскрешения древних «основ» и тем более быта и нравов. Славянофилы ни в коей мере не собирались как-то «архаизировать» современную жизнь и культуру; они стремились лишь к тому, чтобы жизнь и культура полнее и всестороннее прониклись тем самобытным содержанием, кото-

рое, по их мнению, значительно более полно воплощалось в жизни допетровской и особенно домонгольской Руси. «Европеизация» России загнала это содержание внутрь, в глубины народной жизни. Но славянофилы считали, что оно вполне способно жить и в современных формах бытия и сознания, что оно совместимо и с железными дорогами, и с новейшей наукой и философией.

И. Киреевский недвусмысленно говорил²²: «Если когда-нибудь случилось бы мне увидеть во сне, что какая-либо из внешних особенностей нашей прежней жизни, давно погибшая, вдруг воскресла посреди нас... то это видение не обрадовало бы меня. Напротив, оно испугало бы меня. Ибо такое перемещение прошлого в новое, отжившего в живущее было бы то же, что перестановка колеса из одной машины в другую, другого устройства и размера: в таком случае или колесо должно сломаться, или машина». И, как подчеркивает И. Киреевский, он желает «одного только» – чтобы «высшие» духовные начала русской самобытности «вполне проникнули убеждения всех степеней и сословий наших; чтобы эти высшие начала, господствуя над просвещением европейским и не вытесняя его, но напротив, обнимая его своею полнотою, дали ему высший смысл и последнее развитие...»

Философскому осмыслению этих «высших начал» и посвящены основные работы славянофилов. И невозможно без горечи думать о том, что даже у весьма образованных людей при слове «славянофилы» возникает сейчас представление о каких-то безнадежных староверах, мечтающих о возрождении допотопного быта и нравов. Мне приходилось, например, сталкиваться с настоящим изумлением по поводу того, что Хомяков обладал выдающимися техническими познаниями, что он получал в Англии патенты на свои изобретения, а его размышления об энергетике, о «прямых» и «возвратных» силах предвосхищают современные технические идеи, и в частности ракетную технику.

Никакого «староверства» нет, по существу, и в основных философских исканиях славянофилов – это искания лю-

дей, стоящих на уровне современной мировой философско-научной мысли.

Естественно, я не имею возможности даже хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать здесь их искания, ибо для этого нужен объемистый трактат, а не журнальная статья. Но, как мне представляется, наша дискуссия имеет прежде всего цель указать на необходимость подлинного изучения наследия славянофилов. К этому я и стремился в своей статье.

**«И назовет меня всяк сущий в ней язык...»
(заметки о духовном своеобразии России)**

Провидение создало нас слишком великими, чтоб быть эгоистами.

П. Я. Чаадаев

В последнее время едва ли не каждое серьезное обсуждение историко-литературных проблем в той или иной форме обращалось к теме своеобразия нашей литературы. Словно повинуясь какой-то непреодолимой силе, общественное сознание выдвигает на первый план этот вопрос. Один из значительнейших современных литературоведов – Н. Н. Скотов говорит о том¹, что истинная суть отечественного искусства не в критике как таковой, но в самокритике; именно в этом, по его мнению, непреходящий, всецело живой и сегодня смысл русской классики. «Ведь обличение помещика, чиновника, вельможи сейчас имеет, при всей важности, значение скорее историческое. Но в соответствии с ним строятся программы, – сетует Н. Н. Скотов, – и ему, по сути, подчиняется весь ход изучения. А острота гражданско-нравственной личной (и не отвлеченных “поэта и гражданина” прошлого века) ответственности, а беспощадность лирического самосуда, когда-то казавшиеся периферийными (скажем, даже такому литератору, как Добролюбов, с его на Некрасова пародиями типа “Рыцарь без страха и упрека”)?»

Этот беспощадный самокритический пафос, развивает свою мысль Н. Н. Скатов, нельзя понять «в отвлечении от особенности национального характера... Именно он проявился в беспощадности и силе “критики” и “самокритики”, увы, получающей часто лишь внешнее, узкосоциологическое толкование».

Исследователь ссылается в этой связи на ряд высказываний Достоевского, в частности следующее: «Недаром заявили мы такую силу в самоосуждении, удивлявшем всех иностранцев. Они упрекали нас за это, называли нас безличными, людьми без отечества, не замечая, что способность отрешиться на время от почвы... есть уже сама по себе признак величайшей особенности». Далее Н. Н. Скатов подчеркивает, что «сама сила такого отрицания возможна была лишь при соответствующей силе утверждения... Идеалы русской литературы... были “запредельны”, располагались за... всеми возможными видимыми горизонтами, за, так сказать, обозримой историей».

Наконец, цитируя еще раз Достоевского, Н. Н. Скатов заметил: «Вспомним эти слова Достоевского, но уже для того, чтобы вспомнить и Достоевского в целом».

Действительно, та «сила в самоосуждении», о которой говорил Достоевский, — только одна сторона, часть, звено в целостной концепции величайшего художника и мыслителя.

Как известно, на протяжении последних двадцати лет жизни Достоевский развивал мысль о **всечеловечности** как о сущности нашего национального самосознания и — как следствие — коренном, решающем качестве русской литературы.

С наибольшей полнотой мысль эта выражена в «Речи о Пушкине» 1880 года. В «Объяснительном слове» к этой речи Достоевский, в частности, сказал: «Я... и не пытаюсь равнять русский народ с народами западными в сферах их экономической славы или научной. Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себя идею всечеловеческого единения... Это **нравственная** черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что ее нет в народе русском?»

И в самом деле: никто никогда не отрицал и не оспаривал эту основную мысль, хотя вокруг «Речи о Пушкине» в целом шли достаточно резкие споры. Несмотря на то что Достоевский отнюдь не принадлежит к кругу писателей, чьи идеи, так сказать, канонизированы, ограждены безусловным признанием, его слова о всечеловечности русской литературы в течение ста лет повторяли как нечто бесспорное очень многие и самые разные по своим убеждениям люди. При этом мысль Достоевского никогда, насколько мне известно, не подвергалась обстоятельному рассмотрению; она была, если угодно, принята на веру. В ней, надо думать, действительно есть некая интуитивно постигаемая неоспоримость.

Но дело не только в этом. Достоевский совершенно верно заметил, что «высказывалась уже эта мысль не раз, я ничуть не новое говорю». И нетрудно убедиться, что эта мысль, с 1880 года неразрывно связанная с именем Достоевского, вызревала в движении новой русской литературы по меньшей мере с 1820-х годов. В тех или иных выражениях она присутствует в сочинениях таких – кстати, глубоко различных – писателей и мыслителей, как Чаадаев, Иван Киреевский, Тютчев, Владимир Одоевский, Гоголь, Белинский, Герцен, Аполлон Григорьев. В «Речи о Пушкине» эта мысль предстала в особенно полном, ярком и пластичном воплощении; речь Достоевского в самом деле была как бы окончательной кристаллизацией русского литературного самосознания в целом. В значительной степени потому главная мысль Достоевского и была столь естественно принята.

Казалось бы, нужно только радоваться победе Достоевского. Но дело обстоит вовсе не так просто. Постоянно повторяемые слова о всечеловечности в конечном счете стали походить на общее место или даже просто громкую фразу, которая приобрела чисто оценочный характер и превратилась в своего рода похвальную грамоту русской литературы. Между тем в духовном мире Достоевского, – как и его предшественников, развивавших эту мысль, – она имела необычайно сложное, противоречивое, а подчас даже трагическое звучание.

Если поставить вопрос наиболее прямолинейно и просто, всечеловечность представляла в отечественном самосознании и как глубоко положительное, в пределе идеальное, и одновременно как недвусмысленно «отрицательное», чреватое печальнейшими последствиями качество. И тут уместно сказать о том, что своеобразие вообще сплошь и рядом рассматривают как сугубо и заведомо **позитивную** категорию. А ведь это попросту нелогично: понятие о своеобразии, то есть о присущем именно данному явлению качестве, ни в коей мере не несет в себе собственно «положительного» содержания.

Двойственное значение русского своеобразия просто и четко определил Белинский² (это рассуждение критика цитируется очень часто, но почти всегда не полностью). «Россию, – писал он в 1846 году, – нечего сравнивать со старыми государствами Европы, которых история шла диаметрально противоположно нашей и давно уже дала и цвет и плод... Известно, что французы, англичане, немцы так национальны каждый по-своему, что не в состоянии понимать друг друга, тогда как русскому равно доступны и социальность француза, и практическая деятельность англичанина, и туманная философия немца. Одни видят в этом наше превосходство перед всеми другими народами; другие выводят из этого весьма печальные заключения о бесхарактерности, которую воспитала в нас реформа Петра; ибо, говорят они, у кого нет своей жизни, тому легко подделываться под чужую, у кого нет своих интересов, тому легко понимать чужие... В последнем мнении много правды, но не совсем лишено истины и первое мнение, как ни заносчиво оно...»

Белинский подводил итог следующим образом: «Что же касается до многосторонности, с какою русский человек понимает чуждые ему национальности, – в этом заключается равно и его слабая и его сильная сторона... Мы не утверждаем за непреложное, что русскому народу предназначено выразить в своей национальности наиболее богатое и многостороннее содержание и что в этом заключается причина его удивительной способности воспринимать и усваивать себе

все чуждое ему; но смеем думать, что подобная мысль, как предположение, высказываемое без самохвальства и фанатизма, не лишена основания».

Как уже было отмечено, Белинский изложил проблему с наибольшей четкостью и простотой. **Одни**, говорит он, видят в этом всепонимании «наше превосходство перед всеми другими народами», **другие** – печальный плод отсутствия «своей жизни». Но если мы обратимся к духовному наследию Чаадаева, станет ясно, что для него такого рода разделение немыслимо. С предельной резкостью отрицая существование «своей жизни» в России (сравнительно с Западом), Чаадаев именно в этом и усматривал первопричину величайшего превосходства русской культуры над всеми другими (превосходства, заключающегося прежде всего в отсутствии национального эгоизма) и незыблемую основу для ее «вселенской миссии». «Мы, можно сказать, некоторым образом народ исключительный, – писал, в частности, Чаадаев³. – Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок».

В данном рассуждении, предназначенном для печати, Чаадаев высказывается слишком осторожно и уклончиво. Гораздо яснее выражает он свою мысль в письмах 1835 года к А. И. Тургеневу (письма эти Чаадаев, кстати сказать, давал читать очень широкому кругу людей): «Россия призвана к необъятному умственному делу: ее задача – дать в свое время разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе... Имея возможность спокойно и с полным беспристрастием взирать на то, что волнует там души и возбуждает страсти, она, на мой взгляд, получила в удел задачу дать в свое время разгадку человеческой загадки».

Еще выразительнее другое рассуждение Чаадаева: «...русский ум есть ум безличный по преимуществу (ср. приведенные выше слова Достоевского об этой «безличности». – В. К.). Дело в том, что оценить как следует европейские события можно лишь с того расстояния, на котором мы от них находимся. Мы

стоим по отношению к Европе на исторической точке зрения, или, если угодно, мы – публика, а там – актеры, нам и принадлежит право судить пьесу...

Провидение создало нас слишком великими, чтоб быть эгоистами... Оно поставило нас вне интересов национальностей и поручило нам интересы человечества... Все наши мысли в жизни, науке, искусстве должны отправляться от этого и к этому приходить... В этом наше будущее... Мы призваны... обучить Европу бесконечному множеству вещей, которых ей не понять без этого... Наша вселенская миссия началась.

Своего рода итог мысли Чаадаева подведен в его «Апологии сумасшедшего» (1837). «Никогда ни один народ не был менее пристрастен к самому себе, нежели русский народ... Мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества».

Основные идеи Чаадаева сложились в 1820–1830-х годах, еще до раскола отечественной мысли на западничество и славянофильство, и, по существу, Чаадаев не принадлежит ни к тому, ни к другому направлению, как и его друг Пушкин. Но в 1840–1850-х годах Чаадаев все же был бесосновательно причислен к западникам. Только что процитированное высказывание мыслителя решительно противоречит этой «квалификации».

Очень часто ссылаются на то, что Чаадаев, чья мысль постоянно обращалась к проблемам религии (в его время еще во многом остававшейся господствующей формой общественного сознания), не раз говорил о преимуществах католицизма над православием; это истолковывается как неопровержимое выражение чаадаевского западничества. На самом же деле Чаадаев ценил, так сказать, высокую разработанность католической идеологии (в сравнении с православной), а вовсе не ее конкретную духовную сущность.

Чтобы убедиться в этом, достаточно, я полагаю, вдуматься хотя бы в такое суждение Чаадаева⁴: «России выпала вели-

чественная задача осуществить раньше всех других стран все обетования христианства, ибо христианство осталось в ней (в отличие от Европы. – В. К.) не затронутым людскими страстями и земными интересами...»

Таким образом, и в сфере осмысления религиозных проблем Чаадаев отнюдь не был западником; его слова явно предвосхищают позднейшие творения Тютчева (вспомним хотя бы «Эти бедные селенья...») и Достоевского.

Но обратимся к самому тезису Чаадаева о «вселенской миссии» России, о ее предназначенности быть «совестным судом». В этих высказываниях Чаадаева можно, казалось бы, обнаружить те пороки, от которых предостерегал в цитированном только что рассуждении Белинский, – «самохвальство и фанатизм». Но взглянемся внимательно в движение чаадаевской мысли. Во-первых, он ни в коей мере не считает, что обрисованная им, по его определению, «великолепная программа» русской культуры **осуществлена**. Он рассматривает ее именно как «программу», как «задачу», поставленную, по его убеждению, перед отечественной культурой самой Историей. Чаадаев недвусмысленно писал, что «любил в своей стране лишь ее будущее» и что им владела «мысль, обращенная не к моему веку». Притом дело шло, конечно, о «запредельном» идеале.

С другой стороны, путь к этому идеалу Чаадаев неразрывно связывал с духом «прекрасного самоотвержения», с актами величайшего «отречения», совершенными отечественной культурой. Стихия самоотречения наиболее ярко воплотилась для Чаадаева в личности и судьбе Петра Великого. Размышляя о петровском «отречении», Чаадаев писал (в 1843 году)⁵: «Не впервые русский народ воспользовался этим правом отречения, которое, разумеется, имеет всякий народ, но пользоваться которым не каждый народ любит так часто, как мы. Заметьте, что с моей стороны это – вовсе не упрек по адресу моего народа, конечно, достаточно великого, достаточно сильного, достаточно могущественного, чтобы безнаказанно позволить себе время от времени роскошь смирения.

Эта склонность к отречению... есть факт необходимый или, как принято теперь у нас говорить, органический... Отрицать эту существенную черту национального характера – значит оказать плохую услугу той самой народности, которую мы теперь так настойчиво восстанавливаем...

Наша история начинается прежде всего странным зрелищем призыва чуждой расы к управлению страной, призыва самими гражданами страны*, – факт... который был бы совершенно необъясним, если бы вся наша история не служила ему, так сказать, комментарием. Далее идет наше обращение в христианство...»

Итак, «великолепная программа» отечественной культуры как бы оплачена щедрой ценой небывалых добровольных самоотречений.

Прошло сорок лет после размышлений Чаадаева, и Достоевский говорит то, под чем, надо думать, мог бы подписаться и Чаадаев⁶: «Европа – но ведь это страшная и святая вещь, Европа! О, знаете ли вы, господа, как дорога нам... эта самая Европа, эта “страна святых чудес”! Знаете ли вы, как дороги нам эти “чудеса” и как любим и чтим, более чем братски любим и чтим мы великие племена, населяющие ее, и все великое и прекрасное, совершенное ими. Знаете ли, до каких слез и сжатий сердца мучают и волнуют нас судьбы этой дорогой и родной нам страны...»

А непосредственно вслед за этим Достоевский ставит уже, так сказать, практический вопрос, который Чаадаева еще не мог по-настоящему волновать: «Мы всего более боимся, что Европа не поймет нас, и по-прежнему, по-всегдашнему

* Речь идет, понятно, о «призвании варягов». Здесь невозможно обсуждать сложный вопрос об этом летописном предании. Но не могу не заметить, что только с точки зрения чисто формального и, так сказать, неразмышляющего патриотизма это предание предстает как нечто «принижающее» Россию. При этом даже не забывают, например, что те же самые варяги – по-европейски норманны – в XI веке победоносно завоевали Англию и стали править в ней, постепенно сливаясь с поработленным народом. И уж если исходить из соображений патриотической чести, англичане должны бы прямо-таки сгорать от стыда: ведь одно дело ради каких-либо целей добровольно «призвать», и совсем другое – оказаться под властью победителя...

встретит нас высокомерием... Основной, главной идеи нашей... она долго, слишком долго еще не поймет. Ей надо фактов **теперь** понятных, понятных на ее **теперешний** взгляд. Она спросит нас: “Где ваша цивилизация? Усматривается ли строй экономических сил ваших в том хаосе, который видим мы все у вас?”...»

И далее Достоевский говорит о «всемирности» русской культуры⁷: «Мысль эта выражена Пушкиным не как одно только указание, учение или теория, не как мечтание и пророчество, но исполнена им на деле, заключена вековечно в гениальных созданиях его и доказана ими. Он человек древнего мира, он и германец, он и англичанин, глубоко сознающий гений свой, тоску своего стремления (Пир во время чумы), он и поэт Востока. Всем этим народам он сказал и заявил, что русский гений знает их, понял их, соприкоснулся им как родной, что он может **перевоплощаться** в них во всей полноте, что лишь одному только русскому дана всемирность, дано назначение в будущем постигнуть и объединить все многообразие национальностей и снять все противоречия их».

Но нет ли и здесь «самохвальства и фанатизма»? Опять-таки следует сказать о том, что Достоевский не преувеличивает «достижения» русской литературы: на примере «Анны Карениной» Толстого он здесь же отчетливо выясняет реальное современное значение всемирности русской литературы:

«Книга эта прямо приняла в глазах моих размер факта, который мог бы отвечать за нас в Европе... – говорит Достоевский. – Разумеется, возопят, смеясь, что это – всего лишь... какой-то роман, что смешно так преувеличивать и с романом являться в Европу... Я сам знаю, что это пока всего лишь только роман, что это одна только капля того, что нужно, но главное тут дело для меня в том, что эта капля уже есть, дана, действительно существует, взаправду, а стало быть, если она уже есть, если гений русский мог родить этот **факт**, то, стало быть, он... может начать свое собственное слово и договорить его, когда придут времена и сроки».

Таким образом, всечеловечность, всемирность русской литературы – это не некое заранее данное, уже готовое, законченное ее качество, но именно определяющая ее развитие задача (по мысли Чаадаева), даже сверхзадача: это одушевляющая всю ее жизнь творческая воля, которой русская литература во всех своих подлинных выражениях неуклонно следует.

Достоевский не раз говорил о том, что идея всечеловечности действительно воплощена пока только в немногих явлениях отечественного бытия. Возражая критикам своей «Речи о Пушкине», он писал⁸: «Скажут опять: если так мало исповедников великой идеи, то какая в ней польза? А вы почему знаете, к какой это пользе в конце концов приведет? До сих пор, по видимому, только того и надо было, чтоб не умирала великая мысль... Да тем-то и сильна великая нравственная мысль, тем-то и единит она людей... что измеряется она не немедленной пользой, а стремится их будущее к целям вековым...»

Именно так и должна быть понята **воля**, лежащая в основе русской литературы.

* * *

Но прежде чем обратиться к осмыслению этой воли, необходимо хотя бы в самых общих контурах обрисовать вопрос о ее происхождении, о ее реальных, социально-исторических корнях, ибо ведь иначе она неизбежно приобретает в глазах читателей некий мистический характер.

Задача эта, конечно же, чрезвычайно сложна и масштабна; дать ее действительное решение может только фундаментальное культурно-историческое исследование. Но одна – и, как мне представляется, наиболее существенная – сторона дела может быть изложена в кратком рассуждении.

Всечеловечность, всемирность русской литературы (и культуры) имеет глубочайшее основание в том громадном по своему значению факте, что Россия **с самого начала** складывалась – или даже, пожалуй, рождалась – как страна **многонациональная**.

Все мы помним – хотя далеко не всегда в полной мере понимаем и оцениваем – строфу пушкинского Завещания:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык.

Если вдуматься, перед нами поистине поразительный факт: из всего-навсего двадцати строк своего Завещания поэт счел необходимым четыре строки посвятить утверждению, что он творил не для одного русского народа, но в явной, одинаковой мере для всех народов «Руси великой»!

Трудно переоценить всю значительность этого факта. И в то же время он принимается нами как-то совершенно естественно. Ибо вообще-то он ограничен для русского самосознания, для самых коренных, изначальных его основ.

Подчас, правда, говорят о будто бы «новаторском» видении Пушкина – в сравнении, например, с Державиным, который в своем «Памятнике» не упомянул о народах России – и, с другой стороны, о сугубо индивидуальном, чисто **личном** пушкинском мировосприятии, которое продиктовано особенной «человечностью» поэта.

Однако перенесемся на семьсот с лишним лет назад и обратимся к «Повести временных лет». «Реша, – говорит Нестор, – чюдь, и словени, и кривичи, и вес (то есть: «Сказали чудь, и словени, и кривичи, и весь): “земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет”...» Это опять-таки история о призвании варягов; но я собираюсь говорить вовсе не о ее фактическом содержании, а о выразившемся в ней **мировосприятии** Нестора или же его предшественника, который за восемьсот лет (в 1037 году) до пушкинского «Памятника» записал предание, воспроизведенное позднее Нестором. В этом мировосприятии русские племена находятся **в одном ряду** с финскими (даже более того – перечень имен начинается с чуди!).

В глазах Пушкина все народы России – равноправные владельцы русской поэзии (и, конечно, культуры в целом); в глазах Нестора эти народы – равноправные создатели русской государственности*.

Это сознание равноправия племен и народов должно было, без сомнения, иметь основательные земные, конкретно-исторические корни. И об этом убедительно сказано во вступительных лекциях «Курса русской истории» В. О. Ключевского, чьи идеи впоследствии были развиты целым рядом историков.

Народы и племена, жившие в пределах Древней Руси, доказывает Ключевский, были либо «лесными» (как большинство финских племен), либо «степными» (как торки, берендеи, ковуи, черные клобуки и др.); между тем сами русские селились тогда или на границе леса и степи, или в речных долинах (то есть на границе леса и реки). Поэтому между русскими и их соседями по стране не возникало отношений **непримиримости**. Можно с полным правом утверждать, что те или иные столкновения русских с другими народами Киевской Руси были не более частыми и не более острыми, чем столкновения между отдельными **русскими** племенами и – позднее – княжествами.

В. О. Ключевский писал, что в степи южнее Киева «селились русские выходцы и мирные кочевники, торки, берендеи, даже печенеги... примкнувшие к Руси... Русские в отличие от диких половцев звали их “своими погаными”».

Слово «поганые» (означающее попросту «язычники») бытовало лишь тот сравнительно краткий исторический период, когда русские уже приняли христианство, а другие народы и племена Киевской Руси еще сохраняли языческие верования. Но важно иметь в виду, что эти народы и племена были в глазах русских «своими» еще задолго до крещения Руси. (Кстати, цитированное выше предание о призвании варягов относится к дохристианскому времени.)

* Вопрос об исторических взаимоотношениях русского и других народов России глубоко и ярко охарактеризован в книге: Несторов Ф. Связь времен: Опыт исторической публицистики. М., 1980 (см. главу «Многонациональная Россия». С. 88–114).

Но дело не только в этом. Само понимание сути христианства на Руси имело совершенно своеобразный, обусловленный предшествующей историей народа характер. Это со всей силой и ясностью выразилось в одном из древнейших творений русской литературы (и одновременно – мысли) – «Слове о законе и Благодати» Илариона (около 1050 года)*. Д. С. Лихачев совершенно справедливо говорит⁹: «Исключительное значение имеет “Слово о законе и Благодати” митрополита Илариона. Это произведение по теме обращено к будущему России, а по совершенству формы и в самом деле как бы предвосхищает это будущее».

В первой же фразе «Слова» утверждается, что Бог «оправди (то есть направил) прежде племя Авраама скрижалями и законом, последже (то есть впоследствии) Сыном Своим в с е я з ы к и (разрядка моя; как и у Пушкина: «всяк сущий в ней язык») – обозначает народ. – В. К.) спасе».

В основе всего рассуждения Илариона лежат две мысли. Во-первых, идея Благодати как таковой, которая, в отличие от закона (данного людям в качестве не подразумевающей какого-либо «выбора» необходимости и означавшего, по убеждению Илариона, духовное **рабство**), есть воплощение духовной **свободы**** . Иларион не раз противопоставляет понятия «закон» и «Благодать» (определяемые, в частности, как «тьнь истины» и «истина») именно в качестве воплощений «рабства» и «свободы». Он говорит, что в отношении к закону человек – «раб», а в отношении к Благодати – «сын».

* Нам не раз придется говорить о литературных явлениях, так или иначе основанных на христианских понятиях и образах. В этой связи следует напомнить, что, согласно точному определению Ф. Энгельса, данному в работе «Крестьянская война в Германии», «вплоть до эпохи капитализма с необходимостью имело место *верховное* господство богословия во всех областях умственной деятельности» (выделено мной. – В. К.), причем это было «необходимым следствием, что церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя» (М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Собр. соч.: В 30 т. Т. 8. С. 128).

** Впоследствии в русской литературе было произведено (например, у Толстого) более конкретное разграничение «свободы» и «воли», согласно которому свобода есть область, заранее ограниченная определенными пределами (то есть, в сущности, область закона), а воля не подразумевает каких-либо внешних ограничений (об этом еще пойдет речь).

Вторая – но нераздельно, органически взаимосвязанная с первой – мысль Илариона состоит в том, что закон с необходимостью обращен к **одному** народу, а Благодать – народам. Собственно говоря, эта мысль не только связана с первой; для Илариона в обращенности Благодати ко всем народам как раз и воплощается ее конкретное различие или, вернее, ее противоположность закону. Иларион, как доказывает современный историк древнерусской литературы Н. В. Водовозов¹⁰, «выясняет отношение закона к благодати... Закон (Ветхий Завет) – национально ограничен, выражает мысль о богоизбранности одного народа, о превосходстве этого народа над всеми другими. Благодать (Новый Завет) имеет универсальный характер, выражает идею равноправия всех народов. Поэтому Ветхий Завет – рабство, а Новый Завет – свобода».

Итак, Иларион дал совершенно особенное понимание сущности христианства: Благодать (и одновременно – «истина») состоит в том, что христианство обращено в равной мере ко **всем** народам. Это как раз и означает, что Благодать, в отличие от закона, не навязана с необходимостью тому или иному народу (который предстает, следовательно, как «раб» своего закона), но являет собой свободно, вольно принимаемый каждым народом **дар** (то есть Благодать в подлинном смысле этого слова). Как говорит Иларион: «...уже негърздится (то есть теснится. – В. К.) в законе человечество, но в благодати пространно (то есть просторно, свободно. – В. К.) ходит...»

Можно с полным правом утверждать, что дело идет не столько о христианском, сколько о **русском** сознании (которое выразилось и в цитированном выше рассказе о призвании варягов, не имеющем отношения к христианству) – сознании, сложившемся в многонациональной Киевской Руси.

В высшей степени показателен следующий факт. В самом конце рассуждения о законе и Благодати Иларион решил подтвердить идею обращенности Благодати ко **всем** народам ссылками на Священное писание. Он завершил свое рассуждение целым сводом цитат (их полтора десятка). Однако все эти цитаты, явно не без больших поисков подобранные Иларио-

ном, взяты не из Нового, а из Ветхого завета. Иларион цитирует пророка Исайю: «Откроет господь мышцу свою святую пред всеми языки» и «Поклонится всяко колено и всяк язык исповедаться Богу»; Даниила: «Все языци, людие, племена тому поработают»; Книгу псалмов: «Да возвеселятся и возрадуются языци!» и «Познати на земле путь Твой, во всех языцех спасение Твое», и «Вси языци, восплещите руками...» и т.п.

Ни одной цитаты, имеющей в виду «все языки», в Новом завете Иларион найти не смог. Что же касается цитат из Ветхого завета, Иларион явно переистолковывает их. Вот хотя бы последняя из приведенных здесь цитат – из 46-го псалма: «Вей языци, восплещите руками...». Если продолжить цитату, выйдет совершенно иной смысл: «Яко Господь вышний страшен, царь велий по всей земли. Покори людия нам и языки под ноги наша» (разрядка моя. – В. К.). Очевидно, что здесь ни в коей мере не идет речь о той «всечеловечности», которой пронизано «Слово о законе и Благодати».

Итак, Иларион выразил не собственно христианскую, но русскую идею – и именно ту, которая почти через тысячелетие воплотилась в Пушкинской речи Достоевского.

* * *

Но в Пушкинской речи Достоевского совершенно ясно и даже резко сказано и об оборотной стороне русского своеобразия. Достоевский показывает, что именно из этого своеобразия возникло ненавистное ему безграничное низкопоклонство перед Европой, породившее то мировосприятие, которое Достоевский обрисовывает, в частности, следующим образом:

«...народ наш нищ и смерд, каким он был всегда, и не может иметь ни лица, ни идеи. Вся история народа нашего есть абсурд...

Образование же его мы оснуем и начнем с чего сами начали, т.е. на отрицании им всего его прошлого и на проклятии, которому он сам должен предать свое прошлое. Чуть мы выучим человека из народа грамоте, тотчас же и заставим

его нюхнуть Европы, тотчас же начнем обольщать его Европой, ну хотя бы утонченностью быта, приличий, костюма, напитков, танцев, – словом, заставим его устыдиться своего прежнего лаптя и квасу, устыдиться своих древних песен, и хотя из них есть несколько прекрасных и музыкальных, но мы все-таки заставим его петь рифмованный водевиль... Для доброй цели мы многочисленнейшими и всякими средствами подействуем прежде всего на слабые струны характера, как и с нами было, и тогда народ – наш. Он застыдится своего прежнего и проклянет его».

Иногда высказывается мнение, что это обличение оборотной стороны всемирности присуще только Достоевскому – с его, так сказать, почвенническим максимализмом. Однако на самом деле об этой оборотной стороне так или иначе говорили все предшественники Достоевского, развивавшие идею русской всемирности. Так, Чаадаев, столь страстно призывавший русскую культуру стать всемирной, с глубокой горечью писал в 1846 году своему французскому знакомому, графу Сиркуру¹¹: «...берусь за перо, чтобы просить вас пристроить в печати статью нашего друга Хомякова, которая переведена мною и которую он хотел бы поместить в одном из ваших периодических изданий... Наилучший способ заставить нашу публику ценить произведения отечественной литературы – это делать их достоянием широких слоев европейского общества. Как ни склонны мы уже теперь доверять нашему собственному суждению, все-таки среди нас еще преобладает старая привычка руководиться мнением вашей публики... Прогресс еще невозможен у нас без апелляции к суду Европы».

Замечательно, что в это же самое время в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинский убеждал отечественную публику: «Нам вовсе не нужно беспрестанно обращаться к Европе, чтобы сознавать наши потребности, и на основании того, что уже усвоено нами от Европы, мы достаточно можем судить о том, что нам нужно».

Но проблема все же не так проста. К отрицательным, подчас даже трагически отрицательным, последствиям этой

присущей отечественному самосознанию постоянной «оглядки» на Европу мы еще вернемся. Но нельзя не подчеркнуть со всей решительностью, что, в принципе, это постоянное обращение к «суду» Европы было вполне естественно и даже необходимо – в особенности потому, что Европа в определенном смысле представляла собой весь мир.

Иван Киреевский, завершая свою первую программную статью 1829 года, поставил вопрос¹², который никогда уже не сходил с повестки дня: «Если просвещенный европеец... спросит нас: “Где литература ваша? Какими произведениями можете вы гордиться перед Европой?” – что будем отвечать ему?» Эти слова Киреевского, как известно, сочувственно процитировал Пушкин, который через год писал уже от себя: «Наша словесность с гордостью может выставить перед Европою Историю Карамзина, несколько од, несколько басен...»

Через полвека Достоевский уже говорил об «Анне Карениной» как о факте, «на который мы могли бы указать Европе». Правда, Достоевский тут же оговаривал: «Увы, сколько бы мы ни указывали, а наших долго еще не будут читать в Европе, а и станут читать, так долго еще не поймут и не оценят». В первом предположении Достоевский решительно ошибся – всего десятью-пятнадцатью годами позднее русская литература оказалась в центре внимания культурной Европы. Но суть дела ведь вовсе не в том, читает или не читает Европа русских писателей: суть дела в том, что **сама** отечественная литература всегда создавала, творила себя как бы **перед судом** целого мира (а ближайшим образом – Европы) и это воплотилось в ней со всей определенностью. Может показаться, будто это противоречит изложенной выше чаадаевской мысли о том, что как раз русская культура предназначена быть в мире «совестным судом» и что, «если угодно, мы – публика, а там – актеры, нам и принадлежит право судить пьесу».

Но никакого противоречия здесь нет, ибо, по мысли Чаадаева, абсолютно необходимой основой для осуществления этой вселенской миссии был беспристрастный и беспощадный

суд **над собой**. Само право «судить» Чаадаев обосновывал именно тем, что «никогда ни один народ не был менее при- страстен к самому себе, нежели русский народ».

И не кто другой, а сам Чаадаев дал в своем первом «Философическом письме» ярчайший образец того «беспощадного самосуда», в котором Н. Н. Скотов справедливо увидит одно из ключевых свойств русского национального характера. При этом, кстати сказать, Чаадаев признавал¹³, что «было преувеличение в этом обвинительном акте, предъявленном великому народу», – признавал, но отнюдь не раскаивался в совершенном и тут же указывал на тот факт, что почти одновременно с обнародованием его «Философического письма» был поставлен на сцене Малого театра (вслед за Александровским) гоголевский «Ревизор»: «Вспомним, что вскоре после напечатания злополучной статьи...^{*} на нашей сцене была разыграна новая пьеса. И вот, никогда ни один народ не был так бичуем, никогда ни одну страну не волочили так в грязи, никогда не бросали в лицо публике столько грубой брани и, однако, никогда не достигалось более полного успеха».

Беспредельность идеала неразрывно связана с «беспощадностью самосуда». Важно обратить внимание на тот факт, что дело идет об исконном, изначальном свойстве русской литературы, ибо широко распространена точка зрения, согласно которой этот пафос самоосуждения складывается в русской литературе лишь в 1820–1830-х годах. М. М. Бахтин раскрыл беспримерное своеобразие «Слова о полку Игореве» в ряду других эпосов: в центре «Слова» – не победный подвиг и даже не героическая гибель, но трагическое **посрамление** героя. Игорь посрамлен, хотя он искал «чести и славы» – того же, что искали герои многих древних эпосов; для русского сознания это оказывается недостаточным. Подлинной основой героизма может быть девиз Александра Невского – «душу положить за друга своя», но не стремление, пусть даже самое «высокое», к чести и славе как таковым.

^{*} На самом деле спектакль был поставлен несколько ранее появления чаадаевской статьи.

* * *

Однако вернемся к историческим воплощениям той стихии **самоотречения**, в которой Чаадаев увидел существеннейшую черту отечественного бытия и сознания. Обратимся к отношениям Руси с Византией.

В том мире, с которым соприкасалась Русь в период своего становления, Византия, Восточная Римская империя, была страной наиболее высокой культуры; вернее даже будет сказать, что в Византии, являвшейся непосредственной, прямой наследницей тысячелетнего развития античной культуры, имел место совершенно иной уровень культуры, нежели в остальных странах тогдашней Европы и Передней Азии.

История взаимоотношений Руси с Византией начинается целым периодом войн, в которых Русь одержала немало побед. Но уже в конце X века, достигнув при Владимире Святославиче наибольшего могущества, Русь совершает беспримерный акт: совершенно добровольно воспринимает византийскую культуру, тем самым как бы признавая ее превосходство, причем это восприятие осознается отнюдь не как слабость, но, напротив, как выражение силы и уверенности в своей самостоятельности.

Несмотря на отдельные позднейшие конфликты, отношение Руси к византийской культуре остается неизменным. Для выяснения характера этих отношений достаточно вдуматься в имя, которым народ Киевской и затем Московской Руси называл Константинополь, – Царьград, то есть превосходнейший из городов. И здесь также выражается не «рабское» преклонение перед чужим, но свободное признание очевидного.

Чтобы понять весь глубочайший смысл события, совершившегося в X веке, необходимо взглянуть в ход становления Западной Европы.

Германские племена начали свою историю с уничтожения античного мира. Правда, в течение следующего тысячелетия они постепенно – все более активно и сознательно – усваивали его культурное наследие. Но они уже имели дело

именно с наследием, а не с живым культурным организмом... Наиболее могучий выразитель западноевропейского самосознания – Гегель – говорил в своей «Философии истории»¹⁴ (между прочим, в то самое время, когда Чаадаев создавал свои «Философические письма»):

«Германский* дух есть дух нового мира, цель которого заключается в осуществлении абсолютной истины как бесконечного самоопределения свободы... Принцип духовной свободы... был заложен в... душах германских народов, и на них была возложена задача... свободно творить в мире, исходя из субъективного самосознания... Германцы начали с того, что... покорили одряхлевшие и сгнившие внутри государства цивилизованных народов... Правда, и Западный мир устремлялся в иные страны в крестовых походах, при открытии и завоевании Америки, но там он не соприкасался с предшествовавшим ему всемирно-историческим народом...

Здесь (то есть в Западном мире. – В. К.) **отношение к внешнему миру** лишь сопутствует историческому процессу... В нем (Западном мире. – В. К.) жил совершенно **новый дух**, благодаря которому должен был возродиться мир, а именно свободный, самостоятельный, абсолютное своеобразие субъективности».

Итак, для Запада, выросшего на «сгнивших» развалинах поверженного Древнего мира (культуру которого победители на данной стадии своего развития еще не могли оценить и принять), в новом мире существовал только один полноценный «субъект» – он сам; весь остальной мир был только «объектом» его деятельности. Как говорил одновременно с Гегелем Чаадаев¹⁵, «Европа как бы охватила собой земной шар... все остальные человеческие племена... существуют как бы с ее соизволения». Эта мировая ситуация западной культуры чревата тяжелейшими последствиями, которые в наше время с жестокой ясностью предстали перед самим Западом.

* Гегель имеет в виду весь Запад, основу которого образовали вначале германские народы; ниже он употребляет определение «Западный» как синоним «Германского».

Правда, и сознавая все это, нельзя переоценить величие истории Запада. Опираясь всецело на самого себя, он действительно явил торжество свободы деяния и мышления. Его история есть подлинно героическое освоение мира.

Вместе с тем в наше время, через полтора века после гегелевского апофеоза западной героики, на первый план выступают совсем иные стороны дела. Не так давно литературовед И. Б. Роднянская изложила чрезвычайно характерную позицию одного из виднейших современных историков культуры Запада – Линна Уайта, выраженную в его работе «Исторические корни нашего экологического кризиса». Речь идет о принципах отношения западной культуры к природному миру, но эти же самые принципы всецело определяют и отношение Запада к другим народам и их культурам (что явствует, в частности, из приведенных выше суждений Гегеля).

«Автор, – пишет И. Б. Роднянская о работе Л. Уайта, – видит отдаленные идеологические и психологические предпосылки современного экологического кризиса в иудео-христианском* учении о человеке, как сверхприродном существе и венце творения – точнее, в той культурной модификации христианской антропологической доктрины, которая характерна для западноевропейского средневековья...

Наши (то есть западноевропейские. – *В. К.*) повседневные навыки обусловлены подспудной верой в непрерывный прогресс, истоки которой восходят к иудео-христианской телеологии... Согласно иудео-христианской доктрине, Бог создал все для блага человека, ни одна вещь или тварь не имеют иного предназначения, помимо служения человеку и его цели...»

* Следует со всей решительностью подчеркнуть, что речь идет отнюдь не об «иудео-христианстве» в сугубо современном словоупотреблении (имеющем, в сущности, политический смысл); речь идет только лишь о том, что западноевропейское христианство с давних времен проникнуто ветхозаветными тенденциями (что с особенной очевидностью выявилось в протестантстве), между тем как на Руси были, по сути дела, малоизвестны даже сами ветхозаветные тексты – кроме разве лишь книги псалмов (к тому же глубоко переосмысленной; ср., например, толкования псалмов в сочинениях Аввакума).

Далее встает проблема глубокого «контраста» западного и восточного христианства.

«Западное сознание, – утверждает Л. Уайт, – уже не в состоянии отказаться от антропоцентризма... Мы относимся к природе высокомерно и презрительно и готовы пользоваться ее на потребу любой нашей прихоти»*.

Эта концепция нуждается в одном очень существенном уточнении. Дело обстояло, без сомнения, вовсе не таким образом, что Запад (в отличие от Востока) был фатально **вынужден** воспринять именно эту «модификацию» христианства. Запад **выбрал** и усвоил ее, ибо она, как говорится вполне соответствовала его исторической практике, в которой он опирался только на себя, выступал как своего рода бог в отношении внешнего мира.

Да, западный человек в самом деле осознал себя по отношению к «внешнему миру» – и природному, и человеческому – в качестве «человекобога». Это было совершенно необходимой основой западной героики, западного свободного творчества. Но одновременно это означало, что Византия и государство ацтеков, Индия и Китай и, конечно, Россия – только **объекты** приложения сил Запада и не имеют никакого всемирно-исторического значения.

Чрезвычайно показательна гегелевская характеристика Византии, непосредственно предшествующая в его «Философии истории» апофеозу Западного мира: «История высокообразованной Восточной Римской империи... представляет нам тысячелетний ряд беспрестанных преступлений, слабостей, низостей и проявлений бесхарактерности, ужаснейшую и поэтому всего менее интересную картину».

Вполне понятно, что многократные атаки крестоносцев, сыгравшие громадную роль в разрушении Византии, оценивались на Западе как совершенно справедливое дело (Гегель здесь же с удовлетворением констатирует; что «на-

* Невольно связываются с этим слова Гегеля о том, что «дух» есть «абсолютное своеобразие субъективности», для которого «отношение к внешнему миру» не имеет существенного значения.

конец дряхлое здание Восточной Римской империи... было разрушено энергичными турками»). Такое представление о Восточной римской империи не только до самого недавнего времени безусловно господствовало на Западе, но и – начиная с XVIII века – оказало весьма сильное воздействие на русское сознание. Предстоит еще большая работа по восстановлению истинного облика Византии; в последние годы много сделано в этом направлении в работах С. С. Аверинцева¹⁶.

Но в данном случае для нас важны даже не конкретные «достоинства» или «недостатки» Византии. Суть дела в том, что Русь встретила с ней как с живым, самостоятельным творцом культуры, между тем как Запад, питавшийся наследием уже мертвого античного мира, и Византию воспринимал только как материал для своей деятельности, который он мог или уничтожить (как была уничтожена культура ацтеков), или «использовать» для своего самоутверждения (как Англия «использовала» Индию).

Между тем Русь, встретясь с Византией, почти полтысячелетия вела с ней живой **диалог**, и гибель Восточной Римской империи была для нее тяжелой потерей. Именно тогда возникла идея **Третьего** Рима, на два столетия многое определившая в жизни Руси. Но своеобразная природа русской культуры **уже сложилась**. Через два столетия, в течение которых (то есть с конца XV до конца XVII века) Запад мощно и стремительно развивался, петровская Россия, как бы опровергнув пророчество монаха Филофея, что-де Четвертому Риму не быть, приняла Запад именно как своего рода новый Рим...

Достоевский, говоря о том, что русский народ заключает в душе своей «склонность к всемирной отзывчивости и к всепримирению», особо подчеркивал¹⁷: «Стремление наше в Европу, даже со всеми увлечениями и крайностями его, было не только законно и разумно **в основании своем**, но и народно, совпадало вполне со стремлениями самого духа народного...»

Уже из вышеизложенного, надо думать, явствует, что всечеловечность – как давно осознанное существеннейшее

свойство русской литературы – ничего общего не имеет с тем идеологическим явлением, которое более или менее полно охватывается понятием «космополитизм» и которое было чуждо всем подлинным деятелям русской литературы. Белинский, как известно, решительно заявил¹⁸: «Я скорее готов перейти на сторону славянофилов, нежели оставаться на стороне гуманистических космополитов», для которых, по определению Белинского, «национальность... выражает собою все, что есть в народе неподвижного, грубого, органического, неразумного и диаметрально противопоставляется всему человеческому».

По убеждению Достоевского¹⁹, всечеловечность – это как раз глубоко народное, уходящее в самые недра народного мироощущения свойство, свойство именно «органическое». И русская литература **осознавала**, а не сочиняла это свойство.

«Мы не считаем национальность последним словом и последнею целью человечества, – утверждала русская литература устами Достоевского. – Только общечеловечность может жить полною жизнью. Но общечеловечность не иначе достигается как упором в свою национальность каждого народа. Идея... национальностей есть точка опоры, Антей...»²⁰

Все великие русские писатели прекрасно сознавали, что пафос всечеловечности, оторванный от народной основы, порождает тенденции космополитического характера, о которых со всей резкостью говорил и Достоевский. Сохранить и развить единство народности и всечеловечности – это не только труднейшая, но и в полном смысле слова творческая задача, которая для своего осуществления нуждается не только в разумном ее понимании, но именно в напряженном и вдохновенном творчестве.

И если происходит разрыв, распад единства всечеловечности и народности, первая вырождается в космополитизм, а вторая – в национализм. Оба эти явления, впрочем, характерны лишь для сугубо боковых, периферийных линий русской литературы; ее основное, стержневое движение всегда сохраняло единство всечеловечности и народности.

Стоит подчеркнуть для большей ясности, что космополитизм и национализм по-своему также взаимосвязаны: национализм, утверждая одну нацию за счет всех других, в сущности, **требует** от этих других встать на космополитические позиции (это в высшей степени характерно, например, для такой крайней формы национализма, как сионизм). С другой стороны, именно под давлением космополитических тенденций рождается – в качестве их прямолинейного, примитивного противовеса – национализм...

Достоевский не раз со всей ясностью провозглашал идею органического единства всечеловечности и народности в русской культуре. Он говорил, например, что во «всемирной отзывчивости» пушкинского гения «выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своем развитии, народность нашего будущего, таящегося уже в настоящем, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?»

* * *

Итак, характер отношений России с Византией и затем с Западом (речь идет именно о самой природе этих отношений, а не о том конкретном содержании, которое обретала русская культура за столетия этих отношений) определил способность и потребность русской литературы постоянно смотреть на себя не только «изнутри», но вместе с тем еще и как бы со стороны, глазами «внешнего» мира, чувствовать и мыслить себя перед лицом этого мира и даже перед его судом.

Та пронизывающая русскую литературу сила «самосуда», о которой уже шла речь, несомненно, обусловлена и этим фактом. Между прочим, время от времени в литературе раздавались голоса, призывающие как-то умерить эту силу.

Так, например, очень влиятельный в свое время критик и литературовед П. С. Коган цитировал характернейший

монолог из повести Бунина «Деревня»²¹: «Боже милостивый! Пушкина убили, Лермонтова убили... Рылеева удавили, Полежаева в солдаты, Шевченко на десять годов в арестантские законопатили... Достоевского к расстрелу таскали. Гоголь с ума спятил. Ох, да есть ли еще такая страна в мире, такой народ, будь он трижды проклят?» – и пытался противопоставить ему «логически» обоснованное возражение: «Не задумываясь, отвечаю: есть. И не только страна. Вся Европа, пожалуй, весь мир».

В самом деле, Сервантеса в тюрьму упрятали, Байрона затравили, Торквато Тассо в больнице годами терзали, Оскара Уайльда на каторге сгноили, Шенье казнили, Ницше «с ума спятил» и т.д. Без конца перечислять можно, и, если следовать логике Бунина, так заключить придется:

«Есть ли еще такая планета во вселенной, такие существа, будь они трижды прокляты?»

П. С. Коган, без сомнения, фактически и чисто «логически» совершенно прав. Но если взять за основу чистую логику, пришлось бы заново переписывать всю русскую литературу.

Так, эта литература многократно вершила настолько беспощадный суд над Иваном IV, что скульптор Микешин, создавая в 1862 году памятник «Тысячелетие России», должен был исключить этого царя из числа ста девяти избянных им фигур выдающихся исторических деятелей. Между тем было бы вполне логично вспомнить, что **за одну только ночь** на 24 августа 1572 года²² (между прочим, как раз года отмены опричнины) по приказу короля Карла IX было зверски убито примерно столько же людей, «повинных» лишь в том, что они не были католиками, сколько убили палачи Ивана Грозного **за восемь лет опричнины**. Столь же уместно было бы напомнить и о том, что по указу другого современника Ивана IV – английского короля Генриха VIII – были безжалостно повешены 72 тысячи людей, «виновных» лишь в том, что они стали бродягами в результате «огораживаний», то есть превращения арендуемых ими земельных участков в овечьи пастбища... Или о том, что за годы правления еще одного со-

временника Ивана IV, испанского короля Карла V, было казнено около 100 тысяч еретиков, при этом значительная часть их подвергалась публичному сожжению на костре*.

Но все такие напоминания были бы совершенно бессмысленны и бесполезны. Вся их «бесполезность» с предельной ясностью обнаруживается в том факте, что ведь **сам** Иван Грозный мучительно каялся и беспощадно осуждал себя за совершенные по его приказаниям казни!

Существо дела с замечательной выразительностью поясняет один эпизод духовной судьбы Александра Герцена. В 1847 году он уехал на Запад, унося в себе, как незаживающую рану, как сгусток боли и стыда за свою родину, память о пяти казненных и ста шестнадцати сосланных в Сибирь декабристах. И вот в июне 1848 года он стал потрясенным свидетелем казни около 11 тысяч восставших парижан, а затем «депортации» еще около 14 тысяч из них на тихоокеанский остров Нука-Ива.

Самосознание Герцена как бы дрогнуло... В его рассказе об этом чудовищном терроре (в «Письмах из Франции и Италии») ²⁴ присутствует сопоставление Франции с Россией (причем дело идет и о судьбе декабристов) – явно не в пользу первой. «Казаки... в сравнении с буржуазией... агнцы кротости...

Французы вообще любят теснить. Вы знаете, как они в прошлом веке “освобождали” Италию и какую ненависть возбудили в Испании – но это ничто перед тем, каковы они в междоусобии: тут они делаются кровавыми зверями, мясниками Варфоломеевской ночи... Нука-Иво далеко пре-

* Когда при Иване III решался вопрос о сожжении нескольких вожakov «ереси жидовствующих», вокруг него, как показал историк Е. Е. Голубинский ²³, шла долгая и острая полемика, причем «между мнениями сторон колебался престарелый государь, желавший очистить церковь от еретиков, но и боявшийся власть при сем в грех жестокости». В конце концов победило мнение новгородского архиепископа Геннадия, который «знаком был с способами борьбы против еретиков со стороны католической инквизиции...» В послании к Зосиме 1490 года он пишет: «Ано Фрязове по своей вере какову крепость держат сказывал ми посол кесарев (Николай Поппель, приезжавший в Москву путем на Псков и Новгород в 1486 году. – В. К.) про шпанского короля, как он свою землю очистил».

восходит Сибирь. В Сибири климат свирепый, но не убийственный, ссылаемые на поселение (на депортацию)... не принуждены к поурочному труду, как во французских пенитенциарных колониях...»

И Герцен даже склонен прийти к выводу о какой-то патологической жестокости французов вообще. Он напоминает о «междоусобной» войне конца XVIII века:

«В Марселе роялисты вырезали, избивали всех мамелюков с их женами и детьми. В другом месте католики напали на протестантов, выходящих из церквей; часть их перебили и, раздевши донага, таскали их дочерей голых по улицам... Но разве якобинцы лучше поступали в департаментах? Нет, не лучше. Но это не только не утешительно, а, напротив, это-то и приводит в отчаяние, тут-то и лежит неотразимое доказательство кровожадности французов. С которой бы стороны победа ни была, — “оставьте всякую надежду”, они безжалостны и невеликодушны, — они рукоплещут каждому успеху, каждой кровавой мере... Я стыжусь и краснею за Францию...» И тогда же, в частном письме²⁵, обращенном к «московским друзьям», бежавший из России Герцен говорит неслыханные слова: «Дай бог, чтобы русские взяли Париж, пора окончить эту тупую Европу...» (!) — и, предвидя, что эти слова вызовут изумление и возмущение его друзей в Москве, обвиняет их:

«Вам хочется Францию и Европу в противоположность России, так, как христианам хотелось рая — в противоположность земле... Неужели вы поверите в возможность такого военного деспотизма и рабства... если б нравы и понятия не делали его вперед возможным?... Что всего страшнее, что ни один из французов не оскорблен тем, что делается». Итак, Герцен стыдится и краснеет за Францию, а сама Франция (что страшнее всего!) не испытывает никакого стыда... И все же Герцен не изменяет своей позиции: проходит некоторое время, и он обращает к миру свою «Полярную звезду», на обложке которой светятся силуэты пятерых русских мучеников...

Вспомним еще раз слова Достоевского²⁶: «Недаром заявили мы такую силу в самоосуждении, удивлявшем всех

иностранцев», которая «есть уже сама по себе признак величайшей особенности». И ведь в самом деле: в глазах Запада образ Ивана Грозного или казнь декабристов **затмили** образы его собственных кровавых королей и его бесчисленные казни. В 1826 году, ровно через неделю после воздвижения пяти тайных виселиц в Петропавловской крепости, в Испании перед толпами народа был сожжен на гудящем и слепящем костре еще один из нескольких десятков тысяч еретиков. Но кто вспоминает об этом и **содрогается** – так, как вспоминают и содрogaются о декабристах? И уж конечно, никто не «стыдится»...

Еще Иван Киреевский писал²⁷ об одном коренном различии – о том, что человек Запада, «говоря вообще, почти всегда доволен своим нравственным состоянием; почти каждый из европейцев всегда готов, с гордостью ударяя себя по сердцу, говорить себе и другим, что совесть его вполне спокойна, что он совершенно чист перед Богом и людьми... Русский человек, напротив того, всегда живо чувствует свои недостатки, и, чем выше восходит по лестнице нравственного развития, тем менее бывает доволен собою. При уклонениях от истинного пути он... даже в страстные минуты увлечения всегда готов сознать его (увлечения. – В. К.) нравственную незаконность».

Впоследствии Достоевский не раз говорил о том же²⁸: «...пусть в нашем народе зверство и грех, но вот что в нем есть неоспоримо: это именно то, что он, в своем целом, по крайней мере (и не в идеале только, а в самой заправской действительности) никогда не принимает, и не примет и не захочет принять своего греха за правду!»

Дело даже не только в «грехе», гораздо позднее, в 1943 году, Михаил Пришвин писал о неотразимом чувстве «стыда за свое русское, чересчур русское... Но мало того что стыда. **Я**, чистокровный елецкий потомок своего великорусского племени, при встрече с любой народностью – англичанином, французом, татаринoм, немцем (обращаю внимание: вдруг кто-нибудь не заметит – это написано в 1943 году! – В. К.),

мордвином, лопарем – всегда чувствовал в чем-то их превосходство. Рассуждая, конечно, я понимал, что и в моем народе есть какое-то свое превосходство, но при встрече всегда терял это теоретически признаваемое превосходство, пленяясь достоинствами других».

Предваряя дальнейшее, стоит заметить, что безусловное «свое превосходство» как раз и выражается в этой способности «чувствовать превосходство» других...

* * *

Именно коренная способность и неотразимая потребность «самосуда» со всей силой выразилась и в присущей отечественной мысли **самокритике искусства**. Для Запада точка зрения, позиция, воля искусства есть нечто своего рода высшее и неподсудное*.

...Кто холоден к гармонии прелестной,
Тот может быть изменником, лгуном.²⁹

С другой стороны, у Достоевского постоянно подвергаются беспощадному сомнению и испытанию правота и абсолютность этического содержания искусства, что особенно наглядно выступает, например, в «Записках из подполья», «Сне смешного человека», «Легенде о Великом инквизиторе». То, что являет собой последнее, уже неразложимое ядро «добра», «свободы», «правды» (в смысле справедливости) в искусстве Диккенса или Гюго, в русской литературе неожиданно предстает как ограниченность, самодовольство, догматизм. Против, казалось бы, навсегда утвержденных, неоспоримых идеалов выдвигаются иные – поистине «запре-

* Эта позиция может быть по сути своей эстетической, как в творчестве Флобера или, в существенно ином виде, Уильяма Морриса, либо прежде всего этической – как у Диккенса и, по-иному, у Гюго, но во всех случаях позиция эта выступает в качестве высшего, непререкаемого судьи, в качестве «последней инстанции».

дельные» – идеалы. Достоевский постоянно и резко боролся с мировосприятием, согласно которому «зло и добро определено, взвешено, размеры и степени определялись исторически мудрецами человечества»³⁰.

Самокритицизм искусства с осязаемой силой выразился в «самосожжении» Гоголя, в безудержном отрицании искусства Толстым – и – не столь драматически (или даже трагедийно – как у Гоголя) – в сосредоточении очень значительной части творческой энергии Достоевского на «Дневнике писателя», который доказывает, что воля художника не вмещалась в искусство как таковое.

Эти подчас катастрофические выходы за **пределы** литературы, конечно, не следует идеализировать или превращать в некую норму. Это крайние, если угодно, экстремистские выражения внутренней творческой воли русской литературы. Ими можно восхищаться как показателями этой самой воли, но нельзя не видеть, что в таких «крайностях» она рискует утратить (и в иных случаях и в самом деле утрачивает) творческий, созидательный характер.

«Затем сожжен второй том “Мертвых душ”, что так было нужно, – писал Гоголь³¹. – **“Не оживет, аще не умрет”**, говорит апостол. Нужно прежде умереть, для того чтобы воскреснуть».

Но мы знаем, что второй том не воскрес... Есть та мера в самоотрицании, которую нельзя переходить, хотя и соблудности ее далеко не всегда возможно.

В то же время нельзя забыть, что именно эта беспредельность творческой воли породила высшие ценности русской литературы.

Вспомним гегелевское осознание сущностной основы Запада³²: «Принцип духовной свободы... был заложен... в душах германских народов, и на них была возложена задача... свободно творить в мире, исходя из субъективного самосознания». Это значит, что, будучи раз рожден, Запад призван только развертывать из себя свои возможности. Между тем русское развитие предстает как ряд новых и новых рождений –

точнее, духовных «воскресений» после самоотрицания*. Это типично и для пути писателя, художника. Его самоотрицание (если, конечно, оно не преступает той грани, за которой уже царит стихия неостановимого разрушения) завершается воскресением искусства, его новым рождением, дарящим высочайшие художественные ценности. Вспомним, что в развитии Толстого «Войне и миру» предшествовало безоговорочное отрицание искусства, выразившееся, в частности, в полном уходе Толстого в педагогическую деятельность.

Но коренное свойство русской литературы, о котором идет речь, воплощается, конечно, не только в «смерти» и «воскресении» искусства – это лишь наиболее общее, так сказать, глобальное проявление существа дела, проявление, которое даже выходит далеко за рамки самого искусства, художественного мира, захватывая собою **реальное** поведение, реальную судьбу художника (он перестает творить, уничтожает свои творения, в конце концов гибнет сам, как Гоголь...). Слова Гоголя – «прежде нужно умереть, для того чтобы воскреснуть» – имеют прямое отношение и к основному художественному содержанию русской литературы в ее высших выражениях. Так, говоря попросту, герои русской литературы «ведут» себя так же, как ее творцы...

Достоевский, утверждая, что ничто в западной литературе не может «поравняться» с «Анной Карениной»³³, опирается прежде всего на ту сцену, в которой Анна во время родов оказывается на грани смерти.

«...Мелкие, ничтожные и лживые люди стали вдруг истинными и правдивыми людьми, достойными имени человеческого, – естественною силою природного закона, закона смерти человеческой... Последние выросли в первых, а первые (Вронский) вдруг стали последними, потеряли весь ореол

* Выше уже не раз заходила речь о христианстве, в русле которого много веков развивалась и русская, и западная культура. Чрезвычайно характерным различием западной и русской традиций является тот факт, что в Европе безусловно главный, всеопределяющий христианский праздник – Рождество, а на Руси – Воскресение (Пасха).

и унизились; но, унизившись, стали безмерно лучше, достойнее и истиннее, чем когда были первыми и высокими».

Это «умереть, для того чтобы воскреснуть» в самом деле определяет глубокую суть русской литературы, начиная со «Слова о полку Игореве», герой которого «умирает» в гибельном позоре плена (об этом уже шла речь выше), чтобы «воскреснуть» в плаче Ярославны и – одной из самых прекрасных во всем творении – сцене побега на Русь: «Прысну море полунощи; идут сморци мглами. Игореву князю Бог путь кажет из земли Половецкой на землю Русскую к огню злату столу...» На стадии высшего развития, в XIX веке, эта существеннейшая направленность русской литературы приводит к тому, что в ее содержании, в образах ее героев надстраивается, наращивается, так сказать, особенный пласт художественного бытия и смысла, не характерный для западной литературы. В сравнении с ее героями основные герои русской литературы обладают, в частности, своего рода избыточным самосознанием.

Можно сказать, например, что Раскольников и Андрей Болконский до какой-то точки, момента своего художественного бытия близки, даже однотипны с героями Бальзака (Раскольников) и Стендаля (Болконский). Но подлинная природа этих героев раскрывается лишь тогда, когда они обретают высшее самосознание, которое как бы обесценивает их предшествующее бытие и сознание (убийство в «Преступлении и наказании» и мгновения на грани смерти под небом Аустерлица в «Войне и мире»).

Речь идет, конечно, не о внешнем, поверхностном «надстраивании», но о громадном **углублении** образа, о «наращивании» его человеческой глубины. И в то же время герой как бы духовно вырастает над самим собой и с этой высоты оценивает заново себя и свою жизнь (рост этот связан с присущей русской литературе способностью видеть и судить себя «со стороны», глазами мира: герой и в этом отношении подобен своему творцу).

Существует точка зрения, согласно которой западная и русская литературы различаются прежде всего тем, что пер-

вая открыла и со всей силой утвердила человеческую **личность**, а вторая с небывалой мощью воплотила стихию **народа**. В этом, без сомнения, есть своя правда. Но все же дело обстоит гораздо сложнее. Ведь нельзя не заметить, что именно в русской литературе личность предстала с неведомыми ранее размахом и глубиной; с этой точки зрения образы героев Достоевского, Толстого, Лескова поистине не имеют себе равных. Короче говоря, русская литература развила и, более того, преобразовала оба «предмета» художественного воссоздания – и личность, и народ; при этом обе стороны нераздельно, органически взаимосвязаны.

Здесь опять-таки уместно сопоставить героев русской литературы и личности ее творцов. Творчество Толстого, Достоевского или Лескова ясно свидетельствует о том, что их сознание было полновзвучным воплощением **всей целостности** своего народа, – и это действительно так и было. И именно потому сами личности этих творцов русской литературы (и созданных ими героев) обладают такой грандиозностью и глубиной.

Отличие русской литературы от западной в этом отношении столь существенно, что вполне целесообразно использовать для определения их содержания разные понятия: в западной литературе перед нами предстает **индивид** и **нация** (то есть национальная общность людей), а в русской – **личность** и **народ**.

Это, конечно, требует пояснений. Понятия «индивид» и «нация» несут в себе прежде всего смысл выделения, отграничения: индивид и нация – это нечто всецело самостоятельное, и это не то, что другие индивиды и нации. Между тем в «личности» и «народе» важны не столько их самостоятельность, их отграниченность от других, сколько та их внутренняя глубина, которая заключает в себе всеобщую ценность.

Личность ценна прежде всего не своей особенностью, своеобразием (хотя она, конечно, невозможна без этого!), но богатством содержания и духовной высотой, которые имеют всечеловеческое значение. Точно так же в народе первостепенное значение и ценность имеют не его неповторимые черты

(хотя без них он немислим), но всеобщий, имеющий ценность для всех народов смысл бытия.

Все это имеет многообразные последствия в художественном мире. Так, если в западной литературе идея свободы индивида выступает как центральная и в известном смысле даже самоцельная, в русской литературе идея эта явно оказывается второстепенной, отступает на задний план.

«Не свобода, а воля», — утверждает толстовский Федор Протасов, имея в виду истинную и высшую ценность бытия. Воля личности, как она является в русской литературе, обращена к всемирному, вселенскому бытию, и те «ближайшие» внешние ограничения, которые способны полностью уничтожить свободу индивида, для этой воли оказываются только помехами, трудностями, препятствиями — пусть и тяжкими, но не могущими ее раздавить.

Характернейшим выражением этого может служить сцена из «Войны и мира», в которой пленный Пьер Безухов смеется над французскими солдатами:

«Поймали меня, заперли меня. В плену держат меня. Кого меня? Меня? Меня, — мою бессмертную душу! Ха, ха, ха!..»

Высоко в светлом небе стоял полный месяц. Леса и поля, невидные прежде вне расположения лагеря, открывались теперь вдали. И еще дальше этих лесов и полей виднелась светлая, колеблющаяся, зовущая в себя бесконечная даль. Пьер взглянул в небо, в глубь уходящих, играющих звезд. «И все это мое, и все это во мне, и все это я! — думал Пьер. — И все это они поймали и посадили в балаган, загороженный досками!» Он улынулся и пошел укладываться спать».

Нельзя не видеть и того, что самая полная свобода индивида ничего не дает воле личности, которая устремлена к бытию и смыслу, лежащим **за пределами** этой свободы.

* * *

Эти черты русской литературы, конечно же, неразрывно связаны с той ее главной чертой, которая раскрыта в «Речи

о Пушкине» Достоевского: «...назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только... стать братом всех людей, **всечеловеком**, если хотите. О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое...^{*} Наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей». Достоевский не раз оговаривал, что пока это глубоко и полно воплотилось только в литературе, но в то же время он неоднократно подчеркивал: «Нельзя же предположить смешную мысль, что природа одарила нас лишь одними литературными способностями. Все остальное есть вопрос истории, обстоятельств, условий, времени».

Достоевский, как и Чаадаев^{**}, по сути своей не был ни западником, ни славянофилом, хотя и его не раз пытались свести (как мыслителя) к славянофильству. На новой, уже **осознанной** основе он стремился восстановить ту всесторонность мировосприятия, которая была утрачена в послепушкинскую эпоху. Он исходил в своем понимании России не из замкнуто национальной, но из **всемирной** точки зрения – как и его предшественник Чаадаев, который писал в 1846 году³⁵, что после Петра «для нас было немислимо продолжать шаг за шагом нашу прежнюю историю, так как мы были уже во власти этой новой, всемирной истории, которая мчит нас к любой развязке».

^{*} В записях Достоевского есть существенное пояснение: «Великое недоразумение, исторически необходимое в просыпающемся русском сознании, но которое, конечно, исчезнет, когда русские люди взглянут прямо на вещи в глаза».

^{**} Выше уже шла речь о необоснованности причисления Чаадаева к западникам. Стоит привести и такое его характерное высказывание³⁴, смысл которого можно оспаривать, но нельзя спорить с тем, что западник не мог сказать что-либо подобное: «...наступит время, когда своего рода возврат к язычеству, происшедший в пятнадцатом веке и очень неправильно названный возрождением наук, будет возбуждать в новых народах лишь такое воспоминание, какое сохраняет человек, вернувшийся на путь добра, о каком-нибудь сумасбродном и преступном увлечении своей юности».

Рядом с этой постановкой вопроса, наиболее глубоко воплотившейся в духовном наследии Чаадаева и позднее, на новом этапе, – Достоевского, и западничество, и славянофильство предстают как «ограниченные» и, так сказать, чрезмерно связанные с восприятием Запада тенденции. Михаил Пришвин писал в 1950 году³⁶, что «и западники, и славянофилы в истории одинаково все танцевали от печки – Европы». Относительно западничества это очевидно. Что же касается той тенденции, которую называют славянофильством, то уже Чаадаев говорил о ней³⁷: «Страстная реакция... против идей Запада... плодом которых является сама эта реакция».

Необходимо, правда, со всей решительностью оговорить, что духовное наследие всех подлинно значительных писателей и мыслителей, так или иначе принадлежащих к западничеству или славянофильству, всегда было заведомо шире и глубже самих этих тенденций (что можно бы доказать убедительнейшими примерами). И в дальнейшем речь будет идти именно о ходячих **тенденциях**, но не о том неисчерпаемо богатом содержании отечественной мысли, которое развивалось в творчестве Александра Герцена или Ивана Киреевского.

Западничество как **тенденция** основано в конечном счете на убеждении, что русская культура (и в том числе литература) – это, в сущности, одна из западноевропейских культур, только очень сильно отставшая от своих сестер; вся ее задача сводится к тому, чтобы в ускоренном развитии догнать и, в идеале, перегнать этих сестер. С точки зрения славянофильства (опять-таки как общей тенденции), русская культура – это особая, **славянская** культура, принципиально отличающаяся от западных, то есть романских и германских, культур, и ее цель состоит в развертывании своих самобытных основ, родственных культурам других славянских племен. Но это представление об особом славянском существе русской культуры построено, конечно же, по аналогии или даже по модели романских и германских культур, которые уже достигли высшего расцвета; задача русской

культуры опять-таки сводится к тому, чтобы догонять их на своем особом, славянском пути, стремясь к равноценному или, в идеале, еще более высокому расцвету.

Кардинальное отличие и западничества, и славянофильства от той мысли, которая воплотилась в духовном наследии Чаадаева и Достоевского, состоит в том, что русская культура в обеих этих теориях не несет в себе **непосредственно всемирной миссии**.

Национальные культуры Западной Европы в своем совместном, неразрывно взаимосвязанном творческом подвиге уже в XIX веке осуществили совершенно очевидную и грандиозную всемирную миссию. И западничество если и предполагало всемирное значение русской культуры, то только в ее **присоединении** к этому (уже совершенному!) подвигу; со своей стороны славянофильство (как тенденция) видело цель в создании – рядом, наряду с романским и германским, – еще одного (пусть даже глубоко самобытного) культурного мира, славянского, с русской культурой во главе.

Словом, и в том, и в другом случае смысл и цель русской культуры воссоздаются как бы по западноевропейской модели, по предложенной Западом **программе**. Между тем в мысли Чаадаева и Достоевского русская культура имеет совершенно самостоятельный смысл и цель, а всестороннее и глубокое освоение западной культуры предстает как путь – разумеется, абсолютно необходимый путь – осуществления этой цели и этого смысла (всечеловечности).

Нельзя не сказать и о том, что с точки зрения западничества и славянофильства оказываются, в сущности, как бы ненужными, бессмысленными целые столетия истории русской культуры: для западничества – время с конца XV (ранее к Западу, допустим, мешало обратиться монгольское иго) до конца XVII века; для славянофильства – последующее время. Между тем Достоевский (как ранее Чаадаев) совершенно объективно оценил русское «стремление в Европу».

Но это была только одна сторона дела. В высшей степени замечательно, что Достоевский сразу после «Речи о Пуш-

кине» (где со всей силой и ясностью провозглашено: «Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность...») обратился к теме Азии. В своей последней, предсмертной записной тетради 1880–1881 годов (большая часть ее была опубликована лишь в 1971 году) Достоевский снова и снова возвращается к этой теме: «Азия. Что Россия не в одной только Европе, но и в Азии, и что в Азии может быть больше наших надежд, чем в Европе...

Россия хоть и в Европе, но Россия и Азия, и это главное, главное» и т.п.

В самом последнем выпуске «Дневника писателя» («Январь 1881 г.») Достоевский писал: «Надо прогнать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами и скажут про нас, что мы азиаты еще более, чем европейцы. Этот стыд, что нас Европа считает азиатами, преследует нас уже чуть не два века... Этот ошибочный стыд и этот ошибочный взгляд на себя единственно как только на европейцев, а не азиатов (каковыми мы никогда не переставали пребывать) – этот стыд и этот ошибочный взгляд дорого, очень дорого стоили нам в эти два века...»

Из всего контекста мысли Достоевского совершенно ясно, что речь идет не просто о взаимоотношениях с Азией, но и о другой – столь же необходимой – стороне русской всечеловечности.

В XV–XVII веках Россия была гораздо больше связана с Азией, чем с Европой с конца XVII века. Достоевский, как бы подводя итоги интенсивнейшего двухвекового «европеизма», провозгласил необходимость установить своего рода равновесие и «открыть окно» в Азию, оговаривая при этом, что вовсе не следует отворачиваться и «от окна в Европу».

Если взглянуть в развитие русской литературы за предшествующие 1880 году полвека, станет ясно, что мысль Достоевского ни в коей мере не была чем-то неожиданным. Достаточно подумать о чрезвычайно широко и глубоко осво-

енном русской литературой Кавказе, которому посвятили очень значительную часть своего творчества Пушкин, Лермонтов и Толстой, не говоря уже о целом ряде второстепенных писателей. Лермонтов говорил перед самой своей гибелью³⁸: «Зачем нам все тянуться за Европой?.. Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского мирозерцания... Там, на Востоке, тайник богатых откровений».

Но дело здесь не просто в обращении к Азии; дело в самом характере этого обращения. С этой точки зрения поистине великолепен эпизод из «Путешествия в Арзрум», рассказывающий о встрече Пушкина с персидским поэтом Фазил-Ханом: «Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие, но как же мне стало известно, когда Фазил-Хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умною учтивостью порядочного человека!.. Со стыдом принужден я был оставить важно-шутливый тон. Вперед не стану судить о человеке по его бараньей папахе и по крашеным ногтям».

Здесь исключительно важны слова «совестно» и «со стыдом», которые показывают, обнаруживают, что сознание безусловного равенства, братства с человеком Азии ни в коей мере не носит формального характера, но идет из глубины личности.

Атмосфера безусловного равенства и братства воплощена во всех творениях русской литературы, воссоздающих образы народов Азии, — и в лермонтовском «Герое нашего времени», и в кавказских повестях Толстого (в «Хаджи-Мурате» он со свойственной ему «крайностью» даже как бы переходит границу равенства, выдвигая на первый план черты превосходства горцев над русскими), и поразительном по силе, явно недооцененном повествовании Лескова «На краю света» (о Якутии).

Здесь невозможно хотя бы даже назвать все произведения русской литературы конца XIX и XX века, связанные с темой Азии. Именно в 1880-х годах, то есть одновремен-

но с осознанием всей важности и необходимости этой темы Достоевским, обратился к Азии – прежде всего к духовной жизни Индии и Китая – Лев Толстой. Глубокое выражение нашла азиатская тема в поэзии Бунина, Блока, Хлебникова, Клюева, Есенина, в повествованиях Лескова, Чехова, того же Бунина, Куприна, Пришвина, Шишкова, Андрея Платонова и т.д.

В этой сфере русской литературы едва ли не наиболее очевидно выявляется ее коренное расхождение с гуманизмом в западноевропейском смысле, поскольку тот основан на «объектном» отношении к другому человеку. Пусть речь идет даже о высоком сострадании к этому другому – все равно оно превращает его именно в **объект** сострадания, и герои Достоевского непримиримо сопротивляются такому состраданию. Все это глубоко и полно раскрыто в книге М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского».

В западной литературе достаточно много произведений, в которых с позиций последовательного гуманизма изображены люди Азии и Америки. Но это именно такое сострадание, в котором не воплощен дух подлинного равенства и братства*.

В «Герое нашего времени» Печорин отнюдь не проявляет специфически «гуманного» отношения к Бэле, Казбичу, Азамату; он, если угодно, вступает с ними в поединок. Но это поединок безусловно **равных** людей; у обеих сторон есть и свои слабости, и свое **превосходство**.

Выше приводились проникновенные слова Пришвина о том, что он «при встрече с любой народностью – англичанином, французом, татаринном, немцем, мордвинном, лопарем – всегда чувствовал в чем-то их превосходство». Это чрезвычайно существенный момент проблемы; дело в том, что равенство народов невозможно, немыслимо как некое

* В высшей степени характерно, скажем, что в американской литературе сочувственно изображаются, как правило, лишь те индейцы, которые мирно сотрудничают с выходцами из Европы; между тем в русской литературе о Кавказе сочувственно изображены как раз «немирные» горцы.

тождество. Для подлинного установления равенства и братства необходимо увидеть и признать определенное **превосходство** другого народа.

Это отнюдь не означает какого-либо умаления своего народа. Тот же Пришвин, выражая неудовлетворенность рассказом Горького «О любви», писал ему: «Это могли бы написать и французы», утверждая тем самым «литературное» превосходство русской культуры. Вместе с тем в своем великолепном «Черном арабе», изображающем Казахстан, или в дальневосточной повести «Женьшень» Пришвин воплотил дух безусловного братства с народами Азии.

Подлинное превосходство русских и состоит, если уж на то пошло, в способности подлинного братства с любым народом, которая, в свою очередь, опирается на способность (необходимую способность) из глубины духа признать определенное превосходство другого народа, что так прекрасно выразил Пришвин.

* * *

Но обратимся к самой проблеме Азии; глубокое ее осмысление – особенно сложная, важная и насущная задача. Дело в том, что за два столетия самого активного «европеизма» отечественное сознание подверглось очень сильному воздействию западного отношения к Азии, о чем с такой тревогой говорил перед смертью Достоевский. С наибольшей ясностью это выразилось в представлениях, сложившихся в России за XIII–XIX века о татаро-монголах, ставших ядром империи Батые и его потомков, в вассальной зависимости от которой в XIII–XV веках находилась Русь. В принципе, нет кардинального различия между этой империей и, скажем, империей Карла Великого, подчинившей себе европейские земли от Пиренеев до Дуная, народы – от арабов до чехов (можно взять и более поздний пример – империю Карла V). Однако в глазах Европы империя «азиатов» представляла как

нечто совершенно иное – чудовищное и, более того, «позорное» – именно потому, что дело шло об «азиатах».

Начиная с XVIII века такого рода восприятие азиатов в известной степени заразило и русское сознание. Ранее на Руси отнюдь не было этого специфического отношения к азиатам, в частности и к монголам.

В высшей степени характерно, что даже в пронизанной болью «Повести о разорении Рязани Батыем» образ монгольского вождя не лишен черт человечности: «И сказал царь Батый, глядя на тело Евпатьево: “О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малой своею дружиною... Если бы такой вот служил у меня, – держал бы его у самого сердца своего”. И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины... И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им» (перевод Д. С. Лихачева).

Речь идет, разумеется, отнюдь не о каком-либо оправдании завоевателя. «Повесть о разорении Рязани Батыем» насквозь пронизана пафосом непримиримой борьбы с захватчиками, как и все другие произведения русской литературы XIII–XV веков, касающиеся монгольского нашествия. Но вместе с тем русское самосознание не разграничивало народы на «европейцев» и «азиатов»; любые завоеватели были неприемлемы, будь то немецкие рыцари или монгольские багатуры. Отношение к завоевателям определялось в русском сознании именно тем, что они завоеватели, однако это не вело к враждебности или хотя бы отчужденности в отношении какого-либо народа и его отдельных представителей.

С замечательной ясностью выразилось это даже и в судьбе потомков Батые на Руси. Как известно, Русь окончательно освободилась от власти татаро-монголов в 1480 году, после бегства великого хана Золотой Орды Ахмата с реки Угры. И вот через каких-нибудь полвека сын племянника того самого Ахмата, Шах-Али (Шигалей), стал крупнейшим русским военачальником и командовал всей армией в Ливонской и Литовской войнах, а правнук Ахмата – Саин-Булат

(Симеон Бекбулатович) был назначен главой боярской думы и получил титул «великого князя всея Руси». И это всего лишь два выразительнейших примера из массы подобных. Такого рода судьбы представителей нерусских народов вообще-то вполне типичны: так, кабардинский князь Черкасский был фактически правителем при царе Михаиле Федоровиче, мордвин Никита Минов – патриархом всея Руси Никоном, ногаец Юсупов – главой Российской военной коллегии в начале XVIII века и т.п. Но судьбы потомков «заклятых» врагов Руси с особенной силой и очевидностью раскрывают природу русской всечеловечности.

И нельзя не выразить глубокую тревогу в связи с тем, что «западническое» восприятие Азии подчас искажает эту истинную суть русского сознания. Каждому из нас ясно, что непримиримая борьба с наполеоновским нашествием не породила и не могла породить в нашей литературе «негативного» отношения к французскому народу как таковому. Но к народам Азии, входившим в состав агрессивных армий в силу тех или иных обстоятельств, нередко как бы предъявляется иной счет.

Свежий пример тому – одна из сюжетных линий многопланового* романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день», где пришедшие из глубин Азии жуань-жуаны изображены поистине как нелюди, которых можно и нужно уничтожать начисто. Причем речь идет именно о народе, племени, а не об армии. Тот факт, что история нашествия жуань-жуанов дана в романе в притчеобразной, мифологизированной форме, только усиливает остроту обобщения. Нельзя не заметить, что эта линия романа резко противоречит авторскому предисловию, в котором декларируется доброе отношение ко всем народам мира.

Но обратимся к гораздо более широкой и существенной проблеме: речь идет об отражении в литературе и публицистике одного из величайших событий отечественной

* Так, глубоко значительны воссозданные Чингизом Айтматовым национальные характеры казахов.

истории – Куликовской битвы. Она нередко изображалась и изображается как проявление своего рода фатально неизбежной смертельной вражды Руси и Азии, как «битва континентов». Лишь в последнее время началось широкое уяснение истинно всемирного значения и подлинного характера этой битвы.

Так, Юрий Лощиц в своей превосходной книге «Дмитрий Донской» (серия «Жизнь замечательных людей») показывает, что сражение 8 сентября 1380 года было битвой не одного народа против другого, но – всемирно-исторической битвой, по сути дела, уже тогда многонационального Русского государства с агрессивной космополитической армией, которая не имела права выступать от имени ни одного из народов – соседей Руси...

Выше уже приводились факты, свидетельствующие о том, что на Руси отнюдь не было враждебного отношения к татаро-монголам как к людям, как к представителям азиатских народов. Нельзя забывать и о том, что двумя (из шести) русскими полками на Куликовом поле командовали перешедшие на службу к Дмитрию Донскому татары Андрей Черкизович и Семен Мелик, геройски павшие в битве...

Опыт осмысления многогранного круга проблем, так или иначе связанных с Куликовской битвой, предпринят и в ряде работ Л. Н. Гумилева³⁹. Так, он показывает, что в основе политики Орды накануне битвы лежало «покровительство работоторговле и разноплеменным купцам... принцип голой выгоды», что действиями Мамаю, по сути дела, руководили не столько даже интересы самой золотоордынской верхушки, сколько «цивилизация торговцев, попросту говоря, за счет международных спекулянтов, наладивших торговые маршруты с доставкой живого товара к посредническим генуэзским конторам». Речь идет прежде всего о «гигантском для того времени центре работоторговли – генуэзской колонии Кафе (ныне Феодосия), через которую в иные года проходило несколько десятков тысяч рабов. Вполне естественно, что после своего разгрома Мамай бежал в Кафу, где был – как

уже не нужная, битая карта – ограблен и уничтожен своими, не признающими никаких моральных норм вдохновителями и кредиторами*.

Таким образом, Куликовская битва, которую сплошь и рядом рассматривают исключительно как отражение русским войском специфически «азиатского» натиска, на самом деле, если уж на то пошло, была битвой русского народа прежде всего с всемирной космополитической агрессией, ибо сама захватническая политика Мамаея все более определялась интересами и политикой «международных спекулянтов» Генуи и Кафы (которые, как известно, не преминули послать и на Куликово поле в поддержку Мамаю свою отлично вымуштрованную пехоту, – разумеется, наемную).

Словом, нет никаких оснований считать сражение 1380 года направленным против монголов. Куликовская битва была направлена не против какого-либо народа, но против поистине «темных» сил тогдашнего мира.

Нужно сказать, что Л. Н. Гумилев вообще сделал немало для того, чтобы раскрыть сложные, многозначные отношения Руси и кочевых народов Азии, в том числе и татаро-монголов. Но, к сожалению, в его книгах и статьях, посвященных этой теме, много и спорных, и прямо неприемлемых положений,

* Для большей ясности следует хотя бы перечислить некоторые факты. Кафа была куплена генуэзцами у Орды в 1266 году, но до середины XIII века ордынцы чуть ли не каждое десятилетие захватывали и грабили ее. Мамай же, став в 1350-х годах крымским темником, завязал самые тесные отношения с Кафой. За время его господства, то есть до 1380 года, не было ни одного татарского нападения на Кафу (хотя Мамай не раз разорял колонии ее конкурентов – венецианцев). За это время Кафа присоединила к себе большую часть крымского побережья (от Балаклавы до Судака) и превратилась в один из самых больших городов Европы (до 70 тыс жителей). На деньги, полученные от Кафы, Мамай нанял огромное войско (в него вошли наемники с Кавказа, Поволжья и даже Закавказья) и захватил власть над всеми владениями Орды западнее Волги. В Москве знали о роли Кафы для Мамаея: Дмитрий Иванович, по подробному рассказу Никонской летописи, специально взял с собой в поход на Дон десять сурожан (то есть русских купцов, торговавших в Крыму), которым были хорошо известны «тайны» Кафы.

вроде тезиса о «симбиозе Руси и Орды»*, – хотя так или иначе само по себе стремление Л. Н. Гумилева доказать, что в отношении Руси к народам Азии не было какой-либо фатальной непримиримости и национальной отчужденности, в высшей степени плодотворно.

Вместе с тем не могу не сказать, что в создаваемой Л. Н. Гумилевым картине отношений Руси и Азии недостает, на мой взгляд, чрезвычайно существенного звена – понятия о той всечеловечности русского сознания и самого исторического **поведения**, которое, как я стремился показать, складывалось уже в самый начальный период развития Руси.

Так, говоря о сложной многозначности отношений Руси и кочевых народов Азии – отношений, которые вовсе не сводились к вражде и войнам, Л. Н. Гумилев основывается прежде всего на наличии **взаимных, обоюдных** интересов. Между тем нет сомнения, что явленная на самой заре русской истории воля к всечеловечности имела громадное значение в отношениях Руси с народами Азии. Вот хотя бы один, но очень характерный факт. Владимир Мономах в своем «Поучении» гордо рассказывает о грозных победах над половцами, но не менее гордо он сообщает: «Миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца, и раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких (следует перечисление имен. – В. К.), а всего других лучших князей сто» (перевод Д. С. Лихачева). Не будь этой, выражаясь современным языком, русской принципиальной позиции в мире, отношения с кочевыми народами Азии могли бы иметь совсем иной исторический результат**.

* Ср. роман-эссе Владимира Чивилихина «Память» (Наш современник. 1980. № 12).

** Другой существенный изъян концепции Л. Н. Гумилева состоит, на мой взгляд, в том, что он (исходя опять-таки из понятия о взаимных интересах), ограничивает возможность истинного союза Руси и Азии, по сути дела только кругом тюрко-монгольских народов. Но это особая и громадная проблема.

В своей последней, предсмертной статье 1881 года Достоевский писал⁴⁰, что в предшествующие «два века... чего-чего мы ни делали, чтоб Европа приняла нас за **своих**, за европейцев, за одних только европейцев, а не за татар...

От окна в Европу отвернуться трудно, тут фатум... Нам нельзя оставлять Европу... Европа нам тоже мать, как и сия, вторая мать наша; мы многое взяли от нее, и опять возьмем, и не захотим быть перед нею неблагодарными...

А между тем Азия – да ведь это и впрямь может быть наш исход в нашем будущем – опять восклицаю я!.. Принцип, новый принцип, новый взгляд на дело – вот что необходимо!»

Позднейшее изучение и осмысление истории Руси показало, что дело заключается не в «**новом**» принципе и взгляде, но в возрождении, воскрешении многовекового русского принципа и взгляда. В течение XVIII–XIX веков Запад чуть ли не заразил наше сознание «отчужденностью» от Азии, но великая русская литература всегда сохраняла и развивала свою всечеловечность равным образом в отношении и к Европе, и к Азии, что так прекрасно воплотилось в творчестве Пушкина, Лермонтова, Толстого, Лескова и что с такой ясной и глубокой осознанностью выразил в своем последнем завещании Достоевский.

Через четыре десятилетия после появления этой статьи тема Азии встает в полный рост в последних сочинениях человека, который был очень далек от общего смысла и пафоса творчества Достоевского. Но тем более многозначительным оказывается выразившееся и там и здесь громадное внимание к Азии. Речь идет о последних работах В. И. Ленина – в том числе и о самых последних, имеющих характер завещания материалах – письмах в ЦК ВКП(б) и статьях «О нашей революции» и «Лучше меньше, да лучше» (1923). Но и в более раннем выступлении В. И. Ленин говорил об Азии⁴¹: «Мы знаем, что здесь поднимутся, как самостоятельные участники, как творцы новой жизни, народные массы Востока, потому что сотни миллионов этого населения принадлежат к зависимым, неполноправным нациям, которые до сих пор были объектом

международной политики империализма, которые для капиталистической культуры и цивилизации существовали только как материал для удобрения... Наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения. Народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества»*.

«...Самым существенным сейчас, – говорил тогда же В. И. Ленин, – является отношение народов Востока к империализму...» Что же касается России, то «в силу ряда обстоятельств, – между прочим, и в связи с... тем, – говорил Ленин, – что она служит рубежом между Европой и Азией, Западом и Востоком, – нам пришлось взять на себя всю тяжесть – в чем мы видим великую честь – быть застрельщиками мировой борьбы против империализма»**. России «предстоит сгруппировать вокруг себя все просыпающиеся народы Востока, чтобы вместе с ними вести борьбу против международного империализма»***.

«Вот задача необычайного размаха, которая, – подводит итог В. И. Ленин, – будет успешно разрешена и доведена до полной победы над международным империализмом»****.

Тот факт, что Восток издавна был в глазах Запада только «объектом», только «материалом для удобрения», лежит в основе того мировосприятия, которое выразили знаменитые стихи Киплинга:

Запад есть Запад, Восток есть Восток,
И с места они не сойдут...

А Россия является «рубежом между Европой и Азией, Западом и Востоком», конечно, не только в силу своего географического положения. Русская литература во всех своих подлинных проявлениях воплотила мощный и глубокий пафос

* Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 39. С. 327–328.

** Там же. Т. 39. С. 318.

*** Там же. Т. 39. С. 329.

**** Там же. Т. 39. С. 331.

равенства и братства с народами и Запада, и Востока, создав, таким образом, своего рода духовный мост между Европой и Азией. В могучей всечеловеческой стихии русской литературы и Запад, и Восток одарены способностью как бы сойти со своего «места» и братски протянуть друг другу руки.

Стихия русской литературы – это в основе своей стихия проникновенного **диалога**, в котором могут равноправно участвовать предельно далекие голоса. Понятие «диалог» естественно обращает нас к трудам М. М. Бахтина. Но мне хотелось бы подчеркнуть, что, на мой взгляд, наиболее важно не бахтинское открытие «диалогичности» творчества Достоевского или других художников, но тот факт, что сама **по себе** созданная М. М. Бахтиным эстетика в своем целом есть, по существу, **эстетика диалога**; в этом смысле она, в частности, противостоит основанной на «монологической диалектике» (по бахтинскому определению) эстетике Гегеля, которая явилась фундаментом всей западноевропейской эстетики. И именно русская мысль могла и должна была создать эстетику диалога, воплотившую наиболее глубокую природу русской литературы*.

В творчестве всечеловеческого диалога, быть может, прежде всего и выражается величайшая миссия русской литературы – миссия, которая в конечном счете сказывается в духовной судьбе любой страны – от Франции до Японии...

В заключение необходимо поставить одну весьма сложную и острую проблему. В эпиграфе этой статьи – слова Петра Чаадаева: «Провидение создало нас слишком великими, чтоб быть эгоистами». Далее Чаадаев говорит, что Россия не призвана «проводить национальную политику... ее дело в мире есть политика рода человеческого».

И нельзя не видеть, что для русского бытия и сознания вовсе не характерно активное, твердое и последовательное

* Западная литература в отличие от русской являет собой как бы монолог, не подразумевающий во «внешнем» мире равноценного другого субъекта, от которого ждут необходимого ответа, признания, суда. И это нельзя рассматривать как всецело отрицательное качество. Перед нами, если угодно, подлинно **героический монолог**.

сугубо национальное самоутверждение, которое присуще жизни и культуре, скажем, Англии и Франции* или, в иных формах, скажем, Японии или Турции. Однако это никоим образом не означает, что русская литература вне- (или не-) национальна. Сама ее всечеловечность – это именно национальная, самобытно-народная ее природа. Уже приводились совершенно точные слова Достоевского о том, что во «всемирной отзывчивости» пушкинского гения «выразилась наиболее и прежде всего национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии».

Толстой, говоря о всечеловеческом содержании⁴², воплощенном в образах, созданных Достоевским, о том, что «в этих исключительных лицах не только мы, родственные ему люди, но иностранцы узнают себя, свою душу», объяснял это так: «Чем глубже зачерпнуть, тем общее всем, знакомее и роднее».

Это в высшей степени существенный момент: всечеловечность живет – можно бы даже сказать, таится – в самой **глубине** русского национального характера. И чтобы сохранить свою подлинность и плодотворность, чтобы не выродиться в конечном счете в космополитизм, всечеловечность русской литературы не может не погружаться вновь и вновь в свою глубочайшую народную основу. Именно так развивалась покоряющая всечеловечность Достоевского и Толстого.

Если же писатель исходит не из глубины национального бытия и сознания, а только из смутного «стремления в Европу», он оказывается неспособным воплотить подлинную всечеловечность и в конце концов попадает во власть космополитической всеядности, поверхностной международной культуры, а вернее, межеумочной «полукультуры» (в том числе и в своем восприятии России).

И в современной, сегодняшней литературе подлинная всечеловечность воплощается лишь в таком творчестве, кото-

* Напомню еще раз слова Белинского⁴³: «Французы, англичане, немцы так национальны каждый по-своему, что не в состоянии понимать друг друга, тогда как русскому давно доступны и социальность француза, и практическая деятельность англичанина, и туманная философия немца».

рое берет свой исток в глубинах народного бытия и сознания и постоянно возвращается к этому истоку.

О «евразийской» концепции русского пути

Понятия «Евразия» и «евразийство» в последние годы обсуждаются очень широко, но, к сожалению, далеко не всегда основательно. Поэтому начать следует с определения этих понятий.

Географический термин «Евразия» имеет в виду фактически единое (не разделенное океанами) пространство двух континентов, то есть Европу и Азию в целом, но уже сравнительно давно этим термином стали обозначать также и *часть* этого пространства – гигантскую равнину (поделенную не столь высоким Уральским хребтом) от Карпат до Тихого океана, то есть в конечном счете территорию России; южная часть Азии отграничена цепью горных массивов от этого, выражаясь терминологически, *субконтинента*, отличного и от собственно Европы, и от «основной» Азии. И понятие «Евразия» в этом более «узком» значении несет в себе вовсе не только географическое, но и многообразное общественно-историческое содержание. На первом плане здесь обычно оказывается тот факт, что на пространстве России – Евразии с древних времен жили и *европейские* (славяне, балты, молдаване), и *азиатские* (принадлежащие к тюркской, финно-угорской, кавказской, монгольской, иранской «семьям») народы.

В XX веке к осмыслению проблем Евразии в этом значении слова обратился целый ряд людей, так и называвших себя «евразийцами», – от Н. С. Трубецкого (1890–1938) до Л. Н. Гумилева (1912–1992). Это направление мысли развивалось главным образом в эмиграции; на родине оно долго было «полулегальным». И когда в конце 1980-х – начале 1990-х годов к наследию евразийцев обратились многие только что «открывшие» его для себя люди, идеи этой «школы» были восприняты сплошь и рядом односторонне, поверхностно и просто иска-

женно. Чаще всего суть дела сводили к тому, что Евразия – это, так сказать, «*русские плюс турки*» (и другие народы).

Но хотя тема многовекового взаимодействия русских и тюрков занимает свое существенное место в наследии евразийцев, это все же только определенная часть, сторона дела, обретающая свой истинный смысл лишь в целостности евразийской концепции. Исходным и главным для евразийцев было осознание изначальной *самостоятельности* и принципиального своеобразия всего бытия Евразийского субконтинента, а не «симбиоз» русских и тюрков, который представлял собой, как говорится, «следствие», а не «причину».

Но обратимся к истоку евразийской школы. Первым явным ее выражением была брошюра замечательного мыслителя и филолога Николая Трубецкого «Европа и человечество», изданная в Софии (Болгария) в 1920 году. Вот ее начало:

«Не без внутреннего волнения выпускаю я в свет предлагаемую работу. Мысли, высказанные в ней, сложились в моем сознании уже более 10 лет назад (то есть еще до 1910 года. – В. К.). С тех пор я много разговаривал на эти темы с разными людьми, желая либо проверить себя, либо убедить других»*.

Это сообщение мыслителя важно потому, что многие противники евразийства пытаются толковать его прежде всего или только как своего рода болезненную реакцию на пережитый Россией начиная с февраля 1917 года катаклизм. Между тем нет никаких оснований усомниться в правдивости Николая Трубецкого, когда он говорит, что его евразийские идеи начали складываться еще до крушения прежнего порядка. Конечно же, революция позднее мощно стимулировала размышления и Трубецкого, и других евразийцев. Но вместе с тем их концепция – что, кстати, убедительно показано в ряде наиболее серьезных новейших работ об их наследии – явилась итогом всего развития русской *историографии* в XIX – начале XX века, развития, которое создало возможность масштабного и многостороннего взгляда на тысячелетний путь России. При чем эта концепция была подготовлена

* Трубецкой Н. С. Европа и Человечество. София, 1920.

духовной работой крупнейших творцов русской *историсофии* (то есть философии истории) – от Чаадаева и Тютчева (об их идеях будет подробно сказано ниже) до Константина Леонтьева и Николая Федорова.

Следует вдуматься в основополагающие тезисы евразийства, изложенные в уже цитированной работе Николая Трубецкого так:

«Позиции, которые может занять каждый европеец по отношению к национальному вопросу, – констатировал мыслитель, – довольно многочисленны, но все они располагаются между двумя крайними пределами: шовинизмом, с одной, космополитизмом, с другой стороны... Не подлежит сомнению, что европейцу шовинизм и космополитизм представляются именно такими противоположностями, принципиально, в корне отличными одна от другой точками зрения.

Между тем с такой постановкой вопроса согласиться невозможно. Стоит пристально всмотреться в шовинизм и в космополитизм, чтобы заметить, что принципиального различия между ними нет, что это есть не более как две ступени, два различных аспекта одного и того же явления.

Шовинист исходит из того априорного положения, что лучшим народом в мире является его народ. Культура, созданная его народом, лучше, совершеннее всех остальных культур. Его народу одному принадлежит право первенствовать...

Космополит отрицает различия между национальностями... Цивилизованное человечество должно быть едино и иметь единую культуру. Нецивилизованные народы должны принять эту культуру, приобщиться к ней и, войдя в семью цивилизованных народов, идти с ними вместе по одному пути мирового прогресса. Цивилизация есть высшее благо, во имя которого надо жертвовать национальными особенностями.

В этой формулировке шовинизм и космополитизм, действительно, как будто резко отличаются друг от друга... Однако посмотрим, какое содержание вкладывают европейские космополиты в термины “цивилизация” и “цивилизованное человечество”? Под “цивилизацией” они разумеют ту куль-

туру, которую в совместной работе выработали романские и германские народы Европы...

Таким образом, мы видим, – заключает Николай Трубецкой, – что та культура, которая, по мнению космополитов, должна господствовать в мире, упразднив все прочие культуры, есть культура такой же определенной этнографически-антропологической единицы, как и та единица, о господстве которой мечтает шовинист. Принципиальной разницы тут никакой нет. Разница лишь в том, что шовинист берет более тесную этническую группу, чем космополит... разница только в степени, а не в принципе...»^{*}.

И Николай Трубецкой так определял цель своей книги: «Понять, что ни “я”, ни кто другой не есть пуп земли, что все народы и культуры равноценны, что высших и низших нет, – вот все, что требует моя книга».

Когда он это писал, безусловно господствовало представление, что основные страны Европы (Западной) представляют собой образцы высшей цивилизованности, по сравнению с которыми страны других континентов, замкнувшиеся-де в своей национальной ограниченности, являются более или менее «варварскими». Однако не прошло и двух десятилетий, как Германия с чудовищной очевидностью показала, что высшая цивилизация в самом деле может нести в себе предельно варварский шовинизм...

* * *

Но пойдем далее. Мысль Николая Трубецкого нельзя понять в рамках сопоставления собственно «национальной» и, с другой стороны, «общечеловеческой» культуры. Для этой мысли явно более существенно понятие европейской (точнее, западноевропейской) культуры, которую «в совместной работе выработали романские и германские народы», и, с другой стороны, культуры, выработанной – также совместно – народами Евразии – России.

^{*} Трубецкой Н. С. Европа и Человечество. София, 1920.

Те, кто относится к истории России с заостренно «критической» точки зрения, без сомнения, заговорят о многочисленных межнациональных конфликтах в этой истории, о том, что Россия – «тюрьма народов» и т.п. При этом как-то странно забывают о жесточайшей межнациональной борьбе в истории Западной Европы, борьбе, итоги которой дают полное основание называть основные западноевропейские страны «кладбищами народов» (развернуто об этом говорится в моей изданной в 1997 году книге «История Руси и русского Слова. Современный взгляд»). Вместе с тем ясно, что эта многовековая борьба (включая и наше столетие) все же не «помешала» выработке обладающей относительным единством романо-германской культуры Запада. Точно так же существует и относительно единая евразийская культура, размышляя о которой Николай Трубецкой даже ставил вопрос об «общеевразийском национализме» (так и названа одна из его статей, опубликованная в 1927 году).

Утверждая, что под «космополитами» – то есть «гражданами мира», свободными-де от «национальной ограниченности», обрекающей на непреодолимый дефицит «цивилизованности», – имеют в виду именно и только людей, сформированных западноевропейской (романо-германской) культурой, Николай Трубецкой, конечно же, был совершенно прав. Ведь если в качестве «граждан мира» выступают японец, китаец, араб, индеец Америки и т.п., они уже не несут в себе ярко выраженных национальных и «континентальных» черт, их поведение, сознание и даже сам их облик предстают как бы отшлифованными именно на *западноевропейский* манер. Поэтому Николай Трубецкой имел все основания усматривать в космополитизме своего рода шовинизм основных народов Запада (более или менее бессознательно усваиваемый и людьми других национальностей и континентов).

С особенной остротой эта проблема встает в отношении русских людей, ибо их национальные черты, отграничивающие их от западноевропейских народов, не обладают такой определенностью, какая присуща национальным обликам лю-

дей Азии и других континентов, и при интенсивном усвоении романо-германской культуры «русскость» может вроде бы полностью стереться, исчезнуть, – к чему, собственно говоря, и стремились (и стремятся) так называемые «западники», громко заявившие о себе еще в 1840-х годах.

Правда, при ближайшем рассмотрении проблема оказывается более сложной и противоречивой. Сами слова «западники», «западничество» таят в себе как бы подрывной смысл, в них заложена «идеологическая мина». Казалось бы, последовательный «западник» – это человек, преодолевший свою «русскость» (которая, как ни крути, оценивается в западнической идеологии в качестве чего-то «второсортного»...) и «сравнившийся» с людьми западноевропейских стран. Однако ведь абсолютно ясно, что живущие *на Западе* люди никак не могут быть «западниками», то есть стремящимися преодолеть «свое» и усвоить иной, «чужой» образ жизни и мысли!

Западник – это в конечном счете «разновидность», «тип» именно *русского* человека, которым овладело стремление превратиться в западноевропейца, и с известной точки зрения «русское» в этом типе выступает даже *более явно и резко*, чем в тех русских людях, которые попросту живут в своем мире, оставаясь самими собой. Более резко потому, что в «западниках» очевиден как бы некий надлом, или, пользуясь популярным определением, «комплекс национальной неполноценности», который они стремятся изжить. Поэтому последовательное западничество являет собой, в сущности, один из видов русского *экстремизма* (который вообще характерен для русских); именно экстремистами были такие «крайние» западники XIX века, как В. С. Печерин или И. С. Гагарин, пытавшиеся (впрочем, тщетно) вытравить в себе все русское, – точно так же, как «крайние» славянофилы П. В. Киреевский и К. С. Аксаков пытались «очиститься» от всего западноевропейского...

И в конечном счете западник никак не может сравняться с западноевропейцами в глубоком, фундаментальном значении слова (для чего, кстати сказать, он должен стать не запад-

ноевропейцем «вообще», а англичанином, или немцем, или французом и т.п.) – подобно тому как искусственные вещи никогда не равны естественным, природным. Более того: западники фатально «второсортны» и в своей, русской культуре. Так, например, в России было немало даровитых писателей, принадлежавших по своему мировоззрению к западничеству, но ни один из них не достигал уровня Пушкина, Тютчева, Гоголя, Достоевского или Толстого, которых невозможно отнести к западничеству.

Естественно возникает вопрос о противостоящем западникам направлении *славянофилов*. Гоголя и Достоевского и, тем более, поэта и мыслителя Тютчева нередко так или иначе причисляют к славянофильству, но это едва ли основательное решение (ниже мы будем подробно говорить о мировоззрении Тютчева). Последовательное, ортодоксальное славянофильство (следует отметить, что наиболее значительные представители этого направления далеко не вполне «умещались» в его рамках) ратовало за развитие своеобразной, отличной от романской и германской культур (и даже противостоящей им) славянской культуры и цивилизации, во главе которой, по убеждению славянофилов, должен быть русский народ.

В XIX веке (аналогичная ситуация сложилась также впоследствии в 1940-х годах, во время экспансии германского нацизма) для этой концепции вроде бы имелись существенные основания. Дело в том, что славянские народы подвергались тогда давлению и прямому гнету, с одной стороны – Австрийской, а с другой – Турецкой империй, а также Германии и Италии, и видели свою единственную защитницу в лице России.

Однако в тех исторических ситуациях, когда перед славянскими народами открывалась перспектива «свободного выбора» между Россией и Западом, они, как правило (отдельные «исключения» его не отменяют), стремились (и стремятся ныне) «интегрироваться» с Западом... Стоит сообщить, что в конце 1980-х годов мне довелось дать интервью жур-

налистам Чехословакии и Польши, и я не без остроты поставил вопрос о том, что эти страны как бы всегда стояли и стоят перед «альтернативой»: быть ли «передним крыльцом России» или «задним двором Запада», и беседовавшие со мной журналисты признали, что в конечном счете их страны склонны выбирать второе.

Славянофильство, опираясь на единство *происхождения* славянских народов, не могло или не желало признать, что существеннейший *геополитический* водораздел проходит не между, скажем, Чехией и Германией и, тем более, Хорватией и Италией, а по западной границе России-Евразии.

Но главное – в другом. Самой своей идеей *славянской* цивилизации, в чьем лоне русские должны выступить как часть (пусть и значительнейшая) целого, славянофилы по сути дела как бы «добавляли» к двум важнейшим европейским цивилизациям – романской и германской – еще одну, которая в конечном счете должна была, так сказать, мериться той же мерой, что и две первые.

Но если эту меру и можно применять к собственно европейским славянским странам, для России такая мера не годится хотя бы уже потому, что Россия всегда была многоэтнической страной, включавшей в себя не только славянские, но и финно-угорские, тюркские и другие народы.

Еще в XI веке, при Ярославе Мудром, Россия (тогда – «Русь») занимала пространство от Карпат до Урала, и уже в 1639 году, то есть более трех с половиной столетий назад, русские «землепроходцы», возглавляемые человеком с символическим именем Иван Москвитин, достигли берега Тихого океана – точнее, принадлежащего к его бассейну Охотского моря (в 1647 году на его берегу появилось поселение, впоследствии ставшее городом Охотск).

В последнее время, когда стало чуть ли не модой всяческое «очернение» России, ее вековое движение к востоку толкуется нередко как безнравственный и жестокий «колонизализм», порабошавший и даже чуть ли не уничтожавший множество народов. Конечно, в ходе освоения гигантского

евразийского пространства имели место всякого рода прискорбные явления, ибо история (да и человеческая жизнь вообще) – это отнюдь не идиллия, а *драма*, в которой к тому же неизбежны и открыто трагедийные коллизии. И вызывает решительные возражения вовсе не сама по себе констатация тех или иных заведомо «негативных» фактов истории России, но постоянно предпринимаемые в наши дни попытки представить Россию беспрецедентной «империей зла» – как «заклеймил» ее один из президентов США¹, – противостоящей-де неким «добрым» государствам.

При этом ухитряются как-то «не замечать», что история создания тех же США, вне всякого сомнения, имела гораздо более жестокий и безнравственный характер, чем история создания России. Так, продвижение создателей этого государства от берегов Атлантического в направлении того же Тихого океана сопровождалось целенаправленным – и, между прочим, всячески воспеваемым – уничтожением коренного, индейского, населения. А овладение основной частью Тихоокеанского побережья США было результатом трехлетней (1846–1848 годы) захватнической войны с суверенным государством – Мексикой. США отторгли от Мексики больше половины (к тому же наиболее ценной половины, включающей, в частности, нынешние штаты Калифорния и Техас) ее территории. И есть даже своего рода цинизм в том, что крупнейшие города тихоокеанского побережья США – Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Сан-Диего, Сакраменто, Сан-Хосе – носят мексиканские (испаноязычные) имена, между тем как прежним хозяевам этого побережья мексиканцам не было предоставлено в США и тени автономии (хотя бы чисто «культурной»).

Речь идет отнюдь не о том, чтобы сопоставлением с США «обелить» Россию, но об объективном понимании ее истории в контексте мировой истории. Обращусь в связи с этим к сравнительно недавним событиям.

Как чудовищный и возможный-де только в нашей «проклятой» стране акт преподносят сегодня высылку в 1944 году в восточные районы нескольких народов за сотрудничество той

или иной их части с германской армией. При этом опять-таки «не замечают», что ранее, после нападения Японии в декабре 1941 года на военно-морскую базу Перл-Харбор, все граждане США (страны, чье население образовалось из иммигрантов) японского происхождения – а их имелось около 100 тысяч человек – были без каких-либо разбирательств посажены до конца войны в *концлагеря*, – хотя они фактически никак не могли (в отличие от тех, кто подвергся ссылке в нашей стране) сотрудничать с атакующим американский флот Японией, поскольку Перл-Харбор отделен от берегов США почти четырьмя тысячами километров океана...

Снова подчеркну, что задача состоит не в «оправдании» жестоких акций, совершенных в нашей стране, но только в отвержении попыток представить ее неким уникальным средоточием зла.

Нельзя не сказать еще и о том, что становление России как государственности, включавшей в себя и восточную часть Европейского континента, и северную часть Азиатского, и постепенное продвижение этой государственности по всему громадному равнинному пространству от Карпат до Тихого океана были воплощением определенной исторической *закономерности*, проявлявшей себя в деятельности ряда предшествующих государственных (или хотя бы «протогосударственных») образований, – что осмыслено в работах евразийской школы (см., например, курсы истории Руси, созданные одним из виднейших евразийцев – Г. В. Вернадским, сыном знаменитого естествоиспытателя).

Именно «евразийский» характер был присущ возникшим на территории будущей России «империям» гуннов (IV–V вв. нашей эры), аваров (VI–VII вв.), хазар (VIII–X вв.) и, в особенности, позднейшей Монгольской империи (XIII–XV вв.). Словом, государственное единство Евразийского субконтинента имело глубочайшие исторические корни, и последовательное «расширение» Руси-России уместно понять поэтому не как волюнтаристскую экспансию, а как исполнение объективной «воли» самой истории.

Необходимо также учитывать, что именно *евразийской* империей была явившаяся для Руси еще в X веке «образцом» Византия (см. об этом мою уже упомянутую книгу «История Руси и русского Слова»).

* * *

Евразийское понимание пути России подвергалось (и подвергается) критике и с западнической, и со славянофильской точек зрения, ибо, несмотря на все их различия, их равно не устраивает идея необходимости, неотъемлемости «азийского компонента» в бытии России. В глазах западников все «азийское» особенно мешает России стать страной западного типа (что для них является бесспорным и конечным «идеалом»), а для славянофилов «азийство» означает искажение или вообще утрату (о чем – ниже) самобытной *славянской* сущности русского народа

Петр Чаадаев, не впадавший ни в западничество, ни в славянофильство, еще в начале 1830-х годов утверждал, что в конечном счете «стихии азиатские и европейские переработаются в оригинальную Русскую цивилизацию», предвосхищая тем самым идеи евразийской школы*. В этой формулировке важно слово «переработаются», означающее, что дело идет не о соединении, не о «приплюсовывании» азиатского и европейского, но о складывающемся в ходе истории ином, «третьем» феномене, который достаточно адекватно обозначается термином «евразийство» (а не «европазиатство», то есть Европа плюс Азия).

Нынешние люди славянофильского умонастроения не приемлют евразийства², не без возмущения заявляя, что утверждение России в качестве Евразии ведет к растворению и в конце концов исчезновению русского народа, место которого займет некий неопределенный «евразийский народ».

Но это восприятие исходит из заведомо упрощенного и, следовательно, ложного представления в духе «русские плюс

* Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1991. С. 541.

тюрки, финно-угры и т.п.». В действительности же – и эта сторона дела имеет *всеопределяющее* значение – евразийским народом является *именно и только* русский народ; остальные населяющие Россию народы – это в основе своей либо европейские, либо азиатские народы, обретающие евразийские черты лишь в «магнитном поле» России. И если они оказываются за пределами этого поля, они утрачивают евразийский характер и постепенно опять превращаются в собственно европейские или же азиатские.

Недавно известнейший грузинский публицист Мэлор Стуруа не без горечи написал о судьбе своего народа после 1991 года:

«Привилегированный доминион империи превратился буквально с ночи на утро (это, конечно, преувеличение. – В. К.) в евроазиатские задворки. “Азиатский Париж” – Тбилиси – перестал быть Парижем, оставшись азиатским»*. Тут только неточно выражение «евроазиатские задворки»: оказавшись вне магнитного поля России-Евразии, Грузия обречена быть «задворками Азии», точно так же, как «привилегированная» ранее Литва – «задворками Европы». Возьмем один конкретный пример. Сотворенные в евразийском поле грузинская и литовская кинематографии приобрели весомый всемирный резонанс, но едва ли есть основания предполагать, что небольшие окраинные страны Азии и Европы, в которые превращаются теперь Грузия и Литва, смогут создавать нечто подобное...

Следует напомнить также, что «расцвет» культуры Грузии, предшествующий ее пребыванию в российском «поле», приходится на *византийскую* эпоху ее истории, когда она также находилась в «поле» *евразийской* – хотя и другой – империи, а предшествующий высший «взлет» Литвы имел место в XIV–XV веках, когда существовало государство, справедливо определяемое историографией как «Литовско-русское» (позднее Литва надолго вошла в состав Польши, превратившись тем самым в самые что ни есть «задворки Европы»).

* Дружба народов, 1995, № 12. С. 137.

Выше было сказано, что один только русский народ является евразийским по своей сути, «по определению»; так, с самых своих истоков, с IX века, Русь развивается в сложном, но теснейшем взаимодействии с европейцами-скандинавами и азиатами-хазарами, а в X веке воспринимает в качестве своего рода старшего брата евразийскую Византию.

Не исключено, что провозглашение русских единственным «истинно евразийским» народом кто-либо квалифицирует как националистическую претензию. Однако евразийское существо русских обусловило не только те или иные их «достоинства», но и – равным образом – «недостатки», в частности, очевидную «неопределенность», аморфность и разного рода «комплексы неполноценности», которые, между прочим, выразились как в русском западничестве, так и в славянофильстве. Постоянные и горячие, подчас приобретающие надрывной, почти истерический характер споры о том, «кто такие русские», не свойственные иным народам (ни англичане, ни японцы, ни армяне, ни узбеки и т.д. нисколько не сомневаются в своей национальной идентичности), говорят сами за себя.

Впрочем, есть и более «объективный», могущий быть отнесенным к сфере «коллективно-бессознательного» *показатель* недостаточной определенности русской нации, воплотившийся в естественном бытии *языка*.

Мы очень редко задумываемся над тем, что *основной фонд языка* является продуктом «деятельности» столетий и миллионов людей и не зависит от чьих-либо субъективных умонастроений. И невозможно переоценить тот факт, что по-русски *все* столь многочисленные народы Евразии – от молдаван до чукчей – называются именами существительными и *только один русский* – именем прилагательным!

Уместно сделать вывод, что в этом запечатлелось, помимо прочего, представление о русских как прежде всего *связи*, объединяющем факторе, «общем знаменателе» многонациональной России-Евразии. Это рожденное в «стихийной» жизни языка слово не несет в себе, конечно, осознанного и целеустремленного смысла (характерно, что его, в сущности,

удивительное, странное отъединение от остальных русских слов, обозначающих народы, вообще почти никто не замечает), но именно потому оно особенно значительно и весомо: в нем как бы воплотился голос самой исторической реальности, а не каких-либо идеологов.

Привлечение внимания к этому феномену, как я не раз убеждался, вызывает недовольство и вместе с тем замешательство у людей славянофильской направленности. Я столкнулся даже с попыткой истолковать слово «русский» в более «благоприятном» смысле: оно, мол, имеет значение не «прилагательности», а «*притяжательности*»³, отвечает на вопрос не «какие?», а «чьи?». Но это уже в самом деле «принижающее» истолкование, ибо «прилагать» себя к чему-нибудь может сам народ, а «притяжает» его к этому чему-нибудь какая-либо иная сила...*

Главное же, разумеется, в том, что «прилагательное» имя «русские» – плод не измышлений неких русофобов, а многовековой жизни самого русского языка, и от такого плода нельзя отмахнуться и беззаветному русофилу. В уникальном характере этого имени выразилось, надо полагать, историческое переживание (а не теоретическое осознание) недостаточной «определенности», «размытости» обозначаемого им «предмета»; русские – это даже как бы и не «предмет», а «стихия».

Однако «грамматическая» выделенность русских несет в себе, без сомнения, и «высокий» смысл; речь идет, если угодно, о «сверхнации», которая имеет основания «прилагать» себя ко всем многочисленным народам Евразии. Ведь вполне естественно звучат словосочетания «русский татарин», «русский грузин», «русский еврей» и т.п., применяемые, в частности, к множеству выдающихся деятелей России нерусского происхождения.

Для того чтобы показать, сколь существенную роль эта «тема» играла в истории России, приведу два конкретных примера. Многие знают, что после кончины в 1598 году последнего Рюриковича – Федора Иоанновича царем был избран

* Не исключено возражение, что эта иная сила – божественная (каковая и «притяжает»). Но «глас Бога» в истории не есть нечто «внешнее»; он осуществляется в «гласе народа».

боярин «татарского происхождения» Борис Годунов. Но менее широко известно, что его главным соперником, претендующим на российский трон, был также *русский татарин* (точнее, монгол) – потомок Чингисхана Симеон (Саин) Бекбулатович, которого Иван Грозный в 1575 году объявил «великим князем всея Руси», номинально низведя самого себя в «князя Ивана Московского». А через полвека совершился раскол в русской церкви и во главе борющихся сторон оказались два *русских мордвина* – патриарх Никон и протопоп Аввакум...

Эти факты отнюдь не исключительны, а, напротив, типичны для России. Они способны, конечно, вызывать огорчение или недоумение у славянофильски настроенных людей, усматривающих в таких фактах национальное унижение. Однако это не более чем симптом комплекса неполноценности, ибо на деле тот факт, что «русское» не уместается в этнических рамках и предстает как цементирующая основа огромного субконтинента Евразии, вполне уместно воспринимать в качестве неоспоримого повода для национальной гордости русских...

Но суть дела, конечно, не в «оценочных» суждениях, которыми, увы, главным образом и оперируют противники евразийства, – как славянофильские, так и западнические. Первые «недовольны» тем, что русские так и не объединили славян и, далее, не возглавили чаемую мощную славянскую цивилизацию; вторые же горько сетуют, что русские все никак не превратятся в народ западного типа.

Таким образом, обе эти идеологии в конечном счете оценивают тысячелетнюю русскую историю «неудовлетворительно» или, иначе говоря, считают ее, по сути дела, «ошибочной»...

Однако при беспристрастном, взвешенном и разумном обсуждении этой проблематики естественно напрашивается вывод о том, что объявление многовекового пути великой страны «ошибочным» представляет собой чисто субъективистское решение; оно не более основательно, чем не раз имевшие место претензии объявить «ошибочной» всю историю человечества в целом или даже «историю» Вселенной во-

обще... Поэтому уместно утверждать, что и славянофильская, и западническая концепции в их наиболее последовательных выражениях являют собой опыты сопоставления (и противопоставления) реального исторического бытия России с чисто субъективными «идеалами», а не плоды объективного осмысления этого реального бытия.

«Превосходство» евразийской концепции проявляется уже в том, что она не зиждется на «оценочности» и не ставит истории России «неуды», а в то же время не превозносит ее ни над Европой, ни над Азией, видя в России-Евразии не нечто «лучшее» (или «худшее»), но *другое*.

Правда, на начальном этапе формирования евразийской школы подчас толковалась как «ошибка» всепоглощающая (будто бы) устремленность Петра Великого на Запад. Но позднее евразийцы – прежде всего П. Н. Савицкий – осознали, что их понимание деятельности Петра односторонне, ибо односторонний характер имело, как правило, освещение этой деятельности в предшествующей историографии. И в написанном П. Н. Савицким в 1933 году обзоре «Проблемы русской истории» (см. изданную в 1997 году С. Ю. Ключниковым антологию «Русский узел евразийства») показано, что Петр, утвердив свои отношения с Западом (включая победу над шведской экспансией), интенсивно обращает свою политику к Востоку – к Закавказью, Средней Азии, даже к Китаю.

Евразийская проблема, конечно же, далеко не исчерпывается сказанным, но дальнейший разговор о судьбоносных исторических событиях и их осознании в русской мысли, надеюсь, сделает общую постановку вопроса более ясной и определенной.

Россия как цивилизация и культура (к 1200-летию Русского государства)

С 1992-го по 1999 год на страницах «Нашего современника» публиковались главы моего сочинения об отечественной

истории. В значительно дополненном и уточненном виде это сочинение в последнее время было издано в трех томах*. Новое же сочинение, которое теперь начинает публиковаться в журнале, имеет принципиально иной характер. Это очерк не истории, а, пользуясь недавно снова вошедшим в обиход термином (он долго считался «идеалистическим»), *историософии* России. Речь пойдет о своеобразии нашей страны, о специфических и во многом поистине уникальных закономерностях и тенденциях ее бытия и самосознания.

Новое сочинение, что вполне естественно, опирается на предшествующее, неоднократно отсылает читателей к нему или напоминает об освещенных в нем исторических событиях и явлениях. Но цель его заключается в познании не истории, а ее смысла и движущих сил. Конечно, при этом нельзя обойтись и без анализа тех или иных исторических фактов, но они предстанут здесь вне временной последовательности: на какой-либо странице моего сочинения может пойти речь и о том, что свершилось в 1018 году, и о том, что произошло в 1991-м...

И, наконец, самое важное: хотя это сочинение так или иначе имеет в виду весь исторический путь Руси-России, суть его все же в осознании ее *современного* состояния и, в какой-то мере, ее *будущего*. Как я убежден, действительно понять современность возможно только при опоре на понимание всей предшествующей отечественной истории.

Согласно подзаголовку этого сочинения, русское государство существует, говоря условно, 1200 лет (вернее будет сказать, что оно возникло на рубеже VIII–IX столетий), между тем как многие, исходя из известной летописной даты, относят возникновение государства Русь к 862 году (в соответствии с этим в 1862 году торжественно праздновалось 1000-летие России).

* История Руси и русского Слова. Конец VIII – начало XVI вв. Современный взгляд. М., 1997; 2-е доп. изд. М., 1999. Россия. Век XX-й. 1901–1939. Опыт беспристрастного исследования. М., 1999; 2-е изд. М., 1999; Россия. Век XX-й. 1939–1964. Опыт беспристрастного исследования. М., 1999.

Но 862-й год – это дата утверждения династии Рюриковичей (правившей до 1598 года), а не возникновения государства Русь.

Согласно германской хронике, император франков Людовик I, сын и преемник Карла Великого, 18 мая 839 года принял в своей резиденции Ингельгейм на Рейне послов царя (хакана) народа *рос*^{*}, прибывших для заключения договора о дружбе между двумя государствами. Столь далекое посольство дает все основания полагать, что русское государство к тому времени уже обрело определенную зрелость.

Имеются и другие сведения, побуждающие прийти к выводу, что наша государственность сложилась не позднее 800 года, и, следовательно, в 2000 году ей (условно) исполняется 1200 лет.

Но обратимся к нашей теме.

Глава 1. О месте России в мире

С чисто географической точки зрения проблема вроде бы совершенно ясна: Россия со времени начавшегося в XVI веке присоединения к ней территорий, находящихся восточнее Уральского хребта, являет собой страну, которая частью входит в Европейский континент, а частью (значительно большей) – в Азиатский. Правда, сразу же встает вопрос о существенном своеобразии и даже уникальности такого положения вещей в современном мире, ибо остальные страны гигантского Евразийского материка всецело принадлежат либо Европе, либо Азии (3 процента территории Турции, находящиеся на европейском континенте, – единственное «исключение из правила»). И в настоящее время даже и в самой России на указанный вопрос нередко дается способный огорчить многих русских людей ответ, который можно кратко изложить следующим образом.

Государство, сложившееся примерно тысячу двести лет назад и первоначально называвшееся Русью, было *европей-*

* В Византии и Западной Европе «рус» произносили как «рос».

ским (точнее, восточноевропейским), но начиная с XVI века оно, как и целый ряд других государств Европы – Испания, Португалия, Великобритания, Франция, Нидерланды и т.д., – предприняло широкомасштабную экспансию в Азию, превращая громадные ее территории в свои *колонии**. После Второй мировой войны (1939–1945) государства Запада постепенно так или иначе «отказались» от колоний, но Россия по-прежнему владеет колоссальным пространством в Азии, и, хотя после «распада СССР» в 1991 году более трети азиатской части страны стало территориями «независимых государств», нынешней Российской Федерации (РФ) принадлежат все же 13 млн кв. км азиатской территории, что составляет третью часть (!) всего пространства Азии и, скажем, почти в четыре раза превышает территорию современной Индии (3,28 млн кв. км).

О том, являются (или являлись) вошедшие в состав России азиатские территории *колониями*, речь пойдет ниже. Сначала целесообразно поставить другой вопрос – об огромном пространстве России как таковом. Достаточно широко бытует представление, согласно которому чрезмерно большая территория при сравнительно небольшом населении, во-первых, свидетельствует об исключительных «имперских» аппетитах, а во-вторых, является причиной многих или даже (в конечном счете) вообще всех *бед* России-СССР.

В 1989 году на гигантском пространстве СССР, составлявшем 22,4 млн кв. км – 15 процентов всего земного шара (суши), – жили 286,7 млн человек, то есть 5,5 процента тогдашнего населения планеты. А ныне, между прочим, положение даже, так сказать, усугубилось: примерно 145 млн нынешних жителей РФ – менее 2,3 процента населения планеты – занимают территорию в 17,07 млн кв. км (вся площадь РФ), составляющую 11,4 процента земной поверхности – то есть почти в 5 раз больше, чем вроде бы «полагается»... Таким образом, те, кто считают Россию страной, захватившей непомерно громад-

* Правда, западноевропейские государства превращали в свои колонии земли не только Азии, но и Африки, Америки и Австралии.

ную территорию, сегодня имеют, по-видимому, особенно веские основания для пропаганды этой точки зрения.

Однако даже самые устоявшиеся точки зрения далеко не всегда соответствуют реальности. Чтобы доказать это, придется опять-таки привести ряд цифр, хотя далеко не все читатели имеют привычку и желание разбираться в цифровых соотношениях. Но в данном случае без цифр не обойтись.

Итак, РФ занимает 11,4 процента земного пространства, а ее население составляет всего лишь 2,3 процента планеты. Но, например, территория Канады – 9,9 млн кв. км, то есть 6,6 процента земной поверхности планеты, а живет в этой стране всего лишь 0,4 (!) процента населения Земли (28 млн человек). Или Австралия – 7,6 млн кв. км (5 процентов суши) и 18 млн человек (менее 0,3 процента населения планеты). Эти соотношения можно выразить и так: в РФ на 1 кв. км территории приходится 8,5 человека, а в Канаде – только 2,8 и в Австралии – всего лишь 2,3. Следовательно, на одного человека в Канаде приходится в *три* раза больше территории, чем в нынешней РФ, а в Австралии даже почти в *четыре* раза больше. И это не предел: в Монголии на 1,5 млн кв. км живут 2,8 млн человек, то есть на 1 кв. км приходится в *пять* раз меньше людей, чем в России.

Исходя из этого становится ясно, что утверждение о чрезмерном дефиците территории, которым владеет именно Россия, – тенденциозный миф, который, к сожалению, внедрен и в умы многих русских людей.

Не менее существенна и другая сторона дела. Более половины территории РФ находится немногим южнее или даже севернее 60-й параллели северной широты, то есть в географической зоне, которая, в общем и целом, считается *непригодной* для «нормальной» жизни и деятельности людей: таковы расположенные севернее 58 градуса Аляска, северные территории Канады, Гренландия и т.п. Выразительный факт: Аляска занимает ни много ни мало 16 процентов территории США, но ее население составляет только 0,2 процента населения этой страны. Еще более впечатляет положение в Ка-

наде: ее северные территории занимают около 40 процентов всей площади страны, а их население составляет всего лишь 0,02 (!) процента ее населения.

Совершенно иное соотношение сложилось к 1989 году в России (имеется в виду тогдашняя РСФСР): немного южнее и севернее 60 градуса жили 12 процентов ее населения (18 млн человек)* – то есть почти в 60 раз большая доля, чем на соответствующей территории США, и почти в 600 (!) раз, чем на северных территориях Канады.

И вот именно в этом аспекте (а вовсе не по исключительному «обилию» территории) Россия – в самом деле *уникальная* страна.

Один из главных истоков государственности и цивилизации Руси, город Ладога в устье Волхова (к тому же исток, как доказала современная историография, изначальный; Киев стал играть первостепенную роль позже), расположен именно на 60-й параллели северной широты. Здесь важно вспомнить, что западноевропейские «колонизаторы», внедряясь в страны *Южной Азии* и *Центральной Америки* (например в Индию или Мексику), находили там высокоразвитые (хотя и совсем иные, нежели западноевропейская) цивилизации, но, добравшись до 60 градуса (в той же северной Канаде), заставляли там – даже в XX веке – поистине «первобытный» образ жизни. Никакие племена планеты, жившие *в этих широтах* с их климатическими условиями, не смогли создать скольконибудь развитую цивилизацию.

А между тем Новгород, расположенный не намного южнее 60 градуса, уже к середине XI века являл собой средоточие достаточно высокой цивилизации и культуры. Могут возразить, что в то же время находящиеся на той же северной широте южные части Норвегии и Швеции были цивилизованными. Однако благодаря мощному теплomu морскому течению, омывающему эти страны, а также общему характеру климата Скандинавии и, кстати сказать, Великобритании (*океаниче-*

* Возможно, что сегодня, после «реформ», весьма значительная часть этих людей покинула «севера».

скому, а не *континентальному*, присущему России*) зимние температуры в южной Норвегии и Швеции в среднем на 15–20 (!) градусов выше, чем в других находящихся на той же широте землях и снежный покров если изредка и бывает, то не более месяца, между тем как на той же широте в районе Ладоги – Новгорода снег лежит 4–5,5 месяца! В отличие от основных стран Запада в России необходимо в продолжение более половины года интенсивно отапливать жилища и производственные помещения, что подразумевает, понятно, очень весомые затраты труда.

Не менее важно и другое. В истории высокоразвитой цивилизации Запада громадную роль играл водный – морской и речной – транспорт, который, во-первых, во много раз «дешевле» сухопутного и, во-вторых, способен перевозить гораздо более тяжелые грузы. Тот факт, что страны Запада окружены незамерзающими морями и пронизаны реками, которые или вообще не замерзают, или покрываются льдом на очень краткое время, во многом определил беспрецедентный экономический и политический динамизм этих стран. Разумеется, и в России водные пути имели огромное значение, но здесь они действовали в среднем только в течение половины года.

Словом, сложившиеся тысячелетие назад вблизи 60-й параллели северной широты и в зоне *континентального* климата государственность и цивилизация Руси в самом деле уникальное явление; если ставить вопрос «теоретически», их как бы вообще *не должно было быть*, ибо ничто подобное не имело места на других аналогичных территориях планеты. Между тем в суждениях о России уникальные условия, в которых она сложилась и развивалась, принимают во внимание крайне редко – особенно если речь заходит о тех или иных «преимуществах» стран Запада сравнительно с Россией.

А ведь дело не только в том, что Россия создавала свою цивилизацию и культуру в условиях климата 60-й параллели

* Стоит упомянуть, что зима в кубанской степи, расположенной почти на 2000 км южнее Скандинавии, все же продолжительнее и суровее, чем в южных частях Норвегии и Швеции!

ли (к тому же континентального), то есть уже не столь далеко от Северного Полярного круга. Не менее многозначителен тот факт, что такие важнейшие города России, как Смоленск, Москва, Владимир, Нижний Новгород, Казань, Уфа, Челябинск, Омск, Новосибирск, Красноярск и т.д., расположены примерно на 55-й параллели, а в Западной Европе *севернее* этой параллели находится помимо скандинавских стран одна только Шотландия, также «утепляемая» Гольфстримом. Что же касается США, вся их территория (кроме почти безлюдной Аляски) расположена *южнее* 50 градуса, между тем как даже *южный* центр Руси, Киев, находится севернее этого градуса.

В нынешней же РФ территории южнее 50-й параллели составляют 589,2 тыс кв. км – то есть всего лишь 3,4 (!) процента ее пространства (эти южные земли населяли в 1989 году 20,6 млн человек – 13,9 процента населения РСФСР – не намного больше, чем в самых *северных* областях). Таким образом, Россия сложилась на пространстве, кардинально отличающемся от того пространства, на котором развивались цивилизации Западной Европы и США, притом дело идет не только о географических, но и геополитических отличиях. Так, громадные преимущества водных путей, особенно незамерзающие моря (и океаны), которые омывают территории Великобритании, Франции, Нидерландов, Германии и т.д., а также США, – основа именно *геополитического* «превосходства».

Тут, Впрочем, может или даже должен возникнуть вопрос о том, почему территории Азии, Африки и Америки, расположенные *южнее* стран Запада (включая США), в тропической зоне, явно и по многим параметрам «отставали» от западной цивилизации? Наиболее краткий ответ на такой вопрос уместно изложить следующим образом. Если в арктической (или хотя бы близкой к ней) географической зоне огромные усилия требовались для элементарного *выживания* людей и их деятельность, по сути дела, исчерпывалась этими усилиями, то в тропической зоне, где, в частности, земля плодоносит круглый год и не нужны требующие больших затрат труда за-

щищающие от зимнего холода жилища и одежда, выживание давалось как бы «даром» и не было настоятельных стимулов для развития материальной цивилизации. А страны Запада, расположенные в основном между 50-й и 40-й параллелями, представляли собой с этой точки зрения своего рода «золотую середину» между Севером и Югом.

Выше изложены «общедоступные» сведения, но они, как уже сказано, крайне редко учитываются в рассуждениях о России и – что особенно прискорбно – при *сопоставлениях* ее истории (и современного бытия) с историей (и современным бытием) Западной Европы и США. Как ни странно, подавляющее большинство идеологов, рассуждающих о тех или иных «преимуществах» западной цивилизации над российской, ставит и решает вопрос только в *социально-политическом* плане: любое «отставание» от Запада в сфере экономики, быта, культуры и т.д. пытаются объяснить либо (когда речь идет о Древней Руси) «феодальной раздробленностью», либо (на более поздней стадии), напротив, «самодержавием», а также «крепостничеством», «имперскими амбициями», наконец, «социалистическим тоталитаризмом».

Если вдуматься, подобные толкования основаны, в сущности, на своего рода *мистицизме*, ибо, согласно им, Россия-де имела все основания, чтобы развиваться так же, как и страны Запада, но некие зловещие силы, прочно угнездившиеся с самого начала ее истории на верхах власти, подавляли или уродовали созидательные потенции страны...

Именно в духе такого «черного» мистицизма толкует историю России, например, небезызвестный Е. Гайдар в своем сочинении «Государство и эволюция» (1995 и последующие издания). В заключение он заявляет о необходимости «сместить главный вектор истории России» (с. 187) – имеется в виду *вся* ее история!

Помимо прочего, он считает необходимым «отказаться» от всего «азиатского» в России. И в этой постановке вопроса с наибольшей очевидностью выступает заведомая несостоятельность воззрений подобных идеологов. Дело в том,

что «отказ» от всего «азиатского» означает именно отрицание всей отечественной истории в целом.

Как уже было упомянуто, Россия начала присоединение к себе территорий Азии (то есть зауральских) только в конце XVI века, но *совместная история* восточных европейцев-славян и азиатских народов началась восемью столетиями ранее, во время самого *возникновения* государства Русь. Ибо многие народы Азии вели тогда кочевой образ жизни и постоянно двигались по громадной равнине, простирающейся от Алтая до Карпат, нередко вступая в пределы Руси. Их взаимоотношения с восточными славянами были многообразны – от жестоких сражений до вполне мирного сотрудничества. Насколько сложными являлись эти взаимоотношения, очевидно из того, что те или иные враждующие между собой русские князья нередко приглашали на помощь *половцев*, пришедших в середине XI века из Зауралья и поселившихся в южнорусских степях. Более того, еще ранее, в IX–X веках, Русь вступила в опять-таки сложные взаимоотношения с другими азиатскими народами – хазарами, булгарами, печенегами, торками и т.д.

К сожалению, многие «антиазиатски» настроенные историки внедрили в массовое сознание представление об этих «азиатах» только как о чуть ли не смертельных врагах Руси; правда, за последние десятилетия было создано немало основательных исследований, из которых явствует, что подобное представление не соответствует исторической реальности*. Даже определенная часть хазар (козар), входивших до последней трети X века в весьма агрессивный по отношению к Руси Хазарский каганат, присоединялась к русским, о чем свидетельствует богатырский эпос, один из достославных героев которого – Михаил Козарин.

Ложно понимается, увы, и ситуация, воссозданная во всем известном «Слове о полку Игореве», где будто бы изображена роковая непримиримая борьба половецкого хана

* См. подробный обзор этих исследований в моей книге «История Руси и русского Слова. Современный взгляд» (М., 1997, 2-е доп. изд. – М., 1999).

Кончака и русского князя Игоря, между тем как историю их конфликта венчает женитьба сына Игоря на дочери Кончака, принявшей православие (как, кстати, и сын Кончака – Юрий, выдавший свою дочь за князя Ярослава – сына великого князя Руси Всеволода Большое Гнездо).

Насколько рано и прочно была связана Русь с Азией, свидетельствует древнейшее из имеющихся западноевропейских сообщений о Русском государстве – сделанная в 839 году (1160 лет назад!) во франкских «анналах» запись, согласно которой правитель Руси зовется «хаканом» – то есть азиатским (тюркским) титулом (каган; впоследствии этот титул имели великие князья Руси Владимир Святославич и Ярослав Мудрый).

Итак, *за восемь столетий* до того момента, когда Россия пришла за Урал, в Азию, *сама Азия* пришла на Русь и затем не раз приходила сюда в лице многих своих народов – вплоть до монголов в XIII веке.

В связи с этим нельзя не сказать, что, как ни прискорбно, до сего дня широко распространены тенденциозные – крайне негативные – представления о существовавшей в XIII–XV веках Монгольской империи, хотя еще в конце прошлого столетия один из крупнейших востоковедов России и мира, В. В. Бартольд (1869–1930), опроверг усвоенный с Запада миф об этой империи как чисто «варварской» и способной лишь к разрушительным акциям.

«Русские ученые, – констатировал Бартольд¹, – следуют большею частью по стопам европейских», но, вопреки утверждениям последних, «монголы принесли с собой очень сильную государственную организацию... и она оказала сильное воздействие во всех областях, вошедших в состав Монгольской империи». В. В. Бартольд сетовал, что многие российские историки говорили о монголах «безусловно враждебно, отрицая у них всякую культуру, и о завоевании России монголами говорили только как о варварстве и об иге варваров... Золотая Орда... была культурным государством; то же относится к государству, несколько позднее образованному

монголами в Персии...», которая в «монгольский» период «занимала первое место по культурной важности и стояла во главе всех стран в культурном отношении» (см. об этом подробно в моей упомянутой выше книге «История Руси...»).

Категорически негативная оценка Монгольской империи (как, впрочем, и всего «азиатского» вообще) была внедрена в Россию именно с Запада, и о причинах этого еще пойдет речь. Стоит привести здесь суждение о монголах одного из наиболее выдающихся деятелей Азии XX века – Джавахарлала Неру²:

«Многие думают, что, поскольку они были кочевниками, они должны были быть варварами. Но это ошибочное представление... у них был развитый общественный уклад жизни и они обладали сложной организацией... Спокойствие и порядок установились на всем огромном протяжении Монгольской империи... Европа и Азия вступили в более тесный контакт друг с другом».

Последнее соображение Дж. Неру совершенно верно и весьма важно. Вспомним хотя бы, что европейцы впервые совершили путешествия в глубины Азии только *после* возникновения Монгольской империи, объединившей территории Азии и Восточной Европы и тем самым создавшей прочное евразийское геополитическое единство.

Правда, этого рода утверждения вызывают у многих русских людей неприятие, ибо при создании Монгольской империи Русь была *завоевана* и подверглась жестоким атакам и насилиям. Однако движение истории в целом немыслимо без завоеваний. То геополитическое единство, которое называется Западом, складывалось, начиная с рубежа VIII–IX веков, в ходе не менее жестоких войн Карла Великого и его преемников. Созданная в результате этих войн *Священная Римская империя* впоследствии разделилась на целый ряд самостоятельных государств, но без этой Империи едва ли могла сложиться цивилизация Запада в целом, ее геополитическое единство. И чрезвычайно показательны, что впоследствии западные страны не единожды снова объединялись – в империях Карла V и Филиппа II (XVI век) или Наполеона (начало XIX-го).

Евразийская Монгольская империя в XV веке разделилась (точно так же, как и западноевропейская) на ряд самостоятельных государств, но позднее, с XVI века, российские цари и императоры в той или иной мере восстанавливали евразийское единство. Точно так же, как и на Западе, это восстановление не обошлось без войн. Но в высшей степени многозначительно, что властители присоединяемых к России бывших составных частей Монгольской империи занимали высокое положение в Русском государстве. Так, после присоединения в середине XVI века Казанского ханства его тогдашний правитель, потомок Чингисхана Едигер, получил титул «царя Казанского» и занимал *второе* место – после «царя всея Руси» Ивана IV – в официальной государственной иерархии. А после присоединения в конце XVI – начале XVII веков монгольского *Сибирского* ханства чингизиды – сыновья всем известного хана Кучума – вошли с титулами «царевичей Сибирских» в состав российской власти (см. об этом в моей книге «История Руси...»).

Подобные исторические факты, к сожалению, малоизвестны, а без их знания и осмысления нельзя понять действительный характер России как *евразийской* державы – в частности, решить вопрос о том, является ли азиатская часть России ее *колонией*.

Побывав в начале XX века в азиатской части России, британский государственный деятель Джордж Керзон, который в 1899–1905 годах правил Индией (с титулом «вице-короля»), писал³: «Россия бесспорно обладает замечательным даром добиваться верности и даже дружбы тех, кого она подчинила силой... Русский братается в полном смысле слова... Он не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми и низшими расами», к чему «англичане никогда не были способны».

По-своему замечательно это рассуждение профессионального «колонизатора». Он явно не в состоянии осознать, что народы Азии не были и не могли быть для русских ни «чуждыми», ни «низшими», ибо, как уже говорилось, с само-

го начала существования государства Русь складывались – несмотря на те или иные военные конфликты – тесные и равноправные взаимоотношения с этими народами, – в частности, имели место многочисленные супружества в среде русской и азиатской знати. Между тем люди Запада, вторгаясь в XVI–XX веках в Азию, Америку, Африку и Австралию, воспринимали «туземцев» именно как людей (вернее, «недочеловеков») «чуждых и низших рас». И целью осуществляемого странами Запада с конца XV века покорения американского, африканского, австралийского и большей части азиатского континентов было не имевшее каких-либо нравственных ограничений выкачивание материальных богатств из этих континентов.

Впрочем, достаточно широкое хождение имеют такие же толкования судьбы присоединенных к России территорий Азии. Но вот вроде бы частный, но весьма показательный факт. Двадцать с лишним лет назад я познакомился с молодым политическим деятелем Гватемалы Рафаэлем Сосой – страстным борцом против колониализма во всех его проявлениях. Он и прибыл в Москву потому, что видел в ней своего рода оплот антиколониализма. Но через некоторое время он – вероятно, после бесед с какими-либо «диссидентами» – с присущей ему прямоотой заявил мне, что обманут в своих лучших надеждах, ибо русские эксплуатируют и угнетают целый ряд азиатских народов, то есть сами являются «колонизаторами». Я пытался переубедить его, но тщетно.

Однако затем он совершил большое путешествие по СССР и, вернувшись в Москву, с той же прямоотой попросил у меня *извинения*, поскольку убедился, что люди в русских «колониях» живут не хуже, а нередко намного лучше, чем в Центральной России, – между тем как уровень и качество жизни в западных «метрополиях» и зависимых от них (хотя бы только экономически) странах отличаются в громадной степени и с полной очевидностью.

Конечно, проблема колониализма имеет еще и политические, и идеологические аспекты, но тот факт, что «азиатские»

крестьяне, рабочие, служащие, деятели культуры и т.д. имели (и имеют) в нашей стране не менее или даже более высокий уровень жизни, чем русские люди тех же социальных категорий*, говорит о заведомой несостоятельности представления об азиатских территориях России как о колониях, подобных колониям Запада, где такое положение дел немыслимо.

Следует также отметить, что отношение русских к азиатским народам России предстает в кардинально более благоприятном виде, нежели отношение англичан, немцев, французов, испанцев к оказавшимся менее «сильными» народам самой Европы. Великобритания – это страна бриттов, но сей народ был стерт с лица земли англичанами (англами); та же судьба постигла государство пруссов, занимавших весьма значительную часть будущей Германии (Пруссии), и много других западноевропейских народов.

В России же были ассимилированы только некоторые финские племена, населявшие ее центральную часть (вокруг Москвы), но они не имели ни государственности, ни сколько-нибудь развитой цивилизации (в отличие от упомянутых пруссов). Правда, исчезли еще печенеги, торки, половцы** и ряд других тюркских народов, но не из-за какого-либо воздействия русских, они как бы растворились в полукочевой Золотой Орде. Около ста азиатских народов и племен, сохранившихся в течение веков на территории России (и, позднее, СССР), – неоспоримое доказательство национальной и религиозной терпимости, присущей евразийской державе.

В связи с этим немаловажно напомнить, что азиатские воины на протяжении веков участвовали в отражении атак на Русь-Россию с Запада. Как известно, первое мощное напа-

* Вот, например, выразительный показатель: в 1989 году в Узбекистане, Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Туркмении, Грузии, Армении более или даже намного более значительная (в 1,6 раза!) доля семей, чем в РСФСР, имела легковые автомобили (См.: Социальное развитие СССР. Статистический сборник. М., 1990. С. 144).

** В высшей степени характерно, что великий русский композитор А. П. Бородин подарил половцам своего рода бессмертие своими известными всему миру «половецкими плясками».

дение Запада имело место еще в 1018 году, когда объединенное польско-венгерско-немецкое (саксонское) войско сумело захватить Киев. Польский князь (позднее – король) Болеслав Великий совершил свой поход будто бы только с целью посадить на киевский престол своего зятя (супруга дочери) Святополка (Окаянного), которого лишил власти Ярослав Мудрый. Однако, войдя в Киев, захватчики ограбили его казну и увели тысячи киевлян в рабство, и, согласно сообщению «Повести временных лет», даже и сам Святополк вступил в борьбу со своими коварными «друзьями».

Польский хронист французского происхождения, известный как Галл⁴, повествуя о событиях 1018 года, счел необходимым сообщить, что в войне с армией Болеслава на стороне Руси приняли участие и азиаты – печенеги. Это вроде бы противоречит нашей летописи, ибо в ней говорится о союзе печенегов со Святополком. Но вполне возможно, что в *междоусобной* борьбе Святополка и Ярослава печенеги оказались на стороне первого; когда же началась война с врагами, пришедшими с Запада, печенеги бились именно с ними, о чем и поведал Галл, а русский летописец умалчал об этой роли печенегов – быть может, из нежелания хоть как-либо умалить заслугу Ярослава Мудрого.

Аналогично обстоит дело с информацией о победе в 1242 году Александра Невского над вторгшимся на Русь тевтонским войском. Германский хронист Гейденштейн⁵ сообщил, что «Александр Ярославич... получивши в подмогу татарские вспомогательные войска... победил в сражении», но наша летопись об этом не сообщает.

Достоверность сведений Галла и Гейденштейна находит подтверждение в том, что во время тяжелой Ливонской войны 1558–1583 годов, когда Россия отстаивала свои исконные северо-западные границы в борьбе с немцами, поляками и шведами, в нашем войске, как это известно с полной достоверностью, весомую роль играли азиатские воины и одно время даже командовал всей русской армией хан Касимовский чингизид Шах-Али (по-русски Шигалей).

Нельзя не сказать еще об особенной составной части населения России – *казачестве*, которое, как убедительно доказано в ряде новейших исследований, имело «смешанное» *руско-азиатское* происхождение (показательно, что само слово «казак» – тюркское). В течение долгого времени казачество находилось в достаточно сложных отношениях с российской властью, но в конечном счете стало мощным компонентом российской армии; Наполеон в 1816 году заявил: «...вся Европа через десять лет может стать казачкою...»

Правда, сие «предсказание» было необоснованным, ибо Россия никогда не имела намерения завоевать Европу*, но слова Наполеона красноречиво говорят о возможностях того русско-азиатского казачьего воинства, с которым он столкнулся в России.

Редко обращают внимание на тот факт, что Запад, начиная с конца XV века за сравнительно недолгое время и даже без особо напряженных усилий так или иначе подчинивший все континенты (Америку, Африку, большую часть Азии и Австралию), вместе с тем, несмотря на многочисленные мощные вторжения в нашу страну (первое, как сказано, состоялось в 1018 году – без малого тысячу лет назад), не смог ее покорить, – хотя ее не отделяют от Запада ни океан (или хотя бы море), ни горные хребты.

В этом уместно усматривать первопричину присущей Западу *русофобии* в буквальном значении сего слова (то есть *страха* перед Россией). Русофобией проникнута, в частности, известная книга француза де Кюстина «Россия в 1839 году». Поскольку широкое распространение получили лишь ее значительно и тенденциозно сокращенные переводы на русский язык, она считается «антирусской», всячески, мол, дискредитирующей Россию. В своей статье под названием «Маркиз де Кюстин как восхищенный созерцатель России» (журнал «Москва», 1999, № 3) я стремился показать, что в

* См. об этом подробно в моей книге: Россия. Век XX-й. 1939–1964. Опыт беспристрастного исследования. М., 1999. С. 35–52.

действительности этот весьма наблюдательный француз был (при всех возможных оговорках) потрясен *мощью* и *величием* России; в частности, на него произвел огромное впечатление тот факт, о котором шла речь выше, – создание столь могучей державы на столь северной территории Земли: «...эта людская раса... оказалась вытолкнута к самому полюсу... война со стихиями есть суровое испытание, которому Господь пожелал подвергнуть эту нацию-избранницу, дабы однажды вознести ее над многими иными».

Проницательно сказал Кюстин и о другой стороне дела: «Нужно приехать в Россию, чтобы воочию увидеть этот результат ужасающего (то есть порождающего русофобию. – В. К.) соединения европейского ума и науки с духом Азии» («русско-азиатское» казачество, как уже говорилось, «ужасало» и самого Наполеона).

Следует признать, что французский путешественник яснее и глубже понял место России в мире, чем очень многие *русские* идеологи и его времени, и наших дней, считающие все «азиатское» в отечественном бытии чем-то «негативным», от которого надо освободиться, и лишь тогда, мол, Россия станет в полном смысле слова цивилизованной и культурной страной. Подобного рода взгляды основаны на глубоко ложном представлении о *мире в целом*, – что превосходно показал в своей книге «Европа и человечество» (1920) замечательный мыслитель и ученый Николай Трубецкой (1890–1938).

Он писал, что «европейски образованным» людям «шовинизм и космополитизм представляются... противоположностями, принципиально, в корне отличными точками зрения». И решительно возразил: «Стоит пристальнее всмотреться в шовинизм и в космополитизм, чтобы заметить, что принципиального различия между ними нет, что это... два различных аспекта одного и того же явления.

Шовинист исходит из того априорного положения, что лучшим народом в мире является именно его народ. Культура, созданная его народом, лучше, совершеннее всех остальных культур...

Космополит отрицает различия между национальностями. Если такие различия есть, они должны быть уничтожены. Цивилизованное человечество должно быть едино и иметь единую культуру... Однако посмотрим, какое содержание вкладывают космополиты в термины “цивилизация” и “цивилизованное человечество”? Под “цивилизацией” они разумеют ту культуру, которую в совместной работе выработали романские и германские народы Европы...

Таким образом, мы видим, что та культура, которая, по мнению космополитов должна господствовать в мире, есть культура такой же определенной этнографически-антропологической единицы, как и та единица, о господстве которой мечтает шовинист... Разница лишь в том, что шовинист берет более тесную этническую группу, чем космополит... разница только в степени, а не в принципе... теоретические основания так называемого... “космополитизма”... правильнее было бы назвать откровенно общероманогерманским шовинизмом*.

Нет сомнения, что «романогерманская» цивилизация Запада, создававшаяся в своего рода оптимальных географических и геополитических условиях (о чем шла речь выше), обладает многими и очевидными преимуществами в сравнении с другими цивилизациями – в том числе и российской. Но столь же несомненны те или иные преимущества этих других цивилизаций, что, кстати сказать, признавали многие идеологи самого Запада. Правда, подчас такие признания имеют весьма своеобразный характер... Выше цитировались суждения Дж. Керзона, который правил Индией и посетовал, что, в отличие от русских, «англичане никогда не были способны» добиться «верности и даже дружбы» со стороны людей «чуждых и низших рас». То есть британец усмотрел «превосходство» русских в *прагматизме* их поведения в Азии, хотя, вообще-то, именно Запад явно превосходит своим прагматизмом другие цивилизации, и в устах западного идеолога эта «похвала» является весьма высокой. Дело в том, однако, что, как уже сказано, для русских отнюдь не характерно то восприятие людей Азии

* Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 57–60.

(«чуждые и низшие расы»), о котором без обиняков высказался британский государственный деятель.

И вернемся теперь к размышлениям Николая Трубецкого. То, что он называет «космополитизмом», в наше время определяют чаще всего как приверженность «общечеловеческим ценностям», но в действительности-то при этом речь идет именно и только о западных ценностях, которые обладают-де абсолютным превосходством над ценностями иных цивилизаций.

В высшей степени показательно, что Керзон истолковал отношение русских к людям Азии как выражение уникального прагматизма; ему, очевидно, представлялось просто невысказанным сложившееся за тысячелетнюю историю единство русских и «азиатов». И, заключая размышление о месте России в мире, уместно сказать, что ее *евразийское единство* в самом деле является общечеловеческой или, употребляя слово Достоевского, *всечеловеческой* ценностью, которая, будем надеяться, еще сыграет свою благотворную роль в судьбах мира.

Постскриптум. После того как эта глава моего сочинения была уже сдана в набор, я познакомился с книгой Андрея Петровича Паршева «Почему Россия не Америка» (М.: Крымский мост, 2000). Основываясь на обширном и многообразном фактическом материале, этот замечательный публицист доказывает, в сущности, то же самое, что и я, и делает это более убедительно, затрагивая намного более широкий круг проблем и явлений. Каждому, кто стремится понять современное состояние и дальнейшие перспективы России, поистине необходимо обратиться к книге А. П. Паршева.

Глава 2. Почему произошло крушение СССР?

Почти невероятно быстрое и, в сущности, не вызвавшее никакого фактического сопротивления крушение великой державы чаще всего стремятся объяснить *нежизнеспособностью* ее экономического и политического устройства, – хотя одни авторы утверждают, что нежизнеспособен социализм как

таковой, ибо он представляет собой насильственно реализованную *утопию*, а другие видят в том строе, который установился после 1917 года, *извращенную* форму социализма, подменившую «творчество самих народных масс»^{*} партийно-государственным диктатом (правда, имеет место и объяснение краха СССР поражением в «холодной войне» с Западом, но об этом речь пойдет ниже).

Однако такого рода толкования порождают серьезные сомнения, как только мы вспоминаем, что за три четверти века до краха СССР совершился поистине мгновенный и не пробудивший сопротивления крах Российской империи. Василий Розанов с характерной для него «лихостью», но верно писал о Февральском перевороте 1917 года⁶: «Русь слиняла в два дня. Самое большое – в три... Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом ничего».

А один из активнейших участников этого переворота, В. Б. Станкевич, не без известного изумления вспоминал⁷ в 1920 году, что Февраль – это даже «не бунт, а стихийное движение, сразу испепелившее всю старую власть без остатка: и в городах, и в провинции, и полицейскую, и военную, и власть самоуправлений». Из этих характеристик, между прочим, явствует, что происшедшее в 1917 году было все же гораздо менее катастрофическим, нежели в 1917 году...

Стоит еще привести суждения французского посла в России в 1914–1917 годах Мориса Палеолога (между прочим, потомка последнего императора Византии). На Западе, писал он, «самые быстрые и полные изменения связаны с переходными периодами, с возвратами к старому, с постепенными переходами. В России чашка весов не колеблется – она сразу получает решительное движение. Все разом рушится, все – образы, pomysлы, страсти, идеи, верования, все здание»^{**}.

Сегодня, впрочем, имеются идеологи (например, тот же Гайдар), с точки зрения которых дореволюционная «са-

^{*} Определение, употреблявшееся В. И. Лениным.

^{**} Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923. С. 57.

модержавная» Россия также являлась нежизнеспособным феноменом и, следовательно, ее мгновенный крах был столь же естественным. Но поскольку едва ли уместно считать экономические и политические устройства, существовавшие до 1917-го и после него, однотипными, истинная причина двух аналогичных крушений кроется не в этих устройствах, а, надо думать, в чем-то другом.

Убедить в первостепенном значении этого «другого» нелегко, ибо в общественное сознание с давних пор внедрялось именно экономико-политическое объяснение хода истории, которое еще в конце XVIII века начало складываться в России под воздействием западноевропейской идеологии (отнюдь не только марксистской; сам Карл Маркс не раз признавал, что, например, понятие о «классовой борьбе» как движущей силе истории⁸ сложилось задолго до появления его сочинений).

На вопрос о том, почему в феврале 1917 года произошло крушение Российской империи, многие и сегодня ответят, что трудящиеся массы, рабочие и крестьяне, разрушили эту Империю, ибо она жестоко «эксплуатировала» и «угнетала» их.

Но как это совместить с тем несомненным фактом, что в крушении Империи более значительную роль, чем какие-нибудь пролетарии и крестьяне, сыграли, например, начальник штаба Верховного главнокомандующего, генерал от инфантерии М. В. Алексеев, или командир Гвардейского морского экипажа великий князь (двоюродный брат императора) Кирилл Владимирович, или член Государственного совета, крупнейший предприниматель (владевший громадным по тем временам капиталом в 600 тысяч руб.) А. И. Гучков?

Аналогичное положение имело место и через три четверти века: роль в крушении СССР члена Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева, или кандидата в члены Политбюро Б. Н. Ельцина, или академика, трижды Героя Соцтруда А. Д. Сахарова, конечно же, несравнима с ролью каких-либо рабочих и колхозников...

И другая сторона дела: «эксплуатация» и «гнет», скажем, за шестьдесят лет до 1917 года, то есть при крепостном праве, и

за те же шестьдесят лет до 1991-го, в период индустриализации и коллективизации, были, без сомнения, гораздо тяжелее, чем в канун обоих крушений, но власть в стране держалась тогда достаточно прочно.

Наконец, — и это опять-таки многозначительно — оба вроде бы столь грандиозных крушения привели к очень малому количеству человеческих жертв; никакие действительные «сражения» между сторонниками Российской империи, и впоследствии СССР, и их противниками не имели места. Мне напоминают, конечно же, что после краха Российской империи началась убийственная Гражданская война, а после крушения СССР — цепь различных кровавых конфликтов. Однако это уже явно совершенно другая проблема.

Множество неоспоримых фактов убеждает, что Гражданская война 1918–1922 годов шла не между сторонниками рухнувшей Империи и ее противниками, а между теми, кто пришел к власти в результате Февральского переворота, и свергнувшими их в Октябре большевиками. Показательно, что *белых* называли также *кадетами* (по названию партии, игравшей первостепенную роль в Феврале). Наконец, самое весомое место в Гражданской войне занимали мощные восстания или хотя бы бунты крестьянства, которое, вовсе не желая возврата к Империи, не желало подчиняться и «новым» — красной и, равным образом, белой властям. И следует осознать, что в советской историографии белым безосновательно приписывали цель восстановления «самодержавия» — ради их компрометации*.

Вполне аналогично после 1991 года приписывают «реваншистское» стремление восстановить тоталитарный СССР всем оппозиционным по отношению к новой власти силам; именно так трактуется, например, принесший жертвы конфликт в октябре 1993 года у так называемого Белого дома. При этом игнорируется тот бесспорный факт, что большинство людей, возглавлявших тогда «защиту» Белого дома, начиная с А. В. Руц-

* См. подробное изложение существа дела в моей книге: Россия. Век XX-й. 1901–1939. Опыт беспристрастного исследования. М., 1999.

кого и Р. И. Хасбулатова, всего двумя годами ранее, в августе 1991-го, «защищали» тот же «дом» от пытавшегося сохранить СССР так называемого ГКЧП!

Такой оборот дела по меньшей мере странен, и едва ли можно понять суть происходившего в 1991-м и последующих годах, основываясь на анализе событий *самого этого времени*; то, что совершилось тогда, как представляется, имело очень глубокие корни в отечественной истории.

Как уже отмечено, наиболее широко распространенные толкования истории России с давних пор и во многом опираются на ту методологию, которая была выработана на «материале» истории Запада (в том числе марксистскую), хотя русские люди наивысшего духовного уровня не раз утверждали, что подобный подход к делу заведомо несостоятелен.

Я имею в виду вовсе не каких-либо «славянофилов» или «почвенников». Так, не могущий быть причисленным к ним Пушкин настоятельно призывал⁹: «Поймите же... что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою, что история ее требует другой мысли, другой формулы». Крупнейший мыслитель пушкинской поры Чаадаев (который, кстати, слышет «западником») безоговорочно утверждал¹⁰, что «мы не Запад», что «Россия не имеет привязанностей, страстей, идей и интересов Европы... И не говорите, что мы молоды, что мы отстали от других народов, что мы нагоним их. Нет, мы столь же мало представляем собой XVI или XV век Европы, сколь и XIX век. Возьмите любую эпоху в истории западных народов... и вы увидите, что у нас другое начало цивилизации... Поэтому нам незачем бежать за другими; нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое».

Впрочем, обратимся к конкретным проявлениям «своеобразия» России. Все знают «формулу», которую в конце жизни дал Пушкин¹⁰ (и даже *чувствуют* ее глубокий смысл, – хотя редко вдумываются в него): «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

Поставив эпитеты *после* слова «бунт», Пушкин тем самым усилил и заострил их значение. «Бессмысленный» – то

есть, по сути дела, *бесцельный*, не ставящий перед собой практических задач, а «беспощадный» – значит уничтожающий все попавшееся под руку, – в частности, то, что, без сомнения, могло бы быть *использовано* бунтовщиками в своих интересах (так, бунтующие крестьяне сжигали массу благоустроенных поместий).

Речь идет именно о *русском* бунте, ибо, например, даже, казалось бы, совсем «дикий» бунт английских *луддитов* конца XVIII – начала XIX веков, уничтожавших изобретенные тогда *машины*, имел вполне определенные прагматические цели – возвращение на предприятия безработных, вытесненных механизацией, и восстановление той более высокой заработной платы, которую давал *ручной* труд.

Правда, во множестве сочинений и «русские бунты» толкуются как целенаправленная «борьба трудящихся масс за улучшение своего социально-экономического положения», вызванная особо возросшими перед каким-либо из этих бунтов «эксплуатацией» и «гнетом». Но едва ли есть серьезные основания полагать, что самые мощные из этих бунтов – «болотниковщина» (1606–1607 годы), «разинщина» (1670–1671), «булавинщина» (1707–1709), «пугачевщина» (1773–1775)* – разражались в силу резкого увеличения этих самых «эксплуатации» и «гнета», которые будто бы были намного слабее в периоды между бунтами.

Один из наиболее проницательных отечественных историков, В. О. Ключевский, утверждал, что истинной причиной булавинского бунта (как и других бунтов Смутного времени) «было насильственное и таинственное пресечение старой династии и потом искусственное восстановление ее в лице самозванцев»**. То есть суть дела заключалась в недоверии широких слоев населения к наличной власти.

* Зачинщиками всех этих бунтов была обладавшая оружием «казацкая вольница», которая до конца XVIII века, в сущности, видела в русском государстве своего врага, но бунты приобретали широкий и мощный характер лишь при условии, что к ним присоединялась более или менее значительная часть населения России.

** Ключевский В. О. Сочинения. М., 1956–1959. Т. 3. С. 49.

О разинщине и других бунтах времени царя Алексея Михайловича Ключевский писал: «В этих мятежах резко вскрылось отношение простого народа к власти... ни тени не то что благоговения, а и простой вежливости, и не только к правительству, но к самому носителю верховной власти» (там же, с. 240), что было вызвано церковной реформой 1653–1667 годов, которая, по убеждению значительной части народа, отвергла истинное православие.

Далее, «стрелецкие, астраханский, булавинский» бунты Ключевский неразрывно связывает с народным представлением о Петре Великом как «антихристе» (т. 4, с. 232).

Что же касается пугачевщины, Василий Осипович дважды и весьма развернуто осмыслил ее причины (см. т. 5, с. 141–185 и 347–368). Основное можно вкратце изложить следующим образом. До Петра I включительно крестьянство «служило» дворянству, а последнее – царю, то есть государству. Но ко времени Екатерины II дворянство, в сущности, перестало быть «служилым» сословием и, как писал Ключевский, «крепостное право... потеряло прежний смысл, свое главное политическое оправдание» (с. 141); новое положение вещей воспринималось населением как «незаконное»^{*} и подлежащее исправлению путем также «незаконных восстаний» (с. 181), – хотя, конечно, немаловажное значение имело объявление Пугачева сумевшим спастись от гибели царем Петром III, который и призван покончить с «незаконностью».

Вполне естественно, что в «марксистских» комментариях к цитируемому изданию 1950-х годов Ключевский был подвергнут весьма жесткой критике за непонимание «социально-экономических» причин болотниковщины (см. т. 3, с. 367), разинщины (там же, с. 365), булавинщины (т. 4, с. 363) и пугачевщины (т. 5, с. 397). Но Ключевский обосновал свои выводы многочисленными и многообразными фактами, и, как уже отмечено, вряд ли можно доказать, что именно в

^{*} Точнее будет сказать «несправедливое» (Ключевский сам говорит о потере «оправдания»).

канун всех этих бунтов «эксплуатация» и «гнет» приобретали крайний характер.

Величайший наш поэт-мыслитель Тютчев дал полную глубокого значения «формулу»:

В Россию можно только *верить**.

Обычно эту «формулу» воспринимают в чисто духовном аспекте: в отличие от других стран (Тютчев, без сомнения, имел в виду страны Запада), совершающееся в России нельзя объяснить рационально («умом») и остается только *верить* (или не верить) в нее. Но, как мы видели, Ключевский, по сути дела, толковал мощные бунты как плоды именно утраты *веры* в наличную Россию.

И, конечно, особенно важен и впечатляющ тот факт, что в нашем столетии, в 1917 и в 1991 годах, страна претерпела крах не из-за каких-либо мощных бунтов (кровавые конфликты имели место позднее, уже при «новых» властях), а как бы «беспричинно».

Это уместно истолковать следующим образом. Если при всей мощи бунтов XVII–XVIII веков веру в наличную Россию утрачивала тогда определенная часть ее народа, то в XX веке это произошло с преобладающим большинством населения страны, – притом во всех его слоях. Ничего подобного нельзя обнаружить в истории Запада, – как не было там и мощных «бессмысленных» бунтов. Тем не менее многие идеологи, закрывающие глаза на эти поистине уникальные «феномены» истории России, пытаются толковать ее согласно европейским «формулам».

Восстания и революции на Западе, о чем уже говорилось, преследовали, как правило, конкретные практические цели. Вот чрезвычайно показательное сопоставление: в 1917 году российского императора побудили отречься от престола уже на *третий день* после начала переворота, между тем во Франции после мощного восстания 14 июля 1789 года, поскольку определенные *прагматические* требования восставших были выполнены, король оставался на престоле более трех лет – до 10 августа 1792 года.

* При цитировании тютчевский курсив часто неоправданно игнорируют.

Напомню цитированные выше суждения французского посла Палеолога о том, что на Западе даже «самые полные изменения» совершаются «постепенно», а в России рушится разом все.

Как уже было отмечено, иные нынешние идеологи объявляют Россию вообще «ненормальной», «нежизнеспособной» страной, что, мол, и выразилось в мгновенных крушениях 1917 и 1991 годов. Однако нет оснований относиться к подобным воззрениям как к чему-то серьезному. Страна, чья государственность возникла на рубеже VIII–IX веков, то есть существует 1200 лет, страна, которая уже при Ярославе Мудром, то есть в первой половине XI столетия, занимала территорию, почти равную всей остальной территории Европы, страна, которая породила преподобных Сергия Радонежского и Андрея Рублева, воплотивших в себе то, что с полным основанием зовется «Святой Русью», страна, за кратчайший срок с 1580-го по 1640 год присоединившая к себе и освоившая гигантское пространство от Урала до Тихого океана, страна, победившая захватившие ранее почти всю остальную Европу армады Наполеона и Гитлера, страна, создавшая одну из величайших мировых культур*, может предстать «нежизнеспособной» с точки зрения чисто «западнических» идеологов, но не реально.

Россия не являет собой некое отклонение от западной «нормы»; ее история, по слову Пушкина, «требуется другой формулы»; в России, по определению Чаадаева, «другое начало цивилизации».

Иначе, собственно, и не могло быть в силу поистине уникального характера фундаментальных основ бытия России, о которых шла речь в предшествующей главе моего сочинения – «Место России в мире». Во-первых, в тех географических и геополитических условиях, в которых сложились наши государственность и культура, не возникла ни одна другая

* Вспомним хотя бы несколько имен творцов русской культуры, которые обрели наивысшее признание во всем мире: Достоевский, Толстой, Чехов, Шолохов, Чайковский, Мусоргский, Рахманинов, Шаляпин, Станиславский, Менделеев, Иван Павлов, Капица, Владимир Соловьев, Бердяев, Бахтин.

цивилизация мира, во-вторых, только Россия с самого начала своей истории являет собой *евразийскую* страну. Между прочим, уже Чаадаев осознал, что «оригинальная Русская цивилизация» – плод слияния «стихий азиатской и европейской» и что монгольское нашествие из Азии, «как оно ни было ужасно, оно принесло нам больше пользы, чем вреда. Вместо того, чтобы разрушить народность, оно только помогало ей развиться и созреть»*.

Не в первый раз я опираюсь на суждения Чаадаева, а также его младшего современника Пушкина, и не исключено, что у кого-либо возникнет определенное недоумение: почему первостепенное значение придается суждениям людей, явившихся на свет более двух столетий назад? Не вернее было бы обратиться к позднейшим выразителям отечественного самосознания? Однако мировосприятие Чаадаева и Пушкина, сложившееся, в частности, до раскола русских идеологов на славянофилов и западников, имеет во многом утраченный впоследствии целостный, не деформированный противостоящими пристрастиями характер. Ни Пушкин, ни Чаадаев не впадали в тот – по сути дела *примитивный*... – «оценочный» спор, который начался в «роковые сороковые годы» (по выражению Александра Блока)¹¹, длится до сего дня и сводится в конечном счете к решению вопроса: что «лучше» – Европа или Россия? Чаадаев и Пушкин, как ясно из всего их наследия, полагали, что Россия не «лучше» и не «хуже»; она – *другая*.

Конечно, если мерить Россию с точки зрения европейских «норм», она неизбежно предстанет как нечто «ненормальное». Так, например, в Англии еще с XIII (!) века существовал избираемый населением парламент, по воле которого принимались законы, а на Руси слишком многое зависело от воли – или, как обычно говорится, произвола – великих князей и, позднее, царей – в особенности, конечно, Ивана IV, получившего прозвание «Грозный».

В новейших тщательных исследованиях Р. Г. Скрынникова «Царство террора» (1992) и Д. Н. Альшица «Начало

* Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и писем. М., 1991. Т. 2. С. 161, 541.

самодержавия в России. Государство Ивана Грозного» (1988) доказано, что при этом царе было казнено от 3 до 4 тысяч человек, преобладающее большинство которых – новгородцы, обвиненные в измене, так как обнаружилась «грамота», согласно которой Новгородская земля намеревалась отдаться под власть короля Польши Сигизмунда II. Р. Г. Скрынников полагает, что это была фальшивка, изготовленная «за рубежом то ли королевскими чиновниками, то ли русскими эмигрантами» (с. 367), но Иван IV поверил ей и по его повелению началась расправа над новгородцами.

И вот многозначительное сопоставление. Как раз накануне царствования Ивана Грозного в Англии правил король Генрих VIII, получивший прозвание Кровавый (хотя английские историки почти не употребляют это прозвание). При нем, в частности, 72 тысячи человек были казнены за *бродяжничество*, которое тогда приобрело массовый характер, ибо многие владельцы земель сгоняли с них арендаторов-хлебопашцев, чтобы превратить свои земли в приносящие намного более значительную выгоду овечьи пастбища. Эти казни не были проявлением королевского произвола: закон, по которому пойманного в третий раз бродягу немедленно вешали, принял избранный населением парламент, и, как говорится, суров закон, но закон...

Можно, конечно, согласиться с тем, что *произвол* чреват более тяжкими последствиями, чем *закон*, ибо с легкостью может обрушиться на ни в чем не повинных людей. Но ведь и людей, ставших бродягами из-за «перестройки» в сельском хозяйстве Англии, уместно счесть ни в чем не повинными... А между тем по одному только закону о бродяжничестве за 28 лет правления Генриха VIII было казнено примерно в двадцать (!) раз больше людей, чем за 37 лет правления Ивана IV (притом количество населения Англии и Руси было в XVI веке приблизительно одинаковым).

Поэтому есть достаточные основания признать, что власть закона нельзя рассматривать как своего рода безусловную, непререкаемую ценность, – хотя многие люди убеждены

в обратном и видят абсолютное превосходство Запада в давно утвердившейся там власти закона.

При этом утверждается, что именно «дефицит» законности, присущий с давних времен России, привел к громадным жертвам в годы революции. Но это несостоятельное мнение, ибо *любая* «настоящая» революция означает откровенный отказ и от законов, и от моральных норм. И из объективных исследований английской революции XVII века и французской XVIII – начала XIX явствует, что их жертвы составляли не меньшую долю населения, чем жертвы российской.

Столь же несостоятельно очень широко пропагандируемое (этим еще с 1960-х годов занимались так называемые правозащитники) мнение, согласно которому утверждение власти закона в нашей стране само по себе сделало бы ее подобной Западу. В действительности все обстоит гораздо сложнее.

Самое, пожалуй, главное отличие России от Запада заключается в том, что в ней отсутствует или по крайней мере очень слабо развито общество как самостоятельный и в определенной степени самодовлеющий феномен бытия страны. На Западе помимо государства и народа есть *общество*, которое, несмотря на то что в него входят различные или даже противостоящие силы, в нужный момент способно выступить на исторической арене как мощная и более или менее единая сила, способная заставить считаться с собой и правительство, и население страны в целом.

Это утверждение, как нетрудно предположить, вызовет возражения или даже недоумение, ибо не только у нас, но и на Западе считается, что именно для России характерны «общинность», «коллективизм», постоянно и ярко выражающиеся в непосредственных взаимоотношениях людей, между тем как люди Запада гораздо более сосредоточены на своих собственных, частных, личных интересах, им в гораздо большей степени присущ всякого рода «индивидуализм».

Но суть дела в том, что *общество*, существующее в странах Запада, не только не противостоит частным, личным – в конечном счете «эгоистическим» – интересам своих сочленов,

но всецело исходит из них. Оно предстает как мощная сплоченная сила именно тогда, когда действия правительства или какой-либо части населения страны угрожают именно личным интересам большинства.

Так, например, в ходе начавшейся в 1964 году и продолжавшейся около десяти лет войны США в Индокитае американское общество пришло к выводу, что эта война не соответствует интересам его сочленов и, в сущности, бесперспективна, организовало массовые протесты и *заставило* власть прекратить ее.

Подобных примеров «побед» *общества* над *правительством* в странах Запада можно привести множество. При этом необходимо только ясно осознавать, что дело идет о чисто *прагматических* интересах сочленов общества; в начале упомянутой войны общество США (за исключением отдельных не очень значительных его сил) отнюдь не возражало против нее и позднее начало активно протестовать не из каких-либо идеологических (например, «гуманных» и т.п.) соображений, а потому, что война предстала в качестве «*невыгодной*» для населения США.

Приведу еще один характерный пример. В 1958 году генерал де Голль был избран президентом Франции, а в 1965-м переизбран на второй семилетний срок. При нем страна во многом возродила свой утраченный много лет назад статус великой державы, но именно из «прагматических» соображений считавшийся «отцом нации» де Голль был фактически свергнут французским обществом в ходе референдума 28 апреля 1969 года*.

Именно воля *общества* определяет на Западе деятельность парламентов и других избираемых институтов. Между тем уже упомянутый французский посол Палеолог утверждал, что в «самодержавной» России «вне царского строя... ничего

* Так, большинство населения требовало тогда сокращения рабочей недели до 40 часов, пенсионного возраста – до 60 лет и увеличения минимальной зарплаты до 1000 франков (См.: Молчанов Н. Генерал де Голль. – М., 1980. С. 473).

нет: ни контролирующего механизма, ни автономных ячеек, ни прочно установленных партий, ни социальных группировок» (цит. соч., с. 56). Это может показаться безосновательным диагнозом, ибо к 1917 году в России имелись и партии, и даже парламент – Государственная дума, существовавшая с 1906 года. Но с *западной* точки зрения Палеолог все же вполне прав, ибо и Государственная дума, и политические партии, по сути дела, выражали волю не способного включить в себя большинство населения *общества, а интеллигенции** – этого специфического российского феномена.

Сошлюсь в связи с этим на свое сочинение «Между государством и народом. Попытка беспристрастного размышления об интеллигенции» (Москва. 1998. № 6. С. 124–137), а здесь скажу только, что интеллигенцию России можно понять как явление, в известной степени аналогичное обществу Запада, но именно аналогичное, а по сути своей принципиально иное, – несмотря на то что большинство интеллигенции вдохновлялось западными идеалами.

Интеллигенция – чисто российское явление; даже сам этот термин, хотя он исходит из латинского слова, заимствовался другими языками из русского. К интеллигенции нередко причисляют всех людей «умственного труда», но в действительности к ней принадлежат только те, кто так или иначе проявляют политическую и идеологическую активность (и, естественно, имеют живой и постоянный интерес к политике и т.п.); они действительно образуют своего рода *общество* внутри России. Но оно кардинально отличается от того общества, которое существует на Западе и в качестве сочленов которого в нужный момент выступает преобладающее или даже абсолютное большинство населения страны. Могут возразить, что мы, мол, еще «нагоним» Запад и то

* Вот в высшей степени показательный факт. Партия большевиков до 1917 года насчитывала максимум 8 тысяч членов, хотя она вроде бы была партией многочисленного рабочего класса. На деле ее составляла в основном интеллигенция. И поскольку менее радикальная интеллигенция была многочисленнее, количество членов либеральной кадетской партии достигало тогда 100 тысяч членов, то есть в 12 раз больше, чем «пролетарской»...

меньшинство населения, которое являет собой интеллигенция, станет большинством.

Однако общество Запада – совершенно иное явление, чем наша интеллигенция; помимо прочего, принадлежность к нему ни в коей мере не подразумевает причастность к политике, идеологии и т.п., ибо, как уж сказано, это общество основывается на сугубо *частных*, в конце концов, «*эгоистических*» интересах его сочленов, которые сплоченно выступают против каких-либо политических и т.п. тенденций лишь постольку, поскольку эти тенденции наносят или способны нанести ущерб их собственному, личному существованию.

Можно с полным основанием утверждать, что в России (по крайней мере в предвидимом будущем) создание общества западного типа немыслимо. Ибо ведь даже российское интеллигентское «общество» – при всем его пиетете перед Западом – всегда выдвигало на первый план не столько собственные интересы своих сочленов, сколько интересы народа (пусть по-разному понимаемые различными интеллигентскими течениями) – то есть имела, употребляя модный термин, совсем иной *менталитет*, чем общество Запада.

Правда, ныне есть идеологи, призывающие строить будущее на основе «эгоистических» интересов всех и каждого, но для этого пришлось бы превратить страну в нечто совершенно иное, чем она была и есть.

В силу уникальных (крайне неблагоприятных) географических и геополитических условий и изначальной *многонациональности* и, более того, «*евразийства*» (также уникального) России *государство* не могло не играть в ней столь же уникально громадной роли, – неизбежно *подавляя* при этом попытки создания общества западного типа, основанного на «частных» интересах его сочленов.

И «осуждение» «деспотической» государственности России, которым занимались и занимаются многие идеологи, едва ли основательно; тогда уж следует начать с осуждения тех наших древнейших предков, которые двенадцать столетий назад создали изначальный центр нашего государства –

Ладогу (впоследствии Петр Великий построил поблизости от нее Петербург!) – не столь уж далеко от Северного полярного круга, а несколько позже основали другой центр – Киев – около Степи, по которой народы Азии беспрепятственно двигались в пределы Руси...

Как представляется, «осуждать» исключительную роль государства в России бессмысленно: это положение вещей не «плохое» (хотя, конечно же, и не «хорошее»), а *неизбежное*. Вместе с тем нельзя не признать (и никакого «парадокса» здесь нет), что *именно этой ролью* нашего государства объясняются его стремительные крушения и в 1917-м, и в 1991 году.

Те лица, которые так или иначе руководили Февральским переворотом 1917 года, полагали (это ясно из множества их позднейших признаний), что на их стороне выступит российское общество, которое после свержения «самодержавия» создаст новую любезную ему власть западного типа – с либеральным правительством, контролируемым парламентом, и т.п. Но такого общества в России попросту не имелось, и вместо созидания нового порядка после Февраля начался хаос, который позднее был посредством беспощадного насилия прекращен гораздо более деспотичной, нежели предшествующая, имперская, властью, установленной в СССР.

Между прочим, прозорливый государственный деятель, член Государственного совета П. Н. Дурново писал еще в феврале 1914 года¹², что в результате прихода к власти интеллигентской «оппозиции», полагавшей, что за ней – сила общества, «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию», ибо «за нашей оппозицией нет никого. Наша оппозиция не хочет считаться с тем, что никакой реальной силы она не представляет».

Это со всей очевидностью подтвердила судьба Учредительного собрания: только *четверть* участников выборов отдала свои голоса большевикам, но, когда последние в январе 1918 года «разогнали» это собрание, никакого сопротивления не последовало – то есть общество как реальная сила явно отсутствовало...

Обратимся к 1991 году. Подавляющее большинство населения СССР не желало его «раздела», – о чем неоспоримо говорят итоги референдума, состоявшегося 17 марта 1991 года. В нем приняли участие почти три четверти взрослого населения страны, и 76 (!) % из них проголосовали за сохранение СССР.

Едва ли возможно со всей определенностью решить вопрос о том, почему это внушительнейшее большинство не желало распада страны, – в силу идеологической инерции или из-за понимания или хотя бы *предчувствия* тех утрат и бедствий, к которым приведет ликвидация великой державы. Но так или иначе ясно, что *общества*, способного проявить свою силу, в стране не было, ибо в августе 1991-го ГКЧП, чьи цели соответствовали итогам референдума, не получил никакой реальной поддержки, а «беловежское соглашение» декабря того же года не вызвало ни малейшего реального сопротивления...

В начале этого размышления речь шла об идеологах, которые считают существование СССР непонятно каким образом продолжавшейся три четверти столетия *утопией*; однако именно проект превращения России в страну западного типа является заведомо *утопическим*.

Нынешние СМИ постоянно вещают о *единственном*, но якобы вполне реализованном в России западном феномене – *свободе слова*. Есть основания согласиться, что с внешней точки зрения мы не только сравнялись, но даже превзошли в этом плане западные страны; так, СМИ постоянно и крайне резко «обличают» любых властных лиц, начиная с президента страны. Но *слово*, в отличие от Запада, не переходит в *дело*. Из-за отсутствия обладающего реальной силой *общества* эта свобода предстает как чисто формальная, как своего рода игра в свободу слова (правда, игра, ведущая к весьма тяжелым и опасным последствиям – к полной дезориентации и растерянности населения).

Возможно, мне возразят, указав на отдельные факты отставки тех или иных должностных лиц, подвергнутых ранее резкой критике в СМИ. Но едва ли есть основания связывать

с этой критикой, скажем, быстротечную (совершившуюся в продолжение немногим более года) смену четырех *глав* правительства страны в 1998–1999 годах; для населения эти отставки были не более или даже, пожалуй, менее понятными, чем в свое время подобного рода отставки в СССР.

Впрочем, и сами СМИ постоянно утверждали, например, что страной реально и поистине неуязвимо управляла малочисленная группа лиц, которую называли «семьей» (причем, в отличие от состава верховной власти в СССР, даже не вполне ясен состав сей группы).

Многие – причем самые разные – идеологи крайне недовольны таким положением вещей. Однако в стране, где отсутствует *общество*, иначе и не могло и не может быть. И беда заключается вовсе не в самом факте наличия в стране узкой по составу верховной власти, а в том, *куда* и *как* она ведет страну. Начать с того, что власть – как это ни дико – занималась, по сути дела, *самоуничтожением*, ибо из года в год уменьшала *экономическую* мощь государства. Даже в США, которые можно назвать наиболее «западной» по своему устройству страной, государство (в лице федерального правительства) забирает себе около 25% валового национального продукта (ВНП) и распоряжается этим громадным богатством (примерно 1750 млрд долл.) в своих целях; еще около 15% ВНП вбирают бюджеты штатов. Между тем бюджет РФ в текущем году составляет, по официальным данным, всего лишь 10% ВНП!

И другая сторона дела, – в сущности также оставляющая дикое впечатление. Сама реальность российского бытия заставила президента и его окружение сосредоточивать (или хотя бы пытаться сосредоточивать) в своих руках всю полноту власти. Однако в то же время эта «верхушка» – в конце концов однотипная с той, которая правила СССР (разумеется, не по результатам деятельности, а по своей «властности»), – утверждала, что РФ необходимо превратить в страну западного типа, и даже вроде бы предпринимала усилия для достижения сей цели, – хотя, как уже сказано, из-за отсутствия в стране *общества* цель эта заведомо утопична.

И последнее. В начале было отмечено, что достаточно широко распространено представление, согласно которому крушение 1991 года – результат «победы» Запада в «холодной войне» с СССР. Как известно, подобным образом толкуется нередко и крах 1917 года, который был-де вызван неудачами (подчас говорят даже о «поражении») России в длившейся уже более двух с половиной лет войне.

Нет сомнения, что война сыграла очень весомую роль в Февральском перевороте, но она все же была существеннейшим *обстоятельством*, а не *причиной* краха. Следует, помимо прочего, учитывать, что неудачи в войне сильно преувеличивались ради дискредитации «самодержавия». Ведь враг к февралю 1917 года занял только Царство Польское, часть Прибалтики и совсем уж незначительные части Украины и Белоруссии. А всего за полгода до Февраля завершилось блестящей победой наше наступление в южной части фронта, приведшее к захвату земель Австро-Венгерской империи (так называемый Брусиловский прорыв).

Стоит в связи с этим вспомнить, что в 1812 году враг захватил Москву, в 1941-м стоял у ее ворот, а в 1942-м дошел до Сталинграда и Кавказского хребта, но ни о каком перевороте не было тогда и речи. Так что война 1914–1917 годов – способствовавшая (и очень значительно) *ситуация*, а не причина краха. Суть дела была, о чем уже говорилось, в той утрате веры в существующую власть преобладающим большинством населения (и, что особенно важно, во всех его слоях, включая самые верхние) – утрате, которая ясно обнаружилась и нарастала с самого начала столетия.

Другое дело, что война была всячески использована для разоблачения власти – вплоть до объявления самых верховных лиц вражескими агентами, чем с конца 1916 года занимался не только либерально-кадетский лидер П. Н. Милюков, но и предводитель монархистов В. М. Пуришкевич!

Едва ли верно и представление о том, что крах 1991 года был по своей сути поражением в «холодной войне», хотя последняя, несомненно, сыграла весьма и весьма значительную

роль. Она длилась четыре с половиной десятилетия, и даже еще при Сталине пропаганда западных «радиоголосов», несмотря на все глушилки, доходила до миллионов людей. И вполне можно согласиться с тем, что достаточно широкие слои *интеллигенции*, которая и до 1917 года и после как бы не могла не быть в оппозиции к государству (ведь, как говорилось выше, она – своего рода аналог *общества*, которое в странах Запада всегда готово противустать государству), «воспитывались» на западной пропаганде.

Но, как представляется, нет оснований считать «западническую» интеллигенцию *решающей* силой, те или иные действия которой привели к крушению СССР. Решающее значение имело, пожалуй, *бездействие* почти 20 миллионов членов КПСС, из которых только треть имела высшее образование, – к тому же (об этом уже шла речь) далеко не всякий получивший образование человек принадлежит к тому идеологически активному слою, который называется интеллигенцией. Эта громадная «армия», которой в тот момент, кстати сказать, фактически ничто не угрожало, без всякого заметного сопротивления сошла со сцены, – что уместно объяснить именно утратой веры в наличную власть, к которой составлявшие эту армию люди в конечном счете были причастны как члены «правлящей» партии*.

Это толкование, конечно же, предстанет в глазах множества людей, в сознание которых внедрено принципиально *политико-экономическое* объяснение хода истории, в качестве не «научного». Но необходимо напомнить, что сам Карл Маркс признавал, что его «материалистическое понимание истории» основывалось на изучении истории Англии и всецело применимо только к ней. А в Англии парламент, выражавший *прагматические* (то есть прежде всего экономические) интересы индивидов, составляющих общество, существовал

* Стоит отметить, что после 1991 года появился целый ряд литературных сочинений и кинофильмов (иные из них доныне демонстрируются на телеэкране), в которых изображались опаснейшие коммунистические заговоры против новой власти, но все это было чистой фантастикой.

еще с XIII века; не раз писал Маркс и о том, что в странах *Азии* (и, добавлю от себя, в России-Евразии) дело обстояло принципиально по-иному.

И в высшей степени показательно, что те представители западной философии истории, которые стремились основываться на осмыслении опыта не только Запада, но и мира в целом – как, например, широко известный англичанин Арнольд Тойнби, – отнюдь не склонны к политико-экономическому пониманию исторического развития мира в целом.

...Я стремился доказать, что основой поистине мгновенного крушения, которое пережила около десятилетия назад наша страна, явилась не политико-экономическая реальность того времени, а своего рода извечная «специфика» России-Евразии, каковая со всей очевидностью обнаружила себя еще четырьмя столетиями ранее – в пору так называемого Смутного времени.

Конечно, не менее важен и вопрос о том, *почему* к 1991 году была *утрачена* вера большинства населения в СССР. Но об этом – в следующей главе.

Глава 3. СССР: подъем – упадок – утрата веры

В предыдущей главе крушение СССР (как и ранее Российской империи) было объяснено утратой большинством населения *веры* в наличную страну, и вместе с тем говорилось, что в глазах многих людей это объяснение предстанет в качестве лишенного «научности», ибо господствует мнение, согласно которому ход мировой истории и, в особенности, кардинальные исторические сдвиги определяются прежде всего и главным образом экономическими причинами.

Но если можно – хотя и не безоговорочно – согласиться с тем, что в странах Запада дело обстоит именно так, подобное истолкование истории России является в конечном счете результатом заимствования западных концепций – прежде всего, понятно, марксистской. Следует вспомнить и о том, что *общество*, играющее первостепенную роль в бытии стран Запада

(но фактически отсутствующее в России), основывается именно на *экономических* интересах его сочленов.

Но вот многозначительный, даже, так сказать, «сенсационный» факт. Не столь давно у нас было *впервые* опубликовано сочинение Карла Маркса (оно называется «Разоблачения дипломатической истории XVIII века»), в котором охарактеризовано многовековое историческое развитие России. Однако, как это ни неожиданно, *экономические* проблемы вообще не затрагиваются в данном сочинении; все сводится к чисто политическим и даже идеологическим проблемам. Осмысляя путь русской истории от Рюрика до Петра I и утверждая, что и далее (то есть до середины 50-х годов XIX века, когда было написано сочинение) этот путь остался по своей сути таким же, Маркс ровно ничего не говорит о развитии «производительных сил» и соответственных изменениях «производственных отношений» и т.п. Он констатирует, в частности, что к концу правления Ивана III «Европа... была ошеломлена внезапным появлением на ее восточной границе огромной империи, и сам султан Баязид*, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь москвиты». И далее корифей «материалистического (то есть экономического) понимания истории» говорит об Иване III:

«Православное вероисповедание служило вообще одним из самых сильных орудий в его действиях». И добавляет: «Между политикой Ивана III и политикой современной (то есть России 1850-х годов. — В. К.) существует не сходство, а тождество».

По-своему прямо-таки замечательно следующее обобщающее суждение «материалиста» Маркса о России: «Она является *единственным* (выделено мною. — В. К.) в истории примером огромной империи, само могущество которой, даже после достижения мировых успехов, всегда скорее принималось на веру (вспомним тютчевское: «В Россию можно только *верить*»! — В. К.), чем признавалось фактом».

* Правил в 1481–1512 годах; при нем Турция захватила значительную часть Европы.

Вполне закономерно, что цитируемое сочинение было полностью опубликовано на русском языке только в 1989 году (См. «Вопросы истории», №1–4): слишком уж оно противоречит тому, что писали об истории своей страны российские марксисты!

И, если вдуматься, «применение» к нашей истории марксизма – как, впрочем, и других западных концепций «экономического» характера – оказывается чем-то искусственным или даже с очевидностью искажающим реальность. Так, например, складывавшееся на Западе с VII века крепостничество по мере развития «производительных сил» начинает ограничиваться и отмирать; между тем российское *крепостничество*, формировавшееся с XI века, действительно утверждается только в конце XVI века и приобретает наиболее широкий характер при Петре I! А ведь едва ли можно сомневаться в том, что «производительные силы» со времен Ярослава Мудрого и до Петра весьма значительно развились...

Напомню также, что восстания населения на Западе, как правило, преследовали конкретные *экономические* цели; между тем сотрясавшие Россию мощные бунты были, по слову Пушкина, «бессмысленными», то есть не имевшими прагматических целей и, как убедительно доказывал Ключевский, порождались утратой веры в наличную Россию.

Необходимо со всей определенностью пояснить, что, говоря об утратах веры как причинах отечественных потрясений, я не имею в виду именно и только веру (или, в соответствии с традиционным написанием, Веру) в собственно религиозном смысле слова, хотя в какой-то степени и этот смысл присутствовал во всех российских катаклизмах. В России *вера* – о чем свидетельствует, в частности, словарь В. И. Даля, в котором представлено более семидесяти образований от слова «вера», – понятие очень емкое и многосмысленное.

Приведу здесь несущее в себе, на мой взгляд, глубокое содержание стихотворение, опубликованное в составленной мною части книги «Лучшие стихи года», изданной в Москве как раз в 1991 году. Его автор, наиболее, пожалуй, значитель-

ная современная поэтесса Светлана Сырнева, родилась в 1957 году в семье сельских учителей «захолустного» Вятского края. Отца ее матери, священника, в начале 1930 годов объявили «лишенцем», то есть бесправным, и он вынужден был вместе с семьей покинуть родные места; после его кончины дочь вернулась в вятскую отчину, но должна была многие годы скрывать свое происхождение. А рано овдовевшую мать отца Сырневой, которая принадлежала к крепкой крестьянской семье (к тому же имевшей родственников-купцов), тогда же, в 1930-х, «раскулачили», — о чем также долго старались не вспоминать...

Начавшая свою жизнь рядом с затерянной в вятских лесах деревенской школой Светлана Сырнева в конце концов узнала и осмыслила драматическую судьбу своей семьи, и тем не менее из-под ее пера вылилось стихотворение под заглавием:

Прописи

Помню: осень стоит неминучая,
восемь лет мне, и за руку — мама:
«Наша Родина — самая луч-
шая и богатая самая».
В пешех далях — деревья корявые,
дождь то в щеку, то в спину,
и в мои сапожонки дырявые
заливается глина.
Образ детства навеки —
как мы входим в село на болоте.
Вон и церковь с разрушенным верхом,
вся в грачином помете.
Лавка низкая керосинная
на минуту укроет от ветра.
«Наша Родина самая сильная,
наша Родина самая светлая».
Нас возьмет грузовик попутный,
по дороге ползущий юзом,
и опустится небо мутное

к нам в дощатый гремучий кузов.
И споет во все хилые ребра
октябратский мой класс бритолобый:
«Наша Родина самая вольная,
наша Родина самая добрая».
Из чего я росла-прозревала,
что сквозь сон розовело?
Скажут: обворовала
безрассудная вера.
Ты горька, как осина,
но превыше и лести и срама –
моя Родина, самая сильная
и богатая самая.

Обратим внимание на словосочетание в предпоследнем четверостишии: «*безрассудная вера*». Это все та же линия: «умом Россию не понять», и «в Россию можно только *верить*». И еще напомним написанное Пушкиным за сто дней до его гибели: «... наша общественная жизнь – грустная вещь» (в предыдущей главе речь шла о фактическом отсутствии *общества* в России). И все же непреклонное противостояние Поэта¹³: «... я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя... но, клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме... такой, как нам Бог ее дал».

Протягивая нить от Пушкина и Тютчева к стихотворению нашей современницы, я имею в виду не путь Поэзии, а путь людей, никогда не утрачивавших веру в Россию. Примерно на половине исторического пути от пушкинского до нынешнего времени, незадолго до 1917 года, Александр Блок написал общеизвестные строки:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые*
Как слезы первые любви!¹⁴

* Ср.: «Лавка... на минуту укроет от ветра...»

И речь идет только о том, что родившаяся в 1957-м внучка священника-«лишенца» и «раскулаченной» крестьянки не утратила веру в Россию (пусть и в облики СССР).

Но, увы, таких людей к 1991 году было в стране не столь уж много... Светлана Сырнева писала мне 27 марта 1992 года, что «молодая вятская поэтическая поросль уже склонна считать меня обломком соцреализма».

Для сохранения присущей Светлане Сырневой веры в самом деле необходима иррациональная («безрассудная») убежденность:

Ты горька, как осина,
но превыше и лести и срама –
моя Родина, самая сильная
и богатая самая.

Без людей, проникнутых этой убежденностью (несмотря даже на тяжкие испытания, выпадавшие на долю их семей и их самих), Россия вообще едва ли бы прожила 1200 лет, но такие люди всегда были и есть, и главная надежда на них...

Как не раз говорилось, истинная причина крушения СССР не в тогдашнем состоянии *экономики* страны (хотя те или иные кризисные явления – например, товарный «дефицит», – конечно, играли существенную роль). И многочисленные нынешние идеологи, которые утверждают, что в период перед крушением в СССР не было роста или даже происходило снижение уровня и качества жизни, попросту закрывают глаза на реальное положение вещей.

Так, например, в стране с конца 1950-х до начала 1990 годов осуществлялось поистине грандиозное жилищное строительство – за год вводилось в действие не менее 100 млн кв. метров, а в конце 1980-х более 130 млн отопливаемой жилой площади. И если всего лишь за треть столетия до 1991 года абсолютное большинство населения обитало в тесных, набитых битком коммуналках, бараках и лишенных каких-либо «удобств» избах, и на душу приходилось не более 5 кв. м, то

к 1991 году, несмотря на увеличение количества населения за указанный период почти на 40% (!), имелось уже около 16 кв. м на душу населения, абсолютное большинство городских и очень значительная часть сельских жилищ располагали электричеством, газом, водопроводом, канализацией и т.п. К тому же затраты населения на оплату жилья и всех связанных с ним услуг были крайне незначительными.

Могут возразить, что в США на душу населения приходилось тогда в три с лишним раза больше жилой площади, чем в СССР (49 кв. м), но это сопоставление, мягко выражаясь, некорректно. Северная граница США (не считая почти безлюдной Аляски) проходит по широте Южной Украины и Нижнего Поволжья, а южная граница – уже в *тропической* зоне. И 75% (!) населения США живет в домах, построенных из фанеры и картона (у нас в таких домах можно жить, понятно, лишь в летние месяцы). В связи с этим, между прочим, в США производится в два раза меньше цемента, чем в СССР, но почти в десять раз *больше* фанеры и картона (см. обо всем этом мою статью в №12 журнала «Новый мир» за 1998 год)¹⁴. Словом, для того, чтобы «догнать» США по количеству жилой площади на душу населения, нам в сущности пришлось бы изменить климат своей страны...

О том, сколь значительно, если выразиться официальным языком, «улучшились жилищные условия» в период с конца 1950-х до 1991 года, не мог не знать по своему личному опыту любой человек, который (пусть хотя бы еще в отроческом возрасте) застал начало этого периода, когда, скажем, отдельная благоустроенная квартира для семьи – пусть и самая тесная – считалась чуть ли не роскошью.

Конечно, «жилищная проблема» – только одна сторона дела, но она неоспоримо свидетельствует, что нет оснований для утверждений (достаточно широко бытующих) о якобы нараставшем *ухудшении* материальных условий жизни, которое и привело страну к краху. Вообще невозможно отрицать, что уровень и качество жизни в *последнее* десятилетие существования СССР были намного выше, чем во *все* предшествующие десятилетия после 1917 года.

Правда, в «высокоразвитых» странах, где проживало 15% населения планеты, дело обстоит значительно или даже гораздо лучше, чем в СССР (об основных причинах этого речь шла выше). И весьма часто утверждают, что причиной крушения СССР явилось именно резкое недовольство населения «отставанием» с точки зрения жизненного уровня от «высокоразвитых» стран. Однако при этом истинную причину в сущности подменяют ее *следствием*, ибо активное и широкое превознесение «высокоразвитых» стран началось *после*, а не до крушения СССР. В частности, все главные апологеты Запада (Яковлев, Гайдар, Чубайс и т.п.) вплоть до 19 августа 1991 года являлись более или менее высокопоставленными деятелями КПСС и, естественно, не превозносили «капстраны».

Конечно, в тех или иных кругах этим превознесением занимались раньше, но чрезвычайно выразительно имевшее хождение еще до «перестройки» остроумное изречение: «Мы хотим работать так, как *мы* работаем, а жить – как живут *они*». Если вдуматься, эта вроде бы чисто анекдотическая фраза несет в себе весьма серьезный смысл, ибо в наших климатических и геополитических условиях люди – даже если бы и «хотели» – *не могут* работать так, как в гораздо более благоприятных условиях высокоразвитых стран, где, например, не нужно многомесячное интенсивное отопление производственных помещений и где круглый год осуществляется наиболее дешевая транспортировка грузов по водным путям, а сельскохозяйственный сезон длится не 4–6, как в России, а 8–9 месяцев и т.п.

Попытаемся уяснить действительную причину крушения СССР – страны, после Победы 1945 года ставшей одной из двух великих держав мира, в политической и экономической сфере которой так или иначе, в той или иной степени находилось к 1960-м годам около *половины* (!) населения планеты, и простиралась эта сфера от Кореи на востоке до Кубы на западе, от Финляндии на севере до Анголы на юге. Правда, в ходе экономического, политического или даже военного противоборства те или иные страны, так сказать, переходили из рук в руки,

либо утверждали свой особый статус, либо избирали «нейтралитет» и т.п., но, тем не менее, роль СССР на мировой арене в течение длительного периода была воистину колоссальной и в тех или иных аспектах превосходила роль США.

Ныне от этой роли в сущности не осталось и следа, но, вглядываясь в мировую историю, нетрудно понять, что в таком обороте дела нет ничего необычного (другой вопрос – крушение самого СССР в ситуации, когда не было ни войны с внешним врагом, ни восстания внутри страны, ни какой-либо иной катастрофы; вот это уж действительно нечто исключительное, *уникальное*).

В истории основных стран Европы периоды высшего подъема не раз сменялись периодами *упадка* – подчас крайнего. Так, после эпохи величия созданной германцами Священной Римской империи, в сущности правившей всей Европой, Германия переживает длительный упадок и даже разваливается на десятки разнородных государственных образований.

Позднее в качестве первой державы мира, которая не только подчинила себе значительную часть Европы, но и большие территории в Америке и Азии, выступает Испания, но спустя столетие и она утрачивает первостепенную роль. В XVIII – начале XIX века первенствует Франция, но затем ее значение становится заведомо второстепенным, а в нашем столетии это произошло с Великобританией (гордо распевавшей «Правь, Британия...») – даже еще до потери ею большинства ее колоний.

Осмысление этих смен подъема и упадка заняло бы слишком много места, ибо каждая из них имела свой конкретный характер и смысл. Но в самом общем плане уместно сказать, что «первенствующие» страны, во-первых, *перенапрягали* и распыляли свои силы и, во-вторых, их великие достижения порождали своего рода *самоуспокоенность*, мешавшую предвидеть и предотвратить надвигающийся упадок.

Выражаясь попросту, любая *победа* таит в себе и определенную *беду* – что с особенной наглядностью проявляется в *научно-технических* достижениях, каждое из которых имеет

свою *негативную* оборотную сторону (от атомных электростанций, способных обернуться Чернобылем, до антибиотиков, побеждающих многие болезни, но ведущих к опаснейшему ослаблению иммунитета...).

Неоспорима (несмотря на все бедствия и те или иные поражения) *победоносность* нашей истории в период, скажем, от Сталинградской битвы (конец 1942-го – начало 1943-го) до космического полета Юрия Гагарина (12 апреля 1961-го), – и то, и другое, кстати, получило совершенно исключительный резонанс во всем мире.

Стоит отметить, что, если иметь в виду период с 1943-го по 1961 год (выше шла речь об исключительной роли СССР к концу этого периода на мировой арене), утверждения многих нынешних идеологов о принципиальной-де нежизнеспособности политико-экономического строя СССР предстают как очевиднейшая нелепость. Уместно обсуждать вопрос о том, что страна *стала* нежизнеспособной к 1990-м годам, но распространение сего диагноза на ее историю в целом – попросту несерьезное занятие.

Мне, вероятно, напомнят еще, что победа 1945 года стоила громадных жертв, – но великие победы вообще немислимы без великих потерь. И нельзя не сказать еще, что, согласно новейшим скрупулезным подсчетам, потери нашей армии убитыми и пленными, преобладающее большинство которых было фактически доведено до смерти во вражеских концлагерях, были гораздо более значительными в период наших тяжелых поражений, в 1941–1942-м, а не в период победных 1943–1945-го. 60% наших потерь приходятся на первые 18 месяцев войны, а на последующие 28 месяцев – 40%, – то есть в 1941–1942 годах средние потери в течение месяца в два раза (!) превышали средние потери победных месяцев.

Но вернемся к теме «подъем–упадок». Хотя, по всей вероятности, нелегко принять следующий тезис, но именно *победоносность* СССР, ярко выразившаяся во многих событиях и явлениях 1943–1961 годов, была основной причиной последующего «упадка».

Ибо, во-первых, в ходе побед, конечно же, имело место чреватое тяжкими последствиями *перенапряжение* сил. В связи с этим иные идеологи говорят теперь, например, о том, что нам в 1945 году следовало только изгнать врага из пределов страны¹⁶ и не брать на себя тяжелейшую задачу полного его разгрома, о том, что не надо было рваться первыми в космос и т.п. Но такого рода суждения вполне уместно сравнить с увещаниями, обращенными не к стране, а к какому-либо отдельному человеку, посвятившему жизнь труднейшему и опасному делу: вот, мол, глупец, занялся бы чем-либо не требующим сколько-нибудь значительных усилий и не связанным с риском, — глядишь, и здоровье бы сохранил, и прожил дольше...

Во-вторых, цепь грандиозных побед СССР внушила убежденность, что все, в общем и целом, идет совершенно правильно и нет оснований проектировать и осуществлять сколько-нибудь широкие и глубокие преобразования бытия и сознания страны, и в 1964 году началась так называемая эпоха застоя. Правда, те или иные преобразования время от времени планировались, но, по сути дела, не реализовывались. И поскольку верховная власть, как и ранее, держала в своих руках экономику, политику и идеологию, определенное ее *бездействие* (кроме усилий, направленных на сохранение статус-кво) неизбежно вело к вырождению, которое выразилось во множестве различных тенденций и явлений того периода, но достаточно, полагаю, сказать об одном — о «культе» Брежнева.

Речь идет отнюдь не о характере и роли самого этого человека, а о том, что в его лице так или иначе выражалось в глазах населения «лицо» тогдашнего СССР. Леонид Ильич явно не был склонен к каким-либо существенным инициативам, и естественно сделать вывод, что как раз поэтому его избрали в 1964 году первым секретарем ЦК. В 1966-м Брежневу присвоили уже и «сталинский» титул генсека и постепенно присудили все имевшиеся высшие награды и звания, а также сочинили ему пространные мемуары, которые предписывалось изучать начиная со школьных лет и т.п.

С середины 1970-х годов тяжело больной генсек (он скончался в конце 1982-го) был фактически недееспособен и к тому же зачитывал подготовленные для него доклады с великим трудом и косноязычно. Население всех слоев сверху-донизу, не приглушая голоса, рассказывало бесчисленные унижительные анекдоты о генсеке и с хохотом слушало культивируемое многими подражание его косноязычной речи. Помню, как на рубеже 1970–1980-х годов в многочисленной компании, где было несколько детей и подростков, один – имевший, кстати, немаловажное официальное положение – деятель занялся (и, надо сказать, довольно удачно) таким передразниванием, и я (хотя, понятно, ни в коей мере не был «поклонником» Брежнева) предложил прекратить это занятие ради юных слушателей, которые в результате скорее всего потеряют веру во власть и, в конечном счете, в свою страну...

Повторю еще раз, что дело вовсе не в самом Леониде Ильиче, а в вырождении власти в целом, которая ведь и создавала совершенно фарсовый брежневский культ, бывший, конечно, только одним из проявлений общего положения вещей, но все же весьма и весьма существенным. Трудно усомниться в том, что Брежнев – особенно после резкого ослабления его здоровья – можно было сместить с его верховного поста, – как в свое время сместили Хрущева. Но власть, полагавшую, что никакие значительные преобразования не нужны, очевидно, вполне устраивал недееспособный генсек.

В результате происходил нарастающий подрыв веры во власть, то есть, в конечном счете, в наличную страну, который и явился, как представляется, истинной причиной крушения СССР. Масса идеологов, о чем уже говорилось, усматривает причину в нежизнеспособности самого политико-экономического строя, сложившегося в СССР, – строя, который, мол, в принципе невозможно было реформировать, – только уничтожить. Между тем с 1917 года совершались существеннейшие изменения в экономике и политике; напомним, что сменили друг друга «военный коммунизм», нэп, коллективизация, решительный предвоенный поворот от «революционности» к государствен-

ности и, наконец, активнейшее хрущевское «реформаторство», которое во многом являло собой своего рода реанимацию «революционности» (см. об этом подробно в моем изданном в 1999 году двухтомном сочинении «Россия. Век XX-й»).

При этом в высшей степени важно осознать, что и эта хрущевская «революционность» (официально осужденная в 1964 году как «волюнтаризм») была основана на убежденности в исключительной, как бы даже безграничной мощи страны, которую она с очевидностью продемонстрировала в период от Сталинградской победы до опередившего США прорыва в космос. Вот весьма многозначительное сопоставление, обнаруживающее возрастание этой убежденности: когда в 1948 году Югославия выходила из-под эгиды СССР, какое-либо военное вмешательство даже и не планировалось, но когда восемь лет спустя нечто аналогичное происходило в Венгрии, была принята полномасштабная военная операция (мы, мол, теперь все можем и никого не опасаемся). И другое сопоставление этого же характера: в 1950 году войска США вторглись в Северную Корею, но СССР, как известно, не только не ответил тем же, но, напротив, свел свое военное присутствие в Корее до минимума. Между тем, в 1962 году, когда Кубе угрожало нападение США, туда – через океан! – были отправлены значительные военные силы с ядерным оружием.

Своего рода «самоупоеение» выразилось и в хрущевской программе «догнать и перегнать Америку» в сфере сельского хозяйства, и в ширившемся чрезвычайно дорогостоящем соревновании с той же Америкой в деле овладения космосом, и в стремлении полновластно «руководить» Китаем, и т.п. Между тем в 1963 году СССР вынужден был (впервые в истории!) закупить за рубежом миллионы тонн зерна, состязание в космосе уже в 1960-х годах выиграли США, отношения с Китаем стали к 1963 году открыто враждебными...

И 14 октября 1964 года состоялось «свержение» Хрущева за его «волюнтаризм». И тогда, и до сего времени все «прорисунки» безосновательно приписывают его *личной* воле. Это – восходящее к сталинским временам понимание хода истории

(правда, сначала «личности» приписывают все победы, а затем все беды, но это не меняет существа дела: перед нами тот же самый «культ» – пусть и «наизнанку»...). Несмотря на те или иные критические выступления против Хрущева, его революционный «энтузиазм» до поры до времени разделяла власть в целом и, в определенной мере, сама страна (см. об этом в моем уже упомянутом сочинении «Россия. Век XX-й»).

Множество авторов, рассуждая о том же хрущевском времени, обожают предлагать «альтернативы»: вот, мол, если бы Хрущев и другие повели дело не так, а этак, все было бы превосходно. Однако это не более чем бессодержательная риторика. При том положении, которое занимал в мире СССР к началу 1960-х годов, дело явно *не могло* идти иначе. В частности, известный выкрик, обращенный к Западу, – «Мы вас закупаем!» – был по своей дикой *форме* проявлением личности Хрущева, но суть его наверняка поддерживали тогда самые широкие слои населения СССР...

В устранении Хрущева и избрании на его пост «безынициативного» Брежнева в конечном счете выразилось осознание (пусть даже и не очень уж ясное) людьми власти опасности решительных радикальных действий и жестов – несмотря на все величие победоносного СССР.

И есть все основания утверждать: подъем уже тогда сменялся упадком, что ясно выразилось, например, и в закупке зерна за рубежом, и в потере такого союзника, как Китай...

Новая – «застойная» – власть явно поставила перед собой задачу сохранять статус-кво, избегая существенных сдвигов в каком-либо направлении и так или иначе пресекая или хотя бы оставляя без внимания стремление тех или иных людей настаивать на основательных преобразованиях. И естественно видеть в этом «охранном» курсе реализацию по-своему оправданной точки зрения: ведь несмотря на начавшийся «упадок», страна еще являлась несомненной великой державой, и было не только рискованно, но и вроде бы незачем колебать ее устои – особенно если учитывать итоги «волюнтаризма» хрущевского времени. Но «охранный» курс означал

и *удовлетворенность* тем, что есть, которая оборачивалась *бездействием*, а эта «тенденция», вместе с предшествующим *перенапряжением* сил победной страны, – характернейшие проявления «упадка».

И в сам период «застоя», и в наши дни многие утверждали и утверждают, что власть тогда стремилась восстановить «сталинские» порядки. Но это едва ли хоть сколько-нибудь основательное мнение. Можно допустить, что отдельные люди власти пытались предпринимать нечто подобное – например, избранный через месяц после «свержения» Хрущева, 10 ноября 1964 года, членом Президиума ЦК А. Н. Шелепин, бывший в 1958–1961 годах председателем КГБ и получивший позднее прозвание «железный Шурик». Однако вполне закономерно, что менее чем через три года, 26 октября 1967-го, он был фактически устранен из верховной власти: его сместили с поста председателя Комитета партийно-государственного контроля СССР и поручили ведать профсоюзами...

Несостоятельность версии о якобы возможном возврате к «сталинизму» особенно ясна из того, что время Сталина – это ведь время кардинальных сдвигов и решительных *действий*, а в «эпоху застоя» таких *сдвигов* и действий неукоснительно старались избегать.

Более того: если бы предполагаемый «наследник» Сталина Шелепин или кто-нибудь подобный ему даже сумел бы взять в руки полноту власти, никакой «неосталинской» эпохи все равно не получилось бы, ибо и историческая ситуация, и сама страна были уже совершенно иными, чем в 1930 – начале 1950-х годов. Так, например, целенаправленно создаваемый культ генсека Брежнева в известной степени соответствовал модели сталинского, но в результате получился, как уже отмечено, не героический (и, конечно, трагический), а чисто *фарсовый* культ...

В глубоком упадке страны после ее высокого подъема нет – о чем уже шла речь – ничего необычного. То же самое происходило в обретающих на какое-то время *первостепенную роль* странах Запада, и упадок *коренился* именно в пред-

шествующем подъеме; это, в сущности, своего рода всеобщая закономерность.

Собственно «русским» было то *стремительное* крушение, к которому в конце концов привел упадок страны и которое, как представляется, обусловлено прежде всего отсутствием *общества*: в СССР имелись только власть и население. Итоги мартовского референдума 1991 года ясно свидетельствовали, что преобладающее большинство людей, исходя из тех или иных своих интересов, было против распада страны, но когда он состоялся, никакое *сопротивление* не имело места.

Указание на этот факт – впрочем, как и все вышеизложенное – существенно для понимания не только прошедшего, но и настоящего, и грядущего, и – в том числе плодов деятельности нынешней власти. Чрезвычайно показательно, что ее идеологи настойчиво твердили о необходимости создания в стране «*среднего класса*», который является ядром и основой западного *общества*, так или иначе примиряющим и объединяющим его «низы» и «верхи» (закономерно, что для обозначения этого *неведомого России* феномена пришлось перевести с английского термин «middle class»). Таким образом, идеологи власти отдавали себе отчет в том, что в нашей стране нет (и не было) «общества» в западном смысле, но ставили задачу «создать» его ядро, а затем, очевидно, и его в целом.

Однако для достижения этой цели необходимо кардинально изменить самих людей, населяющих страну, сам народ. Выразительно сделанное в 1998 году признание одного из главных наставников российских «реформаторов», американца Джефффри Сакса: «Мы положили больного (то есть Россию. – В. К.) на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия». (Цит. по газ. «Деловой вторник» от 10 ноября 1998 гг.) Возможно, Сакс имел в виду, что у пациента не оказалось абсолютно необходимого с точки зрения иностранного «хирурга» *органа* – общества... Так или иначе американец пришел к выводу, что Россия – принципиально иной феномен, хотя идеологи нынешней российской вла-

сти постоянно объявляют этого рода выводы тенденциозными выдумками «русофилов» и «почвенников».

Прочитирую еще раз слова Петра Чаадаева. Мыслитель критически и даже резко критически судил о своей стране, но в то же время с полной убежденностью писал в 1835 году: «...Мы не Запад... И не говорите, что мы молоды, что мы отстали от других народов, что мы нагоним их. Нет, мы столь же мало представляем собой XVI или XV век Европы, сколь и XIX век... у нас другое начало цивилизации. Поэтому нам незачем бежать за другими; нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое... Тогда мы пойдем вперед».

К прискорбию, в наше время многие люди рассуждают примерно так: раз наш путь привел страну к крушению, следует двигаться по пути «благополучных» стран Запада. Однако в свете тысячелетней отечественной истории ясно, что это иллюзорный, всецело бесперспективный проект...

Глава 4. Необходимость связи времен

В предыдущей главе речь шла о наивысшем подъеме, о «победоносном» периоде в истории СССР, продолжавшемся, в общем, от Сталинградской битвы до космического полета Юрия Гагарина. Этот период, как я буду стремиться показать, не стал бы возможным без кардинального *поворота* в политике и идеологии, который начался с середины 1930-х годов.

Российская революция (как, впрочем, *любая* революция) была тотальным отрицанием *предшествующего* бытия и сознания страны; все прошлое России – за исключением тех явлений и тенденций, которые считались так или иначе подготавливавшими революцию, – объявили «проклятым прошлым».

Даже в 1936 году в статье, опубликованной (21 января) Н. И. Бухариным в редактируемой им газете «Известия» – второй по значению после «Правды», – он утверждал, что русские были до 1917 года «нацией Обломовых», а само слово «русский» – синонимом слова «жандарм». Но Бухарин или не замечал, или не хотел замечать, что в стране уже начался

коренной поворот. И 10 февраля «Правда» опубликовала резкую отповедь, в которой, в частности, утверждалось: «Партия всегда боролась против “Иванов, не помнящих родства”, пытающихся окрасить все историческое прошлое нашей страны в сплошной черный цвет». 14 февраля Бухарин на страницах «Известий» принес покаяние.

Но нельзя не признать, что утверждение «партия *всегда* боролась...» явно не соответствовало действительности; этого рода борьба началась не ранее 1934 года, когда появились в известной мере пересматривавшие прежнюю идеологическую линию «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» за подписями Сталина, Жданова и Кирова; к тому же опубликованы эти «Замечания» были позже, 27 января 1936 года, – через несколько дней после «антирусской» статьи Бухарина.

А, скажем, в 1928 году Сталин в связи с 10-летием Красной Армии произнес директивную речь, безоговорочно утверждавшую, что эта новая армия не имеет ничего общего со «старой», которая, в частности, «воспитывалась в духе великодержавничества», между тем как Красная Армия «воспитывается... в духе интернационализма... поэтому она... является армией рабочих всех стран» (т. 11, с. 24, 25).

Последнее суждение было явно безосновательным. Красная Армия победила в гражданской – *классовой* – войне на территории России, однако когда летом 1920 года начались военные действия на территории другой страны (кстати, весьма небольшой в сравнении с РСФСР) – восстановленной в 1918-м Польши, – Красная Армия потерпела столь сокрушительное поражение, что пришлось отдать Польше (до 1939 года) обширные западные территории Украины и Белоруссии. Ибо против Красной Армии воевал польский народ в целом, включая *рабочих*.

А через тринадцать лет после цитированной сталинской речи в страну вторглась армия, состоявшая в значительной мере именно из *рабочих* Германии, Австрии, Венгрии, Финляндии и других стран, – армия, которую обеспечивали всем необходимым *рабочие* почти всей вошедшей в Третий рейх

Европы. Но к этому времени армия СССР была уже совсем не той, о которой Сталин говорил в 1928 году; она представляла как наследница дореволюционной армии России.

В период с 1935-го по 1941 год восстановились российские офицерские и генеральские звания, было утверждено воинское величие Александра Невского, Петра Первого, Суворова, Кутузова и т.п. В 1942 году, незадолго до начала нашего наступления под Сталинградом, подвергся окончательному упразднению институт «военных комиссаров», являвший собой основу Красной Армии, а в январе 1943-го были восстановлены долго считавшиеся чем-то заведомо «враждебным» *погоны*...

Могут возразить, что речь идет, в частности, о «формальных» изменениях, но, конечно же, они не могли осуществиться без изменения самого «содержания»: армия из некой «интернациональной» превращалась в армию *великой державы* (хотя не столь давно, в 1928-м, Сталин клеймил «старую» армию именно за ее «великодержавничество»). И нет никаких оснований сомневаться в том, что Победа 1945 года была бы невозможной без тех коренных и многосторонних изменений, которые осуществлялись в армии страны с середины 1930-х годов.

Обратимся теперь к другой проблеме – научно-техническому развитию страны. 30 ноября 1932 года были опубликованы следующие суждения Сталина о России: «...наша страна была исключительно отсталой... Мы следим за САСШ (США. – В. К.), так как эта страна стоит высоко в научном и техническом отношении. Мы бы хотели, чтобы люди Америки были нашими учителями в области науки и техники, а мы их учениками» (т. 13, с. 149).

Перенесемся сразу же на тринадцать с лишним лет вперед. 9 февраля 1946 года Сталин заявил: «...особое внимание будет обращено... на широкое строительство всякого рода научно-исследовательских институтов, могущих дать возможность науке развернуть свои силы. Я не сомневаюсь, что если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не толь-

ко догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны» (т. 16, с. 15).

«Прогноз» оказался до удивления верным: всего восемь лет спустя, в 1954 году, в СССР начала работать *первая в мировой истории* атомная электростанция и создан *первый* реактивный пассажирский лайнер Ту-104, в 1957-м взошел на орбиту *первый* искусственный спутник Земли, в 1961-м состоялся *первый* полет человека в космос.

Есть все основания полагать, что цитируемые суждения Сталина (из его речи 9 февраля 1946 года) были порождены письмами (от 25 ноября 1945-го и 2 января 1946-го) одного из виднейших тогдашних ученых, П. Л. Капицы (см. его изданную в 1989 году книгу «Письма о науке»). Тот факт, что эти письма произвели громадное впечатление на Сталина, вполне очевиден: Капица начиная с 1937 года отправил вождю более десятка писем, но только после двух последних впервые получил ответное послание, в котором было сказано: «В письмах много поучительного» (понятно, что в устах «Великого Учителья» эти слова имели чрезвычайно весомое значение).

Петр Леонидович в двух своих письмах говорил прежде всего о вреднейшей недооценке *отечественной* науки и техники, отмечая, в частности, что после 1934 года в Академии наук было создано всего лишь два научно-исследовательских института (ср. цитату из сталинской речи, произнесенной 9 февраля 1946 года, – в ней есть несомненный «отклик» на это место письма). Притом ученый не «побоялся» написать о причинах сей недооценки: «Это у нас старая история, пережитки *революции*» (выделено мною. – В. К.), хотя счел нужным тут же констатировать: «Война в значительной мере сгладила эту ненормальность». (Целесообразно в связи с этим сообщить, что Капица писал Сталину еще в декабре 1936 – январе 1937 года: «Все развитие нашей промышленности базируется на перенятии чужого опыта... в отношении прогресса науки и техники мы полная колония Запада», – писал, но не *отправил* это письмо, так как, по-видимому, не ожидал тогда, что будет понят.)

Вместе с письмом от 2 января 1946 года Капица прислал Сталину рукопись книги историка техники Л. И. Гумилевского «Русские инженеры», которая была создана по настоянию Капицы, а по распоряжению Сталина немедленно издана. «Из книги, – подводил итоги в письме Сталину Капица, – ясно: 1. Большое число крупнейших инженерных начинаний зарождалось у нас. 2. Мы сами почти не умели их развивать... 3. Часто причина неиспользования новаторства в том, что обычно мы недооценивали свое и переоценивали иностранное... сейчас нам надо усиленным образом поднимать нашу собственную технику... Успешно мы можем делать это только... когда мы, наконец, поймем, что творческий потенциал нашего народа не меньше, а даже больше других, и на него можно смело положиться». Нельзя не напомнить, что Капица с 1921-й по 1934 год жил и работал за рубежом и, следовательно, сопоставлял научно-технические «потенциалы» Запада и России с полным знанием дела.

Обратимся в связи с этим к истории *космонавтики**. Ее общепризнанным во всем мире основоположником был К. Э. Циолковский, родившийся в Рязанской губернии в 1857 году и уже в 1880-х начавший в городке Боровске Калужской губернии разработку космической программы, хотя первая его статья, посвященная этой теме, была опубликована только в 1903 году. С 1908 года начал свою деятельность последователь Циолковского Ф. А. Цандер (1887–1933), а в 1931 году его сподвижником стал С. П. Королев, впоследствии реализовавший долго казавшиеся фантазией проекты. И в 1933 году взлетел – пусть пока еще обладающий совсем незначительной мощностью – прообраз той ракеты, которая через 24 года, в 1957-м, вознесет в космос первый спутник, что поистине потрясет весь мир (русское слово «спутник» вошло тогда во все основные языки).

* Приношу благодарность начальнику отдела Летно-исследовательского института имени М. М. Громова Александру Александровичу Сахарову, который консультировал меня при подготовке нижеследующего раздела этого сочинения.

Вполне вероятно, что это событие могло бы состояться раньше, но космическая программа, зародившаяся именно в *России* и лишь позднее получившая развитие на Западе, не обрела достойной поддержки у властей. Напоминаю, что согласно «верховному указанию» отечественная наука и техника призваны «учиться» у американцев, и только возражение П. Л. Капицы («мы недооцениваем свое и переоцениваем иностранное») изменило положение дела.

Американский историк Д. Холловэй, тщательно изучивший научно-техническое развитие СССР, привел ряд фактов из истории нашей ракетной техники, которые, по его словам, «подтверждают мнение Капицы о том, что недоверие к советским ученым и инженерам было главной причиной того, что вклад Советского Союза в развитие принципиально новых технологий был столь незначительным... Идеи советских ученых и инженеров не получали должной поддержки до тех пор, пока они не подтверждались западным опытом»* (имеется в виду период до 1946 года). Приступив в начале 1930-х годов к реализации космической программы, С. П. Королев тем самым опережал Запад, что представлялось властям невероятным.

7 июня 1938 года, в период своего рода неуправляемой цепной реакции репрессий Сергей Павлович был арестован**. В ходе следствия ему было объявлено: «Нашей стране вся ваша пиротехника и фейерверки не нужны и даже опасны». Весной

* Холловэй Дэвид. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия. 1939–1956. Новосибирск. 1997, с. 200–201.

** История ареста и осуждения С. П. Королева ныне подробно выяснена. С 1934 года он работал заведующим отделом Реактивного научно-исследовательского института. Директором этого НИИ был Иван Клейменов, который ранее работал в Берлинском торгпредстве СССР. В 1937 году его сослуживец по торгпредству Мордех Рубинчик дал показания о вредительской деятельности Клейменова, и 1 ноября 1937-го тот был арестован, а 10 января 1938-го приговорен к расстрелу. Следователь НКВД Соломон Луховицкий изуверскими пытками заставил Клеменова дать показания о вредительской деятельности ряда сотрудников руководимого им НИИ и в том числе Королева. И хотя на суде Клейменов категорически отказался от этих показаний, Королев был арестован (см. об этом: «Военно-исторический журнал». 1989, №10, с. 82–83 и кн.: Альбац Евгений. Мина замедленного действия (Политический портрет КГБ).

1939 года Сергея Павловича отправили на Колыму, где он будет возить тачки с золотиносным песком в лагере Мальдяк...

Однако уже 13 июня 1939 года, когда он еще не доехал до лагеря, «дело» пересматривается, в ноябре Королева отправляют обратно в Москву, и вскоре он начинает работать в подведомственном НКВД конструкторском бюро, – правда, пока еще над проблемами реактивной авиации, а не космонавтики (по собственным словам Королева, он только с 1943 года «снова смог немного работать» в своей истинной сфере).

Из опубликованных до сего дня сведений не вполне ясно, почему в 1939 году произошел неожиданный поворот в судьбе С. П. Королева, но все же есть достаточные основания полагать, что это было вызвано имевшими место тогда первыми успехами в создании реактивных двигателей *на Западе*, в результате чего власть осознала значение «фейерверков» Королева.

8 1944-м Сергея Павловича освобождают, снимают судимость и награждают орденом, но лишь 8 августа 1946 года – то есть уже после цитированных выше писем Капицы Сталину – С. П. Королев был назначен Главным конструктором в научно-исследовательском институте, где смог непосредственно заняться проблемами космонавтики. Он приступил к своей работе в этом институте в начале 1947 года, а уже в 1957-м мощная ракета вознесла в космос первый спутник.

Эта победа не могла бы свершиться, если бы власть не приняла того решения о всемерной поддержке *отечественной* науки и техники, которое инициировал в своих цитированных «поучительных» письмах Сталину в конце 1945-го – начале 1946 года Капица.

Сошлюсь в связи с этим на весьма показательный факт. В конце 1944 года на нашей дальневосточной территории совершили вынужденную посадку мощные (прозванные «летающими крепостями») бомбардировщики США Б-29. И 6 июня 1945 года Сталин распорядился создать бомбардировщик, который должен был представлять собой точную копию американского. Это было поручено крупнейшему авиаконструктору А. Н. Туполеву, который пытался возразить Сталину, утверж-

дая, что «мы построим самолет лучше». Но Сталин, увы, не принял возражений. Насколько был прав Туполев, ясно из того, что в 1954 году он создал *первый в мире* – то есть вполне «оригинальный» – пассажирский лайнер Ту-104. Чтобы это произошло, отношение власти к отечественной науке и технике должно было коренным образом измениться.

Словом, как победа в войне, так и первостепенные достижения в научно-техническом развитии были обусловлены преодолением «отрицания» России с ее «проклятым прошлым», – преодолением, начавшимся в середине 1930-х годов и продолженным в послевоенное время.

Стоит еще сказать о том, что в начале 1990-х годов, в разгар всяческого принижения СССР, усиленно пропагандировалась версия, согласно которой атомная бомба была создана у нас в 1949 году только благодаря тому, что разведка «выкрала» в США ее «секрет». Мнение о решающей роли разведанных оспаривалось, однако истинная суть дела вовсе не в этом.

Ведь если даже и согласиться с тем, что вклад разведки имел огромное значение, необходимо понять и другую, гораздо более существенную сторону проблемы: без того мощного и широкого развития физики и химии в России, начало которому положил двумя столетиями ранее Ломоносов, любые разведанные были бы совершенно бесполезны!

Нет сомнений, например, в том, без наличия к 1940-м годам когорты выдающихся ученых и технологов, часть из которых, кстати сказать, начала свой путь в науке еще до 1917 года*, никакие добытые «секреты» ничего бы не дали.

Существен и тот факт, что атомная бомба была создана в СССР четырьмя годами позднее, чем в США, а термоядерная – всего лишь девятью месяцами позднее. Нельзя не задуматься и над тем, что Великобритания (хотя ее ученые имели теснейшие связи с США) отстала от СССР в создании атомной бомбы на три года и термоядерной – на четыре, а Франция – соответственно – на десять с лишним и на пятнадцать лет. Стоит

* Например С. И. Вавилов, А. Ф. Иоффе, Н. Н. Семенов, Д. В. Скобельцын, И. Е. Тамм, В. Г. Хлопин.

напомнить и о датах пуска первых АЭС: в СССР – 1954, в Великобритании – 1956, в США – 1957 год; в 1959 году в СССР спущен на воду первый в мире атомный ледокол. Не приходится уже говорить об отставании других стран мира. Подчеркну еще раз: тот факт, что в СССР были научно-технические предпосылки для создания за короткий срок атомной бомбы, имел гораздо более существенное значение, чем «секреты».

Словом, только отказавшись от «отрицания» России, страна смогла добиться великих побед и в мировой войне, и в мировом научно-техническом «соревновании». И то, и другое – ярчайшие проявления *целостного* развития страны. Так, Сталин в марте 1939 года – явно неожиданно для многих «ортодоксальных» большевиков – заявил в своем докладе на XVIII съезде партии, что у государства СССР должны «сохраниться некоторые функции старого (то есть дореволюционного. – В. К.) государства». Сказано это было в достаточно «осторожной» форме, но по существу тем самым кардинально ревизовалась послереволюционная политическая теория и практика.

Весьма показательна «ревизия» отношения к Церкви. Господствует представление, что она произошла во время Отечественной войны ради мобилизации священников и их паствы на борьбу с врагом. Но недавно был опубликован подписанный Сталиным текст постановления Политбюро от 11 ноября 1939 года, в котором, в частности, содержится следующий весьма выразительный пункт: «Указание товарища Ульянова (Ленина) от 21 мая 1919 года... “О борьбе с попами и религией”... отменить» (см.: «Наш современник», 1999, №12, с. 223).

«Поворот», начавшийся в середине 1930-х годов, был всецело закономерным явлением: после любой революции через некоторое время совершается *реставрация*, как бы восстановление утраченного прошлого, – правда, именно «как бы», поскольку реально восстановить прошлое невозможно, и дело идет, выражаясь точно, о восстановлении не прошлого, а *связи* с ним, о *продолжении* того ценного, что развивалось в прошлом.

И нельзя не видеть, что именно стремление восстановить связь с прошлым характерно для 1991-го и последующих годов: оно вполне наглядно выразилось в восстановлении дореволюционного флага, герба и т.д., даже – ни много ни мало – монументального храма Христа Спасителя в центре Москвы.

Как ни парадоксально это прозвучит, но нынешняя власть, идеологи которой более всего проклинают именно период нашей истории, начавшийся в середине 1930-х годов, вместе с тем в сущности стремится продолжить, довести до конца начатый тогда «реставрационный» процесс!

Однако теперешняя «реставрация» имеет, строго говоря, чисто формальный характер, ибо для нее нет *реальной* основы и почвы. Достаточно сказать, что если в середине 1930-х годов значительно *более половины* взрослого населения СССР составляли люди, родившиеся до 1900 года*, то есть ставшие взрослыми еще в Российской империи, то к 1991 году таких людей, за исключением крайне немногочисленных долгожителей, не было. Общепринято, что смена *поколений* происходит через тридцать лет, и, следовательно, к нашему времени сменились три «*постреволюционных*» поколения (первое из них родилось до 1917 года, но достигло взрослости уже после него). И реально восстановить связь с *прадедовским* бытием и сознанием немислимо.

Нередко утверждают, что такую связь способна осуществить наша Церковь, которая – несмотря на все гонения и запреты – и в советское время все же *жила*. Но это едва ли основательное предположение, ибо для исполнения такой задачи Церковь в сущности должна была бы отказаться от своей истинной миссии. Конечно, за более чем тысячелетнюю историю нашей Церкви те или иные ее деятели неоднократно «вмешивались» в «мирские» дела, но это были проявления именно

* Напомню, что, скажем, почти все главные полководцы Отечественной войны родились не позднее 1898 года и начали свой боевой путь в 1914–1916 годах в старой, «царской» армии (от маршала Б. М. Шапошникова, родившегося в 1882 году, до маршала Р. Я. Малиновского, родившегося в 1898-м).

их воли, но не воля Церкви как таковой. Ибо Церковь может и должна благоустраивать *отношения между людьми*, воплощая в себе *связь людей с Богом*, а не воздействуя непосредственно на их мирские отношения.

Доказательство правоты такого решения вопроса – тот факт, что на протяжении тысячелетия отношения между людьми неоднократно претерпевали кардинальные изменения, но Церковь оставалась в своей основе неизменной, и, собственно говоря, именно поэтому в ней и усматривают силу, способную восстановить связь с дореволюционной Россией, – не задумываясь о том, что, занявшись этим делом, Церковь утратила бы свою истинную сущность...

Словом, нынешние идеологи (кстати сказать, самых различных направлений), усматривающие выход в «возврате» к тому бытию и сознанию страны, которые были реальностью восемьдесят с лишним лет назад, – чистейшие утописты. И особенно прискорбно, что эта утопическая программа побуждает, даже заставляет ее сторонников с особенной решительностью и последовательностью настаивать на *отрицании* бытия и сознания страны между 1917-м и 1991 годом. Они, как ни удивительно, не осознают, что вполне уподобляются тем проклинаемым ими идеологам, которые после 1917 года отрицали предшествующую историю России!

Этих нынешних утопистов, собственно говоря, даже трудно понять. Их экстремизм, или, если выразится попросту, оголтелость, объясним только полным нежеланием считаться с реальностью. И они, увы, заглушают голоса тех своих вполне либеральных коллег, которые все же сохраняют разумность.

Так, например, ленинградский (теперь, понятно, петербургский) писатель Даниил Гранин вполне определенно высказался еще в 1994 году: «Изничтожается ленинградское во имя петербургского. Оборвалась цепь времени, и культура оказалась беззащитной. От нее ждут нового слова, но новое появляется не на кладбище, а вынашивается в утробе уходящего.

Критиковать прошлое естественно и необходимо. Но отказаться от советского наследия – *варварство* (выделено

мною. — В. К.). Культура-нувориш становится беспризорной, утверждает себя террором...

История не терпит обрывов... Петербургу придется осваивать Ленинград, включать в себя, сохранять и защищать лучшее, что было в нем» (журн. «Российская провинция», 1994, №5, с. 9).

Нетрудно предвидеть возражение: мне скажут, что после 1917-го страна переживает безмерно трагедийную эпоху. И, конечно же, это безусловно верно по отношению к времени до начала 1950-х или даже начала 1960 годов (вспомним о расстреле жителей Новочеркасска в 1962 году).

Но, во-первых, «отрицание» неправомерно распространяют и на три десятилетия, предшествовавшие 1991 году, — десятилетия, в продолжение которых в стране было не больше, или даже меньше, трагических событий, чем, скажем, в тогдашней истории США, Франции, Великобритании и т.д. Да, в тот период разразилась наша война в Афганистане, однако войны Франции и, затем, США в Индокитае, а также французская война в Алжире имели более кровопролитный характер. Кроме того, у нас не было целой цепи политических убийств (точнее, их у нас вообще не было в те десятилетия), как в США, — в частности, убийств людей, отстаивавших права «нацменьшинств», — и гибели людей в конфликтах, подобных испано-баскскому, англо-ольстерскому и т.п. Не приходится уже говорить о тогдашних гибельных гражданских войнах во многих странах Азии, Африки, Южной и Центральной Америки. И, если подойти к делу беспристрастно, нельзя не признать, что в тридцатилетний период перед 1991 годом СССР являл собой *одну из самых «мирных»* стран. Между тем, повторяю еще раз, многочисленные идеологи пытаются внушить людям, что все время с 1917-го по 1991-й было беспрерывной трагедией.

Во-вторых, *трагедия* — если основываться на исканиях мировой философии и богословия — неизбежное, неотвратимое и в самой основе своей глубоко противоречивое, не подвластное прямолинейному пониманию и односторонней оценке явление человеческого бытия. В трактовке многих нынешних

идеологов трагедийный период нашей истории имеет унижающее или даже позорящее нашу страну значение; некоторые из них, говоря, что в 1917 году Россия «взошла на Голгофу», странным образом не вдумываются в истинный смысл этого речения, подразумевающего не только унижение и смерть, но и величие и воскресение...

Судьба страны воплощается в судьбах отдельных людей. И напомним о судьбах К. К. Рокоссовского и С. П. Королева. Оба испытали унижительную и, в сущности, сдвигавшую человека на самую грань смерти долю репрессированных. Но Константин Константинович стал затем одним из двух главных и наиболее прославленных полководцев Великой Отечественной (именно он командовал Парадом Победы), а Сергей Павлович – Главным конструктором космической программы, обретшим наивысшую всемирную славу. И, как представляется, в наше время еще крайне трудно или даже вообще невозможно четко сформулировать «приговор» об этих человеческих судьбах, то есть придти к их «точным», непротиворечивым пониманию и оценке. Но это относится и к судьбе нашего народа в целом...

* * *

Как уже сказано, восстановить «связь времен», обращаясь к отделенной от нас жизнью трех человеческих поколений Российской империи, невозможно; перед нами в полном смысле слова утопическая программа, которая и возникла-то главным образом в силу тотального «отрицания» периода 1917–1991 годов. Повторю еще раз, что идеологи, которые призывали и призывают «вернуться» в дореволюционную Россию, тем самым обнаруживают свое понимание необходимости «связи времен», немыслимости заново начинать бытие страны с некоего «нуля», не опираясь на фундамент ее истории. Это, о чем уже не раз говорилось, поняла в свое время, в середине 1930-х годов, и большевистская власть, несмотря на свое предшествующее безоговорочное отрицание дореволюционной России, которое длилось почти два десятилетия.

Радикальные идеологи нынешней власти уже почти десять лет «отрицают» все совершившееся в стране до 1991 года, но есть основания полагать, что этому приходит конец. Ибо стремление этих идеологов исходить не из фундамента, или, вернее, почвы предыдущей истории страны, а конструировать новый фундамент по западным образцам (то есть они, в сущности, пытаются опереться на историю других стран!) все более ясно обнаруживает свою полнейшую бесперспективность.

Глава 5. Страна-семья или страна-рынок?

Один из наиболее ярких и глубоких современных публицистов, Сергей Кара-Мурза, говоря о коренном отличии Запада от России, определил основу бытия первого словом «рынок», а второй – словом «семья»¹⁷. В связи с этим возможны, правда, известные сомнения. Во-первых, определение «семья» выглядит не очень «научно»; но, как сказано полтора века назад великим поэтом, «умом Россию не понять» (имелся в виду, очевидно, «ум» науки). А, во-вторых, сведение основ жизни людей Запада к «рынку» вроде бы означает – по крайней мере на наш русский взгляд – «принижение», даже чуть ли не оскорбление... Однако рынок (в *научном* значении слова) отнюдь не сводится к «низменным» актам «купли-продажи». Речь идет об осуществляемом людьми *обмене* плодами своей многообразнейшей деятельности (включая и высшие виды творчества), который к тому же с необходимостью подразумевает полноценный *демократический* порядок в стране, обеспечивающий (хотя бы в принципе) каждому из участников этого обмена равные возможности. Конечно, рынок – как, впрочем, и любой феномен человеческого бытия – имеет свои негативные стороны и качества, но свойственное иным заостренно-патриотическим настроенным авторам превращение его чуть ли не в царство зла и порока – попросту несерьезное занятие. Человек, обретший богатство в условиях развитой рыночной демокра-

тии, имеет все основания гордиться собой, ибо это богатство в конечном счете означает, что плоды его деятельности высоко оценены *добровольно* отдававшими за них свои деньги согражданами.

Далее, нельзя не сказать и о том, что *семья* вовсе не представляет собой – хотя многие думают иначе – некое, в принципе, «позитивное» явление. Значительная часть (если не большинство) человеческих семей переживает острые и тяжкие конфликты, в их историях присутствуют или даже преобладают зло и порок. Русская литература создала целый ряд великих повествований об истории семей – от «Семейной хроники» Аксакова до «Братьев Карамазовых» Достоевского, – и в этих повествованиях явлены отнюдь не идиллические картины. Но главное в другом. Как уже не раз говорилось в этом моем сочинении, при целостном, «глобальном» сопоставлении цивилизаций Запада и России «оценочный» подход неизбежно ведет ко всякого рода упрощениям или даже прямым искажениям существа дела. И я буду стремиться беспристрастно рассуждать о феноменах «страна-рынок» и «страна-семья».

Для начала обращу внимание на сочинение убежденного сторонника рынка – видного современного предпринимателя А. С. Паникина. Оно было опубликовано в 1997 году в журнале «Новый мир» (№11 и 12) под названием «Записки русского фабриканта»; в 1998 году вышло его дополненное книжное издание «Шестое доказательство».

А. С. Паникин родился в 1950 году в малоимущей семье, начал жизненный путь в качестве слесаря, но уже к середине 1970-х занялся разного рода «предпринимательством», преодолевая неизбежные тогда труднейшие препятствия. В 1988-м он создал крохотное поначалу текстильное предприятие, которое к нашему времени стало мощным концерном «Панинтер», производящим, помимо одежды, молочные продукты, а также имеющим свое издательство.

Рассказывая о своем жизненном пути, А. С. Паникин благодарно поминает множество людей, которые бескорыст-

но оказывали ему поддержку и помощь. Это и мальчик по кличке Фролик, который спас его, тринадцатилетнего, от нападения подростковой банды («поведение Фролика казалось необъяснимым... защитил новичка, незнакомого человека»), и «инвалид без обеих ног Славский», согласившийся безвозмездно давать незнакомому юноше уроки профессиональной игры на гитаре, и т.д.

А вот начало предпринимательской деятельности: «...недавний знакомец Виктор открыл все секреты, все тонкости... Его жест казался мне необъяснимым. Он поступил вопреки коммерческой логике... я все же становился конкурентом». И еще менее объяснимая «милая пожилая женщина», бесплатно доставившая (малыми порциями) сотню килограммов необходимого для производства вещества: «Скорее всего, ей был интересен сам процесс участия в каком-то живом, человеческом деле».

И «главный архитектор Москворецкого района», предоставивший начинающему фабриканту помещения площадью в 330 кв. метров, за что «ничего не просил, помог как союзник» (союзник по духу, а не по взаимовыгодному делу). И чиновник (которых автор, вообще-то, весьма не жалует) Лебедев, который «невероятным ухищрением добился передачи склада нам», и «он был не единственным официальным лицом, оказавшим бескорыстную помощь».

А когда А. С. Паникин решил обзавестись подмосковным имением, где собирался построить молокозавод, директор местного совхоза «из доброго отношения... был готов нарезать участок рядом с деревней, где газ и вода». И еще о рабочих, строивших фабрику: «... энтузиазм как на ДнепроГЭСе», а когда случился пожар, «рабочие без специальной страховки, не слушая меня... лезли наверх, резали автогеном металл, оберегая оборудование...» и т.д. и т.п.

А. С. Паникин объясняет все описанное присущим русским людям «идеализмом», побуждающим их к действиям, не сулящим никакой материальной выгоды. И он говорит не только о том, что без этого «идеализма» окружавших его лю-

дей ему лично не удалось бы сделать ничего из задуманного, но и заключает свое сочинение утверждением, что вера в будущее России уместна лишь постольку, поскольку «несмотря на все издержки и поражения... мы сохранили... стремление к идеальному».

Мне представляется, что более правильно видеть в России не «страну идеалистов», а «страну-семью», члены которой помогают друг другу (хотя, конечно, не все и не всегда!) бескорыстно, не преследуя прагматических целей.

Могут возразить, что А. С. Паникину подобная помощь была необходима из-за того экономического и политического строя, который господствовал в стране до конца 1980-х годов и очень значительные «пережитки» которого существуют и сегодня. Вот если бы страна, скажут мне, являла собой всецело свободный рынок, будущий фабрикант добился бы своего (пусть и ценой напряженнейших усилий) без «семейной» помощи.

Но нельзя не обратить внимания на тот факт, что, согласно убеждению самого А. С. Паникина, будущее России немыслимо без «идеализма» ее граждан! А ведь рынок, напротив, подразумевает – что невозможно оспорить – последовательный «материальный» прагматизм всех и каждого...

Впрочем, и тут не исключено возражение. В самой, пожалуй, «рыночной» стране – США – огромное значение имеет комплекс представлений, называющийся «американской мечтой» («The American Dream») и не чуждый определенного «идеализма». Один из компонентов этой «мечты» – вера в то, что любой гражданин США имеет возможность добиться самого высокого положения в своей стране.

Юридическое равенство людей – правда, только *белых* – было утверждено в самом начале истории государства США, и ярчайшими примерами этого равенства являются, скажем, судьбы Авраама Линкольна (1809–1865), который начал свой жизненный путь поденщиком (то есть батраком) на ферме и стал президентом страны, и Джона Форда (1863–1947), начавшего жизнь «учеником механика» (по-русски –

подмастерьем) и ставшего хозяином гигантской автомобильной корпорации.

Но следует поразмыслить о причинах американского «культа» таких человеческих судеб. Дело в том, что, во-первых, преобладающее большинство президентов и мультимиллионеров США начинало не «с нуля», а опиралось на успехи, достигнутые их отцами, дедами и т.д., а, во-вторых, в России, несмотря на юридическое *бесправие* основной массы ее населения, имели место не менее или даже более паразитические «карьеры».

Характерно, что, в отличие от США, особого восхищения судьбы таких людей у нас не вызывают. Если сообщить кому-либо о наших вроде бы невероятных карьерах, можно в ответ услышать примерно следующее: «Ну и что? Чего только не бывает!» – имеется в виду, бывает в России... И американский культ людей, поднявшихся из низов на самые верхи, объясняется, очевидно, тем, что в условиях жесткой или даже жесточайшей конкуренции для подобного «взлета» в «стране-рынке» необходимы поистине исключительные способности и энергия.

Но обратимся к «бесправной» России и вспомним, что *вторым* по значению лицом при царе Алексее Михайловиче – Патриархом Всея Руси Никоном – стал (и всего лишь на пятом десятке лет) сын мордовского крестьянина Никитка Минов, а при императоре Петре I – сын конюха, Алексашка Меншиков, обретший к тридцати годам титул «светлейшего князя», а затем и «генералиссимуса»... Могут возразить, что эти беспрецедентные карьеры – результат «капризов» самодержцев, но в России были и такие «взлеты», которые нельзя истолковать подобным образом.

Знаменитый в свое время литературный, научный и государственный деятель А. В. Никитенко (1804–1877) родился в семье крепостного украинца (тогда – малоросса) и только в *двадцатилетнем* возрасте получил «волю», и тем не менее вскоре же поступил (без гимназического образования!) в Петербургский университет. Достоверно известно, что способному и энергичному юноше оказывали помощь различные имев-

шие влияние люди, которые, надо думать, видели в нем как бы члена своей «духовной семьи».

И этот «раб» достиг 3-го по рангу (фактически даже 2-го, ибо 1-й имел тогда всего лишь один человек) государственного чина тайного советника, удостоился звания действительного члена Императорской Академии наук (более того – стал членом управлявшего ею Комитета), был председателем Общества любителей российской словесности, стал «потомственным дворянином», «на равных» общался с князьями-рюриковичами П. А. Вяземским и В. Ф. Одоевским и т.д. и т.п. И это вовсе не единичная судьба: крепостными начали жизнь современники Никитенко – прославленный историк академик М. П. Погодин, видный писатель и литературный деятель Н. Ф. Павлов и др.

Что же касается крупнейших промышленников России, *большинство* из них начало своей путь как крестьяне, – в том числе и крепостные. Так, знаменитый С. Т. Морозов (1770–1862) только в пятьдесят лет «выкупил» себя и сыновей у помещика, но к этому времени он уже владел крупнейшими текстильными фабриками. Важно отметить, что Морозов, как и целый ряд других богатейших российских предпринимателей своего времени, принадлежал к *старообрядцам*, которые подвергались тяжким притеснениям со стороны Церкви и государства, но именно это особенно усиливало в них «семейный», «братский» дух, выражавшийся во всесторонней взаимопомощи*.

Нельзя отрицать, что абсолютное большинство населения России не имело тех прав, которыми обладали граждане стран Запада, и, между прочим, один из главных лозунгов В. И. Ленина – «борьба с российским бесправием». Однако отец Ленина, И. Н. Ульянов (1831–1886), родился в семье *беглого крепостного*, который к тому же умер, когда его сыну Илье было всего пять лет. И нашлись люди – в частности, влиятельный астраханский протоиерей Николай Ливанов, – которые помогли отцу Ленина окончить на казенный счет гимназию и

* Характерно, что владельцы крупных предприятий России, вознамерившись «похвалить» себя, говорили не о величине своего капитала, а о том, сколько людей «кормят» их предприятия.

университет, и он за свою не столь уж долгую жизнь достиг чина действительного статского советника (то есть штатского генерала), должности директора народных училищ губернии и звания потомственного дворянина...

И подобные судьбы вовсе не были редкостью. Отец моей матери В. А. Пузицкий (1863–1926) родился в семье беднейшего ремесленника, обитавшего в захолустном городишке Белый Смоленской губернии (туда, между прочим, даже и сегодня не ведет железная дорога...). Но из его сохранившейся юношеской записной книжки ясно, что целый ряд более или менее влиятельных людей помог ему окончить Смоленскую гимназию и Московский университет, и он, как и отец Ленина, стал действительным статским советником и потомственным дворянином, а также инспектором одной из лучших московских гимназий (2-й мужской), издал несколько учебников и т.п.

Это, впрочем, примеры не столь уж значительных «карьер». Но вот сын солдата М. В. Алексеев (1857–1918), который на шестом десятке лет стал начальником штаба Верховного Главнокомандующего – то есть вторым лицом в армии России, – или сын крестьянина И. Д. Сытин (1851–1934), ставший хозяином самого крупного в России издательского концерна.

По всей вероятности, любой поднявшийся из «низов» человек в России не обошелся без бескорыстной помощи, подобной той, которую оказывают друг другу члены семьи. Словом, та поддержка даже малознакомых людей, о которой рассказал в своем сочинении А. С. Паникин, уходит глубокими корнями в историю России – «страны-семьи».

Предвижу чье-либо возмущенное отрицание: как можно называть «семьей» страну, зная о беспощадном подавлении и массовой гибели ее «детей» в гражданскую войну 1918–1922 годов и последующие годы?!

Но, во-первых, как уже сказано, не следует «идеализировать» сам феномен «семья» (в собственном значении слова), ибо в семьях нередко разражаются самые жестокие – вплоть до убийства ближайших родственников – конфликты, а, во-вторых, суть дела после 1917 года была не в том, что страна

утратила свою «семейственность», а в том, что она переживала революционный катаклизм, который, помимо прочего, *взорвал* изнутри многие семьи в собственном смысле слова, – как это присуще *любой* революции. Так, например, виднейший французский поэт конца XVIII века Андре Шенье отверг якобинскую диктатуру, и его родной младший брат, писатель и публицист Жозеф Шенье, яростно изобличал его, способствуя казни, постигшей Андре в 1794 году...

И, конечно, в России внутрисемейные расколы после 1917 года имели самый широкий характер. Мой упомянутый дед был и остался до конца жизни убежденным монархистом и консерватором, а его старший сын С. В. Пузицкий (1893–1937), к ужасу отца, стал большевиком и деятелем советской контрразведки, – причем дослужился до комкора, то есть генеральского чина.

Были и более удивительные семейные расколы; в конце концов, отец и сын – люди разных поколений, но вот родные братья: Генштаба генерал-лейтенант К. К. Баиов, *добровольно* вступивший в Красную Армию и в 1918 году ставший «военным руководителем» одного из важнейших *Московского района обороны*, и генерал-майор А. К. Баиов, оказавшийся в Белой армии и даже много позднее сотрудничавший в одном из наиболее заостренно «антисоветских» журналов эмиграции – «Часовом».

И, конечно, в первое послереволюционное время не только сами семьи, но и вообще «семейная» основа страны в целом подверглись тяжким испытаниям, что ярко выразилось в своего рода отлучении от «семьи» людей, принадлежавших ранее к более или менее привилегированным слоям населения и объявленных «*лишенцами*». Но с середины 1930-х годов разного рода «ограничения» для таких людей начинают отменяться.

Выше говорилось о поднявшихся до революции из самых низов начальнике штаба Верховного Главнокомандующего Алексееве и крупнейшем издательском деятеле Сытине. В послереволюционное время имели место как бы «наоборотные» судьбы: Генштаба полковник царской армии Б. М. Шапошни-

ков (1882–1945), который вроде бы должен был оказаться «лишенцем», стал маршалом и достиг должности начальника штаба Верховного Главнокомандующего (кстати, даже превзойдя в чине Алексеева, который не стал фельдмаршалом), а граф А. Н. Толстой (1882–1945) был одним из «главных» писателей, депутатом Верховного Совета СССР и академиком.

В 1935 году Андрей Платонов внес в записную книжку следующее заключение: «Истина в том, что в СССР создается семья...»* (может быть, правильнее было бы написать «*воссоздается*»). Он, правда, добавил к этому слова, которые теперь могут вызвать негодование многих: «Сталин – отец или старший брат всех» (там же).

Но Сергей Кара-Мурза, со ссылки на статью которого я начал эту главу моего сочинения, резонно писал, что если отец семьи (в собственном значении этого слова) – *тиран*, она от этого не перестает быть *семьей*... И еще раз подчеркну: называя страну «*семьей*», я отнюдь не даю ей «оценку»; семья может быть и дурной, и хорошей, но главное в понимании основы ее бытия, а не в том, «лучше» или «хуже» она, чем «страны-рынки».

Как это ни прискорбно и даже дико, те или иные западные авторы более адекватно судят о России, нежели господствующие в современных российских СМИ идеологи. Так, один из главных американских специалистов по истории России, Ричард Пайпс, весьма основательно изучивший те гораздо более неблагоприятные, в сравнении со странами Запада, климатические (и – шире – геополитические) условия, в которых было обречено развиваться наше сельское хозяйство, сделал следующий вывод: «...российская география не благоприятствует единоличному земледелию... климат располагает к коллективному ведению хозяйства»**, – имея в виду, понятно, и восходящие к древности крестьянские общины, и послереволюционные колхозы.

* Платонов Андрей. Записные книжки. Материалы к биографии. Составила Н. В. Корниенко. М., 2000, с. 157.

** Пайпс Ричард. Россия при старом режиме. М., 1993, с. 30.

Между тем множество туземных идеологов тупо твердит о том, что все наши сельскохозяйственные проблемы будто бы решило бы превращение колхозников в «фермеров» западного образца...

Как уже упоминалось, едва ли не основной вдохновитель нынешних «реформаторов», американец Джеффри Сакс, в конце концов пришел к безнадежному умозаключению, что у России «другая анатомия». Вполне уместно истолковать это так: у России не рыночная, а семейная «анатомия» (что по-своему подтверждает и сочинение А. С. Паникина).

Рискуя надоесть читателям, я все же считаю нужным еще раз повторить, что отнюдь не вкладываю в слова «семья» и «семейная» *позитивный* смысл; та же крестьянская общинность была порождена в конечном счете не нравственными принципами, а жизненной необходимостью, — хотя вместе с тем она, конечно, соотносилась с православной этикой. К тому же помощь друг другу подразумевала взаимопомощь: тот, кто воспринимал окружающих «по-семейному», естественно, ожидал, что и они воспринимают его так же.

Особенно существенна проблема «семья» и «власть». С самого начала истории Руси власть не могла не быть принципиально более твердой и всеобъемлющей, чем в странах Запада, и едва ли не все пришельцы из этих стран на протяжении веков не без оснований называли эту власть «деспотической». Характер власти определялся и гораздо более неблагоприятными, чем на Западе, географическими и геополитическими условиями России, и ее изначальной многоэтничностью, и чрезвычайным многообразием даже и русско-го ее населения (скажем, северные поморы и южные казаки отличались друг от друга не меньше, чем какие-либо самостоятельные народы) и т.п. И необходимое государственное единство было немыслимо без твердой единой власти (между прочим, ныне, после десятилетнего опыта «реформ», преобладающее большинство их идеологов «антигосударственного» толка явно осознает это).

«Семейность» представляла собой, помимо прочего, существенный «противовес» власти, — что вполне очевидно выражалось, например, в семейной спайке и притесняемых старообрядцев, и преследуемой за «вольнодумство» интеллигенции.

Но наиболее важно для нашей темы другое. В начале главы было упомянуто, что «страна-рынок» подразумевает полноценные демократические порядки; общепринято словосочетание «рыночная демократия», имеющее в виду неразрывность обеих сторон обозначаемого явления. Но эта система несовместима с «семейностью» (разумеется, в общественном, а не в кровно-родственном плане); закономерно, что термин «семья» в США применяется обычно к группировкам действующей *за пределами* рыночной демократии мафии...

И едва ли можно оспорить утверждение, что для превращения России в рыночную демократию необходимо «переделывать» ее всю «до основания» (как поется в «Интернационале»).

А это имеет в виду чреватое абсурдностью предприятие, ибо дело идет, в сущности, о том, чтобы строить «новую» Россию не на основе ее *собственной* истории, а *на основе истории стран Запада*. Как ни «легкомысленно» все это звучит, одни идеологи «реформ» предлагают взять за образец для России США, другие — ФРГ, третьи Японию (которую к тому же безосновательно отождествляют со странами Запада); в последнее время в качестве «образца» выдвигают Чили(!)* и т.п.

В 1992 году строить рыночную демократию взялись вчерашние деятели КПСС, что, если не стесняться в выражениях, является попросту комичным. Правда, иные из этих деятелей вскоре стали «олигархами», но в высшей степени показательное, что им подчас запрещают въезд в настоящие страны рыночной демократии!

* Эту страну преподносят как наилучший для нас «пример», ибо в ней, мол, был в 1973 году ликвидирован социализм и затем построена рыночная демократия. Однако считающийся социалистическим режим Альенде продержался в Чили менее трех лет, а не три четверти века, как в России, и поэтому предлагаемое сопоставление поистине нелепо.

Феномен, называющийся «теневой экономикой», существует и на Западе, присутствовал он также и в СССР (как выясняется теперь по рассекреченным документам – даже и в сталинские времена!), но рыночно-демократический строй по сути дела имеет с «теневой экономикой» *меньше общего*, чем с планово-социалистической, с которой он ведь в свое время завязывал достаточно широкие взаимоотношения. Ибо, при всем «волонтаризме» социалистической экономики, она все же соблюдала определенные юридические (в том числе международные) нормы, а «теневая» вообще пребывает «вне закона», что полностью противоречит основам рыночной демократии.

И, если рассмотреть положение объективно, в России в 1990-х годах шел процесс не создания рыночной демократии, а *легализации теневой экономики*. Так, широко разрекламированные «братья Черные» (ранее – граждане СССР, потом Израиля или, может быть, – это, впрочем, не столь уж важно – имеющие двойное гражданство) прибрали к рукам крупнейшие предприятия по производству алюминия (по последним сведениям, их предприятия перешли в другие руки – но это опять-таки не имеет значения). СМИ неоднократно восхваляли этих «братьев» за то, что они, во-первых, обеспечивают заработком множество граждан страны и, во-вторых, платят российскому государству немалые налоги.

Но в упоминавшейся выше замечательной книге А. П. Паршева вскрыта истинная суть этого «предпринимательства», которое фактически представляет собой поистине грандиозное *ограбление* страны. Дело в том, что эти самые «братья» продавали произведенный на их предприятиях алюминий на западном рынке. А производство алюминия требует громадных затрат электроэнергии – 18 тысяч киловатт-часов на одну тонну металла, и алюминий – это как бы *материализованное электричество*. Но «братья» платили по российским ценам 1–3 цента за киловатт-час электроэнергии, а на Западе этот киловатт-час стоит 12–15 центов, и энергетические затраты, естественно, включаются в цену алюминия на

западном рынке*. То есть «предприниматели», в сущности, занимались невероятно выгодной *перепродажей* российской электроэнергии. И есть все основания полагать, что подобной перепродажей энергии занимались и занимаются многие нынешние «предприниматели».

Естественно может возникнуть вопрос: почему бы цены на электроэнергию в России не поднять до западного уровня? Но это в самом прямом смысле слова *невозможно*, ибо абсолютное большинство потребителей электроэнергии не имеет соответствующих денежных средств**. И описанный «алюминиевый» казус наглядно обнаруживает не только тот факт, что происходит дичайшее ограбление страны, но и в сущности еще более важное: полную *иллюзорность* представления, согласно которому в России якобы развивается рыночная экономика в западном значении слова.

Ведь электроэнергия – одна из фундаментальных основ современной экономики, а получается, что она находится у нас *вне* рынка, ибо цена на нее по сути дела «символическая», а не реальная – в среднем в 7,5 раза ниже, чем должно быть.

Выступая 14 апреля текущего года в телепрограмме «Герой дня», нынешний управляющий электроэнергетикой Чубайс объявил, что надеется добиться повышения цены на электроэнергию на 30–40, а затем и на 50–60%. Но даже если это и произойдет, цена не перестанет быть «символической», ибо все равно будет в 5–6 раз меньше рыночной...

Отдавая себе отчет в том, что электроэнергетика в ее естественной неразрывной связи с энергетикой в целом (добычей нефти, газа, угля) представляет собой основу экономической жизни страны, нельзя не прийти к следующему выводу.

Изложенные сведения о ценах на электроэнергию показывают, что страна, в общем и целом, живет так же, как она

* Паршев А. П. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. М., 2000, с. 77, 117.

** Население Москвы платит за «бытовое» потребление электроэнергии 1 цент за киловатт-час – 28 копеек¹⁸ (при курсе 28 копеек за 1 цент), а различные московские предприятия – от 55 до 72 копеек (то есть от 2 до 2,5 цента).

жила до *«реформ»*, – хотя, конечно же, уровень и качество жизни преобладающего большинства ее населения значительно или резко понизились. Любые затрачивающие большое количество энергии предприятия – независимо от того, стоят ли во главе их владельцы или директора (которые в нынешних условиях имеют возможность назначить себе любую зарплату), – надежно *«защищены»* от мирового рынка беспрецедентно низкими ценами на энергию, которые по сути дела сопоставимы с ценами в бывшем СССР.

К этому необходимо добавить, что затраты энергии на единицу продукции* в России – в силу гораздо более сурового, чем на Западе, климата, заставляющего расходовать огромное количество энергии на отопление, господство *сухопутной* транспортировки, потребляющей гораздо больше энергии (водные пути действуют в России только примерно полгода), и т.д. – в общем в 3–4 раза выше, чем на Западе (см. об этом в указанной книге А. П. Паршева).

И если цены на энергию повысить до мирового уровня, стоимость любого энергоемкого товара (а также разнообразных услуг) окажется гораздо выше мировой, – притом речь идет вовсе не о внешнем, а о *внутреннем*, российском рынке. Конечно, при этом станет убыточным и упомянутый выше «экспорт» – то есть сократится нынешнее ограбление страны; однако это не может «утешить», ибо одновременно станут убыточными – неспособными конкурировать с зарубежными товарами на *своем*, внутреннем, рынке – едва ли не все отечественные предприятия.

Вернусь еще раз к сверхприбыльной перепродаже на Запад электроэнергии под видом алюминия. Сам факт не только возможности в стране подобной дикой аферы, но и одобрение его в «демократических» СМИ говорит о том, что в сфере внешней торговли создалось поистине нетерпимое положение. У меня нет данных для того, чтобы квалифицировать все нынешние внешнеторговые операции вообще как

* Паршев А. П. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. М., 2000, с. 77, 117.

широкомасштабный грабеж страны. Но описанный алюминиевый «бизнес» смог иметь место (и даже превозноситься!) лишь в заведомо «ненормальной» ситуации, – притом ненормальной не только с точки зрения интересов России, но даже и с точки зрения интересов западной экономики. Ведь пресловутые «братья», не соблюдая «правил игры», далеко обскакали западных производителей алюминия, получая громадную сверхприбыль там, где другие довольствовались обычной.

Тем более возмущает это положение таких отечественных предпринимателей, которые действительно стремятся развивать экономику страны. В своей недавней книге «Человек и государство» (М., 1999) А. С. Паникин, не стесняясь в выражениях, говорит о нынешней ситуации: «...вокруг разоренная Россия... номенклатурные хари, ставшие несметно богатыми, и кучка олигархов, которые смеются над страной, сидя за ширмами на мешках с золотом...» И он – фабрикант, а не рабочий, приверженец «Трудовой России»¹⁹, – считает необходимым сурово наказать всех этих лиц, добавляя следующее: «Конечно, репрессии имеют тенденцию двигаться дальше, самостоятельно набирая обороты, захватывая все новые и новые пласты. Но ситуация в России не позволит сделать это» (с. 49, 50), – то есть репрессии, по его убеждению, постигнут действительных преступников.

И вместе с тем этот энергичнейший человек, сумевший за короткий срок создать мощное предприятие, в своих *обобщающих* суждениях (о конкретных – ниже) явно и резко переоценивает «рыночные» перспективы России.

На его взгляд, государство должно расправиться с грабителями страны, предоставить полную свободу действий таким предпринимателям, как он сам, и Россия за короткое время войдет как мощная сила в мировой рынок. Правда, он делает одну «оговорку», которая может показаться не столь существенной, но в действительности имеет кардинальное значение.

«Для значительной части территории России, – пишет А. С. Паникин, – характерны относительно малая плодород-

ность земли, короткий цикл сельскохозяйственных работ (120–130 дней) и низкая плотность населения... Бесперспективно строить отношения с селом на чисто рыночных условиях... Сейчас в России частная собственность на землю с полной свободой ее отчуждения вовсе не обязательна, а может быть и вредна».

Стремясь, по-видимому, оправдать себя в глазах бескомпромиссных «рыночников», А. С. Паникин добавляет – и совершенно справедливо, – что отсутствие «чисто рыночных условий» в сельском хозяйстве – «это не российская специфика – все развитые (именно и только развитые. – В. К.) страны оказывают своему аграрному сектору финансовую и таможенную* поддержку».

Но тут встают непростые вопросы. Во-первых, «поддерживаемое» сельское хозяйство Запада существует в гораздо более благоприятных климатических, почвенных и т.п. условиях, и для того, чтобы наше сельское хозяйство могло хоть в какой-то степени соперничать с ним, нам необходима гораздо, даже неизмеримо более весомая поддержка сельского хозяйства, чем на Западе; необходима «перекачка» сил и средств из промышленности, что, в свою очередь, неизбежно снизит конкурентоспособность последней.

А во-вторых, несмотря на то, что промышленность в значительно меньшей мере зависит от природных условий, чем сельское хозяйство, зависимость эта все же существует. Затраты на строительство, отопление, доставку сырья и продукции в несколько раз более дорогим, чем на Западе, сухопутным транспортом и т.д., и т.п. намного превышают соответствующие затраты и на Западе, и в «третьем мире».

И уместно решить вопрос так: если наше сельское хозяйство для успешной деятельности явно нуждается в значительно большей таможенной поддержке, чем западное, то и наша промышленность не сможет плодотворно развиваться без подобной поддержки хотя бы в тех масштабах (а они до-

* В том числе, между прочим, и на добычу и переработку самих энергоносителей...

статочны весомы), которые на Западе оказываются *сельскому хозяйству*.

Эрудированные люди могут возразить, что дореволюционная Россия не создавала значительных таможенных барьеров, и в страну более или менее свободно ввозились любые товары. Но зарубежные потребительские товары предназначались для весьма узкого круга людей; абсолютное большинство населения приобретало тогда отечественную продукцию, а огромное большинство само производило почти все, в чем нуждалось («натуральное хозяйство»).

Из обстоятельного издания «Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник» (СПб, 1995) можно узнать, что 65% импорта (в рублевом выражении) составляли сырье*, полуфабрикаты и машины, приобретаемые предпринимателями в интересах отечественного *производства* (а не потребления), ввоз различных потребительских товаров – 35% импорта – выражался в цифре 496 млн рублей при населении 171,1 млн человек, то есть менее чем 3 руб. на душу населения в год»**!

Что же касается тогдашнего – мизерного – импорта *продовольственных* товаров, многое могут прояснить воспоминания сестры В. И. Ленина Александры Ильиничны об эмигрантском быте будущего вождя в 1900–1910-х годах: «Выяснив условия посылки съестного из России за границу, я посылала ему в Париж мясное (ветчину, колбасы). По поводу ветчины он выразился в одном несохранившемся письме, что это “превосходная снедь”, из чего можно было заключить о разнице между этим мясом и тем, которым ему приходилось питаться в Париже. В Австрию пересылка мясного не разрешалась, и поэтому по переезде его в Краков я посылала ему рыбное (икру, балык, сельди и т.п.) и сладкое»***.

* Стоит отметить, что 8,3% стоимости импорта составлял хлопок, ибо до революции его выращивание на территории России было не столь значительным, как позднее.

** Правоммерно предположить, что 1 млн богатых людей тратил на покупку зарубежных потребительских товаров по 500 руб. в год (40 руб. в месяц), а остальные 170 млн вообще их не покупали...

*** Ульянова-Емельянова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. М., 1988.

Ныне же положение сугубо критическое, если не катастрофическое. Сошлюсь еще раз на А. С. Паникина: «Закупая многие виды продовольствия за рубежом, Россия уже давно перешла критическую черту в обеспечении собственной продовольственной независимости, допускающую не более 35 процентов импорта в продовольственном товарообороте страны. В крупных городах доля импорта доходила до 70–80 процентов, а это значит, что внешнеполитический кризис или напряженность с нашими кредиторами могут быстро привести Россию к голоду».

Добавлю только, что создавшееся положение – абсолютно неизбежный результат попытки войти в мировой рынок; другого результата просто не могло и не может быть... «Страна-семья» не может развиваться без самой надежной экономической защиты от «стран-рынков»...*

Последнее, о чем немаловажно сказать – *итоги выборов*, происходивших в России с декабря 1993 по февраль 2000 года. Часто – и справедливо – говорится о неготовности населения к самой процедуре выборов, о том, что многие избиратели руководствуются попросту «симпатией» к личности того или иного кандидата или чисто показной предвыборной риторикой той или иной партии и т.п. Утверждается также, что результаты голосования фальсифицировались.

Но, несмотря на все это, при анализе итогов выборов с несомненностью выясняется, что только небольшая и последовательно *уменьшавшаяся* часть избирателей голосовала за тех, в ком она *видела* апологетов Запада с его рыночной демократией. (Я подчеркиваю слово «видела», ибо те или иные партии и отдельные кандидаты в своих предвыборных кампаниях приглушали либо вообще заглушали свою «прозападную» направленность**.)

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в *официальных* отчетах о выборах доля «демократически» на-

* В частности, вводя высокие пошлины на импортируемые сельскохозяйственные продукты.

** Так, например, поступила в 1995 году группка Б. Федорова, выдвинувшая девиз «Вперед, Россия», который увлек 1,3 млн избирателей.

строенных избирателей преувеличивалась. Так, в изданном в 1996 году отчете «Выборы в шестую Государственную думу»^{*} партии поделены на две большие группы: «левые и националистические» (КПРФ, ЛДПР и т.д.) и «демократические» (НДР, ДВР и т.д.)²⁰. Первые на выборах в декабре 1995 года, согласно отчету, получили (совместно) около 53% голосов, вторые – 31% (остальные голоса достались «центристским», или, вернее, «эклектическим» партиям).

Итак, доля сторонников «рыночной демократии» вроде бы внушительна – почти 1/3 электората. Однако при этом не учитывается особый «контингент» избирателей, который склонен голосовать за *наличную власть*. Вот выразительный факт. В декабре 1993 года за ДВР – партию Гайдара, который был тогда «первым вице-премьером» и фактически ближайшим сподвижником президента, – проголосовали 15,5% избирателей, а всего через два года, когда Гайдар уже не находился у власти, его партия получила на 11,5% голосов меньше.

В цитируемом официальном отчете утверждается, что в 1993 году сделали «демократический» выбор 30,8% избирателей. Но из этой цифры следует вычесть тех, кто голосовали за партию Гайдара как за партию власти, и тогда получается, что «демократический» электорат в 1993 году не превышал 20%, то есть к нему принадлежал 1 из 5 избирателей.

Есть достаточные основания полагать, что большинство утраченных ДВР голосов отошли в 1995 году к новой партии власти – партии премьера Черномырдина (НДР), получившего 10% голосов. В уже упомянутом официальном отчете избиратели НДР отнесены к «демократическим»; на деле же они голосовали за наличную власть, а за собственно «демократические» партии отдали голоса не более 20% – как и в 1993 году.

С этой точки зрения необходимо подойти и к состоявшимся через полгода, в июне 1996-го, выборам президента. Постоянно утверждается, что на этих выборах население страны продемонстрировало свою приверженность к «демократии», но

^{*} Издатели «подключили» к двум Думам 1990-х годов четыре дореволюционные.

это крайне сомнительно. В первом туре Ельцин получил 35% голосов, а «левые и националистические» (по официальной терминологии) кандидаты – Зюганов, Лебедь, Жириновский – 52,5% (совместно); кроме того, около 7,5% голосов достались «демократу» Явлинскому.

Как уже показано, в декабре 1995-го действительно «демократически» настроенные избиратели составляли примерно 20% электората. Очевидно, что 7,5% из них в июне 1996-го проголосовали за Явлинского, а остальные 12,5%, – не веря, по-видимому, в возможность победы последнего, – за Ельцина.

Что же касается остальных 22,5% (из 35) поданных за Ельцина голосов, они, надо думать, принадлежали сторонникам власти (какой бы она ни была). Если даже партия *вице-премьера* Гайдара получила, как мы видели, 11,5% голосов (утраченных ею после того, как она перестала быть партией власти), то уж *президент* вполне мог получить в два раза больше именно как *наличный президент*.

В ходе выборов 1996 года телевидение показало по своему поистине замечательную сцену. Пожилую женщину, живущую в одной из южных областей России – в так называемом «красном поясе», – спросили, почему она голосовала за Ельцина, хотя большинство ее соседей отдали голоса Зюганову. И женщина убежденно ответила: «Так ведь Ельцин у нас власть. Станет властью Зюганов – буду за него». Конечно, лишь немногие из избирателей, проголосовавших в 1996 году за Ельцина, «формулировали» свое решение подобным – в сущности, абсурдным – образом, но большинство из них голосовало все же именно за наличную власть.

Во втором туре выборов 1996 года к 35% добавилось еще около 19% (то есть в целом около 54%), и Ельцин выиграл. Естественно полагать, что из этих дополнительных 19% 7,5 составили избиратели Явлинского, для которых, вполне понятно, был совершенно неприемлемым соперник Ельцина Зюганов, а остальные 11,5% – избиратели Лебеда (их было в целом 14,5%), который призвал их голосовать за Ельцина. Характерно, что,

несмотря на тогдашний чрезвычайный «харизматизм» Лебедея в глазах его избирателей, не все они последовали его призыву, и не исключено, что 3% из них голосовали за Зюганова, количество голосов за которого во втором туре выросло в целом на 8,5% и достигло 40,5%.

Вместе с тем нет сомнения, что выигрыш Ельцина целиком зависел от призыва Лебедея; ведь если бы тот призвал свой электорат голосовать во втором туре за Зюганова, Ельцин мог бы получить всего лишь 42,5%, а Зюганов – 55%.

Подводя итог вышеизложенному, есть основания заключить, что из почти 54% избирателей, проголосовавших за Ельцина в 1996 году, только примерно 20% составляли «демократически» настроенные, 22,5% – предпочитающие голосовать за наличную власть и 11,5% – «лебедевцы». И, следовательно, победу Ельцина нет никаких оснований толковать как свидетельство «демократизма» большинства избирателей.

Далее, на парламентских выборах 1999 года за «демократические» партии (Явлинского и Кириенко)²¹ проголосовали уже не 20%, как в 1995-м, а только 14,5%, то есть всего 1 из 7 избирателей!

Утверждают, правда, что новую партию «Единство-Медведь», получившую 23% с лишним голосов, избиратели воспринимали как «демократическую». Но это абсолютно не соответствует действительности. В глазах избирателей она являла собой, во-первых, партию власти, партию Путина и, во-вторых, патриотическую, даже воинственно-патриотическую («Медведь!»), не говоря уже о том, что Путин демонстрировал активные действия по наведению порядка на Кавказе. И можно с большой степенью надежности определить, электораты каких партий «перешли» в 1999 году к «Единству».

На парламентских выборах 1995 года за тогдашнюю партию власти – черномырдинскую НДР – проголосовали 10% избирателей, а за партии, которые официально называют «националистическими» (ЛДПР, КРО и т.п.)²² – 20,5% избирателей. А на выборах 1999 года НДР потеряла более 9% избирателей, а патриотические партии – 13,5%, то есть в сумме почти столько

же, сколько обрело «Единство-Медведь». И других «ресурсов» у «Единства» просто не было*.

А теперь обратимся к выборам Путина в феврале 2000 года. Необходимо, правда, со всей определенностью подчеркнуть, что задача моего анализа – не выяснение *реальной программы* Путина, который, вполне возможно, собирается продолжать строить в России рыночную демократию, да еще и более радикальными методами, чем это делалось ранее. Я стремлюсь выяснить, как *воспринимало* Путина большинство его избирателей.

Придя в Госдуму, путинское «Единство» заключило союз с КПРФ, и началось жесткое и подчас даже жестокое давление на «демократические» фракции Явлинского и Кириенко, а также на «центристскую» фракцию Примакова. Все это постоянно освещалось на телеэкране, и, конечно, большинство избирателей никак не могло видеть в Путине «демократа», – особенно если добавить к этому, что он в предвыборный период дважды прямо-таки дружески навестил одного из самых последовательных «антидемократов» – краснодарского губернатора Кондратенко.

* Вот общая (и точная) картина «электоральных» изменений с декабря 1995-го по декабрь 1999 года (цифры в скобках обозначают потери и приобретения групп партий и отдельных партий):

	1995	1999
«Демократы»	20,73% (–6,28)	14,45
«Центристы»	11,55% (+9,48)	21,03
«Левые»	32,24% (–3,86)	28,38
«Националисты»	20,53% (–13,57)	6,96
НДР	10,13% (–8,9)	1,19
«Единство-Медведь»		23,32

Как видно, «националисты» и НДР потеряли (совместно) 22,51% голосов – почти столько же, сколько получило «Единство». Основная причина потерь «левых» – переход части Аграрной партии (она в 1995 получила 3,78% голосов) в «центристскую» ОВР²³; к «центристам» же перешла, очевидно, почти треть «демократических» избирателей; короче говоря, «Единство» избрал вовсе не «демократический» электорат.

Постепенно «центристы» во главе с Примаковым и «демократы» Кириенко «сдались» и призвали своих избирателей голосовать за Путина. Не смирились только Явлинский и Титов, которые получили вместе на февральских выборах всего лишь 7 с небольшим процентов голосов... Поначалу Кириенко и другие – а Явлинский до самого конца – обличали Путина как «антидемократа».

Повторяю, что они, возможно, заблуждались; не исключено также, что все описанное было искусственно «разыграно». Но вместе с тем едва ли есть основания сомневаться в том, что *преобладающее большинство* избирателей не считало Путина человеком, ставящим цель превратить «страну-семью» в «страну-рынок».

И если эта цель теперь все же ставится, ее «реализаторы» должны сознавать, что их действия может одобрить, как уже сказано, не более, чем 1/7 часть избирателей, которая, надо думать, состоит в основном из так называемых «новых русских» и их многочисленной высокооплачиваемой obsługi. Между тем 6 из 7, то есть более 85% российских избирателей, имеют иное представление о будущем своей страны.

Это явствует, между прочим, из следующего: сами «демократы» на парламентских выборах 1999 года всячески старались отодвинуть подальше фигуры главных «реформаторов» – Гайдара и Чубайса, – понимая, что их отвергает абсолютное большинство населения страны.

В заключение еще один довод в пользу определения России как «страны-семьи». Издавна и до сего дня русские люди нередко обращаются к незнакомцам со словами: «мать», «отец», «брат», «сестра», «сынок», «дочка» и т.п.; это отмечено и в нынешних словарях русского языка. Кто-либо скажет, что такие обращения несущественны, являются чистой формальностью. Но язык, слово содержат в себе громадный, уходящий корнями в тысячелетия смысл, который всегда более значителен, чем каждый из нас сознает. И словоупотребление, о коем я говорю, имеет прямое отношение к тезису о «стране-семье».

Глава 6. В какой стране мы сегодня живем?

Поскольку жизнь складывается из многих различных сторон и аспектов, начало ответа на поставленный в заглавии вопрос может быть существенно разным. Вполне уместно, как представляется, начать следующим образом: мы живем в стране, где идет борьба между «патриотами» и «демократами», – ибо, характеризуя в самом широком, самом общем плане разногласия и противостояния в среде современных политических деятелей и идеологов, их обычно делят именно на «патриотов» и «демократов»; под последними имеют в виду тех, кто стремится «перестроить» Россию по образу и подобию Запада.

Между тем деление это, несмотря на всю его распространенность и как бы неоспоримую очевидность, только запутывает и затемняет общественное сознание. Притом перед нами, к прискорбию, очень давняя российская «беда», поскольку уже более чем полтора столетия назад в сознание людей было внедрено аналогичное поверхностное деление на «славянофилов» и «западников». И для понимания смысла нынешнего противопоставления «демократов» и «патриотов» уместно или даже, пожалуй, необходимо взглянуть в уже давние времена.

Ровно сто двадцать лет назад, в июне 1880 года, Достоевский с полной определенностью сказал в своей Пушкинской речи: «О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение... Для настоящего русского», – провозгласил Федор Михайлович, – Европа и ее удел «так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли...» И позже пояснил: «...стремление наше в Европу, даже со всеми увлечениями и крайностями его, было не только законно и разумно *в основании своем* (курсив Достоевского. – В. К.), но и народно, совпадало вполне с стремлениями самого духа народного...»

Достоевский говорил об осуществлении этого «стремления» в эпоху Петра I, но оно осуществлялось, конечно, и гораздо раньше: и при Иване III, и еще при Ярославле Мудром, который, например, выдал своих дочерей за королевей Франции

и Дании, а внук Ярослава, Владимир Мономах, обвенчался с дочерью короля Англии, что было бы, конечно, невозможно без достаточно развитых отношений Руси с Западом.

Как известно, многие считавшиеся «западниками» слушатели речи Достоевского восприняли ее – по крайней мере, поначалу – с полным одобрением и даже восторженно. И в написанном вскоре «объяснительном слове» к своей речи Достоевский призвал к совместной деятельности «тех, – по его словам, – западников... многих, очень многих просвещеннейших из них, русских деятелей и вполне русских людей, несмотря на их теории» (запомним слово «просвещеннейших» – мы еще вернемся к нему).

Ясно, что Достоевский отнюдь не отлучал этих людей от *патриотизма*; по его убеждению, они способны – несмотря на свой «европеизм» – признать «самостоятельность и личность русского духа, законность его бытия». Для Достоевского была действительно неприемлема, как он выразился здесь же, «масса-то вашего западничества, середина-то, улица-то, по которой влачится идея – все эти смерды-то направления (а их как песку морского)...»

По мнению этих «смердов» (тут явный намек на образ Смердякова), констатировал Достоевский, Россию «всю надо пересоздать и переделать, – если уж невозможно и нельзя органически, то по крайней мере механически, то есть попросту заставив ее раз навсегда... усвоить себе гражданское устройство точь-в-точь как в европейских землях».

Забегая вперед, скажу, что именно эту цель ставили перед собой позднейшие последователи «западничества», совершившие Февральский переворот 1917 года и образовавшие Временное правительство; но об этом речь впереди. Теперь же следует обратиться к первому из приведенных мною суждений Достоевского, – о том, что настоящему русскому человеку Европа и ее удел так же дороги, как и Россия, как и «удел своей родной земли».

Позволю себе заметить, что в полемическом запале Федор Михайлович несколько перегнул палку, и вернее было бы,

наверное, сказать не «так же дороги», а «тоже дороги». Поскольку речь идет о людях России, естественно полагать, что «удел своей родной земли» волнует их все же больше, чем удел других земель, — и даже не в силу «национального эгоизма», а потому, что этот удел в той или иной мере зависит от них самих (кстати, хотя, например, эмигрировавший Михаил Бакунин пытался практически решать судьбы Европы, его целью, конечно, была все же судьба России).

Обратимся теперь к словам Достоевского о том, что он готов к единству с «просвещеннейшими» из «западников», с «европеистами» высшего духовного уровня. Эта сторона проблемы чрезвычайно существенна, а между тем мало кто о ней задумывается. Дело в том, что «западники», для которых Европа являла своего рода *идеал*, — это люди по меньшей мере «среднего» уровня (Достоевский и говорил о «середине»). Разумеется, то же самое следует сказать и о тех «славянофилах», которые всячески «идеализировали» Россию.

Когда речь идет об имеющих самобытную многовековую историю цивилизациях, несостоятельны, да и даже примитивны попытки выставить им непротиворечивые — как любят ныне выражаться, «однозначные» — «оценки», четко определить, какая из них «лучше» и какая «хуже»; тем более несостоятельны и примитивны попытки «переделать» одну из них по образу и подобию другой (о чем также сказал Достоевский).

С этой точки зрения весьма показателен следующий эпизод из истории «западничества». В январе 1847 года один из двух наиболее выдающихся «западников», Герцен, впервые приехал в Европу, и уже в конце года в России были опубликованы его размышления о жизни Запада²⁴ — во многом резко критические. Они вызвали недоумение или даже прямое возмущение у всех друзей Герцена, кроме одного только Белинского. И в 1848 году Герцен написал этим друзьям: «...вам хочется Францию и Европу в противоположность России, так, как христианам хотелось рая — в противоположность земле. Я удивляюсь всем нашим туристам (то есть «западникам», которые побывали в Европе раньше Герцена. — В. К.) Огареву, Сатину, Боткину, как

они могли так многого не видеть... уважение к личности, гражданское обеспечение, свобода мысли (то есть чрезвычайно высоко ценимые «западниками» качества. – В. К.) – все это не существует и не существовало во Франции или существовало на словах (выделено мною. – В. К.)» и т.д.

Разумеется, и Герцен, и Белинский крайне критически относились ко многому в жизни России, но они – и в этом выразился их духовный уровень – осознавали, что и на Западе, как и в России, есть не только свое добро, но и свое зло, своя истина и своя ложь, своя красота и свое безобразие...

Стоило бы привести целиком письмо Белинского Боткину от 7(19) июля 1847 года из Европы, куда он приехал впервые в жизни. Но письмо пространно, и поэтому ограничусь двумя выдержками из него: «...жду не дождусь, когда ворочусь домой. Что за тупой, за пошлый народ немцы!..» И вторая: «Только здесь я понял ужасное значение слов *пауперизм* и *пролетариат*. В России эти слова не имеют смысла. Там бывают неурожаи и голод местами... но нет бедности... Бедность есть безвыходность из вечного страха голодной смерти. У человека здоровые руки, он трудолюбив и честен, готов работать – и для него нет работы: вот бедность, вот пауперизм, вот пролетариат!» и т.д.

Белинский, разумеется, ясно видел российское зло, но сумел увидеть не менее тяжкое зло современного ему Запада. И то же самое было присуще сознанию «славянофилов» высшего уровня, – таких, как Иван Киреевский или Тютчев, хотя они и говорили о российских пороках и грехах в менее резкой форме, чем Герцен и Белинский, а об европейских – решительнее, чем последние.

Но то, что написано Герценом после 1847 года, находится, в сущности, как бы на грани «западничества» и «славянофильства», а о Белинском, который скончался через семь месяцев после поездки в Европу, Аполлон Григорьев писал: «Если бы Белинский прожил еще год, он сделался бы славянофилом». Хотя, на мой взгляд, вернее было бы сказать, что Белинский, проживи он дольше, в еще большей степени преодолел бы в себе «западничество» (а не стал «славянофилом»), – нельзя

все же недооценивать слов, написанных Виссарионом Григорьевичем за полгода до кончины: «Я не знаю Киреевских, но судя по рассказам Герцена, это... люди благородные и честные; я хорошо знаю лично К. С. Аксакова, это человек, в котором благородство – инстинкт натуры» и т.д. Едва ли бы Белинский написал что-либо подобное ранее...

Никто не будет спорить с тем, что Герцен и Белинский – наиболее выдающиеся люди из тех, кого причисляют к «западникам»; они даже, как говорится, на голову выше остальных. И их превосходство ясно выразилось в том, что они, в сущности, *преодолели* в себе «западничество».

Точно так же обстоит дело и с наиболее выдающимися людьми, причисляемыми к «славянофилам». Помимо прочего, Иван Киреевский или Тютчев гораздо лучше знали и гораздо глубже понимали истинные ценности Запада, чем абсолютное большинство «западников», и потому есть основания утверждать, что они *ценили* Европу выше, чем «западники»!

В свете всего сказанного естественно сделать вывод, что деление на «западников» и «славянофилов» уместно по отношению к «второстепенным» идеологам XIX века, к той «середине» и «улице», о которых говорил Достоевский. Что же касается тех идеологов, чье наследие сохраняет самую высокую ценность и *сегодня*, то зачисление их в эти «рубрики» только затрудняет – или вообще делает невозможным – истинное понимание их духовного творчества.

К действительным «западникам» и «славянофилам» следует причислить тех идеологов и деятелей, которые исходили не из истинного *понимания* Европы и России, а из, по сути дела, субъективистских догм, согласно которым в качестве своего рода «идеалов» представляли либо Запад, либо Русь – именно Русь, поскольку послепетровская Россия, гораздо теснее связанная с Европой, во многом отвергалась догматическими «славянофилами».

Но следует знать, что такой идеолог высшего уровня, как Иван Киреевский, писал о закономерности и «неотменимости» реформ Петра²⁵, возводя их истоки еще к середине

XVI века. И утверждал, говоря о «форме» допетровского быта страны: «Возвращать ее насильственно было бы смешно, когда бы не было вредно». А в одном из последних сочинений²⁶ высказался еще резче, отметив, что если бы ему пришлось хоть «увидеть во сне, что какая-либо из внешних особенностей нашей прежней жизни... вдруг воскресла посреди нас и... вмешалась в настоящую жизнь нашу, то это видение... испугало бы меня». Истинный путь России Киреевский видел в развитии присущих ей «высших начал» духовности, которые, по его словам, должны господствовать над «просвещением европейским» (ведь Россия все же – не Европа!), однако «не вытесняя его (европейское просвещение. – В. К.), но, напротив, обнимая его своею полнотою».

Догматические же «славянофилы» стремились именно «вытеснить» из России все подобное Западу, а «западники» – превратить страну в подобие Европы, что означало, понятно, «вытеснение» основ бытия России.

Но и то, и другое – только догмы, которые не были плодами понимания исторической реальности, а потому и не могли *осуществиться*.

* * *

Как уже сказано, деление на «западников» и «славянофилов» нанесло тяжкий вред общественному сознанию России. Вместо того, чтобы вдумываться в духовное творчество высшего уровня – скажем, творчество Ивана Киреевского и Герцена, которые не столько противостояли, сколько *дополняли* друг друга, – людям как бы предлагалось «выбирать» одно из двух: либо «западничество», либо «славянофильство». В результате из наследия тех же Киреевского и Герцена усваивалось только то, что соответствовало двум противостоявшим догмам.

Преобладающее большинство российской интеллигенции, являвшей собой постоянно возрастающую идеологическую и политическую силу, соблазнилось «западнической» догмой. Она представлялась гораздо более «реалистической»,

ибо речь шла о преобразовании России в соответствии с *действительно существовавшим* в Европе общественным строем, между тем как «славянофильская» догма во многом апеллировала к уже *несуществующей* «исконной» Руси. Кроме того, «западничество» выдвигало на первый план идею (или, вернее, миф) *прогресса*, которая, начиная с XVII–XVIII веков (ранее считалось, в общем, что «золотой век» – позади), стала приобретать все более вдохновляющий характер для все более широкого круга людей. Между тем «славянофильство» воспринималось (и, разумеется, вполне основательно) как выражение имеющего негативный смысл в сознании большинства людей *консерватизма* или даже *реакционности*.

К началу XX века преобладающая часть идеологически и политически активных людей во всех слоях населения России снизу доверху полагала, что существующий строй должен быть кардинально изменен. Двухсотлетняя послепетровская Империя действительно, как говорится, изжила себя – хотя это, разумеется, сложнейший и требующий развернутого исследования вопрос, которого я здесь не касаюсь.

Сегодня, как представляется, более важен, более насущен вопрос о том, как и ради чего совершались перевороты 1917 года.

Основные политические партии, действовавшие на политической арене в том году, – кадеты и примыкавшие к ним «прогрессисты», эсеры, меньшевики и большевики – были (не смотря на все их различия), по сути дела, «западническими», Правда, кадеты и прогрессисты брали за образец Запад как таковой, употребляя традиционное определение – «буржуазный», эсеры и меньшевики – западную «социал-демократию», которая, по словам эсера Керенского²⁷, уже представляла тогда «могучую политическую силу», а большевики, как это ни парадоксально, возлагали надежды на *будущий* Запад, в котором-де окрепнут и победят радикально-марксистские партии. Как известно, в начале 1918 года РСДРП(б) была переименована в РКП(б), чтобы напрочь отделиться от «социал-демократии», а в начале 1919-го, после радикальных революций в Германии

и Венгрии, был создан Коммунистический Интернационал, в который вошли соответствующие партии многих стран мира.

Но пойдем по порядку. Решающую роль в Февральском перевороте сыграли кадеты и примыкающие к ним прогрессисты, к которым и принадлежали 7 из 10 человек, составивших образованное 2(15) марта первое новое правительство. В обстоятельном исследовании Н. Г. Думовой «Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции» (М., 1988) показано, что эта партия «рассчитывала осуществить свою идею «вестернизации» России» (то есть превращения ее в подобие Запада), но что «даже буржуазные историки признают ныне непригодность этой программы для развития России. «В русских условиях западный образец неприменим», – пишет американский историк Т. фон Лауэ... К тому же выводу пришел и английский историк Э. Карр: «Капитализм западного типа... не мог развиваться на русской почве. Тем самым политика Ленина явилась единственно приемлемой для России...»» (указ. изд., с. 134).

Последнее суждение, хотя оно принадлежит действительно серьезному английскому историку, все же весьма неточно. Во-первых, «кадетское» правительство было отрешено от власти уже в начале июля 1917 года, и вовсе не партией Ленина, а эсерами и меньшевиками во главе с Керенским, который 8 июля стал председателем Совета министров. Большевики к тому времени еще не играли действительно существенной роли в политике; так, возглавленная ими 4 июля антиправительственная демонстрация была быстро разогнана, а сам Ленин вынужден был надолго «уйти в подполье».

Причина указанной неточности историка в том, что ранее и «антисоветская» и, равным образом, «советская» историография, искажая реальность, приписывали весь ход событий после Февральского переворота воле большевиков. Антисоветские историки стремились тем самым обвинить большевиков в срыве того будто бы плодотворного развития России, которое началось с приходом к власти кадетов, а советские – преувеличить роль партии Ленина (ради этого утверждалось даже, буд-

то большевики играли существеннейшую роль уже и в Феврале, то есть в свержении монархии, хотя на самом деле их роль была тогда совершенно незначительной).

Во-вторых, нет оснований считать, что «политика Ленина явилась приемлемой для России». В течение пяти лет – до утверждения нэпа (новой экономической политики), которая, по определению самого Ленина, была «отступлением» от предшествующей большевистской политики, продолжались мощные бунты и восстания; правда, они начались еще при власти Керенского и к октябрю 1917 года охватывали, как точно подсчитано, более 90% российских уездов, а к тому же солдаты Временного правительства нередко отказывались их подавлять.

«Переделка» России по образцам западной *социал-демократии* (как и буржуазной демократии) была заведомо утопическим предприятием, и к октябрю власть Керенского потеряла всякую силу, в результате чего страна погрузилась в хаос – на фоне продолжения военных действий против Германии.

Захватив власть, большевики стали создавать диктаторский режим, в сравнении с которым предшествующее самодержавие было поистине либеральной властью. Одним из важных компонентов этой диктатуры были воинские части из иностранцев: «латышские стрелки», разного рода «интернациональные формирования», в том числе даже китайские, состоявшие из людей, до 1917 года приехавших на заработки, военнопленных и т.п. – всего иностранцев в России к тому времени насчитывалось 5,5 миллиона.

Разумеется, ничего «хорошего» во всем этом нет, но при том состоянии, в котором страна оказалась за период с февраля по октябрь, создание крайне жесткого и просто жестокого режима было, без сомнения, *единственным* способом восстановить государственную власть и по вертикали, и по горизонтали (то есть сохранить, насколько возможно, территорию России).

Я определил кадетскую и меньшевистски-эсеровскую программы перестройки России как чисто утопические; ныне же множество авторов называет *реализованной утопией СССР*,

странно не замечая очевидной несерьезности своего тезиса, ибо слово «утопия» обозначает феномен, которого *нет и не может быть* на земле, а ведь СССР в течение нескольких десятилетий являл собой одну из двух великих держав мира!..

Действительно утопической, подобно кадетской и эсеро-меньшевистской, была *первоначальная* большевистская программа, основывавшаяся на том, что в близком будущем свершится мировая или хотя бы общеевропейская пролетарская революция; большевики в массе своей рассматривали себя как «передовой отряд» такой революции, который обретет прочное положение только после ее победы. И «отступление» в форме нэпа стало неизбежным после осознания утопичности победы мирового пролетариата.

К середине 1920-х годов был утвержден курс на «социализм в одной стране», а к середине 1930-х начался поворот к *патриотизму* (хотя еще не столь давно слово «патриот» означало *врага* революции). Об этих кардинальных изменениях политически-идеологического курса ныне часто говорится как о выражении личной воли Сталина. Но так думают люди, которые до сего дня не смогли освободиться от «культового» истолкования хода истории и только поменяли знак «плюс» на «минус», осуждая то, что ранее превозносилось.

Кстати сказать, тезис о «социализме в одной стране» первым выдвинул и обосновал вовсе не Сталин, а его будущий противник Бухарин, и эта смена курса, как и позднейшее «воскрешение» патриотизма, были порождены естественным и в сущности неизбежным ходом самой истории; после катаклизма революции бытие страны в той или иной мере возвращалось, как говорится, на круги своя. И во второй половине 1930-х годов большевики левацкого толка с полным основанием говорили об определенной «реставрации» в стране дореволюционных порядков.

А в наше время последовательный «антикоммунист» Михаил Назаров пишет об СССР²⁸: «Необходимо увидеть в национал-большевизме – патриотизм, в покорности угнетению – терпеливость и жертвенность, в ханжестве – целому-

дкие и нравственный консерватизм, в коллективизме – соборность, и даже в просоциалистических симпатиях – стремление к справедливости и антибуржуазность как отказ от преобладания материальных целей в жизни».

Из этого текста ясно, что Михаил Викторович считает советское бытие *извращенной*, искаженной формой *дореволюционного* российского бытия. Но, во-первых, далеко не все и в том прежнем бытии соответствовало критериям истинного патриотизма, целомудрия, соборности и т.д., а, во-вторых, пережитый страной начиная с февраля 1917 года революционный катаклизм и не мог не привести к извращениям.

При беспристрастном (не «прокоммунистическом», но и не «антикоммунистическом») осмыслении жизни СССР, который образовался уже во время нэпа, в конце 1922 года (и был разрушен в конце 1991-го), нельзя не прийти к выводу, что эта жизнь – при всех ее тяжелейших и даже жесточайших противоречиях – являла собой *продолжение* исторической жизни России, и, скажем, великая Победа 1945 года была победой *той же* страны, того же народа, который победил в 1812 году.

* * *

Многие авторы утверждали и утверждают, что в 1991–1992 годах свершился переворот, по сути дела подобный тому, который имел место в феврале 1917 года. Но это сопоставление безосновательно уже хотя бы потому, что после Февральского переворота к власти пришли люди, находившиеся в более или менее радикальной оппозиции к прежней власти; достаточно сообщить, что из 33 человек, побывавших членами Временного правительства с февраля по октябрь, 15 (включая таких известных, как Милюков и Керенский) – то есть более трети – до 1917 года побывали в тюрьмах и ссылках по политическим обвинениям. О большевиках и говорить не приходится: из 29 членов и кандидатов в члены их ЦК, избранного в августе 1917 года, 25 находились до февраля в ссылке или в эмиграции.

Между тем в 1991-м член Политбюро ЦК КПСС был заменен на главном посту недавним кандидатом в члены Политбюро, – пусть и демонстративно объявившим себя беспартийным. В 1993 году правительство РФ состояло из 35 человек, и только один из них (самый молодой – Глазьев) не был до 1991 года членом КПСС, почти все они занимали до того достаточно высокие руководящие посты и никаких действительных «оппозиционеров» среди них не имелось. Эти сведения почерпнуты из обстоятельного справочного издания «Политическая Россия сегодня», вышедшего в свет в 1993 году; новейшие справочники такого рода мне не известны, но есть достаточные основания считать, что и позднее дело обстоит примерно так же.

Многие политические деятели и идеологи – притом самых разных взглядов – полагают, что-де в стране за 1991–1992 годы произошла «революция» (одни ее восхваляют, другие осуждают), однако один только факт сохранения у власти тех людей, которые и ранее принадлежали к правящему слою, делает этот взгляд крайне сомнительным.

Правда, мне могут – и, надо сказать, резонно – возразить, что в «тоталитарном» СССР к 1991 году не было сколь-нибудь развитой оппозиции (каковая имелаась в России перед 1917 годом), деятели которой могли быть призваны к власти. Однако к тому времени существовала весьма многочисленная *эмиграция*, и, кстати сказать, даже ставился подчас вопрос о «приглашении» ее представителей на высокие посты (например, известного эмигранта Буковского прочили в мэры Москвы). И все же ничего подобного не произошло.

Утверждение «демократии» и «строительство капитализма» в стране возглавили вчерашние коммунистически-советские руководители. Но о многозначительности этого факта нынешние идеологи почти не задумываются. Правда, они – и на том спасибо – часто говорят о неспособности жить по новым правилам многомиллионных «низов», презрительно именуемых «совками». Но, скажем, президент Ельцин – «совок» не в меньшей степени, чем рядовые граждане РФ. Достаточно

вспомнить, как в 1998 (или 1999) году он с глубоким удовлетворением объявил с телеэкрана накануне 1 мая, что абсолютное большинство граждан вместо шествия в оппозиционных демонстрациях отправится на свои садово-огородные участки. Ему явно не приходило в голову, что сам этот феномен миллионов горожан, вскапывающих лопатами землю под картошку ради выживания, – крайне прискорбен и даже чудовищен (отмечу, что ранее преобладающее большинство владельцев этих самых участков выезжало на них главным образом для отдыха на природе и выращивало, в основном, клубнику и редиску)...

Выращивание картошки имело свое оправдание в военные и послевоенные годы, но о каком «капитализме» может идти речь, когда правитель страны одобряет миллионы людей, занимающихся трудом, *производительность* которого ниже, чем была она в средневековой Руси, где люди все-таки пахали – пусть и деревянными сохами – с помощью лошадиных сил...

Тот «капитализм», который существует сейчас в стране, даже многие из поборников «рыночной демократии» определяют как в огромной степени «криминальный», «паразитический», то есть занятый перераспределением и проживанием накопленных при советском строе запасов. Это вовсе не капитализм в *западном* значении слова, а, в сущности, легализованная *теневая* экономика, которая существовала еще и при Сталине и, тем более, при Брежневе, когда было множество уголовных дел о фактически находившихся в частной собственности предприятиях с так называемой «левой продукцией» – хотя, разумеется, масштабы подобного рода явлений были тогда неизмеримо менее значительными, чем теперь.

«Теневая экономика» в тех или иных формах существует во всем мире, но она отнюдь не принадлежит там к «рыночной демократии». И есть все основания утверждать, что социалистическая экономика, которая так или иначе соблюдала общепринятые правовые нормы, была, так сказать, ближе к капиталистической, нежели очень значительная часть нынешней экономики РФ, тем или иным «деятелям» которой

уже не раз запрещали въезд в страны Запада или даже арестовывали в этих странах.

У СССР был очень весомый товарооборот с «капстранами»; так, в 1980-х годах стоимость экспорта выражалась в среднем в 35 млрд. долл. Сейчас приводятся подчас более значительные цифры, но при этом умалчивают, что в них входит теперь и экспорт в бывшие «соцстраны», который составлял 2/3 экспорта СССР. И следует признать в связи с этим, что нынешние безоговорочные утверждения, согласно которым СССР являл собой абсолютно «закрытую» страну, безосновательны.

Нет спору, что существовал *идеологический* «занавес», хотя и становившийся со временем все менее «железным». Но вот многозначительный факт. Когда к концу 1980-х началась «эра гласности», поистине фантастически выросли тиражи различных периодических изданий. Однако в течение 1990-х эти тиражи быстро и прямо-таки катастрофически снизились (так, тираж «Нового мира» упал с 1990 по 1999 год почти в 200 раз!).

И произошло это, если вдуматься, не только из-за обеднения или даже обнищания любителей чтения в результате «реформ», но и потому, что сладок, как известно, запретный плод, а когда он становится общедоступным, абсолютное большинство его потребителей утрачивает жадный интерес к нему. «Демократические» СМИ постоянно твердят о том, что страна жаждет «свободы слова», но в действительности имеется в виду весьма малочисленный (в масштабах страны) круг людей.

* * *

Теперь я обращаюсь к чрезвычайно важному вопросу. Идеологический «занавес» ликвидирован, но *экономический* «занавес» – и достаточно «железный» – между Россией и Западом отнюдь не исчез. Это можно показать посредством анализа многих сторон жизни РФ, но, как представляется, уместно ограничиться одной – в силу ее колоссального значения. Отмечу, что едва ли не первым на эту сторону обратил внимание

Андрей Паршев в своей замечательной книге «Почему Россия не Америка», изданной в конце прошлого года.

Как уже говорилось в предыдущей главе этого сочинения, фундаментальная основа современной экономики, ее «кровь» – электроэнергия. Но если в РФ различные ее потребители платят от 28 до 84 копеек за киловатт-час, то есть, по нынешнему валютному курсу, от 1 до 3 центов США, то в остальном мире киловатт-час стоит от 12 до 15 центов, то есть в среднем* почти на порядок дороже!

Это кардинальное различие цен на электроэнергию создает поистине «железный» экономический «занавес», благодаря которому в РФ только и могут существовать как государственные и коллективные, так и частновладельческие предприятия (отмечу, что есть и целый ряд других «компонентов» такого «занавеса», но достаточно указать и на один, важнейший из них). Если поднять цену на квт-ч до мировой, то цены на все более или менее «энергоемкие» товары и услуги станут в РФ в несколько раз выше мировых, что, естественно, приведет к полнейшему краху экономики.

Беспрецедентно низкая цена на электроэнергию была установлена в свое время в СССР (каким образом это было сделано – особый и сложный вопрос). И тот факт, что эта цена в значительной мере сохраняется сегодня, диктует непреложный вывод: экономика РФ живет (или, вернее, существует на грани выживания), если угодно, на *советско-социалистической основе* (повторю еще раз: цена на электроэнергию – это только один, хотя и самый фундаментальный «пример»).

На этой основе паразитирует российский псевдокапитализм и более-менее выживает преобладающее большинство населения – «бюджетники», колхозники, армия, пенсионеры, насельники детских домов и т.д. – в том числе и сама нынешняя *власть*. И утверждения, будто РФ уже вошла (пусть хотя бы отчасти) в мировую рыночную экономику, не соответствуют реальному положению вещей.

* Самая высокая цена квт-ч в РФ в 4 раза ниже самой низкой в мире; самая низкая в РФ – в 15 раз ниже самой высокой мировой, а $15 + 4 = 19 : 2 = 9,5$.

В свете вышеизложенного обратимся к поставленной в самом начале этого сочинения проблеме «деления» идеологов на «патриотов» и «демократов». Как уже сказано, оно только запутывает и затемняет общественное сознание. Деление это во многом аналогично рассмотренному выше давнему делению на «славянофилов» и «западников»; в частности, «патриоты» преподносятся в СМИ как «консерваторы» или «реакционеры», стремящиеся восстановить ушедший в прошлое СССР («левый» фланг «патриотов», который не может не быть «антизападным») либо даже Российскую империю («правый» их фланг), а «демократы» – как «прогрессисты», которые, в конечном счете, стремятся повести страну по пути, намеченному «западниками» Февраля 1917 года, но, мол, из-за тогдашних неблагоприятных обстоятельств быстро прерванному.

Нельзя не сказать, что идеологи, сопоставляющие Февраль 1917 года с «переворотом» рубежа 1991–1992 годов, с поистине странной наивностью закрывают глаза на коренное различие: Февраль вызвал долгую цепь бунтов и восстаний и полномасштабную гражданскую войну, а в 1990-х ничего подобного не было (за исключением глубоко специфической ситуации в Чечне). Естественные объяснения этого способного удивить и вызвать недоумение различия заключаются в сохранении *основ* прежней экономики, о котором шла речь выше и которое со всей ясностью выражается в ценах на электроэнергию, а также и в сохранении *основ* политического строя. Ярчайшее выражение последнего – разгон Парламента в октябре 1993-го и последующее полное лишение представительной власти *реальных* полномочий, возвратившее ее, по существу, к тому положению, в каковом находился Верховный Совет СССР. То есть действительного переворота – в отличие от 1917 года – не произошло, и именно поэтому не было ни мощных бунтов, ни гражданской войны.

Правда, в нынешней РФ в той или иной мере наличествует свобода слова, но слово это почти никогда не переходит в дело и к тому же вызывает серьезный интерес у весьма неболь-

шой части населения страны, которая принадлежит к идеологически *активным* «патриотам» и «демократам».

Что касается последних, их стремление переделать страну по западному образцу ныне, после семидесятилетней эпохи социализма, более и даже гораздо более утопично, чем в феврале 1917 года (хотя и тогда из этого ничего не вышло). В высшей степени показательно, в частности, что оказавшиеся у власти «демократы» – как уже отмечалось, – те же «совки» по своему «происхождению», имея крайне поверхностные представления о «рыночной демократии», постоянно прибегали к поучениям и рецептам западных «советников», причем особенно показательно, что часть самих этих советников уже убедилась в тщетности попыток переделать РФ в подобие Запада.

Словом, деятели, которые уже десять лет находятся у власти и уверяют, что они создают в России рыночную демократию западного типа, ни в коей мере не создали (да и не могли создать) нечто подобное, и их нельзя именовать «демократами» в истинном значении этого слова.

Говоря об этом, я отнюдь не считаю, что все идеологи, которых причисляют (и которые сами себя причисляют) к «патриотам», исповедуют «правильные» и перспективные взгляды. Во-первых, действительное восстановление СССР и, тем более, Российской империи, о чем мечтают многие из них, – это, конечно, опять-таки заведомые утопии, в частности, потому, что те идеологические основы, которые во многом определяли поведение людей в России до конца XIX века (с начала XX-го большинство из них «разочаровалось»), а затем, – в 1920–1960-х годах – в СССР, воскресить немыслимо. Во-вторых, деятельность «патриотов» крайне ослабляется этим их расколом на «советских» и «имперских». Последние, между прочим, уподобляются тем большевикам, которые до середины 1930-х годов считали неприемлемой и проклятой *дореволюционную* Россию. Как уже говорилось, единственный перспективный путь – опора на *всю* историю страны, несмотря на все противоречия, и рождение на этой основе новой патриотической идеологии.

Ага! – скажет читатель, – ты все же за патриотизм, хотя вроде бы демонстрировал «беспристрастную» оценку «славянофилов» и «западников». Но истинный патриотизм – тот, который исповедовали обладавшие высшим духовным уровнем люди России, – основан на утверждении не «превосходства» своей страны над другими (в частности, странами Запада), а *равноценности* – пусть хотя бы «потенциальной», должествующей обрести свое воплощение в *будущем* времени – цивилизаций и культур.

Утверждение «превосходства» – это не патриотизм, а национализм, шовинизм, идея о своей избранности и т.д., – но ничего подобного нет в наследии Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого и других корифеев нашей великой литературы и культуры, которые в то же время – чего никто не сможет опровергнуть – являют собой патриотов.

Тот, кто считает свою страну «второсортной» (скажем, в сравнении с Западом), сам обречен на «второсортность». Это, разумеется, вовсе не означает, что патриотизм сам по себе «возвышает» человека, но без патриотизма нельзя достичь высшего духовного уровня.

И последнее – но далеко не последнее по важности – о чем я считаю необходимым сказать. Истинный патриотизм – это любовь и преданность своей стране и в целостности ее истории, и в ее современном состоянии. Между тем ныне к «патриотам» причисляют людей, которым дорога только дореволюционная, монархически-православная Россия (Россию после 1917 года они так или иначе «отрицают»), а с другой стороны – людей, которые дорожат позднейшей, советско-коммунистической Россией.

Если вдуматься, станет ясно, что все эти люди являются патриотами не России, а того или другого *общественного строя*, и в этом – еще одна причина несостоятельности нынешнего употребления слова «патриот».

Наконец, многие «патриоты» полностью отвергают или даже просто проклинают *сегодняшнюю* Россию и ее терпящий свое положение народ. Напомню в связи с этим слова, написан-

ные за несколько лет до 1917 года одним из гениальных русских мыслителей Василием Розановым²⁹: «Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно тогда, когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно когда наша “мать” пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, – мы не должны отходить от нее... Но и это еще не последнее: когда она, наконец, умрет и, обглоданная евреями, будет являть одни кости – тот будет русский, кто будет плакать около этого остова...»

Уместно сказать, что Россия являла собой, в сущности, только «остов» и после монгольского нашествия XIII века, и в Смуту начала века XVII-го, и после Февраля 1917 года. Но каждый раз находились истинные патриоты – и они, конечно, не только «плакали», – хотя создавались и такие сочинения: «Слово гибели Русской земли» (1240), «Повесть о разорении Московского государства и всяя Российския Земли» (1612), «Слово о гибели земли Русской», написанное Алексеем Ремизовым (сентябрь 1917-го).

И в заключение: три охарактеризованных только что различных типа «патриотов» должны слиться воедино и стать тем самым истинными патриотами России, которая только при этом условии воскреснет...

ЧАСТЬ II О РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

Уроки истории

1

С трибуны XXVII съезда КПСС прозвучали слова¹, полные существенного и, можно сказать, острейшего смысла:

«Партия высоко ценит и поддерживает всеми нами ощущаемый подъем патриотических чувств, возросший общественный интерес к истории Отечества, к богатствам нашей многовековой, многонациональной культуры. Во многих местах, я бы хотел это подчеркнуть с удовлетворением, у нас по-настоящему заботятся о сохранении всего того, что дорого памяти народной. Делается, в общем, немало, но согласитесь, что и поводов для беспокойства хватает». И далее в этой встреченной аплодисментами съезда части речи Е. К. Лигачева было со всей определенностью провозглашено:

«Правы те, кто возвышает голос тревоги за архитектурный облик наших славных древних городов. Партийный спрос за небрежение к национальным святыням должен быть строгим». Столь же четко была сформулирована и одна из насущнейших задач современности: «Людей наших надо воспитывать так, чтобы они были ревностными хранителями духа народного, который живет в памятниках истории и культуры».

Кое-кому может показаться, что на фоне исключительно масштабных социально-экономических и политических проблем, которые решал XXVII съезд КПСС, эта задача не была, так сказать, первоочередной. Но подобное представление было бы грубейшей ошибкой. Во-первых, только что процитированные слова являют собой прямое воскрешение ленинского подхода к историческому наследию отечественной культуры. Во-вторых, оберегание национальных святынь только очень недалёковидные или попросту недобросовестные люди могут истолковать как некое «второстепенное» по своему значению дело, которое-де проходит по ведомству «культурного отдыха» граждан и тому подобное. Б. Н. Ельцин на том же XXVII съезде партии совершенно справедливо подчеркнул, например, что «в разряд политических перешел вопрос о потере своеобразия архитектуры Москвы, особенно ее центра».

То, что это вопрос политический, со всей безусловностью подтверждает деятельность В. И. Ленина в 1918 году. К сожалению, только в самое последнее время наши историки скрупулезно изучили документы, раскрывающие направленность и самый размах ленинской заботы о ценностях отечественной культуры. В частности, были тщательно выверены и рассказы Н. К. Крупской, управляющего делами Совета Народных Комиссаров Владимира Бонч-Бруевича, известного эстонского революционера Ивана Ваймана², ставшего председателем комиссии по реставрации памятников Кремля, и многих других. Вчитываясь в эти свидетельства, нельзя забывать, что речь идет о 1918 году, о времени крайнего исторического напряжения. Не приходится сомневаться в том, что действия В. И. Ленина в этом направлении диктовались глубоким осознанием их первостепенного политического значения.

«Как только Владимир Ильич переехал из Петербурга в Москву и поселился в Кремле, – пишет Бонч-Бруевич³, – он сейчас же захотел ознакомиться с историей кремлевских построек и спросил у меня, что ему по этому поводу прочесть. Я сейчас же указал на двухтомное исследование специалиста

С. П. Бартенева (лучший и до сего времени труд сына выдающегося историка Петра Бартенева «Московский Кремль в старину и теперь», изданный в 1912–1916 гг. – В. К.)... Владимир Ильич тотчас же принялся за чтение этого прекрасно иллюстрированного издания... Хорошо изучивши эти книги и сделавши свои пометки, Владимир Ильич забрал один из томов с собой и отправился в длительную прогулку по Кремлю; в течение трех дней он обходил и подробно осматривал все здания... и, наконец, дважды прошелся по стенам Кремля, подходя к каждой башне и изучая ее состояние. Так как одна из башен была разбита... Владимир Ильич распорядился сейчас же ее отремонтировать... Это было первое распоряжение Владимира Ильича по восстановлению кремлевских памятников. За ним последовало личное распоряжение Владимира Ильича о реставрации собора Василия Блаженного, который он также подробно осмотрел»*.

По-своему замечательна история реставрации Никольской и Беклемишевской башен Кремля. Иван Вайман рассказывал: «Утвердив директивы по восстановлению Московского Кремля... Ильич позднее сам неоднократно проверял ход реставрации... Он шел иной раз прямо на место работ и проверял, что и как делается». При этом, свидетельствует участник событий, «главные работы по восстановлению Кремля – ремонт Малого Николаевского дворца, фасада Чудова монастыря... были закончены в срок»**. Однако, ознакомившись с проектом восстановления Никольской башни, В. И. Ленин отодвинул срок окончания работ и распорядился: «Никольскую башню следует восстановить не по имеющимся уже эскизам, не такой, какой эта башня была до Октябрьских боев в Москве, а такой, какой она была до нашествия Наполеона и пожара Кремля в 1812 году»***.

Уже одни эти факты выявляют смысл деятельности В. И. Ленина в области сохранения отечественного куль-

* Археографический ежегодник. М., 1970. С. 217.

** В. И. Ленин и изобразительное искусство. М., 1977. С. 222, 224.

*** Там же. С. 226.

турного наследия. То же обнаруживается и в других фактах, которые на первый взгляд могут показаться малозначащими. Так, при восстановлении Беклемишевской башни, писал Иван Вайман, «по мнению специалистов... надо было новую глазурованную черепицу выдержать на солнцепеке известное время, чтобы она не выглядела, как новая... Услыхав о том... Ленин дал новые сроки восстановления этой башни». Иван Вайман счел нужным здесь же напомнить, что все это происходило «в разгар героической борьбы трудящихся Советской страны на всех фронтах против контрреволюции... Но специалисты и рабочие, выполнявшие те или иные работы, знали, какое большое значение Ленин придает их труду»*. Нельзя не упомянуть и о том, что 1 мая 1920 года, в день Всероссийского субботника, В. И. Ленин лично участвовал в деле реставрации Кремля.

Да, в грозном 1918 году В. И. Ленин считал возможным уделять повседневное внимание таким «мелочам». Что же руководило им? Это помогает понять следующий рассказ Владимира Бонч-Бруевича:

«Владимир Ильич прочитал в книге С. П. Бартенева, что одно крыло собора, находящегося близ Ивана Великого (речь шла о храме Двенадцати Апостолов. — В. К.), заложено кирпичом во времена Николая I и превращено в сарай для фуража. Владимир Ильич с негодованием сказал:

— Ведь вот была эпоха — настоящая аракчеевщина. Все обращали в сараи и казармы, им совершенно была *безразлична история нашей страны*. Надо сейчас же, немедленно, это крыло открыть...

Через несколько дней реставрационная комиссия, которая была образована при Советском правительстве, стала работать над восстановлением крыла. Владимир Ильич, гуляя, не раз останавливался около места работ и смотрел, как постепенно открываются старые очертания древнего собора... Следующей реставрационной работой в Кремле было восстановление фресок в Успенском соборе. Работа эта продолжалась долго. Вла-

* Там же. С. 226, 227.

димир Ильич часто заглядывал в собор, внимательно рассматривал великолепные фрески»* (выделено мной. – В. К.).

Перед нами точное (хотя, разумеется, далеко не исчерпывающее) определение позиции В. И. Ленина: негодование против тех, кому «безразлична история нашей страны». Продолжая свой рассказ, Владимир Бонч-Бруевич свидетельствовал:

«Несмотря на всю свою занятость, Владимир Ильич обращал большое внимание на архитектурные древности Москвы и других городов... Когда ему приходилось слышать, что в Галиче, Угличе и других старинных русских городах пытались разрушить церкви, он немедленно рассылал телеграммы и строгие приказы этого не делать, вызывал представителей местных властей, разъясняя им значение исторических памятников... В 1920 г. я мимоходом упомянул о том, что мы приступили к ремонту Шереметьевской больницы (ныне Институт Склифосовского. – В. К.). Владимир Ильич сейчас же насторожился и спросил меня, какие меры я принял, чтобы сохранить это, вероятно, очень ценное здание в его первоначальном виде... Я сказал, что совершенно не согласен с теми шустрыми, неожиданно появившимися горе-архитекторами, которые предлагают это здание превратить в какую-то казарменную постройку, перестроив его как снаружи, так и внутри.

– С ними вам не нужно даже и разговаривать. Нам с ними не по пути, – сказал мне Владимир Ильич. – Им можно будет поручить строить дворы в совхозах, но ни в коем случае не допускать к ремонту подобных исторических зданий...» После реставрации здания Ленин «поехал посмотреть, как все это выглядит... Владимир Ильич от души радовался, что такое прекрасное здание удалось в целостности сохранить, и сейчас же приказал мне внести в смету по Наркомздраву надлежащие суммы, чтобы и впредь содержать его в порядке»**.

Можно бы привести еще много выразительных свидетельств о постоянной и самой активной деятельности В. И. Ленина, посвященной спасению и реставрации памятников

* Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969. С. 403.

** Там же. С. 404, 405.

истории и культуры. И не менее важно подчеркнуть, что деятельность эта принесла весомые реальные плоды.

При личном участии В. И. Ленина в 1918–1919 годах были организованы Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины, Центральные государственные реставрационные мастерские, Российская академия истории материальной культуры и другие учреждения этого профиля, располагавшие немалыми по тем временам возможностями и развернувшие поистине грандиозную работу. В стране было создано более 250 превосходных музеев, для объединения работы которых в 1920 году сформировалось Центральное бюро краеведения. Назову только даты создания нескольких важнейших литературных музеев: «Абрамцево» (1918); тургеневский музей в Орле (1918) и его филиал в Спасском-Лутовинове (1921); усадьба Льва Толстого в Москве (1920) и Ясной Поляне (1921); чеховский музей в Ялте (1921); «Мураново» (1920); «Михайловское» (1922) и пушкинская квартира на Мойке (1924) и так далее.

В самые трудные годы становления советского государства тщательно сохранялись и продолжали свою работу крупнейшие библиотеки, театры, художественные галереи. Еще во время Гражданской войны А. М. Горький заявил⁴, что «культурное творчество русского рабочего правительства, совершаясь в условиях самых тяжких и требуя героического напряжения энергии, постепенно принимает размеры и формы, *небывалые в истории человечества*. Здесь нет преувеличения, я не увлекаюсь; недавний оппонент правительства, я и теперь во многом не солидарен с приемами его деятельности, но я знаю, что историки будущего, подведя итог годовой работе, совершенной силами и властью русского рабочего, – не могут не изумиться широте его творчества в области культуры»* (выделено мной. – В. К.).

Размах этой деятельности, направляемой В. И. Лениным, в самом деле, даже трудно себе представить. О ней рассказано в не так давно изданных книгах Евграфа Кончина

* Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Вып. 3. М., 1959. С. 99.

«Эмиссары восемнадцатого года» и Н. Н. Жукова «Сохраненные революцией. Охрана памятников истории и культуры в Москве в 1917–1921 годах». Впрочем, и в названных книгах речь идет лишь о небольшой части сделанного в этой области при жизни В. И. Ленина.

Но В. И. Ленину довелось руководить страной лишь менее пяти лет. Он не успел добиться прочного утверждения своей концепции национальной культуры, не говоря уже о ее практическом осуществлении.

2

Одним из главных «методов» борьбы против ленинской концепции национальной культуры стало грубейшее ее извращение.

Историк журналистики А. Г. Дементьев напомнил нам о том, как был встречен одним из тогдашних членов Политбюро очерк Горького «Владимир Ленин», где Горький, в частности, писал: «Я нередко подмечал в нем черту гордости Россией, русскими, русским искусством». «В 1924 году, вскоре после смерти Ленина, – пишет А. Г. Дементьев, – Троцкий выступил в “Известиях” (от 7 октября) со статьей “Верное и фальшивое о Ленине”... С особенной яростью Троцкий обрушивается на бережное отношение Горького к национальным культурным ценностям. Он иначе и не называет Горького, как издевательски: “псаломщик культуры”. Отношению Горького к культуре Троцкий противопоставляет иное, – по его мнению, подлинно пролетарское. В связи с этим он ссылается на разговор, который случился у него в дни, когда войска Юденича подошли к Петрограду, с рабочим Воронцовым, состоявшим в охране Ленина. Рабочий якобы сказал Троцкому: “Много им, в случае чего, достанется; надо бы подвести под Петроград динамиту да взорвать все на воздух”. А на вопрос: “А не жалко вам Петрограда?” – ответил: “Чего жалеть: вернемся, лучше построим”. Эта дикая идея привела Троцкого в восхищение: “Вот это настоящее отношение к культуре! Тут

псаломщицкой плаксивости нет и следа...” Вот как, отражая мысль и чувство миллионов, смотрел на это Ленин*.

О том же недавно писал И. С. Черноуцан[†]: «С беспардонной руганью обрушивался Троцкий на Горького. Еще в книге “Литература и революция” он издевательски называл его “достолюбезным псаломщиком... русской культуры...”. Реагировали Горький на злобные выпады Троцкого? В архиве писателя хранится запись: “...Не хотел ли Троцкий, рисуя Ленина таким топором, таким “революционером без оглядки”, взвалить на него всю тяжесть ответственности перед историей за “разбитые горшки”?.. Похоже... “Революционер без оглядки” – это был тип, презираемый Ильичом, враждебный ему. Если бы я хотел, я мог бы возразить Троцкому, опубликовав письмо Ильича о Зиновьеве: там очень веско говорится о людях “без оглядки, действующих со страха”, о “лакеях революции и вообще лакеях”».

Когда-то Троцкий грозил: “Если мы уйдем, то хлопнем дверью так, что вздрогнет весь мир...” Сейчас что-то иное. Из каких побуждений?

Троцкий – наиболее чужой человек русскому народу и русской истории**.

Далеко не один Троцкий выступал тогда с подобными декларациями. Исходя из несколько иных предпосылок, Бухарин декларировал, в сущности, то же самое, прямо выступая против ленинского решения вопроса: «Я лично думаю, что “завоевать” буржуазную культуру целиком, не разрушая ее, так же невозможно, как “завоевать” буржуазное государство. С “культурой” происходит то же, что и с государством». И конкретизировал этот тезис, в частности, в таком требовании: «Старый театр надо сломать, и кто не понимает этого, тот не понимает ничего»***.

Подобные «идеи», как уже сказано, нередко выдавались за будто бы соответствующие ленинской концепции культуры. Впрочем, подчас носители этих «идей» и открыто выступали против В. И. Ленина. Так, в 1925 году Зиновьев заявил, что-де от

* Деметьев А. Г. В. И. Ленин и советская литература. М., 1977. С. 23.

** Вопр. лит. – 1975. № 1. С. 26, 27.

*** Деметьев А. Г. В. И. Ленин и советская литература. С. 21.

ленинского плана построения социализма в нашей стране «отдает душком национальной ограниченности»*. Но это уже своего рода саморазоблачение; гораздо чаще противники ленинской концепции культуры все-таки делали вид, что они якобы опираются в своих действиях на «заветы» Владимира Ильича.

Нельзя не привести здесь еще одно свидетельство о ленинском отношении к ценностям русской культуры. Выдающийся живописец и искусствовед, ставший в 1918 году руководителем Централных государственных реставрационных мастерских, И. Э. Грабарь писал о том, как шла «разработка декретов» об учете и охране национальных ценностей: «Инициатива всех этих декретов исходила от В. И. Ленина... Некоторые из них... он лично исправил, значительно усилив ответственность заведующих... Владимир Ильич вообще придавал чрезвычайное значение делу охраны исторических сооружений... Однажды Владимир Ильич дал нам такой нагоняй, от которого мы долго не могли опомниться. Гуляя как-то по Кремлю в его нижней части, примыкавшей к Москворецкой стене, он заметил в одной из церквей разбитое окно... Владимир Ильич тотчас же сделал выговор зав. музейным отделом, сказав, что дело охраны памятников в Кремле стоит не на должной высоте... и что необходимо привлечь к строгой ответственности всех нас»**. Речь шла о церкви Константина и Елены, возведенной в 1470 году, то есть ранее тех кремлевских соборов, которые мы можем видеть сегодня.

В. И. Ленин был возмущен тем, что в ней разбито окно... А через несколько лет после его кончины эта самая церковь была попросту уничтожена! Вместе с ней были уничтожены храм Спаса на Бору (1330), построенный Иваном Калитой, Чудов монастырь с собором Чуда Михаила (1365), созданным при Дмитрие Донском, и Вознесенский монастырь с собором Вознесения (1386), воздвигнутым по воле жены Дмитрия в память Куликовской битвы. Уничтожение именно этих па-

* Четырнадцатый съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М.–Л., 1926. С. 430.

** Грабарь И. Э. Моя жизнь. М., 1937. С. 274.

мятников укоротило историю Московского Кремля на полтора столетия, ибо древнейший из уцелевших соборов, Успенский, был построен в 1479 году.

Нельзя не сказать, что все эти древнейшие памятники в 1918–1920 годах были отреставрированы по личному указанию В. И. Ленина. Со временем были уничтожены и другие памятники отечественной культуры, по своему количеству не поддающиеся перечислению на журнальных страницах...

Как это могло случиться? Одним из «могущественных» средств в руках людей, уничтожающих ценности отечественной культуры, было заведомое извращение либо тупо-начетническое толкование ленинских высказываний о национальной культуре, содержащихся в ряде его работ 1913–1914 годов. Утверждали (и даже ныне продолжают утверждать), что В. И. Ленин будто бы отрицательно относился к самому понятию «национальная культура» и особенно к лозунгу национальной культуры. В этом необходимо разобраться⁶.

3

В преддверии и в начале Первой мировой войны наблюдаются небывалые по остроте и наступательности проявления национализма. Наиболее вопиющим фактом явилось проникновение этой идеологии в социал-демократическое движение. Целая организация, входившая в состав РСДРП, выступила с националистических позиций. «Августовская конференция ликвидаторов 1912 г., – писал в мае 1913 года В. И. Ленин, – по признанию даже нейтрального меньшевика Плеханова – нарушила программу РСДРП в духе “приспособления социализма к национализму”».

В самом деле, – продолжает В. И. Ленин, – эта конференция, по предложению бундовцев, признала допустимым лозунг “культурно-национальной автономии”, вопреки решению II съезда партии...

Лозунг «национально-культурной автономии» обманывает рабочих призраком культурного единства наций, тогда

как на деле в каждой нации преобладает сейчас помещичья, буржуазная или мелкобуржуазная “культура”.

Мы против национальной культуры как одного из лозунгов буржуазного национализма» (т. 23, с. 208, 209)*.

В июне того же года В. И. Ленин написал «Тезисы по национальному вопросу», в которых вновь подчеркнул: «Бундовско-ликвидаторский откол и союз Бунда с не социал-демократами в Варшаве ставит перед всеми с.-д. весь национальный вопрос, и в его теоретическом значении и в деле строительства партии, на очередь дня» (т. 23, с. 231).

И В. И. Ленин приступает к созданию целого цикла работ, посвященных национальному вопросу, вопросу об отечестве и его защите и, наконец, проблеме национальной культуры. При этом В. И. Ленин многократно, не боясь, так сказать, повториться, подчеркивает, что все эти вопросы принципиально имеют конкретно-исторический характер.

Уже во время мировой войны В. И. Ленин пишет, что «отечество, нация – это категории исторические. Если во время войны речь идет о защите демократии или о борьбе против ига, угнетающего нацию, я нисколько не против такой войны и не боюсь слов “защита отечества”» (т. 30, с. 262).

Выступая (эти слова уже цитировались) против лозунга национальной культуры, В. И. Ленин не раз и не два подчеркнет, что значение этого лозунга всецело зависит от конкретной социально-политической ситуации.

«Значение лозунга национальной культуры определяется объективным соотношением всех классов» (т. 24, с. 121), – утверждает В. И. Ленин в 1913 году и поясняет этот тезис в других работах тех же лет: «Когда буржуазия боролась за свободу вместе с народом, вместе с трудящимися, она отстаивала полную свободу и полное равноправие наций» (т. 23, с. 149). И вполне естественно, что, «когда не было еще раскола нации на буржуазию и пролетариат, лозунг национальной культуры мог быть единым и цельным призывом» (т. 24, с. 9).

* Цитаты В. И. Ленина приводятся по пятому изданию Полного собрания сочинений.

Таким образом, В. И. Ленин выступал отнюдь не против лозунга национальной культуры вообще, но против движения этого лозунга в конкретных политических условиях определенного времени. Здесь же он точно указывает на начало этого времени:

«В России в особенности после пятого года... со стороны всяких “прогрессивных” буржуазных партий и групп все чаще употребляется прием разделения рабочих проповедью различных буржуазных идей... К числу таких идей относится утонченный национализм, проповедующий разделение и раздробление пролетариата под самыми благовидными и прекрасноречивыми предложениями, например, под предложением охраны интересов “национальной культуры”» (т. 25, с. 144). В другой работе В. И. Ленин указывает, что ныне «либерально-буржуазный национализм несет величайшее развращение в рабочую среду, наносит величайший ущерб делу свободы и делу пролетарской классовой борьбы. Это тем опаснее, что прикрывается буржуазная (и буржуазно-крепостническая) тенденция лозунгом “национальной культуры”. Во имя национальной культуры... обделяют реакционные и грязные делишки... буржуа всех наций. Таков факт современной национальной жизни...» (т. 24, с. 119). После этих слов В. И. Ленин цитирует своего главного оппонента по национальному вопросу – бундовца Либмана, который писал, что «рабочий не должен быть равнодушен к положению и развитию своей национальной культуры», – и делает следующий вывод: «На деле бундист выступил как буржуа, весь интерес которого требует распространения веры в внеклассовую национальную культуру» (там же. С. 120, 121). «... Лозунг национальной культуры есть буржуазный (а часто и черносотенно-клерикальный) обман» (там же. С. 120). На следующей странице В. И. Ленин в других словах повторяет ту же мысль: «Воинствующий буржуазный национализм, отупляющий, одурачивающий, разъединяющий рабочих, чтобы вести их на поводу буржуазии, – вот основной факт современности» (там же. С. 122).

Итак, В. И. Ленин выступает вовсе не против лозунга национальной культуры как такового, но против того значения, которое этот лозунг приобрел в конкретной ситуации тогдашнего времени – ситуации ожесточенной борьбы пролетариата против буржуазии.

Вполне аналогично было тогда и отношение В. И. Ленина к лозунгу защиты отечества. В 1915 году В. И. Ленин писал:

«В эпоху, когда буржуазия была прогрессивна, когда на исторической очереди дня стояло свержение феодализма, абсолютизма, чуженационального гнета, социалисты, будучи всегда самыми последовательными и самыми решительными демократами, признавали в этом смысле и только в этом смысле “защиту отечества”...

Но теперешняя война порождена совсем иной исторической эпохой... Поэтому речи о “защите отечества” со стороны обеих воюющих групп есть обман народа буржуазией. (Точно так же – см. выше – В. И. Ленин определил и современное значение лозунга национальной культуры. – *В. К.*)... Действительное значение лозунга “защиты отечества” в данной войне есть защита “права” своей национальной буржуазии на угнетение чужих наций...» (т. 26, с. 282, 283).

На основе ленинской концепции в феврале 1915 года был написан раздел «О лозунге “защиты отечества” в резолюции Бернской конференции РСДРП», где говорилось, в частности: «В основе действительно-национальных войн, какие имели место особенно в эпоху 1789–1871 годов, лежал длительный процесс массовых национальных движений... Созданная этой эпохой национальная идеология оставила глубокие следы... Этим пользуются теперь, в совершенно иную, империалистическую эпоху, софисты буржуазии и плетущиеся за ними изменники социализму для раскалывания рабочих и отвлечения их от их классовых задач и от революционной борьбы с буржуазией»*.

Итак, лозунг защиты отечества имеет свою сложную историю, на протяжении которой его значение принципиаль-

* КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. М., 1970. С. 413.

но менялось. Во время Первой мировой войны В. И. Ленин был непримиримым противником этого лозунга. Однако 25 февраля 1918 года он писал:

«Теперь, с 25 октября 1917 г., мы – за защиту отечества с этого дня. Ибо мы доказали на деле наш разрыв с империализмом... Мы свергли свою буржуазию» (т. 35, с. 395). 11 марта 1918 года, вскоре после вторжения австро-германских войск в Россию, В. И. Ленин утверждал: «Россия идет теперь... к национальному подъему, к великой отечественной войне... Мы за “защиту отечества”» (т. 36, с. 82). (Позиция В. И. Ленина в этом вопросе охарактеризована в содержательной работе Н. Н. Скатова. См.: Рус. лит. 1976. № 1.)

Таким образом, победа социалистической революции кардинально изменила самое значение лозунга защиты отечества. Аналогично обстояло дело и со значением лозунга национальной культуры. Суть проблемы была с предельной ясностью изложена на страницах газеты «Правда» 22 мая 1925 года:

«Лозунг национальной культуры был лозунгом буржуазным, пока у власти стояла буржуазия, а консолидация наций проходила под эгидой буржуазных порядков. Лозунг национальной культуры стал лозунгом пролетарским, когда у власти стал пролетариат, а консолидация наций стала протекать под эгидой Советской власти. Кто не понял этого принципиального различия двух различных обстановок, тот никогда не поймет ни ленинизма, ни национального вопроса».

Столь же определенно сказано об этом коренном преобразовании значения лозунга после Октябрьской революции в не так давно изданной книге директора Института марксизма-ленинизма академика А. Г. Егорова «Проблемы эстетики»:

«...Вопрос о лозунге “национальной культуры” теперь стоит иначе, чем раньше... Лозунг “национальной культуры” перестал быть лозунгом буржуазным; он стал лозунгом демократическим, лозунгом революционным».

В своей книге А. Г. Егоров рассматривает и другую, более сложную и острую сторону проблемы. Он говорит, что ценности национальной культуры «составляют достояние не

одного какого-либо класса, а *всей нации*, хотя они создаются *разными классами* и трактуются каждым из них по-своему». Тем не менее все они «являются с детства близкими, родными каждому русскому человеку». И один из важнейших результатов социалистической революции состоит, по словам А. Г. Егорова, в том, что «рабочий класс бережно собирает, изучает и хранит культурное наследие нации» (выделено мной. – В. К.).

Это высказывание как бы переключается со словами В. И. Ленина о наследии Льва Толстого, прозвучавшими в 1910 году: «Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием всех... нужен социалистический переворот», – то есть нужно, чтобы рабочий класс взял национальную культуру в свои руки. Но, как ни странно, достаточно определенные понятия о соотношении классового и национального в культуре не раз запутывались и продолжают запутываться по сей день. Казалось бы, безусловно прав А. Г. Егоров, утверждая, что русская национальная культура создавалась разными классами, но что ее ценности ныне принадлежат всей нации, стране и, далее, всему человечеству. Однако и поныне многие из тех, кто берется рассуждать о национальной культуре, ухищряются заблудиться в двух со снах – в понятиях классового и национального.

В двадцатых годах дело обстоит как бы проще: тогдашние противники национальной культуры открыто объявляли ее наследием помещиков, буржуев, кулаков или (в лучшем случае) патриархального крестьянства, – наследием, которое неприемлемо для революции и должно быть отброшено в прошлое.

Но для уяснения интересующей нас проблемы важно сначала охарактеризовать сегодняшние недоразумения (или прямые искажения), связанные с ленинской концепцией национальной культуры.

В 1913 году В. И. Ленин писал: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры»; в числе их он назвал и

«те зачатки, которые имеются и в нашей (то есть русской. – В. К.) истории демократического и рабочего движения». Говоря лишь только о «зачатках», Ленин имел в виду то обстоятельство, что элементы демократической и социалистической культуры были к тому времени развиты в Германии, Франции или Англии в большей степени, чем в России.

С другой стороны, утверждал тогда же В. И. Ленин, «в каждой нации есть также культура буржуазная... притом не в виде только “элементов”, а в виде господствующей культуры». И в условиях ожесточенной классовой борьбы пролетариата против господства буржуазии «мы, – указывал В. И. Ленин, – из каждой национальной культуры берем только ее демократические и социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре» (т. 24, с. 120, 121, 122).

Совершенно иначе решает вопрос В. И. Ленин в 1919 году: «Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем... Если бы в России... не было... организации, способной сплотить трудящиеся массы и внушить им, разъяснить, убедить их в важности задачи взять *всю буржуазную культуру себе*, – тогда дело коммунизма было бы безнадежно» (т. 38, с. 55, 59; выделено мной. – В. К.).

Итак, если в 1913 году В. И. Ленин настаивает на том, что из национальной культуры капиталистического общества надо *взять только* «зачатки» сумевших развиваться в ней демократических и социалистических элементов, то в 1919 году он говорит о безусловной необходимости «взять все то, что есть в капитализме ценного» (там же. С. 59), «взять всю буржуазную культуру», – иначе дело коммунизма окажется безнадежным. Необходимо обратить внимание на тот факт, что В. И. Ленин как бы ставит знак равенства между понятиями «ценное» и «культура». Это вполне понятно, ибо культура по самой своей сути *ценностное* явление; то, что не об-

ладает ценностью, есть только претензия на культуру, иначе говоря, *псевдокультура*. Утверждая необходимость «взять всю культуру, которую капитализм оставил», В. И. Ленин имеет в виду все явления науки, искусства и т.д., обладающие реальной ценностью.

Как ни нелепо, но и сегодня появляются статьи и книги, авторы которых пытаются убедить читателей в том, что В. И. Ленин и после революции считал нужным «взять» одни только «зачатки» демократических и социалистических «элементов», имевшихся в русской культуре. В начале этой статьи было показано, сколько усилий (и в самые трудные годы!) затратил В. И. Ленин для сохранения церквей, фресок, икон и тому подобного. Уж не предполагают ли сторонники указанного воззрения, что эти явления русской национальной культуры принадлежат именно к демократическим и социалистическим элементам?

К наиболее характерным фигурам в этом плане принадлежит критик Ю. Суровцев. Специализируясь почти исключительно на «разоблачении» всякого рода «ошибок» других критиков, он – уже в силу самой этой своей «специальности» – постоянно прибегает к начетническому талмудистскому использованию цитат, с которыми он обращается по известному принципу «дышла» (в смысле – куда повернешь – туда и вышло).

Так, например, Ю. Суровцев пишет⁷:

«Нелишне будет напомнить здесь хотя бы некоторые основополагающие ленинские методологические принципы... “Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенные исторические рамки” (Л е н и н В. И. Т. 25. С. 263)... Понятия национальной культуры и своеобразия каждой национальной культуры научны, если они опираются на историческую реальность... Нам всем еще надо вдуматься и вдумываться в... смысл ленинского размышления: “Значение... лозунга национальной культуры определяется объективным соотношением всех классов... Национальная

культура буржуазии есть факт...” (т. 24, с. 121–122)... “Национальная культура *буржуазии*”, – вдумаясь в это!»* – возглашает Ю. Суровцев.

Цитируемые слова В. И. Ленина точно характеризуют ситуацию кануна революции, когда национальная культура находилась в руках буржуазии и использовалась ею для обмана народа. Казалось бы, Ю. Суровцев целиком согласен с этим *конкретно-историческим* решением вопроса. Однако, как это ни удивительно, на *следующей же странице* своей статьи, всего через три абзаца, Ю. Суровцев неожиданно занимает прямо противоположную позицию.

«Пытались, – пишет он, – хронологически ограничить применимость ленинских положений, – де, они относятся всецело к буржуазной эпохе. Но это не так»**. Почему же не так? А всего лишь потому, что Ю. Суровцеву в данном месте статьи нужно «вдарить» по оппоненту, так сказать, с другой стороны. И он пытается отрицать тот очевидный *факт*, что после победы революции все ценности национальной культуры, созданные разными классами в течение веков, переходят из рук буржуазии в руки рабочего класса – что с такой яркостью выразилось, например, и в суждениях, и в самой деятельности В. И. Ленина, о которой было рассказано в начале этой статьи.

Но самое, пожалуй, любопытное состоит в том, что Ю. Суровцев и его сторонники совершенно необоснованно выдают себя за носителей «классового» подхода к культуре, в то время как они начисто игнорируют именно «классовую принадлежность» тех явлений культуры, которые, по их мнению, мы должны «взять» себе. Вместо этого они предпочитают употреблять расплывчатые суждения о «народности», «гуманизме», «реализме» и тому подобном.

Совершенно иначе решал этот вопрос В. И. Ленин. Так, например, А. В. Луначарский приводит ленинские слова о Большом театре: «Это кусок чисто помещичьей культуры»***.

* Знамя. 1982. № 3. С. 220.

** Там же.

*** Ленин В. И. О литературе и искусстве. М., 1957. С. 570.

А один из руководителей Наркомата просвещения П. Н. Лепешинский вспоминает, как зимой 1919 года «Ильич отстоял» Большой театр на заседании Совнаркома: «Доклад делал представитель Малого Совнаркома Галкин. Он говорил, что... Большой и Малый театры не нужны рабоче-крестьянской республике, так как в их репертуаре все те же старые “буржуазные” пьесы и оперы, вроде “Евгения Онегина”, и что не следует бросать драгоценное топливо в прожорливые печи московских театров.

– Мне кажется, – сказал Ильич, сверкнув смеющимися глазами, – что т. Галкин имеет несколько наивное представление о роли и назначении театра...

Театры, составляющие гордость русской национальной культуры, продолжали работать»^{*}.

На оперном искусстве Большого театра, конечно же, лежала глубокая печать именно дворянской эстетики первой половины XIX века, но в то же время это искусство было одним из ценнейших воплощений русской национальной культуры и в этом своем качестве должно было быть «взято» нами. Время убедительно доказало, что это не только правомерный, но и единственно возможный подход к явлениям истинной культуры.

Современные «защитники классового подхода» к литературе и искусству употребляют этот критерий, как правило, лишь по отношению к таким чуждым им по самому своему существу явлениям национальной культуры, которые по тем или иным субъективным причинам они хотят либо дискредитировать, либо и вовсе вычеркнуть из нашей жизни.

В. И. Ленин всегда, когда это было нужно, давал предельно четкие классовые характеристики. Однако в его работах слова «буржуазный» или «дворянский» выступают не как некие убийственные ярлыки, но в качестве точных научных определений. Вспомним, что он выдвигал как необходимое требование «взять всю буржуазную культуру себе». В знаменитой статье «Памяти Герцена» он писал: «Герцен при-

^{*} Там же. С. 570.

надлежал к помещичьей, барской среде... он не видел революционного народа и не мог верить в него». По ленинскому определению, в «учении Герцена... нет ни грана социализма» (т. 21, с. 259, 257–258). Говоря о Белинском как о родоначальнике «разночинцев»⁸, В. И. Ленин тут же пояснял, то есть – «образованных представителей либеральной и демократической буржуазии» (т. 25, с. 93).

Современные апологеты «классового» подхода к искусству почему-то предпочитают опускать такие ленинские определения. Понятия «дворянский», «помещичий», «буржуазный» все еще стоят в ряду оценочных (негативных), а не научных социально-политических определений.

Красноречива в этом смысле зарисовка Москвы, сделанная в тридцатые годы (и переизданная в семидесятые) Валентином Катаевым⁹:

«С необычайной наглядностью выступает вся анархическая несостоятельность старого капиталистического строя, основанного на “священном праве частной собственности”... Рядом с семиэтажным, плоским, угрюмым “доходным домом”, похожим на терку, – крошечный деревянный одноэтажный особнячок, постыдная хибарка какой-нибудь штаб-офицерской вдовы, выжившей из ума старухи, сидевшей на своем участке и на основании “священного права собственности” ни в коем случае не желавшей строиться, хотя бы вокруг возникали сорокаэтажные небоскребы. А ей наплевать!..

Тут же каким-нибудь дураком купцом наворочен замок с идиотскими башнями... А сколько этих ужаснейших “стиль рюс” с какими-то уму непостижимыми коньками, петушками, теремками, нарочито крошечными окнами, пузатыми колонками, безобразными украшениями в духе бездарного Строгановского училища!..

Сколько “стиль модерн” – с криволинейными дверями и громадными круглыми окнами, с переплетами под мистические стебли водяных лилий!..

А разве можно было запретить? Нельзя-с!

Священное право собственности!..

Говорят – в Москве тесно. Я думаю – было б не тесно! Да, если бы всю эту хищнически, анархически застроенную площадь Москвы как следует “рационализнуть”, места бы всем хватило... Снос одних лишь одно- или двухэтажных домов очистил бы площадь, достаточную для возведения удобных, хорошо оборудованных построек на два-три миллиона населения...

Пройдитесь-ка по Москве... Станет совершенно ясно: наша теснота – следствие “священного (будь оно трижды проклято!) права собственности” хозяев старого мира».

Итак, неприятие Москвы объясняется неприятием строивших ее дворян и буржуев. Впрочем, всего через несколько страниц мы можем прочесть и такое признание: «Я не слишком люблю так называемую “красоту русской природы”. Волга не вызывает во мне никаких особых восторгов. Большая, плоская и в достаточной мере скучная река...» Или, может быть, Волгу тоже помещики с буржуями организовали?..

4

Борьба велась, конечно, не только против своеобразного исторически сложившегося облика Москвы (который она в результате в большой мере утратила). Нелегко приходилось, скажем, и тем писателям, которые органично продолжали традиции отечественной литературы, – таким как Есенин, Пришвин, Шолохов, Булгаков.

В последние годы об этом немало сказано в работах, посвященных творческой судьбе отдельных писателей и развитию советской литературы в целом. Но в то же время проявилось и стремление завуалировать, а то и приукрасить действительную картину. Так, например, в мемуарном романе Валентина Катаева «Алмазный мой венец» (1978) отношения между кружком, к которому принадлежал писатель (тогдашние сотрудники литературной страницы газеты «Гудок» Юрий Олеша, Илья Ильф, Евгений Петров, А. Эрлих и другие), и, с другой стороны, Михаилом Булгаковым и Сергеем Есениным изображены

как безмятежно дружеские. Автор, правда, предупреждал, что пишет художественное произведение, а не мемуары в полном смысле слова. Но в данном случае речь идет не о фактах, а о воспроизведении принципиальных основ литературных взаимоотношений. И надо прямо сказать, что действительное отношение катаевского кружка к писателю Михаилу Булгакову было иным, нежели это изображено в романе.

Еще в 1958 году на страницах журнала «Знамя» один из членов этого самого кружка, сотрудник «Гудка» А. Эрлих рассказал¹⁰ о том, что после первых же произведений Михаила Булгакова его отношения с «гудковцами» были вконец испорчены: «Размежевание в нашей гудковской семье определилось именно в связи с... произведениями Булгакова еще до их опубликования... Отношение к Булгакову... резко изменилось. Дружеские шутки сменились острыми атаками и спорами... М. Булгаков... непринужденно отбивался от множества критических замечаний, стараясь обратить все в шутку. Но все-таки чувствовалось, что его встревожило единодушие обрушившихся на него нападок. Как он обрадовался, когда... у него объявился вдруг защитник!

– Ну что вы всем скопом напали на Мишу? – урезонивал своих собратьев по полосе Ильф. – Что вы хотите от него?

Голоса стихли один за другим. И тогда Ильф в наступившей тишине нанес свой удар:

– Миша только-только скрепя сердце примирился с освобождением крестьян от крепостной зависимости, а вы хотите, чтобы он сразу стал бойцом социалистической революции!.. Подождать надо».

Критика аналогичного порядка постоянно обрушивалась на писателей, которые, подобно создателю «Дней Турбиных», не шли по пути разрыва с национальной культурой. И, пожалуй, основным, главным «объектом» таких атак явилось творчество Сергея Есенина, который недвусмысленно говорил в 1921 году¹¹: «Моя лирика жива одной большой любовью, любовью к родине. Чувство родины – главное в моем творчестве».

Один из наиболее яростных врагов Есенина, Л. Со-сновский, который в том самом 1921 году был заведующим агитпропом ЦК РКП(б), а затем главным редактором газеты «Беднота», писал после смерти Есенина¹²: «В... жутком логове формируется идеология Есенина, которого (не с похмелья ли?) нарекли “великим национальным поэтом” и вывесили над Домом Печати соответствующий плакат, без всякого протеста со стороны коммунистов, руководителей Дома Печати» (Правда. 1926. 19 сент.).

Судьба Есенина и судьба его поэзии в 20-х годах полностью еще не осмыслена наукой, хотя в последнее время ее изучению посвятили свои усилия серьезные исследователи, благодаря чему многое связанное с этим именем начало проясняться. Так, в обстоятельной работе В. В. Базанова «Свидетельства очевидца и память истории»¹³ речь идет о жестокой борьбе, которую вынужден был вести Есенин в 1923 году. В это время его враги добились «товарищеского суда» над поэтом и тремя его друзьями, в ходе которого требовали – ни много ни мало – запретить им вообще заниматься литературной деятельностью*. Эта страница жизни Есенина обычно замалчивалась либо трактовалась, мягко говоря, не в пользу поэта.

В. В. Базанов внес ясность в эту историю; речь шла, пишет исследователь, «о том, что стало, увы, намечаться своеобразное “засилие” людей, которые нигилистически относятся не только к богатейшему наследию русской культуры... но и вообще ко всему русскому, национальному, претендуя в то же время на роль “вершителей судеб” культуры пореволюционной России. Анализ идейно-эстетической борьбы в литературе того времени, – констатирует В. В. Базанов, – и в особенности нескольких последующих лет убедительно показывает, насколько верно Есенин и его друзья почувствовали – уже в начале 20-х годов – одну из главнейших опасностей на пути развития русской литературы... Идеи сплошной

* См.: Белоусов В. Сергей Есенин: Литературная хроника. Ч. 2. М. 1970. С. 278.

денационализации России, ее культуры и языка, занимали далеко не последнее место в политической программе троцкистского (затем – троцкистско-зиновьевского) блока... Поощряемый... троцкистами национальный нигилизм в той или иной мере “пронизывал” тогда статьи и произведения многих авторов, иные из которых попросту издевались даже над самими понятиями “Россия”, “русское” и т.п.»*.

«Пренебрежение к национальному порой подавалось тогда как чуть ли не проявление подлинной революционности, – развивает далее свою мысль В. В. Базанов. – В высшей степени показательна в этом отношении одна из статей сборника “На путях искусства”. Для автора ее много было неприемлемо в Есенине, но из всего этого – “главное и основное... есенинский *патриотизм*”. “Тут уж Есенин воистину не имеет себе подобных в современности”, – гневно писал автор, недоумевая далее: “Как будто самые понятия “большевизма” и “патриотизма” не являются взаимно исключаящими” (На путях искусства: Сб. статей. М., 1926. С. 161). Все это свидетельствует, таким образом, о том, что озабоченность Есенина и его друзей дальнейшими судьбами русской литературы... была глубоко обоснованной, хотя и приняла у них, к сожалению, не совсем, быть может, тактичную и излишне заостренную лишь на одном обстоятельстве форму. Этим-то тотчас же и воспользовались недруги Есенина, последовательно организовавшие травлю поэта, в особенности Лев Сосновский... деятельность которого нанесла немалый вред молодой советской литературе... Он рассматривал, например, как анекдотический “казус” даже самый факт переиздания Наркомпросом произведений классиков русской литературы (Правда. 1918. 27 дек.), затем (уже в 1923 году) ратовал... за “упрощение” языка газеты, за отказ от литературного языка как “языка дворянской интеллигенции”...»**.

Подводя итоги, В. В. Базанов говорит следующее: «Нет ничего удивительного в том, что глубоко национальное

* Рус. лит. 1976. № I. С. 247.

** Там же, с. 249.

творчество Есенина, бесконечно гордившегося своей “русскостью” и с особой остротой реагировавшего на начавшееся было усиление антипатриотических троцкистских тенденций (“...Точно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть”, – с болью писал он в одном из писем в феврале 1923 года), было чуждо Сосновскому, который, разумеется, незамедлительно и использовал весь этот эпизод для развязывания очередной травли поэта... Его (Есенина. – В. К.) отношение к этому эпизоду несколько позднее нашло отражение в незавершенной статье с характерным названием “Россияне”, где он резко выступил против “бездарной группы мелких интриганов и репортерских карьеристов”, которые “развили и укрепили в литературе пришибевские нравы” (их своеобразным “лидером” он и считал Сосновского). Уже начальная фраза статьи выразительно передает степень возмущения Есенина... “Не было омерзительнее и паскуднее времени в литературной жизни, чем время, в которое мы живем”. Сказано, конечно, излишне резко, но можно понять поэта, творчество которого всячески третировалось тогда прежде всего (под каким бы флагом ни выступала эта критика!) из-за того, что оно было органически связано с национальной русской культурой*.

Необходимо обратить внимание на формулировку, согласно которой «большевизм» и «патриотизм» означают взаимоисключающие понятия. В 1920 году на VIII съезде Советов депутаты от крестьян выступили против иностранных концессий, заявив, что они готовы «еще три года голодать, холодать», лишь бы избежать концессий. На заседании съедовской фракции РКП(б) это заявление было квалифицировано как враждебный – кулацкий и мещанский – «патриотизм». В ответ на это В. И. Ленин возразил со всей определенностью¹⁴: «Патриотизм человека, который будет лучше три года голодать, чем отдать Россию иностранцам, это – настоящий патриотизм, без которого мы три года не продержались бы... А что кулаки стоят за то, что три года будут голодать, но не

* Там же.

пустят иностранных капиталистов, от которых кулак кое-что приобретет, – это неверно» (т. 42, с. 118, 124).

5

Как видим, проблема патриотизма в равной мере присутствует и в экономической политике, и в литературе.

В. В. Базанов совершенно верно говорит о том, что Есенин уже в 1923 году почувствовал «одну из главнейших опасностей на пути развития русской литературы» – опасность, которая стала вполне очевидной лишь несколькими годами позднее.

После гибели поэта стало ясно, что его наследие не только не отходит на второй план, а, напротив, все более и более набирает силу. Не успело выйти в свет посмертное собрание сочинений Есенина, как потребовалось новое его издание двукратным тиражом. И вот 12 января 1927 года в «Правде» появилась статья Бухарина под названием «Злые заметки», где было сказано, в частности:

«С легкой руки Сергея Есенина, этой “последней моды” дня, у нас расплодилось по всей литературе, включая и пролетарскую, жирное пятно от... “истинно-русских блинов”. Между тем есенинщина – это *самое вредное*, заслуживающее настоящего бичевания, явление нашего литературного дня... это отвратительная напудренная и нагло раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами, и оттого еще более гнусная. Причудливая смесь из “кобелей”, икон, “сисястых баб”, “жарких свечей”, березок, луны, сук, господ бога, некрофилии... и т.д.; все это под колпаком юродствующего quasi-народного национализма – вот что такое есенинщина.

Говорят нам: крестьянский поэт переходной эпохи... Не совсем так, милые друзья!.. Есенинская поэзия, по существу своему, есть мужичок, наполовину превратившийся в “ухаря-купца”... ухарь припадает сегодня к ножке “Государыни”, завтра лижет икону... Он даже может повеситься на чердаке от внутренней душевной пустоты. “Милая”, “знакомая” “истинно-русская” картина!

Идейно Есенин представляет *самые отрицательные* черты русской деревни и так называемого “национального характера”... И все это наше рабское историческое прошлое, еще живущее в нас, воспевается, возвеличивается, ставится на пьедестал лихой и в то же время пьяно-рыдающей поэзией Есенина... По этой линии идет воспевание “русского начала” в новой поэзии. А на самых высотах идеологии расцветает возврат к Тютчеву и другим. Еще бы!

Умом Россию не объять (так в тексте. – В. К.),
Аршином общим не измерить...

...они долбят камень нашей советской общественности изо дня в день, “национализируя” на свой салтык нашу литературу. А некоторые простачки им подсвистывают, им подпевают, не разобрав как следует, что к чему... Так помаленечку просовывает свои идеологические пальцы новая российская буржуазия... «по есенинщине нужно дать хорошенький залп»*, – резюмировал Бухарин.

И «залп» этот прогремел – в целой серии тогдашних статей о Есенине. Стоит сказать и о том, что приведенные выше «фрагменты» из бухаринской статьи сочувственно цитировались в рассуждениях о поэзии Есенина еще через десяток лет**. Залп был настолько сильным, что после 1927 года следующее собрание сочинений Есенина начало издаваться лишь через тридцать пять лет. Бухаринская статья, по сути

* Цит. по: «О писательской этике, литературном хулиганстве и богеме». Л., 1927. С. 7–8, 9–10. Вскоре после появления бухаринской статьи Пришвин писал Горькому о чувствах «горечи и возмущения и унижения, причиненных мне этой, наверно и вам известной, статьей» (Лит. наследство. Т. 70, М., 1963. С. 841).

** См. напр.: С е л и в а н о в с к и й А. Очерки по истории русской советской поэзии. М., 1936. С. 179. Кстати сказать, через семь лет, в 1934 году, сам Бухарин в несколько смягченной форме повторил свою атаку на Есенина: «Лирический и в то же время разухабисто-ухарский тембр его поэтического голоса сочетался в нем с самыми отсталыми элементами идеологии: с враждой к городу, с мистикой, с культом ограниченности и кнутобойства» (!) (1-й Всесоюзный съезд советских писателей. М., 1934. С. 488).

дела, «открыла» собой наиболее трудный период в развитии национальной литературы, когда *русское* было демагогически отождествлено с «помещичьим», «буржуазным» или «кулацким».

В одной энциклопедической статье о романе «Война и мир» писалось следующее: «Толстой пытается здесь реабилитировать дворянство... Он утверждает право дворянства и впредь быть первым сословием страны и руководителем государства... Фаталистическая философия снимает вопрос о виновности... дворянства как господствующего класса за ужасы прошлого... В романе изображается, как Россия, руководимая дворянством, побеждает Наполеона, которому все западные «свободолюбивые» народы покорились...»*

Но не только «Война и мир» – сама Отечественная война 1812 года, реальная, а не воссозданная Толстым, оценивалась здесь следующим образом:

«Отечественная война, русское националистическое название... Крестьяне, защищая от французов свое имущество, легко справлялись с разрозненными и голодными французскими отрядами... война получила пышное название “Отечественной”: дело тут было не в подъеме патриотического “духа”, но в защите крестьянами своего имущества. Наполеон был вынужден покинуть Россию»**.

Иначе говоря, одержимые звериным зовом собственничества, русские крестьяне беспощадно загубили порожденную революцией наполеоновскую армию. И в другом месте: «Будучи крайне невыгодным для крепостников-дворян, Тильзитский мир сыграл положительную роль для молодой российской промышленности... Возобновление войны с Францией в 1812 (так называемая “Отечественная война”)... было ударом для русской буржуазии и новым поворотом в сторону дворянской политики... Победа в этой войне была на стороне Российской империи. Далее война с Францией велась... под громким лозунгом “освобождения” Европы из-под “ига Наполеона”.

* Малая советская энциклопедия. Т. 8. М., 1929–1932. Стлб. 845.

** Там же.

Окончательная победа над последним явилась началом жесточайшей всеевропейской реакции»*.

При подобном толковании отечественной истории, естественно, никакого значения не имели уже и исторические памятники культуры... Достаточно сказать, что в те годы были превращены в фундамент компрессоров могилы героев Куликовской битвы Пересвета и Осляби (в Симоновом монастыре), разобраны: главный московский памятник Петровской эпохи – Сухарева башня и Триумфальная арка¹⁵, сооруженная в честь победы над Наполеоном. Не так давно эта арка восстановлена из чудом сохранившихся деталей; ныне уже поставлен вопрос о необходимости восстановления могил Пересвета и Осляби (Коммунист. 1979. № 9; Правда. 1980. 8 сент.) и Сухаревой башни.

В конце двадцатых годов была прекращена деятельность Общества истории и древностей российских, основанного еще в 1804 году и особенно активно работавшего в первые послереволюционные годы, а также Общества любителей российской словесности (основано в 1811 году), Общества поощрения художеств (основано в 1821 году), Русского общества друзей книги (основано в 1920 году) и других**. В конце двадцатых годов были опубликованы следующие стихи Дж. Алтаузена о памятнике, без которого непредставима Красная площадь:

Я предлагаю Минина расплавить,
Пожарского. Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить,
Их за прилавками Октябрь застал.
Случайно им мы не свернули шею,
Я знаю, это было бы под стать.
Подумаешь, они спасли Расею!
А может, лучше было не спасать?¹⁶

* Там же. Т. 7. Стлб. 418.

** Традиции этой деятельности были возрождены лишь в 1960–1970 годах, когда начали работу Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (1966), Всесоюзное общество любителей книги (1974) и т.д.

Другой популярный в те времена стихотворец А. Ясный сочинил подобный же опус, удостоенный места в солидной антологии, изданной в 1925 году:

РОССИЯ

Цыц! Пропадай, старая!
Не мешай, старуха, достраивать!
Сгинь от греха-пролетария.
К Иверской себя успокаивать...
Мы с тобой давно развенчаны,
Надоели до чертиков ладаны...
Разве можно большим и застенчивым
Любить тебя, – старую, нескладную?
Не маши своим белым кокошником,
Не звони от Ивана Великого,
На заре мы тебя уколошили,
На заре свое горе размыкаем.¹⁷

Тенденции этого рода приобрели тогда безусловно господствующий характер. Говоря о всех этих прискорбных явлениях, их сплошь и рядом объясняют «невежеством» тогдашних «деятелей культуры». И все-таки, думается, дело обстояло гораздо сложнее! Среди непримиримых «разоблачителей» русской классической литературы мы находим и людей весьма образованных – таких, например, как критик и литературовед А. Лежнев. Вслед за уничтожающей «характеристикой» творчества Есенина в статье Бухарина, где говорится и о том, что «на самых высотах идеологии расцветает возврат к Тютчеву», словно откликнувшись на этот призыв, А. Лежнев писал в начале 30-х годов в книге «Два поэта. Гейне, Тютчев» о «загадочности» Тютчева: «Барич, отпрыск старинной дворянской семьи... За границей у Тютчева-дипломата руками дядьки устроен чисто русский уголок, с иконами и русской кухней. Обломовские традиции усадьбы продолжаются и в Европе... Неудивительно, что барин, вы-

росший на созданной крепостным правом почве обломовской усадьбы, становится защитником родного самодержавия–православия–народности... Но тут обнаруживается одно странное обстоятельство: этот мягкотелый барин... проявляет в защите своих идей совсем не обломовскую прямолинейность, последовательность и страстность... От его политических стихов очень часто пахнет дурной кровью – не восстания, а войны и казни. Но не это самое тяжелое и неприятное... Неприятно, когда он начинает хитрить, изворачиваться, прикидываться непонимающим. Тяжело его лицемерие и мелочное лукавство... Не неистовство реакционера, не воспаленная жестокость шовиниста, а именно это тихое, елейное лицемерие, с каким идеолог кровавейшей из монархий, не устававший всю жизнь призывать к мечу и расправе, начинает вдруг шептать о любви и кротости, – вот что заставляет нас остановиться в недоумении. Лицемерие обнажено до предела... Так на наших глазах рыхлый Обломов превращается в упорного фанатичного мракобеса, учителя Достоевского... (это уже само по себе «преступление». – *В. К.*) – фигуру зловещую и недобрую. Добродушный, безвольный барин оборачивается свирепым апологетом самодержавия».

Эта злобная карикатура отчетливо перекликается с бухаринской клеветой на Есенина, которому приписано даже «кнутобойство». Рассуждения А. Лежнева ныне могут быть, вероятно, восприняты как некий «заскок» – скажем, как выражение имеющей уже скрытую от нас причину патологической ненависти критика именно к Тютчеву. Но дело совсем не в этом. В книге, которая цитировалась, А. Лежнев, по сути дела, громит *всю* русскую классическую литературу за ее – в его глазах прямо-таки преступную – любовь к родине. Он пишет, например, о Герцене, Аполлоне Григорьеве и Блоке:

«Казалось бы, что общего между публицистом-революционером, душевно неустроенным автором органической критики и поэтом “Прекрасной Дамы”? Но как ни различны в своем бытии, в своем историческом значении эти три человека, общее было: стремление к “почвенничеству”. Степени

его неодинаковы. Несходны мотивировки и цели. Но выражается оно у всех трех в родственной форме: народности, тяги к национальной самобытности. В наиболее сильном и открытом виде она присутствует у Ап. Григорьева... Она ослаблена и своеобразно деформирована в скифстве Блока. Она приобретает социалистическую окраску у Герцена, ищущего в устоях русского народного быта противоядия победительному мещанству Запада. Но при всей разности идейных мотивировок есть здесь близость психологических предпосылок: привязанность, участливость, нежность, иногда скрываемая даже от самого себя (?! – В. К.), к быту, к традиции, к обычаю страны, к ее “заветному” и “особенному”...»

Об этих трех писателях А. Лежнев говорит немало, особенно об Аполлоне Григорьеве, в идеях которого, по его словам, «есть элементы будущих фашистских концепций. Порочна самая попытка судить о писателе с точки зрения народного духа...»

Понятно, А. Лежнев в те времена был лишь одним из легиона литераторов подобного толка. Но еще прискорбнее сознавать, что подобная интерпретация классики стала тогда основой не только «вузовского», но и *школьного* преподавания литературы. И, думается, не будет преувеличением сказать, что в душах людей, которые были школьниками во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х годов, и поныне не изгладились печальные следы этой интерпретации. Эту мысль высказал в одном из своих выступлений академик Б. А. Рыбаков¹⁸.

6

Кое-кто может удивиться – зачем сегодня все это беречь, мол, время все поставило на свои места. Но в том-то и дело, что не поставило, и незнание печальных страниц своей истории мешает нынешнему молодому поколению понять многое из того, что происходит сегодня, что является ответом на те, нередко зловещие, деяния, совершавшиеся

во имя «революционных» завоеваний. Борьба за подлинную историю отечественной культуры, о которой мы говорили, сама уже стала неотъемлемой и необходимой частью этой истории. Преодоление многих горьких и возмутительных явлений, характерных для тех времен, – преодоление, совершающееся в последующие десятилетия, вызывает законное чувство гордости и надежды. В начале этой статьи приводились слова Е. К. Лигачева о «подъеме патриотических чувств, возросшем общественном интересе к истории Отечества». И, надо думать, не последнее место в духовном росте широчайших слоев народа, которых уже нельзя сбить с толку разного рода манипуляциями, пытающимися расшатать древо отечественной истории и культуры, занимает это самое восстановление подлинной истории отечественной культуры, знание того, что она претерпела. Знать и помнить о прошлых бедах необходимо и потому, что они вовсе не преодолены еще до конца, и для того, чтобы не допустить рецидивов. «Поводов для беспокойства хватает» – не в далеком прошлом произнесены эти слова.

Вот несколько фактов (к сожалению, их можно было бы привести в гораздо большем количестве). В начале 1986 года в Москве были снесены дом великого актера М. С. Щепкина на улице Ермоловой, 16 (бывший Б. Спасский переулок) и Щербаковские палаты, выстроенные на рубеже XVI–XVII веков (Бакунинская, то есть Покровская, улица, 26). А всего два года назад был снесен дом, в котором прожил большую часть своей московской эпохи Виссарион Белинский (Рахмановский переулок, 4).

Выше говорилось о том, сколь чудовищные трактовки Отечественной войны 1812 года встречались полвека назад. Но своего рода рецидивы прежнего зловерного вульгаризаторства еще дают о себе знать. Видный современный историк, автор ряда широко известных трудов Н. А. Троицкий недавно обратил внимание¹⁹ на то, что, переиздавая «Очерки Бородинского сражения», написанные героем этого сражения Федором Глинкой, издательство «Московский рабочий» без

всяких оговорок изъяло «знаменитую сцену торжественного молебствия в русской армии перед Бородинской битвой». «Советский читатель, – справедливо пишет Н. А. Троицкий, – даже самый молодой, теперь достаточно образован для того, чтобы понять, каков был смысл молебствия в русской армии начала XIX века, понять, что такая сцена тогда не только не унижала, а, напротив, возвышала русских солдат в глазах собственного народа и отечества. Сам Ф. Н. Глинка описывает ее с гордостью, она напоминает ему “приготовление к битве Куликовской”...»

Далеко еще не преодолен антиисторизм и всякого рода догматизм в рассуждениях о культуре. В уже цитированной книге академика А. Г. Егорова говорится: «Нельзя пройти... мимо того, что в последнее время все чаще встречаются попытки механически перенести на социалистическое общество ленинское положение о двух тенденциях в национальной культуре при капитализме. Иногда это делается прямо, иногда с оговорками, но это мало что меняет: догматизм остается догматизмом».

При обсуждении книг известной серии «Жизнь замечательных людей» Н. Скотов сказал, в частности: «Идея пути, дороги – вот что определяет весь образ Гоголя в книге И. Золотусского, поиск – вот что определяет образ самого автора книги. Именно так нужно писать книги для издания в ЖЗЛ». Другой участник обсуждения, И. Дзеверин, отверг это мнение Н. Скотова, противопоставив ему произнесенные незадолго до Октябрьской революции слова В. И. Ленина о статьях Добролюбова, который сделал «из анализа “Накануне” настоящую революционную прокламацию... Вот как нужно писать!»*

Механически применяя слова В. И. Ленина по отношению к исторически иной, качественно новой эпохе, И. Дзеверин, по сути, требует сделать из книги о Гоголе для серии «ЖЗЛ» революционную прокламацию. Я отнюдь не думаю, что И. Дзеверин одержим стремлением призывать сегодня

* Вопр. лит. 1980. № 9. С. 200, 249.

к свержению строя, просто демонстрирую образчик догматизма. Еще можно как-то понять тех, кто призывал делать из литературоведческих работ революционные прокламации в первые годы после революции. Но подобные призывы в 1980 году, полагаю, абсолютно неуместны.

Еще в 1920 году, во время Гражданской войны, В. И. Ленин сказал²⁰: «У предыдущего поколения задача сводилась к свержению буржуазии... (и, естественно, любую статью нужно было превращать в революционную прокламацию. – *В. К.*). Перед новым поколением стоит задача более сложная» (т. 41, с. 307). Эта сложность заключается уже хотя бы в самой необходимости обогатить «свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» (т. 41, с. 305).

Только что продемонстрированный характер «использования» ленинских слов особенно недопустим потому, что В. И. Ленину было совершенно чуждо отношение к революции как к чему-то «самоцельному». Он был безусловным противником троцкистской идеи «перманентной революции». Не менее существенно и другое. С точки зрения троцкистов, Россия была своего рода «вязанкой хвороста», которую нужно было бросить в «костер» мировой революции. В противоположность этому В. И. Ленин видел главную цель революционных преобразований в расцвете России. Опираясь на классические некрасовские строки, он писал в статье «Главная задача наших дней» (1918) об этой самой задаче:

«Добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной...

У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция – чтобы создать действительно могучую и обильную Русь» (т. 36, с. 79–80).

Конечно, в понятие «могучая и обильная Русь» входит и мысль о расцвете русской культуры. Развитие, а отчасти и воскрешение ленинской концепции национальной культуры – такова сегодня насущнейшая задача.

В заключение обратимся вновь к судьбе и смыслу Московского Кремля, этого корневого, сердцевинного явления русской культуры, в сохранение которого столько сил вложил, как мы видели, В. И. Ленин; его воля проявилась здесь так ясно и мощно, что, несмотря на тяжкий урон (это тема специального разговора), Кремль все же уцелел (в отличие, например, от почти полностью снесенного Китай-города).

При мысли о Кремле поражает огромность, можно даже сказать, бездонность сосредоточенной в нем исторической памяти, уходящей своими корнями в Византию, наследницей которой стремилась считать себя Русь, и далее, в Древнюю Грецию и Рим: на фресках Благовещенского собора, созданных в начале XVI века, изображены рядом с выдающимися деятелями Византии Гомер, Платон, Аристотель, Диоген, Фукидид, Птоломей, Вергилий, Плутарх.

Мой школьный товарищ, Евгений Сизов, посвятивший свою – увы, оборвавшуюся на пятидесятом году – жизнь изучению Кремля и ставший главным хранителем его Государственных музеев, не без горечи говорил незадолго до кончины, что только теперь ясно видит все несметное богатство этой исторической памяти...

Кремль занимает весьма скромное пространство; длина его стен – всего 2235 метров, их можно обойти менее чем за полчаса. Но если углубиться в прошлое любого малого участка кремлевской территории, откроются богатейшие напластования многих эпох.

Не обязательно даже обращаться к главным зданиям Кремля – Успенскому, Архангельскому и Благовещенскому соборам, Грановитой палате, Ивану Великому, Спасской башне и так далее, тем более что их история достаточно широко известна. Вот небольшая церковка, ставшая в XIX веке составной частью Кремлевского дворца (там, где он примыкает к Оружейной палате). Деревянный храм Воскрешения Лазаря построен был здесь еще в конце XIII – начале XIV века; в нем хорони-

ли московских княгинь. В 1393 году по воле вдовы Дмитрия Донского Евдокии на его месте воздвигается из белого камня новая церковь с престолом Рождества Богородицы, празднуемого 8 сентября – в день Куликовской битвы. Храм, расписанный прославленными иконописцами Феофаном Греком и Симеоном Черным, в течение веков воспринимался как памятник великой победы. В 1684 году зодчий Федор Тихонов обновил здание, причем придел Лазаря был упразднен и храм всецело связался с памятью 8 сентября 1380 года. А в 1862 году в нем венчался Лев Толстой; вскоре он будет внимательно изучать Кремль, ибо приступит к работе над «Войной и миром».

И такие напластования событий можно увидеть, по сути дела, в каждой точке Кремля. Поскольку все события в Кремле свершались перед взором целой России, историческая память жива даже и в тех случаях, когда здание, послужившее, так сказать, местом действия, не уцелело, не дошло до нас.

Так, на Ивановской площади, близ знаменитой колокольни, был построен в начале XVI века собор Николая Гостунского. Через три столетия, в 1817 году, площадь потребовалась для военного парада, на котором присутствовал прусский король. И за одну ночь собор был снесен... Но мы и теперь помним, что именно в этом соборе в 1550-х годах начал свою деятельность первопечатник Иван Федоров.

А на другой стороне Ивановской площади стоял основанный при Дмитрии Донском Чудов монастырь, откуда в 1601 году бежал в Польшу чернец Гришка Отрепьев, объявивший себя царевичем Дмитрием. Через два с четвертью века Пушкин воссоздаст это событие в своем «Борисе Годунове». А на следующий год фельдъегерь доставит поэта из села Михайловского в Малый дворец, поставленный в XVIII веке вплотную к этому самому Чудову монастырю (сейчас на этом месте – построенное в 1932 году новое здание). Здесь произойдет драматический диалог поэта с Николаем I; Пушкин откровенно скажет тогда царю, что если бы 14 декабря 1825 года он находился в Петербурге, то стал бы в ряды мятежников, а царь ответит, что декабристы те же стрельцы.

Так тесно и остро сходятся и переплетаются в Кремле нити отечественной истории, звенья многовековой памяти.

Конечно, конкретное содержание этой памяти доступно лишь тем, кто специально изучает историю. Но следует со всей определенностью сказать, что глубокое и мощное сознание или хотя бы ощущение этой воплотившейся в Кремле неисчерпаемой исторической памяти присуще каждому гражданину страны. Всякий из нас всем существом (а отнюдь не только умом, рассудком) переживает и державное значение, и несметное богатство исторического смысла, явленные в Кремле.

Говоря о всенародном отношении к Кремлю, трудно обойтись без слова, которое, казалось бы, находится в другом ряду, – слова Любовь. Именно это чувство неукоснительно присутствует в поэтических творениях, посвященных Кремлю. И тут выражается не индивидуальная, но общенародная очарованность. Все помнят строки Лермонтова о «безмятежном Кремле», который поэт любит

Как русский, – сильно, пламенно и нежно!²¹

Александр Блок, сказавший о «прозрачной нежности» Кремля, вопрошал:

В час утра, чистый и хрустальный,
У стен Московского Кремля,
Восторг души первоначальный
Вернет ли мне моя земля?²²

А в наше время Николай Рубцов, воспевая в своем стихотворении «О Московском Кремле» и державность «московской твердыни», и глубину ее исторической памяти, не смог не сказать и о ее непобедимом обаянии:

Остановитесь тихо в день воскресный –
Ну, не мираж ли сказочно-небесный
Возник пред вами, реет и горит?²³

Духовно-историческое значение Кремля раскрывалось с наибольшей ослепительностью и полнотой в пору великих испытаний и поворотов в судьбе страны, – что, конечно, вполне естественно. Так, ни с чем не сравнимое значение Кремля с захватывающей всех и каждого силой выявилось в 1941 году.

Здесь уместно вспомнить, как во время трагического конца Крымской войны Федор Тютчев писал о своих переживаниях в Кремле²⁴: «...Я поднялся на первую площадку Ивана Великого, покрытую народом... И тут... мне пригрезилось, что настоящая минута давно миновала, что протекло полвека и более, что начинающаяся теперь великая борьба, пройдя сквозь целый цикл безмерных превратностей, захватив и раздробив в своем изменчивом движении государства и поколения, наконец, закончена, что новый мир возник из нее... И тогда вся эта сцена в Кремле... показалась мне видением прошлого и весьма далекого прошлого, а люди, двигавшиеся вокруг меня, давно исчезнувшими из этого мира... Я вдруг почувствовал себя современником их правнуков». Несколько позже Тютчев рассказывал, как стояли рядом с ним в Кремлевском дворце «князя Мингрельские, Татарские, Имеретинские, самые подлинные, с их великолепными одеяниями и торжественными лицами... а в двухстах шагах от этих залитых светом зал... там, под сводами – гробницы Ивана III и Ивана IV...»

Эта пронзающая душу связь времен – и не только прошлого и настоящего, но и будущего – открывалась в 1941 году при взгляде на Кремль или хотя бы мысли о нем для тысяч и тысяч людей, оборонявших Москву, – сыновей всех народов страны.

Тютчев мог встретить в Кремле только князей, беков и ханов, чьи предки начиная с XV века, прибывали в Кремль, чтобы заключать договоры о вхождении своих земель в состав России (об этом ярко рассказано в книге Федора Нестерова «Связь времен»). А в 1941 году к Кремлю были обращены души целых народов.

Один из славных героев Московской битвы, соратник легендарного генерала Панфилова казах Баурджан Момыш-улы вспоминал²⁵ о том, как, находясь уже на восточной окраине Крюкова, он получил из штаба новую карту:

«Я развернул и увидел на юго-восточных листах карты сплошную темную массу. Мне показалось – это был неровный, но четкий оттиск старинной громадной гербовой печати... Я всмотрелся... В центре был обозначен Кремль».

И Баурджан Момыш-улы обратился к своему адъютанту Петру Сулиме:

« – Дайте мне перочинный нож. – Он вынул из своей полевой сумки раскрытый нож. Я аккуратно разрезал карту и протянул половину ее Сулиме. – Нате, сожгите. Нам больше не понадобится ориентироваться и изучать местность восточнее Крюкова.

Лейтенант скомкал плотную бумагу и бросил ее в топку маленькой печурки. Потом, выпрямившись и приложив руку к ушанке, произнес:

– Все ясно, товарищ командир!»

И та часть карты, где были нанесены треугольные очертания Кремля, напоминающие форму сердца, в самом деле не понадобилась... Ее словно отрезали – хотя бы мысленно – тысячи и тысячи защитников Москвы.

Казалось бы, Кремль был обречен... По личному приказу Гитлера уже сформирован специальный инженерный батальон, который должен взорвать Кремль. Заранее уверенный в успехе командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок идет на риск и на разведывательном самолете пролетает над Москвой, вглядываясь в свою главную цель. Пресловутый обер-диверсант Отто Скорцени, которому поручено с особым отрядом из дивизии СС «Рейх» захватить ближайшие к столице шлюзы на канале Москва–Волга, утверждал позднее в своих воспоминаниях²⁶, что с колокольни в селении около Красной Поляны разглядывал Кремль в бинокль. Сюда, в Красную Поляну, были доставлены 300-миллиметровые орудия, чьи снаряды могли обрушиться на Кремль, расположенный всего

лишь в 25 километрах. Но эти орудия не успели выстрелить и стали нашими трофеями.

Да, до Кремля оставалось на северо-западных направлениях обороны всего лишь 25–30 километров. Но от этой близости словно безмерно выросла сила духовного воздействия народной святыни на сражающихся в подмосковных снегах воинов. И можно думать, что даже враг понял это: отброшенный в конце 1941 – начале 1942 года к рубежу Ржев–Гжатск (ныне Гагарин)–Юхнов, он уже ни разу не попытался наступать непосредственно в направлении на Москву.

Сейчас как-то забылось, что после победы под Москвой вплоть до осени 1943 года линия фронта на отдельных участках проходила всего лишь в двухстах с небольшим километрах от Кремля! Однако Москва жила это долгое время без особой тревоги, хотя и скудной, но многосторонней жизнью; и мои сверстники, тогда тринадцатилетние, – среди них и уже упомянутый Женя Сизов – ясно видели и чувствовали спокойную уверенность города и его Кремля в незыблемости столь недалекого фронта.

Но, конечно, Кремль нераздельно связан не только с Московской битвой. Он был ярчайшим, всецело внятным каждому воплощением самого смысла Великой Отечественной войны, когда, по точным словам из доклада М. С. Горбачева²⁷ на торжественном собрании, посвященном 40-летию Победы, «в жесточайшей битве решались судьбы социалистического Отечества – быть нашим народам свободными или впасть в порабощение, иметь национальную государственность, язык и культуру или лишиться всего, кануть в историческое небытие». Кремль и являл собой полный значения и красоты символ *исторического бытия* страны.

Историческое бытие есть реальность, которая в равной мере открыта и в прошлое, и в будущее. К сожалению, в глазах многих из нас еще и сейчас история не связана неразрывно с настоящим и грядущим. История осознается нередко только как нечто «старое», то есть в конечном счете «устаревшее» и потому чуждое или даже прямо противостоящее насущным делам

современности – скажем, научно-техническому прогрессу. Но такое, увы, достаточно широко распространенное представление основывается на пассивном, плоскостном зрении, которое неспособно связать воедино явления, если они разделены временем и не имеют наглядного внешнего сходства.

Противопоставление современных задач и, скажем, осязаемо воплощенной в «кремлевских камнях» исторической памяти ложно и потому, что Кремль был воздвигнут в конце XV – начале XVI века воистину по последнему слову техники того времени, что еще ранее, в 1382 году, со стен Кремля впервые ударила по туменам Тохтамыша древняя артиллерия (и только путем обмана и предательства враги вошли тогда в кремлевские ворота), что в 1550-х годах на Ивановской площади начала работу первая отечественная типография Ивана Федорова, что в 1600 году Бажен Огурцов завершил почти стометровый столп Ивана Великого²⁸ – одно из крупнейших сооружений этого рода в тогдашнем мире. И вполне естественно, что именно в Кремле в 1920 году создавался план ГОЭЛРО, в разработке которого участвовали Г. М. Кржижановский, Г. О. Графтио, П. А. Флоренский, И. Г. Александров и другие энергетики мирового масштаба.

Все это прекрасно понимают сегодня наши космонавты, которые перед каждым взлетом обязательно приходят к Кремлю. Они понимают, что их деятельность подготовлена всем историческим бытием. Об этом, например, не раз говорил и писал В. И. Севастьянов. И я не верю, что можно создать нечто подлинно значительное в какой бы то ни было сфере деятельности без причастности историческому бытию, ярчайшее воплощение которого являет Кремль.

8

Не так давно «Комсомольская правда» опубликовала интервью с популярным автором и исполнителем эстрадных песен Юрием Антоновым²⁸. Он поведал, что его идеал – это песенная фраза, которая «схватывается слушателями на ходу

и напевается до тех пор, пока не надоест». Тогда ему задали вопрос: «Не сокращает ли такая доступность жизни песни?» И вот что он ответил: «А почему у нее должен быть долгий век?.. Вы же не станете сейчас носить костюм пятидесятых годов, а если и станете, то сначала отнесете его к портному, чтобы заузить брюки, приталить пиджак...»

Интервьюеры никак не реагировали на эту «брючную» эстетику песни. И это печальнее всего, ибо газету читают миллионы молодых людей. Опровергнуть «теоретика» трудно; собственно, он сам себя опровергает, так как тут же говорит об особой значительности пения Клавдии Шульженко, словно бы не замечая, что записи ее песен пятидесятых и более ранних годов не устарели, захватывают людей и сегодня – прежде всего потому, что песни ее подключены к *историческому бытию*.

Но дело не в самом сиюминутном кумире, который не без пронизательности сознает, что его песня скоро «надоест», как надоедает фасон брюк. Дело в том мировосприятии бабочки-поденки, которое он выражает.

А вот Алла Пугачева рассказывает о многозначительном начале своей карьеры²⁹, определившем, по ее признанию, все последующее: «Выхожу на сцену с ведром на голове. Смешно. Снимаю – а под ним еще одно. Еще смешнее...» – «Ну а смысл-то в чем?» – «А я и не знаю. Просто так, говорю, смешно. И сейчас мне эти вещи необходимы. Я страдаю (!) только оттого, что какие-то из них надоедают... Вот вам и ответ на то, что я за человек. А основная трудность моей жизни состоит в том, что все время необходимо искать новое».

И это «откровение» (а может быть – эпатирование читателя?) опубликовано на страницах журнала «Студенческий меридиан», который вроде бы призван выражать и удовлетворять интересы наиболее культурной части молодежи...

Мне могут возразить, что потребны и чисто развлекательные зрелища. Но с этим-то я целиком и полностью согласен. Речь идет совсем не об этом. Одно дело – концерты легкого жанра в специально отведенных для этого местах, и совер-

шенно иное – неслыханное количество часов на телерадио и бесконечные интервью и статьи с эффектными портретами на страницах вполне серьезных газет и журналов. И суть проблемы, как я уже говорил, отнюдь не в самих эстрадных кумирах, но в том, что при их участии, а главное, их преимущественном пропагандировании мировосприятие молодых людей как бы начисто отторгается от нашего исторического бытия.

Современная биология пришла к выводу, что жизнь в ее глубочайшей основе есть генетическая память. Но тем более это верно в отношении общественной жизни и жизни человеческого духа: ее сила и плодотворность определяются богатством исторической памяти. От этой памяти всецело зависит и умственная, и нравственная высота человека.

«Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости, – писал Пушкин³⁰. – Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим». Это истина: тот, кто живет только сегодняшним днем, в самом деле, способен лишь пресмыкаться, приспосабливаться к сиюминутным обстоятельствам и никогда не сможет осуществить весомую цель. И чувство ответственности перед будущим реально испытывает только тот, кто чувствует ответственность перед прошлым.

Но нельзя не сказать и о том, что наряду с поверхностно думающими людьми, которые готовы пренебрежительно отвернуться от прошлого – допустим, во имя задач современного научно-технического прогресса, – у нас есть сейчас немало людей, казалось бы, противоположного умонастроения: они стремятся словно целиком погрузиться в переживание прошлого, пренебрегая современностью. Между тем это стремление столь же далеко от истинного исторического бытия, как и полное замыкание в рамках сиюминутных дел. Оба умонастроения уместно определить опять же пушкинским словом – «полупросвещение». Раскрывая основные черты этого «уровня» сознания, который во многих отношениях даже хуже, вреднее отсутствия просвещения, Пушкин с предельной резкостью писал³¹: «Невежественное презрение

ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приноровленные ко всему...»

Ясно, что при таком мировосприятии невозможно сделать ничего подлинного и весомого ни в какой области культуры. Но не может быть плодотворным и «слепое пристрастие» к старине.

Всепоглощающее внимание к прошлому было для нас по-своему необходимо и плодотворно в определенный момент, полтора-два десятилетия назад, когда, в частности, возрождалось, после длительного перерыва, Общество охраны памятников истории и культуры. Необходимость тогдашней страстной защиты прошлого диктовалась уже хотя бы тем, что в конце 1950-х – начале 1960-х годов вновь начались ломки и перестройки и в Кремле, и особенно в самом ближайшем его окружении. Чувствовалось, что все это может привести к крайне печальным последствиям.

Но ныне сама по себе погруженность в прошлое не вызывается острейшей необходимостью и, главное, уже недостаточна для дальнейшего духовного развития. В высшей степени характерно, что пристрастие к погружению в прошлое отлилось теперь в понятия «ретро» и «ностальгия», которые самой своей пошловатостью выдают свою принадлежность к миру «полупросвещения». Нам следует дать себе ясный отчет в том, что «пресмыкательство» и перед настоящим, и перед одним только прошедшим в равной мере приводит в конечном счете к разрыву живой связи времен. Прошедшее, лишенное в нашем восприятии органической сращенности с настоящим (которое чревато будущим), неизбежно мертвеет. В свою очередь, отвержение прошлого ради забот сегодняшнего дня разрушает живую целостность исторического бытия.

Великое значение Московского Кремля заключается, помимо всего прочего, в том, что он осязаемо противостоит этому разрушению, ибо ни в коей мере не является только памятником старины; он полон жизни, открытой в необозримое грядущее.

Да, Московский Кремль – поражающе живое творение. Это сердце Отчизны, выдержавшее все тяжелейшие испытания, и его мощное биение слышит каждый из нас.

Замечательное, едва ли не уникальное свойство московской твердыни состоит в том, что, выражая державный, государственный смысл, Кремль в то же время порождает в нас сокровенно личные переживания, – как это и запечатлено в приведенных выше стихах о Кремле. Г. К. Жуков рассказал³² о словно бы юношеском волнении, испытанном им, прославленным целым миром полководцем-победителем, у Спасской башни 24 июня 1945 года:

«Без трех минут десять я был на коне у Спасских ворот... Часы отбивают 10.00. Что тут говорить, сердце билось учащенно... Послал коня и направился на Красную площадь. Грянули мощные и торжественные звуки столь дорогой для каждой русской души мелодии “Слався!” Глинки»... (Вспомним, что эта часть «Ивана Сусанина» есть именно музыка Кремля.)

Это сокровенно-личное восприятие глубоко и драматически выражено в стихотворении недавно вошедшего в отечественную литературу поэта Виктора Лапшина, живущего в костромском городе Галиче:

О, если смутная година
Тебя лишит жены и сына
И под землю скроет мать,
Друг нечестиво отречется,
Душа от муки разорвется,
И время устремится вспять,
И дело, что милее жизни,
Ты заподозришь в дешевизне, –
Отчаиваться не спеши:
На всепобедную природу
Не уповай: тебе в угоду
Не воскресит она души.
Одна на свете нам отрада.
За все страдания награда:

Немедля в путь себя готовь,
Да осенит твой дух смятенный
На Красной площади священной
Державы вечная любовь.

«Державы вечная любовь» — так можно бы назвать сам Московский Кремль, который во все времена не только символ, но и сердце нашего Отечества.

Послесловие к «Посланиям патриарха Тихона»

Итак, опубликованы мало кому до сих пор известные документы. По трагической и просто жестокой остроте смысла их (особенно «строго секретную» записку В. И. Ленина) трудно сравнивать с какими-либо другими напечатанными у нас в последнее время документами, хотя, казалось бы, появилось уже так много острейших публикаций...

К сожалению, в большинстве случаев публикаторы этого рода документов явно преследовали одну специфическую цель — возбудить как можно более резкие негативные эмоции (что нередко и удавалось). Вот, мол, какие чудовищные вещи происходили в этой проклятой России! — таков был основной «прицел» множества подобных публикаций.

И эта практика уже начала вызывать нарастающее сопротивление. Родственник одного из воскрешаемых ныне великих русских мыслителей¹, на чью долю выпала трагическая судьба, рассказывал мне, как представитель охочего до сенсаций журнала при переговорах по поводу публикации материалов о жизни и деятельности мыслителя с грубой откровенностью заявил: «Вы нам побольше “чернухи” дайте!» В конце концов возмущенный наследник вообще отказался что-либо передать развязному журналисту.

Изучать прошлое нужно и важно не для очередных проклятий, но для того, чтобы понять ход истории — и, конечно, не только прошедшей, но и современной, и будущей. И об-

народование документов, раскрывающих предельно жестокий конфликт, имеет своей целью углубить не только понимание того, что происходило в России в 1918–1925 годах, но и всего движения истории в Новое время, особенно с конца XVIII века, когда христианская Церковь впервые была подвергнута безоговорочному отрицанию.

Нет сомнения, что во многих нынешних журналах и газетах этот конфликт был бы подан как нечто характерное именно и только для нашей страны. Читателей уже «приучили» именно к такому восприятию. Один из глубоко уважаемых мною людей, прочитав при мне публикуемые здесь документы, сказал с горьким вздохом: «Подобное могло делаться только в России...»

Поэтому в высшей степени целесообразно привести несколько выдержек из только что изданной (к сожалению, тиражом всего лишь в семь с половиной тысяч экземпляров) книги В. Г. Ревуненкова «Очерки по истории Великой французской революции» (Л., 1989); нелишне будет отметить, что автор книги посвятил изучению революции XVIII века более тридцати лет, и его работа, без сомнения, представляет собой наиболее объективное из новейших исследований этой революции.

Итак, несколько документов и фактов:

– Постановление Генерального Совета Коммуны от 23 ноября 1793 года:

«1. Все церкви и храмы будут немедленно закрыты; 2. Все священники несут персональную ответственность за все волнения, источником которых явятся религиозные убеждения; 3. Всякий, кто потребует открыть храм или церковь, будет арестован».

– «2 ноября в Конвент явились посланцы Фуше (комиссар Конвента; впоследствии был министром полиции при Наполеоне – то есть своего рода наполеоновским Берией. – В. К.), неся с собой 17 ящиков с золотом, серебром и прочей церковной утварью. “Санкюлоты, – заявили они, – явились к вам, чтобы вручить эти реликвии фанатизма. Они попирают ногами кресты и все игрушки попов...” Действия Фуше и других комисса-

ров Конвента в департаментах, изымавших церковное золото, закрывавших храмы и т.п., нашли еще более энергичное продолжение в Париже». В Париже отбиралось не только золото и серебро; было предписано «перелить в пушки бронзовые распятия, статуи святых и прочие изображения...»

– Комиссар Конвента в Нанте Каррье (позднее, кстати сказать, сам ставший жертвой доведенного им до крайности террора) приказал «набивать» заключенными священниками барки, стоявшие на Луаре; эти барки отводились на середину Луары и там затоплялись... На заседании Конвента 28 ноября 1793 г. было оглашено письмо Каррье, в котором говорилось: «Апостол разума просвещает и воодушевляет все умы; пред рассудки, суеверия, фанатизм рассеиваются перед факелом философии. Мине, прежний епископ, обличил в красноречивой речи ошибки и преступления духовенства и сложил с себя сан священника; пять кюре последовали его примеру... 82 из числа тех, кого мы называем непокорными, были заперты на барке на Луаре; все они погибли в реке». Через две недели Каррье рапортовал, что «Луара поглотила еще 25 священников. Что за революционный поток эта Луара!»*

В. Г. Ревуненков, между прочим, сообщает в своей книге, что крупные доходы имело во Франции только немногочисленное высшее духовенство; основная же часть духовенства – кюре (священники), викарии и монахи – «вербовалась из различных слоев народа вплоть до крестьян и ремесленников и жила более чем скромно: по статусу 1796 г. годовой оклад кюре составлял 750 ливров, его викария (помощника) – 350 ливров». Тут же историк отмечает, что «опытный и умелый рабочий мог заработать до 2 ливров в день» (то есть его заработок был близок к окладу кюре и превосходил оклад викария).

Следовательно, ненависть к священникам имела, так сказать, отнюдь не «материальную», а собственно «идейную» основу. Это, между прочим, совершенно ясно выразилось в

* По другим сведениям (см., напр., Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона, полутом 28, стлб. 597), один только Каррье утопил в общей сложности 152 священника.

процитированном рапорте комиссара Каррье. Христианство предстает как нечто абсолютно враждебное идее «разумного» устройства совершенного общества, своего рода «земного рая». И все идеологи, ставившие цель создания такого общества, видели в христианстве первейшего своего врага.

Достоевский в «Дневнике писателя» 1873 года рассказывал о своей встрече с Белинским в 1845 году: «Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма. В этом много для меня знаменательного, — именно удивительное чутье его... Интернационалка в одном из своих воззваний, года два тому назад, начала прямо с знаменательного заявления: “Мы прежде всего общество атеистическое”, то есть начала с самой сути дела; тем же начал и Белинский... Как социалисту, ему прежде всего следовало низложить христианство».

Достоевский не вполне точен, говоря здесь именно и только о «социалистах»: те или иные деятели Французской революции, уничтожавшие священников и священные предметы, не были «социалистами» в собственном смысле слова, а с другой стороны, существовал общинный социализм, который никто народу не навязывал. Речь должна идти не о социалистической идее как таковой, а о той или иной «разумной» организации общества, которая насаждается идеологами.

Важно также напомнить, что ко времени своей встречи с Достоевским Белинский уже написал² (в 1841 году) высоко ценимые его продолжателями слова: «Я понял французскую революцию... Понял и кровавую любовь Марата (который был главным пропагандистом массового террора. — В. К.) к свободе, его кровавую ненависть ко всему, что хотело отделяться от братства с человечеством...»

Будущее кровавое столкновение в России ясно намечается здесь, за много десятилетий до его осуществления. И устроители насильственного «братства» неизбежно должны были столкнуться с христианством, которое не допускает мысли о рае на земле и — а это не менее враждебно устроителям «братства» — исходит из того, что судьбы народов

не могут определяться волей хотя бы даже и самых «разумных» идеологов.

Словом, то, что происходило в России в 1922 году, было звеном во всемирно-исторической цепи. «Штурм Неба» – если воспользоваться этой популярной в 1920–1930-х годах формулой – имеет свою долгую и сложную историю...

* * *

Вернемся еще раз к Французской революции. 7 ноября 1793 года (между прочим, еще до того момента, когда начали топить барки со священниками) «к конституционному епископу Парижа Гобелю явилась, – как сообщается в уже цитированном труде В. Г. Ревуненкова, – депутация ЦК народных обществ... и, разбудив престарелого служителя церкви, заявила ему, что он должен отречься от сана и приказать подчиненному ему духовенству закрыть церкви. На другой день Гобель, запросив предварительно мнение епископского совета (который 14 голосами против трех высказался за отречение), явился в Конвент и торжественно отрекся от своего сана. За отречением Гобеля последовали массовые отречения от сана духовных лиц как в Париже, так и в департаментах» (позднее, уже при Наполеоне, французская церковь восстановилась).

Виднейшие иерархи русской церкви, в отличие от французской, не отреклись от своей миссии...

Нельзя не обратить внимание на в высшей степени знаменательный факт: беспощадное подавление церкви поручается возглавить Троцкому, но это должно остаться в безусловной тайне, а на «поверхности» должна быть фигура Калинина³. Вспомним аналогичную (хотя по «соотношению фигур» как раз противоположную) ситуацию: на время с 27 сентября 1936 года до 8 декабря 1938-го во главе органов безопасности был поставлен русский – Ежов, между тем как и до этого времени, и после него (при жизни Сталина) все основные руководители данного ведомства были нерусского происхождения⁴. Говоря попросту, считалось, очевидно, что Калинин, в

юности бывший христианином, не сможет достаточно беспощадно отнестись к Церкви, а – во втором случае – Ягода не сумеет быть беспощадным ко многим деятелям верхнего эшелона власти и самого НКВД.

Обратимся теперь к личности его святейшества Патриарха Тихона. Нет сомнения, что для ее понимания необходим очень широкий – в сущности, всемирно-исторический – контекст. Выше уже вспоминалось – и вполне естественно – имя Достоевского; столь же естественно приходит на ум сочиняемая его Иваном Карамазовым символическая поэма «Великий инквизитор»*. Смысл ее, в частности, в том, что христианство в его истинной сути «мешает» созданию «разумно» устроенного «всеобщего счастья» и сам великий инквизитор решает отправить явившегося к нему Христа на костер.

В поэме Ивана Карамазова после слов Великого инквизитора – «Завтра я сожгу тебя. Dіxі**» – его собеседник «молча приближается к старику и тихо целует его». Здесь невольно вспоминается о том, что Патриарх Тихон в 1924 году добрыми словами помянул В. И. Ленина...⁶ Как и у Достоевского, речь шла, конечно, о *человеке*, а не об идее.

Через год, 7 апреля 1925 года, Патриарх Тихон скончался. На его похоронах в творческом сознании крупнейшего русского живописца того времени Павла Корина сложился замысел великого трагического произведения.

Цитирую записную книжку П. Д. Корина⁷: «12 апреля 1925 (Донской монастырь. Отпевание патриарха Тихона). С высокого входа собора видно было: вдали по ограде монастыря несли гроб, шло духовенство. Народа было великое множество. Был вечер перед сумерками, тихий, ясный. Народ стоял с зажженными свечами, плач, заупокойное пение... В стороне сидел слепой и с ним мальчишка лет тринадцати... Они пели

* Н. А. Бердяев еще в 1905 году писал, что «социал-демократы – провозвестники рационалистической религии человеческого устройства», и связывал имя Ленина с образом «Великого инквизитора»⁵ из поэмы Ивана Карамазова (журнал «Полярная звезда». 1905. № 2. С. 146).

** «Я сказал» (лат.) – в смысле: больше говорить не о чем.

какой-то старинный стих, каким-то странным старинным напевом... Помню слова: «Сердца на копья поднимем»...»

На похоронах и возник замысел коринской картины «Реквием»: «Потрясла трагедия, – говорил художник, – хотел ее отразить». В 1920–1925 годах П. Д. Корин изучал и копировал полотно Александра Иванова «Явление Христа народу». Теперь же он задумал своего рода «Явление Антихриста народу»...^{**} Поначалу «местом действия» должен был быть Донской монастырь, позднее художник перенес свой замысел в главный собор России – Успенский в Кремле. Согласно эскизу, на амвоне, а также перед ним, ближе к зрителю, предстают несколько десятков героев картины. Все главные герои (около тридцати) были запечатлены П. Д. Кориным в этюдах, большинство из которых принадлежит к высшим творениям живописи XX века («Отец и сын», «Схимоигумен и иеромонах», «Трое» и др.).

В 1936 году художник приготовил громадный холст для картины. Но за тридцать с лишним лет, которые ему оставалось жить, картина не была написана, – хотя в определенной степени она существует в форме этюдов и общего эскиза.

Корин создавал «Реквием», или, по его же определению, «последний парад православия». Готовясь к работе, он не раз слушает реквиемы Моцарта и Берлиоза, «Гибель богов» Вагнера и записывает: «Этот пафос и стон должен быть в моей картине»; «день суда, который превратит мир в пепел».

Художник стремился, но не смог отчетливо объяснить, почему он все-таки не создал свой «Реквием». Но в наши дни это, кажется, можно понять. «Я задумал картину, – писал Корин, – о целых пластах жизни, навеки исчезающих» (выделено мной. – В. К.). И вот одно поражающее противоречие. Среди этюдов к «Реквиему» есть великолепный портрет

* Более известно название, данное А. М. Горьким, – «Уходящая Русь».

** Характерна запись П. Д. Корина во время работы над картиной: «...гениальные суровые фрески великого Луки Синьорелли (итальянский художник конца XV – начала XVI в. – В. К.) – “Пришествие Антихриста”. Сила его простая и великая. Несколько часов я простоял перед его фресками»...

молодого, двадцатипятилетнего тогда, иеромонаха, созданный в 1935 году. На нем изображен С. М. Извеков (родился в 1910 году, принял пострижение в страшном 1930-м). На эскизе к «Реквиему» этот иеромонах расположен ближе остальных героев к зрителям, он как бы даже выступает из картины. И этот иеромонах – нынешний патриарх Пимен, принявший участие в 1989 году в торжественной службе в том самом Успенском соборе (служба совершалась впервые после Пасхи 1918 года)! А ведь «Реквием» должен бы был сказать о нем – как и об остальных героях картины – надгробное слово...

И, может быть, растущее осознание того, что к о н ц а, который он хотел воссоздать, на самом деле нет, побудило П. Д. Корина не завершать свое творение. Ученик Павла Корина, художник В. И. Иванов метко сказал о «Реквиеме»*: «Сам ход работы над неосуществленной картиной содержит в себе историческую культурную ценность»*. И ценность глубочайшую! Именно в свете, в духе творческих исканий П. Д. Корина нужно осмысливать все то, что выразилось в приведенных выше документах 1920-х годов. Не «чернуху» в них видеть, а исполинскую – всемирную – *трагедийность*.

Поверхностное «эмоциональное» восприятие явленного в публикуемых документах конфликта легко подтолкнуть к элементарному чувству крайнего негодования: вот, мол, страшная деспотическая сила без каких-либо серьезных оснований обрушивается на как бы ничем, в сущности, не угрожающих власти людей...

В действительности это совсем не так. Атака на православие была вызвана именно пониманием всей его мощи, даже, если угодно, его всеислия. И нельзя не напомнить, что с конца

* Кстати сказать, давно пора бы продуманно разместить коринские этюды к картине в отдельном зале⁹ и реализовать замысел В. И. Иванова, который предложил «снять эскиз к холсту на цветной слайд и затем через аппаратуру воспроизвести его на холст, приготовленный для картины. Это, видимо, имело бы очень сильное воздействие на зрителя и дало бы, хотя и не полное, но представление о несостоявшейся картине». (Эскиз и сегодня находится – вместе с большинством этюдов – в мастерской П. Д. Корина на Малой Пироговской улице.)

1920-х годов – в основном ради обеспечения возможности провести коллективизацию – разворачивается новое и во многом еще более решительное наступление на Церковь.

Но история показала, что самое беспощадное искоренение не смогло окончательно подавить и истребить «врага». Поэтому сама беспощадность борьбы должна вызывать в еще не отравленных до конца «чернухой» человеческих душах не только и не столько ужас (и тем более отчаяние), но сознание *трагического величия* непобежденной – хотя, казалось бы, ничем не вооруженной – силы, сознание высокого – пусть и глупо-скорбного – *торжества*.

* * *

В заключение имеет смысл сказать, что конфликт Церкви и идеи «разумного» устройства общества продолжался, конечно, и после 1920-х годов. Накануне Второй мировой войны он в определенной мере потерял свою крайнюю остроту, но после того, как Хрущев заявил, что мы-де перегоним Америку и через 20 лет будет построен коммунизм, все опять обострилось.

Одним из застрельщиков непримиримой борьбы с Церковью и религией был в 1960-х годах журнал «Новый мир»¹⁰. Я уже писал (Наш современник. 1989. № 1)¹¹ о том, что журнал не был монолитен. Так, по воле Твардовского в нем печатались А. Солженицын, В. Белов, С. Залыгин, В. Лихоносов и другие писатели этого ряда.

Но в журнале преобладали – по крайней мере количественно – совсем иные авторы. И, скажем, постоянно выступавший в журнале спец по атеизму И. Миндлин возмущенно взывал с его страниц: «Ни один из пережитков прошлого не обладает, пожалуй, такой живучестью, как религия», и недопустимо занимать «пассивную, оборонительную позицию по отношению к враждебной марксизму-ленинизму идеалистической, религиозной идеологии» (Новый мир. 1960. № 9). Позднее, в 1962 году, он же с удовлетворением отметил: «За

последние годы после довольно длительного отставания нашей научно-атеистической мысли наметилось ее оживление» (№ 4). После нескольких лет этого нового «наступления» И. Миндлин указывал на еще не «добитый» пункт: «В наше время... перейдя к обороне перед неудержимым натиском, религия пытается превратить мораль в узловой пункт сопротивления» (Новый мир. 1965. № 12). И он же в 1968-м категорически настаивал: «Коммунисты, разумеется, отвергают тезис о мирном идеологическом сосуществовании марксизма и религии» (Новый мир. 1968. № 2).

С претензией на более солидную осведомленность в этой проблематике В. Лакшин заявлял: «Противники марксизма издавна запугивали обывателя тем, что коммунизм и нравственность несовместимы. Еще в начале века реакционный философ С. Н. Булгаков проповедовал: “свой идеал – установление социалистического общества – он (марксизм. – В. К.) строит на развитии чувства зависти и ненависти...”» Можно ли расценить это иначе, чем как буржуазную клевету?» (Новый мир. 1966. № 8). Однако вполне ясно, что идея создания «совершенного» общества подразумевает: нравственным является все, что способствует этому созданию, – в том числе и массовый террор...

Один из ведущих авторов «Нового мира» Е. Драбкина с брезгливой злобой вспоминала и о событиях 1922 года: «Советское правительство приняло декрет об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих*. В ответ на это патриарх Тихон разослал обращение к верующим... Дико было видеть вылезающих из кривых переулков Замоскворечья сморщенных, сгорбленных старух... Они сползались к церкви у Кузнецкой улицы, а там на паперти черный поп накликал проклятия на работавшую в церкви комиссию по изъятию

* Из «строго секретной» записки членам Политбюро ясно, что ценности имели иное значение: «Мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей... Без этого никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы».

ценностей, и старухи стоном вздыхали и вскрикивали» и т.д. (Новый мир. 1968. № 10).

Но, как ни удивительно, именно тогда, во второй половине 1960-х годов, в литературе начинается медленное, но непобедимое воскрешение духовности. И вот уже в 1969 году всю жизнь специализировавшийся на «разоблачениях» и доносах А. Дементьев в бессильной злобе кричит со страниц «Нового мира», что ныне «целый хор поющих в унисон критиков и поэтов с таким усердием разрабатывает тему об уважении к старине именно как церковную тему» (1969, № 4).

Позднее страстный поклонник «Нового мира» (о чем он не раз писал) академик А. Д. Сахаров весьма резко выступил против тех (прежде всего А. И. Солженицына), кто возлагает надежды на возрождение православия. Он заявил, что это устремление есть якобы «националистическая и изоляционистская направленность» и «религиозно-патриархальный романтизм», которые являются «утопичными и потенциально опасными» (Андрей Сахаров. О стране и мире. Нью-Йорк, 1976. С. 119). То есть «опасность» усматривалась не в продолжающихся жестоких атаках воинствующих атеистов, а в дальнейшем воскрешении православия...

Ныне многое, к счастью, изменилось и в жизни, и в сознании людей. И подобные нападки на православие едва ли смутят теперь народ.

Принимая во внимание все это, мы можем и должны читать опубликованные выше документы не как очередную «чернуху»; мы можем и должны научиться видеть эту трагедию так, как видели ее глаза создававшего свое великое творение Павла Корина...

К спорам о «русском национальном сознании»

Публицист А. Стреляный опубликовал на страницах «Литературной газеты»¹ по-своему прямо-таки замечатель-

ное сочинение с многозначительным подзаголовком «Мысли о русском национальном сознании». Уже, как говорится, «во первых строках» автор заявляет: «Почти все (чтобы не сказать *все*) *русские идеи* пришли к нам с Запада», – если и не от иностранцев, то по крайней мере от эмигрантов. И, читая сочинение Стреляного, не ведаешь, чему более удивляться – редкостному незнанию истории или же уникальной непродуманности «концепции».

Стреляный утверждает, например, что московские славянофилы в своих идеях «последовали»-де за Гегелем и гегельянами. Верно здесь лишь то, что *будущие* славянофилы в 1820-х годах глубже и полнее, чем кто-либо в тогдашнем мире, знали и ценили германскую философию – этот высший взлет *общечеловеческой* мысли на рубеже XVIII–XIX веков. Когда в 1830 году (13 марта) совсем еще молодой, двадцатитрехлетний Иван Киреевский – впоследствии один из основоположников славянофильства – явился к Гегелю и проговорил с ним до полуночи, он произвел столь сильное впечатление на достигшего своих высот шестидесятилетнего германского гения (который, напомним, через год скончался), что тот на следующее утро отправил к русскому юноше посыльного с приглашением вновь посетить его. Однако ни лекции Гегеля, ни волнующие беседы с ним явно не пробудили в Киреевском каких-либо «русских» идей: вернувшись на родину, он взялся издавать журнал с совершенно недвусмысленным названием «Европеец» (и лишь в 1840-х годах согласился редактировать журнал «Москвитянин»).

Далее, как ни странно, Стреляный – это непреложно явствует из его сочинения – убежден, что «русское национальное сознание» до славянофилов не существовало вообще... А ведь мощным и глубоким воплощением этого самого «сознания» (в определенных отношениях более мощным и глубоким, чем все высказанное славянофилами XIX века!) было уже созданное в первой половине XI века, то есть за восемь столетий (!) до Киреевского, «Слово о законе и Благодати» Илариона...

И тот же Киреевский начал развивать «русские идеи» отнюдь не в результате изучения германской философии и общения с Гегелем, а лишь после того, как во второй половине 1830-х годов он приобщился к духовной жизни столь знаменитой впоследствии Оптиной пустыни. Там он встретился с великими *старцами* Макарием и Леонидом и стал изучать богатейшее собрание древних рукописей, среди которых были, в частности, творения крупнейших русских мыслителей конца XV – начала XVI века Иосифа Волоцкого и Нила Сорского.

В первом же своем выражающем «русские идеи» труде, написанном в 1839 году, Иван Киреевский говорил², что именно в России (а не в германской философии) «собиралось и жило то устроительное начало знания, та философия Христианства, которая одна может дать правильное основание наукам», – собиралось и жило «в тишине наших монастырей... Эти святые монастыри, – писал Киреевский, – рассадники христианского устройства, духовное сердце России, в которых хранились все условия будущего самобытного просвещения».

Можно, конечно, не соглашаться с этими мыслями Киреевского и других славянофилов, но по меньшей мере недостойно «выводить» их зрелое мирозерцание из Гегеля. Стреляный, вероятно, не помнит, когда и как засело в его голове это представление, а между тем можно дать совершенно точный ответ: он почерпнул его из каких-то отголосков «разгромных» выступлений сталинских времен, когда, кстати сказать, реакционерами или даже мракобесами были объявлены не только Киреевский с Хомяковым, но и Гегель с Шеллингом.

Так, известный разоблачитель тех времен А. Г. Дементьев (позднее – заместитель главного редактора «Нового мира») вещал в 1951 году³, что, мол, славянофильство попросту «подбирало в Западной Европе крохи реакционных философских и социальных идей».

Словом, «концепция» происхождения славянофильства, предложенная Стреляным, исходит не из исторической ре-

альности, а из тех малопочтенных идеологов, от которых сам Стреляный вроде бы отрешивается...

Столь же несерьезен и настойчиво выдвигаемый Стреляным тезис, согласно которому и *современные* «русские идеи» пришли опять-таки с Запада – «из среды русских эмигрантов». Вот, скажем, Стреляный пытается уверить читателей в том, что понятие о «русофобии», и в особенности о «русофобии русских», возникло-де после 1917 года в эмиграции.

Между тем еще за полвека до революции, в 1867 году, Тютчев (а он был не менее гениальным мыслителем, чем потом) писал⁴: «Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологический характер. Это *русофобия* некоторых русских людей – кстати весьма почитаемых. Раньше (т.е. во времена Николая I. – *В. К.*) они говорили нам... что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т.д. и т.п., что потому именно они так нежно любят Европу, что она бесспорно обладает всем тем, чего нет в России... А что мы видим ныне? По мере того как Россия, добиваясь большей свободы, все более самоутверждается (имеются в виду кардинальные реформы 1860-х годов. – *В. К.*), нелюбовь к ней этих господ только *усиливается*. В самом деле прежние (т.е. эпохи Николая I. – *В. К.*) установления никогда не вызывали у них столь страстную ненависть, какой они ненавидят современные направления общественной мысли в России (имеются в виду славянофильство, «почвенничество» во главе с Достоевским, «консерватизм» Льва Толстого и Лескова и т.п. – словом, *высшие* явления русской – и мировой – культуры того времени. – *В. К.*). И напротив, мы видим, что никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации, которые допускаются в Европе (а это эпоха Наполеона III и Бисмарка! – *В. К.*), нисколько не уменьшили их пристрастия к ней... Словом, в явлении, которое я имею в виду, о принципах как таковых не может быть и речи».

Если бы я не упомянул, что это написано Тютчевым, едва ли кто-нибудь усомнился, что это написано сегодня...

Таким образом, относить зарождение борьбы с «русофобией» ко временам писательства белого генерала Краснова – значит, простите, обнаруживать элементарное невежество. И совсем уже «замечательна» следующая «формулировка» Стреляного: «Важнейшим, бездонным источником русофобии было и остается отвращение к большевизму». Те «русофобы», которых имел в виду Тютчев, так или иначе являли собой как раз признанных «предшественников» большевизма... Короче говоря, нельзя же до такой степени «перевертывать» реальность наизнанку! Впрочем, это закономерный результат полнейшего невежества.

Но обратимся к *послереволюционным* временам, когда, если верить Стреляному, носителями «русского национального сознания» являлись некие, по его определению, «темные, но любознательные райкомовцы». Признаться, я впервые слышу об этих, без сомнения, героических (сам Стреляный называет их «самоубийцами») личностях из нижних эшелонов аппарата ВКП(б). Но допустим, что Стреляный располагает какой-то информацией об этих людях, осмелившихся противостоять верхушке ВКП(б) с ее крайне русофобскими «идеями».

Хорошо известно, что, скажем, Троцкий постоянно «изничтожал» Россию, утверждая⁵, например, что «опрокинутая Октябрьским переворотом культура представляла собой, в конце концов, лишь поверхностное подражание более высоким западным образцам (насколько «живуча» эта позиция, показывает нынешнее «выведение» Стреляным славянофилов не из тысячелетнего русского православия, а из Гегеля. – В. К.). Она не внесла ничего существенного в сокровищницу человечества».

Сталин в то же самое время вещал⁶: «История старой России состояла в том, что ее непрерывно били». И сие нелепейшее утверждение (оно уместно только в чисто пародийном смысле – так, мол, били эту самую Россию, что она со страху разбежалась от Балтики до Тихого океана, от Арктики до Тянь-Шаня) Валентин Катаев сделал лейтмотивом сво-

его некогда популярного и не так давно экранизированного романа «Время, вперед!» (1932).

Бухарин заявлял в возглавляемых им «Известиях»⁷ 21 января 1936 года: «Нужны были именно большевики, чтобы из аморфной, малосознательной массы в стране... где господствовала нация Обломовых, сделать “ударную бригаду” мирового пролетариата». Замечательно, что старый друг Бухарина Илья Эренбург вторил ему⁸ не только в 1930-х годах, а и в 1960-х годах, и не где-нибудь, а на страницах вроде бы культурного «Нового мира».

«В двадцатые годы, — писал он, — еще доживала свой век старая, крестьянская Расея (именно так, издевательски... — В. К.). Начало тридцатых годов стало переломом... эмбрионы людей постепенно становились настоящими людьми». Итак, Россию до «великого перелома» населяли всего лишь «эмбрионы» людей. И в «Новом мире» никто не дрогнул от столь дикого русофобства...

Если собрать подобные высказывания одних только наиболее влиятельных идеологов и литераторов 1920–1960-х годов, даже и они составили бы несколько объемистых томов. Однако те русские писатели и мыслители 1920–1960-х годов, которые действительно останутся в истории отечественной культуры, всем существом своим противостояли этой агрессивнейшей русофобии, — пусть они и имели слишком мало возможностей высказать свои взгляды открыто.

Когда находившийся еще на самой вершине власти Бухарин напечатал громадными тиражами свои оголтело русофобские «Злые заметки», Пришвин писал Горькому (21 февраля 1927 г.) о чувствах «горечи и возмущения, и унижения», которые причинил ему «один из виднейших лиц, написавший... хулиганскую статью о Есенине» (основные «идеи» коей Бухарин повторил и в своем докладе на съезде писателей в 1934 году). Слово «хулиганская» может показаться чем-то, так сказать, не «адекватным». Но это вовсе не личная особенность восприятия, характерная именно для Пришвина. Один из крупнейших русских мыслителей

советского периода, ученик великих мыслителей начала века, прошедший через ГУЛАГ А. Ф. Лосев (1893–1988) писал еще в те времена⁹ (текст этот, понятно, был опубликован лишь в наши дни):

«Каким именем назовем эту великую и страшную, эту всемогущую и родную для человека стихию, когда он чувствует себя не просто в физическом родстве с нею, а именно главным образом в духовном и социальном родстве с нею, когда он знает для себя такое общее, которое, несмотря на свою общность, содержит в себе бесконечное богатство индивидуального; когда это общее и есть он сам, в своей последней и интимной сущности?

Это есть *Родина*».

Вдумаемся в это глубокое размышление о родине, к которому, конечно же, присоединится каждый русский человек, обладающий духовным здоровьем. И дальше А. Ф. Лосев не мог не сказать (сразу же после заветного слова «Родина»):

«Сколько связано с этим именем всякого недоброжелательства, даже злобы, хуления, ненависти... Водворились презрительные клички: “квасной патриотизм”, “ура-патриотизм”, “казенный оптимизм” и пр., и пр. Это культурно-социальное вырождение шло рука об руку с философским слабоумием... По адресу родины стояла в воздухе та же самая матерщина, что и по адресу всякой матери в устах разложившейся и озлобленной шпаны».

Это написал не некий «райкомовец» (вспомним «открытие» Стреляного), а русский мыслитель мирового значения. И его слова превосходно характеризуют тогдашнюю ситуацию (1920–1930-х годов) и вместе с тем сохраняют вполне живое значение сегодня.

Как ни прискорбно, есть немало сбитых с толку русских людей, которые знают, что А. Ф. Лосев – это высший духовный авторитет, но в то же время неспособны, пользуясь ахматовским словом, «замкнуть слух»¹⁰ от воплей идеологической и литературной «шпаны», которая и сегодня на все

лады поносит Родину. Ахматова сказала в одно время с Лосевым о том же самом:

Как в первый раз я на нее,
На Родину, глядела,
Я знала: это все мое –
Душа моя и тело.¹¹

И вполне понятно, что под только что приведенным пронзительным и гневным признанием Лосева могли бы подписаться и Пришвин, и Флоренский, и Михаил Булгаков, и Платонов, и Пастернак, и Клюев, – да и любой из истинных деятелей великой русской культуры этого времени.

Многие даже образованные читатели всего этого просто не знают, – в частности, потому, что в печати постоянно практикуется разного рода грубая фальсификация. Так, скажем, в объемистой книге А. Смелянского «Михаил Булгаков в Художественном театре» (1989) можно прочитать:

«Осенью 1936 года в доме Булгаковых были поражены разгромом “Богатырей” в Камерном театре по причине “глумления над крещением Руси”. В 1939 году ура-патриотические тенденции стали официозной доктриной режима».

Тот, кто будет судить о сути дела только по этому тексту, неизбежно придет к выводу: Булгаковы возмущаются «разгромом» спектакля в Камерном театре. В действительности все было как раз наоборот. Булгаковы побывали на генеральной репетиции «Богатырей», представлявших собой мерзкое издевательство той самой «шпаны» и над героями русского эпоса, и над великим событием принятия христианства. Вот записи в дневнике Е. С. Булгаковой: «2 ноября 1936 года. Днем генеральная “Богатырей” в Камерном. Это чудовищно позорно... 14 ноября. Утром Миша сказал: “Читай” – и дал газету... “Богатыри” снимаются, в частности, за глумление над Крещением Руси. Я была потрясена» (событие было особенно отрадно, так как все, относящееся к церкви, ранее беспощадно подавлялось). Спектакль «Богатыри»,

главными «творцами» которого были Таиров-Корнблит и Демьян Бедный-Придворов, являлся, если мыслить о нем в булгаковских образах, как бы совместной стряпней Швондера и Шарикова или же Берлиоза и еще не «прозревшего» Ивана Бездомного. «Богатыри», так сказать, перешли все границы в оплевывании Родины, и после снятия спектакля Булгаков – его можно понять! – проникся надеждой на действительное поражение непрерывно травившей и русскую культуру, и его лично «шпаны» и вскоре, 23 ноября, начал работать над рукописью, названной им «О Владимире», то есть Крестителе Руси (тогда же он написал либретто оперы «Минин и Пожарский»; об этих героях отечественной истории незадолго до этого «шпана» печатала такие стишонки: «Я предлагаю Минина расплавить, Пожарского... Довольно нам двух лавочников славить... Подумаешь – они спасли Расею. А может, лучше б было не спасать?»).

* * *

Ныне многие пытаются доказывать, что наметившийся к середине 1930-х годов поворот к «патриотизму» (разрешение изучать историю России – что было в 1920-х годах запрещено как «контрреволюционное» занятие, та же резкая критика «сверху» позорного «мюзикла» «Богатыри» и т.п.) был одним из выражений «сталинизма». Верно здесь лишь то, что явно приближавшаяся военная гроза заставляла власти задумываться над тем, что же будет защищать народ. Но совершенно ложно представление, согласно которому тогдашние власти действительно «поощряли» подлинное национальное сознание.

Чтобы ясно увидеть всю лживость этой версии, взглянемся в судьбу основных «попутнических» литературных группировок, существовавших к 1930-м годам (и распущенных в 1932-м). Это – лефовцы, конструктивисты, имажинисты, Серапионовы братья, так называемая «южнорусская школа», «перевальцы» и крестьянские писатели «есенинского круга».

Русским национальным сознанием были проникнуты только две последние группировки (надо, правда, уточнить, что речь идет не о «Перевале» вообще, а об одном его крыле, во главе которого был Иван Катаев; уже в 1920-х годах это «крыло» обличалось как «неославянофильское»; в него, кстати сказать, входили двое крестьянских писателей, сподвижников Есенина и Клюева, – И. Касаткин и В. Наседкин).

Иван Катаев, прекрасный, хотя и не успевший развернуть свой самобытный дар (он был арестован в тридцатичетырехлетнем возрасте) прозаик, обладал высоким национальным сознанием. Выживший в ГУЛАГе второстепенный участник «Перевала» Н. Смирнов вспоминал в 1970 году¹²: «Катаев жил в непрерывном труде... много думал, проявляя, в частности, большой интерес к славянофильству, внимательно изучая, в этой связи, Ап. Григорьева, К. Леонтьева, “Россию и Европу” Н. Данилевского. Считая русский народ одним из самых великих и талантливых в мире, Катаев, однако, не был националистом, он... всячески ратовал за братство и дружбу всех наций».

После появления цитированной выше статьи Бухарина, где речь шла о «нации Обломовых», Иван Катаев говорил, обращаясь к деятелям культуры¹³:

«Есть великий русский народ... И уж, конечно, “нация Обломовых” не могла бы создать ни русской культуры, ни драгоценного русского искусства, ни даже романа “Обломов”...» Иван Катаев выступил против тех, кто такие его мысли «заклеймил бы как проявление народничества, славянофильства, русофобства или пустил бы в ход еще более крепкие слова», и призвал «воспитывать в себе горячую и деятельную любовь, сыновнюю привязанность к своей родной национальной культуре... Есть, есть у нас люди, которые... национального-то корня не имеют вовсе – я разумею только в культурном смысле. Странная это, скучная и бесплодная публика. Никогда не было у нее связей ни с одним народом... Что же она может создать?..»

А теперь обратимся к судьбе «неославянофильского» крыла группы «Перевал» (это более десяти писателей, в основном молодых) и близких им «крестьян» (опять-таки более де-

сяти писателей – от Клюева до Павла Васильева). Они были тогда репрессированы *все* – буквально все, – кроме переставшего с 1933 года печататься, как бы легшего на дно Пимена Карпова... А между тем *из пяти десятков* основных участников перечисленных выше пяти группировок, далеких от «русских идей», репрессированы были всего *только двое* писателей – лефовец С. Третьяков и представитель «южнорусской школы» И. Бабель (к тому же роковую роль здесь сыграли отнюдь не какие-либо убеждения Бабеля, но тот факт, что он в свое время служил в ВЧК, а в 1936–1938 годах был близок с самим Ежовым, даже встречал в его квартире Новый год и был арестован в одно время с ним).

Обо всем этом я подробно говорил в своей изданной в 1990 году книге «Судьба России»¹⁴. Но и так ясно: те, кто полагает, что Сталин поддерживал-де «национально мыслящих» русских писателей, должны либо отказаться от этого представления, либо же прийти к выводу, что репрессии против писателей проводил *не Сталин...*

В высшей степени уместно сказать и еще об одном факте. В 1934 году была издана книга, которая не раз поминалась в последнее время, – книга, воспевавшая Беломорканал¹⁵, то есть концлагерь, где погибали цвет русского крестьянства и многие деятели русской культуры. Писатели воспели этот канал так, что и до сих пор существуют (правда, сейчас их не купишь...) папиросы «Беломор», – хотя это все равно как если бы в Польше продавались сигареты «Освенцим»... Так вот: среди воспевших «Беломор» писателей были помимо рапповцев также и лефовцы, «серапионы», «южнорусские», конструктивисты (Шкловский, Перцов, Зощенко, Вс. Иванов, В. Катаев, Гехт, Славин, Агапов, Зелинский, Инбер и т.п.). Но не было никого из «перевальцев» и «крестьян». И это отнюдь не случайность...

* * *

В сочинении Стреляного проблема «национального сознания» предстает чуть ли не как некая «патология». Но на са-

мом деле именно такое восприятие национальной идеи является поистине идиотским извращением. Ибо, скажем, писатель, претендующий на подлинную высоту – то есть в конце концов на *всемирное* значение своих творений, должен или, вернее, не может не осознавать свою страну, свою родину как *абсолютную* ценность и как центр, как сердце целого мира. Если же сам писатель или его страна, так сказать, не «созрели» для того, чтобы сознавать себя *сердцем мира*, перекрестьем его стержневых судеб и устремлений, литература не может подняться до высшего своего уровня.

Я избираю своего рода девизом этой части моего сочинения отмеченное духом *величия* (не побоюсь столь ответственного слова!) стихотворение литовского поэта Марцелиюса Мартинайтиса – стихотворение, в котором Литва предстает как трагическое сердце мира – мира во всей полноте его пространства и времени. Да, эта столь малая Литва поэтически утверждена как центр всей мировой трагедии – и без такой основы творческого сознания рождение истинного поэта невозможно...

Марцелиус Мартинайтис
НОЧЬ У ЖЕМАЙТИЙЦА КУКУТИСА*

За лесом, за лесом, за горкой двугорбой,
Где дремлет сова у заглохшей дороги, –
Почти что слепой, не живой и не мертвый,
За лесом Кукутис живет одноногий.
Покуда в печи занималось полено сырое –
Могилы осели и стали ржаветь аркебузы,
В округе слышались первые вести о Трое,
И радио сообщило, что вымерли прусы.
Покуда леса наступали и шляхта слабела –
Мы выпили за ночь полжизни, такой небогатой.
Я тихо и грустно подмигивал то и дело

* Жемайтис – западная часть Литвы; Кукутис (кукушонок) – фольклорный образ «патриархального» литовца.

Единственной дочке хозяйской – красотке горбатой,
Покуда ее охмурял, старика беспокоя, –
Германия пала, калеки вернулись по рельсам,
И я поседел, и мы думали: что там такое –
Костер за рекой или это Париж загорелся?
Пока постигали, что мы у границы бескрайней,
Горбунья молилась в углу, испугавшись кометы.
Покуда крестилась – распались державы и страны,
Подошвами к северу в землю легли самоеды.
Пока он по-жмудски шептал на немецком,
на польском, на русском, –
Как лось, заревел паровоз в перелеске уныло.
И запылали поместья, когда при мерцании тусклом
Хозяйка в чулане постель для меня постелила.
И – замолчала политика. Джаз передали из Кельна –
Как кони, заржали в ночи саксофоны, ликуя.
Полжизни прошло, и нам стало не сладко, не больно –
Ни «данке» за Пруссию, ни за Варшаву «дзенькуе».
Покуда Кукутис прилаживал правую ногу –
Фитиль зацадил и земля содрогнулась от гула.
Столетье петух прокричал и затих понемногу –
Одна только ночь промелькнула.

Авторизованный перевод Г. Ефремова

Как-то критик Б. Сарнов не очень продуманно написал¹⁶, что, мол, Осип Мандельштам, оказавшись в 1934 году в ссылке, под тяжким «давлением» «страшно перестроился» и поверил в величие судеб русского народа, что и привело его как *поэта* к печальным последствиям (См.: Огонек, 1988, № 47). Не приходится говорить о том, что эта версия, в сущности, оскорбительна для поэта (ведь одно дело – «приспосабливаться» к *чему-то в жизни*, и совсем другое – в святом деле творчества). Но этого мало. Б. Сарнов – то ли из-за своей «тенденциозности», то ли по незнанию – исказил реальность. Ведь еще за двадцать лет до своей ссылки Осип Мандель-

штам писал¹⁷, что «русский народ единственный в Европе не имеет потребности в законченных, освященных формах бытия» и вносит в европейский мир «необходимости» высшую «нравственную свободу, дар русской земли, лучший цветок, ею взращенный. Эта свобода... равноценна всему, что создал Запад в области материальной культуры».

Без этой закваски русского *мессианства* поэзия Осипа Мандельштама безусловно немыслима, и только штампованное сознание, тупо ищущее везде жупел «мессианского национализма», не видит этого.

Крайне сложен вопрос о соотношении русского мессианства и революции (во всем ее объеме); общественность явно еще совсем не готова, чтобы его действительно решать. Большинство «решающих» попросту переворачивает на 180 градусов свои (или своих родителей) не столь уж давние представления.

Но чего заведомо не следует делать – и стыдно делать – это пытаться без всяких оснований приписывать свое сегодняшнее отношение к революции тем или иным авторитетнейшим писателям. Один из них писал о «Великой русской революции, обессмертившей Россию, и которая... вытекала из всего русского многотрудного и святого духовного прошлого», и так обращался к своим зарубежным читателям¹⁸: «Вот за что скажите спасибо нам. Наша революция, как бы ни были велики различия, задала тон и вам, наполнила смыслом и содержанием текущее столетие».

Это написал не кто-нибудь, а Борис Пастернак, и написал не в 1917, 1927, 1937-м и т.д., но в 1957-м, то есть после «Доктора Живаго» и уже незадолго до смерти. Могут возразить, что Пастернаком владела «иллюзия». Но даже если это и так, в его иллюзии неизмеримо больше смысла, чем в выкриках сегодняшней, пользуясь словом Лосева, «шпаны», которая по-прежнему занята оплевыванием трагического – пусть даже безмерно трагического (напомню, что Лосев писал о «великой и страшной» Родине) – величия русской истории.

Те, кто сегодня поносит Россию, – прямые наследники певцов Беломорканала, представители – воспользуюсь появившимся на страницах «ЛГ» чужим словечком – «тухляндской литературы»¹⁹ (употребивший сие словечко, конечно, не хотел обозначить им себе подобных; но здесь совершенно уместно напомнить евангельское: «ты сказал»). «Тухляндцы» пытаются, допустим, цепляться за Пастернака, но ведь он справедливо написал о своей творческой цели в 1959 году, на пороге смерти:

Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей...²⁰

* * *

И последнее. Стреляный много наговорил об «имперской» сущности России. Но его суждения не выдерживают никакой критики, поскольку все они исходят из совершенно несостоятельного положения, согласно которому на свете будто бы есть «имперские» по самой своей природе нации. К такому, по его мнению, принадлежат русские и немцы...

Это могло произвести впечатление или на совсем необразованных, или же слишком забывчивых читателей. Ведь не надо уходить далеко в глубь истории, чтобы вспомнить о Французской, Британской, Австрийской, Турецкой, Китайской, Японской и других империях, всецело соответствующих этому понятию.

Возникновение той или иной империи определяется соотношением сил в данном регионе или мире в целом; национальное своеобразие тут совершенно ни при чем, ибо «во главе» империй оказывались в ходе истории десятки самых различных народов мира.

«Россия, – пишет Стреляный, – сейчас единственная и, может быть, последняя страна, где... уживается сознательное великодержавие с сознательным свободолобием». Что за странная слепота?! Ведь это определение *гораздо более* под-

ходит к США, нежели к России! Славящиеся именно *свободолюбием* Штаты так расправились с *коренным* населением страны, что к XX веку количество индейцев сократилось в 10 (!) раз, и эти остатки были загнаны в резервации*; далее Штаты отхватили более половины земель у Мексики (которые составили более четверти площади США) – притом земель наиболее ценных, таких как Калифорния и Техас и т.п. Наконец, непосредственно в наши дни США обрушивали свою военную мощь на крохотные в сравнении с ними Гренаду, Панаму, Ливию и т.д. Разумеется, это делалось «во имя свободы, демократии, мира, цивилизации» и т.п., но ведь то же самое провозглашала любая империя...

Стреляный среди прочего бросает – без всяких обоснований – такую фразу: «Равнодушие к своим нерусским – в крови у русских». Это, прошу извинения за резкость, совершенно вздорное обвинение. Вот хотя бы одно выразительное сопоставление: в литературе США положительно изображены лишь покорившиеся белым, «подражавшие» им во всем индейцы; непокорные же представлены как *нелюди*. Между тем в русской литературе с восхищением воссозданы как раз «немирные» кавказские горцы во всей их самобытности (см. об этом подробно в моей уже упомянутой книге «Судьба России»²¹). Словом, тезис Стреляного – не более чем злобный вымысел.

Это вовсе не значит, что в России, как и во множестве других сильных государств, не было ничего «имперского». Но нельзя не видеть, что Россия, по сути дела, была не собственно «русской», но *христианской* империей. В частности, любой христианин, совершенно независимо от своей национальности, мог занять в ней любое положение (фактов – к сожалению, известных немногим – можно привести сколько угодно – так, например, в первой половине XIX века министром иностранных дел империи был крещеный по англиканскому обряду еврей Нессельроде, в конце века еврей Перетц занимал один из высших постов статс-секретаря, а

* Чудовищная история этого беспримерного геноцида показана в изданной у нас в 1984 году книге Ди Брауна «Схороните мое сердце у Вундед-Ни».

Министерством внутренних дел при Столыпине фактически руководил – он же редактировал «официозную» столыпинскую газету «Россия» – еврей Гурлянд; не приходится уже говорить о других национальностях – о патриархе мордвине Никоне, премьер-министре (при Александре II) армянине Лорис-Меликове и т.д. и т.п.).

И уж конечно, никак не может считаться собственно «русской» та «империя», которая конструировалась после 1917 года. К. Симонов в своих предсмертных записках²² как-то вроде бы ни к селу ни к городу вспоминает виденную им за пятьдесят лет до того карикатуру, в которой он, надо думать, почуял очень существенный смысл: «На листке этом было нарисовано что-то вроде речки с высокими берегами. На одном стоят Троцкий, Зиновьев и Каменев, на другом – Сталин, Енукидзе и не то Микоян, не то Орджоникидзе, в общем, кто-то из кавказцев. Под этим текст: “И заспорили славяне, кому править на Руси...”»

Что за странная «русская империя», на вершине власти в которой почти нет русских? А сам этот факт невозможно трактовать как некую «случайность» – слишком высок уровень власти. И обратим внимание, что в высшем руководстве «империи» *русские* заняли господствующее положение только *накануне* всем известного XX съезда... Об этом стоит задуматься!

Но дело не только в этом. А. Стреляный многократно и на все лады «вскрывает» глубокое противоречие, характерное для самых разных этапов истории России: «империя» колеблется и даже как бы разрывается между своей «русскостью» и многонациональностью и русские (это Стреляный не раз подчеркивает) то и дело подавляют «свое» ради сохранения целого. Но, ясно видя это, Стреляный совершенно не понимает, в чем тут дело.

А между тем здесь-то и заключена «разгадка» своеобразия страны. Ни в одной из множества империй, в составе которых были разные народы (Британская, Турецкая и т.д.), ничего подобного не было.

Уже говорилось, что США захватили более половины Мексики. Но разве в США когда-нибудь существовала или хоть бы намечалась проблема *национального суверенитета* тех миллионов мексиканцев, которые живут в стране? Да ничего подобного!

А в России – как настойчиво показывает сам Стреляный, – в сущности, никогда не было подавляющего другие народы господства *русских*. Иначе не было бы и того «противоречия», которое оказалось в самом центре внимания Стреляного, и он, не отдавая себе в этом отчета, доказывает то, что вовсе не намерен был доказать...

А те насилия, которые совершала, скажем, советская, большевистская, коммунистическая (назовите как угодно, но крайне недобросовестно употреблять здесь определение «русская») «империя», нанесли русским отнюдь не меньший урон, чем какому-либо другому народу.

Дилемма «Лосев – Бахтин» и розановское наследие

Читайте Розанова!

М. М. Бахтин, 1961 год.

Для ясности начну с признания, что стремление написать это краткое сочинение возникло не само по себе, а после знакомства с почти одновременно опубликованными сочинениями двух (правда, совершенно различных) авторов, один из которых прославлял Алексея Федоровича Лосева, а другой проклинал Михаила Михайловича Бахтина*. Вместе с тем надеюсь, что мое сочинение не представляет собой только «отклик», но имеет свой самостоятельный смысл.

* Тахо-Годи А. А. Лосев. М., 1997. 459 с. Бонеецкая Н. К. Бахтин глазами метафизика // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998. № 1 (22). С. 103–155. (Далее: ДКХ).

Созданное Азой Алибековной Тахо-Годи жизнеописание не столь давно ушедшего от нас мыслителя Алексея Федоровича Лосева (1893–1988) о многом сообщает и о многом побуждает задуматься. Вот хотя бы такое способное удивить «противоречие»: в самом начале книги, на второй ее странице, со всей определенностью говорится о духовном **одиночестве** мыслителя, однако далее на четырехстах с лишним страницах перед нами являются **сотни** людей (около ста из них даже зримо предстают на воспроизведенных в книге фотографиях!), жаждавших общения с А. Ф. Лосевым и стремившихся по мере своих сил помочь ему в житейских и творческих делах или хотя бы выразить глубокое сочувствие и преклонение.

Прежде чем попытаться объяснить это «**противоречие**», не могу не высказать своего восхищения тем, что Аза Алибековна, супруга и сподвижница мыслителя, сочла необходимым благодарно упомянуть каждого известного ей человека, принявшего участие (пусть даже самое малое!) в судьбе Лосева. Ибо истинная – бескорыстная – **благодарность** являет собой чувство редкостное и – достойнейшее*.

Но как все же совместить, примирить «одиночество» и такое обилие друзей, учеников, помощников? Этот вопрос разрешает, на мой взгляд, одно из самых знаменитых (и вместе с тем одно из самых таинственных) стихотворений Тютчева – «*Silentium!*» («Молчи, скрывайся и тай...»). Я уже высказывался о нем в печати¹, но его смысл представляется настолько важным, что повторение будет уместным.

Чаще всего «*Silentium!*» толкуют совершенно односторонне; поэт, мол, говорит в нем о своем фатальном одиночестве, о невозможности подлинного общения с «другими»... Странно, правда, что каждый читатель Тютчева воспринимает это стихотворение как нечто предельно близкое себе, как всецело **свое**... И в действительности в «*Silentium!*» воплощено единственно возможное **преодоление** разобщенности людей. Правда, это вполне очевидно лишь при том условии,

* Бескорыстие в данном случае очевидно, ибо многие из тех, о ком говорится в книге, также уже ушли из жизни.

что стихотворение воспринимается в контексте тютчевской поэзии **в целом**. Когда поэт утверждает в «Silentium!»:

...Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум*, —

он выражает тем самым убеждение, что в **каждом** человеке, в **любом** «ты» есть сей «мир» и необходимо **знать** и **ценить** этот мир в душе другого так же, как и в своей собственной душе. И только в этом — основа **подлинной** связи между людьми, залог их **братства**.

В книге о Лосеве сказано, что он «ни с кем не мог говорить о том глубоко запятанном и сердечном, о том интимно-духовном и потаенном, чем цвела его душа». Но многочисленные приходившие к мыслителю люди, конечно же, в какой-то мере знали или хотя бы **чувствовали** это потаенное цветение. И естественно полагать, что сам мыслитель также не сомневался в присутствии в душах посещавших его людей того «мира» (пусть даже никак не высказываемого, «несказанного»), о котором идет речь в тютчевском стихотворении (ведь именно этот «мир» и побуждал их идти к Лосеву!).

Не менее важно другое. Книга Тахо-Годи убедительно опровергает широко пропагандируемое сейчас представление, согласно которому высокая духовная жизнь в России до самого последнего времени не существовала или по крайней мере чуть-чуть теплилась. Верно то, что на «официальном» уровне эта жизнь игнорировалась и даже подавлялась. Но, как ясно из книги, духовное творчество А. Ф. Лосева **прямо и непосредственно** воспринимало множество людей. А это, может быть, самый прекрасный удел мыслителей, не столь уж часто выпадающий на их долю; таков был удел постоянно окруженного учениками Сократа (правда, именно поэтому афинская демократия заставила его выпить смертельный яд...). И занявшие значительную часть книги рассказы об общении мыслителя с самыми различными людьми представляются мне наиболее

* Выделено мною. — В. К.

ценным в ней; к тому же едва ли другой автор сумел бы **выяснить** большинство фактов, хорошо известных Азе Алибековне, встретившейся с Лосевым еще в 1944 году.

Разумеется, содержание книги намного шире; в ней так или иначе обрисован весь жизненный и творческий путь мыслителя – путь, могущий поразить воображение, похожий на **легенду**.

Алексей Федорович начал жизнь как полноправный гражданин **Области Войска Донского**, имеющий свой казачий земельный надел, переданный ему в 1911 году; к середине 1910-х годов совсем еще молодой Лосев вошел в среду высшей культурной элиты страны; в середине 1920-х принял участие в создании своего рода «катакомб»², призванных спасти душу громившейся тогда русской церкви; на рубеже 1920–1930-х «самовольно» издал восемь своих философско-богословских книг^{*3}; в 1931-м был отправлен в лагерь Беломорканала... Впрочем, не буду мешать читателям книги, заранее знакомя их с ее – подобным легендарному – «сюжетом»...

Скажу еще только об одной стороне дела. Лосев, конечно, не ограничивался непосредственным общением с людьми: он оставил многотомное собрание сочинений. И если его первые книги оставались до самого последнего времени крайне малоизвестными, то, скажем, его изданная в 1978 году тиражом 50 000 (!) экземпляров «Эстетика Возрождения» немедля разошлась и сыграла весомейшую роль в общественном сознании. Она противустала господствующей точке зрения на эпоху Возрождения (в ходе которой, в частности, были зверски казнены сотни тысяч людей) как на некий «рай». И своего рода ключевыми для понимания и того времени в Западной Европе, и эпохи российской революции стали лосевские слова о великой правде шекспировского искусства – слова «о горе трупов, которой кончается каждая трагедия Шекспира» (как, скажу от себя, и «Тихий Дон»).

* Одна из них в 1930 году как раз и легла в основу «обвинения»⁴ в «преступных» деяниях и воззрениях, в том числе в «черносотенстве», и привела его в лагерь...

Уместно добавить еще, что едва ли где-либо в мире, кроме России, пятидесятитысячный тираж философского трактата, подобного этому лосевскому, мог бы быстро исчезнуть с прилавков книжных магазинов. И это – еще один ответ на вопрос, была ли духовная жизнь в России во всячески третируемые сегодня десятилетия ее истории.

Книга Азы Тахо-Годи – очень, даже предельно **личная** книга, и она, естественно, пробуждает личные размышления.

Я впервые узнал о Лосеве в студенческую пору, в 1953 году, когда в руках оказалась его непритязательно – в виде очередного выпуска «Ученых записок» – изданная «Олимпийская мифология...», ставшая для меня определенным этапом в постижении филологии и философии. Позже я вчитывался в более полный и менее искореженный «редактурой» вариант этого трактата, вышедший в свет в 1957 году, и другие книги и статьи.

Самого Алексея Федоровича я видел только один раз – в 1978 году, на торжественном (хотя и немногочисленном) собрании по случаю его 85-летия, куда меня пригласил младший (и, увы, также уже ушедший) друг юбиляра А. В. Гулыга.

Ясно помню твердое и, казалось, даже мощное звучание заключительной речи мыслителя, произнесенной на латыни. Впечатляли представлявшаяся еще совсем молодой сила голоса уже отсчитавшего пять лет в своем девятом десятке человека и его – в сущности также «молодой» – «вызов» или даже своего рода «эпатаж», слышавшийся в избранной им для ответного слова латыни, которую абсолютное большинство присутствовавших, как и я, не понимало, хотя определенный **смысл** был внятен.

Имел я честь и опубликовать свое сочинение в сборнике «Традиция в истории культуры»⁵, изданном к этому юбилею мыслителя. Не без удовольствия вспоминаю и о том, как позднее, в начале 1980-х, «рецензировал» лосевские сочинения в качестве члена приемной комиссии Московской организации Союза писателей. Для цитирования той рецензии пришлось бы заняться розысками в архиве Союза, но основной свой

«аргумент» я хорошо помню. В 1927–1930 годах, написал я, Алексей Федорович Лосев издал одну за другой восемь превосходных **философских поэм в прозе** (к тому времени я уже знал и назвал в «рецензии» эти книги), за сотворение которых он, безусловно, должен был быть принят в Союз писателей, основанный в 1934 году. Этого не произошло, но у нас есть радостная возможность исправить допущенную полвека назад тяжкую ошибку... И все присутствовавшие без исключения проголосовали за это «исправление».

В течение сорока пяти лет я не только так или иначе соприкасался с творчеством А. Ф. Лосева; многие близкие мне люди разных поколений были в близких отношениях и с ним – скажем, В. Д. Пришвина, уже упомянутый А. В. Гулыга, А. В. Михайлов, Ю. К. Селиверстов, П. В. Палиевский, П. Ф. Флоренский, Ю. М. Бородай (обо всех них говорится в книге Азы Тахо-Годи) – и, конечно, могли представить меня ему. Но я не стремился войти в его круг.

Об этом стоит сказать потому, что существует – пусть, по моему убеждению, и надуманная – «проблема». Речь идет о соотношении во многом различных, но имевших схожие судьбы мыслителей – А. Ф. Лосева и М. М. Бахтина. В 1960 году я «отыскал» Михаила Михайловича в Саранске (он до 1967-го не имел права жительства в «столицах») и был в тесных отношениях с ним до его кончины в 1975 году. А в последнее время стала популярной версия, согласно которой среди моих обращенных так или иначе к философии современников имеет место своего рода «раскол» на «лосевцев» и «бахтинцев», и я, как может казаться, подпадаю под это разграничение. На мой взгляд, несмотря на некоторые факты (о них – ниже), которые как бы дают основания для такого разграничения, оно все же не имеет существенного смысла.

Прежде всего, нельзя не видеть, что немало людей из окружения Лосева, о которых рассказывает А. А. Тахо-Годи, были также связаны и с Бахтиным – это и М. В. Юдина, и С. С. Аверинцев, и С. М. Александров, и близкие мне Ю. И. Селиверстов и П. В. Палиевский и другие. Поэтому

тезис о «расколе» явно сомнителен. Что ж касается меня самого, «выбор» именно Бахтина был предопределен складом моего характера.

Дело в том, что ко времени моего обращения к Михаилу Михайловичу, к 1960 году, вышел в свет начиная с 1953-го целый ряд сочинений Лосева и его уже поддерживал определенный – пусть еще не очень широкий – круг людей, между тем как сочинения Бахтина не издавались к тому моменту уже более тридцати лет и людей, стремящихся изменить положение, около него не было.

Это толкование моего «выбора» может быть воспринято как «самовосхваление». Однако, будучи уже человеком, если очень мягко выразиться, далеко не молодым, я не склонен обольщаться своими поступками; не исключено, что мой «выбор» – пусть даже бессознательно – определила своего рода **гордыня**: я не хотел присоединяться к уже сложившемуся кругу чьих-либо поклонников и помощников. Но вообще-то я осознавал свои отношения с Бахтиным так: я рядом с ним потому, что это **необходимо**. И когда Михаил Михайлович уже обрел высокое признание в России и затем во всем мире, мое общение с ним стало намного менее интенсивным.

В заключение следует все же сказать о том «расколе», который упомянут выше. Лосев и Бахтин, без сомнения, очень разные люди, и мысль их шла существенно различными путями. Едва ли случайно, что они, почти ровесники, ни разу не встретились, не обменялись ни единым письмом. А тем, кто хорошо знаком с их наследием, известно, что Лосев весьма критически отзывался о книгах Бахтина⁵, последний же, пожалуй, видел в первом скорее выдающего исследователя античности, нежели мыслителя...

Но эти «расхождения», если угодно, закономерны: великое богатство духовной культуры России выражалось, в частности, в глубоком подчас разноречии ее творцов. Такие современники, как Достоевский и Толстой, никогда не общались и существенно (хоть и не очень явно) «критиковали» друг друга; весьма резкой полемикой отмечены взаимоотно-

шения К. Леонтьева и В. Соловьева⁶ или, позднее, Розанова и Бердяева⁷.

Но все это не отменяет определенного **единства** отечественной мысли в ее высших выражениях. И если даже воспринимать пути Бахтина и Лосева как ни в чем не сходящиеся – «параллельные» – линии, в конечном счете они, быть может, сольются; ведь не зря же у них и при жизни были общие ученики...

Как уже сказано, масса ретивых авторов пытается внушить русским людям убеждение, что духовная жизнь и культура в 1920–1970-х годах вообще не существовали в России. Опровержением этого являются не только творчество Лосева и Бахтина как таковое, но и тот факт, что они шли своими самостоятельными путями, творя многогранное богатство русской мысли XX века (и, разумеется, предшествующей).

Одна из главных основ этого богатства – стремление творцов отечественной мысли доходить на своих путях до предела или, вернее, беспредельности, – в частности, и в их отношениях друг к другу. Это порождало острейшие и даже трудно понимаемые противоречия.

Так, например, Вл. Соловьев – что общеизвестно – прозвал Розанова «Иудушкой»⁸, а почти столетие спустя Лосев заявил, что Василий Васильевич, начав свой путь достойно, на почве «классики», «потом все это забросил, стал газетным писакой, очень талантливым, правда».

Но в той же беседе Алексей Федорович, который тогда особенно преклонялся перед Соловьевым, сказал следующее: «...не было такого писателя, который бы так глубоко и так остро расходился с Вл. Соловьевым, как В. В. Розанов. Но зато не было и такого писателя, который бы так проникновенно и так бесстрашно умел формулировать самое существенное, что было у философа... Розанов сказал за несколько месяцев до своей смерти: “Зачем мы ссорились с Владимиром Соловьевым? Ведь мы оба были пророки”»*.

* Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. Литературные размышления философа. М., 1990. С. 53, 55.

О М. М. Бахтине я написал более или менее подробно в статье «Великий творец русской культуры XX века», вошедшей во второй том моего сочинения «Судьба России: вчера, сегодня, завтра» (М., 1997. С. 187–209), ранее эта моя статья была опубликована, в частности, в издающемся с 1992 года в Витебске (где началась в 1920-х годах творческая деятельность Михаила Михайловича) «специально бахтинском» журнале под названием «Диалог. Карнавал. Хронотоп» (1993, № 2–3, с. 120–134). Но недавно в этом самом журнале (1998, № 1 (22), с. 103–155) появилась пространная резко критическая – можно даже сказать «уничтожающая» – статья о М. М. Бахтине, принадлежащая перу историка философии Н. К. Бонецкой, которая еще совсем недавно выступала в печати как явная «поклонница» этого мыслителя¹⁰.

В самом подобном факте нет ничего неожиданного и особенно прискорбного: наследие многих выдающихся и даже величайших деятелей культуры в тот или иной период и по тем или иным причинам подвергалось нападкам и даже полному «развенчанию» – вспомним хотя бы о «сокрушительных» атаках на самого Пушкина, предпринятых Писаревым и его сторонниками, позднее – футуристами и не столь давно – Терцем-Синявским¹¹. Нет сомнения, что и теперешняя попытка развенчать М. М. Бахтина останется бесплодной. Но тем не менее имеет смысл высказаться об этой попытке.

Начну с того, что в качестве члена редакционной коллегии журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп» (ДКХ) я был всецело «за» опубликование сего «обличительного» сочинения, ибо выразившаяся в нем «позиция» имеет определенное распространение. В моих глазах – и, уверен, в глазах преобладающего большинства читателей М. М. Бахтина – эта «позиция» всецело безосновательна, – в частности, потому, что «обличения» подобного рода направлены, в сущности, не против автора «Рабле», а против осмысляемого им «католического менталитета». Но, поскольку такая «позиция» существует, было бы попросту неразумно препятствовать ее «обнаружению». И именно предоставление возможности высказаться, или, говоря

более торжественно, свободы ее приверженцам, обеспечивает и **свободу** критики их построений.

Позволю себе не вполне, быть может, скромное признание: я с давних пор готов отстаивать свободу приверженцев любых – в том числе совершенно чуждых мне – взглядов, хотя никогда не объявлял себя «демократом», – в отличие от великого множества нынешних авторов, на деле-то готовых задумать каждого своего решительного оппонента...

Но обратимся к сочинению Н. К. Бонецкой. Я не имею намерения разбирать его в целом и считаю целесообразным коснуться лишь некоторых его элементов – и не только ради полемики, но и потому, что в связи с этим возникает ряд относящихся к М. М. Бахтину проблем.

Один из разделов работы Н. К. Бонецкой предварен эпиграфом, якобы принадлежащим М. М. Бахтину: «И Евангелие – карнавал». Слова эти взяты из мемуарного сочинения В. Н. Турбина¹², но не будем тревожить тень покойного, ибо ведь Н. К. Бонецкая принимает рассказ Владимира Николаевича как бесспорно истинный и провозглашает, что, «оспаривая измышления о “христианском” характере бахтинской философии, нам достаточно... выдвинуть им навстречу эту единственную бахтинскую фразу» (с. 32), в которой мыслитель, по определению Н. К. Бонецкой, «дал нам ключ», – то есть по какой-то причине решился «проговориться», «обнаружить» действительный «характер» своей философии.

Из сочинений Н. К. Бонецкой явствует, что она трудолюбивый автор и обычно со вниманием изучает тексты тех мыслителей, о которых пишет. Но в данном случае волей-неволей приходится сделать вывод, что ее крайне критическое отношение к М. М. Бахтину как бы застлало ей глаза... Ведь при ее квалифицированности она, во-первых, вроде бы не могла не понимать, что никак нельзя назвать Евангелие «карнавалом» (разве только при заведомой **небрежности** высказывания), ибо Евангелие – это явление **слова**, а карнавал – определенное **действие** (действие), которое, в частности, вполне способно совершаться без слов. Слово же как таковое может быть,

по терминологии М. М. Бахтина, «карнавализованным», но не может быть «карнавалом».

Во-вторых, опять-таки только своего рода «слепотой» уместно объяснить представление, согласно которому М. М. Бахтин единственный раз и как бы невольно «проговорился» и связал Евангелие с феноменом карнавала. Ведь, скажем, в его «Проблемах поэтики Достоевского» на нескольких страницах (см., например, с. 180–181 издания 1963 года) говорится о «карнавализованности» и канонических, и, в еще большей степени, апокрифических Евангелий и других явлений раннехристианской литературы! Н. К. Бонецкая наверняка штудировала эту книгу, однако ссылается она все же не на нее, а на **мемуарный** (никогда не имеющий **стопроцентной** точности) пересказ, делая это явно для того, чтобы, так сказать, «поймать» М. М. Бахтина на якобы чуть ли не неожиданном **для него самого** «разоблачающем» проговоре, – притом, как уже отмечено, не обращая внимания на очевидную неадекватность используемой ею «фразы», в которой неправомерно отождествлены слово и действие.

Не приходится уже говорить о том, что Н. К. Бонецкая игнорирует весомые свидетельства о христианстве М. М. Бахтина, принадлежащие близко знавшим его людям. Достаточно напомнить о художнике Ю. И. Селиверстове (увы, уже также ушедшем от нас), который был не только глубоко верующим, но и с молодых лет воцерковленным христианином, не могущим, кажется, и одного дня прожить без молитвы в храме, а ведь он стал одним из ближайших и наиболее преданных почитателей Михаила Михайловича, и именно Юрий Иванович взял на себя заботы о его христианском погребении.

Совершенно ясно, что «споры» о христианстве М. М. Бахтина возможны только в силу «подцензурности» бахтинских текстов. И те, с кем Михаил Михайлович вел **откровенные** беседы, ни в коей мере не сомневаются в его христианстве, и, более того, можно назвать людей, обретших **христианскую веру** именно в общении с ним и его супругой с 1921 года Еленой Александровной!

И второе, о чем считаю необходимым сказать. Стремясь всячески «отделить» М. М. Бахтина от христианства, Н. К. Бонецкая пытается самым настоятельным образом связать его с **иудаизмом** и даже вообще с «**еврейством**». Она без сколько-нибудь внятных доказательств утверждает, что за бахтинским «диалогом» стоят «то ли бесконечные талмудические разговоры “по последним вопросам”, то ли... собеседование ветхозаветного человека с Богом», что бахтинский тезис о «неготовности» воспроизводит-де «религиозное ощущение еврейства» (с. 115–116), что книга о Рабле воплотила «глубинное еврейское мироощущение» (с. 140) и т.д., и т.п.

В бахтинских **текстах** нет прямых суждений о еврействе и иудаизме, – и такие суждения отсутствуют в конечном счете по тем же причинам, что и откровенные суждения о христианстве, «**цензурным**» причинам. Важно подчеркнуть, что до последнего времени «антихристианская» направленность была присуща не только «официальным», но и сугубо «либеральным» кругам: так, в «свободомыслящем» «Новом мире» 1960-х годов постоянно публиковались резкие антихристианские сочинения.

С другой стороны, имела место своего рода «цензура» и по «еврейскому вопросу», которая особенно неукоснительно действовала в интеллигентской среде. И к моменту знакомства с М. М. Бахтиным (к 1960 году) в мое сознание было прочно внедрено представление, что подлинно «интеллигентный» и действительно «культурный» человек **не может** ни думать, ни тем более высказывать публично что-либо «критическое» в адрес евреев.

Но при первой же встрече с Михаилом Михайловичем в 1961 году он на вопрос о том, кого из русских мыслителей необходимо изучать **прежде всего**, почти не раздумывая, сказал: «Читайте Розанова!» Через год, в продолжение которого я пораженно вчитывался в проникновенные книги Василия Васильевича (не без больших усилий «доставая» их), я вновь приехал в Саранск и задал волновавший меня вопрос об «антисемитизме» Розанова.

Михаил Михайлович ответил, что в таком случае придется считать «антисемитами» почти всех мыслителей и писателей России, ибо они высказывали – пусть и не столь развернуто и резко – в общем то же самое, что и Розанов.

Мне пришлось опять-таки выразить недоумение из-за его слов, ибо мне тогда казалось, что дело обстоит противоположным образом. Но Михаил Михайлович возразил, что многое замалчивается или вообще не публикуется, – в чем я позднее убедился, читая, как говорится, «без купюр» не только Достоевского, но и Гоголя и Толстого, а также И. Аксакова и К. Леонтьева, Лескова и Куприна, Чехова и Блока, С. Булгакова и Флоренского, Карсавина и Лосева, Пришвина и М. Булгакова и т.д. (к ним, разумеется, следует присоединить и их иностранных коллег – от Шекспира до Томаса Вулфа, от Канта до Хайдеггера).

Словом, мне стало ясно, что издавна действующий в интеллигентской среде «запрет» на критические суждения об **одной** из национальностей – явление сугубо ложное и в конечном счете вредное даже и для самой этой национальности, ибо оно стимулирует либо даже вообще порождает в тех или иных людях экстремистские, «крайние» – и также заведомо ложные – негативные представления о евреях...

Впоследствии я познакомился с замечательно верным заключением одного из крупнейших еврейских идеологов XX века – Владимира Жаботинского¹³ (в его статье, впервые опубликованной девяносто лет назад, в 1909 году): «...можно попасть в антисемиты за одно слово “еврей” или за самый невинный отзыв о еврейских особенностях. Я помню, как одного очень милого и справедливого господина объявили юдофобом за то, что он прочел непочтительный доклад о литературной величине Надсона (сейчас то же самое происходит с теми, кто «непочтительно» говорит о «величине» И. Бродского. – В. К.)¹⁴... евреев превратили в какое-то запретное табу, в конце концов, создается такое впечатление, будто и самое имя “еврей” есть непечатное слово, которое надо пореже произносить»*.

* Жаботинский Владимир (Зеев). Избранное. Иерусалим; СПб., 1992. С. 74–75.

Но вернемся к М. М. Бахтину. Без всякого преувеличения скажу, что тогда, в 1962 году, Михаил Михайлович был **единственным** в мире человеком, который мог убедить меня изменить давно, с 1940-х годов внедрившееся в мое сознание представление об этом «предмете», – и убедить даже не какими-либо аргументами, а самой своей личностью (кстати сказать, об этом совершившемся во мне именно тогда, в 1962 году, под бахтинским воздействием изменении могут свидетельствовать многие близко знавшие меня в то время люди).

И теперешнее – говоря без обиняков, высосанное из пальца – «обвинение» Михаила Михайловича в приверженности еврейству и иудаизму – «обвинение», которое занимает очень существенное место в сочинении Н. К. Бонецкой, – стало возможным только по «цензурным» причинам. Ибо в бахтинских текстах никак не выразилось отношение их автора к пресловутой «проблеме».

Предвижу, что рассказанное мною побудит определенные круги людей к «критике» по адресу М. М. Бахтина. Предвидеть это нетрудно потому, что в последние годы можно было наблюдать, как в этих кругах изменялось отношение к поначалу встреченному восторгом утверждению самого высокого статуса таких деятелей русской культуры, как П. А. Флоренский, Л. П. Карсавин, А. Ф. Лосев, М. А. Булгаков и другие. По мере того как осваивалось их наследие, становилось известно, что они воспринимали пресловутый «еврейский вопрос» не так, как «положено», и их начали обвинять в «антисемитизме»¹⁴. Слово это в его истинном смысле означает принципиальное и, так сказать, априорное **неприятие** евреев как таковых, как этноса (что, безусловно, и безнравственно, и просто неразумно), но сие слово сплошь и рядом употребляют по адресу людей, которые критически высказывались о тех или иных конкретных **действиях и суждениях** лиц еврейского происхождения, и приписывать им ненависть к целому этносу – грубейшая клевета.

Насколько несостоятелен такой подход к делу, явствует хотя бы из следующего. Литератор М. Золотоносов, избрав

ший «профессией» разоблачение «антисемитов», издал недавно книжку, в которой попытался «доказать», что Михаилу Булгакову был присущ-де «элементарный антисемитизм, разрушающий ту “оптимизированную” биографию Булгакова (неправомерно сближенную с идеалом), которая внедрилась в общественное сознание»*. Но далее, увлекшись своим обличительным пафосом, Золотоносов обнаруживает «антисемитизм» и у еврея О. Э. Мандельштама (там же)!

Или другой весьма выразительный пример. В 1980 году были изданы воспоминания известного драматурга Александра Гладкова (автора очаровательной пьесы «Давным-давно...») о Борисе Пастернаке, где цитировалось его рассуждение о евреях, в котором поэт, в частности, утверждал: «... я считаю самым большим благом для еврейства полную ассимиляцию»**. Воспоминания были заново изданы уже в «перестроечное» время, и, надо думать, по причине большей «свободы» подготовивший оба издания В. В. Забродин без всяких пояснений убрал из второго издания это место – по-видимому, из-за его (по мнению Забродина) «антисемитского» смысла...

В заключение решусь высказать предположение о том, **почему** Н. К. Бонецкая прямо-таки яростно обрушилась на М. М. Бахтина – вернее, прежде всего и главным образом на его книгу о Рабле. Для этого необходимо вернуться к истории ее издания.

Тридцать лет назад мне удалось подготовить достаточно весомый «аргумент» в пользу издания этой книги – письмо под названием «Книга, нужная людям», которое согласились подписать председатель Союза писателей СССР К. А. Федин, академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР В. В. Виноградов и переводчик Рабле Н. М. Любимов. Я вру-

* Золотоносов М. «Мастер и Маргарита» как путеводитель по субкультуре русского антисемитизма (СРА). СПб., 1995. С. 10.

** См.: Гладков Александр. Театр. Воспоминания и размышления. М., 1980. С. 431; Он же. Поздние вечера Воспоминания, статьи, заметки. М., 1956. С. 151.

чил это письмо давно знакомому мне заместителю главного редактора «Литературной газеты» А. С. Тертеряну, 23 июня 1962 года оно было опубликовано, и уже 30 июня редакция литературоведения и критики издательства «Художественная литература» (ему и было непосредственно адресовано письмо) обратилась к М. М. Бахтину с просьбой «немедленно» прислать рукопись книги о Рабле*.

Однако затем заместитель главного редактора издательства, «курировавший» именно редакцию литературоведения и критики, категорически выступил против издания книги, заявив, в частности, что «в ней одна латынь да порнография»**. И в продолжение более года этому литчиновнику удалось задерживать продвижение книги. Но 2 августа 1963 года я в очередной раз «прорвался» к труднодоступному Федину, и в довольно курьезных обстоятельствах он подписал приготовленное мною весьма резкое письмо к директору издательства «Художественная литература»***.

23 августа с М. М. Бахтиным был, наконец, заключен договор (подразумевавший немедленную выплату 25% гонорара), и «зам. главного» уже не мог помешать выходу книги, — то есть достаточно влиятельный литчиновник неожиданно потерпел поражение...

И решусь предположить, что глубинная психологическая «основа» нынешнего сочинения Н. К. Бонецкой, «отвергающего» книгу о Рабле, — давнее поражение того самого литчиновника, ибо это был ее родной отец — К. И. Бонецкий...

Между прочим, его «образ» как бы присутствует в сочинении дочери — в явно выпадающем из общего стиля и тона

* См. подробное документированное описание всего этого в комментарии Н. А. Панькова в ДКХ, 1997, № 1. С. 166–186.

** См. воспоминания титульного редактора книги: С. Л. Лейбович // ДКХ. 1997. № 1. С. 145.

*** Стоит отметить, что имелся еще только один литчиновник, возражавший против издания трудов М. М. Бахтина, — директор издательства «Советский писатель» Н. В. Лесючевский. Но тут, насколько известно, была «веская» причина: во время ареста Михаила Михайловича, в конце 1920-х годов, Лесючевский сотрудничал с Ленинградским ГПУ...

ее статьи рассказе о некоем человеке, который (цитирую): «к книге о Рабле... питает брезгливое отвращение»... И хотя он сам «не прочитал» эту книгу (С. Л. Лейбович в цитированных воспоминаниях отмечает, что К. И. Бонецкий только «знал» о «Рабле» – от других людей) и был «совершенно далек от понимания Бахтина... его реакция на “Рабле” была здоровой и верной не только в нравственном отношении, но и в чисто духовном» (с. 141).

Предвижу вероятные возражения в духе формулы «дочь за отца не отвечает» или утверждения о «случайности» (а не причинно-следственной связи) этой «переклички» двух разных по интеллекту (пусть и столь близко родственных) людей. Но вот что следует учитывать. Н. К. Бонецкая рассуждала в своих сочинениях о **многих** мыслителях и филологах XX века, но столь яростной критике она подвергла одного только автора «Рабле»! А ведь более убедительным было бы ее подобного же рода выступление против таких **популярнейших** сегодня авторов, как З. Фрейд, К. Г. Юнг, даже тот же В. В. Розанов... Однако мишенью оказался лишь автор книги, которую не сумел «запретить» отец Н. К. Бонецкой.

Хорошо известно, что почитание отцов нередко овладевает людьми только в их зрелом возрасте, и, по-видимому, теперь настало время, когда «реакция» К. И. Бонецкого на бахтинского «Рабле» (то есть его борьба против издания этой книги) предстала в глазах его дочери в качестве (цитирую еще раз ее слова) «здоровой и верной не только в нравственном отношении, но и в чисто духовном».

Почитание отцов – благородное в своей основе чувство, и поэтому скажу со всей искренностью: да простится Наталье Константиновне ее гнев по адресу М. М. Бахтина! – хотя в то же время, если принять во внимание представляющийся мне вероятным «подтекст» этого гнева, не стоит придавать ее статье объективный смысл...

И последнее. «Обвиняя» М. М. Бахтина в приверженности иудаизму и еврейству вообще, Н. К. Бонецкая, надо признать, шла на серьезный риск, ибо ее очевидное резкое не-

довольство такой приверженностью дает основания для того причисления ее к лагерю «антисемитов», которое столь характерно для определенных кругов... Ведь в ее статье утверждается, что в бахтинской книге о Рабле воплотилось «религиозное ощущение еврейства», а вместе с тем провозглашается, что **«брезгливое отвращение»** от этой книги – «реакция», являющаяся «здоровой и верной не только в нравственном отношении, но и в чисто духовном»...

Этот текст вполне могут объявить «махрово антисemitским». Впрочем, у тех, кто занимается наклеиванием этого ярлыка, логика весьма прихотливая. Так, например, в порядке опровержения какой-либо критики в адрес какого-либо еврея беспрестанно ссылаются на знаменитые слова из одного из посланий апостола Павла о том, что для Господа «несть ни иудея, ни еллина». И слова эти преподносятся в качестве, так сказать, высшего «запрета» на «критику» евреев.

А ведь в действительности эти слова Христова апостола – что абсолютно ясно из их контекста – направлены не против «врагов» иудеев, но как раз наоборот – против **иудеев**, претендующих на принципиальное превосходство над другими народами, на «избранность»! И тем, кто готов повсюду обнаруживать «антисемитизм», следовало бы уж (по их «логике») объявить «антисемитом» этого апостола, который ведь к тому же «предал» иудаизм, страстным поборником коего был (по его собственному признанию) до того, как пошел за Иисусом Христом...

Давнее и упорное лжетолкование общеизвестных слов апостола Павла превратило их в своего рода «пугало» для слабонервных или деликатных людей, и давно пора вернуть этому изречению его истинный смысл.

Р.С. Михаил Михайлович и как мыслитель, и как человек отличался от Розанова не меньше, чем Лосев, назвавший последнего «газетным писакой». В молодости Бахтин видел Розанова и выражал свое впечатление так: «Это был типичнейший петербургский мещанин!» Тем не менее, когда пришедшие к нему люди спросили его, с чего лучше всего на-

чать постижение русской мысли, он дал вышеприведенный безоговорочный ответ.

**Между государством и народом:
попытка беспристрастного
размышления об интеллигенции**

Слово «попытка» в заглавии этого сочинения уместно или даже необходимо потому, что размышлять о феномене «интеллигенция» с полным беспристрастием крайне трудно или даже вообще невозможно, – притом дело обстояло примерно так же в любой период новейшей истории России. Если составить антологию, включающую в себя высказывания и целые сочинения XIX–XX веков об этом феномене (она может быть весьма объемистой), преобладающее место в ней займут, без сомнения, два полярных «жанра» – славословие и проклятье, причем в качестве приверженцев одного и того же жанра явятся очень разные авторы; так, в интеллигенции усматривали ценнейшую или даже вообще единственную действительно ценную общественную силу России лидер либерализма Милюков¹ и имеющий титул «пролетарского писателя» М. Горький², а резкие суждения о ничтожестве и, более того, прямой «вредоносности» интеллигенции нетрудно найти в сочинениях Ленина³ и... «веховца» Петра Струве⁴. Но даже и более «умеренные» высказывания об интеллигенции чаще всего предстают скорее как определенные «оценки», нежели как итоги объективного размышления.

Конечно, эта пристрастность не беспричинна. И она, между прочим, оказывается в явном противоречии с «официальным» толкованием слова «интеллигенция» в энциклопедических словарях: «слой образованных людей или работников умственного труда»; «общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры» (если это действительно так, почему

вокруг «людей умственного труда» разгораются столь противоречивые страсти?). Далее БСЭ утверждает, что «первичной группой И. явилась каста жрецов. В средние века место жречества заняло духовенство» и т.д. Но тут же – как это ни удивительно – говорится: «Термин И. был введен в обиход писателем П. Д. Боборыкиным (в 60-х годах XIX века) и из русского перешел в другие языки»*.

То есть феномен «интеллигенция» существовал в мире в течение тысячелетий, но был, так сказать, впервые «открыт» и получил «имя» только в России середины прошлого века. Эта «концепция» предельно или даже, пожалуй, запредельно неправдоподобна, и термин «интеллигенция», несмотря на его латинский корень, обозначает, конечно же, собственно российское явление (как и, например, также восходящее к латыни русское слово «царь»). Правда, и в других странах возникали аналогичные группы людей (об этом еще будет речь), но они, во-первых, не обладали столь же громадным и первоначальным значением в бытии своих стран, а во-вторых, имели временный и локальный характер.

Кстати, в самой цитированной энциклопедической статье, по сути дела, опровергается отождествление российской и западноевропейской «интеллигенции», ибо о последней сказано: «В Европе... деятели И. пробивались на высокие государственные должности». Между тем в России причисляемые к интеллигенции люди всегда стремились идти по более или менее самостоятельному пути, противоречащему либо хотя бы не совпадающему с «линией» государственной (а также церковной) власти. И даже входя во власть, истинные представители интеллигенции осуществляли или по крайней мере пытались осуществить свою, а не собственно государственную «программу».

* Малая советская энциклопедия. М., 1930. Т. 3; Большая советская энциклопедия. М., 1973. Т. 10. С. 311. Не исключено, что в литературное произведение это слово первым ввел Боборыкин, но в устной речи оно, по всей вероятности, зазвучало раньше (оно, кстати, зафиксировано уже «Толковым словарем живого великорусского языка», созданным В. И. Далем).

Те же, кто, заняв высокие посты, полностью переходил на сторону власти, воспринимались как «предатели» и автоматически «исключались» из интеллигенции. Так, никто, конечно же, не причислял к интеллигенции занявших высокие государственные должности Бенкендорфа, Дубельта или Михаила Муравьева (так называемого «вешателя»)⁵, хотя в свои молодые годы они входили в преддекабристские организации и Дубельт после 14 декабря находился под следствием, а Муравьев был даже арестован! Один из виднейших декабристов С. Г. Волконский вспоминал впоследствии о том, что Бенкендорф, «человек мыслящий и впечатлительный», задумал в начале 1820-х годов создать легальную организацию из «лиц честных, смысленных... и пригласил нас, многих своих товарищей, вступить в эту когорту, как он называл, добромыслящих, и меня в их числе...»^{*}.

Столетием позднее, в 1916 году, один из лидеров интеллигентского «Прогрессивного блока» Протопопов стал «добросовестным» министром внутренних дел и тут же был полностью отлучен от интеллигенции.

Прежде чем идти дальше, необходимо одно пояснение. Термин «интеллигенция» складывается в середине XIX века, и тем не менее речь у нас зашла о декабристах, действовавших в начале столетия. Вообще, вопрос о времени возникновения феномена «интеллигенция» в России не решен скольконибудь основательно. Но едва ли столь существенное явление родилось в середине XIX столетия, как говорится, на пустом месте; естественно полагать, что у него была длительная «предыстория».

Так, на рубеже XV–XVI веков, когда Русь превращается в «царство» и, кстати, начинает употребляться само слово «Россия», значительнейшую роль играет целый ряд деятелей, которые в той или иной мере выступают самостоятельно, не совпадая с линией государственной и церковной властей, подчас даже оказываясь в достаточно остром конфликте с этими властями. Среди таких деятелей того вре-

^{*} Волконский С. Г. Записки. СПб., 1902. С. 135–136.

мени – Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, великий иконописец Дионисий, «князь-старец» Вассиан Патрикеев и многие другие*. И хотя буквально применять термин «интеллигенция» по отношению к этим жившим полтысячелетия назад людям едва ли уместно, они все же могут быть поняты как своего рода «прообраз», «архетип» обозначаемого этим термином российского феномена...

Впрочем, изучение истории (и предыстории) интеллигенции – сложная и трудоемкая задача, которую ставить здесь невозможно.

* * *

Ныне в большом фаворе знаменитая книга «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции», вышедшая в свет в 1909 году и неоднократно переизданная в наше время. В этой книге, бесспорно, содержатся меткие и, более того, глубокие умозаключения. Но едва ли обладают объективностью ее **основные**, наиболее общие положения.

Веховцы – особенно настоятельно П. Б. Струве – предложили, в частности, «исключить» из интеллигенции не только крупнейших художников слова XIX века – Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевского, – а и Новикова, Радищева, Чаадаева, Вл. Соловьева и даже (хотя и с оговорками) Белинского и Герцена; к интеллигенции Струве причислил только революционных или по меньшей мере радикальнейших «социалистов», родоначальником коих он объявил Бакунина**. И «интеллигенция» во главе с Бакуниным и Чернышевским представляла в рассуждениях веховцев – идеологов, перешедших после 1905 года на антиреволюционные позиции, – в заведомо и даже крайне негативном свете.

* См. об этом в моей книге: История Руси и русского Слова. Современный взгляд. М., 1997. С. 449–491.

** См.: Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. 4-е изд. М., 1909. С. 162–163.

По-своему прямо-таки замечательно, что большевики, которым веховцы явно противостояли, тоже относились к «интеллигенции» резко критически, но они, в противоположность веховцам, по сути дела, «исключили» из нее как раз радикальных деятелей типа Чернышевского; тем самым точки зрения веховцев и большевиков являли собой, так сказать, «зеркальное» отражение друг друга, в коем «левое» становится «правым» и наоборот.

Говоря об этом, необходимо вспомнить, что Струве (как и другие веховцы – Бердяев, Булгаков, Франк) начал свой путь в конце XIX века именно в рамках РСДРП (тогда еще не расколовшейся на большевиков и меньшевиков), в достаточно тесном сотрудничестве с самим Лениным, и позднее «отрицание» веховцами левой интеллигенции было и «самоотрицанием», каковое, к примеру, вполне уместно сопоставить с сегодняшними проклятиями в адрес КПСС, постоянно изрекаемыми множеством ее недавних руководящих лиц...

Весьма характерны суждения Струве о Толстом. Выстраивая ряд не принадлежащих, мол, к интеллигенции «великих писателей» (см. выше), он не ввел его в этот перечень, что, надо думать, объяснялось очевидной радикальностью толстовской критики существующего общества. Но, сознавая, по-видимому, что умалчивать о Толстом как-то неудобно, Петр Бернгардович, прибегнув к весьма ядовитому словосочетанию «мундир интеллигента», заявил, что «Достоевский и Толстой, каждый по-разному, срывают с себя и далеко отбрасывают этот мундир»*.

Можно согласиться с тем, что, решительно осудив свою принадлежность в молодые годы к петрашевцам, Достоевский тем самым действительно совершил нечто подобное... Однако **поздняя** – наиболее радикальная – публицистика Толстого (отчасти распространявшаяся даже нелегально!) в значительной мере «работала» именно на ту интеллигенцию, которую столь резко критиковали веховцы. Характерно, что всего за несколько месяцев до появления «Вех», в сентябре 1908 года,

* Там же. С. 164.

Ленин как раз превознес Толстого⁶, утверждая, что его сочинениям присуща «беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления... срывание всех и всяческих масок...»^{*}.

У Струве Толстой «срывает с себя... мундир интеллигента», – притом Струве тут же, прямо совпадая с Лениным, говорит и об «интеллигентских **масках**». По Ленину, Толстой «срывает маски» с российского капитализма и государства, и это утверждение трудновато опровергнуть. Правда, в соответствии с тем свойственным большевикам и веховцам «зеркальным» видением одних и тех же явлений, о котором говорилось выше, Ленин за отсутствие последовательной «революционности» здесь же причисляет Толстого и к **интеллигенции**; в качестве «толстовца» он квалифицируется как «истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом».

Исходя из вышеизложенного, можно, как представляется, сделать вывод о том, что феномен «интеллигенция» характеризовался в начале нашего века (притом совершенно разными идеологами) не столько на основе понимания его существа, сколько в плане **политической оценки**, всецело зависящей от опять-таки чисто политических позиций «оценщиков».

В принципе это имеет свое если и не оправдание, то основательное объяснение. Интеллигенция – даже независимо от личных устремлений людей, которые так или иначе к ней принадлежат, – не только неизбежно вовлекается в политико-идеологическую жизнь, но и в определенных отношениях представляет собой ее **средоточие**, ее концентрированное выражение. И потому **политический** «подход» к интеллигенции вполне закономерен – и не только в начале XX века, но и ранее и позже – вплоть до наших дней...

Прямые отзвуки того, что писали об интеллигенции Струве и Ленин или Милюков и Горький, нетрудно услы-

^{*} Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 17. С. 208.

шать в сегодняшней публицистике. Но решусь высказать мнение (возможно, впрочем, слишком оптимистическое), что ныне – впервые после почти полуторавекового периода, начавшегося в 1860-х (если не в 1840-х) годах, – открывается возможность размышлять об интеллигенции более или менее **объективно и беспристрастно**.

Такое размышление действительно было очень трудным либо вообще невозможным делом, когда готовился и тем более непосредственно совершался катаклизм революции, а также и в те предшествующие нашему времени десятилетия, когда постепенно назревало всецело закономерное, имевшее место после любой великой революции решительное ее «отрицание», каковое давно принято обозначать словом **«реставрация»**. Но теперь, после происшедшей начиная с 1991 года реставрации (пусть и далеко не столь решительной и глубокой, какой была реставрация после Великой французской революции 1789 года, начавшаяся в 1814 году), многое можно осмыслить гораздо яснее и взвешеннее.

Конечно, в современной идеологической литературе очевидно **преобладают** «традиционные» оценки интеллигенции. Сошлюсь на первые попавшиеся на глаза во время сочинения этой статьи, но типичнейшие суждения.

Один «академик РАЕН»⁷ (сейчас различных «академиков» развелось невиданное множество) утверждает, что «цвет российской интеллигенции... всегда светил («цвет светил» – характерное проявление мыслительного механизма автора. – В. К.) России и тем сохранял ее позитивную значимость в мире»*. То есть в России (как и полагали в начале века Милюков и его многочисленные единомышленники) не было и нет ничего «позитивного», кроме интеллигенции.

Но всего через пару дней в рамках того же самого периодического издания появляются сразу два сочинения, в которых об интеллигенции говорится не «по Милюкову», а «по Струве» (на коего даже имеется ссылка) и она пред-

* Капустин М. «Задворки мировой цивилизации» и поиск нового курса // Независимая газета. 6.12.1997. С. 5.

стает как едва ли не самое «негативное» явление в истории России...*

Я постараюсь показать, что эти – типичные – крайне противоречивые, взаимоисключающие суждения об интеллигенции, изрекаемые в продолжение по меньшей мере полутора столетий, заведомо поверхностны и односторонни, то есть в конечном счете ложны, они являют собой, в сущности, не плоды познания, а побочные продукты политической и идеологической борьбы.

Сомнительность этих противоречивых суждений нередко ясно обнаруживается в сомнительности самой **их логики**. Так, Струве, стремясь «вывести» Белинского (поскольку это очень уж весомое имя) за пределы обличаемой им интеллигенции, утверждал: «Белинский велик совсем не как интеллигент... а главным образом как истолкователь Пушкина и его национального значения»**. Однако в качестве «истолкователя Пушкина» Белинский находится в весьма обширном ряду критиков, мыслителей, писателей, филологов XIX–XX веков и едва ли занимает в этом ряду одно из «первых» мест; между тем в роли вождя интеллигенции как **общественной силы** он, конечно же, неизмеримо более значителен – и для этой роли первостепенную важность имело не его сочинение о Пушкине, а, например, знаменитое «Письмо Белинского к Гоголю». Кстати, есть серьезные основания полагать, что дошедший до нас текст – вернее, несколько имеющихся налицо различных вариантов текста – сего «Письма» в той или иной степени не является сочинением самого Белинского***. И это не столь уж удивительно: в сознании и самом бытии интеллигенции всякого рода **мифы** занимают огромное место, они нередко важнее фактов.

Вообще, «вес» того или иного деятеля в интеллигентской «иерархии» определяется не столько его конкретными – про-

* См.: Кива А. Затея в духе старых добрых времен; Журавлев Н. Почему я не интеллигент РФ // НГ-сценарии, декабрь 1997. С. 4, 5.

** Вехи. С. 163.

*** См. об этом: Литературное наследство. Т. 56. Белинский В. Г. М., 1950. С. 513, 605.

фессиональными – достижениями в сфере философии, науки, художественного творчества, различных видов практической деятельности, сколько его ролью в жизни интеллигенции как **общественной силы** (хотя собственно профессиональные заслуги и могут повысить «статус» интеллигента).

Так, например, легендарная Вера Засулич стала одним из кумиров интеллигенции, в сущности, только потому, что в 1878 году неожиданным выстрелом из револьвера ранила петербургского градоначальника Трепова, а, скажем, наш современник Юрий Афанасьев был превознесен, собственно говоря, лишь потому, что в 1989 году «дерзнул» публично назвать «горбачевский» Верховный Совет «сталинско-брежневским»...⁸

«Профессиональных» заслуг у сдавшей экзамен на звание учительницы, а затем посещавшей, но не окончившей курсы акушеров Засулич ко времени ее прославления не имелось; Афанасьев, хотя он и получил в «застойные» времена «искомую степень доктора исторических наук», хоть скольконибудь заметного вклада в эти науки не внес.

Сказать об этом важно потому, что подобные факты обнажают кардинальное различие между российской **интеллигенцией** и «**интеллектуалами**» Запада, роль которых в обществе зависит в основном от их **профессиональных** достижений или, точнее, от общественного **признания** этих достижений (ибо ведь высокий статус в сфере науки, искусства, философии и т.д. не столь уж редко приобретают на какое-то время мнимые «гении»).

Могут, правда, возразить, что ведь и на Западе в те или иные периоды возникают подобные (хотя бы в известной мере) российской интеллигенции явления; таково, например, «бунтарское» молодежное движение 1960-х годов. Но в высшей степени характерно, что это движение вдохновлялось прежде всего заветами Бакунина и Кропоткина!

Вообще, мы склонны всячески преувеличивать воздействие Запада на Россию, но крайне редко обращаем внимание на следы обратного воздействия. В конце 1940-х – начале

1950-х годов, в период начала «холодной войны», значительная группа деятелей культуры (главным образом кинематографии) США вступила в довольно острый конфликт с государством и подверглась репрессиям со стороны Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. И едва ли можно сбросить со счетов тот факт, что некоторые из этих американских «интеллигентов» являлись выходцами из России, а многие из них обладали знанием исторического опыта ее интеллигенции, ибо Россия была в большой моде среди американцев во время только что завершившейся войны с германским нацизмом.

Впрочем, суть дела даже и не во «влиянии» России, способном породить на Западе явления, аналогичные российской интеллигенции. Наиболее существенно, что такие явления на Западе, в отличие от России, имеют временный и локальный характер (они захватывают в свое русло не столь уж значительную часть «интеллектуалов»). Особенно показательно следующее. Те западные «интеллектуалы», которые вовлекаются в **политику**, в той или иной мере становятся **профессиональными** политическими деятелями; между тем российские интеллигенты так или иначе вовлекаются в политику совершенно независимо от их профессий и, в сущности, все без исключения, ибо в России и принципиальный отказ от политики, ее **отвержение**, предстает в качестве своеобразной, но достаточно значимой **политической** акции.

* * *

Предшествующие рассуждения – введение в проблему, а не ее непосредственное осознание; но без этих вводных замечаний, как мне представляется, нельзя было обойтись. Сама же проблема интеллигенции в России может решаться только на основе самого широкого, пользуясь популярным определением, глобального взгляда на бытие страны в целом.

В России издавна обсуждается «триада»: «народ, государство, интеллигенция», – и третий ее компонент, взятый в

его целостности, в конечном счете столь же «необходим», как и два других. И для решения проблемы важнее всего осознать именно **необходимость** интеллигенции в России, что поможет преодолеть господство «оценочного» отношения к ней, подменяющего действительное ее понимание. В восхвалениях и поношениях интеллигенции (а также в «отлучении» от нее тех или иных деятелей отечественной культуры) выражается не понимание сути дела, а только политическая «позиция» данного – взявшегося рассуждать об интеллигенции – автора, притом эта «позиция» – и, следовательно, «оценка» интеллигенции – нередко изменяется у одного и того же автора в зависимости от изменения политической ситуации в стране (что ясно выражалось, например, в написанных в **разное** время сочинениях вышеупомянутого Струве и других веховцев).

Вместе с тем нельзя не сказать, что в России все же были мыслители, которые судили об интеллигенции более или менее объективно; среди них в XIX веке – Аполлон Григорьев (1822–1864), а в XX – Василий Розанов (1856–1919), к наследию которого я и обращаюсь.

В сознании тех, кто только знакомился с розановским наследием в отдельных его наиболее «впечатляющих» проявлениях, но не постигал его глубокий и целостный смысл, сказанное мной вызовет, вполне вероятно, недоумение, ибо Василий Васильевич не раз крайне, подчас даже беспрецедентно резко писал о «корифеях» безусловно преобладающего большинства российской интеллигенции – Белинском, Герцене, Чернышевском, Добролюбова, Писареве и т.п. Однако при должном внимании нетрудно убедиться, что Розанов «проклинал» не столько самих этих кумиров либеральной и революционной интеллигенции, сколько **навязывание** их в качестве носителей истины во всем ее объеме и, как говорится, в последней инстанции.

Он писал, например, в 1914 году⁹: «Белинский и вся линия его “традиции”, весь тон “господ Родичевых” (имеется в виду один из главных кадетских лидеров. – В. К.) вышел в “господа России”... Так в этом тоне всегда и говорили... У них

не было России-Матери... а было – служанка Россия, обязанная бегать у них на побегушках, а когда она не торопилась, они выходили из себя и даже вредительствовали ей. Прямо “таскали за косу” горничную...

“Да кто горничная-то?” – “Россия, русское общество, русское правительство, русский обыватель”. – “Да кто вы будете, сударь?” – “Студент, и не доучился, как мой великий учитель Белинский”.

Конечно, это “смрадно и тупо” (Дост.)»*.

Но тот же Розанов в ту же пору и на страницах той же газеты «Новое время» писал о Белинском¹⁰: «...“Критик” в нем для нас был не главное (ср. с приведенным выше неосновательным суждением Струве. – В. К.): главное – “учитель жизни” и, в сущности, “учитель всего”... Так как он касался “всего” в своих критиках, то он был для нас первую “энциклопедию”. Но не фактической, а идейной... Это – необъятно... И все дал сухопарый, не окончивший университета студент. Вот этим духом студенчества, юным-юным, он и охватил... всю русскую литературу; через литературу же охватил и целое общество. Все “по Белинскому”. Хорошо ли это? Есть худое и хорошее... Суть Белинского, историческую суть, мне кажется, можно выразить одной строкой: личным своим волнением он взволновал всю Россию...”**

Тогда же Розанов писал о другом кумире интеллигенции¹¹: «Как море, шумела вокруг Добролюбова жизнь, – а он, как “маяк времени”, стоял в нем свои пять-шесть лет, упрямый, недвижный, негаснущий, “наводящий на путь”... К нашему “теперь” значение всех критик Добролюбова прошло... Но это все равно... он не умер и не умрет. За силу свою, за упор, за значительность... В суровости его была какая-то нежность, в сдержанности – энтузиазм, в “поучительности” – безумие 24 лет...”***

* Розанов В. В. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 598–599; в последней фразе – ссылка на «Дневник писателя» Достоевского.

** Там же. С. 502, 503.

*** Там же. С. 556, 557.

Вообще, если обратиться к наследию Розанова в целом, станет, полагаю, ясно, что, пожалуй, никто из либеральных и радикальных хвалителей Белинского и Добролюбова не сказал об их значении так веско и так верно, как «ретроград» Розанов, — хотя он же писал об их идеологической «монополии» крайне, даже подчас «неприлично» резко (впрочем, и в только что цитированном тексте упомянуто, что в Белинском «есть худое»).

Розанов был одним из очень немногих мыслителей начала XX века, обладавших той высотой кругозора, которая давала возможность видеть бытие России **в целом**, а кроме того, преодолевать зависимость от политических пристрастий, и, нисколько не «идеализируя» российскую интеллигенцию, Розанов ясно сознавал ее **необходимую** — и в конечном счете великую — роль в этом бытии.

Если выразиться наиболее кратко, интеллигенция в России — необходимая «посредница» между государством и народом, что, конечно, нуждается в существенном разъяснении.

В странах, называемых «демократическими», «посредничество» между государством и народом осуществляется постоянным действием системы законов и норм, утвержденной выборными органами, что присуще даже западноевропейским монархиям, в России же — несмотря на отдельные исключения и отклонения — власть всегда имела авторитарный характер, а подчас приобретала черты откровенного деспотизма.

К вопросу о соотношении демократии и авторитаризма мы еще вернемся; сначала остановимся на «причинах» российской авторитарности. Как ни странно (и прискорбно), чрезвычайно широко распространены неосновательные, способные убедить только не привыкших к серьезному размышлению людей представления об этих самых «причинах». Так, многие твердят о прямом и, так сказать, элементарном «заимствовании» авторитаризма из Византийской или Монгольской империй (либо из обеих сразу), которое, мол, и определило навсегда путь России; весьма популярны версии о некоем патологическом, как бы врожденном властолюбии

российских царей и императоров (и окружавшей их свиты «эксплуататоров-грабителей») и, с другой стороны, о фатально «рабской» психике русского народа и т.п.

Вообще, Россия, как несколько лет назад выразился один внезапно ставший радикальным либералом высокопоставленный партаппаратчик (со стажем аж с 1946 года!)¹², это «парадигма* тысячелетней несвободы» – в отличие от других, «нормальных» стран.

Однако «свобода» – достаточно сложное и многозначное понятие, чье содержание долго и напряженно стремился раскрыть, как известно, Николай Бердяев, которого не без оснований называют «философом свободы». И дальнейшие мои ссылки на суждения Бердяева о проблеме свободы в России обусловлены не тем, что я считаю Николая Александровича мыслителем наивысшего уровня, но тем, что он уделил наибольшее (из представителей русской философии) внимание именно этой проблеме.

Бесспорно, что в России не было той свободы **политической и экономической** деятельности, которая присуща западноевропейским странам; Российское государство всегда стремилось безраздельно держать в своих руках основные рычаги и политики, и экономики. Как справедливо писал накануне катаклизма 1917 года Бердяев¹³: «Россия – самая государственная и бюрократическая страна в мире... Интересы государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории... Классы и сословия слабо были развиты и не играли той роли, какую играли в истории западных стран... Бюрократия развилась до размеров чудовищных... И она превратилась в самодовлеющее отвлеченное начало; она живет своей собственной жизнью, по своим законам, не хочет быть подчиненной функцией народной жизни».

Но в то же время, продолжает Бердяев, «Россия – страна безграничной свободы духа» (выделено мной. – В. К.). Эту

* По-видимому, не от греческого, а от английского слова, означающего «образец».

«внутреннюю свободу русского народа, которую он не уступит ни за какие блага мира», мыслитель противопоставил «внутренней несвободе западных народов, их порабощенности внешним. В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадой земной прибыли и земного благоустройства. Россия – страна быт^{овой} (выделено мной; это уже другая сторона дела. – В. К.) свободы, неведомой передовым народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами... Русский человек с большой легкостью... уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни. Тип странника так характерен для России... Странник – самый свободный человек на земле... Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника... Россия – фантастическая страна духовного опьянения... страна самозванцев и пугачевщины... страна мятежная и жуткая в своей стихийности...»*

Вполне вероятно возражение такого рода: Бердяев исключительно высоко ценил саму эту «свободу» и потому попытался «приписать» некую не замеченную другими «внутреннюю свободу» своему – на деле всецело «рабскому» – народу. Но вот сочинение, написанное одновременно с цитированным сочинением Бердяева «сторонним» наблюдателем: дневник французского посла в России в 1914–1917 годах Мориса Палеолога¹⁴. Этот человек, как полагают специалисты, не был особо выдающимся дипломатом, однако из целого ряда его способных удивить точных предвидений ясно, что он обладал превосходной наблюдательностью и незаурядным умом (отмечу, что об этом писал недавно один из замечательных современных писателей Юрий Козлов**).

Российское государство Палеолог характеризует, в сущности, совершенно так же, как Бердяев, констатируя в записи

* Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918. С. 6–7, 12, 13, 14.

** Козлов Ю. Пирамидальное сознание. Россия, которую мы потерять не можем // Альманах «Дневник писателя. Июнь–июль 1996». М., 1996. С. 86–94.

от 13 января 1917 года (по российскому календарю – 31 декабря 1916 года), что «вне царского строя, то есть вне его административной олигархии, ничего нет: ни контролирующего механизма, ни автономных ячеек, ни прочно установленных партий, ни социальных группировок...» – справедливо видя в этом кардинальное отличие России от стран Запада.

Но французский посол, как и Бердяев, видит и «другую сторону», правда, толкуя ее смысл и значение по-иному, ибо, естественно, смотрит на Россию с точки зрения Запада; то, что Бердяева в большей степени восхищает (хотя отчасти и ужасает), у Палеолога вызывает почти один только «ужас»...

28 (то есть 15) февраля – еще за две недели до начала революции – Палеолог записывает: «На какую ни стать точку зрения... русский представляет всегда парадоксальное явление чрезмерной покорности, соединенной с сильнейшим духом возмущения.

Мужик известен своим терпением и фатализмом, своим добродушием и пассивностью... Но вот он вдруг переходит к протесту и бунту. И тотчас его неистовство доводит его до ужасных преступлений и жестокой мести, до пароксизма преступности и дикости...

Нет излишеств, на которые не были бы способны русский мужчина или русская женщина, лишь только они решили “утвердить свою свободную личность”...

Можно отчаяться во всем. О, как я понимаю посох Ивана Грозного и дубинку Петра Великого!*

Это «признание» необходимости государственного деспотизма в России, исходящее из уст французского либерала, как бы «оправдывается» в предшествующей записи Палеолога от 20 (7) февраля 1917 года: «Разумеется, эволюция является общим законом...» Но на Западе «самые быстрые и полные изменения связаны с переходными периодами, с возвратами к старому, с постепенными переходами. В России чашка весов не колеблется – она сразу получает решительное движение.

* Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. (Репринт 1923 г.). С. 22, 330 – 332.

Все разом рушится, все – образы, помыслы, страсти, идеи, верования, все здание»*. Следовательно, необходимо держать этот народ железной рукой...

Наконец, уже после Февральского переворота, 20 (7) апреля 1917 года, французский посол вносит в дневник свою речь, обращенную к тем его соотечественникам, которые возлагали тогда великие надежды на революцию, будто бы ведущую Россию к преобразованию в «западном» духе: «Русская революция... может привести лишь к ужасной демагогии черни и солдатчины, к разрыву всех национальных связей, к полному развалу России. При необузданности, свойственной русскому характеру, она скоро дойдет до крайности... Вы не подозреваете огромности сил, которые теперь разнузданы...» И всего через десять дней, 30 (17) апреля, Палеолог констатирует: «Анархия поднимается и разливается с неукротимой силой... В армии исчезла какая бы то ни было дисциплина... Исчисляют более чем в 1 200 000 человек количество дезертиров, рассыпавшихся по России...»**

Знатоки сочинений Бердяева могут напомнить, что и он *после революции* – например, в статье «Духи русской революции», опубликованной в известном сборнике «Из глубины» (1918), – писал о «безграничной свободе» русского народа совсем иначе, чем ранее, – в сущности, примерно так же, как Палеолог. Да, Николай Александрович был весьма неустойчив и переменчив даже в основных своих воззрениях. Однако, подводя итоги своих размышлений после четверти века жизни в качестве эмигранта на Западе, он писал в автобиографическом «завещании» (глава «Россия и мир Запада»), по сути дела, так же, как перед 1917 годом: «...В русской природе, в русских домах, в русских людях я часто чувствовал жуткость, таинственность, чего я не чувствую в Западной Европе... Западная душа гораздо более рационализирована, упорядочена, организована... придавленная нормами цивилизации...

* Там же. С. 56–57.

** Там же. С. 7.

Когда сравниваешь русского человека с западным, то поражает его недетерминированность, нецелесообразность, отсутствие границ, раскрытость в бесконечность... Западный человек приговорен к определенному месту и профессии, имеет затверделую формацию души...»*

Вернемся теперь к предреволюционному бердяевскому сочинению «Душа России», где речь шла о том, что русский народ – самый свободный в духовном и бытовом плане, а в то же время «бюрократическое государство» в России развилось в нечто чудовищное. «Никакая философия истории, славянофильская или западническая, – писал Бердяев, – не разгадала еще, почему самый безгосударственный народ создал такую огромную и могущественную государственность...»

И в самом деле: мысль и славянофильского, и западнического склада в силу своей односторонности как бы проходила мимо этого чрезвычайно существенного вопроса. Но на него просто и вместе с тем вполне точно ответил, например, Чаадаев, философия истории которого сложилась ранее драматического раскола русской мысли на славянофильство и западничество, хотя Петр Яковлевич был совершенно безосновательно причислен к западникам (см. обо всем этом мое сочинение «Пушкин и Чаадаев. К истории русского самосознания»**).

Чаадаев писал, в частности¹⁵, что Россия уже к концу XVI века являла собой громадную страну, но в то же время была страной сравнительно «немногочисленного населения, бродившего (выделено мной. – В. К.) на пространстве между 65° и 45° (северной) широты (то есть двухтысячеверстное расстояние между Белым и Азовским морями; «яркий», надо признать, «образ» России... – В. К.) ...несомненно то, что нужно было... положить конец бродячей жизни... Таково было обоснование... административной меры, клонив-

* Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 253, 285.

** В сб. «Пушкин и современная культура». М., 1996. С. 138–161; или в моей книге «Судьба России: вчера, сегодня, завтра». М., 1997.

шейся к установлению более стабильного порядка вещей. Этой мерой (имеется в виду отмена «крестьянского выхода» в 1581 году. – В. К.), как известно, мы обязаны Иоанну IV – этому государю, еще недавно так неверно понятому нашими историками, но память которого всегда была дорога русскому народу...»*

Мы видели, что Бердяев чуть ли не выше всего ставил «странничество» русского народа, которое и есть одно из главных проявлений особенной, неведомой Западу «свободы». Однако вполне ясно (о чем и ведет речь Чаадаев), что без предельно жесткого государственного ограничения, даже подавления столь любезного Бердяеву «странничества» (или, в чаадаевском понимании, «бродяжничества») страна, да и сам ее народ попросту **растворились** бы в тысячеверстных просторах...

Пушкин, мировосприятие которого, как и чаадаевское, сложилось до раскола русской мысли на славянофильство и западничество, так изложил свою беседу с представителем западной демократии англичанином Кальвилем Фрэнклендом¹⁵ (1797–1876), прожившим около года в России в 1830–1831 годах:

«Я обратился к нему с вопросом: что может быть несчастнее русского крестьянина?

Англичанин. Английский крестьянин.

Я. Как? Свободный англичанин, по вашему мнению, несчастнее русского раба?..

Он. Во всей России помещик, наложив оброк, оставляет на произвол своему крестьянину доставать оный как и где он хочет. Крестьянин промышляет, чем вздумает, и уходит иногда за 2000 верст вырабатывать себе деньгу. И это называется вы рабством? Я не знаю во всей Европе народа, которому было бы дано более простору действовать»**.

* Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 2. С. 164–165.

** Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 2. С. 231–232.

Разумеется, можно спорить о степени свободы русского и английского крестьянина (кстати, в Англии «бродяжничество» было решительнейшим образом пресечено утвержденным парламентом еще в конце XV века законом, согласно которому оно каралось виселицей на обочине дороги...). Но суть дела не в «степени» свободы, а в самом созданном веками характере народа.

Уяснение всех «факторов», создавших именно такой народный характер, потребовало бы нелегкого и объемистого исследования. Но более или менее ясно, что существеннейшую роль играло само российское **пространство** (уже при Ярославе Мудром Русь по своей территории превосходила всю Западную Европу в целом), а также климат, допускавший полноценное занятие сельскохозяйственными работами в продолжение всего лишь четырех-пяти, максимум (в самых южных районах) шести месяцев, между тем как в основных странах Запада этот сельскохозяйственный сезон длился восемь-десять месяцев. Краткость периода основной деятельности (она длилась, в сущности, менее трети года: от «Ирины Рассадницы», 5 мая по старому стилю, до «третьего Спаса» – 16 августа, «дожинок») способствовала «бродяжничеству» (в самом широком смысле слова) русского народа, а с другой стороны, порождала привычку к недолгому, но крайнему напряжению сил.

Обо всем этом, между прочим, писал в 1970-х годах широко известный американский «русовед» (и в то же время – явный русофоб) Ричард Пайпс, но, признавая «закономерность» и даже **неизбежность** кардинальных отличий русского бытия от западного, он – как это ни противоречит логике – тут же самым резким образом «обличает» Россию за эти ее отличия от Запада...

Итак, обрисованы «обстоятельства» (вернее, их часть), определившие склад русского народа, который с особенной силой обнаруживался во всеохватывающих «бунтах», разражавшихся при тех или иных существенных **ослаблениях** государственной власти. Так было и в Смутное время начала

XVII века, когда (помимо прочего) с пресечением династии Рюриковичей власть утратила «легитимность»; и в пору пугачевщины, главную причину которой русская историография (прежде всего Ключевский*) усматривает в «смуте» внутри самого государства, порожденной действиями дворянской олигархии, убившей Петра III и посадившей на престол Екатерину II, которая не сразу смогла восстановить твердую власть; и, конечно, в 1917 году.

Вообще, российская власть – в отличие от западноевропейской – в любой момент могла стать объектом народного возмущения и даже бунта. Об этом, между прочим, совершенно точно сказал в своем цитированном выше дневнике Морис Палеолог. «...Демократия... не нарушая своих принципов... может сочетать в себе все виды гнета политического, религиозного, социального. Но при демократическом строе деспотизм становится неуловимым, так как он распыляется по различным учреждениям, он не воплощается ни в каком одном лице, он вездесущ и в то же время его нет нигде; оттого он, как пар, наполняющий пространство, невидим, но удушлив, он как бы сливается с национальным климатом.

Он нас раздражает, от него страдают, на него жалуются, но не на кого обрушиться. Люди обыкновенно привыкают к этому злу и подчиняются. Нельзя же сильно ненавидеть то, чего не видишь.

При самодержавии же, – противопоставляет Палеолог, – наоборот, деспотизм проявляется в самом, так сказать, сгущенном, массивном, самом конкретном виде. Деспотизм тут воплощается в одном человеке и **вызывает величайшую ненависть**»**.

Суждения Палеолога находят полное подтверждение в таком, например, способном поразить соотношении исторических фактов. При самом «жестоком» царе Иване IV, как точно установлено новейшими исследованиями, в России

* Ключевский В. О. Собр. соч.: В 8 т. М., 1958. Т. 5. С. 180–181.

** Палеолог М. Цит. соч. С. 145–146.

было казнено от 3 до 4 тысяч человек*, а при короле Генрихе VIII, правившем в Англии накануне правления Ивана IV, в 1509–1547 годах, только за «бродяжничество» было повешено 72 тысячи согнанных с земли в ходе так называемых «огораживаний» крестьян**.

И второе сопоставление: как всем известно, в 1826 году в России были повешены пять декабристов, а позднее, в 1848-м, во Франции были расстреляны за свой бунт против закрытия «национальных мастерских» 11 тысяч (!) из потерявших средства к существованию и потому восставших работников***.

Однако казни, совершавшиеся в России, вызывали и вызывают неизмеримо большее возмущение, ибо предстают как «личный» произвол Ивана IV и Николая I, а не как «безличные» проявления действия **закона**: английские «бродяги» нарушали принятый парламентом закон (а как известно с времен Рима, «суров закон, но закон»); точно так же и «национальные мастерские» во Франции были ликвидированы по решению **избранного народом** парламента...

В свете этих фактов размышления Палеолога о различии демократического и авторитарного строя становятся, так сказать, ясными до конца.

* * *

Обсуждение вроде бы далеко ушло от проблемы интеллигенции, но в действительности ее следует ставить и решать именно в таком «всеохватывающем» плане. Без особого упрощения можно утверждать, что интеллигенция в России играет роль, аналогичную роли системы «демократических» институтов и учреждений в странах Запада, стремясь быть «посредницей» между народом и государством.

* Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 191; а также Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного Л., 1988. С. 147.

** Осинowski И. Н. Томас Мор. М., 1974. С. 62.

*** Новая история (первый период). М., 1972. С. 424.

Это, помимо прочего, явствует из того бесспорного факта, что основные деятели российской интеллигенции усматривали конечную цель своих усилий именно в создании полноправного органа «представительной» власти, причем такое стремление в равной мере присуще и западническим, и славянофильским деятелям, хотя первые звали к парламенту западного типа, а вторые – к «собору», чьи основы они находили в Древней Руси, что, впрочем, было, в сущности, иллюзией; так, виднейший современный исследователь древнего Новгорода В. Л. Янин показал, что считающееся истинным воплощением всенародной воли вече в действительности представляло собой заседание (на вече именно сидели) боярско-купеческих верхов города, то есть было, строго говоря, выражением **олигархии**, а не демократии в собственном смысле слова*.

В общем виде все это отчетливо понимал уже упоминавшийся основоположник русской мысли XIX века Чаадаев. Он писал, что присущий России «ход событий... был лишь необходимым последствием порядка вещей, зависящего от самой природы социальной среды, в коей он осуществлялся, или от нравственного склада народа... Раскройте первые страницы нашей истории, размышляйте над ними... и вы увидите, что в формах, в разнообразно сочетающихся условиях нашего национального существования и с самых первых его лет все предвещает это неизбежное развитие общества. Вы увидите, что уже с самой колыбели оно несет в себе зародыш всего того, что возмущает ныне **поверхностные умы** (выделено мной. – В. К.), вылившиеся в формы, свойственные чуждому миру...

Среди всего этого, – заключает Чаадаев, – вы можете усмотреть и выборное начало, слабое, неопределенное, бесильное... Это выборное начало, наконец, столь ничтожно, что наша история упоминает о нем как будто лишь для того, чтобы

* Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // В кн.: Новгородский исторический сборник 1 (11). Л., 1982. С. 93, 94.

показать его ничтожность»* (кстати сказать, это свое умозаключение, как явствует из его контекста, Чаадаев противопоставил и славянофильской, и западнической точкам зрения).

Итак, Россия и ее история могут кому-либо нравиться или не нравиться, но Чаадаев убежден в «необходимости», «неизбежности» именно такого «порядка вещей» в своей стране и утверждает, в частности, что только «поверхностные умы», заглянувшие в «чуждый мир», «возмущает» этот порядок вещей. Между прочим, Чаадаев высказывал в ту же пору предположение, согласно которому в будущем наука, быть может, разовьется до такой степени, «когда она в области социальных идей оперирует так же беспристрастно и безлично, как она это делает в сфере чистого мышления»; при этом условии «она действительно может влиять на народ»**.

Конечно, это только гипотеза, да и даже если бы она стала реальностью, все равно «в области социальных идей» едва ли бы возобладало «беспристрастное» и «безличное» познание, ибо в этой «области» идет непрерывная идеологическая борьба.

И, как уже говорилось, одни видят в интеллигенции единственное позитивное явление России, другие – чуть ли не самое негативное. И тех и других можно, воспользовавшись чаадаевским определением, отнести к «поверхностным умам», но это «качество» нередко обусловлено не отсутствием познавательных способностей, а подменой **познания** политико-идеологическими **оценками**.

Разумеется, вполне уместно по-разному оценивать те или иные настроения и волеизъявления интеллигенции; но в целом интеллигенция – **необходимая** «посредница» между именно тем народом и именно тем государством, которые – опять-таки с необходимостью – существуют в России.

К сожалению, приходится признать, что весьма широко распространен «оценочный» подход и к этим феноменам, и даже к России вообще, в целом. Есть немало авторов

* Чаадаев П. Я. Цит. соч. Т. 2. С. 163, 164.

** Там же. С. 192.

и ораторов, которые без колебаний готовы объявить и весь исторический путь России, и тем более какие-либо эпохи ее истории (скажем, допетровскую или, напротив, послепетровскую) «плохими», «неправильными», «ошибочными» и т.п. Перед нами, если вдуматься, совершенно нелепая претензия индивидов, которые в конечном счете убеждены, что, если бы бытие великой страны совершалось в соответствии с их субъективными «идеями», Россия предстала бы как нечто принципиально более «позитивное», нежели в действительности. Кстати сказать, сама постановка вопроса об «ошибочности» пути России, в сущности, столь же «легкомысленна», как и объявление «ошибкой» (а индивиды с подобными претензиями имеются) истории человечества в целом и, далее, истории самой Вселенной... Но и «отрицание» интеллигенции, которая явно **не могла** не возникнуть в России, оказывается именно в ряду этого рода претензий...

По поводу вышеизложенного вполне вероятно возражение следующего характера: уместно ли говорить об интеллигенции вообще, то есть как о более или менее **единой** общественной силе? Правомерно ли включать в интеллигенцию во многих отношениях совершенно различные и подчас резко противостоящие друг другу группы и объединения людей?

Ответ на подобные вопросы дает, как мне представляется, именно тезис о «посреднической» роли интеллигенции. Правда, одна часть интеллигенции, так сказать, апеллирует прежде всего к народу (вплоть до призывов его к восстанию), а другая, которую нередко называют «консервативной», — главным образом к государству, стремясь побудить его к изменению его «программы» или же «методов» ее реализации и, в частности, предупреждая о вероятности «бессмысленного и беспощадного» русского бунта.

В высшей степени характерно, что на **ранних** этапах развития интеллигенции эти два ее устремления совмещаются, выступают в единстве. Так, Александр Радищев и воспекает казнь деспотического властителя:

Возникнет рать повсюду бранна¹⁸,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит...
Ликуйте, склепанны народы;
Се право лицемерное природы
На плаху возвело царя*, –

и одновременно предупреждает власть¹⁹: «Я заметил из многочисленных примеров, что Русской народ очень терпелив, и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать, чтобы не преклонился на жестокость... Не ведаете ли... коликая нам предстоит гибель, в которой мы вращаемся опасности...»**

Позднее интеллигенция в этом отношении «раздваивается» (подчас даже и «терминологически» – например, на «народников» и «государственников»), но так или иначе представляет собой все же определенное единство, пребывающее между народом и государством (тем самым очерчиваются границы, рамки этого единства). Уже не раз цитированный Чаадаев писал по поводу недовольства людей своего круга²⁰ (то есть, в конечном счете, интеллигенции) государственными притеснениями: «Правительство делает свое дело, только и всего, давайте делать свое...»***

И существенное единство интеллигенции – при всех противоречиях внутри нее – заключается в том, что она «делает свое дело». Как уже сказано, представители интеллигенции, полностью переходившие на сторону государства, в сущности, переставали принадлежать к ней, превращаясь в чиновников различного ранга, хотя часть и таких людей все же настоятельно стремилась продолжать служить делу интеллигенции.

* Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1790. С. 362–363 (репринт 1935 г.).

** Там же. С. 128, 260.

*** Чаадаев П. Я. Цит. соч. Т. 2. С. 96.

Если внимательно и (насколько это возможно) беспристрастно взглянуть в те высказывания об интеллигенции, в которых ее (как уже говорилось, с совершенно разных позиций) проклинаят, выяснится, что речь-то идет, по сути дела, о «**крайних**» течениях в ней, каковые либо побуждают народ к бунту, либо, напротив, требуют полного примирения с диктатором авторитарного государства, то есть о течениях, пренебрегающих основной миссией интеллигенции, стремящейся способствовать «равновесию» народа и государства.

Что же касается «превознесения» интеллигенции, абсолютизации ее роли, это опять-таки своего рода «крайность». Так, лидер кадетов Милюков (в высшей степени склонный к абсолютизации интеллигенции) в ноябре 1916 года объявил, что российская власть представляет собой агентуру Германии (хотя, по его позднему признанию, сам не был в этом «уверен»^{*}), а в мае 1918 года, напротив, попытался призвать германскую армию захватить Петроград и Москву, чтобы свергнуть новую (советскую) власть. В ответ на суждение своего сподвижника В. А. Оболенского: «Народ вам этого не простит» – Милюков «холодно» возразил: «Бывают исторические моменты, когда с народом не приходится считаться»^{**}.

Это убеждение в своем праве «не считаться» ни с государством, ни с народом свойственно определенной части интеллигенции, которую приходится признать в своем роде «экстремистской»; правда, тот же Милюков не похож на экстремиста, но в «экстремальной» ситуации оказался способным на столь крайние волеизъявления. Милюковский экстремизм вызвал «категорическое осуждение» даже самих кадетов, и столь чтимый Павел Николаевич вынужден был оставить пост председателя кадетского ЦК, который он занимал в течение 11 лет (его место занял более «умеренный» князь Павел Долгоруков)^{***}.

^{*} Милюков П. Я. Воспоминания. М., 1991. С. 282.

^{**} Цит. по кн.: Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М., 1982. С. 110.

^{***} Там же. С. 177.

Вместе с тем подобного рода факты свидетельствуют о главном: о «местопребывании» интеллигенции между народом и государством; нарушение этого «статуса» дискредитировало даже такого кумира, как Милюков.

И в основе своей российская интеллигенция так или иначе осуществляла свое «назначение» и до 1917 года, и после него, пусть и имеется масса примеров экстремизма и «предательства».

Вполне закономерно, что в наши дни, когда, как многие еще и сегодня полагают, в России-де создается демократический строй, формируется правовое государство в западном духе, нередко слышатся голоса о неизбежном **отмирании** интеллигенции. Вопрос только в том, возможна ли демократия западного типа в России? Ведь для ее осуществления необходимо не только создать демократические институты и процедуры, но и кардинально **преобразовать** сам **народ** страны...

В заключение позволю себе еще раз процитировать Чаадаева²¹ (это особенно уместно, поскольку его великое наследие подверглось грубой фальсификации и вообще остается почти неосвоенным):

«Идея законности, идея права для русского народа – б е с с м ы с л и ц а (выделено Чаадаевым. – В. К.)... Никакая сила в мире не заставит нас выйти из того круга идей, на котором построена вся наша история, который... составляет всю поэзию нашего существования»* (в том числе, добавлю от себя, поэзию существования интеллигенции, воссозданную во всей ее полноте русской литературой и искусством...).

К публикации «Жизнеописания...» Понтрягина

Мое участие в этой книге могут счесть неоправданным, ибо ведь я не имею никакого отношения к математике, кроме закончившихся для меня ровно полвека назад посвященных ей школьных уроков, на которых, к тому же, я чаще получал

* Чаадаев П. Я. Цит. соч. Т. 1. С. 494.

«тройки», нежели «пятерки» (последние – почти исключительно за *контрольные работы*, которые пробуждали во мне увлеченность и неожиданную способность самому «разработать» легкомысленно не выученные ранее способы решения задач). Но долгий жизненный опыт многократно убеждал меня, что выдающиеся достижения в конкретной профессиональной деятельности – будь это деятельность в сфере какой-нибудь науки, либо в той или иной жизненно-практической сфере, либо даже в области спорта – представляют собой в конечном счете одно из возможных проявлений *цельной личности* данного человека (кстати сказать, именно так обычно толкуют соотношение профессионального и человеческого в художественном творчестве; но едва ли в науке дело обстоит иначе).

Можно понять и математику, и любую иную науку в качестве определенного «языка», которым, в принципе, способен **овладеть** каждый человек (как, например, овладевают иностранным языком), но то *свое*, что он скажет на этом «языке», явится воплощением всей его человеческой сущности, а не чисто «профессиональной».

Должен сказать, что к моменту знакомства с Львом Семеновичем Понтрягиным, состоявшегося на рубеже 1970–1980-х годов, я не имел представления о его действительном месте в математике XX века. Конечно, мне было известно, что передо мной ученый, удостоенный высших официальных титулов и наград, однако для меня это вовсе не являлось бесспорным удостоверением подлинно высшей ценности... И именно знакомство с Львом Семеновичем побудило меня заняться «выяснением» его реальных научных достижений (ведь и в самые «официозные» времена в среде *специалистов* существовала истинная ценностная шкала; так, даже и в «идеологической» литературной среде всегда осознавалось различие между писателями и «лауреатами», хотя первые могли в тех или иных случаях обрести и «лауреатство» – как Шолохов или Твардовский).

В ходе моей беседы с Львом Семеновичем, разумеется, не было и речи о математике, но «уровень» этого человека

стал мне всецело внятн. Поражало и восхищало уже само обретенное им освобождение от наиболее, пожалуй, тяжелой для человека потери – потери зрения. Я пришел в гости к слепому, но вскоре перестал это замечать. И я убежден, что такое победное преодоление роковой утраты было плодом уникальной *духовной* воли и энергии.

Хорошо помню, как во время нашей беседы Лев Семенович пожелал дать мне прослушать одну магнитофонную запись. Естественно, что мир звуков был для него чрезвычайно важен (об этом говорится и в его автобиографическом сочинении), и на специально встроенном очень длинном и широком подоконнике в его кабинете размещались несколько различных образцов, как принято теперь выражаться, аудиоаппаратуры, а на противоположной стене – обширный стеллаж с многочисленными магнитофонными кассетами.

Готовя к работе магнитофон, Лев Семенович попросил свою супругу Александру Игнатьевну передать ему определенную кассету, но, когда она стала искать ее на стеллаже, он поправил ее: «Нет, это левее. Еще левее. Вот здесь», – и Александра Игнатьевна взяла и передала супругу то, что требовалось. И я даже не сразу осознал происшедшее на моих глазах; только тогда, когда уже звучала запись, сообразил, что стал свидетелем своего рода чуда...

Позволю себе высказать мнение (хотя его, возможно, будут оспаривать), что утрата зрения не только не мешала достижениям Льва Семеновича, но, напротив, как-то способствовала им, ибо вообще люди высшего уровня – чему есть немало примеров – способны превращать свои утраты и невзгоды в обретения и торжества*. Правда, для этого потребны, конечно, поистине исключительные духовные силы...

Вообще можно с полным правом сказать, что Лев Семенович ПонTRYгин был едва ли не самым *зрячим* из своих коллег.

* Вспомним о глухоте Бетховена, не помешавшей его поздним триумфам (не слыша, он, вероятно, сильнее чувствовал свою музыку всем организмом), или о каторге Достоевского, без которой едва ли он поднялся бы до своих вершин.

Это так или иначе выразилось в его автобиографическом сочинении, но стоит сообщить об одной подробности моих разговоров с ним. Для наглядного подтверждения своих сообщений Лев Семенович показал мне текст «послания» группы математиков США тогдашнему президенту АН СССР А. П. Александрову. В сем «послании» предъявлялись крайне жесткие, даже, в сущности, наглые требования, — что свидетельствовало о совершенно ненормальной ситуации во взаимоотношениях между научными кругами двух великих держав того времени. Я решился спросить Льва Семеновича о том, как оказалось в его руках американское «послание», и он с иронической невозмутимостью сообщил, что похитил этот документ со стола в служебном кабинете Александрова... Признаюсь, что лишь позднее, вспоминая о нашей беседе, я задумался: каким же образом мог сделать это человек, лишенный зрения?! Загадка так и осталась для меня загадкой.

В автобиографическом сочинении, между прочим, постоянно встречаются глаголы «видеть» и «смотреть», хотя это вроде бы абсурдно. Лев Семенович сообщает, например, о своих впечатлениях от поездки на математическую конференцию в Сан-Ремо в 1969 году: «В Италии я был поражен густотой, с которой расположены строения на побережье Лазурного моря, и огромным количеством автомобилей, которые совершенно портят жизнь своим шумом и вонью». Вторая половина предложения понятна, но как понять первую? Остается полагать, что возможно *духовное зрение*, по-своему не уступающее чувственному или даже превосходящее его...

И «превосходство» Льва Семеновича, как ясно из его сочинения, проявлялось и в гораздо более масштабных и сложных «вопросах», нежели экологическое состояние итальянского побережья.

В высшей степени важно поразмыслить о выразившемся в публикуемом теперь тексте отношении крупнейшего ученого к своей стране и тогдашним ее властям. Лев Семенович написал о своем друге-физике, с которым был связан с 1932 года и до его кончины в 1952 году:

«Александр Александрович Андронов не только выдающийся ученый, но и замечательный человек. Он, как никто другой, чувствовал ответственность за все происходящее в стране, обладал в этом смысле величайшей гражданственностью и служил для меня высшим образцом человека...»

Процитированные слова можно целиком отнести к самому Льву Семеновичу Понтрягину. И подлинная личная «ответственность за все происходящее в стране» – это, увы, не столь уж распространенное человеческое качество. Внимательно вдумываясь в сочинение Льва Семеновича, осознаешь, что в нем предстает человек, который не укладывается в привычные «категории». Он вовсе не «слуга» властей (это ясно из многих воссозданных в сочинении фактов и авторских суждений; не забудем, кстати, что текст написан Львом Семеновичем до всяческой «гласности»), но в то же время он ни в коей мере не «диссидент». После 1991 года многие вчерашние «слуги» властей, сумевшие сделать ранее более или менее (в зависимости от их возраста) внушительную политическую карьеру, начали поносить все предшествующее с голоса диссидентов, ну а сами диссиденты быстро оказались никому, в сущности, не нужными, и лучшие из них к настоящему времени уже борются против того, что учиняют в стране «перевертыши» – партийные и комсомольские секретари.

Поведение Льва Семеновича как ученого и общественного деятеля, его «линия» внутри страны и на международной арене в высшей степени поучительны. В его сочинении, в частности, глубоко раскрыта история отношения научных кругов Запада к СССР-России, – раскрыта не в общих рассуждениях, а конкретно, фактически, реально. Казалось бы, это отношение должно было быть резко критическим в десятилетия жестоких насилий и террора, а после 1956 и тем более 1964 года, когда режим кардинально «смягчился» (после подавления бунта против повышения цен в Новочеркасске в стране не было ни одного политического убийства), стать более толерантным. На деле же как раз с конца 1960-х и осо-

бенно во второй половине 1970-х годов на Западе возоблада-
ла крайне «антисоветская» – а нередко, в сущности, *анти-
русская* – настроенность.

Лев Семенович немало говорит об инициаторах и возбу-
дителях этой враждебной настроенности в близко знакомой
ему среде. Речь идет об ученых еврейского происхождения,
которые, в частности, с негодованием воспринимали всякое
уменьшение «доли» евреев в общем количестве математиков
(и, конечно, деятелей других наук) в СССР.

Впрочем, Лев Семенович впервые столкнулся с подоб-
ной постановкой вопроса намного раньше. Он вспоминает о
давней своей ученице: «...после войны она меня *совершенно
поразила* одним своим заявлением. Она жаловалась мне, что
в текущем году в аспирантуру принято совсем мало евреев,
не более *четверти* всех принятых. А ведь раньше, сказала
она, принимали всегда не меньше *половины*...» (выделено
мной. – В. К.).

В 1978 году «обвинение» такого рода предъявляется уже
прямо и непосредственно самому Л. С. Понтрягину как глав-
ному редактору «Математического сборника». Кто-то «под-
считал», что ранее выступавшие на страницах этого издания
математики еврейского происхождения составляли 34% всех
авторов, а ныне 9%. Это толковалось как «явная дискримина-
ция математиков еврейской национальности».

Лев Семенович с полным основанием определил по-
добные претензии как «расистские требования». Конечно,
те, кто выдвигал это требования, готовы были считать вы-
ражением «расизма» как раз уменьшение «доли» евреев. Од-
нако при элементарно объективном подходе к делу нельзя
не прийти к выводу, что именно требование, согласно кото-
рому евреи, составлявшие тогда менее 1% населения СССР,
«должны» составить 34% авторов математического издания,
является в точном смысле слова расистским. Ибо оно со всей
очевидностью подразумевает, что евреи не менее, чем в 34
раза способнее к открытиям в математике, чем люди иных
национальностей...

Недавно были опубликованы* документальные сведения о «доле» евреев среди выпускников физического факультета (сведениями о мехмате не располагаю) Московского университета в конце 1930-х – начале 1940-х годов (они поступали в МГУ в 1933–1937 гг.): 1938 – 46%, 1940 – 58%, 1941 – 74%, 1942 – 98% ... !

Разве не очевидна заведомая «ненормальность» подобного положения дел? Оно, конечно, не могло быть некой случайностью. Хорошо известно, что после 1917 года более или менее *образованные* русские люди – за исключением тех, сравнительно немногочисленных, которые самым активным образом поддерживали новую власть, – подверглись настоящей и глобальной «дискриминации». Особенно прискорбным было положение их детей, которым всячески преграждался путь к высшему и специальному образованию.

Лев Семенович, чей отец был всего-навсего счетоводом с неполным средним образованием, тем не менее оказался именно в такой ситуации: «Тот слой, – вспоминает он, – к которому принадлежал я, то есть семья мелких служащих, был в очень трудном положении. Несмотря на очевидные выдающиеся способности, я имел очень мало шансов поступить в университет». Это удалось лишь потому, что «крестный имел связи в Наркомпросе»...

Нельзя не отметить, что Лев Семенович рассказал о своих трудностях без возмущения, явно воспринимая создавшуюся после 1917 года ситуацию «философски» – как исторически неизбежную...

Постепенно положение в стране изменялось, хотя, как явствует из только что приведенных цифр, «инерция» продолжала действовать и через четверть века после 1917 года. Но позднейшее все нарастающее увеличение «доли» русских в науке было, несомненно, столь же исторически неизбежным, как и прежнее «вытеснение» их из нее. К сожалению, очень многие авторы неспособны судить об этом так же «фи-

* См.: Костырченко Г. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР. Документальное исследование. – М., 1994, с. 286.

лософски», как судил Лев Семенович о своих «трудностях» 1920-х годов...

Нельзя не сказать в связи с этим еще и о другой стороне дела. Бурное развитие науки во второй половине XX века привело к громадному росту самого количества ученых. Так, в 1950 году в стране имелось 162,5 тыс научных работников, в 1960-м – 354,2 тыс, в 1970-м – 927,7 тыс, а в 1980-м – 1373,3, т.е. за тридцать лет их количество выросло в восемь с половиной раз*! Вполне естественно, что при этом «доля» евреев в составе научных работников стала значительно меньше. Мне неизвестны достоверные цифры о количестве научных работников еврейского происхождения, но об изменении «пропорции» можно в известной мере судить по опубликованным данным о национальном составе «специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве».

Конечно, таких людей в стране было гораздо больше, чем научных работников, но национальные «пропорции», по всей вероятности, были более или менее близки в обеих «категориях». С 1960 по 1980 год количество научных работников увеличилось в 3,8 раза (с 354,2 тыс до 1373,3 тыс), а количество указанных «специалистов» выросло в 3,2 раза (с 8 млн 783 тыс до 28 млн 611 тыс). Однако количество «специалистов»-евреев увеличилось за это время не столь значительно – с 427,1 тыс до 549,4 тыс**.

Не исключено, что найдутся такие «расисты», которые интерпретируют сей факт как результат нарастающей «дискриминации» евреев, которых не «допускают» в «специалисты». Однако элементарный расчет показывает, что в 1960 году указанные «специалисты» составляли всего 19,6% еврейского населения страны, а в 1980-м – уже 31,2%, – т.е. почти каждый третий еврей (считая детей и стариков) был «специалистом, занятым в народном хозяйстве», между тем как в населении СССР в целом эти самые «специалисты» составляли всего

* См.: Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1988. С. 130.

** Там же. С. 120.

лишь 10,9%, а в русском населении немногим больше – 12,6% (17 млн 319 тыс человек).

И поскольку в 1980 году 31,2% всех находившихся в стране евреев являлись «специалистами», нелепо говорить о какой-либо «дискриминации».

* * *

О сочинении Льва Семеновича ПонTRYгина можно рассуждать долго и интересно. Оно глубоко *лично* – и подчас даже воспринимается как *чрезмерно* личное, ибо фиксирует мельчайшие детали и нюансы взаимоотношений автора с многочисленнейшими людьми – от правителей страны до домашней работницы, от родной матери автора – по происхождению ярославской крестьянки – до какого-нибудь единожды встреченного американского математика, совершенно чуждого России.

Но личность автора столь значительна и он столь живо и углубленно откликается на все им (чуть не написал *«увиденное»*...) услышанное, что перед внимательным читателем раскрывается не только пережитая и осмысленная великим математиком история его науки в XX веке, но и в большой мере история страны и мира в целом.

Переживания и мысли Льва Семеновича ПонTRYгина в высокой степени *своеобразны*, но вместе с тем им в высокой степени присуща *объективность*. Как уже говорилось, в этом человеке не было ни «прислужничества» времени и власти, ни «диссидентства» с его стремлением разрушить все до основания, а затем...

Словом, нельзя не приветствовать публикацию автобиографического сочинения Льва Семеновича ПонTRYгина.

Патриоты, мыслители...

Одним из модных поветрий стала в последнее время чистка *внутри* патриотического движения. Всяческие обви-

нения посыпались на известных его деятелей, причем, как это обычно и происходит, в качестве обвинителей выступили лица, далеко не столь известные или вообще примкнувшие к патриотическому движению сравнительно недавно. «Обвиняемых», большинство из которых шло по избранному ими пути еще с 1960-х либо даже 1950-х годов, разоблачали как лжепатриотов и, более того, как злейших врагов России, в коварных целях маскирующихся под верных ее сыновей.

Нельзя не сказать прежде всего, что в этом поветрии нет ровно ничего неожиданного: те, кому известна в должном объеме история русского патриотического движения – начиная хотя бы с середины прошлого, XIX столетия, – хорошо знают, что «огонь по своим» (хотя они, понятно, преподносились как мнимые «свои») подчас бывал более ожесточенным, чем атаки на «чужих». Особенно печально, что враждовали иногда даже такие крупнейшие личности, как Достоевский, Константин Леонтьев, Лесков, Катков... Но с наибольшей остротой борьба между «своими» развернулась перед 1917 годом, когда многие патриотические деятели на радость врагам прямо-таки уничтожали друг друга...

Впрочем, я уже говорил об этой очень прискорбной «традиции»¹ (см. «Наш современник» № 3 за 1993 г.) и не буду здесь повторяться. «Разоблачители» и сочувственно внимающие им читатели, в сущности, одержимы идеей «чистки» (ведь тем самым, с их точки зрения, «выявляются», в частности, «причины» провалов и неудач!) и попросту не желают вслушиваться в какие-либо возражения. Кроме того, как уже сказано, отчаянный «огонь по своим» (неизбежно и резко ослабляющий патриотическое движение) – поистине неустрашимая российская «специфика», к которой каждый из нас должен привыкнуть и воспринимать ее спокойно.

Итак, я лишь констатирую сам факт этой «чистки», а спорить буду все же не со «своими». Но это отнюдь не уход куда-то в сторону от сути дела, поскольку многие из главных «разоблачений», которые льются ныне из-под пера «своих», ранее были выдвинуты авторами противоположного направления (как оно

само себя именует, демократического), и, между прочим, эти авторы имеют все основания обвинить патриотических стрелков по «своим» в прямом *плагиате*.

Так, заведомо демократический автор В. Бондарев-Сергеев писал в 1992 году (когда разоблачения «внутри» патриотического движения еще не начались): «Уничтожая КПСС, а в еще большей степени коммунистическую религию, интеллигенция подготовила и крах государства, и развал страны. Первым, кто внес наибольший вклад в нынешнее разрушение России, был Солженицын. Его непримиримая позиция, его моральный статус совести нации освятили деятельность последующих крушителей. Шафаревич, Солоухин, Кожин и другие «патриоты», полностью отвергшие коммунизм и противопоставившие ему православие как духовную основу общественной жизни, на самом деле и являются теми, кто стоял у истоков нынешнего краха. Демократы? А демократы пришли достаточно поздно. Ельцин, Попов, Афанасьев, Яковлев и другие включились в политическую жизнь тогда, когда борьба могла быть только под лозунгами антикоммунизма. Предшествующие духовные лидеры подготовили только такую почву» (Родина. 1992. № 11–12. С. 9).

Что ж, сказано, пользуясь модным сегодня эпитетом, *круто* – в сущности, круче, нежели в позднейших «внутрипатриотических» обличениях, которые нередко патологически нервны и комически многословны, в силу чего вызывают нечто вроде снисходительной или даже жалостливой улыбки по отношению к их авторам, а вовсе не желание ринуться в спор. Здесь же есть стимул для обороны и – что, конечно, важнее – для выяснения истины.

* * *

В качестве исходного пункта – простой вопрос: если именно патриоты добились «краха государства», почему в результате на властных постах оказались вовсе не они, а те, кого В. Бондарев-Сергеев называет «демократами»? Можно, веро-

ятно, ядовито ответить, что такие, мол, эти патриоты простаки: разрушили все и вся, но не смогли взять власть в свои руки и отдали ее «пришедшим достаточно поздно» демократам.

Кстати, кто-нибудь наверняка захочет оспорить само определение «демократы». Но в подобном споре нет никакой нужды. Дело в том, что сам В. Бондарев-Сергеев ранее, в самом начале 1992 года, опубликовал статью «Комиссары перестройки», посвященную трем из перечисленных им «пришедших позднее» демократов. Вот несколько цитат из нее: «Александр Николаевич Яковлев – профессиональный идеолог. По идеологическому ведомству он служил и при Сталине, и при всех до самого последнего генсеках и персеках, т.е. всю свою долгую политическую жизнь он отстаивал идеи коммунизма и социализма. Ныне же с “коммунистической религиозностью” произошла своеобразная сублимация. Яковлев фактически не отказался от своего прошлого, а перешел в новую стадию понимания старых ценностей» (Родина. 1992. № 1. С. 13). И далее: «...место профессора Попова в административно-командной системе было весьма и весьма неординарно. Попов был деканом самого престижного вуза страны, одного из самых бластных факультетов... связи у декана были колоссальные... Когда стало ясно, что компартия больше не может быть государственной структурой, тогда и Попов от нее отказался, еще раз подтвердив, что его главный принцип – прагматизм» (Там же. С. 14, 15).

Сказано, в общем, правильно, но здесь необходимы все же более конкретные сведения. Мне могут напомнить, что о главных демократах уже много раз и подробно говорилось в патриотических изданиях. Но в данном случае задача вовсе не в том, чтобы охарактеризовать демократов как таковых, но в ответе на вопрос: *с кем, против кого боролись* начиная с 1960-х годов патриоты? А для этого придется сообщить или же напомнить хотя бы некоторые факты.

Не столь давно репортеру Евгении Альбац достались материалы из строго засекреченных архивов и среди них – выразительный документ, фотокопию которого она

опубликовала в своей книге «Мина замедленного действия (Политический портрет КГБ)» (М., 1992). На этой фотокопии – верховное предписание от 3 февраля 1966 года о ведении судебного процесса над известным диссидентом А. Д. Синявским и внизу стоит четкая собственноручная подпись «зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС» Яковлева – того самого...

«Курируемое» Яковлевым судилище было, разумеется, вопиющим поправением самых элементарных норм *демократии*, ибо «преступление» Синявского заключалось всего-навсего в публикации за рубежом довольно безобидных с политической точки зрения литературных сочинений. Конечно, каждый имел право как угодно резко *полемизировать* с этими сочинениями, но устраивать из-за них судебный процесс по статье, предусматривающей длительное лишение свободы, могли только стопроцентные *«тоталитаристы»*.

Через несколько лет, в конце 1972 года, Яковлев – к тому времени уже не «зам.», а «и.о. зав. Агитпропом» – публично вынес не подлежащий пересмотру приговор² диссиденту совсем иного направления – А. И. Солженицыну, который, согласно яковлевским обвинениям, «пытается гальванизировать идеологию “Вех”, бердяевщину и другие разгромленные В. И. Лениным реакционные, националистические, религиозно-идеалистические концепции» и предается «открытой враждебности к идеалам революции, социализма» (Литературная газета. 1972. 15 ноября).

Вместе с А. И. Солженицыным глава Агитпропа обличал в этой объемистой директивной статье *несколько десятков* литераторов России и других республик СССР, отмечая, впрочем, что-де «советским литераторам, в том числе и тем, чьи неверные взгляды критикуются в этой статье, разумеется, чуждо и противно поведение новоявленного веховца» (то есть Солженицына). Но эта оговорка была заведомо фальшивой, ибо, во-первых, другим «разоблачаемым» предъявлялись в яковлевской директиве подчас даже более тяжкие обвинения (например, что у них «дело доходило до идеализации и вос-

хваления» не «бердяевщины» – в общем-то идеологии весьма «прогрессивной», а – цитирую – «таких реакционных деятелей, как В. Розанов и К. Леонтьев») и, во-вторых, Яковлева, конечно же, информировали о том, что многим из «критикуемых» им литераторов Солженицын был отнюдь не «чужд и противен», а совсем даже наоборот. Так, одним из главных «обвиняемых» предстал в яковлевской директиве М. П. Лобанов, а он *тогда* (подчеркиваю: тогда) отличался от Солженицына в конечном счете только тем, что не печатался (да вовсе и не стремился это делать) *за границей*...³

После директивы Яковлева для «критикуемых» были надолго крайне урезаны возможности выступать в печати (у меня, например, поскольку я также был одной из мишеней статьи Яковлева⁴, сразу же вылетела из издательских планов готовая к печати книга – она вышла в свет лишь спустя шесть лет⁵ – и несколько статей), а Солженицын через год с небольшим, в феврале 1974-го, был насильственно (буквально насильственно) выдворен из России.

Если кому-то охота называть нынешнего Яковлева и его коллег «демократами» – пожалуйста. Только в высшей степени верно замечание И. Р. Шафаревича, высказанное не так давно с телеэкрана (не помню его дословно, но за верность смысла ручаюсь): некоторые партаппаратные персоны, сказал он, объявили себя демократами, но ведь это все равно как если бы членистоногие объявили, что с такого-то дня они – млекопитающие...

Сейчас часто напоминают, что и сам Яковлев из-за своей цитируемой директивы подвергся своеобразному «выдворению»: был отправлен чрезвычайным и полномочным послом в Канаду – в сравнении с постом «зав.» (пусть даже и «и.о.») Агитпропом ЦК это было, конечно, значительное понижение статуса. Но тот же В. Бондарев-Сергеев верно писал: «Яковлева отправили в комфортабельную ссылку в Канаду именно потому, что, с одной стороны, он явно “свой”, но в то же время он чересчур “коммунист”»... «Тогда же изгнаны были из самого *Политбюро* Г. И. Воронов и Д. С. Полянский

(который – в параллель Яковлеву – был отправлен послом в Японию). Но об этом – ниже.

Причина здесь в том, что, несмотря на оговорку (мол, одно дело – Солженицын, другое – остальные «критикуемые»), Яковлев в своей статье объявил о существовании в стране слишком большого количества «врагов», а это никак не могло понравиться генсеку Брежневу, который, согласно тогдашним авторитетным сведениям, любил говаривать, что, мол, «не надо раскачивать лодку...».

Словом, в этой истории начала 1970-х годов, по сути дела, повторилась, разумеется в гораздо более мягком варианте (ведь эпоха была уже совсем иная!), ситуация, имевшая место тридцатью пятью годами ранее, – когда «чересчур» перестарался в борьбе с «врагами» тов. Ежов. Правда, последний только поначалу был «сослан» из НКВД в НКВД (Наркомат водного транспорта), а позднее все же расстрелян. Но ведь и сам Ежов в соответствии с нормами времени не просто разоблачал «врагов» (как товарищ Яковлев), а чаще всего отправлял их на расстрел. И если учесть, что после свержения Хрущева, то есть в 1965–1985 годах, в стране вообще не было *ни одной* смертной казни (не считая казней за такие преступления, которые и в самых что ни есть «правовых» государствах нередко караются смертью), судьба *тов. Яковлева* станет вполне понятной. Перед нами именно «чересчур» коммунист, который, правда, действует в условиях очень и очень смягченного тоталитарного режима.

* * *

Эта – возможно, слишком пространная – информация необходима, чтобы разобраться в сути дела. Согласно рассуждениям В. Бондарева-Сергеева, патриоты «разрушили государство», но к власти пришла якобы некая *третья* сила – демократы. В действительности же *именно эта сила* и была у власти *ранее*. И, как видим, сами обличители патриотов об этом – волей или неволей – говорят...

Но столь же мнимый характер имеет утверждение о том, что-де патриоты устроили «крах государства» – или хотя бы стремились к этому. Кстати сказать, В. Бондарев-Сергеев проявляет и чисто фактическую неосведомленность, говоря, например, об А. И. Солженицыне как о своего рода предтече других патриотов – «остальные», мол, следовали за ним. Между тем сам Солженицын в книге «Бодался теленок с дубом» поведал, как еще за несколько лет до своего появления на литературной сцене он прочитал опубликованные в 1957 году «Владимирские проселки» В. А. Солоухина и даже отправил автору прочувствованное послание.

Но согласимся, что Солженицын – наиболее «воинственный» из патриотов. Тем не менее считать его поборником *«краха государства»* могут только люди, плохо знакомые с его творчеством 1960-х – начала 1980-х годов или же – прошу прощения – просто недобросовестные.

Так, Солженицын недвусмысленно писал еще в 1973 году: «Всяким поспешным сотрясанием смена нынешнего руководства (всей пирамиды) на других персон могла бы вызвать лишь новую уничтожающую борьбу и наверняка очень сомнительный выигрыш в качестве руководства» (Собр. соч. Т. 9. С. 162), – то есть «крах государства» приведет к власти *наихудших* коммунистов (как в воду глядел!).

Или другое выступление Солженицына⁶: «Народ – это не только миллионные массы внизу, но и отдельные представители его, занявшие ключевые посты. Есть же сыны России и там. И Россия ждет от них, что они выполняют сыновий долг» (т. 10, с. 371). А. И. Солженицын видел главную цель в отбрасывании антипатриотической, антирусской *идеологии* и напоминал власть имущим: «Сталин от первых же дней войны... отбросил ее, почти перестал ее поминать, развернул же старое русское знамя, отчасти даже православную хоругвь, – и мы победили!» (т. 9, с. 141).

Подобных высказываний Солженицына можно привести сколько угодно, и не приходится уже говорить о том (это, надеюсь, общеизвестно), что он постоянно и безоговорочно

выступал против размывания государственности России в демократическое устройство западного типа и настаивал на сильной авторитарной власти, традиционной для страны.

Против чего же он (и, конечно, не только он, а и другие патриоты) боролся? В сущности, *против стоявших у власти товарищей Яковлевых*, ненавидящих Россию (или по меньшей мере равнодушных к ней и ее тысячелетней судьбе). Ведь тот же Яковлев не только запрещал продолжать дело таких гениальных русских мыслителей, как Леонтьев и Розанов; он утверждал в той же своей директиве о русском «справном мужике», у которого «за обильным столом творилось священнодействие и богатый киот был ухоженным»: «То, что его жизнь, его уклад порушили вместе с милыми его сердцу святынями, так это не от злого умысла и невежества, а вполне сознательно... “справного мужика” надо было порушить...» и т.д.

Вот это тотальное отрицание России – от цвета ее хлебопашцев до цвета ее духовной культуры – невозможно было терпеть патриотам, будь то Солженицын или кто другой. Между прочим, в своем известном «Письме вождям Советского Союза» Солженицын в качестве *первого* плодотворного шага предлагал ликвидировать именно яковлевский Агитпроп. И это понятно: ведь Солженицын видел главную задачу в том, чтобы «спасти свое национальное тело и свой национальный дух», а товарищи Яковлевы стремились до конца «порушить» и то, и другое.

Солженицын писал, что «вся система Агитпропа должна перестать оплачиваться из народных средств...» (т. 9, с. 161); позднее он пояснил: «Это была шутка: что партийные пропагандисты бесплатно будут пропагандировать коммунизм» (т. 10, с. 370). То есть речь шла именно об уничтожении Агитпропа.

Опять-таки мне могут напомнить, что Яковлева все же тогда «понижали». Но именно и только потому, что слишком уж перестарался, возбудил чрезмерно широкое возмущение. К тому же, как уже говорилось, *тогда же* были удалены со своих постов люди, обладавшие в той или иной мере патри-

отическим сознанием, – Г. И. Воронов и Д. С. Полянский⁷, которые занимали намного более высокое положение, чем Яковлев. Я отнюдь не утверждаю, что, говоря о «занявших ключевые посты сынах России», Солженицын думал и о названных людях, но ряд их поступков и волеизъявлений дает основание причислить их к таковым. И оба они были начисто вычеркнуты – о них нет даже упоминаний в позднейших энциклопедических справочниках.

А на место перестаравшегося Яковлева ставились персоны того же сорта. Что же касается самого Брежнева, Солженицын позднее, в 1979 году, писал о по-своему замечательном факте: в «Вашингтон пост» была опубликована статья «на целую полосу» с призывом к США и вообще Западу «держаться» за режим Брежнева, ибо вместо него может создаться патриотическая власть, которая «будет вам хуже» (т. 10, с. 365).

Между тем Солженицын был готов (даже!) «примириться» с господством существующей партии, «лишь бы отказалась ваша партия от невыполнимых и ненужных нам задач... а исполняла бы национальные задачи... Вести такую страну – нужно иметь национальную линию и постоянно ощущать за своими плечами все 1100 лет ее истории, а не только 55 лет, 5% ее» (т. 9, с. 164, 167). В частности, Солженицын резко обвинял властителей в том, что мы «так безмысли и слепо шли за западной цивилизацией... При центральном плане, которым мы гордимся, уж у нас-то была, кажется, возможность не испортить русской природы, не создавать противочеловеческих миллионных скоплений. Мы же измержопакостили широкие русские пространства и обезобразили сердце России... Изничтожен неповторимый облик города, вся старая планировка, наляпаны подражания Западу вроде Нового Арбата» (т. 9, с. 146).

Кстати, из изданной в 1991 году книги «Л. И. Брежнев. Материалы к биографии» можно узнать, что упомянутые выше Воронов и Полянский категорически возражали против продолжения программы так называемого «Волжского каскада», ведущего к затоплению и уродованию России, но

оказались бессильны что-либо изменить и в конце концов были лишены своих высоких постов.

* * *

Ко времени «перестройки», как это ни прискорбно, в верхах власти, в сущности, не было сколько-нибудь серьезной патриотической направленности. Поэтому к концу 1980-х годов власть уже не «безмысли и слепо» (как писал Солженицын), а прямо-таки дебилно рванулась за «западной цивилизацией» (о дебилности я говорю вовсе не потому, что западная цивилизация плохая, а потому, что пересаживать ее в Россию – в сущности, столь же кретиническое занятие, как выращивать под Москвою в открытом грунте бананы и ананасы).

Солженицын в своем «Письме вождям...» стремился вразумить этих вождей, с возмущением упоминая о том, «как смеялись, как затравили реакционными “славянофилами”... тех, кто говорил, что такой колосс, как Россия, да со многими душевными особенностями и бытовыми традициями, вполне может поискать и свой особый путь в человечестве; и не может быть, чтобы путь развития у всего человечества был только и непременно один» (т. 9, с. 143).

Вообще давно пора бы понять, что настоящий водораздел проходит в России не между «коммунистами» и «антикоммунистами», а между патриотами и антипатриотами (Солженицын, как мы видели, высказал убеждение, что «сыны России» есть и на «ключевых», то есть неизбежно партийных, постах). Тот же Яковлев выступал как самый ярый «коммунист» и потом буквально в одночасье стал представляться столь же ярым «антикоммунистом», но суть его при этом *нисколько не изменилась*. Главное в том, что Россия в его глазах – только материал, к тому же весьма «плохой», для «построения» некоего «хорошего» общества, и не так уж важно, идет ли речь (как раньше) о «коммунистическом» или (как теперь) о «цивилизованном» обществе. В обоих случаях все или почти все в России следует «*порушить*».

Скажу в связи с этим о противостоянии Верховного Совета и исполнительной власти в 1993 году. Проправительственные средства массовой информации долбят о том, что это был конфликт мечтавших о реванше, о возвращении своих утраченных привилегий коммунистов и антикоммунистов-демократов. Но это беспардонная ложь, опровергаемая чисто фактически, неоспоримо.

Да, состав Верховного Совета и депутатского корпуса в большинстве своем являл собой бывших членов КПСС, однако почти все *наиболее активные*, задававшие тон депутаты либо никогда не были членами КПСС, либо, автоматически вступив в нее в свои юные лета, вышли из ее рядов *еще до 1985 года*. Вот эти получившие широкую известность депутаты: Виктор Аксютин, Михаил Астафьев, Илья Константинов, Николай Павлов, Вячеслав Полосин, Олег Румянцев.

Между тем в составе правительства был *только один человек*, не являвшийся к 1985 году членом КПСС, – Сергей Глазьев, но он-то в сентябре 1993-го оказался как раз в Белом доме! Все остальные правители не только имели более или менее (соответственно своему возрасту) длительный партийный стаж, но и сумели еще до «перестройки» сделать внушительную карьеру.

Контраст здесь поистине разительный: если Ельцин уже в 1976 году (в 46 лет) стал первым секретарем одного из важнейших обкомов, а Черномырдин в 1978 году (в 40 лет) инструктором ЦК КПСС, то 48-летний Хасбулатов ко времени избрания в депутаты был всего-навсего вузовским профессором, а 43-летний Руцкой – подполковником авиации. И какие такие привилегии могли они мечтать возратить себе, к какому «реваншу» стремиться?! Я отнюдь не принадлежу к поклонникам Хасбулатова и Руцкого и протестую только против идеологической лжи.

Как ни странно, даже и наиболее молодые, родившиеся в 1950-х годах члены правительства успели весьма высоко забраться еще до «перестройки», при «тоталитаризме». Так, Гайдар, Чубайс, Авен уже в 1983 году были введены в

Комиссию по экономическим проблемам при *Политбюро ЦК КПСС*, да и остальные будущие правители являлись какими-либо «завами» или хотя бы «зам. завами». Между тем их ровесники Астафьев, Павлов, Румянцев до избрания в депутаты Верховного Совета были рядовыми научными сотрудниками, Полосин – священником, Аксютин – сезонным рабочим, а Константинов – вообще *истопником* (хотя и с высшим экономическим образованием и с пристойным титулом «оператор газовой котельной»). И усматривать в них «коммунистов-реваншистов» могут или слепые, или не желающие быть зрячими, или, наконец, зрители, находившиеся много лет за океаном... Правда, рядом с названными были члены КПСС Сергей Бабурин и Владимир Исаков, но суть дела, повторяю, вовсе не в противостоянии коммунистов и антикоммунистов...

Предвижу, что читатели ждут, когда я наконец заговорю о *сегодняшних* взглядах А. И. Солженицына. Но это особая тема; мое же рассуждение посвящено разбору обвинения в том, что патриоты во главе с Солженицыным устроили «крах государства», а это совершалось не сегодня, а до того, как власть оказалась в руках тех, кто назвал себя «демократами».

Кстати сказать, я стремился говорить о «доперестроечной» деятельности патриотов вообще, а не только Солженицына и сосредоточился на его высказываниях потому, что он был наиболее воинственным; других патриотов тем более нет оснований обвинять в стремлении «разрушить» государство. Другой вопрос – отношение к «коммунизму». Но это отдельная – сложная и многогранная – тема.

Знаю, что мои суждения вызовут возражения у многих, даже близких мне людей, которые в последнее время все более непримиримо относятся к А. И. Солженицыну⁸. Но глубоко убежден: непримиримо *бороться* следует только с теми, кто ненавидит Россию или усматривает в ней «материал» для своих прожектов. Тех же, кто любит Россию (пусть даже с какими-то оговорками), не следует обличать, хотя, конечно, и можно, и нужно *спорить* с ними. И мне есть о чем поспорить с

А. И. Солженицыным и другими патриотами 1960–1970-х годов. Правда, один из них как-то сказал мне, что наш спор о социализме – это скорее спор о словах, чем о сути дела. Тот же Солженицын вроде бы отрицает социализм, но постоянно утверждает абсолютную необходимость всестороннего *самоограничения* бытия и в России, и во всем мире. А что такое, по сути, дела социализм как не самоограничение?

Пушкин и Толстой вам не союзники!

29 января 1995 года, выступая в телепрограмме «Итоги», депутат Государственной думы С. А. Ковалев высказал свое мнение о понятии «патриотизм».

В словарях значение этого термина определяется так: «Любовь к родине, преданность своему Отечеству». Не буду касаться всех суждений депутата о патриотизме, но об одном его заявлении нельзя умолчать, ибо речь идет о достоинстве самого Пушкина, которого депутат попытался отлучить от патриотизма, утверждая к тому же, что-де патриотом в те времена был не Пушкин, а шеф жандармов Бенкендорф...

Перед нами образчик или поистине вопиющего невежества, или столь же вопиющей лжи. Чтобы полностью убедиться в этом, достаточно вдуматься в «записку» Пушкина на имя этого самого Бенкендорфа, составленную поэтом в 1831 году, в разгар мятежа, разразившегося во входившей тогда в состав России «автономии» (если воспользоваться этим нынешним термином) – Царстве Польском.

«С радостью взялся бы я, – писал поэт, – за редакцию политического и литературного журнала... Около него соединил бы я писателей с дарованиями... Ныне, когда справедливое негодование и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всех нас (имелись в виду близкие Пушкину писатели. – В. К.) против польских мятежников, озлобленная Европа нападает покамест на Россию не оружием, но ежедневной бешеной клеветой... Пускай позволят нам,

русским писателям, отражать бесстыдные и невежественные нападки иностранных газет».

Бенкендорф не дал чаемого поэтом «позволения»: в России, увы, слишком часто находились на вершинах власти лица, открыто или втайне пресмыкающиеся перед Западом (в высшей степени характерно, что Бенкендорф позднее выражал полное согласие с пресловутой книгой французского маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году»).

Не имея возможности противостоять «бешеной» клевете Запада в политических статьях, Пушкин все же не мог промолчать и вскоре создал свои проникновенные патриотические стихотворения «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», «адресатами» которых были, по определению поэта,

...вы, мутители палат,
Легкоязычные витии,
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России...¹

Пушкину было разрешено напечатать эти стихотворения, но ничтожным тиражом; поэт даже не смог преподнести экземпляры всем близким ему людям...

Крупнейший русский мыслитель той эпохи Петр Чаадаев, которого «ленивые и нелюбопытные» (по пушкинскому выражению) «ценители» объявили чуть ли не «антипатриотом» (все они судили о мыслителе только по полемическому введению в одно из чаадаевских сочинений², составляющих в своей совокупности два объемистых тома), писал Пушкину в Петербург 18 сентября 1831 года: «Я только что увидел два ваших стихотворения. Мой друг, никогда еще вы не доставляли мне такого удовольствия. Вот, наконец, вы – национальный поэт... Не могу выразить вам того удовлетворения, которое вы заставили меня испытать... Стихотворение к *врагам России* в особенности изумительно, это я говорю вам. В нем больше мыслей, чем их было высказано и осуществлено за последние сто лет... Не все держатся здесь (то есть

в Москве, о чем еще пойдет речь. – В. К.) моего взгляда, это вы, вероятно, и сами подозреваете; но пусть их говорят, а мы пойдем вперед... Мне хочется сказать: вот, наконец, явился наш Дант...»

Стоит еще напомнить, что в том же, 1831 году Пушкин, предприняв долгие и нелегкие хлопоты, в конце концов добился зачисления своего младшего брата поручика Льва Пушкина в полк, сражавшийся с польскими мятежниками; из этого ясно, что патриотизм поэта ни в коей мере не был «словесным»...

Подведем итог. Депутат С. А. Ковалев, разумеется, вправе выражать свою позицию и бранить патриотизм. Но пытаться при этом объявить своим «союзником» Пушкина попросту непорядочно. Хорошо известно, что и в пушкинские времена в России имелись – и в немалом количестве – единомышленники нынешнего депутата, о чем и сказал в своем письме к поэту Чаадаев. О них и сам Пушкин позже, в 1834 году, написал: «Грустно было слышать толки московского общества во время последнего польского возмущения. Гадко было видеть бездушного читателя французских газет»³.

Словом, депутат С. А. Ковалев может подыскать себе союзников среди современников Пушкина. Однако найти их будет не так уж легко. Ибо не только Пушкин и Чаадаев, но и близкие им Жуковский, Боратынский, Гоголь, Тютчев и др. никак не могут быть отнесены к союзникам С. А. Ковалева. Что же касается тех, кто был «гадок» Пушкину, Россия за прошедшее с той поры время или забыла их, или поминает, мягко говоря, нелестно...

С. А. Ковалев попытался зачислить в свои союзники также и Льва Толстого, заявив, что великий писатель будто бы отверг патриотизм, сочинив известное изречение: «Патриотизм – последнее прибежище негодяя»⁴.

Перед нами, во-первых, печальное проявление недостаточной культуры, ибо действительно образованные люди (да и просто внимательные читатели сборников «крылатых слов») знают, что сей афоризм принадлежит выдающемуся

деятелю английской литературы XVIII века Сэмюэлю Джонсону (он же автор и другого знаменитого изречения: «Благими намерениями вымощен ад»⁵). Но об афоризме Джонсона еще пойдет речь; обратимся к Толстому. В старости автор созданной им в пору творческого расцвета и насквозь проникнутой патриотизмом эпопеи «Война и мир» в самом деле не раз «отрицал» патриотизм⁶. Но его высказывания этого рода можно правильно понять только в свете всей целостности его, толстовского, учения. Между тем, как это ни прискорбно, и единомышленники депутата С. А. Ковалева, и – в равной мере – те или иные патриотически мыслящие люди⁶ произвольно вырывают из по-своему грандиозной программы толстовства отдельную, не имеющую первостепенного значения и совершенно непонятную вне целого частицу (так, Толстого осуждал за «антипатриотизм» Валентин Распутин⁷).

Учение Толстого представляет собой полное отрицание *цивилизации* во всех ее проявлениях. В качестве идеала выступает в этом учении «естественная» жизнь природы, где нет никаких общественных установлений и отношений. Толстой отрицал *любые* формы государственности и церкви, *любые* гражданские и правовые институты, усматривая в них порабощение истинной сущности человека и народа и нестерпимую фальшь.

Конечно, это тотальное отрицание цивилизации было только нравственным императивом, этической утопией.

Стремясь быть последовательным, Толстой выступал и против патриотизма – в том числе и против своих собственных патриотических устремлений. Он написал однажды, что «держит в узде» свой патриотизм⁸. Но надо прямо сказать, что в действительности творцу «Войны и мира» это не очень уж удавалось...

20 декабря 1904 года японские войска захватили Порт-Артур, который Россия с 1898 года арендовала (а не захватила) у Китая. Толстой погрузился в тяжелые раздумья и через месяц, 30 января, высказался так⁹: «Мне странно, что у моих сыновей (а эти сыновья – банковские и земские служащие –

разделяли господствовавшие тогда либеральные умонастроения. – В. К.) нет патриотизма. У меня, признаюсь, есть... Падение Порт-Артура мне было больно». 5 февраля Толстой вновь с горечью говорит о сдаче Порт-Артура: «...я вижу молодых людей, которым это нипочем. В наше время этого не было бы. Умереть всем, но не сдать».

Итак, Толстого глубоко взволновала та утрата патриотизма, которая к 1905 году была порождена в молодом поколении постоянной революционной и либеральной пропагандой. Эта утрата во многом определила трагедию 1917 года. И если бы Толстой дожил до краха русского государства, он, по всей вероятности, перестал бы стремиться «держат в узде» свой патриотизм...

Ведь даже беззаветный либерал Короленко, много лет неустанно обличавший русский патриотизм, записал 23 июля 1917 года¹⁰: «Теперь много ошибок уже создано, и из них *главная*: непризнание важности “отечества”. Загипнотизированные пошлостью расхожего “патриотизма”, мы отвергли и всякий патриотизм во имя будущего единого человечества. За это приходится всей России платить».

А всего через три месяца, 1 ноября 1917 года, Короленко возмущался даже и утратой расхожего патриотизма «темной массы». «Большевики, – писал он, – уже так нашколили эту темную массу на “интернациональный” лад, что слово “родина” действует на нее, как красное сукно на быка».

Следовало бы только Владимиру Галактионовичу не сваливать всю вину на большевиков: его собственная роль в этом «нашколивании» была очень и очень значительной¹¹, и многие еще и сегодня продолжают его традицию (отвержение патриотизма во имя ценностей «единого человечества»), стараясь не обращать внимания на горестное прозрение Короленко после февральской катастрофы...

Но пора вернуться к депутату С. А. Ковалеву. Из вышеизложенного, по-видимому, ясно, что у него не было оснований причислять к своим союзникам Толстого. Да, Лев Николаевич выступал, в частности, и против патриотизма. Но это

определялось его учением в целом, которое никак не соответствовало «позициям» депутата.

Вообще представители демократической идеологии западного типа, если они ведут себя *честно*, не могут опираться на Толстого. Именно честно повел себя еще при жизни Толстого демократический Нобелевский комитет, отказавшийся присудить Толстому – величайшему писателю эпохи! – свою широко рекламируемую премию, поскольку убеждения Льва Николаевича были чужды и враждебны западным демократическим идеалам (этот скандинавский комитет также честно отказался тогда присудить премию и самому выдающемуся писателю всей Скандинавии – Хенрику Ибсену – опять-таки из-за его антидемократических, хотя и совсем иных, чем у Толстого, убеждений).

И нынешние демократы в России, если они честны, никак не могут ссылаться на Толстого, для которого главным и чудовищным пороком цивилизации был вовсе не патриотизм (к тому же он, как мы видели, и не смог от него отказаться), а господство *частной собственности* и порожденный ею политический строй.

Поэтому Толстой постоянно утверждал, что в западных странах дело обстоит заведомо *хуже*, чем в России. В 1905 году он так обращался к Западу: «У нас в России есть надежда, что земля будет освобождена от собственности, а у вас ее нет». Тогда же он говорил по поводу вдохновляемых примером Запада российских реформ¹², что «переменять монархию на конституцию – это такой же вздор, как если бы предложили вместо православия пашковство или скопчество» (то есть патологические религиозные секты).

Словом, негоже С. А. Ковалеву пытаться взять в союзники Льва Николаевича Толстого!

В заключение необходимо сказать о едва ли не самом главном. В суждениях депутата С. А. Ковалева и его единомышленников патриотизм явно толкуется как своего рода пережиток, реликт давних времен, сохранившийся, к их прискорбию, чуть ли не в одной только России. Между тем дело

обстоит прямо противоположным образом: именно в России сегодня – как и в начале века – патриотизм чрезвычайно ослаблен в сравнении, скажем, с теми же США.

И кризис патриотизма с исключительной яркостью выражается в том, как понимают изречение «Патриотизм – последнее прибежище негодяя». Произнося его с телеэкрана, С. А. Ковалев явно был уверен, что все увидят в этом дискредитацию патриотизма. И, увы, многие понимают это изречение именно так...

Сам его автор, Джонсон, в этом ничуть не виноват. Он был убежденным консерватором (членом правого крыла партии торри¹²) и беззаветным патриотом Великобритании. И смысл его афоризма, как говорится, однозначен. Негодай, то есть субъект, готовый на все ради своих эгоистических вожделений, плюющих на интересы Отечества, оказавшись в безвыходном положении, неожиданно пытается изобразить из себя патриота, кощунственно заявляет о своей мнимой преданности Отечеству. Точно так же на пороге смерти самые безбожные, самые бессовестные людишки нередко вспоминают о Боге, но разве это бросает тень на Него?!

И, между прочим, если исходить из логики С. А. Ковалева, следует проклясть не только патриотизм, но и любые «благие намерения», ибо, согласно другому известному афоризму того же Джонсона, ими «вымощен ад»...

Словом, насколько же замутненное, даже отравленное сознание надо иметь, чтобы усматривать в изречении Джонсона дискредитацию патриотизма! Да, длительная и разнузданная антипатриотическая обработка умов и душ дала свои результаты. А ведь людям, не поддавшимся оболваниванию, в высшей степени уместно вспоминать точные слова Сэмюэля Джонсона каждый раз, когда на телеэкране в нынешней острой политической ситуации появляются один за другим «деятели», еще вчера оплевывавшие Россию, а теперь, чуя, что их вот-вот уберут с глаз, выдавливающие из себя патриотические фразы. Ибо ведь в самом деле патриотизм – последнее прибежище негодяя.

ЧАСТЬ III ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЛИТИКА

История литературы в работах ОПОЯЗа

Недавно были переизданы основные историко-литературные работы, созданные в 1920-х годах Ю. Тыняновым и Б. Эйхенбаумом – тогдашними ведущими представителями ОПОЯЗа (Общества изучения поэтического языка)*.

Нельзя не приветствовать появление этих книг. Работы Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума написаны с исследовательским и даже чисто литературным блеском. В них воплотилась широкая эрудиция, причем воплотилась она с покоряющей легкостью и свободой. Они нередко посвящены мало или вообще не изученным проблемам и явлениям литературы.

Далее, эти работы представляют собой существенный этап в развитии литературоведения – и не только отечественного, но и мирового (кстати, некоторые из них переведены на основные европейские языки).

Наконец, в этих работах раскрывается совершенно специфическая научная проблематика, имеющая самое живое современное значение, о чем в основном и пойдет речь в предлагаемой статье.

Литература об ОПОЯЗе весьма обширна. Однако лишь немногие из книг и статей, посвященных этой школе, специально

* См.: Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969; Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969; Его же. О прозе. Л., 1969.

характеризуют историко-литературные концепции и конкретные исследования опоязовцев; главное внимание было обращено на их **общетеоретические** идеи (хотя основную часть опоязовского наследия образуют именно историко-литературные работы). С другой стороны, многие работы об ОПОЯЗе явно не имеют серьезного значения.

Так, например, пишущие об этой школе нередко целиком сосредоточиваются на парадоксалистских или даже просто эпатирующих формулировках из ранних (конца 1910-х годов) опоязовских статей и манифестов. Между тем Б. Эйхенбаум еще в 1925 году справедливо отмечал¹, что ранние опоязовские тезисы имели значение «лозунгов, парадоксально заостряемых в целях пропаганды или противоположения»*.

Но и при анализе зрелых работ критики нередко ставили перед собой весьма ограниченную задачу. В работах опоязовцев почти ничего не говорится о «содержании» литературы вообще и отдельных ее произведений. Этот очевидный факт и вызывал нередко главные нападки, против него обращался весь критический огонь.

Да, действительно, во многих опоязовских работах «содержание» недвусмысленно выведено за пределы литературы как таковой, как искусства. Разумеется, опоязовцы никогда не отрицали, что в любом литературном произведении есть, скажем, тема и идея; это было бы просто нелепо. Но они утверждали, что тема и идея – это внехудожественные элементы произведения, что они представляют собой лишь «мотивировки», на основе которых строится уже собственно художественная «конструкция».

Б. Томашевский в своей «Теории литературы», которая была призвана так или иначе обобщить опоязовские идеи, писал: «Темой обладает каждое произведение ... Только заумное произведение не имеет темы, но потому-то оно и является не более как экспериментальным, лабораторным занятием некоторых поэтических школ ... Читателя удовлетворяет актуальная, т.е. действенная в кругу современных культурных запросов, тема. Характерно, например, что вокруг каждого романа

* Эйхенбаум Б. Литература. Л., 1927. С. 132.

Тургенева выростала огромная публицистическая литература, которая менее всего интересовалась романами Тургенева как художественными произведениями, а набрасывалась на общекультурные (преимущественно социальные) проблемы ... Эта публицистика была вполне законна, как реальный отклик на выбранную романистом тему».

Итак, с точки зрения Б. Томашевского, содержание в традиционном понимании этого слова присутствует в произведении, но составляет внехудожественный его элемент. Однако в работах Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума дело обстоит гораздо сложнее.

В своей статье «Стиховые формы Некрасова»² Ю. Тынянов пишет: «В сущности и его (Некрасова. – *В. К.*) друзья, и его враги сходились в главном: друзья принимали его поэзию, несмотря на ее форму, враги отвергали ее вследствие формы». Таким образом, продолжает Ю. Тынянов, объектом спора был «тематический и сюжетный элемент его искусства, между тем как самое искусство, принцип сочетания и противопоставления элементов, отвергалось и теми, и другими».

С первого взгляда эта постановка вопроса кажется совпадающей с позицией Б. Томашевского. Но в действительности это не так. Когда Ю. Тынянов определяет искусство Некрасова как известный «принцип сочетания и противопоставления элементов», он имеет в виду как «формальные», так и «содержательные» элементы (если пользоваться этой традиционной терминологией). Он говорит, например, о своеобразии некрасовской поэзии: «...в высокие формы оказались внесенными и впаянными чуждые до сих пор им тематические и стилистические элементы»^{*}.

Кстати сказать, Б. Эйхенбаум писал еще в 1925 году, что вначале опоязовцы «направили все свои усилия на то, чтобы показать значение именно конструктивных приемов, а все остальное отодвинуть в сторону». Но позднее от понятия конструкции они «пришли к понятию материала как мотивировки, а отсюда – к пониманию материала как элемента, участвующего в конструкции»^{**}.

^{*} Тынянов Юрий. Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 402.

^{**} Эйхенбаум Б. Литература. С. 132, 148.

Анализируя, например, проблему нового направления в русской поэзии, сложившегося на рубеже 1820–1830-х годов, – направления, связанного с именами Тютчева, Шевырева, Ф. Глинки, Хомякова и др., – Ю. Тынянов утверждал: «Обновление было намечено сразу и тематическое (философические, религиозные, общественные темы), и стилистическое». И далее он говорил о «философской лирике» Тютчева: «...натур-философский параллелизм, “двоичность” не осталась у него только материалом и стилем, но и повлекла <за собой>* всю организацию стихового материала. Самое построение ... стало параллелистическим или антитетическим...» и т.д.

Эти суждения, относящиеся, кстати, еще к 1923 году, трудно квалифицировать как игнорирующие «содержание». Если же обратиться к большой работе Ю. Тынянова «Пушкин» (1928), мы найдем здесь постоянное сочетание анализа изменяющихся «приемов», «формы» с характеристикой непрерывного изменения тематики (в самом широком смысле этого слова), причем переход к новым приемам и новой теме рассматривается как единый процесс. Изменения приемов и тематики взаимосвязаны, взаимообусловлены.

Именно такой подход к делу характерен для основных историко-литературных работ Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума. Важно выделить эти два имени, ибо для других представителей ОПОЯЗа данное стремление характерно в гораздо меньшей степени, – хотя бы уже потому, что все они в 1920-х годах мало занимались собственно историко-литературными исследованиями, где конкретность самого предмета работы властно требует выхода за пределы чисто формальной проблематики.

Ставя перед собой задачу преодолеть дуализм содержания и формы, опоязовцы, в частности, стремились вообще отказаться от этих понятий (хотя так и не смогли совсем их игнорировать) и произвести «разрез» произведения в совершенно иной плоскости – не вертикальной (форма, «под» которой находится содержание), а, так сказать, горизонтальной. Они ввели понятие «материал», которое обозначало в

* Здесь, как представляется, пропуск.

конечном счете то «сырье», из которого создается произведение, – причем как «содержательное» (темы, мотивы), так и «формальное» (слова, звуки) сырье, – и, с другой стороны, понятие «прием», означавшее элемент готовой художественной «конструкции», включавшей в себя опять-таки и содержательную, и формальную стороны (ср. суждение Ю. Тынянова о «параллелистичности» тютчевской поэзии).

Но преодолеть дуализм опоязовцам не удалось; их концепция осталась формалистической. Правда, природа этого формализма не столь уж проста. Но ее глубокий и всесторонний анализ давно уже произведен. Я имею в виду книгу П. Медведева – ближайшего единомышленника М. Бахтина – «Формальный метод в литературоведении», изданную еще в 1928 году*. Книга эта, которую ныне можно найти лишь в крупнейших библиотеках³, отчасти устарела по своей форме, по терминологии. Но по сути своей она сохраняет самое живое значение. И ее переиздание, безусловно, было бы весьма полезно. Кстати сказать, в этой книге совершено то, чего никак не удавалось достичь опоязовцам, – теоретически преодолен дуализм содержания и формы. К этой книге я и отсылаю читателей, стремящихся понять общетеоретическую суть ОПОЯЗа.

В заключительной части этой книги глубоко поставлен – правда, именно только поставлен – вопрос о собственно историко-литературной концепции ОПОЯЗа, которая и является предметом данной статьи**.

В этой книге было, в частности, показано, что опоязовская концепция теснейшим образом переплетена с художественной

* См.: М е д е в П. Н. Формальный метод в литературоведении... На самом деле эта книга написана М. М. Бахтиным, но он признал это только перед кончиной; в 1971 году я не имел права назвать действительного автора.

** Рамки статьи не позволяют рассмотреть ряд важных и сложных сторон проблемы – вопрос о развитии и постепенном преодолении опоязовской концепции в целом (оно началось уже с середины 20-х годов), о социальной природе ОПОЯЗа и его месте в литературной борьбе эпохи, о различиях между отдельными представителями школы и т.д. Но, думается, анализ историко-литературной концепции ОПОЯЗа как таковой особо важен и актуален теперь, после переиздания основных опоязовских историко-литературных работ, привлечших внимание научной и читательской общественности.

практикой так называемых «левых» течений в литературе и искусстве своего времени.

Кстати сказать, именно это обстоятельство явилось своего рода трамплином, благодаря которому достигли широчайшей популярности литературоведческие работы опоязовцев; литературная наука весьма редко достигала подобной популярности.

Сами опоязовцы считали, что указанная черта – характернейшая и существеннейшая для их работы. Б. Эйхенбаум вспоминал в 1944 году⁴: «Работа шла под знаком тесного союза теории с практикой. Все внимание было обращено на осознание новых поэтических опытов и стремлений, на разрушение старых канонов. Сами поэты (особенно Маяковский) принимали ближайшее участие в этой работе».

Да, опоязовцы действительно обобщали в своих концепциях черты тех или иных направлений современной им литературы. В то же время они все-таки были теоретиками и историками литературы (что не исключало, конечно, отдельных собственно критических статей). В основных своих работах они ставили перед собой не столько задачу утверждения (или отрицания) определенных тенденций и явлений современной литературы – а именно эту цель преследует прежде всего критика, – сколько задачу объективного, научно точного (в их понимании) анализа литературы любой эпохи, от античности до XX века.

Естественно, здесь возникает противоречие: обобщения, сделанные на основе частного и специфического материала («левых» литературных течений 1910–1920 годов), проецируются на литературу в целом. Но это противоречие как раз и определяет своеобразную суть опоязовской методологии, ее специфику.

Сама по себе неразрывная связь с художественной практикой современности была, конечно, положительным фактором. Она вызвала потребность и создала самую возможность обращения к таким аспектам и чертам литературы, которые до тех пор почти не были объектом литературоведческого анализа.

То, что ранее казалось чаще всего несущественными мелочами, случайными или чисто индивидуальными деталями

(скажем, роль собственных имен в стихе или самый способ ведения рассказа в прозе), приобрело в работах опоязовцев свой истинный вес и значение. Благодаря этому был расширен самый предмет историко-литературного исследования.

Однако, повторяю, опоязовцы были связаны не с некоей литературной практикой вообще, но со специфической практикой «левых» течений – таких как футуризм, ЛЕФ, «орнаментальная проза», ранний конструктивизм (журнал «Вещь») и т.п. Причем в самих этих школах их привлекали крайние, наиболее заостренные явления, так как они были убеждены, что именно в этих «крайностях» с особенной наглядностью и чистотой воплощается специфическая сущность литературы и ее развития*.

Те или иные футуристические или лефовские произведения нередко словно непосредственно сделаны по опоязовским рецептам, так что можно сказать, что ОПОЯЗ в своих теориях адекватно обобщал их практику. Но затем полученные обобщения были неправомерно перенесены на историю литературы в целом...

Как показано в названной выше книге, «эстрадные футуристические разгромы прошлого сделались для формалистов бессознательной схемой и прообразом для понимания всех смен в истории литературы»**.

Стремление радикально отрицать жизненность культуры прошлого, которое характерно для футуризма, начавшего с призыва бросить прежнюю литературу с «парохода современности»⁵, опоязовцы, в сущности, объявили главным, исходным устремлением любого литературного поколения, течения и отдельного художника.

Понятия «новизны» и «современности» – это вообще исходные, корневые для опоязовской истории литературы понятия:

* ОПОЯЗ, без сомнения, опирался и на более «умеренные» модернистские течения – такие как символизм и акмеизм. Но и здесь его интересовали прежде всего «крайние» явления, например, творчество А. Белого и его последователей, стилизации М. Кузмина и О. Мандельштама и т.п.

** М е д в е д е в П. Н. Формальный метод в литературоведении... С. 229.

«...формалисты знают только какое-то “перманентное настоящее”, “перманентную современность” ... Все, что совершается в истории литературы формалистов, совершается в какой-то вечной современности ... Литературную преемственность они знают только как эпигонство. Все должно укладываться в рамки современности. Если следующая эпоха положительно продолжает дело предшествующей, не разрушает и не смещает его, то это уже бесплодная эпигонская эпоха...

Какую бы область творчества и жизни мы ни взяли, мы нигде не найдем даже намека на возможность применения формалистической схемы эволюции»*.

С последним трудно согласиться. На мой взгляд, такая область или, точнее, такой аспект творчества и самой жизни существует. Но к этому мы еще вернемся.

* * *

Теперь целесообразно обратиться к двум статьям Ю. Тынянова – «Литературный факт» (1924) и «О литературной эволюции» (1927). Эти статьи дают наиболее серьезное и зрелое выражение опоязовской концепции историко-литературного процесса (во второй статье исследователь даже кое в чем отходит от ОПОЯЗа⁶, но в данном случае выяснение этой стороны дела не входит в нашу задачу). Охарактеризованная в них методология лежит в основе опоязовских работ по истории литературы.

Статьи эти неоднократно подвергались критике. Характерно, что даже виднейшая ученица Ю. Тынянова, Л. Гинзбург, исключительно высоко оценивая эти статьи, все же говорит, что на них «повлияла теория имманентного развития; теория антиисторическая, поскольку историк показывает явление (то есть в данном случае литературу. – В. К.) в его связях с другими явлениями действительности»**.

* Там же. С. 228.

** Цит. по: Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи. М., 1966. С. 91.

Ю. Тынянов в самом деле и в этих методологических статьях, и в работах, посвященных каким-либо конкретным историко-литературным явлениям, очень редко выходит за рамки литературы как таковой, почти не показывает связь тех или иных явлений в литературе с явлениями историческими, социальными, идеологическими, психологическими и т.п.

Строго говоря, в принципе вполне возможны работы о литературе, которые рассматривают ее стилевое развитие, отвлекаясь от прямых, непосредственных связей с внелитературными явлениями, глубоко исследуя движение стиля как таковое. Если при этом исследователь не скользит по поверхности формы, а раскрывает ее смысл, ее содержательность (которая в конечном счете связана с целостной жизнью общества), это еще не значит, что он формалист или «имманентщик».

Недостаток методологии Ю. Тынянова заключается в другом: в том, что он рассматривает развитие литературы только с точки зрения ее «современности», ее «новизны», ее «обновления», причем даже не обновления вообще, а весьма специфического обновления.

Он пишет, например⁹: «“Невозможная”, неприемлемая форма Некрасова, его “дурные”¹⁰ стихи были хороши потому, что сдвигали автоматизированный стих, были новы»¹¹.

Любое литературное явление имеет свой «конструктивный принцип», который и составляет ее суть. Но этот принцип сравнительно быстро «автоматизуется». Этим объясняется и смена тем у поэтов.

Все это обобщается таким образом: «...при анализе литературной эволюции мы наталкиваемся на следующие этапы:

1) по отношению к автоматизированному принципу конструкции диалектически намечается противоположный конструктивный принцип;

2) идет его приложение – конструктивный принцип ищет легчайшего приложения;

* Ю. Тынянов поясняет в статье, что речь идет об оценке современников, воспитанных на иных образцах.

** Тынянов Юрий. Архаисты и новаторы. С. 11–12.

- 3) он распространяется на наибольшую массу явлений;
- 4) он автоматизуется и вызывает противоположные принципы конструкции ... Большие формы, автоматизуясь, подчеркивают значение малых форм (и наоборот)»* и т.д.

И далее: «Так, например, в наши дни дело обстоит с русским авантюрным романом. Принцип сюжетного романа всплыл по диалектическому противоречию к принципу бессюжетного рассказа и повести; но конструктивный принцип еще не нашел нужного приложения, он еще проводится на иностранном материале»** (имеются в виду авантюрные вещи типа романов М. Шагинян¹⁰, написанных в начале 1920-х годов).

Подведем некоторые итоги. Во-первых, литературное явление любого времени прежде всего «современно», «ново» по своей «конструкции», и в этом вся его суть: «...вся суть ... в новом принципе конструкции».

Во-вторых, любой конструктивный принцип рано или поздно сменяется новым, потому что по истечении некоторого времени он «автоматизуется», перестает «ощущаться».

Но это означает, в-третьих, что глубокие причины смены конструктивных принципов лежат в психологии читателей. Автор книги «Формальный метод в литературоведении» говорит об этом:

«Литературная эволюция, как ее понимают формалисты, отнюдь не является имманентно-литературной ... Державин смещает ломоносовскую оду вовсе не потому, что этого смещения требовало дальнейшее развитие самой сущности оды; нет – смещение совершилось потому, что высокая ода автоматизовалась для Державина и его современников ... Какая ода будет автоматизована и какая будет ощущаться – это всецело зависит от того, кто и когда будет их ощущать».

Б. Эйхенбаум писал¹¹, что Некрасов «начал с самой традиционной, “высокой” поэзии и старательно повторял ее штампы». Но он «быстро увидел, что на этом пути спасения нет – что история (читай: психология читателей данного

* Там же. С. 17.

** Там же. С. 19.

исторического этапа. – В. К.) требует другого ... Надо было создавать новый поэтический язык и новые поэтические формы, потому что искусство живо восприятием», а старые формы «уже не ощущались»*.

Итак, общая схема эволюции ясна: в психике, в восприятии читательской массы постоянно возникает потребность обновления, которая периодически заставляет искусство изменять свои формы и темы.

(Конечно, в конкретных работах опоязовцев этот основной принцип осложнен и обогащен многообразными вторичными принципами. Так, например, Б. Эйхенбаум отмечал, что новые формы «скрыто существуют в формах предшествующих периодов. Лермонтову предстояло открыть тот поэтический стиль, который должен был явиться выходом из создавшегося после 20-х годов стихотворческого тупика и который в потенциальной форме уже существовал у некоторых поэтов Пушкинской эпохи»**. Точно так же и «некрасовское» начало подспудно развивалось и ранее – скажем, в поэзии Катенина.)

Едва ли не самую главную задачу историка литературы Ю. Тынянов видел¹² в восстановлении, в реконструкции того, как воспринималось то или иное литературное явление в момент его рождения: «К произведению другой эпохи, автоматизованному, легко подойти с собственным апперцептивным багажом и увидеть не оригинальный конструктивный принцип, а только омертвевшие безразличные связи ... Между тем современник всегда ищет эти отношения, взаимодействия в их динамике»***.

Теперь уже можно, кажется, сделать определенные выводы.

В историко-литературных работах опоязовцев исследуется, на мой взгляд, не столько история литературы как таковая,

* Эйхенбаум Б. Сквозь литературу. Л., 1928. С. 238, 239.

** Эйхенбаум Б. М. Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки. Л., 1924. С. 12.

*** Тынянов Юрий. Архаисты и новаторы. С. 16.

сколько история **восприятия** литературы современниками. И исследуется эта история, надо сказать, с большим знанием дела, тонкостью и блеском. Не случайно Ю. Тынянов и Б. Эйхенбаум с редкой скрупулезностью изучали журналы, альманахи, документы исследуемой эпохи (характерно, что опоязовцы вообще не раз настаивали на необходимости изучать произведения по первым их публикациям, сохраняющим аромат современности). Не случайно они так тщательно изучали литературный быт эпохи.

Но как же могло получиться так, что люди, ставившие своей задачей исследовать историю литературы, в действительности исследовали историю ее восприятия современниками?

Это обусловлено прежде всего той нераздельной связью ОПОЯЗа с «левыми» литературными течениями, о которой шла речь выше. Погруженные с самого начала в непрерывную борьбу этих течений за «влияние», в процесс их постоянной смены и обновления, опоязовцы спроецировали сделанные на этом материале обобщения на историю литературы в целом. В высшей степени характерно следующее рассуждение Ю. Тынянова.

«Тот бесплодный литературный критик, — писал он в 1924 году, — который теперь осмеивает явления раннего футуризма, одерживает дешевую победу ... “Ядро” может быть очень хорошим на вид и не лететь, т.е. не быть ядром, и может быть «неуклюжим» и “безобразным”, но лететь хорошо, т.е. быть ядром».

Исследователь, конечно, понимает, что «явления раннего футуризма» ничтожны на весах истории литературы. Но это его и не интересует; он оценивает эти явления по тому эффекту, который они произвели на современников, на их восприятие. И очень знаменательно: тут же, на той же странице Ю. Тынянов выступает против тех историков литературы, которые утверждают, что «последний этап лирики Пушкина — высший пункт ее развития, не замечая ... спада лирической продукции у Пушкина в этот период».

Верно, что в 1830-х годах Пушкин написал значительно меньше* стихотворений, чем в 1820-х (если не считать набросков и экспромтов, поэт за семь последних своих лет создал около ста стихотворений). Но какие это были стихотворения! «Румяный критик мой...», «Безумных лет угасшее веселье», «Заклинание», «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», «Для берегов отчизны дальней...», «Осень», «Не дай мне Бог сойти с ума...», «Пора, мой друг, пора...», «...Вновь я посетил...», «Кто из богов мне возвратил...» – да все шедевры этих лет и не перечислишь...

Но для Ю. Тынянова важнее всего то, что поздняя лирика Пушкина не произвела значительного эффекта.

В самом деле, ведь, как говорил Б. Эйхенбаум, «пушкинский стих начинает в это время звучать как прекрасный, но мертвый и выученный наизусть язык», он «автоматизовался»; естественно, что при таком его «звучании» в читательском восприятии нельзя рассуждать о каком-либо «высшем пункте». Недаром же в это время был популярен стишок, который цитировал Белинский:

И Пушкин стал нам скучен,
И Пушкин надоел:
И стих его не звучен,
И гений охладел...¹³

Недаром же затмили славу Пушкина Бенедиктов и Марлинский. Недаром же за три года до гибели Пушкина печатно провозглашалось, что он «умер»¹⁴...

Эта же история повторилась впоследствии с Блоком. За несколько месяцев до его смерти в печати появились слова: «Блока больше нет»¹⁵. И, выступая на вечере памяти Блока¹⁶, Б. Эйхенбаум объяснял, что в этом суровом приговоре

* Кстати сказать, это соображение, в сущности, несерьезно. Многие великие художники в период высшего расцвета создавали немного. Так, Чехов в последние десять лет жизни писал в среднем всего по три рассказа в год. Но каких!

выразилась «вражда к “властителю чувств” целого поколения – чувств, уже потерявших свою гипнотическую силу, свое поэтическое действие. Вражда к созданному им и уже застывшему в своей неподвижности канону. И это нисколько не оскорбительно: только вражда и ненависть могут спасти искусство, когда оно становится модой».

Мода! Вот то слово, которое давно уже просится в наш разговор...

Да, опоязовцы занимались прежде всего изучением истории **литературной моды**, которая неразрывно связана с проблемой читательского восприятия.

Это может показаться чем-то унижительным: серьезные исследователи – и вдруг какая-то мода.

Однако мода в XX веке стала громадным по своему распространению и значению феноменом. Речь идет, разумеется, не о моде на одежду или предметы обихода. Ведь в русло моды вовлекаются и манеры, и нравы, и психические состояния, и произведения искусства, и даже научно-философские идеи. И проблема эта далеко не нова: так, во времена Пушкина мода уже была очень развитым явлением – правда, в узком кругу жизни «общества», «света». А ныне, когда сфера воздействия литературной моды существенно расширилась, ее изучение стало исключительно важным, необходимым делом.

Опоязовцы не отдавали себе ясного отчета в том, что они, по сути дела, исследуют историю литературной моды. Но Б. Эйхенбаум в только что цитированном высказывании невольно выразил это, ибо непосредственно связал ключевое для ОПОЯЗа понятие об «автоматизации» поэзии («уже застывший в своей неподвижности канон») и понятие о «моде». Здесь имелась в виду, конечно, не мода в период ее становления, а мода, ставшая всеобщим явлением (ведь речь идет о «властителе чувств целого поколения») и потому уже потерявшая свою «гипнотическую силу», переставшая «ощущаться».

ОПОЯЗ формировался в эпоху, когда феномен литературной моды достиг своего рода апогея. Бесперывно сме-

нявшие друг друга в читательском внимании литературные школы и школки создали ту специфическую атмосферу, о которой рассказывает герой известного блоковского очерка «Русские дэнди»¹⁷ (1918): «Мы знаем всех наизусть – Сологуба, Бальмонта, Игоря Северянина, Маяковского, но все это уже пресно; все это кончено; теперь, кажется, будет мода на Эренбурга».

Именно это и заставило опоязовцев, так тесно связанных с современной литературой, обратиться к изучению истории литературной моды прежде всего. Они, повторяю, не употребляли этого термина, но самая суть дела недвусмысленно раскрывается в следующем суждении Ю. Тынянова: «Мы, как и всякие современники, проводим знак равенства между “новым” и “хорошим”». Именно так! Ведь ясно, например, что самый дешевый, но модный костюм «лучше» самого дорогого, но явно вышедшего из моды.

Далее Ю. Тынянов, правда, делает – в скобках – оговорку: «Это не значит, что произведения не могут “жить в веках”». Почему же могут? А вот почему: «Автоматизированные вещи могут быть использованы. Каждая эпоха выдвигает те или иные прошлые явления, ей родственные, и забывает другие»*. То есть, иными словами, произведения прошлого способны как бы снова «войти в моду».

* * *

Но, собственно говоря, что же такое мода? На этот вопрос превосходно отвечает сам Ю. Тынянов¹⁸. Он выдвигает понятие «литературного факта»: «...любой современник укажет вам пальцем, что такое литературный факт ... Стареющий современник, переживший одну-две, а то и больше литературные революции (сам Ю. Тынянов уже в молодые годы пережил несколько таких «революций». – В. К.), заметит, что в его время такое-то явление не было литературным фактом, а теперь стало ... И наоборот, то, что сегодня литера-

* Тынянов Юрий. Архаисты и новаторы. С. 11, 12.

турный факт, то назавтра становится простым фактом быта, исчезает из литературы»*.

«Литературный факт» – это и есть, говоря точно, литературно-модный факт, который еще не стал «немодным», «неощущаемым» феноменом быта, – каким является, скажем, та или иная черта хрестоматийного произведения, изучаемого каждым школьником. Ю. Тынянов только неточен, когда говорит, что «литературный факт, целиком перейдя в быт», «исчезает из литературы»; он исчезает из литературной моды...

Развитие литературы – вернее, литературной моды – Ю. Тынянов рассматривает как непрерывное сложное взаимоотношение, взаимодействие литературы и быта. Кстати, уже сам по себе факт, что Ю. Тынянову невольно приходится говорить о развитии литературы как о развитии **взаимодействия литературы и быта**, ярко свидетельствует: речь идет не о литературе, а о чем-то ином – а именно о литературной моде. Ибо моду вполне уместно определить как «взаимодействие литературы и быта»**.

Вообще что касается проблемы литературной моды, то, пожалуй, **лучшим пособием** для ее изучения являются именно работы опоязовцев. Они превосходно показали, например, как осуществляется взаимодействие определенных тенденций в литературе и в повседневном быту людей – взаимодействие, порождающее литературную моду, проявляющуюся в необычайно широком распространении тех или иных явлений и особенностей литературы.

Вот, скажем, рассуждение Ю. Тынянова о рождении «модных» жанров в карамзинскую эпоху. В это время, полагает исследователь, «выступает малая форма, малая эмоция, на смену аллегориям идет психологизм ... Но для их приложения нужны самые прозрачные, самые податливые явления, и они найдены – в быте. Салоны, разговоры “милых женщин”, альбомы культивируют малую форму “безделки”:

* Там же. С. 21.

** Там же. С. 9.

“песни”, катрены, рондо, акrostихи, шарады, буриmэ и игры превращаются в важное литературное явление»*.

Литературная мода, как явствует из рассуждений Ю. Тынянова, возникает на грани литературы и быта. С течением времени она становится уже чисто бытовым, повсеместным явлением, перестает «ощущаться» и сменяется иной, существенно отличающейся, часто противоположной модой.

Выше приводилось суждение автора книги «Формальный метод в литературоведении» о том, что опоязовскую схему эволюции невозможно применить ни к какой области жизни. Но это не так: к развитию моды эта схема (обновление принципа – его широкое распространение – его автоматизация – очередное обновление) применима всецело.

Напомню другие очень точные слова из этой книги – о том, что быстрая и шумная смена литературных течений в начале XX века явилась для опоязовцев «бессознательной схемой и прообразом для понимания всех смен в истории литературы». Это ведь, в сущности, и означает, что опоязовцы «бессознательно» изучали развитие литературной моды, а не самой литературы.

Разумеется, история литературной моды неразрывно связана с историей литературы – уже хотя бы потому, что первая черпает свой «материал» из второй. И все же это принципиально различные явления. Мода, в частности, отбирает из литературы лишь то, что соответствует внешним требованиям «новизны». Важно и ценно с точки зрения моды только то, что «ново», «современно» (в самом внешнем смысле). Она вообще не знает категории ценности – ценности социальной, нравственной, эстетической.

Это ярко отражено в «Литературных мечтаниях» Белинского (1834): «Прежде наши Аристархи ... восклицали в чаду детского, простодушного упоения: Пушкин – северный Байрон, представитель современного человечества! Ныне, на наших литературных рынках, наши неутомимые герольды

* Там же. С. 21.

вопиют громко: Кукольник, великий Кукольник ... – отважный соперник Шекспира! на колена перед Кукольником!»

Дело здесь не просто в том, что в один период оказывается модным гений, а в другой – посредственность. Следует вспомнить (об этом идет речь и в статье Белинского), что наряду с Пушкиным в 1820-х годах были модны, скажем, А. Подолинский, Д. Ознобишин, В. Туманский, а в одно время с Кукольником оказались «в моде» молодой Гоголь и Владимир Одоевский.

По внешним особенностям тематики и стиля Гоголь и Одоевский соответствовали требованиям новой моды, которая вознесла помимо Кукольника также А. Марлинского, Н. Полевого, В. Бенедиктова, А. Тимофеева и др. А достигший высшей зрелости Пушкин по этим внешним приметам не соответствовал моде. Между тем его творчество 30-х годов составило целую эпоху в истории русской литературы – и эпоху, безусловно, новую.

«Новизна», с которой имеет дело мода, – внешняя, поверхностная новизна. Именно поэтому великое и посредственное произведения могут быть равно модными. На сцене или, лучше сказать, на экране моды предстают как бы не сами писатели, а их тени, их одномерные, контурные облики. «Модный Пушкин» 20-х годов или «модный Гоголь» 30-х годов – это только тени Пушкина и Гоголя, лишенные художественной глубины и богатства. Именно поэтому автор не обладающих никакой истинной глубиной трагедий Кукольник мог на экране моды выступить рядом с Гоголем.

Пушкин, совершивший в 30-х годах великие художественные открытия и в поэзии, и в прозе, вместе с тем не изменил сколько-нибудь резко общих контуров своего творческого облика, и его «тень» уже не поражала взгляда на экране моды. Как хорошо известно, даже незаурядные люди, поддавшись действию моды, всерьез ставили стихи Бенедиктова и драмы Кукольника выше пушкинских...

Но вернемся к ОПОЯЗу. Разумеется, его представители ни в коей мере не считали, что Пушкин как художник когда-

либо уступал Бенедиктову. Но вот очень выразительный факт. В 1928 году Ю. Тынянов написал свою известную статью «Пушкин», представляющую собой обзор всего творческого пути поэта начиная с лицейских стихотворений (она была написана для энциклопедии). Зрелому творчеству Пушкина – после 1825 года, включая характеристику «Онегина», – здесь посвящено лишь немногим более трети объема (хотя даже по количеству лет – это половина творческого пути поэта), а творчеству 30-х годов – всего несколько страниц. Это, конечно, не случайно; Пушкин, оказавшийся за пределами моды, как бы уже не интересовал исследователя.

Вполне естественно, что представители ОПОЯЗа, исследовавшие литературную моду, принципиально отказались от самой постановки проблемы художественной ценности*. Ю. Тынянов недвусмысленно писал¹⁹: «“Ценность” того или иного литературного явления должна рассматриваться как “эволюционное значение” (то есть роль произведения в его время. – В. К.) и характерность»**. Оба эти понятия вполне укладываются в понятие «модности».

Столь же закономерно требование изучать «массовую литературу», второстепенные, третьестепенные и даже просто ничтожные явления (скажем, «романы» такого современника Пушкина, как Александр Анфимович Орлов), ибо они могли быть в свое время «динамичны». «Теория ценности в литературной науке, – утверждает Ю. Тынянов, – вызвала опасность изучения главных, но и отдельных явлений, и приводит историю литературы в вид “истории генералов”»***.

Ю. Тынянов решительно отказывается ставить вопрос «об эстетических качествах» произведения «вообще», ибо «нельзя судить пулю по цвету, вкусу, запаху. Она судима с точки зрения ее динамики». Далее приводится уже знакомый нам пример: явления раннего футуризма легко теперь осмеи-

* Правда, опоязовцы «ценили» эффективность произведения; но «эффективными» были, скажем, в определенный момент, и романы Булгарина...

** Тынянов Юрий. Архаисты и новаторы. С. 32

*** Там же. С. 30.

вать, но они были «ядрами», которые «хорошо летели», были «динамичны», то есть, иными словами, модны.

Мне могут возразить, что Ю. Тынянов, говоря о «динамичности», в данном случае имеет в виду нечто иное, что речь идет о воздействии на самую литературу, на самих писателей, которые после футуристических экспериментов двинулись вперед.

Что ж, возражение достаточно серьезное. Оно заставляет нас обратиться к еще одной стороне проблемы.

Дело в том, что существует как бы две моды – мода «массовая» и мода для «избранных», которые обычно стремятся даже оттолкнуться от «массовой» моды. Для массы, скажем, – Игорь Северянин, для «избранных» – малопонятный А. Крученых. Но законы обоих видов моды, в общем, одни и те же. И там и здесь несущественна проблема ценности, и там и здесь важны лишь внешние приметы «модности»; и там и здесь быстро наступает «автоматизация» и т.п.

А это значит, что весь «динамизм» моды для «избранных» (в том числе писателей) – как и массовой моды – расходуется лишь на то, чтобы подготовить восприятие следующей, новой моды. Существенных плодов он дать не может. Вспомним опять блоковского «дэнди». Он ведь как раз из круга «избранных». «Мы живем только стихами, – говорит он, – в последние пять лет я не пропустил ни одного сборника... Нас ничего не интересует, кроме стихов. Ведь мы – пустые, совершенно пустые».

Оба эти вида литературной моды движутся по своим особым путям. Но реальная история литературы идет совсем другим путем, хотя в тех или иных случаях она и пересекается с дорогами моды. В истории литературы как таковой господствуют иные законы.

Ю. Тынянов в 1927 году замечал между прочим²⁰: «Пародия литературно жива постольку, поскольку живо пародируемое. Какое литературное значение может иметь заведомо-тысячная пародия на лермонтовское “Когда волнуется желтеющая нива” и на пушкинского “Пророка”?»

Отвлечемся в данном случае от проблемы пародии. Здесь недвусмысленно сказано, что «Пророк» не представляет собою «живое» явление. И в самом деле: в рамках литературной моды это так. Но не будет преувеличением сказать, что в рамках литературы, в рамках искусства слова «Пророк» всегда был и будет более живым явлением, чем самые модные стихи...

Пушкин «входил» в моду и «выходил» из нее, но для истории литературы в собственном смысле его поэзия никогда не теряла своего живого величия. Так было и во времена Гоголя, и во времена Достоевского, и во времена Блока. Поэзия Пушкина, как и любое истинное явление литературы, могла «автоматизоваться» только в рамках движения литературной моды, но не по существу. Конечно, в истории можно различить периоды повышения и, напротив, понижения интереса к Пушкину (или другому художнику). Но суть дела от этого не меняется.

Литературу – в отличие от литературной моды – нельзя мерить тем эффектом, который она производит на современников.

В подлинных ее творениях всегда сохраняется объективная художественная ценность, готовая в любой момент ожить для читателей. И именно эта ценность – истинный и главный предмет историко-литературной науки. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и проблему восприятия литературы современниками. Она достаточно существенна. Но эта проблема никак не может заслонить и тем более подменить собой историю литературы как таковую.

Кстати, что касается самой проблемы восприятия, то существует ведь и проблема восприятия литературы вообще (а не только современниками). И она не менее важна.

Нет абсолютно ничего дурного в том, что читатель с волнением и интересом воспринимает «модное» произведение. Но когда восприятие литературы целиком этим ограничивается, эстетическое сознание читателя неизбежно опустошается (о чем и сказано в приведенных выше словах

Блока), ибо он начинает ценить в литературе только модность, воплощенную в чисто внешних приметах тематики и стиля. Он теряет способность отличать великое творение от ремесленной подделки «под моду»; для него становится важна лишь степень «модности».

Необходимо остановиться в связи с этим на еще одном вопросе – вопросе об отношении к моде самих писателей.

Всегда существуют, конечно, чисто «модные» писатели, которые думают лишь о том, чтобы не отстать от моды. Но когда это стремление становится решающим, сам писатель быстро растрчивает себя (ведь его интересует лишь модность как таковая), перестает быть писателем в точном смысле слова и теряет право на место в истории литературы.

Но, в принципе, писателю чрезвычайно трудно вообще избежать давления моды: ведь дело идет о массовом признании его труда, о его воздействии на широкий круг людей, о чем не может не мечтать ни один писатель. Хорошо известно, что Пушкин страдал, когда «вышел» из моды; это отражено в целом ряде его поздних стихотворений и заметок. И все же он не поддавался соблазну добиваться успеха любой ценой.

В 1828 году Пушкин получил письмо от Боратынского, где, в частности, говорилось, что «поэт только в первых, незрелых своих опытах может надеяться на большой успех. За него все молодые люди, находящие в нем почти свои чувства, почти свои мысли...».

Непосредственно подхватывая эту мысль соратника, Пушкин писал позднее²¹: «...лета идут – юный поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются. Песни его уже не те. А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни. Поэт отделяется от их ... и, если изредка еще обнародывает* свои произведения, то встречает холодность, невнимание и

* Выше перечислялись десять великолепных стихотворений Пушкина, созданных им в 1830-х годах. Так вот: ни одно из них он не счел нужным «обнародовать», все они были опубликованы лишь после его гибели. Цензурные условия здесь явно ни при чем.

находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии».

Здесь же Пушкин высоко оценивает позицию Боратынского: «Никогда не старался он малодушно угождать господствующему вкусу и требованиям мгновенной *моды*, никогда не прибегал к шарлатанству, преувеличению для произведения большего эффекта ... он шел своею дорогой» (курсив мой. – В. К.).

Все это, конечно, целиком относится и к самому Пушкину, да и к любому настоящему, большому художнику. Это, разумеется, вовсе не означает, что художник – некий небожитель, обитающий в ином мире, чем читатели. Но настоящий художник имеет в виду все же не потребителя литературной моды, а истинно серьезного и, как нередко говорится, «идеального» читателя. Так, М. Пришвин, будучи «не в моде», верил, что «есть хоть один ценитель моего труда настоящий», к нему писатель и обращал свое творчество.

Из этого, понятно, отнюдь не следует, что писатель творит для немногих и тем более для одного; он творит для всех людей. Но задача его в том, чтобы стремиться пробудить в каждом «настоящего», «идеального» читателя.

Мысли этого рода можно найти в наследии большинства писателей – по крайней мере русских писателей.

Подлинное творчество определяется не стремлением произвести наибольший и наиболее широкий эффект, как полагали опоязовцы, исходя из наблюдений над деятельностью «левых» течений начала века. Несмотря на неизбежную жажду популярности, широкого воздействия на людей, настоящий писатель творит все же для «идеального» читателя. Есть, говорит Пришвин, «мой читатель, кому я пишу и без кого я не мог бы ничего написать ... Сначала ... свой поймет, а он уж потом всем скажет. Мне бы только свой друг понял, свой читатель, как волшебная призма всего мира. Он существует, и я пишу».

Для каждого настоящего читателя (да и для писателя в роли читателя) возвращение в разные периоды жизни или

даже из года в год к Пушкину и Тютчеву, Достоевскому и Толстому, Лескову и Чехову было и остается неизмеримо более глубоким и сильным переживанием – или, если угодно, «эффектом», – нежели приобщение к модным новинкам.

Однако вернемся к нашей основной теме.

* * *

Итак, предметом исследования для опоязовцев была прежде всего история литературной моды – в частности, история борьбы различных литературных школ за влияние, за «модность». Именно анализу литературной борьбы 1810–1820-х годов посвящена, например, наиболее солидная работа Ю. Тынянова «Архаисты и Пушкин», которая даже открывается словами: «Литературная борьба каждой эпохи сложна...»; в этой работе очень мало говорится о произведениях (то есть о литературе).

И если подойти к наследию опоязовцев с этой точки зрения, если не пытаться видеть в их концепциях и конкретных анализах опыт построения истории русской литературы как таковой, – многое предстанет в ином свете.

Во-первых, сразу получают смысл их основные историко-методологические идеи. Ибо по отношению к развитию литературной моды представления об «автоматизации» и «обновлении», о «канонизации младших жанров», об интересе «детей» в литературе не к «отцам», а к «дедам» (типичный «ход» развития моды!) и все другие центральные идеи ОПОЯ-За оказываются, если воспользоваться модным ныне словом, релевантными. Все эти идеи выступают как действенный инструмент изучения истории литературной моды.

Сами общетеоретические основоположения опоязовцев, которые многие критики считали просто вздорными, неожиданно обретают адекватный себе объект. Так, для литературной моды существенны не внутреннее «содержание» и глубинные пласты формы, а внешние признаки тематики и стиля, «модные» темы в их взаимодействии с «модными» приемами.

Восприятие произведения в аспекте моды вполне исчерпывается восприятием того формально понятого «конструктивного принципа» (вспомним, что последний включает в себя не только стилистические, но и тематические моменты), в котором опоязовцы видели существо литературы вообще.

Мне кажется, тот чисто формальный (даже заостренно формальный) подход, который выразился в опоязовской теории, вполне уместен, коли речь идет не о литературе как таковой, а о литературной моде. Ибо восприятие произведения в аспекте чистой «модности» извлекает из него, если угодно, только «сумму приемов». Здесь не может быть и речи о глубиной содержательности (в том числе содержательности формы) или о художественной ценности в ее высшем, никогда не умирающем значении. Что модно, то и ценно – независимо от того, идет ли речь о великом художнике или ловком ремесленнике, уловившем веяние моды.

С другой стороны, мода есть прежде всего «реакция» не на жизнь, а на предшествующую моду, – как и полагали опоязовцы. Правда, в конечном-то счете механизм и этой «реакции» работает не на чисто формальном принципе: «автоматизация» – «обновление», а, видимо, детерминирован более глубокими – социальными – причинами. Но пусть сферу приложения опоязовской методологии внутри теории моды определяют сами теоретики этой последней.

Я же здесь решусь высказать лишь следующие предположения.

Опоязовская концепция – причем взятая в ее цельности – вполне корреспондирует специально «модным» произведениям, беллетристическим поделкам, рассчитанным на мгновенный успех, так же как применима она к чисто развлекательным образцам приключенческой, детективной и тому подобной литературы, имеющей принципиально «игровой» смысл (в этой сфере есть, конечно, и подлинно серьезные явления).

Уместно привести здесь рассуждение М. Бахтина из работы «К вопросам методологии эстетики словесного твор-

чества», где говорится, между прочим, о природе беллетристики, которую автор называет «литературой» (в кавычках). Отметив, что «некоторые формалисты склонны считать “литературу” единственным видом художественного творчества вообще», М. Бахтин пишет далее: «Есть произведения, которые ... не имеют дела с миром, а только со словом “мир” в литературном контексте ... Познавательный-этический момент содержания ... не берется ими из мира познания и этической действительности поступка непосредственно, а из других художественных произведений, или строится по аналогии с ними. Дело, конечно, не в наличии художественных влияний и традиций, которые обязательно имеют место и в самом высшем искусстве; дело во внутреннем отношении к усвоенному содержанию: в тех литературных произведениях, о которых мы говорим, содержание ... усваивается по внешним чисто “литературным” соображениям. Художественная форма не сходится здесь с содержанием в его познавательный-этический весомости лицом к лицу; скорее здесь одно литературное произведение сходится с другим, которому оно подражает или которое оно “остраняет”, на фоне которого оно “ощущается”, как новое».

Опоязовская теория в свое время с подлинной чуткостью ответила на «социальный заказ» эпохи, когда литературная мода впервые стала исключительно широким и мощным явлением.

Я не хочу сказать, что все написанное представителями ОПОЯЗа в 20-х годах целиком относится к проблеме литературной моды – ее теории и истории. В частности, исследуя историю литературной моды, они, разумеется, не могли отвлечься от истории литературы как таковой, они неизбежно захватывали те или иные ее стороны и моменты. И все же основное внимание опоязовцев было сосредоточено на изучении литературной моды.

Тем, кто увидит в этом некое принижение работы высокоталантливых и широко известных исследователей, я повторяю в заключение: в XX веке изучение литературной моды

(которая неотделима, в частности, от феномена «массовой культуры»), право же, достаточно важная задача...

Об эстетике авангардизма в России

Понятие «авангардизм», широко распространенное на Западе (особенно в зарубежной марксистской эстетике), соответствует нашему понятию «левое искусство» – понятию, которое в свое время было очень популярно. Его никак нельзя свести к привычному понятию «модернизм», имеющему, в частности, более широкий и многосторонний смысл: так, модернизм включает в себя разнообразные явления декадентства, новейшие формы «искусства для искусства», различного рода натуралистические тенденции и т.п. Авангардизм, или «левое искусство», – это вполне определенное течение в искусстве и в эстетике.

Природа и судьбы авангардизма изучены недостаточно. И одной из причин этого является, пожалуй, тот факт, что у нас не узаконено самое понятие «авангардизм» (дело здесь, конечно, не в данном термине, который, впрочем, по-своему удачен). В результате вполне определенное явление расплывается, смешивается с принципиально иными тенденциями (например, декадентством), теряет конкретность.

В России авангардизм сложился ранее, чем где-либо, и выразился в таких явлениях первой трети XX века, как футуризм, Пролеткульт, ЛЕФ, Литфронт, различные варианты конструктивизма и т.п., которые так или иначе охватывали области всех искусств: литературы, живописи, театра, архитектуры, кино. В русле авангардизма развивается значительная часть известнейших и влиятельнейших художников того времени. Широко распространяются авангардистские тенденции и в эстетике.

Здесь, впрочем, необходимо сделать весьма существенную оговорку. Крупные художники и теоретики сплошь и рядом «не умещаются» в рамках авангардизма. Кроме того,

благодаря неизученности самой проблематики авангардизма, к нему нередко относят художников, которые примыкали к авангардистским группам случайно, по внеэстетическим, так сказать, причинам. Едва ли, например, можно считать правоверным авангардистом Велимира Хлебникова. О том, что футуризм для него – это прежде всего внешний «ярлык» (как, скажем, и имажинизм для Есенина), проницательные критики говорили еще в начале 1920-х годов*.

Итак, определяя природу авангардизма, мы будем иметь в виду не творчество отдельных крупных художников и теоретиков, но общую тенденцию, которая, хотя и накладывает свою более или менее глубокую печать на это творчество, все-таки редко поглощает его целиком.

Авангардизм тесно связан с революционными переворотами века – переворотами экономическими, социально-политическими, научно-техническими. Но он воплощал в себе не народную и человеческую сущность революций, не разум революций, а их предрассудки, их волюнтаристские «левацкие» и нигилистические тенденции.

Для авангардизма характерны прямое или более сложное (выражающееся, например, в резкой ломке классических художественных форм) отрицание прошлого и его культуры, различные формы дегуманизации искусства и техницизм; в нем причудливо сплетаются анархические и догматические тенденции.

В основе авангардизма лежит в конечном счете упрощенное, обедненное, поверхностное представление о человеке и вульгарное и формалистическое понимание высших сфер человеческого творчества. Человек рассматривается как нечто константное, завершенное, как явление, которое можно разложить, измерить, вычислить и т.д. Последовательный авангардизм исходит, кроме того, из убеждения, что человека, в сущности, очень просто изучить, «развинтить» и пере-

* См. например: Куз мин М. Условности: Статьи об искусстве. Пг., 1923. С. 154–165; В и н о к у р Г. Хлебников // Русский современник. 1924. № 4. С. 222–226.

делать, «переконструировать». Правда, эта сущность авангардизма далеко не всегда выступает в такой обнаженной и воинствующей форме, как, скажем, в приводимых отрывках из известного в свое время сочинения Алексея Гастева¹:

Человечество научилось обрабатывать вещи, –
Наступила пора тщательной обработки человека...
В машине-орудии – все рассчитано и подогнано.
Будем также рассчитывать и живую машину-человека...
Общество – это линии,
По которым быстро ходят автоматы
Технические, мускульные, нервные.

Во всяком случае, это убеждение подспудно живет в авангардистской идеологии.

Те же черты присущи, конечно, и авангардистской эстетике, например работам ОПОЯЗа и ЛЕФа. Формальная и в то же время вульгарная концепция искусства, характерная для этих группировок, основывалась на весьма упрощенном и поверхностном представлении о человеке и его творчестве*. Именно в этом коренились основные пороки подобных течений в эстетике.

Это очень важно подчеркнуть, ибо вопрос об ОПОЯЗе, ЛЕФе и других аналогичных явлениях необычайно запутан. Критика их нередко сводилась к наклеиванию необоснованных идеологических ярлыков; сами же представители данных течений подчас рассматривались как люди, совершенно чуждые или даже враждебные революции. Это неверно. В. Б. Шкловский справедливо свидетельствует, что опоязовцы «были за Октябрь. Борис Кушнер был коммунистом. Евгений Поливанов, Лев Якубинский, Осип Брик стали коммунистами, Юрий Тынянов работал в Коминтерне»** и т.д.

* Многое было обусловлено и элементарным невежеством, как это убедительно показано в книге П. Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении».

** Ш к л о в с к и й Виктор. Жили-были. М., 1964. С. 109.

Участники этих течений не только «были за Октябрь», но и были убеждены в том, что именно они создают новую, революционную эстетику.

Из того факта, что, скажем, В. Б. Шкловский писал в свое время³: «Произведения словесности представляют из себя плетение звуков, артикуляционных приемов и мыслей»; «Искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве не важно» и т.п., можно сделать вывод о крайне обедненном и поверхностном понимании природы искусства, но нельзя вывести какой-либо «враждебности» революции. Ибо эта концепция попросту отождествляет искусство с искусностью, которой исчерпывается, например, «смысл» выступления ловкого, но заурядного жонглера*, примитивнейшего орнамента, элементарного словесного каламбура и т.п.

Правда, из этого, как представляется, можно сделать вывод, что опоязовская концепция рассматривает искусство как явление «безыдейное» и, следовательно, не могущее служить революции. Однако и это не так. В. Б. Шкловский, как и другие опоязовцы, отнюдь не утверждал, что в искусстве нет идей, мыслей, идеологического и непосредственного политического содержания. Просто он считал, что мысль не принадлежит к искусству как таковому, ибо искусство в собственном, точном смысле есть только «деланье вещи», только искусность и мысль, естественно, выступает в нем в качестве «инородного тела». Но это вовсе не означает, что художник не может или не должен поставить себя на службу революции. Напротив, искусство, по мнению Шкловского, может и должно непосредственно служить революции. Если бы это было не так, то невозможно было бы понять, как и почему могли опоязовцы исключительно высоко ценить насквозь революционное искусство Маяковского, Эйзенштейна, Мейерхольда и т.п.

* Это надо подчеркнуть, ибо выдающийся жонглер может подняться и до настоящего искусства.

Один из активных деятелей ОПОЯЗа – О. М. Брик видел практическую задачу школы именно в том, чтобы научить художников «правильно» служить революции. Он писал, в частности: «ОПОЯЗ – лучший воспитатель литературной пролетарской молодежи... ОПОЯЗ поможет товарищам пролетпоэтам преодолеть традиции буржуазной литературы, научно доказав их мертвенность и контрреволюционность ... ОПОЯЗ – могильщик поэтической идеалистики»*.

Однако как же совместить это с пониманием искусства только как своего рода «жонглирования»?

Когда художник просто жонглирует, он выступает экспериментатором, разрабатывающим новые «приемы». Но истинная его задача не в этом. Совершенно ясно, например, что жонглер может подбрасывать определенные предметы, имитируя своими движениями борьбу с врагами революции или героический труд; орнамент может обработать «материал» боевых политических эмблем, каламбур – облечь в искусную действенную форму злободневный революционный лозунг и т.д. Вот такого рода явления и есть последовательное авангардистское искусство, из которого исходит и соответствующая эстетика. Именно в этом духе создавались лефовские агитки, конструкции Татлина, цирковые представления в честь революционных дат и т.п. В журнале «ЛЕФ» (1923, № 1) на этот счет была дана очень точная программа, вроде: «Крученых. Опыт использования жаргонной фонетики для оформления антирелигиозной и политической тем ... Брик. Опыт лаконической прозы на сегодняшнюю тему». «Жаргонная фонетика» и «лаконическая проза» – это «художественный прием», то есть «искусство» как таковое; «антирелигиозная», «политическая», «сегодняшняя» темы – это материал, «мотивировка приема», то есть «идейное содержание». И если для «заумника» А. Е. Крученых «прием» был, очевидно, важнее материа-

* ЛЕФ. 1923. № 1. С. 14, 15. Конечно, можно спорить о том, действительно ли ОПОЯЗ воспитывал в нужном духе «пролетпоэтов», однако с тем же правом можно спорить о «воспитательных» достижениях Пролеткульта, налитпостовцев, РАППа и т.д.

ла, «идеи», то для члена партии и сотрудника ЧК, советского публициста О. М. Брика дело, конечно, обстояло обратным образом. Но суть их «искусства» от этой перестановки не менялась – оно оставалось вульгарным и формалистическим искусством авангардизма.

Совершенно неправильно считать, что подобные вещи «безыдейны»; напротив, в сравнении с классическим искусством (о чем и говорили теоретики авангардизма) они как раз непосредственно, открыто, заостренно, недвусмысленно «идейны». В них дано не только «обнажение приема», но и своего рода «обнажение материала», то есть политического содержания*, для чего, в сущности, и нужны новые приемы. Это совершенно ясно выражено, например, в статье В. Б. Шкловского⁵ о нашумевшем в свое время романе Владимира Бахметьева «Преступление Мартына»: «Ошибка Бахметьева ... в том, что он события большевистской революции, совершенно специфические, пытался оформить старыми традиционными приемами ... Семантическая окраска приема настолько сильна, что она совершенно изменяет направленность материала ...

А в литкружках клубов, библиотек, писательских ассоциаций и школ Мартына изучают как революционный тип. Бессмысленная, вредная работа**.

Итак, суть искусства, с авангардистской точки зрения, состоит в двойном «обнажении» – обнажении и «приема», и «материала» – революционной «идеи». Конечно, не для всего искусства авангарда характерно столь полное и вульгарное «обнажение». Но именно такого рода явления выступают как наиболее последовательное воплощение его эстетических принципов. И что для нас сейчас наиболее важно, именно

* Между прочим, такого рода явления весьма характерны для сегодняшней художественной продукции КНР. Вот описание типичного концерта в Пекине: «Хор девушек пел цитаты из Мао Цзедунa, хореографический кружок танцевал танец по мотивам цитат ... циркачи, маневрируя на одноколесных велосипедах, «кололи» налево и направо деревянными макетами винтовок» (Известия. 1966. 21 ноября. С. 4).

** Литература факта / Под ред. Н. Ф. Чужака. М., 1929. С. 134–135.

понятие о двойном «обнажении» легло в основу авангардистского понимания искусства в целом, в том числе и классического искусства. В той же статье В. Б. Шкловского, например, говорится:

«Л. Н. Толстой писал свою дворянскую агитку “Войну и мир” приемами натуралистической разночинской школы.

В результате вещь дошла не до того читателя, которому она была предназначена. Люди одного класса с Толстым ... обиделись на Толстого».

Здесь обнажается природа авангардистской эстетики. Мне могут заметить, что слово «агитка» употреблено в данном случае ради особого стиля, ради эпатажа, что многие другие опоязовцы так не выразились бы. Однако существо концепции в этом пассаже именно обнажено.

Крайнее упрощение искусства было принципиальным и воинствующим лозунгом авангардизма. Известный в то время «левый» критик М. Ю. Левилов в 1923 году напечатал (правда, «в дискуссионном порядке») статью под названием «Организованное упрощение культуры»*, которую даже неловко ныне цитировать...

Конечно, речь идет о «крайностях» авангардизма. Если обратиться к работам опоязовцев в целом, то мы найдем здесь и иные тенденции. Высокоодаренные исследователи просто не могли втиснуть себя в рамки авангардистских догм. Так, ранние работы Ю. Н. Тынянова о Пушкине или Б. М. Эйхенбаума о Толстом, конечно, несут на себе печать авангардизма, но легко доказать, что очень многое в этих работах противоречит авангардистской доктрине и, в сущности, даже опровергает ее. Как только талантливый литературовед обращался к конкретному художественному явлению, – это явление и талант исследователя, сама его человеческая натура начинали сопротивляться вульгарным и поверхностным догмам.

Однако в общетеоретическом сознании преодолеть данные концепции было очень трудно. И в этом нет ничего уди-

* Красная новь. 1923. № 1. С. 306–318.

вительного: авангардистская эстетика определялась в то время целым рядом **мощных** объективных факторов.

Вот хотя бы некоторые из них: бурное развитие самого авангардистского искусства; пафос техницизма, преклонение перед «конструкцией», которое царило тогда во всех сферах жизни страны, охваченной небывалой разрухой; ситуация грандиозного исторического переворота, который поначалу как бы уничтожил все предшествующее, оборвал связи с веками развивавшейся культурой и создал иллюзию упрощения, выпрямления культуры, сведения ее к элементарным связям и функциям и т.д. В силу всего этого авангардистская эстетика не могла не увлечь многих людей.

Правда, крайние формы этой эстетики к середине 20-х годов уже отходят на второй план, и это очень характерно. Вслед за тем целый ряд ее приверженцев начинает серьезно пересматривать свои взгляды. Это было тем более естественно, что во второй половине 20-х годов появляются работы, которые объективно и глубоко опровергают авангардистскую доктрину*. Конечно, и ранее, и особенно позже не было недостатка в работах, которые обрушивались на эту поверхностную доктрину с не менее поверхностных, вульгарных или даже просто недопустимых позиций (вроде ложных идеологических обвинений) и тем самым крайне затрудняли ее подлинную оценку и критику. Между тем названные работы действительно раскрыли несостоятельность этой доктрины со всей глубиной и убедительностью. Кстати сказать, в них показано и положительное значение авангардистской доктрины (именно доктрины, ибо положительное значение лучших конкретных исследований ее талантливейших приверженцев никогда не подлежало сомнению).

Авангардизм в эстетике (как и в искусстве), отрицая прошлое, сыграл очевидную обновляющую роль. Его значе-

* См.: А с к о л ь д о в С. Форма и содержание в искусстве слова // Литературная мысль. Л., 1925. Вып. 3. С. 305–314; В и н о к у р Г. Культура языка. М., 1925. С. 163–178; Э н г е л ь г а р д т Б. Формальный метод в истории литературы. Л., 1927; М е д в е д е в П. Н. Формальный метод в литературоведении. Л., 1928.

ние очень велико уже в негативном смысле: эстетика проходила стадию своеобразного нигилизма, чтобы создать еще более прочную позитивную основу. Он очень остро поставил, хотя в основном неверно разрешил, целый ряд старых и новых эстетических проблем. Как сказано в одной из работ, самые ошибки ОПОЯЗа, «смелость и последовательность этих ошибок тем более сосредоточивают внимание на поставленных проблемах»*.

Наконец, нельзя забывать и о том, что авангардизм в эстетике (как, разумеется, и в искусстве) – вполне закономерный и существенный этап развития. До сих пор речь шла о его оценке в свете последующей истории и современности. Но мы не можем не признать, что авангардизм явился порождением и выражением целого ряда объективных сторон и процессов современной ему действительности. И с этой точки зрения его вообще нельзя отрицать, а следует изучать его наследие, как это делается в отношении всех других этапов развития эстетики.

Конечно, необходимо при этом ясно сознавать методологическую ущербность авангардистской эстетики – ущербность, которая наиболее отчетливо выразилась в присущем авангардизму разрыве содержания и формы искусства, противопоставлении художественных «приемов» и внехудожественного «материала». Разумеется, это самое общее, самое начальное положение, из которого нужно вынести многогранную и сложную проблематику. Но из него, по-видимому, следует исходить – в этом ключ к делу.

Проблема содержания и формы очень и очень непроста. Необходимо напомнить прежде всего, что само различие содержания и формы в искусстве – сравнительно недавнее явление. В сущности, это различие было впервые произведено лишь в рационалистической эстетике XVIII века и отсюда в более сложном и глубоком понимании перешло в немецкую классическую эстетику.

* М е д в е д е в П. Н. Цит. соч. С. 232.

У теоретиков античности, средневековья, Возрождения, по сути дела, нет разграничения содержания и формы. Они понимают произведение как однородное единство и, анализируя, скажем, ритм, слово, композицию, сюжет, рассматривают их в то же время как всецело содержательные явления. Именно так, например, характеризует трагедию Аристотель.

Различение содержания и формы искусства в XVIII – начале XIX века, как и многие другие аналитические достижения мысли того времени, явилось огромным и необходимым шагом вперед. Но оно таило в себе и большие и неизбежные опасности. В эстетике XIX века мы уже наблюдаем постоянные примеры механического разрыва содержания и формы. Нередко они обусловлены чисто гносеологическими причинами, даже просто слабостью и дурной рассудочностью мысли тех или иных теоретиков. Но у этого «разрывания» есть и более существенные, земные причины, социальные и исторические корни.

Простейший пример: содержание и форма неизбежно разорваны в представлениях людей «лакейского» образа жизни (речь идет, конечно, не о лакействе в частной сфере, но о «лакеях» господствующего класса, власти, государства). Лакей пресмыкается перед хозяином и в то же время презирует его, причем и то и другое становится привычным и искренним проявлением его натуры. И благодаря этому естественно возникает разлад в самой его деятельности: по существу, по содержанию она оказывается прислужничеством, а по форме – пусть даже не прямо, хитро, двусмысленно – выступает как издевательство, как своеобразная месть и самоутверждение. Не случайно так тесно связаны понятия лакейства и хамства (которое остается хамством и, скажем, при нарочитой вежливости). Лакей ведет себя по-хамски для того, дабы доказать окружающим и даже самому себе, что он не лакей, не вполне лакей. Вспомним в этой связи грандиозные образы Смердякова или Яши из «Вишневого сада»...

Прислуживая, лакей оставляет за собой право дразнить, эпатировать хозяина. И это субстанциальное, неотъемлемое

свойство лакея (в отличие, например, от патриархального слуги, который именно служит, а не прислуживается, не лакействует, и делает это отнюдь не ради выгоды, а по естественному долгу). Двойственная природа лакея закономерно порождает в нем представление о разорванности, неорганичности содержания и формы. Содержание предстает как «дело», «служение»; форма – как свободная игра, произвольное самоутверждение. Если форма действия принадлежит его субъекту, автору, то содержание – чуждо ему, создается для кого-то другого.

Конечно, из этого нельзя прямолинейно и непосредственно вывести определенные эстетические принципы. И все-таки от подобной психологии протягивается нить, например, к широко распространенному уже в XIX веке заурядно-либеральному пониманию искусства как явления, в котором, с одной стороны, есть «тенденция», угодная властям предрежащим или публике, а с другой – «живые образы», «красоты стиля» и внешние, по сути дела, формальные оппозиционные, фрондерские мотивы, то есть «свободная игра» автора. Эта либеральная эстетика, естественно, находится за пределами подлинной культуры.

Но пойдем далее. Существенной гносеологической причиной разрыва содержания и формы является односторонне рационалистическая методология, которая с легкостью расчленяет живую цельность общества, человека, художественного организма. И можно с полным правом утверждать, что именно крайний рационализм лежит в основе авангардистской эстетики. Известная опоязовская фраза⁶ о том, как надо подходить к классическим произведениям искусства: «Мы их не развенчиваем, а развинчиваем», – превосходно выражает этот абсолютизированный рационализм.

В этой связи стоит вспомнить статью М. А. Лифшица о модернизме*. В ней затронут значительно более широкий круг явлений, чем те, которые можно отнести к авангардиз-

* См.: Л и ф ш и ц Мих. Почему я не модернист? // Литературная газета. 1966. 8 октября.

му в собственном смысле. Однако даже на основе тех имен и фактов, которые здесь упомянуты, ясно, что автор в значительной мере имеет в виду авангардизм как таковой (он даже употребляет термин «авангард»). В результате получается, что М. Лифшиц ставит авангардизм и иные многообразные типы модернизма в один ряд и стремится дать им общую, единую характеристику. Он говорит о модернизме в целом: «Основная внутренняя цель такого искусства заключается в подавлении сознательности сознания»; модернисты «бежали от разума в темный мир инстинктов ... требовали ... слепого подчинения иррациональному зову» и т.п.

Если это верно по отношению к некоторым модернистским течениям, то к авангардизму как таковому явно неприменимо. Даже в тех случаях, когда авангардисты выступали в защиту иррационализма и бессознательности, они делали это на совершенно рационалистической основе и ради рационалистических целей. В конечном счете они всегда требовали как раз «слепого подчинения рационалистическому зову», или, значительно перефразируя слова автора, подавления целостного сознания (и даже бытия) голой рассудочностью. Это можно доказать бесчисленными примерами.

М. Лифшиц утверждает также, что модернисты презирали стремление «к элементарным основам культуры». Что касается авангардистов, то они, напротив, приветствовали его, но презирали стремление к подлинным высотам культуры, призывая к «организованному упрощению» культуры в целом, к превращению ее в набор плоских рационалистических догм.

Одним из прямых выражений этого и был крайний, небывалый разрыв содержания и формы в искусстве, который великолепно упрощал все проблемы. Кое для кого это, вероятно, прозвучит неожиданно, ибо авангардисты как раз ставили себе в заслугу преодоление дуализма содержания и формы, присущего, мол, старой эстетике. Но такое «преодоление» в действительности было окончательным разрывом, рассечением искусства на «материал» и «прием», органически ничем

друг с другом не связанные. Оно и рождало «художественные принципы» вроде «опыта использования жаргонной фонетики для оформления антирелигиозной и политической тем». Богу – жаргон, кесарю – тему: вот он, авангардистский «идеал» искусства! М. Лифшиц хвалит модернизм за то, что он сыграл «определенную роль в разрушении старой России». Спрашивается, что же именно разрушила подобная эстетика и, кстати, что построила?..

Нельзя сказать, что авангардизм был, так сказать, вообще бесцелен и бесплоден. Так, в присущем ему разрыве содержания и формы отразилась и выразилась реальная разорванность, характерная для бытия и сознания переломной эпохи, точнее, определенных социальных сил эпохи. Однако цель подлинного искусства и подлинной эстетики не в том, чтобы просто выражать разорванность, а в том, чтобы, нисколько не затушевывая противоречий, преодолевать их своей творческой силой. И если авангардизм как таковой останется лишь историческим памятником эпохи, то действительно будут жить только те из попавших в его магнитное поле художников и теоретиков, которые сумели подняться над разорванностью вообще и над разрывом формы и содержания в частности.

Наконец, существует еще один аспект проблемы авангардистской эстетики. Дело в том, что в последнее время достаточно громко раздаются голоса, призывающие воскресить эту эстетику и положить ее в основу современного искусствознания. Сегодняшние попытки воскрешения авангардистской эстетики связаны прежде всего со стремлением создать «научно точную» (даже математическую) методику исследования искусства, что, в свою очередь, обусловлено возникновением кибернетики, теории информации, семиотики и других научных течений, которые, в частности, ищут новые пути анализа различных форм человеческой деятельности. На этой почве сложились тенденции, в некоторых отношениях аналогичные авангардизму: стремление «упростить», свести к элементарным функциям человеческое творчество. Отсюда уже вполне закономерно обращение к авангардистской эстетике. Нередко

можно столкнуться с мнением, что традиции этой эстетики, традиции, условно говоря, «двадцатых годов», и есть главные и наиболее плодотворные для современной эстетики. При этом апологеты авангардизма часто опираются на характерный и нехитрый метод противопоставления наиболее серьезных явлений «левой» эстетики и бездарных сочинений иного толка. Нет сомнения, что «умный» авангардизм, так сказать, «лучше» тех глупых претензий на классику, которые типичны для многих бездарностей в современном искусстве и эстетике. Но это противопоставление бесплодно и фальшиво, ибо бездарность вообще лежит за пределами искусства и эстетики. С ней нет смысла спорить, ее можно только отвергать или игнорировать. Она не лучше и не хуже, она просто не существует как художественный или теоретический факт.

И самое широкое распространение бездарных имитаций классики в искусстве и теории никак не снимает вопроса о борьбе с авангардистскими тенденциями, чуждыми подлинной культуре, враждебными ее человеческой, народной и вселенской глубине.

Выступление на дискуссии «Классика и мы»

В. К о ж и н о в. Готовясь к выступлению здесь, я думал о том, о чем важнее всего говорить. И как-то, знаете, бывает разное психологическое состояние... Сложилось такое благодушное состояние – ну а что, собственно, ведь все сейчас понимают, что такое классика, все ее ценят. А если и бывают какие-то недостатки в этом отношении, то это, может быть, какие-то случайности, недомыслие там и прочее.

Я, вообще говоря, хотел выступить на одну чисто академическую тему. Но, вы знаете, именно в этот момент я начал листать книжку, которую мне прислали в связи с другой дискуссией, дискуссией на тему «Литература и НТР»¹. Есть книжка Бориса Анашенкова², она только что вышла, вот она должна там в другом месте обсуждаться, называ-

ется «Простой сложный человек». И в этой книжке вдруг встречаю фразу, которая когда-то меня страшно возмутила и рассмешила вместе с тем, фразу, как-то еще очень интересно обставленную. Фраза эта принадлежит писателю, как я слышал, довольно популярному, правда, я сам его не читал, то есть что-то читал, но мне это показалось очень примитивным, дальше читать не стал, – писателю Леониду Жуховицкому. Он в «Литературной газете» несколько лет назад, участвуя в какой-то дискуссии, сказал, что каждая вторая десятиклассница чувствует во сто раз богаче, чем пушкинская Татьяна. (Смех.)

Причем в этой книге Анашенкова... Он явно сочувственно, никак не опровергая, это цитирует и, во-вторых, говорит о том, что вот Ярослав Голованов (есть такой известный публицист, часто выступающий на страницах «Комсомольской правды») заявил: «Леонид Жуховицкий ближе всех подошел к истине». С моей точки зрения, эта фраза, тут я, так сказать, просто не могу удержаться, я не побоюсь сказать, – плод чудовищного невежества прежде всего. Потому что, конечно же, пушкинская Татьяна – это грандиозное творение Пушкина, а вовсе не десятиклассница его эпохи. (Шум.) Достоевский в своей знаменитой Пушкинской речи значительную часть посвятил выяснению глубочайшего смысла этого образа, в котором он видел чуть ли не вселенский смысл русской жизни. То же самое – если бы сказать, что каждая вторая десятиклассница современная глубже, интересней, чем Наташа Толстого. Между тем в лучшем нашем сочинении о романе Толстого «Война и мир», принадлежащем Сергею Бочарову³, очень убедительно показано, что Наташа Ростова является центром романа и, в сущности (я, может быть, несколько упрощенно скажу), в сущности, именно в Наташе полнее, ярче и глубже всего воплощено то, почему русский народ победил в этой войне величайшую в истории армию Наполеона. Именно Наташа, если угодно, победила Наполеона, потому что в ней полнее и глубже воплощено то содержание и та стихия, которая противостояла Наполеону.

Тем не менее, оказывается, можно на страницах «Литературной газеты» публиковать подобные развлечения. Оказывается, каждая вторая десятиклассница... Очевидно, изобразив эту десятиклассницу, мы можем приблизиться к Толстому.

Когда-то говорили, что, скажем, в двадцатые годы, в начале тридцатых часто повторялась такая фраза, что современный писатель, овладевший диалектом, он, в этом отношении хотя бы, выше Пушкина и Толстого. Между прочим, это само по себе уже неверно, потому что, как в четырнадцатом году писал Ленин⁴, нельзя понять «Капитала» Маркса, не проштудировав всего Гегеля. Я думаю, не так много было писателей советских, которые всего Гегеля проштудировали. Да, и там Ленин говорит, что, следовательно, за последние пятьдесят лет никто не понял ничего в «Капитале».

Никто из марксистов – он имеет в виду...

Понимаете, вот это уже, так сказать, настораживает, что возможны такие фразы, да еще обставленные всякими сочувственными голосами. Да... Там еще восторженная приводится реплика Вилия Липатова по поводу этого высказывания Жуховицкого, что «парадоксально и требует доказательств». Какие здесь могут быть доказательства! Что можно доказывать по поводу такого невежества?!

Поэтому я думаю все-таки, что все это не так просто и не так безболезненно, как кажется. И я должен сказать, что я думаю, что мы все-таки не понимаем еще, что же такое классика...

Вот сегодня в нескольких выступлениях прозвучала мысль о том, что русские писатели писали, вообще говоря, для будущего, что они вполне современны сейчас, живы⁵. Я бы хотел вот на что обратить внимание. Недавно читал готовящийся к изданию в качестве рецензента том «Истории всемирной литературы», посвященный восемнадцатому веку. И там была глава об испанской литературе⁶. Говорится в ней о том, что вот был пышный расцвет литературы в семнадцатом веке – испанской – Сервантес, Лопе де Вега, Кальдерон,

можно вспомнить и о живописи великой испанской, а в восемнадцатом веке ничего особенного нет в испанской литературе. Это, говорится, потому, что был деспотизм, отсутствие демократии. Ну, между прочим, режим Филиппа Второго и его ближайших преемников не был уж таким деспотическим! Он просто воспет как такое цветение деспотизма, и тем не менее все-таки все это было. Я думаю, дело не в этом. Я думаю, что испанская литература – я просто провожу эту аналогию, чтобы как-то яснее показать, что я хочу сказать о русской... (С места: «Аналогию проводит!..») Да, так вот... Что-что?... (С места: «Передергивать не надо, когда проводишь аналогию!»; «Особенно в присутствии испанистов!»)

Но том еще не вышел. Том еще не вышел. (С места: «Ах, не вышел?!») Так вот, я думаю, что испанская литература в семнадцатом веке выполнила какую-то большую национальную задачу и потом могла и отдохнуть.

Я не хочу сказать, что сейчас нет литературы, но во всяком случае надо понять, что Толстой, Пушкин, Гоголь, Достоевский – это не на свое время, это очень надолго. И, конечно же, живее всего.

И вот сейчас я хочу сказать несколько слов в связи с проблемой, которая здесь вызвала полемику, – проблемой экранизации и инсценировок⁷. Прежде всего, я в сложном положении. Мне, например, по ходу дела нужно высказать свое отрицательное отношение к Мейерхольду, но я боюсь, что по этому поводу могут возникнуть страсти. Вот, скажем, Палиевский сказал что-то не совсем такое восторженное о Мейерхольде⁸, потом Куняев сказал что-то о Багрицком⁹, и тут сейчас же почему-то закричали – давайте уж говорить... так сказать, называть вещи своими именами, об антисемитизме¹⁰. Я заранее хочу сказать, что я с презрением отвергаю ту истерику, которая здесь по этому поводу совершилась.

Да, кстати, ведь при этом как-то не обращается внимание даже на то, что, скажем, Куняев здесь же вполне положительно отзывался о Мандельштаме. Да и вообще, что это за манера?! Откуда, так сказать, это идет?! (Выкрики.)

Да, но почему, почему, если, скажем, Куняев высказался о Багрицком... Вот я скажу, например, что Мейерхольд совершенно открыто, без всякого, так сказать, забрала выступал против русской классики¹¹. Он стремился абсолютно ее в своих постановках... Ну, Господи, да не о чем даже говорить, до такой степени переиначить, что, естественно, никакой классики там, в его «Лесе», например, никакого «Леса», естественно, не оставалось...

Причем это делалось, так сказать, в открытую, я мог бы привести, просто я к этому специально не готовился, но я мог бы привести десятки высказываний Мейерхольда (Выкрики.), где он прямо говорит, что он дает нечто совершенно иное, а не русскую классику. (Шум.) Вот, так что тут даже делал правильно. Но речь, собственно, идет о другом. Я не знаю, я не берусь, если уж так получается, не хочу говорить о всех режиссерах, о всех их национальностях, очевидно уж такой... так ставится вопрос, что если уж критикуется режиссер – причем я даже не знаю, ну вот тут, например, всплыл вопрос о Татлине¹² (Выкрики.), и мне хочется спросить заранее – кто Татлин: русский или еврей?

(С места: «А зачем же это надо?») Выкрики, шум.)

Е. Сидоров. Вадим Валерьянович! Можно в... (Шум.) Во-первых, никто в этом зале истерики по поводу антисемитизма не поднимал! Этого не было! (Аплодисменты.)

В. Кожин. Нет, было! Нет, было!

Более того, более того, я прямо должен сказать, я склонен думать, что та записка, которая была здесь получена и зачем-то зачитана (Шум.), написана совершенно в провокационных целях. Я убежден в этом. Тут говорили... (Шум, аплодисменты.) Тут говорили о... Я не верю, я не верю тому, что это написал человек, который хотел выразить свою, так сказать, какую-то антисемитскую позицию.

Ф. Кузнецов. Я прошу...

В. Кожин. Он именно хотел возбудить страсти!

Ф. Кузнецов. Я прошу вернуться к теме дискуссии.

В. Кожин. А вот...

Ф. Кузнецов. Минуточку! Очень хорошо сказал Золотусский о том, что будем достойны той темы, которую мы сегодня обсуждаем¹³.

В. Кожин. Правильно, я о том же...

Ф. Кузнецов. И не нужно опускаться, я бы сказал, до мелких неразрешимых страстей.

В. Кожин. Правильно, но я...

Ф. Кузнецов. Слава Богу, мы ушли от этого и перешли к нормальному профессиональному разговору...

В. Кожин. Совершенно верно, Феликс, но не я же...

Ф. Кузнецов. Зачем же возвращаться...

В. Кожин. Не я же эти страсти возбудил...

Ф. Кузнецов. Что значит «не я же»?

В. Кожин. Но я действительно свое... (Шум.)

Ф. Кузнецов. Я прошу перевести разговор в русло литературы, а по другим вопросам ты объяснишься... Вот сейчас придрался, понимаешь... (Шум, выкрики.)

В. Кожин. Все правильно, так нет, я про то и говорю...

Ф. Кузнецов. А ты свое... (Выкрики.)

В. Кожин. А чего – «свое»? (Шум, крики.) Ну, знаешь, это делает... и вообще давно, давно пора все выяснить... Это делает невозможным всякое серьезное обсуждение...

Ф. Кузнецов. Золотусский сказал...

В. Кожин. Подожди! Золотусский, по-моему, здесь неточно выразился, когда сказал о схватке мелких страстей. По-моему, было два выступления, вполне серьезных.

Ф. Кузнецов. Вот именно...

В. Кожин. Ну, допустим, допустим, можно спорить, скажем, со Станиславом Куняевым, можно представить какую-то другую точку зрения на поэзию Багрицкого. Он высказал точку зрения на Багрицкого. Мелкие страсти начались после этого, прошу прощения. (Аплодисменты.) Я хорошо знаю Куняева, я много лет его знаю¹⁴ (Выкрики.), и я не вижу оснований подозревать его в тех мелких страстях, которые ему были инкриминированы! И я тоже не хочу, чтоб кто-то... Я не позволю никому подозревать меня в этих страстях. Я ничем, ни-

чем, так сказать, пока этого не заслужил. Вот... А я просто хочу очистить атмосферу (Выкрики.) действительно от безобразной истерики (Шум.), которая мешает настоящему серьезному разговору! Вот о чем идет речь.

Так вот, я хочу выразить свою точку зрения на все эти, так сказать, инсценировки. Возможно, что я плохо знаю историю Художественного театра, но все-таки я осмелюсь утверждать... или Малого театра, этих главных наших театров. Я осмелюсь утверждать, что за редчайшими исключениями, продиктованными каждый раз какой-то особенной причиной, никогда ни тот, ни другой театр не прибегали к модернизации пьес русской классики. И я убежден в том, там я не знаю, какой национальности режиссеры это делают, но я убежден, что в подавляющем большинстве случаев (Шум.), в подавляющем большинстве случаев, как ни прискорбно это отметить, всякого рода модернизации объясняются не чем иным, как стремлением к дешевой рекламе. Потому что... Возможно, есть и какие-то другие побуждения. Дело в том, что если пьесу... Если пьесу классика посредственно поставить, посредственно, то есть не достигая, конечно, уровня классики, посредственно поставить, так, как она написана, о пьесе говорить никто не будет. А если в ней так называемые новации... Достаточно посмотреть любую рецензию на любой спектакль, в центре всего идет новация. «Ах, режиссер смело там-то, то-то и то-то сделал!» Причем действительно, в подавляющем большинстве наших спектаклей по классике, если бы не было вот этих самых новаций, о них бы, действительно, и сказать-то было нечего. Ну, что такой средний, заурядный уровень, пьеса, так сказать, перешла на сцену. Только и всего. И я вообще не понимаю... Я – мне представляется в высшей степени просто недопустимым вообще само это стремление – что-то добавлять и что-то переиначивать. Почему, собственно? Я убежден, что любой классик гораздо более жив сегодня, чем подавляющее большинство современных писателей. Я убежден в этом. И совершенно не нужно что-то, так сказать, в него вносить. Дай Бог нам в какой-то мере донести то, что нам оставлено, то, что нам завещано.

И когда здесь говорят на это, что «идите домой и читайте»¹⁵, – это совершенно неверно. По-настоящему пьеса живет в исполнении. И я не вижу выше задачи для режиссеров, выше и прекраснее, как действительно на своей сцене заставить ожить классику, оживить ее в другом искусстве. Почему нужно к этому что-то добавлять, я совершенно не понимаю. И как бы меня ни убеждали в обратном, я вижу в этом либо стремление к рекламе, либо какие-то уже совсем, так сказать, нехорошие цели, то есть попытку переиначить классика, заставить его звучать так, как он никогда не собирался прозвучать. (С места: «Вадим Валерианович, в театры не ходишь!») Ну?.. (С места: «Ты же не ходишь в театры!» Смех, аплодисменты.) Я могу... (С места: «Ну скажи честно об этом!..»)

Я могу сказать честно, что моя жена обожает Островского. И как-то она взяла и пошла... (Смех.) И пошла на пьесу... Не знаю, я не интересовался, кто ее ставил... Пошла на пьесу в Театре на Малой Бронной¹⁶. После второго антракта она пришла, причем до дома все-таки идти минут пятнадцать... У нее еще были на глазах слезы. (Выкрики. С места: «Слезы – от чего?») Слезы, конечно, не от спектакля, а от того, что такое безобразие сотворили с ее любимой пьесой. (Шум, крики.) Ну, я вижу...

Е. С и д о р о в. Товарищи, я прошу вести себя корректно, мы договаривались об этом! Не разжигайте, пожалуйста, страсти! Я к вам обращаюсь!.. (Шум.)

В. К о ж и н о в. Ну, все очень засиделись, даже если у меня не истек срок, я на этом заканчиваю. (Аплодисменты.)

Внимание: литература США сегодня.

Достижения и просчеты советской американистики

Как я постараюсь показать, нынешнее положение в литературе Соединенных Штатов Америки в самом деле заставляет нас внимательно взглядеться и задуматься...

Журнал «Москва», казалось бы, не так уж давно знакомил своих читателей с состоянием американской литературы: на его страницах были опубликованы статьи Г. Л. Дьяконова «Литература “освобождения” или литература непристойности?» (№ 11 за 1974 г.) и «Постмодернизм: миф о “новом художественном мышлении”» (№ 8 за 1975 г.).

Однако начиная именно с середины 1970-х годов литературная ситуация в США резко и поистине стремительно (как это, впрочем, бывает в наше время нередко) изменилась. Этот решительный поворот отметили так или иначе едва ли не все советские специалисты по современной литературе и – шире – культуре США. В текущем году Институт Соединенных Штатов и Канады Академии наук СССР выпустил в свет обобщающий коллективный труд «Американская художественная культура в социально-политическом контексте 70-х годов XX века» (ответственные редакторы А. С. Мулярчик и В. П. Шестаков. М.: Наука, 1982; книга издана, к сожалению, мизерным тиражом¹). Опираясь на этот труд и на другие работы советских американистов, я попытаюсь обрисовать то резкое изменение литературной ситуации, которое совершилось в США в течение второй половины 70-х годов.

1

Начать придется с очень краткой – и потому неизбежно чисто схематической – предыстории. С середины 1950-х годов на первый план литературы США выдвигаются, все нарастая и расширяясь, явления, которые более или менее удачно выражает и объединяет понятие *п о с т м о д е р н и з м*. Каждый, кто знаком с общим движением литературы XX века, имеет представление о модернизме, бурно развивавшемся в первой четверти нашего столетия. На рубеже 20–30-х годов модернизм явно сдает свои позиции, и притом с особенной очевидностью – именно в Америке. Во второй четверти XX века лицо литературы США всецело определяют такие художники, как Шервуд Андерсон, Роберт Фрост, Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Томас

Вулф, Уильям Фолкнер, Эрнест Хемингуэй, Джон Стейнбек, Эрскин Колдуэлл. Эти художники в той или иной степени не избежали воздействия модернистских веяний, но тем не менее их творческая деятельность в самой своей основе являла собою развитие классических традиций искусства слова. Именно эти художники выдвинули американское искусство слова на одно из самых первых мест в мировой литературе XX века.

Однако с середины 1950-х годов, когда пятеро из названных американских классиков нашего века еще продолжали плодотворно работать, начинается чрезвычайно активное наступление литературных тенденций, предстающих как новое и притом выражающееся в крайних, подчас агрессивных, формах издание модернизма, т.е., согласно распространенному ныне понятию, *постмодернизм* (его называют также «неоавангардом»).

В его основе лежит в конечном счете идея полной бессмысленности, абсурдности всего человеческого бытия и прежде всего – созданной людьми культуры; отсюда проистекает обозначение наиболее заостренных выражений постмодернизма словом «контркультура» (одним из главных теоретиков контркультуры был небезызвестный Герберт Маркузе).

Правда, литература постмодернизма имела весьма различные, иногда вообще кажущиеся несовместимыми проявления – от изломанного, деформированного, словом, типично авангардистского стиля так называемых битников (Аллен Гинзберг, Джек Керуак, Лоуренс Ферлингетти* и т.п.) и представителей школы, которую обозначают термином «черный юмор» (писатели типа Курта Воннегута), до умеренной, подчас даже вполне «реалистической» манеры (Джером Дэвид Сэлинджер, Джон Апдайк и т.п.). Но в глубоком смысле эти разнородные литературные явления едины в своем *отрицании* (более или менее очевидном и заостренном) всех подлинных, устойчивых, плодотворных *ценностей* человеческого бытия.

* Поскольку статья обращена к широкому читателю, здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, будут называться имена только тех писателей США, чьи сочинения опубликованы в русском переводе.

Советский американист Н. Анастасьев, с большой симпатией относящийся к Апдайку, все же написал о нем так²: «В последнем его романе “Месяц отдыха” атмосфера бездуховного быта, где порваны всякие человеческие связи, где люди бессильны найти общий язык... нет... и намек на драму человеческой души... Перед нами мнимая жизнь, мнимые люди... Роман Апдайка кажется предельным усилием всей той литературы, что имеет своим центром “массового человека”»*.

Постмодернистская литература так или иначе сводилась к двум вариантам: она либо преподносила читателю чисто индивидуалистический и заведомо абсурдный** бунт разного рода «интеллектуалов» и отщепенцев, либо стремилась убедить его в абсолютной бездуховности, «мнимости», пустоте «простых людей», то есть людей народа в широком смысле этого понятия.

В 1980 году, когда поворот в литературе США стал уже вполне очевиден, тот же Н. Анастасьев с достаточной четкостью определил³ характер постмодернизма конца 50-х – начала 70-х годов в целом: «Берутся различные положения, возникают различные персонажи, выстраиваются многообразные стилистические ряды – от гротеска до бытописательства, – но итог в любом случае получается один и тот же: жизнь – безлюдная пустыня, на смену идеалам духа пришла мораль безудержного потребления, индивидуальное переживание утратило смысл» (ВЛ, 1980. № 4. С. 137).

Жизнь представляла в литературе постмодернизма полнотой лишенной истинных ценностей – ценностей социальных, нравственных, культурных, ценностей истории и повседневного быта, ценностей национальных и общечеловеческих...

Единственная реальность бытия, которую «признавал» постмодернизм, – это биологические (точнее, физиологические) и чисто психологические, прежде всего подсознатель-

* Вопросы литературы». 1976. № 5. С. 141. Далее в тексте – ВЛ.

** Именно «двойная» абсурдность присуща крайним образчикам постмодернизма: абсурдный бунт против абсурдного же мира.

ные, импульсы и состояния, начисто лишенные не только связи с какой-либо органической общностью людей, но и подлинно личностной сути. Именно об этом постоянно говорил или, вернее будет сказать, кричал писатель, который явился своего рода центральной фигурой постмодернизма конца 50-х – начала 70-х годов, – Норман Мейлер⁴, необычайно плодовитый автор, издавший десятки сочинений самых разных сортов – беллетристических и документальных, литературно-критических и идеологических (которые, впрочем, были посвящены главным образом борьбе против любой идеологии).

Видный английский писатель Энтони Берджес не без едкости писал⁵ в 1978 году: «Никому не заказано изображать распад цивилизации – но лишь с точки зрения такого героя, который твердо придерживается ценностей, собственно, и лежащих в основе романа как художественной формы. Необходимо самому сохранить человечность, чтобы выступать в качестве свидетеля конца человечества... Американские писатели не считаются с этим условием, и в их книгах вообще нет ничего гуманного. Здесь нагромождение трупов и пикантных сцен, здесь пальба и схватки из-за власти и денег, здесь все, кроме – ах, устаревший Достоевский! – души»*. Берджес, безусловно, прав в отношении наиболее разрекламированных в 1960-х – начале 1970-х годов романов. Но вместе с тем его обвинение явно запоздало. К 1978 году в США не только вспомнили, но и достаточно громко заговорили о человеческих и национальных ценностях.

Будет, я думаю, вполне уместно сослаться здесь на новейшие свидетельства ряда ведущих (и притом различающихся по своей позиции) специалистов в области современной литературы США, которые, как говорится, по долгу службы внимательно следят за движением этой литературы.

К 1976 году относит американист Александр Мулярчик⁶ тот решающий момент развития, когда перед широкой общественностью США, по его словам, «явилась внезапно познанная истина, что контркультура как действенный

* См.: Иностранная литература. 1979. № 5. С. 212. Далее в тексте – ИЛ.

фактор духовной жизни США, по сути дела, принадлежит прошлому. В середине 70-х годов эпитафии контркультуре исходили даже со стороны ее некогда яростных поборников и первооткрывателей... Мощной тенденцией в духовной жизни США середины и второй половины 70-х годов, – продолжает исследователь, – стало “обращение к корням”, поиски ответа на волнующие нацию вопросы через апелляцию к ее истории...*

Ростки нового мироощущения... были подмечены теми деятелями американской культуры, которым дорого моральное здоровье нации... В поисках “духовного стержня” демократическая Америка вновь открывает для себя значение “высокой” культуры, ценностей, заключенных в подлинном искусстве и литературе... Принятие демократической творческой интеллигенцией США главного критерия гражданского подхода – ответственности перед своим народом и эпохой, – заключает А. Мулярчик, – способствует твердости нравственных суждений, ощущению прочной почвы под ногами**.

О том же говорит американист-культуролог В. Шестаков⁷: «Для американской культуры последнего десятилетия характерен повышенный интерес к проблемам нравственных ценностей и идеалов... как составной части американской духовной культуры»***. О разных проявлениях постмодернизма В. Шестаков пишет так: «К середине прошлого десятилетия (т.е. 70-х годов. – В. К.) волна этих движений... схлынула... Ушла в прошлое и контркультура, проповедующая авангардизм» (ВЛ, 1981. № 7. С. 114).

К середине 70-х годов в литературе США с нарастающей остротой «ощущалась потребность в идеале, который мог бы быть противопоставлен пропагандистской трескотне,

* А. Мулярчик приводит, в частности, лозунг современного поэта Джеймса Дикки: «Укрепление во всех нас чувства национальной гордости и ощущения принадлежности к давней исторической традиции».

** Американская художественная культура в социально-политическом контексте 70-х годов XX века. М.: Наука, 1982. С. 28, 29, 41, 42.

*** Там же. С. 43.

с одной стороны, всеобщему унынию и духовному упадку – с другой, – констатирует Н. Анастасьев. – Эта потребность возникала в самых разных общественных слоях, в том числе и среди тех, кто совсем недавно еще категорически отвергал любые ценности... Восстанавливаются в своем высоком значении такие понятия, как традиция, культура, мораль... В художественном сознании нации возрождается интерес к понятию, столь жестоко осмеянному теоретиками контркультуры, к стержневому по существу понятию национальной истории – американской мечте...

Вера в неиссякаемые силы народа, – говорит далее Н. Анастасьев, – порождает то ощущение исторического пространства, которое испытываешь, читая американскую классику... Литература авангарда, – резюмирует исследователь, – не имеет уже ныне того значения, на которое претендовала вчера. Книги... в которых еще столь недавно было принято видеть пророческие откровения и смелый вызов существующим нормам морали, теперь стремительно утрачивают авторитет не только в читательском, но и в критическом сознании» (ВЛ, 1980. № 4. С. 139–142, 165).

Писателя, в творчестве которого Н. Анастасьев, как, впрочем, и многие другие американисты, видит ярчайшее и наиболее глубокое воплощение нового этапа в литературе США, зовут Джон Гарднер. Анастасьев говорит о его романе «Октябрьский свет»⁸ (1976, русский перевод «Осенний свет» – 1981):

«Писатель стремится восстановить распавшуюся связь времен, отыскать и в настоящем нечто такое, прочное и неизблемое, что способно противостоять любому давлению извне... Носителем подобной укорененной жизненной силы выступает в романе старый фермер Джеймс Пейдж. Не сконструированная фигура, не гордый бестелесный дух добра и высокой морали – человек во плоти, пропахший потом и землей, привыкший иметь дело с конкретными, осязаемыми предметами: с пашней, стогом сена, загоном, где пасется домашний скот. По собственным словам, ему надо постоянно

ощущать “земное притяжение жизни”. С такими людьми, – заключает Анастасьев, – давно не приходилось встречаться в западной литературе... Гарднер восстанавливает в правах, более того, поэтизирует ценности» (ВЛ, 1980. № 4. С. 143, 149).

Другой американист, А. Зверев, пишет о том же романе Джона Гарднера⁹: «Как ни драматичны многие страницы “Октябрьского света”, остаются ценности, для Гарднера воистину непреходящие. Это подлинность убеждений, цельность человеческих индивидуальностей и жажда жить в согласии с правдой... “глубинная” Америка, которую Гарднер менее всего стремится приукрашивать, но тем не менее считает последней цитаделью действительно гуманных и разумных начал американской жизни, еще не подвергшихся девальвации». Решая же вопрос о состоянии современной литературы в США в целом, А. Зверев говорит: «В литературе укрепляется реализм. Пережив за 60-е годы столько нападков... он вновь доказывает свою незаменимость»*.

И, как утверждает тот же автор в другой статье¹⁰, «может быть, самое главное... в том, что понятия ответственности и этики искусства вновь сделались основными понятиями в критических дискуссиях и литературных спорах. Почти забытые в 70-е годы, они становятся первостепенными на исходе этого трудного для Америки десятилетия... Явление глубоко знаменательное и, возможно, предвещающее такой перелом в духовной и художественной жизни, когда разговоры о моральном поражении американской литературы и в самом деле утратят под собой почву» (ИЛ, 1979. № 5. С. 214).

Можно было бы привести еще множество такого рода определений и оценок современной литературной ситуации в США, но, надо думать, представления американистов об этой ситуации достаточно ясны и из приведенных высказываний. Со многим из того, что в них содержится, нельзя не согласиться. Но в тех или иных из приведенных высказываний проступает тенденция, вызывающая самые решительные возражения.

* Литературное обозрение. 1979. № 3. С. 38, 40. Далее в тексте – ЛО.

Вот хотя бы последняя из процитированных фраз А. Зверева – о «моральном поражении американской литературы» (имеется в виду развитие литературы с середины 50-х до середины 70-х годов). Речь должна была бы идти о «поражении» всецело аморального постмодернизма, или, иначе, неоавангарда, контркультуры, но отнюдь не американской литературы, то есть искусства слова американского народа*. Сам А. Зверев здесь же замечает, что в «Октябрьском свете» Джона Гарднера изображена та жизнь «глубинной» Америки, которую «многие современные американские писатели» воспринимают «язвительно, чтобы не сказать с отвращением» (ЛО, 1979. № 3. С. 38).

Речь идет, понятно, о писателях постмодернизма, у которых подлинные ценности жизни американского народа в самом деле вызывали только брезгливую язвительность или прямое отвращение; но в ответ на это вполне естественным будет возразить, что данные писатели и не принадлежат к настоящей американской литературе. Они не принадлежат к ней, кстати сказать, не только потому, что были не способны усвоить и выразить в своих книгах истинные ценности американского народа, но и потому, что их сочинения – это не искусство слова в высоком смысле, но всего-навсего постмодернистская беллетристика, лишенная творческой глубины и мощи.

И действительный смысл того, что происходило в литературной жизни США в течение второй половины 50-х – первой половине 70-х годов, заключается в непомерном раздувании, превозношении, рекламировании этой «авангардной» беллетристики, надолго как бы заслонившей и оттеснившей в сторону подлинную американскую литературу, а вовсе не о каком-то «поражении» самой этой литературы как таковой.

«Механизм», с помощью которого можно чему-то вполне заурядному придать (притом в глазах множества людей)

* Правда, о «моральном поражении» говорил сам Джон Гарднер, но одно дело беспощадная самокритика страстного ревнителя национальной культуры, и совсем иное – объективная характеристика процесса, которую стремится дать А. Зверев.

видимость некоей глубины и силы, этот механизм достаточно сложен. Но он был блестяще разоблачен видным американским публицистом Томом Вулфом (Томас Кеннерли Вулф, р. 1931) в книге «Раскрашенное слово» (1975). В этой книге со всей убедительностью рассказано о том, как абстракционизм (о котором ныне вспоминают только разве иронически) был «превращен» чуть ли не в великую эпоху развития живописи. Том Вулф неопровержимо доказывает, что абстрактная живопись — это чистое порождение рекламы. Я отсылаю читателя к этой чрезвычайно поучительной книге, показывающей, каким образом возможно из эстетической мухи сделать слона (см. достаточно представительные фрагменты из книги Вулфа в майском номере «Иностранной литературы» за 1976 г.).

Выше цитировались слова Н. Анастасьева о «творениях» неоавангардистской литературы, «в которых, — как он говорит, — еще столь недавно было принято видеть пророческие откровения и смелый вызов». К великому сожалению, так «было принято видеть» не только в США, но и в значительной мере среди американистов нашей страны. И особенно печально, что трезвые голоса доходили подчас к нам из самой Америки, но этим голосам не очень внимали.

Еще в 1967 году широко известный американский критик и литературовед Максвелл Гайсмар, выступая на страницах журнала «Иностранная литература», характеризовал¹¹ Джона Апдайка, Джерома Сэлинджера, Филипа Рота и других как писателей, «овладевших секретами психологизма и тайнами своего ремесла, но в то же время обладающих узкими представлениями и сугубо литературным восприятием жизни». Гайсмар открыто сетовал на то, что этот круг «довольно посредственных литераторов» вызвал «большой интерес и в Советском Союзе».

Еще более резко отзывался Гайсмар о Нормане Мейлере, который в своих сочинениях составляет, по определению Гайсмара, «странную мозаику из сексуальных извращений... Антикоммунизм Мейлера лишает его социальную критику историч-

ности и глубины, к тому же, чтобы стать крупным прозаиком, ему недостает знания людей. Последний роман Мейлера “Американская мечта” (1965) написан поспешно и непродуманно, в нем чувствуется авторское самолюбование, местами книга напоминает бред параноика» (ИЛ. 1967. № 12. С. 206, 207).

Ныне в американской критике популярно определение «параноидальный сюрреализм», которое относят помимо Мейлера к значительной части писателей, шумно разрекламированных в 60-е годы. Но не менее важно обратить внимание и на слова Максуэлла Гайсмара о «с у г у б о л и т е р а т у р н о м восприятии жизни», характерном для Апдайка, Сэлинджера и др. Их книги были не столько освоением подлинной жизни американского народа, сколько иллюстрациями к пресловутой литературно-эстетической теории «отчуждения». Именно это и имел в виду Гайсмар.

Однако такие здравомыслящие голоса совершенно заглушались в США (вплоть до середины 70-х годов) безудержным рекламированием названных Гайсмаром и подобных им авторов. И надо прямо сказать, что значительная часть американистов в нашей стране поддалась магическому «п р и н я т о видеть», то есть видеть совершенно мнимые «пророческие откровения» в претенциозных и попросту заурыдных сочинениях.

Я уже отметил, что определенная часть приведенных выше высказываний американистов вызывает прямое несогласие. Вот, к примеру, Н. Анастасьев в 1976 году утверждал¹²: «“Вернет ли Америка душу?” Слова эти, услышанные мною полгода назад во время поездки по Соединенным Штатам, звучали знакомо... У Америки сегодня много проблем... Но наибольшее, постоянное волнение вызывает все же утрата идеалов, распад духовных ценностей... Грубая формула движения американской литературы за последние, скажем, двадцать лет могла бы, наверное, как раз так и быть выражена: Америка утратила душу» (ИЛ. 1976. № 5. С. 271).

За последние двадцать лет – то есть с 1956 года. Это верно только лишь в том отношении, что именно в 1956 году

начали свой шабаш главари «битников» Гинзберг и Керуак¹³, как раз и заложившие основу постмодернизма и контркультуры. Но совершенно нелепо было бы сводить американскую литературу 1956–1976 годов к битникам и их продолжателям, имеющим очень мало общего с «душой» Америки.

Вот самый краткий перечень подлинных и – в значительной своей части – подлинно выдающихся явлений американской литературы именно этих двух десятилетий – с 1956 по 1976 год*: романы Уильяма Фолкнера «Город» (1957), «Особняк» (1959), «Похитители» (1962), поэтическая книга Роберта Фроста «На вырубке» (1962), книги Эрскина Колдуэлла «Дженни» (1961), «Ближе к дому» (1962), «Глухой Юг» (1968), «Убежище в непогоду» (1970) и т.д.; книги Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей» (1961) и «Путешествие с Чарли в поисках Америки» (1962). Далее, необходимо назвать произведения выдающихся художников, принадлежащих к тому же поколению, что и перечисленные, но достигших новых вершин именно в 1960–1970-х годах. Это «Пещера» (1959), «Дебри» (1961), «Приди в зеленый дол...» (1971), «Куда мы возвращаемся» (1974) Роберта Пенна Уоррена (р. 1905) и «День восьмой» (1967), «Теофил Норт» (1973) Торнтона Уайлдера (1897–1975).

Именно от этих художников принял эстафету подлинной американской литературы крупнейший представитель младшего поколения Джон Гарднер (р. 1933), о котором мы говорили выше и который вступил на трудный писательский путь еще в самом начале 60-х годов. «Промежуточное» поколение между поколениями Уоррена и Гарднера представляет, скажем, Джон Чивер (1912–1982) с его романами «Семейная хроника Уопшотов» (1957), «Скандал в семействе Уопшотов» (1964), «Буллет-Парк» (1969) – писатель менее значительный, чем названные выше, но упорно стремившийся идти по их дороге.

Все эти писатели (а здесь названы лишь те, чьи книги, слава Богу, изданы в русском переводе) в отличие от пост-

* Большинство названных ниже произведений изданы на русском языке, правда, нередко с большим опозданием.

модернистов, от всех этих керуаков, гинзбергов, мейлеров, отнюдь не «утратили» подлинную душу Америки, ее народные и личностные ценности, ее своеобразную культуру. Вся драма американской литературы заключается, в сущности, лишь в том, что гигантский механизм прессы и рекламы сумел на двадцать лет оттеснить на второй план, а отчасти и прямо-таки заглушить истинных выразителей души Америки*. Только с середины 70-х годов в США началась настоящая борьба с целью, как определяет ее Александр Мулярчик¹⁵, «сокрушить бастионы, возведенные концентрирующей в основном в Нью-Йорке группировкой литераторов, издавна претендовавших на роль законодателей эстетических и идейно-политических симпатий», группировкой, или, как она здесь же называется, «семейкой», «литературной мафией»**, находящейся в тесных взаимоотношениях с «оснащенными компьютерами и фотонабором издательскими фирмами». Заключительная часть цитируемой статьи А. Мулярчика звучит оптимистически:

«Нынешняя ситуация в литературе Соединенных Штатов дает не так уж мало поводов для констатации не просто активного, но и покоящегося на здоровом этическом основании вторжения искусства в жизнь общества. В этой связи можно сослаться на книги Р. П. Уоррена, Дж. Чивера, Ю. Уэл-

* Нельзя не отметить, что журнал «Москва» на всем протяжении 1960–1970-х годов публиковал на своих страницах образцы подлинной литературы США¹⁴. За это время в журнале появились одна повесть и два рассказа Фолкнера, два романа Колдуэлла, повесть Стейнбека, роман Хемингуэя и, что особенно важно, роман Уоррена «Приди в зеленый дол...».

** Автор содержательной работы «“Интеллектуальные журналы” в культурной жизни США» В. Л. Шохина пишет, в частности, что в середине 1970-х годов «критик и эссеист Ричард Костеланец... прямо сравнил “литературный истеблишмент” США с четкой структурной организацией Коза Ностры, состоящей из центра, или “ядра” (главные теоретики, организаторы и “властители дум”), окруженного внутренним, средним и внешним слоями, с соответствующими близости к “ядру” степенями получения прибылей и родами деятельности... “Сообщество” превратилось в профессиональный бизнес. И хотя, как в настоящей мафии, в нем порой возникали серьезные раздоры, их перекрывала коллективная заинтересованность» (Американская художественная культура... С. 241).

ти, Дж. Гарднера, Дж. К. Оутс, Т. Моррисон... Требования деятельного гуманизма и подлинной нравственности, вырастающие из трезвого анализа далекой и недавней истории... находят выражение в творчестве каждого обеспокоенного будущим своей страны и всего человечества писателя». Вокруг идейной позиции этих писателей, утверждает А. Мулярчик, «еще не сложилось... очередной “семейки”» (ИЛ. 1982. № 5. С. 207). Вот здесь исследователь, на мой взгляд, ошибается: такая «семейка», или, точнее, «мафия», уже сложилась. Но об этом речь пойдет ниже.

Борьба за подлинную литературу Америки настолько остра, что крупнейшие художники вынуждены выступать с поистине боевыми публицистическими книгами об искусстве слова. Роберт Пенн Уоррен издал в 1975 году книгу «Демократия и поэзия», Джон Гарднер – «О нравственном значении литературы» (1978). Обе книги непримиримо отвергают постмодернизм*. Книги эти с особенной наглядностью свидетельствуют о том, что Америка вовсе не «утратила душу»...

Впрочем, ныне даже те, кто еще совсем недавно склонен был не видеть коренного различия между настоящей американской литературой и постмодернизмом, представляющим собою, в сущности, только искусственный нарост на этой литературе, быстро изменили свою точку зрения.

Некоторым наблюдателям, скажем, в 1970-м году еще казалось, что постмодернизм и есть американская литература; через пять лет, в связи с начавшимся в США «разоблачением» постмодернизма, этим наблюдателям представилось, что Америка-де утратила душу и довольствуется бездушной пустотой постмодернизма. А к 1980 году наблюдатели эти как бы даже неожиданно обнаружили, что американская литература все же существует...

Так, например, Н. Анастасьев, который в середине 70-х полагал, что Америка утратила душу, в 1981 году, в предисло-

* См. фрагменты из этих книг в антология «Писатели США о литературе». Составитель А. Н. Николюкин. М.: Прогресс, 1982. Т. 2. С. 347–362, 388–398.

вии к первой книге Торнтона Уайлдера, изданной, наконец (!), на русском языке, пишет о его романах «День восьмой» и «Теофил Норт», созданных именно в период безраздельного «господства» постмодернизма:

«В “Дне восьмом”... перед читателем проходят два поколения семей Эшли и Лансингов, и даже брошен взгляд в прошлое – обнажены корни... Сделано это с единственной целью – показать, как... являются на свет такие вот люди, как Эшли... люди, которых никто не замечает (точнее, не замечает литература постмодернизма. – В. К.), но чьим упорством, волей, а главное – верой, жив мир». Критик утверждает, что Торнтон Уайлдер «безусловно верит в индивидуальное совершенство личности, во всеобъемлющую силу высокой духовности», сопоставляет его творчество (и вполне правомерно сопоставляет) с творчеством Томаса Манна и Уильяма Фолкнера и даже заявляет (в данном случае уже и преувеличивая), что цитаты из Данте, Шекспира, Гете «полнокровно входят в течение повествовательной речи» Уайлдера.

Итак, в Америке наконец-то «нашлась» подлинная литература... Но читатели вправе задать несколько каверзных вопросов. Почему в годы появления этих самых романов Уайлдера американистика смогла откликнуться на них лишь небольшими рецензиями А. Мулярчика в узкоспециальном журнале «Современная художественная литература за рубежом», между тем как поверхностные сочинения постмодернистов, о которых нельзя сказать ничего подобного тому, что говорит теперь Анастасьев об Уайлдере, вызывали десятки пространных откликов? Почему в Большой советской энциклопедии, вышедшей с 1970 года, есть статьи об Апдайке, Мейлере, Сэлинджере и даже о ныне почти уже забытом Керуаке, но нет статей ни о Торнтоне Уайлдере, ни о Роберте Пенне Уоррене (хотя том с буквой «У» вышел в 1977 году), не говоря уже о Джоне Гарднере? И немало еще может возникнуть подобных вопросов...

В 1976 году американистка Т. Ротенберг писала¹⁶: «Роман Роберта Пенна Уоррена “Приди в зеленый дол...” вышел

в 1971 году (напомню, что в русском переводе роман был опубликован в «Москве» в № 10–12 за 1975 год. – В. К.), когда лирические строки его эпиграфа “Любовь, приди в зеленый дол...”, сменявшиеся трагической нотой во второй его части (“отчаяние – ее отец, а безнадежность – мать”), звучали анахронизмом, неуместным диссонансом... Роман Уоррена предвосхитил резкий перелом в духовном климате Америки» (ИЛ. 1976. № 11. С. 255, 257).

А. Зверев, утверждая, что народные ценности Америки, воплощенные в романе Джона Гарднера «Октябрьский свет», воспринимаются «многими современными американскими писателями язвительно, чтобы не сказать с отвращением», так сказать, утешал читателей тем, что Джон Гарднер «в своей приверженности “глубинке”, “почве”, к одноэтажной Америке, осмеянной со времен Ринга Ларднера (писатель 1920-х – начала 1930-х годов. – В. К.), не одинок. Он мог бы взять себе в союзники такого крупного писателя, как Роберт Пени Уоррен» (ЛЮ. 1979. № 3. С. 38); далее А. Зверев продолжил традицию вглубь – к Фолкнеру и Томасу Вулфу.

В результате из работ американистов вырисовывается поистине странная картина: подлинные и крупнейшие художники Америки, законные наследники ее лучших традиций, выглядят как некие затурканные одиночки, с трудом находящие себе «союзников». Но ведь если всерьез разобраться, дело обстояло таким образом только лишь на поверхности, только в сфере истерической рекламной шумихи, организованной с помощью мощной техники теми, кого называют «семейкой», или «мафией». Современная литература США – это все-таки Уоррен и Гарднер – наследники Мелвилла и Марка Твена, Фолкнера и Вулфа, а не дутые лидеры постмодернизма и контркультуры, «с отвращением» воспринимающие истинные ценности американского народа.

Вместе с тем нельзя, конечно, не учитывать, что власть пресловутой «семейки», или «мафии», о которой в последнее время то и дело упоминают американисты, оказалась чрезвычайно могущественной. Эта власть – идеологическая, фи-

нансовая, техническая – привела к тому, что настоящая американская литература была в глазах едва ли не большинства читателей надолго «подменена» постмодернизмом.

Вот хотя бы один пример. В самый разгар господства постмодернизма, в 1969 году, университет Миннесоты издал малотиражную тоненькую книжку, вернее, даже брошюру о живом классике американской прозы Эрскине Колдуэлле, которого лидеры контркультуры «сбросили с парохода современности». Автор брошюры Джеймс Корджес выражал робкую надежду¹⁷, что Колдуэлл, который сейчас в немилости у критики, «когда-нибудь будет открыт...» (ВЛ. 1970. № 3. С. 235).

И ныне в США в самом деле открывают истинных художников и «закрывают» кумиров постмодернизма; этим же заняты американисты и у нас. А. Зверев пишет ныне, например, о Филипе Роте (кстати сказать, ровеснике Джона Гарднера): «Лет десять назад он считался (вот именно – с ч и т а л с я! – В. К.) одним из самых многообещающих молодых прозаиков США... Однако все это в прошлом». Последний роман Рота А. Зверев определяет как «очень характерный образец мнимофилософской прозы, оснащенной полным набором новомодных формальных ухищрений, за которыми скрывается минимум содержательности, сведенной к избитым идеям абсурдности бытия, насилия как нормы существования, эротической распушенности как главного побудительного стимула современного человека и т.д.» (ЛО. 1979. № 3. С. 34).

Но, положив руку на сердце, следует сказать, что эта характеристика вполне приложима и к предшествующим сочинениям Филипа Рота, как и всех других представителей постмодернизма от Керуака до Мейлера...

3

Естественно, может возникнуть вопрос: почему же все-таки постмодернизм США в течение 60-х – начала 70-х годов привлекал столь сильное и подчас весьма сочувственное

внимание американистов? Чем они, так сказать, оправдывали повышенный интерес ко многим представителям постмодернизма и достаточно широкую пропаганду их сочинений в СССР?

Главное достоинство постмодернизма усматривали в критике, разоблачении, наконец, открытом «бунте» против капиталистического общества. Рассуждения об этом разоблачении и бунте можно найти едва ли не в каждой работе об американской литературе второй половины 50-х – первой половины 70-х годов. Правда, за последнее время оценка постмодернистского бунта самым решительным образом изменилась. Так, Н. Анастасьев пишет теперь (в 1981 году в предисловии к книге Уайлдера): «Культура левая – или, как говорят, “контркультура”, – верно уловив потребительский, поверхностный характер буржуазных “идеалов” (так ли значительна эта «заслуга»? – В. К.), противопоставляет им, однако, чистое отрицание».

«Писатели авангардистской ориентации» во всем усматривали, – говорит ныне А. Зверев, – «лишнее свидетельство безумия, которым охвачен современный мир... повод объявить все моральные ценности... бессодержательными и ложными и требовать “новой этики”, по сути дела означавшей лишь нравственный нигилизм под флагом истинно свободной человеческой воли... Эволюция авангардистских школ в литературе 60-х годов отмечена быстрым нарастанием нигилистических тенденций»*.

Если внимательно взглянуть в существо дела, отчетливо выясняется, что «бунт» постмодернистов не только не представлял никакой опасности для устоев капиталистического общества, но и в целом ряде отношений был удобен, полезен, выгоден тем, кто правит Америкой. Вот хотя бы несколько соображений по этому поводу.

Постмодернистский «бунт» был направлен вовсе не только против капиталистического, но и в равной – а подчас

* Американская литература и общественно-политическая борьба. 60-е – начало 70-х годов XX века. Сборник статей. М.: Наука, 1977. С. 56.

даже большей – степени против социалистического образа жизни. Те язвы и пороки, которые «обличали» Мейлер, Воннегут, Апдайк и другие в буржуазном обществе, они усматривали – и притом нередко в заостренном виде – в любом обществе, в том числе в социалистическом. В работах американистов об этом говорилось, но чаще всего как бы между прочим. Так, А. Зверев, подробно разбирая очередную пьесу Джона Апдайка¹⁸, давал к его имени сноску, в которой «серьезные противоречия» писателя объяснялись «и его предвзятым, враждебным отношением к социалистическому миру» (ИЛ. 1976. № 3. С. 195). Суть дела, однако, в том, что постмодернизм основывается на нигилистическом отношении к миру в целом, независимо от социального строя. А эта позиция, если вдуматься, не несет в себе прямой опасности для капитализма. Тотальный нигилизм неизбежно бьет мимо конкретной цели.

Далее, постмодернистский бунт не имел, в сущности, никакой связи с Америкой труда – Америкой рабочих, живущих плодами своих рук фермеров, трудовой интеллигенции. В одной из своих статей А. Мулярчик¹⁹ приводит слова небезызвестного американского «футуролога» Германа Кана о том, что воздействие контркультуры «“далеко не так глубоко, как кажется, судя по верхушке городской буржуазии, утратившей контакт с действительностью. Это очень специфическая болезнь очень специфической группы, составляющей менее десяти процентов населения...” Цифры, приводимые Каном, заслуживают доверия», – резюмирует А. Мулярчик*.

Собственно говоря, иначе и не могло быть, ибо постмодернисты отрицали вместе с другими реальностями и ценностями бытия также и труд, и трудовую этику, усматривая в ней одно лишь рабство и «отчуждение». Поэтому пресловутый бунт постмодернизма был обращен, по сути дела, только лишь к «блудным детям» буржуазии и деклассированным элементам.

* Там же. С. 82.

О действительном существовании постмодернистского бунта недавно писал на страницах «Иностранной литературы» американский коммунистический публицист и критик Майк Дэвидоу²⁰. Он характеризует сочинения Филипа Рота, но постоянно подчеркивает, что речь идет вовсе не только о нем; характеристики Дэвидоу явно и целиком приложимы и к таким писателям, как Аллен Гинзберг, Норман Мейлер и т.п.

«В бурных водах современной Америки, – говорит Майк Дэвидоу, – есть много глубоких социальных течений, но Рот (как, к сожалению, и многие другие наши талантливые писатели) предпочел окунуться в грязь, порожденную “сексуальной революцией”... Ясно, что “революция” такого рода правящему классу США ничем не угрожает... Практика многих талантливых американских писателей, включая Рота, состоит в том, что... они сторонятся гуманного мира и – хуже того – поносят его. Шоры антисоветизма, которые многие буржуазные писатели упрямо не хотят сбросить, заслоняют от них не только мир социализма. Они прячут и искажают наши собственные великие гуманистические, демократические и пролетарские традиции... “Освободительные” влияния, вдохновлявшие перо Филипа Рота (и далеко не только его), – заключает Дэвидоу, – имели своим источником “сексуальную революцию”, неотрейдизм и порядочную толику буржуазного еврейского национализма... Почву по-прежнему душат ядовитые сорняки антикоммунизма и антисоветизма» (ИЛ. 1979. № 11. С. 195, 200).

Все это ясно свидетельствует о том, что постмодернистский бунт был вполне безопасным и даже выгодным для заправил Америки клапаном социального недовольства, удобной отдушиной общественного негодования.

Вполне закономерно, что именно во время господства постмодернистской литературы, в 1965 году, был создан – при активной поддержке тогдашнего президента Линдона Джонсона – «Федеральный фонд поощрения искусств и гуманитарных занятий», которому правительство ассигновало сотни миллионов долларов. В эти же годы писателям-

постмодернистам предоставлялась не отнимающая много времени, но высокооплачиваемая работа в университетах, бесплатные зарубежные поездки и т.п.*.

Может быть, ярче всего выражается невинное положение вещей в судьбе одного из главных и наиболее крикливых «бунтарей» – Нормана Мейлера (о смысле его «бунта» еще пойдет речь), который довольно быстро стал миллионером (впрочем, как и несколько других постмодернистов), приглашался на беседы с президентом и даже баллотировался на пост мэра Нью-Йорка; он не сделался им, надо думать, потому, что в глазах американских избирателей его пять жен были все же чем-то чрезмерным.

Наконец, характерной чертой конца 50-х–60-х годов был чрезвычайно выгодный для внешнеполитических целей США «экспорт» постмодернистского бунта. Об этом придется поговорить подробнее, ибо проблема сложна и многогранна, а в то же время очень много дает для понимания сущности постмодернизма.

В уже сравнительно давней работе американистики Л. Земляновой²¹, посвященной обстоятельному обзору литературной ситуации конца 50-х–60-х годов, затронут и вопрос об этом экспорте «контркультуры». Л. Землянова показывает, как теоретики и практики американской контркультуры – Герберт Маркузе, Питер Брукс, Джерри Рубин, Джеральд Дворкин, Пол Гудмен, Аллен Гинзберг, Джек Керуак, Дениза Левертов, Карл Шапиро; Норман Мейлер и другие – активно стремились распространить свой «бунт» на весь мир. «Питер Брукс в статье “Четвертый мир”, – говорила, в частности, Л. Землянова, – предсказывает наступление новой эры – “четвертого мира”, где будет царствовать анархически настроенная молодежь на обломках взорванной культуры, морали и духовных ценностей, принятых ныне в западном и восточном мирах». «Мы называем эту истинную революцию культурной, – пишет Брукс, – поскольку она имеет

* Американская литература и общественно-политическая борьба. 60-е – начало 70-х годов XX века. Сборник статей. М.: Наука, 1977. С. 26, 34.

дело с изменениями интеллекта, идеологий и языка»* (выделено мной. – В. К.)

Далее Л. Землянова показывала, что «среди патронов эстетики нового левого радикализма» в США едва ли не самое видное место занимает Норман Мейлер... Добавив к троцкистским идеям идеи, заимствованные из фрейдизма, ницшеанства и экзистенциализма, он создает свою «теорию» грядущей «мировой (выделено мной. – В. К.) сексуальной революции»... Он вступает в полемику с Ж.-П. Сартром, обвиняя его в недооценке иррациональных агрессивных сил на пути освобождения человеческой личности... «Хипстер**», – цинично заявляет Норман Мейлер, – который должен вернуть нас к самим себе, причем неважно, какой ценой индивидуального насилия это будет достигнуто, является утверждением варвара, поскольку требуются примитивные страсти в человеческой натуре, чтобы поверить в превосходство индивидуальных актов насилия над коллективным насилием государства; требуется истинная вера в творческие возможности человека, чтобы смотреть прямо в глаза актам насилия, как катарсису, который подготавливает дальнейшее развитие» (Цит. изд. С. 72–73).

Агрессивные призывы Мейлера, Маркузе и других, без сомнения, оказали большое влияние и на того же Сартра, который проповедовал пресловутую «культурную революцию»***, и на парижских студентов, участвовавших в 1968 году в настоящей оргии насилия и вандализма.

Правда, для возбуждения парижского студенческого бунта одних авангардистских призывов из-за океана было недостаточно; тут потребовалась и самая интенсивная деятельность Центрального разведывательного управления США. Об

* Неоавангардистские течения в зарубежной литературе 1950–1960 годов. Сборник статей М.: Художественная литература, 1972. С. 44.

** Одно из американских обозначений «бунтаря».

*** Как известно, именно на лекциях Сартра складывалось «мироощущение» еще совсем молодого тогда Пол Пота, который позднее возглавил свою «культурную революцию» в Кампучии, приведшую к гибели трети населения страны.

этом подробно рассказал в своей книге «Подлинные хозяева мира» (1980) бывший ответственный чиновник секретных служб франкистской Испании Гонсалес-Мата; фрагменты из его книги были недавно опубликованы у нас.

«Читатель, несомненно, помнит, – пишет Гонсалес-Мата, – о событиях 1968 года... Однако гораздо меньше известно о том, как этими событиями воспользовались американские спецслужбы, усмотревшие в “студенческой революции” не только угрозу буржуазным институтам власти. Как они считали, им представился повод нанести решительный удар по тому, кто на протяжении многих лет проявлял все более упорное стремление к национальной независимости, – президенту Франции Шарлю де Голлю.

Опасный национализм де Голля, – продолжает Гонсалес-Мата, – выразился в выходе Франции из военной организации НАТО... и в его “европейских” концепциях: де Голль исходил из того, что Европа простирается от Атлантики до Урала (что предполагало диалог с Советским Союзом). Члены Бильдербергского клуба* с тревогой следили за “голлистской опасностью”... С испанской стороны, – признается Гонсалес-Мата, – на бильдербергской встрече присутствовал также автор этих строк, получивший задание внедрить своих людей в группы активистов студенческого движения, установить контроль над этими группами и выявить, какую они могут представлять опасность... Прибыв в Париж, я вступил в контакт с официальным американским представителем, ответственным за координацию работы резидентур ЦРУ и военной разведки США во Франции полковником Д. Грэхэмом**... Было совер-

* Полулегальная международная организация заправил капиталистического мира, в которую входили многие руководители США и стран Западной Европы, миллиардеры, политические деятели, директора секретных служб, существовала с 1954 по 1973 год, когда переросла в «Трехстороннюю комиссию», включившую представителей Японии. В связи с рассказом Гонсалес-Мата важно отметить, что в Бильдербергский клуб входил брат генерала Франко²².

** Впоследствии – генерал, начальник разведывательного управления Министерства обороны США.

шенно очевидно, что больше всего их интересует возможность использования обстановки против генерала де Голля. США, как казалось, были готовы “пожертвовать” де Голлем “в пользу левых сил”. Я высказал свое недоумение Д. Грэхэму. Тот заявил в ответ:

– Речь идет вовсе не о том, чтобы помочь левым силам прийти к власти. Необходимо, чтобы наши друзья, внедрившиеся в группы активистов, подталкивали манифестантов как можно на большее число инцидентов с силами охраны порядка. Это вызовет ответную реакцию у “молчаливого большинства” и буржуазии... Именно в этом направлении мы можем и должны работать...

Выступая под именем “майора Маэдо”, – завершает свой рассказ Гонсалес-Мата, – я быстро вошел в доверие комитетов революционного действия... Латинский квартал покрылся баррикадами, взрывались бутылки с горючей смесью, и все это действовало в нужном для ЦРУ направлении. 29 мая, эвакуировав архивы президентского дворца, де Голль покинул Париж. Д. Грэхэм и его французские друзья между тем продолжали нагнетать атмосферу... Бегство де Голля из Парижа было воспринято политическими кругами и “молчаливым большинством” весьма отрицательно. Оказалось, что колосс был на глиняных ногах и не сумел справиться с обстановкой, а этого не прощают... Де Голль через несколько месяцев ушел в отставку»*.

Эта длинная цитата необходима была для того, чтобы показать, как заправили мирового империализма умеют использовать и даже направлять анархические бунты. В данном случае неоспоримо ясно, что и «экспорт» американской контркультуры во Францию лил воду непосредственно на мельницу Бильдербергского клуба и ЦРУ.

Но нет никакого сомнения и в том, что постмодернистский бунт в литературе США сыграл немалую роль в подготовке того кардинального поворота во внешней и внутренней

* Луис М. Гонсалес-Мата. Невидимые властители капиталистического мира // За рубежом, 1981. № 30. С. 17.

политике, который начался при Картере и принял поистине зловещие формы при Рейгане.

4

Теперь мы обращаемся еще к одной – и чрезвычайно существенной – стороне нашей темы (то есть современной литературной ситуации в США).

В начале этой статьи речь шла о крахе постмодернизма, совершившемся к середине 1970-х годов, и о выдвижении на первый план подлинной литературы Америки – в лице хотя бы Роберта Пенна Уоррена и, если говорить о более молодом поколении, Джона Гарднера. Но наряду с этой плодотворной победой художественных, культурных и нравственных ценностей в литературе США разворачиваются и совершенно иные – пусть подчас с чисто внешней точки зрения «похожие» – тенденции, которые получили общее название «неоконсерватизм». (Термин этот выдвинул в 1973 году редактор журнала «Америкэн сколар» Дж. Эпстейн.) Заявив о себе еще в начале 70-х годов, во второй половине десятилетия эти тенденции распространяются очень широко и шумно, а при Рейгане получают прямую и мощную правительственную поддержку. Ныне можно с полным правом утверждать, что неоконсерватизм как раз и выражает официальную политику правительства Рейгана в сфере литературы и, шире, идеологии. Достаточно, я думаю, упомянуть, что Рейган написал предисловие к книге одного из лидеров течения – Джеймса Робертса – «Консервативное десятилетие» (1980), а в марте 1981 года не без торжества поздравил американцев с победой неоконсерватизма в стране²³. (См.: ВЛ. 1981. № 7. С. 139. К этому времени более половины американцев, согласно опросам, считали себя сторонниками неоконсерватизма.)

Но общая ситуация в современной литературе США достаточно сложна. Дело в том, что неоконсерваторы в целом ряде моментов выступают как бы с тех же самых позиций, что и подлинные представители американской литературы

и культуры. Они подвергают самой резкой критике постмодернизм и ратуют за традиции, патриотизм, ценности национальной культуры и т.п.

Александр Мулярчик писал, что противостояние постмодернизму исходило «из двух противоположных и обособленных источников: гуманистической, демократической традиции и буржуазного охранительства. Грань между ними было подчас трудно уловить в лавине шаблонных полустертых слов»...

И действительно, в 1976 году А. Зверев, например, еще не различал этой «грани». Рассказывая о дискуссии вокруг постмодернизма на страницах американского журнала «Комментари», он не без удовлетворения писал о позиции²⁴, которую занял редактор этого журнала Норман Подгорец:

«Подгорец без обиняков квалифицирует сегодняшнюю ситуацию в лагере авангарда как “варварство в культуре”. Далее А. Зверев одобрял стремление таких критиков и публицистов, как Подгорец, «сурово – и, в общем, справедливо – выговаривать американской критике за ее бездеятельность перед лицом наступления “варварства в культуре”... Со страниц “Комментарии” было открыто заявлено, что позиция эстетического элитаризма оказалась несостоятельной. Признание знаменательное – тупик, в котором пребывает модернистское искусство, становится самоочевидным. Конечно, от сознания кризиса еще очень далеко до целенаправленного и плодотворного поиска путей его преодоления. Материалы “Комментарии” убеждают и в этом – слишком ощутима растерянность, ныне овладевшая вчерашними приверженцами элитарности» (ИЛ. 1976. № 6. С. 198–199).

Итак, читатели были вправе сделать вывод, что Норман Подгорец – вполне, так сказать, добродетельная фигура в современной литературе США. Правда, для него пока характерна «растерянность», но он все же находится на верном пути...

Критик и публицист Норман Подгорец является ныне одним из главных (если не главным), вождей неоконсерватизма, играющим очень заметную роль в литературно-

идеологической жизни США, поэтому необходимо поговорить о нем подробно.

Норман Подгорец родился в 1930 году; уже в 50-е годы стал известным литератором и с 1960 года возглавил редакцию журнала «Комментари», который предстает сегодня как одно из самых влиятельных литературно-идеологических изданий США. К середине 60-х Подгорец вошел как полноправный член в так называемую «семейку», или «мафию» (о ней уже шла речь), занимая в ней «умеренные», но весьма прочные позиции.

Однако в 1967 году Подгорец издал сенсационную автобиографическую книгу «Вот как это делается», где с почти цинической откровенностью рассказал и о своей личной карьере, и о тактике пресловутой «семейки» (собственно говоря, именно Подгорец и ввел в широкий оборот само это понятие).

Александр Мулярчик вскоре, в 1969 году, опубликовал на страницах «Иностранной литературы» содержательную рецензию²⁵, точно характеризующую эту книгу, благодаря которой Подгорец стал знаменитостью первого ряда. «История головокружительного возвышения Н. Подгореца, – писал А. Мулярчик, – от рецензента-поденщика до “светила” в литературно-художественном мире Нью-Йорка строго документирована... Рассказывая о трудностях, которые подстерегали его, “пролетария умственного труда”, [сына евреев-иммигрантов из Восточной Европы²⁶], на разных этапах карьеры литературного критика, Подгорец роняет многозначительную ремарку: “Как бы там ни шли мои дела, я знал наверняка, что в Америке е с т ь свободные деньги – в том числе и для таких людей, как я...”» (ИЛ, 1969. № 9. С. 268–269).

Правда, А. Мулярчик делал здесь одну оговорку, как теперь очевидно, ошибочную: «Возможности же редактора “Комментари” и сотрудников его журнала как политической силы практически ничтожны». «“Я всегда ощущал свое полное бессилие в отношении того, что может произойти там, “наверху”, в высоких сферах”, – признается Подгорец, вспоминая о факте обращения к нему за советом о возможных

контурах “Великого общества” со стороны вашингтонской администрации» (Там же. С. 270).

Подгорец – ныне это ясно – присматривался к «высоким сферам» не зря. С начала 70-х годов он резко сменил курс своего журнала в сторону неоконсерватизма. И, как отмечал недавно Н. Анастасьев²⁷, «неоконсерватизм стал действенной силой нынешней американской жизни... Неоконсерваторы вовсе не ограничивают свою роль конкретными рекомендациями власти предержащим... Они заинтересованы в опытной проверке концепций; недаром некоторые видные неоконсерваторы, например Н. Подгорец, приняли столь деятельное участие в избирательной кампании президента Р. Рейгана, а сейчас входят в круг его близких советчиков» (ВЛ. 1982. № 1. С. 93).

Впрочем, и эта информация сегодня уже устарела. 28 апреля 1982 года Норман Подгорец выступил на страницах воскресного выпуска «Нью-Йорк таймс» с резкой критикой Рейгана за его компромиссную, половинчатую, недостаточно жесткую, по мнению Подгореца и его единомышленников, позицию в отношении СССР и его союзников!

После этого совсем уже невозможно согласиться с рассуждением Н. Анастасьева в его уже цитированной статье 1982 года о том, что-де «условна, двусмысленна и вместе с тем существенна связь положительных эстетических и социальных идей современной литературы (имеется в виду, например, творчество Джона Гарднера. – В. К.) с неоконсервативными концепциями (Н. Анастасьев подразумевает здесь прежде всего концепции Подгореца, о которых говорит в предыдущем абзаце. – В. К.). Само обращение к традиционным ценностям, которое, в частности, обеспечило неоконсервативной идеологии популярность в разных слоях населения, оказалось чрезвычайно близко внутренним потребностям реалистической литературы» (ВЛ. 1982. № 1. С. 97).

Хотел этого автор или не хотел, но тем не менее все же получилось, что Подгорец «чрезвычайно близок» (пусть и не во всем) к подлинной литературе американского

народа. Это совершенно не соответствует действительности. Не так уж трудно увидеть, что Норман Подгорец – выразитель интересов отнюдь не американского народа, но зловещей силы международного империализма, чьи заправилы заседают в упомянутом выше Бильдербергском клубе и Трехсторонней комиссии. На страницах издаваемого Подгорецом «Комментари» с середины 1970-х годов не раз выступал, например, член Трехсторонней комиссии Збигнев Бжезинский.

Верно, что Норман Подгорец и близкие ему «неоконсервативные» критики и публицисты, такие как Натан Глейзер, Дэвид Рисмен, Дэниел Белл, Ирвинг Кристол, Майкл Дектер, Роберт Элтер, Чарлз Френкел и другие, с крайней резкостью нападают на постмодернизм и контркультуру и вызывают к «национальным ценностям», «традициям», «историческим корням», «нравственным принципам» Америки.

Но с какой целью?

Позиция Подгореца и компании подробно охарактеризована в работе В. Шохиной «“Интеллектуальные журналы” в культурной жизни США». Вот хотя бы один выразительнейший ход мысли Подгореца, обнажающий его действительную цель:

«Источником “пацифистского комплекса”, – пишет В. Шохина, – Подгорец считает наличие в творчестве таких писателей, как Г. Видал, А. Гинзберг, Дж. Болдуин, “гомо-сексуального мироощущения, содержащего в себе изрядную долю пацифизма”, поскольку “отказ от отцовства и всего, что оно подразумевает – ответственности за семью и таким образом вовлеченности в судьбу общества, – есть отказ от прямой ответственности за судьбу своей страны”. Согласно взглядам неоконсерваторов, обратная сторона “наивного пацифизма” – лояльность к коммунизму»*.

В. Шохина показывает, во имя чего ведется борьба с постмодернизмом на страницах журнала «Комментари».

* Американская художественная культура в социально-политическом контексте 70-х годов XX века. М.: Наука. 1982. С. 255.

Постмодернистские романы не устраивают единомышленников Подгореца потому, что в них «“проповедуется безоглядный цинизм по отношению к политике, ко всем формам национализма, ко всем коллективным устремлениям американского народа”, пишет Элтер, одобряя таким образом какие-то формы национализма и соответствующие им внешнеполитические акции Соединенных Штатов». Короче, весь шум Подгореца и компании вокруг «национальных традиций», «нравственных ценностей», «исторических корней» имеет в виду, заключает В. Шохина, «идеологическую мобилизацию рядовых американцев под флагом антикоммунизма»*.

16 мая 1982 года в «Правде» была опубликована статья Юрия Жукова²⁸ о только что вышедшей книге Нормана Подгореца «Почему мы были во Вьетнаме». «Подгорец, – писал Ю. Жуков, – всячески убеждает читателя, будто американцы действовали во Вьетнаме слишком... гуманно... Подгорец возмущается тем, что американцы “слишком хорошо” усвоили урок, полученный ими во Вьетнаме, и опасаются втягиваться в новые войны такого рода. Он осуждает в этой связи “бездумную приверженность к разрешению проблем путем переговоров между смертельными врагами”».

В связи с этим нельзя не обратиться вновь к цитированной выше статье Н. Анастасьева 1982 года и не вспомнить более ранние его же рассуждения²⁹ о выразительном эпизоде из романа Джона Гарднера, эпизоде, в котором герой, фермер Джеймс Пейдж, палит из ружья в телевизор, «разнося вдребезги ненавистный предмет. Да не в телевизор, – поправлял себя Анастасьев, – в тот неприглядный, – прав Г. Злобин, автор содержательной рецензии на “Октябрьский свет”, – чуждый ему образ родной страны, который вставал с экрана» (ВЛ. 1980. № 4. С. 146).

Здесь без всякой натяжки можно видеть проявление основополагающей позиции художника. И поистине вызывает недоумение отмеченное нами выше стремление Н. Ана-

* Там же, с. 254, 255.

стасьева «сблизить» как-то Джона Гарднера и Подгореца, который – на что обратил сугубое внимание В. Шестаков еще в 1974 году – «высказался против негативного взгляда на телевидение...» «“Апокалипсический ужас перед пагубным влиянием телевидения представляется мне слишком преувеличенным (В. Шестаков цитирует здесь выступление Подгореца на страницах «Комментари». – В. К.). Что, однако, удалось достичь телевидению – это впервые превратить нас в единую страну”... Правда, Подгорец, – резюмирует В. Шестаков, – не говорит, что он имеет в виду под “единой” Америкой...» (ВЛ. 1981. № 7. С. 121).

После новейших выступлений Подгореца не может быть, я полагаю, двух мнений по этому вопросу. «Единая Америка» интересует Подгореца только как мощная сила в руках международного империализма. Подгорец и его единомышленники хотели бы превратить американский народ в послушное орудие для осуществления зловещих замыслов Трехсторонней комиссии. Именно потому они призывают к американскому «патриотизму», идее «национального единства» и тому подобному и обрушиваются на «пацифистский комплекс».

И в современной литературе США Подгорец и его единомышленники ориентируются отнюдь не на таких писателей, как Джон Гарднер. Американистка В. Шохина, которая специально исследовала позиции издаваемого Подгорецом журнала «Комментари», подчеркивает: «На страницах “Комментари” всей современной американской литературе, за исключением Сола Беллоу, инкриминируется отказ от реализма, скептицизм, цинизм, нигилизм и т.д.»*. Норман Подгорец и компания превозносят книги Сола Беллоу, в особенности его романы «Планета мистера Саммлера» (1969) и «Дар Гумбольдта» (1975), как непревзойденные образцы «реализма» и в то же время истинной «идеальности», как своего рода квинтэссенцию моральных норм, национальных традиций, истинного демократизма и т.п.

* Там же. С. 254.

Кто же такой Сол Беллоу? В нашей литературной энциклопедии о нем сказано, в частности, следующее: «Сол Беллоу (р. 1915)... Сын петербургского коммерсанта... В 70-е годы участвует в деятельности общественных организаций произраильской и антикоммунистической направленности. Нобелевская премия (1976)»*.

Для полной точности следовало бы только поставить сегодня перед последним предложением («Нобелевская премия...») не точку, а двоеточие...

Старейшина советской американистики, М. О. Мендельсон, говоря о романе Сола Беллоу «Дар Гумбольдта» (за который автор как раз и получил Нобелевскую премию), выделил в нем такие характерные черты, как «резкое усиление сионистских акцентов и антисоветской истерии»**...

В заключение необходимо обратить особое внимание на одну сторону дела, которая позволит понять логику карьеры Подгореца и ему подобных.

Ведь карьера Подгореца началась с того, что в 1960 году он опубликовал на страницах только что попавшего в его руки журнала «Комментари» манифест «теоретического» лидера битников Пола Гудмена «Наращение абсурда», манифест, отвергнутый до этого девятнадцатью (!) американскими журналами. В 1967 году Подгорец, как уже говорилось, издал циничную исповедь «Вот как это делается», где обнаружил чисто коммерческую подоплеку деяний нью-йоркской «семейки».

Казалось бы, эти «жесты» противоречат его сегодняшней «благородной» позиции патриота-консерватора. Но нельзя не заметить, что тот же самый «путь» так или иначе сделало большинство (если не все) его единомышленников – и Дэниел Белл, и Натан Глейзер, и Дэвид Рисмен и другие. В конце концов не столь уж важно, как они сами осознают свой «путь». Но объективная логика вполне понятна. Необходимо было сначала опустошить и разложить подлинные народно-национальные идеалы, традиции, культурные и нравствен-

* Краткая литературная энциклопедия. Т. 9. М., 1978. С. 114.

** М. Мендельсон. Роман США сегодня. М., 1977. С. 37.

ные ценности, чтобы затем навязать Америке то «единство», которое подразумевает, в сущности, только одно – использование мощи американского народа в интересах международного империализма. Именно в этом состоит истинная цель литературной «мафии», возглавляемой Подгорецом и подобными ему «патриотами»-неоконсерваторами.

В. Шохина справедливо замечает, что «постоянная апелляция» Подгореца и других неоконсерваторов к Солу Беллоу «объясняется не только очевидно антинигилистической направленностью его произведений, порой аффектированной ориентацией на традиционные, или “аффирмативные”, духовные и моральные ценности, но и отчетливо выраженным антиинтеллигентским пафосом»*.

Напрасно только В. Шохина употребила выражение «духовные и моральные ценности». Дело идет не о ценностях в подлинном смысле слова, но о тех упрощенных, примитивных «аффектах» и «мифах» – «мифах» морализаторских, «патриотических», «коллективистских», которые всегда стремятся навязать народу фашиствующие идеологи. «Антиинтеллигентский пафос» несовместим с подлинной нравственностью и подлинным патриотизмом, которые не могут не опираться на высокую и богатую культуру.

Но Подгорецу и Беллоу нужны именно и только непросветленные «мифы», которые дали бы им возможность повести американский народ куда угодно...

Многим американистам, к сожалению, кажется, что Подгорец и Беллоу – это совершенно иные фигуры, чем лидеры постмодернизма, такие как Маркузе и Норман Мейлер. На самом же деле перед нами, так сказать, две стадии развития одного литературного и, шире, идеологического явления. Различие состоит в том, что постмодернисты стремились оттеснить или вообще уничтожить подлинную культуру американского народа с помощью и во имя нигилистических идей авангардизма, а неоконсерваторы стремятся делать то же самое

* Американская художественная культура в социально-политическом контексте 70-х годов XX века. М.: Наука, 1982. С. 262.

с помощью и во имя традиционных мифов. Цель же и на той, и на другой «стадии» одна: превратить американский народ в послушное орудие международного империализма и сионизма*.

И вполне понятно, что подлинные национальные ценности Америки, воплощенные в творчестве Роберта Пенна Уоррена или Джона Гарднера, ценности, о которых шла речь в начале этой статьи, не имеют ровно ничего общего с пропагандистской страпней подгорецов. И трудно сомневаться в том, что в конечном счете победит подлинная литература американского народа, а не та, которую рекламируют подгорецы, пока с успехом обманывающие значительную часть своих читателей.

Когда эта статья была уже набрана, из США пришло вызывающее глубокую скорбь и тревогу сообщение: 14 сентября 1982 года Джон Гарднер погиб в автомобильной катастрофе.

Гибель крупнейшего писателя современной Америки – это и наша невозместимая потеря. Нельзя не запомнить навсегда слова Джона Гарднера, сказанные им в ответ на вопрос, почему его не было на встрече писателей СССР и США (в большинстве своем – постмодернистов) в 1978 году: «Мою точку зрения представляла там русская литература».

Эту статью предваряет слово «Внимание». И мне приходится завершить ее этим же восклицанием. Поистине страшный смысл проступает в следующем факте. Небезызвестный журнал «Америка» опубликовал недавно в русском переводе выступление одного из лидеров постмодернизма – Джона Барта. Среди других поношений в адрес защитников подлинной американской литературы здесь сказано:

«Еще дальше идет покойный ныне Джон Гарднер в своем эссе “О моралистической литературе” (1978), больше смахивающем на упражнение в литературном избиении, в котором он сваливает в одну кучу модернистов и постмо-

* Точную и глубокую характеристику Сола Беллоу и писателей его круга дал Г. П. Злобин в своей только что опубликованной статье «Разноречие романа. Проблема национального своеобразия в современной американской прозе» (ЛО. 1982. № 9. С. 31–34). Каждый, кто стремится понять сегодняшнее положение в литературе США, должен прочитать эту статью.

дернистов и с неподдельным пылом, свойственным неофитам правого лагеря, предрекает всем нам геенну огненную» (Америка. № 302. С. 50).

Казалось бы, ничего особенного – на войне как на войне. Дело в том, однако, что этот номер журнала «Америка», осуждающий «покойного» Джона Гарднера³⁰, вышел в свет за несколько месяцев до гибели писателя... Очень странная и очень зловещая «ошибка»!

Нобелевский миф

С 1901 года Шведская академия языка и литературы присуждает премии, *считающиеся* наивысшим и, что не менее существенно, лишенным тенденциозности признанием достижений в области искусства слова. Писатель, удостоенный Нобелевской премии, предстает в глазах миллионов людей как несравненный талант или даже гений, который, так сказать, на голову выше всех своих собратьев, не снискавших сей верховной и имеющей всемирное значение награды.

Но хотя подобные представления об этой премии давно и прочно внедрены в массовое сознание, они вовсе не соответствуют реальному положению вещей. Мне уже довелось кратко говорить об этом в 1990 году на страницах нашего культурнейшего журнала «Литературная учеба»¹. Позднее вышла в свет объемистая книга А. М. Илюковича «Согласно завещанию. Заметки о лауреатах Нобелевской премии по литературе» (М., 1992). На первой ее странице провозглашено: «Авторитет этой премии признан во всем мире, и этого не опровергнешь».

Однако фраза эта верна только в своем узко-буквальном значении – «авторитет» премии действительно господствует в мире. А в более существенном смысле само содержание книги А. М. Илюковича как раз опровергает или по меньшей мере вызывает глубокие сомнения касательно этого самого «авторитета». Каждый внимательный и непредубежденный читатель книги столкнется с множеством таких сообщений,

которые решительно подрывают «общепризнанную» репутацию знаменитой премии.

1

При обращении к уже почти вековой истории этой премии с самого начала становится явной и неоспоримой тенденциозность членов Шведской академии, решавших вопрос о том, кто будет нобелевским лауреатом. Так, к тому времени, когда эксперты академии приступили к своей деятельности, величайшим представителем мировой литературы был, вне всякого сомнения, Лев Толстой. Однако влиятельнейший секретарь Шведской академии Карл Вирсен, признав, что Толстой создал *бессмертные творения*, все же категорически выступил против его кандидатуры, ибо этот писатель, как он сформулировал, «осудил все формы цивилизации и настаивал взамен них принять примитивный образ жизни, оторванный от всех установлений высокой культуры... Всякого, кто столкнется с такой косной жестокостью (?) по отношению к любым формам цивилизации, одолеет сомнение. Никто не станет солидаризироваться с такими взглядами»...

Не приходится усомниться в том, что, если бы другой величайший современник Толстого – Достоевский дожил до поры, когда стали присуждаться Нобелевские премии (они предназначены только для еще живущих писателей), его кандидатура также была бы отвергнута...

Стоит отметить, что многие «защитники» нобелевских экспертов ссылаются на отказ самого Толстого принять премию², если ему ее присудят. Это заявление писателя действительно имело место, но позднее, в конце 1906 года. А к этому моменту премий уже были удостоены француз А. Сюлли-Прюдом, немец (историк, красочно, «по-писательски», поведовавший об античном мире) Т. Моммзен, норвежец Б. Бьернсон, провансалец (на этом родственном французскому языке говорит часть населения Франции) Ф. Мистраль, испанец Х. Эчегарай, поляк Г. Сенкевич и итальянец

Дж. Кардуччи. И никто не станет сейчас оспаривать мнение, что предпочтение любого из этих авторов кандидатуре Толстого невозможно хоть как-либо оправдать...

Впрочем, нельзя исключить такое – пусть и несимпатичное для русских людей – соображение. Шведские эксперты не хотели возвеличивать «омужичившегося» графа Льва Николаевича, дабы оградить от воздействия опасного русского варварства европейскую цивилизацию. Да и вообще Нобелевские премии мыслились как чисто *европейские*³. Тот самый секретарь академии Карл Вирсен, который отверг кандидатуру Толстого, ранее объявил, что премии предназначены для того, чтобы *«ведущие писатели Европы» получали «вознаграждение и признание за свои многолетние и впечатляющие литературные свершения»*.

Конечно, подобный подход к делу может вызывать недовольство, особенно если учитывать, что громадный для тех времен капитал Альфреда Нобеля, из прибыли на который выплачиваются премии, сложился в значительной мере на основе бизнеса семьи Нобелей на территории России... И все же «позицию» Шведской академии нельзя попросту осудить. Почему, спрашивается, европейцы не могут заботиться именно о литературах Европы, предоставляя другим континентам (в том числе и Евразии - России) самостоятельно поощрять своих писателей?

И если бы задача всегда и четко определялась именно так, многие недоразумения были бы исключены и стал бы понятным, в частности, тот факт, что премий не были удостоены не только Толстой, но и более или менее известные тогда Европе Чехов, Короленко, Горький, Александр Блок и др. Лишь через треть века после начала присуждения премий, в 1933 году, в перечне лауреатов появился русский писатель, который к тому же давно жил во Франции, – Иван Бунин. А ведь уже в конце XIX столетия в Европе сложилось прочное убеждение, что русская литература – одна из самых значительных в мире...

Впрочем, к *«русской»* теме я обращаюсь ниже. Прежде следует рассмотреть более общий вопрос о том, действительно

ли Нобелевская премия представляет собой нечто обращенное к *мировой* литературе? Казалось бы, здесь все ясно, ибо уже в 1913 году (то есть за двадцать лет до Бунина) нобелевским лауреатом стал индийский писатель Рабиндранат Тагор. Тем самым Шведская академия продемонстрировала отход от «европоцентризма». Правда, следующее признание литературных достижений Азии состоялось только спустя 55 (!) лет, в 1968 году, когда лауреатом стал японец Ясунари Кавабата. Но позднее академия обратила свой взгляд даже и к наиболее «отсталой» Африке, и в 1980-х годах премий были удостоены нигериец Воле Шойинка и египетский араб Нагиб Махфуз⁴.

После этого уже вроде бы никак нельзя сомневаться в мировом значении Нобелевских премий. Конечно, способен смутить тот факт, что с 1901 по 1991 год, то есть почти за весь XX век, вся Азия смогла породить только двух писателей, достойных той награды, которую получили за это время более семи десятков писателей Европы и США. Однако неоспоримо и безусловно доказать, что перед нами дискриминация азиатских литератур, едва ли возможно. Так, для меня, например, несомненно, что творчество японца Юкио Мисимы гораздо значительнее, чем творчество кое в чем перекликавшегося с ним француза, нобелевского лауреата Альбера Камю⁵, но мою оценку многие наверняка оспорят. Поэтому не буду настаивать на том, что Шведская академия предоставила писателям Азии слишком неправдоподобно *малое* количество премий; ведь если кто-либо возразит, что азиатские литературы и не заслужили большего, такое возражение нельзя опровергнуть с полной убедительностью.

Но обратим внимание на другую сторону проблемы. За девяносто лет своей деятельности шведские эксперты удостоили премий двух писателей Азии и также двух писателей Африки. И это не может не удивить. Ведь в Азии немало стран с многовековой, даже тысячелетней литературной традицией — Япония, Китай, Индия, Иран и др.; между тем в Африке дело обстоит совсем иначе. И *одинаковое* количество выдающихся, достойных высшей награды писателей и на том, и на другом

континентах выглядит совершенно неправдоподобно; оно может быть объяснено только тем, что Шведская академия специально осуществила четыре чисто «показные» акции, стремясь убедить людей в своей – на деле мнимой – «всемирности». Кстати сказать, премированный нигериец пишет на английском языке, и, следовательно, нобелевских лауреатов, писавших *не на европейских* (если включить в их число и русский) языках, имеется всего лишь *трое*... Стоит упомянуть, что в книге А. М. Илюковича, который стремится всячески возвеличить Нобелевскую премию, все же – под давлением фактов – признано: «Литература XX столетия в понимании Шведской академии является делом белых людей».

Словом, вернее всего будет считать Нобелевскую премию собственно европейским явлением (включая США), а ее столь немногочисленные выходы за пределы собственно европейских языков понять как попытки (прямо скажем, тщетные) придать премии всемирный статус. Такое решение, помимо прочего, «выгодно» для самой Шведской академии, ибо оно «оправдывает» ее нежелание удостоить премии Толстого, Чехова и других их выдающихся русских современников.

2

О лауреатах Европы и США. Здесь, казалось бы, все обстоит «нормально». Но только на самый первый взгляд. Начать наиболее уместно с писателей *скандинавских* стран, которые – что естественно – были в центре внимания Шведской академии, даже слишком в центре: из 88 премий, присужденных с 1901 до 1991 года, 14, то есть каждую шестую из них, получили писатели Скандинавии⁶ (шведы, норвежцы, датчане и т.д.). Не буду упрекать экспертов в пристрастии, ибо ведь крайне трудно удержаться от преувеличения заслуг наиболее близких, родственных художников слова. Гораздо существеннее другое.

Как это ни дико, нобелевским лауреатом не стал безусловно *величайший* писатель всей Скандинавии, норвежец Хенрик Ибсен, скончавшийся в 1906 году, то есть через пять лет по-

сле начала присуждения премий... Причина его непризнания вполне ясна – это решительно *антилиберальные* убеждения Ибсена. И если отказ присудить премию Толстому можно как-то оправдать принципиально *европейской* направленностью шведских экспертов, отвержение Ибсена продемонстрировало их поистине крайнюю тенденциозность.

По-своему не менее разительно и отвержение кандидатуры крупнейшего *шведского* писателя Августа Стриндберга, умершего в 1912 году. В упомянутой книге А. М. Илюкович пишет: «Стриндберг являл собой слишком сложную фигуру, чтобы быть реальным претендентом на награду. Для этого он был недостаточно респектабелен». Удивительно, правда, что, сказав об убогой «мещанской» ограниченности шведских экспертов, Илюкович все же не раз превозносит в своей книге их «высокую авторитетность» и «объективность». А вместе с тем цитирует вполне обоснованную отповедь самого Стриндберга: *«Так давайте же избавимся от магистров, которые не понимают искусства, берясь судить о нем. А если нужно, давайте откажемся от нобелевских денег, динамитных денег, как их называют»* (Нобель разбогател в основном на производстве мощных взрывчатых веществ).

Могут напомнить, что Шведская академия все-таки решилась удостоить премии еще одного из крупнейших скандинавских писателей – норвежца Кнута Гамсуна, который также был «сложным» и «недостаточно респектабельным». Однако это произошло лишь после двадцатилетних (!) дебатов в академии вокруг его имени, и к тому же позднее эксперты сожалели о своем решении...⁷

Не исключено, впрочем, такое соображение: эксперты слишком остро воспринимали особенно близких им скандинавских писателей и именно этим объясняется их лишенный всякой объективности подход к тому же Ибсену. Поэтому обратимся к перечню нобелевских лауреатов Европы и США *в целом*.

Поскольку истинное значение творчества писателя становится более или менее несомненным лишь по мере течения времени, и даже более того – с наступлением *новой*, существен-

но иной исторической эпохи, мы будем обсуждать уже давних лауреатов, удостоенных премий в 1901–1945 годах, то есть не менее полувека назад и до начала новой, *послевоенной* эпохи в истории мира.

Всего с начала века и до конца Второй мировой войны нобелевскими лауреатами стали ровно сорок писателей, и вот два перечня: слева – лауреаты 1901–1945 годов, а справа – не удостоенные этого звания писатели, жившие в те же годы и писавшие на собственно европейских языках (перечни даются в алфавитном порядке фамилий):

лауреаты	не удостоенные
Перл Бак	Шервуд Андерсон
Хасинто Бенавенте	Бертольт Брехт
Пауль Гейзе (Хейзе)	Поль Валери
Карл Гьеллеруп	Томас Вулф
Грация Деледда	Федерико Гарсиа Лорка
Йоханнес Йенсен	Джеймс Джойс
Джозуэ Кардуччи	Эмиль Золя
Эрик Карлфельдт	Хенрик Ибсен
Гарри Синклер Льюис	Франц Кафка
Габриэла Мистраль	Джозеф Конрад
Фредерик Мистраль	Маргарет Митчелл
Хенрик Понттопидан	Роберт Музиль
Владислав Реймонт	Марсель Пруст
Франс Силланпя	Райнер Мария Рильке
Арман Сюлли-Прюдом	Френсис Скотт Фицджеральд
Сигрит Унсет	Марк Твен
Вернер фон Хейденстам	Герберт Уэллс
Карл Шпиттелер	Роберт Фрост
Рудольф Эйкен	Олдос Хаксли
Хосе Эчегарай	Томас Харди (Гарди)*

* Помимо перечисленных лауреатов 1901–1945 годов премий были удостоены в этот период историк Теодор Моммзен и философ Анри Бергсон⁸ (как будто достойных писателей тогда не имелось!). А присуждение премий азиатцу Рабиндранату Тагору и русскому Ивану Бунину являло собой – о чем уже шла речь – только демонстрацию всемирности (ведь этими двумя именами и ограничился тогда выход за пределы собственно европейских языков).

Сегодня, по прошествии времени, совершенно ясно, что писатели из правого перечня (кстати, очень даже предельно разные) заведомо значительнее (каждый, конечно, по-своему) их расположенных слева современников. А ведь в левом перечне перед нами *двадцать нобелевских лауреатов*, то есть *половина* из тех, кто был удостоен премии до 1946 года!

Разумеется, среди лауреатов 1901–1945 годов есть все же и вполне весомые имена: Кнут Гамсун (правда, удостоенный премии лишь после двадцатилетней тяжбы), Герхарт Гауптман, Джон Голсуорси, Редьярд Киплинг, Сельма Лагерлеф, Томас Манн, Роже Мартен дю Гар, Морис Метерлинк, Юджин О'Нил, Луиджи Пиранделло, Ромэн Роллан, Генрик Сенкевич, Анатоль Франс, Бернард Шоу. Но, во-первых, было бы попросту странно, если бы шведские эксперты целиком и полностью игнорировали подлинно значительных писателей, а во-вторых, эти действительно достойные имена составляют всего только треть из общего количества лауреатов 1901–1945 годов. То есть эксперты делали «правильный выбор» только в одном случае из трех...

В книге А. М. Илюковича предпринята попытка как-то оправдать шведских экспертов. Обращаясь к ряду значительнейших писателей, не удостоенных премий, он объясняет это либо их недостаточно широкой прижизненной известностью, либо их преждевременной кончиной, либо новизной их стиля и т.п. Допустим, что эти соображения в самом деле оправдывают *экспертов*; но они отнюдь не могут оправдать Нобелевскую премию как таковую, ибо оказывается, что абсолютное большинство – около двух третей – присужденных до 1946 года премий достались не тем писателям, которых следовало удостоить этой награды... Уместно ли при таком результате считать премию «авторитетной»?

Илюкович, движимый стремлением не допустить дискредитации сей награды, предлагает читателям «внести поправки на реальные условия и “вычесть” из перечня оставшихся без Нобелевской премии по литературе имена тех, кто не стал лауреатом по объективным причинам (напри-

мер, «поторопился» умереть. – В. К.), то есть не связанным с ошибками стокгольмских мудрецов»... Однако хорошо известно, как эти «мудрецы» отказывались присудить премии самым великим – Толстому и Ибсену; перед нами вовсе не ошибки, а проявления вполне осознанной тенденции.

Выше были названы двадцать писателей, принадлежащих к наиболее значительным художникам слова конца XIX – первой половины XX века, которые, однако, не удостоились премий; их место в перечне лауреатов заняли заведомо менее весомые имена (кстати, перечень значительных писателей, отвергнутых Шведской академией, можно намного расширить: Гийом Аполлинер, Грэм Грин, Теодор Драйзер, Дэвид Лоуренс, Уистен Оден, Джордж Оруэлл, Торнтон Уайлдер, Мигель де Унамуно, Роберт Пенн Уоррен и др.).

Чрезвычайно показательно следующее обстоятельство: многие писатели, удостоенные Нобелевской премии, открыто выразили несогласие с позицией Шведской академии, называя в своих речах и интервью после вручения им премий имена тех, кто не получили этой награды, хотя были более достойными. Такую, конечно, замечательную честность проявил Синклер Льюис, сказавший в своей речи о «великом Шервуде Андерсоне» (позднее о нем же говорил другой лауреат – Джон Стейнбек)⁹. Испанский поэт Хуан Хименес, получая премию, заявил, рискуя вызвать негодование Шведской академии, что он считает истинно достойным награды другого, не ставшего лауреатом испанца – Федерико Гарсиа Лорку¹⁰. Лауреаты Томас Манн и, позднее, Сол Беллоу поставили выше себя Джозефа Конрада¹¹, а Франсуа Мориак не без едкости напомнил шведским экспертам о не удостоенном премии шведе Августе Стриндберге¹²; Уильям Фолкнер высил над самим собой Томаса Вулфа¹³, Элиас Канетти – Роберта Музиля¹⁴, Пабло Неруда – Поля Валери¹⁵ и т.д.

Разумеется, лауреаты в то же время так или иначе выражали свое почтение присужденной им премии, но их упомянутые «оговорки» фактически означали дискредитацию Шведской академии, или, вернее, входящих в нее «магистров,

которые не понимают искусства, берясь судить о нем» (согласно уже цитированному выражению Августа Стриндберга).

Критика шведских экспертов, прозвучавшая из уст целого ряда лауреатов, исключительно существенна для понимания истинной *цены* Нобелевской премии. Можно спорить о том, *почему* лауреаты один за другим сочли нужным в своих кратких выступлениях упомянуть о грубых просчетах Шведской академии. Но так или иначе они выразили свое решительное несогласие с экспертами, и этот по сути дела протест стал своего рода традицией. Ее, между прочим, подхватил в 1987 году очередной «избранник» – Иосиф Бродский¹⁶, заявивший с лауреатской трибуны, что он испытывает ощущение «неловкости», вызываемое «не столько мыслью о тех, кто стоял здесь до меня, сколько памятью о тех, кого эта честь миновала», и перечислил несколько имен: «Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Роберт Фрост, Анна Ахматова, Уистен Оден».

Казалось бы, он мог назвать значительных поэтов, которые все же были за 87 лет удостоены премий, таких как Борис Пастернак, Сен-Жон Перс, Томас Элиот, но предпочел говорить о «незамеченных». Впрочем, к премии Иосифа Бродского мы еще вернемся.

3

Исходя из очерченных выше фактов, едва ли возможно всерьез спорить с тем, что решения Шведской академии в 1901–1945 годах не соответствовали реальному положению в литературе, притом речь идет о литературе на европейских языках (о литературе других континентов, а также России не приходится и говорить). Многие наиболее значительные писатели остались за бортом, а не менее *половины* лауреатов того периода к нашему времени уже прочно – и вполне *заслуженно* – забыты.

Я не касаюсь вопроса о тех премиях, которые были присуждены за последние полвека (1946–1996), ибо время еще, как

говорится, не расставило здесь все на свои места, и вокруг тех или иных имен возможна острая и не приводящая к твердому решению полемика. Признаюсь, впрочем: для меня несомненно, что и в течение этих пятидесяти лет дело обстояло в принципе так же, как и ранее, и имена многих лауреатов в недалеком будущем совершенно померкнут¹⁷, а с другой стороны, выявятся прискорбнейшие упущения шведских экспертов.

Ибо *исходной* и *основной* причиной наивысшей престижности Нобелевской премии является вовсе не объективность и адекватность вердиктов Шведской академии, а *величина денежного вознаграждения*, во много раз превышающего суммы, которые предоставляются иными – даже самыми щедрыми – премиями.

Илюкович приводит в своей книге точную характеристику: «Уникальность именно Нобелевской премии состоит в *невероятной по величине* сумме завещанного капитала». Этот капитал в момент составления завещания Альфреда Нобеля выражался в 9 миллионах долларов, но «нужно учесть, что за прошедшие 90 лет покупательная способность денег упала более (пожалуй, даже намного более. – В. К.) чем в 10 раз, то есть сегодня состояние Нобеля оценивалось бы примерно в 100 миллионов долларов», и если первый лауреат Арман Сюлли-Прюдом в 1901 году получил (из тогдашней прибыли на нобелевский капитал) 42 000 долларов, то лауреатка 1991 года Надин Гордимер – 1 000 000 долларов...

Громадность (по тем временам) капитала Альфреда Нобеля была обусловлена тем, что его отец Иммануэль Нобель (1801–1872) одним из первых в мире избрал своей главной целью производство вооружения. Уже в 1827 году он «занялся конструированием мин», а затем создал завод, производивший пороховые мины, скорострельные винтовки, артиллерийские орудия и т.д. В 1868 году его сын Альфред (1833–1896) изобрел динамит, что дало мощный импульс его обогащению; с тех пор он получил прозвание «*динамитный король*».

Завещание Альфреда Нобеля явилось громкой сенсацией, поскольку величина денежного вознаграждения нобелев-

ских лауреатов была действительно «невероятной»: так, она в 70 (!) раз превышала размер одной из крупнейших тогдашних премий, присуждаемой Лондонским королевским обществом. И шведский писатель Оскар Левертин вполне справедливо предрек еще в 1899 году:

«Впервые иностранные специалисты направят свое внимание на *отдаленную Академию* в Стокгольме, люди из многих стран будут с нетерпением ждать вестей о том, чья муза станет Данаей, на которую прольется золотой дождь Академии»; между прочим, довольно игривое сравнение, ибо Зевс пролился золотым дождем на Данаю и она зачала Персея...

Илюкович, стремясь убедить читателей в том, что нобелевское лауреатство ценно не только большими деньгами, но и само по себе как высшее признание заслуг писателя, сформулировал соотношение денег и почестей так: «Да, конечно, Нобелевские премии имеют громадный размер, и все же сводить дело лишь к материальному аспекту было бы столь же легкомысленно, как и утверждать, что деньги тут ни при чем».

Что тут следует сказать? Совершенно ясно, что, если бы размер премии был обычным, заурядным, решения Шведской академии не только не приобрели бы статуса «высшего» признания писателя, но и вообще не имели бы сколько-нибудь широкой известности (в самом деле: неужто столь важно и интересно знать, каких писателей ценит группа граждан Швеции?!).

Вместе с тем лауреатство, конечно, само по себе предстает как выдающаяся почесть, и писатели – особенно те, которые не очень уж нуждаются в деньгах, – дорожат не столько получаемой суммой, сколько причислением их к сонму нобелевских светил. Однако премия все же получила свой статус лишь благодаря ее «невероятной» величине. В массовом сознании – или, вернее, подсознании – соотношение денег и почестей реализуется примерно таким образом: подумать только, человек исписал какое-то количество листов бумаги, а ему за это дали миллион! Вот что значит гений!

Короче говоря, основа «*престижности*» Нобелевской премии – все же именно «*невероятный*» размер денежной

суммы, а все остальное, так сказать, естественноросло на этом стержне.

4

Как уже говорилось, Шведская академия с самого начала своей деятельности по выявлению достойных лауреатов не благоволила русской литературе – она отвергала Толстого и не замечала Чехова. Только спустя треть века русский писатель стал лауреатом, но сразу же обнаружился особенный подход к делу: Иван Бунин, как и позднее нобелевские лауреаты Борис Пастернак, Александр Солженицын, Иосиф Бродский, находился в состоянии очевидного острейшего конфликта с властью в своей стране (еще один лауреат, Шолохов, не состоял – по крайней мере ко времени присуждения ему в 1965 году премии – в таком конфликте, но о «шолоховском вопросе» речь пойдет ниже).

Драматические или даже трагедийные конфликты литературы (и – шире – культуры) и власти – явление неизбежное и вечное, хорошо известное еще с античных времен. И не подлежит сомнению *правота* тех или иных деятелей культуры в таких конфликтах.

Но в то же время едва ли сколько-нибудь правомерно полагать, что значительность писателя определяется остротой его конфликта с властью. Так, в зрелые свои годы Достоевский не был, в отличие от позднего Толстого, «диссидентом» (если воспользоваться нынешним термином)¹⁸, но это ни в коей мере не умаляет достоинства гениального писателя.

Однако Шведская академия избирала в России только вполне очевидных «диссидентов» и прошла мимо несомненно очень весомых (каждое по-своему) имен, не имевших такой репутации: Михаил Пришвин, Максим Горький, Владимир Маяковский, Алексей Толстой, Леонид Леонов, Александр Твардовский (которого, кстати, еще в 1940-х годах исключительно высоко оценил лауреат Иван Бунин) и др.

Уместно рассказать в связи с этим об одном эпизоде из истории деятельности Шведской академии, о котором я узнал

от непосредственного участника этой деятельности – известного норвежского филолога Гейра Хьетсо, игравшего немалую роль в обсуждении кандидатур на Нобелевскую премию. Гейр Хьетсо не раз навещал меня во время своих поездок в Москву и как-то – это было к концу 1970-х годов – рассказал мне, что наиболее вероятным очередным нобелевским лауреатом является Андрей Вознесенский. Однако, как он сообщил в следующий свой приезд, от этой кандидатуры отказались, потому что Вознесенский получил Государственную премию СССР...

Я отнюдь не считаю сочинения Вознесенского значительным явлением (о чем еще в 1960-х годах со всей определенностью высказался в печати)¹⁹ и в то же время полагаю, что этот автор не «хуже» удостоенного позднее Нобелевской премии Иосифа Бродского. Но речь сейчас о другом: присуждение Вознесенскому высокой советской премии, в сущности, полностью лишило его диссидентского ореола, которым он в той или иной мере обладал, и он уже не представлял интереса для Шведской академии...

Обратимся теперь к «шолоховскому вопросу». Присуждая премию творцу «Тихого Дона», представляющего собой, вне всякого сомнения, одно из величайших явлений мировой литературы, Шведская академия единственный раз отказалась от своего «принципа» – ценить в России только «диссидентов». Для принятия этого решения экспертам потребовалось одиннадцать лет, ибо кандидатура Шолохова впервые рассматривалась ими (и была отвергнута) еще в 1954 году. Это «исключение» было именно из тех, которые подтверждают «правило», и, главное, оно дало сильный аргумент тем, кто отстаивает объективность шведских экспертов.

Однако за последние двадцать пять лет Шведская академия не заметила в литературе России ничего достойного, кроме награжденного в 1987 году Иосифа Бродского, который к тому времени уже шестнадцать лет жил в США и даже стал сочинять стихи на английском языке.

В связи с кончиной Иосифа Бродского, последовавшей в январе 1996 года, в средствах массовой информации появи-

лись своего рода беспрецедентные оценки²⁰: «великий русский поэт», «последний великий русский поэт», «Пушкин нашего времени» и т.п. Притом подобные определения подчас изрекали явно малокультурные лица; так, один из телевизионных обозревателей назвал в числе лауреатов Нобелевской премии, писавших на русском языке, Владимира Набокова, а другой забыл о Михаиле Шолохове.

Прежде чем рассматривать вопрос о присуждении премии Бродскому, следует сказать, что поэтам особенно «не везло» в коридорах Шведской академии. О виднейших русских поэтах (Анненский, Блок, Вячеслав Иванов, Андрей Белый, Маяковский, Гумилев, Хлебников, Клюев, Есенин, Цветаева, Ходасевич, Мандельштам, Георгий Иванов, Ахматова, Заболоцкий, Твардовский и др.) вообще не приходится говорить. Обычно ссылаются на то, что их плохо (или совсем не) знали в Европе. Однако это соображение способно снять вину (или хотя бы часть вины) со шведских экспертов, но, конечно, подрывает мнение об «авторитетности» самой Нобелевской премии, за рамками которой оказалась одна из богатейших поэтических культур XX века. Ведь единственный русский поэт – Борис Пастернак – стал лауреатом благодаря его вызвавшему громкий идеологический скандал роману²¹.

Но отвлечемся от русской темы. До Иосифа Бродского нобелевскими лауреатами стали два десятка поэтов Европы и США. Обратимся к тем из них, которые были удостоены премии не менее тридцати лет назад – с 1901 до 1966 года (и, значит, в определенной мере уже проверены временем): Нелли Закс, Уильям Йетс, Джозуэ Кардуччи, Эрик Карлфельдт, Сальваторе Квазимодо, Фредерик Мистраль, Сен-Жон Перс, Георгос Сеферис, Арман Сюлли-Прюдом, Хуан Хименес, Карл Шпиттелер, Томас Элиот.

Сегодня любой просвещенный ценитель поэзии признает значительность только трех из этих двенадцати имен – ирландца Йетса, француза Сен-Жон Перса и англичанина (по происхождению – американца) Элиота. В то же время он

обязательно назовет немало имен выдающихся поэтов той же эпохи, не снискавших Нобелевской премии; среди них – австриец Райнер Мария Рильке, француз Поль Валери, немец Стефан Георге, испанец Федерико Гарсиа Лорка, американец Роберт Фрост, англичанин Уистен Оден. Это, в сущности, крупнейшие представители своих национальных поэтических культур в XX веке – и все же ни один из них не стал нобелевским лауреатом...

Словом, руководствоваться вердиктами Шведской академии при уяснении действительных ценностей поэзии XX века невозможно, что относится и к Иосифу Бродскому. Могут, впрочем, возразить, что Шведская академия подчас (в одном случае из четырех!) все же избирала весомое поэтическое имя и почему бы не считать правильным ее решение 1987 года, касающееся Иосифа Бродского?

Я не имею намерения анализировать сочинения этого автора, во-первых, потому, что еще не прошло достаточно времени, выносящего свой объективный приговор, и любое мое суждение могут решительно оспаривать, и, во-вторых, потому, что для серьезного анализа потребовалось бы много места. Но я считаю вполне целесообразным процитировать содержательные рассуждения двух писателей, которые непосредственно наблюдали «процесс» присуждения Нобелевской премии Иосифу Бродскому.

Речь идет о Льве Наврозове и Василии Аксенове, которые, как и Бродский, эмигрировали из России в США (первый – еще в 1972 году, второй – позже, в 1980-м). Люди эти довольно разные, но их «показания» во многом совпадают.

Василий Аксенов писал в 1991 году (в статье «Крылатое вымирающее», опубликованной в московской «Литературной газете» от 27 ноября 1991 г.), что Иосиф Бродский – «вполне середняковский писатель, которому когда-то повезло, как американцы говорят, оказаться “в верное время в верном месте”». В местах, не столь отдаленных (имеется в виду продолжавшаяся несколько месяцев высылка Иосифа Бродского из Ленинграда в деревню на границе Ленинград-

ской и Архангельской областей по хрущевскому постановлению о «тунеядцах». – В. К.), он приобрел ореол одинокого романтика и наследника великой плеяды. В дальнейшем этот человек с удивительной для романтика расторопностью укрепляет и распространяет свой миф. Происходит это в результате почти электронного расчета других верных мест и времен, верной комбинации знакомств и дружб. Возникает коллектив, многие члены которого даже не догадываются о том, что они являются членами, однако считают своей обязанностью поддерживать миф нашего романтика. Стереотип гениальности живуч в обществе, где редко кто, взявшись за чтение монотонного опуса, нафаршированного именами древних богов (это очень характерно для сочинений Бродского. – В. К.), дочитывает его до конца. Со своей свеженькой темой о бренности бытия наша мифическая посредственность бодро поднимается, будто по намеченным заранее зарубкам, от одной премии к другой и наконец к высшему лауреатству (то есть к «нобелевке». – В. К.)... Здесь он являет собой идеальный пример превращения “я” в “мы”... Коллективное сознание сегодня, увы, проявляется не только столь жалким мафиозным способом, как упомянутый выше, но и в более развернутом, едва не академическом виде... Изыскания идеологизированных ученых подводят общество к грани нового тоталитаризма... Мы все... так или иначе были затронуты странным феноменом “левой цензуры”, основанной на пресловутом принципе “политической правильности...” (то есть Иосифу Бродскому присудили премию прежде всего за «политическую правильность» и верность определенному «коллективу». – В. К.)^{*}.

Исследует, как он определяет, феномен «Иосиф (на Западе – Джозеф) Бродский» и Лев Наврозов (см. его эссе «Лжегении в вольных искусствах», опубликованное в из-

^{*} Между прочим, Василий Аксенов, жалующийся на тоталитаризм «левой цензуры» на Западе, сказав со стопроцентной ясностью о карьере Бродского, имя его все же в своей статье не назвал, как говорится, «иудейского страха ради», хотя сам он – по материнской линии, то есть «полноценный», – еврей.

дающемся в Москве «российско-американском литературном журнале» «Время и мы» за 1994 год, № 123). Он признает, что существовала «для нас в России прелесть стихов Бродского 60-х годов (тут же, впрочем, оговаривая, что сия «прелесть» несовместима «с той галиматьей, которую представляют собой существующие переводы этих стихов на английский язык». – В. К.). Но даже в 60-х годах, – продолжает Наврозов, – было бы нелепо считать эти стихи Бродского равноценными поэзии Блока, или Мандельштама, или Пастернака, или Цветаевой... Юмор заключается в том, что ни Мандельштам, ни Цветаева (ни Толстой, ни Чехов) Нобелевскую премию не получили. А Пастернак... получил ее, лишь когда разразился политический скандал в конце его жизни по поводу его романа... Стихи Бродского 60-х годов не пережили 60-е годы. А его стихи, написанные в звании «американского профессора поэзии», потеряли... прелесть его стихов 60-х годов... Написанное им с тех пор – это профессиональные упражнения в версификации».

Бродского, пишет далее Наврозов, представляют в качестве «узника ГУЛАГа», хотя у него очень мало «подобных внелитературных оснований для получения Нобелевской премии... Бродский развил необыкновенно искусную деятельность, чтобы получить Нобелевскую премию, и я сам был невольно вовлечен в эту деятельность, пока не сообразил, в чем дело», и «как же может Запад судить о прелесть стихов Бродского 60-х годов, если их переводы сущая галиматья?... Бродский стал играть роль водевильного геня...» и т.д.

Кто-нибудь, вполне вероятно, скажет, что столь резкие суждения Аксенова и Наврозова обусловлены их завистью к лауреату. Подобный мотив нельзя целиком исключить, но в то же время едва ли можно утверждать, что дело вообще сводится к этому. В частности, нет сомнения, что перед нами не сугубо индивидуальные точки зрения Аксенова и Наврозова; эти авторы существуют в США в определенной среде и не могли бы выступить наперекор всем тем, с кем они так

или иначе связаны. А эта среда знает действительную «историю» лауреатства Бродского неизмеримо лучше, нежели его безудержные московские хвалители, хотя далеко не каждый из этой самой среды готов – подобно Аксенову и Наврозову – высказаться о сути дела публично.

Уместно еще процитировать здесь стихотворение об Иосифе Бродском, принадлежащее одному из наиболее талантливых современных поэтов – Евгению Курдакову, который в юные годы был близко знаком с будущим лауреатом. Стихотворение это появилось в № 3 журнала «Наш современник» за 1991 год, то есть на полгода ранее только что цитированной статьи Василия Аксенова*.

Евгений Курдаков, между прочим, в определенной степени воспроизводит манеру Иосифа Бродского, и его стихотворение можно даже понять как *пародию*, но пародию высокого плана, которая с творческой точки зрения превосходит свой оригинал:

Бормотанья и хрипы ровесника, сверстника шепот,
То ли плохо ему, то ль последний исчерпан припас,
То ли просто не впрок предыдущих изгнанников опыт,
Что и в дальней дали не смыкали по родине глаз?

В причитаньях, роптаньях давно не родным озабочен,
И родное, не мстя, оставляет ему на пока
Инвентарь маргинала: силлабику вечных обочин,
Да на мелкие нужды – потрепанный хлам языка.

Утки-обериутки свистят между строчек по-хармски
В примечаньях к прогнозам погоды с прогнозом себя,
С переводом на русско-кургузский, на быстроизданный
По ходатайству тех, кого вмиг подвернула судьба.

* Стоит отметить, что Курдакова – в отличие от Аксенова – нельзя заподозрить в зависти к лауреату, ибо он, не имея никакой известности на Западе, вообще не мог помышлять о Нобелевской премии.

Эти мобиле-нобели, вечная шилость-на-мылость
На чужом затишке, где в заслугу любой из грешков,
Где бы можно пропасть, если в прошлом бы их не случилось,
Этих милых грешков из стишков, из душков и слушков.

Под аттической солью беспамятства мнятся искусы,
Только соль отдаленья по сути глуха и слепа:
Растабары, бодяги, бобы, вавилоны, турысы,
Кренделя, вензеля и мыслете немислимых па...

5

В заключение – два слова о современной русской литературе. В книге А. М. Илюковича утверждается, что-де премии, присуждаемые Шведской академией, «стали общепризнанным критерием оценки достижений национальных и региональных сообществ. В частности, начали подсчитывать распределение лауреатов по странам». И стало, мол, ясно, что для России «цифры получаются мизерными... Русского человека, по праву гордящегося... культурой отечества, сложившаяся вокруг премий Нобеля ситуация (имеется в виду наше время. – В. К.) не может не тревожить. В ней можно видеть отображение переживаемого обществом кризиса»...

Я не раз ссыался на книгу Илюковича, в которой содержатся и существенная информация, и в той или иной мере справедливые суждения. Однако только что приведенные его фразы – прошу извинить за резкость – абсолютно, даже чудовищно нелепы. Когда Илюкович пытается оправдывать шведских экспертов, «проглядевших» выдающихся русских писателей, тем, что писатели эти не имели должной известности в Европе, его можно понять. Но в рассматриваемых фразах речь идет совсем о другом – о том, что малое количество присужденных русским писателям премий якобы является тревожным свидетельством прискорбного состояния русской литературы...

Абсурдность такой постановки вопроса со всей очевидностью обнаруживается в том, что с 1901-го по 1933 год рус-

ские писатели не получили ни одной Нобелевской премии (позднее лауреаты все же были), и, значит, если опираться на «общепризнанный критерий достижений», русская литература находилась тогда в полнейшем упадке. А ведь в действительности тот факт, что Толстой, Чехов, Пришвин, Иннокентий Анненский, Василий Розанов, Александр Блок, Вячеслав Иванов, Сергей Есенин, Михаил Булгаков, Андрей Платонов и другие их современники не были удостоены премий, должен тревожить вовсе не русских людей, а шведов, ибо их академия продемонстрировала тем самым свое убожество. И поистине смехотворны попытки судить о литературе той или иной страны по количеству полученных ее писателями премий, причем дело здесь отнюдь не только в русской литературе. Так, лауреатами стали всего семь писателей США (не считая трех недавних иммигрантов²², пишущих на польском, идише и русском) и шесть писателей Швеции²³, что, конечно же, нелепо.

Шведская академия очень долго не была способна оценить высшие достижения литературы США, присуждая премии таким второстепенным писателям, как Гарри Синклер Льюис и Перл Бак. А между тем начиная с 1920-х годов, когда США – первыми в мире (прежде всего потому, что не испытали разорения, а напротив, обогатились во время войны 1914–1918 годов) – вступили в период глобальной индустриализации и урбанизации, в стране складывается могучая школа писателей, обративших свое творчество к сельской или же сугубо провинциальной жизни, где глубокие противоречия природы и технической цивилизации представляли с наибольшей ясностью. По этому пути пошли крупнейшие писатели США – Шервуд Андерсон, Томас Вулф, Эрскин Колдуэлл, Роберт Фрост, Уильям Фолкнер, Джон Стайнбек. Двое последних стали лауреатами, но довольно поздно, а четверо первых – так и не *сподобились*.

Но совсем уже проигнорировали шведские эксперты родственную этим писателям США (хотя, конечно, имеющую глубочайшее национальное своеобразие) русскую шко-

лу, прозванную «деревенской прозой» и достигшую высокого уровня уже тридцать лет назад.

Впрочем, тот факт, что Шведская академия «не заметила» писателей этой школы, ничуть не удивителен: он вполне соответствует всей истории присуждения Нобелевской премии – истории, в какой-то мере обрисованной в этой статье.

Повторю еще раз: можно понять и, как говорится, простить вполне очевидную неспособность шведских экспертов отличить первостепенное от второ- и третьестепенного (в конце концов, ведь не боги горшки обжигают...), но никак нельзя оправдать тех, кто пытается объявлять Нобелевскую премию надежным критерием достоинства писателей и тем более целых национальных литератур. Напомню, что в 1901–1945 годах премия была присуждена сорока писателям, однако, если перечислить сорок высокоценимых ныне писателей Европы и США этого самого периода, только *треть* из них, как мы видели, стали лауреатами, а *две трети* остались за бортом (и к тому же их место заняли другие, значительно менее достойные).

Ясно, что при таком раскладе едва ли имеются основания пользоваться нобелевскими «показателями» при обсуждении достоинств писателей, не говоря уже о литературах тех или иных стран в целом. Причем речь идет именно и только о литературах Европы и США; о литературах же России и основных стран Азии вообще нет никакого смысла рассуждать в связи с Нобелевской премией. И ее «всемирная авторитетность» – не более чем пропагандистский миф.

Гласность и вседозволенность

Те многообразные современные явления, о которых мы говорим как о возрождении *гласности*, имеют, конечно, исключительное значение для общественного сознания и самой жизни страны в целом. Я думаю, не будет неуместным ска-

зять, что их результаты громадны и в моей собственной жизни. Я смог опубликовать ряд статей, написанных семь-десять лет назад¹. Вышла в серии «Жизнь замечательных людей» моя книга о Тютчеве, представленная в издательство еще в 1983 году, но встреченная там требованиями таких сокращений и переделок, на которые я не мог согласиться, и потому оставшаяся лежать без движения. Наконец – и это, может быть, главное – я написал и опубликовал сочинения, которые еще четыре года назад просто не стал бы писать (разве только для личного употребления)².

Не сомневаюсь, что то же самое могли бы поведать сейчас многие литераторы. Я не говорю уже о том, что «разносы», которым постоянно подвергались мои литературные выступления в пятидесятых – начале восьмидесятых годов, подчас надолго лишали меня возможности печататься вообще, а ныне самые яростные атаки против моих статей рассматриваются как *полемика*, как столкновение разных точек зрения. Кстати, о резкости сегодняшней полемики.

Многие скорбят или негодуют по этому поводу и нередко вызывают к «добрым» традициям классической литературы, которая-де не допускала подобного тона в спорах. Но это плод забывчивости или попросту неосведомленности. Всякий, кто возьмет в руки полемические выступления Пушкина или Белинского, Достоевского или Писарева, Розанова или Бунина, тут же убедится, что нынешняя литературная полемика очень редко достигает той остроты и той беспощадности, которые характерны для XIX – начала XX века.

Я отнюдь не призываю равняться в этом отношении на уже дальних предшественников. Во многих явлениях и событиях современности отчетливо просматривается катастрофичность, которую сто – сто пятьдесят лет назад можно было только смутно предугадывать. Поэтому сегодня следовало бы как раз по мере возможности преодолевать «классические» традиции в сфере полемики.

Но в то же время никак не могу согласиться с литераторами (а их немало), видящими в любой резкой полемике про-

явление так называемой групповщины – то есть мелкой по преследуемым целям и, в сущности, своекорыстной борьбы.

Разумеется, и такая борьба имеет место в сегодняшней печати. Но, в конце концов, это периферийные явления. Основная сегодняшняя полемика имеет достаточно принципиальный и серьезный смысл.

Не без восхищения я прочитал, например, очень резкую полемическую статью Бориса Любимова «Белый рынок?! Размышления о театральной ситуации» (ЛГ от 30 ноября 1988 г.), в которой, в частности, говорится:

«Лет десять назад по поездкам дальнего следования ходил немой человек, предлагавший пассажирам кустарным способом изготовленные календари с изображением Сталина, Высоцкого и голых девочек. Похоже на то, что сегодня этот немой работает то ли редактором в министерстве, то ли экспертом в СТД*. Во всяком случае, репертуар московских театров вполне отвечает его вкусам, только из сферы “черного рынка” темы и идеи попали на “белый рынок”, который представляет сегодня наш театр».

Вдумчивый читатель, конечно, поймет, что набор «Сталин, Высоцкий, голые девочки» только один из многих вариантов (вот первый из иных возможных: Жданов, Галич, СПИД) и что дело не в самих по себе обеспечивающих широчайшее сенсационное внимание «предметах», а в характере их «подачи». В принципе, любой предмет может стать темой серьезного и ценного театрального представления: Б. Любимов, как ясно из его статьи, озабочен, даже подавлен, другим – безудержным стремлением множества деятелей театра к разнородной, но равно низкопробной «развлекаловке».

Я живу неподалеку от одного из главных московских кинотеатров («Октябрь»), и не раз мне приходилось видеть афиши устраиваемых в нем зрелищ, которые неизменно слагались из такого рода компонентов: встреча с родственниками жертв репрессий тридцатых годов; выступление рок-звезды; демонстрация мод (в том числе купальных).

* СТД – Союз театральных деятелей.

По моему убеждению, уже сам по себе факт *совмещения* в одном *зрелище* таких «узлов» неопровержимо свидетельствует, что его устроители неспособны воспользоваться феноменом гласности сколько-нибудь плодотворно.

Однако еще хуже другое. В конце концов, всякое *зрелище* (его сейчас предпочитают называть по-заграничному – «шоу») есть зрелище, и от него заранее ожидают развлекательности или хотя бы увлекательности: ведь люди собираются на него издалека и садятся в кресла надолго. Но, обращаясь к тем или иным *печатным* изданиям, особенно к некоторым еженедельникам, приходится горько пошутить, что и в их редакциях заправляет ныне тот самый немой (с его Сталиным, Высоцким и голыми девочками), о котором вспомнил Б. Любимов. А печать, литература – это не то, что зрелище. Она не только возбуждает чувства, но способна формировать все отношение к миру. И здесь крайне опасна подмена гласности вседозволенностью. Необходимо понять, что гласность и вседозволенность – это не просто различные, но, в сущности, противоположные явления. Едва ли не наиболее значительный поэт, который получил возможность широко печататься в эпоху гласности, когда ему уже было за сорок, Виктор Лапшин говорит в стихотворении, открывшем его книгу с многозначительным названием «Поздняя весна» (1985):

Мой друг! Мой брат! Такое дело:
На сердце много наболело –
Иду на исповедь, на казнь!
И смерть красна, коль принародна;
Надеждою душа свободна,
Но где надежда – там боязнь.
Страшусь – и верую упорно,
Что поделиться незасорно
Сердечной думой. Знаю я:
Зачахнет тайное под спудом;
Пусть не станет слово чудом,
Но будет эхом бытия.

Нет сил молчать! Прости заранее –
Не обойдусь я и без брани,
Но льстить нахально – горший грех:
Медоточиво – вражье слово.
Не слишком речь моя толкова,
Зато за всех – и ради всех.

Одно дело, когда «за всех и ради всех» звучит идущий из глубины духа и поистине выстраданный голос, и совершенно другое – когда читателям наспех предлагается «дозволенная» сегодня сенсационная «информация». Вседозволенность в литературе (и, шире, в печати) дурна и вредна отнюдь не потому, что ее «представители» говорят обо всем; поведать обо всем – без каких-либо исключений – необходимо. Она дурна и вредна потому, что лишена *нравственной* основы и *ответственности*. И глубоко ошибаются те, кто полагает, что явление литературной вседозволенности порождено сегодняшним временем.

Вседозволенность – это, в сущности, *определяющая* черта литераторов, которые во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х годов лакейски восхваляли брежневские мемуары, писали заведомую ложь о жизни своей страны и других стран (скажем, превращали весь облик США в «лицо ненависти»³), занимались политиканством и интригами в свитах Сусловых и Гришиных⁴. Конечно, их вседозволенность тогда выражалась в совсем иных формах и суждениях, чем ныне. Но по *внутренней* сущности это та же самая вседозволенность. И если обратиться к органам печати, в которых расцветает сегодня вседозволенность, нетрудно увидеть, что определяющую роль в них играют именно такие литераторы, мгновенно изменившие свое «мировоззрение» (которого, строго говоря, у них нет и не может быть), литераторы, всегда делающие именно то, что в данный момент наиболее выгодно делать.

Говоря об этом, я вовсе не склонен к пессимизму. Речь идет о неизбежных издержках труднейшего процесса воз-

рождения подлинной гласности. И масса фактов свидетельствует сегодня о том, что с каждым месяцем все большее число людей начинает осознавать различие или, точнее, противоположность вседозволенности и гласности.

«Мы меняемся»?
Полемические заметки о культуре,
жизни и «литдеятелях»

Начну с характеристики одной разновидности литературного деятеля – разновидности, которая еще совсем недавно играла очень внушительную роль в жизни литературы. Ныне, к счастью, власть таких деятелей быстро ослабевает. Кто-нибудь даже может усомниться: а стоит ли о них вообще говорить сегодня?

Ну, во-первых, до недавнего времени о них вообще нельзя было высказаться в печати, а ведь любой тип литературного деятеля заслуживает отражения в критике. Во-вторых, многие представители этого типа отчаянно пытаются «перестроиться». Они готовы всю восхвалять прозу Набокова¹, рок-музыку, фильм «Покаяние»² и т.д., чтобы доказать свою вящую «прогрессивность». Но все это только конъюнктурные переодевания...

Прежде всего приведу цитату из не так давно вышедшей очередной книги подобного литературного деятеля, уже полтора десятилетия занимающего «руководящие посты». Фамилию его я не называю потому, что важен отнюдь не он сам, а выражаемая им тенденция. Поэтому я предпочитаю называть его для удобства, скажем, так: «литдеятель С.»³.

Ведь это (в чем читатель, надо думать, далее убедится) не, так сказать, творческая личность, но именно один из представителей определенного литературного типа, определенного «мы», от имени которого он и выступает. И если назвать его имя, другие – увы, достаточно многочисленные – представители данного типа могут отмежеваться

(это, мол, не про меня), а читатели сосредоточат внимание на отдельной фигуре – вместо того чтобы увидеть типическое явление.

Итак, типичный литдеятель С. рассуждает в своей – также вполне типичной – книге следующим образом:

«Некогда, в “рапповские” времена, один из известных наших критиков поэзии утверждал: “...Тютчев... – совсем не наш, он органически чужд нам”. Будет ли сегодня кто-нибудь спорить против ощущения дикости этого: “совсем не наш”? Нет, поистине времена меняются, и мы, во всяком случае большинство из нас, меняемся вместе с ними».

Не так уж часто сталкиваешься со столь яркими образчиками «саморазоблачения». Во-первых, С. откровенно признается, что отношение подобных ему литдеятелей к классике целиком зависит от «изменения времен», то есть, называя вещи своими именами, от конъюнктуры (а не от той внутренней эволюции литератора, которая определяется напряженной работой мысли); вполне вероятно, что при некоем грядущем «изменении времени» Тютчев для таких литдеятелей опять может стать «совсем не нашим». Сейчас же, когда тютчевские книги расходятся в десятках миллионов экземпляров, как-то неприлично было бы не «меняться».

Далее, С. явно не случайно говорит, что сегодня не годится именно формулировка «Тютчев – совсем не наш»; он, очевидно, хочет только смягчить ее, заменив, допустим, определением «не совсем наш». Ведь сразу же после процитированного рассуждения С. привычно клеймит знаменитое тютчевское четверостишие «Умом Россию не понять...»: «Эти “мессианистские” строчки суть проявление слабых сторон мировоззрения и мировосприятия Тютчева, – пишет С. – Они своеобразно преломляют политически-консервативные их стороны».

Здесь С. полностью солидаризируется именно с писавшими об этом четверостишии Тютчева деятелями «рапповских» времен – в частности, с возмутительной по смыслу и тону бухаринской статьей «Злые заметки» (1927)⁴.

Известный исследователь жизни и творчества поэта К. В. Пигарев сказал в 1962 году о стихотворении «Умом Россию не понять...» Тютчева⁵: «Может быть, именно наша эпоха наполнила его афористические строки тем вещим смыслом, о котором и не догадывался сам поэт»; далее К. В. Пигарев приво­дил мемуарные свидетельства о том, как слушали это стихотворение солдаты в 1941 году...

Ныне, в 1980-е годы, земляки Тютчева – колхозники села Овстуг – начертали его вещее четверостишие на транспаранте, установленном у въезда в родное село поэта. Но в этом аспекте литдеятель С., по-видимому, еще не собрался «измениться» вместе со временем.

Впрочем, дело не только в этом. В своей атаке на тютчевское четверостишие С. ясно обнаружил элементарную неспособность понять поэтический смысл. С одной стороны, он попросту не знает, что **великий поэт** зачастую воплощает именно «мессианскую» настроенность, то есть убежденность в творческой, всемирной, всечеловеческой роли своего народа. Это присуще – если говорить об отечественной поэзии – не только Тютчеву или Блоку, но и Маяковскому, – притом ему-то, кстати сказать, больше, чем кому-либо. Когда он писал в «150.000.000» (а подобные его строки можно приводить без конца):

...тебе какое дам название,
вся Россия, смерчем скрученная в столб?!

Гром разодрал побережий уши,
и брызги взметнулись земель за тридевять,
когда Иван, шаги обрушив,
пошел грозою вселенную выдвинуть, –

или в поэме «Хорошо!»:

Я, как весну человечества,
Рожденную в трудах и бою,
Пою мое отечество,
Республику мою!..

Другим странам по сто.
История – пастью гроба.
А моя страна – подросток, – тво-
ри, выдумывай, пробуй!* –

в этом, конечно же, выражался именно «мессианский» пафос.

Разумеется, С. может возразить, что у Тютчева «мессианство» имело иной характер. Но об этом-то и следовало в таком случае рассуждать, а не отвергать «мессианские» мотивы вообще.

Главное же состоит в том, что в тютчевском четверостишии, на которое набросился С., как раз **нет** «мессианства» в прямом, собственном значении этого слова. Ибо совершенно ясно, например, что в завершающей, ключевой по смыслу строке с выделенным последним словом^{**}: «В Россию можно только **верить**», – воплотилось не только глубоко своеобразное национальное самоутверждение, но и полная драматизма национальная самокритика.

Как уже говорилось, литдеятель С. – это прежде всего типическое явление. Недавно один из значительнейших современных критиков Игорь Золотусский опубликовал (Литературное обозрение. 1987. № 4) статью «Доколе?», которая, я надеюсь, окажет благотворное воздействие на литературную жизнь. Он характеризует здесь сочинения десятка сегодняшних «ценителей» отечественной классики, в большинстве своем занимающих – или же занимавших до самого последнего времени – литературные посты (среди них – и наш С.).

Игорь Золотусский, по его собственному определению, ведет «речь о том, чторосло на науке,росло на литературе и омертвляет их у нас на глазах. Это делается именно у нас

* Привожу стихи без «лесенки», так как Маяковский не раз объяснял, что он печатает их этим способом ради правильного исполнения вслух, а не чтения глазами.

** Цитируя тютчевское четверостишие, С. обошелся без выделения этого слова.

на глазах, потому что издается массовыми тиражами и увенчивается лаврами всяческих званий и премий». Книги таких авторов, как С., «не просто вышли в свет и заняли свое скромное место среди других изданий – они законодательствуют, они строго одергивают тех, кто идет, по их убеждению, не в ту сторону... Такая узурпация истины – не новость, но она – нонсенс для наших дней».

Между тем, как показывает И. Золотусский, «непонимание и незнание предмета поражает в работах» этих авторов. Но не менее прискорбно и другое свойство их работ, о котором И. Золотусский пишет так: «Оказывается, совесть и стыд всего лишь слова, которые могут быть в какую-то эпоху популярны, а в какую-то – нет. Судя по всему, мы живем в эпоху, в которую они... не популярны».

Но вернусь опять к рассуждению литдеятеля С., с которого начался разговор. Статья И. Золотусского ясно убеждает, что дело отнюдь не в нем одном, а в достаточно многочисленном «народе», образовавшемся на литературе и, шире, культуре. И, кстати сказать, сам С. говорит вовсе не только от своего имени и даже не только от имени своих современников. Приведя слова критика 1920–1930-х годов, писавшего, что Тютчев-де «совсем не наш, он органически чужд нам», С., как уже отмечено, сообщает, что «времена» теперь сменились и «мы» меняемся вместе с ними.

В принципе, стоило бы даже поблагодарить литдеятеля С. за то, что он честно признается: пиши он в 1920-х – начале 1930-х годов, он был бы заодно с теми, для кого Тютчев «органически чужд». Он искренне включает себя в то «мы», для которого полвека назад Тютчев был «совсем не наш».

И вот здесь-то и раскрывается самая глубокая суть дела. Ведь для всех подлинных деятелей отечественной культуры и тогда, в двадцатых-тридцатых годах, Тютчев ни в коей мере не был «чужд». Для таких людей, как Блок, Горький, Вернадский, Пришвин, Станиславский, Циолковский, Пастернак (перечень этот можно, конечно, продолжать и продолжать), Тютчев всегда был органически близок и родствен. Все они

повторяли или могли повторить вслед за Львом Толстым: «Без Тютчева нельзя жить»⁶. Столь же близким он был и для тех молодых тогда творцов культуры, которые только начинали свой путь в двадцатые годы, – таких как Шолохов (известно, что он с упоением читал наизусть тютчевские стихи), Булгаков, Бахтин, Чижевский, Заболоцкий, Платонов, Лосев, Твардовский и многие другие. В возрасте всего двадцати четырех лет Твардовский записал свое глубокое размышление о поэтическом творчестве:

«Различия манер, характерные интонации, то, что отличает одного поэта от другого, – это ступень высшая по сравнению, скажем, с современной неразличимостью и однообразием стихов (за исключениями), но на ступени самой высокой – манеры как бы стираются (Пушкин, Гете, Тютчев), и есть строчки, даже целые стихи, в которых “манеры” вовсе не чувствуются. Подлинно великое как бы уравнивает» (отмечу, что в зрелости сам Твардовский достигал этой самой высокой ступени).

Впрочем, эти доводы едва ли смутят литдеятеля С. В уже цитированной статье Золотусского говорится о сочинениях С. и ему подобных: «И по сей день я читаю в монографиях и исследованиях, что Гоголь чего-то недопонял, Достоевский недовыразил, Толстой недоучел, Чехов не разглядел». И С. вполне может заявить, что названные мною крупнейшие деятели культуры послереволюционных лет не были, так сказать, идеологически безупречны и потому недопоняли «чуждость» Тютчева их эпохе. Ведь сам-то он относит себя ко вполне определенному «мы» – к прямым наследникам тех идеологически бдительных литераторов, которые в двадцатых-тридцатых годах утверждали: «Тютчев... органически чужд нам».

Но ведь хорошо известно, что в личной библиотеке В. И. Ленина были две тютчевские книги и что одна из них, по свидетельству ближайшего его помощника В. Д. Бонч-Бруевича, постоянно находилась на этажерке у письменного стола, а «нередко и на самом столе», ибо В. И. Ленин ее

«часто перелистывал, вновь и вновь перечитывал». И Бонч-Бруевич со всей определенностью свидетельствовал: «Мы всегда могли видеть у Владимира Ильича и Пушкина, и Лермонтова, но особенно кого он ценил – это был Ф. Тютчев. Он восторгался его поэзией». Другой свидетель, видный работник Наркомата просвещения П. Н. Лепешинский, постоянно общавшийся с Лениным, характеризуя его «как большого любителя поэзии, особенно классической», счел необходимым добавить⁷: «Тютчев пользуется его преимущественным благорасположением».

Напомню также, что еще во время Гражданской войны Ленин подписал постановление Совета Народных Комиссаров о необходимости воздвигнуть Тютчеву (в числе нескольких других крупнейших русских писателей и поэтов) памятник* и поддержал решение об открытии Музея-усадьбы имени Ф. И. Тютчева в Муранове (это, кстати сказать, был вообще первый литературный музей, открытый после революции). Многозначителен и тот факт, что свою речь на торжественном заседании по случаю 50-летия В. И. Ленина в апреле 1920 года Валерий Брюсов начал тютчевскими стихами:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые⁹.

Итак, то самое «мы», наследником и нынешним продолжателем которого – притом сознательным продолжателем («мы меняемся») – является сегодня литдеятель С., было, оказывается, «органически чуждо» не только Тютчеву, но и Ленину! Можно сказать и в более широком плане: это «мы» чуждо подлинной культуре вообще, – о чем и сказано в статье Игоря Золотусского: это только «нараст» на культуре.

Впрочем, многие единомышленники литдеятеля С. чужды не только культуре в ее глубоком значении, но и

* К нашему (в это «мы» я, разумеется, литдеятеля С. не включаю) стыду, достойного памятника Тютчеву нет до сих пор⁸.

простой образованности. Так, например, защищающий те же позиции С. Калтахчян¹⁰ один из «основополагающих» тезисов своей недавней статьи подкрепляет «сопоставлением» двух мыслителей – Александра Герцена и Николая Федорова. Первый, мол, был дворянином, но сумел занять прогрессивные позиции, а второй – «выходец из народных низов... несмотря на “происхождение” проповедовал... концепцию самодержавия».

Герцен действительно был внебрачным сыном дворянина (хотя и не очень знатного) Яковлева, который отдал его учиться в довольно-таки «демократический» Московский университет, где учились, к примеру, дети крепостных крестьян Михаил Погодин и Николай Павлов, сын уездного лекаря Белинский и т.п. Что же касается Федорова, он, как и Герцен, был внебрачным сыном (Калтахчян по невежеству сделал, мягко говоря, странный выбор имен для своего «теоретического» сопоставления), но не «простого» дворянина Яковлева, а князя-рюриковича Гагарина, который послал сына учиться в одно из самых привилегированных учебных заведений – Ришельевский лицей, куда Белинского, не говоря уж о Погодине, не пустили бы на порог.

Сталкиваясь с подобным незнанием элементарных, приведенных в любой энциклопедии фактов (незнанием, за которое студентам ставят «неуд»), теряешь какое-либо желание вступать в полемику с автором...

Обращусь к другой статье – статье Василия Новикова «В. И. Ленин и культурное наследие»¹¹. В ней дано совершенно беспрецедентное по своей произвольности толкование высказывания В. И. Ленина. Приведя известные ленинские слова: «Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство...» и т.д., – Новиков задает вопрос: «О чем говорит Ленин?...» И отвечает так: «Об использовании буржуазных специалистов, в руках которых знания, опыт, культура, искусство организации труда на крупных предприятиях». То есть, обращаясь к понятиям

«культура», «наука», «искусство», Ленин, видите ли, вел речь о привлечении инженеров буржуазного происхождения, которые будут учить, скажем, «культурному» отношению к станкам и «искусному» размещению рабочих в цехе... Воистину, бумага все терпит.

Особенно удивительно, что для «подтверждения» своего «толкования» Новиков ссылается на суждение Луначарского, высказанное по иному поводу; между тем ему, как специалисту по данному вопросу, безусловно, следовало знать, что Луначарский в годовщину кончины Ленина, 21 января 1925 года, выступая на заседании Государственного ученого совета, с полной определенностью высказался¹² именно о тех самых ленинских суждениях, которые Новиков столь фантастически «переосмыслил».

«Владимир Ильич говорит, — напоминал то самое высказывание нарком просвещения, — что мы не можем построить новой культуры, не овладев всей старой культурой, т.е. всей техникой, наукой, искусством...

Владимир Ильич считал необходимым... упомянуть о наших задачах в области искусства в программе партии. В программе говорится: “Равным образом необходимо открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства, созданные на основе эксплуатации их труда и находившиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплуататоров”. Вот что сказано с марксистской беспощадностью определения: искусство возникло на почве эксплуатации труда рабочих, оно служило эксплуататорам... Таково было дореволюционное, помещичье, капиталистическое искусство. Его нужно сделать достоянием народа. Это может показаться противоречием, но это не противоречие, это самая глубина мысли Владимира Ильича».

Едва ли кто-нибудь будет спорить с тем, что Луначарский имел возможность гораздо более верно понять смысл ленинского высказывания, нежели Новиков. И с этой точки зрения незнание данного рассуждения Луначарского, прямо скажу, непростительно; Новиков должен был его

знать, – раз уж он берется истолковывать ленинское понимание культуры.

Между прочим, Луначарского невозможно заподозрить в искажении смысла ленинской позиции, ибо сам-то он не вполне был с ней согласен; он тут же отмечает, что «отношение Владимира Ильича, с моей точки зрения, я бы сказал, не лишено некоторой односторонности. Он, быть может, слишком не доверял новому искусству, которое появилось после переворота... Он боялся, как бы это искусство не выскочило неизвестно откуда, как он выражается о пролетарской культуре, и он хотел, чтобы оно выросло из *органического роста основного искусства, того, которое было прежде*» (выделено мной. – В. К.).

Итак, Луначарский все же стремился как-то обосновать создание совершенно новой пролетарской культуры, между тем как Ленин был убежден, что культура может создаваться только в ходе органического развития того, что накоплено столетиями.

В этом отношении Ленин непримиримо расходился, например, с Бухариным, который сам об этом рассказал¹³ на совещании в ЦК ВКП(б) в феврале 1925 года: «Остановлюсь... на вопросе относительно пролетарской культуры. Постараюсь... осветить свою позицию, затем скажу, как смотрел на это тов. Ленин...

Можно поставить вопрос, есть ли вообще специфические пролетарские черты культуры? Я считаю, что есть... Эти самые черты сразу же резко ставят разграничение между общечеловеческим и пролетарским...

Теперь я должен сказать, что Владимир Ильич возражал против этой концепции... Я защищал эту же позицию, которую я излагаю сейчас. Вы сейчас все мотаете головой, что вы со мной согласны*. Так вот, я докладываю, и вы сами понимаете, что в конце концов мне нет никаких оснований клепать на себя, – итак, я докладываю, что Владимир Ильич

* Да, как ни прискорбно, участники этого совещания 1925 года были, очевидно, на бухаринских, а не на ленинских позициях.

против этой системы взглядов самым решительным образом протестовал в десятках разговоров со мной».

Может показаться странным, что Бухарин сам как бы подрывает свою «систему взглядов», сообщая о решительных протестах Ленина. Но ленинское высмеивание вздорной идеи конструирования на пустом месте особой «пролеткультуры» было слишком хорошо известно. И Бухарин далее говорил в присущем ему стиле: «Если мы хотим этот вопрос обсосать, то должны задуматься над тем, что руководило Владимиром Ильичем, когда он выставил эту формулу: “Ну вас совсем с вашим вздором” и т.д. Я скажу, как я объясняю себе это. В. И., может быть (я не буду говорить, что наверное, но может быть), считал, что эпоха пролетарской культуры придет... Время еще не пришло».

Таким образом, Бухарин хотел убедить своих слушателей, что он, мол, глядит вперед, а Ленин-де не выходил за пределы своего времени...

Самое «существенное» в бухаринском рассуждении – резкое противопоставление «пролетарского» и «общечеловеческого». Казалось бы, самая азбука марксизма-ленинизма должна привить каждому стороннику этого учения основополагающий тезис: всемирно-историческая роль пролетариата в том и состоит, что он, в отличие от всех других классов, борется не за свои собственные, а за общечеловеческие интересы. Как сформулировано уже в «Коммунистическом манифесте» К. Маркса и Ф. Энгельса: «Все прежние классы, завоевав себе господство, стремились упрочить уже приобретенное ими положение в жизни... У пролетариев нет ничего своего, что надо было бы им охранять»*. То есть в силу самой своей социальной сути пролетариат воплощает в себе – в масштабах данной страны – общенациональные («борьба пролетариата против буржуазии, – подчеркнуто далее в «Манифесте», – является сначала борьбой национальной... пролетариат должен прежде всего... конституироваться как нация**) и – в мировом масштабе – общечеловеческие интересы.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, с. 439.

** Там же, с. 435, 444.

Но, как это ни нелепо, не только в двадцатых годах, но и поныне есть немало людей, считающих себя «марксистами» и в то же время пытающихся доказывать, что-де и для победившего социализма важны прежде всего «классовые ценности».

В этом отношении чрезвычайно плодотворно недавнее решительное напоминание М. С. Горбачева¹⁴ «о приоритете общечеловеческих ценностей над задачами того или иного класса. Сегодня значимость этой мысли ощущается особенно остро. И очень хотелось бы, чтобы и в другой части мира тоже поняли и приняли тезис о приоритете общечеловеческих ценностей» («Правда» от 21 октября 1986 г.).

Это, разумеется, вовсе не означает, что сегодня можно отказаться от классового подхода к социальным и идеологическим явлениям. В мире существуют и, более того, стремятся любой ценой сохранить свое положение агрессивные силы империализма. Этим силам, как совершенно точно сказал М. С. Горбачев, «не дороги ни подлинные национальные интересы собственных стран, ни судьбы человечества» («Правда» от 29 января 1986 г.). Непрерывная и непримиримая борьба с идеологией империалистической буржуазии – это неизбежная реальность всей нашей жизни. Но социализм ведет эту борьбу во имя не только классовых, но и общечеловеческих интересов.

Современные литдеятели по-прежнему очень любят употреблять слово «классовый», нередко даже создавая у читателей впечатление, что именно Советский Союз отстаивает строго «классовые» интересы, между тем как «в другой части света» проповедуют-де «внеклассовые позиции». А дело ведь обстоит сегодня иным образом, – что и выявлено со всей четкостью в приведенных высказываниях М. С. Горбачева. И кичащимся своей «классовостью» литдеятелям давно бы пора понять, что агрессивные классовые позиции занимают как раз империалисты, жаждущие любыми способами сохранить свое господствующее положение...

В. И. Ленин с тревогой говорил в 1920 году¹⁵, что «если бы только изучение коммунизма заключалось в усвоении

того, что изложено в коммунистических трудах, книжках и брошюрах, то тогда слишком легко мы могли бы получить коммунистических начетчиков или хвастунов...». Нельзя, продолжал Ленин, «ограничиться коммунистическими выводами и заучить только коммунистические лозунги... Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»*. И добавил, что «верхоглядство... решительным образом губительно»**.

О статье В. Плетнева, призывавшей к «пролетарской классовости» в искусстве, Ленин писал¹⁶: «Ну зачем печатать глупости под видом важничающего всеми учеными и модными словами фельетона Плетнева?.. Учиться надо автору не “пролетарской” науке, а просто учиться»***.

По сути дела, о той же острейшей проблеме В. И. Ленин ранее в еще более резкой форме писал Горькому¹⁷: «Известие о том, что Вас лечит новым способом “большевик”, хотя и бывший, меня ей-ей беспокоило. Упаси боже от врачей-товарищей вообще, врачей-большевиков в частности! Право же, в 99 случаях из 100 врачи-товарищи “ослы”, как мне раз сказал один хороший врач... Пробовать на себе изобретения большевика – это ужасно!»****

Речь идет, разумеется, о таких «врачах», которые усматривают свою главную силу в том, что они-де усвоили «коммунистические выводы и лозунги». В области медицины с этим, в общем, покончено уже сравнительно давно, ибо слишком очевидна была вредоносность такого рода «врачей».

Но в области литературы и культуры подобные тенденции еще достаточно сильны и поныне. Конечно, дело обстоит далеко не столь мрачно, как во времена, когда Авербах, Брик, О. Литовский и т.п. объявляли Тютчева «органически чуждым нам». Между прочим, я с конца 1950-х годов был хо-

* В. И. Ленин. Пол. собр. соч. Т. 4, с. 305.

** Там же. С. 305.

*** Там же. С. 462.

**** Там же. Т. 48, с. 224.

рошо знаком с одним из ближайших соратников Авербаха¹⁸. К тому времени он пережил решительный переворот и обозначал то, что некогда делали он и его сотоварищи, кратким определением – «чума». Один из немногих, он печатно покаялся за свои давние «разоблачительные» статьи о Николае Заболоцком и Андрее Платонове¹⁹ – статьи, в которых он, так сказать, пытался, подобно «врачам», о которых писал Ленин, «лечить» идеологические «болезни» этих крупнейших художников...

Ныне есть все основания надеяться, что тип, представленный тем же литдеятелем С., становится вымирающим. Тем не менее и сегодня в области литературы подвизается немало людей, которые или искренне воображают, или (это, вероятно, бывает гораздо чаще) делают вид, что постоянное повторение «выводов и лозунгов» обеспечивает им некое превосходство. По сути дела, малообразованные, лишенные какого-либо таланта, путающиеся, как говорится, в двух со снах (скажем, в судьбах Герцена и Федорова), они, как ни странно, еще сохраняют силу.

Это особенно странно потому, что в современной литературной науке работает немало людей, достигших очень высокого уровня понимания классического наследия. В течение последних двадцати – двадцати пяти лет лучшие представители литературной мысли преодолели характерные для предшествующего периода грехи и вульгарного социологизма, и, с другой стороны, формализма и создали труды, которые достойно продолжают самые плодотворные традиции отечественной филологии и вместе с тем не только не уступают лучшим образцам современного мирового литературоведения, но и в целом ряде отношений превосходят их.

Чтобы не быть голословным, упомяну работы о различных явлениях и периодах нашей классической литературы, которые написали очень разные, но – каждый по-своему – замечательные люди: Сергей Бочаров, Михаил Лобанов, Петр Палиевский, Ирина Роднянская, Николай Скатов; превосходные книги издали Гелиан Прохоров – о древнерусской

словесности, Евгений Лебедев – о литературе XVIII века, Валентин Непомнящий – о Пушкине, Борис Тарасов – о Чаадаеве, Серго Ломинадзе – о Лермонтове, Игорь Золотусский – о Гоголе, Юрий Лебедев – о Тургеневе, Абрам Штейн – об Островском, безвременно ушедший от нас Юрий Селезнев – о Достоевском...

Этот перечень, конечно, можно продолжить и, в частности, ввести в него ряд более молодых имен, достойно принимающих эстафету культуры. Но это уже особый разговор. Здесь важно сказать о том, что многие из упомянутых работ или замалчивались, или подвергались необоснованным и подчас безобразным нападкам со стороны «литдеятелей», которые сами неспособны ни к какой положительной деятельности – только к «разоблачительству».

Речь вовсе не о том, что в названных мной ценных работах нечего критиковать. Речь идет о том, что писания современных литдеятелей типа того самого С. – это вовсе не критика в истинном значении слова, но способ существования и самоутверждения (подчас очень небезуспешного!) людей, у которых нет ничего за душой, кроме «выводов» и «лозунгов». Ведь они, между прочим, всегда готовы «разоблачать» не только всех своих обладающих даром и культурой современников, но и Тютчева, Гоголя, Достоевского, Толстого.

Все они состоят при литературе в роли, очень похожей на роль тех «врачей», о которых с таким сарказмом писал Горькому В. И. Ленин...

Те чуждые подлинной культуре «идеи», о которых шла речь, приобретают особенно возмутительный и вредоносный характер, когда они излагаются хлестким пером репортера и предлагаются молодому, еще недостаточно подготовленному читателю, доверчиво относящемуся к печатному слову. Яркий пример – статья Е. Лосото «В беспамятстве» («Комсомольская правда» от 22 мая 1987 г.).

Автор, по-видимому, полагает, что он защищает, как он выражается, «дух ленинизма». Но трудно даже вообра-

зить что-либо более чуждое ленинским заветам, чем репортаж Е. Лосото.

Е. Лосото более всего возмущена тем, что-де «за нами тянется из прошлого», как она пишет, «пыльный хвост быстро уходящей вперед страны, совсем недавно населенной огромными темными массами почти сплошь неграмотных крестьян, веками веривших в бога и царя и веками сваливавших все зло на черта и иноверца».

Вот результат плохого преподавания в школе – средней и высшей – отечественной словесности и истории.

Во-первых, это чудовищное заявление, по сути дела, как бы оплевывает всю классическую литературу, которая в своей основе выросла – что невозможно отрицать – на бытии и сознании русского крестьянства во всем объеме этого понятия. Ленин недвусмысленно писал²⁰:

«Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства»*.

Что же касается личного отношения самого Ленина к «темному» русскому крестьянству, приведу его короткий, но очень выразительный рассказ²¹ о встрече с двумя людьми, состоявшейся незадолго до революции: «Один... – писал Ленин, – выдавший виды, социал-демократ или почти социал-демократ, брат-бундовец и т.д. Понатерся, но лично неинтересен, ибо обычен. Другой – воронежский крестьянин, от земли, из старообрядческой семьи. Черноземная сила. Чрезвычайно интересно было посмотреть и послушать»**.

Ленинское восприятие всецело родственно, как можно понять, русской классической литературе. И ясно, сколь прав Горький, вспоминая о Ленине²²: «Я нередко подмечал в нем черту гордости Россией, русскими, русским искусством...

На Капри он, глядя, как осторожно рыбаки распутывают сети... заметил:

– Наши работают бойчее.

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 210.

** В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 377.

А когда я выразил сомнение по этому поводу, он, не без досады, сказал:

– Гм-гм, а не забываете ли вы России, живя на этой шишке?»*

Не приходится удивляться тому, что чуждые России «деятели» не раз обвиняли Ленина и в «душке национальной ограниченности», и в «крестьянском уклоне»²³.

Необходимо подчеркнуть, что ленинская гордость Россией основывалась, конечно, вовсе не только на отдельных впечатлениях, подобных «чрезвычайно интересной» личности воронежского крестьянина-старообрядца или «бойко» работающих волжских рыбаков.

В противоположность многим своим современникам, которые, как и ныне Лосото, видели в русском крестьянстве «темную» и как бы ни для чего не годную массу, Ленин еще в 1917 году писал²⁴, что «живое творчество масс – вот основной фактор новой общественности... Социализм не создается по указам сверху... Социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс...

Только тот победит и удержит власть, кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчества...

Организационных талантов в крестьянстве и рабочем классе много... Таких людей в “просто народе”, о котором высокомерно и пренебрежительно говорят буржуазные интеллигенты... богатейший родник»**.

Одно из важнейших конкретных воплощений народного – и именно крестьянского прежде всего – творчества Ленин видел в кооперации.

Кооперативное движение, начавшееся в середине XIX века, ко времени революции получило громадный размах: «На 1 января 1917 г. было 63 тысячи всех видов кооперативов, которые объединяли 24 миллиона человек...»***

* В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1986. С. 448.

** В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 57, 61, 199.

*** Большая советская энциклопедия. М., 1973. Т. 13. С. 107 (выделено мной. – В. К.).

В своей знаменитой статье-завещании «О кооперации» (1923)²⁵ Ленин писал, что «кооператив получает у нас совершенно исключительное значение... В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население... есть все, что нам нужно... все необходимое для построения полного социалистического общества...

Вот это-то обстоятельство недооценено многими нашими практическими работниками. На кооперацию у нас смотрят пренебрежительно...

А ведь в этом, опять-таки, главное. Одно дело фантазировать насчет всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело научиться практически строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении...

Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму... Нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас...

Надо уметь отыскать ту форму «премий»... при которой мы достаточно помогаем кооперации... А строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства... – это и есть строй социализма»*.

Так решал вопрос Ленин. Но слишком многие смотрели на кооперацию – этот плод народного, крестьянского творчества форм производственной деятельности, – по ленинскому выражению, «пренебрежительно» (что, мол, могли создать эти «темные массы» сами по себе!). И вместо всемерной поддержки векового народного творчества после смерти Ленина возобладали всякого рода административные, бюрократические «премудрости» и «выкрутасы». Тяжкие последствия этого страна пожинает до сих пор. Только в самое последнее время открыто поставлена задача возвращения на верный, ленинский путь²⁶.

Необходимо особо выделить созданную русским крестьянством форму совместного, коллективного труда и даже

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 369, 370–371, 372, 373.

самого бытия людей – артель (само это слово известно по письменным источникам с XV века). Ныне мы стремимся, в сущности, воскресить ее, хотя, пожалуй, напрасно вместо полного глубокого исторического значения слова «артель» употребляем термин «подряд», означавший одно из проявлений деятельности артели: она подряжалась исполнить ту или иную работу.

Чтобы сразу осветить все могущество этой формы труда, приведу чисто фактический, но глубоко впечатляющий отчет об итогах работы нескольких десятков крестьянских артелей на строительстве Великого Сибирского пути в конце XIX века:

«Всего на сооружении Транссибирской магистрали в 1891 г., в начале стройки, было занято 9600 человек... на завершающем этапе – только 5300 человек... По скорости сооружения (в течение 10 лет), по протяженности (7,5 тыс км), трудностям строительства и объемам выполненных работ Великая Сибирская дорога не знала себе равных в мире...

Все работы производились вручную, орудия труда были самые примитивные – топор, пила, лопата, кайло и тачка. Несмотря на это, ежегодно прокладывалось 500–600 км железнодорожного пути. Таких темпов не знала история»*.

Современный публицист Карем Раш дал превосходную образную параллель, сказав, что Транссибирская магистраль – это как бы воплотившаяся в реальность всего через полвека гоголевская Тройка, домчавшаяся до Тихого океана.

Не нужно быть экономистом, дабы понять: производительность труда как таковая, осуществление трудовых возможностей людей достигали на этом строительстве уровня, о котором сегодня можно только мечтать (так, на одного человека – без каких-либо машин – приходился в среднем километр пути).

Дело в том, во-первых, что люди в артели подбирались так, как сейчас подбирается разве только сборная СССР по

* Д. В. Залужная. Транссибирская магистраль. М., 1980. С. 13, 14. Нельзя не прибавить, что для прокладки магистрали надо было построить уникальные мосты через пять великих сибирских рек.

хоккею. Далее, в своих лучших проявлениях это была высшая форма трудовой демократии, где каждый имел полноправный голос. Наконец, артель основывалась не только на «деловых», но и на богатых нравственных принципах. Трудовые возможности русских людей раскрывались в артели с ничем не сравнимой силой и полнотой.

Не исключено, что найдутся читатели, которые увидят в этом рассуждении идеализацию и прекрасноту. Но я могу сослаться на тезисы вполне трезвого профессионального экономиста.

Доктор экономических наук Я. Г. Либерман писал²⁷: «Тарифная система к нам пришла с Запада и отражает некоторые не то чтобы чуждые, а не вполне присущие нам ценности, например, западный индивидуализм. А для России более характерна была артель. Наследуя ее традиции, бригадная* форма организации и оплаты труда получает сегодня все большее распространение... Тарифная система агонизирует».

В докладе М. С. Горбачева на июньском Пленуме ЦК КПСС²⁸ «коллективный подряд», который опирается, конечно же, на традиции отечественной артели, рассматривается как одна из важнейших форм сегодняшнего и будущего социально-экономического развития страны.

Кое-кто может удивиться, почему в статье, в общем-то посвященной литературе, я говорю об артели. Но нам давно пора преодолеть такой узкий взгляд на вещи и понять, что в основе бытия артели лежали те же духовные **ценности** (на что намекает и высказывание экономиста), что и в основе, скажем, творчества Толстого и Достоевского! И в каком-то смысле всемирное достижение русских артелей, создавших за невероятно краткий срок Великий Сибирский путь, сопоставимо с сотворением «Войны и мира» и «Братьев Карамазовых»...

Все это делает вполне понятным прозвучавший в 1919 году, на VIII съезде партии, страстный призыв В. И. Ле-

* Ниже уточняется, что речь идет о «бригадном подряде».

нина²⁹ «учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и не сметь командовать!»*. К сожалению, этот призыв не воплотился в жизнь после кончины Ленина, что привело к самым тяжелым и трагическим последствиям.

И в свете всего этого, я полагаю, неопровержимо ясно, какое неведение выразилось в рассуждениях Е. Лосото о «пыльном хвосте» прошлого и «огромных темных массах».

Правда, у нее есть свои «предшественники». Один из них писал в статье «Лев Толстой»³⁰: «Она, в сущности, нищенски бедна – эта старая Русь... Стадное, полуживотное существование ее крестьянства до ужаса бедно внутренней красотой, беспощадно деградировано». Правда, этот автор был, так сказать, откровеннее и последовательнее Лосото, ибо относил все это и к смыслу творчества Толстого (на что Лосото едва ли бы ныне решилась): «Та человеческая жизнь, которую он (Толстой. – В. К.) принимает... протекала вне всякой истории: она повторялась без всяких изменений, подобно существованию пчелиного улья или муравьиной кучи... Историческая слепота Толстого делает его детски беспомощным...»

Так писал Троцкий, который усматривал следующее единственное «спасение» для «темных масс» крестьянства: «Мы мобилизуем крестьянскую силу и формируем из этой мобилизованной рабочей силы трудовые части, которые приближаются по типу к воинским частям... Рабочая масса должна быть перебрасываема, назначается, командироваема точно так же, как солдаты»³¹.

И это вполне закономерный вывод из представления о крестьянстве как о «темной массе», у которой ничему нельзя научиться, а можно лишь поучать ее и командовать ею.

Догадывается ли Лосото, чьи идеи высказывает она, взявшись «защитить» Ленина?

Лосото стремится «оправдать» разрушение бесчисленных памятников истории и культуры. Она утверждает, что, мол, «социальные бури» и «движения масс сметали с лица земли вместе со старым строем знаний и символы царя и

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 201 (разрядка В. И. Ленина).

бога», то есть «взрывали памятники»; и все эти явления, по ее утверждению, «естественно должны были быть». А между тем то, что было повреждено во время революции, сразу же – как свидетельствуют многочисленные документы – было восстановлено, причем Ленин, что хорошо известно, проявлял самую жесткую настойчивость, когда реставрация затягивалась.

Первый председатель Моссовета (с ноября 1917 года) М. Н. Покровский вспоминал о Ленине⁴⁹: «Первый совет, который я от него услышал, звучал совсем по-староверчески, до неприличия, можно сказать, консервативно: ломайте поменьше... чем меньше наломаешь, тем лучше». И по-настоящему «ломать» начали вовсе не в эпоху «бурь» и неуправляемого «движения масс». Массы, народ тут вообще ни при чем.

Систематическое уничтожение исторических и культурных памятников началось лишь в конце 1920-х годов, когда – одновременно – было ликвидировано преподавание отечественной истории на всех уровнях – от начальной школы до аспирантуры, а виднейшие историки либо потеряли работу, либо даже были отправлены в ссылку – как С. Ф. Платонов, М. К. Любавский, С. В. Бахрушин, Е. В. Тарле и другие; обучение (и само изучение) отечественной истории начало возобновляться лишь с 1934 года. В конце двадцатых годов были закрыты общероссийские и местные общества и учреждения, занятые изучением и охраной памятников (кстати сказать, ранее, с 1917 по 1927 год, количество таких обществ и учреждений выросло более чем в 10 раз – со 155 до 1761). К этому необходимо добавить, что деятельность по восстановлению памятников архитектуры, проводившаяся у нас до 1927 года, была признана на Всемирном совещании реставраторов в Лондоне наиболее значительной и плодотворной, чем где-либо, но в конце двадцатых годов деятельность эта была, по существу, прекращена (см. об этом: Отчий дом. Составила Т. А. Князева. М., 1978).

Вполне понятно, что «бури» и «движения масс» не имели к этому разгрому культурной работы никакого отношения.

Именно с 1927 года и началось систематическое уничтожение памятников истории и культуры (которое, как мы видим порой, по инерции еще продолжается и сегодня, через шестьдесят лет). Именно тогда стали без помех командовать те, для кого Тютчев был «органически чуждым».

И вот теперь – статья Лосото в издаваемой для молодежи газете. Лосото в общем-то пытается как-нибудь приспособиться к времени. Так, она выражает сожаление, что был разрушен храм Христа Спасителя у Пречистенских (Кропоткинских) ворот. Она пишет, что уничтожение храма объясняется «непониманием прекрасного. Точнее: узким пониманием прекрасного как только нового. Широкие улицы, светлые окна...»

Между тем храм, построенный не очень уж выдающимся архитектором Константином Тоном, как раз не был бесспорно прекрасным творением зодчества. Его значение заключалось в том, что он являл собой монументальный памятник победы русского народа (решение о строительстве было принято сразу после изгнания наполеоновских полчищ из пределов России – 25 декабря 1812 года). Именно об этом Лосото предпочитает полностью умалчивать. Храм был прежде всего символом народной победы, а не «царя и бога».

И опять-таки напомним, что накануне уничтожения этого народного памятника в энциклопедических словарях говорилось следующее:

«“Отечественная” война, русское националистическое название... Грандиозность задуманного Наполеоном плана превосходила технические возможности того времени (сказано с явным сожалением. – В. К.)... Крестьяне, защищая от французов свое имущество, легко справлялись с разрозненными французскими отрядами. Отсюда и берет начало т.н. народная война 1812, из-за которой вся война получила пышное название “Отечественной”: дело тут было не в подъеме патриотического “духа”, но в защите крестьянами своего имущества. Наполеон был вынужден покинуть Россию»* (тут уж прямо-таки горькое сожаление!).

* Малая советская энциклопедия. Т. 6. С. 186.

В другой статье той же энциклопедии утверждалось, что «так называемая “Отечественная война”» была «новым поворотом в сторону дворянской политики. Победа в этой войне была на стороне Российской империи. Далее война с Францией велась... под громким лозунгом “освобождения” Европы из-под “ига Наполеона”... Победа над последним явилась началом жесточайшей всеевропейской реакции»*.

Вполне понятно, что при такой «оценке» Отечественной войны памятник победы над Наполеоном неизбежно должен был подвергнуться уничтожению.

И в самом деле: в 1932 году – как раз к 120-й годовщине Отечественной войны! – были взорваны и храм Христа Спасителя, и многие святыни Бородинского поля. Д. С. Лихачев писал о Бородинском поле³³: «На этой национальной святыне, политой кровью защитников Родины, в 1932 году был взорван чугунный памятник на могиле Багратиона. Те, кто это сделал, совершили преступление против самого благородного из чувств – признательности герою, защитнику национальной свободы России, признательности брату-грузину... Как оценить преступление тех, кто в те же годы намалевал гигантскую надпись на стене монастыря, построенного на месте гибели Тучкова его вдовой: “Довольно хранить остатки рабского прошлого!”»?

Но Лосото даже и не намекает на все это. Она только сожалеет об «узком понимании прекрасного» в начале 1930-х годов и далее предлагает вообще снять вопрос с повестки дня: мол, «махать кулаками после драки – дело пустое».

Впрочем, пора обратиться к главному «предмету» статьи Лосото – современному «неформальному» патриотическому объединению «Память»³⁴. Должен сказать со всей откровенностью, что многие вещи я впервые узнал из статьи Лосото и нескольких других статей³⁵, появившихся тогда же. Мне не доводилось ранее слышать или читать такого рода высказывания членов этого объединения.

* Там же. Т. 7. С. 418.

И столь же откровенно скажу, что большинство высказываний членов объединения, которые цитирует Лосото, не вызывают у меня сочувствия. В них слишком много невежества, крикливости и, прошу прощения, инфантилизма, каковой проявляется, например, в сосредоточении внимания на всякого рода эмблемах, мифах, фантастических образах, которые, может быть, важны в поэтических произведениях, но не в реальной действительности.

Вместе с тем есть серьезные основания полагать, что такого рода высказывания принадлежат крикунам, они не характеризуют всех без исключения членов объединения. Так, одновременно со статьей Лосото появилась статья А. Головова и А. Павлова (Огонек. 1987. № 21)³⁶, в начале которой об участниках объединения «Память» достаточно определенно сказано:

«Всю статью можно было бы посвятить перечислению их добрых, самоотверженных дел. Эти люди становятся на пути механизмов, направляемых бездушными приказами на разрушение памятников нашей культуры. Они способствуют возврату исконных имен улицам и площадям, народных традиций, фольклора. Главное же – своей деятельностью движение “Память” предостерегает нас: оказавшись вне истории, мы неминуемо станем беднее духом, мельче».

В этом рассуждении, как видим, очень много лестного. Правда, авторы тут же оговаривают, что помимо «подлинных защитников истории и памяти» в движении «существуют кликуши». И если судить по некоторым приведенным в статье высказываниям, с этим нельзя не согласиться.

Однако в то же время нельзя не сказать, что в еще только устанавливающейся атмосфере гласности, демократического обсуждения любых сложных и острых вопросов такого рода «издержки» поистине неизбежны. В начале движения любого потока всегда на поверхности оказывается пена...

И исключительно важную роль в нормализации положения призвана играть печать. Между тем трудно даже представить себе более противоречащую этой задаче акцию, чем

статья Лосото. Она – в отличие от других выступлений печати – не находит в деятельности «Памяти» ровно ничего заслуживающего не то что одобрения, но и простого интереса.

И, в конце концов, можно с полным правом утверждать, что Лосото как автор имеет общие черты с самыми крикливыми ораторами «Памяти». Вместе с тем нельзя не учитывать крайне существенное различие: ораторы «Памяти» говорят перед несколькими сотнями, в крайнем случае тысячами слушателей, а Лосото получила возможность обратиться с печатным словом к десятку миллионов читателей... Об этом нельзя не задуматься. И не является ли ее статья гораздо более опасной «издержкой» гласности, нежели самые сомнительные выкрики ораторов «Памяти».

И еще об одном пассаже из статьи Лосото. Обращаясь в статье к творчеству Айтматова, Лосото пишет о грузинской легенде из его романа «Плаха». Она не решилась назвать имени писателя, но миллионы его читателей, конечно, поняли, кого имеет в виду Лосото: «Нам предлагается у н ю х а т ь (выделено мной. – В. К.) “единый национальный дух”, который так крепок, что в одном романе даже чекист кончает с собой, не выдержав гибели белобандитов одной с ним национальности» (выделено Лосото. – В. К.). Это непонимание трагедийного образа, созданного художником, окончательно убеждает, что у Лосото нет никакой серьезной подготовки для участия в обсуждении сложных общественных проблем.

Настроения, явленные в статье Лосото, конечно, не вырастают на пустом месте. Обратим внимание, например, на некоторые суждения из мемуарных заметок широко известного писателя Юрия Трифонова «Вспоминая Твардовского», опубликованных недавно (посмертно) в журнале «Огонек» (1986, № 44).

В этих заметках, написанных, очевидно, в 1973 году, Трифонов, рассказав о своем конфликте с редакцией «Нового мира», обвинил эту редакцию в злобредном «почвенничестве»: «Все это ползет, – ядовито писал Трифонов, – от непереваренной почвеннической фанаберии девятнадцатого

века... Необъятна эта система... И весь “Новый мир”... тоже крутится где-то в этой вселенной, ядром которой является нечто, называемое “почвой” или, скажем, “родной землей”».

Это почти не укладываемое в сознании «откровение» (ведь совершенно ясно, что «родная земля» является «ядром» творчества не только любого большого русского писателя, но и Данте, Рабле, Шекспира, Сервантеса, Гете и т.п.) способно, без сомнения, сокрушительно подействовать на мировосприятие таких журналистов, как Лосото. Ведь если в зловредном «почвенничестве» повинна даже редакция «Нового мира» 1960-х годов, то что уж там говорить о какой-нибудь «Памяти»...

Но я склонен думать, что заметки Юрия Трифонова написаны все же в состоянии некоего затмения. Это с очевидностью выразилось в том, что, рассказывая далее об «отвратительной кампании клеветы и травли» против «Нового мира» в конце 1960-х годов, Трифонов позволил себе подвести итог следующей фразой: «Такого рассчитанного и циничного хамства в нашей печати давно не бывало: со времен, может быть, пресловутой “борьбы с космополитизмом”».

Прочитав это, я, признаться, не поверил своим глазам, ибо, как человек старшего поколения, прекрасно помню, что «главным» и наиболее популярным беллетристическим сочинением, направленным против так называемого «космополитизма», была... книга Юрия Трифонова «Студенты», вышедшая в 1950 году, изданная миллионным тиражом и увенчанная самой престижной тогда премией...

Рассуждая о разоблачаемом им в «Студентах» «космополите», сам Трифонов со всей ясностью сказал³⁸: «Из нашего института (Литературного. – В. К.) были изгнаны несколько профессоров за проповедь формализма и космополитизма. Они во многом послужили мне основой для создания образа Козельского» (Новый мир. 1951. № 2. С. 228).

Невольно вспоминается тезис литдеятеля С.: «Поистине времена меняются, и мы меняемся вместе с ними». Но, говоря о «циничном хамстве борьбы с космополитизмом», Ю. Три-

фонову следовало бы все-таки напомнить читателю, что он сам был одним из главных пропагандистов того, что назвал впоследствии «хамством». Ведь без этого уточнения трифоновское «разоблачение» кампании против «космополитизма» оказывается беспредельно и ошеломляюще циничным...

Стоит отметить, что Трифонов продолжал «меняться» и после своего мемуара о Твардовском. Это ясно видно в его последней книге «Старик» (1978) – особенно в сценах террора в донских станицах. В этой книге он, в сущности, переписал заново свою же изданную в 1966 году книгу «Отблеск костра», оценив те же события совершенно по-иному («опыт» подобного «переписывания» не столь уж уникален: так, Валентин Катаев в повести 1982 года «Уже написан Вертер» как бы перевернул наизнанку свою повесть 1967 года «Трава забвенья»).

В заключение необходимо сказать об одном недавнем сочинении критика Е. Стариковой, которая тоже «изменилась», но, так сказать, в другую сторону.

В 1969 году с ее предисловием был издан однотомник замечательного, еще далеко не оцененного по заслугам писателя Ивана Катаева. В предисловии Е. Стариковой был высоко оценен, в частности, впервые опубликованный в этом однотомнике (хоть и в неполном виде) текст речи Ивана Катаева на общем собрании московских писателей 31 марта 1936 года.

В своей речи Иван Катаев одним из первых самым решительным образом выступил против тех «антипатриотических» тенденций, которые господствовали в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов:

«Русское искусство существует, оно живет в своих национальных формах и ему... предстоит еще невиданный расцвет. Эти несложные вещи приходится говорить потому, что еще недавно в литературной среде находились люди, которые подобное замечание заклеямили бы как проявление народничества, славянофильства, русопятства или пустили бы в ход еще более крепкие слова. Впрочем, эти люди ненавидели не одно только русское искусство...

Я полагаю, что советский художник в ряду прочих важнейших качеств должен воспитывать в себе горячую и деятельную любовь, сыновнюю привязанность к своей родной национальной культуре... Есть, есть у нас люди, которые... национального-то корня не имеют вовсе – я разумею только в культурном смысле... Таких безнадежных “космополитов”, отщепенцев, эту вялую богему, не помнящую родства, надо поскорее выместить вон из всех искусств. А нам, советским русским литераторам, нужно заново и по-новому полюбить и русский язык, и русскую природу, и русскую песню, и все то хорошее и своеобразное, что есть в нашем народе».

Е. Старикова с одобрением писала в своем предисловии, что в этой речи «большое место... уделено проблеме... необходимости для советского писателя проникновенного изучения самобытного уклада жизни... Родины». То есть соглашалась именно с тем, что в это самое время так возмутило Юрия Трифонова в позиции сотрудников «Нового мира».

Но теперь, через полтора десятилетия, Е. Старикова, по-видимому, существенно изменилась». Об этом ясно свидетельствует ее статья с эффектным названием «Колокол тревоги» (Вопросы литературы. 1986. № 11), направленная против одного из крупнейших писателей современности – Виктора Астафьева.

Герой его «Печального детектива» иронизирует над теми, кто, разбирая лермонтовские поэтические переложения стихотворений Гейне, сводит все к недостаткам, к «разночтениям». Старикова квалифицирует эту деталь произведения как «доморощенный шовинизм дурного тона»... Мне неизвестно, какие наблюдения легли в основу этой детали повествования Виктора Астафьева. Но вполне уместно привести здесь цитаты из вышедшей в 1974 году книги Я. И. Гордона «Гейне в России», где говорится о Тютчеве: «Работа первого русского переводчика Генриха Гейне открывает или зачинает тенденцию, ставшую определяющей... Это тенденция эстетизации Гейне, одностороннего его изображения». Переложения Тютчева, мол, «весьма далекие от оригинала... не вызывают вос-

торга». Поэтому, пишет Гордон, «приведем... стихотворение... в современном, на наш взгляд, удачном переводе Т. Сильман», в котором отсутствуют характерные для Тютчева «ляпсусы и корявые выражения». Далее Гордон заявляет, что «следом за Тютчевым и другие переводчики этого времени... публикуют переводы, дающие весьма одностороннее представление о творчестве Гейне». Среди них – и Лермонтов, переводы которого «не соответствуют ни по ритмике, ни по синтаксису», «удаляются от подлинника».

Итак, Тютчеву и Лермонтову было явно не по силам переводить Гейне. Мнение это, прямо скажем, несерьезное, ибо стихотворные тексты Тютчева и Лермонтова, безотносительно к тому, насколько они далеки или близки текстам Гейне, представляют собой неоспоримую ценность. Но ведь если следовать «принципам» Стариковой, это мнение Гордона (повторяю еще раз: в данном случае я следую логике Стариковой, пользуюсь, так сказать, «моделью» ее рассуждения) вполне правомерно определить как «профессиональный шовинизм приличного – потому что “научообразного” – тона». Именно на такое решение вопроса провоцируют высказывания Стариковой.

Она заявляет: «Мы часто иронически, к месту и не к месту, повторяем известные строки Тютчева: “Умом Россию не понять... в Россию можно только верить”»*. Естественным возникает вопрос: кто же эти самые «мы», которые, оказываясь, «иронически» повторяют глубоко драматическое творение поэта (моя статья началась с этого четверостишия и как-то непроизвольно им завершается)? Впрочем, «мы» появляется раньше – при атаке на Виктора Астафьева. «Если с нами откровенно, – обращается Старикова к писателю, – то и мы будем называть вещи своими именами» (затем следует фраза о шовинизме). Далее Е. Старикова кается в том, что в течение долгого времени «мы», к которому она себя причисляет, восторженно относилось к победе в Великой Отечественной войне:

* Как и литдеятель С., Старикова не замечает выделенности слова «верить».

«Мы... довольно долго и довольно громко кричали “ура”... Но истекло более четырех десятилетий с того майского дня, выросли поколения, не знавшие мук отцов и дедов, но постоянно слышащие празднично-победные фанфары и литавры, восхваляющие как бы их собственную национальную исключительность».

Отсюда, мол, и «шовинизм». Но, во-первых, Е. Старикова говорит заведомую неправду. Никакими «фанфарами и литаврами» память о войне не сопровождается. Даже в популярной песне³⁹ вполне естественно доминируют формулы вроде «это радость со слезами на глазах».

Во-вторых, взглянемся все же в то «мы», от имени которого Е. Старикова позволяет себе осуждать «их», в число каковых входит Виктор Астафьев. Здесь бесполезно привести элементарные биографические сведения. В 1943–1945 годах Е. Старикова вместе с теми молодыми людьми, которые и составили ее «мы», училась в Московском университете, а Ю. Трифонов – в Литературном институте; между тем их ровесник В. Астафьев в эти самые годы, обливаясь потом и кровью, шел, а чаще полз на Запад, чтобы – в частности – перестали гореть печи Освенцима и Дахау, о которых говорит теперь Старикова. После войны он стал рабочим на уральском заводе. В это время (1946–1953) Е. Старикова вместе со своим «мы», как она сама вспоминает, долго и громко кричала «ура» и, между прочим, печатала хвалебные отзывы о романах, помпезно изображавших коллективизацию⁴⁰, а Ю. Трифонов сочинял громивших «космополитизм» «Студентов»...

В. Астафьев ни тем, ни другим не занимался, ибо его сознательная жизнь началась в 1930-х годах не в каком-нибудь «доме на набережной»⁴¹, но на краю света, в Игарке, куда он был ребенком этапирован вместе со своей быстро таявшей семьей как «внук кулака». К великому счастью, в детдоме Игарки нашелся также высланный туда человек подлинной культуры, который сумел передать мальчику память Отчизны.

Короче говоря, очень уж сомнительны «права» Е. Стариковой и ее «мы» на предъявление каких-либо обвинений Виктору Астафьеву; этих прав у нее не больше, чем у литдеятеля С. и его «мы».

Только что принят закон СССР «О всенародном обсуждении важных вопросов государственной жизни»⁴². Убежден, что, если бы (вообразим такую ситуацию) претензии стариковского «мы» были вынесены на всенародное обсуждение, это «мы» потерпело бы полный крах...

Правда и истина

В сегодняшних суждениях о литературе слово «правда» употребляется, вероятно, чаще, чем какое-либо иное. И главная цель литератора многим представляется совершенно ясной: сказать наконец обо всем том, о чем ранее молчали. Читая сегодняшние журналы и газеты, мы нередко оказываемся наблюдателями своего рода соревнования писателей, публицистов, критиков: каждый из них стремится высказать как можно более острую и полную «правду».

И это невольно смущает душу: не слишком ли легкое занятие – «говорить правду»? Выходит, вполне достаточно получить соответствующее «разрешение», и даже совершенно «неопытный» в деле высказывания «правды» литератор способен достичь в нем самых больших успехов...

Между тем вопрос о правде неизмеримо более сложен и противоречив, чем может показаться с первого взгляда. В 1947 году Михаил Пришвин записал размышление¹, в которое стоит самым внимательным образом взглянуть:

«Правда требует стойкости: за правду надо стоять или висеть на кресте, к истине человек движется.

Правды надо держаться – истину надо искать».

Правда – это вещь более или менее очевидная и однозначная. Нельзя лишать свободы и губить неповинных в тяжких преступлениях людей. Недопустимо ради дости-

жения сегодняшней ограниченной задачи наносить ущерб основам человеческого и природного бытия. Непростительно подавление мысли, творчества, трудовой самостоятельности народа.

И для того чтобы осознать правду, не требуется напряженной и масштабной работы мысли. Правда – это не столько «познавательное», сколько нравственное явление. Высказать правду – значит прежде всего совершить мужественный поступок, в пределе – подвиг. И ценность правды – это, по сути дела, нравственная ценность.

Поэтому в условиях, когда «правду» способен высказать любой и каждый, она, строго говоря, теряет свою основную – этическую – ценность, становясь простой констатацией факта.

Совсем иное дело – истина, которая как раз не бывает и не может быть очевидной и однозначной и для открытия которой необходимы и трудные усилия познающего и размышляющего духа, и особенно мужество – уже не мужество поступка, но мужество мысли, – и, наконец, достаточно высокая культура самого мышления.

Еще раз повторю: правда может обладать безусловной и даже беспредельной ценностью, но только в определенных условиях, когда высказать ее – значит совершить благородный и мужественный поступок.

В таких условиях однозначность и даже откровенная прямолинейность не только не снижают ценность правды, но, напротив, могут придать ей дополнительную силу. Так, безоглядное нравственное требование: не следует убивать людей, кто бы они ни были, могло иметь громадное значение в те годы, когда расстрелы становились повседневным явлением.

Маяковский, побывав на месте расстрела Николая II и его семьи, написал:

Спросите: руку твою протяни –
казнить или нет человечьи дни?
Не встать мне на повороте.
Я сразу вскину две пятерни:

я голосую против!..
Мы повернули истории бег.
Старье навсегда провожайте.
Коммунист и человек
не может быть кровожаден².

Но эта правда осталась в записной книжке; напечатал Маяковский совсем иное.

Еще четверть века назад были опубликованы очень выразительные фрагменты из переписки видного прозаика Евгения Замятина и не менее видного критика Александра Воронского³. Уместно сообщить, что они были ровесниками (год рождения 1884-й) и почти земляками (первый – из-под Липецка, второй – из-под Тамбова). В канун 1905 года оба стали большевиками, а позднее почти одновременно посвятили себя литературе. Пути их разошлись только после Октября. Все же они достаточно высоко ценили друг друга.

Тем не менее Замятин написал Воронскому в 1922 году: «Что хотите – не могу принять убийства связанного человека». Воронский в своем ответном письме возразил Замятину: «Вы вот пишете – нельзя связанного человека убивать, а я этого не понимаю. Как, почему нельзя? Иногда нельзя, иногда можно».

Через пятнадцать лет, в 1937 году, арестованный Воронский, по всей вероятности, осознал, сколь опасно было это его «непонимание», но осознал слишком поздно...

Из этого легко сделать вывод, что в споре был целиком прав Замятин. Однако даже и тут истина оказывается более сложной.

В цитированном письме Воронского есть такое обвинение в адрес Замятина: «Вы – стоите, должно быть, в стороне от реальной борьбы теперешней, а так нельзя судить, что можно, а чего нельзя». И в этом есть своя правота, своя доля истины, особенно ясная потому, что в 1931 году Замятин предпочел покинуть Родину и тем самым полностью оказался «в стороне». Но вполне уместно предположить, что

благодаря сделанному им выбору Замятин умер (в том самом 1937 году) не от руки палача, как умер Воронский, а от тяжкого приступа стенокардии.

Вдумываясь в эти личные судьбы, понимаешь, сколь сложна и неоднозначна истина, которая ведь должна как-то соотноситься две человеческие правды. Но, конечно, еще более трудна для понимания истина целого общества, народная истина.

Между тем сегодняшние литераторы сплошь и рядом решают труднейшие трагедийные проблемы наскоком и сплеча, выдавая таким образом за истину узкую и частную правду, то есть, вернее, даже и не правду (поскольку она по-настоящему живет только как выражение нравственного мужества), а те или иные жестокие факты. Причем во многих случаях даже и сами факты препарируются и искажаются.

1

Чтобы показать это, можно было обратиться к целому ряду беллетристических и публицистических сочинений, опубликованных в последнее время. Я сосредоточусь на одном – романе Анатолия Рыбакова «Дети Арбата»⁴. Почему именно на нем? Во-первых, в этом романе выразилось то представление о «правде», которое характерно для множества других произведений, и, говоря о «Детях Арбата», можно осмыслить и оценить целую область современной литературы и публицистики. Далее, роман А. Рыбакова охватывает весьма широкий круг явлений, в нем предпринята попытка обрисовать жизнь страны вообще. Наконец, сочинение А. Рыбакова получило самые громкие и восторженные отклики⁵. Вот хотя бы несколько цитат из различных напечатанных отзывов: «Грандиозное произведение... углубленный разрез общества от ЦК партии “до самых до окраин”»; «богатство художественной идеи... точность деталей... содержательность правды»; «масштабное историко-социальное полотно»; «подлинная правда о времени»; «правда – шекспи-

ровская»; «правда обо всем, пережитом страной и народом»; «точная, непредвзятая... летопись» и т.д.

Эти определения и оценки, как я постараюсь доказать, совершенно не соответствуют реальному значению «Детей Арбата»; нисколько не сомневаюсь в том, что через сравнительно короткое время – по мере действительно серьезного изучения и осмысления эпохи, изображаемой в «Детях Арбата», – поверхностность и прямая неистинность того представления об эпохе, которое дает роман, станут очевидными для подавляющего большинства его читателей.

Начать стоит с более или менее бесспорного – исторической неточности (если выразиться мягко) многих сцен романа.

На первых же страницах «Детей Арбата» Марк Рязанов, «один из командармов промышленности», беседует – осенью 1933 года – со своим племянником, студентом Сашей Панкратовым, который спрашивает у дяди:

« – Правда, Ленин писал, что Сталин груб и нелоялен?

– Откуда ты знаешь?

– Какая разница... Знаю».

Удивительный вопрос Рязанова («Откуда ты знаешь?») совершенно бессмыслен, ибо деятель такого ранга никак не мог не знать, что еще за шесть лет до его разговора с Сашей, 2 ноября 1927 года, в «Правде» был опубликован текст речи Сталина⁶ – затем не раз переиздававшийся массовыми тиражами, – речи, в которой Сталин, в частности, заявил:

«Говорят, что... в “завещании” тов. Ленин предлагал съезду, ввиду “грубости” Сталина обдумать вопрос о замене Сталина на посту генерального секретаря другим товарищем. Это совершенно верно».

Если бы Саша задавал свой вопрос дяде до ноября 1927 года – это было бы понятно. Но тот факт, что он задает его в 1933 году, может служить только разве показателем его невежества, его незнакомства с важнейшими политическими документами; что же касается недоуменного вопроса Рязанова, который станет вскоре членом ЦК, он поистине абсурден.

Между тем в романе А. Рыбакова этот, в сущности, нелепый разговор* предстает как едва ли не основная грозная завязка стержневой линии сюжета: якобы тайно разузнав о будто бы очень мало кому известной ленинской оценке Сталина, Саша Панкратов именно потому вступает в драматический конфликт со «сталинскими» силами...

Или другой пример. А. Рыбаков подробно описывает состоявшееся 14 июля 1934 года совещание в ЦК, посвященное плану реконструкции Москвы. В заключение сказано следующее: «Совещанием Сталин остался доволен. ОН выступил на нем... как инициатор и организатор реконструкции Москвы... ОН, именно ОН и только ОН удовлетворил глубоко русское чувство любви к Москве и почитания Москвы. И потому Москва теперь – ЕГО город, будущая Москва – ЕМУ памятник».

Своего рода внутренний монолог Сталина, развивающий данную тему, занимает несколько страниц, и, как стремится убедить читателей А. Рыбаков, «московская» идея имеет для Сталина громадное, исключительное значение. Но если дело обстояло таким образом, остается совершенно непонятным, почему реальный Сталин не сумел сделать достоянием общественного сознания ни тот факт, что «именно он и только он» является «инициатором и организатором реконструкции Москвы», ни представление о том, что реконструкция эта призвана удовлетворить «глубоко русское чувство любви к Москве и почитания Москвы».

Обратимся к историческим свидетельствам. Через месяц с лишним после упомянутого совещания в ЦК, 25 августа 1934 года, выступая на Первом съезде писателей СССР, один из практических руководителей работ по реконструкции Москвы, Коробов, заявил: «Нет Китайгородской стены, нет Су-

* Он имел бы некое оправдание, если бы в романе было оговорено, что Саша не читал обязательные тогда для каждого студента-комсомольца книги Сталина и что Рязанов знает об этой причуде племянника. Тогда уж Рязанов в самом деле имел бы основания подозревать, что Саша узнал о ленинских суждениях от какого-либо «оппозиционера».

харевки, нет той старины, за которую многие цеплялись, той старины, которая нам мешала переделывать Москву старую в Москву социалистическую. Некоторые цеплялись за эту старину. Наш испытанный руководитель, Л. М. Каганович, инициатор (выделено мной. – В. К.) нового архитектурного оформления Москвы, дал отпор этому сопротивлению, и Китайгородские камни, камни “Сорока-сороков” мы загнали в наши туннели».

Итак, и «инициатор» другой, и нет никакого намека на «глубокое русское чувство почитания Москвы»... Но, может быть, «идея» Сталина к тому моменту просто еще не успела войти в сознание людей? Нет, даже и через год, 14 июля 1935 года, Объединенный пленум МГК ВКП(б) и Моссовета так обращался к Кагановичу⁷ (документ этот был доведен до всеобщего сведения): «Ты, дорогой Лазарь Моисеевич, вел нас на великие работы по коренной перестройке нашей столицы... Под твоим руководством и при твоём постоянном и неослабном участии создавался генеральный план реконструкции города Москвы – этот документ, в котором отражены величие и красота нашей социалистической эпохи».

Невозможно поверить, что Сталин, если бы он в самом деле был одержим той «московской» идеей, которую столь настойчиво приписывает ему А. Рыбаков, допустил бы, чтобы лавры за ее «осуществление» достались другому, а само это осуществление воспринималось бы современниками отнюдь не в духе «глубокого русского чувства почитания Москвы», а как тотальное отрицание многовековой московской «старины».

В «Детях Арбата» очень много таких заведомо недостоверных сцен, свидетельствующих либо о незнакомстве автора с теми документами эпохи, которые в общем и целом доступны для изучения, либо о том, что автор игнорирует эти документы.

Однако едва ли есть смысл останавливаться специально на этой стороне дела, ибо основное содержание «Детей Арбата» являет собой скорее плоды размышления и воображения писателя, чем итоги изучения исторических документов.

Следует оговориться, что само по себе это не может рассматриваться как «недостаток». Во-первых, писатель всегда имеет право – пусть даже и относительное – на домысел и вымысел, которые – если они, конечно, имеют подлинно творческий характер – способны подчас приблизить художника к истине даже в большей мере, чем изучение фактов. Во-вторых, доступные нам сегодня документы дают весьма ограниченную картину, и, более того, не исключено, что те или иные очень существенные факты эпохи вообще не могут быть исследованы по достоверным документам (таковые, возможно, не сохранились либо даже их просто не было).

И, в конце концов, поскольку речь идет не об исследовательском труде, а о романе, наиболее важна не верность воспроизведения тех или иных отдельных явлений, но видение общего движения истории. Именно к этому мы и обратимся, не упуская, конечно, из виду и те или иные фактические неточности.

2

Очевидно, что одна из главных задач романа – показать, как утверждался культ Сталина и, соответственно, его безграничная власть. И сама эта задача, без сомнения, была поставлена писателем верно, ибо ведь именно с 1934 года, когда разворачивается действие «Детей Арбата», культ этот начал превращаться в нечто грандиозное и исключительное. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить сравнительно умеренные и не слишком частые хвалы в адрес Сталина, которые прозвучали в июле 1930 года на XVI съезде партии, с небывалым славословием, характерным для всех без исключения выступлений на XVII съезде, состоявшемся всего лишь через три с половиной года, в январе – начале февраля 1934-го.

Словно соревнуясь между собой, превозносили на этом съезде Сталина и вроде бы непримиримо враждебные ему оппозиционеры – Зиновьев, Каменев, Радек, Бухарин, Рыков, Томский, – и те деятели, которые, по мнению А. Рыбакова, были

его «ненадежными» сподвижниками, – Киров, Орджоникидзе, Куйбышев, Рудзутак, – и, наконец, все остальные ораторы.

В романе так или иначе упоминается об этих славословиях, но почему-то не дано хоть сколько-нибудь определенного их понимания и оценки.

Безудержные хвалы, расточаемые Сталину знаменитыми лидерами оппозиции, находят толкование только лишь в изображаемых писателем размышлениях и рассуждениях самого Сталина, который оценивает эти хвалы как заведомо лживые, продиктованные либо страхом перед ним, либо стремлением Каменева и других вернуть себе руководящую роль. Автор никак не высказывается по поводу этой оценки.

Что же касается «ненадежных» членов Политбюро, их отношение к делу писатель стремится охарактеризовать во внутреннем монологе Кирова: «Он (Киров. – В. К.) поддерживал Сталина, его линию, боролся с его врагами, подымал его авторитет, делал это искренне, убежденно», ибо, как говорится далее в том же монологе о Сталине, «его методы неприемлемы, но линия правильная».

Наконец, был еще один тип среди окружавших Сталина людей – те, которые славословили его, как изображается в романе, исходя из низких своекорыстных интересов.

Но в конечном счете всем этим славословиям явно не придается особо важного значения. Гораздо существеннее, с точки зрения А. Рыбакова, другое – то, о чем Киров размышляет так: «Сталин... знает секрет власти... Он сумел внушить народу убежденность в своем всеведении и всемогуществе...»

К этому выводу Киров приходит в сцене романа, относящейся к лету 1934 года. Но ведь именно тогда вышло в свет сочинение С. М. Кирова «Сталин – великий организатор побед рабочего класса», где говорилось, например:

«Трудно представить себе фигуру гиганта, каким является Сталин... Мы не знаем ни одного поворота в нашей работе, ни одного сколько-нибудь крупного начинания, лозунга, направления в нашей политике, автором которого был бы не т. Сталин, а кто-нибудь другой. Вся основная работа – это

должна знать партия – проходит по указаниям, инициативе и под руководством т. Сталина. Могучая воля, колоссальный организаторский талант этого человека...» и т.д., и т.п.

В романе «Дети Арбата» Киров признает, что он «поддерживал Сталина... подымал его авторитет», однако же его только что процитированные реальные фразы имеют, конечно, совершенно иной смысл: это не просто «поддержка» и «подымирование авторитета». И мысль о том, что Сталин, мол, сам «внушил народу убежденность в своем всеведении и всемогуществе», по меньшей мере наивна. Невозможно сомневаться в том, что убежденность эту начали внушать массам прежде всего люди, окружавшие Сталина, – люди весьма различные, но единые в деле превознесения Сталина. И Киров, без сомнения, играл в этом деле одну из главных ролей.

А. Рыбаков, надо отметить, предпринимает попытку доказать, что Сталин «сам» создавал свой культ, сам утверждал, как сказано в романе, «свою исключительность» и «свою единственность». Так, в романе подробно изображена прямо-таки отчаянная борьба Сталина, преследующая цель опровергнуть одну деталь из воспоминаний Енукидзе, который-де написал, что о существовании подпольной типографии «Нина», работавшей в 1901–1905 годах в Баку, знали только три закавказских социал-демократа, среди которых Сталин назван не был. Уверая, что и он знал о «Нине», Сталин в романе почти униженно – и напрасно – уговаривает Кирова написать об этом, а потерпев поражение, приказывает Жданову вызвать Берию и поручить ему опровергнуть Енукидзе.

Совершенно ясно, что эта сцена романа призвана показать читателям, как Сталин с помощью обмана и интриг добивается все большего преувеличения своих заслуг. Допустим, что изображенная А. Рыбаковым сцена действительно имела место (хотя можно бы доказать, что она почти полностью вымышленная). Однако нельзя не видеть, что утверждение причастности Сталина к работавшей три десятилетия назад в Баку нелегальной типографии «Нина», без всякого сомнения, не могло быть сколько-нибудь ощутимой «прибавкой» к тому

беспримерному культу его личности, который уже царил в 1934 году; в сопоставлении с общим объемом этого культа самое решительное признание осведомленности юного Джугашвили о «Нине» представляло собой, как говорится, бесконечно малую величину.

Грандиозные, ограниченные разве только уровнем ораторских способностей восхваления Сталина, лившиеся из уст и знаменитых оппозиционеров, и тех членов Политбюро, которых А. Рыбаков – едва ли основательно – пытается представить противниками восхвалений, и, наконец, всех остальных наиболее влиятельных политических деятелей эпохи, конечно же, играли решающую роль в создании культа.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в 1934 году культ этот еще ни в коей мере не достиг, так сказать, своего апогея. На том же XVII съезде было, пожалуй, лишь одно выступление, в котором совершился своего рода прорыв в недалекое будущее, когда Сталин предстал в образе, если воспользоваться многозначным словом Достоевского, человекобога. И это было выступление отнюдь не Берии, Ежова, Жданова, Поскребышева и т.п., которых А. Рыбаков представляет как главных подручных Сталина в деле создания культа.

Долорес Ибаррури, легендарная Пассионария, выступая на съезде, провозгласила Сталина «любимым и непоколебимым, стальным и гениальным большевиком, вашим и нашим вождем, великим вождем пролетариев и трудящихся всех стран и национальностей всего мира! (Аплодисменты, крики: “Ура!” Весь зал встает. Аплодисменты переходят в овацию.)»

Невозможно предполагать, что пафос Долорес Ибаррури был внушен ей посредством каких-либо интриг Сталина. Невозможно, в частности, потому, что тем же пафосом прониклись влиятельнейшие писатели тогдашней Европы⁸ – Анри Барбюс, Ромен Роллан, Лион Фейхтвангер, Поль Элюар, Жан-Ришар Блок, Луи Арагон и многие другие, – не говоря уже о многочисленных виднейших деятелях мирового революционного движения того времени.

Появившиеся в 1935 году открытое письмо Роллана Сталину⁹ или книга Барбюса «Сталин» совершенно несопоставимы по своему значению с вышедшей тогда же брошюрой Берии¹⁰.

И, надеюсь, ясно, что дело идет отнюдь не об отдельных «неточностях» в романе А. Рыбакова, но об общем понимании эпохи. Культ Сталина – это вовсе не результат интриг его самого и каких-то сомнительных подручных; это было в прямом смысле слова всемирное явление, которое осуществлялось повсюду от Мадрида до Шанхая.

Да, то, что называют «культом Сталина», ни в коей мере не сводится к личным действиям одного человека или группы людей. Идея культа, овладев, как говорится, массами, стала могущественнейшей материальной силой. И по-настоящему действовала в истории именно эта сила, а не отдельный человек, многообразные «комплексы» которого так увлеченно описывает А. Рыбаков.

Мы знаем, что в течение двух десятилетий все победы и успехи приписывали именно этому человеку. Но ныне А. Рыбаков, словно навсегда замороженный этой «концепцией» (которая, помимо всего прочего, предельно наивна), по существу, остается всецело верен ей: он всего лишь, так сказать, поменял плюс на минус и пытается объяснить личностью Сталина не все победы и достижения, а все поражения и беды. Но от этой перемены знака понимание истории нисколько не углубляется.

На деле культ Сталина – это громадное явление советской и даже всемирной истории. В 1934 году это явление, повторяю, еще не обрело всю свою мощь и размах. Очень характерно, что на Первом съезде советских писателей, состоявшемся через полгода после XVII съезда партии, хвалы Сталину звучали не так уж часто и не столь уж безудержно. Правда, и здесь было одно далеко вырвавшееся вперед обращение к писателям:

«Стиль большевистской эпохи – в мужестве, в сдержанности, он полон огня, страсти, силы, веселья. На чем можно

учиться?.. Посмотрите, как Сталин кует свою речь, как кованы его немногочисленные слова, какой полны мускулатуры. Я не говорю, что всем нужно писать, как Сталин, но работать, как Сталин, над словом нам надо».

Это заявил писатель, имевший всеевропейскую репутацию мастера самой высокой степени, так сказать, международного гроссмейстера стиля, – И. Бабель. И от этих слов Бабеля можно было уже без всякого барьера перейти к провозглашению Сталина не только гениальнейшим политическим деятелем, но и величайшим философом, историком, экономистом, языковедом, эстетиком и т.д.

Анализируя поведение тех или иных людей, участвовавших в создании культа Сталина, можно, по всей вероятности, доказать, что кто-то из них делал свое дело по причине неадекватности, кто-то – из своекорыстных побуждений, кто-то был в состоянии безотчетного гипноза и т.д., и т.п. Но с точки зрения истории все это в конечном счете не столь уж важно.

Почти сто лет назад Ф. Энгельс очень просто и в то же время совершенно убедительно сформулировал¹¹: «...история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных волей... Имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил... и из этого перекрещивания выходит один общий результат... Этот исторический результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое»*. Не подлежит никакому сомнению, что возведение Сталина в ранг человекобога было результатом действия такой единой – мощной и всемирной по своему размаху – силы, а не козней «сталинистской» группировки.

Между прочим, цитируемое рассуждение Энгельса неправильно было бы рассматривать как нечто специфически марксистское; в нем сжато обобщено то представление о ходе истории, которое было выработано всеми серьезными философами и историками с конца XVIII (когда самосознание че-

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 395–396 (выделено мной. – В. К.).

ловечества начало проникаться подлинным историзмом) до конца XIX века.

Ф. Энгельс, возвратившись позднее к рассуждению о том, что множество отдельных волей «перекрещивается» и в истории поэтому «господствует необходимость, дополнением и формой которой является случайность»¹², заключил так¹³: «Что Наполеон, именно этот корсиканец, был тем военным диктатором, который стал необходимым (разрядка моя. – В. К.) французской республике, истощенной войной, – это было случайностью. Но если бы Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой»*.

Все это целиком относится к явлению Сталина (речь идет в данном случае не о каком-либо «сходстве» Наполеона и Сталина**, а о необходимости их появления). И, изображая создание сталинского культа как некий результат интриг и козней самого Сталина и его своекорыстных подручных, А. Рыбаков, по сути дела, отказывается от того представления о ходе истории, которое было прочно утверждено уже столетие назад. Поэтому повествование об исторических лицах в «Детях Арбата» нередко напоминает, прошу прощения, романы Дюма, где все движение истории определяется чисто индивидуальными желаниями и действиями тех или иных героев; так, изображенные в романе беседы Сталина с Ягодой и Ежовым подозрительно похожи на незабвенные беседы кардинала Ришелье с Миледи в «Трех мушкетерах»...

Я вполне допускаю, что беседы, подобные тем, которые изображает А. Рыбаков, могли иметь место. Но отнюдь не в них совершалось реальное историческое движение. Если бы мощная всемирная сила не сделала Сталина «человекобогом», никакие его закулисные интриги не смогли бы, допустим, создать ситуацию 1937 года.

* Там же. Т. 39. С. 175 – 176.

** Сталин может напомнить скорее известного своей жестокостью вождя английской революции Оливера Кромвеля, о котором Ф. Энгельс писал¹⁴, что он «совмещает в своем лице Робеспьера и Наполеона» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 602).

Можно с полным правом сказать, что Сталин не оправдал надежд, возлагавшихся на него теми, кто возносил его. Но это естественный ход истории, ясно понятый опять-таки уже в прошлом веке. Выше приводились соответствующие рассуждения Энгельса, но сейчас уместно напомнить их завершающий пункт. Сказав о «перекрещивании» отдельных человеческих волей в истории, Энгельс резюмировал¹⁵: «...То, чего хочет один, встречает препятствие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, **чего никто не хотел**»* (выделено мной. – В. К.).

Именно так следует понять волну репрессий 1937–1938 годов, обрушившихся во многом как раз на тех людей, которые создавали культ Сталина (в числе жертв, между прочим, было очень много зарубежных революционных деятелей, оказавшихся по тем или иным причинам в СССР).

Словом, 1937 год (как и феномен Сталина вообще) – это явление всемирной истории или по меньшей мере мирового революционного движения, а не результат интриг некой злой-злой группировки.

Между тем в романе А. Рыбакова нет даже и намека на этот истинный смысл событий. Вполне вероятно, что в 30-х годах реальные «дети Арбата» осознавали происходящее именно так, как автор романа. Но это, как выразился при мне один из читателей романа, «детскоарбатское» представление об истории¹⁶ и уместно разве только в книжке, предназначенной для детского чтения...

К сожалению, это относится отнюдь не только к сочинению А. Рыбакова; сейчас появляется множество повествований и статей, пытающихся толковать «проблему Сталина» в столь же или даже более поверхностном и примитивном духе. Вместе с тем было бы несправедливо умолчать о том, что публикуются и серьезные размышления об этой проблеме.

Так, например, Ф. Бурлацкий, отвергая упрощенные решения, говорит¹⁷: «Я лично думаю, что проблема более сложная и доводы в пользу более сложного ее рассмотрения

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 396–397.

очень просты. Ведь это было не только в нашей стране. Это повторилось в Китае. Мао Цзэдун шел собственным путем... Я не хочу называть другие социалистические страны, где повторились и репрессии, и явления культа личности, и еще многое из того, что было у нас в стране, не говоря уж о так называемом “коммунизме” Пол Пота в Кампучии. Значит, сама эта проблема куда более сложна» (Аргументы и факты. 1988. № 17. С. 8).

Итак, Ф. Бурлацкий обоснованно стремится понять «сталинизм» не как результат интриг одного лица или группы лиц, но как определенную всемирно-историческую закономерность.

3

Главное стремление сегодняшних борцов за «правду» – в том числе и автора романа «Дети Арбата» – как можно более решительно и исчерпывающе сказать о тяжких жертвах второй половины 30-х годов. Сталин размышляет в романе (в 1934 году):

«Нужны неисчислимые материальные и человеческие жертвы... Народ надо заставить на них пойти... Если при этом погибнет несколько миллионов человек, история простит это товарищу Сталину».

Неподготовленный читатель, естественно, поймет писателя таким образом, что счет жертв надо начинать с 1934-го или даже более позднего года. Но это совершенно не соответствующее действительности представление.

Виднейшие демографы В. З. Дробижев и Ю. А. Поляков пишут¹⁸, что за 1918–1922 годы, то есть за 5 лет, «итог людских потерь превышает, вероятно, 25 миллионов человек» (Историки спорят. М., 1989. С. 469).

Это значительно более тяжкие потери, чем в Отечественную войну, поскольку в 1941 году население составляло около 200 миллионов, а в 1917 – менее 150 миллионов. То есть доля погибших была намного больше...

Литература и кино слишком часто изображают начало 20-х годов в своего рода оперном или даже опереточном стиле. Но вот в воспоминаниях А. И. Микояна «В начале двадцатых»¹⁹ рассказано о его приезде в Ростов-на-Дону в июне 1922 года – то есть через два с лишним года после окончания боевых действий в этом районе: «Общее впечатление от центра Ростова сложилось у меня тогда довольно тяжелое... Кое-где прямо на улицах попадались трупы... Меня поразило, как люди спокойно проходили мимо: видимо, это стало для них уже привычным зрелищем».

Но неизбежно встает еще один существенный вопрос: кто же именно погибал в 1918–1922 годах? Не исключено, что кое-кто подумает: речь идет главным образом о представителях эксплуататорских классов. Однако в работе Б. Ц. Урланиса «Население СССР за 50 лет» (1970) показано, что накануне революции к эксплуататорским классам, включая старшие разряды чиновников, принадлежало (вместе с семьями) всего лишь 4 миллиона человек; к тому же именно из них в большей своей части сформировалась двухмиллионная эмиграция.

Кто же погибал? Недавно известный скульптор В. Лемпорт опубликовал статью²⁰, в которой размышляет, в частности, о созданном им ранее портрете Багрицкого. Он пишет, что в свое время «нам все было ясно: не сдает мужик хлеб продотряду – к стенке его, как у Багрицкого:

По оврагам и по скатам
Коган волком рыщет,
Залезает носом в хаты,
Которые чище!
Глянет влево, глянет вправо,
Засопит сердито!
“Выгребай-ка из канавы
Спрятанное жито!”
Ну а кто поднимет бучу –
Не шуми, братишка:

Усом в мусорную кучу,
Расстрелять, и крышка.
Чернозем потек болотом
От крови и пота...²¹

Пошел бы крестьянин Опанас на убийство, в бандитизм, – спрашивает В. Лемпорт, – если бы у него не отнимали, за здорово живешь, хлеб, выращенный и выстраданный им, заметьте, по абсолютно непонятым для него соображениям?..

Может быть, время было такое? Какое бы время ни было, но меня поражает заблуждение поэта».

То, что ныне оценивается как «заблуждение», долгие годы было непререкаемой «правдой» для большинства писателей. Весьма известный в свое время стихотворец Николай Ушаков еще в 1926 году писал о крестьянском, или, как он определил, «кулачем», мятеже в Вятской губернии, где «войско» бунтовщиков собралось на лесной вырубке, называемой «Попова сеча». С трудно понимаемым ныне упоением Николай Ушаков сообщал:

Но лишь трехдюймовки по деревьям
градом прошлись под вечер –
кулачье войско четыре дня
крестилось в Поповой сече²².

Тут в самом деле не может не поразить радостное удовлетворение автора, вызванное тем, что чугунный град шрапнели обрушивается на соломенные крыши деревень, обрушивается к тому же именно «под вечер», когда семьи собрались под эти крыши (само-то «кулачье войско» находится ведь среди леса...).

Нельзя не упомянуть о том, что проблема «кулака» исключительно сложна. Из «Толкового словаря» Владимира Даля можно узнать, что этим словом обозначался «перекупщик, переторговщик, маклак, прасол, сводчик, особенно в хлебной торговле, на базарах и пристанях, сам безденежный, живет об-

маном, обсчетом, обмером». То есть речь шла о людях, которые не только ничего не производили, но даже не имели своих денег; сегодня мы назвали бы таких людей «спекулянтами». Сложными путями слово «кулак» к 1920-м годам кардинально изменило свое значение; им стали обозначать крепкого хозяина... А заряд законной ненависти в слове остался.

В первый период раскулачивания (то есть когда дело шло о наиболее «крепких» хозяевах), говорится в коллективном труде «Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения» (1982), с начала до лета 1930 года «общее число экспроприированных кулацких хозяйств... составило свыше 320 тысяч. Сумма конфискованного у них имущества превысила 400 миллионов рублей...». Речь идет о домах, инвентаре, скоте и т.п. И вот оказывается, что средняя стоимость всего этого имущества у одной кулацкой семьи составляла около 1250 рублей – то есть всего-навсего тогдашний годовой заработок квалифицированного рабочего. То есть реальным богатством этих людей были трудовые руки...

И нелегко теперь понять, почему очень многие писатели 20–30-х годов воспринимали этих людей в виде неких чудовищ и считали вполне уместным палить из трехдюймовок по деревням. Главное тут ведь даже не в самом по себе применении винтовок или артиллерии против людей, не желающих, допустим, отдать хлеб. В конце концов, только серьезное и глубокое исследование конкретных обстоятельств²³ способно ответить на вопрос, было то или иное из подобных явлений выражением абсолютной необходимости либо результатом безответственного произвола. Главное в другом – в самом понимании и оценке таких явлений писателями. Вот здесь, как мне представляется, двух мнений быть не может.

Как ни прискорбно, очень многие популярные писатели вполне спокойно или даже удовлетворенно относились к тому, что в первые годы революции страна, если воспользоваться словами Ленина²⁴, была «измученной, истерзанной, обезумевшей от боли, окровавленной, полумертвой»*.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 476.

Конечно, были и другие писатели, которые всем существом пережили и воссоздали безмерную трагедийность этих лет; среди них – Пришвин, Есенин, Неверов, Булгаков, Шолохов, Платонов. Но для большинства из тех, кто активно выступал в литературе 20–30-х годов, настоящей трагедией оказался лишь 1937 год, когда своего рода цепная реакция гибели доказалась до **них самих** и кровно близких им людей...

Именно эта субъективная «правда», по сути дела, господствует в литературе и сегодня. Между тем совершенно ясно, что потери первых революционных лет были несоизмеримо более значительными, нежели жертвы второй половины 1930-х годов.

Эпоха 30-х годов изучена еще меньше, чем более ранние периоды; в частности, достоверные данные о количестве населения имеются только для начала 1929-го и, далее, начала 1939 года. Цифры, относящиеся к промежуточным годам, почти не публиковались. Однако и эти имеющиеся в нашем распоряжении цифры дают вполне ясную картину: если с 1918-го по 1922 год население сократилось на 15 с лишним миллионов, то с 1929-го по 1939 год оно, напротив, выросло на 17 миллионов человек – несмотря на то что рождаемость в 30-х годах была в среднем не выше, чем в 1918–1922 годах. Конечно, рост мог быть намного более значительным. Но главные потери приходятся, без сомнения, не на 1937–1938 годы, а на 1933 год (то есть еще до того 1934 года, с которого считает нужным вести счет жертв А. Рыбаков).

Что же произошло в 1933 году? Этот вопрос в какой-то мере освещен в уже упомянутой монографии «Коллективизация сельского хозяйства в СССР», изданной в 1982 году. Здесь рассказано, в частности, о действиях Я. А. Яковлева, который с 1929 года занимал одновременно три важнейших поста: председателя комиссии по коллективизации Политбюро ЦК ВКП(б), наркома земледелия и, наконец, председателя Всесоюзного совета сельскохозяйственных коллективов («Колхозцентр»). В монографии сообщается, что в 1931 году «крупные сельскохозяйственные зоны Поволжья, Урала, За-

падной Сибири, Казахстана были охвачены сильной засухой... В результате часть колхозов... вынуждена была сдать в заготовку не только товарное зерно, но частично и семена, и фураж». Потому в следующем, 1932 году «в крупнейших зерновых районах страны... хлебозаготовки шли с огромными трудностями... Чтобы изменить положение, потребовалось самое решительное вмешательство... Все силы были переключены на заготовки. Был нанесен удар контрреволюционерам, кулакам и саботажникам. К концу 1932 года выполнение... пошло быстрее... Был заслушан и обсужден доклад народного комиссара земледелия Я. А. Яковлева».

Результаты этого «вмешательства» и «удара» наглядно показал, воссоздавая жизнь приволжского села, Михаил Алексеев в своем повествовании «Драчуны»²⁵, опубликованном, кстати сказать, еще в 1981 году в журнале «Наш современник». Зерно было изъято подчистую, и три четверти жителей села умерли от голода...

О страшных жертвах со всей ясностью свидетельствуют следующие цифры (прошу извинения за их обилие, но без этого в данном случае не обойдешься).

В течение 1929–1938 годов население страны в целом увеличилось почти на 11 процентов. Но в зерновых районах дело обстояло совсем по-иному. Так, на Украине и в Казахстане население за эти годы уменьшилось... И конечно, так же обстояло дело на Дону, Северном Кавказе и в Поволжье. Между тем в не имевших большого значения с точки зрения производства зерна Азербайджане и Грузии население за эти годы весьма значительно выросло*.

* Чтобы ясно увидеть суть дела, необходимо сказать, что и Азербайджан, и Грузия испытали достаточно тяжкие потери в 1918–1922 годах, в результате чего их население вообще не увеличилось с 1913 по 1926 год. В 1913 году население Азербайджана составляло 2 миллиона 339 тысяч человек, а в 1926-м – 2 миллиона 314 тысяч человек; население Грузии 1913 года – это 2 миллиона 600 тысяч человек, а 1926-го – 2 миллиона 667 тысяч человек. Между тем с конца 1926 года по начало 1939 года население Азербайджана выросло до 3 миллионов 205 тысяч человек, то есть на 37 процентов, а Грузии – до 3 миллионов 540 тысяч человек, то есть более чем на 32 процента.

Могут возразить, что речь идет о районах с высокой рождаемостью. Однако и в Белоруссии, которая в отличие от соседней Украины не имела первостепенного значения как поставщик зерна, население в течение 1928–1938 годов увеличилось почти на 12 процентов.

Все это доказывает, что самые тяжкие человеческие потери в 30-х годах пришлось на 1933 год. Согласно опубликованному в 1933 году исчислению, результатам которого нет серьезных оснований не доверять (об этом – ниже), население страны к 1 января 1933 года составляло 165 миллионов 748 тысяч человек. Затем, вплоть до 1939 года, то есть в течение шести лет, статистические органы не публиковали сведений о количестве населения. Но, как известно, 1–6 января 1937 года была проведена всесоюзная перепись, показавшая, что население за четыре года не только не увеличилось, но уменьшилось до 163 миллионов 800 тысяч человек (этот результат переписи был опубликован лишь в 1960-х годах²⁶; в 1937-м только объявили, что итоги переписи «дефектны»).

В течение 1937–1938 годов население страны выросло почти на 7 миллионов человек (это показывает, что человеческие потери тех лет были сравнительно невелики, дело шло о тысячах, а не о миллионах людей) и достигло 170,6 миллиона человек*.

Итак, можно дать следующие вехи изменения количества населения: к началу 1928 года – 153,4 миллиона, к началу 1930-го – 156,4 и через три года, к началу 1933-го, – 165,7 миллиона. Затем крайне резкое уменьшение – до 158 миллионов и новый рост (за три года, к началу 1937-го, – 163,8; к началу 1939-го – 170,6).

Правда, некоторые авторы предлагают особенное объяснение, утверждая, что в 1930–1933 годах будто бы упала до небывалого крайнего минимума рождаемость, в результате

* М. Тольц на страницах «Огонька» (1987, № 51)²⁷ выразил сомнение в достоверности этой цифры. Однако он не заметил, что тогда придется отвергнуть и результаты переписи 1959 года, которые по ряду показателей подтверждают итоги предшествующей переписи.

чего прирост населения вообще прекратился и начался снова лишь с 1934 года. Так, недавно появилось краткое исследование В. П. Данилова, посвященное проблеме 1933 года. В нем утверждается, что голодной смертью умерло в этом году примерно 3 миллиона человек, а очень сильное замедление или даже остановка прироста населения объяснена невиданно резким падением рождаемости в 1930–1933 годах*. Но это решение нашего видного, имеющего большие заслуги историка едва ли убедительно.

В изданном в 1982 году коллективном труде «Особенности демографического развития в СССР» обсуждаются, в частности, прогнозирующие расчеты роста населения, произведенные в 1933 году виднейшими демографами С. А. Новосельским и В. В. Паевским, – расчеты, которые, как сказано в труде, «отличались высокой технико-методической стороной их выполнения и представляют большой вклад в советскую демографическую науку и методику составления демографических прогнозов». Новосельский и Паевский дали расчет прироста населения страны от начала 1933 года до начала 1939 года. В этом расчете, который исходил из «нормального» уровня рождаемости и смертности, была, очевидно, завышена рождаемость. Но не менее существенно было и преуменьшение смертности. Демографы предполагали, что взрослое население (люди, родившиеся до 1924 года) к 1939 году составит около 116 миллионов человек; между тем на деле оно было в январе 1939 года почти на 7 миллионов меньше (109 миллионов человек)...

Однако и тот факт, что детей в возрасте до 13 лет оказалось к 1939 году на целых 25 процентов меньше, чем предполагали Новосельский и Паевский, едва ли можно объяснить только непредвиденным исследователями снижением рождаемости. Ведь голод – в отличие от боевых действий или репрессий – уносит детские жизни в не меньшей, а, пожалуй, даже в большей степени, чем жизни взрослых...

* См.: Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116–121.

Естественно встает вопрос, почему нынешних борцов за «правду» волнуют почти исключительно потери 1937–1938 годов, а не гораздо более тяжкие потери предшествующих периодов? Как я постараюсь доказать, это объясняется особым «интеллигентским» (на деле псевдоинтеллигентским) подходом к проблеме.

В свое время Анатолий Ланщиков опубликовал замечательное размышление об одном очерке В. Травинского, напечатанном в 1967 году в журнале «Знамя»²⁸.

«Автор очерка, – писал критик, – ни мало ни много предложил перевести все сельское хозяйство Российской Республики на Камчатку (там обнаружены естественные горячие источники, используя которые можно построить обширнейшие, гигантские парники). Я не стану критиковать эти фантазии с точки зрения их выполнимости, экономической целесообразности и стратегического благоразумия. Меня интересует сейчас другое – люди... Вот как предлагается решить их судьбу: “...19 миллионов колхозников и 7 миллионов работников совхозов, участвовавших в сельскохозяйственных работах в 1964 году, сей момент нашли бы применение в промышленности Сибири и Дальнего Востока, снабди их **жи-льем** и едой”. Это точно очень сказано: не “домами”... а “жи-льем”. Травинский полагает, будто крестьянину... дай только харч и крышу – и можешь гонять его по всему белому свету... Представьте себе, – заключал Анатолий Ланщиков, – кто-то написал очерк, в котором предложил бы, обеспечив едой и жильем, переселить в Сибирь и на Дальний Восток не крестьянство, а... интеллигенцию. Тут бы пошли такие аналогии и такой подтекст... что не приведи господь!»

Как ни печально, этого рода резкое разграничение интеллигенции и остальных смертных определяет мироощущение очень многих литераторов. Вот уже четверть века я не могу забыть возмущения, вызванного во мне одним рассуждением В. Лакшина²⁹. Говоря о безвинно оказавшемся в

заклучении крестьянине, он сетовал: «Невольно (вот именно невольно – такой уж склад ума! – В. К.) начинаешь думать о том, как нужен, просто необходим был бы он в своей деревне, в колхозе, где после войны мужики наперечет. Как бы он со своей совестью и рабочей хваткой помогал бабам тянуть колхоз».

Этот чисто функционально-прагматический подход к людям, не принадлежащим к интеллигенции, характерен, конечно, отнюдь не только для малоизвестного журналиста В. Травинского и широко известного сейчас телевизионного комментатора В. Лакшина. Они просто открыто выговорили то, что определяет сознание очень многих литераторов.

Я употребил выше определение «интеллигентский». Но на деле речь идет, конечно, о псевдоинтеллигентском сознании. Сергей Аверинцев недавно справедливо говорил на страницах «Советской культуры»: «Сегодня, как всегда, дело интеллигента – заботиться не о том, понимают ли его другие, а о том, понимает ли он других. Это должно быть его тревогой. Нереально ожидать, что все проблемы будут ему в одинаковой мере близки: у одного один опыт, у другого – другой. Но он не смеет игнорировать в своей мысли сложность целого и свою ответственность перед целым».

Это совершенно верно. Крестьяне или рабочие, занятые своим трудом, уже только благодаря этому исполняют имеющий необходимое и всеобщее значение гражданский долг. Они, если угодно, вправе не думать о «целом», так как это целое на них и держится. Но интеллигент, не имеющий постоянно в виду жизнь народа в целом, не исполняет тем самым именно свой собственный, личный долг.

К этому необходимо добавить, что интеллигенция не является, так сказать, единственной носительницей культуры; есть собственно народная культура, обладающая своей ничем не заменимой ценностью. В цитированной статье Сергей Аверинцев не без иронии замечает: «Совершенно не могу себе представить, по каким критериям можно было бы сравнить “культурный уровень” носителя старой народной

культуры, часто вовсе не грамотного, но при этом умеющего сложить песню, способного на настоящую работу мысли, – и младшего или хоть старшего научного сотрудника, знающего множество сведений...»

«Интеллигент», уверенный в заведомом «превосходстве» себе подобных людей, а в крестьянине и рабочем усматривающий лишь силу, способную «тянуть» колхоз и завод, не имеет права называться интеллигентом; он в действительности принадлежит к сообществу, которому Михаил Лобанов еще двадцать лет назад дал меткое определение – «просвещенное мещанство»³⁰. И как многозначительно, что та лобановская статья вызвала прямо-таки бешеные нападки!³¹

Неспособность мыслить о целом и испытывать полноту ответственности перед этим целым как раз и приводит к сосредоточению всего внимания на 37-м годе.

Это выражается нередко в прямо-таки удивительной «слепоте». Писатель Юрий Трифонов издал книгу «Отблеск костра»³², рассказывающую о его отце В. А. Трифонове, репрессированном в 1937 году. Он процитировал два составленных отцом, в то время занимавшим руководящий пост на Дону, документа. В первом из них, от 10 июня 1919 года, сказано: «Нужно твердо и определенно отказаться от политики репрессий по отношению к казакам вообще. Это не должно помешать, однако, строгому, беспощадному преследованию в судебном порядке всех контрреволюционеров».

Второй документ, написанный через год, 20 июля 1920 года, звучит совсем по-иному: «Те станицы, хутора и населенные пункты, которые оказывают содействие или дают приют изменникам и предателям делу трудящихся, будут... беспощадно разоряться»; ниже добавлено: «до полного их (станец и хуторов. – В. К.) уничтожения».

Ю. Трифонов писал по этому поводу: «Суровый документ, столь отличный от доклада... написанного год назад, говорит не о том, что изменилась точка зрения, а о том, что изменилось время. Поистине те, кто теперь подняли оружие против Советской власти, были не заблуждающимися, а отъявленными

врагами». Допустим даже, что это в самом деле так (хотя едва ли не правильнее будет сказать, что в июне 1919 года, когда на Дону полыхало восстание, а войска Деникина грозно надвигались с юга, было крайне нецелесообразно объявлять о намерении уничтожать целые станицы и хутора). Однако главное не в этом; прямо-таки поразительно другое: Ю. Трифонова никак не взволновало заявление его отца о том, что станица, хутор или населенный пункт, в которых обнаружен, допустим, один «изменник» или «предатель», обрекаются на «полное разорение и уничтожение»...

Очень многие люди в 1937 году погибли, как известно, только лишь потому, что в их окружении оказался некий «изменник» или «предатель». И Ю. Трифонов, и другие писавшие об этом годе выражали крайнее возмущение по поводу такого оборота дел. Но, как ни странно, цитируя и комментируя «донские» документы своего отца, писатель ни словом не обмолвился об этой, без сомнения, самой острой и трагической стороне проблемы. В данном случае писатель эту сторону дела просто-таки не замечает, как говорят, в упор не видит, ибо речь идет о населении каких-то станиц, а не о населении дома на набережной, или на улице Грановского³³, или на Арбате...

Во избежание недоразумений отмечу, что, выражаясь деловым языком, «лично я» родился вовсе не в станице, а именно на Арбате и моя семья заплатила свою дань 37-му году. Старший брат моей матери, С. В. Пузицкий, – юрист, ставший одним из руководителей контрразведки СССР, заслуживший два ордена Красного Знамени и три ромба на петлицах, был расстрелян (ныне – он герой нескольких книг и кинофильмов³⁴). Дядя матери, С. И. Аралов, делегат Второго съезда Советов, член Реввоенсовета Республики, затем первый ее полпред в Турции, член коллегии Наркоминдела, а с 1927 года член Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства вынужден был в расцвете сил сойти с политической сцены и едва ли не чудом остался в живых (после 1956 года он издал две книги мемуаров³⁵). Младшая сестра моего отца,

врач З. Ф. Кожина, была ассистенткой знаменитого терапевта Д. Д. Плетнева, осужденного в 1938 году на 25 лет заключения за «умерщвление» Горького, Куйбышева и других; она была изгнана из клиники, скиталась по стране и наконец по своей воле завербовалась в лагерные врачи в Воркуту.

Но я не считаю допустимым как-то выделять судьбы близких мне по крови или по делу (я имею в виду литераторов и вообще интеллигенцию) людей из общей трагедийной судьбы народа.

Я должен признаться, что меня глубоко возмущает следующее рассуждение И. Эренбурга в его известных мемуарах «Люди, годы, жизнь»³⁶:

«В 1934 году, после “Дня второго”, мое имя стояло на красной доске, и никто меня не обижал. Время было вообще хорошее, и мы все думали, что в 1937 году, когда должен был по уставу собраться второй съезд писателей, у нас будет рай» (выделено мной. – В. К.).

Итак, поскольку, мол, мне и всем близким мне людям живется хорошо, значит, и «время вообще хорошее». Такое мировосприятие, по моему убеждению, непростительно ни для литератора, ни для настоящего интеллигента любой профессии.

Но вернемся к «Детям Арбата». Казалось бы, нужно порадоваться, что в романе А. Рыбакова тот же 1934 год изображен отнюдь не как «хорошее» время; автор вроде бы сумел преодолеть странную «слепоту» И. Эренбурга. Однако на деле все обстоит сложнее.

В основе «Детей Арбата» лежит определенная «концепция», которая способна возмутить даже в большей степени, чем обнажившийся в приведенной цитате И. Эренбурга своего рода «групповой эгоизм»...

5

«Концепция», о которой идет речь, не выступает со всей очевидностью, но играет определяющую роль в романе А. Рыбакова. Наиболее ясно она раскрывается в проходящем

через роман противопоставлении «европейского» и «азиатского» начал.

Тема эта чаще всего присутствует во внутренних монологах Сталина, который ставит вопрос так: Ленин «думал управлять Россией европейскими методами, а в НЕМ, Сталине, видел азиата». Или в другом месте романа Сталин думает о Кирове: «Он ориентирован не на Восток, а на Запад – он и это перенял у петербургских, ведь они считают себя европейцами». Но и в авторском тексте Сталин назван, например, «неумолимым азиатским богом» (выделено мной. – В. К.).

В наше время, надо сказать, странно звучит само уже противопоставление Европы и Азии, которое еще имело какие-то основания в прошлом. Ведь именно Европа создала в XX веке фашистские диктатуры в Германии, Италии, Испании, Португалии. Или, может быть, Рыбаков полагает, что эти явления также были экспортированы в Европу из Азии?

Но истолкование самого явления Сталина как «азиатского» – это только внешний слой смысла романа. В более осторожной, не прямой форме роман навязывает мысль, что Сталин – это, так сказать, специфически русское явление. До того как Сталин утвердил свой культ, страной, мол, правили люди «европейского» склада и все было хорошо. А Сталине перевернул страну на «русский» путь, и все стало плохо. Эта «идея» высказывается в романе, повторяю, не со всей определенностью и отчетливостью, но зато при каждом удобном случае, пронизывая все повествование. Сталин в романе постоянно рассуждает о русской истории, о Москве, о своеобразии духа народа и т.п.

Итак, Сталин, мол, повернул на «русский» путь (вместо «европейского») – отсюда и проистекает чудовищное насилие, ведущее к неисчислимым жертвам. В этой связи в романе возникают имена Ивана Грозного и Петра Первого, которые, так сказать, послужили «образцами» для Сталина – естественно, специфически «русскими» образцами.

Что сказать по этому поводу? Прежде всего, нетрудно разглядеть нелепый парадокс в самом обращении к фигуре

Петра Первого: ведь Петр всецело ориентировался именно на Европу и многие его ближайшие вдохновители и сподвижники были выходцами с Запада. Подавляющее большинство казненных при Петре – это 1182 бунтовщика-стрельца, а руководил их казнями шотландец Патрик Гордон. Словом, едва ли допустимо видеть в Петре образец специфически «русского» (или «азиатского») деятеля.

Что же касается Ивана Грозного, то обилие казней при нем объясняется отнюдь не его «русскостью», а тем, что он правил в XVI веке. Современные историки А. А. Зимин и А. Л. Хорошкевич справедливо говорят в своей книге «Россия времени Ивана Грозного» (1982): «Иван IV был сыном... жестокого века... Шведский король Эрих XIV запятнал себя не меньшим количеством убийств, чем Грозный. Французский король Карл IX сам участвовал в беспощадной резне протестантов в Варфоломееву ночь 24 августа 1572 года, когда была уничтожена добрая половина родовой французской знати. Испанский король Филипп II... с удовольствием присутствовал на бесконечных аутодафе на площадях Вальядолида... Цена, которую уплатила Россия за ликвидацию политической раздробленности, не превосходила жертв других народов Европы, положенных на алтарь централизации. Первые шаги абсолютной монархии в странах Европы сопровождались потоками крови подданных...» (выделено мной. – В. К.).

Впрочем, определение «не превосходила» весьма неточно. Один из наиболее серьезных исследователей русской истории XVI – начала XVII века Р. Г. Скрынников доказал в своей книге «Иван Грозный» (1975), что при этом царе «было уничтожено около 3–4 тысяч человек». Между тем как давно установлено, в Англии в тот же век казнено было при Генрихе VIII 72 тысячи, при Елизавете – свыше 89 тысяч человек; примерно столько же «инакомыслящих» было уничтожено их современниками испанскими королями Карлом V и Филиппом II. Конечно же, это различие в количестве погибших никак не «примиряет» нас с Иваном Грозным. Речь идет лишь о том, что не следует видеть в нем некое «уникально русское» чудовище.

Но, пожалуй, гораздо более важно другое. В России никогда не было культа Ивана Грозного. Правда, некоторые видные деятели ценили его, но это были (вот ведь неожиданность для «идеи» А. Рыбакова!) люди, настроенные как раз в «западническом», «европейском» духе: они – правда, едва ли основательно – видели в Иване Грозном прямого предшественника Петра Великого и потому считали нужным оправдывать или даже восхвалять его. Так, например, высокие оценки деятельности Ивана Грозного содержатся в сочинениях Белинского, Герцена и т.п. Белинский так и писал об Иване IV³⁷: «Этот Петр Первый, не вовремя явившийся...» Иван Грозный не смог стать Петром, полагал Белинский, ибо для этого «были непреодолимые преграды, заключающиеся сколько в отчуждении Руси от Европы, столько и в хаотическом состоянии самой Европы» (это соотнесение Ивана IV с Европой весьма многозначительно). Но, заключал уже в конце жизни, в 1847 году, Белинский, Иван Грозный «все-таки сделал свое дело... и для реформы Петра Великого уже многое было подготовлено».

Александр Герцен писал в своей известной книге «О развитии революционных идей в России»³⁸:

«Иван Грозный дерзнул призвать себе на помощь общинные учреждения; он внес поправки в свой судебник в духе старинных вольностей; он предоставил сбор податей и все местное управление выборным чиновникам... Он даже хотел уничтожить должность наместников в областях, предоставив последним самоуправление... Но... его замыслы встречали противодействие... Доведенный отчаянием до бешенства, полный ненависти и отвращения, Иван умножил казни... “Я не русский, я немец”, – сказал он однажды своему ювелиру, иностранцу по происхождению».

Однако, как уже сказано, большинство русских мыслителей, историков, художников – особенно «славянофильского» склада – отнюдь не разделяло этого рода представлений об Иване IV. Достаточно напомнить, что на воздвигнутом в 1862 году памятнике «Тысячелетие России» среди ста девяти фигур выдающихся русских деятелей Ивана Грозного нет!

В отличие от Англии, где высоко вознесены личности Генриха VIII и Елизаветы, и Испании, благоговейно чтящей память Карла V, отправившего на казнь десятки тысяч людей, в России хвалы по адресу Ивана IV всегда были чем-то сомнительным.

Вот почему нелепо и, прямо скажу, недобросовестно пытаться истолковывать жестокость Ивана Грозного как нечто характерно «русское».

Наконец, необходимо обратить внимание на еще одну очень существенную сторону дела. Чтоб найти хоть каких-нибудь «предшественников» Сталина в России, приходится, как видим, углубляться на три или даже четыре с лишним столетия назад. И это вполне закономерно, ибо в течение XVIII–XIX столетий Россия в сравнении с Западной Европой была поистине уникальной страной: за 175 лет в ней по политическим обвинениям было казнено всего лишь 56 человек (6 пугачевцев, 5 декабристов, 31 террорист времени Александра II и 14 террористов времени Александра III). За это же время в Западной Европе было совершено много десятков тысяч политических казней (так, всего за пять дней июня 1848 года в Париже было расстреляно 11 тысяч человек, – о чем, между прочим, с ужасом писал свидетель событий, Герцен, а за несколько дней мая 1871 года – более 30 тысяч человек).

Ничего подобного в России не было*. В высшей степени характерный факт: в донесении генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова Николаю I³⁹ о казни пяти декабристов сообщалось, что «по неопытности наших палачей и неумению устраивать виселицы, при первом разе трое, а именно: Рылеев, Каховский и Муравьев, сорвались...». Между тем в это время в любом крупном городе Западной Европы обязательно имелся квалифицированный профессиональный палач.

Нельзя не упомянуть, впрочем, что по истинно русской страсти к безоглядной национальной самокритике сорвавшийся Кондратий Рылеев воскликнул тогда⁴⁰: «Проклятая

* Могут возразить, что людей в России губили не только в результате казней, но и, скажем, при подавлении бунтов. Но это всецело относится и к Европе.

земля, где не умеют ни составить заговора, ни судить, ни вешать!» Казалось бы, последнее «неумение» не должно было вызывать недовольства, но...

Единственный период, когда политических казней было много, хотя все же гораздо меньше, чем в Европе, – это эпоха революции 1905–1907 годов, а отчасти и последующих лет, 1908–1910-х (поскольку продолжались революционные действия и судебное следствие по делу арестованных). В имеющейся статистике казней преступления разделены на следующие категории: государственные; убийства; разбой; ограбления; различные воинские и т.п. Будем считать (как обычно и делается), что под понятия «убийства», «разбоя» и т.п. (а к этой категории отнесена большая часть осужденных на казнь) суды подводили и собственно политические преступления. Но даже и при этом допущении за 1905–1910 годы (то есть за шесть лет) был казнен 3151 человек – следовательно, в 10 раз меньше, чем в мае 1871 года в Париже...

Нередко говорят как о примере сознательной и целенаправленной жестокости об убитых 9 января 1905 года. Но современная историография установила, что 9 января было проявлением тупости и безответственности, а не жестокого умысла в собственном смысле. В своем труде «Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг.» П. Н. Зырянов рассказывает следующее:

«Гапона однажды спросили: “На что же вы рассчитывали, когда 9 января вели рабочих* на Дворцовую площадь, к царю?” Гапон отвечал: “...Мы бы вышли с царем на балкон... Общее ликование. С этого момента я – первый советник царя и фактический правитель России. Начали бы строить Царствие Божие на земле...” В праздник Крещения, 6 января, царь был в столице и присутствовал при богослужении на Неве. После этого он уехал в Царское Село...

Вечером 8 января Святополк-Мирский** провел совещание с рядом министров, высших военных и полицейских чи-

* Их было более 140 тысяч (!) человек.

** Министр внутренних дел.

нов. Главная опасность усматривалась в скоплении большой массы народа на Дворцовой площади. Поэтому было решено, что шествия будут остановлены у застав “благодаря особой дислокации войск”... Сразу же после совещания министр внутренних дел поехал с докладом к царю... Николай после отъезда министра оставил в дневнике... запись: “8-го. Был вечером Мирский с докладом. Рабочие ведут себя спокойно, во главе какой-то священник-социалист”».

Но «утром 9 января... раздались залпы... Вечером 9-го у Святополк-Мирского снова собрались военные и полицейские чины. Министр потребовал объяснить, “кем было сделано распоряжение о стрельбе и почему в этом случае не распоряжался градоначальник”... Фулон* отвечал, что он не мог остановить стрельбу. Фактически распоряжались военные... Товарищ министра внутренних дел П. Н. Дурново возразил, что... следовало вызвать одну кавалерию, которая рассеяла бы толпу, не открывая стрельбы... Теперь возражал начальник штаба войск гвардии и округа генерал Н. Д. Мешетич: “...Что касается стрельбы, то это неизбежное последствие... Существуют на этот счет точные правила, и, если толпа, несмотря на трехкратные предупреждения, не желает расходиться, а нападает на войска, даются определенные сигналы, а затем стреляют...” Таким образом, речь может идти только о круговой ответственности... Повинны были и “правила”»** ...

Словом, дело идет не о чьей-то целенаправленной воле, а именно о тупой «круговой ответственности» – вернее, безответственности.

Нельзя не заметить, что в романе «Дети Арбата» есть сцена, как бы прямо опровергающая «русское» происхождение сталинского террора. Автору в данной сцене хотелось высказать иную мысль, и он волей-неволей сообщил нечто открыто противоречащее основной «настроенности» своего романа.

* Петербургский градоначальник.

** Зырянов П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984. С. 49–51.

Марк Рязанов говорит своей возмущенной сестре, матери отправленного в ссылку Саши Панкратова:

« – Будем прямо говорить, в наше время пустяк – три года ссылки... ведь расстреливают...»

Сестра отвечает Рязанову:

« – Вот как... не расстреляли... за стишки в стенгазете не расстреляли... Дали за стишки в стенгазете всего три года ссылки в Сибирь – спасибо! Три года, чего там, пустяк! Ведь и Иосифу Виссарионовичу Сталину больше трех лет ссылки не давали, а он вооруженные восстания устраивал, забастовки, демонстрации, подпольные газеты выпускал, нелегально за границу ездил, и все равно – три года, он бежал из ссылки, и его водворяли обратно на те же три года. А побег сейчас Саша, ему, в лучшем случае, дадут десять лет лагерей...»

Эта верная информация как бы неопровержимо свидетельствует, что Сталину нечему было «научиться» в России...

6

Поистине анекдотическое «выведение» Сталина из Ивана Грозного еще как-то простительно для заокеанских публицистов, сформировавшихся в атмосфере всякого рода рекламных мифов. Но писателю, который действительно ставит перед собой задачу понять явление Сталина, следовало бы прежде всего задуматься о «долгих муках родов», неизбежно связанных с возникновением нового общественного строя.

Вместо того чтобы все помянуть Ивана Грозного, стоило бы обратиться хотя бы к истории Великой французской революции и вспомнить, что одним из ее знаменитых изобретений была гильотина, которая за несколько лет обезглавила – во имя революции – 17 тысяч человек, среди коих были не только члены королевской семьи, но и, скажем, крупнейший ученый той эпохи Антуан Лавуазье, и величайший французский поэт XVIII века Андре Шенье.

Притом люди гибли тогда, конечно, не только под ножом гильотины, а кроме того, даже и эти 17 тысяч – цифра громад-

ная, если учесть, что, во-первых, число жителей Франции в то время было в несколько раз меньше нынешнего, а во-вторых, в революции непосредственно участвовало в основном лишь население очень немногих и очень небольших (в сравнении с сегодняшними) городов. Среди казненных были и почти все важнейшие герои революции...

Автор одного из самых глубоких сочинений о Великой французской революции, Алексис Токвиль (1805–1859), имя которого числится сегодня среди имен наиболее замечательных мыслителей первой половины XIX века, писал⁴¹: «Могучее поколение, начавшее Революцию, было истреблено и обессилено, как бывает обыкновенно со всяким поколением, предпринимающим такие деяния». С другой стороны, революция, утверждал Токвиль, «вовсе не стремилась навсегда ввести беспорядок, сделать его постоянным, обратить анархию в общее правило, как выразился один из главных противников Революции (имеется в виду, вероятно, крайний консерватор Жозеф де Местр. – В. К.), напротив, она заботилась об увеличении могущества и прав государственной власти».

Здесь схвачены некоторые основные тенденции революции*; и только прямо-таки «детскоарбатское» представление об истории может усматривать в осуществлении этих тенденций результат злокозненных интриг неких нехороших «дядей».

Впрочем, особенно наивно, пожалуй, выразившееся в «Детях Арбата» недовольство «беззаконностью» тех или иных акций. Революция всегда есть – на первой, могущей длиться достаточно долго, стадии – отмена законности вообще.

Менжинский, о котором А. Рыбаков говорит с сочувствием, писал в воспоминаниях о своем предшественнике на посту председателя ОГПУ Дзержинском: «Наказание, как таковое, он отметал принципиально, как буржуазный под-

* Речь идет в данном случае о революции вообще; выше уже говорилось, что сталинизм порожден не социализмом в его истинной сути, но грандиозным социальным катаклизмом.

ход. На меры репрессии он смотрел только как на средство борьбы, причем все определялось данной политической обстановкой и перспективой дальнейшего развития революции. Одно и то же контрреволюционное деяние при одном положении СССР требовало, по его мнению, расстрела, а несколько месяцев спустя арестовать за подобное дело он считал бы ошибкой» (выделено мной. — В. К.). В таком подходе к делу Менжинский, понятно, видел и свой идеал.

Вообще-то А. Рыбаков просто не мог всего этого не знать (понимать — это уже другое дело). И в самом его романе «беззаконность» революционного деяния показана достаточно внятно. Все дело в том, что «беззаконность» возмущает его только лишь в тех случаях, когда она несет неприятности любезным ему людям.

О более или менее положительном герое романа, Березине, А. Рыбаков рассказывает даже со своего рода восхищением: «Будучи... председателем Губчека, он осуществлял красный террор, но мог и отпустить на все четыре стороны незадачливого либерала или перетрусившего буржуя, если видел, что они для революции не опасны». А в другой раз мог бы, значит, и не отпустить... Но главное даже и не в этом. Ведь совершенно ясно, что вопрос о том, расстрелять или отпустить, Березин решает на основе своего чисто личного усмотрения («если видел»).

А. Рыбаков с глубокой симпатией изображает действия члена партколлегии ЦКК А. А. Сольца (между прочим, Ю. Трифонов в своей упоминавшейся книге рассказал, что Сольц был главным наставником его отца). В «Детях Арбата» даже со своего рода упоением показано, как Сольц в течение всего нескольких минут «разбирается» в деле совершенно неизвестного ему студента Саши Панкратова и, несмотря на то что последний был исключен из комсомола на заседании партийного бюро с активом, а затем на совместном заседании бюро райкома партии и комсомола, Сольц мгновенно и единолично отменяет это решение, — к тому же несколько странно, надо сказать, обосновывая свое несогласие: «Вы его выкинули из института,

куда ему идти? В грузчики?» (Как будто работать грузчиком – это жесточайшее наказание.)

Ясно, что Панкратова исключили несправедливо. Но речь совсем не об этом. Неужели писатель не понимает, что самый способ, каким решает дело Сольц, несет в себе страшную опасность? Ведь когда вскоре после «диктаторского жеста» Сольца Сашу Панкратова все же арестовывают, эта акция совершается на основе точно такого же по своей сути «жеста».

Панкратов восторженно размышляет о том, что для отмены приговора над ним «Сольцу не требуется никаких инстанций, никаких бумаг, никаких решений». Но трудно понять, почему писатель спустя полвека ни в чем не обнаруживает своего несогласия или хотя бы уж сомнения, никак не намекает, что подобный «порядок» чреват тяжелейшими последствиями? Ведь тот факт, что Сольц может, в сущности, без всякого изучения дела и целиком по своему собственному усмотрению отменить решения нескольких «инстанций», как раз и выражает собой всю атмосферу и данного, и последующего времени. Но ни Саше, ни – а это уже странно – самому автору не приходит в голову, что именно в этом «корень» тех явлений, которые их так огорчают.

Но главное здесь, собственно, не в этом. Глубокая суть происходящего вообще не затронута в романе А. Рыбакова, как и во множестве других сочинений на ту же тему. Главное в том, что герои эпохи абсолютно убеждены в своей правоте. Об одном из наиболее положительных героев «Детей Арбата», Будягине, с торжественным пафосом говорится, что «он обладал высшим мужеством революционера: брал на себя ответственность за судьбы людей, ввергнутых в горнило социальных потрясений. Падали рядом люди, виноватые, невиновные, но он верил, что прокладывает путь новому поколению» (выделено мной. – В. К.).

Этот «путь» перестает удовлетворять А. Рыбакова лишь тогда, когда начинают «падать» дорогие ему люди вроде Саши Панкратова. И он пытается объяснить все беды тем, что к власти темными путями пробрались «нехорошие»

люди – начиная со Сталина и кончая каким-нибудь изображенным в романе Юрием Шароком.

Выше уже шла речь о том, что общенародная и даже всемирно-историческая драма подменяется в романе мелкой возней негодяев и ничтожеств. Нет сомнения, что всякого рода «злые» люди играют свою и подчас тяжкую роль в истории. Однако сводить историю к этому уместно лишь в сказках. Истинная трагедийность истории, и в особенности революционной истории, состоит совсем не в этом.

Шолохов в «Поднятой целине» создал образ абсолютно бескорыстного слуги революции Макара Нагульнова, неспособного даже на злобу и месть в отношении Давыдова, к которому уходит его, Нагульнова, жена Лушка. Но вот что выкрикивает этот шолоховский герой в 1930 году по адресу Андрея Разметнова, пожалевшего семьи раскулачиваемых станичников:

«Гад! Как служишь революции? Жа-ле-е-шь? Да я... тысячи станови зараз дедов, детишек, баб... да скажи мне, что надо их в распыл... для революции надо... Я их из пулемета... всех порежу!»

Действительная трагедийность революции именно в таком сознании и поведении ее героев, а вовсе не в пакостях примазывающихся к ней дельцов. Это нелегко понять и тем более принять, но все же самые великие и высокие эпохи в истории человечества – это одновременно эпохи величайших жертв и потерь...

Замечательный современный исследователь истории культуры А. Ф. Лосев говорит в конце своего трактата «Эстетика Возрождения» (1978): «Гора трупов, которой кончается каждая трагедия Шекспира, есть ужасающий символ... Возрождения».

Доказать, что Сталин был плохой человек, вовсе еще не означает что-либо объяснить. Как уже говорилось, суть дела в том, что мощная всемирная сила превратила Сталина в человекобога, который мог приказать уничтожить или отправить в лагерь кого угодно. А. Рыбаков старается убедить

читателя в том, что Сталин творил подобные вещи из-за своего отвратительного характера. В этом вопросе, несомненно, был гораздо более прав, скажем, И. Эренбург, который – с чем нельзя спорить – гораздо ближе, чем А. Рыбаков, был знаком с реальными явлениями эпохи*. В 1965 году И. Эренбург писал⁴²: «Сталин до конца своей жизни считал себя коммунистом, учеником и продолжателем Ленина, не только говорил, но и думал, что ведет народ к высокой цели и что для этого не нужно брезговать никакими средствами».

Это объяснение, конечно, ни в коей мере не «обеляет» Сталина. Ибо «не брезговать никакими средствами» – достаточно нетерпимый порок, и нет сомнения, что отечественная этическая традиция никогда не простит Сталина, как не простила она Ивана Грозного.

Вообще в данном случае речь идет вовсе не о том, насколько «плох» или «хорош» был Сталин, но о понимании хода истории. «Понимание», при котором этот ход оказывается зависимым прежде всего от того, хорошие или плохие «дяди» стоят у власти, никак не может приблизить к истине.

7

Хорошо известно, что любое изображение жизни с неизбежностью вбирает в себя такие ее стороны и черты, которые оказываются в более или менее решительном противоречии с основной позицией того, кто изображает. Есть такие стороны и черты и в «Детях Арбата».

Как уже говорилось, Сталин не раз рассуждает в романе о гибели миллионов людей, но добавляет, что их гибель неизбежна и, мол, «история ему это простит». Однако автор – скорее всего совершенно невольно – демонстрирует, например, и вполне аналогичные умозаключения Кирова, который представлен в романе как высокоположительный герой. В августе 1934 года Киров размышляет: «Через четыре месяца граждане

* И в силу возраста (на 20 с лишним лет старше), и из-за личных отношений со многими руководящими людьми.

СССР смогут свободно покупать хлеб. Это событие доказывает жизнеспособность колхозного строя, созданного с неисчислимыми потерями, страданиями и жертвами».

Тут же, глядя на радостного, веселого зубного врача Липмана, Киров подводит итог следующим образом: «Улыбка, которую он видел, смех, который он слышал, были наградой ему и его партии, оправдывали твердые, подчас суровые решения, которые приходилось принимать».

Таким образом, Киров, как и Сталин, полагает, что «неисчислимы» жертвы, явившиеся результатом «суровых решений», – «оправданны», по крайней мере те жертвы, которые были принесены до августа 1934 года...

Нельзя не отметить также и другое существенное противоречие: в роман вошло немало фактов, доказывающих, что Сталин ко времени, когда разворачивается действие «Детей Арбата», отнюдь не обладал полнотой власти. Правда, писатель декларативно утверждает, к примеру, что за окном сталинского кабинета уже в 1934 году находилась, мол, «покорная его воле страна». Однако множество реалий романа решительно опровергает это утверждение.

Так, Сталин в романе рассуждает о Ежове: «На Семнадцатом съезде ОН (Сталин. – В. К.) ввел его в состав ЦК – одна из немногих перемен, которая ему тогда удалась». Оказывается, Сталин еще ни в коей мере не мог решать единолично важные вопросы. В состав ЦК тогда вошли очень многие люди, которых А. Рыбаков вряд ли причислит к «сталинистам», притом некоторые из них (а это особенно выразительно) стали в 1934 году членами ЦК впервые (Литвинов, Якир, Икрамов и др.). Были избраны в ЦК и столь прогневившие Сталина своими ранее изданными мемуарами Крупская и Енукидзе (он также был избран в ЦК впервые).

Далее, в «покорной воле» Сталина стране не могло бы получиться так, что в состав самого Политбюро ЦК вошли и Киров, и Орджоникидзе, и Куйбышев, и Косиор, к которым Сталин, согласно роману, относился подозрительно или даже враждебно. Если же иметь в виду всех тогдашних 14 членов и

кандидатов в члены Политбюро (не считая самого Сталина), то оказывается, что 8 из них – то есть большинство – были явно «ненадежными»...

Еще более слабы были позиции Сталина в государственном аппарате. В романе сообщается, что некоторыми наиболее важными наркоматами в 1934 году руководили отнюдь не «сталинисты» – нарком иностранных дел Литвинов и его заместитель Карахан (правда, в романе не упомянутый), нарком тяжелой промышленности Орджоникидзе и его заместители Пятаков и не упомянутый Рухимович; необходимо назвать также руководившего коллективизацией наркома земледелия Яковлева и начальника Политуправления Красной Армии Гамарника.

Сознавая, что такого рода факты резко противоречат тезису о полновластии Сталина, автор романа решил уж во всяком случае внушить читателям представление о «сталинистской» принадлежности наркома внутренних дел Ягоды. В романе говорится, что именно Сталин «на Ягоде остановил свой выбор...»; между тем в свое время «Свердлов, на племяннице которого женат Ягода, послал его... на рядовую работу в ВЧК... Дзержинский тоже недолюбливал Ягоду, держал его на вторых ролях – управделами... Менжинский... был ему ближе, чем Ягода – простой аптекарь из Нижнего Новгорода».

Чтобы опровергнуть это, не требуются сложные изыскания. В томе Малой советской энциклопедии, изданном в 1932 году, можно прочесть: «Ягода, Генрих Григорьевич (р. 1891), старый большевик... в 1904–05 работал в подпольной типографии. В партии Я. с 1907... С 1920 член президиума ВЧК. С 1924 зампред ОГПУ»*.

Итак, Ягода уже в 1920 году был не просто «управделами», но членом высшего органа ВЧК (в котором состояло всего несколько человек), а в 1924-м Дзержинский назначил

* Для сведения не изучавших вопрос читателей: государственной безопасностью в 1917–1922 годах ведала ВЧК, в 1923–1934 годах – ОГПУ, с 1934-го – НКВД.

его своим заместителем (Менжинский, заместитель Дзержинского с 1923 года, был на 17 лет старше Ягоды и стал революционером еще в 1895 году; в 1924-м он назначается первым заместителем председателя ОГПУ). Когда в июле 1926 года Дзержинский умер, его пост занял Менжинский, а Ягода, естественно, стал первым заместителем нового председателя ОГПУ; после же его смерти в 1934 году Ягода занял его место. Словом, «информация», данная в «Детях Арбата», в своей основе вымышленная. Достаточно сказать, что в 1929 году, когда Сталин выступил против Бухарина, Ягода поддерживал последнего...

Не были «людьми Сталина» и ведущие сподвижники Ягоды – Рошаль, Паукер, начальник Главного управления исправительно-трудовых лагерей Берман, заместители последнего Рапопорт и Фирин, начальник Беломорстроя Коган и т.д.

А когда Сталин действительно стал «человекобогом», почти весь состав НКВД был заменен (из окружения Ягоды продолжали работать с Ежовым, кажется, только ближайший друг Лили Брик Агранов, Берман, Фриновский и Заковский).

Как представляется, можно более или менее точно указать «рубеж», с которого начинается полновластие Сталина. Еще в 1935 году Зиновьев и Каменев по обвинению в «участии в убийстве Кирова» были осуждены всего лишь на пять лет заключения; в августе же 1936 года дело было пересмотрено, и они были приговорены к расстрелу. А «суровые решения», которые принимались до этого момента, никак нельзя безоговорочно связывать с именем Сталина. Речь идет, отмечу еще раз, не о том, чтобы «обелить» Сталина (у него и своих собственных «решений» хватит с лихвой), но о верном понимании эпохи.

Очень большую роль в событиях первой половины 30-х годов играл руководивший коллективизацией Яковлев, о котором в «Детях Арбата» – едва ли случайно – ничего не сказано. Стоит процитировать статью о нем в Большой советской энциклопедии, из которой, в частности, ясно, что Яковлев не был «выдвиженцем» Сталина: «Яковлев (псевд.; наст. фам. Эп-

штейн), Яков Аркадьевич (1886–1938)... чл. Коммунист. партии с 1913... В 1918–1920... чл. Политбюро ЦК КП(б) Украины... с 1921 на ответств. парт. работе в Москве*. С 1926 зам. наркома РКП. В 1929–34 нарком земледелия СССР, одновременно пред. Всесоюзного совета с.-х. коллективов СССР («Колхозцентр»)).

Едва ли можно оспорить, что на этом человеке – вместе с Ягодой – лежит главная ответственность за трагедию 1933 года.

Стоит добавить, что именно Яковлев «выдвинул» Лысенко. На XVII съезде он назвал среди «превосходных» работников таких людей, как «агроном Лысенко, практик, открывший своей яровизацией растений новую главу в жизни сельскохозяйственной науки, к голосу которого теперь прислушивается весь агрономический мир». Позднее, 29 декабря 1935 года, Лысенко сам уже выступил на совещании передовиков в присутствии Сталина:

«Товарищи, ведь вредители-кулаки встречаются не только в вашей колхозной жизни... Не менее они опасны, не менее закляты и для науки...» Яковлев крикнул из президиума: «А кто именно, почему без фамилий?» В ответ Лысенко назвал несколько фамилий, начав с Н. И. Вавилова...

И последнее – но далеко не последнее по важности. В «Детях Арбата» всему мрачному и жестокому противопоставлен образ Саши Панкратова, явно призванного воплощать в себе светлое, доброе, совестливое начало. Но если всерьез взглядеться в этот образ, становится неопровержимо ясно, что по своей сути он всецело вписывается в общую атмосферу эпохи и отнюдь не противостоит ей. Еще в ранней юности он, «секретарь школьной комсомольской ячейки, выходил на трибуну и начинал рубать». Он всегда уверен в своей абсолютной правоте, а это гораздо важнее его конкретных идей и намерений. Обратимся к одной, но очень многозначительной сцене романа. Уже в ссылке Саша со своим приятелем Борисом Соловейчиком встречает старика, бывшего царского повара Антона Семеновича, который сослан за то, что, работая

* В 1922–1923 годах был заместителем заведующего Агитпропом ЦК, в 1923–1924 годах – заведующим Отделом печати ЦК.

в столовой, приготовил для ударников «ленивые щи». Саша и Борис пьют вместе с ним спирт и говорят сразу захмелевшему старику, что он, вероятно, скоро вернется домой:

« – Домой?! – Антон Семенович с ненавистью посмотрел на Бориса. – Где он, дом-то? В Бердичеве?..

Борис встал, подошел к двери, накинул крючок.

– Вы чего, ребята? – беспокожно забормотал Антон Семенович. – Я ведь в шутку.

– Последний раз шутил, стерва, – усмехнулся Саша.

Борис навалился на Антона Семеновича, прижал голову к столу.

– Ребята, пустите, – хрипел Антон Семенович...

– Не до конца его, Боря, на мою долю оставьте, – сказал Саша... – Падаль! Задумал над нами измываться! Гад! Рванина!..

– Извиняйся, гад!

– Извиняюсь, – прохрипел Семен Антонович... Борис вытолкал его за дверь, сбросил с крыльца, устало опустился на скамейку».

Казалось бы, Саша должен был принять во внимание, что перед ним давно надломленный жизнью старик, которого поздно «перевоспитывать». Кстати сказать, трудно даже представить себе, что произошло бы, если бы Антон Семенович не извинился...

Невольно приходит на память эпизод из воспоминаний Марины Цветаевой «Дом у Старого Пимена», где она рассказала о судьбе своего деда, историка Д. И. Иловайского, издававшего, в частности, газету «Кремль», о которой он так расспрашивал свою внучку: «Мой “Кремль” читала?» – «Да». – «А что я в нем пишу?» – «Про евреев». – «А что я в нем пишу про жидов?» – «Вы их не любите».

В начале 1918 года ВЧК арестовала Иловайского, которому было тогда уже за восемьдесят. И вот Марина Цветаева обращается⁴³ к тогдашнему заместителю Дзержинского

* Имеется в виду, очевидно, что дом, в котором он жил до революции, отнят.

Заксу (1882–1937), вселенному – в порядке уплотнения – в ее квартиру:

«Нечего сказать, хороши ваши большевики, – столетних стариков арестовывают!..» – говорит поэтесса.

«Да (быстро и глубоко задумывается) эт-то – действительно... Позвольте, я сейчас позвоню...» Из деликатности отхожу и уже на лестнице слышу имя Дзержинского... «Товарищ... недоразумение... Иловайского... да, да, тот самый... представьте себе, еще жив...»

И Иловайский был освобожден. Марина Цветаева просит своего брата: «Непременно, непременно передай, что освободил его из плена еврей Закс». – «Да что ты, матушка, он, если узнает, – обратно запросится».

Итак, рыбаковские Саша и Боря оказались в 1934 году гораздо более «непримиримыми», чем Дзержинский и Закс в 1918-м... Марина Цветаева ни в коей мере не разделяла антипатий своего деда, но невозможно усомниться, что поведение Саши и Бори вызвало бы у нее чувство ужаса и отвращения.

И следует с полным основанием сказать, что Саша Панкратов – вовсе не антипод Сталина, хотя вроде бы именно таковым он должен предстать в романе. Внутренняя основа его поведения и сознания ничем не отличается от «сталинизма». В литературной деятельности нередко своего рода бессознательные «проговоры»: быть может, называя своего героя «Панкратовым» – то есть по-древнегречески «Всвластным», – автор выявил его суть.

И вполне уместно предвидеть, что в конце концов Саша Панкратов (о чем мне уже довелось сказать в печати⁴⁴ – См.: Дружба народов. 1988. № 1) найдет свое место в системе, с которой он пока, в юности, – что бывает сплошь и рядом – находится в конфликте.

* * *

Возвращаясь к началу статьи, скажу, что в «Детях Арбата», как, увы, и во множестве других популярных ныне

сочинений на ту же тему, нет ни правды в подлинном, нравственном значении слова, подразумевающим мужественное противостояние господствующей лжи (поскольку все «разоблачаемое» в романе было уже разоблачено в 1956-м и непосредственно следовавших за ним годах), ни, конечно, истины. Отсутствие истины ярко проявляется уже хотя бы в несостоятельности предпринятого в романе противопоставления Сталина и Панкратова, которые, если говорить все до конца, — одного поля ягоды.

Мне было бы жаль, если бы кто-нибудь подумал, что я считаю истиной высказанное мною в этой статье. В самом начале приведены пришивинские слова, утверждающие, что «к истине человек движется» и «истину надо искать».

Единственное, на что я позволяю себе надеяться, — это на стремление к истине, на участие в нашем общем движении к ней.

1987

Postscriptum 1989 года. Статья «Правда и истина»³², опубликованная в апрельском номере журнала «Наш современник» за 1988 год, вызвала множество резких нападок, особенно на страницах журнала «Огонек»⁴⁵, где ее «опровергали» около десятка авторов. Главное обвинение В. Лакшин, например, сформулировал так (Огонек. № 26 за 1988 г.): «Кожинов утверждает, что культ Сталина — “в прямом смысле слова всемирное явление”, что это “громадное явление советской и даже всемирной истории”... «Не будь Сталина, считает, В. Кожинов, явился бы другой». И т.д. Все это Лакшин определял как «адвокатскую защиту Сталина».

Примерно о том же писали другие мои огоньковские «оппоненты». Атака была долгой, но в августе 1989 года «Огонек» (см. № 32) вдруг «прозрел» и напечатал следующее⁴⁶:

«Вдумчивый читатель, конечно же, уже смекнул, что наскучившая ему публицистическая “Сталиниана” была вынужденной... была, в сущности, навязана публицистике недостатком гласности, цензурными ограничениями: уже позво-

лено было критиковать Сталина, но по-прежнему оставалось “вето” на попытки углубленного, причинного анализа... серьезной, концептуальной критики».

Конечно, неплохо, что менее чем через полтора года после появления статьи «Правда и истина» в журнале «Огонек» так «расширили гласность». Но зачем (впрочем, это вполне в духе «Огонька») списывать вину на некую «цензуру»?! Ведь эта «цензура» гнездилась именно в самом «Огоньке», яростно нападавшем на статью, в которой был сделан шаг по пути «углубленного, причинного анализа»...

1948—1988. Мысли и отчасти воспоминания об «изменении» литературных позиций

Несколько вступавших со мной за последнее время в полемику литераторов¹ обвинили меня в том, что я будто бы безоговорочно возражаю против совершающихся с течением времени «изменений» в позиции и взглядах писателя или критика. Это, конечно же, недоразумение (если не нарочитое «непонимание»). Оно было вызвано, в частности, моей статьей в № 10 «Нашего современника» за 1987 год, – вернее, недостаточно, что ли, внимательным ее чтением. Между прочим, в редакционном предисловии к данной дискуссии эта моя статья упомянута, но заглавие ее воспроизведено неточно: «Мы меняемся?»; в моем заглавии (см. «Наш современник») закавычено высказывание «литдеятеля С.» – «мы меняемся», а затем следует – уже собственно мой – знак вопроса. И речь в статье идет не о тех, кто действительно меняется, то есть более или менее плодотворно развивается во времени, а о тех, кто попросту приспособляется к сегодняшней конъюнктуре. Такое «изменение», на мой взгляд, в самом деле хуже, чем даже тупая неподвижность.

Об этом необходимо было сказать потому, что в теперешней статье я как раз собираюсь говорить главным образом об имеющем позитивный смысл развитии (и, следо-

вательно, изменении) взглядов и позиций критика и, шире, литератора вообще.

И прежде всего я хочу сказать о том, что с глубоким удовлетворением воспринял основной смысл выступления Игоря Виноградова², – несмотря даже на существенное несогласие со многими его суждениями (о некоторых из них скажу ниже), – и, естественно, меня огорчила явная недооценка общей направленности статьи И. Виноградова в полемических заметках Владимира Этова и Дмитрия Урнова³. Первый едва ли уместно бросился защищать Добролюбова, не заметив почему-то, что сам И. Виноградов не только, как он напоминает, в 1960-х годах всецело «ориентировался на добролюбовскую традицию», но и сегодня, по его справедливому признанию, «не так уж далек от нее». Короче говоря, мне кажется, что выступление В. Этова уводит разговор далеко в сторону от существа дела.

Что же касается статьи Д. Урнова, в ней содержится – вне зависимости от полемики с И. Виноградовым – немало превосходных и, в частности, поистине уникальных по своей смелости и остроте критических суждений, но они опять-таки во многом бьют мимо цели.

Да, Д. Урнов вполне основательно возражает против идеализации и абсолютизации той роли, какую журнал «Новый мир» играл в 1960-х годах: ныне десятки авторов в самом деле говорят или даже надрывно кричат об этой исключительной роли⁴. Однако статья И. Виноградова в ее целостном смысле явно не вливается в этот громогласный хор и в конечном счете даже противостоит ему.

Правда, И. Виноградов в одном месте своей статьи как бы дает повод для обвинений; его можно понять так, что именно и только «Новый мир» в шестидесятые годы сосредоточил в себе «все лучшие культурные силы страны» (см. с. 86), – и Д. Урнов не преминул воспользоваться этой необдуманной гиперболой. Но статья в целом все же говорит иное. Достаточно обратить внимание на тот факт, что И. Виноградов с уважением называет имена около полутора десятков

критиков и литературоведов, начавших свой путь в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов, и большинство из этих критиков – явно не «новомирские». Особенно высоко он оценивает деятельность Игоря Золотусского, который между тем еще в 1964 году опубликовал замечательную по своей прозорливости статью «Подводя итоги» (Сибирские огни. 1964. № 11), которая, по сути дела, решительно расходилась с программой тогдашней «новомирской» критики.

Для истинной оценки позиции И. Виноградова необходимо было, повторяю, исходить из целостного содержания его статьи. И уж по крайней мере Д. Урнов мог обратить внимание хотя бы на одно его ясное суждение о «новомирской» критике. И. Виноградов написал, что испытывает к ней «то невольно теплое, может быть, даже несколько лирическое чувство, с которым порою мы вспоминаем свою молодость», – то есть стадию, предшествующую истинной зрелости убеждений. И это говорит один из главных тогдашних сотрудников «Нового мира», для которого то время было, без сомнения, звездным часом! Как же можно обвинять его в идеализации «Нового мира»? Создается впечатление, что Д. Урнов просто недостаточно внимательно прочитал критикуемую статью...

Другое дело, что И. Виноградов, говоря о том времени, сглаживает либо, так сказать, не хочет замечать те или иные острые углы. Так, он горячо призывает современную критику (и в этом призыве – одна из основ его статьи) опираться на традиции не только Добролюбова или Писарева, но и Страхова, Леонтьева, Розанова, Бердяева, Булгакова и т.п., – призывает, «забывая» при этом упомянуть, что именно «Новый мир» наиболее резко и воинственно нападал на тех критиков, которые двадцать лет назад, в шестидесятые годы, осмеливались хотя бы вспомнить эти имена⁵. Причем эти яростные атаки предпринимали не только критики, но и, скажем, прозаик Ю. Трифонов, писавший на страницах «Нового мира» о дурно пахнущем, с его точки зрения, увлечении «белибердяевщиной» (имея в виду не только Бердяева, но и других деятелей этого круга).

Стоит также выразить сожаление, что И. Виноградов в своей статье обошел вопрос о причинах и обстоятельствах «разгрома» или, точнее, «разгона» «Нового мира» в 1970 году. Сейчас, как говорится, все кому не лень пытаются убедить читателей, что «Новый мир» стал-де жертвой «патриотического», «русофильского» направления⁶. Это, конечно, чепуха. Достаточно вспомнить, что в своей борьбе с «русофилами» в конце 1960-х годов редакция «Нового мира» действовала целиком заодно с журналом «Октябрь», с которым она до этого вроде бы непримиримо боролась. Более того, «Октябрь» начал открытую борьбу с «русофилами» раньше «Нового мира» (см. статью П. Строкова⁷ в № 12 «Октября» за 1968 год). Почему же в таком случае «Октябрь» не подвергся тогда никаким «репрессиям»?

Это вообще, надо сказать, чрезвычайно существенный и выразительный факт литературной и, конечно, общесоциологической истории: «Новый мир» и «Октябрь», которые десятилетия выступали в качестве беспощадных противников, неожиданно и как-то даже трогательно объединились в жестокой атаке на «общего врага»...

Но репрессии против «Нового мира» не имели ровно никакого отношения к этой «новомирско-октябрьской» кампании против «русофилов». Истинную причину приоткрывают воспоминания умного и широкого по своим взглядам критика и переводчика Г. Брейтбурда⁸, который в шестидесятих годах сопровождал главного редактора «Нового мира» в поездках по Италии. Он рассказывает, в частности, о встрече с известным итальянским писателем А. Моравиа в редакции журнала «Экспресс».

«Вели ее (встречу. — В. К.)... журналисты, которым непременно хотелось изобразить Александра Трифоновича и редактируемый им журнал “Новый мир” как выразителей точек зрения некоей несуществующей антикоммунистической оппозиции. К сожалению, не спас дело и Альберто Моравиа... Словом, неприятной была эта беседа в редакции “Экспрессо”, хотя Александру Трифоновичу ценой немалых усилий удалось

все же... опровергнуть некоторые спекулятивные домыслы... У Александра Трифоновича вся эта история оставила горький отпечаток, и он так и не смог простить Моравию».

Это был, конечно, далеко не единственный случай подобной интерпретации линии «Нового мира» за рубежом. И. Виноградов прямо говорит теперь о том, что «Новый мир» был «средоточием и выразителем» определенного, «весьма широкого и представительного оппозиционного движения», – разумеется, вовсе не «антикоммунистического». Но в руководстве страной было тогда немало людей, которые истолковали эту «оппозицию» именно в таком духе, исходя, вне всякого сомнения, и из зарубежных толкований.

Утверждать же теперь (как многие делают), что «Новый мир» был-де подвергнут «разгону» из-за своей схватки с «русофилами», – абсолютно несостоятельная претензия. Достаточно напомнить, что почти одновременно с «Новым миром» был точно так же «разогнан» журнал «Молодая гвардия», который явился главным объектом «антирусофильских» выступлений «Нового мира»...

И. Виноградов, повторяю, напрасно не затронул в своей статье эту тему, известную ему, по всей вероятности, так хорошо, как очень немногим.

Впрочем, следует судить о статье, исходя не из того, чего в ней нет, но из того, что в ней есть. И. Виноградов размышляет о плодотворном «изменении» и развитии, которое пережил и он сам, и, конечно, целый ряд других критиков со времени шестидесятых годов. «Новомирская» критика нередко сводила всю свою задачу к борьбе против тех или иных явлений; между тем, как пишет сегодня И. Виноградов, в литературе давно уже совершился «поворот... к поискам глубинных духовных оснований...» – оснований, понятно, позитивных, положительных.

Алла Латынина очень метко и точно сказала не так давно в «Литературной газете» (27 января 1988 г.) о романе Андрея Битова «Пушкинский дом», написанном в конце шестидесятых годов, но опубликованном в 1987 году:

«Приходилось слышать:

– “Пушкинский дом” опоздал самую малость, на какой-нибудь год. До разгона “Нового мира” Твардовского он бы еще проскочил.

– Где?*

– В одной из лучших сцен романа, – продолжает А. Латынина, – Модест Одоевцев, прерывая стремящегося понравиться ему Леву на полуслове, восклицает: “Почему же не заслуженно!.. Я именно заслуженно пострадал... Меня посадили за дело... Я не принадлежу к этим ничтожным, без гордости людям, которых сначала незаслуженно посадили, а теперь заслуженно выпустили...”

Тогда в разных прозаических произведениях все больше, как Лева, напирали на слово “незаслуженно”...

“Вы же – за, против, между, но только относительно системы, – говорит собеседникам Модест Одоевцев. – Вы ни к какому другому колу не привязаны. О какой свободе вы говорите?”

“Пушкинский дом”, – заключает А. Латынина, – оказался не привязанным к тому колу, относительно которого ориентировалась литература шестидесятых, не располагался “относительно системы” и потому был равно неприемлем для всех, кто около нее располагался, – будь они “за” или “против”...»

Я бы только добавил, что это относится ко всему творчеству А. Битова, а не к одному «Пушкинскому дому». В середине шестидесятых годов я писал в статьях, посвященных ранним повестям А. Битова⁹ (статьи эти перепечатаны в моей книге «Статьи о современной литературе», изданной в 1982 году), в сущности, о том же самом, о чем говорит А. Латынина и – в общетеоретическом плане – И. Виноградов, которого уже не удовлетворяет теперь (см. его статью) сведение цели литературы к борьбе за «свободную суверенную личность в демократически организованном обществе»; он приветствует, повторяю еще раз, совершившийся в литера-

* В самом деле: ни одно сочинение Андрея Битова не было, да и, пожалуй, не могло быть опубликовано в «Новом мире» шестидесятых годов.

туре «поворот... к поискам глубинных духовных оснований и для нашей общественной, и для нашей индивидуальной жизни».

Андрей Битов в самом деле не вписывался в «новомирскую» программу, как не вписывались в нее и, скажем, Виктор Астафьев и Валентин Распутин¹⁰. И это очень существенная проблема. «Свобода» – в конце концов понятие негативное; дело идет об устранении, «отрицании» определенных внешних обстоятельств бытия личности и общества. Но сама по себе она еще ничего не решает; более того, демократизация, вполне понятно, «высвобождает» в равной мере и силы добра, и силы зла (напомню, к примеру, образ вполне «свободного» человека Гоги Герцева из астафьевской «Царь-рыбы»)*. И едва ли имеет подлинно серьезное значение литература, которая этого не понимает.

Вот почему изменение в позиции целого ряда критиков, происшедшее с шестидесятых годов, – изменение плодотворное. И всецело закономерно, что ныне И. Виноградов видит одну из основных задач в освоении традиций не только так называемой «реальной критики», но и совсем иных явлений в критике и публицистике XIX – начала XX века.

Впрочем, чтобы действительно понять смысл того изменения или, вернее, «поворота», о котором идет речь, необходимо углубиться в более отдаленные времена – в 1940–1950-е годы.

Нельзя не заметить, что в статьях и И. Виноградова, и спорящих с ним Д. Урнова и В. Этова содержатся довольно значительные (хоть и не всегда совершенно очевидные) элементы воспоминаний о давнем или недавнем прошлом. Это

* Укажу одно очень существенное и глубокое различие между «новомирской» линией и такими складывающимися в 1960-х годах явлениями, как творчество Астафьева или (разумеется, совсем непохожего на него) Битова: первая была все же порождением инициативы «сверху», а вторые шли – конечно, по-разному – «снизу», были порождены самостоятельным освоением глубин жизни (а не идеологической программой). И критика, опиравшаяся на творчество Астафьева или Битова (а в поэзии на, скажем, Рубцова или Соколова), отличалась тем же самым от «новомирской»¹¹. Впрочем, это большая особая проблема.

характернейшая черта нашего настоящего: мы, без сомнения, вступили ныне в новую историческую эпоху, предшествующие десятилетия оказались за некой чертой и волей-неволей возникает настоятельная потребность в какой-то мере обратиться к мемуарному жанру. Не могу преодолеть эту потребность и я, – особенно потому, что вижу в деталях воспоминаний моих коллег неточности и недоговоренности.

Д. Урнов пишет, например, что он и И. Виноградов, хотя и учились на «разных курсах» университета, все-таки принадлежат к одной «генерации» и потому им вроде бы не о чем спорить. Но это не совсем так или даже совсем не так. Игорь Виноградов поступил на филологический факультет Московского университета в 1948 году, а Дмитрий Урнов – через пять лет, в сентябре 1953-го, то есть через полгода после смерти Сталина. И временная грань здесь настолько существенна, что она, полагаю, выступает как грань между двумя различными поколениями.

В отличие от Д. Урнова я пришел на филологический факультет вместе с И. Виноградовым. Я хорошо помню наш с ним первый разговор (в сентябре 1948 года), который был по-своему очень интересен, но, дабы рассказать о нем, потребовалось бы так много предварительных разъяснений, что статья моя уж в самом деле превратилась бы в мемуары.

Скажу лишь о том, что я пришел в университет, будучи переполнен своего рода «чисто эстетическим» мироощущением. Я жил тогда художественными и духовными ценностями пушкинской и тютчевско-фетовской поры, а также не имевшей «официального» признания поэзией начала XX века – прежде всего символистской. Можно с полным основанием сказать, что я находился тогда «вне политики»; даже не был членом ВЛКСМ и стал им лишь в 1950-м, двадцати лет от роду.

Но общая атмосфера в университете (не «официальная», а именно общая, захватывающая всех) была такова, что почти невозможно было не проникнуться господствующим идеологическим воодушевлением. Кое-кому это может показаться странным, но среди моих тогдашних сотоварищей были и

дети репрессированных «врагов народа», которые с полной искренностью разделяли этот общий пафос. Правда, были отдельные немногие студенты, выросшие в таких семьях или такой среде*, которая сумела воспитать в них решительное недоверие к тогдашней политической действительности или даже прямое ее неприятие. Но их в самом деле было очень и очень немного, и они, понятно, молчали: об их настроенности можно было только смутно догадываться.

Скажу со всей откровенностью, что в университете я довольно быстро стал, если угодно, искренним, убежденным «сталинистом». Это отнюдь не означало бездумного приятия всего того, что я видел, слышал, знал. Напротив, очень многие конкретные явления жизни и литературы раздражали или возмущали. Но я, как и подавляющее большинство, полагал, что они представляют собой либо уродливые «отклонения» от главной, верховной линии (отклонения, в которых Сталин никак не повинен), либо пока еще не преодоленные беды и пороки прошлого. Общее представление было тогда таким: есть великий народ и великий вождь, ведущий его в прекрасное будущее, а где-то «между» ними гнездятся пока еще очень многочисленные неразоблаченные и недвоспитанные ничтожества либо злодеи, с которыми надо вести долгую и упорную борьбу.

Это представление лежало в основе и всей тогдашней литературы: в данном отношении, строго говоря, не было очевидного различия между популярными в то время произведениями, скажем, Бабаевского и Леонова, Грибачева и Твардовского, Чаковского и Эренбурга, Рыбакова и Катаева и т.п.; все эти писатели к тому же были увенчаны званиями лауреатов Сталинской премии.

Обо всем этом необходимо сказать потому, что вошедшие в жизнь позже – с конца 1950-х годов – люди (в их чис-

* Это сложный предмет, так как дело идет о существенно разной среде – и той, которая вообще не приняла революцию, и «антисталинской», и просто не доверяющей никакой власти вообще (подобных людей всегда было немало в России), и т.д.

ле, понятно, и литераторы) нередко совершенно ложно судят ныне о той эпохе, чему очень способствуют, в частности, появляющиеся в последнее время сочинения писателей, которые тогда вполне «заслуженно» получали Сталинские премии, а теперь задним числом разоблачают нехороших или, в лучшем случае, глупых «сталинистов»¹², противопоставляя им хороших и умных «антисталинистов».

Култ Сталина – особенно в годы после Победы – был настолько мощным всемирным явлением*, что преодолеть его могли только необычайно осведомленные или прошедшие через исключительные испытания люди. В печати недавно сообщалось, что С. П. Королев, находившийся в 1953 году в заключении, все же рыдал при известии о смерти Сталина¹³. И это было отнюдь не редким явлением.

Поскольку ныне господствует иное представление, отмечу, что даже такой человек, как Борис Пастернак, не только безусловно верил в Сталина в 1930-х годах (это явствует, например, из воспоминаний вдовы Осипа Мандельштама¹⁴), но и во многом сохранял эту веру позднее. Его поэтические книги, изданные в 1943, 1945 и 1948 годах¹⁵, по своей общей настроенности не противоречили тогдашней литературе в целом, а в прозе он писал, например, во время войны: «Как веками учил здравый смысл и повторял товарищ Сталин, дело правое должно рано или поздно взять верх. Это время пришло. Правда восторжествовала».

Вообще многие литераторы «диссидентского» пошиба без всяких оснований считают Пастернака своим единомышленником. Между тем он писал в 1957 году, обращаясь, как он сформулировал, к «друзьям на Востоке и Западе»¹⁶:

«И еще вот за что скажите спасибо нам. Наша революция, как бы ни были велики различия, задала тон и вам, наполнила смыслом и содержанием текущее столетие. Не мы, не наша молодежь, – даже сын вашего банкира уже совсем не то, что были его отец и дед... И за этого нового человека, даже в вашем старом обществе, за то, что он живет, тоньше и одареннее сво-

* См. об этом в моей статье «Правда и истина» – сб. «Позиция» (М., 1988).

их грузных высокопарных предшественников, скажите тоже спасибо нам, потому что это детище века принято в родильном доме, называемом Россией... Если же суждено грянуть несчастьем, вспомните, какие события воспитали нас и какую для нас были суровой закаляющей школой. Нет людей отчаяннее нас и более готовых к несбыточному и баснословному, и любой военный вызов превратит нас поголовно в героев».

Разумеется, я коснулся лишь нескольких фактов и черт той эпохи. Но, надеюсь, и так ясно, что юношами, вступавшими в «идеологическую» жизнь в конце 1940-х годов, как правило, овладевал «культ Сталина».

И от этого не были свободны ни я, ни И. Виноградов, ни подавляющее большинство наших сотоварищей, учившихся в конце 1940-х – начале 1950-х годов на филологическом факультете университета (многие из них стали позднее известными литераторами).

Словом, если говорить по крайней мере о людях этого, молодого тогда поколения, о них, по сути дела, нельзя судить в зависимости от их отношения к Сталину. Но это отношение – что очень важно – было, так сказать, «надмирным», а каждый из нас непосредственно сталкивался с вполне конкретными земными явлениями. И вот с этой точки зрения люди и тогда достаточно резко различались.

Время нашего пребывания в университете пришлось на период «борьбы против космополитизма». И здесь я не могу не вспомнить об одном из наиболее нашумевших тогда сочинений – повести Юрия Трифонова «Студенты», напечатанной в 1950 году в «Новом мире», редактором которого и тогда был Твардовский. Я писал о ней в статье, опубликованной десять лет назад, в 1978 году¹⁷, и вызвавшей широкую и долгую полемику (идушую вплоть до сего дня). Одна из основных проблем, поставленных в статье, – именно проблема «изменения», «развития» литератора, о которой я главным образом веду речь и сейчас.

В 1951 году Ю. Трифонов говорил на страницах того же «Нового мира»: «Из нашего института (Литературного. – В.

К.) были изгнаны несколько профессоров за проповедь формализма и космополитизма. Они во многом послужили мне основой для создания образа Козельского».

Впоследствии Ю. Трифонов неоднократно писал¹⁸ о том, что он «очень далеко» отошел, «удалился» от своих «Студентов», ибо «изменялся» вместе с изменением «времени». Об этом же много раз говорили «защищавшие» писателя критики¹⁹. Речь, очевидно, идет прежде всего о том, что в 1950 году Трифонов верил, что профессоров «изгнали» совершенно справедливо, а позднее перестал в это верить.

И действительно, подавляющее большинство из тех, кто наблюдал тогдашнюю кампанию, верило в ее правоту. Однако есть здесь один «нюанс», который, при внимательном его рассмотрении, оказывается исключительно существенным и даже, пожалуй, наиболее важным. Одно дело – верить в отвлеченную идею, лозунг, программу, и совсем другое – верить, допустим, в правоту беспощадного изгнания того или иного конкретного профессора (например, изгнанного тогда из Литературного института Я. М. Металлова).

Никто из студентов моего курса не выступал против развернувшейся кампании, и, по всей вероятности, лишь очень немногие молча сомневались в ее правоте. Однако когда нам стало известно, что из университета изгоняют читавшего нам лекции о русской литературе XIX века доцента Абрама Александровича Белкина (1907–1970), мы составили и вручили ему приветственный «адрес», который подписало большинство студентов курса. А десятка два студентов решились заявиться к секретарю партбюро и высказать резкий протест против изгнания А. А. Белкина.

Это было на четвертом курсе, и все по опыту понимали или хотя бы чувствовали, что наши действия весьма небезопасны. И тем не менее мы действовали. Лично мне, например, это доставило немалые неприятности. Несмотря на то что я учился все университетские годы только на «отлично», опубликовал, еще будучи студентом, несколько литературоведческих статей²⁰ и был рекомендован кафедрой в аспирантуру,

меня «распределили» учителем железнодорожной (в то время полувоензированной) школы в Амурскую область.

Это было всем понятной и жестокой несправедливостью, и я все же решил попытаться поступить в аспирантуру. Но дело упиралось в характеристику.

И я не могу забыть, что Игорь Виноградов, который в то время был секретарем комсомольской организации факультета, на свой страх и риск дал мне (дал прямо в руки) самую положительную характеристику, что вполне могло обернуться для него плохо. С этой характеристикой я смог поступить в аспирантуру Института мировой литературы.

Итак, и я, и Игорь Виноградов, и большинство наших сотоварищей по университету понимали или хотя бы чувствовали, что изгнание «космополита» А. А. Белкина из университета было несправедливой, жестокой акцией. И – как бы ни возмущались этим приговором поклонники Ю. Трифонова – я никак не могу поверить, что он, Трифонов, не понимал сути событий, происходивших в Литературном институте, где он учился. Между прочим, в его «Студентах» есть одна очевидная, заведомая неправда: изгнание «космополита» изображено в повести как некое трудное, преодолевающее различные препоны деяние «положительных» героев, чуть ли не как некий их «подвиг». Между тем Ю. Трифонов не мог не видеть, что дело шло, в сущности, о беспомощных жертвах. И это в конце концов было наиболее острой стороной проблемы.

И. Виноградов говорит в своей статье (подробно развертывая мысль; я цитирую лишь итог): «Можно знать всякий раз, что перед нами бесчестный поступок, даже и не зная нормы, то есть не обладая действительным, осознанным, обоснованным ее знанием, а лишь неотчетливо угадывая ее». Это имеет самое прямое отношение к тому, о чем идет речь.

И если уж говорить об «изменении» в мировосприятии человека и писателя, вопрос о его отношении к безгласной жертве гораздо важнее вопроса об отношении, допустим, к какой-либо сталинской идее. Ю. Трифонов впоследствии,

рассуждая в своей книге «Отблеск костра» о декрете, согласно которому казачьи станицы, где будет обнаружен «изменник» или «предатель», подлежат «полному уничтожению», оправдывал этот декрет условиями времени (см. об этом подробно в моей уже упомянутой статье «Правда и истина»). Так что с этой точки зрения он едва ли значительно изменился... Впрочем, может быть, в человеке наиболее важна как раз неизменная основа?

А тот факт, что писатель сначала верил в Сталина и проводимые при нем кампании, а затем, вслед за «официальным разоблачением», перестал верить, это, собственно говоря, вовсе не изменение, не развитие в истинном смысле слова. Если «Студенты» завершались апофеозной сценой – Сталин на трибуне Мавзолея, а переиздавая повесть после XX съезда, в 1960 году, Трифонов отрезал сию сцену, – можно ли считать это «изменением»? Или вспомним популярнейшего стихотворца, который в 1952 году издал книжку, наполненную безмерными восхвалениями Сталина, тут же был принят в Союз писателей и объявлен ведущим молодым поэтом, а всего через несколько лет сочинял уже «антисталинские» стихи²¹ – по сути дела, столь же конъюнктурные...

Нельзя не сказать о том, что понимание и оценка ситуации пятидесятых годов вообще дело очень и очень непростое. Так, в собраниях, посвященных разоблачению «космополитов», нередко принимали прямое участие и, в сущности, вполне достойные люди (например, против А. А. Белкина выступал и Н. К. Гудзий...), ибо на них оказывалось тяжкое давление²². Вопрос стоял так: или выступить, или быть изгнанным самому, «уступив» свое место готовым на все карьеристам. А «обвиняемого» все равно обязательно изгонят.

Один критик²³, работавший тогда в «Литературной газете», выступил там с несколькими статьями, разоблачающими «космополитов», и, возможно, его заставили это сделать. Но затем он как бы увлекся своей ролью и опубликовал в объемистом фолианте «Пушкин в школе» пространное сочинение «В борьбе за подлинного Пушкина», где, в частности, сослал-

ся на письмо «домашней хозяйки Е. Одинцовой»: «Е. Одинцова выражает свое возмущение по адресу тех, кто пытается оторвать Пушкина от животворной народной традиции. “Пушкин – наш, русский писатель”, – говорит она». Между тем, продолжал критик, «Анна Ахматова изображала нашего поэта робким и на редкость прилежным учеником и подражателем... Для доказательства этой смехотворной версии автор (т.е. Ахматова. – В. К.) пользуется методом мелочного и крохоборческого выискивания “параллелей”... Читая эти работы, видишь, как тесно переплетены в них космополитические и формалистические домыслы и вымыслы».

Нет никакого сомнения, что никто не заставлял критика писать и печатать цитируемый опус, – как никто, конечно же, не требовал от Трифонова сочинять и публиковать повесть «Студенты». И здесь обнаруживается очень существенное различие между людьми и их поступками.

Сейчас много говорят о «деле Пастернака», который – что было тогда поистине неслыханной вещью – передал рукопись «Доктора Живаго» иностранному издателю (я не вхожу в подробности дела²⁴, поскольку для понимания ситуации это неважно). Общее собрание московских писателей²⁵ единодушно проголосовало за исключение Пастернака из Союза писателей²⁶ (голосовал, в частности, и тот, уже принятый к тому времени в СП критик, которого я только что цитировал). Решение было единогласно подтверждено и писательскими собраниями по всей стране.

Если сегодня назвать имена выступавших на собраниях или подписавших опубликованные резолюции²⁷ – это, несомненно, вызовет изумление или даже негодование молодых литераторов, ибо в перечне имен окажутся и в высшей степени уважаемые; назову два имени уже ушедших из жизни поэтов: Леонида Мартынова и Бориса Слуцкого.

Но я был дружен со Слуцким, хорошо его знал и абсолютно уверен, что он руководился отнюдь не «своекорыстными» интересами. Он ясно понимал, что Пастернака все равно исключат, и решил выступить, дабы предотвратить неиз-

бежные, в противном случае, гонения на ту часть тогдашней литературы, которой он дорожил и стремился выдвинуть на первый план. И когда сегодня иные литературные хамелеоны говорят (и устно, и – намеками – в печати) о «постыдной странице» в биографии Бориса Слуцкого²⁸ – это противно слушать. Конечно, время показало (в том числе и самому Слуцкому), что поступок его был ошибкой, но он никак не мог ее не совершить, она с необходимостью вытекала из всего, что было пережито начиная с тридцатых годов.

Не так давно тот самый критик, который «открыл», что и Ахматова – «космополитка», заявил на одном собрании, что я в свое время «громил» Пастернака²⁹, «требуя его исключения». Мне не хотелось высказываться по этому поводу, однако позднее редактор популярнейшего журнала³⁰, сославшись на одного критика, повторил это обвинение на встрече с читателями. И теперь уже невозможно промолчать.

Конечно, это очень неприятный эпизод моей жизни – наверно, самый неприятный. Но все же не могу не заметить, что речь идет о моем выступлении на собрании Института мировой литературы, состоявшемся уже после того, как Пастернак был единогласно исключен (за что проголосовал, вместе с другими, и обвиняющий меня теперь критик). Я входил тогда в группу молодых (всем нам еще не исполнилось тридцати) сотрудников Института мировой литературы³¹, которые незадолго до того начали работу над трехтомной «Теорией литературы», явившейся, по общему признанию, весомым вкладом в литературоведение. Все мы имели прочную репутацию «крамольников», и нам было сказано от имени дирекции, что, если никто из нас не выступит на собрании о «деле Пастернака», нашу группу разгонят. При решении вопроса, кому именно выступить, выбор моих сотоварищей по группе пал на меня (в частности, потому, что за мной числились наиболее «крамольные» высказывания – например, на обсуждении романа В. Дудинцева «Не хлебом единым»).

Я выступил чисто «формально», только лишь, так сказать, «отметился» и к тому же вовсе не «громил» самого Па-

стернака, а осуждал тех критиков (не называя никаких имен), которые, мол, пытались ставить в один ряд Маяковского и Пастернака, хотя это совсем разные люди и писатели. Словом, говорил по принципу «абы что-нибудь сказать».

Вскоре после этого собрания я понял, что выступать не следовало, — независимо от всех соображений. И мне тяжело вспоминать об этом эпизоде. И все же я убежден, что у критика, который теперь бросает мне обвинение, нет никакого морального права это делать. Он вообще как-то чрезмерно героически «защищает» сегодня Пастернака, Ахматову и других; впрочем, этой запоздалой героикой грешит сейчас не только он...

Но вернемся к вопросу об «изменении» литератора. В свое время Ю. Трифонов писал³²: «Что создано в мире выше русского реализма? Русский реализм вырастил Горького, которому не было и нет равных ни в одной стране!» А через два десятка лет он же с негодованием говорил о Е. Дороше³³, неудовлетворенном его, трифоновским, рассказом, который «написан в какой-то западной манере», и клеймил это совершенно справедливое (ведь и в самом деле: зачем нужно писать по-русски в «западной манере»?!) мнение Дороша как «непереваренную почвенническую фанаберию». Несомненно, что перед нами «изменение» от одной заведомой неправды к другой, столь же заведомой неправде.

Между тем в статье И. Виноградова с несомненностью выразилось развитие от более или менее односторонней правды к широкой и многогранной истине. И одно это уже корректирует общую оценку современной критики, данную в его статье, — оценку, как он сам не раз повторяет, не лишенную «пессимизма».

Сам я смотрел и смотрю на нашу критику гораздо более «оптимистично» — в частности, потому, что она уже давно обладает многообразием. Позволю себе процитировать свою статью о критике — «Самое легкое и самое трудное дело»³⁴, — опубликованную в «Литературной газете» еще в 1970 году:

«Наша серьезная критика живет напряженной и сложной духовной жизнью. Я хочу назвать здесь несколько имен.

Не для того, чтобы дать так называемую “обойму”; я избираю критиков, которые являются характерными представителями самых разных направлений или тенденций. С теми или иными оценками и мнениями этих критиков я не согласен – подчас даже решительно, полностью не согласен. И тем не менее мне интересно и важно знать их приговоры и идеи, ибо в них отчетливо выражается реальная современная жизнь литературы, а значит, и сама наша жизнь вообще.

Игорь Виноградов, Бенедикт Сарнов, Александр Михайлов, Лев Аннинский, Михаил Лобанов, Анатолий Ланциков – вот имена, которые мне хочется здесь назвать. Это очень разные критики – в частности, разного опыта и уровня. Они разнятся даже по общей своей проблематике, так что их работы иногда идут как бы по касательной, мало задевая друг друга... Но в этом выражается реальная противоречивость развития литературы и самой жизни».

Естественно, я удовлетворен тем, что И. Виноградов выражает убеждение в необходимости разных направлений в критике. Правда, он не видит в современной критике по-настоящему серьезных, глубоких направлений. Но это, по-моему, характерная для любой эпохи недооценка современников. Если иметь в виду не только те сочинения, которые посвящены, так сказать, текущей беллетристике, а литературе и, шире, культуре вообще, у нас найдется достаточное количество статей и книг, которые не стыдно завещать потомкам.

Необходимо, между прочим, обратить внимание на тот факт, что многие из тех имен XIX – начала XX века, которые с таким пиететом поминает И. Виноградов, связаны отнюдь не с освоением текущей литературы. Даже большинство значительнейших работ Белинского сороковых годов посвящено не прямым современникам, а писателям XVIII – первой трети XIX века. Что же касается перечисляемых Виноградовым Страхова, Леонтьева, Соловьева, Розанова, Булгакова, Бердяева и др., они не так уж много писали о современной им литературе; больше – о культуре в целом.

Словом, я мог бы поспорить с виноградовской оценкой состояния современной критики или, вернее, литературной мысли. Но, во-первых, это слишком объемистая тема, а с другой стороны, Виноградов, очень бегло охарактеризовав это состояние, не дал материала для конкретной полемики. Он более определенно высказался как раз о литературной мысли XIX – начала XX века. И именно об этом я хочу сказать в заключение.

Безусловно приветствуя общую постановку вопроса, должен сделать ряд полемических замечаний. Во-первых, в статье И. Виноградова не соблюдена, так сказать, иерархия ценностей. Скажем, Сергей Булгаков и Розанов – это явления принципиально иного порядка, нежели Мережковский и Шестов. На мой взгляд, ставить их в один ряд – примерно то же, что рассматривать Блока и Бунина в одной плоскости с Бальмонтом и Арцыбашевым.

Но это, в конце концов, частность. Существеннее другое. Я никак не думаю, что сегодня нужны и возможны те «направления», которые развивались в критике сто пятьдесят, сто и даже семьдесят лет назад. И. Виноградов пишет: «Нам сегодня... нужно в первую очередь, чтобы у нас... появились, наконец, свои Дружинины и Антоновичи, Григорьевы и Писаревы, Страховы и Михайловские, Бердяевы и Розановы...» Не исключено, конечно, что он просто небрежно выразил свою мысль. Но приходится основываться на том, что сказано.

Честно признаюсь, что в шестидесятые годы я сам думал, что следует непосредственно «продолжать» и «развивать» наследство, допустим, Киреевского, Хомякова, Григорьева, Леонтьева и т.д., и даже прямо писал об этом³⁵ (насколько это получалось в тогдашних условиях печатания). Но давно уже пришел к выводу, что это, повторяю, и невозможно, и не нужно³⁶.

И. Виноградов утверждает, что-де статья Петра Палиевского о Шолохове³⁷ «восходит» к историософии Константина Леонтьева. Но это по меньшей мере странное умозаключение:

ведь Леонтьев в своем знаменитом трактате³⁸ «О романах гр. Л. Н. Толстого» начисто отрицал все те художественные элементы «Войны и мира» и «Анны Карениной», которые так или иначе предвосхищали «Тихий Дон».

Однако главное в другом. Основополагающая позиция Леонтьева оказалась, в сущности, «неприменимой» в XX веке. Об этом превосходно сказал Михаил Пришвин (запись в дневнике от 16 июня 1953 года), который, надо оговорить, вообще-то чрезвычайно высоко ценил Леонтьева:

«Читая К. Леонтьева теперь об эгалитарном процессе, дивисься легкомыслию пророка. Он ужасался тому, что в деревне все едят одинаковый хлеб городской, что девки не ткут холста на юбки все по-разному, а покупают одинаковую материю в городе и т.п. ...И все это эстетическое и нравственное блуждание досужих людей провалилось в бездну, где человеку только бы уцелеть, только бы выбиться как-нибудь и в чем-нибудь».

Конечно, говоря о невозможности «продолжения» критики XIX – начала XX века, я заостряю вопрос. Определенная преемственность, безусловно, есть. Но выступает она нередко в трансформированном, даже подчас трудно узнаваемом виде.

Вот, скажем, проблема Писарева. И. Виноградов пишет, что этот критик, так сказать, адекватно осмыслил некоторые произведения 1850–1860-х годов, но «ничего не сумел понять в “Преступлении и наказании” Достоевского... ничего не понял он и в “Войне и мире” Толстого», ибо, поясняет Виноградов, эти художники создали «совершенно новую модель художественного реализма».

Я же полагаю, что писаревское истолкование представляется более или менее приемлемым, когда дело идет о второстепенных писателях, но теряет всякий смысл, если обращено к высшим ценностям. Ведь Писарев «ничего не понял» (если прибегнуть к определению Виноградова) не только в «новых» Достоевском и Толстом, но и в «старых» Пушкине и Гоголе.

Однако важнее сказать о другом. «Писаревщина» в ее конкретном смысле сейчас никак не может быть «продолжена», ибо развитие науки и техники, перед которым преклонялся Писарев, привело к очевидным тяжким последствиям. Еще в шестидесятые годы у нас были близорукие последователи Писарева³⁹, но ныне они найдутся разве лишь в глухой провинции или в начальной школе.

И все же Писарев имеет своих преемников, но в совершенно ином воплощении. Так, статья Б. Сарнова в августовском номере «Вопросов литературы» за 1987 год, посвященная в основном Пушкину, по внутренней своей сути близка «писаревщине», ибо ее автор, скажем, истолковывает несравненный по своей широте и многозначности смысл пушкинского «Медного всадника» в духе штампованных либеральных прописей. С этих же позиций он атакует прекрасную книгу Валентина Непомнящего «Поэзия и судьба» – книгу, которая, в частности, доказывает, что наша литературная мысль (вопреки мнению Игоря Виноградова) вполне достойно продолжает культурные традиции XIX – начала XX века.

Это, кстати сказать, очень характерный пример той сложной преемственности, которая возможна ныне по отношению к прошлому веку: в статье Б. Сарнова совсем нет поверхностного сциентизма, столь неразрывно связанного с понятием «писаревщины», но все же его статья заставляет вспомнить о некогда знаменитом сочинении Писарева «Пушкин и Белинский». «Метод» Б. Сарнова может давать свои небезынтересные результаты, когда речь идет о «средней» текущей литературе, но едва ли он уместен по отношению к Пушкину*

* Могут возразить, что Писарев в отличие от Сарнова «изничтожал» Пушкина; однако третировать поэта в наш век было бы попросту неприлично, и Сарнов «уничтожает» его иным способом – сводя одну из величайших поэм мировой литературы к банальному «разоблачительству» деспотизма. Еще Андрей Платонов писал об этого типа экзекуциях⁴⁰: «Пушкин отдает и Петру и Евгению одинаковую поэтическую силу, причем нравственная ценность обоих образов равна друг другу... Разъедините их: получатся одни «конфликты», получится, что Евгений – либо убожество, либо «демократия», противостоящая самодержавию, а Петр – либо гений чудотворный, либо истукан. Но ведь в поэме все иначе».

и к воплотившей глубокое современное осмысление пушкинского творчества книге В. Непомнящего. Уж лучше бы критик вообще не судил о явлениях такого порядка...

Впрочем, возвратимся к статье И. Виноградова. Я стремился показать, что в этом его самовыражении 1988 года как бы живут и 1948 и 1958... год. Наше поколение неизбежно должно было в конце пятидесятых – шестидесятых годах пережить резкое и трудное «отталкивание» от предшествующего времени. Естественно, поначалу на первый план вышло именно «негативное» мировосприятие, находившее, в частности, опору в том, что можно назвать «добролюбовщиной», к которой, разумеется, не сводится наследие этого критика (в 1961 году и сам я, между прочим, написал работу о Добролюбове⁴¹), или, в более заостренном варианте, «писаревщиной».

Но если глубоко вдуматься, «сталинизм» как «мировоззрение» невозможно по-настоящему преодолеть отрицанием, ибо прямолинейный «антисталинизм» с фатальной неизбежностью оказывается в чем-то подобным своему антиподу.

Недавно одного известного (и хорошего) поэта, чья ранняя молодость прошла в лагерях, спросили во время его публичного выступления, как он относится к той (вероятно, все же небольшой) части современной молодежи, которая увлечена неким возрождением культа Сталина. «Стрелять их всех надо!» – прямо-таки прорычал поэт⁴², не замечая, что уподобляется своему заклятому врагу...

Уместно вспомнить и тот факт, что в литературе 1920-х – начала 1930-х годов, по сути дела, господствовала если не «добролюбовщина», то «писаревщина», по-своему пролагавшая путь именно сталинизму... И последний можно действительно преодолеть – я имею в виду духовное преодоление – только «положительным» культурным творчеством – богатым и многообразным, творчеством, если воспользоваться еще раз определением Игоря Виноградова, «глубинных духовных оснований» бытия и личности, и общества.

На этом пути громадное значение может иметь, несомненно, освоение богатейшего и многообразнейшего наслед-

ства отечественной литературной мысли. Задача заключается, как уже говорилось, не в прямом продолжении давних «направлений» – будь то направление «григорьевское», «леонтьевское», «розановское» и т.п., – но в обретении присущей отечественным критикам-мыслителям духовной высоты и глубины, всемирного размаха и, не в последнюю очередь, мужества и отваги самой мысли.

Тот факт, что основные устремления, допустим, славянофилов сегодня «неприменимы» (я подробно говорю об этом в своей только что вышедшей в свет – после пятилетнего выживания в издательском шкафу – книге о Тютчеве⁴³), имеет вполне четкое объяснение: мы живем в уже совершенно ином мире, в ином времени. Об этом метко написал недавно один из старейших поэтов, Моисей Цетлин (родственник очень известного в начале столетия Цетлина-Амари):

...И веку нет пути назад –
В свое тысячелетье, –

то есть во второе тысячелетие, в котором еще жили в юности наши отцы (я имею в виду мое поколение).

М. Цетлин еще в «эпоху застоя» написал и счастливо опубликовал (в своей книге «Линии ливня») строки⁴⁴, вдохновленные двумя великими полотнами Нестерова (второе из них – «Философы» – запечатлело Сергея Булгакова и Павла Флоренского, встретившихся майским вечером 1917 года – через 600 лет после рождения Варфоломея – в окрестностях Радонежа):

Виденье отроку Варфоломею

Среди холмов и перелесков тихих...
Смирения стезя и иночества жребий
Несут в себе пленительную силу,
Которую не истребит ничто,
Как мысль, запечатленную на ликах
Философов в вечерней тишине.

Да, есть мысли, которые ничто не может истребить. И потому Игорь Виноградов глубоко прав, когда он почти заклинательно перечисляет полузабытые имена. Следует, в частности, осознать, что такие критики, как Добролюбов и Писарев, при всей их весомости и силе, имеют, строго говоря, только чисто национальное значение. Между тем мысль Киреевского, Леонтьева или Розанова (подобно творчеству Гоголя, Достоевского или Толстого) обладает непосредственно мировым значением, что давно и прочно признано множеством их авторитетных зарубежных читателей.

И глубокое и всестороннее освоение отечественной литературной мысли поистине необходимо сегодня. Поскольку сознание именно этой необходимости легло в основу статьи Игоря Виноградова, я – несмотря на высказанные и невысказанные несогласия с теми или иными его положениями (что же, ныне поистине – время споров!) – воспринимаю эту статью с искренним удовлетворением.

1988

Постскриптум 1989 года. Вскоре после опубликования этой статьи И. Виноградов – прямо скажу, для меня «неожиданно» – заявил в печати⁴⁵, что-де «знамя русской национальной культуры» надо, мол, «отобрать» у таких писателей, как В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин, и таких журналов, как «Наш современник», ибо они «запахкали» это знамя своими «юдофобскими настроениями».

Это заявление основывается, надо думать, на печальной неосведомленности И. Виноградова. Он явно не знает, что в 1920–1930-х годах в печати постоянно и подчас крайне резко обвиняли в «юдофобских настроениях» Пушкина, Гоголя, Герцена, Некрасова, А. Григорьева, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова, Розанова, Блока, Есенина и других крупнейших творцов отечественной культуры. Суть дела состояла в том, что все достойнейшие деятели русской культуры так или иначе выступали против проявлений еврейского национализма и сионизма (или хотя бы того, что можно назвать

«протосионизмом»), делая это, кстати сказать, гораздо более решительно, чем те их нынешние наследники, на которых «напал» И. Виноградов. В этом, разумеется, не было никакой «юдофобии», то есть отрицательного отношения к евреям как к евреям, то есть определенному этносу.

И если уж И. Виноградов ставит перед собой сформулированную им «задачу», ему придется для ее выполнения «отбирать» некое «знамя» у отечественной культуры в целом, начиная с таких живших почти тысячу лет назад ее основоположников, как Иларион и Феодосий Печерский. Но И. Виноградову стоит как-то учесть опыт тех – обладавших, между прочим, громадной властью и средствами воздействия на умы – «деятелей» 1920–1930-х годов, которые все же не сумели решить эту самую задачу...

«Самая большая опасность...»

Раскрыв январский номер «Нашего современника» за 1989 год, сегодняшние читатели могут познакомиться с «литературным документом» двадцатилетней давности, который в последнее время подвергся прямо-таки бесчисленным и, как правило, предельно яростным нападкам. Это получившее ныне поистине сенсационную известность «письмо одиннадцати»¹, опубликованное в журнале «Огонек» 26 июля 1969 года, истолковывается в качестве главной или вообще единственной причины вынужденного ухода одного из крупнейших русских поэтов XX века Александра Твардовского с поста редактора журнала «Новый мир» 24 февраля 1970 года и, более того, даже как причина его смерти, последовавшей 18 декабря 1971 года...

Уже сама тяжесть обвинений пробуждает стремление разобраться в этой истории. К тому же резкие выступления по поводу «письма одиннадцати» – очень характерное и дающее возможность многое понять явление современной литературной и, шире, общеидеологической жизни. Наконец, как я постараюсь показать, сама та ситуация, которая

двадцать лет назад породила это «письмо», имела и очень существенный общественный *смысл*, и очень глубокие исторические корни.

Словом, «письмо», о котором идет речь, дает повод для самого серьезного и охватывающего широчайший круг проблем обсуждения. На протяжении статьи я не раз буду возвращаться к «письму» как таковому (и всему прямо и не-посредственно с ним связанному), но заранее необходимо оговорить, что без достаточно развернутой характеристики и сегодняшнего состояния литературной жизни, и, с другой стороны, ее более или менее дальних *исторических предпосылок*, едва ли возможно действительно разобраться в существе дела. И начать будет целесообразнее всего, пожалуй, с некоторых соображений о нынешней литературе (в самом широком смысле этого слова, то есть включая всю многогранную область публицистики).

1

Очевидно, что очень многие из тех людей – в особенности молодых, – которые читали или слышали страшные обвинения, предъявляемые «письму одиннадцати», целиком и полностью уверовали в них. Иначе, собственно, и быть не могло, ибо начавшийся с 1985 года открытый и острый разговор об ошибках, извращениях и преступлениях предшествующих десятилетий властно захватывает души. В сознание читателей одно за другим вторгаются сообщения о прискорбных, мрачных и, наконец, поистине чудовищных событиях и явлениях прошлого, и этот нарастающий поток нередко не дает возможности для сколько-нибудь основательных размышлений, для взвешенного понимания и оценки усваиваемой информации.

Нельзя не отметить еще, что подавляющее большинство авторов, занятых сегодня разоблачением негативных или трагических фактов прошлого, делает это с как бы не допускающей никаких сомнений и возражений уверенностью. Чи-

тателю настойчиво внушается, что пишущий о том или ином явлении исчерпывающе его изучил, во всем разобрался, все понял. Особенно это характерно для таких авторов, которые всего лишь несколько лет назад писали нечто совершенно иное (примеры подобного головокружительного «преобразования» всего «мировоззрения» я еще приведу).

В связи с этим уместно сослаться на печатное выступление литератора, который, напротив, и в 1960–1970-х годах стремился писать так же, как он пишет теперь. Речь идет о Юрии Карякине. Говоря (в марте 1988 г.) о недостатках и пороках многих нынешних сочинений о нашем прошлом, он с заслуживающей и похвалы, и подражания откровенностью выявил² основную причину положения, создавшегося в текущей литературе и публицистике:

«Мне кажется, все дело в невероятной мешанине, которую я нахожу в наших головах, и в своей тоже. *Каша из идеологических установок, эмоций, воспоминаний*».

Это очень верное определение, которое я считаю важным тут же повторить, чтобы оно прочнее вошло в сознание читателей: «Каша из идеологических установок, эмоций, воспоминаний». Рассуждения, в которых, так сказать, бурлит эта «каша», можно было бы цитировать со страниц сегодняшних газет и журналов прямо-таки без числа.

Сошлюсь для начала на опубликованное недавно высказывание популярной актрисы Э. Быстрицкой³: «Снимался фильм “Неоконченная повесть”. Эрмлера (режиссера фильма. – В. К.) без конца дергали, проверяли – не забудьте, это был 1955 год, когда страна только оживала, а Эрмлер был честным художником, неsgiбаемым человеком и, конечно, в сталинские годы был в опале».

Если бы была поставлена задача высказать нечто абсолютно противоречащее реальности – трудно было бы преувозйти заключительную часть этого рассуждения. Не касаясь всего пути Эрмлера в кинематографии, скажу лишь, что в 1938–1939 годах он снял двухсерийный фильм «Великий гражданин», который не просто оправдывал, но вдохновен-

но воспевал террор тридцатых годов*. Люди выходили из кинотеатров, где демонстрировался фильм, буквально готовые растерзать любого зиновьевско-каменевско-бухаринского злодея (я учился тогда в начальной школе, но все же ясно помню и фильм, и реакцию на него). Естественно, фильм получил Сталинскую премию 1-й степени в 1941 году (с этого года они и начали присуждаться). Затем Эрмлер удостоивается еще трех Сталинских премий (последней – в 1952 году), в 1948 году становится народным артистом СССР, в 1949-м награждается орденом Ленина, а ведь эти годы обычно квалифицируют ныне как наиболее мрачные в идеологическом плане. И если уж ставить вопрос об «опале» Эрмлера, то разве только в сравнении с М. Роммом, который в те же самые годы удостоился пяти Сталинских премий и двух орденов Ленина, или К. Симоновым (семь премий, три ордена Ленина – это, кажется, высший, абсолютный рекорд...).

Короче говоря, суждение актрисы об Эрмлере «объясняется», по сути дела, только лишь тем, что прослыть сегодня опальным в сталинские времена, так сказать, очень престижно. И, повествуя о том или ином почему-либо вызывающем у них симпатии деятеле 1920–1950-х годов, современные авторы сплошь и рядом приписывают его к «опальным» – даже если для этого и нет ровно никаких оснований. А в результате «мешанина» и «каша» вносятся в сознание доверчивых читателей.

Впрочем, я привел для начала наиболее «невинное» высказывание, свидетельствующее скорее о трогательном простодушии, чем о каких-либо отрицательных чертах его автора.

Другое дело – появляющиеся в последнее время достаточно многочисленные сочинения, в которых совершенно безапелляционным тоном вещается о самых разнообразных явлениях, притом, так сказать, с точки зрения истины в последней инстанции. Ярким примером могут служить статьи Поэля Карпа, часто появляющиеся в еженедельнике «Книжное обозрение». Вот, скажем, его статья о Пушкине (3 июня

* Об этом недавно писал В. Амлинский⁴ (Юность.1988. № 3. С. 52).

1988 года), где Поэт, разумеется, предстает только как повод для того, чтобы порассуждать о сугубо современных делах.

Я отнюдь не собираюсь оспаривать какие-либо «идеи» Карпа, это было бы бессмысленно, ибо перед нами вполне очевидная, пользуясь карякинским определением, «невероятная мешанина». Для спора все-таки требуется определенный уровень обсуждаемого сочинения. Но сказать о совершенно беспорном имеет смысл.

Карп утверждает в своей статье: «Белинский в 1840 году писал, что Пушкин – это русский человек через сто лет». Из этого далее выводятся разного рода и на многое претендующие соображения. Читатель, хорошо знакомый с основной или, вернее, так сказать, *обязательной* частью отечественной критики, догадается, что здесь имеет место «мешанина» из двух высказываний – Гоголя («Пушкин, это русский человек в его развитии, в каком он, *может быть*, явится чрез *две-сти лет*»⁵. 1834 год. – Выделено мной. – В. К.) и Белинского («Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году – стоящую во главе образованного мира, дающую законы и науке и искусству и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества»⁶... 1840 год).

Поэзь Карп – новое для меня имя, но манера его сочинений (в которой чувствуется, по слову Тютчева, «сварливый старческий задор»⁷) побуждает предположить, что учебные его годы протекали весьма давно, несколько десятилетий назад, а обновлять свои познания он, по-видимому, не имел охоты. И вот в его памяти осталась от школьных занятий «каша» из Белинского и Гоголя.

Впрочем, в данном случае хоть что-то еще уцелело. В другом утверждении из его статьи память уж совсем не присутствует. Он пишет, что Пушкина, мол, «влекло дворянство» – дворянство, «практически исчезнувшее, истребленное опричниками и добитое на Сенатской». Вот уж действительно одна только «каша» из «идеологических установок, эмоций» (слово «воспоминаний» приходится опустить – их почти не

осталось). Опричники – это плохо; декабристы – хорошо. Вот и вся суть «мысли». И автору нет дела до того, что дворянство как сословие, противувавшее боярству, оформилось именно *в рамках опричнины* и среди основоположников декабристского движения мы, естественно, находим целый ряд не просто однофамильцев, но *потомков* основателей опричнины – таких как Трубецкой, Одоевский, Щербатов, Оболенский, Барятинский и др., – отделенных от своих «опричных» предков всего лишь шестью-семью поколениями. Узнать обо всем этом можно из любой популярной книжки, где более или менее подробно говорится об опричнине.

Но в сочинениях Карпа явления истории России и русской литературы предстают только как «сырье», совершенно произвольно используемое для выражения его нынешних «эмоций». Можно бы показать, что *вся* его статья о Пушкине написана именно так, – но для этого потребовалось бы слишком много места.

Я обратился к «примерам», почерпнутым Карпом из уже давнего прошлого, ибо это прошлое более или менее детально изучено. Но нельзя не сказать, что, рассуждая о более близких к нам периодах истории страны и ее литературы – периодах, которые только начинают становиться предметом серьезного изучения, – Карп «использует» те или иные факты уже с поистине безграничной произвольностью. И, как ни прискорбно, сочинения Карпа – в высшей степени *типичное* явление *современной* публицистики. Всем своим складом и тоном подобные сочинения внушают читателю, что их задача – «просветить» умы и души, а на деле сочинения эти способны только затемнить и запутать сознание.

Однако и это, как говорится, отнюдь не самый тяжелый случай. В конце концов низкое качество сочинений Поэля Карпа (как и многих его сподвижников по сегодняшнему «просветительству»), по сути дела, не только вина, но и беда автора, который, скажем, уже забыл, что именно он когда-то прочитал в томах Гоголя и Белинского. И, между прочим, освежив в своей памяти суждение Белинского 1840 года о том, какой рай бу-

дет через сто лет, в 1940-м, сам Карп, вероятно, придет в ужас от собственной ссылки на почти целиком забытую им цитату, с которой он, я думаю, в свое время был согласен, – но это было уже очень много лет назад...

Однако перейду к более печальным и тяжким явлениям нынешней литературной жизни. Виталий Коротич написал недавно следующее⁸: «Сегодня журналистов вслух обвиняют в несдержанности, а писателей раз за разом уговаривают вести себя поспокойнее. Не надо бояться, товарищи! Бояться надо было, когда во времена застоя литература трубно пела о победах и книгой века нарекали (были, мол, такие негодяи. – В. К.) мемуары Леонида Ильича».

Отсутствие какой-либо «боязни» в самом Коротиче действительно способно поразить. Он и теперь ничего не боится и, скажем, в 1982 году совершенно безбоязненно писал об этих самых брежневских мемуарах⁹:

«Передо мной лежат книги Леонида Ильича Брежнева... Глубоко правдивые, ставшие истинно народными, они продолжают и развивают ленинские традиции высокой партийной литературы... По этим книгам учатся большевистской науке: несмотря ни на какие преграды и испытания, своим трудом, всей жизнью утверждать великие идеалы мира, демократии, коммунизма... Такой нравственный максимализм, как мне кажется, поучителен для любого из нас. В автобиографических записках вы не уловите никакой позы, ни малейшего выпячивания своих заслуг... “Воспоминания” чрезвычайно важны для каждого советского человека. Это произведение – на каждый день, сильное оружие в идеологической деятельности КПСС». «“Главное оружие в этой работе – правда, – пишет товарищ Леонид Ильич Брежнев. – И об успехах и о недочетах, мы считаем, необходимо говорить честно. Открытый разговор люди всегда поймут...” В этих словах наказ всем нам – бойцам идеологического фронта... “Воспоминания” – яркий пример того, как нужно утверждать – жизнью и словом – идеалы коммунизма».

Я процитировал только небольшую часть апофеозной статьи Коротича, напечатанной всего несколько лет назад.

И должен откровенно признаться, что сопоставление этой статьи с нынешними выступлениями Коротича вызывает во мне, если угодно, именно *боязнь*. Ведь Коротич теперь заявляет¹⁰, например, что до того, как стать литератором, он очень предусмотрительно получил профессию врача: «Я имел “за спиной” хорошую профессию. И при всех передрягах особенно “прогибаться” не приходилось. Знал, что в случае чего вернусь в медицину, буду ставить клизмы и не пропаду. Медицина меня спасла... Сегодня ни один приспособленец не может сказать: “Ты такой же, как мы, что ж в перестройщики лезешь?”»

И нет сомнения, что Коротич в самом деле этого вопроса нисколько не боится! Между прочим, иные читатели могут совершенно ошибочно подумать, что, взявшись говорить о Коротиче, я преследую цель «уязвить» его, поскольку на страницах редактируемого им журнала «Огонек» постоянно появляется брань в мой адрес¹¹.

Но готов поклясться какой угодно клятвой: я абсолютно убежден, что Коротича просто *невозможно*, невысказимо уязвить! И если он прочтет эту мою статью, она ничуть его не встревожит, ибо, пользуясь его выражением, «при всех передрягах» он оставался целехоньким.

Среди многих десятков знакомых мне современных литераторов, которых я считаю своими соратниками по делу, нет ни одного, который не то что написал, но хотя бы мог (допустим, в какой-либо тяжелой для него ситуации) возыметь намерение написать панегирическую статью о «брежневских мемуарах»! И я в самом деле *боюсь* литераторов, которые столь недавно писали такие статьи, а ныне безбоязненно пишут нечто прямо противоположное. Отношение к «брежневским мемуарам» – это, конечно, только один выразительный пример. Речь идет о литераторах, которые всегда безошибочно пишут и говорят именно то, что в данный отрезок времени наиболее *выгодно* писать и говорить. Это, на мой взгляд, самая опасная разновидность литераторов, и сегодня, когда несколько представителей этой разновидности громогласно

называют друг друга «прорабами перестройки»¹², в самом деле испытываешь чувство боязни...

И именно этим чувством я стремился поделиться с читателями, а вовсе не уязвить Коротича и кого-либо из подобных ему литераторов, ибо ставить перед собой такую задачу – пустое дело...

Есть предельно доброжелательные люди, которые склонны оправдывать тех, кто вчера лакейски восхвалял Брежнева, а сегодня выступают как «прорабы перестройки». При этом ссылаются на тот факт, что, скажем, и Шолохов, и Твардовский, и даже Пастернак в свое время безусловно верили в Сталина. Но это совершенно негодное сопоставление. Гегель и Маркс справедливо говорили, что исторические события и личности повторяются дважды¹³ – первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса. И никак нельзя поверить, что литератор может сколько-нибудь искренне вдохновляться фарсом; это возможно лишь в том случае, если он сам – персонаж фарса, хотя, надо прямо сказать, фарса небезопасного или даже зловещего...

Итак, речь у нас идет о том, что место прежней, характерной для периода застоя полуправды или прямой лжи нередко заменяет ныне другая, но по-своему едва ли менее вредная полуправда и ложь. Это рождает вполне понятные тревожные опасения. Я привел три – разумеется, очень разных – примера из сегодняшних газет и журналов, но подобные примеры можно бы, увы, приводить бесконечно – притом самые разнообразные по своему характеру. А это разнообразие, кстати сказать, особенно затрудняет задачу, вставшую перед читателями, – отличить подлинное познание прошлого и современности от мнимых «откровений» и своекорыстных спекуляций.

Возможно, что найдутся доброжелатели Коротича, которые «оправдают» его: мол, «все» тогда лживо восхваляли Брежнева и он просто поддался общей атмосфере. Но, во-первых, ему не следовало бы ныне рьяно «разоблачать» неких беспардонных льстецов («не лучше ль на себя, кума, оборо-

тяться»). Но, впрочем, главное в другом. Коротич и сегодня *продолжает обманывать*. После появления в печати сведений о его статье¹⁴ 1982 года в «Огоньке» появилось «разъяснение» Виталия Коротича¹⁵, что-де статья в журнале «Политическое самообразование», восхваляющая брежневские мемуары, сочинена кем-то другим, а не им, что, мол, «я не писал ерунды, опубликованной... под моим именем».

Признаюсь, я не думал, что Коротич способен чем-то меня удивить, – и вот все же удивил. Ему бы теперь как-нибудь покаяться или в крайнем случае просто промолчать... Но он оказывается даже более «безбоязненным», чем можно было предположить. Ведь «подписанная его именем» статья в «Политическом самообразовании» – это только самое обширное из его восхвалений брежневских мемуаров, но отнюдь не единственное.

Библиография в нашей стране во многом оставляет желать лучшего, но все же она зафиксировала связанную с именем В. Коротича «брежневиану», в которой около десятка названий (вероятно, учтены далеко не все такие публикации).

Всего через несколько дней после присуждения брежневским мемуарам Ленинской премии на первой странице «Литературной газеты» (от 1 мая 1979 года) появилась подписанная именем Коротича, далеко обогнавшим многие имена его коллег, статья «Весна мира», где, в частности, провозглашалось:

«Не было в истории более человеческого строя, более весеннего, более жизнеутверждающего, чем наш. Именно у нас слово и дело соединяются в небывало последовательной неразделимости. Это ведь тоже всемирный урок “весны человечества” и литературы ее – ответственно писать для такого общества и такого народа. Примером высокого и точного политического мышления для каждого из нас стали замечательные книги воспоминаний Леонида Ильича Брежнева, по праву удостоенные Ленинской премии».

Позднее, 4 марта 1981 года, в той же «Литгазете» подписанная именем Коротича статья «Ответственность» раз-

вивала тему более пространно: «Мне представляется весьма знаменательным, что литературная Ленинская премия была присуждена Генеральному секретарю ЦК КПСС. В словах, сказанных по случаю вручения этой премии Л. И. Брежневым, был очень точно обобщен жизненный путь человека, понимающего неотъемлемость свою от духовной и физической жизни всего народа... Произнес эти слова ветеран Великой Отечественной, высоко несущий знамя Программы мира» и т.д. и т.п.

Не буду продолжать подобного рода цитаты. В мире немало таинственного, и – кто знает? – может быть, Брежневу ужасно хотелось, чтобы его мемуары похвалил именно Коротич, и он своей властью заставил подписывать сочиняемые кем-то панегирики этим бесценным именем.

Но вот что удивляет: такого рода страстное желание, испытывали, очевидно, не только Брежнев, но и другие влиятельные люди тех лет.

Так, 3 марта 1982 года в «Литгазете» появляется подписанная именем Коротича статья «Публицистическое слово писателя», в которой о пустопорожном ведомственном документе говорится: «Доклад Г. Маркова на VII съезде писателей был не только проблемным, публицистическим, но и содержал немало размышлений о нашей действительности, о грандиозных задачах, стоящих перед народом».

И тут же торжественный риторический оборот: «Публицистика, загнанная в узкие клеточки прописных истин... Как далека она от публицистического пафоса, гражданственности слова Н. Грибачева!..»

Неужели же и Г. Марков и Н. Грибачев забрали тогда в руки такую власть, что имели возможность заставить редакцию «Литгазеты» подписать славным именем Коротича хвалы в свой адрес?

И еще одно. Вот перед нами № 1 журнала «Молодая гвардия» за 1982 год. На последней странице состав редколлегии – и главный редактор, и его заместители, и ответственный секретарь – те же, что и сегодня¹⁶. Но журнал тогда об-

ладал, по-видимому, непонятной властью, потому что и в нем напечатана подписанная именем Коротича статья, в которой сказано, в частности: «Статью эту я пишу в Москве, радуясь тому, что любимая нашей молодежью “Молодая гвардия” посвящает свои страницы моей республике».

Наконец, нельзя не сказать, что имя Коротича продолжало «использоваться» и в послебрежневские времена. Так, 22 января 1985 (!) года, совсем незадолго до всем известного апрельского Пленума¹⁷, в «Известиях» появилась подписанная именем Коротича статья «Жить заботами века», в которой говорилось, в частности:

«Выступая на недавнем юбилейном писательском форуме, Константин Устинович Черненко назвал нашу интеллигенцию “могучим пластом”. Это обязывает, вызывает чувство ответственности за свою работу – дело всей жизни».

Впрочем, пора остановиться – ведь имя Коротича украшает слишком многочисленные статьи подобного рода, – остановиться и предоставить самим читателям решать вопрос, как обстояло дело реально: либо Брежневу, Черненко, Маркову, Грибачеву и др. были *необычайно выгодны* восхваления, подписанные именем Коротича, и они нагло пользовались властью, заставляя редакции сочинять и подписывать этим блистательным именем все новые и новые статьи, либо...

В заключение напомним, что этот трудный вопрос, побуждающий читателей поломать голову, сочинил не я, а сам Коротич, сообщив в «Огоньке», что он «не писал ерунды», опубликованной какими-то злодеями под его именем...

Приведу еще один образчик сегодняшней лжи (или, в лучшем случае, дремучего невежества) – причем в данном случае лжи, так сказать, групповой, даже, по сути дела, массовой. Речь идет о многочисленных авторах и даже целых организациях, прямо-таки требующих ныне перенести в сферу культуры (особенно часто при этом говорят о театре) принципы хозрасчета, самоокупаемости, прибыли¹⁸. Нас пытаются уверить, что-де «там», «у них», в «цивилизованном»

и «демократическом» мире культура живет именно на таких основах, между тем как у нас она существует за счет государственного бюджета, что создает, мол, лишенную плодотворности, нездоровую и просто ненормальную, противоестественную ситуацию во всей культуре. Но эти утверждения, повторяю, или беззастенчивый обман, или результат полнейшей неосведомленности. Достаточно, например, познакомиться с изданной в 1986 году книгой И. А. Хижняка «США: государство, бизнес и культура 60–80-х годов XX столетия», чтобы убедиться: в США на принципе самокупаемости существует только чисто коммерческая «массовая культура», а все подлинно серьезное в культуре так или иначе финансируется государством или «благотворительными фондами», средства которых в конечном счете являются государственными, поскольку образуются за счет того, что государство не облагает вкладываемые в дело культуры капиталы налогами, то есть «отказывается» от денег, становящихся таким образом достоянием фондов.

При этом стоит подчеркнуть, что, ссылаясь на книгу И. А. Хижняка, я имею в виду даже не выводы и оценки автора (которые можно оспорить), а собранные им неопровержимые факты и высказывания самих деятелей культуры США, ясно свидетельствующие: сколько-нибудь серьезные явления литературы, искусства и культуры в целом не обходятся в США без солидных государственных и «фондовых» дотаций. Правда, обретшие широкое признание деятели культуры могут достигнуть уровня самокупаемости или даже прибыльности, но, прежде чем добиться этого, они не могли не прибегать к государственной (или «фондовой») финансовой поддержке.

Многие и весьма крикливые авторы стараются ныне уверить нас, что хороша-де только та культура, которая хорошо продается. Между тем, скажем, все научные книги (и по естественным, и по гуманитарным наукам), издаваемые в США, не приносят никакой прибыли и издаются не на «коммерческой» основе. Более того, из книг, издаваемых с коммерче-

ским расчетом, лишь 35–40 процентов дают прибыль. Стоит сообщить факт, который, не сомневаюсь, удивит многих. В США и Западной Европе издания всех учебных книг, которые являются, вполне понятно, первоосновой любой сферы культуры, «гарантируются государственными субсидиями», и (как это ни странно!) «во всех капиталистических странах учебники и учебные пособия приносят *основную долю* поступлений от реализации книжной продукции. Так, в США 40 процентов оборота приходится на учебники»* (речь идет, разумеется, о частных издательствах и частной книготорговле). То есть издание учебников целиком и полностью основано на государственном финансировании и обеспечивает около половины доходов крупных издательских фирм; без этого они попросту не могли бы существовать!

Таким образом, те, кто призывает сегодня перевести у нас культуру на самоокупаемость (как это-де принято в «демократическом мире»), попросту обманывают читателей, делая это подчас, быть может, без злого умысла – просто по неведению. Но читатели, усвоившие лозунг о нынешней «правдивости» информации, в подавляющем своем большинстве, без сомнения, верят этим рассказам.

Дело отнюдь не в том, что невозможно совместить культуру (речь, конечно, идет о подлинной культуре, а не о «маскультуре») и хозрасчет. Я даже убежден, что в *нашей* стране гораздо *больше* возможностей для такого совмещения, нежели в США! Но тревожит и возмущает безответственность, с которой многие авторы и ораторы фальсифицируют реальное положение в тех же США, где государство (совместно с «фондами») тратит на культуру миллиарды долларов.

Деятели культуры США, с которыми мне приходилось встречаться, не раз рассказывали о том, с каким трудом они «выбивают» из государственных инстанций и «фондов» денежные средства даже для самого небольшого культурного дела – скажем, проведения симпозиума с десятком участников или издания тоненького сборника статей. А нас стараются убе-

* Изгнанники: Судьбы книг в мире капитала. М., 1987. С. 15–16.

дить, что достаточно установить в культуре принцип хозрасчета и все пойдет как по маслу...

2

Я привел несколько образчиков сегодняшней «неправды» (к сожалению, их можно черпать из сегодняшних журналов и газет сотнями и тысячами) ради того, чтобы, так сказать, расчистить площадь для разговора. Ведь множество людей склонно полагать, что им лгали раньше, в период «застоя», а теперь каждый, кто отрешивается от идеологии застоя, говорит только правду, одну только правду. Увы, это далеко не так. И, в частности, грубо искажают реальный ход событий сегодняшние надрывные обвинения в адрес «письма одиннадцати», которое-де «убило» и журнал «Новый мир», и самого его главного редактора.

С такими бездоказательными обвинениями не раз выступал, в частности, В. Лакшин, который в 1967–1970-х годах был заместителем главного редактора «Нового мира». Однако позднее он опубликовал (См.: Знамя. 1988. № 8) более или менее подробную статью¹⁹ с подзаголовком «Из хроники “Нового мира”» – статью, из которой недвусмысленно явствует, что пресловутое «письмо» не играло и не могло сыграть сколько-нибудь существенной роли в судьбе «Нового мира». Разумеется, Лакшин вовсе не ставил перед собой задачу выявить именно этот факт, но, взявшись за развернутое изложение истории нападок на «Новый мир», он волей-неволей показал, что «письмо» занимает в этой истории весьма и весьма незначительное место.

Лакшин сообщает, например, что еще в 1966 году, на XXIII съезде партии, против журнала выступили ни много ни мало члены ЦК КПСС И. Бодюл, Н. Егорычев и другие ораторы, что в 1967 году «появились два грозных подвала в “Правде”», что «трудности с цензурой все возрастали, и подписание каждого номера в печать становилось мукой», что в 1968 году Твардовский тщетно просил «встречи у Л. И. Бреж-

нева» и тогда же стало «ясно»: «журнал приговорен к смерти и казнь его только отсрочена», что, наконец, в мае 1969 года (то есть еще до появления «письма») тогдашний фактический руководитель Союза писателей К. В. Воронков «предложил Твардовскому подать заявление об уходе»*.

Более того, с удовлетворением рассказывая о предельно резком по тону редакционном ответе «Нового мира» на «письмо одиннадцати» (он был опубликован в июльском номере за 1969 год – то есть сразу же после появления «письма»), Лакшин, словно забыв о прежних обвинениях, резюмирует: «Атака на “Новый мир” летом 1969 года захлебнулась».

Кстати сказать, недавно было опубликовано ироническое письмо Твардовского от 18 августа 1969 года²¹, посвященное «письму одиннадцати»: «Тайфун унялся, причинив незначительные разрушения, жертв нет и, более того, кажется, тайфунчики (т.е. авторы «письма». – В. К.) потерпели на этот раз фиаско... Мы... отвечаем на огонь огнем»**.

Я привел только часть информации, данной в статье Лакшина (да и его статья в целом говорит далеко не обо всем***), но, надо думать, и так ясно, что «письмо» – как бы его ни оценивать – было не имевшим серьезных последствий эпизодом. И нет никакого сомнения в том, что Твардовского понудили уйти в феврале 1970 года с поста редактора «Нового мира» совершенно не из-за появившегося в июле 1969 года «письма». Признаюсь, меня поражает беззаботность Лакшина, который решается в печати умалчивать о том, что ему-

* Лакшин поставил эпиграфом к своей статье слова Михаила Лобанова²⁰ – «Я что-то не припомню, чтобы когда-то критиковался Твардовский *писателями*» (выделено мной. – В. К.), – слова, которые он намеревался опровергнуть. Но его «хроника», основные моменты которой я изложил, никак не опровергает этих слов, ибо, скажем, Бодюль и Егорычев – не писатели, а единственной «книгой» секретаря СП Воронкова был «Справочник Союза писателей СССР». В «письме» же имя Твардовского даже и не упоминается.

** Творчество Александра Твардовского. Л., 1989. С. 126–127.

*** О некоторых существенных осложнениях в судьбе «Нового мира» я писал в статье «1948–1988», опубликованной в «Литературной учебе» № 3 за 1988 год (см. сс. 649 этой книги).

то прекрасно известно и, конечно, со временем войдет во все историко-литературные работы о данном периоде.

Ведь дело-то в том, что Твардовский в 1969 году закончил и передал в редакцию свою достаточно острую поэму «По праву памяти». Главлит не дал разрешения ее печатать. К концу года текст поэмы, переписанный кем-то из «новомирцев» и переправленный за рубеж, был там опубликован²².

За десять лет до того произошла аналогичная история с романом «Доктор Живаго», и Твардовский, как известно, беспощадно осудил тогда Пастернака²³. Теперь, через десять лет, он, конечно, смотрел на дело совершенно иначе. Но в сусловском ведомстве взгляд на такого рода вопросы едва ли существенно изменился. И вполне понятно, никто там не мог потерпеть, что главным редактором крупнейшего советского журнала (а не просто членом СП) является человек, печатающий «антисоветские» вещи в зарубежье. Это, безусловно, и определило уход Твардовского с поста редактора. И я, честно говоря, просто не понимаю, на что рассчитывают Лакшин и иже с ним, истерически кричащие о том, что Твардовский был снят одиннадцатью писателями, сочинившими пресловутое письмо?!

Ведь суть дела-то состоит еще и в том, что «письмо» представляло собой отнюдь не «нападение» на «Новый мир», но *защиту* журнала «Молодая гвардия» от крайне агрессивной атаки, предпринятой на страницах «Нового мира» критиком Александром Дементьевым²⁴. Лакшин «забывает» упомянуть о том, что в 1968 – начале 1969 года (то есть накануне появления статьи Дементьева) «Молодая гвардия» находилась, несомненно, в не менее или даже более тяжелом положении, чем «Новый мир». Резкие статьи о «Молодой гвардии»²⁵ появились в это время в «Литературной газете» (причем трижды), «Литературной России», «Юности», «Вопросах литературы», «Октябре» и даже в «Коммунисте» (не говоря уже о менее известных изданиях). Статья Дементьева в номере 4 «Нового мира» за 1969 год оказалась, правда, и наиболее агрессивной, и наиболее пространной. Было бы в высшей степени полез-

но перепечатать ее сегодня вместе с «письмом одиннадцати», однако это нелегко сделать, так как статья по объему в семь раз превышает посвященное ей «письмо».

Но к смыслу и цели статьи Дементьева мы еще вернемся. Сначала необходимо сказать о другом.

Общая расстановка литературных сил к середине 1960-х годов во многом определялась противоборством двух журналов – «Нового мира», который представал как «прогрессивный», «либеральный», «демократический», и, с другой стороны, полемизировавшего с ним по всем, как говорится, вопросам «Октября». Но в 1968 году на литературной сцене с очевидностью выступила своего рода «третья сила» в лице «Молодой гвардии», главным редактором которой был тогда Анатолий Никонов. Собственно говоря, новое направление журнала начало складываться раньше – прежде всего в статьях Михаила Лобанова «Чтобы победило живое» (1965, № 12), «Внутренний и внешний человек» (1966, № 5), «Творческое и мертвое» (1967, № 4), – но стало явным для всех позднее.

В результате на рубеже 1968–1969 годов сложилась совершенно необычная, даже трудно вообразимая тогда ситуация: журналы «Новый мир» и «Октябрь», которые до этого момента были несогласны буквально во всем, вдруг обнаруживают полнейшее единодушие и совместно обрушиваются на «Молодую гвардию». В декабрьском номере «Октября» за 1968 год появляется очень резкая статья заместителя главного редактора журнала П. Строкова²⁶, а затем в «Новом мире» – еще более резкая статья Дементьева, который, кстати сказать, незадолго до того также был заместителем главного редактора (до 1967 года) и продолжал играть самую весомую роль в журнале.

Уже один этот факт должен побудить призадуматься: почему самый «прогрессивный» журнал вдруг оказался в одном строю с самым «реакционным»?

Эта атака сразу с двух «противоположных» сторон была поистине беспрецедентной, и вполне «закономерной», что

главный редактор «Молодой гвардии» Анатолий Никонов был снят со своего поста по личному указанию Брежнева.

Правда, тогдашняя «Молодая гвардия» как бы оставила «наследника» – журнал «Наш современник», главный редактор которого ранее – до августа 1968 года – был заместителем А. Никонова²⁷ (и в июле 1969 года поставил свое имя под «письмом», тщетно пытавшимся защитить «Молодую гвардию»).

И вот здесь мы подходим к чрезвычайно интересному и, конечно, совершенно неожиданному для множества нынешних читателей, но тем не менее бесспорному факту: «Наш современник» с 1970 года стал «наследником» не только «Молодой гвардии», но и... «Нового мира». Чтобы доказать это, я сошлюсь для начала на «свидетеля» со стороны «Нового мира».

Один из ведущих сотрудников этого журнала при Твардовском, Игорь Виноградов, опубликовал в № 1 «Литературной учебы» за 1988 год статью²⁸, в которой он, естественно, очень высоко оценивает «Новый мир» 1960-х годов и, говоря о наиболее значительных явлениях тогдашней литературы, называет главным образом имена писателей, более или менее широко печатавшихся в этом журнале.

И. Виноградов пишет, в частности, о прозе 1960-х годов, которая была проникнута, как он определяет, «взыскательной жадой разобраться и в нашем недавнем прошлом, и в нашем нынешнем (то есть шестидесятых годов. – В. К.) положении, с этим прошлым связанным и теперь его преодолевающим. В. Овечкин, Е. Дорош, П. Ребрин, Л. Иванов, К. Симонов, П. Нилин, Э. Казакевич, Ф. Абрамов, С. Залыгин, Б. Можаяев, Г. Бакланов, Ю. Бондарев, В. Быков, К. Воробьев, Ф. Искандер, А. Битов, В. Дудинцев, В. Семин, Ю. Трифонов, Ю. Давыдов, С. Антонов, Ю. Казаков, Б. Балтер, В. Белов, В. Астафьев, В. Распутин, Ч. Айтматов – все они, каждый по-своему, в меру своих сил и таланта, откликнулись на эту историческую потребность».

Стоит внимательно взглянуть на этот перечень из двадцати семи имен, предложенный «новомирцем» И. Виноградовым. Почти все эти писатели печатались в «Новом мире» Твар-

довского. Некоторые из них ушли из жизни еще в 1960-е годы или, подавленные предсмертными болезнями, уже не работали активно в литературе после 1970 года (В. Овечкин, Е. Дорош, Э. Казакевич, Б. Балтер, П. Нилин). Что же касается остальных двадцати двух писателей, одиннадцать из них – то есть ровно половина – в семидесятых годах стали (как это ни противоречит сегодняшним крикливым «разоблачениям») *ведущими авторами* «Нашего современника»... Да, да, после ухода Твардовского из «Нового мира» именно в «Нашем современнике» публиковали свои основные произведения и Л. Иванов, и Ф. Абрамов, и С. Залыгин, и Ю. Бондарев, и В. Быков, и К. Воробьев, и Ю. Казаков, и В. Белов, и В. Астафьев, и В. Распутин, и даже Ф. Искандер. Из них только самый молодой – В. Распутин не был в 1960-х годах автором «Нового мира».

Нельзя не прибавить к этому, что И. Виноградов назвал, конечно, не всех постоянных авторов «Нового мира». И можно перечислить имена еще целого ряда писателей, поэтов, критиков, публицистов, которые более или менее активно участвовали в работе «Нового мира», а в 1970-е годы стали авторами «Нашего современника»: В. Шукшин, А. Яшин, В. Тендряков, В. Лихоносов, Г. Троепольский, Е. Носов, А. Жигулин, Ю. Черниченко, О. Волков, Ф. Бирюков, И. Дедков, А. Турков, А. Кондратович (который, между прочим, в 1967–1970 годах был заместителем Твардовского) и другие, – чтобы убедиться в этом, достаточно перелистать номера «Нашего современника» за 1970-е годы.

Итак, десятки литераторов – и среди них те, которые принадлежали к основным авторам «Нового мира», – после ухода Твардовского нашли, так сказать, убежище именно в «Нашем современнике», редактор которого подписал то самое «письмо»...

Уже одна эта информация неопровержимо свидетельствует, что события 1969 года, о коих ныне судят сплеча все кому не лень, далеко не так уж ясны и просты.

Конечно, отнюдь не все авторы «Нового мира» оказались после ухода Твардовского в «Нашем современнике»; так,

из названных И. Виноградовым печатались после 1970 года в других журналах К. Симонов, Б. Можаяев, Г. Бакланов (произведения которого, впрочем, Твардовский опубликовал только один раз в 1969 году²⁹; затем его печатал главным образом В. Кожевников в «Знамени»), А. Битов (его, правда, «Новый мир» не печатал вообще), В. Дудинцев, В. Семин, Ю. Трифонов, С. Антонов, Ч. Айтматов, – хотя, как представляется, Можаяев*, Антонов и Семин вполне могли бы стать авторами «Нашего современника».

Стоит еще сказать, что из ведущих авторов «Нового мира» едва ли могли бы оказаться авторами «Нашего современника», допустим, В. Катаев и Ю. Трифонов. Но тут сразу же вспоминается, что сам Ю. Трифонов (см. его мемуары в «Огоньке» № 44 за 1986 год) рассказал о прохладном отношении Твардовского и к его прозе («повесть мою** он, наверное, не считал кардинальной вещью для журнала»), и к прозе Катаева: «Интеллигенция жужжала восторженно о двух повестях Катаева (редактор восторга не разделял)».

А литератор Марк Соболев в своих недавно изданных воспоминаниях рассказал³¹, как в его присутствии И. Эренбург, введенный кем-то в заблуждение, сказал А. Твардовскому:

«– Я очень рад, Александр Трифонович, что вам понравилась моя книга “Люди, годы, жизнь”. Твардовский чуть нахмурился. Потом спросил: – Можно по секрету и честно? Мне она вовсе не нравится».

И здесь мы подошли к чрезвычайно существенной проблеме. Те, кто сейчас бросают обвинения мнимым «губителям» журнала «Новый мир», делают вид, что журнал этот был неким, так сказать, монолитным целым. Дело обстояло далеко не так. В уже цитированных мемуарах Ю. Трифонов,

* Можаяев недавно обрушился на «Наш современник»³⁰ за то, что в журнале не появился в период застоя его роман «Мужики и бабы», но это, мягко говоря, нелепое обвинение, ибо роман этот тогда не мог быть опубликован вообще. С таким же основанием можно обвинить «Новый мир» в том, что он не опубликовал те или иные вещи А. Солженицына или «Доктора Живаго» Б. Пастернака.

** «Обмен».

постоянный автор журнала с 1966 по 1970 год, крайне резко говорит, например, о «почвеннической фанаберии», присутствующей тем или иным сотрудникам и авторам «Нового мира», для которых «ядром является нечто, называемое “почвой”, или, скажем, “родной землей”»... Трифонов, понятно, относит себя к иной, противоположной по своей направленности части сотрудников и авторов журнала. Что же касается самого Твардовского, Трифонов, сообщая, как уже отмечалось, что главный редактор без «восторга» относился к публикуемым в журнале повестям Катаева³², тут же свидетельствует: «На выходе был Белов, какие-то уморительные “байки” или “бухтины”, о которых Александр Трифонович говорил с удовольствием».

Итак, журнал явно не был «монолитным», и поэтому совершившийся после 1970 года переход весьма значительного количества ведущих авторов «Нового мира» – хотя бы таких прозаиков, как Ф. Абрамов, В. Белов, В. Быков, Ю. Бондарев, К. Воробьев, С. Залыгин, В. Лихонос, Е. Носов, В. Тендряков, Г. Троепольский, В. Шукшин, – в «Наш современник» представляет собой вполне естественное явление, а не некий странный парадокс.

Но, конечно, нельзя ограничиться указанием на этот факт, надо попытаться объяснить его. А для такого объяснения придется задуматься о многом.

3

Общепризнано, что «Новый мир» шестидесятых годов был вызван к жизни тем историческим периодом, который сейчас нередко называют «первой» – «неудавшейся» – перестройкой (конец 1950-х – начало 1960-х гг.)³³. Неудачу эту чаще всего истолковывают сегодня как результат мощного сопротивления «консервативных» сил. Убежден, что главная причина не в этом, а в отсутствии подлинной положительной программы действий (и, конечно, самих действий), чему, в свою очередь, способствовало поверхностное или

даже крайне поверхностное понимание всего того, что происходило в стране после 1917 года.

Сейчас есть достаточно много людей, которые в той или иной форме склонны говорить об «ошибочности» самой Октябрьской революции, – например, активисты так называемого «Демократического союза»³⁴, о чьих листовках и митингах не раз сообщали в последнее время московские газеты.

Не вдаваясь в оценку их конкретной позиции (хотя бы потому, что мне известно о ней лишь немного), скажу лишь, что «отрицание» революции – бессмысленная, лишенная всякой серьезности игра словами. И дело тут даже и не в том, «хорошая» или «плохая» была эта революция, но в том, что она *совершилась*.

Ныне, увы, очень популярны попытки осмыслить историю XX века в «альтернативном» плане. Ставится, к примеру, вопрос, что было бы, если бы в 1929 году победила линия Бухарина, а не линия Сталина? И такая постановка вопроса призвана, мол, помочь истинному пониманию эпохи... Или: что было бы, если бы Ленин не умер в 1924 году? Логическое продолжение этих альтернатив – что было бы, если бы не было победы партии Ленина в 1917 году?

Недавно я присутствовал на совещании, где два образованнейших современных историка рассказывали о том, что этого рода «альтернативное» мышление, еще не так давно популярное на Западе, за последние годы не раз высмеивалось в работах ряда видных представителей зарубежной исторической науки. И в самом деле: изучение прошлого с точки зрения возможных «альтернатив» поистине безнадежно затемняет и извращает наше историческое зрение, ибо мы начинаем понимать и оценивать события и явления не в их реальной сущности, но как некую тень от сконструированного нами (ведь в действительной истории этого не было!) «идеала». Более или менее уместно художественное или, вернее, беллетристическое произведение, основанное на таком сопоставлении реальности с воображаемым идеалом,

но совершенно ясно, что оно, это произведение, явит собой вовсе не познание истории, а ее моральную, эстетическую, прагматическую «оценку», ее критику.

На одном из опубликованных обсуждений альтернативы «Сталин – Бухарин» сотрудник Института мирового рабочего движения Л. А. Гордон весьма разумно заключил³⁵: «Был ли этот так называемый “правый”, “бухаринский” вариант возможен в конкретных условиях того времени?... Боюсь, что окончательный ответ тут *невозможен*. Но для понимания сегодняшней ситуации важнее другое: так или иначе выбор был сделан...»

Нет сомнения, что в русле этого самого «альтернативного осмысления» истории «окончательный ответ» вообще невозможен, – о какой бы исторической ситуации мы ни вели речь. С помощью «альтернативы» можно лишь эмоционально «критиковать» то, что реально произошло. А нам необходимо подлинное понимание, а не запоздалые эмоции и проклятья, которые, между прочим, не требуют от тех, кто их произносит, никакого умственного труда и никакой ответственности.

Я отнюдь не хочу сказать, что все сегодняшние статьи сводятся к эмоциональным выкрикам; сошлюсь хотя бы на серьезные историко-публицистические работы Н. Васецкого, О. Лациса, В. Селюнина, А. Ципко³⁶. Однако подавляющее большинство из тех, кто пишет сейчас о прошлом, по сути дела, сводят свою задачу именно к эмоциональной критике прошлого. Между тем такая критика прошлого – и вполне «безопасное» (в сравнении с критикой современности), и, строго говоря, совершенно бесплодное дело. Ибо критиковать следует то, что еще можно *исправить*, а прошлое исправить уже никак нельзя. Его надо не критиковать, а понимать в его подлинных сущности и смысле.

Полагаю, что это относится даже и к художественной литературе в ее высшем значении. Позволю себе напомнить собственную статью³⁷, опубликованную двадцать с лишним лет назад (Вопросы литературы. 1966. № 10): «Искусство,

исчерпывающееся критикой предшествующего исторического периода... живет за чужой счет».

Я решился сослаться на давние свои рассуждения, поскольку они вполне приложимы ко многим сегодняшним кумирам. Трудно даже перечислить авторов, которые сделали по-своему «блистательную» литературную карьеру, занимаясь сначала «отважной» критикой того, что было до 1953 года, затем – времени до 1964-го и – теперь – того, что было до 1985 года. Критикой же современности (которая, в частности, требует немалой отваги) эти авторы никогда не занимались – разве только критикой «пережитков прошлого» в современности.

Разумеется, многие сразу же возразят, что критиковать прошлое – пусть даже чисто «эмоционально» – необходимо, дабы сегодня и завтра не повторились ошибки и преступления прежних периодов, – в особенности эпохи сталинизма. Дело в том, однако, что сама эта «мысль» о возможности повторения сталинизма основывается как раз на предельно поверхностном и даже попросту наивном представлении о сущности сталинизма – представлении, в конечном счете не поднимающемся над уровнем детской сказки о чудовищном злодее, который при помощи кучки негодяев обманом захватил власть и начал творить страшные деяния.

Сталинизм смог восторжествовать потому, что в стране имелись сотни тысяч или даже миллионы абсолютно искренних, абсолютно убежденных в своей правоте «сталинистов». Конечно, как это и всегда бывает, имелось и немало заведомых приспособленцев, карьеристов, дельцов, которые думали только о собственной выгоде и, скажем, участвовали в различного рода репрессивных акциях не потому, что были убеждены в их необходимости и – для искренних сталинистов дело обстояло именно так! – высокой целесообразности (ведь речь шла о созидании совершенного общества!), а ради того, чтобы выслужиться или, в лучшем случае, чтобы обезопасить самих себя, – хотя это нередко и не помогало...

Но будем последовательными и признаем, что приспособленцы возможны *лишь потому и тогда, когда есть к чему приспособляться*. И неизмеримо важнее проблема, так сказать, истинных сталинистов, нежели тех, кто в низменных, корыстных целях «притворялся» идейным сталинистом.

Чтобы, как говорится, не ходить далеко за примерами, решусь утверждать, что искреннейшим сталинистом был, без сомнения, Александр Твардовский...

В марте 1931 года – к тому времени Твардовский уже три года жил отдельно от семьи в Смоленске – его отец Трифон Гордеевич был «раскулачен», и всю семью – отца, мать, четверых братьев и двух сестер – выслали в зауральскую тайгу. Твардовские были сильные и гордые люди. Два старших брата, Константин и Иван, всего через два месяца бежали с места поселения, а еще через месяц ушел оттуда с третьим сыном, Павлом, и отец. Он с великим трудом добрался до Смоленска и решился встретиться с сыном Александром, уже обретшим признание поэтом, у которого было опубликовано около двухсот произведений и вышла в Москве книга «Путь к социализму».

Позднее Твардовский писал об отце³⁸ как о по-своему замечательном человеке и истинном труженике, который «многолетним тяжким трудом» заработал деньги, чтобы купить участок земли, но «скупая и недобрая» земля эта не могла прокормить семью и отец, «замечательный мастер кузнечного дела», снова и снова брался за молоток, арендуя чужой горн и наковальню и работая «исполну». Семье «вообще жилось скудно и трудно». Но таким Твардовский увидит отца через много лет.

А вот донесенный до нас братом поэта, И. Т. Твардовским, рассказ отца о встрече с сыном³⁹ в августе 1931-го:

«Стоим мы с Павлушей, ждем. А на душе беспокойно... Однако ж и по-другому думаю: родной сын! Может, Павлушу приютит. Мальчишка же чем провинился перед ним, родной ему братик? А он, Александр, выходит... Стоит и смотрит на нас молча. А потом не “Здравствуй, отец”, а – “Как вы здесь оказались?!”.

– Шура! Сын мой! – говорю. – Гибель же нам там! Голод, болезни, произвол полный!

– Значит, бежали!.. Помочь могу только в том, чтобы бесплатно доставили вас туда, где были! – так точно и сказал.

Понял я тут, что ни просьбы, ни мольбы ничего уже не изменят...»

Трифон Гордеевич не покорился ни власти, ни сыну, сумел снова уйти от преследователей, вывести из погибельного таежного поселения жену и детей и устроиться на работу кузнецом в Нижнем Тагиле, а затем, в 1933 году, перебраться на запад через Урал, в вятское село Русский Турек. В апреле 1936 года он с семьей переехал в Смоленск.

Сейчас много пишут о Павлике Морозове⁴⁰; но встреча Твардовского с отцом, пожалуй, драматичнее, так как поэту было не четырнадцать лет (как Павлику), а уже двадцать два...

Некоторые из тех, кто в последнее время касался этой темы, пытаются как-нибудь «обелить» Твардовского. Но в этом выражается и непонимание, и в конечном счете *принижение* личности поэта, который вовсе не нуждается в «снисхождении» сегодняшних доброхотов, не имеющих никакого нравственного права его судить (в том числе и «прощать» его, дарить ему моральное «помилование»). Это все та же запоздалая «критика прошлого», которое уже не изменишь.

Прежде всего необходимо сказать, что ради «смягчения вины» Твардовского перетолковывают его стихи и поступки. Так, Юрий Буртин, стремясь доказать, что Твардовский начал тридцатых годов – это «человек, терзаемый жестоким внутренним конфликтом»*, утверждает⁴¹: «Нет, он не забыл ни родителей своих, ни братьев – иначе не написал бы в 33-м году:

Что ж ты, брат?
Как ты, брат?
Где ж ты, брат?
На каком Беломорском канале?»⁴²

* На самом деле этот «конфликт» выявился в его сознании позднее и достиг подлинной остроты лишь в 1960-х годах.

Поэт, понятно, никак не мог вообще «забыть» свою «раскулаченную» семью, но здесь в слово «не забыл» вкладывается, конечно же, иной смысл: речь идет о глубоком сочувствии. Между тем в первой публикации этого самого стихотворения (1937 г.)⁴³ были и такие строки, рассказывающие о встрече с тем самым братом Константином в 1930 году:

За столом он угрюмо рыгал,
Принимая отцовскую позу,
По-отцовски соседей ругал,
По-отцовски ругал колхозы.

Что ему говорил я в ответ, –
Слов моих бесполезных не помню.
Торопясь, уезжал я чуть свет,
Все молчали в избе полутемной.

Здесь же рассказано и о следующей встрече с братом, через шесть лет – в 1936 году, когда тот уже «перевоспитался» и был, так сказать, реабилитирован (позднее он даже стал членом партии):

Мы сидим за столом,
Мы друзья,
Мы друг другу открытые люди.
Все ты видишь и знаешь, что я,
И любовью надежно любишь.

Говорит Ю. Буртин и о том, что Твардовский, будто бы многим рискуя, с большим трудом добился весной 1936 года переезда отца, матери и младших детей из Русского Турека в Смоленск. Однако еще в 1934 году было принято постановление ЦИК «О порядке восстановления в гражданских правах бывших кулаков», которое к 1936 году в значительной мере было реализовано – разумеется, в отношении тех, кто выжил (а погибших в 1930–1933 годах, по всей вероятности, было

гораздо больше...). И переезд семьи в Смоленск (а не в родной хутор – это было бы гораздо сложнее) не представлял особых трудностей.

Словом, к 1936 году изменилась политика в отношении «кулаков», а не сам Твардовский. Он в 1935 году написал, а в 1937 году опубликовал стихотворение «Радость»⁴⁴, которое сегодня, я бы сказал, страшно читать. Речь идет о судьбе женщины, целиком отдавшей жизнь работе ради хозяйства и детей:

...Ты хлопотала по двору чуть свет.
В грязи, в забвенье подрастали дети.
И не гадала ты, была ли, нет
Иная радость и любовь на свете.

Мужа «раскулачили», и вот с ним,

...угрюмым стариком,
Куда везут вас, ты спокойно едешь,
Молчащим и бессмысленным врагом
Подписывавших приговор соседей.
Старик в бараке охал и мычал,
Молился богу от тоски и злобы,
С открытыми глазами по ночам,
Худой и страшный,
Он лежал бок о бок.
И труд был – жизнь, спокойствие твоё.
Работать приходилось не задаром.
Ты собирала сучья и корье*
С глухим терпеньем труженицы старой.

Так трудилась старуха и наконец – впервые в жизни – обрела истинную радость:

И в славный день
Тебе прочли приказ,

* Этим же занималась мать Твардовского на поселении.

Где премию старухе объявили,
Где за полвека жизни в первый раз
За честный труд тебя благодарили.
Ты встала перед множеством людей
С отрезом доброго старушечьего ситца,
И смотришь ты в приветливые лица,
И вспомнила замужество, детей...
Наверно, с ними радостью своей
Теперь и ты могла бы поделиться.

Не правда ли – поистине страшные стихи... Но, по слову самого поэта, «тут ни убавить, ни прибавить, – так это было на земле».

Должно было пройти тридцать лет, прежде чем Твардовский создал – не побоюсь этого слова – гениальное стихотворение о том же:

В краю, куда их вывезли гуртом,
Где ни села вблизи, не то что города,
На севере, тайгою запертом,
Всего там было – холода и голода.

Но непременно вспоминала мать,
Чуть речь зайдет про все про то, что минуло,
Как не хотелось там ей помирать, –
Уж очень было кладбище немилое.

И ей, бывало, виделись во сне
Не столько дом и двор со всеми справками,
А взгорок тот в родимой стороне
С крестами под березами кудрявыми⁴⁵.

...Речь идет не о том, чтобы быть, а лишь о том, чтобы обрести *небытие* по-человечески, как обретали его деды и прадеды... Кончается стихотворение строками о том, что мечта матери так и не сбылась, ибо

...тех берез кудрявых – их давно
На свете нету. Сниться больше нечему.

Не знаю другого стихотворения со столь беспредельно трагедийным смыслом: не только нечем жить *наяву*, но даже и *сниться* нечему... Это не всегда сразу поймешь; двадцать с лишним лет назад на потрясающий финал стихотворения Твардовского раскрыл мне глаза ныне уже покойный поэт Анатолий Передреев.

Но какой невероятный путь прошел Твардовский! В 1929 году он записал в своей сокровенной рабочей тетради⁴⁶ (а не объявил на митинге или в газете): «Я должен поехать на родину, в Загорье, чтобы рассчитаться с ним навсегда. Я борюсь с природой, делая это сознательно, как необходимое дело в плане моего самоусовершенствования. Я должен увидеть Загорье, чтобы охладеть к нему, а не то еще долго мне будут мерещиться и заполнять меня всяческие впечатления детства: березка, желтый песочек, мама и т.д.».

Итак, в 1929 году он был самым искренним образом убежден, что прошлое надо начисто отринуть, оно в самом деле не должно даже «сниться», – видя в этом необходимое условие достижения идеала, «совершенства». И приходится признать, что ему удалось «достигнуть» высшего «идеала», раз уж он смог в 1935 году воспеть как первую настоящую «радость» в судьбе похожей на его мать женщины «вручение» ей отреза ситца перед баракком «спецпереселенцев»...

Конечно, поразительная запись 1929 года не могла появиться сама собой. С двенадцати-тринадцатилетнего возраста будущий поэт прошел обработку сознания, которая и дала этот результат.

4

За три года до Октябрьской революции В. И. Ленин писал⁴⁷: «...нам, великорусским сознательным пролетариям... больше всего видеть и чувствовать, каким насили-

ям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину (выделено мной. – В. К.) царские палачи, дворяне и капиталисты»*.

Здесь точно и ясно определена цель революции: освободить прекрасную родину от власти самодержавия и тех классов, которые благоденствуют за счет эксплуатации народа. Для этого было необходимо и достаточно сломать прежний государственный аппарат и институт частной собственности на основные средства производства (землю, заводы, железные дороги и т.п.). Но то, что делалось в стране начиная с 1920-х годов, *чрезвычайно далеко* вышло за пределы этой цели. Среди людей, оказавшихся в руководстве на всех, как говорится теперь, уровнях, большинство составляли те, кто убежденно полагали: сломать необходимо буквально все основы и формы прежнего бытия страны (которую они, кстати сказать, отнюдь не считали «прекрасной») – от культуры до экономики; более того, ставилась задача – ее, увы, нередко продолжают ставить и поныне – провести кардинальную «переделку» самой *природы* страны (Твардовский, как мы видели, в 1929-м четко формулировал свою цель: «Я борюсь с природой»).

В марте 1921 года в своем знаменитом докладе «О замене разверстки натуральным налогом» Ленин говорил: «Мы... очень много погрешили, идя слишком далеко... нами было сделано много просто ошибочного, и было бы величайшим преступлением здесь не видеть и не понимать того, что мы меры не соблюдали... мы зашли дальше, чем это теоретически и политически необходимо»**. Тут же он призвал: «ничего не ломайте, не спешите, не мудрите наспех»***.

Но факты свидетельствуют, увы, что в высшем руководстве Ленин был едва ли не единственным противником пафоса всеобщей тотальной «ломки». Первый (по времени) председатель Моссовета М. Н. Покровский вспоминал⁴⁸ об указаниях, данных ему Лениным еще в марте 1918 года:

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 107.

** Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 63, 64.

*** Там же. С. 66.

«Первый совет, который я от него услышал, звучал совсем по-староверски, до неприличия, можно сказать, консервативно: ломайте поменьше. Это было в те дни, когда количеством лома некоторые (это явное преуменьшение. – В. К.) горячие товарищи мерили деятельность советского работника. А Ильич говорил: чем меньше наломаешь, тем лучше»*.

Можно бы привести многочисленные ленинские суждения и – это особенно важно – практические распоряжения, ясно доказывающие, что принцип «ломать как можно меньше» был для него основополагающим (о воплощении этого принципа в ленинском отношении к русской культуре я подробно писал в статье «Уроки истории», опубликованной в ноябрьском номере журнала «Москва» за 1986 год). Но в высшем руководстве, повторяю, он был, по-видимому, единственным, кто стремился последовательно отстаивать этот принцип. К тому же уже в 1922 году он оказался в тисках смертельной болезни.

Сейчас постоянно пишут о якобы «умеренной», лишенной «экстремизма», «истинно ленинской» позиции Бухарина⁴⁹. Но это заведомая неправда. В своем главном теоретическом труде «Экономика переходного периода» Бухарин на первой же странице провозглашал:

«Тот, кто представлял себе революцию пролетариата как перемену в верхушках организационных аппаратов (здесь, что вполне очевидно, имеются в виду как раз прежние «аппараты» власти и собственности на средства производства. – В. К.); тот, кто так рисовал себе классический тип революции пролетариата, в ужасе отшатнется от всемирной трагедии, переживаемой человечеством... Он навсегда останется жалким обывателем, интеллект которого так же труслив, как и его “политика”...»

Старое общество... – заявлял Бухарин, – раскалывается, распадается до самых низов, вплоть до самых последних глубин. Никогда еще не было такой грандиозной ломки». И ломка эта, как сообщил тут же Бухарин, может продлиться в течение

* Покровский М. Н. Избр. произв. Кн. 4. М., 1967. С. 9.

ние 50 лет. Пролетариат, писал Бухарин, «строит фундамент будущего общества. И притом строит его... как организованная сила, имеющая план и величайшую волю этот план провести, несмотря на какие бы то ни было препятствия».

Бухарин, как и его единомышленники, отчетливо понимал, конечно, что на такую «ломку», которая доходит «до самых низов, до самых последних глубин», народ в целом никак не может пойти добровольно. Поэтому Бухарин заявлял далее, что в построении будущего общества «элемент принуждения и репрессии играет большую роль, тем большую, чем больше процент не чисто пролетарских элементов* – с одной стороны, и несознательных или полусознательных элементов среди самого пролетариата – с другой... Принуждение, – продолжал Бухарин, – не ограничивается рамками прежде господствовавших классов и близких к ним группировок. Оно... переносится и на самих трудящихся, и на сам правящий класс... Широкие круги рабочего класса носят на себе печать товарно-капиталистического мира. Отсюда совершенно неизбежна *принудительная дисциплина*... Одной из главных принудительных форм нового типа, действующего в сфере самого рабочего класса, является уничтожение так называемой “свободы труда”...»

Речь идет прежде всего, как пишет Бухарин, о возможности перехода с одного предприятия на другое. Бухарин усматривает в таких переходах «остатки неорганизованности, несолидарности, индивидуализма», которые, как он многозначительно утверждает, «проявляются в виде непонимания *общепролетарских* задач... Так как эти задачи необходимо выполнить во что бы то ни стало, то понятно, что... необходимо уничтожение так называемой “свободы труда”... Режим трудовой повинности и государственного распределения рабочих рук... выражает уже сравнительно высокую степень организованности всего аппарата и прочности пролетарской власти вообще».

* Ко времени революции эти «элементы» составляли (чего Бухарин не мог не знать) более 80 процентов населения страны...

В конечном счете – то есть, очевидно, лет через 50, – «утешает» читателей Бухарин, «не будет надобности в резко выраженном милитарном типе управления... Люди будущего будут добровольно делать то, что будут требовать сухие выкладки статистического расчета».

Этот, прямо скажем, мрачноватый общественный «идеал» в духе «социальной кибернетики» не имеет ничего общего с ленинским решением проблемы. Ленин писал, что государство отомрет⁵⁰ тогда, когда «избавленные от капиталистического рабства... люди постепенно п р и в ы к н у т к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях правил общежития»*. То есть основой их бытия явится добровольное осуществление складывавшихся веками и тысячелетиями *нравственных* принципов (которые Бухарин считал необходимым «ломать» вместе со всем остальным наследием прошлого), а не неких «выкладок статистики», которые уместны только для управления роботами.

Но важно отметить, что и осуществление этого своего общественного «идеала» Бухарин откладывает на далекое будущее. Пока же, предупреждает Бухарин, «государственная власть рабочего класса необходимо растет, поскольку растет сопротивление капиталистических групп»^{**}; впоследствии это «открытие» присвоил себе, как известно, Сталин.

Кстати сказать, даже и Сталину не удалось добиться полного уничтожения «свободы труда»; она была целиком отменена лишь для «сынов ГУЛАГа». Я хорошо помню, как в газетах конца 1930-х годов постоянно склонялось гневное словечко «летуны»; речь шла о тех, кто дерзали менять место работы. Но от «летунов» так и не избавились...

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 89.

** Здесь же Бухарин говорит, что лишь тогда, когда станет очевидной «решающая мировая победа пролетариата, кривая роста пролетарской государственности начнет падать вниз... Сперва отомрет армия и флот... потом система карательных и репрессивных органов: далее – принудительный характер труда и проч.».

Своего рода центр тяжести бухаринской «программы» – это «общепролетарские задачи», которые «необходимо выполнить во что бы то ни стало». Никакого определения указанных «задач» не дано (это, понятно, всемирная проблема, для выяснения сути которой нужно особое сложное исследование), но ради их выполнения сам пролетариат – не говоря уже об остальных, составляющих подавляющее большинство слоев народа – должен быть, по мысли Бухарина, превращен в трудармию.

Наслушавшись подобных речей, Горький писал еще в ноябре 1917 года⁵¹, что люди типа Бухарина относятся к России как к «материалу для опыта... жестокого и заранее обреченного на неудачу опыта». Это утверждение звучит достаточно мрачно, но все же Горький, так сказать, преуменьшил объем того, что совершалось. «Опыт» имеет дело только с небольшой *частью* какого-либо наличного «материала» и производится ради того, чтобы выяснить целесообразность предлагаемого «метода обработки» данного «материала» в целом, Бухарин же и его единомышленники стремились подвергнуть «грандиозной ломке», доходящей «до самых последних глубин», сразу целую страну, целый народ. И такие деятели играли господствующую роль, повторяю, на всех уровнях власти.

Ломке или даже прямому уничтожению подлежало буквально все – от складывавшихся десятилетиями и веками форм быта и труда до тысячелетних имен городов и даже самих человеческих имен. Так, в течение двадцатых годов шаг за шагом ломались и ликвидировались формы коллективной производственной деятельности – различные виды кооперации, которая к 1917 году охватывала подавляющее большинство крестьянства (24 миллиона хозяйств), и артели, игравшие еще с давних времен основную роль во всех строительных работах. Ликвидировались, очевидно, потому, что не выполняли «общепролетарских задач».

В этой ломке, что всецело понятно и естественно, ломались и все складывавшиеся веками нравственные основы бы-

тия. Выше приводились бухаринские слова о тех, кто «в ужасе отшатнется от всемирной трагедии», это, мол, «жалкие обыватели» с «трусливым интеллектом».

В XIX веке, как хорошо известно, совершались казни и людей гнали на каторгу или томили в тюрьмах – тех же декабристов и народовольцев. Но, хотя дело шло о судьбе всего десятков и сотен людей, это вызывало тогда именно ужас и в среде интеллигенции, и у большинства народа. Бухарин же клеймит тех, кто испытывает ужас перед казнями и репрессиями, как «жалких обывателей» и трусов.

Разумеется, нынешние поборники своего рода «культа Бухарина» закричат, что он был все же не таким беспощадным, как Сталин или Троцкий, и, кроме того, со временем те или иные его установки претерпели изменения.

Но, во-первых, дело вовсе не в самом Бухарине; его «программу» тотальной «ломки», охарактеризованную выше, разделяли так или иначе и Сталин, и Троцкий, и Зиновьев, и Каменев, и др. Нет сомнения, что лично он был – по крайней мере в тех или иных отношениях – сравнительно «мягким» человеком, но ведь речь идет о политической линии, а не о чертах характера.

Собственно говоря, именно потому, что Бухарин был по характеру «мягче» других, и стоит сосредоточиться именно на его политической программе. У нас сейчас слишком широко распространены – даже, в сущности, господствуют – несостоятельные и предельно наивные попытки объяснять те или иные негативные или просто чудовищные явления дурными личными свойствами оказавшихся у власти людей.

Приведу еще одно рассуждение Бухарина из его трактата «Экономика переходного периода». Оно уже цитировалось на страницах «Нашего современника»⁵², но необходимо указать на один особенный аспект его смысла. Подводя итог своим соображениям о том, как будет осуществляться насильственная «грандиозная ломка» всего бытия народа, Бухарин писал, что «пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является,

как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи.

Это звучит не столько парадоксально, сколько *абсурдно*, ибо предлагается, в частности, из наличного «человеческого материала» вырабатывать «коммунистическое человечество» и «методом»... расстрелов. И, конечно, именно такой абсурдной логикой искренне вдохновлялось большинство из тех, кто отправил позднее на расстрел самого Бухарина или хотя бы приветствовал этот расстрел. Бухарин, в сущности, пожинал то, что и он сам сеял.

Абсурдность «революционного» экстремизма проявляется в данном месте рассуждения Бухарина с предельной очевидностью; но абсурдна и сама идея «ломки до самых последних глубин» всего прежнего народного бытия, ибо истинная задача революции – освободить именно это бытие от сковывающих его пут, создав тем самым для него возможность наиболее полноценного естественного развития.

Бухарин же – конечно, вместе со многими другими – ставит задачу ломки или даже уничтожения всего, что *было*. Но ведь все, что было, – это и есть сама, пользуясь приведенным выше ленинским определением, «наша прекрасная родина». И, между прочим, если бы она не была *прекрасной*, вообще не стоило бы тратить силы и приносить жертвы для ее освобождения, то есть для революции...

«Разгадка» проблемы состоит, надо думать, в том, что Бухарин и его единомышленники отнюдь не находили ничего особенно «прекрасного» в своей родине. Это явствует, в частности, и из уже ставшей ныне широко известной бухаринской статьи о Есенине 1927 года.

Убежденность в том, что «ломке» подлежит все – вплоть до коренных качеств «человеческого материала», – Бухарин, без сомнения, сохранил до конца своих дней. Его вдова А. М. Ларина, вышедшая за него замуж в 1934 году, вспоминает⁵³: «Бухарин был революционером большой страсти и необузданного темперамента. Его революционный потенциал

был огромен и требовал динамики, действия. Николай Иванович был одержим идеей революционного преобразования общества, его гуманизации. Эта цель казалась ему неосуществимой без изменения человеческой натуры...

Здесь необходимо только одно уточнение: «гуманизация» общества всегда понималась как создание условия для выявления складывавшейся веками «натуры», естественной природы человека, а не как инструмент ее кардинального «изменения», «переделки» и т.п. Поэтому в данном контексте слово «гуманизация» совершенно неуместно.

То всецело негативное отношение буквально ко всему, что *было*, к плодам тысячелетней истории родины, которым пронизаны рассуждения Бухарина, внедрилось, увы, в тысячи и миллионы умов, – и внедрилось очень и очень надолго. Даже через сорок лет, то есть уже в 1960-е годы, многочисленные читатели вполне спокойно, без всякого возмущения воспринимали, скажем, опубликованные на страницах «Нового мира» следующие умозаключения И. Эренбурга (речь идет о его мемуарах)⁵⁴, который, кстати сказать, не раз называл себя в это самое время другом и единомышленником Бухарина:

«В двадцатые годы еще доживала свой век старая, крестьянская Расея, – сетовал Эренбург. – Начало тридцатых годов стало переломом (то есть апогеем «грандиозной ломки». – *В. К.*). Строительство Кузнецка я вспоминаю с трепетом и с восхищением». Эренбург написал об этом повесть, которую он, по его словам, и теперь считает «оптимистической» – и не «потому, – разъяснял он, – что в итоге величайших испытаний начинали входить в работу цехи, а потому, что эмбрионы (!) людей постепенно становились настоящими людьми».

Итак, Россию до «великого перелома» заселяли не люди, а всего лишь «эмбрионы людей». И если бы это действительно так и было, то «программа» Бухарина и других, конечно же, была бы целиком и полностью оправданной. Но, надо думать, большинство нынешних – то есть конца 1980-х годов – читателей решительно не согласится с утверждением, что их деды и прадеды – «эмбрионы людей», хотя всего только двадцать

лет назад такого рода «определения» очень мало кого смущали. Именно за последние двадцать лет сознание людей с этой точки зрения очень существенно изменилось. Но об этом у нас еще пойдет речь.

Вернемся в 1920-е годы. Да, у власти оказалось очень много людей, в глазах которых страна была в основном населена или врагами, которых необходимо было уничтожать, или сырым «человеческим материалом», «эмбрионами людей», из которых надо было насильственными методами вырбатывать «настоящих людей», ломая при этом все основы, все устои их жизни.

Правда, была еще одна количественно незначительная «категория» людей прошлого, с которыми приходилось как-то считаться, – великие деятели культуры, перед многими из которых к тому времени уже преклонился весь мир. Их по этой причине невозможно было попросту сбросить со счетов.

Наиболее «приемлемое» для той поры решение вопроса дано в одной из статей Луначарского. Перечисляя великие имена Пушкина и Гоголя, Достоевского и Толстого, он писал⁵⁵ (в 1924 году): «Если... все же они остались великими, то вопреки этой проклятой старой России, и все, что в них есть пошло-го, ложного, недоделанного, слабого, все это дала им она».

Решение это, прямо скажем, сугубо «идеалистическое», ибо оказывается, что все высокое, истинное, совершенное, мощное творцы русской литературы сотворили, так сказать, только из самих себя, а не открыли в художественном освоении реального бытия своей родины. Но чего не сделаешь ради обоснования «программы», согласно которой страна в целом представляет собой только не имеющий ценности «материал»!

И великих творцов литературы и культуры в целом представляли (нередко – а в школьном преподавании даже сплошь и рядом – это делают еще и теперь!) как безоговорочных отрицателей чуть ли не всего, что было в их стране, – подчас даже как прямых врагов своей родины. Те же их страницы, которые нельзя было истолковать, интерпретировать как тотальное от-

рицание родины, рассматривались и рассматриваются донныне в качестве того «пошлого, ложного, недоделанного, слабого», что навязала им эта их проклятая родина.

Сейчас множество авторов занято внушением читателям мысли о том, что 1920-е годы были чудесным временем и только после захвата всей полноты власти Сталиным все пошло «не так». Между прочим, граница «чудесного времени» за последние двадцать лет передвинулась. В 1960-х годах Эренбург писал о Первом съезде писателей⁵⁶, состоявшемся в августе 1934 года (мне уже доводилось цитировать эти многое проясняющие суждения, но имеет смысл еще раз вернуться к ним): «Время было вообще хорошее, и мы все думали, что в 1937 году... у нас будет рай». Сейчас граница «хорошего времени» уже, в общем, отодвинута в 1929 год.

Между прочим, в мае 1934-го, то есть за три месяца до этого самого писательского съезда, был за предельно дерзостную эпиграмму на Сталина арестован и сослан на Урал поэт Осип Мандельштам⁵⁷, о котором Эренбург в тех же мемуарах пишет как о своем близком и бесконечно ценимом друге. И нельзя спорить о том, что у Мандельштама неизмеримо больше оснований правильно судить о тогдашних временах, чем у Эренбурга. Его вдова, Н. Я. Мандельштам, которая, без сомнения, основывалась и на убеждениях погибшего мужа, писала в те же самые 1960-е годы⁵⁸: «Люди, уцелевшие от двадцатых годов, ходят сейчас среди новых поколений и всеми силами стараются им внушить, что тогда был пережит неслыханный расцвет... Остатки Лефа, сотрудники Таирова, Мейерхольда и Вахтангова, студенты и преподаватели ВИФЛИ и Зубовского института, профессора, выпущенные Институтом красной профессуры*, марксисты и отовсюду изгнанные формалисты, все, чье тридцатилетие выпало на двадцатые годы, еще и сейчас призывают вернуться в ту эпоху и снова, уже “не допуская никаких искажений”, пойти открывавшейся им оттуда дорогой. Иначе говоря,

* Перечислены наиболее «престижные» учебные заведения двадцатыхв-тридцатых годов.

они не признавали себя ответственными за то, что произошло после. Но так ли это? Ведь именно люди двадцатых годов разрушили ценности и нашли формулы, без которых не обойтись и сейчас: молодое государство, невиданный опыт, лес рубят – щепки летят... Каждая казнь оправдывалась тем, что строят мир, где больше не будет насилия, и все жертвы хороши ради неслыханного “нового”... Цель стала оправдывать средства... И именно люди двадцатых годов начали аккуратно отделять овец от козлищ, своих от чужих, сторонников “нового” от тех, кто еще не забыл самых примитивных правил общежития».

Последнее суждение особенно важно; здесь же Н. Я. Мандельштам раскрывает, как она говорит, «самое главное»: у всех таких деятелей двадцатых годов «ничего за душой не было. Эту поразительную пустоту лучше всех, пожалуй, выразил Шкловский». В другом месте своих воспоминаний⁵⁹ она говорит об этом «нигилизме» двадцатых годов, не снимая определенной вины даже и с самой себя:

«Мы уничтожили институты, которые создавались веками и скрепляли общность людей... Единственное, в чем наша заслуга, это в опытном доказательстве того, что все наши выдумки и изобретения – мусор и тлен, если угасла память и забыт светоч, “завещанный от предков”. Утрата памяти, честной, не искаженной, равносильна потере реальности».

К этому совершенно справедливому заключению необходимо лишь добавить, что уничтожалась не только духовная память, но и тот реальный строй жизни, который также есть воплощенная в самих формах быта и труда – и потому особенно существенная – память.

К 1931 году уничтожение памяти зашло столь далеко, что Сталин мог, к примеру, объявить на всю страну⁶⁰, что-де «история старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били... Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны...» и т.д. Этот набор слов приняли как некую истину, а писатель В. Катаев сделал его своего рода лейтмотивом свое-

го очень популярного тогда романа «Время, вперед!». Ибо из памяти людей во многом уже были вытравлены и Куликовская битва, и Полтавский бой, и сражения при Измаиле и Наварине, и победа Минина и Пожарского.

Да, большинство людей – в том числе вроде бы даже и образованных – поверили, что история их страны на протяжении веков состояла из одних позорных поражений. Как ни странно, поверили даже и в то, что многие тогда знали не понаслышке, – в то, что будто бы страна потерпела сокрушительный и постыдный военный разгром в 1914–1917 годах. Между тем за эти три года войска противника заняли только часть так называемого Царства Польского и Литвы, но не смогли захватить ни одного клочка собственно русских земель; к тому же на южных участках фронта Россия заняла более значительные по площади части Австро-Венгерской и Турецкой империй. Достаточно сопоставить это с тем, что произошло в 1941 году, дабы понять: ни о каком разгроме не может идти речи...

Но к вопросу об исторической памяти мы еще возвратимся. Прежде чем идти дальше, следует сказать о проблеме, которой я коснулся выше, – проблеме изменения установок Бухарина в течение 1920-х годов. Да, Бухарин в 1928–1929 годах выступил против программы Сталина и других, требующей крайне напряженного ускорения и «ужесточения» индустриализации и коллективизации. Однако изучение бухаринских статей и выступлений 1928–1929 годов ясно показывает, что его протест означал вовсе не принципиальный отход от идеи тотальной «ломки», но обусловленное сложившейся тогда ситуацией изменение *тактики*, способов движения к цели.

В обстоятельной книге историка С. Коэна о Бухарине⁶¹, вышедшей в США в 1973 году и частично изданной теперь в СССР, убедительно показано, что в 1925–1928 годах, когда Бухарин был безусловно ведущей фигурой в руководстве страной, никаких разногласий со Сталиным у него не было. Более того, Бухарин, как пишет Коэн, «выступил поручителем генсека, распространив свою популярность на человека,

которого недолюбливали». И в сущности, только поэтому Сталин к 1929 году сумел обрести то влияние, которое дало ему возможность устранить своего главного соперника от высшей власти. Для этого Сталин крайне *преувеличил* свои программные расхождения с Бухариным и его сторонниками, обвинив их, в частности, в том, что они-де «не понимают механики классовой борьбы». Как известно, Сталин впервые заявил это на заседании Политбюро и Президиума ЦКК⁶², состоявшемся на рубеже января–февраля 1929 года.

Это было, несомненно, совершенно беспочвенное обвинение, ибо всего несколькими днями раньше, 21 января 1929 года, Бухарин сделал доклад «Политическое завещание Ленина», в котором так настаивал на *остроте классовой борьбы*, что даже предъявил упрек самому Ленину (!) в недооценке этой проблемы. Бухарин процитировал известное место из ленинской статьи «О кооперации»:

«...раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т.д. Теперь же центр тяжести меняется от того, что переносится на мирную организационную культурную работу. Я готов сказать, что центр тяжести переносится на культурничество, если бы не международные отношения... Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству»*. Здесь же Ленин пояснял (это важнейшее пояснение Бухарин опустил), что «без классовой борьбы за политическую власть в государстве социализм не может быть осуществлен. Но... раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплуататоров свергнута и раз все средства производства... находятся в руках рабочего класса... центр тяжести... переносится на мирную организационную “культурную” работу».

Итак, Ленин завещал в 1923 году, что *внутри* страны уже, в сущности, нет проблемы *классовой борьбы*. Между тем

* Ленин В. И. Т. 45. С. 376.

Бухарин, процитировав ленинские слова и вроде бы согласившись с ними, заявил далее: «Разумеется, действительный ход жизни, согласно мефистофельскому изречению: “Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни”, в действительности сложнее (то есть сложнее, чем полагал Ленин. — В. К.)... Могут быть периоды обострения классовой борьбы и ее форм... Мы переживаем сейчас один из таких периодов обострения классовой борьбы, когда мы не можем сказать, что наша работа сводится к “культурничеству”...»

Из этого ясно, что у Бухарина в 1929 году вовсе не было решительных разногласий со Сталиным. Кстати сказать, еще в 1924 году Бухарин провозгласил политику «раскрестьянивания»⁶³ (этот термин был, по-видимому, его изобретением), а в своем рассматриваемом здесь докладе 1929 года «Политическое завещание Ленина» утверждал, что «перед рабочим классом теперь стоит задача постоянно *переделять крестьянство*, переделять его “по образу и подобию своему”...»

Словом, реальные разногласия Сталина и Бухарина с его принципиальной идеей «грандиозной ломки» состояли в выборе тактики (прежде всего — экономической) и приемов текущей политики. Бухарин полагал, что «перенапряжение», по его определению (в известной статье «Заметки экономиста», опубликованной в «Правде» 30 сентября 1928 г.), «в конечном счете снизит темп развития» и, более того, вообще может привести «пролетарское государство» к «действительному краху».

Однако, поскольку в ходе реализации сталинской программы выяснилось, что «темп развития», в общем, не снижается и государство не гибнет (гибли только миллионы «кулаков» и «подкулачников»), Бухарин если и не вполне, но все же достаточно искренне изменил свое отношение к делу; он ведь вообще, как определил Ленин, был «в политике дьявольски *неустойчив*»^{64,*}.

И когда, скажем, в 1932 году группировки А. П. Смирнова и М. Н. Рютина выступили против Сталина, в сущно-

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 194.

сти, с тех же самых, «бухаринских» позиций (прямо обвиняя, кстати сказать, Бухарина в «капитуляции» перед Сталиным), он не только не присоединился к ним, но гневно потребовал «суровой расправы» над ними⁶⁵ (см. «Правду» от 14 января 1933 года).

А в феврале 1935 года, сразу после первых приговоров по делу Зиновьева (10 лет лишения свободы) и Каменева (5 лет), Бухарин заявил: «Вся страна сгрудилась вокруг ленинской партии, которую железной рукой ведет замечательный вождь трудящихся, полководец миллионов, чье имя – символ великих пятилеток, исполинских побед и исполинской борьбы – Сталин» (Правда. 1935. 17 февр.).

Сегодняшние горячие поклонники Бухарина⁶⁶ утверждают, что его славословия Сталину были, мол, совершенно не искренними, целиком вынужденными. Они, как ни странно, не понимают, что тем самым в конечном счете превращают Бухарина в беспринципного человека. Но дело даже не в оценке личности; существуют вполне достоверные свидетельства, подтверждающие, что Бухарин в тридцатые годы был – правда, не без сомнений и оговорок – согласен со сталинской линией. Когда Бухарин с женой весной 1936 года приехал в Париж, он встретился там с давним своим знакомым, а также близким сотоварищем своего тестя, Борисом Николаевским – эмигрировавшим после революции меньшевиком (отец жены Бухарина, Ю. Ларин, до 1917 года также был видным меньшевиком). Впоследствии Николаевский воссоздал тогдашнюю исповедь Бухарина в своей вышедшей в США книге «Власть и советская элита» (1965):

«Нам трудно жить, – признался Бухарин. – Но... развитие постоянно идет вперед. Это напоминает поток, бегущий к морю. Потoku приходится пробивать себе дорогу через очень трудные места. Но он движется вперед, в том направлении, в котором должен течь. В нем люди растут, становятся сильнее и строят новое общество» (то есть перестают быть «эмбрионами людей»). Под «очень трудными местами» Бухарин понимал, например, следующее: «Между 1930 и 1932 годами...

мы проводили массовое уничтожение беззащитных людей вместе с их женами и детьми» (там же, с. 18).

Так говорил Бухарин в 1936 году, а через год в своем письме-«завещании» он – едва ли сколько-нибудь кривя душой – написал⁶⁷, что у него «уже седьмой год» (то есть с 1930 года) «нет и тени разногласий с партией» (значит, и с проведенной коллективизацией) и что он «ничего не затевал против Сталина».

Те, кто пытаются уверять сегодня, что Бухарин-де был в тридцатые годы убежденным антисталинистом, волей-неволей превращают его в человека, который шесть с лишним лет беззастенчиво *лгал* во всех своих статьях и выступлениях и даже в своем последнем «тайном» обращении к потомкам... Мне представляется, что у него не было *принципиальных* разногласий со сталинской политикой, ибо она в *своей основе* соответствовала той «программе», которую он сформулировал еще в «Экономике переходного периода».

Положение в стране действительно перестало устраивать Бухарина лишь тогда, когда «репрессии», в которых он видел, как было показано выше, «совершенно неизбежный» и распространяющийся на все без исключения общественные слои «метод» построения нового общества, обрушились на него самого и ближайших его сподвижников (между тем репрессии, скажем, против Зиновьева и Каменева не вызвали у него возражения).

Между прочим, когда Бухарин публично утверждал, что Сталин – это «символ великих пятилеток, исполинских побед и исполинской борьбы», он вообще нисколько не кривил душой. В книге одного из лидеров меньшевизма Рафаила Абрамовича «Советская революция», изданной в 1962 году в Лондоне, приводятся слова Бухарина, сказанные им в 1935 году с глазу на глаз человеку, который полностью разуверился в Сталине и возмущался тем, что Бухарин продолжает в него верить. «Возбужденным тоном» Бухарин возразил: «Мы доверяем не ему, а человеку, которому доверилась партия. Так уж случилось, что он стал как бы символом партии...» (с. 416 указанной книги).

Главное было в том, что и в 1930-х годах «поток», несмотря на все «трудные места», двигался, как был убежден Бухарин, «в том направлении, в котором должен течь».

И в самом деле: то «направление» тотальной «грандиозной ломки», которое было обрисовано в бухаринской «Экономике переходного периода», выдерживалось (несмотря на те или иные, пусть и крайне прискорбные для множества сторонников Бухарина «трудные места») и в 1930-х годах, и позднее.

Еще один очень показательный факт: Бухарин высоко ценил творчество Осипа Мандельштама, всячески поддерживал поэта, стремился облегчить его участь. Но – только до того момента, когда бывший с ним в дружеских отношениях председатель ОГПУ Ягода в доверительной беседе (это было еще в 1934 году) прочитал ему злую эпиграмму Мандельштама на Сталина. Услышав эти стихи, Бухарин наотрез отказался даже разговаривать с явившейся к нему на прием женой арестованного поэта. Нередко это объясняют страхом. Но Бухарина едва ли можно считать безнадежно трусливым человеком; ведь решился же он в 1928–1929 годах открыто выступить против Сталина и большинства ЦК. Гораздо правдоподобней другое: Бухарин вполне искренне возмутился стихами, в которых была дана уничтожающая характеристика тому, кого он считал «символом партии». И вполне закономерно, что в следующем, 1935 году Бухарин «заказал» Б. Пастернаку стихи о Сталине. «Бухарину, – писал позднее Пастернак, – хотелось, чтобы такая вещь была написана, стихотворение было радостью для него»⁶⁸. Стихи были опубликованы в новогоднем (1936 года) номере «Известий»⁶⁹, которые редактировал Бухарин. Это было, между прочим, самое первое по времени «одическое» стихотворение о Сталине в русской поэзии⁷⁰.

Обо всем этом говорится здесь отнюдь не для того, чтобы «раскритиковать» Бухарина; я не раз уже подчеркивал, что нам необходима не *критика* прошлого, а его *понимание*. Бухарин, как и подавляющее большинство окружающих его

людей, был убежден, что «общепролетарские задачи» необходимо выполнить «во что бы то ни стало», и страна, в которой они выполнялись, являлась в его глазах только «материалом». Разногласия его со Сталиным были, в сущности, «тактическими», а не принципиальными.

В одном из сегодняшних сочинений о Бухарине⁷¹ (В. Амлинский в «Юности», № 3 за 1988 год) он, так сказать, категорически противопоставлен Сталину с точки зрения отношения к интеллигенции. Сталинская нетерпимость, говорится здесь, «к ученым со своим мнением, с ощущением неколебимого профессионализма и нравственной силы, не гнувшейся ни под каким *давлением* (выделено мной. – В. К.) и напором, оказались губительными для таких людей, как Чаянов, Флоренский. Бухарин был интеллигентом, в этом было его несчастье». Читатель из этого рассуждения не может не сделать вывод, что Бухарин являл собой деятеля, который не мог «давить» таких людей, как Чаянов или Флоренский.

Между тем Бухарин не раз и вполне недвусмысленно сформулировал свое отношение к оставшимся от «старого мира интеллигентам». Он считал, что эти, как он определял, «людские элементы»⁷² надо использовать в «новой системе» – «в первую голову техническую интеллигенцию». Но, предупреждал Бухарин, «применить эти силы невозможно без принудительного *давления*» (выделено мной. – В. К.). Ибо они, эти силы, «воспринимают план общественной целесообразности как грубейшее нарушение прав «свободной личности». Внешнее государственное принуждение (на следующей странице Бухарин комментирует: «принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью») является здесь поэтому *абсолютно необходимым*» (выделено Бухариным. – В. К.).

В 1924 году Бухарин в издевательском тоне писал⁷³, что «у нас “ученый батюшка” Флоренский пытался доказать бытие божие при помощи математических формул и астрономических вычислений». И этот «приговор», конечно же, подготавливал арест Флоренского.

В своем сочинении о Бухарине Амлинский призывает: «Надо знать о том, что было, ничего не упрощая, не спрямляя». Будем же следовать этому призыву и вспомним, что в 1923 году была создана основа ГУЛАГа – Соловецкий лагерь, что в июле 1928 года, когда Бухарин находился еще на самой вершине власти, были бессмысленно расстреляны или отправлены в лагеря около пятидесяти виднейших инженеров Донбасса («Шахтинское дело»)⁷⁴, а в 1930 и 1933 годах, когда Бухарин еще являлся членом ЦК, были осуждены на гибель Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов, П. А. Флоренский⁷⁵. «Вина» их состояла только лишь в том, что они были против тотальной «ломки» народного бытия. И совершенно несостоятельны сегодняшние попытки «сблизить» с ними такого деятеля, как Бухарин.

Важно сказать о том, что бухаринское отношение к старой интеллигенции, к так называемым «спецам», «принудительное давление» на коих со стороны пролетарского государства он считал «абсолютно необходимым», опять-таки кардинально расходилось с той принципиальной постановкой вопроса, которую выдвигал Ленин.

«Если все наши руководящие учреждения... – писал Ленин⁷⁶, – не достигнут того, чтобы мы как зеницу ока берегли всякого спеца... хотя бы и *совершенно чуждого коммунизму идейно*, то ни о каких серьезных успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи. Мы... во что бы то ни стало должны осуществить то, чтобы спецам... *жилося при социализме лучше, чем при капитализме*, в отношении и материальном и правовом... и в отношении идейном, т.е. в отношении удовлетворения своей работой и сознания ее общественной пользы»*.

Чтобы ясно увидеть, насколько Бухарин в этом плане был несовместим с Лениным, достаточно познакомиться с его пространным памфлетом на одного из крупнейших ученых человечества И. П. Павлова, опубликованном в 1924 году. Ве-

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 350–351. (Выделено мной. – В. К.).

ликий ученый выразил свою глубокую озабоченность⁷⁷ по поводу «программы» Бухарина, в которой тот (об этом уже шла речь) предлагал пятидесятилетнюю «грандиозную ломку».

«Что это за выход? – вопрошал Павлов. – Я не понимаю, что это за выход – 50 лет всенародной войны при этих истребительных средствах». Единомышленники Бухарина, продолжал Павлов, «соблазняются до известной степени легкостью русской революции, но я думаю, что соблазняться ею разумных оснований нет». Если бы бухаринская программа осуществилась, заключает Павлов, «резня... произошла бы такая, которая неизмеримо превзошла ту, которая была...».

Бухарин, третируя Павлова, как человека, который в отличие от него самого ничего, мол, не смыслит в «общественной науке» и постоянно «впадает в наивность», беспощадно громил все эти его размышления.

5

Можно бы гораздо шире охарактеризовать истинные позиции Бухарина, но для этого просто нет места. Однако нельзя не сказать еще и о том, что многие нынешние авторы совершенно безосновательно представляют Бухарина неким «заступником» русского крестьянства. Как уже говорилось, Бухарин выступил против установки на ускоренную коллективизацию потому, что считал ее неверной с точки зрения экономической тактики. Это отношение к делу, между прочим, даже не было результатом только его собственных размышлений. Его убеждали в опасности или даже гибельности резкого ускорения индустриализации и коллективизации близкие ему экономисты и историки: Л. Ю. Айхенвальд, В. Н. Астров, Э. А. Гольденберг, Д. П. Марецкий, П. Г. Петровский, Д. П. Розит, А. Н. Слепков, Я. Э. Стэн, М. И. Фрумкин, Е. Г. Цейтлин и др. (большинство из них – выпускники Института красной профессуры, основанного Бухариным). Следует сказать, что почти все они, как и Бухарин, уже в 1929–1930 годах пересмотрели свои позиции и, в сущности, приняли сталинскую линию.

Бухарина, повторяю, волновали вовсе не судьбы ста с лишним миллионов крестьян, а темпы дальнейшего развития и прочность экономики и, понятно, самой власти. Сталин и его сторонники считали, что для укрепления или даже спасения экономики и власти требовался резкий «скачок», а бухаринцы считали такой скачок рискованным или даже чреватым катастрофой для пролетарского государства.

Что же касается отношения к крестьянству как таковому, Бухарин достаточно ясно высказал его в своей статье 1927 года о Есенине⁷⁸ – статье, основной смысл которой он, кстати сказать, кратко повторил в своем докладе на Первом съезде писателей в 1934 году. После статьи Бухарина началась широчайшая травля писателей «крестьянского» направления.

Кроме того, статья Бухарина о Есенине открывала, так сказать, новый, совершенно неведомый ранее «этап» в истории литературы вообще. В 1926 году Горький писал о Есенине⁷⁹: «Мы потеряли великого русского поэта»; Алексей Толстой называл его тогда же «величайшим поэтом»; Леонид Леонов говорил о «великой песенной силе» Есенина⁸⁰.

Бухарин не мог не знать этих достаточно авторитетных оценок и тем не менее позволил себе сказать на страницах редактируемой им «Правды», что поэзия Есенина – «это отвратительная, напудренная и нагло раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными словами и от того еще более гнусная» и т.д. и т.п. (долгий поток отборной брани даже неприятно цитировать) и что в ней дано «обожествление самых отсталых форм жизни» – то есть крестьянской жизни.

Это, насколько мне известно, был *первый* такой случай в истории, когда один из высших руководителей страны (в 1927 году положение Бухарина в иерархии власти если и не превосходило положение Сталина, то и не уступало ему) позволил себе публично высказаться в подобном тоне о поэте, который уже был назван великим поэтом своего народа. И когда теперь читаешь гневные статьи о появившемся через два десятилетия будто бы «беспримерном» докладе Ждано-

ва⁸¹, становится смешно. Ведь этот разгромный доклад, право же, много «деликатнее», чем статья Бухарина.

Через семь лет, в 1934 году, как бы торжествуя победу над Есениным, Бухарин почти в том же тоне говорил о нем на съезде писателей⁸², подчеркивая, что есенинское «поэтическое нутро было наполнено ядом отчаяния перед новыми фазами великого переворота», – то есть прежде всего коллективизацией. «Развенчивая» есенинское символическое противопоставление «голубя» и «ворона» (из его «Ключей Марии»), Бухарин радовался: «Этот “голубь” запутался в сетях своих безысходных душевных коллизий. “Ворон” же превратился в могучего орла и зорко смотрит со своей всемирно-исторической вышки». К этому времени «ворон» уже распорядился судьбой Чаянова, Флоренского, Клюева, Мандельштама...

Я уже не раз говорил, что расширение гласности (это, впрочем, неизбежно и естественно) ведет и к увеличению полуправды и прямой лжи. Ну как, в самом деле, понимать тех нынешних апологетов Бухарина, которые объявляют его неким «заступником крестьянства»?! Ведь 19 февраля 1930 года Бухарин опубликовал в «Правде» пространную статью «Великая реконструкция» (о текущем периоде пролетарской революции в нашей стране)». Здесь он заявлял, что мы, мол, после нэпа «переживаем *другой крутой перелом*, с большой перегруппировкой классовых сил, с чрезвычайным обострением классовой борьбы... Обострение классовой борьбы идет по широкому фронту... экономика, политика, наука, искусство... повсюду острые вопросы стали ребром... Но наиболее отчаянная борьба идет в деревне. Здесь быстро и победоносно развивается *антикулацкая революция*». И поскольку «кулак оказывает бешеное сопротивление, то с ним нужно разговаривать языком свинца».

Так заявлял на всю страну Бухарин, и нужно прямо сказать, что даже в выступлениях Сталина слов «язык свинца» найти нельзя. Опомнитесь же, певцы Бухарина!

Но хватит о Бухарине (речь, впрочем, шла не столько о нем, сколько о характере эпохи). Правда, нельзя не сказать

еще, что вопрос о крестьянстве, «заступником» которого будто бы был Бухарин, толкуется сегодня еще и в совсем ином – прямо-таки поразительном – духе. Многие авторы – и среди них (и это особенно примечательно) те, которые превозносят Бухарина, – утверждают, что будто бы главной силой, приведшей Сталина к власти, явилось именно «темное», «патриархальное» крестьянство⁸³, привыкшее, мол, к деспотическому правлению и не мыслящее себе иного порядка.

Получается чрезвычайно прискорбная картина: за крестьянство «заступался» Бухарин, а оно, безобразно неблагодарное, выбрало Сталина... На деле перед нами, конечно, совершенно обосновательная концепция. Разумеется, и из среды крестьян вышла масса сталинистов. Но прежде чем стать таковым, крестьянин должен был пройти мощнейшую обработку сознания, в результате которой он неизбежно *отрекался* от всего, чем жили (и реально, практически, и духовно) его отец и дед, – как это и сделал Александр Твардовский. И вспомним, что он оказался по одну сторону «баррикады», а отец, мать и шестеро остальных их детей – по другую. И это соотношение «один к восьми», или, для круглого счета, «один к десяти» можно, пожалуй, принять за некую приблизительную пропорцию сторонников и противников сталинизма в *крестьянстве* – по крайней мере для тридцатых годов.

При этом очень важно подчеркнуть, что на стороне Сталина оказывались вовсе не так называемые «темные», а, напротив, «просвещенные» крестьяне. Что же касается еще более «просвещенной» интеллигенции, можно смело сказать: соотношение здесь было обратным – разве только один из десяти «новых» интеллигентов не оказался к началу 1930-х годов сталинистом. И этот один из десяти чаще всего не делался сталинистом именно потому, что не отделял себя от судьбы крестьянства. И таких людей в тридцатые годы ожидала, как правило, неотвратимая гибель.

Чтобы убедиться в этом, обратимся к тогдашней судьбе литераторов, писателей. То, что произошло в 1930-х годах, пока

еще почти не изучено⁸⁴. И многих читателей, по всей вероятности, удивит тот факт, что очень значительная часть репрессированных и погибших литераторов – это рапповцы (включая такие «подгруппы» РАПП, как «напостовцы» или «литфронтотцы»), вошедшие в наше сознание в качестве гонителей и душителей литературы: Л. Авербах, В. Киршон, И. Гроссман-Рощин, Г. Горбачев, Г. Лелевич, А. Селивановский, И. Вардин, Д. Мазнин, И. Беспалов, С. Динамов, А. Тарасов-Родионов и т.д. (список этот можно намного увеличить).

Но нельзя не сказать, что они были репрессированы не столько как литераторы в собственном смысле слова, сколько как идеологические или даже непосредственно политические деятели. Что же касается настоящих писателей, входивших в РАПП, они, за редким исключением, выжили (М. Шолохов, А. Фадеев, А. Серафимович, Ф. Панферов, Н. Погодин и другие).

Но перейдем к наиболее заметным собственно литературным группировкам, сохранившимся до 1930-х годов. Это 1. Акмеисты (А. Ахматова, О. Мандельштам, М. Кузмин, С. Городецкий, М. Зенкевич, Б. Садовский, М. Лозинский)*⁸⁵; 2. «Серапионовы братья» (К. Федин, Н. Тихонов, М. Зощенко, В. Каверин, Вс. Иванов, Н. Никитин, М. Слонимский, И. Груздев, Е. Полонская); 3 «ЛЕФ», в который влились футуристы (Б. Пастернак, Н. Асеев, О. Брик, В. Шкловский, В. Каменский, А. Крученых, С. Кирсанов, Л. Кассиль, В. Перцов, С. Третьяков)**; 4. Конструктивисты (И. Сельвинский, В. Луговской, В. Инбер, Н. Ушаков, К. Зелинский, Б. Агапов, Е. Габрилович, Н. Адуев, Д. Туманный, А. Квятковский); 5. Имажинисты (А. Мариенгоф, В. Шершеневич, Р. Ивнев, И. Грузинов, М. Ройзман; Есенин фактически ушел из этой группы еще в 1921 году⁸⁶); 6. Так называемая «Южнорус-

* Еще один акмеист, В. Нарбут, в начале двадцатых годов отошел от литературы (последняя его книга вышла в 1922 году), стал крупным идеологическим работником и был репрессирован не как писатель.

** Лефовец Н. Чужак был видным партработником (член РСДРП с 1904 года) и погиб не как писатель.

ская школа» (Э. Багрицкий, И. Бабель, В. Катаев, Ю. Олеша, И. Ильф, Е. Петров, С. Гехт, Л. Славин, К. Паустовский).

Все эти группировки, конечно, подвергались критике, подчас очень резкой. Но из всех их перечисленных представителей были репрессированы только трое – О. Мандельштам, С. Третьяков и И. Бабель.

Следует отметить, что, как верно писал в своих мемуарах Эренбург, Бабель и Третьяков были «неповинные люди», они отнюдь не выступали против тотальной «ломки», и Берия, по определению Эренбурга, открыл «огонь по своим»⁸⁷; это были, так сказать, издержки цепной реакции террора. В последнее время, правда, не раз цитировали высказывание Бабеля на Первом съезде писателей (в 1934 году): «Невыносимо громко говорят у нас о любви» – и утверждали, что Сталин-де принял эти слова на свой счет и потому через пять лет велел арестовать Бабеля. Однако в этом самом выступлении Бабель, превзойдя всех своих коллег, заявил, что у Сталина писателям надо учиться не только пониманию эпохи, но и работе над словом! «Причину» ареста писателя гораздо убедительнее раскрыл тот же Эренбург⁸⁸, рассказав, что Бабель «знал жену Ежова... ходил к ней в гости (в 1937–1938 годах. – В. К.), знал, что это опасно, но ему хотелось, как он говорил, “разгадать загадку”...»

Итак, из пятидесяти с лишним представителей известнейших литературных группировок погибло трое. Совершенно по-иному обстояло дело с группой «крестьянских» писателей, так или иначе связанных с Есениным. Это Н. Клюев, С. Клычков, П. Орешин, И. Касаткин, И. Приблудный, П. Васильев, В. Наседкин, Пимен Карпов. Они погибли в тридцатые годы *все*, кроме одного Карпова⁸⁹, который, правда, не печатался с 1933-го по 1956 год. И они в самом деле, реально, были «виновны» перед сталинизмом (как и О. Мандельштам).

И еще один пример – группа «Перевал». Собственно говоря, было как бы два разных «Перевала». В начале возникла группа, куда вошли Э. Багрицкий, М. Светлов, М. Голодный, А. Ясный, Н. Огнев, А. Лежнев, Д. Горбов, П. Павленко, А. Ка-

раваева, М. Рудерман, Д. Алтаузен, Д. Кедрин, А. Малышкин, Г. Мунблит и др.*. Но многие из них рано покинули группу, и позднее на первый план в ней выдвинулись такие прозаики, как А. Костерин, И. Катаев, П. Слетов, Н. Зарудин, Р. Акульшин⁹⁰, В. Губер, В. Правдухин, Н. Смирнов, которые были в целом ряде отношений близки к «крестьянским» писателям; более того, к «Перевалу» примкнули названные выше «крестьяне» И. Касаткин и В. Наседкин. Об этом крыле «Перевала» в вышедшей еще в 1928 году книжке В. Саянова «Современные литературные группировки» говорилось: «В “Перевале” свила гнездо та струя “неославянофильства”, которая в свое время (точнее – за год до того. – В. К.) была осмеяна в статье Н. Бухарина “Злые заметки”...»

В тридцатые годы были репрессированы и И. Катаев, и П. Слетов, и Н. Зарудин, и В. Губер, и Р. Акульшин, и А. Костерин, и В. Правдухин, и Н. Смирнов, и – как уже говорилось – И. Касаткин и В. Наседкин. Между тем из остальных – непричастных к «неославянофильству» – членов «Перевала» был репрессирован только один А. Лежнев**.

Судьбы писателей есенинского круга и окрещенного «неославянофильским» крыла «Перевала» в их соотношении с судьбами представителей других известнейших группировок ясно показывают, какие явления литературы оказались действительно неприемлемыми для сталинизма. Уместно назвать здесь еще имена репрессированных Бориса Пильняка и Артема Веселого (состоявшего – хоть и недолго – в «Перевале»), которые слыли «русофилами», а также создателя «кулацкой» поэмы «Торжество земледелия» Николая Заболоцкого.

Итак, если говорить о более или менее известных писателях (а не об участвовавших в литературной жизни идеологических работниках), мы сталкиваемся с очевидным и резким

* Среди «перевальцев» нередко называют имя М. Пришвина, но он не раз говорил, что его зачислили в группу без его ведома, и не был ни на одном ее собрании.

** Погиб также связанный с «Перевалом» А. Воронский, но он был не только литератором, но и крупным политическим деятелем, и, конечно, это решило его судьбу.

контрастом: среди участников подавляющего большинства литературных групп погибают единицы, а «крестьянские» писатели и представители «неославянофильской струи» в «Переvale» погибают почти без исключений...

В свете этого особенно нелепо выглядит столь популярное ныне «связывание» прихода к власти Сталина с «патриархальным» крестьянством, духовные ценности которого как раз и выражали беспощадно уничтожаемые в тридцатые годы писатели. Отмечу, что богатство и глубина тех ценностей, которые воплощались в самом бытии «непросвещенного» крестьянства, превосходно показаны в недавней работе Ксении Мяло «“Оборванная нить”». Крестьянская культура и культурная революция» (Новый мир. 1988. № 8).

Что же произошло в литературе? Те, кто пытаются связать сталинизм с крестьянством, оказываются перед необходимостью «выбора»: либо пересмотреть свою «позицию», либо признать, что судьбой писателей распорядился не Сталин. Кстати, когда говоришь, что суть дела отнюдь не в личности Сталина как таковой или по крайней мере вовсе не в одном Сталине, в ответ начинают истошно кричать: он-де «реабилитирует» Сталина или – еще хуже – считает сталинизм неизбежным порождением социализма!

Это, конечно, не так. В частности, я не могу согласиться даже с Федором Бурлацким, который писал не так давно, что есть, мол, два «представления о социализме», и «в освободительном движении с момента его зарождения боролись две тенденции... Маркс – на одной стороне, Бакунин – на другой».

Начать с того, что, по убеждению Бакунина⁹¹, государство и принуждение вообще должно начисто исчезнуть на другой же день после социалистической революции. Как же можно видеть в нем предшественника сталинизма?! И вообще в отечественной традиции (не считая мелких уродливых отклонений) социализм никогда не мыслился без утверждения новой, решительно превосходящей буржуазную, демократии, которая создаст равные возможности для всех, а не только для тех, кто обладает достаточно значительной собственностью.

Далее, те явления, которые связываются с понятием «сталинизм», развивались гораздо раньше, чем были «построены» (даже если иметь в виду чисто «официальное» признание этого построения) основы социалистической экономики.

Сталинизм – это порождение перешедшей все границы «ломки» народного и человеческого бытия. Выше уже приводились суждения Ленина по этому поводу. Но вот еще его исключительно существенное высказывание⁹², относящееся к ноябрю 1921 года. Ленин писал:

«Для настоящего революционера самой большой опасностью, – может быть, даже единственной опасностью (это очень важно: самой большой, а может быть, даже вообще *единственной*. – В. К.) является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры погибнут (в смысле не *внешнего* поражения, а *внутреннего* провала их дела) лишь в том случае, – но погибнут наверняка в том случае, – если потеряют трезвость и вздумают, будто “великая, победоносная, мировая” революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному»*.

Ленин, надо думать, имел в виду, в частности, уроки Великой французской революции, также далеко вышедшей за «границы» и приведшей именно к «внутреннему провалу»: ее герои последовательно уничтожили друг друга и привели к власти Наполеона.

Именно этой (притом в гораздо более глубоком и многостороннем «варианте», чем во Франции) самой большой или даже единственной опасности не избежала и наша страна; «ломка» сделалась тотальной – от народного быта до вершин культуры и науки, от экономики до нравственности.

Но тот же Федор Бурлацкий вполне справедливо напомнил на страницах «Аргументов и фактов» (1988, № 17): «Это было не только в нашей стране. Это повторилось в Китае. Мао Цзэдун шел собственным путем (но пришел, в сущности, к

* Ленин В. И. Указ соч. Т. 44. С. 223. (Курсив мой. – В. К.).

тому же. – В. К.). Я не хочу называть другие социалистические страны, где повторились и репрессии, и явления культа личности, и еще многое из того, что было у нас в стране, не говоря уж о так называемом “коммунизме” Пол Пота в Кампучии).

Кстати сказать, у нас нередко совершенно неверно представляют себе события в Кампучии, списывая их опять-таки на «темное» тамошнее крестьянство. Между тем у нас издано немало книг*, проясняющих реальную суть совершившегося.

Пол Пот действительно родился в крестьянской семье⁹³ (в 1925 году), но его старшие сестры-красавицы стали наложницами кампучийского короля Монивонга. Одна из них взяла шестилетнего Пол Пота на воспитание, а позднее хлопотала ему крупную государственную стипендию для учебы в Париже. Он отправился туда вместе с выходцами из более богатых семей Иенг Сари и Кхиеу Самфаном, ставшим позднее главным «теоретиком». Одним из основных наставников этих, как их называли, «молодых интеллектуалов» был Сартр, уже начавший проповедовать идею «культурной революции», то есть уничтожения культуры как «чисто буржуазного» явления. Большую роль сыграли в их формировании и французские троцкисты.

В своей написанной в Париже диссертации Самфан разработал теорию «идеального» общества⁹⁴, в которое войдет только относительно небольшая часть населения, а остальные на время его «строительства» должны будут превратиться, по «научному» определению Самфана, в «абстрактные существа».

Вернувшись в середине 1960-х годов в Кампучию, эти «интеллектуалы» в начале шестидесятых создали подчиненную строжайшей дисциплине тайную организацию Ангка. Основу ее – как и созданной позднее армии «красных кхмеров» – образовали подростки начиная с 13–14 лет: в Ангку вообще принимали молодежь не старше 24 лет. «Незараженные

* См., напр.: История Кампучии. М., 1981; Л е в и н А. Направление экспансии – юг. М., 1979; В и н о г р а д о в Б. Башни Ангкора. М., 1985; К о с и к о в И. Г. Кампучия. М., 1982; Кампучия: жизнь после смерти. М., 1985; Б е к т и м и р о в а Н. Н. Буддийская сангха в независимой Кампучии. М., 1981.

буржуазными идеями подростки, – писал Пол Пот, – впитавшие в себя ненависть к угнетателям, – лучший материал для партии истинных революционеров». Это была как бы организация, состоящая почти из одних Павликов Морозовых⁹⁵...

В 1975 году Ангка пришла к власти и всего лишь за три года восемь месяцев уничтожила треть населения страны⁹⁶ (в частности, 70–75 (!) процентов всех *взрослых мужчин*...) и разрушила почти до основания и культуру, и цивилизацию Кампучии (в том числе и все устои крестьянского бытия).

Это образчик революции, перешедшей все мыслимые пределы. Кстати сказать, Троцкий в свое время решительно настаивал на том, чтобы делать ставку прежде всего на «молодежь», не зараженную «предрассудками» прошлого. К счастью, он не сумел целиком провести свою программу. Но у нас до самого последнего времени продолжали восхищаться тем, что во главе воинских частей, партийных организаций и даже целых районов и городов ставили нередко 15–17-летних подростков. Так, биограф Аркадия Гайдара Б. Камов с восторгом сообщал⁹⁷, что его герой «с 14 лет находился на командных должностях... занимал ответственные посты». К 18 годам в его подчинении был уже отдельный полк – 1200 человек. Большая группа офицеров и солдат противника добровольно сдалась Гайдару (он, понятно, был еще тогда Голиковым), но когда назрел бой с другой группой врага, юный командир приказал на всякий случай уничтожить всех пленных. И Камов не без возмущения рассказывает, что Гайдара за это «исключили» из Красной Армии: «На два года: “За жестокое обращение с пленными”».

Раньше просил – не отпускали. А тут вдруг: – Хотел учиться?.. Езжай учись... В Москве, в Академии генерального штаба, приняли документы.

Товарищи перед отъездом советовали: будешь в Москве – обжалуй. Приехав в Москву, он жаловаться не стал. Все-таки хоть и без вины, а виноват».

Это напечатано в 1966 году, но в основе авторских «оценок» лежит мировосприятие, которое, если угодно, и

представляет собой истинную основу сталинизма. Ведь поклонение «вождю», к которому нередко по наивности сводят сталинизм, это только одна и, по сути дела, *вторичная* черта явления. «Вождь» нужен как зримое, осязаемое воплощение *непогрешимости* всего того жестокого и чудовищного, что делается в ходе «ломки». В Кампучии, кстати сказать, не было особо мощного культа самого Пол Пота – он, по видимому, не успел сложиться; объектом поклонения и ужаса была Ангка в целом.

Возвращусь еще раз к чрезвычайно важной мысли Ленина о «самой большой» или даже «единственной» опасности, угрожающей революционерам «внутренним провалом». Конечно же, Ленин не случайно заговорил об этом в самом конце 1921 года, когда уже закончилась Гражданская война и надо было целиком переходить к *созидательной* деятельности, в которой собственно «революционные» методы были уже полностью неприменимы. Однако в руководстве, по сути дела, не имелось людей, которые склонны были считаться с «самой большой опасностью» или даже вообще ее видеть. Не так давно на страницах «Аргументов и фактов» Н. А. Васецкий совершенно верно писал⁹⁸, что в ленинском «завещании» ныне замечают только приговор Сталину, между тем как Ленин говорит о неспособности всех называемых им «вождей» (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Пятаков) возглавить созидательную работу.

Здесь мы легко можем впасть в то «альтернативное» мышление, о котором шла речь выше. В уже цитированной мною статье Федор Бурлацкий писал: «Зададимся простейшим вопросом: проживи Ленин еще 10–20 лет – разве страна прошла бы через те жестокие испытания, которые выпали на ее долю?.. Да никогда в жизни!»

Позволю себе в этом – столь непререкаемом для многих – утверждении усомниться. Хорошо известно, что Ленину начиная с эпохи Брестского мира, многократно приходилось бороться с ярыми апологетами «сверхреволюционности» и тотальной «ломки». Благодаря безусловному превосходству

разума и знаний и исключительно сильной воле Ленину удалось одерживать победу. Но как только произошло серьезное ухудшение его здоровья (25–27 мая 1922 года), борьба явно стала слишком неравной.

В последнее время были опубликованы сведения⁹⁹, показывающие, что за короткий срок Ленин был, по сути дела, полностью отстранен от руководства.

Еще 26 сентября 1922 года Ленин отправил на имя Каменева для Политбюро письмо «Об образовании СССР», где четко определил принципы национальной политики. По поводу этого Каменев написал Сталину: «Ильич собрался на войну в защиту независимости». Сталин ответил: «Нужна, по-моему, твердость против Ильича». И такая «твердость» — особенно после дальнейшего ухудшения здоровья Ленина — была проявлена в полной мере.

Вот несколько фактов.

1. После того как 12 декабря 1922 года Дзержинский рассказал Ленину о чреватом тяжкими последствиями «грузинском инциденте», Ленин в течение почти *трех месяцев* (!) не мог добиться даже объективного отчета о случившемся; он получил его только 3 марта. Через день, 5 марта, он отправляет этот отчет Троцкому со своим письмом: «Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под “преследованием” Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив»*. Однако Троцкий велел передать Ленину, что он болен и отказывается выступить на Пленуме ЦК.

Но это всего лишь одна «линия борьбы» с Лениным. Гораздо более существенно другое.

2. 23 декабря 1922 года Ленин продиктовал и тут же передал в ЦК первую часть своего «Письма к съезду»¹⁰⁰, где писал: «В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни». И предупреждал, что без такой «реформы», как он убежден, «Центральному коми-

* Ленин В. И. Т. 54. С. 329.

тету грозили бы большие опасности». Из самого тона письма видно, что Ленин еще верил: его предложение будет обязательно принято. При этом он со всей ясностью писал об этих новых членах ЦК, что это должны быть «преимущественно рабочие, стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в числе советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян»*.

В примечаниях к брошюре: В. И. Ленин. Последние письма и статьи (М., 1977) можно прочесть, что-де Пленум ЦК, состоявшийся через два месяца, 21–24 февраля 1923 года, «исходя из указаний Ленина», предусмотрел «увеличение числа членов ЦК с 27 человек... до 40». Но эта информация, по сути дела, ложная. Во-первых, увеличение было слишком небольшое, а главное, *все* 13 человек, «добавленные» на XII съезде в состав ЦК (а также и все 19 новых кандидатов в члены ЦК), были именно «из того слоя, который выдвинулся за пять лет», и уже занимали высокие или даже очень высокие посты. Таким образом, был только «сделан вид», что предложение Ленина принято.

3. Как стало теперь известно, Политбюро** *запретило* печатать продиктованную 27 декабря 1922 года записку Ленина «О придании законодательных функций Госплану».

4. Статью Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин» (январь 1923 года) Политбюро сначала решило опубликовать в специально предназначенном для автора единственном экземпляре «Правды» (в остальном тираже ее бы не было, — то есть, в сущности, опять-таки «запретить»), — а затем все же напечатало, но с цензурным изъятием¹⁰¹. Однако и этого показалось мало, и Политбюро вместе с Оргбюро разослало в губкомы письмо¹⁰², в котором сообщало, что Ленин из-за болезни фактически не участвует в работе партии, но ему разрешено вести дневник и по его настоянию части этого дневника печатаются. Это явно дискредитирующее ленинскую статью заяв-

* Там же. Т. 45. С. 343, 347–348.

** Тогдашний состав Политбюро (кроме Ленина): Зиновьев, Каменев, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий; кандидаты: Бухарин, Калинин, Молотов, Рудзутак.

ление подписали от Политбюро Бухарин, Калинин, Каменев, Молотов, Рыков, Сталин, Троцкий и от Оргбюро Андреев, Дзержинский, Томский.

В нынешних примечаниях к статье «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии)» утверждается, что предложение Ленина было принято на съезде. Но это опять-таки неправда. Ведь Ленин предлагал, чтобы основную роль в рабоче-крестьянской инспекции, обладающей возможностью контролировать всю работу руководства страны, играли «75–100... новых членов ЦКК (Центральной контрольной комиссии. – В. К.) из рабочих и крестьян», которые «должны будут пользоваться всеми правами членов ЦК». И это делается, по мысли Ленина, для установления связи ЦК «с действительно широкими массами через посредство лучших из наших рабочих и крестьян»*.

На съезде было выбрано 50 членов ЦКК, но среди них оказалось всего несколько рабочих и ни одного крестьянина, а в Президиум ЦКК вошли исключительно люди и ранее занимавшие самые высокие посты.

5. Наконец, как теперь выяснилось, помощник секретаря Совнаркома М. Володичева, которая записывала под диктовку последние письма Ленина, тут же тайком от него передавала их копии в Политбюро¹⁰³, хотя Ленин предупреждал, что часть из диктуемого «является *абсолютно* секретным». «Подчеркнул это не один раз. Потребовал *все*, что он диктует, хранить в особом месте под особой ответственностью и считать *категорически* секретным».

Стоит напомнить, что еще 24 января 1923 года Ленин сказал секретарю Совнаркома Л. Фотиевой¹⁰⁴: «“Прежде всего по нашему “конспиративному” делу: я знаю, что Вы меня обманываете”. На мои уверения в противном он сказал: “Я имею об этом свое мнение”. А 1 февраля он многозначительно заметил: “Если бы я был на свободе...”»

Итак, болезнь Ленина привела, в сущности, к тому, что остальные члены Политбюро отстранили его от руководства.

* Ленин В. И. Т. 45. С. 384.

В многочисленных нынешних рассуждениях о ленинском «Завещании» речь идет, как правило, только об одном – о том, что не было исполнено предложение Ленина «переместить» Сталина с поста генсека. Но это была, в конце концов, частность, деталь в ленинских предложениях. В своей последней статье, законченной 2 марта 1923 года, Ленин писал¹⁰⁵:

«Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительному быстрому движению вперед... Надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непонятость. Вреднее всего здесь было бы спешить. Вреднее всего было бы полагаться на то, что мы хоть что-нибудь знаем... Тут ничего нельзя поделывать нахрапом или натиском... Нам надо... во-первых – учиться, во-вторых – учиться и в-третьих – учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой... чтобы наука действительно входила в плоть и кровь...

Мы должны проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для утверждения под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства».

Именно для осуществления этой программы Ленин и считал необходимым ввести в состав высшего руководства (ЦК и, согласно его мысли, равноправную с ним по своей власти ЦКК) 100–150 людей, стоящих «ниже того слоя», который выдвинулся после Октября, и «ближе к числу рядовых рабочих и крестьян». С этого он начал свое «Завещание», заметив, что такая мера необходима «в первую голову». Этими людьми двигали бы не логика «администрирования» (как было присуще, скажем, Троцкому и Пятакову), не «схоластические» воззрения (характерные, например, для Бухарина) и не дух политиканства (свойственный Зиновьеву и Каменеву), а подлинное знание бытия страны и забота о нем.

Мне могут сказать, что я предлагаю свою «альтернативу», хотя ранее говорил о бесплодности альтернативного

мышления об истории. Но альтернативы, очевидно, быть не могло, — о чем ясно свидетельствует поведение всех «вождей» после начала болезни Ленина.

И нет сомнения: сталинизм восторжествовал не потому, что не был «перемещен» со своего поста Сталин (это было одно из «вторичных» последствий общего курса ЦК после «отстранения» Ленина), а потому, что *вся* ленинская программа, направленная против «скоропалительного движения», отсутствия действительного изучения реальной жизни, всякого рода «неосторожностей», практически не была выполнена вообще. А действия не только Сталина, но и Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина и других после начала болезни Ленина недвусмысленно свидетельствуют: все они были *готовы* обойтись без ленинских указаний, ибо для всех них (хотя среди них были и очень разные люди) не существовало — пользуясь приведенными выше словами Ленина — «граней и условий применения революционных приемов», — что «наверняка» вело их к «внутреннему провалу»; все они полагали, «будто “великая, победоносная, мировая” революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному».

6

Мы погрузились в уже столь отдаленное от нас прошлое, но без этого невозможно разобраться и в недавнем прошлом, и в настоящем. В своем охарактеризованном выше трактате Бухарин предрекал, что «грандиозная ломка», раскалывающая все «вплоть до самых последних глубин», может продлиться 50 лет. И надо прямо сказать — он оказался прав. Только в середине 1960-х годов было ясно и открыто высказано сомнение в «плодотворности» этой тотальной ломки и, далее, прямое противостояние ей. Это достаточно весомо проявилось и в так называемой «деревенской прозе», и в «тихой лирике»¹⁰⁶ (эти «снижающие» прозвания были даны противниками, но — подобно уже случалось в истории литературы — прочно закрепи-

лись), и в деятельности созданного в 1966 году Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, к 1970 году насчитывавшего шесть миллионов членов (организации этого типа были разогнаны и отчасти даже репрессированы в 1920-х годах), и в критических материалах журнала «Молодая гвардия», и, конечно, в мыслях и настроениях многих и принадлежащих к самым разным общественным слоям людей.

Именно поэтому ныне весьма значительная часть читателей едва ли согласится с тем, что их деды и прадеды представляли собой лишь «эмбрионы людей», хотя всего лишь двадцать лет назад такие определения воспринимались как нечто само собой разумеющееся (о чем уже шла речь выше).

Нельзя, правда, не сказать, что достаточно весомый сдвиг в этом же направлении произошел гораздо раньше – в канун и особенно непосредственно во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Но, во-первых, он имел в основном сугубо односторонний характер: дело шло, по существу, только о воскрешении военно-патриотической традиции, а во-вторых, само это воскрешение диктовалось, так сказать, чисто прагматическим подходом, «использовалось» только как «средство» для победы над смертельным врагом.

Очень характерно, в частности, что те писатели, которые захотели пойти дальше предуказанных рамок, сразу же после Победы получили резкий отпор.

Среди них был и Александр Твардовский. За годы войны он, несомненно, во многом преодолел присущее ему ранее отрицание всего, что было. В «Стране Муравии», например, утверждалось как непреложное:

И жизнь на слом,
И все на слом –
Под корень, подчистую...
.....
Весна! Великий год!
И надо всей страной – рука,
Зовущая вперед.

Иное мироощущение выразилось и в «Василии Теркине», и в, без сомнения, лучшей поэме Твардовского «Дом у дороги», и в изданном в 1947 году сборнике его военных очерков «Родина и чужбина».

«Василий Теркин» обрел такую всенародную славу, что его трудно было бранить; тем не менее прозвучали выступления, в которых поэта обвиняли в том, что он создал образ не настоящего «советского бойца»¹⁰⁷, а некоего собрата Платона Каратаева или даже Козьмы Крючкова. Так, И. Сельвинский писал, имея в виду и «Василия Теркина», и «Дом у дороги»: «Герои Твардовского – это люди, в которых... не развиты черты нового, отличающего нашего колхозника от прежнего крестьянина, бойца Советской Армии – от русского солдата былых времен. Герои Яшина (имеется в виду его поэма «Алена Фомина», опубликованная в 1949 году. – В. К.), напротив – активные строители коммунизма, всем сердцем устремленные вперед, это люди в полете. Тем не менее стихов Яшина не слышно ни с эстрады, ни по радио».

Прозаическая же книга Твардовского «Родина и чужбина» подверглась настоящему разгрому¹⁰⁸: против нее выступили в печати влиятельнейшие тогда деятели – редактор «Литературной газеты» В. Ермилов, сотрудник ЦК Б. Рюриков и секретарь Союза писателей СССР Л. Субоцкий. Это, по-видимому, не могло не подействовать на Твардовского, который еще прочно верил в плодотворность «великого перелома».

Говоря о послевоенных годах, невозможно не коснуться – по необходимости кратко – ситуации конца 1940-х – начала 1950-х годов, когда напористо пропагандировались «патриотизм» и борьба с «космополитизмом» и всякого рода «низкопоклонством». Вроде бы эта «кампания» была направлена именно на то, чтобы оживить прошлое страны, его заветы и традиции. Во всяком случае, ее нередко толкуют именно в таком духе.

Однако на деле «кампания» эта явилась прежде всего извращением и дискредитацией и патриотизма, и заветов прошлого.

Обратимся к наиболее развернутому и «содержательному», и даже, если можно так сказать, наиболее «яркому» документу того времени – статье первого заместителя генерального секретаря Союза писателей (он занимал этот пост в 1946–1954 гг.) К. Симонова¹⁰⁹, опубликованной в № 3 журнала «Новый мир» за 1949 год.

Имеет смысл сразу же оговорить, что через семь лет, в 1956 году, К. Симонов опубликовал другую статью, в которой пересмотрел многие свои положения, высказанные в конце 1940-х – начале 1950-х годов. Об этом еще пойдет речь ниже. И задача наша отнюдь не в том, чтобы судить о давних воззрениях Симонова или других отдельных лиц, но в том, чтобы разобраться в существовании «кампании». Статья Симонова – это только необходимый *«материал для исследования»*, а не, скажем, повод для напоминания об «ошибках» ее автора, допущенных сорок лет назад.

В статье 1949 года речь шла, как определил сам Симонов, о группе «подвизавшихся до последнего времени в нашей театральной критике антипатриотов и буржуазных космополитов с их сознательными подголосками и бессознательно подпевавшими им, шедшими за ними либералами и дурачками.

Эта группа антипатриотов нигилистически относилась к прошлому русской драматургии и русского театра... Эти люди проповедовали враждебную нам точку зрения и на нашу драматургию.

Прямые высказывания – это только открыто опубликованная часть программы, это только вершки, а корешки идут очень глубоко и очень разветвленно... Не нужно обманываться тем, что в большинстве случаев у этих критиков-антипатриотов забрало было опущено или только чуть-чуть приподнято. Они знали, что если они поднимут забрало и скажут все, что они на самом деле думают, то их забросают камнями на улице...

Космополитизм в искусстве – это стремление помешать прогрессивному, идейному воспитанию народа, стремление подорвать национальные корни, национальную гордость, по-

тому что людей с подрезанными корнями легче сдвинуть с места, легче продать в рабство американскому империализму... Вот что такое космополитизм в искусстве, если поглядеть в самый его корень...» (Новый мир. 1949. № 3. С. 183, 185–186).

Далее автор обращался к конкретному примеру – статье А. Гурвича: «Гурвич злобно разделяется со всем, что написано у Н. Погодина о России, о русском характере, о русских традициях.

“У Погодина сегодняшняя Россия – страна с душой, но без идеала, – заявляет Гурвич. – Она довольна собой, эта страна”.

Что это, если не откровенная клевета на Россию!

А вот не менее, если не более откровенная клевета на советского человека:

“Степан не единичен, таковы у Погодина все. Таковым оказывается даже ядовитый критик неуклюжих ударников – Евдоким. Он тоже доморощенный русский гений, за семи-мильными шагами которого никогда не угнаться Америке. Он тоже думает, “как слон”, и этим палеонтологическим уровнем мышления тем не менее делает открытия, которые все производство в самом принципе перебрасывают на десять лет вперед”.

Противно цитировать эти клеветнические тирады, – подводит итог Симонов, – где под легким гримом “критики” недостатков Н. Погодина совершенно ясно и отчетливо видна злобная насмешка над русским народом и русским человеком» (Новый мир. 1949. № 3. С. 186–188).

Имеет смысл прервать пока цитирование статьи Симонова и заметить, что здесь не только не решен, но даже и не поставлен весьма существенный вопрос: а что, если «клевета» содержится уже в самих пьесах? Что, если Россия в них действительно лишена идеала и самодовольна? И касательно второй цитаты: что, если невольная, так сказать, но «злобная насмешка», *объективный комизм* присутствуют уже в самом образе героя пьесы, который берется – без необходимого овладения наукой и техникой – перегнать Америку и «перебрасывать» принцип производства на десять лет вперед?

Но обратимся к продолжению статьи Симонова: «Можно было бы ограничиться этими цитатами из Гурвича, облик его достаточно ясен и из них, но все-таки для того, чтобы показать, до каких пределов низости может дойти человек, ставший на путь космополитизма, следует сказать о последнем выступлении Гурвича... В этой статье среди других пьес Погодина разбирается его *неудачная* (курсив мой. – В. К.) пьеса военного времени “Лодочница”... Но для чего Гурвичу понадобилось разбирать эту пьесу? Для того, чтобы указать на ее слабости? Для того, чтобы показать драматургу верную дорогу? Нет, на все это ему наплевать, как наплевать и на всю советскую драматургию. Разбор этой пьесы понадобился Гурвичу для того, чтобы попытаться взять реванш и поиздеваться через три года после войны над теми национальными патриотическими чувствами советского русского народа, которые с такой силой проявились в самую тяжелую годину войны. Тогда, в эту годину, Гурвич, за спиной людей, защищавших родину, молчаливо спасавшийся и бездельничавший где-то в эвакуации, не смел, конечно, издеваться над “Волгой-матушкой”, на берегу которой, обливаясь кровью, стояли советские люди. Теперь, спустя три года, он решил, по каким-то своим, одному ему ведомым соображениям, что это можно. “В “Лодочнице”, – заявляет Гурвич, – непостижимая тайна русской народной души предстает перед нами как идея в штанах; зримо, грубо, но невесомо. Идея эта – исконный, вечный, непоколебимый дух русского человека, а штаны – старые казацкие штаны с лампасами”.

Дальше следуют, – продолжает Симонов, – издевательства и по поводу “Волги-матушки”, и по поводу непостижимости патриотических чувств, и по поводу предрассудков, якобы обнаруженных во время войны не только Н. Погодиным, но и другими писателями в их якобы неисторическом восприятии и толковании русского национального самосознания. Все эти злобные издевки увеличиваются целым “теоретическим построением”, цинизм которого просто ни с чем не соизмерим.

“Пережитая нами война, – пишет Гурвич, – была величайшей народной трагедией. Понятно, что самые отсталые, отягощенные предрассудками советские люди должны были найти для себя в страшных испытаниях войны доступную для них моральную опору... Им нужна была вера в победу, спасение... Но воспеть этот древний слепой инстинкт самосохранения как бессмертную силу духа народного – значит повернуть время вспять...”

Гурвич здесь пытается, – подчеркивал Симонов, – оклеветать сразу и партию, и государство, и советский народ; пытается изобразить дело так, будто обращение во время войны к национальным чувствам русского народа, к его победоносным военным традициям, к именам Суворова и Кутузова было чем-то вроде идеологических подпорок военного времени на потребу темных толп, а что сознательным, интеллигентным людям вроде Гурвича смешно не понимать, что все это – временное явление, уступка темным людям на время войны...

Гурвич пытается прикрыть эту клевету тем, что он якобы ратует не за *русский*, а за *советский* патриотизм и якобы печалится, что у Н. Погодина люди больше показаны в их русской самобытности, чем в их новых, советских качествах.

Но разве в действительности это интересовало Гурвича? Все его страховочные фразы, в каждую из которых он постарался втиснуть слово “социалистический”, нужны ему только для прикрытия издевательства над русским народом, над русским человеком, над русскими национальными традициями» (там же. С. 188–189).

И опять-таки возникают каверзные вопросы, которые даже и не затронуты в статье Симонова. Я специально выделил симоновское определение пьесы, о которой идет речь, – «*неудачная*». И если героями этой пьесы в самом деле движет «слепой инстинкт самосохранения», не следовало бы искать, так сказать, корень зла и в авторе пьесы, а не только в ее критике? Правда, критик совершенно напрасно резюмировал, что-де «воспеть этот слепой инстинкт самосохранения – значит повернуть время вспять». Как бы далеко мы ни обращались вспять, в

прошлое великой русской литературы – к боевым одам Державина и Ломоносова, глубже, к повестям Смутного времени, к сказаниям о монгольском нашествии, наконец, к воинским эпизодам «Повести временных лет» (о «Войне и мире» или лермонтовском «Бородине» не приходится уже и говорить), – нигде мы не обнаружим никаких следов воспевания «слепого инстинкта самосохранения». Повсюду откроется перед нами вполне «зрячий», осознанный и с течением времени все обогащающийся и возвышающийся пафос подлинного патриотизма. Но эта сторона дела даже как бы не замечена в статье Симонова, хотя она весьма обширна (около 3 авторских листов), и вполне можно было уделить место для рассмотрения столь важного вопроса.

В статье обсуждаются, помимо статей Гурвича, статьи и выступления полутора десятка других представителей «антипатриотической группы критиков» и берутся под защиту, помимо пьес Погодина, и многие иные подвергшиеся нападкам этих критиков пьесы (подавляющее большинство этих пьес давно уже кануло в Лету).

«Недостатки» статьи, как уже говорилось, через семь лет выявил сам ее автор, К. Симонов.

Нелишним будет отметить, что его «перестройка» совершилась прямо-таки мгновенно. Еще в конце 1954 года Симонов, возмущаясь тем, что некоторые критики ставят «похвальную отметку» Борису Пастернаку за его новые, кристально простые стихи, вопрошал¹¹⁰: «Если всерьез задуматься, то почему же мы, собственно, должны радоваться, если в стихах будут – не столь усложненно, как раньше, а гораздо проще, быть может, с кристальной ясностью, – высказаны все те же эгоцентрические взгляды человека, замкнувшегося в себе?..» (ЛГ. 1954. 4 ноября).

На деле Пастернак явил в своих поздних стихах классическую ясность именно потому, что, преодолевая «эгоцентризм», обретал, по его слову, «родство со всем, что есть»¹¹¹.

Но к концу 1956 года К. Симонов, по всей вероятности, уже не стал бы печатать нечто подобное. И о событиях рубежа сороковых–пятидесятых он писал теперь следующее¹¹²:

«Некоторые критики, правда, в довольно робкой форме, выступали против слабости наших пьес, слабости, которую сейчас, с новой исторической вышки, мы все почти единодушно оцениваем куда резче... Надо было... проанализировать до конца причины слабости нашей драматургии и на основе суровой критики недостатков помочь ей встать на ноги.

Однако, к стыду нашему, произошло обратное... Критики, обращавшие внимание на реальные слабости нашей драматургии, подверглись разгрому... Разумные замечания были обесценены общим направлением ряда недобросовестных выступлений людей, желавших оградить драматургию от критики, защитить честь своего мундира, понимаемую ложно, а иногда даже и корыстно...

Необходимо назвать вещи своими именами, как бы это ни казалось трудным тем из нас, литераторов, которые несут большую долю ответственности за ошибки, о которых я говорю.

Это тем более важно, — подчеркивал Симонов, — что исходные положения ряда статей и выступлений, появившихся в 1949 году и в последующие годы, такие, как важность борьбы с воинствующим космополитизмом, как необходимость всегда и во всем стоять в жизни и в искусстве на позициях советского патриотизма, несовместимого с низкопоклонством перед буржуазной культурой, — что эти исходные положения были и остаются абсолютно верными во всей нашей борьбе на идеологическом фронте.

Следует вновь недвусмысленно подтвердить безоговорочную правильность этих принципиальных положений, сказав при этом, что то, что произошло в нашей литературной жизни в разбираемый период, было *постыдной компрометацией* этих совершенно правильных исходных положений» (Новый мир. 1956. № 12. С. 249, 251). — (Курсив мой. — В. К.).

И в самом деле: главным объектом защиты и утверждения явились тогда отнюдь не действительные ценности литературы, но крайне слабые, незначительные и по своему смыслу, и по уровню воплощения этого смысла пьесы, которые отстаи-

вались явно лишь для того, чтобы «защитить честь своего мундира, понимаемую ложно, а иногда и корыстно».

Между тем подлинная жизнь литературы совершенно несовместима ни с защитой «честь мундира», ни тем более с какой-либо корыстью.

Короче говоря, рассматриваемая статья – как и вся «кампания» конца сороковых – начала пятидесятих годов – была прежде всего именно «*постыдной компроматацией*» отечественной литературы и в конечном счете причинила этой литературе громадный вред.

«Успехи советской драматургии, – писал в 1949 году Симонов, – достигнутые ею вопреки клеветническим проискам космополитов, антипатриотов в театральной критике, особенно радостны и заслуживают самого пристального внимания... “Зеленая улица” А. Сурова посвящена борьбе наших новаторов на транспорте с предельщиками, консерваторами, людьми, успокоившимися на достигнутом и потому отставшими. Но значение пьесы значительно шире ее непосредственного материала. В отлично написанном центральном образе пьесы – образе академика Рубцова Сурову удалось показать передового человека... Это один из сильнейших и интереснейших характеров, созданных в советской драматургии за последние годы».

Тот, кто удосужится разыскать эту самую «Зеленую улицу» и прочитать ее, неизбежно придет к выводу о полном ее ничтожестве, о том, что она в самом деле способна только лишь «постыдно компрометировать» отечественную литературу. Вся проблема предстала бы в совершенно другом свете и приобрела бы совершенно иной смысл, если бы речь шла, скажем, о драматургии Михаила Булгакова* и еще продолжавшего творить Андрея Платонова, об их же прозе либо о вы-

* Между прочим, в этой статье Симонова имя Булгакова присутствует. В самом начале статьи приведена цитата из книги В. Шкловского «Гамбургский счет» (как говорит Симонов, «враждебной всему советскому искусству книги», книги с «постыдной программой»), где, в частности, было заявлено, что «по гамбургскому счету» – «Вересаева нет» и что «в Гамбурге – Булгаков у ковра», то есть даже не допущен к борьбе. Симонов возмущенно выступил в защиту «старого писателя-общественника В. Вересаева», однако не счел нужным защитить Булгакова.

соком творчестве Михаила Пришвина и Николая Заболоцкого (кстати сказать, в 1948 году, накануне появления статьи Симонова, был издан – правда, издательством географической литературы – прекрасный сборник прозы Пришвина «Моя страна» и вышла в свет тоненькая, но перевешивающая «премного тома» книжечка «Стихотворения» Заболоцкого).

Нельзя умолчать о том, что именно в конце 1940-х годов развернулась настоящая «травля» Достоевского*. И в одно время со славословиями в адрес Сурова К. Симонов находил возможным писать следующее¹³: «Мир в наши дни бесповоротно разделился на два лагеря – на лагерь демократии и... лагерь человеконенавистников, которые хотят столкнуть человечество в бездну одичания и варварства... В мировой литературе он повсюду, по капле собирает всю ложь, весь мрак, весь яд... Из истории русской литературы этот лагерь... взял себе на вооружение самые мрачные, самые клеветнические на человека страницы Достоевского» (ЛГ. 1949. 8 июня.).

Другой тогдашний лидер борьбы против «космополитизма», возглавлявший всю «кампанию» в Ленинграде, А. Дементьев (тот самый, который через двадцать лет обрушится на «Молодую гвардию») в своей статье «Серьезные ошибки “Библиотеки поэта”» негодовал по поводу того, что в книги Тютчева и Есенина, изданные в составе этой известной серии, «включались стихотворения, идейно и художественно неприемлемые». Здесь же Дементьев клеймил тех литераторов, которые «добились издания в “Библиотеке поэта” сборников стихотворений таких представителей реакционного лагеря в поэзии, как Шевырев, Павлова, Бенедиктов, Случевский, Анненский, Сологуб, Белый, Хлебников» (ЛГ. 1949. 24 сент.)**.

* См., напр.: З а с л а в с к и й Д. Против идеализации реакционных взглядов Достоевского // Культура и жизнь. 1947. № 35; Е р м и л о в В. Против реакционных идей в творчестве Ф. М. Достоевского; Стенограмма публичной лекции. М., 1948.

** Стоит отметить, между прочим, что Дементьев именно на своих «погромных» статьях и речах рубежа 1940–1950-х годов сделал «карьеру». До этого он, хотя в 1949 году ему было уже сорок пять лет, был безвестным преподавателем литературы.

Выступления против Достоевского, Тютчева, Есенина и других великих русских писателей и поэтов с особенной ясностью обнажали истинный характер и направленность той «борьбы за национальную литературу», которая велась на рубеже 1940-х–1950-х годов.

Нисколько не удивительно, что эта «борьба» привела к результатам, прямо противоположным тем, к которым она будто бы имела задачу привести. В сознании многих и многих людей назревало своего рода «отталкивание» от отечественной литературы, ибо в качестве современных ее достижений предлагались вещи типа пьес Сурова, а с другой стороны, от нее искусственно отсекались многие великие ценности, без которых она не может существовать. И когда в середине пятидесятих годов «борьба за национальную литературу» окончилась, возникло своего рода ощущение пустоты.

К концу 1950-х годов эту «пустоту» стремительно заполнило всеобщее увлечение различными явлениями зарубежных литератур – в том числе явлениями среднего или просто заурыдного уровня. Ярким свидетельством этого может служить анкета «Молодые о себе», проведенная в 1962 году среди известнейших тогда молодых писателей журналом «Вопросы литературы» (№ 9), анкета, в которую был включен вопрос: «Какие традиции в классической и современной литературе близки Вам?»

Большинство «молодых дарований» ответило на этот вопрос достаточно определенно. Хотя они и упоминали подчас имена классиков, в контексте их ответов эти имена явно теряли свой смысл и обесценивались.

Вот несколько характерных ответов на приведенный выше вопрос¹⁴:

«Традиции русской классической литературы, традиции Толстого и Чехова... Хемингуэй, Фолкнер, Белль, Сэлинджер – это тоже школа первоклассная, помимо уже того наслаждения, которое вызывает чтение их книг».

«Насчет традиций ничего утверждать не берусь... Симпатизирую всем стремлениям к более динамичному письму».

«Не думаю, чтобы писателю была полезна близость с литпредшественниками».

«Русская классика своим величием часто гипнотизирует современного писателя. Опыт же XX века давно требует своего языка, способного художественно синтезировать время».

«Наиболее перспективными исканиями в области художественной формы мне представляется наследие, которое оставил литературе будущего Хемингуэй».

«Мы всегда слышим: будьте верны национальным традициям, отстаивайте их... Но... читая произведения большого писателя или поэта, я не думаю о его национальности. Я завидую тем художникам, которые, преодолев национальные барьеры, выходят на арену всего мира. По-моему, какой бы большой любовью ни любил писатель свой народ, он всегда должен считать себя гражданином Земли».

«Больше всего мне близки традиции Пушкина, Достоевского, Чехова, Ремарка, Белля».

Эти суждения молодых писателей показательны во многих отношениях, но, пожалуй, наиболее выразительно стремление поставить в один ряд – в качестве высоких учителей и вдохновителей – Толстого и Ремарка, Достоевского и Сэлинджера и т.п. Это свидетельствует о полной утрате эстетических и духовных критериев, о потере художественной культуры. И это было, в частности, прямым следствием той «постыдной компрометации» самой идеи отечественной литературы, которая имела место в конце 1940 – начале 1950-х годов.

Между тем борьба за подлинный патриотизм начиналась на верном и плодотворном пути. Одним из наиболее важных ее истоков было письмо крупнейшего ученого П. Л. Капицы, направленное в 1946 году Сталину. Он писал, в частности: «Мы... мало представляем себе, какой большой клад творческого таланта всегда был в нашей мысли... Многие из этих недостатков существуют и по сей день, и один из главных – это недооценка своих и переоценка заграничных сил. Ведь излишняя скромность – это еще больший недостаток, чем излишняя самоуверенность. Для того, чтобы закрепить победу

и поднять наше культурное влияние за рубежом, необходимо осознать наши творческие силы... Сейчас нам надо усиленным образом подымать нашу собственную оригинальную технику. Мы должны делать по-своему и атомную бомбу, и реактивный двигатель... Успешно мы можем это делать только тогда, когда будем верить в талант нашего инженера и ученого... когда мы, наконец, поймем, что творческий потенциал нашего народа не меньше, а даже больше других, и на него можно смело положиться. Что это так... доказывается и тем, что за все эти столетия нас никто не сумел проглотить».

Это явно произвело огромное впечатление на Сталина*, и на встрече с руководителями Союза писателей в мае 1947 года он, как записал тогда Симонов, осудил – повторяя, в сущности, Капицу – «неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними... привыкли считать себя на положении вечных учеников... У таких людей не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия... Бывает так: человек делает великое дело и сам этого не понимает... Надо бороться с духом самоуничижения у многих наших интеллигентов».

К. Симонов много позднее, в 1979 году, подтверждал¹¹⁵, что «возникшая духовная опасность не была выдумкой, и вопрос... сводится... к тому... как вести эту борьбу – пригодными для нее и соответствующими ее высоким общественным целям методами или методами грубыми и постыдными».

Да, Симонов пошел не по тому пути, о котором мечтал П. Л. Капица, и сам вынужден был в 1979 году признать, что «многое из написанного и напечатанного тогда стыдно читать сейчас, в том числе и появившееся из-под твоего пера или за твоей редакторской подписью», ибо, как он говорит, борьба «приняла разнообразные уродливые формы».

* П. Л. Капица отправил Сталину десятки писем, но ответов не получал. Между тем после цитированного письма Сталин написал ему: «Ваши письма получил. В письмах много поучительного – думаю как-нибудь встретиться с Вами и побеседовать о них» (Капица П. Л. Письма о науке. М., 1989. С. 248, 258).

Цитаты из симоновских сочинений достаточно ясно показывают это. И необходимо только подчеркнуть, что его слова: «в том числе и появившееся из-под твоего пера» – искажают реальность, ибо он писал тогда и намного больше, и намного «уродливее», чем кто-либо другой, – превознося, например, Сурова и изничтожая Достоевского и Пастернака. Если говорить о литературе, он был, без сомнения, главным виновником «постыдной компрометации» той духовной инициативы, которую предпринял тогда П. Л. Капица...

7

Доклад Хрущева на XX съезде в феврале 1956 года, произнесенный на «закрытом» заседании, но прочитанный тогда, вероятно, в подавляющем большинстве партийных и комсомольских организаций (вплоть до школьных), имел, конечно, не могущее быть переоцененным значение. Он освободил сознание широчайших слоев людей от давно превратившегося в гипнотическую силу культа Сталина и, по существу, покончил с давно уж работавшей почти самоцельно машиной политического террора¹¹⁶. Сам Хрущев, как известно, видел – и справедливо – выражение своей главной заслуги в том, что после отстранения от власти целого ряда ближайших сподвижников Сталина они не были подвергнуты репрессиям, и позднее, в 1964 году, это принципиальное изменение режима воплотилось в судьбе и самого Хрущева.

Но надо прямо сказать, что, отказавшись от «крайнего» метода той «грандиозной ломки», о которой когда-то вещал Бухарин, Хрущев во многих отношениях продолжал делать то, от чего так настойчиво предостерегал в своих уже цитированных «завещательных» статьях и письмах Ленин: «Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительному быстрому движению вперед... Надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непонятость...» и т.д.

Так, хрущевская программа «догнать и перегнать США» в сельском хозяйстве (помню, как в те годы мы с друзьями смеялись, заведя на задних стенках почти каждого грузовика словно нарочно кем-то сделанные надписи: «Не уверен – не обгоняй!») привела, несомненно, к самым тяжелым и до сих пор не преодоленным последствиям.

Непрерывные перевороты в самом статусе колхозов и совхозов, а также приусадебных личных хозяйств, насильственное внедрение кукурузы и других культур, «революционное» освоение целинных земель и т.д. и т.п. – вся эта скоропалительная ломка дала тот беспримерный итог, что после сорока с лишним лет мирной жизни страна не обеспечивает себя продовольствием.

В 1970 году тогдашнему автору журнала «Наш современник» Юрию Черниченко удалось опубликовать горчайшую по своему смыслу статью о сибирско-казахстанской целине, где он, в частности, писал:

«За 1908–1916 годы в восточные степи было переселено 3 078 882 человека, закрепилось 82 человека из сотни... Пробудив край, эти миллионы полтавцев, курян, воронежцев, пензяков, тамбовцев и составили самый мощный людской пласт степи... Значит, дело велось по правилам».

Затем Черниченко переходил к современности: «К пятому урожаю в нашей степи от первых эшелонов остались считанные семьи... Хлопцы-целинники, содравшие плугами защитный дерн, увидели вскоре черное небо и поразъехались... Что целинник не задерживается – не новость и... полбеда. Но есть известия – *стронулся коренной сибиряк*, вот в это и верить бы не хотелось...

Одну эрозию вроде погасили, лесополосы зеленеют, а вторая, кадровая, все разгорается. Пыльные бури, видно, через срок оказываются, как война...

Кронштадт, Мариуполь, Белград, Кременчуг – этих поселков больше нет, а ведь тут выросли *три поколения* кулундинцев... Ново-Леньки, Усть-Суетка, где памятник столыпинскому переселению, Хорошонок, Покровка, Алексеевка, Калиновка – одни тополя, и проселки уже зарастают».

Такие бесконечно скорбные плоды скоропалительных «скачков» можно обнаружить во многих областях и сферах жизни хрущевских лет. Тогда, в частности, было уничтожено больше памятников истории и культуры, чем в жестокое время конца 1920-х–1930-х годов. Но обо всем в одной статье не расскажешь. Хочется заглянуть вперед, уже в нынешнее время, и выразить глубочайшее согласие с диалогом, состоявшимся 13 сентября 1988 года в Красноярске¹¹⁷ между директором совхоза А. Ф. Вепревым и генеральным секретарем ЦК М. С. Горбачевым.

«А. Ф. Вепрев. Надо ставить вопрос о переходе к семейной ферме... Так дальше продолжаться не может. Надо уйти от постепенности*.

М. С. Горбачев. А я вам задам прямой вопрос. Один раз мы уже сплошную работу быстро провели. В 29–33-м годах, и до сих пор расхлебываем. А вот не получится, что мы скомпрометируем этот глубокий поворот, если начнем опять в аренду загонять?»

Кстати сказать, проблема вообще вовсе не так ясна, как многим кажется. Вот, например, в ГДР коллективными хозяйствами занято 86 процентов всех обрабатываемых земель, «народными имениями» (то есть совхозами) – 7 процентов, «семейной арендой» – тоже 7 процентов; в ПНР, напротив, «семейная аренда» занимает 80,5 процента земель, госхозы – 16,5 процента, коллективные хозяйства – всего 3 процента. А результаты в ГДР, как хорошо известно, гораздо выше; там, в отличие от ПНР, вообще нет «продовольственной проблемы» и за двадцать последних лет сельскохозяйственная продукция выросла в два с лишним раза.

И, надо думать, беда нашего сельского хозяйства не в колхозах и совхозах как таковых, а в длящейся десятилетиями непрерывной и стремительной «ломке». Из всех человеческих занятий земледелие едва ли не более всего требует *устойчивости, прочности*, самого бережного отношения к традиции.

* Чувствуется, что этот – в остальном, как видно по результатам работы его совхоза, – превосходный человек когда-то заразился духом «ломки».

Коллективные хозяйства в ГДР дают превосходные плоды потому, что они опираются на вековой опыт германского кооперативного движения; между прочим, и в ФРГ, в сравнении с другими западноевропейскими странами, громадную роль играют различного рода сельскохозяйственные кооперативы (разумеется, «капиталистического» типа).

Между тем многие сегодняшние «прорабы перестройки» снова кричат о необходимости новой – немедленной и самой что ни на есть «революционной» – ломки и нашего сельского хозяйства, и всего остального. Как ни печально, поддался общему опьянению и такой – еще недавно являвший собой одного из серьезнейших публицистов – человек, как Юрий Черниченко. В своей цитированной выше статье 1970 года он противопоставил внуков вросших корнями в целину «столыпинских переселенцев» и поветрие брошенного туда на несколько лет при Хрущеве «десанта», который оставил после себя пыльные бури, выгоняющие из давно обжитых сел даже и этих внуков.

Но этой темы мы еще коснемся. Сейчас надо вернуться к началу разговора – к «конфликту» журналов «Новый мир» и «Молодая гвардия», разразившемуся в 1969 году.

Уже шла речь о том, что «Новый мир» вовсе не был «монолитным» журналом¹¹⁸. В самом этом факте нет ничего удивительного. Можно с полным основанием сопоставить «Новый мир» Твардовского с «Современником» и «Отечественными записками» Некрасова, где также не было «монолитности». Читатели убедятся в этом, познакомившись, скажем, с разделами «В редакции “Современника”» и «В редакции “Отечественных записок”», вошедшими в изданную в 1971 году книгу «Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников». Такие «левацки» настроенные критики и публицисты, как М. Антонович, Г. Елисеев, А. Скабичевский и др., сотрудничавшие в некрасовских журналах, находились с ним в весьма и весьма сложных отношениях. Вот хотя бы один момент: Некрасов высоко ценил и уважал Достоевского (который отвечал ему тем же), а «леваки» его ненавидели и травили при каждом удобном случае.

Сейчас некоторые бывшие сотрудники «Нового мира» хотят изобразить Твардовского своим полным единомышленником. Во-первых, несостоятельна сама эта претензия «присоединиться» к человеку и поэту истинно трагедийной судьбы, которой его сотрудники по журналу ни в коей мере не пережили. С другой стороны, ясно, что та часть сотрудников, которая сейчас больше всех говорит о Твардовском, не могла по-настоящему разделить его глубокое уважение и любовь к большой группе писателей (они назывались выше), которая после ухода поэта из «Нового мира» стала основой журнала «Наш современник».

Принципиальное различие между Твардовским и теми, кто сегодня слишком назойливо клянется его именем, заключается, в частности, в следующем: они как бы целиком остались в «хрущевском периоде», а Твардовский был и в начале гораздо шире, и шагнул позднее гораздо дальше.

В 1963 году в «Новом мире» печатались, например, такие воспоминания П. Виноградской о Москве двадцатых годов¹¹⁹:

«“Первопрестольная” устремлялась ввысь только колокольнями своих “сорока сороков”. Она расползлась вширь кривыми переулками, застроенными одноэтажными деревянными особнячками. Московскую старину оберегали веками. Первые попытки Моссовета расширить проезд у Китай-города, снести стену с иконой Иверской божьей матери, упразднить Сухареву толчучку (конечно, вместе с башней. — В. К.) были встречены московскими обывателями в штыки».

Здесь, кстати сказать, особенно возмущает ложь о каких-то «штыках», коими будто бы были вооружены эти самые «обыватели».

Или напечатанная тогда же призывная публицистика С. Смуглого¹²⁰:

«Повернуть вспять северные реки! Если ранее это многим казалось несбыточной мечтой, то сейчас воспринимается, как реальный проект. Решение такой грандиозной задачи, сказал Н. С. Хрущев, “нам теперь вполне по плечу”, выразив тем самым твердую уверенность советского народа в том,

что “чудо” свершится: наши ученые, инженеры, рабочие заставят (выделено мной. – В. К.) природу отдать свои воды для обогащения Каспийского моря, увлажнения пустынь и засушливых земель».

В этих двух цитатах ясно выразилась линия: продолжем «грандиозную ломку»! Но именно это и определяло лицо многих сотрудников и авторов «Нового мира». И перед нами, строго говоря, все тот же сталинизм, хоть и без террора и без самого Сталина. А уж статья Дементьева против «Молодой гвардии» была, так сказать, заостренно сталинистской.

Повторю еще раз: очень полезно было бы для понимания существа дела перепечатать статью Дементьева, но это ведь солидный разнос в три с половиной авторских листа. Известное представление о ней дают цитаты, приведенные в «письме». Все же есть смысл разобрать одну из «линий» дементьевской статьи.

В ней тенденциозно излагается опубликованный в «Молодой гвардии» (№ 8 за 1968 год) отзыв о поэзии Николая Рубцова, тогда только что вступившего в литературу¹²¹: «Заявляя о своей преданности “удивительному белоколонному” храму старины, лира поэта, – с иронией пересказывает А. Дементьев, – стремится запечатлеть навеки дорогой облик Родины – “березы, избы по буграм”, отраженную в пруде церковь – прекрасную, “как сон столетий”... Что касается старинных монастырей и храмов, – язвит А. Дементьев, – то поэты могут здесь опереться... на редакционную статью “Тысячелетние корни русской культуры”. В ней не без торжественности сказано следующее: “Стоят они, рукотворные свидетели творческого гения...” Нельзя не удивляться тому, – заключал А. Дементьев, – что целый хор критиков и поэтов с таким усердием разрабатывает тему об уважении к старине именно как “церковную тему”... Программа КПСС обязывает нас вести непримиримую борьбу против тенденций к национальной ограниченности и исключительности, к идеализации прошлого и затушевыванию социальных противоречий в истории народов, против обычаев и нравов, мешающих коммунистическому строительству».

Поэзия Николая Рубцова давно стала поистине народной, и теперь, думаю, каждому ясно, сколь отвратительны эти доносные инсинуации Дементьева. Достаточно сказать, что прогнившее стихотворение Николая Рубцова «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...», которое «осудил» А. Дементьев за строки об «удивительном белокаменном» храме, беспощадно выбрасывались из следующих книг поэта*.

Но не менее существенно и другое. Издевательски говоря о «редакционной статье», А. Дементьев имеет в виду опубликованный в «Молодой гвардии» краткий рассказ о состоявшейся 29–31 мая 1968 года в Новгороде конференции «Тысячелетние корни русской культуры»¹²². Это было прекрасное и громадное по значению событие – первое крупное деяние возрожденного в 1966 году Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

«Молодая гвардия» сообщала своим читателям, что «на конференцию съехались представители десятков областей России... Доклады сделали члены-корреспонденты Академии наук СССР Д. С. Лихачев и В. Л. Янин, профессор М. К. Каргер, доктор архитектуры К. Н. Афанасьев и доктор искусствоведения И. В. Маковецкий... С речами выступали академик И. В. Петрянов, народный артист СССР И. С. Козловский, писатель О. В. Волков...». Далее излагался основной смысл этих выступлений.

В докладе Д. С. Лихачева было сказано, в частности, что новгородские храмы – «это признано сейчас всеми – входят в число лучших творений человеческого гения». То есть слова, которые с издевкой цитировал Дементьев, были изложением мысли Лихачева...

Между прочим, журнал «Молодая гвардия» намеревался опубликовать материалы новгородской конференции, но из-за статьи Дементьева это не было разрешено. Материалы

* Своего рода яркий факт того времени: в книге Николая Рубцова «Последний пароход», изданной в 1973 году, есть выразительная иллюстрация художника В. Сергеева к этому стихотворению, но само оно в последний момент было выброшено.

удалось издать позднее, в 1972 году, и даже не в Москве, а в Новгороде – в виде книги под названием «Тысячелетние корни русской культуры».

Признаюсь, что не без определенной гордости я перечитываю сегодня, через двадцать лет, строки из опубликованной в той книге стенограммы моего новгородского доклада, строки, в которых впервые было сказано публично об очень важном:

«Мы, наконец, кажется, уяснили для себя совершенно ясно и неопровержимо, что архитектура древних храмов и живопись икон – это произведения, в которых воплотилось целостное мироощущение народа... Но до сих пор как-то не признано, что подлинная культура, и культура именно целостная, воплощающая дух народа, содержится и в том, что можно назвать православной литургией, тем действием, которое совершалось в бережно сохраняемых нами стенах.

Исследователями доказано, что русская православная литургия представляет собой трансформацию древнегреческой трагедии (в особенности пасхальная литургия), что... в сущности, православная литургия есть возвышенная опера, известная сейчас только по записям пения Шаляпина... А между тем на Западе издан целый ряд работ о православной литургии, которая ставится выше, чем католическое богослужение.

Мы не обращаем на это внимание, и может показаться, что в этих великолепных храмах ничто не совершалось и неизвестно, зачем их воздвигали и зачем их расписывали великие мастера. Между тем древнерусская литургия давала возможность всем людям, всему русскому народу общаться ежедневно с великим искусством...

У этой литургии, у этого действия есть, между прочим, еще и поэтическая сторона... Это то, что вошло в плоть и кровь русского языка и русского духа. Поэтическая стихия православной литургии оказала громадное воздействие на новую русскую культуру. Достаточно упомянуть о таком гениальном пушкинском произведении, как “Пророк”, которое,

безусловно, исходит из этой древней культуры и возвращает нас к действию, совершавшемуся в древнерусских храмах, действию, для совершения которого они и были построены, чтобы служить как бы тем телом, в котором осуществляется напряженная духовная жизнь».

Дементьев принадлежал к той – весьма многочисленной и очень влиятельной тогда – группе «деятелей», которые отчаянно боролись против любой попытки воскрешения отечественного духовного наследия. И нельзя не порадоваться тому, что ныне такая «деятельность» предстает в глазах все более широких кругов как попросту неприличное занятие.

Но двадцать лет назад ситуация была совершенно иной, и статья Дементьева значительно ее усложнила.

Итак, теперь читатели могут себе представить характер статьи – пусть и не очень полно (Дементьев «ошельмовал» поименно около сорока авторов журнала «Молодая гвардия»), – статью, которая вызвала «письмо одиннадцати». Нельзя, конечно, умолчать о том, что и в тексте «письма» содержатся демагогические и просто безосновательные выпады против тех или иных авторов «Нового мира»¹²³. Так, например, проза Николая Воронова или критические статьи Игоря Виноградова, которые «обруганы» в «письме», не так уж резко противоречили направлению самой «Молодой гвардии»!

Однако весь характер и самый тон «письма», конечно же, «заданы», «спровоцированы» статьей Дементьева. Это, разумеется, не «оправдание», но все же достаточно весомое *объяснение*. Кстати, тот же В. Лакшин, который так бранит «письмо», и сегодня пишет в такой же точно дементьевской манере – к примеру, обвиняет меня на страницах «Огонька»¹²⁴ в том, что я-де занимаюсь восхвалением Николая Первого, выступаю как «адвокат» Сталина и являюсь участником «антиперестроечной эскадры». Правда, Лакшина превзошел Рой Медведев, который заявил в «Московских новостях», что Кожинов, мол, «по-настоящему скорбит только о горестной судьбе Николая Второго и его семьи». Впрочем, здесь уже перед нами (в отличие от Лакшина, который, как я все же надеюсь, дилетант в

деле «разоблачений») настоящий профессионал, сумевший, к примеру, в годы застоя издать 24 книги за рубежом¹²⁵ – между тем как немало других авторов за одну книжку или даже статью в «тамиздате» попадали тогда в лагерь¹²⁶.

Но признаюсь, что многочисленные статьи против меня (написанные, в частности, честолюбивыми «москками») очень мало волнуют; никаких основательных аргументов в них нет, а к брани в мой адрес (которая, как известно, на восточном берегу не виснет) я надежно привык в период «застоя», когда меня наперебой ругали «литераторы», занимавшие «ответственные» или «очень ответственные» посты, и их ругань не раз надолго лишала меня возможности где-либо печататься. Сейчас, к счастью, иное время.

И все же об одном нынешнем обвинении считаю необходимым поговорить (оно есть и в статье Медведева). Это достаточно внятно высказанное обвинение в антисемитизме – то есть во враждебном отношении к евреям, основанном именно и только на том, что они – евреи.

«Отбить» это обвинение ничего не стоит. Так, почти в каждой из моих статей, опубликованных хотя бы за последние два года, есть имена людей, как у нас часто говорят, «еврейской национальности», о которых я пишу как о высоко или даже исключительно высоко ценимых мною деятелях современной культуры. Интересующиеся могут просмотреть мои статьи «“Мы меняемся”?» (Наш современник. 1987. № 10), «Истинное и мнимое» (сборник «Взгляд». М., 1988), «1948–1988» (Литературная учеба. 1988. № 3), «Недостаток искусства или своеобразие» (Контекст. 1987. М., 1988), чтобы убедиться: в них названо около двух десятков таких имен. Не слишком ли много для «антисемита»?

Но я бы, конечно, вообще не стал об этом говорить, если бы за указанным «обвинением» не стояла весьма серьезная и острая проблема. У нас развелось много сочинителей, которые объявляют любого неугодного им литератора «антисемитом», если он имел неосторожность критически отозваться о том или ином человеке «еврейской национальности».

Такого рода наскоки преследуют нередко сразу две задачи: дискредитировать литературного «противника» и более или менее явно заявить о мнимых «преследованиях» и «дискриминации» евреев в нашей стране.

На второе обвинение дал исчерпывающий ответ в одном из своих выступлений М. С. Горбачев¹²⁷: «Если еще в какой-то стране евреи пользуются такими политическими и другими правами, как в нашей стране, я был бы рад это услышать. Еврейское население, составляя 0,69 процента от всего населения страны, представлено в политической и культурной жизни в масштабах не менее 10–20 процентов» (Правда. 1985. 2 окт.).

Это означает, что роль евреев в политике и культуре в 15–30 (!) раз превышает их долю в населении страны. О какой же дискриминации может идти речь?! Напротив, уместно поставить вопрос о резком нарушении «пропорциональности» как раз в отношении других наций! И тем не менее тему «дискриминации» продолжают муссировать.

При этом идут в ход любые выдумки. Так, например, популярный беллетрист Ю. Семенов в своем сочинении «Не написанные романы»¹²⁸, которое он «подает» как чисто «документальное», сообщает следующее. В пятидесятых годах Сталин при обсуждении вопроса о присуждении Сталинских премий писателям заявил, что один из выдвинутых на премию «литератор с русской фамилией на самом деле является евреем» и ему потому не следует давать премию. Потом, правда, Сталин «смиловился».

Из этого неосведомленные читатели неизбежно сделают вывод, что, мол, в те годы в число писателей-лауреатов случайно «проскользнул» один-единственный еврей. Я не поленился (раз уж Семенов поставил этот вопрос) просмотреть списки литераторов – сталинских лауреатов, и выяснилось, что в 1950 году из 28 пишущих на русском языке литераторов-лауреатов евреев было 9, а в 1951-м из 21 лауреата – 6 (за 1952 год премии уже не присуждались), то есть примерно 30 процентов... Конечно, Сталин очень плохо обошелся

со многими евреями, но все же отнюдь не в большей степени, чем с русскими и с людьми других национальностей. Однако зачем рассказывать заведомо лживые байки?

Теперь о критических суждениях о людях «еврейской национальности». Совершенно недопустимо квалифицировать как «антисемитизм» любую критику поведения таких людей в сфере экономики, политики, идеологии, культуры. Если это необходимое условие нарушается, результаты могут быть поистине ошеломляющими.

Так, в 1923 году Д. Заславский опубликовал специальное «исследование» – «Евреи в русской литературе». Стоит сообщить читателям, что этот заслуженно забытый ныне публицист (годы его жизни 1880–1965) был в течение длительного времени очень популярным и очень влиятельным. Он издал десятки книг и тысячи статей на самые разные темы, в частности, в течение более чем тридцати лет постоянно печатался на страницах «Правды». Приведу несколько цитат из его названного выше сочинения (жаль, что из-за большого объема его нельзя привести целиком):

«Гоголя, как и Пушкина, можно назвать антисемитами. Литература их времени не считала нужным скрывать или маскировать свои чувства к евреям». Далее, цитируя стихи Некрасова, Заславский писал, что они «идут значительно дальше обличения жидов-банкиров.

Прочь! гнушаюсь ваших уз!
Проклинаю процветающий,
Все-берущий, все-хватающий,
Все-ворующий союз!..

Поэту, – пояснял Заславский, – чудится “всеобщий союз”, крепкая спайка еврейского мира, проникшего в запретную для них страну». Однако к концу XIX века, развивает свою мысль Заславский, «исчезает свободное отношение к евреям – вот такое, какое было у Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, молодого Толстого. Так как говорить дурно об

евреев нельзя, — этого не позволяет хороший прогрессивный тон, — то литература предпочитает совсем не говорить об евреях». Но Заславского не проведешь. «Вряд ли можно сомневаться в том, — заявляет он, — что Толстой не любил евреев, питал к ним враждебное чувство и именно поэтому избегал говорить о них... Традиция такого молчания прочно укоренилась в русской художественной литературе».

Итак, с точки зрения Заславского, любое критическое суждение о евреях и даже молчание о них (вместо восхваления) есть антисемитизм. Надо прямо сказать, что он ошибался, говоря о некоем «трусливом» молчании русской литературы о евреях после Некрасова. Дело совсем в другом: собрания сочинений Толстого, Лескова, Чехова, Куприна, Блока, Андрея Белого и многих других с конца XIX века издавались и продолжают до сих пор издаваться в урезанном виде¹²⁹ (при этом сокращения касаются только одного — еврейского — «вопроса»), даже если называются «полными».

Так, лишь в наши дни благодаря поистине исключительной энергии и мужеству Г. М. Фридлендера под его фактическим руководством впервые издан «полный» Достоевский¹³⁰; есть надежда, что этому примеру последуют издатели сочинений других классиков.

Не следует думать, что беспардонные рассуждения Заславского, объявившего всех русских писателей антисемитами, были неким странным исключением. В 1934 году А. Лежнев в своей книге «Два поэта. Гейне. Тютчев» заклеил как «антисемитов» Герцена, Аполлона Григорьева и Блока, ибо они «позволили» себе критически писать о Гейне. Правда, А. Лежнев счел нужным отметить, что эти три русских писателя не совсем уж плохи, ибо у них, как он оговорил, «нет грубой, физиологической» неприязни к евреям, которая дает себя знать у Достоевского, Гоголя или даже Тургенева.

Нынешние «борцы с антисемитизмом» уже не решаются писать нечто подобное о классиках¹³¹, хотя эта практика продолжается на Западе, особенно в Америке, где, например (об этом не раз сообщалось в нашей печати), изымаются из

многих школьных библиотек как «антисемитские» сочинения Шекспира, Гёте, Канта, Диккенса¹³² и других великих деятелей мировой культуры; «антисемитской» там называют даже работу Карла Маркса «К еврейскому вопросу»...

Но «метод», продемонстрированный в сочинениях Заславского и Лежнева, постоянно используется сегодня в борьбе против неугодных кому-либо виднейших *современных* писателей – В. Астафьева, В. Белова, Ю. Кузнецова, С. Куняева, В. Распутина¹³³ и других. Никто не возражает, когда эти и другие писатели говорят о злобных политических, идеологических, научных деятелях или дельцах какой-либо иной национальности, но если речь заходит о таких же деятелях еврейской национальности, сразу же сыплются обвинения в антисемитизме, шовинизме, черносотенстве, даже фашизме.

И надо прямо сказать: этого рода «практика» неизбежно ведет к результату, прямо противоположному задаче, которую вроде бы ставят перед собой некоторые литераторы: все большее число людей начинает ясно понимать, кто является собой действительных шовинистов, не терпящих абсолютно никакой критики в свой адрес...

Кстати, нужно уж тогда быть последовательными и открыто называть «антисемитами» Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Белинского, Герцена, Достоевского, Толстого, Чехова, Блока и других. А то ведь те же самые люди, которые приходят в ярость от каких-либо суждений сегодняшних писателей, одновременно до небес восхваляют «антисемитов», уже признанных классиками. Это весьма неприятное лицемерие.

Вот, скажем, Чехов написал в 1897 году: «Такие писатели, как Н. С. Лесков и С. В. Максимов, не могут иметь у нашей критики успеха, так как наши критики почти все – евреи, не знающие, чуждые русской коренной жизни, ее духа, ее форм, ее юмора, совершенно непонятного для них, и видящие в русском человеке ни больше ни меньше как скучного инородца» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Т. 17. М., 1980. С. 224; в десятках предшествующих изданий это вы-

сказывание Чехова печаталось с такими сокращениями, которые делали его совершенно непонятным).

Именно такого рода суждения использовали литераторы типа Заславского и Лежнева, чтобы объявить всех русских классиков «антисемитами». Между тем Чехов говорит просто о прискорбном факте, в котором выражается даже не столько *вина*, сколько *беда* людей, возжелавших стать критиками без должного проникновения в жизнь, вдохновившую оцениваемую ими литературу. И конечно, никакого антисемитизма – то есть враждебного отношения к евреям как таковым – в высказывании Чехова нет. Он говорит только об определенном печальном явлении в мире тогдашней литературы. Но представьте себе, если бы что-нибудь подобное высказал современный писатель, – какой бы поднялся истерический крик!

Впрочем, хватит об этом. Возвращусь в последний раз к «письму одиннадцати». Читатели видели, что в «письме» речь идет почти исключительно о статье Дементьева; критика в адрес других авторов «Нового мира» занимает менее одной десятой части «письма». И можно с полным основанием утверждать, что ни авторы «письма», ни сотрудники и авторы журнала «Молодая гвардия» не имели никаких претензий к самому Александру Твардовскому, – хотя сегодня нас пытаются уверить в обратном, в том, что и авторы «письма», и «Молодая гвардия» стремились «изничтожить» Твардовского.

Достаточно просмотреть номера журнала «Молодая гвардия», вышедшие накануне появления статьи Дементьева, чтобы полностью отвергнуть это обвинение.

Вот июльский номер «Молодой гвардии» за 1968 год, который еще подписан заместителем главного редактора Сергеем Викуловым (то есть одним из авторов «письма»), ставшим с августа того же года главным редактором «Нашего современника». Здесь Твардовский назван «крупнейшим советским поэтом» и говорится об «идейно-художественном богатстве» его поэмы «За далью – даль».

Или ноябрьский номер «Молодой гвардии» за тот же 1968 год – о «Василии Теркине»: «Какое многогранное и глубокое постижение деяний, дум, порывов и чувств человеческих!»

И наконец, февральский номер за 1969 год, то есть за два месяца до появления разгромной статьи Дементьева; речь идет об очерке Твардовского «Как был написан “Василий Теркин”»¹³⁴, очерке, который, по характеристике журнала, «раскрывает сущность поэтического творчества».

Так относились в «Молодой гвардии» к Твардовскому. Некоторые бывшие сотрудники «Нового мира» пытаются как бы отождествить самих себя с Твардовским. Когда будет серьезно исследована история журнала в 1960-е годы, станет ясно, что это не соответствует действительности. В глубоком смысле Твардовский в последние свои годы был, без сомнения, ближе к тому направлению, которое рождалось, складывалось в «Молодой гвардии», нежели к так много говорящим о нем сегодня сотрудникам «Нового мира».

В те годы он писал:

...Дивиться надо: при Советской власти –
И время это не в далекой мгле –
Какие только странности и страсти
Не объявлялись на родной земле.
Доподлинно, что в самой той России,
Где рожь была святыней от веков,
Ее на корм, зеленую, косили,
Не успевая выкосить лугов.
Наука будто все дела вершила.
Велит, и точка – выполнить спешит:
То плугом пласт
Ворочай в пол-аршина.
То – в полвершка,
То – вовсе не паши.
И нынешняя заповедь вчерашней,
Такой же строгой, шла наперерез:

Вдруг – лес корчуй
Для расширения пашни,
Вдруг – клеверище
Запускай под лес...
И распорядок жизни деревенской,
Где дождь ли, ведро – не бери в расчет, –
Какою был он мукою мученской, –
Кто любит землю, знает только тот...¹³⁵

Тридцатью годами ранее Твардовский – «так это было...» – принимал как должное бессмысленный террор против крестьянства. Теперь он отвергает как гибельный абсурд даже и «ломку» способов ведения хозяйства, диктуемую властной «наукой».

Не собираюсь лакировать и выпрямлять реальные отношения Твардовского к «Молодой гвардии». Он, признанный крупнейший поэт, едва ли даже и читал этот журнал¹³⁶, – разве только слушал то, что ему сообщали о нем Дементьев и другие. И, конечно, очень удивился бы, если бы прожил еще несколько лет и узнал, что наиболее высоко ценимые им авторы «Нового мира» – такие как Ф. Абрамов, В. Белов, С. Залыгин, В. Шукшин, – оказались ведущими авторами «наследника» «Молодой гвардии» – «Нашего современника».

Идея, которая впервые выявилась именно в «Молодой гвардии», была идеей возрождения родной природы, тысячелетней истории, естественного народного бытия, духовных ценностей. Эта идея была заострена против всяческой «ломки» – от «переброски» рек и разрушения храмов до «переделки» человека и внедрения «новой», «амбивалентной» нравственности.

Вполне закономерно и понятно, что поначалу эта идея выражалась в несовершенных, даже неуклюжих формах, было немало наивности, темноты и простого невежества. С другой стороны, сложная обстановка и непреодоленные предрассудки нередко искажали истинное направление исканий, вноси-

ли в них чужеродные элементы. Все это, конечно, заслоняло для многих – в том числе и для Твардовского – суть дела.

И все же плодотворное развитие шло. Выше цитировались некоторые материалы «Нового мира», воспевающие ту самую «переброску» или торжествующие по поводу уничтожения Иверских ворот. Но *главное* даже не в этом. Активнейшие сотрудники «Нового мира» были целиком вдохновлены не только освобождающим души докладом Хрущева, но и всей его программой, продиктованной все тем же пафосом «ломки».

А главное было в том, что в отличие от «Нового мира» направление «Молодой гвардии» исходило не «сверху», а «снизу», не из директивы, а из пробуждающегося осознания подлинных ценностей жизни народа.

Еще раз повторю: на страницах «Молодой гвардии» это сознание присутствовало в еще очень незрелых, невнятных, нередко даже искаженных проявлениях, но – присутствовало. В 1970-е годы это «направление» выразилось уже достаточно широко и зрело – выразилось в утверждении бесценности земли перед все нарастающими экологическими угрозами, в открытии величия и неисчерпаемых уроков тысячелетней истории страны, в выдвижении на первый план духовных и нравственных устоев народной жизни. Именно эти устремления к подлинным основам бытия воплотились, например, в лучших произведениях, публиковавшихся в самые «застойные» годы в «Нашем современнике».

И эти же устремления, как я убежден, остаются *самыми существенными и для нынешнего времени*. А открытое провозглашение их – взамен «идеи» все новой и новой ломки «до самых последних глубин» – произошло в «Молодой гвардии» второй половины 1960-х годов (хотя, конечно, не только в этом журнале). И тогдашняя атака на журнал была, без сомнения, своего рода рецидивом того отношения к миру, которое нашло свое полное выражение в сталинизме. И тот же Дементьев до конца своих дней был типичнейшим сталинистом.

Не может не тревожить, что пафос «ломки» весьма – а подчас и крайне – активно обуревает многих нынешних лите-

раторов. Особенно печально, что он характерен иногда даже для людей серьезного склада (о «взглядах» тех «прорабов перестройки», которые еще вчера пели дифирамбы Брежневу, вообще не стоит говорить).

Но вот серьезный экономист и писатель Н. Шмелев. В 1982 году (как раз тогда, когда В. Коротич воспевал брежневские мемуары) он написал повесть «Пашков дом», которую смог опубликовать только в 1987 году¹³⁷. В повести очень примечательный «групповой портрет» тех «радикальных» деятелей 1960-х годов, которые так или иначе ориентировались на наиболее «левые» тенденции «новомирского» характера. Действие происходит в 1968 году – то есть как раз в интересное нас время.

«Это все был интересный народ. Говорили они смело, резко, размашисто... Все болевые точки они знали, что называется, наизусть, ответы на вопросы у них были четкие и, как правило, однозначные: ломать, все ломать, все прогнило, все надо заново, иначе нет никаких надежд, иначе тупик... Ломать – не строить? Демагогия! Нет, чтобы построить, надо прежде всего сломать, именно сломать...

Как, откуда взялась у них эта размашистость? Эта способность не щадить никого и ничего? Эта слепота, нежелание видеть, что за благородными словами и намерениями вновь, в который раз, маячат кровь и разрушение? Наконец, это легкомысленное пренебрежение к вещам, которые, казалось бы, теперь-то уж должны быть очевидны для всех – *к тысячелетним корням, к урокам и опыту истории, к логике самодвижения такого огромного, такого сложного организма, каким является народная жизнь*. Было! Все было, дорогие мои... И что вы ни делайте, как ни бейтесь, но она рано или поздно все равно возьмет свое и пойдет именно тем путем, каким ей от века только и надлежало идти... Он, этот путь, органически вышел из всего нашего прошлого, из нашего характера, нашего отношения к себе и другим, из нашего – не чужого, а именно нашего – способа жить. Он может не нравиться, этот способ жить... Но он наш.

Грустно, но все возвращается на круги своя... Как легко они швыряются сотнями тысяч и миллионами – одних туда, других сюда! Как мало им надо, чтобы объявить всю мятущуюся, задавленную заботами, изнемогающую в борьбе за жизнь человеческую массу быдлом, а тех, кто ведет эту толпу – негодьями, зажавшимися на дармовых хлебах... И как горят у них глаза, когда мечты их заносят в такую даль, где они уже ясно видят себя хозяевами жизни и человеческих судеб! Безначалие? Нет, не безначалие! Они не за безначалие, они лишь за другое начальство, составленное из них самих... О, какими же жестокими бывают у них иногда глаза, какой металл звучит в голосе, как они точно знают все, что обязано быть! И каким же тошнотворным, трупным запахом тянет в воздухе, когда они произносят даже такие слова, как свобода, равенство, братство, человек...» (курсив мой. – В. К.).

Так написал о рвавшихся в шестидесятые годы к власти новых сталинистах или, скажем, бухаринцах прозаик, художник слова Н. Шмелев. Однако, как ни странно, экономист Н. Шмелев говорит совсем иное¹³⁸. Он, по сути дела, предлагает «пересадить» к нам целый ряд зарубежных экономических «моделей», включая перманентную безработицу, «стимулирующую» напряженный труд тех, кто имеет работу (поскольку без безработицы «модель» не сможет осуществиться). Вольно или невольно, но он все же уподобляется прототипам созданного им «группового портрета», хотя – пользуясь словами его повести, – «казалось бы, теперь-то уж должна быть очевидна логика самодвижения такого огромного, такого сложного организма, каким является народная жизнь».

Разумеется, не один Шмелев делает сегодня ставку на зарубежные «модели» – в частности для сельского хозяйства. Дело вовсе не в том, что эти модели плохи. Я хочу прежде всего обратить внимание на чрезвычайно важный факт, который Шмелев и другие (что, кстати, в высшей степени странно!) почему-то не замечают. Ведь, скажем, в США, в странах Западной Европы (и взятых в целом, и даже в каждой по отдельности) и в Японии, то есть странах, где сельское хозяйство (по

крайней мере в сравнении с нашим) процветает, господствуют совершенно разные модели, сложившиеся в течение веков на почве глубоко различных природных и исторических условий. При этом почти из каждого обстоятельного журнального очерка или телевизионного репортажа, посвященных успехам сельского хозяйства в США или Франции, Голландии или Японии, можно узнать, что одним из основных залогов этих успехов является бережное сохранение тех или иных многолетних или даже вековых традиций – разумеется, традиций, глубоко своеобразных в каждой стране, вытекающих из своеобразия природных условий, исторически сложившихся отношений между людьми, в конце концов, даже господствующей в данной стране религии. Поэтому идея заимствования «моделей» сельскохозяйственной (да и вообще производственной) деятельности из других стран явно несерьезна. Можно заимствовать орудия труда (включая машины), приемы работы, те или иные породы скота или сельскохозяйственные культуры, – хотя даже и тут необходимо совершенно особенное их применение. Но невозможно заимствовать сложную и с необходимостью имеющую свой целостный характер «модель». И если даже все-таки «пересадить» такую модель, это не приведет к успеху.

Задача подъема сельского хозяйства не может быть решена без глубокого и самого тщательного изучения многовекового отечественного опыта. У нас, как и в любой другой стране, складывались совершенно особенные отношения людей и природы, далее, сами трудовые взаимоотношения людей, их представления о ценности и цели труда и т.д. и т.п. И главная причина поистине бедственного положения сельского хозяйства (около 100 миллионов сельских жителей – и не хватает продовольствия!) состоит, без сомнения, в том, что формировавшуюся веками «модель» ломали и коверкали из десятилетия в десятилетие и даже из года в год. Необходимо пристально и глубоко обратиться к прошлому; кстати сказать, в любой области человеческой деятельности вообще без обращенности в прошлое можно только разрушать; созидание же немислимо без глубочайшего внимания к прошлому.

Было бы неправильным идеализировать состояние до-революционного сельского хозяйства (некоторые авторы грешат этим), но нельзя не напомнить, что тогда государство не вкладывало в сельское хозяйство ни рубля (только в порядке возвращаемых ссуд), а сейчас вкладываются сотни миллиардов рублей – и без толку!

Я далеко ушел от литературных споров, но я убежден, что та полемика, которая состоялась в 1969 году, имеет самое прямое отношение и к проблемам сельского хозяйства.

Собственно говоря, та полемика – как я и стремился показать – была так или иначе связана с жизнью страны в целом. Потому и стоило напомнить о ней.

Литература и демопартократия (размышления после съездов писателей и народных депутатов РСФСР)

Не скрою, что только после долгих и трудных колебаний я решился принять предложение «ЛГ» и выступить на ее страницах с этой статьей. Михаил Лобанов, чье поведение в литературе на протяжении десятилетий – образец для каждого литератора, публикуя в «Литературной России» (№ 2, 1991) свое сочинение¹, написанное по заказу «ЛГ», сообщил в примечании «от автора», что «вынужден отказаться от сотрудничества с “ЛГ”, окончательно превратившейся в трибуну узкогрупповых интересов». Да и сам я одновременно с М. Лобановым говорил на страницах газеты «День» (1991)², что руководители «ЛГ» «все более становятся не имеющими своей воли марионетками в руках крайне агрессивного коллектива», который в своих «методах работы», в сущности, уже достиг высшего «партаппаратского» уровня.

И нельзя не понимать, что, выступая в «ЛГ», я волею-неволей помогаю создавать ей репутацию «демократической», «плюралистической» газеты, хотя покамест «пропорция» различных голосов на ее страницах напоминает о старинном

анекдоте про котлеты из мяса рябчика с добавлением конины в такой пропорции: «один рябчик – один конь»...

Почему же я все-таки согласился опубликовать в «ЛГ» вот эту свою статью? Прежде всего потому, что она по основному своему содержанию обращена к литераторам и вообще мыслящим людям не только России, но и всей страны. А «ЛГ» (хотя, став – как сама газета себя сомнительно величает – «свободной трибуной»³, потеряла свыше 76 процентов подписчиков* – больше, чем какая-либо другая из центральных и общероссийских газет), я надеюсь, все же так или иначе доходит до деятелей литературы и культуры во всех республиках.

Я же считаю важным и даже необходимым сказать о том, что совершилось за последнее время в Союзе писателей России, тем – очевидно, многочисленным – людям, чьи духовные устремления выражают такие выдающиеся писатели и поэты (называю имена лишь тех, чьи творения я хорошо знаю и даже писал о них⁴), как абхазы Баграт Шинкуба и Алексей Гогуга, армяне Размик Давоян и Грант Матевосян, грузины Ираклий Абашидзе и Чабуга Амирэджиби, казах Мурат Ауэзов, литовец Марцелиус Мартинайтис. Разумеется, между мной и кем-либо из них могут быть те или иные разногласия – возможно, даже очень резкие. Но есть и надежда на взаимопонимание.

Разумеется, я в равной мере обращаюсь и к русским читателям, ибо очень многим из них внушено абсолютно превратное представление о сегодняшнем Союзе писателей России и, в частности, о его съезде в декабре 1990 года. Целый ряд изданий так или иначе «намекал», что на этот съезд были-де попросту, без каких-либо «демократических процедур» собраны заведомые «реакционеры»⁵, «партаппаратчики», «шовинисты» или даже «сталинисты» и «фашисты», которые приняли соответствующую программу действий и выбрали соответствующее руководство союза.

* Со второго квартала 1991 года вернули свои подписки «ЛГ» еще около 30 тысяч человек.

Причем эту стопроцентную ложь распространяли в средствах массовой информации даже некоторые делегаты съезда⁶ (непонятно, впрочем, каким образом подобные «диссиденты» могли бы попасть на организованный чисто «командным» способом съезд?).

В действительности же делегаты съезда были избраны самым что ни на есть демократическим путем: ничем не ограниченным выдвижением кандидатур и последующим тайным голосованием во всех отдельных писательских организациях России (организациях автономных республик, краев, областей и т.д.), где каждый голосующий хорошо знал личность любого кандидата.

Эти выборы были прямо-таки несравнимо более *демократичными*, нежели, скажем, выборы народных депутатов РСФСР⁷, ибо подавляющее большинство людей, избравших этих депутатов, знали что-то о предложенных им кандидатах только из крикливых листовок, газетных статей, радио- и телепередач. Один из благороднейших и разумнейших политических деятелей начала XX века, погибший в 1919 году в ВЧК, Д. Н. Шипов (о нем, в частности, не без восхищения и даже благоговения рассказывает А. И. Солженицын в своем «Августе Четырнадцатого»), обоснованно доказывал, что подлинные выборы обязательно должны быть «многоступенчатыми» и начинаться в сравнительно небольшом кругу таких избирателей, которые действительно знают личности кандидатов. В противном же случае побеждают чаще всего те кандидаты, которые вместе со своей «командой» сумели с помощью различных средств мощнее других «нажать» на психику избирателей...

Но вернемся к декабрьскому съезду писателей. Нет сомнения, что он выразил основные настроения и волю абсолютно преобладающего большинства писателей России. И люди, негативно оценивающие этот съезд, должны отдать себе ясный отчет в том, что они тем самым оказываются в противостоянии не с некими «аппаратчиками», но с литературой России в целом. Правда, очень многие из тех, кто

отрицательно отнесся к съезду, попросту не имеют никакого понятия о его истинной направленности и смысле, ибо беспардонно обмануты средствами массовой информации – в частности, и «ЛГ». И к этим людям прежде всего обращена моя статья.

26 декабря прошлого года в «ЛГ» появился фельетон «Агрессия безобразного», подписанный совершенно не известным мне и, уверен, подавляющему большинству читателей членом СП РСФСР (А. Иванченко). Но именно эта своего рода «анонимность» неизбежно заставляет понимать данный материал как выражение «позиции» самой газеты. В «Агрессии безобразного» утверждалось, в частности: «Съезд выбрал многоголовое чудовище – правление», и цель его – «захват власти в “большом” Союзе писателей на предстоящем его съезде». Итак, читателям внушалось, что новое правление Союза писателей России – это сборище неких монстров, которых, так сказать, нельзя и пускать в «приличное общество».

Чтобы сразу и неоспоримо показать, насколько лжива цитированная фраза, сообщу следующее. В «ЛГ» недавно было создано свое достаточно «многоголовое (около полусотни человек) правление» – неизвестно кем избранный или назначенный «Общественный совет “ЛГ”» (список его публикуется в конце каждого номера газеты). Сюда вошли писатели России и других республик, а также люди иных профессий. И если просмотреть перечень российских писателей, числящихся в этом «правлении» газеты, выяснится, что *более половины* из них (Л. Бежин, А. Битов, Р. Гамзатов, Д. Гранин, Ю. Друнина, А. Жигулин, М. Каримов, А. Ким, Б. Можаев, В. Розов, Ю. Рытхэу) были избраны на декабрьском съезде в то самое правление писателей России и в ту самую делегацию России на съезд писателей СССР, которые на страницах той же «ЛГ» названы «чудовищем» и орудием «захвата власти»! Получается, что «ЛГ», подобно знаменитой гоголевской героине⁸, сама себя (или, точнее, свой собственный «Общественный совет») высекала...

Но пойдем далее. Часть имен из состава правления, избранного на съезде, уже названа. Кто же еще входит в это – избранное, кстати сказать, опять-таки совершенно демократическим путем – правление, которое обозвано в «ЛГ» «чудовищем»? Ну, хотя бы В. Астафьев, Д. Балашов, В. Белов, В. Боков, Л. Бородин, О. Волков, Н. Воронов, Т. Глушкова, В. Гусев, И. Евсеенко, Б. Екимов, А. Жуков, С. Залыгин, А. Знаменский, В. Кочетков, П. Краснов, Ю. Кузнецов, С. Куняев, А. Ланщиков, В. Лихоносов, В. Личутин, М. Лобанов, О. Михайлов, Е. Носов, П. Палиевский, В. Потанин, В. Распутин, Э. Сафонов, В. Солоухин, Н. Скатов, Б. Споров, А. Ткаченко и другие столь же весомые имена, не говоря уже о многочисленных именах писателей, вошедших в литературу позднее перечисленных*.

Если верить уже цитированной статье «ЛГ», на съезде господствовала-де (цитирую) «тоталитарная» и «советская пошлость». Это не просто мерзкая, но еще и мерзко кощунственная клевета, так как, например, каждый пятый из перечисленных членов правления прошел – кто раньше, кто позже (вплоть до 1980-х годов) – через концлагеря и спецпоселения...⁹

Для «либерально» ориентированных читателей сообщу еще, что произведения половины из перечисленных писателей, в том числе не только В. Астафьева, В. Белова, Н. Воронова, В. Лихоносова, но и Т. Глушковой, В. Гусева, О. Михайлова, А. Ткаченко, печатал в своем «Новом мире» Твардовский.

Впрочем, широко распространяется еще одна столь же клеветническая версия, согласно которой в последнее время многие русские писатели в корыстных целях изменили-де прежним своим убеждениям. Но на это дикое обвинение неплохой ответ был уже дан в статье одного из очень и очень

* Чтобы назвать ведущих «более молодых» членов правления Союза писателей России, пришлось бы привести внушительный ряд имен от А до Я: от А. Афанасьева, М. Ворфоломеева и В. Бондаренко через В. Крупина, С. Лыкошина и В. Маканина до С. Рыбаса, Н. Утехина, Е. Чернова и т.д.

немногих авторов нынешней «ЛГ», стремящихся к объективности. В номере от 23 января сего года А. Латынина сообщила¹⁰, что она «морщится», читая «нашу демократическую прессу с описанием прошедшего съезда (писателей России. – В. К.)... когда мне объясняют, что вопят они (писатели России. – В. К.) потому, что кормушку теряют, я никак не могу с этим согласиться... Да произноси Распутин пламенные речи на демократических съездах, его бы куда больше издавали и переиздавали, по всем заграничным университетам на руках бы пронесли и валютой сверх головы засыпали... быть демократом сегодня, если уж на то пошло, куда выгоднее, чем быть консерватором».

Добавлю к этому, что если бы Ю. Бондарев вел себя ныне подобно А. Ананьеву¹¹, он также стал бы героем «демократической» прессы (кстати сказать, и Бондарев – в отличие от Ананьева – был автором «Нового мира» при Твардовском).

А еще необходимо уточнить: быть истинными *консерваторами*, каковыми в пору своей зрелости являются – и подвергаются за это жестокой либеральной травле – и Пушкин, и Тютчев, и Гоголь, и Достоевский, и Толстой, и Лесков, и Розанов, и Солженицын и т.п. (либералами же и тем более радикалами в их времена, как и ныне, пребывали лишь второ- и третьестепенные писатели), «невыгодно» отнюдь не только «сегодня» (как пишет А. Латынина), а *всегда* – по крайней мере в России.

Но вернемся к перечисленным выше членам правления Союза писателей России. Более трети из них избраны не только членами правления, но даже и его *секретарями*, то есть они, так сказать, во всех смыслах «представляют» современный Союз писателей России. Что же о них следует сказать?

Во-первых, это люди, которые – за немногими исключениями – родились и выросли (как и почти все наши классики) во глубине России, а *более трети* из них и сегодня живут и работают там, хотя давно могли бы «устроиться» в

выгодных столичных условиях подобно всем без исключения литераторам-«демократам».

Во-вторых, это люди *понимания*, а не люди *позиции*; слово «позиция» – одно из самых популярных ныне, а ведь означает оно (сам *язык*, само слово ведь никогда не лжет! – лгут употребляющие слово люди) *изменяемую* (неразрывно связаны слова «сменить» и «позицию») в зависимости от внешних «обстоятельств» идеологическую установку человека. Общеизвестно, что подавляющее большинство среди руководителей нынешних «демократов» – это вчерашние партократы; среди людей, играющих первые роли в «демократической» литературе, нет буквально *ни одного* «диссидента», который до 1985 года не имел возможности печататься или, тем более, был лишен свободы. В «патриотической» же литературе на первом плане присутствуют, например, печатавшиеся только за границей И. Шафаревич и В. Тростников и даже *только вчера* вышедшие из заключения Л. Бородин и В. Осипов¹².

В-третьих (что, правда, тесно связано с «во-вторых»), писатели России, о которых идет речь, выработали и выстрадали свои убеждения в условиях очень и очень трудного времени. В частности, они поняли – хотя бы в основном и главном, – что такое революция, Гражданская война, коллективизация и т.д. еще *двадцать, тридцать* или даже более лет назад. Не так давно Василий Белов, отвечая на соответствующий вопрос интервьюера, сказал¹³, что за «время перестройки» он не прочитал ничего, поразившего его. По этому поводу в нескольких изданиях имел место прямо-таки вой возмущения¹⁴ – как же это так?! Но возмущались-то люди, для которых до 1985 года крайней степенью «разоблачения» были хрущевский доклад и эренбургские мемуары, своего рода «пик» которых (см. книга 5, глава 15) фраза: «Берия снова откроет огонь по своим» (замечу, что если уж в самом деле по *«своим»*, то, значит, Берия пользу приносил!).

В-четвертых... Впрочем, о современных писателях России можно сказать очень многое. Ограничусь итоговым и главным: они обладают сегодня наиболее глубоким (в срав-

нении с любой иной нынешней социально-профессиональной группой людей) пониманием того, что произошло и происходит в России. Их творчество и их мысль выросли не из «трепа» в столичных кухнях и слушания зарубежных «голосов», а из реального и долгого жизненного опыта, нераздельного с бытием народа. И отмечу еще, что с этим их опытом постоянно сверяли свою мысль и свои устремления и те несколько собственно «столичных» по месту жизни литераторов, которые названы в приведенном выше перечне.

И, естественно, для писателей этого ряда неприемлемы сочинения тех, кого считают «основоположниками» современной «демократической» литературы. Вот хотя бы один выразительный пример. Популярный стихотворец-«демократ» сочинил и до самого последнего времени переиздавал опус¹⁵, очень лирически воспевающий функционировавшую в свое время под Парижем, в местечке Лонжюмо, «Партийную школу» РСДРП. Оказывается, тогда, по мнению стихотворца, «России сердце само – билось в городе с дальним именем Лонжюмо». В этой школе, как известно, учились 10 отборных большевиков: И. Чугарин – будущий член Президиума и ответственный секретарь Всероссийской ЧК, И. Шварц – председатель Всеукраинской ЧК, Б. Бреслав – зам. председателя Московской ЧК, И. Белостоцкий – председатель Пермской ЧК и т.д. Вот такое «сердце России» билось в этом самом Лонжюмо...

Кто-нибудь может сказать «в защиту» стихотворца, что он, мол, этого не знал. Однако такой оборот дела еще хуже: недопустимо безответственно восхвалять то, о чем не имеешь реального представления, а именно этим постоянно занимались и занимаются «демократы», русским писателям, перечисленным выше, это отнюдь не свойственно. И они понимали основную суть событий и тогда, когда «демократические» борзописцы со слезой в голосе пели о «комиссарах в пыльных шлемах»¹⁶...

Сегодняшние «демократы» по своей внутренней сути являют собой «демопартократов» в самом точном значении

слова, и это можно подтвердить многочисленными и нередко прямо-таки разительными «совпадениями».

Вот хотя бы одно из них. В июне 1933 года был отправлен в ГУЛАГ и затем расстрелян один из величайших и прекраснейших людей XX века – П. А. Флоренский. В «обвинительном заключении» утверждалось, что он-де входил в «руководящий центр национал-фашистской организации, называвшей себя “Партией Возрождения России” и даже устроившей “конфиденциальное свидание с Гитлером”».

И что же? В 1990 году «демократ из демократов» Л. Никитин издает книгу (слово «демократия» блестит на первой же ее странице) «Здесь и теперь. Современный опыт философско-религиозного исследования» («демократы» и в эту сферу сегодня рвутся), где, отметив (время требует!), что, «конечно, Флоренский большое явление в русской философии», автор тем не менее буквально повторяет «обвинительное заключение» 1933 года:

«...отец Павел, один из самых ярких ревнителей... ретроградного направления, проявляет подчас такие зловещие признаки... например... громит марбургскую школу неокантианцев... почти с тем же непробиваемым пафосом собственной доброкачественности, с которым через 10–15 лет Геббельс открыто назовет их “жидами”...»

Вероятно, автор этой роскошной фразы возопит, что сам он не стал бы приговаривать Флоренского к расстрелу. Но «платформа»-то у него совершенно та же, что и у Радзивиловского, который в 1933 году подписал цитированное выше – с точки зрения «демократа» Никитина, вполне правильное по своей сути – «заключение». А ведь важно именно обвинение: кара – дело наживное.

И еще одно соображение: писатели России вправе сегодня гордиться тем, что «демопартократы» в своих атаках на них ставят их в один ряд с такими людьми, как П. А. Флоренский...

Я уже сказал, что писатели России вернее и глубже, чем кто-либо, понимают не только прошлое, но и нынешнее со-

стояние и проблемы своей страны в контексте современного мира. Литераторы-«демократы» ужасно любят употреблять по отношению к себе словечко «независимые», а своих оппонентов облыжно обвиняют в зависимости от «партократов». Между тем когда на съезд писателей России явился И. К. Полозков¹⁷, ему не дали не только слова, но и места в президиуме. Писатели России в своем большинстве действительно *независимы* и от партократов, и от новоявленных «демократов». А литераторы-«демократы», напротив, готовы носить на руках и вчерашних партократов, в одночасье объявивших себя «демократами», и их идеологическую службу в лице увенчанных в пору застоя всеми регалиями академиков, членов-корреспондентов, профессоров.

Еще вчера эти «обществоведы» превозносили экономику «развитого социализма», имеющую, по их тогдашнему мнению, неопределимые преимущества перед капитализмом, и советскую власть, которая трактовалась как власть подавляющего большинства людей, а сегодня их заветные понятия – *«рынок»* и *«правовое государство»*, каковые мы должны немедленно как-то «пересадить» к себе из «цивилизованных стран».

Не приходится сомневаться в том, что в пережившей гигантскую революцию стране неизбежно должна совершиться – в этом убеждает знание истории любой революции – *реставрация* (которая, разумеется, отнюдь не означает буквального – абсолютно невозможного – возврата к прошлому). Двадцать с лишним лет назад один из нынешних ярых «демократов», Ю. Карякин (в те времена он работал в престижном коминформовском журнале «Проблемы мира и социализма», а затем в самой «Правде» и был убежденнейшим марксистом), спросил меня, могу ли я в одной фразе сформулировать свое кредо. «Могу и в одном слове, – ответил я, – и это слово – *реставрация*». Карякин выказал и недоумение, и неудовольствие, а оказавшийся рядом еще один слушатель с подозрительной заинтересованностью стал выспрашивать, что я имею в виду. «Да ресторацию, черт возьми!»¹⁸ – отшутился я. – Вот мой идеал!..»

Словом, определенная *реставрация* неизбежна, и русские писатели (и Белов, и Бородин, и Гусев, и Лобанов...) понимали это еще и в 1960-х годах, а не после 1985 года, когда соответствующие «указания» были спущены сверху. И, конечно же, проблемы рынка и правового государства стоят сегодня в повестке дня.

Однако у вчерашних партократов и их обществоведческой obsługi, только что стремительно сменивших вехи, нет и не может быть реального и тем более глубокого (а именно таковое в данном случае необходимо) *понимания* этих проблем. Естественно, нет этого понимания и у примыкающих к ним литераторов.

Чтобы не ходить далеко за примерами, обращусь к уже цитированной мною статье А. Латыниной, которая к тому же, как уже сказано, принадлежит к немногим лучшим авторам нынешней «ЛГ». Она пишет, в частности, что до последнего времени «при помощи ТВ и средств массовой информации существенно завышалась продажная цена такого товара, как искусство, – скажем, поэзии Евтушенко или Вознесенского, но для этого необходимо было, чтобы “товар” находился под высоким официальным покровительством. Ныне же впереди будут, кажется, те, кто проявит больше таланта и изобретательности в области маркетинга (то есть рыночной деятельности. – В. К.). Но вопрос: совпадет ли талант предпринимателя с талантом художника?»

Здесь верно сказано, что даже самые крикливые стихотворцы не смогут, потеряв поддержку властей, благоденствовать в условиях рынка; их наверняка вытеснят еще более посредственные, но способные состряпать и разрекламировать свою более разудалую «развлекаловку» авторы. Но в то же время в приведенной цитате выразилась очевидная наивность. А. Латынина явно полагает, что вообще-то литература, искусство и культура в целом (а не только чисто развлекательный масскульт) будто бы могут, пусть и с трудом, развиваться в рыночных условиях.

Между тем государства капиталистических стран давно уже полностью вывели всю «серьезную» культуру за преде-

лы рыночных отношений. Чтобы убедиться в этом, достаточно, скажем, познакомиться с исследованиями И. А. Хижняка «США: государство, бизнес и культура 60–80-х годов XX столетия» (1986) и С. В. Воронина «“БлаготворительныеЭ фонды США» (1973). Познакомиться притом даже не с идеями авторов этих книг (их еще можно оспаривать), а с описанными в книгах реальными *фактами*. Те, кто полагает, что в условиях рынка возможно, например, существование симфонических оркестров или стабильных театров, – предельно простодушные люди.

Государство США, например, тратит на культуру многие миллиарды долларов в год. Значительная часть этих средств поступает через так называемые «фонды». Но совершенно превратно представление, согласно которому речь идет о пожертвованиях неких меценатов, подобных упомянутым в последние годы русским меценатам XIX – начала XX века. Современный западный бизнес не оставляет места для «чужаков» вроде С. Мамонтова, С. Морозова, К. Алексеева (Станиславского) и т.п., которые, кстати сказать, в конце концов разорались... В упомянутой книге С. В. Воронина (в ее названии слово «благотворительные» вполне правомерно взято в кавычки) убедительно показано, что государство США создало условия, при которых бизнесменам весьма и весьма *выгодно* создание культурных «фондов» – вплоть до того, что фонды эти даже и сами по себе приносят их создателям немалую прибыль (не говоря уже о многообразных и внушительных косвенных выгодах).

До 90 процентов книг в США издаются вне каких-либо рыночных отношений или за государственный счет, как все разнообразные учебные книги (а это более половины всей книжной продукции страны), или на средства фондов, как научные книги и художественные произведения молодых авторов. «Коммерческими» могут быть только или издания всякого рода развлекательной литературы, или книги безусловных знаменитостей (которые, прежде чем обрести славу, обязательно пользовались поддержкой государства и фондов).

Публицист П. Терокс иронически писал в статье «Деньги и искусство» (1981), что созданные для литературы США заведомо «внерыночные» условия «превратили американских писателей в испорченных, невротических, внутренне скованных пенсионеров, которые и пальцем не шевельнут, если не получают от фондов гарантий определенного взноса» (Хижняк. Указ. изд. С. 178).

К этому следует добавить, что даже из книг, издаваемых с коммерческим расчетом (а это не более десятой части от общего количества изданий), только треть дает прибыль, а остальные называются убыточными...

Между тем почти все наши туземные «демократы» наивнейшим образом полагают, что литература и культура в истинном значении этих слов будто бы способны существовать в условиях рынка. Редкое исключение в этом смысле – авторы пресловутого плана «500 дней»¹⁹. В изданной ими 300-тысячным тиражом «концепции и программе» под названием «Переход к рынку» (1990) есть пространный раздел «Нерыночный сектор», который начинается следующим разъяснением:

«При переходе к рыночной экономике важной задачей является поддержание и упрочение нерыночного сектора, то есть тех отраслей и видов деятельности, которые *в принципе* не могут ориентироваться на коммерческие критерии, но существование и результаты которых жизненно важны (точнее – жизненно необходимы. – В. К.). Нерыночный сектор занимает видное место в экономике любой развитой страны, и его состояние во многом (не во многом, а прежде всего. – В. К.) характеризует уровень ее развития, степень цивилизованности. К нерыночному сектору относятся фундаментальная наука, большая часть здравоохранения и образования, культура и искусство, охрана природы и т.п. ...Недостаточное развитие нерыночного сектора угнетающе действует на всю экономику» (это мягко сказано: без интенсивного развития образования, фундаментальной науки и культуры в целом общество – и в том числе, понятно, и его экономика – попр-

сту погибнет). Отсюда выводится обязательный «принцип» предлагаемой экономической политики: «Неснижение уровня государственной поддержки отраслей нерыночного сектора». «Неснижение», надо понимать, в сравнении со временем «застоя», когда, например, в СССР, население которого составляет не более 6 процентов мирового населения, издавалось (в совершенно «внерыночных» условиях) 20 процентов общемирового количества книг (экземпляров).

Как видим, составители программы «500 дней» в отличие от подавляющего большинства «демократов» ясно понимают, что культура (в подлинном, но и самом широком смысле «этого слова») и рынок – вещи несовместимые. Дело объясняется просто: составители этой программы давно принадлежат к самым привилегированным кругам идеологической obsługi и посему много бывали за рубежом, часто встречались с иностранцами и досконально узнали, на каких условиях живут в «цивилизованных странах» подобные им люди. Поэтому им и не приходит в голову фантазировать о каких-либо возможностях существования культуры в условиях рынка (как это делает, например, А. Латынина). Они безоговорочно оставляют культуру вне рынка.

Но те же самые знатоки оказываются незнайками, когда речь у них заходит об отрасли, к которой они сами не имеют непосредственного отношения, – о сельском хозяйстве. Здесь вместо знания – догматическое повторение вычитанных у Маркса–Энгельса тезисов, согласно которым вся капиталистическая экономика держится на рыночной конкуренции.

Не нужно доказывать, что проблема продовольствия у нас – самая тяжелая и самая острая. Противопоставление пустоты наших и преизобилия иных зарубежных прилавков является чуть ли не главным орудием «демократического» разоблачительства. Но чтобы «догонять» в этом отношении Запад, программа «500 дней» предлагает следующее:

«Агропромышленный комплекс наиболее подготовлен к введению рыночных отношений... Рыночные отношения в агропромышленном комплексе вводятся в полном объеме во

всех его звеньях без каких-либо ограничений». В результате, обещают авторы, «рост производства некоторых видов сельскохозяйственной продукции произойдет уже в первые 1–2 года...»

Здесь обнажается вопиющая некомпетентность наших скороспелых «рыночников». В первой половине XX века рыночное сельское хозяйство США и Западной Европы топталось на месте. Так, в 1910-х годах США производили в среднем 100 млн тонн зерна, Германия – 10 млн, Франция – 18 млн тонн, а в 1950 году – соответственно 140 млн тонн (то есть рост менее чем на 30 процентов, между тем как население США за это время выросло на 60 процентов), 11 млн тонн, 14 млн тонн. Так же обстояло дело и с другими продуктами сельского хозяйства, но именно на рубеже 1940–1950-х годов произошло коренное изменение экономической политики в сельском хозяйстве, и к 1985 году совершился поистине неслыханный рывок вперед: США – 317 млн тонн зерна, ФРГ – 26 млн тонн. Франция – 51 млн тонн.

О том, почему и как это происходило начиная примерно с 1950 года, кратко сказано в редакционной статье (с многозначительным заглавием «Парадоксы сельского хозяйства Запада») одного из авторитетнейших журналов («Шпигель») в 1988 году: «Чтобы максимально быстро модернизировать сельское хозяйство... правительства разных стран использовали один и тот же прием: они *исключили* аграрный сектор из *рыночной экономики*... Этот *новый способ* ведения сельского хозяйства... был взлелеян в искусственном мире государственных защитных пошлин, гарантированных цен и дотаций, ему не приходилось утверждать себя в конкуренции на свободном рынке... Западногерманские политики выделяют аграрному сектору субсидии, которые *впервые в истории экономики* превышают стоимость всей продукции сельского хозяйства» (выделено мной. – В. К.).

А наши «демократы» предлагают добиваться продовольственного изобилия прямо противоположным путем – посредством введения рыночной конкуренции «в полном объеме» и «во всех звеньях» сельского хозяйства...

Впрочем, чего и ожидать от «специалистов», в течение десятилетий бездумно воспевавших «развитой социализм». Они не понимают одной – и в общем-то простой – вещи. Да, только в условиях жестокой рыночной конкуренции можно добиться изобилия производства достаточно качественных и достаточно дешевых автомобилей, видеомагнитофонов, джинсов, косметики и т.п. товаров, ставших объектами самого массового потребления за последние десятилетия.

Но когда дело идет об абсолютно *необходимых* для существования общества «товарах» – о материальной и духовной пище, которые *были всегда* (а не только в эпоху рынка), – механизм рыночной конкуренции не срабатывает или по крайней мере работает весьма посредственно. Это, конечно, имеет свои сложные причины, о которых в двух словах не скажешь, но вышеприведенные соображения вполне бесспорны. И ясно, что самые превозносимые идеологии «демократов» (авторы «500 дней») не понимают истинного положения дел не только в России, но и на столь обожаемом ими Западе.

* * *

И, наконец, о «правовом государстве». Наши демократы сводят все дело к обузданию нарушающих законопорядок правителей. Но это лишь малая часть проблемы. Гораздо труднее и гораздо важнее ввести в незыблемые рамки правового государства поведение миллионов и миллионов «рядовых» людей.

И здесь, дабы резко высветить проблему, я решусь сказать крайне «невыгодные» сегодня слова. Одной из очень важных вех на пути к полноценному «правовому государству» в США было принятие в 1947 году «закона Тафта–Хартли», который, в частности, категорически запретил политические забастовки, «забастовки солидарности» и забастовки на государственных предприятиях. Этот закон постоянно проклинала советская пропаганда, но он действует неукоснительно.

Сравнительно недавно в США забастовали государственные служащие – диспетчеры аэропортов. Они явно надеялись на то, что их убоятся тронуть, так как дело шло о специалистах высшей квалификации и, более того, об «особенных» людях, которые самой природой наделены редкостной быстротой реакции на происходящее. И все же Рейган беспощадно уволил их всех без права возврата к их профессии. Решение было нелегким: пришлось мобилизовать военных авиадиспетчеров на время подготовки нового контингента. Но интересы «правового государства» были поставлены превыше всего. И это по-своему совершенно правильно. Ведь группа людей (пусть даже и весьма многочисленная), которая в тех или иных своих интересах ставит в чреватое тяжкими последствиями положение государство и общество в целом, – это, в сущности, группа *террористов*. И если в стране возможны такие действия, ни о каком «правовом государстве» не может быть и речи.

В апреле сего года в США забастовали работники железных дорог. Эта забастовка не подходила под «закон Тафта–Хартли», поскольку дороги принадлежат частным компаниям, а требования бастующих были чисто экономическими. Но поскольку сия забастовка затрагивала интересы общества в целом, президента Буша разбудили посреди ночи, чтобы он подписал законопроект о запрете забастовки, который был тут же одобрен Конгрессом.

Как ни нелепо, наши «демократы», восторженно одобряющие и даже подстрекающие политические забастовки, в то же время заявляют о своей приверженности идеалам правового государства. Это лишний раз обнажает их псевдодемократизм. Перед нами, как ни иронично это определение, настоящие демопартократы, ведущие себя точно так же, как вели себя при завоевании власти те, кого они объявляют теперь своими заклятыми врагами.

В заключение хочу вернуться к собственно писательским проблемам. Польский писатель Станислав Лем, который не является ни коммунистом, ни даже консерватором, ска-

зал²⁰ не так давно в своем интервью «Книжному обозрению» (№ 36, 1989) о действиях «демопартократов», распустивших Союз писателей Польши:

«Известные наши политики впоследствии признавались, что сделали глупость, что старый союз был распущен совершенно напрасно. А случилось это из-за некоторых слишком усердных наших “коллег”, которые, сотрудничая с наиболее экстремистской фракцией в партии, ликвидировали не только прежний Союз писателей, но и многие другие творческие союзы. Я считаю, что этим польской культуре был нанесен очень серьезный ущерб. Мы теперь на одном из последних мест в Европе по количеству книг, выпускаемых на душу населения... Я чувствую себя так, словно говорю над гробом литературы или во всяком случае у ложа тяжелобольного».

Наши литераторы-демопартократы из всех сил действуют именно в этом направлении, конечно, не понимая, куда они идут. В связи с этим скажу только об одном. Писателям из других республик СССР не стоит забывать, что до сих пор каждый год русские писатели переводили и издавали примерно тысячу их книг; то есть в среднем раз в пять лет книга каждого писателя из этих республик могла стать достоянием всей страны, а не только одного народа*, не говоря уже о дополнительном материальном вознаграждении. В случае распада Союза писателей СССР эта практика, конечно, прекратится. А ведь уже и выход «ЛГ» из юрисдикции Союза писателей – крупный шаг к распаду.

Вот о чем стоит серьезно подумать. Отмечу, что лично я за более чем четверть века пребывания в Союзе писателей «получил» от него две льготные путевки в Коктебель – и это все. Но речь идет не о личном существовании, а о бытии литературы, и остается сказать: слава Богу, что еще есть сегодня Союз писателей России, который противостоит разрушительной «деятельности» демопартократов.

* Не нужно доказывать, что армяне могут читать казахов или грузины узбеков (и наоборот) лишь в том случае, если есть перевод на русский язык...

ЧАСТЬ IV ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ВОПРОС НАЦИОНАЛЬНЫЙ

Сионизм Михаила Агурского и международный сионизм

Михаил Агурский – достаточно широко известный и в Израиле, и за его пределами публицист, с сочинениями которого я знаком еще с 1970-х годов¹. В его статье, присланной в «Наш современник», содержится немало важных и интересных сообщений и оценок. Хочу прежде всего обратить внимание на имеющийся в его статье краткий, но побуждающий к размышлению очерк истории отношения сионизма к СССР.

Необходимо только сразу оговорить, что для М. Агурского (это четко сформулировано в его статье) сионизм – это главным образом идея и практическая программа национального возрождения евреев как народа. Между тем сегодня множество (или даже большинство) и сторонников, и противников сионизма полагает, что явление это отнюдь не укладывается в такое определение. Но об этом еще пойдет речь; будем пока употреблять слово «сионизм» в том значении, в каком употребляет его М. Агурский.

1

Опираясь на специальное исследование проблемы отношения сионизма к СССР (итоги этого исследования изложены очень сжато, но за выводами угадывается анализ большого фак-

тического материала – подчас к тому же труднодоступного), М. Агурский показывает, что в течение долгого времени после 1917 года сионисты с полным сочувствием относились к СССР, видя в нем, – как определяет сам М. Агурский, – «модель своего собственного социального эксперимента». Это, конечно, нуждается в обстоятельном конкретном осмыслении, и было бы очень желательно, чтобы М. Агурский его предпринял. Но по-своему важна уже и сама постановка данного вопроса.

Далее М. Агурский подчеркивает, что в Палестине, «особенно после создания государства Израиль^{*}, были исключительно сильные симпатии к СССР... даже идеализированное представление о СССР и его тогдашнем вожде, и подавляющее большинство израильтян просто не хотело слышать никакой критики в адрес СССР».

Недавно это, между прочим, подтвердил на страницах «Вестника еврейской советской культуры» (от 21 июня 1989 г.) осведомленный человек, доктор Э. Бройде-Трэппэр, который писал, что «многие израильтяне боготворили Сталина... Даже после доклада Хрущева на XX съезде портреты Сталина продолжали украшать многие государственные учреждения, уже не говоря о кибуцах» (своего рода «колхозах», созданных в Израиле).

Вместе с тем М. Агурский говорит о том, что в 1920–1950-х годах омрачало отношение сионистов к СССР, – о «главных и почти исключительных врагах» (по его определению) сионизма в двадцатых годах и позднее – тех советских евреях, которые отвергали национальную идею сионистов, стремясь являть собой принципиальных интернационалистов (люди этого типа, как сообщает М. Агурский, старались, в частности, внушить Сталину враждебность к сионизму), а также о фактах преследования действительных или же мнимых сионистов² – фактах, имевших место в конце 1940-х – начале 1950-х годов (М. Орен, Р. Сланский, «дело врачей» и т.п.).

^{*} Существует широко распространенное и основательное убеждение, что СССР сыграл в этом создании, свершившемся в 1948 году, решающую роль.

По непонятным причинам М. Агурский не упоминает события, которые, казалось бы, были наиболее важны в данном аспекте. Речь идет о репрессиях против деятелей созданного в СССР во время войны Еврейского антифашистского комитета, который фактически возглавлял один из крупнейших партийных и советских деятелей, генеральный секретарь Красного интернационала профсоюзов, затем заместитель министра иностранных дел СССР и начальник Совинформбюро, кандидат, а с 1939 года член ЦК ВКП(б) А. Лозовский; в этот комитет входили многие виднейшие деятели советской еврейской культуры.

В конце войны Комитет предложил после высылки крымских татар создать на «освободившейся» территории Крыма Еврейскую советскую республику. Не будем обсуждать, так сказать, этическую сторону задуманного предприятия, ибо крымских татар тогда, увы, ставило вне закона широкое общественное мнение. Крым, в отличие от Палестины, действительно оказался «землей без народа»...

Но Сталин (о чем, в частности, сообщается в публикуемых ныне воспоминаниях Хрущева* ³⁾) усмотрел в этом предложении коварный сионистский заговор, и в результате многие члены Комитета жестоко пострадали. Как представляется, акции против Комитета были первым реальным выступлением со стороны Сталина (да и СССР вообще) против сионизма или же того, что было квалифицировано как сионизм.

Негативное отношение к Комитету сложилось уже во время войны, но репрессии против него начались именно тогда, когда СССР решительно поддержал создание государства Израиль... Эта бросающаяся в глаза «двойственность» (как известно, вообще характерная для политики времен Сталина) заслуживает особого исследования.

Но вернемся к статье М. Агурского. Упомянув (хотя, как мы видели, неполно) о тех событиях, которые омрачали отношение сионистов к СССР, он все же подчеркивает, что даже и после этих событий в Израиле «оставались многие, кто... про-

* См., напр.: Огонек. 1990. № 8 С. 22.

должал верить не только в СССР, но и в Сталина как великого вождя всех народов».

И полный и откровенный поворот от положительного (хотя бы в общем и целом) отношения Израиля к СССР к заведомо отрицательному М. Агурский датирует 1966–1967 годами, – в чем он, очевидно, прав.

Этот поворот или, вернее, даже переворот нашел прямое официальное выражение в прозвучавшем несколько позднее, в начале 1970 года, призыве тогдашнего премьер-министра Израиля Голды Меир к «тотальному походу» против СССР*. И уже в начале 1972 года израильтянин Вольф Эрлих свидетельствовал⁴, что за последнее время в Израиле «Советский Союз изображается как враг номер один всех евреев и государства Израиль. В детском саду, в школе, в университете израильский аппарат делает все, что в его силах, чтобы укоренить подобное изображение СССР как аксиому»**.

Хотя этот свидетель – член коммунистической партии Израиля и может быть заподозрен в тенденциозности, едва ли есть основания подвергать сомнению его слова, так как цитируемая статья публиковалась в издающемся в Израиле на иврите журнале «Арахим» (№ 1 за 1972 год) и дезинформация была бы слишком рискованным делом для репутации В. Эрлиха как публициста.

Итак, в течение первых пяти десятилетий существования СССР сионизм – при всех возможных оговорках – относился к этой стране положительно, а затем проникся к ней непримиримой враждой. Это неизбежно вызывает недоумение, предстает как странная (по крайней мере с первого взгляда) загадка. Ведь получается, что во времена беспрецедентных массовых репрессий, беззаконий, насилий, которые, между прочим, коснулись и очень многих евреев, сионизм благоволил к СССР, а в семидесятые годы – при всех их негативных сторонах все же несовместимые с эпохой тоталитарного террора – сменил, так сказать, любовь на ненависть.

* См. кн.: Идеология и практика международного сионизма М., 1978. С. 227

** Цит. по кн.: Сионизм – правда и вымыслы. Сборник статей. М., 1980. С. 54.

При этом важно отметить, что невозможно объяснить такое положение вещей неким «прозрением» (мол, до конца 1960-х годов в Израиле не знали, что делалось в СССР ранее). Ибо среди израильтян было немало людей, которые в 1920-х, 1930-х годах и позднее находились в СССР и имели ясное представление если даже не обо всем, то о многом. Достаточно сказать, что один из виднейших политических деятелей Израиля Менахем Бегин (его карьера началась в Палестине еще в 1944 году) провел несколько лет в ГУЛАГе.

Итак, перед нами поистине загадочное явление, которое нуждается в объяснении.

М. Агурский отчасти пытается объяснить этот переворот тем фактом, что в условиях многократных и нередко острейших конфликтов между израильтянами и арабами в целом ряде моментов СССР поддерживал арабскую сторону. Но, во-первых, эта поддержка началась за много лет до заявления Голды Меир о «тотальном походе» против СССР – уже во время событий вокруг Суэца в 1956 году⁵. А во-вторых, сам М. Агурский – и это, кстати, нельзя не оценить – недвусмысленно утверждает, что в арабо-израильском конфликте правда далеко не во всем была и остается на стороне израильтян.

Так, он откровенно говорит в своей статье, что со второй половины 1960-х годов в Израиле «разгорелись великодержавные аппетиты, появились мечты о большом Израиле, возникли нездоровые мессианские настроения, воинственный национализм, шовинизм и мания национального величия». М. Агурский высказывает, правда, мнение, что все это отчасти было ответом на действия арабов, но вместе с тем прямо говорит и об обратном: именно действия Израиля, по его словам, вызвали, например, «пробуждение в качестве политической силы шитского экстремизма». Свидетельствует М. Агурский и о том, что «здравомыслящие израильтяне давно предупреждали, что рано или поздно следует ожидать открытого неповиновения со стороны арабской молодежи» и т.д.

И поскольку это действительно так, нет никаких оснований считать неправомерной (и тем более продиктованной некой

особенной враждебностью к израильтянам) поддержку арабов со стороны СССР. М. Агурский – и это особенно важно отметить – утверждает, что «в Израиле всегда была и есть почти половина населения, готовая на широкие компромиссы (с арабами. – В. К.) ради мира и даже обвиняющая израильское правительство, что оно не идет на них... Многие... согласны даже на переговоры с ООП и на создание палестинского государства».

Из контекста статьи в целом следует, что сам М. Агурский в той или иной мере принадлежит именно к этой части населения Израиля и, по-видимому, даже сожалеет, что она составляет меньше половины и не может решительно влиять на политику в отношении арабов. И остается непонятным, почему М. Агурский все же (это ведь также выразилось в статье) имеет серьезные претензии к СССР за его отношение к арабам? Ведь, в сущности, СССР разделяет устремления этой самой «почти половины населения», готовой на «компромиссы» – к тому же «широкие» – с арабами...

Словом, в позиции М. Агурского здесь есть явное противоречие; может быть, нам удастся понять его смысл в дальнейшем. Теперь же необходимо перейти к более общим и основополагающим проблемам.

2

Михаил Агурский дает следующее определение сионизма: «еврейское национально-освободительное движение», поставившее перед собой цель «создания еврейского государства на исторической родине еврейского народа», притом, добавляет он, «целью первоначального сионизма было... создание еврейского государства... основанного на идеях социальной справедливости, на идее возвращения еврейского народа к производительному физическому труду и т.д.».

Эту «дополнительную» цель, как сообщает М. Агурский, осуществить не удалось; со второй половины 1960-х годов (то есть как раз во время «поворота» в отношении к СССР) «стали, – по его словам, – исчезать старые сионист-

ские идеалы физического труда, который в нарастающей мере стал исполняться арабами».

(В этой связи мне невольно приходит на ум популярный сегодня в Израиле анекдот, который не так давно рассказал интервьюировавший меня сотрудник израильского журнала⁶:

«Дедушка указывает юному внуку на старый дом и гордо заявляет:

– Когда я был молодым, внучек, я своими руками построил этот дом и насадил вокруг него сад!

– А что, дедушка, разве в молодости ты был арабом?..»)

Но пойдем далее. М. Агурский говорит и о еще одной и, по его определению, «не менее важной» задаче сионизма:

«Сионизм был движением, направленным против сложившейся системы социальных отношений внутри еврейских общин диаспоры (то есть еврейского населения, живущего в различных странах мира. – В. К.), против неограниченной власти традиционных религиозных кругов и еврейской буржуазии».

Эта характеристика сионизма во многом противоречит основному содержанию большинства – или даже подавляющего большинства – книг и статей о мировом сионизме (ведь здесь М. Агурский говорит не об Израиле, а именно о всемирной еврейской диаспоре), изданных в СССР⁷, ибо в них этот сионизм определяется обычно именно как идеология еврейской буржуазии (часто добавляется – «националистической») и «консервативных» иудаистских кругов. На мой взгляд, это определение, несмотря на всю его распространенность, неверно (об этом еще пойдет речь), и Агурский более прав, чем советские «сионистоведы».

Вместе с тем эта характеристика, если вдуматься, опять-таки вступает в противоречие с данным самим М. Агурским определением сионизма как национального движения, призванного воссоздать государство на исторической родине еврейского народа – словом, как движения, ставящего целью национальное возрождение. Если цель в самом деле такова, к чему же, спрашивается, эта направленность против «сложившейся системы» и власти «традиционных» религиозных кругов?

Противоречивость эта объясняется в конечном счете тем, что сионизм вовсе не есть единое и однородное явление. Напротив, это явление очень – и, пожалуй, даже предельно – сложное, многостороннее, разноликое. И в журнальной статье попросту невозможно говорить о нем во всем его объеме.

К тому же многое в современном сионизме имеет тесную связь с явлениями и событиями далекого или даже очень далекого прошлого. Но исторический аспект волей-неволей приходится исключить из рассмотрения, ибо в противном случае статья превратилась бы в книгу.

Словом, речь пойдет только о современном сионизме и только в его самых общих – и потому неизбежно схематизированных – контурах.

Если оставить в стороне промежуточные, сложносо- ставные, ответвляющиеся явления и тенденции, можно от- граничить два принципиально различных явления, которые (несмотря на все их различие) постоянно обозначают – при- том как сторонники, так и противники – одним и тем же сло- вом «сионизм».

Первое – это национальное (и в своих крайних, экстре- мистских выражениях – националистическое) движение, ко- торое в наиболее чистом виде представлено в Израиле. Нет оснований сомневаться, что значительная или даже преоб- ладающая часть израильтян и, добавим, евреев, стремящихся поселиться в Израиле, действительно ставит перед собой цель возрождения национального бытия и сознания.

Но есть и совсем иной сионизм, который, как я постара- юсь показать, представляет собой по своей внутренней сути вовсе не собственно национальное, но международное поли- тическое (и основывающееся на грандиозной экономической мощи) явление.

Итак, есть сионизм и сионизм. «Национальный» сио- низм, к которому, как следует из его сочинений, принадлежит М. Агурский, исходит из того совершенно естественного фак- та, что евреи, как и любой народ, стремятся развивать свою собственную культуру и строить свою самостоятельную госу-

дарственность. И пока Израиль в той или иной степени шел по этому пути, у него, например, – о чем с полной определенностью сказал в своей статье и М. Агурский – не было существенных претензий к СССР. Точно так же относились к Израилю и в СССР*. После смерти Сталина (март 1953 г.) все конфликты были сняты, и уже в июле 1953 года восстановились дипломатические отношения⁸. Осталась только одна конфликтная проблема – проблема отношения Израйля и арабов. Но даже и эта проблема приобрела свою настоящую остроту и привела к разрыву дипломатических отношений с Израилем лишь в 1967 году, когда, как мы еще увидим, «международный» сионизм стал играть определяющую роль в политике Израйля.

В течение двух первых десятилетий существования государства Израиль шла достаточно серьезная борьба между двумя «сионизмами» (борьба эта продолжается и теперь, но уже в условиях решительного преобладания «международного» сионизма). Перипетии этой борьбы неплохо обрисованы, например, в работе одного из ведущих сотрудников Института США и Канады АН СССР С. М. Сергеева «Израиль в системе мирового сионизма».

Исследователь приводит существенное высказывание первого премьер-министра Израйля (с небольшими перерывами он находился на этом посту с 1948-го по 1963 год) Давида Бен Гуриона: «Вызывает крайнее сожаление, что во время создания нашего государства возникла неразбериха и непонимание относительно отношений между Израилем и еврейскими общинами за рубежом, особенно в Соединенных Штатах... По моему мнению, положение совершенно ясно: евреи в США, как община, так и отдельные лица, имеют только одну политическую обязанность – перед Соединенными

* В тех крайне прискорбных фактах конца 1940-х – начала 1950-х годов, о которых упоминает (или не упоминает) М. Агурский, выражалась общая извращенность политики сталинских времен (вот ведь и сам Еврейский комитет хотел тогда поселить евреев на земле депортированных крымских татар); репрессии и несправедливости в отношении евреев – только одна и к тому же, без сомнения, весьма малая часть тоталитарного насилия и террора 1920–1950-х годов.

Штатами Америки. У них нет политических обязанностей перед Израилем. Мы, народ Израиля, не имеем ни желания, ни намерения вмешиваться во внутренние дела еврейских общин за рубежом»*. В другом своем выступлении Бен Гурион четко сформулировал: «Сионист – это человек, который переселился в Израиль» (цит. изд., с. 18).

Как показывает в своей работе С. М. Сергеев, Бен Гурион стремился не иметь никаких дел с находящимися вне Израиля людьми, считавшими себя «сионистами»; так, «прибыв в начале 1951 г. в США, израильский премьер-министр ограничил свои контакты “несионистами”... и... израильским сионистам удалось одержать победу над своими соперниками из американских сионистских организаций» (цит. изд., с. 18). Кстати сказать, эти «соперники» и в США, и в других странах, подчеркивает С. М. Сергеев, «отнюдь не собирались переселяться в “землю обетованную”...» (там же, с. 21).

Уже из этого видно, что с момента возникновения государства Израиль ясно обнаружилось противостояние принципиально различных «сионизмов» (хотя, конечно, две эти тенденции развивались и раньше), причем руководитель израильского, «национального» сионизма в какой-то момент или вообще отказывается сотрудничать с сионистами диаспоры, или даже ведет борьбу с ними.

Но борьба эта была заведомо неравной, и со второй половины 1960-х годов израильский сионизм оказался в подчинении (все более увеличивавшемся) у «международного» сионизма. Я полагаю, что значительная или даже очень значительная часть израильтян, подобно М. Агурскому, направляет все свои усилия на развитие самостоятельного еврейского общества и государства, но факты свидетельствуют о том, что положение Израиля зависит (и чем дальше, тем больше) от воли международного сионизма, имеющего, в частности, такую экономическую мощь, которой Израиль не способен хоть как-то противостоять.

По сведениям одной из важнейших израильских газет «Гаарец», только сионисты США к 1980-м годам располагали

* Государство Израиль. Экономика и политика. М.: Наука. 1982. С. 19.

капиталом более полутора триллионов (!) долларов*; это превышало собственные экономические возможности Израиля по меньшей мере в сто раз! Таким образом, можно сказать, что с точки зрения экономической мощи израильский сионизм, если сопоставлять его с международным сионизмом, как бы даже вообще не существует...

В 1963 году Бен Гурион, так или иначе отстаивавший самостоятельность Израиля, был вынужден уйти в отставку. Пост премьер-министра занял до своей смерти в 1969 году Леви Эшкол (его, в свою очередь, сменила Голда Меир). При нем в декабре 1964 – январе 1965 года состоялся XXVI сионистский конгресс, который «торжественно провозгласил наступление “новой эры” сотрудничества между Израилем и диаспорой... “Лицом к диаспоре” – таков стал теперь главный лозунг Израиля**.

Это вызвало резкое, подчас даже крайне резкое сопротивление «национальных» сионистов. Один из известнейших журналистов Израиля Ури Авнери писал об этом самом XXVI сионистском конгрессе:

«Этот конгресс, который вы здесь, у нас (то есть в Израиле. – В. К.), устроили, представляет для нас явление чуждое и отвратительное, мы не знаем, что такое сионизм... Он вертится среди нас, как живой труп, и душит наш ум... И не только наш ум, но и все наши административные порядки, политическую систему и проблему нашего национального существования»***.

Позднее, в 1968 году, У. Авнери издал книгу с выразительным названием: «Израиль без сионизма». Но подобные Авнери противники проникновения в Израиль всемогущих рук международного сионизма явно не смогли настоять на своем, и к концу 1960-х годов Израиль всецело оказался во власти этих рук (это, конечно, не значит, что все граждане Израиля довольны таким результатом).

* См.: Николай Карев. Властелин Америки. М., 1983. С. 103.

** Международный сионизм. История и политика. М.: Наука, 1977. С. 78.

*** Цит. по кн.: Юрий Иванов. Осторожно: сионизм! М., 1970. С. 131.

Полное подчинение Израиля международному сионизму сразу же весьма «предметно» воплотилось в резком увеличении «помощи» со стороны сионистских организаций и США, где эти организации уже имели громадное влияние (об этом – ниже).

Если за первые два десятилетия существования Израиля сионистские организации различных стран оказали Израилю помощь в размере 2 млрд 895 млн долларов, то за следующие полтора десятилетия эта помощь выразилась в сумме 17 млрд 240 млн долларов*, – то есть если сначала за год в среднем «выдавалось» всего по 150 млн долларов (хотя, «казалось бы, – пишет скрупулезный исследователь этой проблемы Б. Ф. Ямилинец, – помощь сионистских организаций должна была быть наибольшей именно в начальный период становления государства»), то с конца 1960-х годов ежегодная «лепта» выросла до более чем миллиардной суммы, то есть в 7 раз!

В еще большей степени выросла «помощь» США: так, за 1948–1967 годы она составила сумму всего в 1 млрд 219 млн, а за 1968–1978-й – 12 млрд 89 млн долларов**. Итак, увеличение от 60 млн в год до миллиарда в год – то есть почти в 17 раз!

Сам по себе этот невероятный «скачок» недвусмысленно и, так сказать, практически доказывает, что Израиль со второй половины 1960-х годов был прочно включен в систему международного сионизма, – хотя, вполне возможно, это не совпадало (и продолжает не совпадать донине) с устремлениями многих или даже очень многих граждан Израиля; можно предположить, что к этим гражданам принадлежит и сам Михаил Агурский. Но так или иначе именно с того момента, когда Израиль «подчинился» международному сионизму, СССР был объявлен «врагом евреев номер один».

* См.: Б. Ф. Я м и л и н е ц . Иностранный капитал в экономике Израиля. М.: Наука, 1983. С. 136–137. Так же: Сионизм в системе империализма. Очерки истории и современность. М.: Наука, 1988. С. 101. Стоит отметить, что все приводимые цифры взяты из израильских источников (прежде всего из издаваемого в Иерусалиме статистического ежегодника «Statistical Abstract of Izrael»).

** В. Ф. Я м и л и н е ц . Цит. соч. С. 100.

По тем или иным причинам Михаил Агурский не ставит в своей статье вопрос о «неоднородности» сионизма. Но, как уже отмечалось, в статье ясно обнаруживается противоречивость, связанная именно с тем, что есть два совершенно разных сионизма. В частности, когда М. Агурский говорит как о «не менее важной» (в сравнении с задачей национального возрождения) для сионизма направленности «против традиционных религиозных кругов», речь идет, в сущности, не о «национальном» сионизме, но именно о международном сионизме, который вовсе не склонен к культивированию национальных традиций, хотя вроде бы и выступает как идеология еврейской нации.

Общепризнанный современный центр международного сионизма – США, и, хотя речь идет о явлении всемирного характера, американский «вариант» дает возможность судить если не обо всем в международном сионизме, то о главном.

Хотя это утверждение может быть воспринято как странный парадокс, сионизм в США за последние десятилетия во многих отношениях утратил и продолжает утрачивать черты действительно национального движения, – хотя и выдает себя за таковое, и мнится таковым в умах очень многих людей.

Начнем с вопроса о религии, ибо иудаизм всегда был неотъемлемым и даже основополагающим компонентом национальной сущности евреев. В новейшей солидной работе Д. Е. Фурмана «Иудаизм в политической жизни США в 70-е – начале 80-х годов», опирающейся на многочисленные американские источники, показано, что за последнюю четверть века всего только 24 процента евреев США посещают синагоги*. Это, конечно, очень мало, особенно если учесть, что, как справедливо говорит Д. Е. Фурман, «иудаизм – религия, придающая непосредственно сакральное значение кровным узам, происхождению “от Авраама, Исаака и Иакова”». На протяжении

* Религия в политической жизни США (70-е – начало 80-х годов), М.: Наука, 1985. С. 189.

более чем тысячелетия он был основной силой, предохраняющей евреев от ассимиляции и сохраняющей у них сознание своей общности... Иудаизм – религия этническая по своей сути, постулирующая сохранение этноса как высшее религиозное требование... Фактически религия и религиозные традиции – единственная объективная основа обособленности евреев и общности различных еврейских этнических подгрупп» (там же, с. 169–170; выделено мной. – В. К.), то есть единственная объективная основа еврейской нации.

Правда, Д. Е. Фурман сообщает, что, хотя синагоги посещает менее четверти американских евреев, «формальными членами иудаистских религиозных общин являются около половины евреев США» (с. 167). Согласно опросу, проведенному знаменитым институтом Гэллапа в 1971 году, о своей принадлежности к иудаизму заявили 40 процентов евреев США*.

Однако эта цифра вовсе не дает представления о реальном положении дела. Ибо подавляющее большинство евреев США, хотя бы в какой-то мере признающих свою причастность к иудаизму, в действительности принадлежит к более или менее коренным образом модернизированным формам традиционной религии – формам, совершенно неприемлемым для настоящих, «ортодоксальных» иудаистов. А к «ортодоксальному» иудаизму принадлежало к 1984 году всего лишь только 6 процентов евреев США!**

Наиболее последовательная модернизация привела к тому, что «обновленный» иудаизм, как сообщает Д. Е. Фурман, «отказался от множества элементов религиозного закона, приблизил строй службы в синагоге (которая стала называться «храмом») к строю службы в протестантских церквях*** и отказался от основных догм иудаистской ортодоксии – веры в мессию, который восстановит Израильское царство... Эти дог-

* См.: Международный сионизм. История и политика. С. 95.

** См.: Сионизм в системе империализма. Очерки истории и современность. М.: Наука, 1988. С. 184.

*** В США около 60% населения причисляет себя к протестантам (около 30% – к католикам).

маты стали толковаться... в духе расплывчатого либерального прогрессизма (эпоха мессии – это создаваемое в результате усилий всего человечества справедливое общество и т.п.)»*.

И в США идет «резкое обострение отношений» между модернизаторами и ортодоксальным иудаизмом. «До последнего времени реформисты для ортодоксов были “еретиками”, но все же евреями... Сейчас они постепенно превращаются для них из евреев-еретиков просто в неевреев» (цит. изд., с. 178). И в этом «отлучении», несомненно, есть своя «правота».

Д. Е. Фурман сообщает, что, «несмотря на все призывы раввинов... число смешанных браков начинает расти катастрофически». До 1960 года до 13 процентов всех браков заключалось с неевреями, с 1961-го по 1965 год – 29 процентов, с 1966-го по 1972 год – 48 процентов, – то есть почти половина! И уже к 1980 году «до 22 процентов – то есть почти четверть – членов реформистских иудаистских общин не являлись по происхождению евреями...» (там же, с. 176, 177).

Можно было бы привести еще множество различных фактов, показывающих, что в США происходит своего рода интенсивная «денационализация» или, вернее будет сказать, интернационализация евреев.

Естественно, этот процесс и его носители оказываются враждебными собственно национальному сионизму и в самих США (где, правда, «националы» составляют меньшинство), и в Израиле. В цитированной работе Д. Е. Фурмана достаточно развернуто говорится о все обостряющейся вражде и борьбе двух сионизмов.

В начале этой статьи приводились суждения М. Агурского о том, что в 1920–1930-х годах в СССР «главными и почти исключительными врагами» сионизма (разумеется, «национального») были еврей-интернационалисты. Сегодня в США явно создалась вполне аналогичная ситуация, хотя и с характерным отличием: евреи, которые противостоят традиционному национальному самосознанию, называют себя не интернационалистами (как это было в СССР), а сионистами.

* Религия в политической жизни США. С. 171.

И есть все основания утверждать, что их «главными» врагами в тех же США сейчас являются, как это ни парадоксально, те евреи, которые по многим и очень существенным причинам отвергают международный, «интернациональный» сионизм.

Только невежество или – это еще более распространенное явление – заведомое нежелание глубоко разобраться в существе проблемы (то есть как бы безвыходное невежество) обуславливает тот факт, что многие люди в СССР представляют себе явление, известное под названием «сионизм», в качестве единого целого и, с другой стороны (а это, между прочим, еще хуже и вреднее по своим последствиям), отождествляют сионистов и евреев.

4

На самом же деле и в США, и в мире вообще, как я постараюсь показать, несомненное большинство евреев не принадлежит к сионизму, а многие из них ведут с ним бескомпромиссную и даже непримиримую борьбу (здесь, как и далее, речь идет о международном сионизме). Так, в сионистских организациях диаспоры числится 1 млн 200 тыс человек, то есть всего 11 процентов евреев, живущих вне Израиля (Государство Израиль. Экономика и политика. М., 1982. С. 27).

Один из наиболее ярких и сильных антисионистских деятелей – американский ученый и публицист Альфред Лилиенталь. Он родился в 1915 году в Нью-Йорке, участвовал во Второй мировой войне, с 1967 года издает ежемесячник «Миддл ист перспектив», опубликовал около десятка книг и множество статей, посвященных в основном проблемам сионизма.

Профессор Лилиенталь отнюдь не принадлежит к «друзьям СССР». Он близок к движению, определяющему себя как «духовный» или «религиозный» сионизм и противостоящему международной сионистской политике.

К великому сожалению, в СССР напечатаны лишь фрагменты из его замечательных книг «Оборотная сторо-

на медали» (1965) и «В сетях сионизма» (1978). Между тем книги эти раскрывают проблему не только с большим знанием дела и глубиной постижения, чем это характерно для подавляющего большинства книг о сионизме, опубликованных в СССР, но нередко и с более решительным критическим пафосом.

Вполне понятно, что Альфред Лилиенталь подвергается многолетней травле со стороны сионистов. В одном из своих интервью, данном во время правления администрации Рональда Рейгана, он говорил⁹:

«Разделаться со мной хотят многие... Совсем недавно... пропали бесследно ценнейшие материалы о тайных контактах вашингтонских и израильских правителей... Влияние сионистского лобби* никогда еще не было столь осязаемым, как при нынешней администрации. Все ее ключевые посты практически в руках этой “мафии”... Я еврей. Но выступал и выступаю против политики сионизма. Самое страшное, что они могут со мной сделать, уничтожить меня физически. И все же эта угроза меня не остановит. Принципы справедливости мне значительно дороже...»**

А. Лилиенталь действительно представляет немалую опасность для сионизма, ибо он еще четверть века назад видел то, что до сих пор, увы, не видит подавляющее большинство специалистов по сионизму, — не говоря уже об обычных наблюдателях. Он писал в своей книге «Оборотная сторона медали», что сионисты за последнее время вовлекли в движение отнюдь не только евреев:

«Ратуя за единство евреев, сионисты приобрели влияние не только среди них, но и среди христиан...*** Христиане-сионисты составляют немаловажный отряд этого тесно спаянного, щедро финансируемого и хорошо организованного движения».

* Закулисная агентура в Парламенте (Конгрессе) и правительстве, навязывающая те или иные решения.

** «Литературная газета» от 6 октября 1982 г., с. 9.

*** То есть неевреев.

Надо сказать, что сегодня, через четверть века, следует внести поправку: христиане, то есть неевреи, составляют уже не «немаловажный отряд», а целую армию, которая имеет, пожалуй, важнейшее значение для дела сионизма.

Выше уже говорилось, что большинство синагог в США к 1970-м годам были превращены в иудаистско-протестантские «храмы», которые без всякой натяжки способны объединить иудеев и христиан, и что половину браков американские иудеи заключают с христианами.

Так обстоит дело в очень важных сферах религии и семьи. Но еще более выразительно положение в сфере политики. Один из ведущих сотрудников Института США и Канады АН СССР С. М. Рокотов* сообщает, что в 1983 году среди 535 членов Конгресса США было только 38 евреев – «8 в сенате** и 30 – в палате представителей». Однако, «как правило, в поддержку выгодных сионистам акций в Конгрессе выступают 70–80 сенаторов (из 100) и 300–350 членов палаты представителей (из 435)»***. В результате простейшего подсчета выясняется, что на одного еврея в Конгрессе приходится в среднем не менее восьми поборников сионизма – неевреев. И так обстоит дело, разумеется, вовсе не только в Конгрессе и, добавим, не только в США.

Альфред Лилиенталь, много лет изучавший проблему, сообщает, что, «как правило, почти все без исключения журналы и газеты, радио и телевидение пропагандируют сионистскую точку зрения» (цит. изд.). Понятно, что большинство людей, занятых в средствах массовой информации, – не евреи, но они все же принадлежат по своим основным позициям к сионизму. Один из советских корреспондентов в США в тоне некоторого изумления писал о силе «сионистского лобби»¹⁰, «мощнее и влиятельнее которого среди политических сил в стране едва ли и сыщешь»****.

* Он несколько лет проработал в США.

** Верхняя палата Конгресса (Парламента).

*** С. М. Р о к о т о в. Сионизм – оружие агрессивных империалистических кругов. М.: Международные отношения, 1983. С. 79, 69.

**** «Комсомольская правда» от 25 сентября 1982 г.

В этом высказывании, прошу прощения, немало наивности. Во-первых, само словечко «лобби» продолжает и сегодня навязываться сионистскими средствами массовой информации, чтобы сбить с толку. Какое уж тут «лобби», если его линии вполне соответствует позиция 70–80 процентов членов высшего законодательного органа страны! С другой стороны, едва ли вообще стоит пытаться «сыскать» в США «политическую силу», которую можно сравнивать с сионизмом, членами различных организаций коего являются в США около 900 тысяч человек. Ведь каждому, кто знаком хотя бы с соответствующими статьями в энциклопедических словарях, известно, что в отличие от европейских партий в США партии (в том числе и республиканская, и демократическая) вообще не имеют членства (их «членами» как бы считаются те, кто на данных выборах голосует за кандидатов данной партии) и обладают лишь аппаратом, то есть всего несколькими сотнями функционеров разных рангов (только во время предвыборных кампаний этот аппарат вырастает до нескольких тысяч человек).

К тому же сионисты имеют своих людей в обеих партиях сразу – как, впрочем, и в любых организациях и структурах США. И опять-таки среди этих людей евреи составляют заведомое меньшинство. Ну, может быть, не столь малое, как в Конгрессе (то есть в среднем 1:8), но все же именно меньшинство. И необходимо подчеркнуть, что сегодня дело обстоит именно так отнюдь не только в США, но и в любой другой стране.

Показав, что современный сионизм вовсе не есть национальное явление, Альфред Лилиенталь тем самым и дал разгадку его громадной, поистине «невероятной» силы. Председатель комитета начальников штабов армии США генерал Джордж Браун воскликнул в 1974 году: «Это лобби* настолько сильное, что этому с трудом веришь...»** (Кстати сказать, высокопоставленному генералу под угрозой отставки пришлось на специальной пресс-конференции «извиниться» за свои опасные суждения.)

* Генерал пользуется внушенным ему маскирующим словечком.

** См.: За рубежом. 1974. № 50. С. 17, а также 1976, № 44. С. 5.

Итак, поборники сионизма в США (и равным образом во всех других странах) в большинстве своем не являются евреями. Собственно говоря, простое трезвое размышление способно привести к несомненному выводу о том, что если бы силы сионизма состояли из одних евреев или хотя бы даже в основном из евреев, сионизм никак не смог бы приобрести той невероятной власти, которой он обладает сегодня.

Что же побуждает неевреев примкнуть к сионизму? Альфред Лилиенталь раскрывает целую систему вовлечения неевреев (он обычно употребляет обозначение «христиане») в движение. Здесь действуют и корысть, и страх, и непонимание сути дела, и т.п. Но одним из самых сильных и безотказных средств воздействия является, как он показывает, постоянно «демонстрируемое» в средствах массовой информации и в ходе любых политических акций чудовище антисемитизма.

Альфред Лилиенталь писал об этом еще в 1965 году: .

«Мельчайший инцидент раздувался до размеров серьезной опасности... Так антисемитизм был возведен в ранг веры и превратился в приводной ремень политики сионизма...

Путем ловкого препарирования новостей, что всегда позволяют доброжелательные к сионистам средства информации, каждый инцидент в мире, к которому оказались причастными евреи или еврей как жертва случая, преподносится общественности как проявление антисемитизма. Во всех массовых трагедиях, в которых кроме евреев были и другие жертвы, пропаганда подчеркивала только судьбу евреев как доказательство преследований расистского характера. В свое время был поднят большой шум... когда евреи были расстреляны во время войны в Алжире*, хотя они погибли как европейцы, как сторонники Франции, но не как представители чужого меньшинства... Постоянно выставлялась одна и та же искаженная историческая картина, изображающая евреев единственными мучениками, в то время как остальной мир захлебывался от счастья»**.

* Алжиро-французская война 1950-х годов.

** См.: Идеология и практика международного сионизма. М., 1978. С. 63–64.

Непрерывные и доводимые до надрывности крики об угрозе антисемитизма, который, мол, вот-вот приведет к ужасающим последствиям, – это исключительно действенное средство для вербовки армии поборников сионизма. Ссылка на эту «страшную угрозу» позволяет одним из таких поборников прикрыть «возвышенным мотивом» своекорыстный (или иной лишенный всякой «идеальности») смысл своего слияния с сионизмом, а другим (по-видимому, менее многочисленным) искренне считать себя благородными соратниками загнанной в угол или даже стоящей на грани гибели нации. Этот миф особенно несостоятелен в силу того, что в сравнении с любым другим этносом мира евреи находятся в гораздо, даже несоизмеримо большей безопасности, так как рассредоточены по всем континентам (около половины – в Северной и Южной Америке, около четверти – в Израиле и примерно столько же – в различных странах Европы; достаточно многочисленно еврейское население и в Африке, особенно в ЮАР, и в Австралии). Это наличие «этнических баз» сионистов на всех континентах дает им к тому же гигантские преимущества в политическом, экономическом и идеологическом плане.

Конечно, поборники сионизма не могут не видеть, что в действительности они служат обладающей почти невероятной властью силе, но «оправдывают» свою службу тем, что мощь сионизма якобы может быть вдруг повержена левиафаном антисемитизма.

Замечателен в этом отношении один вывод Альфреда Либиенталя: «Нежелание могущественной и зажиточной еврейской общины в Соединенных Штатах провести объективные научные исследования антисемитизма говорит о многом. Ни религиозные, ни светские руководители многих еврейских организаций не хотят терять это могущественное оружие. Уничтожьте предрассудок – и вы потеряете приверженцев веры... Поэтому не надо никаких научных атак на проблемы антисемитизма»*.

* См.: Юрий Иванов. Осторожно: сионизм! С. 103.

А. Лилиенталь приводит весьма уже давнее, но прямо-таки проникновенное признание Давида Бен Гуриона: «Если бы у меня было столько же власти, сколько желаний, я бы подобрал... преданных нашему делу молодых людей... и послал бы их в страны, где евреи погрязли в греховном самодовольстве. Этим молодым людям я бы приказал... преследовать евреев грубыми методами антисемитизма под такими лозунгами, как “грязные евреи!”, “евреи, убирайтесь в Палестину!”» (цит. изд., с. 103 – 104).

Желание Бен Гуриона, в сущности, исполнилось: чуть ли не каждый день поступают сообщения, что в той или иной стране варварски «преследуют евреев». Так, например, мировая печать известила всех о том, что сам Рональд Рейган 13 марта 1984 года заявил, что в США «евреи подвергаются преследованиям и насмешкам». Президент опирался на данные прессы: в 1980 году «было зарегистрировано 337 актов антисемитского вандализма и 112 случаев насилия в отношении евреев», а в 1982-м – уже «829 бандитских нападения» на них*.

Но поскольку в США за год совершается более 12 миллионов преступных деяний, притом более миллиона из них – с применением физического насилия, естественно поставить вопрос о том, сколько же «бандитских нападения» претерпевают за год американские ирландцы, поляки, итальянцы, мексиканцы (преступления в отношении людей этих этнических групп нередко сопровождаются оскорблениями национального достоинства) и т.п. Однако, как показал уже А. Лилиенталь, любой случай с евреем громогласно объявляется в средствах массовой информации выражением грозящего всеобщей катастрофой антисемитизма.

И в изданной в 1979 году книге Г. Куинли и Ч. Глока «Антисемитизм в Америке» (это одна из множества книг на данную тему) без обиняков утверждается, что «антисемитизм является преобладающим явлением в этой стране» и «более трети американцев могут быть отнесены к числу антисемитов» (цит. изд.).

* См.: «Литературная газета» от 21 марта 1984 г. С. 9.

Важно оговорить, что Бен Гурион, мечтая тридцать с лишним лет назад об инсценировках антисемитских выходов, имел в виду цель побудить как можно большее число евреев бежать от этих инсценированных преследований в Израиль, дабы пополнить его население. Нынешние же «нападения» на евреев, часть из которых, по-видимому, представляет собой подготовленные сионистами инсценировки (это не является слишком смелым предположением *), используются для иной цели – вбить в головы как можно более широких масс людей, что евреи задавлены и им постоянно угрожает смертельная опасность. Эта крутая пропаганда воздействует даже и на те страны мира, где евреев практически нет.

В 1988 году, будучи приглашен в Японию для чтения лекций о литературе СССР, я, в частности, побывал в университете Тэнри, где один из слушавших меня аспирантов задал мне несколько даже, признаюсь, ошеломивший меня вопрос: «Есть ли в СССР хотя бы один еврей, сумевший опубликовать свою книгу?» В ответ пришлось сообщить, что около половины писателей СССР, о которых я упомянул в своей лекции (а в лекции речь шла о нескольких десятках наиболее известных писателей), являются евреями. Но на лице крепко распропагандированного аспиранта выразилось явное недоверие к моим словам. Он не возразил мне, наверное, только из-за врожденной японской деликатности. После лекции заведующий кафедрой, видный русист профессор Фукаси Оотани просил меня извинить невежество аспиранта...

Нельзя не сказать несколько слов о самом феномене антисемитизма, поскольку он имеет такое первостепенное значение для сионизма.

Те или иные проявления национальной неприязни – это, увы, реальность, с которой сталкивались так или иначе люди, принадлежащие к любой нации – особенно если дело идет о нациях, представители которых живут в различных

* Известен, например, советский еврей Норинский, щедро рассылавший антисемитские послания¹¹.

странах, – как, скажем, армяне или китайцы. Словом, это одно из многих прискорбных явлений человеческого бытия.

Но совершенно иной смысл и последствия имеют основывающиеся на феномене национальной неприязни целенаправленные политические акции. Одно дело – бытовые конфликты или литературная полемика, и совсем другое – крупномасштабная деятельность мощных организаций. Здесь и в самом деле, как любили говорить простодушные гегельянцы, количество переходит в качество.

Сионисты сумели сделать «проблему антисемитизма» чуть ли не одной из основ государственной политики (при том мировой политики) США. Видный политический деятель США Джордж Болл, занимавший, в частности, пост заместителя государственного секретаря (то есть заместителя министра иностранных дел), писал в 1982 году¹², что в отношении сионизма «ни одно правительство после Эйзенхауэра не занимало достаточно твердой позиции»*. Дуайт Эйзенхауэр был президентом в 1953–1961 годах и действительно еще мог «поставить на место» сионистов. Его преемник Джон Кеннеди в какой-то момент попытался поступить так же: в начале 1963 года он заявил в своем послании, что либо в Израиле будут прекращены работы по строительству собственного атомного реактора, либо Израиль должен будет обойтись без американской помощи, включая помощь американских евреев. В тех условиях сионисты уступили американским требованиям**. Однако через несколько месяцев Джон Кеннеди был убит, а его преемники уже никогда не предъявляли подобного рода требований...

С того же времени от сионизма стали чуть ли не всецело зависеть многие аспекты отношений между США и СССР. И на первый план выдвинулась именно «проблема антисемитизма»¹³ – в частности, требование снятия любых ограничений для еврейской эмиграции из «царства антисемитизма» (если уж в жизни самих США, согласно цитированно-

* За рубежом. 1982. № 30. С. 8.

** Т. В а л и х н о в с к и й. Израиль и ФРГ. М., 1971. С. 61.

му заявлению сионистских авторов, «антисемитизм является преобладающим явлением», то что уж говорить об СССР...).

Но когда после 1985 года ограничения (которые были, разумеется, ограничениями отнюдь не для евреев, а для граждан СССР вообще) начали исчезать, выяснилось, что, во-первых, поток эмигрантов не так уж резко увеличился, а во-вторых, что эмигрирующие руководствуются стремлением не бежать куда угодно, лишь бы спастись от «разгула антисемитизма», но рассчитывают на хорошо обеспеченную статусом «беженцев» жизнь в США (известно, что лишь менее десяти процентов эмигрирующих из СССР евреев отправляются в Израиль).

И тогда начиная с 1988 года были предприняты политические акции, призванные, так сказать, заставить бежать из СССР куда угодно. Об этом недавно сообщила лондонская газета «Индепендент он санди» (подкрепляя свою заявленную в самом названии – «индепендент» – репутацию «независимой»):

«К процессу эмиграции евреев из СССР причастна израильская разведка “Моссад”, которая провоцирует беспорядки внутри Советского Союза. Действующее в ее рамках управление по психологической войне распространило в России слухи о еврейских погромах, в связи с чем власти в Москве были вынуждены выступить с успокоительными заявлениями»*.

Нельзя, впрочем, умолчать о том, что средства массовой информации, включая телевидение, нередко поистине «обесценивают» усилия «Моссад». Что там кухонные разговорчики каких-то «психологов» из этой разведки! Вот всего один пример (их можно бы приводить десятками) – письмо московской жительницы И. Щ., опубликованное тиражом 4,6 млн экземпляров в «Огоньке» (№ 13 за 1990 год).

Уже сама «шифрованная» подпись долженствует свидетельствовать о том, какой страх владеет автором письма. Возник этот страх давно. И. Щ., которой сейчас, как она сообща-

* См.: «Московский комсомолец» от 3 марта 1990 г. С. 3.

ет, 40 лет, в 1967 году окончила среднюю школу «с круглыми пятерками и с кипой грамот за литературные олимпиады», но побоялась даже сделать попытку поступить «на журфак» (куда евреев, конечно же, не берут...), о котором мечтала, и пошла на исторический факультет.

Правда, в самом письме содержится (как этого не заметила И. Щ.?!) решительное опровержение: оказывается, в редакции газеты, которую недавно посетила И. Щ., только среди «заместителей заведующих отделами – 24 процента евреев». Естественно предположить, что эти заместители находятся как раз в сорокалетнем возрасте и, следовательно, успешно поступили на «журфак» именно тогда, когда И. Щ. опасалась даже пробовать это сделать.

Но еще более весомо опровергает опасения И. Щ. тот факт, что само это ее очень вольное сочинение под названием «Отчаяние» опубликовано почти пятимиллионным тиражом! Выходит, все ее страхи по поводу того, что ей-де наглухо закрыты дороги в журналистику, абсолютно беспочвенны!

В конце концов И. Щ. и ее единомышленникам стоило бы подумать над следующими статистическими данными. В 1980 году из 137 млн 397 тыс русских работали в качестве специалистов с высшим и средним специальным образованием 17 млн 319 тыс человек – то есть 12 с лишним процентов от всего русского населения. Примерно та же картина у других народов СССР (9–15 процентов). Между тем из 1 млн 810 тыс евреев работало в 1980 году 549 тыс таких дипломированных специалистов – то есть 30 процентов!*

О какой же дискриминации евреев в сфере образования может идти речь?!

Но обратимся к другому страху И. Щ. Она сообщает, что «устала трястись каждый день» в постоянном ожидании того, что ее муж «схлопочет прикладом (!) по голове или ножом в живот», а ее «мать на восьмом десятке прикончит, заходясь от “патриотизма”, один из тех уголовников, которых она, адвокат, всю жизнь защищала», устала «сидеть взаперти», советуясь «с

* Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1988. С. 120.

мамой с юридической точки зрения): имеется ли право, когда ОНИ «ворвутся, стукнуть ИХ по голове?»

Рассказывая о первом своем страхе, И. Щ. сослалась на «фактический пример»: ее «сверходаренный одноклассник» – еврей только «с седьмого раза» смог поступить на биофак.

Но почему И. Щ. не привела хоть какой-либо «пример» из какого-либо периода многовековой истории многонациональной Москвы или любого другого русского (это надо подчеркнуть) города – пример того, как люди из коренного населения «врывались» в жилища людей нерусского происхождения и «приканчивали» их за то, что они нерусские?

Все дело в том, что невозможно привести такие примеры. И. Щ. только провокационно «ожидает» их – и, без сомнения, напрасно.

Сошлюсь на мнение знаменитого государственного деятеля Великобритании лорда Керзона (1859–1925), которого никак нельзя считать человеком, идеализировавшим русских. Тем не менее он писал: «Россия бесспорно обладает замечательным даром... Русский братается в полном смысле слова. Он совершенно свободен от того преднамеренного вида превосходства и мрачного высокомерия, который в большей степени воспламеняет злобу, чем сама жестокость. Он не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми и низшими расами»* (необходимо только поправить лорда: русские никого не относят к «низшим» расам).

Или высказывание совсем другого, даже «несовместимого» человека. Достоевский писал в 1877 году¹⁴: «Весь народ наш смотрит на еврея без всякой предвзятой ненависти. Я пятьдесят лет видел это. Мне даже случалось жить с народом, в массе народа, в одних казармах, спать на одних нарах. Там было несколько евреев... И что же, вот эти-то евреи чуждались во многом русских, не хотели есть с ними, смотрели на них чуть не свысока... И что же, – вместо того, чтоб обижаться на это, русский простолюдин спокойно и ясно говорит: “Это у него вера такая, это он по вере сво-

* Цит. по кн.: Ф. Нестеров. Связь времен. М., 1980. С. 107–108.

ей не ест и сторонится”... и... от всей души извиняет еврея» (т. 25, с. 80).

Можно бы привести множество подобных оценок, высказанных самыми разными людьми.

Но сочинение И. Щ. продиктовано, конечно, отнюдь не желанием высказать истину. И нет сомнения, что оно будет перепечатано или пересказано во множестве зарубежных просионистских изданий. И комментарии будут соответствующие: вот, мол, Москва погубила в И. Щ. журналистку, а теперь готовится погубить ее в прямом смысле слова, да еще и вместе со всей ее семьей.

Позволю себе выразить надежду, что у Михаила Агурского, как и у меня, сочинения подобного рода вызывают только чувство презрения – как и всякая беспардонная ложь.

5

Еще раз подчеркну: абсолютно необходимо последовательно разграничивать евреев и сионистов, которые опасны для евреев не менее, а в определенных отношениях даже более, чем для других народов. Это понимают не только такие видные исследователи, как Альфред Лилиенталь (я сосредоточился на его работах, но можно было бы сослаться и на множество работ других еврейских авторов из различных стран), но и многие рядовые евреи. Так, одна из еврейских общин США сделала следующее заявление: «Сионисты считают, что идею господства над миром можно осуществить политическими, экономическими и религиозными средствами, – но мы не разделяем их цели. Мы против сионизма с его манией величия, ибо он является могильщиком нашего народа... Планы сионистов вредны для большинства нашего народа и являются преступлением в отношении других народов»*.

Люди, которые считают нужным или необходимым противостоять сионизму, должны сегодня отдать себе ясный

* T. Scheidl. Israel. Wien, 1967. B. 2. S. 25.

отчет в том, что антисемитизм – могущественнейшее оружие в руках сионизма, и каждый, кто выражает национальную неприязнь к евреям (а не борется против сионистских политических деятелей, независимо от того, евреи они или нет), выступает – хотел он этого или не хотел – как прямой пособник сионизма, в конце концов даже как невольный агент сионистской разведки, распространяющей слухи о готовящихся погромах.

Стоит указать на курьезное положение дела: любые нападки на евреев во многом попросту бьют мимо сионизма, так как – о чем подробно говорилось выше – большинство участников сионистской политики не являются евреями.

Но не менее сложна и проблема «сионисты и евреи». Очень характерна и выразительна в этом отношении ситуация, которую можно назвать «феноменом Альберта Эйнштейна». Не так давно один из широко известных членов Верховного Совета СССР профессор А. А. Денисов рассказал на страницах «Литературной газеты» (1990, № 9) о злоключениях своей работы «Мифы теории относительности»¹⁵:

«Несколько раз я пытался опубликовать свои статьи, посвященные этой проблеме, в научных журналах. В ответ имею кипу однотипных ответов из разных редакций: “Опубликовать Вашу статью не можем, поскольку ее выводы противоречат теории относительности”... Все дело в том, что уже более двадцати лет назад президиум Академии наук СССР принял постановление, в котором предлагалось не рассматривать никакие посягательства на теорию относительности. Ни больше ни меньше. Ничего подобного мировая наука не знала» (последнее не вполне точно: «никакие посягательства» не допускались, например, по отношению к теориям Сталина или Гитлера, – пусть кому-то это сопоставление и покажется «кошунственным»; отмечу, что главный популяризатор Эйнштейна в СССР Б. Кузнецов причислил его к «величайшим мыслителям всех времен и народов»¹⁶, – формула знакомая). «Те же сложности, – продолжает А. А. Денисов, – возникли у академика А. Логуно-

ва... несмотря на то, что сам он является вице-президентом Академии наук СССР».

В 1989 году А. А. Денисову удалось все же размножить свою небольшую работу на ротапринте в Вильнюсе, в местном институте научно-технической информации. Но после выхода этой почти «самиздатской» книжки «началась, – сообщает А. А. Денисов, – фантазмагория, сравнимая, я не преувеличиваю, лишь с деяниями средневековой инквизиции... Требовали моего увольнения, лишения меня докторской степени. Но тут как раз... я стал депутатом, а, как вы знаете, уволить народного депутата непросто. Но “дело” на этом не закончилось. Уже будучи на Съезде, узнал от председателя мандатной комиссии, что и туда поступают письма с требованием отозвать меня... На основании того, что профессор Денисов не может быть депутатом, поскольку не так понимает теорию относительности... Продолжаются разнообразные гонения на кооператив, торгующий моей книгой, его угрожают “уничтожить... если он не перестанет продавать мои “Мифы”...”

В глазах многих людей, не знающих глубокой подоплеку дела, все это может предстать как некий абсурд. Но начать целесообразно, пожалуй, с того бесспорного положения, что любые «запреты» на критический анализ теории относительности абсурдны в самом прямом и точном значении слова.

Суть проблемы была со всей ясностью и основательностью охарактеризована в последней книге Норберта Винера.

«До кризиса физики 1900–1905 годов было общепринято, – писал Н. Винер, – что основные понятия математической физики получили свое завершение в трудах Ньютона. Пространство и время, масса и количество движения, сила и энергия были понятиями, установленными, казалось бы, раз навсегда. Задача физики будущего сводилась лишь к построению моделей, которые объясняли бы все еще не изученные явления с помощью этих основополагающих категорий.

После открытий Планка и Эйнштейна стало ясно, что задача физики не столь проста. Категории физики начала

XVIII века нельзя было считать абсолютной истиной. Задача физиков нашего времени в определенном смысле противоположна той, которую ставила перед нами ньютоновская наука: теперь мы должны привести количественные наблюдения окружающего нас мира в **стройную систему***.

Итак, выдающиеся деятели математической физики XX века (Н. Винер назвал имена М. Планка и А. Эйнштейна, но к ним следует с полным основанием присоединить равноценные им имена А. Пуанкаре, Х. Лоренца, Н. Бора, В. Гейзенберга) показали, что реальность более сложна и многогранна, чем это представлялось согласно господствовавшей ранее ньютоновской «стройной системе». Вместе с тем Н. Винер констатировал, что эти ученые вовсе не создали новой «системы», а задача современной и будущей науки состоит в стремлении создать такую систему.

Из этого абсолютно ясно, что так называемая эйнштейновская физика ни в коем случае не может рассматриваться как нечто «законченное»; напротив, она представляет собой своего рода стимул для постоянной работы над созданием новой «системы». Любой «запрет» на критику теории относительности есть не что иное, как попытка напрочь остановить развитие физики.

Почему же этот запрет все же существует? Он всецело порожден тем, что вполне можно определить как «культ личности Эйнштейна» – культ, надо сказать, прямо-таки безграничный.

До 1919 года Эйнштейн, которому тогда было уже сорок лет, занимался обычной научной деятельностью в тесном контакте с рядом своих – вполне, кстати, достойных его – коллег и имел равную с ними известность. Но в 1919 году произошел неожиданный и неслыханный взрыв популярности Эйнштейна, о чем можно узнать из любого его жизнеописания.

* Норберт Винер. Творец и робот. Обсуждение некоторых проблем, в которых кибернетика сталкивается с религией. М., 1966. С. 97. (Выделено мной. – В. К.).

Изменение статуса Эйнштейна было поистине невероятным и поразительным. Один из известнейших его биографов, К. Зелиг, сообщает, что еще в первой половине 1919 года курс лекций Эйнштейна, который он бесплатно читал в Цюрихском университете, посещало всего лишь 15 студентов и 22 вольнослушателя, а ректорат ставил к тому же перед ученым разного рода обидные препятствия*. Но уже с конца 1919 года «имя Эйнштейна... очень быстро облетело все страны. На него накинута целая армия охотников за автографами, издателей, репортеров и поклонников модных знаменитостей» (там же, с. 133).

Более подробный рассказ об удивительно быстром создании «мифа Эйнштейна» содержится в недавно изданной у нас книге А. Пайса «Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна» (М.: Наука, 1989). Здесь цитируются многочисленные газетные сообщения насчет того, что Эйнштейна «встретили такие толпы, что полиция была не в состоянии справиться с опасной давкой» (с. 292). А в СССР в 1920–1923 гг., когда книг издавалось ничтожно мало, вышло более двадцати книг и брошюр об Эйнштейне...

«Так продолжалось в течение всей жизни Эйнштейна... Благодаря новой силе XX в. – средствам массовой информации, которые наводнили мир его портретами и описаниями, его узнал весь мир... – отмечает А. Пайс. – Сравните, к примеру, “случай Эйнштейна” с другим крупным открытием в физике, которое произвело сенсацию во всем мире благодаря прессе. Я говорю о Рентгене и лучах, открытых им в 1895 году. Тогда в центре внимания было само открытие, а отнюдь не личность ученого. Значимость открытия сохранилась, но его освещение в печати после достижения пика постепенно сошло на нет» (указ. изд., с. 297–298).

Совершенно по-иному было с Эйнштейном, где важна была прежде всего «личность» и ее безграничный культ. Создание «мифа Эйнштейна», рассказывает А. Пайс, совпало с тем, что у ученого появился «интерес к судьбе евреев...

* К. З е л и г. Альберт Эйнштейн. М.: Атомиздат, 1964. С. 124–125.

Больше других пробуждению национального самосознания Эйнштейна способствовал Курт Блюменфельд, с 1910 г. генеральный секретарь Исполкома сионистских организаций мира, находившегося тогда в Берлине... Бен Гурион назвал его величайшим революционером духа в движении сионистов... Именно Блюменфельду удалось убедить Эйнштейна поехать с Вейцманом* в Соединенные Штаты (в апреле – мае 1921 г.)» (там же, с. 302–303).

Впрочем, К. Блюменфельд сам рассказал об этом в своих воспоминаниях об Эйнштейне, вошедших в известный сборник «Светлое время – темное время» (1956), к сожалению, не изданный в нашей стране¹⁷:

«Еврейство не было для него проблемой, – вспоминал К. Блюменфельд. – Имелся целый ряд одаренных еврейских писателей и философов, которые прилагали усилия, чтобы заинтересовать его еврейской проблемой». Но попытки эти «не имели успеха... Эйнштейн рассматривал еврейский вопрос как дело людей ограниченных и остающихся в прошлом...»**

«Вплоть до 1919 года Эйнштейн не имел никаких связей ни с сионизмом, ни с сионистским образом мыслей... – подчеркивает К. Блюменфельд. – В феврале 1919 года произошла встреча (мемуарист имеет в виду свою встречу с Эйнштейном. – В. К.), которая произвела переворот в отношении Эйнштейна к еврейскому народу. В это время Феликс Розенблюм (ныне министр юстиции Израиля Пинхас Розен) представил список еврейских ученых, у которых мы хотели пробудить интерес к сионизму. Среди них был Эйнштейн. Естествоиспытатели уже много лет знали о значении этого человека; но, когда мы его посетили... еще не было толпы интервьюеров, фотографов и любопытных, которые осаждали его в последующем» (указ. изд., с. 75).

* Хаим Вейцман (1874–1952) – в те годы президент Всемирной сионистской организации, впоследствии – первый президент Израиля.

** Helle Zeit – Dunkle Zeit. In Memory of Albert Einstein. Europa Verlag. 1956, s. 74.

К. Блюменфельд рассказывает, что он применял особый «метод, который использовали друзья и сторонники сионизма»: именно извлекать из человека только то, что в нем уже заключено, и никогда не пытаться привносить нечто такое, что не соответствует его сущности... Я предложил Эйнштейну прийти на той же неделе на доклад, который я должен был сделать в тесном кругу. В этой связи он сказал мне, что гравер Герман Штрюк старался заинтересовать его Библией и еврейской религией, однако безуспешно... Мой доклад пробудил в Эйнштейне представления, которые соответствовали его сущности... В последующие месяцы имел место ряд бесед, в которых о сионистском деле говорилось по большей части косвенно... Сионизм был постепенно втянут в круг его интересов... Достижимость успеха была обеспечена тем, что мне удалось так вжиться в его стиль, что в конце концов у него возникло чувство, что формулировки не привнесены в него извне, но спонтанно вырабатываются им самим... Мне постепенно удалось завоевать его доверие... В последующем неоднократно в Америке доверял он мне формулировки исходящих от него деклараций. В написанном от руки письме от 1 июня 1944 года сказано: «Я чувствую, что я стою к Вам ближе, чем я мог бы подумать. Это обнаруживается в том, что Вы без труда способны так копировать мой стиль, что по истечении некоторого времени я сам во многих случаях не могу определить, кем, собственно, из нас текст написан... Прошло уже 25 лет со времени Вашего первого визита ко мне»» (там же, с. 75–76, 77).

Это замечательное изложение способов глубокой идеологической обработки подкрепляется последующим рассказом К. Блюменфельда:

«10 марта 1921 года я получил пространную телеграмму от Хаима Вейцмана из Лондона. Я должен был побудить Эйнштейна отправиться вместе с ним в Америку... Он ответил сначала отказом... «Я не гоюсь для той роли, которую Вы мне навязываете... Следует только использовать мое имя, которое теперь*

* То есть после того, как усилиями сионизма были мощно «задействованы» средства массовой информации.

у всех на языке”. Так как я оказался в затруднительном положении, я еще раз громко прочел телеграмму Вейцмана и сказал: “Не нам поручено знать, что необходимо сегодня сионистскому движению. Нам известны не все обстоятельства... И если Вы принимаете всерьез свой поворот к сионизму, то я имею право обратиться к Вам от имени доктора Вейцмана с просьбой... делать в любой момент то, что он сочтет необходимым...” Эйнштейн ответил: “...Для Вас телеграмма является приказом. Я понимаю, что и я в этом случае должен подчиниться”...» (с. 77–78).

Нельзя не отметить, что и после этого К. Блюменфельд продолжал соблюдать величайшую осторожность в отношении Эйнштейна: «29 марта 1921 года я сообщил Вейцману в Лондон: “В последние дни я провел много времени с Эйнштейном, чтобы подготовить его к поездке в Америку. Эйнштейн, как Вам известно, не является сионистом в нашем смысле, и я прошу Вас не делать никаких попыток склонить его к вступлению в нашу организацию. Он всегда будет в вашем распоряжении, если мы будем нуждаться в нем для определенных целей”» (с. 77–78).

И К. Блюменфельд свидетельствует, что Эйнштейн «подобно дисциплинированному сионисту выполнил целый ряд очень важных заданий, которые могли быть выполнены только им. Однако каждый раз приходилось убеждать его в том, что акция, в которой он должен был участвовать, исполнена смысла и сам он необходим для ее выполнения» (с. 80).

К. Блюменфельд отдавал себе ясный отчет в том, что Эйнштейн – не сионист в «нашем» (по его слову) смысле. Поэтому он писал (это письмо цитирует А. Пайс) Х. Вейцману: «До меня дошли слухи, что Вы ждете от него выступлений. Здесь надо быть очень осторожным... Эйнштейн часто говорит вещи, которые могут нам повредить»*.

Правда, А. Пайс, в отличие от К. Блюменфельда, предпочитает не придавать особого значения подобным «деталям». Так, он пытается убедить читателей своей книги, что

* А. Пайс. Цит. кн. С. 303.

в 1952 году, когда ставший первым президентом Израиля Х. Вейцман умер и президентский пост было предложено занять Эйнштейну, последний отказался будто бы только из-за болезни (хотя Эйнштейн умер лишь в 1955 г. и нужен был, конечно, как «символический», а не «работающий» президент).

Но гораздо лучше знавший эту сторону жизни Эйнштейна К. Блюменфельд опровергает заключение А. Пайса: «Мы, которые его (Эйнштейна. – В. К.) знали и любили, обязаны после его смерти говорить всю правду, – писал Блюменфельд. – В его сионизме имелись границы». И в конце жизни, по свидетельству К. Блюменфельда, Эйнштейн был убежден, что «круг людей, который однажды нашел силы вовлечь и в определенном смысле сформировать его... (имеется в виду круг сионистов. – В. К.) с определенного времени не имеет больше мужества вести борьбу за возрождение своего народа в его понимании» (с. 85).

Все это дает основания прийти к выводу, что Эйнштейн – пример выдающегося ученого, который, по сути дела, не был сионистом, но которого сионисты самым активным образом использовали и продолжают использовать в своих целях. Именно отсюда и вытекает яростный протест против любой критики теории относительности – критики, способной подорвать созданный сионистами «миф Эйнштейна». Любое критическое замечание об Эйнштейне неизменно объявляется «антисемитским».

Уже шла речь о настоятельной необходимости ясно сознавать, что сионист и еврей – это совершенно разные сути, которые недопустимо отождествлять или хотя бы даже сближать, как недопустимо, скажем, ставить знак равенства между немцем и фашистом (как отмечалось выше, к сионизму принадлежат люди самых разных национальностей; это полностью относится и к фашизму).

Имеет смысл, в частности, сказать несколько слов о другом крупнейшем ученом еврейского происхождения, имя которого уже было упомянуто, – Норберте Винере. Из его автобиографической книги «Я – математик» можно узнать, что

он с ранних лет и значительно более глубоко и остро, чем Эйнштейн, сознавал свое еврейское происхождение. Но, в отличие от Эйнштейна, он не мог позволить сионизму «использовать» себя в каких-либо целях, ибо имел горький опыт, разоблачивший в его глазах суть сионизма, который (о чем уже не раз говорилось) представляет собой не национальное, а политическое или, вернее было бы сказать, политиканское (правда, этот термин применяется обычно не к столь мощным и грандиозным феноменам) явление.

В той же автобиографической книге Н. Винер рассказал, как в 1930-е годы встала проблема вызволения ученых еврейского происхождения из нацистской Германии :

«Я сразу же попытался войти в контакт с еврейскими благотворительными организациями... Однако... благотворители довольно часто отказывались заниматься учеными, считая, что большинство из них не признает себя евреями (читай – сионистами. – В. К.)... Руководители сионистского движения в США требовали, чтобы средства... шли на начинания сионистского характера и только во вторую очередь (если только эта очередь когда-нибудь наступала) на остальные нужды»*.

После подобного прискорбного опыта Н. Винер обрел своего рода иммунитет в отношении сионизма. Очень характерно в этой связи рассуждение Н. Винера об острой ситуации, возникшей в Массачусетском технологическом институте, где он долгие годы работал. Винер стремился устроить в институт одного из лучших своих учеников – Нормана Левинсона. Но часть сотрудников не соглашалась с этим, утверждая, что в институте «и без того достаточно евреев». Винер пишет по этому поводу, что по-настоящему талантливые люди слишком редки и нельзя чинить им какие-либо препятствия, но вместе с тем он недвусмысленно утверждает здесь же: «Я думаю, что в принципе неплохо, когда происходит равномерное распределение людей различных рас и различных культурных традиций» (цит. кн., с. 202).

* Норберт В и н е р . Я – математик. М.: Наука, 1964. С. 170–171.

Любой сионист квалифицировал бы это совершенно справедливое суждение как домысел махрового антисемита (стоит вспомнить в этой связи упоминавшееся выше «письмо И. Щ.»)...

В заключение вернусь к статье Михаила Агурского. Возможно, создалось впечатление, что я слишком далеко от нее ушел, – ведь в ней речь идет почти исключительно об Израиле и его отношениях с СССР. Но, к сожалению, никак невозможно всерьез обсуждать вопрос об Израиле без обращения к проблеме международного сионизма.

Я не сомневаюсь, что значительная часть израильтян сосредоточена на деле создания своего национального общества, государства, культуры. Но факты неопровержимо свидетельствуют, что политика Израиля (особенно с конца шестидесятых годов) все более зависит от воли международного сионизма¹⁸. Для освещения этого сложного вопроса потребовалось бы слишком много места, и потому я считаю уместным отослать читателя к превосходному исследованию О. А. Колобова (основанному, в частности, на тщательной работе во многих архивах и учреждениях США) или более популярным, но по-настоящему основательным книгам Л. А. Моджорян*. Эти работы, в частности, дают ясную и убедительную характеристику теснейшей зависимости политики Израиля от международного сионизма.

Повторю еще раз, что в Израиле, очевидно, есть немало людей, для которых международный сионизм – это, как и для видного журналиста Ури Авнери¹⁹ (чьи слова уже цитировались), «чуждое и отвратительное» явление, подрывающее само «национальное существование» страны. Но факт остается фактом: политика Израиля определяется не столько его

* О. А. К о л о б о в . США – Израиль и арабский мир. М., 1984 («Палестинский сборник», выпуск 29). Ср. также популярную книжку О. А. К о л о б о в . Дипломатия лжи. Правда о том, как сионисты воздействуют на процесс формирования внешней политики американского империализма. Горький, 1985; Л. А. М о д ж о р я н . Сионизм как форма расизма и расовой дискриминации. М., 1979; О н а ж е . Международный сионизм на службе империалистической реакции. М., 1984.

национально-государственными интересами, сколько интересами международного сионизма.

Могут возразить, что без мощной поддержки этого сионизма Израиль с его населением, составляющим менее четырех миллионов, и дня не мог бы противостоять чреватых конфликтами с ним арабским странам, совместное население которых составляет ныне около двухсот миллионов.

Но задумаемся хотя бы в одну – едва ли не наиболее острую проблему – проблему «жизненного пространства» для израильтян, которое стремятся расширить за счет арабов. На собственной территории Израиля, отведенной ему решением мирового сообщества в 1948 году, освоена лишь одна треть земель; на остальных трудноосваиваемых землях (типа пустыни Негев) живет лишь 12 процентов населения*.

Если бы хотя бы небольшая часть тех капиталов, которые затрачиваются на милитаризацию, была вложена в эти земли, они стали бы цветущим краем. Ведь смогли же создать райские уголки на месте вчерашней бесплоднейшей пустыни те арабские страны, которые располагают крупными «нефтедолларами».

Михаил Агурский закончил свою статью пожеланием: «Израильтяне и арабы должны, наконец, найти способ мирно жить друг с другом...» Но найти этот способ можно, без сомнения, только в том случае, если будет осуществлен девиз, ставший названием книги Ури Авнери, – «Израиль без сионизма». Так что остается пожелать победы Авнери и его единомышленникам.

Необходимое дополнение к недавней статье

После появления моей статьи «Сионизм Михаила Агурского и международный сионизм» (Наш современник. 1990. № 6) я получил несколько писем, авторы которых, одобряя

* Государство Израиль. Справочник. М.: Наука, 1936. С. 10.

статью в целом, высказали одно (и одно и то же) замечание. Так, например, кандидат технических наук, участник Великой Отечественной войны Ю. С. Шиманский из Москвы пишет:

«В 1919 г. произошло событие, произведшее на читающий народ огромное впечатление: было объявлено, что наконец-то теория относительности получила экспериментальное подтверждение...^{*} Замечу, что в настоящее время это доказательство не считается абсолютно достоверным. Но это стало известно позднее. Следует, однако, заметить, что и в 1919 г., и в последующие годы полученное доказательство рядом крупных физиков считалось сомнительным... Вероятно, вследствие этого Нобелевская премия по физике в 1921 г. была присуждена А. Эйнштейну не за работы по теории относительности, а за работу по фотоэффекту... Но в 1919 г. возражения против теории относительности практически не публиковались... Стала знаменита не только теория относительности, но и ее автор А. Эйнштейн... Естественно, он и привлек внимание сионистов».

Словом, подводит итог Ю. С. Шиманский, «не потому стал Эйнштейн всемирно знаменит, что им почему-то именно в 1919 г. заинтересовались сионисты, а наоборот, они им заинтересовались, потому что он стал всемирно знаменит в 1919 г. ...Считать, что своей всемирной славой Эйнштейн обязан сионистам, – значит переоценивать возможности международного сионизма и сионизма в СССР, во всяком случае в те годы».

Рассуждение это заслуживает пристального внимания, и, чтобы до конца разобраться в сути дела, следует тщательно рассмотреть последовательность событий. Сожалею, что в своей статье я не изложил историю «экспериментального подтверждения» теории относительности.

Итак, что же происходило в 1919 году? Эйнштейн и его теория относительности к этому году были известны, как

^{*} Это не совсем точно: до конца 1919 г. только в самом узком кругу физиков знали о теории относительности; между тем из фразы Ю. С. Шиманского можно сделать вывод, что эта теория была широко известна и недоставало только «подтверждения».

уже отмечалось, лишь в чрезвычайно узком кругу специалистов. В феврале 1919 года с Эйнштейном по своей инициативе встретился один из виднейших деятелей сионизма, Курт Блюменфельд, поскольку, как он позднее, в 1956 году, вспоминал, «Феликс Розенблюм (ныне* министр юстиции Израиля Пинхас Розен) представил список еврейских ученых, у которых мы хотели пробудить интерес к сионизму». Через несколько дней Эйнштейн присутствовал на докладе Блюменфельда, а затем «имел место ряд бесед» и т.д. (см. об этом мою статью в № 6 «Нашего современника», с. 151–152).

Важно учитывать, что «к концу войны (1914–1918 годов. – В. К.) руководство ВСО (Всемирной сионистской организации. – В. К.) встало на путь проанглийской ориентации, которая окончательно установилась с переводом штаб-квартиры ВСО после первой мировой войны из Берлина (точнее, из Копенгагена, где в период войны действовало сионистское координационное бюро, связывавшее берлинский центр с сионистскими организациями во всем мире) в Лондон»**.

И именно из Англии в мае 1919 года были отправлены две экспедиции, которые, в частности, ставили перед собой задачу обнаружить во время солнечного затмения то отклонение лучей света, которое, как предполагалось, должно подтвердить истинность теории относительности.

Правда, как совершенно верно говорит в своем уже цитированном письме Ю. С. Шиманский, «отклонение луча света могло быть следствием других причин, выясненных значительно позднее, а кроме того, полученная величина отклонения соизмерима с ошибками наблюдения»; именно поэтому Нобелевская премия за 1921 год была присуждена Эйнштейну не за теорию относительности, а за открытие закона фотоэлектрического эффекта – открытие, которое как раз не приобрело ровно никакой популярности. Открытие это было сделано Эйнштейном еще в 1905–1906 гг. – то есть

* То есть в 1956 году.

** Международный сионизм: история и политика. М.: Наука, 1977. С. 35.

за 16–17 лет до присуждения Нобелевской премии*. И история этого присуждения совершенно ясна: к 1921 г. Эйнштейн имел уже неслыханную, несравнимую ни с чем известность, но вместе с тем еще не создалось такое положение (см. мою статью в № 6 журнала), при котором несогласие с теорией относительности квалифицировалось чуть ли не как преступление... Поэтому, с одной стороны, Эйнштейну все же присудили Нобелевскую премию за весьма давнюю работу, но с другой – еще имели смелость не признавать истинность теории относительности и она не упоминалась в документах о присуждении премии.

Однако вернемся к истории «экспериментального подтверждения» теории относительности. Эта история подробнейшим образом изложена в уже упомянутой книге А. Пайса, признанной наиболее серьезным из созданных до сего времени исследованием жизни и деятельности Эйнштейна.

Итак, вот последовательность событий. В конце 1918 года штаб-квартира Всемирной сионистской организации (с ее главой Хаимом Вейцманом) переехала в Англию. В феврале 1919 г. Курт Блюменфельд «ввел» Эйнштейна в «систему» сионизма. В конце мая две экспедиции из Англии поставили перед собой задачу экспериментально подтвердить теорию относительности. «Затем, – пишет А. Пайс, – настало 6 ноября 1919 г., день, когда Эйнштейн был канонизирован» (с. 291), то есть как бы признан «святым» (А. Пайс замечает там же: «Весьма соблазнительно провести здесь параллель с... канонизацией, хотя в данном случае речь идет о живом человеке... Канонизированная личность почитается всеми»). И «с 7 ноября 1919 г. начала создаваться легенда об Эйнштейне» (с. 293). Пайс имеет в виду, что 7 ноября 1919 года в знаменитой лондонской газете «Таймс» были опубликованы материалы под такими заголовками: «Революция в науке», «Новая теория строения Вселенной» и т.п. На следующий день та же газета опубликовала статью «Революция в науке.

* См. А. Пайс. Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна. М., 1989. С. 358–371.

Эйнштейн против Ньютона»... «Новость была тут же подхвачена прессой Нидерландов...» (с. 293–294). А 14 декабря популярнейшая немецкая «Берлинер иллюстрирте цайтунг» поместила фотографию Эйнштейна на первой полосе с заголовком «Альберт Эйнштейн – новый гигант мировой истории» (с. 294).

До этого времени имя Эйнштейна появлялось почти исключительно в научных журналах, издававшихся тиражом всего в несколько сот экземпляров. И Пайс справедливо пишет: «Можно точно определить, когда родилась легенда об Эйнштейне, – это произошло 7 ноября 1919 г., после публикации в “Times”» (с. 295) – то есть в лондонской газете.

Уже 9 ноября последовал отклик за океаном – в «Нью-Йорк таймс», написанный в духе чисто рекламной журналистики (поскольку нью-йоркская «Таймс» была не такой респектабельной, как лондонская). Пайс пишет, что английский физик Томсон, «если верить газете, выразился следующим образом: “Это одно из величайших – возможно, самое великое – достижений человечества за всю историю науки”». Слов, которые я (то есть Пайс. – В. К.) выделил, Томсон не произносил, но, конечно, так лучше звучит... В статье говорилось, будто один из выступавших на заседании Королевского общества (в Лондоне 6 ноября. – В. К.) заявил, что с Евклидом покончено (это не соответствовало действительности, но лучше “смотрится”)...

Позднее, – продолжает Пайс, – передовые “New York Times” стали все более подчеркивать ту дистанцию, которая отделяет героя от простого человека, – а это необходимо для создания и поддержания мифа. Одиннадцатое ноября: “Новость эта (т.е. теория Эйнштейна. – В. К.) так поразительна, что начинаешь сомневаться даже в таблице умножения”». И т.д., и т.п. (с. 295–296). И Пайс заключает так: «Я знал его (Эйнштейна. – В. К.) уже в старости, когда слава и известность были источником веселого удивления, а иногда и раздражения для Эйнштейна... Однако в молодости (точнее, в зрелые годы, ибо в 1919-м ему было уже сорок лет. – В. К.),

судя по фотографиям и кинокадрам, он получал удовольствие от встреч с репортерами и восхищения публики» (с. 298).

Невозможно поверить, что начавшаяся с 7 ноября 1919 г. деятельность средств массовой информации всего мира, направленная на создание «легенды» или «мифа» об Эйнштейне, была самопроизвольным, спонтанным явлением. За всем этим, конечно же, стояла мощная и имеющая всемирный характер сила. И Ю. С. Шиманский едва ли прав, утверждая, что сионисты «заинтересовались» Эйнштейном, «потому что он стал всемирно знаменит в 1919 г.». Дело обстояло явно противоположным образом...

В последнее время то и дело появляются публикации, авторы которых прямо-таки требуют «не преувеличивать» силу и возможности сионизма. Одним из первых таких «сигналов» была статья «Что сказал “А” и что сказал “Б”» («Советская культура» от 9 февраля 1989 г.), написанная главным специалистом по сионизму в Институте США и Канады АН СССР С. Роговым совместно с В. Носенко.

Но вот что удивительно: всего за три года до того, в 1986 году, вышла книга «Серые кардиналы Белого дома», написанная тем же С. М. Роговым совместно с А. А. Кокошиным и посвященная в основном внешней политике США. В этой книге, в частности, утверждалось:

«Воздействие различных, в том числе сионистских, организаций еврейской общины в США не ограничиваются американо-израильскими отношениями или ближневосточной проблемой, они имеют гораздо более широкие и глубокие возможности... Деятельность сионистов... оказывает деформирующее, негативное воздействие на внешнеполитический механизм США в целом» (с. 237).

Короче говоря, внешняя политика США в целом зависит от сионизма, и не нужно, по-видимому, доказывать, что этот факт имеет громадное значение для жизни всего мира. И естественно задать вопрос С. М. Рогову: что же изменилось с 1986-го по 1989 год – роль сионизма или его собственная роль?

Здесь материальные интересы — прежде всего.

Многие сейчас верят, что средства массовой информации в основном говорят правду, и по сравнению с тем, что было шесть лет назад, уровень правды необычайно повысился и ложь только иногда прорывается на страницы газет и в эфир. Между тем, например, то, что происходит в Персидском заливе, подается, как правило, абсолютно лживо¹: все время внушается, что мобилизация огромной военной силы против Ирака основывается на каких-то высоких нравственных соображениях, что речь идет в первую очередь о защите суверенности Кувейта, о всемирном протесте против агрессии и оккупации и так далее. Между тем совершенно ясно, что в основе всего попросту лежит нефть.

Помимо 75–150 миллионов тонн нефти, которые (в разные годы) добываются в Кувейте, речь идет и о Саудовской Аравии. Руководители США прямо говорят о том, что Ирак, несомненно, покусится и на Саудовскую Аравию, и на более мелкие государства этого региона – Катар, Оман, Объединенные Арабские Эмираты. Все вместе в год они дают в среднем 600–700 миллионов тонн нефти, то есть столько же, сколько добывают совместно все так называемые высокоразвитые страны*! И, конечно же, без арабской нефти само существование высокоразвитой капиталистической цивилизации ставится под вопрос.

Поэтому всякие соображения насчет нравственности и тому подобного не что иное, как флер. Дело совершенно не в этом, что подтверждается хотя бы таким фактом: в 1979 году Вьетнам оккупировал Камбоджу². Тогда Запад тоже высказывал невероятное возмущение тем, что огромная вьетнамская армия, причем армия откровенно экстремистско-коммунистического режима, захватила суверенную страну. Однако ни один солдат не был тогда послан на защиту Камбоджи, поскольку там не было нефти. Это угрожало лишь

* См. в книге «СССР и зарубежные страны, 1988». М., 1990. С. 125–126.

политическим позициям Запада в Азии, но не было связано с проблемой самого его существования. Один этот факт совершенно ясно свидетельствует о том, что для того, чтобы понимать ситуацию, необходимо отбросить все соображения о неких высоких целях Запада, на которых упорно настаивают почти все средства массовой информации.

И второе. Нынешняя политика, когда с некоторой даже эйфорией говорят о том, что мы ликвидировали всякую опасность войны тем, что обнялись не только с Европой, но и с Соединенными Штатами, – политика удивительно недальновидная. Более того, люди, которые вершат эту политику, думаю, отдают себе отчет в том, что Европа давным-давно не имеет никакой политической воли и никакой военной опасности она после окончания Второй мировой войны не представляла. И даже США способны, вероятно, лишь на то, чтобы подавить какое-то сопротивление в ближайших окрестностях. Со времени ухода из Вьетнама США едва ли смогут проявить активную военно-политическую волю³. Предпринятая грандиозная акция против Ирака говорит только о том, что речь идет о выживании, поскольку без этих 600–700 миллионов тонн нефти Запад не может существовать.

Люди, которые всерьез размышляют о судьбе мира и судьбе России в мире, должны отдать себе отчет в том самом важном, что обнаруживает проблема Ирака. Не будем забывать о том, что «высокоразвитые» страны, даже если присоединить к ним СССР, составляют всего только пятую часть человечества, один из пяти миллиардов. Это во-первых.

Во-вторых, в странах так называемого третьего мира (хотя теперь, вероятно, это понятие устарело и можно говорить о двух мирах) военно-политическая воля еще отнюдь не достигла своего высшего накала. Это ясно показывает случай с Ираком. Ведь Ирак, казалось бы, страна совершенно незначительная на карте Азии. В ней проживают всего лишь восемнадцать миллионов человек. И тем не менее сейчас эта страна выступила против всего западного мира, и это вызва-

ло своего рода шок, испуг и глобальную мобилизацию. А ведь речь идет, повторяю, об очень небольшой стране.

Итак, нельзя не задуматься о том громадном потенциале политической воли, которая присуща третьему миру. Тем не менее в средствах массовой информации не встречается ни малейшего намека на то, о чем говорит неожиданное выступление Ирака против всего западного мира. А наша политика в итоге окажется абсолютно неадекватной, если не понять этого.

В данной ситуации наше братание с Европой и Америкой в конфликте с Ираком, в сущности, обозначает присоединение к западному лагерю против остального мира. Я не думаю, что в глобальном, геополитическом плане именно в этом и заключается роль России. Роль ее – хотя бы в идеале – своего рода равновесие между двумя мирами, условно говоря, между Западом и Востоком. Конечно, эта роль чрезвычайно трудна и в политическом, и во всемирно-историческом плане, но так или иначе на протяжении своей многовековой истории Россия стремилась ее осуществлять. И уж во всяком случае странно сейчас накрепко присоединяться к Западу. Это просто неразумно, так как ясно, что будущее человечества зависит ныне вовсе не от западного мира, а от того, что стремительно вызревает в странах остального мира. Уже давно было осознано, что именно тут будут решаться судьбы мира.

Прошу не принимать это как ссылку на какой-то незыблемый авторитет, но Ленин в своих последних статьях основательно говорил, что будущее человечества будет решаться именно там, в наиболее населенных и еще не пробудившихся до конца странах, несмотря на то что демографический взрыв в странах этого мира кончается (в Китае, например, сейчас рождаемость не выше, чем в РСФСР), тем не менее тот гигантский взрыв, который эти страны пережили за предшествующие 3–4 десятилетия, настолько необратим, что соотношение Запада и Востока (плюс Юга) – один к четырем, – вероятно, еще сильно изменится в пользу Востока и Юга.

Сейчас решается вопрос: с каким миром мы будем? Я убежден, что Россия не должна делать односторонний выбор.

Чтобы прогнозировать будущее, необходимо оглянуться в прошлое. Обратимся к ситуации накануне Второй мировой войны. Сейчас налицо совершенно беспардонная, чудовищная ложь, направленная на оплевывание нашей страны. Меня поразило, даже, если угодно, повергло в отчаяние недавно опубликованное в «Известиях» письмо ветерана Отечественной войны, который с возмущением говорит о том, что-де в 1939 году вместо того, чтобы объединиться с Западом, мы заключили договор с Гитлером. Это, мол, было и позорно, и недальновидно, и так далее.

Да, сумели так обработать умы, что даже человек, участвовавший в войне и бывший уже не ребенком в 1939 году, не понимает, что произошло в действительности. Когда сейчас говорят, что позор страны в том, что Сталин жал руку Риббентропу, а Молотов ездил к Гитлеру, при этом, как ни нелепо, начисто забывают, что за год до того, как Риббентроп приехал в Москву, руководители Англии и Франции Чемберлен и Даладье приезжали в личную резиденцию Гитлера в Бергхоф в роли жалких просителей и «дружески» беседовали с ним часами. Чемберлен даже проделал это трижды. И теперь участник Отечественной войны сетует на то, что мы не обнялись с этими самыми демократами...

И второй момент. Обвинения, особенно резко прозвучавшие в заключении комиссии Верховного Совета⁴, которую возглавлял тов. Яковлев, состояли в том, что СССР поделил с Гитлером Восточную Европу. Между тем достаточно открыть изданную у нас в 1976 году признанную всеми авторитетами классической и наиболее объективной «Историю Второй мировой войны» англичанина Лиддела Гарта, дабы узнать, что в 1937–1938 годах, то есть задолго до того, как Сталин поделил с Гитлером Восточную Европу, западные демократии поделили с Гитлером Европу в целом (Гитлеру дали ясно понять, пишет Лиддел Гарт, что «Англия не будет мешать ему в Восточной Европе», – стр. 23). Иными словами, Советский Союз только по необходимости продолжил раздел, начатый демократическими западными государствами.

Но это только субъективный план. В объективном же историческом плане заключение пакта с Гитлером означало предрешение создания Второго фронта. Именно в результате заключения этого пакта Запад объявил войну Германии после ее вторжения в Польшу. До заключения этого пакта Запад беспрепятственно отдал Гитлеру Рейнскую область, затем Австрию и, наконец, Чехословакию. Лиддел Гарт писал о последнем акте: «Гитлер был неприятно удивлен резкой реакцией и объявлением частичной мобилизации в Англии, когда в сентябре 1938 года он предъявил ультиматум Чехословакии. Однако Чемберлен уступил требованиям Гитлера и активно помог навязать Чехословакии свои условия. Гитлер понял, что минутная угроза сопротивления была всего лишь актом спасения престижа».

Однако через год, сразу после заключения пакта Гитлера со Сталиным, Англия и Франция – в ответ на вторжение в Польшу – немедленно объявили войну Германии. И невозможно оспаривать, что в основе этого лежала вовсе не «нравственность», а сознание крайней угрозы (в противном случае Запад, как и в случаях с Чехословакией, Камбоджей и тому подобными, ограничился бы протестами). Лиддел Гарт, подводя итог, утверждает, что пресловутый пакт 1939 года реально «сталкивал лбами» Гитлера и никак не хотевший бороться с ним Запад (подчеркну, что этот вывод делает не некий сталинист, а крупнейший западный историк Второй мировой войны в книге, вышедшей в 1970 году).

Обо всем этом необходимо вспомнить потому, что сегодня в представлениях многих людей, «обработанных» средствами массовой информации, Запад 1939 года приобрел ореол «нравственной» силы (в отличие от оклеветанного СССР, который на деле был прямо-таки обречен на пакт с Гитлером всей предшествующей политикой Запада). Между тем как в 1939-м, так и ныне Запад руководствуется чисто материальными интересами, мощное давление на Ирак вызвано отнюдь не стремлением наказать агрессора, а задачей спасти высокий уровень жизни Запада.

И последнее. Сам тот факт, что сегодня небольшая страна на Востоке дерзко противостоит всему Западу, показывает, насколько нелепы разговоры о возможности – в результате теперешнего «замирения» с Западом – существенно ослабить обороноспособность.

И уж поистине на детском уровне находятся умы тех политических лидеров ряда республик СССР, которые уверяют, что их народы, выйдя из состава, вовсе не обрекут себя на смертельный риск, хотя на деле они, без сомнения, в любой момент могут стать легкими жертвами целого ряда стран Востока, в которых ныне стремительно нарастает военно-политическая воля. И предельно наивна надежда на то, что они могут получить поддержку Запада, – ведь недра этих республик не похожи на недра Кувейта или Саудовской Аравии.

Война и евреи

Эта тема занимает немалое место в литературе о войне, а подчас даже оказывается в центре внимания, и потому неправильно было бы ее здесь обойти.

Очень широко распространено, почти общепринято представление об исключительности, беспрецедентности потерь, понесенных в годы войны еврейским населением, хотя на деле другим «неприемлемым» для Третьего рейха народам – восточным славянам, полякам, сербам, цыганам – был нанесен в те годы едва ли менее значительный урон.

Конечно, если считать, что погибли 6 миллионов евреев – то есть 58% предвоенного еврейского населения Европы и СССР (10,3 млн) и 36% тогдашнего еврейства в целом (16,7 млн), доля потерь действительно оказывается ни с чем несравнимой. Однако цифра 6 миллионов имеет, по существу, «символическое» значение, наглядно запечатленное, например, в созданном в Париже мемориале, где «возложен камень на символической могиле шести миллионов мучени-

ков. Шесть прожекторов рассекают тьму над шестью углами шестиугольного камня», то есть звезды Давида.

Одна из попыток конкретного обоснования цифры 6 миллионов сделана в вызвавшей в свое время большой резонанс книге Леона Полякова и Иосифа Вуля «Евреи и Третий рейх» (1955). По подсчетам, предложенным в этой книге, преобладающее большинство погибших – 5 миллионов из 6 – это евреи четырех восточноевропейских стран – Польши, Румынии, Литвы, Латвии – и СССР. В книге утверждалось, что в четырех названных странах было 4,4 млн евреев, и 3,5 млн из них погибли, а на оккупированной рейхом территории СССР – 2,1 млн, из которых погибло 1,5 млн (на остальной территории Европы погиб 1 млн из имевшихся там 1,5 млн евреев).

Как ни странно, авторы «не заметили», что, согласно их подсчетам, перед войной из 10,3 млн евреев Европы и СССР 5,9 млн находились западнее границы СССР, а в его границах, следовательно, 4,4 млн; однако такое количество евреев оказалось в СССР только после присоединения к нему в 1939–1940 годах восточных земель Польши (то есть западных территорий Украины и Белоруссии) и Румынии (Молдавия), а также Литвы и Латвии (ранее еврейское население СССР не превышало 3 млн человек). С другой стороны, после указанного присоединения в четырех восточноевропейских странах уже не имелось 4,4 млн евреев. Так, в изданном в 1992 году в Иерусалиме сборнике документов и материалов «Уничтожение евреев в СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944)» показано, что на присоединенных в 1939–1940 годах к СССР землях было 2 150 000 евреев, то есть как раз столько, сколько, согласно книге Л. Полякова и И. Вуля, оказалось на оккупированной территории СССР (а в Польше и Румынии осталось всего 2,3 млн евреев). И, как утверждает в иерусалимском сборнике, «из-за стремительного захвата этих (ближайших к границе СССР. – В. К.) земель немецкой армией лишь немногие евреи сумели бежать, эвакуироваться», и именно они составили преобладающее большинство погибших на территории СССР евреев.

Между тем Л. Поляков и И. Вуль утверждали, что в четырех восточноевропейских странах имелось 4,4 млн евреев, а на оккупированной территории СССР – 2,1 млн, и из этих (в сумме) 6,5 млн погибло 5 млн. Но вполне ясно, что 2 млн из этих 5 млн засчитаны дважды – и в качестве граждан четырех восточноевропейских стран, и в качестве новых граждан СССР...

Это, надо думать, «заметил» Г. Рейтлингер, автор книги на ту же тему под названием «Окончательное решение» (1961), и счел возможным предположить, что всего погибло не 6 млн, а 4,1 млн евреев. Правда, такому заключению решительно противоречит израильская статистика, утверждавшая, что к 1946 году уцелело только 11 из 16,7 млн евреев мира: их количество сократилось, следовательно, на 5,7 млн человек и медленно восстанавливалось, достигнув к 1967 году, то есть через 20 с лишним лет, 13,3 млн*.

Однако затем евреи вроде бы пережили настоящий «демографический взрыв», и еще через 20 лет, к 1987 году, их количество, согласно статистике, достигло 17,9 млн, то есть выросло на 34,5%. Примерно такой же прирост имел место тогда, скажем, в Азербайджане, чье население с 1969-го по 1989 год увеличилось на 37,5%. Но этот прирост смог осуществиться в силу азербайджанской многодетности: в 1989 году около 40% семей Азербайджана имели четырех и более детей!

Вряд ли кто-нибудь будет утверждать, что подобная многодетность присуща еврейскому населению, исключая разве только сравнительно небольшую его часть – азиатских и африканских евреев. В основном же воспроизводство еврейского населения близко к европейскому стандарту, а население Европы (включая европейскую часть СССР) за эти 20 лет – с 1967-го по 1987 год – выросло менее чем на 9%, к тому же частично этот прирост шел за счет иммигрантов из других континентов.

Итак, прирост евреев за 1967–1986 годы почти на 35% – совершенно неправдоподобное явление, и остается прийти к выводу, что количество евреев и в 1945-м (11 млн), и в 1967

* The World Almanac and Book of Facts. N.Y., 1968. P. 178, 268; The 1988 Information Please Almanac. Boston, 1988. P. 400.

годах (13,3 млн) было очень значительно занижено статистиками, дабы не колебать версию о 6 миллионах погибших. А в 1987 году еврейские статистики сочли уместным (ведь дело уже давнее), да и важным (надо же соплеменникам знать реальное положение!) опубликовать подлинную цифру. Но она ясно показывает, что потери составляли не 6 и даже не 4 миллиона.

Не исключено следующее возражение: по сведениям именно 1987 года, в Европе (включая СССР) было 4,7 млн евреев, между тем как перед войной – 10,3 млн, и разве не свидетельствует сокращение еврейского населения Европы на 5,6 млн о гибели 6 млн? Однако перед войной за пределами Европы имелось всего лишь 6,4 млн, а в 1987-м – 13,2 млн евреев, то есть почти на 7 млн больше, чем до войны! И нет сомнения, что преобладающее большинство из этих 7 млн – переселенцы; так, даже в Израиле (где рождаемость значительно выше, чем в диаспоре, уже хотя бы потому, что здесь немало недавних переселенцев из Африки и Азии) в 1983 году иммигранты составляли все же намного более половины еврейского населения (примерно 2 млн из 3,3 млн).

Так что резкое сокращение количества евреев в Европе обусловлено в основном не потерями, а очень значительным перемещением еврейского населения (в абсолютном большинстве в страны Америки и Израиль).

* * *

Нет, разумеется, никакого сомнения в том, что потери евреев в годы войны были громадными. Но постоянно пропагандируемые цифры все же очень резко завышены ради того, чтобы превратить еврейскую трагедию в своего рода центр, главный узел мировой трагедии; подчас трагедию великой войны вообще пытаются свести к трагедии евреев...

Возможно, точные подсчеты еще будут произведены, но, исходя из вышеизложенного, уместно сделать вывод, что потери евреев едва ли столь уж значительно отличались от потерь других неприемлемых для Третьего рейха народов.

Так, население РСФСР, которое на 83% состояло из русских, сократилось за годы войны более чем на 15 млн (!) человек, то есть на 14%, и, поскольку оккупации подверглись главным образом русские области РСФСР, это было в основном сокращение русского народа, которое вряд ли представляло собой значительно меньшую долю, чем доля погибших евреев (в целом).

Вполне вероятно возражение, что «расовая неприемлемость» евреев для Третьего рейха была более категорической, чем какого-либо из славянских народов. Но ведь таковым же было отношение к цыганскому народу, таборы которого нередко без всяких околичностей сжигались (включая детей...), однако о трагедии цыган говорится несопоставимо меньше, чем о еврейской трагедии, хотя, казалось бы, этот яркий народ хорошо известен во всем мире...

Могут напомнить, что евреи в отличие от цыган дали миру множество всем известных людей самых разных профессий и занятий, и поэтому еврейская трагедия находится в центре внимания. Но уместно напомнить и другое: кроме педагога и писателя Януша Корчака (Генрика Гольдшмидта) затруднительно назвать каких-либо широко известных до войны евреев, погибших в Третьем рейхе, что также противоречит представлению о тотальной гибели...

Словом, очень многое из того, что написано на тему «война и евреи», преследует определенные идеологические цели и не может восприниматься в качестве объективных исследований совершившегося, начиная со статистики погибших.

**Германский фюрер и «царь иудейский»
(о самой, быть может,
чудовищной тайне XX века)**

Виднейшая сионистская деятельница Голда Меир (в 1969–1974 гг. – премьер-министр Израиля) писала в своих

мемуарах «Моя жизнь» о Хаиме Вейцмане: «Для евреев всего мира это был “царь иудейский”... он был живым воплощением сионизма... и влияние его было огромно»*.

Вейцман родился (в 1874 году) и вырос в России, к концу века перебрался в Германию, в 1903 году поселился в Великобритании; и вскоре стал одним из лидеров сионизма. В 1920–1946 гг. Вейцман почти бессменно возглавлял две важнейших структуры – Всемирную сионистскую организацию и Еврейское агентство для Палестины, а с 1948-го и до кончины в 1952-м был первым президентом государства Израиль. Словом, он являл собой, если воспользоваться вместо «царь иудейский» более скромным определением, человека № 1 в сионизме, причем занимал это место в течение более тридцати лет и, в частности, во время мировой войны 1939–1945 гг.

По-видимому, очень многие люди, знающие о Вейцмане, – как евреи, так и люди других национальностей – видят в нем великого деятеля, принесшего неоценимое благо своему народу. Однако есть просвещенные евреи (не говоря уже о мыслящих людях вообще), которые совершенно иначе понимают и оценивают роль Хаима Вейцмана.

Так, в книге американского раввина М. Шонфельда «Жертвы Холокоста обвиняют. Документы и свидетельства о еврейских военных преступниках» (Нью-Йорк, 1977) Вейцман аттестуется как главный из этих самых преступников. Особое внимание обращено здесь на заявление Вейцмана, сделанное им еще в 1937 году:

«Я задаю вопрос: “Способны ли вы переселить шесть миллионов евреев в Палестину?” Я отвечаю: “Нет”. Из трагической пропасти я хочу спасти два миллиона молодых... А старые должны исчезнуть... Они – пыль, экономическая и духовная пыль в жестоком мире... Лишь молодая ветвь будет жить»**. Таким образом, предполагалось, что четыре мил-

* Мейер Голда. Моя жизнь. Иерусалим, 1989. Кн. 1. С. 220, 221.

** Shonfeld M. The Holocaust Victims Accuse. Documents and Testimony on Jewish War Criminals. N.-Y., 1977. P. 25.

лиона европейских евреев должны погибнуть (о реальном значении этих цифр – см. примеч.*).

Это «пророчество» Вейцмана, в общем-то, довольно широко известно, но далеко еще не осмыслено во всем его поистине поразительном значении. Поразительна уже сама уверенность прогноза: ведь к 1937 году еще ни один еврей не погиб от рук нацистов по «обвинению» в том, что он еврей (хотя, конечно, евреи, как и люди других национальностей, с 1933 г. подвергались нацистским репрессиям по политическим обвинениям). Первые нацистские убийства евреев по «расовому признаку» произошли в так называемую «ночь битого стекла» – то есть в конце 1938 года (тогда погиб 91 человек). Тем не менее Вейцман уверенно предсказывает глобальное уничтожение евреев, которое действительно началось лишь через пять лет.

Вейцман объяснил свое если не равнодушие, то по крайней мере вполне спокойное отношение к предстоящей гибели четырех миллионов европейских евреев: они, мол, только «пыль» и посему «должны исчезнуть...».

Но уместно отметить, что в сионизме имелась и иная тенденция. Так, называвший свой сионизм «гуманитарным» широко известный Владимир (Зеев) Жаботинский (1860–1940) еще до обсуждаемого заявления Вейцмана выступил в своей книге «Еврейское государство» (1936) с критикой программы вейцмановского толка. Он не без язвительности писал что целью этой версии сионизма «является создание в Палестине чего-то нового, усовершенствованного... Мы должны выпустить “еврейский народ в исправленном издании”... что-то вроде “еврейский народ в избранных фрагментах”. Для этой цели нужно придерживаться осторожной селекции и

* Вейцман предсказал гибель 4 миллионов евреев, а между тем господствует мнение о гибели 6 миллионов. Но в ряде подсчетов 2 миллиона погибших засчитывались дважды – и как граждане Польши, прибалтийских государств и Румынии (Бессарабии), и как граждане СССР, который к 1941 году возвратил в свой состав издавна принадлежавшие России западные территории (см. об этом в моей книге: Россия. Век XX-й. Опыт беспристрастного исследования. 1939–1964. С. 137–141).

тщательного выбора. Только “лучшие” в Галуте (диаспоре) должны войти в Палестину. По вопросу, что будет с остатками “рафинированного” в Галуте, теоретики – представители этой концепции – не любят говорить...»

Сам же Жаботинский доказывал, что незачем отбирать «лучших» из евреев: «Надо думать, что жизнь в атмосфере собственного государства вылечит понемногу евреев от крикливо-души и телесного уродства, причиненных нам Галутом, и создаст постепенно тип этого “лучшего еврея”...» (с. 49, 50).

Но, во-первых, Жаботинский ошибся, обвиняя «теоретиков» в нежелании говорить о том, что будет с еврейскими «остатками»: в следующем же году Вейцман высказался об этом, как мы видели, с полнейшей ясностью. Во-вторых, Жаботинский, имея большую славу, не имел сколько-нибудь значительной власти в сионистском движении. Его биограф И. Орен пишет о нем:

«Накануне второй мировой войны... он предчувствовал катастрофу, надвигающуюся на восточноевропейское еврейство, и выдвинул лозунг полной эвакуации евреев из Польши в Эрец-Исраэль. Он был готов встать во главе нелегального флота, чтобы привезти сотни тысяч польских евреев... Этот план... не нашел сочувствия»*.

В отличие от Жаботинского реально стоявший во главе сионизма Вейцман не просто «предчувствовал», а, как видим, вполне точно знал о будущей «катастрофе», но ничего не предпринимал.

Остается сделать вывод, что он был (о чем ясно сказал Жаботинский) в числе последовательных сторонников «селекции» евреев и полагал, что так или иначе осуществлявшие «селекцию» нацисты делают – по крайней мере с объективной точки зрения – необходимое и полезное дело...

Могут сказать о чрезмерности и несправедливости такого вывода, однако эта убежденность была присуща вовсе не только Вейцману, но и многим другим сионистам. Например,

* Жаботинский Владимир (Зеев). Избранное. Иерусалим – Санкт-Петербург, 1992. С. 19–20.

венгерский раввин В. Шейц, как бы развивая мысль Вейцмана, писал в 1939 году:

«Расистские законы, которые ныне применяются против евреев, могут оказаться и мучительными, и гибельными для тысяч и тысяч евреев, но все еврейство в целом они очистят, разбудят и омолодят*». Не исключено, что этот раввин позднее, когда обнаружились действительные масштабы «очищения» еврейства, пересмотрел свое отношение к делу. Но ведь «царь иудейский» Вейцман-то еще в 1937 году точно знал, что погибнут не «тысячи», а миллионы его соплеменников, и все же принимал это как «должное» (они «должны исчезнуть...»).

Вполне понятно, что уяснение этой «позиции» дискредитирует сионистских лидеров, однако у них всегда наготове весьма простой, но сильно действующий на множество неспособных к самостоятельному мышлению людей ответ: все это — антисемитская клевета на сионизм.

Поэтому важно и даже необходимо сослаться на мнение «гуманитарных» сионистов — последователей Жаботинского, которые подчас очень решительно выступали против властвующих верхов сионизма. Этих «гуманитариев» никак невозможно обвинить в антисемитизме, и тем не менее они заявили в своей газете «Херут» от 25 мая 1964 г. об уничтожении миллионов евреев во время Второй мировой войны следующее:

«Как объяснить тот факт, что руководители Еврейского агентства, вожди сионистского движения... хранили молчание? Почему они не подняли свой голос, почему не закричали на весь мир?... История еще определит, не был ли сам факт существования предательского Еврейского агентства помощью для нацистов... история, этот справедливый судья... вынесет приговор и руководителям Еврейского агентства, и вождям сионистского движения... Потрясает тот факт, что эти вожди и деятели продолжают по-прежнему возглавлять еврейские, сионистские и израильские учреждения**».

* Цит. по книге: Бродский Р. М., Шулмейстер Ю. А. Сионизм — орудие реакции. Львов, 1976. С. 80.

** Цит. изд. С. 118–119.

Еврейское агентство и Всемирную сионистскую организацию возглавлял в годы войны, о чем уже сказано, Хаим Вейцман. И, следовательно, именно к этому «царю иудейскому» относилось прежде всего столь убийственное обвинение.

Через два года, 24 апреля 1966 г., израильская газета «Маарив» опубликовала дискуссию, в ходе которой один из бывших командиров Хаганы (сионистская военная организация), депутат кнессета Хаим Ландау заявил:

«Это факт, что в 1942 году Еврейское агентство знало об уничтожении... Правда заключается в том, что они не только молчали об этом, но и заставляли молчать тех, кто знал об этом тоже». И вспоминал, как один из руководящих сионистских деятелей, Ицхак Гринбаум, признался ему: «Когда меня спросили, дашь ли ты деньги на спасение евреев в странах изгнания, я сказал “нет!”... Я считаю, что нужно противостоять этой волне, она может захлестнуть нас и отодвинуть нашу сионистскую деятельность на второй план».

В этой же дискуссии другой видный сионист Элиезар Ливне засвидетельствовал: «Если бы наша главная цель состояла в том, чтобы помешать ликвидации евреев... мы спасли бы многих»*. Здесь, впрочем, одна очевидная неточность: спасение европейских евреев не только не было «главной целью» сионизма, но и вообще не являлось его «целью». Это, между прочим, совершенно ясно из уже цитированных мемуаров Голды Меир «Моя жизнь», хотя она вроде бы пытается доказывать обратное.

В мемуарах, конечно, немало говорится о том, как она и ее коллеги в руководстве Еврейского агентства страдали, получая сведения об уничтожении евреев нацистами, и как все время изо всех сил старались помочь:

«...не было пути, — уверяет она, — которого мы бы не разведали, лазейки, в которую мы бы не проникли, возможности, которой мы бы немедленно не изучили» (с. 189).

* Цит. по книге: Р у в и н с к и й Л. А. Сионизм на службе реакции. Одесса, 1984. С. 83–84.

Но Меир явно «проговаривается», упоминая, что к 1943 году ни много ни мало 130 тысяч человек в Палестине уже «записались» в еврейскую армию, и в то же время сообщая, что только один-единственный раз, летом 1943 года, было решено забросить на оккупированную нацистами территорию всего-навсего 32 палестинских боевика для помощи европейским евреям...! Лишь осенью 1944 года эти боевики оказались в Европе (с. 190).

Голда Меир стремится «объяснить» столь мизерный «результат» своей деятельности по спасению европейских евреев якобы непреодолимым сопротивлением, которое оказывали сионистам тогдашние британские власти в Палестине, «не разрешая» им противодействовать нацистам. Но перед нами совершенно недостоверное объяснение, так как хорошо известны бесчисленные факты, свидетельствующие о том, что сионисты, когда это им действительно было нужно, умели так или иначе «обойти» любые британские препоны (вплоть до того, что сионистами была взорвана штаб-квартира англичан – отель «Кинг Дэвид» в Иерусалиме, где погибли около ста человек).

Итак, спасти европейских евреев отправились всего лишь 32 человека (к судьбе этих людей мы еще возвратимся), а формируемая стотридцатитысячная армия тем временем вела борьбу отнюдь не против нацистов, уничтожавших миллионы евреев, но против арабов Палестины... Ибо здесь, в Палестине, пишет Меир, произошло «самое ужасное – 80 человек было убиты и многие серьезно ранены» (с. 166). Не странно ли, что гибель 80 палестинских евреев оказывается более «ужасной», чем миллионы европейских?..

Необходимо добавить к этому, что определенная часть находившихся в 1940-х годах в Палестине сионистских боевых структур воевала не только с арабами, но и – как сообщает в своей изданной в 1981 году в Мюнхене книге «Второй Израиль для территориалистов?» своеобразный еврейский идеолог Б. Ефимов – «продолжала вооруженную борьбу против английских властей, то есть они фактически участвовали

в войне на стороне Гитлера, а некоторые из них даже вели с нацистами переговоры о создании еврейско-нацистского союза против Великобритании (интересно отметить, что крупнейшую из организаций, продолжавших войну против англичан, возглавлял будущий премьер-министр Израиля Бегин, который позднее публично упрекнул канцлера ФРГ Шмидта в том, что тот служил во время войны в немецкой армии; довольно трудно понять смысл этого упрека, если учесть, что Шмидт и Бегин сражались тогда по одну сторону баррикады)» (указ. изд., с. 34).

Итак, вожди сионизма – хотя их пропагандистский аппарат, конечно же, пытается это всячески опровергать – вполне «спокойно» отнеслись к уничтожению в 1940-х годах миллионов евреев, а сам тогдашний царь иудейский даже с полной точностью предвидел это уничтожение.

Что оно означало для сионистов? Вопрос предельно острый, и пока еще не осуществлено масштабное и тщательное исследование этой темы, – чему, конечно, мешает резкое сопротивление сионистской пропаганды, объявляющей любой анализ связанных с этим вопросом фактов выражением пресловутого «антисемитизма». Сопротивление это всецело понятно: ведь речь идет о поистине чудовищном явлении: о взаимодействии (пусть даже хотя бы не совсем прямом и откровенном) сионистов и нацистов, то есть в конечном счете об определенном «единстве» Вейцмана и Гитлера в деле уничтожения миллионов евреев...

И все же взаимодействие сионизма и нацизма – очевидная реальность, которую невозможно опровергнуть. Так, например, историк сионизма Лионель Даддани, которого никто не обвинял в «антисемитизме» (напротив, он сам резко выступает против ряда исследователей сионизма, обвиняя их в «антисемитских» происках), писал в своей книге «Критика идеологии и политики социал-сионизма», изданной в Москве в 1986 году, что вскоре после прихода Гитлера к власти сионизм «заключил с гитлеровцами соглашение... о переводе из Германии в Палестину в товарной форме состояния выехав-

ших туда немецких евреев. Это соглашение сорвало экономический бойкот нацистской Германии и обеспечило ее весьма крупной суммой в конвертируемой валюте» (с. 164).

Понятно, что в результате выиграл и сионизм, но так или иначе это сотрудничество в условиях всемирного экономического бойкота нацизма говорит само за себя. Помимо того в 1930-х годах, как сообщает Давид Сойфер, «сионистские организации передали Гитлеру 126 миллионов долларов»* – то есть, согласно нынешней покупательной способности доллара, намного более миллиарда.

Но дело вовсе не только в экономической «взаимопомощи» сионизма и нацизма. Дадиани в своей книге сообщает, основываясь на неоспоримых документальных данных: «Один из руководителей Хаганы Ф. Полкес... в февралемарте 1937 г. вступил в контакты с офицерами гестапо и нацистской разведки, находясь по их приглашению в Берлине... Полкес, передав нацистским эмиссарам ряд интересовавших их важных сведений... сделал несколько важных заявлений. “Национальные еврейские круги, – подчеркнул он, – выразили большую радость по поводу радикальной политики в отношении евреев, так как в результате ее еврейское население Палестины настолько возросло, что в обозримом будущем можно будет рассчитывать на то, что евреи, а не арабы станут большинством в Палестине”» (с. 164, 165). И действительно: в 1933–1937 гг. еврейское население Палестины возросло более чем в два раза, достигнув почти 400 тысяч человек. Следует вспомнить еще, что именно к 1937 году относится поразительный прогноз главного шефа Полкеса – Хаима Вейцмана...

И уж поистине ни с чем не сравнимо следующее: в составленном нацистской службой безопасности (СД) документе о переговорах с Полкесом (документ этот был опубликован в № 3 немецкого журнала «Horisont» за 1970 год) приводится данное знаменитым палачом Адольфом Эйх-

* Сойфер Д. И. Крах сионистских теорий. Днепропетровск, 1980.

маном посланцу сионистов Фейфелю Полкесу заверение, согласно которому на евреев «будет оказываться давление, чтобы эмигрирующие брали на себя обязательство отправляться только в Палестину».

Точно известно (см. документы, опубликованные в упомянутом номере журнала «Horisont»), что сотрудничеством Эйхмана с Полкесом непосредственно руководил Гейдрих, а за ним, понятно, стоял сам Гитлер; Полкес же (есть, между прочим, предположение, что это псевдоним, за которым скрылся более известный сионистский деятель) действовал по заданию Еврейского агентства, возглавляемого Вейцманом¹. Сотрудничество это продолжалось и в 1942 г., уже после провозглашения так называемого «окончательного решения еврейского вопроса». Словом, речь идет о несомненном взаимодействии царя иудейского и германского фюрера.

В свете всего этого становится целиком и полностью оправданным вывод, сделанный в 1966 году на страницах одного из авторитетнейших журналов Запада «Шпигель» (№ 52 от 19 декабря): «Сионисты восприняли утверждение власти нацистов в Германии не как национальную катастрофу, а как уникальную историческую возможность реализации сионистских планов».

И теперь стоит вернуться к судьбе той единственной боевой группы палестинских евреев, которую Еврейское агентство все-таки согласилось направить в 1944 году в Венгрию для помощи уничтожаемым соплеменникам. Во главе группы была яркая личность – молодая поэтесса Хана (Аника) Сенеш. Голда Меир, одна из тогдашних руководительниц Еврейского агентства, скорбно поминает в своих мемуарах погибшую девушку². В Тель-Авиве была даже издана книга «Хана Сенеш. Ее жизнь, миссия и героическая смерть».

Однако совершенно точно известно, что Сенеш, прибыв в Венгрию, установила связь со здешним полномочным представителем этого самого Еврейского агентства Рудольфом (Израилем) Кастнером, который, выяснив через нее местопребывание всех членов засланной группы, безжалостно

передал их нацистам*, ибо они могли помешать взаимодействию сионистов и гитлеровцев...

И слезы о Хане Сенеш в мемуарах Голды Меир – в сущности, «крокодиловы слезы», ибо она едва ли могла не знать о действительной роли своего подчиненного Кастнера, который позднее стал крупным чиновником в Израиле, а в 1957 году был убит на тель-авивской улице при не очень ясных обстоятельствах (то ли ему мстили за преданных им евреев, то ли его убрали израильские спецслужбы как нежелательного «свидетеля»).

Можно бы привести и иные многочисленные факты, ясно свидетельствующие о взаимодействии сионизма и нацизма в 1930–1940-х годах – явлении, кстати сказать, прямо-таки беспрецедентном, поскольку в условиях этого альянса были уничтожены миллионы евреев, о благе которых, казалось бы, только и пеклись сионисты. Но уже и приведенные свидетельства с полной ясностью говорят о существовании указанного альянса. Глубокое же и всестороннее исследование этого феномена еще предстоит осуществить. И сделать это необходимо, ибо взаимодействие команды Гитлера с командой Вейцмана раскрывает – как, пожалуй, ничто иное – истинную суть сионизма.

Нацистское уничтожение миллионов евреев было в целом ряде отношений исключительно выгодно сионистам. Начать с того, что оно представляло собой, по их убеждению, своего рода благотворное «воспитание» подлинных – с их точки зрения – евреев. Так, преемник Вейцмана на посту президента Всемирной сионистской организации Наум Гольдман без обвиняков сказал в своей «Автобиографии» (1971), что для победы сионизма была совершенно необходима еврейская «солидарность» и что именно «ужасное истребление миллионов евреев нацистами имело своим благотворным (именно так. – В. К.) результатом пробуждение в умах, до того времени индифферентных, этой солидарности»**.

* См., например: Солодарь Цезарь. Темная завеса. М., 1982. С. 165–167, – а также многие другие книги.

** Цит. по книге: Ладейкин В. П. Источник опасного кризиса. Роль сионизма в разжигании конфликта на Ближнем Востоке. М., 1978. С. 58.

Во-вторых, «катастрофа» как бы сама собой (но также – о чем шла речь – и при прямом и необходимом содействии нацистов) гнала евреев в Палестину, куда ранее приток иммигрантов был весьма слабым.

В-третьих, еще, пожалуй, более важная и поразительная сторона дела: нацистский террор представлял собой, пользуясь определением Жаботинского, селекцию, отбор – конечно, совершенно чудовищный; вспомним суждения Вейцмана о «пыли» и «ветви». И нельзя не обратить внимания на удивительный, даже с трудом понимаемый, но бесспорный факт: погибли ни много ни мало миллионы евреев, однако среди них почему-то почти не оказалось сколько-нибудь выдающихся, широко известных людей. За исключением убитого в Треблинке писателя и педагога Януша Корчака (Генрика Гольдшмидта), который к тому же по этическим соображениям сам отказался от подготовленного для него побега, и умершего в возрасте 81 года в рижском гетто историка С. М. Дубнова, трудно назвать какого-либо видного представителя европейского еврейства, умершего под властью нацистов: все они либо покинули оккупированную территорию, либо каким-то «чудом» уцелели в нацистских лапах.

Вот хотя бы один, но очень яркий пример: знаменитый политический деятель Франции, антифашист, лидер социалистической партии и глава правительства Народного фронта в 1936–1938 гг. еврей Леон Блюм был в 1940-м арестован нацистами и в 1943-м вывезен в Германию, однако благополучно вернулся (кстати, ему тогда было уже 74 года) и стал в 1946-м премьер-министром Франции! Что за странная загадка? Впрочем, таких загадок великое множество...

Наконец, огромное значение имело для сионистов воздействие позднейших сообщений о Холокосте на мир, на все человечество. Сохраняя, как мы видели, непосредственно во время гитлеровского террора полнейшее молчание об уничтожении миллионов, сионисты затем, начиная с 1945 года, не упускали ни единой возможности во весь голос заявлять об этом. И впоследствии Наум Гольдман решился открыто и не без своего

рода цинизма написать (в изданной в 1975 году своей книге «Куда идет Израиль?») следующее: «Я сомневаюсь, что без уничтожения шести (это значительное преувеличение. – В. К.) миллионов евреев большинство в ООН проголосовало бы в пользу создания еврейского государства» (с. 23).

Итак, получается, что, согласно недвусмысленным признаниям самих сионистских лидеров, нацисты и сионисты, по сути дела, «заодно», «совместно» осуществили и «воспитание», и иммиграцию в Палестину, и «селекцию» евреев, а также обеспечение и формирование беспримерного чувства «вины» (именно так определяют это сионисты) целого мира, который, мол, допустил уничтожение миллионов евреев (расчет сионистов был вполне точен, ибо в отличие от них, спокойно «предвидевших» гибель миллионов, для человечества эта гибель явилась ошеломляющим фактом...) и, во-вторых, залог «оправдания» любых будущих акций сионизма. Так, Голда Меир рассказывает о своем решительном отпоре тем, кто обвинял сионистов в полнейшем нарушении международных правовых норм: «Я... говорю от имени миллионов, которые уже не могут сказать ничего» (с. 202).

Но давайте сопоставим эти слова со словами того, кого сама Меир назвала «царем иудейским» и который заявил, что эти миллионы – «пыль» и просто-таки «должны» исчезнуть... Не просвечивает ли за этим противоречием чудовищная «тайна»?..

Ведь неизбежно получается, что Гитлер «работал» на Вейцмана, и последний уже в 1937 году об этом «проговорился». Невольно вспоминается, что существует точка зрения, согласно которой и Гитлер, и его главный сподвижник в «решении еврейского вопроса» Гейдрих, имевшие еврейских предков (сведения об этом авторитетны и весьма достоверны³, хотя просионистские идеологи и стремятся их опровергать), вполне «закономерно» участвовали в «общем деле» с Вейцманом. Слишком уж много странных (на первый взгляд) «совпадений» имеется в истории сионизма и нацизма в 1930–1940-х гг. Разумеется, это только «гипотеза», но, во

всяком случае, глубокое и тщательное исследование в данном направлении должно быть осуществлено⁴. Как могло получиться так, что во главе вроде бы непримиримого к евреям нацизма оказались люди с «еврейской кровью»?

И так или иначе свершавшееся «взаимодействие» германского фюрера и «царя иудейского» в самом деле наиболее «страшная» тайна XX столетия, ибо речь идет о миллионах жизней, положенных на алтарь этого взаимодействия. Тайна, которая в конце концов раскроется во всем ее существе, ибо не зря сказано, что все тайное станет явным.

Однако уже и сейчас вполне очевидно, что взаимодействие сионизма и нацизма необходимо воспринять как грандиозный урок: если сионизм мог подобным образом отнестись к миллионам евреев, то в своем отношении к другим народам он, без сомнения, не подразумевает абсолютно никаких правовых и нравственных «ограничений».

Вполне достоверны сведения, что во время арабо-израильской войны 1973 года правительство Израиля, оказавшись на грани поражения, приняло решение пустить в ход ядерное оружие⁵. Голда Меир, возглавлявшая тогда правительство, весьма прозрачно намекнула об этом в своих мемуарах: «...труднее всего мне писать об октябрьской войне 1973 года, о Войне Судного Дня, едва не происшедшая катастрофа, кошмар, который я пережила и который навсегда останется со мной, я должна умалчивать о многом» (т. II, с. 462). Далее Меир сообщает, что тогда, в 1973-м, «жгучим вопросом было — должны ли мы сказать народу уже сейчас, какое тяжелое сложилось положение? Я была уверена, что с этим следует подождать» (с. 472). Все это достаточно «многозначительно».

Применение ядерного оружия на том предельно малом пространстве, на котором разыгрывалась эта война, неизбежно сказалось бы со всей силой и на самом Израиле. Но, как ясно из вышеизложенного, сионистов это отнюдь не остановило бы (пусть даже дело шло еще раз о гибели миллионов евреев!). Вот почему совершенно необходимо знать и

изучать то «взаимодействие» Гитлера и Вейцмана, о котором шла речь в этой статье.

В заключение нельзя не затронуть еще одну сторону проблемы. Вполне возможно, что те или иные люди воспринимают принесение в «жертву» миллионов евреев ради создания государства Израиль в качестве героического (и, конечно, глубоко трагического) деяния. И, кстати сказать, создание многих государств сопровождалось огромными жертвами. И такую точку зрения можно понять. Но определенные выводы из совершившегося также можно – и нужно – сделать.

Тройка Маркуса Вольфа и геополитика

С глубоким удовлетворением читал в «Дне» работу молодого политолога, вернее будет сказать – представителя современной историософии, Александра Дугина¹ «Великая война континентов». Воскрешение и дальнейшее развитие «евразийского» мышления – это, по моему убеждению, необходимейшая задача нашего самосознания.

Мне лучше многих известно, что еще недавно «легальное» изложение евразийских идей было, в сущности, невозможным. В 1981 году я опубликовал в «Нашем современнике» (№ 11) статью «И назовет меня всяк сущий в ней язык...», где, помимо прочего, попытался в какой-то мере выразить «евразийское» понимание основных судеб России (противопоставив его гораздо более «привычному» – «славянофильскому»). Но в результате журнал подвергся всяческому репрессиям – вплоть до обличительного постановления ЦК КПСС². Естественно, я испытываю потребность вступить в диалог с исследователем нового поколения, возрождающим плодотворнейший путь познания России и мира в целом. Присутствует в этой потребности и уже чисто личный подтекст.

Говоря о послереволюционном времени, А. Дугин утверждает, что «триумфом “евразийцев” было создание в Красной Армии в 1918 году ГРУ (Главного разведыватель-

ного управления) под руководством Семена Ивановича Аралова, бывшего царского офицера, до 1917 года связанного с военной разведкой». А. Дугин, между прочим, здесь не вполне точен, ибо С. И. Аралов стоял во главе более крупной «единицы» армии – Оперода (Оперативного отдела) Всеросглавштаба, куда разведка входила как одно из отделений. А непосредственно руководил ею приглашенный Араловым бывший Генерального штаба капитан Борис Иннокентьевич Кузнецов (1889–1957).

С. И. Аралов – мой родственник, точнее, по традиционному определению – свойственник: его жена – родная сестра моей бабушки, и я, естественно, знал Семена Ивановича с детских лет (1930-е годы) до его кончины в 1969 году. Насколько мне известно, не без его рекомендации пришел в разведку и брат моей матери – С. В. Пузицкий, дослужившийся до комкора, то есть генерал-лейтенанта; он играл важную роль в преемнике ГРУ – Разведупре РККА и, как и большинство его коллег, погиб в 1937 году.

Разумеется, вопрос о «евразийстве» в разведке и вообще в политике после 1917 года нуждается в тщательнейшем изучении и глубоком осмыслении, но уже и сама постановка этого вопроса чрезвычайно важна и наводит на серьезные размышления.

Я взялся писать эту статью не столько для своего рода «дополнения» к высказанному А. Дугиным. Он говорит о «гармонии», объединявшей... ««атлантистски» настроенных коммунистов и англосаксонских капиталистов», – гармонии, «которая часто ставит в тупик историков, недоумевающих по поводу полного взаимопонимания “классовых врагов” – “мессианских” большевиков с их диктатурой пролетариата и банкиров Уолл-стрита...».

Да, дело обстоит и обстоит – хотя это совершенно непривычно для подавляющего большинства даже специально изучающих идеологию людей – именно так: и классовые, и – шире – социальные различия и противоречия являются в действительности менее фундаментальными, нежели та

геополитическая близость, о которой размышляет А. Дугин. И я хочу в связи с этим обратить сугубое внимание читателей на книгу Маркуса Вольфа «Трое из 30-х» (немецкое издание – «Die Troika», 1989), изданную в 1990 году издательством «Прогресс».

В сущности, в книге Вольфа не три, а намного больше героев; один из них, и очень важный, – он сам. Но начнем по порядку. В 1933–1936 годах в Москву приехали и обосновались в районе Арбата (они и называют теперь себя «детьми Арбата») семьи трех очень видных «коминтерновцев» – влиятельнейшего прокоммунистического журналиста из США Луи Фишера, знаменитого тогда писателя-коммуниста из Германии Фридриха Вольфа и его земляка, крупного партийного функционера, «курьера Коминтерна» Вильгельма Влоха. Их в то время еще совсем юные, родившиеся в 1923–1925 годах сыновья – Джордж-Юра и Виктор Фишеры, Маркус-Миша и Конрад Вольфы и Лотар Влох – стали ближайшими друзьями на всю жизнь, хоть и разлучались очень надолго.

Фишеры в 1939 году уезжают в США, а в конце войны Джордж служит «офицером связи» на аэродроме американских «челночных» бомбардировщиков под Полтавой; позднее же он стал профессором, специалистом по России, и, как сообщается в книге М. Вольфа, «его коллегами и друзьями становятся Генри Киссинджер и Збигнев Бжезинский...».

Маркус и Конрад Вольфы, напротив, остаются в СССР, участвуют в войне в рядах Советской армии (занимаясь в основном пропагандой среди германских войск и допросами пленных). После войны Конрад стал известнейшим кинорежиссером и президентом Академии искусств ГДР, а автор книги Маркус – ни много ни мало руководителем контрразведки ГДР.

Еще один герой – Лотар Влох – в 1940 году неожиданно возвращается в Германию (он, единственный из всех многочисленных героев книги, был «чистокровным немцем») и становится военным летчиком на Восточном фронте! Это особенно впечатляет, если учесть, что до войны Лотар был, как пишет М. Вольф, лидером, «коренником» той самой «трой-

ки» и друзья поэтому звали его... Чкаловым³. После войны он поселяется в Западном Берлине, занимается крупным строительным бизнесом и отчасти политической деятельностью. М. Вольф пишет о нем:

«С коммунизмом он порвал. В беседах мы не касаемся этой темы. Ему известна наша прочная приверженность коммунистическому мировоззрению... И все же Кони (Конрад Вольф. – В. К.) по-прежнему его друг».

Эта беззаветная дружба сохраняется, несмотря на то что в 70-х годах Лотар Влох, например, проклинает США за вывод войск из Индокитая и «призывает сбросить на Вьетнам... атомную бомбу»! Он, так сказать, в большей степени враг «евразийцев», нежели руководящие политики США, не говоря уже о Джордже Фишере, который как раз в это самое время «полевел» и «примкнул» к «новому движению» в США, которое представляло собой «смесь марксизма с анархистскими веяниями, культурой хиппи и антиавторитарным отношением к любым официальным идеям, приправленную роком, наркотиками, сексуальной свободой, культурным радикализмом и многим другим».

Но, невзирая на всевозможные разногласия, «тройка» оставалась единой. Это самым наглядным образом подтверждено помещенными в книге фотографиями, на которых трое столь, казалось бы, разных людей нежно обнимаются (Маркуса, главы шпионского ведомства ГДР, на этих снимках нет, ибо это было бы уж слишком...) – обнимаются и в 37-м, и сразу после войны – в 46-м, и в 1975 году...

В книге масса многозначительных, а подчас и прямо-таки трогательных деталей. Так, например, в то самое время, когда Лотар Влох воевал в русском небе, его московская возлюбленная – Циля Сельвинская (дочь стихотворца), находясь в эвакуационном писательском Чистополе, выступала в местном театре под артистическим псевдонимом Ц. Влох, «пытаясь тем самым сбросить свою девичью Мечту».

Или такие подробности: Конрад Вольф в Москве «учился в одном классе с Андреем Синявским... одним из первых оп-

позиционных литераторов», а другой будущий «диссидент» – «Лев Копелев в войну служил политработником и был одним из начальников Кони». Что же касается Джорджа Фишера, то он учился вместе с детьми Микояна и знал посещавшую соседнюю школу Светлану Сталину, чей «жизненный путь десятилетия спустя пересекся в США с жизнью Фишеров»...

Одно из ярких мест книги – текст посланного в 1979 году письма Конрада Вольфа к Рут Вернер – давнему агенту Коминтерна: «Я, как бывший старший лейтенант, собственно говоря, должен стоять перед тобой навтыяжку... Я и стою навтыяжку, но не из субординации!» Чтобы было ясно, кто такая Рут Вернер, сошлюсь на два очень выразительных места из ее изданной еще в 1980 году издательством «Прогресс» книги «Соня рапортует. Подвиг разведчицы». В 1926 году она смотрит в Берлине спектакль «Разбойники», поставленный «германским Мейерхольдом» – Эрвином Пискатором, и пишет своему брату: «От Шиллера осталось не так уж много. Гениальная режиссура».

Сей «принцип»: добиться, чтобы от исторической действительности оставалось как можно меньше (это и есть гениальность!), – один из главных в деятельности людей этого круга. Отправленная в 1934 году очередной раз в далекий Китай, Рут Вернер и ее напарник и сожитель Эрнст «обходили, – как она гордо рассказывает, – в Мукдене аптеки и магазины и покупали различные химические вещества, каждое из которых само по себе не представляло опасность, а в соединении образовывали взрывчатое вещество... Одного килограмма аммонийнитрата с добавлением 20 процентов сахара, алюминиевого порошка или перманганата достаточно, чтобы заложить под рельсы...», то есть «евразийский» поезд в этом случае взлетит на воздух. И перед организаторшей столь простой, но результативной деятельности кое-кому хотелось «стоять навтыяжку»! А ведь это, если угодно, начало «культурной революции», которой потом будут до пароксизма восторгаться Сартры всех стран.

В сущности, основные герои книги занимались и тем, что можно назвать «политработой», и разведкой в широком смысле этого слова. Действовали они вроде бы в совершен-

но разных направлениях. Ну в самом деле, что, казалось бы, общего между «офицером связи» U.S.Army, а затем советологом, соратником Бжезинского, и политработником Красной Армии, а позднее – шефом контрразведки ГДР? Однако есть некое фундаментальное единство, которое всех их нераздельно связывает. Младший брат Джорджа-Юры Фишера – Виктор, ныне сенатор штата Аляска⁴, начавший свой путь вместе с другими у Арбата (точнее – улицы Коминтерна), писал из США в ГДР Конраду Вольфу в 1976 году обо всех друзьях данного круга (он прямо включил в него и шефа контрразведки ГДР Маркуса Вольфа):

«Какими бы разными мы ни были в том или ином отношении, все же нас связывала *глубокая и всеобъемлющая общность*. Кон, друг мой, мне кажется, что пишу тебе, не столько чтобы поделиться своими чувствами, сколько чтобы уяснить их самому. Меня снова поражает *глубина связующего*, пережившая все те годы и расстояния» (курсив мой. – В. К.).

Александр Дугин превосходно определил одну из геополитических основ этой самой «глубокой и всеобъемлющей общности», подчеркнув, что все ««атлантисты», в том числе и «коммунисты» в их «мессианском», «марксистском» измерении, всегда вели себя по отношению к евразийскому населению... как *колонизаторы*, как *пришельцы*. Сохраняя идеологическую дистанцию от *нужд*, потребностей и интересов коренного населения...»

Чтобы со всей остротой показать это, приведу слова Маркуса Вольфа о московской школе, где учились Фишеры и Вольфы:

«110-я школа... в прошлом гимназия... располагалась в Мерзляковском переулке, в одном из старинных кварталов Москвы, между Арбатом и улицей Герцена. В этом здании, *где совсем не осталось отпрысков “бывших”* – дворянства и старой интеллигенции, – царила особая атмосфера» (курсив мой. – В. К.).

Поразителен тот факт, что более чем через полстолетия, в 1989 году, М. Вольф говорит о русских «бывших» с так и

не изжитой злобой и ненавистью и со столь же очевидной радостью, вызванной тем, что в его школе их детей «совсем не осталось», что их так или иначе «ликвиднули»...

До 37-го или, вернее, до 1939 года эти «атлантисты» всецело благословляли все, что происходило в России. Так, отец Джорджа, влиятельнейший журналист Луи Фишер, посещавший Россию еще в начале 20-х годов, а в 30-х живший в Москве постоянно, писал в 1936 году⁵:

«Вряд ли возможно переоценить значение благотворных последствий революции в умах, вызванной коллективизацией... 100 миллионов превратились в полноценных зрелых людей».

Замечательно, что И. Эренбург через 30 лет писал в своих мемуарах о результатах коллективизации то же самое: «...эмбрионы людей постепенно становились настоящими людьми».

Луи Фишер (как и Эренбург), живя в Москве, не мог не знать хоть что-нибудь о сотнях тысяч «раскулаченных» и миллионах умерших голодной смертью в 1932–1933 годах.

Но это его несколько не волновало – речь ведь шла не о «полноценных» людях...

И еще один факт: в книге приведен отрывок из воспоминаний жены президента Рузвельта Элеоноры о том, как Луи Фишер в 1939-м обратился с просьбой потребовать возвращения его семьи из Москвы в США. Тут же в Белый дом был вызван посол СССР К. Уманский (друг Эренбурга), и вопрос был решен. Важнее здесь не конкретность дела, а неограниченные возможности прокоммунистического журналиста Фишера. Элеонора Рузвельт рассказывает еще и о том, как позднее, в 1949 году, в ее апартаменты одновременно приехали и остались ночевать два дорогих гостя – «г-н Черчилль... и молодой Джоржд Фишер», то есть один из «тройки»; но в книге есть и фотография, на которой отец последнего – Луи Фишер запечатлен в тесном кругу вместе с Лениным, Каменевым, Зиновьевым, Томским, Енукидзе, Демьяном Бедным и т.п.

В заключение уместно высказать предположение, что товарищи типа А. Яковлева или Г. Арбатова⁶ могли бы стать

героями книги, аналогичной той, которую написал бывший шеф разведки ГДР М. Вольф...

О революции и социализме — всерьез

Один из старейших и, замечу, наиболее достойных уважения руководителей редакции «Литературной газеты»¹ в недавнем разговоре напомнил мне о том, как двадцать с лишним лет назад он категорически настаивал, чтобы я так или иначе ввел в свою публикуемую газетой статью слово «социализм», а я столь же категорически отказывался (пытаясь, в частности, отговориться тем, что я не член партии, а потому и не должен, и даже, так сказать, не вправе рассуждать о социализме).

Отказывался я вовсе не потому, что не желал говорить о социализме, но потому, что никто не стал бы тогда публиковать мое действительное мнение об этом общественном строе — статья даже не дошла бы до цензуры...

Характернейшее явление сегодняшнего дня: авторы и ораторы, называющие себя «демократами», «радикалами» и т.п. (Ю. Афанасьев, Н. Травкин, Г. Попов и т.д.), в подавляющем своем большинстве всего несколько лет назад без всяких колебаний восхваляли революцию и социализм; теперь они же, не опираясь на какие-либо серьезные размышления, проклиная ту же самую революцию и социализм.

Подчас в их адрес раздаются упреки «нравственного» порядка: негоже, мол, так «радикально» изменять за короткий срок свою «позицию». Но гораздо, даже неизмеримо печальнее другое: ведь совершенно ясно, что невозможно столь быстро выработать серьезное и основательное понимание истории и современности. Почти все те, кто сегодня проклиная революцию и социализм, попросту поменяли прежний, так сказать, плюс на нынешний минус, в чем и выразилась вся их «мыслительная работа»...

Революция — это всегда своего рода геологический катаклизм, который так или иначе связан с бытием всего челове-

ства и мировой историей в целом. И действительно, осмыслить его возможно лишь в этом глобальном контексте. Между тем взгляд многочисленных «толкователей», за редчайшими исключениями, словно бы приклеен к нескольким десятилетиям истории России в XX веке. Правда, не так уж редки попытки «прояснить» проблему с помощью легковесных экскурсов в более ранние эпохи русской же истории – в эпохи Ивана IV, Петра I или Николая I. Но этого рода аналогии, имеющие, в сущности, отнюдь не познавательный, а чисто спекулятивный характер, конечно же, не могут хоть что-нибудь прояснить (все сводится в конечном счете к воплям о «проклятой России», где, мол, только и возможны такая революция и такой социализм).

Сейчас все озабочены тем, насколько малы или же откровенно ложны наши знания о своей истории 1910–1950 годов, которая и замалчивалась, и фальсифицировалась; однако только очень немногие задумываются над тем, что столь же затемнены и искажены в наших глазах и другие существеннейшие эпохи мировой истории – хотя бы, скажем, эпоха Великой французской революции конца XVIII века – начала XIX века.

Конечно, широко известно, что эта революция сбросила и затем казнила короля и королеву (чем «предвосхитила» 1918 год), вешала на фонарях аристократов, а позднее привела к взаимоуничтожению своих главных вождей («предваряя» 1937 год) и завершилась диктатурой Наполеона (что заставляет вспомнить о Сталине). Однако в общем и целом та революция предстает в глазах множества людей, ужасающихся тем, что совершалось в их стране, как явление гораздо более или даже неизмеримо более благообразное (ведь это же все-таки Франция, а не Россия!) и даже по-своему «романтическое».

На деле эта уже далекая (и потому, в частности, затянутая примиряющей дымкой истории) эпоха была вовсе не менее страшной, а во многих своих проявлениях даже более жестокой (или, скажем так, более откровенно жестокой), чем наше не столь давнее и еще кровоточащее прошлое.

Чтобы всецело убедиться в этом, пришлось бы проштудировать давно не переиздававшиеся книги (скажем, Т. Кар-

лейля и И. Тэна²). Но, думаю, достаточно информативны будут и краткие выдержки из только что изданной (к сожалению, мизерным тиражом) книги В. Г. Ревуненкова «Очерки по истории Великой Французской революции» (Л., 1989), над которой автор работал тридцать с лишним лет и сумел создать более объективную картину, чем это характерно для книг, изданных в 1920–1970 годах.

Задачей революции было уничтожение прежнего общественного строя ради нового, представлявшегося идеальным воплощением свободы, равенства и братства людей. 26 июля 1790 года один из главных вождей революции, Марат, обратился к народу с таким «конкретным» предложением: «Пять или шесть сотен отрубленных голов обеспечили бы вам спокойствие, свободу и счастье». Правда, всего через полгода Марат уже пришел к выводу, что для обеспечения всеобщей свободы и счастья этого слишком мало; в декабре 1790 года он писал, что, «возможно, потребуется отрубить пять-шесть тысяч голов, но если бы даже пришлось отрубить двадцать тысяч, нельзя колебаться ни одной минуты».

Да, вначале могло казаться, что, за исключением сравнительно немногих (20 тысяч из 20 миллионов) людей, обладающих властью и привилегиями, весь народ должен радостно принять новый порядок. Но довольно скоро выяснилось, что это не так. И всего через полтора года пришлось создавать целую систему «революционного правосудия» или, вернее, массового террора, а Марат в издававшейся им газете «Друг народа» стал требовать уже «200 тысяч голов».

«Система революционного правосудия, – показывает В. Г. Ревуненков, – исходила, во-первых, из того, что наказывать следует не только активных врагов революции, но и тех, кто в силу своей темноты и несознательности проявлял безразличие к республиканскому делу (между прочим, до прямых «правовых» формулировок этого рода в революционной России не додумались. – В. К.)... Во-вторых, эта система предполагала, что аресту подлежат не только лица, совершившие определенное преступление, но и лица, которые не соверша-

ли никаких преступлений, но представлялись “подозрительными” соответствующим властям (это уже вполне похоже на 1918-й и последующие годы. – *В. К.*)... В-третьих, эта система сначала ограничивала, а затем и вовсе отвергла (в законе от 22 прериаля) применение к тем, кого считали врагами революции, обычных форм судопроизводства; в процессах по этим делам не нужно было ни вызывать свидетелей, ни предъявлять уличающих документов, ни назначать защитников, ни даже подвергать подсудимых предварительному допросу (в этом наши «законники» 1920–1930 годов явно уступают французским, ибо хотя бы «видимость» допросов существовала. – *В. К.*)... Столь нигилистическая позиция в вопросах обеспечения революционной законности, которую занимали и правительственные комитеты, и революционные комитеты на местах, открывала простор для произвольных и необоснованных арестов, для всякого рода злоупотреблений, для проведения скандальных процессов – расправ».

И поскольку наказывать следовало и тех, кто «проявлял безразличие к республиканскому делу... карать не только предателей, но и равнодушных... тюрьмы эпохи, – заключает В. Г. Ревуненков, – оказались забитыми не столько дворянами и священниками, сколько людьми из народа».

Самой «престижной», если можно так выразиться, была тогда казнь посредством выдающегося революционного изобретения – гильотины. Она, как и другие тогдашние казни (в отличие от казней в СССР), совершалась публично, при большом стечении зрителей, что уже само по себе было жестокой терроризирующей мерой. И только посредством гильотины было публично обезглавлено не менее 17 тысяч человек, среди которых оказались, в частности, величайший ученый той эпохи Антуан Лавуазье и наиболее выдающийся тогдашний французский поэт Андре Шенье... Но подавляющее большинство репрессированных (и в том числе казненных) были люди из народа. Так, из числа гильотинированных дворяне составили 6,25 процента, священники – 6,5 процента, а представители «третьего сословия» – то есть прежде все-

го крестьяне, рабочие, ремесленники – 85 процентов! Среди гильотинированных были и мальчики 13–14 лет, «которым, вследствие малорослости, нож гильотины приходился не на горло, а должен был размозжить череп».

17 тысяч гильотинированных – это само по себе громадное количество, если учесть, что население Франции конца XVIII века было в шесть-семь раз меньше населения России начала XX века. Но погибшие на гильотине – это лишь только очень малая часть казненных. «Гильотина уже не удовлетворяла... – сообщает В. Г. Ревуненков о событиях 1793 года, – выводят приговоренных к смерти на равнину... – и там расстреливают их картечью, расстреливают “пачками” по 53, 68, даже по 209 человек». Были «изобретены» и другие виды массовых казней – например, тысячами людей стали «набивать барки», которые затоплялись затем в реках на глубоких местах.

О брошенных в тюрьмы не приходится и говорить: только «с марта по декабрь 1793 года в тюрьмах оказалось 200 тысяч “подозрительных”», а в августе 1794-го «было заключено не менее 500 тыс человек».

Я говорил уже, что Французская революция отличалась от русской более открытой, обнаженной жестокостью. Все делалось публично и нередко при активном участии толпы, – в том числе и такие характерные для этой революции акции, как вспарывание животов беременным женам ее «врагов» – то есть превентивное уничтожение будущих вероятных «врагов» – или то же самое на «более ранней стадии» – так называемые «революционные бракосочетания», когда юношей и девушек, принадлежавших к семьям «врагов», связывали попарно одной веревкой и бросали в омут...

Одна из самых чудовищных страниц истории Французской революции – события в северо-западной части Франции – Вандее. Вандейские крестьяне не пожелали, чтобы их загоняли в царство свободы, равенства и братства. И, согласно оценкам различных историков, здесь было зверски убито от 500 тыс до 1 млн человек.

Нельзя не заметить, что нынешние – в большинстве своем весьма малограмотные – «радикалы» нередко употребляют кличку «вандейцы» для обозначения «врагов перестройки»³; им уж следовало бы в таком случае не уходить за словом в далекий XVIII век, а пользоваться словами «тамбовцы» или «кронштадтцы», ибо эти люди в 1921 году, вполне подобно вандейским крестьянам, не принимали типичного для того времени «революционного призыва»: «Железной рукой загоним человечество к счастью!».

Фальсифицированная история Французской революции дала основание Б. Н. Ельцину заявить во время его транслированной телевидением пресс-конференции 30 мая 1990 года, что-де в России теперь надо бы создать «Комитет общественного спасения», подобный тому, который действовал во время Великой французской революции.

Слово «спасение», конечно, привлекательно, но создание этого «Комитета» (основанного сразу же после начала восстания крестьян в Вандее, в апреле 1793 года) означало прежде всего следующее: «На смену стихийным народным расправам с дворянами, священниками, “скупщиками” и т.п., – пишет В. Г. Ревуненков, – пришел “организованный террор”, то есть карательная политика, осуществляемая органами государственной власти...» Марат заявил при образовании «Комитета»: «Только силой можно установить свободу, и пришел момент организовать на короткое время деспотизм свободы». Словом, если бы история Французской революции в течение семи десятилетий не излагалась в крайне «отлакированном» виде, едва ли кому-либо пришло в голову открыто заявлять сегодня о целесообразности создания в России чего-нибудь вроде «Комитета общественного спасения» и клеймить «вандейцев»...

Нельзя не сказать и о том, что руководители этого самого «Комитета» агитировали «за революционную войну» с целью свержения «всех тиранов» и создания единой «всемирной республики», столицей которой должен был стать Париж. Сен-Жюст выражал чрезвычайно широко распространенные настроения: «Мы призваны изменить природу европейских

государств. Мы не должны отдыхать до тех пор, пока Европа не будет свободной; ее свобода будет гарантировать прочность нашей свободы».

Реализация этой программы была предпринята позже Наполеоном. И за время до Реставрации (то есть с 1789-го по 1815 год) до двух миллионов гражданских лиц были казнены, просто убиты или погибли в застенках (где побывали миллионы людей), а «общее число убитых солдат и офицеров – согласно выводам виднейшего специалиста – за указанный период выражается в 1,9 млн» (Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 344–345. Выше в этой книге сказано: «Урон был настолько значителен, что французская нация так и не смогла от него оправиться, и... он явился причиной уменьшения роста населения во Франции на протяжении всех последующих десятилетий»).

И в самом деле: если население Великобритании в течение XIX века выросло с 16 до 37 млн, то есть на 131 процент, а Германии – с 24 до 56,5 млн, то есть на 135 процентов, Италии – с 16 до 34,5, то есть на 115 процентов, то Франции – с 27 до 39 млн, то есть всего лишь на 44 процента! Таково одно из тяжелейших последствий революции; оно уже само по себе дает возможность ясно понять, «сколько стоит» революция...

Итак, Французская буржуазная революция, если сделать поправки на значительно меньшее население страны и гораздо менее развитую «технику» (например, отсутствие пулеметов) тех времен, по масштабам гибели людей вполне сопоставима с русской социалистической революцией (погиб каждый шестой француз; для России это означало бы гибель 25–30 млн человек). Поэтому современные причитания и вопли о «проклятой России» или «проклятом социализме» (эти два феномена любят сливать воедино, рассуждая о чудовищном именно российском социализме), которые, мол, и породили весь этот ужас, несерьезны и несостоятельны. Во Французской революции не принимали, так сказать, никакого участия ни Россия, ни социализм, а урон был близок к тому, который мы понесли с 1917 по 1953 год. И уместно кричать – если уж

очень хочется – только о «проклятой революции». Но и это несерьезно – тогда уж надо кричать о «проклятом человечестве», устраивающем время от времени революции...

Революция – это в самом деле геологический катаклизм, неумолимое, бескомпромиссное, роковое столкновение поборников нового строя и приверженцев прежнего (которых никак нельзя свести к кучке властителей и привилегированным слоям).

Правда, стремление к тотальной ликвидации всего складывавшегося веками национального уклада проявилось в России острее, чем во Франции. И этому есть свое объяснение. Из энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР», изданной в 1983 году, можно узнать, что к 1917 году на территории России находилось около 5 миллионов (!) иностранных граждан (см. статью «Интернационалисты»), сотни тысяч из которых приняли самое активное участие в революции (см. об этом, например, вышедшую в 1988 году книгу В. Р. Копылова «Октябрь в Москве и зарубежные интернационалисты»). Вполне понятно, что этим людям были чужды или просто невняты самобытные основы русской жизни, и мало кто из них мог понять – вспомним лермонтовские слова, – «на что он руку поднимал...»⁴. Со мною, вероятно, будут спорить, но я все же твердо стою на том, что любое участие иностранцев в коренных решениях судеб страны само по себе есть безнравственное явление...

С другой стороны, в Россию в 1917 году вернулась масса эмигрировавших в 1905–1907 годах людей, которые уже в той или иной степени были оторваны и отчуждены от покинутой ими в юности страны, судьбы которой они теперь взялись решать. Об этом недвусмысленно писал, например, побывавший в 1920 году в России Герберт Уэллс (Россия во мгле. М., 1958. С. 43): «Когда произошла катастрофа в России... из Америки и Западной Европы вернулось много эмигрантов, энергичных, полных энтузиазма... утративших в более предприимчивом западном мире привычную русскую непрактичность и научившихся доводить дело до конца (выделено

мной. – В. К.). У них был одинаковый образ мыслей, одни и те же смелые идеи, их вдохновляло видение революции, которая принесет человечеству справедливость и счастье. Эти молодые люди и составляют движущую силу большевизма. Многие из них – евреи; большинство эмигрировавших из России в Америку было еврейского происхождения, но очень мало кто из них настроен националистически. Они борются не за интересы еврейства, а за новый мир» (Уэллс пишет об этом «новом мире» с явным одобрением, однако позднее его соотечественник Олдос Хаксли написал роман «Прекрасный новый мир», который в значительной мере был – о чем откровенно сказал сам автор⁵ – пародией на уэллсовские представления о «новом мире»).

Фактические подтверждения вывода Уэллса можно почерпнуть в изданной в 1989 году в Киеве книге А. М. Черненко «Российская революционная эмиграция в Америке», где сказано о множестве людей, которые вернулись в 1917 году из США в Россию, – как Троцкий, Бухарин, Володарский, Менжинский, Чудновский и др.

Говоря обо всем этом, нельзя обойти одну сторону дела. Есть люди, которые любые суждения о роли евреев в революции квалифицируют как «антисемитские». Но это либо бесчувственные (не говоря уже об их явном безмыслии), либо просто бесчестные (ведь с этой точки зрения и Уэллс – «антисемит»). И, предвидя их реакцию, процитирую разумные и честные слова, опубликованные в издающемся на русском языке в Израиле журнале, – слова из статьи М. Хейфеца «Наши общие уроки»⁶ (22. 1980, сентябрь, № 14, с. 162):

«На строчках из поэзии Э. Багрицкого Ст. Куняев убедительно доказал: еврейское участие в большевизме действительно являлось формой национального движения. Уродливой, ошибочной, в конечном счете преступной... Поэтому я, например, ощущаю свою историческую ответственность за Троцкого, Багрицкого или Блюмкина... Я полагаю, что мы, евреи, должны извлечь честные выводы из еврейской игры на “чужой свадьбе”...»

Очевидно, что здесь выражено совершенно иное представление о существе дела, чем в рассуждении Г. Уэллса (стоит, впрочем, учесть, что Уэллс писал свою брошюру давно, в 1920 году, и к тому же был недостаточно полно информирован; едва ли он знал, например, что в России к 1917 году проживало около половины евреев всего мира – более 6 млн). И нет сомнения, что громадная роль и иностранцев, и евреев в русской революции еще ждет тщательного и основательного изучения⁷.

Но пойдем далее. Что означает вообще насильственная полная смена прежнего уклада бытия страны, переворот от «старого мира» к «новому»? Как уже говорилось, подавляющее большинство людей, стремящихся понять события 1917-го и последующих годов, рассуждает, увы, по-прежнему в узких рамках той самой насквозь «политизированной» системы мышления, которая навязывалась в течение семи десятилетий. Им кажется, что они отбросили прочь эту систему, – ведь дерзают же они самым резким образом критиковать или даже «отрицать» и революцию, и социализм, задавать в самой решительной форме вопрос о том, оправдана ли хоть в какой-то мере страшная цена, которой оплачивался переход к новому строю, и т.д.

Но все это, как говорится, слишком мелко плавает. Великую – пусть даже речь идет о страшном, чудовищном величии – революцию никак невозможно понять в русле собственно политического мышления. С этим, по всей вероятности, согласился бы даже такой политик до мозга костей, как Ленин. Ведь именно он писал в июне 1918 года⁸: «...революцию следует сравнивать с актом родов... Рождение человека связано с таким актом, который превращает женщину в измученный, истерзанный, обезумевший от боли, окровавленный, полумертвый кусок мяса... Трудные акты родов увеличивают опасность смертельной болезни или смертельного исхода во много раз».

Здесь дано не собственно политическое, но, так сказать, бытийственное сравнение: страна, в которой рождается совершенно новый уклад бытия, неизбежно превращается в страну

измученную, истерзанную, обезумевшую от боли, окровавленную и даже полумертвую, пребывающую на грани гибели, «смертельного исхода». Конечно, могут спросить: а зачем тогда вообще эти перевороты? Политический ответ на этот вопрос едва ли сможет быть сколько-нибудь основательным. Ответ надо искать в самых глубинах человеческого бытия, ибо рождение нового для него – неизбежность, которая нередко оказывается предельно трагической неизбежностью.

Выше шла речь о перевороте от феодализма к капитализму. Но дошедшие до нас исторические свидетельства ясно показывают, что столь же мучительны и «смертельно опасны» были перевороты от «первобытного коммунизма» к рабовладельческому обществу и, далее, к феодализму (полная гибель богатейшей античной цивилизации и культуры).

История неопровержимо свидетельствует, что со временем общественные формации неизбежно сменяют друг друга в любой стране, и только те, кто не читал ничего, кроме пропагандистских книжек, воображают, что представление об этой смене формаций – некая собственно «марксистская» идея. Не надо погружаться в какие-либо идеологические доктрины, дабы установить, что в истории человеческого общества время от времени совершаются коренные перевороты и что этот факт давным-давно осознан людьми.

Естественно, что любая такая перемена вызывает непримиримое сопротивление у более или менее значительной части населения, и, если события и не всегда доходят до жестокой трагедийности, острейший драматизм при переходе от старого к новому неизбежен. А если в обществе есть достаточно большие группы людей, страстно стремящихся заменить существующий строй новым, дело с необходимостью оборачивается трагедией.

Сейчас, повторяю, многие ставят вопрос: а стоит ли вообще устраивать революции? Вопрос этот, прошу прощения, по существу совершенно детский... История человечества (как история и любого народа, и отдельной личности – уже хотя бы в силу неизбежно ожидающей ее смерти) есть, помимо про-

чего, явление глубоко трагедийное. И революции или, скажем более обобщенно, коренные перевороты, совершающиеся время от времени в человеческой истории, как раз и обнажают с наибольшей остротой и мощью присущую ей трагедийность.

Вера в возможность создания земного рая возникла, вероятно, не позднее веры в загробный рай. И, по сути дела, эта вера и есть стержень и основа «революционного сознания», которое способно оправдать самые тяжелые или даже вообще любые жертвы... Уже шла речь о Марате, который откровенно говорил, что необходимо не колеблясь «отрубить двадцать тысяч голов» (на самом деле их оказалось 4 миллиона), ибо это обеспечит «спокойствие, свободу и счастье» оставшимся в живых французам. Через сто семьдесят лет Мао Цзэдун еще более откровенно рассуждает⁹ о задаче «начисто покончить с империализмом» (то есть уничтожить земной ад, место которого займет земной рай): «Если из 600 млн человек (население Китая в 1958 г. – *В. К.*) половина погибнет, останется 300 млн... Не страшно, если останется и треть населения, через столько-то лет население снова увеличится».

Вот истинное сознание революции... Те, кто пытается отождествить все «негативное» в революции с Россией, поспешат, без сомнения, объявить Мао агентом Москвы. Но после издания книги П. П. Владимирова¹⁰ «Особый район Китая. 1942–1945» (М., 1973) и многих других книг о китайских делах каждый мыслящий человек знает и понимает, что Мао и его окружение действовали отнюдь не по указке из Москвы.

Речь идет о революции, которая есть феномен мировой истории и возможна в любой стране и вовсе не являет собой некое «русское изобретение».

Жертвы насилия **(истинные наши потери с 1917 по 1941 год)**

Наиболее, пожалуй, объективные исследования послереволюционных человеческих потерь принадлежат демографу,

подписывающему свои работы именем «Сергей Максудов»¹ (по всей вероятности, взятым из булгаковского «Театрально-го романа»). Он посвятил себя этому делу еще в 1960-х годах, но, не имея возможности публиковать или хотя бы излагать устно свои выводы, эмигрировал в 70-х годах в США и служит в известном Гарвардском университете.

С. Максудов стремится к подлинной научности и, в частности, без опаски выступает против тех влиятельных западных и эмигрантских авторов, которые тенденциозно либо просто невежественно характеризуют те или иные демографические проблемы. Так, например, С. Максудов неоспоримо и остроумно показал полную несостоятельность статистики репрессий 1936–1938 годов в широко известной книге Роберта Конквеста «Большой террор»² (одна из тех книг, из которых были скомпонованы нашумевшие «Дети Арбата»). Комментируя выводы Р. Конквеста, С. Максудов пишет, что, если исходить из них, неизбежно получается такая «картина»: «...все взрослые мужчины к началу войны (то есть к июню 1941 года. – В. К.) погибли или сидели за решеткой. *Все и немного больше*» (!).

Что же касается еще более фантастической и тем не менее многожды разрекламированной статистики «профессора Курганова»³ (если вдуматься, весьма подозрителен уже как бы обязательный при упоминании этой фамилии титул «профессор», будто бы сам по себе гарантирующий достоинства), С. Максудов вообще не считает возможным всерьез ее обсуждать.

Согласно его основательным подсчетам, в 1936–1938 годах погибло в общей сложности 600 тыс человек** – то есть почти в 60 (!) раз меньше, чем начиная с 1917 и до этого якобы самого «большого» террора. Кстати, Сталин на XVIII съезде партии (1939 г.), в сущности, сообщил именно об этом, зая-

* Максудов С. Дискуссии на Западе о потерях населения в эпоху коллективизации // В кн.: Минувшее. Исторический альманах. Выпуск 4. М., 1991. С. 388–389 (курсив мой. – В. К.).

** Там же. С. 386.

вив, что после XVII съезда (1934 г.) на «ответственные государственные и партийные посты было выдвинуто 500 тысяч молодых коммунистов» (и, значит, столько же «задвинуто»).

И все же на С. Максудова, по-видимому, оказывает воздействие та господствующая до сих пор точка зрения, согласно которой до утверждения власти Сталина дело, так сказать, обстояло «лучше» или по крайней мере «не хуже», чем после 1929 года. Так, без реальных доказательств (мне, во всяком случае, не известны его исследования потерь ранних революционных лет) С. Максудов утверждает, что в первое десятилетие после 1917 года погибли, вероятнее всего, 10,3 млн человек, а в 1927–1938 годах – 9 млн человек – то есть почти столько же*.

Однако такое уравнивание количества погибших в непосредственно революционные годы и в 1930-е не выдерживает проверки очевидными фактами. Предложу здесь ограниченный определенными рамками, но зато достаточно надежный расчет.

В 1917 году территорию будущего СССР (то есть в его границах до 1939 года) населяло, по общепринятому сейчас представлению, 147 млн человек. Ко времени переписи в декабре 1926 года население не выросло и составило те же 147 миллионов. Детей моложе 10 лет, то есть родившихся в 1917–1926 годах, было к моменту переписи 37,5 миллиона. И с помощью простейшей арифметической операции мы можем вполне достоверно установить, сколько людей, родившихся до 1917 года, уцелело к декабрю 1926 года: $147 \text{ минус } 37,5 = 109,5 \text{ млн человек}$. А отняв от 147 количество уцелевших, получаем количество *умерших* за десять лет (понятно, из числа тех, кто родился до 1917 года) – 37,5 млн человек.

Теперь обратимся к январю 1937 года. Население тогда составляло – согласно, в частности, подсчетам самого С. Максудова – 163,8 млн человек**, из которых 38,5 млн были моложе

* Там же, а также: Максудов Сергей. Потери СССР в годы коллективизации // В кн.: Звенья. Исторический альманах. Выпуск 1. М., 1991. С. 111.

** Максудов С. Дискуссии... С. 386.

десяти лет*. Следовательно, из населения декабря 1926 года уцелело к январю 1937 года 125,3 млн человек (163,8 минус 38,5), а умерло 21,7 млн (147 минус 125,3).

Таким образом, за первое послереволюционное десятилетие умерло 37,5 млн человек, а за второе – намного меньше, 21,7 млн человек; то обстоятельство, что и в 1917-м, и в 1926 годах население насчитывало те же 147 млн человек, делает контраст совершенно наглядным: в 1917–1926 годах умерло на 15,8 млн (!) людей *больше* (37,5 минус 21,7), чем – из того же количества 147 млн – в 1927–1936 годах.

На самом-то деле и в то, и в другое десятилетия умерших было еще больше: ведь мы сейчас не принимаем во внимание ни смертность среди детей, родившихся в 1917–1926 годах и умерших малолетними – то есть в *эти же десять лет*, – ни смертность в 1927–1936 годах среди детей, родившихся опять-таки в этот самый период. Но к данной тяжелой теме мы еще вернемся.

Пока же стоит сообщить еще, что, согласно официальным данным, в 1922 году имелось 7 млн (!) *беспризорных* детей**, что ясно свидетельствует о гигантских масштабах гибели взрослых – то есть родителей этих детей.

Итак, обратимся к цифрам 37,5 млн (умерли в 1917–1926 гг.) и 21,7 млн (умерли в 1927–1936 гг.).

«Естественная» и насильственная смертность

Прежде всего следует поставить вопрос о том, какая часть этих людей умерла «естественной» смертью. Это имеет ныне особое значение, ибо, как ни дико, иные бойкие современные авторы, обращаясь к проблеме человеческих потерь, попросту игнорируют тот факт, что люди умирают не только от войны, террора, голода и т.п. Так, лихой сочинитель Борис Соколов издал целую книжку «Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном» (М., 1991),

* Из архива Госкомстата СССР. Итоги Всесоюзной переписи населения 1937 г. // В кн.: Сборник статистических материалов. 1990. М., 1991. С. 13.

** Малая советская энциклопедия. Т. 1. М., 1929. С. 703.

в начале которой безапелляционно заявляет: «На 1 января 1941 г. население СССР насчитывало 196,6 млн человек, а на начало 1946 г. – всего 167 млн. Чистая убыль населения составила за военные годы 29,6 млн человек. Попробуем определить, из чего складывается эта цифра» (с. 12). И далее автор оперирует этой самой цифрой, которая, по его убогому представлению, и запечатлела-де со всей точностью общее количество погибших. Без какого-либо исследования Б. Соколов только «распределяет» это количество: исходя из «обнаруженной» им в изданной еще в 1957 году в СССР статье немецкого «профессора Г. Арнтца»⁴ (ссылающегося на сообщение офицера-перебежчика Калинова) другой цифры – 14,7 млн погибших военнослужащих (о цифре этой еще пойдет речь), он с легкостью решает вопрос и о количестве погибших «мирных граждан»: вся «чистая убыль» – 29,6 млн, военнослужащих – 14,7 млн, значит, «мирных граждан» погибло «около 15 млн» (с. 14).

Насколько эта «методика» несостоятельна, можно отчетливо уяснить из того, что, оперируя, подобно Соколову, «чистой убылью», можно столь же легко аргументировать прямо противоположную точку зрения. Известно, что перед войной коэффициент естественной смертности составлял 18; это значит, что из каждой тысячи населения за год умирало 18 человек. Кто-нибудь может подумать, что часть из них погибала в ходе репрессий – отсюда и столь внушительный коэффициент. Однако в 1926 году этот коэффициент равнялся 20,3, а в 1913 – даже 29,1!

Сколько же из тех 196,6 млн, которые населяли страну к 1 января 1941 года, должны были «естественно» умереть к началу 1946 года? Умножаем 196 600 (именно такое количество тысяч человек имелось в стране к 1 января 1941 г.) на 18 и получаем 3 538 800 человек – число, которое, в свою очередь, надо умножить на 5 (лет) = 17,7 млн (округленно). Итак, из тех 29,6 млн «чистой убыли», с которой оперирует Б. Соколов, 17,7 млн человек должны были к 1946 году умереть, даже если бы не было войны! И на войну, оказывается, можно

«списать» всего только 11,9 млн (29,6 минус 17,7). А ведь Соколов утверждает, что одних только военнослужащих погибло 14,7 млн человек!

Конечно же, жертвами войны стали не 11,9 млн, а намного больше людей. И проделанный «подсчет» потребовался мне лишь для того, чтобы показать, сколь нелепо попросту оперировать с цифрой «чистой убыли», как это делает Соколов. Впрочем, сего автора отнюдь не интересует истина. Вся его «задача» сводится к тому, чтобы выкрикнуть нечто очерняющее и дискредитирующее страну, в которой он имел, так сказать, несчастье родиться и жить.

В специальной работе С. Максудов показал, что в 1941–1945 годах погибли 7,8 млн военнослужащих*. Но Соколов, как уже было сказано, «обнаружил» – так сказать, нашел топор под лавкой – ссылку Г. Арнтца на сообщение Калинова, который-де видел некий «секретный документ» для высшего начальства, где говорилось о гибели 14,7 млн военнослужащих. И с патологической радостью ухватившись за эту не имеющую никакого реального удостоверения «информацию», Соколов «загубил» почти в два раза больше воинов России, чем их погибло на самом деле...

Но вернемся к потерям 1917–1936 годов. Как мы видели, из числа людей, имевшихся в стране в 1917-м, к декабрю 1926 года умерли 37,5 млн человек, а из населения декабря 1926-го к январю 1937-го умерли 21,7 млн человек. Притом в данном случае речь идет не о неопределенной «убыли», истинное значение которой необходимо еще выяснить, а о вполне очевидных и точных фактах: в 1917 году на территории страны жили 147 млн людей, а через десять лет, в декабре 1926-го, людей старше десяти лет имелось уже только 109,5 млн.

Сколько же из них умерло «естественной» смертью? Здесь вполне уместно обратиться к показателю смертности 1926 года – времени, когда уже не было революционных сражений, массового террора и голода и еще не началась коллективизация.

* Максудов С. О фронтовых потерях Советской армии в годы второй мировой войны // Свободная мысль. 1993. № 10. С. 117–119.

В этом году умерли – сведения достаточно надежные – 2 млн 953 тыс человек*, но 1 млн 113 тыс из них были младенцами (младенческая смертность тогда была исключительно высокой – 181,5 на тысячу)** и в предложенном подсчете не должны учитываться, ибо речь у нас идет о людях, родившихся до 1917 года (или – в другой части подсчета – после 1926-го), – то есть уже вышедших из младенческого возраста.

Итак, в течение 1926 года умерли (не считая младенцев) 1 млн 840 тыс человек (2 млн 953 тыс минус 1 млн 113 тыс). Следовательно, за десять лет должны были умереть (без каких-либо войн, террора и голода) примерно 18 млн человек. Несомненно, эта цифра не совсем точна, ибо в течение десяти лет демографическая ситуация так или иначе изменялась. Но в качестве определенного статистического ориентира она все же приемлема.

Исходя из нее, можно утверждать, что в 1917–1926 годах из 37,5 млн умерших 18 млн постигла «естественная» смерть, а 19,5 млн были так или иначе погублены (правда, в это количество входят и покинувшие родину эмигранты, но их при таких масштабах потерь не столь уж много: по разным подсчетам, от 0,9 до 1,9 млн человек). Далее, в 1927–1936 годах из 21,7 млн 18 млн умерли «своей смертью», и 3,7 млн – в том или ином отношении «насильственной». Эти 3,7 млн приходятся, понятно, главным образом на годы коллективизации. В специальном исследовании этой проблемы, принадлежащем С. Максудову, даны следующие цифры. В 1931–1936 годах *погибли* 8,6 млн***, но 4,1 млн из них – дети, родившиеся после 1926 года****, которые в наш подсчет, как уже сказано, пока не входят (дети, несомненно, массами гибли в 1931–1933 годах во время высылки в тайгу и тундру «кулаков» вместе с их семьями и чудовищного голода в зерновых регионах, не щадившего детей, может быть, более, чем взрослых). Итак, из людей, родившихся до 1927 года, по-

* Население СССР. 1988. Статистический ежегодник. М., 1989. С. 38.

** Там же. С. 473.

*** Максудов С. Дискусии... С. 386.

**** Он же. Потери... С. 103.

гибли в 1927–1936 годах, по С. Максудову, 4,5 млн, а согласно моему подсчету (см. выше) – 3,7 млн человек.

Вместе с 4,1 млн погибших детей из числа родившихся после 1926 г. (с этим подсчетом С. Максудова я согласен), потери составляли 7,8 млн. Стоит отметить, что эта цифра почти совпадает с выводом из работы крупнейшего специалиста в этой области – Б. Н. Урланиса (у него – 7,5 млн погибших в 1927–1936 гг.) – выводом, на который уважительно ссылается и С. Максудов*, хотя сам он повышает цифру до 8,6 млн.

Иное дело – погибшие в 1917–1926 годах. С. Максудов утверждает, что их было только 10,3 млн, – включая сюда и детей, родившихся начиная с 1917 года и вскоре погибших. Я же не сомневаюсь, что из 37,5 млн родившихся до 1917-го и умерших в первое революционное десятилетие не менее 19,5 млн были именно погублены. С. Максудов не может не знать или – скажем так – вполне может знать об умерших в 1917–1926 годах 37,5 млн людей, но по меньшей мере странно с его стороны полагать, что 27,2 млн (37,5 минус 10,3) из 147 млн, живших в 1917 году (то есть почти каждый пятый!), всего за десять следующих лет смогли умереть «естественной» смертью!

Теперь о детях, родившихся в 1917–1926 годах. Точный подсчет здесь крайне затруднителен. С. Максудов, как мы видели, считает, что в 1931–1933 годах погибли 4,1 млн детей (родившихся после 1926 года). Голод в начале 1920-х годов был, пожалуй, все-таки даже страшнее голода тридцатых. Поэтому тогда погибли никак не менее 5 млн детей. И, следовательно, общее число погибших в 1918–1922 годах (позднее, в 1923–1926-м, массовой гибели уже не было) – примерно 25 миллионов человек; именно эту цифру назвал не так давно один из наиболее известных современных историков Ю. А. Поляков**. Это, надо сказать, намного более тяжкие потери, чем в страшную войну с Германией, ибо в 1918–1922 годах погибла гораздо более значительная доля наличного населения...

* Он же. Дискуссии... С. 383.

** Историки спорят. Тринадцать бесед. М., 1989. С. 469.

Уничтожить десять миллионов!

Такое громадное количество погибших, конечно, не могло быть «достигнуто» без целенаправленной воли. Выступая в сентябре 1918 года на партконференции, тов. Зиновьев (в следующем году ставший предисполкома Коминтерна) произнес речь, текст которой 17 сентября был опубликован в популярной тогда газете «Северная коммуна»: «Мы должны увлечь за собой девяносто миллионов из ста, населяющих Советскую Россию, – инструктировал вождь, имея в виду пока РСФСР, – с остальными нельзя говорить – их надо уничтожать»*. На практике поставленная «задача» была, как показано выше, далеко превзойдена.

В декабре того же 1918 года, также на партконференции, тов. Троцкий заявил, что победить можно «только террором! Террором последовательным и беспощадным!.. Если до настоящего времени нами уничтожены сотни и тысячи, то теперь пришло время... уничтожать десятками тысяч (это, конечно, крайнее преуменьшение, говорящее прежде всего о том, что Троцкий был «дипломатичнее» Зиновьева. – В. К.). У нас нет времени, нет возможности выискивать действительных, активных наших врагов. Мы вынуждены стать на путь уничтожения, уничтожения физического всех классов, всех групп населения, из которых могут выйти возможные враги нашей власти»**.

В своем личном дневнике, опубликованном лишь недавно, Троцкий охарактеризовал одно из особенных назначений этого дела уничтожения людей, жестокой массовой расправы с ними. Она, как он формулировал, «показывала всем, что мы будем вести борьбу беспощадно, не останавливаясь ни перед чем... не просто для того, чтобы запугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что отступления нет, что впереди полная победа или полная гибель»***.

* Цит. по кн.: История советской литературы. Новый взгляд. – М., 1990, ч. 2, с. 28.

** Литературная Россия. 1991. № 48. С. 19.

*** Т р о ц к и й Лев. Дневники и письма. М., 1994. С. 118.

Это действительно сильное средство, издавна применявшееся в мощных бандитских объединениях: заставить «своих» совершить как можно больше убийств, чтобы уже не было пути к какому-либо отступлению, – словом, «повязать кровью».

Возможен или даже вероятен вопрос, почему я цитирую Зиновьева и Троцкого, а не главного вождя – Ленина. Но Владимир Солоухин весьма внимательно изучил ленинские тексты для своего сочинения «Читая Ленина»⁵, однако таких прямых требований превентивного уничтожения не «активных врагов», а десяти миллионов или «всех групп населения, из которых могут выйти возможные враги», он не обнаружил.

Не исключаю, что Ленин разделял намерения Зиновьева, Троцкого и др. и только воздерживался (по тем или иным причинам) от прямых требований превентивного уничтожения миллионов русских людей; однако в любом случае именно прямые требования играли необходимую и в конечном счете решающую роль в гибели в 1918–1922 годах каждого шестого человека в стране.

Итак, было три – каждый раз снижающихся – волны гибели людей: 25 млн в 1918–1922 годах, 7,8 млн в 1931–33-х, 0,6 млн в 1936–1938-х. Стоит извлечь из этого очень важный урок: чем дальше от революции, тем безопасней. К тому же последняя, третья волна гибели во многом была возмездием за две предыдущие – возмездием, которое, слава Богу, существует в человеческой истории.

Россия и партаппарат. К истории 75-летнего конфликта

Одной из самых характерных черт «перестройки» является – хотя мое простое указание на несомненный факт будет, вероятно, для многих читателей неожиданным и даже странным – переход всей полноты власти в руки партаппаратчиков.

Ранее, в период «застоя», на самой вершине власти находились, помимо, так сказать, профессиональных аппаратчиков, и люди иного склада – люди, имевшие многолетний опыт практического управления гигантской экономикой страны и отстаивания ее глобальных государственных интересов, – такие как Косыгин, Устинов, Громыко, Андропов. Я отнюдь не предлагаю ни хвалить, ни вообще как-либо оценивать этих людей; речь идет в данном случае не об их достоинствах и пороках, а только о характере, о складе их сознания и действия. И еще о том, что после 1985 года их место на самых верхах занимают (в определенной последовательности) такие «чистейшие партаппаратчики», как Горбачев, Лигачев, Яковлев, Ельцин.

Правда, какое-то время на этих верхах оставался единственный человек, пытавшийся противостоять партаппаратной политике, – Рыжков (Громыко было уже под восемьдесят лет). Но он сам в своих – во многом весьма небезынтересных – мемуарах «Перестройка: история предательств»¹ с присущей ему честностью признал: «...я виноват... Я мог и должен был быть твердым и негибким... но не сумел выдержать характер. Не сумел противостоять... Не вышло».

Речь идет в конечном счете о противостоянии государства, так или иначе имевшего за собой многовековую историю (включая историю экономики), и партаппарата, сложившегося 75 лет назад в ходе революции. Нетрудно предвидеть, что кто-либо квалифицирует самую эту мысль о противостоянии государства (а не только народа) и партаппарата как некий придуманный мной миф. Однако в этой же книге Рыжкова (и, конечно, вовсе не только в ней) данное противостояние обнаруживается вполне ясно и многократно.

Так, например, Рыжков говорит о торговле оружием, приносившей в первой половине 1980-х годов миллиардные доходы, – торговле, всемерное расширение которой могло бы резко сократить совершенно неразумную распродажу российской нефти, газа, леса; он констатирует, что очень многие страны «не отказались бы от наших танков, ракет, самолетов или авто-

матов Калашникова. Но декларируемая политика не позволяла нам торговать с теми, кто не исповедовал социализм... Помню разгневанного Андропова, который раздраженно говорил:

– ...Стоит только кому-нибудь крикнуть погромче: “Строим социализм!” – к тому и бежим со всех ног... Или мы богаче всех?»

Мне, возможно, возразят, что сейчас-то есть вроде бы готовность продавать оружие кому угодно. Однако на деле готовность эта и теперь определяется вовсе не национально-государственными интересами; она, как и ранее, явно и всецело зависит от идеологии. Сегодняшние правители ни в коем случае не могут, например, продавать оружие Сербии или Ираку (как ранее, допустим, Чили или Испании), и даже ракетная сделка с «мирной» Индией вызвала самое жесткое сопротивление...²

Впрочем, чтобы объяснить это, возвратимся к проблеме противостояния партаппарата и государства (и интересов страны в целом). В разных вариантах постоянно провозглашалось «спасибо партии (речь, конечно, шла о партаппарате) за заботу о народе». Казалось бы, «благодарность» эта абсурдна, ибо партия была создана вроде бы именно и только для того, чтобы заботиться о народе, отстаивать его интересы. Но в известном смысле слово, язык никогда не обманывают (ибо язык – это инобытие всей целостности бытия в слове), обманываемся мы сами, не умея или не желая постичь истинный смысл высказанного. И если партаппарат следует «благодарить» за заботу о народе, значит, у него есть более важные собственные интересы и цели, но он-де такой хороший, что тратит силы и средства еще и на заботу о народе...

В самой краткой формулировке «цель» партаппарата – это вовсе не Россия (то есть определенный народ и государство), но коммунизм – общественное устройство, которое в конечном счете должно распространиться на весь мир. В данном случае даже не имеет первостепенной важности вопрос, что именно понимается под «коммунизмом»; наиболее существенно то, что Россия – лишь «материал» для его «построе-

ния». Как определил в 1920 году Бухарин³, дело шло о плане «выработки коммунистического человечества из человеческого материала (выделено мной. – В. К.) капиталистической эпохи». И необходимо, по его словам, «этот план провести, несмотря на какие бы то ни было препятствия». Основным «методом» осуществления сего плана является, утверждал Бухарин, «принуждение во всех его формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью». Другой партийный вождь, Зиновьев, говорил об этом же (его заявление уже цитировалось выше) в речи, опубликованной в Петрограде 17 октября 1918 года, еще более откровенно: «Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих (это очень точно: речь идет не о народе, а о неких «населяющих» страну миллионах существ. – В. К.) Советскую Россию. С остальными нельзя говорить (даже и так! – В. К.) – их надо уничтожить». Зиновьев значительно недооценил масштабы предстоящей «деятельности», ибо в период с 1918-го по 1922 год, как утверждают видные современные демографы В. З. Дробижев и Ю. А. Поляков, «итог людских потерь превышает, вероятно, 25 млн человек», а не 10 млн, которые первоначально «запланировал» Г. Зиновьев.

Такова истинная цена революции, руководившейся партаппаратом. Мне могут сказать, что тот партаппарат давно, мол, перестал существовать и, в частности, все эти бухарины-зиновьевы в конце концов сами были уничтожены пущенной ими в ход машиной. Однако дело обстоит сложнее. В человеческой истории – хотя на это очень редко обращают внимание историки – существует (как, впрочем, и во всем бытии вообще) мощнейшая сила инерции. И раз созданный всевластный политический механизм продолжает жить и работать (пусть в какие-то периоды и на холостых оборотах), даже если в нем нет на данный момент активнейших толкачей. И способен в тех или иных условиях восстанавливать свое господство.

Очевидная реанимация партаппарата происходила, например, при Хрущеве, когда, поставив в самом центре древней русской столицы памятник уже несколько подзабытому

основоположнику (по-своему замечательное – типичное – нагромождение: Маркс, сработанный Кербелем на площади имени Свердлова), партаппарат приступил к новому агрессивному нажиму на крестьянство, церковь (при Хрущеве, как точно установлено, за несколько лет было уничтожено больше храмов, чем за прошедшие четыре десятилетия) и саму природу России (воспетые многочисленными ентушенками авантюристское «освоение целины», сооружение громадных плотин и прочее⁴).

Мне напомним, что при Хрущеве был разоблачен террор середины 1930-х годов. Однако эта акция имела не менее или даже более существенную оборотную сторону: началось безудержное восхваление именно тех самых «деятелей», под руководством которых осуществлялись «планы», приведшие к гибели более 20 миллионов граждан России в 1918–1922 годах и едва ли менее 4 миллионов в 1929–1933 годах. В виде благородных героев и мучеников стали изображаться, например, «председатель полномочной комиссии по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии» Антонов-Овсеенко и его соратник Тухачевский. О других их подвигах можно и не говорить (напомню лишь, что с 1934 года Антонов был прокурором РСФСР), ибо за несколько месяцев 1921 года под их руководством на Тамбовщине были пролиты реки крестьянской крови. Правда, оба они были только палачами-исполнителями велений партаппарата; Антонов даже не состоял в ЦК, а Тухачевский вошел в него в ранге «кандидата в члены» лишь в 1934 году*.

* Стоит полутно оспорить господствующую до сих пор версию, согласно которой поражения в начале Отечественной войны объясняются чуть ли не прежде всего исчезновением таких людей, как Тухачевский, и даже армейских партаппаратчиков вроде Гамарника или Якира. Едва ли уместно сомневаться в том, что для победы в Отечественной войне были необходимы совсем иные военачальники – патриоты, а не палачи России. Гитлер вовсе не был глупцом, каковым его нередко изображают, и в конце войны постоянно и весьма понятно говорил (не без горечи, поскольку сам способствовал компрометации Тухачевского⁷ и др.) об одной из причин поражения Германии⁸: «Правильно сделал Сталин, что уничтожил всех своих военачальников».

Пожалуй, «представительнее» в этом смысле, скажем, более молодой Хатаевич, вошедший в партаппарат ЦК в 1921 году, а с 1932 года ставший членом Политбюро Украинского ЦК. В 1933 году он так «объяснил» инженеру Виктору Кравченко тогдашнюю партийную «политику» по отношению к народу: «Понадобился голод, чтобы показать им, кто здесь хозяин. Это стоило миллионов жизней, но мы выиграли»*. И вот этот самый Хатаевич, неожиданно «проигравший» в 1937-м, был при Хрущеве воспет как герой и мученик в книге «Борцы за народное (!) дело»⁵...

Если разобраться в существовании проблемы достаточно серьезно, придется сделать недвусмысленный вывод: в 1956 году партаппарат решил пожертвовать именем Сталина и несколькими другими именами, чтобы оживить и превознести имена множества погибших партаппаратчиков, которых тут же начали взапуски воспевать многочисленные евтушенки⁶. И дело было, конечно, не просто в именах, а в реанимации самого «духа»...

С удовлетворением хочу вспомнить, что литераторы моего круга и тогда, несмотря на свою молодость, стремились действительно понять, что к чему. Станислав Куняев в 1963 году писал о «реабилитированном» герое 20–30-х годов:

Соседа история не обошла.
Он ею на славу испытан.
Сперва вознесла, а потом обожгла.
Воспитан и перевоспитан...
Порой в разговоре я искренне рад
Довериться ранним седидам.
Да только нет-нет – и покажется раб,
Который не стал господином⁹.

Теперь, конечно, многие готовы истолковать судьбы хрущевских реабилитантов в подобном ключе. Но тридцать лет назад не столь уж просто было прийти к такому пониманию.

* Victor Kravchenko. I chose Freedom. N.Y. 1946. P. 130.

После 1985 года началась очередная волна реанимации партаппарата. Выразительнейшим ее проявлением была широкомасштабная попытка превознести до небес тех, до кого еще не добрались в конце 1950-х – начале 1960-х годов, – Бухарина, Зиновьева, Троцкого¹⁰ и т.п. Мощный импульс для этого был дан с самого верха – особенно от тов. Яковлева. Естественно, сразу же появилась целая орава одописцев. Но кампания эта довольно-таки быстро провалилась, ибо к тому времени уже окрепли литераторы, выражавшие народное понимание революции и ее заправил. Выяснение подлинной сути бухариных-троцких не дало возможности действительно реанимировать давний партаппарат. Тем не менее с уст главных нынешних партаппаратчиков – от Горбачева до Ельцина – не сходило горделиво произносимое слово «революция»¹¹. Они попросту не могли иначе определить свою политику. Предшествующий период более или менее нормального развития страны (это вовсе не означает, что тогда не имелось тяжелейших грехов и пороков; после пережитого Россией катаклизма никакое полноценное благополучие и благолепие было попросту невозможно) объявили «царством застоя». И, значит, необходимо устроить новую революцию...

И все же – что означало конкретно «противостояние» партаппарата и страны (то есть целостности народа и государства)? Я отметил выше, что оно обнаруживается ясно и постоянно. И, пожалуй, весомым аргументом будут наблюдения не единомышленника, а умного противника. Едва ли не самый или даже единственно умный (правда, ум его, что легко продемонстрировать, предельно циничен, то есть, если сказать по-русски, без стыда и совести) «демократ» – недавний «мэр Москвы» Попов.

В 1988 году он опубликовал довольно интересное сочинение «Система и зубры»¹², поводом для которого послужила модная тогда повесть Д. Гранина «Зубр», посвященная судьбе видного ученого Тимофеева-Ресовского.

Попов с самого начала заявил, что его занимает не сам по себе этот человек, а представляемый им тип людей. «Луч-

ше было бы всмотреться в судьбу Королева или Туполева», – подчеркивал Попов, но «о них еще не написаны повести или романы, на которые можно было бы ориентироваться как на произведения широко известные».

Вокруг «германского» периода жизни Тимофеева было много острых споров¹³, но Попов справедливо указывает на чрезвычайно существенный факт: «В конце войны Тимофеев отверг приглашение уйти на Запад и работать в США, дождался Красной Армии, его арестовали», – и т.д. Это произошло потому, писал Попов, что он не мог «быть иным ученым, кроме как русским, кроме как в России». Да, в 1988 году Попов истолковывал проблему именно так: «Предки, Россия, долг перед ними были составной частью личности Тимофеева... Он считал, что Родина – не страна, а нечто большее. Россия – это целый мир, разрешив ее проблемы, можно получить рецепт для всей планеты». И это была вовсе не индивидуальная черта данного человека, Тимофеева-Ресовского. Попов в вежливой форме начисто опровергал и, по сути дела, даже высмеивал Гранина, назвавшего своего героя «зубром» – то есть почти вымершим феноменом. Он предлагал «внимательно всмотреться» в гранинскую повесть и увидеть, что в ней так или иначе предстают многочисленные истинные «зубры» (Вернадский, Капица, математик Алексей Ляпунов, Вавилов, заместитель наркома внутренних дел Авраамий Завенягин и др.). «И если даже в одной документальной повести, – подводил итог Попов, – их оказалось так много, то нетрудно понять, что в жизни их было гораздо больше. Они были везде. На каждом шагу». Это были, понятно, вовсе не только люди науки и техники, но и люди труда и культуры, воины и дипломаты.

И далее Попов весьма подробно показывал (я отсылаю читателей к его сочинению), как эти действовавшие в каждой сфере жизни страны люди противостояли тому, что он определил словами «Административная Система». Определение это явно дезинформирующее. Сам Попов, перечислив «виды» бесчисленных «зубров», которые служили России, то есть народу

и государству, а не тому, что названо «Административной Системой», писал: «Биологи и физики, математики и кибернетики, ученые и администраторы (выделено мной. – В. К.), работники органов безопасности». Странные это «администраторы» (среди которых и упомянутый Поповым зам. наркома), противостоявшие не чему-либо, но именно «Административной Системе»... Попов то ли не хотел, то ли (в 1988-м) побоялся дать верное определение – не «Административная Система», а партаппарат, главный интерес которого лежит вне народа и даже вне государства, хотя (как показал Попов) аппарату все же приходилось считаться и с тем, и с другим, ибо, не опираясь на них, он вообще не мог бы существовать...

Итак, Попов – и здесь я полностью согласен с ним – обнаружил решительное противостояние партаппарата (пусть даже туманно именуемого «Системой») и всех тех, кто служил или хотя бы стремился служить России. Во избежание недоразумений необходимо сказать, что, во-первых, речь идет именно о партаппарате, а не о миллионах формальных «членов партии» (ибо и среди них были бесчисленные «зубры»), а во-вторых, без сомнения, даже в среде профессиональных партаппаратчиков имелись исключения. «Граница» между теми, кто служили России, и теми, для кого она была только «материалом», – это не формальная, а глубоко содержательная граница.

Еще в 1929 году упомянутый Поповым мнимый «зубр» академик Вернадский («мнимый» потому, что не он один, а почти все тогдашние деятели Российской академии наук были точно такими же «зубрами») с полной ясностью понимал, что конфликт разворачивается даже и внутри партаппарата.

«В партийных кругах, – писал тогда Вернадский¹⁴, – влиятельная группа против Академии и искала предлога ее закрытию... Главное то, что... не можешь вполне предугадать направление власти, немногие там государственные люди (выделено мной. – В. К.); как видим, Вернадский находится – хоть и «немногих» – государственных людей и в самом партаппарате) борются... с вероятным большинством, которое совершенно не понимает значения науки и ее не ценит...»

Далее Вернадский делает, между прочим, следующую оговорку: «У Ленина был своеобразный государственный ум, и, может быть, смерть его в начале коммунистического строительства очень неблагоприятно сказалась на русской жизни... У него не было творчества, и мысль его мне представляется не интересной. И в то же время человек этот... резко отличающийся от окружающих (выделено мной. – В. К.) государственным умом, и... не будь его, научные и художественные ценности – и люди – не сохранились бы, и революция явилась бы еще более разрушительной. Сохранение – в общем – центров научной и художественной работы, вероятно, очень многим обязано лично Ленину в самые трагические моменты».

В том самом 1929 году созданная партаппаратом комиссия во главе с членом Президиума ЦКК тов. Фигатнером (при коем состоял и обязательный тов. Агранов из ГПУ) начала «чистку» Академии наук, в ходе которой, в частности, были арестованы и обвинены в «контрреволюции», «монархизме» и «национализме» десятки крупнейших историков, и развитие русской исторической науки, в сущности, полностью прекратилось. Эта чудовищная акция еще только начинает изучаться¹⁵, но уже и сейчас вполне ясно, что в стране действовала и противоположная тенденция, ибо всего через несколько лет едва ли не все организаторы сей акции отправились в ГУЛАГ, а историки – кроме тех, кто, увы, скончался за эти годы (среди них – академики С. Ф. Платонов и М. К. Любавский) – были возвращены к своей работе и даже обрели самое высокое официальное признание.

Словом, «конфликт» получил тогда неожиданное разрешение... И речь идет, без сомнения, об одном из существеннейших или даже самом существенном «конфликте» последних семидесяти пяти лет жизни России. Влиятельнейшие деятели партаппарата то и дело пытались начисто перечеркнуть Россию, объявляя ее «тюрьмой народов», «нацией Обломовых»¹⁶ или, как уже в наши дни тов. Яковлев, «парадигмой тысячелетней несвободы». Россия, с точки зрения аппарата, всегда представлялась только неким сырым и к тому же весьма малопригодным материалом для «строительства коммунизма».

Мне напомнят, что в 1991 году часть партаппаратчиков во главе с Ельциным открыто «отрекалась» от «коммунизма» и именно благодаря этому оказалась на вершине власти. Однако на деле произошла чисто демагогическая замена одной «цели» другой: место «коммунистического общества» заняло «цивилизованное общество», которое, если разобраться, представляет собой некий столь же неопределенный, бессодержательный идеал, как и ранее «коммунистическое», но идеал, осуществление которого следует – в полном соответствии с исконным партаппаратным принципом – «провести, несмотря на какие бы то ни было препятствия» (уже цитированная бухаринская инструкция).

Идеал этот бессодержателен уже хотя бы потому, что в различных странах, которые считаются образцами «цивилизованного общества», господствуют совершенно разные формы и типы жизнедеятельности, естественно (а не в результате осуществления «программы» какого-либо «партаппарата») вырабатывавшиеся в бытии многих поколений.

Так, например, в США сложился образ жизни «индивидуалистического» типа, где каждый человек опирается (или хотя бы стремится опереться) на самого себя, свои собственные возможности и руководствуется «свободным выбором» пути. Между тем в Японии значительная часть деятельного населения существует в условиях пожизненного найма (и рабочие, и специалисты трудятся с юных лет и до пенсии на одном и том же предприятии) и жесткой идеологии «группизма» (закрепляемого, в частности, исполнением гимна фирмы в начале рабочего дня и объединением людей в «кружках качества», «группах бездефектной работы» и т.п.*). При этом надо отметить, что «противоположный», в сущности, американскому тип экономики не помешал Японии во многом превзойти США и по качественным, и по количественным производственным показателям.

Однако – и это нетрудно доказать – и тот, и другой типы экономики заведомо не соответствуют русскому менталитету, и

* См. книгу: Матрусова Т. Н. Япония: материальное стимулирование в фирмах. М.: Наука, 1991.

их внедрение возможно в России только искусственным и неизбежно насильственным путем, что, понятно, исключает реальный успех. В 1930-х годах партаппарат, по сути дела, и стремился – в конечном счете тщетно – установить порядки, подобные японским; однако и попытки «американизации» России точно так же не смогут дать никаких действительно полезных плодов.

Но важнее всего понять другое. Переориентировка партаппарата с «коммунистического» на «цивилизованное» общество вполне закономерна. В уже цитированных письмах Вернадский говорил (еще в 1929 году!): «Машина коммунистическая действует прекрасно, воля огромная – но мысль остановилась и содержание ее мертвое». Прежде чем говорить о том, почему именно «мертвое», отмечу, что лет через тридцать, к 1960-м годам, многие из самих партаппаратчиков уже начали сознавать или хотя бы смутно ощущать эту «мертвенность». Приведу один резко запавший мне в память пример.

В 1960 году я начал добиваться издания ныне общеизвестной книги Михаила Бахтина о Достоевском и, в частности, попытался искать поддержки у одного влиятельного партаппаратного идеолога¹⁷, «соблазняя» его тем, что книга обязательно вызовет восхищенный отклик во всем мире (что, кстати, и произошло после ее выхода в 1963 году). И, представьте себе, идеолог возразил так: «Да что вы, там, на Западе, давным-давно написали о Достоевском интереснее и глубже, чем ваш (именно ваш! – В. К.) Бахтин». На деле творивший в «партаппаратной» России «зубр» Бахтин позднее был переведен на все языки и признан одним из крупнейших деятелей всей мировой культуры XX века (что высказано во множестве зарубежных откликов). Но важно обратить внимание на другое: ощутив «мертвенность» своей «программы», упомянутый идеолог уже тридцать с лишним лет назад, в сущности, лакействовал перед Западом, ибо был фатально лишен способности увидеть великие ценности России*. Поэтому нет ровно ничего удиви-

* Не называю имени этого (уже покойного) человека, поскольку он, во-первых, не принадлежал к худшим представителям своей среды, а во-вторых, потому, что его оторванность от русской культуры была скорее его бедой, нежели виной.

тельного в том, что нынешние партаппаратчики совершенно запросто, без всяких раздумий заменили свой прежний «коммунизм» на «цивилизованное общество».

И важно понять, что наиболее глубокая причина «мертвенности» или, вернее, «мертворожденности» той «остановившейся мысли» (см. ранее слова Вернадского), которой до определенного времени руководствовался партаппарат, лежит даже не в «мысли» самой по себе, но в исходном, фундаментальном статусе партаппарата: с его точки зрения, Россия всегда представляла только как «материал», используемый для «выработки» некоего общественного устройства, – причем, даже по предварительной «прикидке» тов. Зиновьева, сделанной осенью 1918 года, в ходе этой «выработки» необходимо было уничтожить каждого десятого!

Но как же удавалось «увлечь» многих людей такого рода «программой»? Это далеко не простой вопрос. Ведь, например, одновременно с Зиновьевым, той же осенью 1918 года, Павел Флоренский написал следующее: «Идея общежития как совместного жития в полной любви, единомыслии и экономическом единстве, – назовется ли она по-гречески киновией или по-латыни коммунизмом, – всегда столь близкая русской душе и сияющая в ней как вожденнейшая заповедь жизни, – была водружена и воплощена в Троице-Сергиевой Лавре Преподобным Сергием и распространялась отсюда, от Дома Троицы...»

Были и сейчас есть люди, которые пытаются как-то сблизить этого рода размышления с «программой» партаппарата; на деле же внешние, формальные «совпадения» только подчеркивают прямую противоположность. С другой стороны, многие – это легко предвидеть – усмотрят в словах Флоренского нечто по меньшей мере «сомнительное» – так же, как кое-кому представляется «сомнительным» тот факт, что Иисус Христос явил Себя не где-нибудь, а в управляемом фарисеями Иерусалиме. При этом словно забывается, что фарисеи возвели Христа на Голгофу...

Нельзя забывать и судьбу отца Павла, и то, что он высказал, соотносится с «программой» партаппарата так же, как божественное – с сатанинским, Христос – с Антихристом...

Перед нами, понятно, особенная и очень сложная проблема, требующая отдельного и пространного обсуждения. Так, например, «коммунизм», о котором говорит Флоренский, пребывает отнюдь не в будущем, ради которого надо ломать и уничтожать настоящую, имеющуюся налицо Россию; речь идет, если угодно, не о будущем, а о вечном, которое осуществляется вовсе не «когда-то потом», а в любой точке исторического времени... И здесь я хочу сказать только о том, что партаппарат, сменив ныне «коммунистическое» на «цивилизованное», нисколько не приблизился к истинному пути России (и даже, напротив, дальше ушел от него), хотя якобы «преобразившиеся» партаппаратчики наезжают теперь в Лавру. Они, оказываясь (по их собственному признанию), ищут там «комфорта»... Надо уж было бы точнее сказать – о «ловле кайфа»!

Говоря о пути России, Павел Флоренский упомянул об «экономическом единстве», и те, кто изучал историю русских монастырей, знают: это вовсе не случайные слова. Так, за Полярным кругом, в Соловецком монастыре, был создан микроклимат, позволявший надежно выращивать в открытом грунте южные овощи и фрукты (сегодня до этого надо, как говорится, расти и расти).

Мыслитель нынешнего молодого поколения, Дмитрий Галковский, сумевший восстановить силу и остроту русского философствования, говорит в своем уже широко известном «Бесконечном тупике»: «Отличаясь природным трудолюбием, способностью хотя и неровно, но крайне интенсивно трудиться, проявляя при этом нечеловеческую энергию и самопожертвование, русский человек органически не способен выполнять (в отличие, как показывает выше Галковский, от людей Запада. – В. К.) мелкую, второстепенную работу... Русские самые честолюбивые люди в мире. Высшая форма русского труда – труд религиозный, монашеский».

Разумеется, это ни в коей мере не означает, что русские, дабы достичь своего подлинного уровня в труде, должны стать монахами... Речь идет только о «высшей форме», об определенной точке отсчета.

И последнее, о чем следует сказать. Современные партаппаратчики, сделав ставку не на «коммунистическое», а на «цивилизованное» общество, стали тут же перечеркивать все, что совершалось в России после 1917 года, – точно так же, как ранее перечеркивали историю России до 1917 года, и это, надо сказать, одна из наиболее отвратительных сторон современности.

Было бы совершенно понятно и оправданно, если бы они беспощадно осуждали именно себя и своих прямых предшественников по партаппарату. Но они, в сущности, пытаются перечеркнуть плодотворную, подлинно героическую – и потому нередко приобретающую высокий трагедийный характер – деятельность бесчисленных «зубров» России (уж воспользуюсь еще раз данным обозначением, примененным тов. Поповым, дабы показать, что и умный прислужник партаппарата признает несравненное величие послереволюционной России!).

В сражениях и в труде, в творчестве науки и культуры люди России свершили и после 1917 года высочайшие достижения – тем более изумительные, что для их осуществления приходилось постоянно противостоять партаппарату. Чего стоит одно только признание, сделанное во время Отечественной войны Сталиным американскому послу Гарриману¹⁸. «У нас нет никаких иллюзий, – сказал генсек, – что они («русские люди», поясняет тут же Гарриман; для Джугашвили это – именно «они». – В. К.) сражаются за нас. Они сражаются за мать-Россию».

Главное же, конечно, в том, что аппарат по самой своей давно запрограммированной природе никак не может служить реальной великой России. И беспощадность в действиях нынешнего партаппарата не уступает беспощадности прежних его поколений, а в каких-то проявлениях даже превосходит ее. Так, например, в 1947 году при Сталине во время денежной реформы малые и средние вклады граждан в сберкассах не пострадали: они были автоматически увеличены в 10 раз (крупные – в 3 раза). Ныне же при «реформе цен» Россия была беспощадно ограблена¹⁹.

Мне могут возразить: дескать, резкое повышение цен в январе 1992 года явилось якобы обязательной мерой, ибо целый ряд товаров продавался по ценам ниже себестоимости, что порождало громадные дотации. Можно бы напомнить, что государственные дотации на жизненно необходимые товары в той или иной мере имеют место во всех так называемых цивилизованных странах (именно этим данные страны, в частности, отличаются от «нецивилизованных»).

Но суть дела даже и не в этом. Официозные средства массовой информации заведомо лгут, утверждая, что причина повышения цен именно такова. Ведь абсолютно ясно, что дотации распространялись отнюдь не на все товары и какая-то часть товаров продавалась, напротив, по ценам выше себестоимости (так, в частности, и создавались средства для дотаций). Однако цены были повышены на все без исключения товары! Это значит, что повышение цен имело совсем иную цель, и само умалчивание в данном вопросе носит, в сущности, зловещий смысл. Но это еще одна особая проблема, о которой следует говорить отдельно. Я же ставил задачу обрисовать в самых общих чертах семидесятипятилетний конфликт России и партаппарата – обрисовать в канун юбилея Октябрьского переворота.

Печатное, но чистосердечное послание Правительству России*

После долгой лихорадочной смены разного рода легковесных «программ» настало, как представляется, время, когда мы обретаем возможность трезво и взвешенно рассуждать о грядущем развитии России, начиная с фундаментальной основы этого развития – экономики.

* Это послание было опубликовано весной 1993 года в издававшейся тогда В. В. Вострухиным непосредственно в доме № 6 на Старой площади газете «Экономика сегодня и завтра» (№ 1 за 1993 г.) и оказалось на рабочем столе адресата, – но не вызвало какой-либо реакции.

Именно об этом и пойдет речь в моем послании, обращенном к человеку, принадлежащему к тем – увы, очень немногим – правительственным деятелям, которые имеют длительный опыт реального, практического (и, насколько мне известно, плодотворного) руководства гигантской экономикой России¹, притом в ее существеннейшей – энергетической – сфере.

Причина многих нынешних бед коренится в том, что подавляющее большинство самых влиятельных авторов и ораторов, выступающих так или иначе в качестве советников Правительства, в принципе неспособно осуществить объективное исследование и понимание современного и грядущего развития России, ибо перед нами не столько деятели науки, сколько «идеологи», привыкшие не к беспристрастному познанию хода вещей, но к выдвиганию той или иной «идеи». Почти все они еще восемь лет назад (написано в 1993 году. – В. К.) были проповедниками идеи «развитого социализма» (что можно доказать бесчисленными ссылками на их выступления начала или даже конца 1980-х гг.), а три года назад – «демократического социализма»; теперь же они – почти мгновенно! – превратились в проповедников идеи «рыночной экономики».

Их противники постоянно упрекают их в аморальной «измене» прежним убеждениям, а сторонники оправдывают тем, что они, мол, сменили ложные убеждения на истинные. Однако наиболее важна и наиболее прискорбна вовсе не смена идеи, но именно тот несомненный факт, что, пережив эту смену, они всецело остались «идеологами» (слишком уж они привыкли к такой роли). Им, например, даже не приходит в голову, что они, гордо называя себя «рыночниками», тем самым, по сути дела, перечеркивают свою принадлежность к науке, которая ведь призвана объективно изучать реальное положение экономики, а не проповедовать ту или иную экономическую «идею».

Несостоятельность этих идеологов от экономики самым убедительным образом раскрыта в опубликованной академическим издательством в 1992 году небольшой, но весьма содержательной книге действительно серьезного ученого М. М. Голанского «Что нас ждет в 2015 году? (Экономиче-

ский прогноз вместо утопий)». Уже с самого начала автор подчеркивает, что его книга выражает не «взгляды автора», но «объективные результаты исследования», и он последовательно стремился «избежать влияния идеологии» (какой бы то ни было; так, например, М. М. Голанский обнажает «идеологический» по своей сути характер основополагающего марксистского понятия «прибавочная стоимость», которое совершенно не соответствует реальному положению вещей в современной мировой экономике). Книга М. М. Голанского издана, к сожалению, незначительным тиражом; между тем, познакомившись с нею, любой вдумчивый читатель убедился бы в заведомой утопичности целого ряда господствующих сегодня экономических «идей».

Но перейду к сути дела. Большинство влиятельнейших ныне «советников» рассматривает весь путь России после 1917 года как полностью «ложный» и бесплодный, ведущий в безысходный тупик, и так или иначе призывает начать все с начала или, говоря конкретнее, «вернуться» к дореволюционному состоянию (в частности, к принципам столыпинской реформы и деятельности крупнейших российских предпринимателей).

Целесообразно напомнить, что это последняя новация идеологов от экономики; всего лишь несколько лет назад они настоятельно предлагали «вернуться» в «досталинское» время, то есть к нэпу. И, между прочим, уже тогда, в 1988 году, прозвучали чрезвычайно весомые возражения, однако никто не захотел их услышать.

Я, в частности, имею в виду выступление М. Я. Гефтера² в нашумевшем «боевом» сборнике статей «Иного не дано». Этот историк, в отличие от абсолютного большинства влиятельных ныне идеологов, начал критически осмыслять путь страны давно, еще в 1960-х годах, и сразу же вступил в конфликт с господствовавшей тогда идеологией. А в книге «Иного не дано» он, весьма резко противореча остальным ее авторам, настаивал на необходимости усвоения, как он сказал, «того решающего, хотя еще и не осознанного до конца факта нашей жизни, ко-

торый кратко, одной фразой, можно бы определить так: после Сталина нам некуда вернуться – в досталинских временах нам уже места нет» (выделено мной. – В. К.).

Но это выношенное в процессе более чем двадцатилетних раздумий убеждение М. Я. Гефтера никто из «идеологов» не принял во внимание, хотя историк этот вроде бы пользовался высоким уважением в их кругу. А невозможно, конечно, не только возвращение к «досталинским» временам; еще более немыслимо «вернуться» в дореволюционную, дооктябрьскую Россию. Тем не менее сегодняшние идеологи ставят вопрос именно так, усматривая подчас в самих себе своего рода «воскресителей» дела Февральской революции, которые к тому же полны решимости не дать ей еще раз «перерасти» в Октябрьскую и не позволить «разогнать» планируемое ими новое Учредительное собрание... Они вообще склонны сопоставлять сегодняшнюю ситуацию с ситуацией 1917 года.

Само по себе обращение к прошлому с целью понять современность и, главное, будущее – это не только вполне естественный, но и, пожалуй, единственный надежный метод любого «предвидения», прогнозирования. Люди постоянно используют сей метод, хотя далеко не всегда осознают это. Как лаконично сформулировал в свои зрелые годы Байрон³, «прошлое – лучший пророк будущего».

Кстати сказать, и М. Я. Гефтер в его уже цитированном выступлении совершенно справедливо утверждал, что прошлое представляет собой то «откуда?», без которого не узнать – «куда?», и что «чем беспрецедентнее ситуация, тем существеннее для людей взгляд назад: заново обретаемое прошлое. Если и не учит оно прямо, то помогает людям увидеть “свет в конце тоннеля”...».

Словом, любая попытка заглянуть в будущее неизбежно опирается на знания о тех или иных явлениях прошлого. Однако – и это не нужно, по-видимому, доказывать – обращение к прошлому ради уяснения вероятного грядущего хода событий может принести плоды лишь при условии, что мы сделали верный выбор исторической ситуации, с которой со-

бираемся сопоставлять нынешнее положение; эта ситуация должна быть так или иначе родственна современной.

Между тем 1917 год имеет сходство с сегодняшней ситуацией только по своим, строго говоря, «внешним» последствиям – острой борьбе политических сил, разрухе, резкому ослаблению и прямому распаду государства и т.п. А подобные последствия вовсе не обязательно порождает именно революция; те же самые последствия для России имело, например, монгольское нашествие или ситуация Смутного времени. Определять внутреннее содержание переживаемого сейчас периода как революцию (что постоянно делают нынешние идеологи) нет никаких существенных оснований. Стремление называть происходящее сегодня «революцией» – это, собственно, непреодоленный пережиток более ранних – довольно-таки наивных – представлений, согласно которым в 1917 году у нас были, в общем, вполне «позитивные» перемены, а позднее пришел злодей Сталин и волюнтаристски подавил революцию, установив совершенно-де несвойственную ей диктатуру, и потому нам надо, мол, совершить новую – «антисталинистскую» – революцию (на деле же, например, всецело закономерным этапом Английской революции была диктатура Кромвеля, а Французской – Наполеона).

Эта «концепция» была уже несколько лет назад и отвергнута, и даже осмеяна, но, как ни странно, до сих пор многие продолжают считать происходящее сегодня «революцией», направленной против «контрреволюционного» сталинистского строя.

Уж гораздо вернее было бы определять нынешние события именно как контрреволюцию, призванную ликвидировать те или иные прискорбные результаты Октябрьской революции. Кстати сказать, люди моего круга в 1960-х годах лелеяли мечту именно о контрреволюции (о причинах этого я еще скажу) и исповедовали своего рода культ «рыцарских» фигур генерала Л. Г. Корнилова и адмирала А. В. Колчака (вплоть до поисков места под Екатеринодаром, где были закопаны оскверненные останки погибшего Лавра Георгиевича,

и паломничества к возлюбленной расстрелянного Александра Васильевича – А. В. Тимиревой, которая дожила до 1975 года). Но я говорю о людях именно моего круга; влиятельнейшие же ныне идеологи, которые – все без исключения – выросли в лоне марксистско-ленинского мировоззрения, явно не могут переступить через свое абсолютно негативное восприятие даже самого этого слова «контрреволюция» (они обычно относят его к действиям своих противников) и предпочитают называть вдохновляемые ими перемены «революцией» (хотя, казалось бы, они уже так или иначе осознают, что революция – это чудовищный по своим разрушительным последствиям и жертвам катаклизм).

Впрочем, и «контрреволюция» – слишком «сильное» слово, обозначающее события, связанные, в частности, с прямой и захватывающей все общество вооруженной борьбой. И то, что происходит ныне в России, наиболее адекватно определяется термином «реставрация».

* * *

Любая революция заходит, так сказать, слишком далеко в своих разрушительных деяниях, и в конечном счете совершается своего рода рывок назад – нередко очень мощный, – как это и присуще, например, времени после Великой французской революции конца XVIII – начала XIX века. Нельзя не сказать, что эпоха Реставрации во Франции последних лет замалчивалась и фальсифицировалась (впрочем, искажался и реальный облик самой Французской революции, которая была не менее – а в некоторых отношениях даже и более – жестокой и разрушительной, чем революция в России). Но вот в 1991 году научный журнал «Вопросы истории» (№ 2–3) публикует следующую предельно краткую и все же многозначительную характеристику:

«Разочарование, наступившее после Французской революции, было огромным и всеобщим. Это было разочарование, вызванное несоответствием между великими обещаниями и реальными результатами. Буржуазия отвернулась от “дела

своих отцов», нация устала от скороспелых преобразований, террора, от полного отрицания всего прошлого».

Один из главных идеологов Реставрации Ф. Ламенне писал еще до ее начала, в 1808 году, в своей изданной анонимно и тут же конфискованной властями книге⁴, что необходимо «раздавить разрушительную философию, которая произвела такие опустошения во Франции и которая опустошит весь мир, если не будет, наконец, поставлена преграда ее дальнейшему распространению».

Не правда ли, можно подумать, что я цитирую высказывания о нашем времени? И слова Ламенне могут казаться цитатой из Солженицына...

Но, конечно, Реставрации присуще вовсе не только «разочарование», а и попытки вполне практического восстановления уничтоженных революцией экономических, политических, идеологических институтов. Во Франции в 1814 году была возрождена традиционная монархия и на престол взошел родной брат казненного в 1793 году короля⁵ (признанного героем-мучеником), начали обретать свое прежнее положение феодалы и церковные иерархи и т.п. И все это на первых порах делалось при очевидном одобрении большинства населения Франции. Так, после состоявшихся в августе 1815 года выборов национального собрания оказалось, что 87 (!) процентов избранных депутатов – ультрароялисты, то есть крайние монархисты, стремившиеся полностью восстановить дореволюционный порядок...

И «реставраторы» были убеждены, что с революцией и установленными ею порядками покончено – и покончено навсегда. Однако попытки реального возврата к дореволюционному строю довольно быстро стали наталкиваться на постоянно возраставшее сопротивление. Уже к 1821 году оформилась мощная организованная оппозиция реставрационному режиму, а позднее, всего за три июльских дня 1830 года, произошло то, что называли новой «революцией» (хотя едва ли этот почти бескровный переворот уместно было именовать столь грозным словом). И все основные «завоевания»

действительной и «Великой» французской революции, начавшейся в 1789 году, были восстановлены. Между прочим, к 1830 году даже цитированный выше непримиримый отрицатель результатов революции Ламенне уже всецело признал их неустранимость⁶.

И если мы действительно сумеем хоть в какой-то мере извлечь уроки из истории, мы должны будем понять: после 1917-го и дальнейших лет нам, по верному слову М. Я. Гефтера, «некуда вернуться»! Основные итоги того, что совершилось в XX веке в России, никак нельзя «отменить», – как невозможно оказалось отменить Французскую революцию.

Тем не менее очень многие современные идеологи, ознакомившись в последние годы с ужасающими фактами массового насилия, террора и т.п., как бы начисто «отрицают» все то, что происходило после 1917 года. Но такое отрицание – дело совершенно несерьезное и бессмысленное, ибо любая революция, которая, так сказать, «достойна» этого наименования, представляет собой убийство или – это уж совсем точно – обезглавливание существовавшего до нее общества. Она, как правило, совершает своего рода символическое действие, убивая прирожденного главу общества – монарха, а вслед за тем – очень значительную часть представителей этого общества – прежде всего наиболее деятельных, то есть наиболее «живых»...

И эта беспощадная воля революций к уничтожению уже сама по себе говорит именно об их необратимости, бесповоротности: прежнее общество после такого «обезглавливания» никак не может быть восстановлено. Ведь каждое человеческое общество в известном смысле являет собой целостный организм, и после его разрушения мы уже не можем его воскресить, – как нельзя воскресить убитого человека...

Я не ставлю здесь вопроса о том, зачем и почему совершаются чудовищные трагедии революций, ибо это сложнейшая философская и даже религиозная тема. Но ясно, что те претендующие на серьезность идеологи, которые сейчас всячески «отрицают» и проклинают революцию, не более глубоко-

комысленны, чем люди, которые не пытаются как-либо понять, а попросту проклинают самый факт смерти человека. А ведь гибель прежнего общества в катаклизме революции столь же необратима, как смерть личности...

Суть проблемы, впрочем, не только в очевидной бесповоротности той же Французской революции; как мы знаем, установленный во Франции строй постепенно, но неуклонно «распространился» по всей Европе (именно этого так опасался в 1808 году Ламенне) и, далее, за ее пределы, притом в одних странах новый порядок был как бы внедрен еще французскими «оккупационными» войсками, в других произошли свои более или менее внушительные перевороты революционного характера; в третьих странах, наконец, коренные изменения совершились мирным, эволюционным путем.

И, в сущности, то же самое характерно для эпохи после 1917 года. К настоящему времени более трети населения Земли так или иначе испытало те же перемены, что и Россия. В десятках стран в той или иной мере утвердился порядок, который можно (по желанию) определить словами «социализм», или «государственный капитализм», или «тоталитаризм», или более нейтрально – «строй, при котором господствуют общественно-государственная собственность и плановая экономика».

* * *

В этом месте, без сомнения, иные читатели сделают вывод, что я наконец-то «раскрылся» и выявил себя как апологет социализма. И поэтому нельзя не коснуться здесь сугубо «личной» темы. Так уж сложилось, что еще тридцать с лишним лет назад я обрел достаточно полное представление о прискорбнейших и прямо-таки чудовищных явлениях и событиях, имевших место в России после октября 1917 года, и встал на путь самого решительного и тотального «отрицания» всей послереволюционной действительности. В последнее время известнейший «диссидент» и эмигрант Синявский-Терц не

раз вспоминал в различных интервью⁷, как в самом начале 1960-х годов я предложил ему (мы были тогда близкими друзьями) отправиться со мной на нелегальное антиправительственное собрание, а он отказался, – за что я его тогда осуждал. Вспоминал он об этом только ради иронического выпада: вот, мол, Кожинов вроде бы был «радикальнее», а в лагерь между тем попал все же Синявский...

Но в этом различии судеб есть своя существенная логика. К тому времени, когда Синявский был арестован (осень 1965 года), я уже пришел к прочному убеждению, что бороться надо не против сложившегося в России строя, а за Россию. Для Синявского же главным было именно «против», и он в конце концов «доразвился» до поистине смердяковского заявления «Россия – сука»⁸...

Что же касается моего отношения к социализму, я должен сказать, что совершенно не разделяю «прогрессистский» и вообще «оценочный» подход к исторически сменявшимся друг друга общественным устройствам и отнюдь не считаю, что социализм «лучше» капитализма (и наоборот). Я только констатирую, что порядок, называемый «социализмом», идет на смену тому, который называют «капитализмом», точно так же, как последний в свое время пришел на смену «феодализму».

Не могу не добавить к этому, что, пройдя через полнейшее отрицание социализма, я и позднее никогда не был хоть в какой-то мере его «апологетом» и, в частности, не только отказывался (в отличие от почти всех нынешних отрицателей социализма) вступать в КПСС, но и, защитив еще в недостаточно зрелую пору, в 1958 году, кандидатскую диссертацию⁹, не соглашался в последующие тридцать пять лет защищать докторскую, ибо считал это приспособленчеством к режиму.

Словом, дело не в какой-либо моей «симпатии» к социализму, а совсем в ином. Долгое осмысление истории, безусловно, убеждает в том, что социализм – какие бы самые прискорбные качества ни были ему присущи – в конечном счете неизбежно сменит во всем мире тот строй, который сейчас

воспевают наши влиятельнейшие идеологи. И не скрою, что в этом убеждении я, в частности, опираюсь на авторитет большинства самых выдающихся мыслителей нашего времени.

Общепризнанный корифей философии истории XX века англичанин Арнольд Тойнби (отнюдь не «марксист» и, в частности, глубоко религиозный человек) заявил в 1976 году¹⁰: «Я полагаю, что во всех индустриальных странах, в которых максимальная частная прибыль выступает как мотив производства, частнопредпринимательская система перестанет функционировать. Когда это случится, социализм в конечном итоге будет навязан диктаторским режимом» (из последней фразы ясно, что Тойнби отнюдь не в восторге от будущей «победы социализма»).

Германский экзистенциалист Мартин Хайдеггер, который давно уже имеет репутацию крупнейшего мыслителя нашего столетия, сказал в 1969 году¹¹: «Что касается будущего, то я больше уверен в социализме, чем в американизме».

Наконец, один из виднейших русских философов новейшего времени, Алексей Федорович Лосев, прошедший, между прочим, несколько лет в ГУЛАГе, признался в 1985 году¹² – и притом не для печати, а в узком домашнем кругу: «Куда дальше движется человечество? А дальше идет то, что противоположно индивидуализму. А именно: общественность и коллективизм. То есть социализм».

* * *

Можно бы сослаться на аналогичное мнение целого ряда других авторитетнейших умов, и, конечно, совершенно ясно, что цитированные суждения весят неизмеримо больше, чем те заклинания о сегодняшнем «конце социализма», которые мы постоянно слышим из уст многочисленных вчерашних членов и даже лидеров КПСС, мгновенно превратившихся из певцов социализма в певцов капитализма.

Но в заключение я предлагаю выслушать как раз «другую сторону». На Западе есть немало достаточно влиятель-

ных идеологов (хотя, конечно, отнюдь не такого масштаба, как Хайдеггер или Тойнби), которые и сегодня полагают, что капитализм – совершеннейший из всех возможных общественных строй и его надо сохранить во что бы то ни стало. Один из самых популярных среди этих идеологов – Милтон Фридман, автор широко рекламируемой в последнее время и в России книги «Капитализм и свобода». Книга эта сочинялась еще в 1956–1962 годах, но и сегодня являет собой своего рода манифест бескомпромиссных сторонников капитализма.

М. Фридман весьма резко выступает в своей книге против деятельности правительства США, а также и стран Западной Европы – деятельности, которая, по его убеждению (и, надо сказать, совершенно справедливому), ведет в конечном счете не к чему иному, как к социализму, оцениваемому автором всецело негативно (притом основные черты социализма обрисованы им опять-таки вполне верно).

Фридман прежде всего решительно протестует против любого «вмешательства» государства в экономику, социальную жизнь и культуру, начиная от поддержания уровня цен и зарплаты и кончая обязательным всеобщим образованием и контролем над телевидением.

Но вот незадача: у Фридмана немало убежденных сторонников и в американском обществе, и даже в правительстве США, однако резко осуждаемая им деятельность государства постоянно и неуклонно возрастала на протяжении 1960–1980-х годов, то есть после издания его книги. Основой деятельности государства, как известно, являются изымаемые им – главным образом в виде налогов – из валового национального продукта (ВНП) бюджетные средства. Когда Фридман начал работу над своей книгой, госбюджет США (включая и федеральный, и бюджеты штатов) не превышал 20–25 процентов ВНП, а к концу 1980-х годов он достиг около 40 процентов ВНП. Так, в 1987 году при ВНП, исчисляемом в сумме 4488 млрд долл., расходы государства США составили 1676 млрд долл.

А в ряде западноевропейских стран доля госбюджета намного значительней: в Швеции она достигла в 1980-х годах

67 (!) процентов ВВП, и такую экономику, согласно обоснованному убеждению любых западных экспертов, уже невозможно определять как капиталистическую. Страстный шведский единомышленник Фридмана Свен-Отто Литторин в 1990 году издал книгу «Расцвет и упадок государства благосостояния в Швеции» (она издана в 1992 году и у нас под «пропагандистским» названием «Крушение социалистического мифа»^{*}), в которой он крайне резко, но вполне метко критикует шведский социализм.

И Литторин прав во всем, за исключением одного: он безосновательно верит, что население неудержимо движущихся к тому, что он называет социализмом, стран Запада еще, так сказать, откроет на это глаза, ужаснется и возвратится в капитализм. Однако это только вера, явно не опирающаяся на реальный ход вещей.

Германские единомышленники Фридмана и Литторина с горечью объявили не так давно, в 1988 году, на страницах знаменитого журнала «Шпигель», что начиная с 1950-х годов «правительства разных стран (западных. – В. К.) осуществили один и тот же прием: они исключили аграрный сектор из рыночной экономики... Но этот новый способ ведения сельского хозяйства имел существенный изъян: он был взлелеян в искусственном мире государственных защитных пошлин, гарантированных цен и дотаций, ему не приходилось утверждать себя в конкуренции на свободном рынке. В результате изнеженное дитя, так называемое “индустриальное сельское хозяйство”, оказалось навсегда (вот именно! – В. К.) прикованным к костылям государственных дотаций... Западногерманские политики выделяют аграрному сектору субсидии, которые впервые в истории экономики **превышают стоимость всей продукции сельского хозяйства**» (выделено мной. – В. К.).

Надо признать, что в США дело до этого еще не дошло: там пока государство выплачивает аграрникам только чистый доход, а не стоимость всей произведенной ими продукции в

^{*} Давший такое название редактор московского издания книги Б. Пинскера лишний раз продемонстрировал, что он чистейший «идеолог», вполне подобный тем, которые порождены сталинским и брежневским временами.

целом. Но нет каких-либо оснований сомневаться в том, что и США, и весь Запад уже не смогут сойти с избранного ими пути, не смогут «вернуть» свое сельское хозяйство в условия рыночной экономики.

Фридман в своей книге еще тридцать с лишним лет назад возмущался тем, что в США осуществляются (цитирую) «поддержание паритетных цен на сельскохозяйственные продукты» и «правительственный контроль над объемом производства посредством фермерской программы». Однако к нынешнему времени этого рода тенденции не только не ослабли, но, напротив, укрепились и приобрели всеобъемлющий характер.

Все это, конечно, имеет свои глубокие и многообразные причины (одна из них, наиболее очевидная, – стремление западных государств предотвратить и вообще исключить революции), о которых невозможно сказать коротко. Но для нас важна сейчас сама констатация факта.

Таким образом, одна из двух абсолютно необходимых основ жизнедеятельности общества – сельское хозяйство – уже, по существу, «выведена» в странах Запада из рамок рыночной экономики. Но я не буду на этом останавливаться, так как правительство России в последнее время не то чтобы признало невозможность чисто «коммерческого» сельского хозяйства в современном мире, но просто вынуждено было начать финансирование сельского хозяйства под давлением простой необходимости – ради предотвращения элементарного голода (ведь в тех странах «третьего мира», где нет государственного финансирования сельского хозяйства, умирает от голода до 20 миллионов людей ежегодно!). Еще совсем недавно тов. Бурбулис торжественно заявил с телеэкрана, что-де «с 1 января 1993 года мы прекращаем субсидировать совхозы и колхозы», но сегодня об этом, вероятно, даже и он сам не вспоминает...

* * *

Хуже обстоит дело со второй столь же необходимой основой существования общества – культурой (в самом ши-

роком смысле этого слова). Ни одно общество, даже и «первобытное», немислимо без культуры (даже «дикари джунглей» не могут обойтись без мифологии и развитой системы норм поведения, хотя вполне обходятся без одежды). Но не буду погружаться в историю культуры; отмечу лишь, что в настоящее время культура на Западе (исключая имеющую, по существу, чисто развлекательный характер «массовую культуру») необычайно щедро финансируется государством и существует заведомо вне рыночной экономики. Это настолько очевидно, что даже такие убежденные «рыночники», как С. Шаталин, Н. Петраков, Г. Явлинский и др., составляя свою известную «Программу», получившую название «500 дней», ввели в нее специальный параграф «Нерыночный сектор», где они перечисляли целый ряд, по их определению, «отраслей и видов деятельности, которые в принципе не могут ориентироваться на коммерческие критерии... К нерыночному сектору относятся: фундаментальная наука, большая часть здравоохранения и образования, культура и искусство, охрана природы и т.п.» (в сущности, все перечисленное входит в понятие «культура» в широком значении слова).

Впрочем, эта совершенно верная констатация реального положения в современном мире получила здесь же, надо прямо сказать, ошибочное толкование. Составители «Программы» поясняли, что этот самый «нерыночный сектор занимает видное место в экономике любой развитой страны, и его состояние во многом характеризует уровень ее развитости». Тем самым выведение культуры за пределы рыночной экономики характеризуется как явление, присущее своего рода высшему «уровню» развития капитализма.

Однако в данном случае, как и во многих других, прав Фридман (а не наши, «туземные» рыночники), рассматривавший создание этого самого «нерыночного сектора» как явное вторжение принципов социализма и решительно протестующий, в частности, и против повсеместного в США бесплатного образования (среднего), и даже против организации государственных «национальных парков» (ради охраны при-

роды). Впрочем, правительство США не внемлет протестам Фридмана и его единомышленников и тратит ныне (вместе с администрацией штатов) на перечисленные «отрасли» и «виды деятельности» 450–500 млрд долл. в год!

Составители программы «500 дней», очевидно, хорошо знали об этом и потому сформулировали следующий обязательный принцип экономической политики: «Неснижение уровня государственной поддержки отраслей нерыночного сектора». Речь шла, понятно, о том, чтобы, невзирая на проектируемый переход к рыночной экономике, продолжать «доперестроечное» государственное финансирование перечисленных «нерыночных» сфер; в 1984 году (то есть до перестройки) на эти сферы государство истратило около 120 млрд рублей – разумеется, гораздо меньше, чем тратит на них государство США, но все же не столь уж мало. И составители программы «500 дней» были уверены, что необходимо по крайней мере сохранить этот уровень.

Однако вскоре их оттеснили от роли главных советников правительства, а те, кто пришли им на смену¹³, считали и считают нужным действовать, исходя не из экономической реальности «развитых стран», а из призывов Фридмана и его единомышленников. Они не раз категорически заявляли, что и наука, и образование, и даже искусство (истинное, а не «развлекаловка») и т.п. могут и должны «зарабатывать деньги» для себя сами. Тот факт, что ни одна страна Запада явно не торопится реально выполнить такого рода требования Фридмана и др., их нисколько не смущает: они, в сущности, стремятся быть в большей степени сторонниками капитализма, чем их коллеги в правительствах стран современного Запада*; точно так же в

* Российские идеологи действительно в большей степени «фридмановцы», чем сам Фридман, ибо они, например, отказываются пользоваться понятиями «капитализм» и «социализм», рассматривая их (в частности, из-за своей недостаточной осведомленности) как некие чисто марксистские «ярлыки». Но уже хотя бы из приведенных выше цитат ясно, что и Фридман, и другие западные экономисты и социологи с полной серьезностью и постоянно используют эти термины. И едва ли сколько-нибудь оправданы попытки нынешних идеологов как-то обойтись без понятий «капитализм» и «социализм».

свое время идеологи французской Реставрации были в большей степени роялистами (монархистами), чем сам король...

Итак, в странах Запада, на которые как на идеал взирают наши влиятельнейшие идеологи, давно уже совершается «социализация» и сельского хозяйства, и культуры (в широком смысле), не говоря уже о государственном социальном обеспечении (против которого столь же резко выступают Фридман и его продолжатели; между тем сейчас государство США тратит на это дело более 250 млрд долл. в год). Это вовсе не пристрастный домысел «врагов капитализма»: об этом громко говорят, а в последнее время прямо-таки кричат не какие-то прокоммунисты, а как раз кумиры российских идеологов рынка, начиная с того же Фридмана.

Правда, все они выражают свою горячую веру в грядущее прозрение правительств и самих народов стран Запада, которые наконец ясно поймут, в какую, мол, пропасть влечет их современная экономическая политика, и решительно сменят курс. Однако объективный ход вещей явно не подтверждает обоснованность этой веры.

Совершенно ясно, в частности, что попытка отказа от действующих уже несколько десятилетий государственных программ в области сельского хозяйства, культуры (во всех ее сферах) и социального обеспечения неизбежно означала бы такое грандиозное потрясение уже давно сложившихся основ существования стран Запада, на которое никто не пойдет. И, между прочим, по меньшей мере странны звучащие постоянно у нас требования тотального «разгосударствления» экономики – звучащие в то время, когда на Западе государства уже полновластно распоряжаются громадной (около 40 процентов в США) или даже подавляющей (около 70 процентов в Швеции) частью ВВП...

Что же касается России, то и уже совершившиеся в ней акты реставрации (восстановление прав Церкви, отмена тоталитарной идеологии, многопартийность и т.п.), и те реставрационные акты, которые еще только начинают совершаться (относительное – иное едва ли возможно – восстановление

института частной собственности, утверждение «общечеловеческих» юридических норм и т.д.), все же никак не смогут «перечеркнуть» основные результаты революции и последующей истории страны. То, что называется «социализмом» (как его ни оценивать), невозможно «отменить». И нежелание считаться с этим способно привести только к разного рода «судорогам» – в том числе, вполне вероятно, кровавым и, что особенно прискорбно, бессмысленным, ибо все неизбежно вернется на круги своя...

В заключение – один совершенно конкретный вопрос или, вернее, «пример». Не так давно А. Г. Тулеев, говоря об экономической политике, подчеркнул, что он считает «нормальным и необходимым государственным регулирование цен. Безусловно, цены нужно держать на контроле, в особенности на товары первой необходимости, детский ассортимент, продукты питания – на все, что входит в понятие “потребительская корзина”». И я, – продолжал А. Г. Тулеев, – был несказанно рад, когда Черномырдин объявил о государственном регулировании цен. И вдруг следом Шумейко говорит об отмене этого распоряжения!»

Да, Фридман и его сторонники (а к ним, очевидно, принадлежит и Шумейко) категорически против регулирования цен. Но откроем изданную в 1991 году в Москве книгу Е. Д. Чувилина и В. Г. Дмитриевой «Государственное регулирование и контроль цен в капиталистических странах». Это, по сути дела, справочник, в котором попросту собраны фактические данные о состоянии цен в пятнадцати «высокоразвитых» странах. И выясняется, что цены не регулируются государством (и то все-таки не все) только в одной из них – Франции, причем и здесь (цитирую) «полная свобода цен была достигнута лишь к 1986 году (кроме квартплаты, а также сельскохозяйственных продуктов, имеющих общеевропейскую регламентацию). Правительства других капиталистических стран продолжают и сейчас осуществлять контроль и регулирование цен товаров и услуг, имеющих особо важное значение для поддержания жизненного уровня населения» (с. 5).

В специальной же главе этой книги, посвященной Франции, сообщается, что в этой стране, как и в других странах Европейского сообщества, «государственное регулирование охватывает около 90% (!) сельскохозяйственной продукции» (с. 64), то есть о «свободных» ценах на продукты питания говорить вообще не приходится – они существуют только в головах сторонников Фридмана!

Последние, повторяю, правы, видя в регулировании цен вторжение «социалистических» экономических принципов. Но Правительство-то России должно все же исходить из экономической реальности современного мира, а не из пожеланий каких бы то ни было идеологов!

И нормальное развитие России станет возможным лишь после того, как власть имущие всецело поймут ту неизбежность, о которой шла речь в этом послании.

КОММЕНТАРИИ

ЧАСТЬ I. ИСТОРИЯ РУСИ, РОССИИ И РУССКОГО СЛОВА

Рождение России (создание русской государственности (конец VIII – IX века))

Первая публикация этой работы состоялась в журнале «Русское эхо» (Самара, № 1, 1995).

¹ Летопись сохранила названия... – Речь идет о «Повести временных лет» (ок. 1110-1118). Фрагменты из нее приводятся в дальнейшем на протяжении всей работы.

² «всяк сущий в ней язык...» – Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Памятник» (1836).

³ «Затерялась Русь в Мордве и Чуди...» – Строка из стихотворения С. А. Есенина «В том краю, где желтая крапива...» (1915).

⁴ ...сведения о Гостомысле и Вадиме... – В. В. Кожин опирается здесь на «Никоновскую летопись» XVI века.

⁵ ...считал Гостомысла и Вадима Храброго реальными лицами... – Имеется в виду книга Б. Д. Грекова «Киевская Русь» (М.–Л., 1939).

⁶ ...об этом говорит, в частности, современный историк Г. С. Лебедев... – Речь идет о книге Г. С. Лебедева «Русь Рюрика, Русь Аскольда, Русь Дира» (Киев, 1994).

⁷ ...ибн Хордадбех сообщал... – В. В. Кожин цитирует его «Книгу путей и стран» (1833).

⁸ «Перетерпев судеб удары...» – Строки из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» (885-886).

⁹ ...по мысли... Л. Н. Гумилева... – Ссылка на книгу Л. Н. Гумилева «Древняя Русь и Великая степь» (М., 1989).

¹⁰ ...о чем писал уже Н. М. Карамзин... – См.: Н. М. Карамзин. История Государства Российского (Т. 1. Гл. 5 «Олег-правитель»).

¹¹ ...в частности, М. И. Артамоновым... – Речь идет о книге М. И. Артамонова «Происхождение славян» (1950).

¹² ...в одном из византийских сочинений... – В «Жизнеописании императора Василия» (середина X века) Аскольд именовался «скифский воевода прегордого кагана северных скифов».

¹³ ...путешественник из Испании Якуб ибн Ибрагим... – Сведения израильянина Якуб ибн Ибрагима отражены в «Известиях аль Бекри и других авторов о Руси и славянах» (Ч. 1). Но записка о местной бане принадлежит не ему, а арабскому путешественнику Масуди, и зафиксирована в том же источнике (Записки Императорской Академии наук. Т. 32, приложение 2. Спб., 1879).

¹⁴ Летописцу, жившему чрез три столетия после Кия... – Имеется в виду Нестор-летописец.

¹⁵ По сообщению... императора Иоанна Цимисхия... – Слова Иоанна Цимисхия в передаче Льва Диакона («История» в 10 книгах. Т. VI, 10. М., 1988).

¹⁶ ...на землях, где складывалась Русь, никакой письменности не было... – В. В. Кожинков придерживался традиционного взгляда на историю славянской письменности. Иной взгляд изложен, в частности, в книгах Г. Гриневича «Праславянская письменность. Результаты дешифровки» (Т. 1, 1993; Т. 2, 1999) и «Сколько тысячелетий славянской письменности» (М., 1993), а также в книге Н. Павленко «История письма» (Минск, 1987).

¹⁷ «...И всюду страсти роковые...» – Строки из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» (1824).

¹⁸ ...сочинения константинопольского патриарха Фотия... – Речь идет о 4 беседах Фотия, опубликованных Порфирием Успенским в 1864 году.

¹⁹ ...согласно рассказу... Константина Багрянородного... – Константин VII Багрянородный. Историческое повествование о жизни и деяниях Македонянина славного царя Василия («Хронография», X в.).

²⁰ «Удрученный ношей крестной...» – Строки из стихотворения Ф. И. Тютчева "Эти бедные селенья..." (1855).

Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи

Статья под заголовком «Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи» впервые была опубликована в жур-

нале «Вопросы литературы» (№ 12, 1988). В «Вопросах литературы» (№ 9, 1989) была напечатана статья «Несостоятельные ссылки» – ответ на статью М. Робинсона и Л. Сазоновой «Мнимая и реальная историческая действительность эпохи создания “Слова о Законе и Благодати”» (Вопросы литературы. № 12, 1988). Обе свои статьи В. Кожинев объединил в один текст под окончательным названием.

Художественный смысл «Жития Аввакума»

Глава из книги В. В. Кожинова «Происхождение романа» (М., 1963).

¹ ...Григорий Котошихин, написавший ценнейшее сочинение о России своего времени... – См.: Г. Котошихин «О России в царствование Алексея Михайловича» (1665–1666).

² ...коломенская пагуба... – «Медный бунт» в селе Коломенском, когда многотысячная толпа москвичей двинулась с требованием выдать бояр-изменников, затеявших губительную реформу, обесценившую деньги.

³ ...долгое Соловецкое восстание... – Восстание монахов Соловецкого монастыря (1668–1676 гг.) против церковных реформ патриарха Никона. Соловецкий монастырь был взят правительственными войсками 18 (8) января 1677 года после предательства чернеца Феоктиста.

⁴ Возглавленное им движение было бесплодно и быстро выродилось в реакционную секту. – В начале 1960-х годов, в период очередного лютого гонения Н. С. Хрущева на православную Церковь, подобные оговорки в печати были необходимым «прикрытием». Но в данном случае приходится говорить о поверхностном и, по существу, неверном взгляде на старообрядчество молодого исследователя, исповадовавшего в тот период «либеральный» взгляд на многое, связанное с историей русской православной церкви. Староверчество никогда не «вырождалось в секту», оно сохранило до наших дней духовные устои, завещанные русскими первосвященниками.

⁵ ...на церковном соборе 1667 года... – Речь идет о соборе патриархов 1666–1667 годов, на котором был осужден патриарх Никон за самовольное оставление кафедры в 1658 году и были преданы анафеме все противники церковных реформ. Приверженцев старой веры велено было именовать «раскольниками» и подвергать жесточайшим преследованиям.

⁶ ...русских повестях 1660–1670-х гг. – Имеются в виду «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о Горе-Злочастии», «Повесть о Еруслане Лазаревиче», «Повесть о Бове Королевиче».

⁷...как бесчестный Паблос у Кеведо... – В книге «Происхождение романа» исследуется «История жизни пройдохи по имени Дон Паблос» Франсиско де Кеведо.

О главном в наследии славянофилов

В 1969 году на страницах журнала «Вопросы литературы» состоялась дискуссия о духовном и литературном наследии славянофилов. Статья В. В. Кожина была опубликована в № 10.

¹ ...в статье А. Янова, открывшей дискуссию... – Статья А. Янова «Загадка славянофильской критики» была напечатана в № 5 журнала «Вопросы литературы» за 1969 год.

² ...социалистов-революционеров – вплоть до созданной при участии членов этой партии идеологии «скифства». – В редколлегии двух вышедших в 1917 году сборников «Скифы», действительно, принимали участие левые эсеры Камков (Кац Б. Д.) и Мстиславский (Масловский С. Д.). Но определял идеологию «скифства» литературный критик Р. В. Иванов-Разумник, никогда не состоявший в левозеровской партии.

³ ...Щедрин был, безусловно, прав... – Речь идет о письме Салтыкова-Щедрина Глебу Успенскому по поводу очерков последнего из «Деревенского дневника»: «Статья Ваша произвела на меня тяжкое впечатление, и я серьезно начинаю думать, что Вы увлекаетесь идеалами Достоевского и Аксакова...»

⁴ ...и, в частности, писал о нем в 1864 году... – Далее цитируется статья А. И. Герцена «Новая фаза в русской литературе».

⁵ ...в статье Ю. Карякина и Е. Плимака... – Имеется в виду статья «Западничество» в «Философской энциклопедии».

⁶ ...в статьях Б. Егорова и Л. Фризмана... – Статьи Б. Егорова «Проблема, которую необходимо решить» (Вопросы литературы. № 5, 1969) и Л. Фризмана «За научную объективность» (Вопросы литературы. № 7, 1969).

⁷ ...для писаний А. Мартынова... – Имеется в виду статья поэта, беллетриста и критика Авксентия Матвеевича Мартынова «Подробный обзор стихотворений А. С. Пушкина», отличавшаяся предельной грубостью тона.

⁸ Известный в свое время историк и филолог В. Пузицкий... – Речь идет о книге В. А. Пузицкого «Национальное направление и религиозное настроение в поэзии Пушкина» (1903).

⁹ Чернышевский писал, не скупясь на превосходные степени... – Цитируется статья Н. Г. Чернышевского «Очерки истории гоголевского периода русской литературы» (1855).

¹⁰ Герцен... утверждал... – См.: А. И. Герцен: «Статьи Ив. Киреевского удивительны; они предупредили современное направление в самой Европе, – какая здоровая, сильная голова, какой талант, слог... и что вышло у него...» («Дневник 1842-1845»).

¹¹ ...мое понимание позиции Чадаева, выраженное в статье... – Имеется в виду статья В. В. Кожина «К методологии истории русской литературы: (О реализме 30-х годов XIX века)».

¹² ...рассматриваемых в моей статье высказываниях Чадаева... – В. В. Кожин имеет в виду, в частности, письмо П. Я. Чадаева к А. С. Пушкину (июль-сентябрь 1831).

¹³ А. Дементьев и Д. Николаев в споре со мной... – Статьи А. Дементьева «Сомнительная методология» и Д. Николаева «Сатирическое отрицание и отрицание сатиры».

¹⁴ ...о чем уже шла речь в... статье А. Иванова. – Статья А. Иванова «Отрицательное достоинство» (Вопросы литературы. № 9, 1969).

¹⁵ ...высказанное в 1842 году... – Цитируется здесь и далее статья В. Г. Белинского «Похождения Чичикова или Мертвые души» (1842).

¹⁶ ...в своем едва ли не самом «последнем» высказывании о Гоголе... – Цитируется статья В. Г. Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года».

¹⁷ ...как и С. Покровский, объявляет загадку славянофилов «мнимой». – Статья С. Покровского (Вопросы литературы. № 5, 1969) так и называлась: «Мнимая загадка».

¹⁸ ...в статьях Дементьева... – Имеется в виду статья «“Концепция”, “конструкция” и “модель”» (Вопросы литературы. № 7. 1969).

¹⁹ ...И. Киреевский утверждал... – И. В. Киреевский. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России (1852).

²⁰ Такова, например, его мысль о «существенности»... – Далее цитируется статья И. Киреевского «О верующем разуме».

²¹ Собрания сочинений... – Далее упоминаются собрания сочинений: И. В. Киреевского в 2-х тт. (М., 1911); А. С. Хомякова в 8-ми

тт. (М., 1900); Ю. Самарина в 12-ти тт. (М., 1877–1911); К. С. Аксакова, из которого вышли лишь 3 тома между 1861 и 1880 гг.; И. С. Аксакова в 8-ми тт. (М., 1886–1887).

²² И. Киреевский недвусмысленно говорил... – Далее цитируется статья И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы...».

«И назовет меня всяк сущий в ней язык...» (заметки о духовном своеобразии России)

Первая публикация этой статьи в «Нашем современнике» (№ 11, 1981) имела свою драматическую историю. Она инкриминировалась в числе других материалов этого номера (повесть В. Н. Крупина «Сороковой день», статья А. П. Ланщикова «Достоевский и Чернышевский», рецензия С. Н. Семанова «История и сплетня» на роман М. Еленина «Семь смертных грехов») первому заместителю главного редактора Ю. И. Селезневу, как свидетельство «потери идеологической бдительности». Юрий Селезнев подвергся разгрому на заседании секретариата СП РСФСР (См.: Москва. № 11, 1999) и был через несколько месяцев снят с должности. А статья Кожина «разносилась», в частности, в отзывах В. Кулешова «Точность критериев» (Правда. 1 февраля 1982) и Ю. Суровцева «В стиле экстаза» (Знамя. № 3, 1982). Более того, статья В. Кожина фигурировала в специальной «секретной» записке, адресованной в ЦК КПСС зав. Отдела пропаганды ЦК КПСС Е. Тяжельникова и зав. Отдела культуры ЦК КПСС В. Шауро:

«В декабре 1981 года состоялось заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР, на котором руководству «Нашего современника» было указано на ряд идейных просчетов и ошибок в опубликованных материалах, в особенности одиннадцатом номере журнала за 1981 год. Принявшие участие в заседании секретариата видные писатели Ю. Бондарев, Е. Исаев, П. Проскурин, Е. Носов, Н. Доризо оценили публикацию повести «Сороковой день» В. Крупина, статьи В. Кожина «И назовет меня всяк сущий в ней язык» как серьезную ошибку редакции. Секретариат СП РСФСР рекомендовал главному редактору журнала т. Викулову С. В. повысить ответственность сотрудников редакции за идейно-художественное качество публикуемых материалов... За допущенные ошибки в работе первый заместитель главного редактора журнала «Наш современник» т. Селезнев Ю. И. освобожден от занимаемой должности» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 88. Ед. хр. 133).

Вспоминая о том памятном заседании секретариата, Кожин счел необходимым подчеркнуть: «Естественно, нельзя обойти тот факт, что моя статья была одним из четырех пунктов "обвинения" Юрия. И определенное чувство вины никогда меня не покидало, тем более что Юрий (о чем он сказал и в своем "последнем слове") действительно опубликовал мое сочинение без особого желания. Он считал его не столько "ошибочным", сколько *преждевременным*, полагая, что в данный исторический момент необходим героический пафос патриотизма, а не размышления о противоречиях отечественного самосознания (я же считал и считаю, что всегда необходимо и то и другое)» (Москва. № 11, 1999).

В заглавие статьи вынесена строка из стихотворения А. С. Пушкина «Памятник» (1836).

Эпиграф: строки из письма П. Я. Чаадаева А. И. Тургеневу (1836).

¹ ...Н. Н. Скотов говорит о том... – Статья Н. Н. Скотова «Возвращаясь к сути спора» (Вопросы литературы. № 2, 1979).

² Просто и четко определил Белинский... – Из статьи В. Г. Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года».

³ ...писал, в частности, Чаадаев... – Цитируется первое «Философическое письмо» (1829).

⁴ ...вдуматься хотя бы в такое суждение Чаадаева... – Из письма П. Я. Чаадаева М. Ф. Орлову (1835).

⁵ Размышляя о петровском «отречении», Чаадаев писал (в 1843 году)... – Из письма П. Я. Чаадаева А. И. Тургеневу (август–ноябрь 1843).

⁶ ...Достоевский говорит то, под чем, надо думать, мог бы подписаться и Чаадаев... – Цитируется «Дневник писателя за 1877 год» (июль–август).

⁷ И далее Достоевский говорит о «всемирности» русской культуры:... – Здесь и далее – цитаты из статьи «"Анна Каренина" как факт особого значения» («Дневник писателя за 1877 год», июль–август).

⁸ Возражая критикам своей «Речи о Пушкине», он писал... – Цитируется статья «Две половинки» из «Дневника писателя на 1880 год».

⁹ Д. С. Лихачев совершенно справедливо говорит:... – Статья Д. С. Лихачева «"Слово о законе и Благодати" Илариона» во-

шла в его книгу «Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси» (М., 1979).

¹⁰ ...как доказывает современный историк древнерусской литературы Н. В. Водовозов... – См.: Н. В. Водовозов. Слово о законе и благодати в его книге «История древней русской литературы. М., 1972.

¹¹ Чаадаев... писал... графу Сиркуру... – Цитируется письмо П. Я. Чаадаева А. де Сиркуру от 15 июня 1846 г.

¹² Иван Киреевский... поставил вопрос... – Из статьи И. В. Киреевского «Обозрение русской словесности 1829 г.».

¹³ ...Чаадаев признавал... – Далее цитата из «Апологии сумасшедшего» (1837).

¹⁴ ...Гегель – говорил в своей «Философии истории»... – И. Г. Гегель. Лекции по философии истории, на основе лекций, прочитанных в Берлинском университете с 1822 по 1830 год (заключительный раздел «Философия истории»).

¹⁵ Как говорил одновременно с Гегелем Чаадаев... – П. Я. Чаадаев. Философические письма. Письмо шестое. (1831)

¹⁶ ...много сделано в этом направлении в работах С. С. Аверинцева. – См., в частности, статьи С. С. Аверинцева в 3-хтомной «Истории Византии» (М., 1967), в сборниках «Памятники византийской литературы IV–IX вв.» (М., 1968), «Памятники византийской литературы IX–XIV вв.» (М., 1969), а также в книге «Поэтика ранневизантийской литературы» (М., 1977).

¹⁷ Достоевский... особо подчеркивал... – Ф. М. Достоевский. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине («Дневник писателя на 1880 год»).

¹⁸ Белинский... решительно заявил... – В. Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу 1846 года.

¹⁹ По убеждению Достоевского... – Здесь и далее цитируется «Речь о Пушкине» в «Дневнике писателя на 1880 год».

²⁰ «Мы не считаем национальность последним словом... Идея... национальностей есть точка опоры, Антей...» – См.: Неизданный Достоевский. Литературное наследие. Т. 83. М., 1971. С. 186.

²¹ ...П. С. Коган цитировал характернейший монолог из повести Бунина «Деревня»... – В книге «Очерки по истории новейшей русской литературы» (М., 1910).

²² ...за одну только ночь на 24 августа 1572 года... – «Варфоломеевская ночь» стала кульминацией целой цепочки событий: Сен-Жерменского мирного договора, положившего конец религи-

озной войне между католиками и протестантами; свадьбы дочери Екатерины Медичи Маргариты Валуа с протестантом принцем Генрихом Наваррским, как закрепления этого мира; неудавшегося покушения на Гаспара Колиньи, военного и политического предводителя гугенотов, убитого позднее, во время Варфоломеевской ночи, когда погибло 2000 человек в Париже и еще около 30 000 по всей Франции. Карл IX, скорее всего, был подвержен влиянию Колиньи, толкавшего Францию на грозившую катастрофой войну с Испанией, чего явно опасалась Екатерина Медичи, по приказу которой и была развязана бойня. Екатерина замышляла истребить верхушку партии гугенотов, однако конкретное воплощение этого замысла вылилось в массовую резню. По следам Варфоломеевской ночи Иван Грозный писал тестю Карла IX императору Максимилиану II: «А что, брат дражайшей, скорбиш о кровопролитии, что учинилось у Французовского короля в его королевстве, несколько тысяч и до сущих младенцев избито; и о том крестьянским государем пригоже скорбети, что такое безчеловечество французской король над толиком народом учинил и кровь толикую без ума пролил».

²³ ...как показал историк Е. Е. Голубинский... — Е. Е. Голубинский. История русской церкви. 2-е изд. Т. 2. М., 1902–1904.

²⁴ В его рассказе об этом чудовищном терроре (в «Письмах из Франции и Италии»)... — Далее цитируются «Письмо десятое» от 1 сентября 1848 г. и «Письмо двенадцатое» от 10 июля 1850 г.

²⁵ И тогда же, в частном письме... — Из книги А. И. Герцена «С того берега» (1850).

²⁶ Вспомним еще раз слова Достоевского... — Ф. М. Достоевский. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год.

²⁷ Еще Иван Киреевский писал... — И. П. Киреевский. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России.

²⁸ Впоследствии Достоевский не раз говорил о том же... — Ф. М. Достоевский. Дневник писателя на 1880 год. Глава третья.

²⁹ «...Кто холоден к гармонии прелестной / Тот может быть изменником, лгуном». — Слова Лоренцо из трагедии Вильяма Шекспира «Венецианский купец» (1596).

³⁰ Достоевский постоянно и резко боролся с мировосприятием... — Цитируются «Записки из мертвого дома».

³¹ «Затем сожжен второй том “Мертвых душ”, что так было нужно, — писал Гоголь...» — Н. В. Гоголь. Четыре письма к разным

людям по поводу «Мертвых душ. Письмо 4. Из книги «Выбранные места из переписки с друзьями» (1846).

³² Вспомним гегелевское осознание сущностной основы Запада... – Далее цитируется лекция «Германский мир» из «Лекций по философии истории» Гегеля. В полном виде цитата производит еще более сильное впечатление: «Германский дух есть дух нового мира, цель которого заключается в осуществлении абсолютной истины как бесконечного самоопределения свободы... Принцип духовной свободы, принцип примирения был заключен в простодушных, еще не просвещенных душах германских народов, и на них была возложена задача не только принимать понятие истинной свободы за религиозную субстанцию при служении мировому духу, но и свободно творить в мире, исходя из субъективного самопознания...»

³³ Достоевский, утверждая, что ничто в западной литературе не может «поравняться» с «Анной Карениной»... – Ф. М. Достоевский. Дневник писателя на 1877 год.

³⁴ Стоит привести и такое его характерное высказывание... – П. Я. Чаадаев. Философические письма. Письмо шестое.

³⁵ ...Чаадаев, который писал в 1846 году... – Письмо П. Я. Чаадаева графу де Сиркуру от 15 июня 1846 г.

³⁶ Михаил Пришвин писал в 1950 году... – Цитируемая записка М. М. Пришвина относится не 1950, а к 1945 году: «Мы, русские, – и западники, и славянофилы, – в истории одинаково все танцевали от печки Европы. А вот теперь эта печка, этот моральный комплекс не существует. Будем мы танцевать от другой печки (Америки) или же, наученные, будем танцевать свободно от себя, а не от печки?» В. В. Кожин входил в редакционную коллегию по подготовке к изданию собрания сочинений Пришвина в 8-ми тт. (М., 1982–1986). В статье цитируются дневниковые записи Пришвина, не вошедшие в это собрание.

³⁷ ...уже Чаадаев говорил о ней... – См.: П. Я. Чаадаев. Апология сумасшедшего (1837).

³⁸ Лермонтов говорил перед самой своей гибелью... – Далее приводятся слова М. Ю. Лермонтова, переданные А. Краевским (в пересказе П. А. Висковатова).

³⁹ ...в ряде работ Л. Н. Гумилева... Далее Кожин цитирует статью Л. Н. Гумилева «Год рождения 1380...» (Декоративное искусство. № 12, 1980).

⁴⁰ В своей... предсмертной статье... Достоевский писал... – Цитируется глава II («Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?») «Дневника писателя на 1881 год».

⁴¹ ...в более раннем выступлении В. И. Ленин говорил об Азии... – Цитируется доклад Ленина на II Всероссийском съезде Коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 года.

⁴² Толстой, говоря о всечеловеческом содержании... – Письмо Л. Н. Толстого к Н. Н. Страхову (Современный мир. 1913, № 12).

⁴³ Напомню еще раз слова Белинского... – В. Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу 1846 года.

О «евразийской» концепции русского пути

Отдельные мысли этой статьи ранее излагались в работах «Россия – не нация, а континент» (Советская литература. № 3, 1990) и «Историософия евразийцев» (Наш современник. № 2, 1992). В своем окончательном виде статья была посмертно опубликована в сборнике «Евразийская идея и современность» (М., 2002).

¹ ...«империей зла»... «заклеймил»... ее один из президентов США... – «Империей зла» назвал СССР Рональд Рейган в 1983 году на национальном съезде евангелистов в Орландо (штат Флорида).

² Нынешние люди славянофильского настроения не приемлют евразийства... – Речь идет, в частности, о статьях Аполлона Кузьмина «Евразийство и геополитика» (Русский вестник. № 27, 1992), «Евразийский капкан» (Молодая гвардия. № 12, 1994); а также о «Круглом столе газеты “Литературный Иркутск” и журнала “Наш современник”» на тему «В каком состоянии находится русская нация», где, оспаривая В. В. Кожина, против «евразийской концепции русского пути» высказались К. Г. Мяло и Т. М. Глушкова (Наш современник. № 3, 1993). Также против этой концепции была направлена статья К. Г. Мяло и Н. А. Нарочницкой «Восстановление России и евразийский соблазн» (Наш современник. № 11–12, 1994).

³ ...имеет значение не «прилагательности», а «притяжательности»... – Подобное истолкование было изложено в полемической, направленной против В. В. Кожина статье Т. М. Глушковой «Вычеркнутая нация или Чему учат нас присяжные “русоведы”» (Молодая гвардия. № 10, 1993).

Россия как цивилизация и культура (к 1200-летию Русского государства)

Эта работа, долженствовавшая положить начало новой (так и не написанной) книге В. В. Кожина, была опубликована в журнале «Наш современник» (№ 5, 7, 9 за 2000 год).

¹ ...Констатировал Бартольд... – В. В. Бартольд. Образование империи Чингисхана (Записки Восточного Отдела. Т. X. 1896).

² ...суждение... Джавахарлала Неру... – Джавахарлал Неру. Взгляд на всемирную историю (1930–1933).

³ ...Джордж Керзон... писал... – Цитата из Дж. Керзона приводится по книге Ф. Нестерова «Связь времен» (М., 1980. С. 107–108).

⁴ Польский хронист французского происхождения, известный как Галл... – Далее пересказываются VII и X главы «Хроники» Мартина Галла (издание 1873).

⁵ Германский хронист Гейденштейн... – Рейнгольд Гейденштейн. *De bello Moscovitico commentariorum. Libri XII.* (Краков, 1854).

⁶ Василий Розанов... писал о Февральском перевороте 1917 года... – В. В. Розанов. Апокалипсис нашего времени (1918).

⁷ ...В. Б. Станкевич... вспоминал... – В. Б. Станкевич. Воспоминания (Берлин, 1920).

⁸ ...понятие о «классовой борьбе» как движущей силе истории... – Учение о классовой борьбе впервые было сформулировано французским историком Гизо в работе «Правительство Франции со времен реставрации и нынешнее министерство» (1820), где излагалась история двух народов: победителя – дворянства и побежденного – третьего сословия. «Я хотел только вкратце изложить политическую историю Франции. Борьба классов наполняет или, вернее, делает всю эту историю», – писал Гизо.

⁹ ...Пушкин настоятельно призывал... – А. С. Пушкин. Рецензия на II том «Истории русского народа» Н. Полевого (август 1830).

¹⁰ ...Чаадаев... безоговорочно утверждал... – Начало цитаты из П. Я. Чаадаева следующее: «Россия, если только она уразумеет свое призвание, должна принять на себя инициативу проведения всех великодушных мыслей, ибо она не имеет привязанностей, страстей и интересов Европы...» (П. Я. Чаадаев. Письмо А. И. Тургеневу. Октябрь–ноябрь 1835 г.).

¹⁰ Все знают «формулу», которую в конце жизни дал Пушкин... – Цитируются строки «Пропущенной главы» (первоначальной редакции конца XIII главы) «Капитанской дочки».

¹¹ ...в «роковые сороковые годы» (по выражению Александра Блока)... – Это выражение А.А. Блок употребил в статье «О назначении поэта» (1921).

¹² ...П. Н. Дурново писал еще в феврале 1914 года... – Цитируется «Памятная записка (меморандум) статс-секретаря П. Н. Дурново императору Николаю II от февраля месяца 1914 года».

¹³ И все же непреклонное противостояние Поэта... – Далее цитируется письмо А. С. Пушкина П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1936 г.

¹⁴ «Россия, нищая Россия...» – Строки из стихотворения А. А. Блока «Россия» (1908).

¹⁵ ...см. обо всем этом мою статью в № 12 журнала «Новый мир» за 1998 год... – В. В. Кожин. Идеализм и континентальность России (рецензия на книгу А. А. Паникина «Шестое доказательство» (М., 1998)).

¹⁶ Иные идеологи говорят теперь, например, о том, что нам в 1945 году следовало только изгнать врага из пределов страны... – Это касается не только либеральных идеологов, но и некоторых единомышленников В. В. Кожина, в частности, А. П. Ланщикова, который писал в статье «"Ледокол" идет на таран»: «...Русская армия времен войны с Наполеоном могла запеть песни и не в Париже, а чуточку раньше, скажем, тогда, когда достигла своей западной границы, на чем настаивали такие мудрые люди, как фельдмаршал Кутузов и адмирал Шишков. Но тщеславного Александра I понесло зачем-то на спевку в Париж. Я, например, уверенно разделяю точку зрения фельдмаршала и адмирала и, пытаясь быть последовательным, скажу, что нам вполне хватило бы и Великой Отечественной, то есть дошли бы до своих естественных границ, затянули бы песню и занялись бы своими домашними делами. Должна же все-таки история чему-нибудь да учить...» («Наш современник», № 5, 1994).

¹⁷ «Сергей Кара-Мурза, говоря о коренном отличии Запада от России, определил основу бытия первым словом «рынок», а второй – словом «семья». – См. С. Г. Кара-Мурза. «Смена курса реформ»: что это такое? // Наш современник. № 11-12, 1998.

¹⁸ Население Москвы платит за «бытовое» потребление электроэнергии 1 цент за киловатт-час – 28 копеек. – Ныне в Москве за 1 киловатт-час – спустя 10 лет после написания В. В. Кожинным этой работы – стоит от 2 руб. 30 коп. до 3 руб. 80 коп.

¹⁹ ...приверженец «Трудовой России»... – «Трудовая Россия» – общественно-политическое движение, созданное 7 ноября 1991 года

в ходе манифестации на Красной Площади в Москве, состоявшейся вопреки указу Б. Н. Ельцина о запрете демонстрации и деятельности КПСС. Лидером движения был Виктор Анпилов.

²⁰ КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации. ЛДПР – Либерально-демократическая партия России. НДР – партия «Наш дом – Россия». ДВР – партия «Демократический выбор России».

²¹ ...за «демократические» партии (Явлинского и Кириенко)... – Партия Явлинского – «Яблоко», созданная на базе избирательного блока 1993 года «Явлинский – Болдырев – Лукин» (ЯБЛ). Партия Кириенко – «Союз правых сил».

²² КРО – Конгресс русских общин. Политическая партия, основанная в 1992 году Дмитрием Рогозиным. После создания блока «Родина» прекратил свое существование и был воссоздан в 2006 г., как общественное движение.

²³ ОВР – блок «Отечество – вся Россия», созданный в середине 1999 года. В 2002 году объединился с движением «Единство». Он же – «центристская фракция Примакова».

²⁴ ...были опубликованы его размышления о жизни Запада... – А. И. Герцен. Письма из Avenue Marigny (1847).

²⁵ Иван Киреевский писал о закономерности и неотменимости реформ Петра... – Цитируется статья И. В. Киреевского «В ответ А. С. Хомякову» (1839).

²⁶ А в одном из последних сочинений... – И. В. Киреевский. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России.

²⁷ По словам эсера Керенского... – А. Ф. Керенский. Россия на историческом повороте (1966).

²⁸ Михаил Назаров пишет об СССР... – М. Назаров. Историософия Смутного времени. М., 1993.

²⁹ Напомню в связи с этим слова, написанные... Василием Розановым – В. В. Розанов. Опавшие листья. Короб 2 (1915).

ЧАСТЬ II. О РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

Уроки истории

Статья написана в своей основе в 1981 году и была призвана покончить со спекуляциями на так называемую тему «двух культур в одной», а также обосновать необходимость защиты

культурного наследия, смысл которого продолжал извращаться, а материальные памятники которого – уничтожаться. Именно этой «сверхзадачей» и вызвано было многократное цитирование В. В. Кожинным статей В. И. Ленина (и использование сочинений таких своих идеологических противников, как А. Г. Дементьева и И. С. Черноуцана), причем В. В. Кожин не погрешил против истины в истолковании работ руководителя первого советского государства. Но напечатать он эту статью тогда так и не сумел. Первая публикация состоялась в журнале «Москва» (№ 11, 1986), при этом ради скорейшей публикации автор «снабдил» ее необходимыми цитатами из М. С. Горбачева, Е. К. Лигачева и Б. Н. Ельцина, которые в первый год «перестройки» стремились заработать себе популярность, в частности, обозначая «озабоченность» разрушением архитектурных памятников Москвы. Это, впрочем, не спасло автора от упреков в «извращении ленинских взглядов» (см. С. Калтахчян. Куда стремится «единый поток»? О ленинской концепции «двух культур...» и ее извращениях // Советская культура. № 33, 1987).

¹ С трибуны XXVII съезда КПСС прозвучали слова... – Далее цитируются выступления на XXVII съезде Е. К. Лигачева (26 февраля 1986 года) и Б. Н. Ельцина (27 февраля 1986 года).

² В частности, были тщательно выверены и рассказы Н. К. Крупской, управляющего делами Совета Народных Комиссаров Владимира Бонч-Бруевича, известного эстонского революционера Ивана Ваймана... – См.: Н. К. Крупская. Ленинские установки в области культуры (М., 1934); В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о В. И. Ленине (М., 1969); Из воспоминаний И. А. Ваймана (Из истории строительства Советской культуры. 1917 – Москва – 1918). (М., 1964).

³ «Как только Владимир Ильич переехал... – пишет Бонч-Бруевич... – Цитата из воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича «Обход Владимиром Ильичем кремлевских и исторических зданий кремлевской стены» приводится по: Р. М. Савицкая. Воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича как источник для изучения жизни и деятельности В. И. Ленина в период мирной передышки 1918 г.

⁴ Еще во время гражданской войны А. М. Горький заявил... – Цитируется выступление А. М. Горького на митинге «Россия и Англия» в ноябре 1918 года.

⁵ О том же недавно писал И. С. Черноуцан... – В статье «Завещано Лениным».

⁶ В этом необходимо разобраться... – Далее цитируются работы В. И. Ленина «Проект платформы к IV съезду социал-демократии латышского края» (1913), «Открытое письмо Борису Суварину» (1918), «Критические заметки по национальному вопросу» (1913), «Рабочий класс и национальный вопрос» (1913), «Проект резолюции левых социал-демократов к первой международной социалистической конференции» (1915), «Главная задача наших дней» (1918), «Л. Н. Толстой» (1910), «Успехи и трудности Советской власти» (1919).

⁷ Так, например, Ю.Суровцев пишет... – Ю. Суровцев. В стиле экстаза. (Из опыта изучения литературоведческих, исторических и иных несообразностей).

⁸ Говоря о Белинском как о родоначальнике «разночинцев»... – Цитируется работа В. И. Ленина «Из прошлого рабочей печати в России» (1914).

⁹ ...зарисовка Москвы, сделанная... Валентином Катаевым... – «Москва этим летом» – глава из книги «Почти дневник», переизданной в 1962 году.

¹⁰ Еще в 1958 году... А. Эрлих рассказал... – А. Эрлих. Они работали в газете (Знамя. № 8, 1958).

¹¹ ...Сергея Есенина, который недвусмысленно говорил в 1921 году... – См. И. Н. Розанов. Есенин о себе и других. М., 1926.

¹² Л. Сосновский... писал после смерти Есенина... – Л. С. Сосновский. Развенчайте хулиганство!

¹³ Так, в обстоятельной работе В. В. Базанова «Свидетельства очевидца и память истории»... – В цитируемой работе В. В. Базанова (Русская литература. № 1, 1976) анализируется, в частности, история так называемого «дела четырех поэтов» по обвинению Сергея Есенина, Сергея Клычкова, Петра Орешина и Алексея Ганина в «антисемитизме» (насколько это было реально в то время при отсутствии возможности ознакомиться с архивным делом № Р-14827, хранящимся в архиве КГБ), разоблачается тенденциозная ложь Матвея Ройзмана в книге «Все, что помню о Есенине» (М., 1973) и цитируется письмо С. А. Есенина А. Б. Кусикову (от 7 февраля 1923 года), тогда еще не опубликованное в СССР.

¹⁴ ...В. И. Ленин возразил со всей определенностью... – В. И. Ленин. Речь на VIII съезде Советов (1920).

¹⁵ ...могилы героев Куликовской битвы Пересвета и Осляби... Сухарева башня и Триумфальная арка... – В 1930 году были

взорваны стены Симонова монастыря и 5 из 6 храмов, располагавшихся на его территории. Надгробия Пересвета и Осляби использовались как фундамент для электромотора завода «Динамо». Монастырь был отгорожен от территории завода и могилы восстановлены в 1988 году. Триумфальная арка в Москве сооружена в честь победы над Наполеоном в 1829–1834 гг. на площади Тверской заставы. Разобрана согласно концепции Госплана под руководством А. И. Щусева в 1936 г. Восстановлена на Кутузовском проспекте в 1966–1968 гг. Сухарева башня построена в 1692–1695 гг. на пересечении Садового кольца и улицы Сретенка (на месте старых Сретенских ворот Земляного города). Снесена в 1934 г. Не восстановлена до сих пор.

В период правления Б. Н. Ельцина, вещавшего некогда, что «в разряд политических перешел вопрос о потере своеобразия архитектуры Москвы», при мэре столицы Ю. Н. Лужкове, продолжалось варварское уничтожение памятников архитектуры. В 1994 г. были снесены палаты XVIII века на Кадашевской набережной, дом А. Н. Островского на Житной улице. В 1995 г. – дом Тарасова на улице Сергия Радонежского. В 1996 г. – часть ограды Александровского сада, дом князей Мещерских XVI–XVIII веков, палаты XVII–XVIII веков на Большой Полянке. В 1997 г. – дом обер-полицмейстера XVIII века в Столешниковом переулке, дом начала XIX века на Большой Полянке (сохранившийся со времен допожарной Москвы 1812 г.), дом Сухова-Кобылина на Страстном бульваре. И это – далеко не полный перечень потерь в последнее десятилетие XX века.

¹⁶ «Я предлагаю Минина расплавить...» – «Вступление к поэме» Джека Алтаузена (30 дней. № 8, 1930).

¹⁷ «Россия» – Стихотворение А. Ясного, опубликованное в «Антологии современной русской поэзии» И. Ежова и Е. Шамурина (М., 1925).

¹⁸ Эту мысль высказал в одном из своих выступлений академик Б. А. Рыбаков. – На выступлении в концертной студии Останкино.

¹⁹ ...Н. А. Троицкий недавно обратил внимание... – Н. А. Троицкий. Федор Глинка не виноват (Книжное обозрение. 16 мая 1986).

²⁰ ...во время Гражданской войны, В. И. Ленин сказал... – В. И. Ленин. Речь на III Всероссийском съезде Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.

²¹ «Как русский, – сильно, пламенно и нежно!» – Из поэмы М. Ю. Лермонтова «Сашка» (1833–1834).

²² «В час утра, чистый и хрустальный...» – Из стихотворения А. А. Блока «Все это было, было, было...» (1909).

²³ «Остановитесь тихо в день воскресный...» – Из стихотворения Н. М. Рубцова «О Московском Кремле» (1968).

²⁴ ...Федор Тютчев писал о своих переживаниях в Кремле... – Ф. И. Тютчев. Письмо к Э. Ф. Тютчевой от 9 сентября 1855 г.

²⁵ ...Баурджан Момыш-улы вспоминал... – Б. Момыш-улы. За нами Москва. Записки офицера. М., 1959.

²⁶ ...Отто Скорцени... утверждал позднее в своих воспоминаниях... – Воспоминания Отто Скорцени «Диверсия – мое ремесло» были впервые изданы в 1951 году.

²⁷ ...по точным словам из доклада М. С. Горбачева... – Цитируется выступление М.С. Горбачева на приеме в Кремлевском дворце съездов, посвященном 40-летию Победы Советского народа в Великой Отечественной войне.

²⁸ ...интервью с... Юрием Антоновым... – Материал Т. Хорошиловой «И песне нужна тишина».

²⁹ ...Алла Пугачева рассказывает о многозначительном начале своей карьеры... – Цитируются слова А. Б. Пугачевой из статьи И. А. Василининой «Такая же, как все, но...» (Студенческий меридиан. № 3, 1985).

³⁰ «Уважение к минувшему...» – писал Пушкин... – Впервые эти слова были написаны в наброске «О русской словесности» (1830) и повторены в статье «О ничтожестве литературы русской» (1834).

³¹ ...Пушкин с предельной резкостью писал... – Из статьи А. С. Пушкина «Александр Радищев» (1836).

³² Г. К. Жуков рассказал... – Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 3. Глава «Безоговорочная капитуляция фашистской Германии».

Послесловие к «Посланиям патриарха Тихона»

В 1990 году в № 4 журнала «Наш современник» впервые в СССР были напечатаны следующие послания и воззвания Патриарха Тихона:

«Послание Патриарха Тихона Совету Народных Комиссаров» от 13 (26) октября 1919 г.; «Послание Патриарха Тихона чадам Православной Российской Церкви» от 8(21) июля 1919 г.; «Послание

Святейшего Патриарха Тихона к архипастырям Русской Церкви» от 25 сентября (8 октября) 1919 г.; «Обращение Патриарха Тихона к Председателю ВЦИК М. И. Калинину» от 9 августа 1920 г. с приложением «Постановления Малого Совнаркома» от 3 сентября 1920 г. и письма М. И. Калинина П. А. Красикову от 20 сентября 1920 г.; «Воззвание Патриарха Тихона "К народам мира и к православному человеку" лета 1921 г.»; «Воззвание Патриарха Тихона» от 6 февраля 1922 г.; «Послание Патриарха Тихона о помощи голодающим и изъятии церковных ценностей» от 15(28) февраля 1922 г. Также в виде «Дополнения» к публикации было напечатано впервые в СССР закрытое письмо В. И. Ленина «товарищу Молотову для членов Политбюро» с «Пояснением» от редакции и перепечатано соболезнование Патриарха Тихона по поводу смерти В. И. Ленина. Публикацию предваряло предисловие В. И. Карпеца «Скорый помощник и молитвенник наш от междоусобной брани (к прославлению святейшего Патриарха Московского и всея Руси Тихона)» и завершало «Послесловие» В. В. Кожина.

¹ Родственник одного из воскрешаемых ныне великих русских мыслителей... – Речь идет о П. В. Флоренском, профессоре Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина, старшем внуке священника, ученого и богослова П. А. Флоренского.

² ...ко времени своей встречи с Достоевским Белинский уже написал... – Далее цитируется письмо В. Г. Белинского В. П. Боткину (1841).

³ ...беспощадное подавление церкви поручатся возглавить Троцкому... а на «поверхности» должна быть фигура Калинина. – См.: закрытое письмо В. И. Ленина: «Официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями должен только т. Калинин, – никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий... Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на съезде, т.е. на секретном его совещании специальную комиссию при обязательном участии т. Троцкого и т. Калинина, без всякой публикации об этой комис-

сии с тем, чтобы подчинение ей всей операции было обеспечено и проводилось не от имени комиссии, а в общесоветском и общепартийном порядке. Назначить особо ответственных наилучших работников для проведения этой меры в наиболее богатых лаврах, монастырях и церквях...»

⁴ ...между тем как и до этого времени, и после него (при жизни Сталина) все основные руководители данного ведомства были нерусского происхождения... — Это, к сожалению, типичная ошибка многих писавших в то время о руководителях органов госбезопасности, независимо от убеждений и политических пристрастий, авторов. С мая 1943 года по март 1953 года МГБ возглавляли русские — В. Н. Меркулов, В. С. Абакумов и С. Д. Игнатьев.

⁵ Н. А. Бердяев... связывал имя Ленина с образом «Великого инквизитора»... — В статье «Революция и культура» (1905) Бердяев писал: «...И вся эта газета “Новая жизнь”, и сам Горький, и проект полицейской организации литературы, предложенный самоновейшим инквизитором Лениным... все это показатели бездарности и духовного умирания, до которого довело Россию самодержавие...»

⁶ ...Патриарх Тихон в 1924 году добрыми словами помянул В. И. Ленина... — «В беседе с представителем печати бывший патриарх Тихон заявил, что Ленин не был отлучен от православной церкви, поэтому всякий верующий имеет право и возможность его поминать. Хотя, сказал Тихон, мы идейно расходились с Лениным, я имею сведения о нем, как о человеке добрейшей и поистине христианской души. Я считал бы оскорблением памяти Ленина, если бы православное духовенство участвовало в похоронах, ибо Ленин никогда не выражал желания, чтобы православное духовенство провожало его тело» (Пролетарский путь. 27 января 1924).

⁷ Цитирую записную книжку П. Д. Корина... — См.: П. Д. Корин об искусстве. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. М., 1988. Цитируется запись от 12 апреля 1925 года.

⁸ ...художник В. И. Иванов метко сказал о «Реквиеме»... — В. И. Иванов. Памяти Павла Дмитриевича Корина («П. Д. Корин об искусстве...»).

⁹ ...давно пора бы продуманно разместить коринские этюды к картине в отдельном зале... — В настоящее время все этюды и эскиз к «Реквиему» собраны воедино и выставлены в мемориальной мастерской П. Д. Корина на Малой Пироговской улице.

¹⁰ Одним из застрельщиков непримиримой борьбы с Церковью и религией был в 1960-х годах журнал «Новый мир». – Далее цитируются рецензии И. Миндлина «Надежный спутник» (на «Спутник атеиста»), «Ленинский этап в развитии атеизма» (на книгу М. И. Шахнович «Ленин и проблемы атеизма. Критика религии в трудах В. И. Ленина»), «Атеистическое наследие Луначарского» (на книгу А. Луначарского «Почему нельзя верить в бога? Избранные атеистические произведения»), «Реформация католицизма» (на книгу М. П. Мchedлова «Эволюция современного католицизма»), а также статья В. Лакшина «Писатель, читатель, критик. Статья вторая», воспоминания о Ленине Е. Драбкиной «Зимний перевал» и статья А. Дементьева «О традициях и народности».

¹¹ Я уже писал (Наш современник. 1989, № 1)... – См.: статью «Самая большая опасность» на стр. 673 наст. изд.

К спорам о «русском национальном сознании»

Статья была опубликована в «Литературной газете» от 12 сентября 1990 года под названием «К спорам “о русском” в дискуссии “Русская идея: прошлое или будущее”».

¹ Публицист А. Стреляный опубликовал на страницах «Литературной газеты»... – Вся статья В. В. Кожина полемически выстроена по отношению к статье А. Стреляного «Песни западных славян» (Литературная газета. 8 августа 1990).

² ...Иван Киреевский говорил... – И. В. Киреевский. В ответ А. С. Хомякову (1939).

³ ...А. Г. Дементьев... вещал в 1951 году... – А. Г. Дементьев. Очерки истории русской журналистики. М., 1951.

⁴ Тютчев... писал... – Ф. И. Тютчев. Письмо А. Ф. Аксаковой от 20 сентября 1867 г.

⁵ ...Троцкий постоянно «изничтожал» Россию, утверждая... – Л. Д. Троцкий. История русской революции. Т. 2, ч. 2.

⁶ Сталин в то же самое время вещал... – И. В. Сталин. О задачах хозяйственников. Ч. 2. 1931.

⁷ Бухарин заявлял в возглавляемых им «Известиях»... – В статье «Наш вождь, наш учитель, наш отец».

⁸ ...Илья Эренбург вторил ему... – И. Г. Эренбург. Люди. Годы. Жизнь. Кн. 3, гл. 33 (Новый мир. № 11, 1961).

⁹ А. Ф. Лосев... писал еще в те времена... – Цитируется повесть А. Ф. Лосева «Жизнь» (Юность. № 5, 1990).

¹⁰ «Как в первый раз я на нее...» – Строки из стихотворения А. А. Ахматовой «С самолета» (1944).

¹¹ ...«шпана» печатала такие стишонки... – Цитируются строчки из вступления в поэму («Безусый этузиаст», 1930) Джека Алтаузуна.

¹² ...Н.Смирнов вспоминал в 1970 году... – Цитируются слова Н. Смирнова («На перекличке дружбы») из книги «Воспоминания об Иване Катаеве» (М., 1970).

¹³ ...Иван Катаев говорил, обращаясь к деятелям культуры... – И. И. Катаев. Искусство социалистического народа. Речь на общем собрании московских писателей 31 марта 1936 года. (И. И. Катаев. Под чистыми звездами. Повести. Рассказы. Очерки. М., 1969. Речь в книге напечатана не полностью. Полной публикации нет и по сей день).

¹⁴ Обо всем этом я подробно говорил в... книге «Судьба России». – В эту книгу, изданную в 1990 году в издательстве «Молодая гвардия», вошла, в частности, статья «Самая большая опасность» (см. стр. 673 наст. изд.).

¹⁵ ...книга, воспевавшая Беломорканал... – Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства 1931–1934 гг. Под редакцией М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М., 1934.

¹⁶ ...критик Б. Сарнов не очень продуманно написал... – Имеется в виду статья Бенедикта Сарнова «Случай Мандельштама» (позже вышла в свет его одноименная книга).

¹⁷ ...Осип Мандельштам писал... – О. Э. Мандельштам. Наброски к статье «Чаадаев».

¹⁸ ...так обращался к своим зарубежным читателям... – Приводятся слова Бориса Пастернака из его «новогоднего пожелания» «Друзьям на Востоке и на Западе» (20 декабря 1957 года // Б. Л. Пастернак. Избранное. В 2-х тт. Т. 2. М., 1985. Текст напечатан с сокращениями).

¹⁹ ...воспользуюсь появившимся на страницах «ЛГ» чужим словечком – «тухляндской литературы»... – Это выражение употребил Виктор Ерофеев в статье «Поминки по советской литературе» (Литературная газета. 4 июля, 1990).

²⁰ «Я весь мир заставил плакать...» – Строки из стихотворения Б. Л. Пастернака «Нобелевская премия» (1959).

²¹ ...(см.: об этом подробно в моей уже упомянутой книге «Судьба России»)... – Статья «И назовет меня всяк сущий в ней язык...» (см. 143 стр. наст. изд.).

²² К. Симонов в своих предсмертных записках... – Имеется в виду надиктованная на магнитофонную ленту и изданная посмертно книга К. М. Симонова «Глазами человека моего поколения» (1979; опубликована в: Знамя. № 3–5, 1988).

Дилемма «Лосев – Бахтин» и розановское наследие

Отдельные фрагменты этой работы печатались в разных изданиях, как-то: «Бахтин и его читатели. Размышления и отчасти воспоминания» (Диалог. Карнавал. Хронотоп (Витебск). № 2–3, 1993; Москва. № 7, 1993), «Была ли духовная жизнь?» – рецензия на книгу А. А. Тахо-Годи «Лосев» (М., 1997); (Москва. № 12, 1997), «Несколько слов о Михаиле Бахтине и одно слово об апостоле Павле» (Московский вестник. № 3, 1999). Статья в ее окончательном виде была напечатана в «Литературоведческом журнале» (№ 13/14, 2000).

¹ Я уже высказывался о нем в печати... – См., в частности, статью В. В. Кожина «Соборность поэзии Тютчева» (Наш современник. № 12, 1993).

² ...принял участие в создании своего рода «катакомб»... – Речь идет о кружке «имяславцев».

³ ...«самовольно» издал восемь своих философско-богословских книг... – «Античный космос и современная наука» (1927), «Музыка, как предмет логики» (1927), «Философия имени» (1927), «Диалектика художественной формы» (1927), «Диалектика числа у Плотина» (1928), «Критика платонизма у Аристотеля» (1929), «Очерки античного символизма и мифологии» (Т. 1, 1930), «Диалектика мифа» (1930).

⁴ Одна из них в 1930 году как раз и легла в основу обвинения... – Речь идет о книге «Диалектика мифа».

⁵ Имел я честь и опубликовать свое сочинение в сборнике «Традиция в истории культуры»... – Имеется в виду статья «Немецкая классическая эстетика и русская литература».

⁶ ...Лосев весьма критически отзывался о книгах Бахтина... – Речь здесь может идти о книге А. Ф. Лосева «Эстетика Возрождения» (М., 1978), где автор характеризовал смех Рабле, обстоятельно описанный в книге М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле», как «вполне сатанинский смех». В этом отношении обращаю внимание читателя на статью В. С. Вахрушева «Трагикомическая игра вокруг “карнавала” Бахтина» (Диалог. Карнавал. Хронотоп (Витебск). № 4, 1996).

⁶ ...весьма резкой полемикой отмечены взаимоотношения К. Леонтьева и В. Соловьева... – См.: «К. Леонтьев о Владимире Соловьеве и эстетике жизни по двум письмам» (М., 1912), «Над могилой Пазухина» (1891), «Владимир Соловьев против Данилевского» (1888), а также статью В. Соловьева «Леонтьев» в Энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона. Об этом см.: А. П. Козырев. Владимир Соловьев и Константин Леонтьев в поисках Русской звезды // в кн.: А. П. Козырев. Соловьев и гностики. М., 2007.

⁷ ...или, позднее, Розанова и Бердяева... – См.: Н. Бердяев. «О вечно-бабьем в русской душе» в кн. «Судьба России» (1918) или «Христос и мир» – ответ на статью В. Розанова «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира» («Записки СПб. Религиозно-философского общества», вып. 11, СПб., 1908). Со своей стороны В. Розанов посвятил полемике с Н. Бердяевым 12 статей, и 6 из них – в книге «О смысле творчества» (М., 1916).

⁸ ...Вл. Соловьев... прозвал Розанова «Иудушкой»... – В статье В. Соловьева. «Порфирий Головлев о свободе и вере» (Русский вестник. № 1, 1894).

⁹ ...почти столетие спустя Лосев заявил... – Беседы с А. Ф. Лосевым публиковались в журнале «Студенческий меридиан» (№ 10, 1988; № 10, 1989). См.: также: А. Ф. Лосев. Владимир Соловьев и его ближайшее литературное окружение; Вл. Соловьев и В. Розанов // Литературная учеба. № 4, 1987.

¹⁰ ...выступала в печати как явная «поклонница» этого мыслителя. – См., в частности: Н. К. Бонецкая. Жизнь и философская идея М. Бахтина (Вопросы философии. № 10, 1996) и: О стиле философствования М. Бахтина (Диалог. Карнавал. Хронотоп (Витебск). № 1, 1996).

¹¹ ...вспомним хотя бы о «сокрушительных» атаках на самого Пушкина, предпринятых Писаревым и его сторонниками, позднее – футуристами и не столь давно – Терцем-Синявским. – Речь идет о цикле статей Д. И. Писарева «Пушкин и Белинский» (1865), докладе Давида Бурлюка «Пушкин и Хлебников», прочитанном в ноябре 1913 года, и футуристическом манифесте «Пощечина общественному вкусу» («Академия и Пушкин непонятнее иероглифов»), а также книге Абрама Терца (Андрея Синявского) «Прогулки с Пушкиным» (Лондон, 1975), отдельные отрывки которой были напечатаны в журнале «Октябрь» в 1989 г. (№ 4, 1989). (Полный текст книги – см.: Вопросы литературы. №7-9, 1990. Обсуждение книги – см.: Вопросы литературы. № 10, 1990).

¹² Слова эти взяты из мемуарного сочинения В. Н. Турбина... – В. Н. Турбин. Карнавал: Религия, политика, теософия (Бахтинский сборник. М., 1990).

¹³ ...с замечательно верным заключением... Владимира Жаботинского... – В. Жаботинский. Четыре статьи о чириковском инциденте. – Статья вторая. Антисемитизм (1909).

¹⁴ ...сейчас то же самое происходит с теми, кто «непочтительно» говорит о «величине» Бродского... – Достаточно вспомнить отклик Т. Толстой и В. Ерофеева на статью П. Горелова «Мне нечего сказать ни греку, ни варягу...» (в «Комсомольской правде» от 19 марта 1988 года заголовок был усечен и статья печаталась под названием «Мне нечего сказать...»), содержащий следующий пассаж: автор якобы повторяет «мнение откровенно шовинистического журнала “Вече” (Огонек. № 18, 1988). Сам П. Горелов позже писал, как «сразу же молниеносно появились истерические обвинения в антисемитизме (которому на самом деле ни в малейшей степени не сочувствую и который принципиально осуждаю)...» (П. Горелов. Кремнистый путь. М., 1989. Стр. 180). Показательно также письмо Л. Куклина в редакцию журнала «Нева» (№ 6, 1990):

«В журнале “Нева” № 2 за 1989 год в материалах Я. Гордина о процессе Иосифа Бродского среди цитируемых им записей Ф. Вигдоровой упомянута моя фамилия в несколько двусмысленном контексте. Этот факт дает повод моим недоброжелателям, а также некоторым неосведомленным о подробностях процесса читателям упрекать меня в разных грехах и чуть ли не в антисемитизме...

Что... касается моего тогдашнего отношения к **стихам** Иосифа Бродского, то я не столько возмущался (это высказывание относится к вкусовым формулировкам свидетелей), сколько со свойственной молодости несдержанностью действительно искренне смеялся над некоторыми его строчками. Например, над такими:

...На деревьях груши,
Как мужеские признаки висят...

Признаюсь со всей откровенностью, что и сейчас, по прошествии почти трех десятков лет, эти строчки по-прежнему вызывают у меня улыбку, несмотря на осененность их автора высоким званием Нобелевского лауреата».

¹⁵ По мере того как осваивалось их наследие... их начали обвинять в антисемитизме... См., в частности, статьи Л. Кациса : «“Дело Бейлиса” в контексте “Серебряного века”» (Вестник еврейского университета в Москве. № 4, 1993) и «О новом тексте» (Сегодня. 18 октября 1996); «А. Ф. Лосев. В. С. Соловьев. Максим Горький. Ретроспективный взгляд 1999 года» (Логос. № 4, 1999); «Из комментария к иудейским мотивам В. В. Розанова (Миква)» (Начала. № 3, 1992). См.: также книгу Л. Никитина «Здесь и теперь. Современный опыт философско-религиозного исследования», которой Кожин повесил отдельную критику в работе «Кто такие “черносотенцы”?» (См.: В. В. Кожин. Черносотенцы. М., 2004, стр. 61), а также сочинение М. Золотоносова «“Мастер и Маргарита” как путеводитель по субкультуре русского антисемитизма (СРА)» (СПб., 1995). См.: также: Ю. Каган. О Василии Васильевиче Розанове (Ковчег. Альманах еврейской культуры. М., 1990); В. Паперный. Библия, иудео-христианская конфронтация и «новое религиозное сознание» в русской культуре конца XIX – начала XX века // Judeo-Slavic Interaction in the Modern Period. Jerusalem, 1995; Н. Бонецкая. Флоренский сегодня: три точки зрения. (Вопросы философии. № 5, 1997); Е. Курганов. Розанов и Флоренский (Звезда. № 3, 1997). Любопытна с этой точки зрения также публикация статьи Михаэля Хагемейстера «“Новое Средневековье” Павла Флоренского» в переводе Натальи Бонецкой (Звезда. № 11, 2006). См.: также симптоматичные публикации: Л. Столович. Не надо дарить Лосева черносотенцам!; Д. Шушарин. Вместо апологии. (Русский еврей. № 3, 1997).

Между государством и народом: попытка беспристрастного размышления об интеллигенции

Статья была опубликована в журнале «Москва» (№ 6, 1998).

¹ ...В интеллигенции усматривали... единственную... ценную общественную силу России лидер либерализма Милюков... – См.: П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры. Т. 3, вып. 2. СПб., 1903.

² ...имеющий титул «пролетарского писателя» М. Горький... – Максим Горький был весьма противоречив в отношении к интеллигенции. Так, в статье «Разрушение личности» (1909) он утверждал, что интеллигент не знает народа, недостаток своих знаний пытается скрыть яростной защитой их и «отсюда развива-

ется сектантство, нетерпимость, фракционность». И уже совершенно иное отношение к интеллигенции – в циклах статей «Несвоевременные мысли» и «Революция и культура» (1917-1918).

³ ...резкие суждения о ничтожестве... интеллигенции трудно найти в сочинениях Ленина... – Резкость иных ленинских суждений уступала место более спокойным сентенциям, но суть его отношения к старой интеллигенции оставалась неизменной. «Интеллектуальные силы рабочих и крестьян крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На самом деле это не мозг, а г...» (Письмо Горькому от 15 сентября 1919). А ранее: «Никто не решится отрицать, что интеллигенция, как особый слой современных капиталистических обществ, характеризуется, в общем и целом, именно индивидуализмом и неспособностью к дисциплине и организации... в этом, между прочим, состоит невыгодное отличие этого общественного слоя от пролетариата; в этом заключается одно из объяснений интеллигентской дряблости и неустойчивости, так часто дающей себя чувствовать пролетариату, и это свойство интеллигенции состоит в неразрывной связи с обычными условиями ее жизни, ее заработка, приближающимися в очень и очень многом к условиям мелкобуржуазного существования...» («Шаг вперед, два шага назад» (1904)). И тем не менее: «Мы не можем строить власть, если такое наследие капиталистической культуры, как интеллигенция, не будет использовано» (ПСС. Т. 37. С. 223).

⁴ ...И... «веховца» Петра Струве... – Далее цитируется статья П. Б. Струве «Интеллигенция и революция» (1907).

⁵ ...Михаила Муравьева (так называемого «вешателя»)... – Эта кличка взялась из исторического анекдота о том, как после назначения Муравьева губернатором Грозненской губернии в 1831 г. его спросили – не родственник ли он повешенному декабристу Муравьеву-Апостолу. На что Муравьев якобы ответил: «Я не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые сами вешают».

⁶ ...Ленин как раз превознес Толстого... – В статье «Лев Толстой как зеркало русской революции» (1908).

⁷ ...РАЕН... – Российская академия естественных наук.

⁸ ...Юрий Афанасьев... «дерзнул» публично назвать «горбачевский» Верховный Совет «сталинско-брежневским»... – На заседании Съезда народных депутатов СССР 27 мая 1989 года Юрий Афанасьев произнес многократно цитировавшиеся впоследствии слова: «Мы сформировали сталинско-брежневский

Верховный Совет... И я обращаюсь... к этому, я бы сказал, агрессивно-послушному большинству, которое завалило вчера все те решения съезда, которые от нас ждет народ...»

⁹ Он писал, например, в 1914 году... – В статье «Белинский и Достоевский».

¹⁰ Но тот же Розанов... писал о Белинском... – В статье «В. Г. Белинский».

¹¹ Тогда же Розанов писал о другом кумире интеллигенции... – В статье «Юбилейное издание Добролюбова».

¹² ...высокопоставленный партаппаратчик... – А.Н.Яковлев. Задачу «ломать тысячелетнюю парадигму несвободы» он поставил на III съезде народных депутатов СССР в марте 1990 года.

¹³ Как справедливо писал... Бердяев... – В статье «Душа России» (1915).

¹⁴ ...дневник французского посла... Мориса Палеолога. – Дневник вышел на русском языке в 1923 г. под названием «Царская Россия накануне революции».

¹⁵ Чаадаев писал, в частности... – Здесь и далее цитируется письмо П.Я. Чаадаева А. И. Тургеневу (август-ноябрь 1843 г.).

¹⁶ Пушкин... изложил свою беседу с... англичанином Кальвилем Фрэнклендом... – А. С. Пушкин. Разговор с англичанином (черновой отрывок).

¹⁷ В общем виде все это отчетливо понимал... Чаадаев... – Далее цитируется письмо П. Я. Чаадаева А. И. Тургеневу (август-ноябрь 1843).

¹⁸ Возникнет рать повсюду бранна... – Строки из оды А. Н. Радищева «Вольность» (1781–1783).

¹⁹ ...и одновременно предупреждает власть... – А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. (1790). Глава «Зайцово».

²⁰ Чаадаев писал по поводу недовольства людей своего круга... – Письмо П. Я. Чаадаева А. И. Тургеневу (октябрь–ноябрь 1835 г.).

²¹ В заключение позволю себе еще раз процитировать Чаадаева... – П. Я. Чаадаев. Отрывки и разные мысли. (1840–1850-е гг.).

К публикации «Жизнеописания...» Понтягина

Послесловие к книге: Понтягин Л. С. Жизнеописание Льва Семеновича Понтягина, математика, составленное им самим. Рождения 1908 г. М., 1998.

Патриоты, мыслители...

Статья под названием «Взгляд в прошлое: патриоты, Солженицын, демократы...» была опубликована в газете «Завтра» (№ 4, 1994) в рубрике «Литературная политика». Под окончательным названием вошла в книгу «Судьба России» (М., 1997).

¹ ...я уже говорил об этой очень прискорбной «традиции»... — На «Круглом столе», посвященном вопросу «В каком состоянии находится русская нация», В. В. Кожин, в частности, говорил: «... Перед нами никак не устранимая русская “специфика”. Так, каждый, кто достаточно полно знакомится с русской публицистикой прошлого и начала нынешнего века, сможет убедиться: по “своим” обычно били беспощаднее, чем по “чужим”... Сам я убедился в этом давно, еще в 1960-х годах, и в дальнейшем нередко пытался “мирить” враждующих “патриотов” — “левых” и “правых”, “отцов” и “детей” и т.п. ... Но и самые благие попытки “мирить” нередко тщетны, ибо едва ли не большинство русских идеологов, сталкиваясь в своих рядах с тем, что представляется им отступлением от истины, обрушивается на действительных или мнимых отступников, как правило, с большей яростью, нежели на заведомых врагов. По этому поводу можно (да и нужно) горько сетовать, однако в то же время нельзя не видеть, что здесь обнаруживается благородное бескорыстие: ведь выступающий против “своих” рискует в конечном счете вообще оказаться в одиночестве...»

² ...Яковлев... публично вынес не подлежащий пересмотру приговор... — Имеется в виду статья А. Н. Яковлева «Против антиисторизма».

³ ...одним из главных «обвиняемых» предстал в яковлевской директиве М. П. Лобанов, а он тогда (подчеркиваю: тогда) отличался от Солженицына в конечном счете только тем, что не печатался (да и вовсе не стремился это делать) за границей... — Это достаточно рискованное заявление В. В. Кожина фактически оспорил сам М. П. Лобанов в беседе с Владимиром Бондаренко: «В свое время Вадим Кожин выпустил книгу, в которой есть страница с фотографиями в таком порядке: Солженицын, Шафаревич, Осипов, Бородин, Лобанов (имеется в виду книга В. Кожина «Судьба России» (М., 1997). — С. К.). При встрече вручает мне Вадим Валерианович книгу с милой своей усмешкой: “Не обессудьте, — говорит, — если не понравится соседство с Солженицыным. Тогда, в шестидесятых, вы одинаково думали”. В ответ я спросил: а где доказательства этого? Кожин улыбнулся, видимо, полагая, что это

достаточный аргумент в пользу им сказанного» (Михаил Лобанов. Твердыня духа. М., 2010).

⁴ ...я также был одной из мишеней статьи Яковлева... – «Мишенью» стал критический диалог В. В. Кожина и Л. А. Аннинского «Мода на простонародность» (Кодры (Кишинев). № 3, 1971).

⁵ ...сразу же вылетел из издательских планов... книга – она вышла в свет лишь спустя шесть лет... – Имеется в виду «Книга о русской лирической поэзии XIX века. Развитие стиля и жанра» (М., 1978).

⁶ ...Солженицын недвусмысленно писал еще в 1973 году... Или другое выступление Солженицына... – Цитируются «Письмо вождям Советского Союза» А. И. Солженицына и его радиointerview компании Би-би-си, данное в феврале 1979 года. Стремление В. В. Кожина «мирить» враждующих «патриотов» и здесь сыграло свою роль. Он искренне считал, что в борьбе с общим врагом необходимо подлинное единение, независимое от тех или иных личных и частных разногласий, чем и вызвана, в данном случае, его «защита» Солженицына. К сожалению, в чем он сам отдавал себе полный отчет, подобное «единение» оказывалось невозможным, ибо слишком глубока была миро-воззренческая пропасть между многими патриотами. В этой полемике волей-неволей всплывали в памяти не снобистские плевки «с западной горы» А. Сахарова в сторону Солженицына и не уничижающие реплики многочисленных «шакалов демократии», а выстраданные слова многолетнего лагерника Варлама Шаламова: «Деятельность Солженицына – это деятельность дельца, направленная узко на личные успехи со всеми провокационными аксессуарами подобной деятельности... Солженицын – это провокатор, который получает заработанное, свое...» Это не отрицает искренней боли, звучащей в тех или иных сочинениях или выступлениях Солженицына, но факт остается фактом: в работе «Как нам обустроить Россию» (1990) фактически начертан сценарий грядущего развала СССР.

⁷ ...тогда же были удалены со своих постов... Г. И. Воронов и Д. С. Полянский... – Д. С. Полянский – первый заместитель председателя Совета министров СССР. С 1973 г. – министр сельского хозяйства СССР. С 1976 г. – посол в Японии. Г. И. Воронов – председатель Совета министров СССР. С 20 июля 1971 по 7 мая 1973 г. – председатель Комитета народного контроля. С 1973 г. – на пенсии.

⁸ Знаю, что мои суждения вызовут возражения у многих, даже близких мне людей, которые в последнее время все более непримиримо относятся к А. И. Солженицыну... – Подобные возражения не преминули последовать, и самые резкие из них принадлежат Т. М. Глушковой («Элита» и «чернь» русского патриотизма. Авторитеты измены // Молодая гвардия. № 1, 1995).

Пушкин и Толстой вам не союзники!

Статья была опубликована в книге «Судьба России. Вчера, сегодня, завтра» (М., Воениздат, 1997).

¹ ...вы, мутители палат... – Из стихотворения А. С. Пушкина «Бородинская годовщина» (1831).

² ...по полемическому введению в одно из чаадаевских сочинений... – Введение к первому «философическому письму» (1829).

³ «Грустно было слышать толки московского общества...» – Цитата из сочинения А. С. Пушкина «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833–1835).

⁴ «Патриотизм – последнее прибежище негодяя». – Афоризм, произнесенный Сэмюэлем Джонсоном в литературном клубе 7 апреля 1775 года и опубликованный Джеймсом Босуэллом в жизнеописании Джонсона в 1791 году.

⁵ «Благими намерениями вымощен ад»... – «Не дурными, а благими намерениями вымощен ад. Намерения всех людей благие» (Сэмюэл Джонсон).

⁶ ...не раз «отрицал» патриотизм. – «Мне уже несколько раз приходилось высказывать мысль о том, что патриотизм есть в наше время чувство неестественное, неразумное, вредное, причиняющее большую долю тех бедствий, от которых страдает человечество, и что поэтому чувство это не должно быть воспитываемо, как это делается теперь, – а напротив, подавляемо и уничтожаемо всеми зависящими от разных людей средствами» (Л. Н. Толстой. Патриотизм и правительство. 1896). См.: также статьи Л. Н. Толстого «Христианство и патриотизм» (1894), «Патриотизм или мир» (1896).

⁶ ...те или иные патриотически мыслящие люди... – Упреки Л. Н. Толстому содержались, в частности, в статьях, книгах и выступлениях О. Платонова, В. Крупина, В. Аксютца, А. Бушкова.

⁷ ...Толстого осуждал за «антипатриотизм» Валентин Распутин. — «И коль мы вспомнили автора “все смешалось...”, надо вспомнить, что и он, Толстой, добавил свары этому дому, когда решительно заявил: “Патриотизм — это рабство”... Отзываясь так о патриотизме, Толстой перепутал, очевидно, грешные наши дни с царством Божиим на земле, когда люди всех народов и рас готовы лобызаться друг с другом и патриотизм, как протез на губах, может им в чем-то помешать. Слова Толстого прозвучали сто лет назад, за кои всемирное лобызание, которое представлялось Льву Николаевичу близким, отодвинулось теперь за десятки горизонты. Только поэтому я и беру на себя смелость с сегодняшней, хоть и низкой, но все-таки далеко продвинутой вперед кочки, утверждать, что Толстой ошибался. Ныне, чтобы защитить Ясную Поляну, без патриотизма не обойтись» (В. Г. Распутин. Патриотизм это не право, а обязанность // Литературный Иркутск. 1988, июнь).

⁸ Он написал однажды, что «держит в узде» свой патриотизм. — «...Во мне есть сознание Божьего закона, и это сознание держит в узде эти эгоизмы, так что я не могу служить им. И понемногу эти эгоизмы атрофируются» (Л. Н. Толстой. Дневник за 1904 год).

⁹ Толстой... высказался так... — Далее цитируются «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Записи от 30 января и 5 февраля 1905 года.

¹⁰ ...даже беззаветный либерал Короленко... записал 23 июля 1917 года... — Здесь и далее цит. по: П. И. Негретов. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917-1921. М., 1990. См.: также: В. Г. Короленко. «Война, отечество и человечество (письма о вопросах нашего времени)». Спб., 1917.

¹¹ ...его собственная роль в этом «нашколивании» была очень и очень значительной... — См.: хотя бы: В. Г. Короленко. Несколько мыслей о национализме (Собр. соч. Т. 3. Публицистика, статьи, воспоминания. Л., 1990).

¹² Тогда же он говорил по поводу вдохновляемых примером Запада российских реформ... — См.: Д. П. Маковицкий. Яснополянские записки. Запись от 2 января 1905 («Переменять Николая на Петрункевича, монархию на конституцию — это такой же вздор, как если бы предложили вместо православия — пашковство или скопчество, или Army of Salvation (Армию спасения. — С. К.)»).

¹³ ...правого крыла партии тори... — Консервативная партия в Англии.

История литературы в работах ОПОЯЗа

Статья была впервые опубликована в «Вопросах литературы» (№ 7, 1972).

¹ ...Б. Эйхенбаум еще в 1925 году справедливо отмечал... – Здесь и далее цитируются работы из книги Б. М. Эйхенбаума «О литературе» (Л., 1927).

² В своей статье «Стиховые формы Некрасова»... – Эта статья Ю. Н. Тынянова была написана в 1928 году.

³ Книга эта, которую ныне можно найти лишь в крупнейших библиотеках... – Сочинение это было переиздано в России под фамилией его подлинного автора в 2000 году: М. Бахтин. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. М., 2000.

⁴ Б. Эйхенбаум вспоминал в 1944 году... – В статье «Творчество Ю. Тынянова».

⁵ ...характерно для футуризма, начавшего с призыва бросить всю прежнюю литературу с «парохода современности»... – «Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч., и проч., с парохода Современности. Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней...» Этот манифест предварял сборник футуристов «Пощечина общественному вкусу» (1912).

⁶ ...во второй статье исследователь даже кое в чем отходит от ОПОЯЗа... – Ср. «Она появилась в другой обстановке в 1927 году, когда перед бывшими опоязовцами вплотную стояли уже социологические проблемы... Историзм становится орудием анализа произведения литературы во всей его словесной материальной конкретности. Это сочетание, характернейшее для его исследовательских установок, Тынянов и стремился обосновать в статье “О литературной эволюции”» (Здесь и далее цитируется работа Л. Я. Гинзбург «Тынянов»).

⁷ ...Л. Гинзбург... все же говорит... – См.: Лидия Гинзбург. Тынянов-ученый. (1965, 1974).

⁹ Он пишет, например... – Здесь и далее цитируется статья Ю. Н. Тынянова «Литературный факт» (1924).

¹⁰ ...авантюрные вещи типа романов М.Шагинян... – Речь идет о таких романах Мариэтты Шагинян, как «Приключения дамы из общества» (1923), «Перемена» (1923), «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» (1924).

¹¹ Б. Эйхенбаум писал... – Здесь и далее цитируется статья Б. М. Эйхенбаума «Некрасов» (1922).

¹² Едва ли не самую главную задачу историка литературы Ю. Тынянов видел... – Далее цитируется статья Ю. Н. Тынянова «Литературный факт» (1924).

¹³ «И Пушкин стал нам скучен...» – Эпиграмма «К "Борису Годунову"», напечатанная в «Северном Меркурии» и процитированная Н. И. Надеждиным в «Телескопе».

¹⁴ ...за три года до гибели Пушкина печатно провозглашалось, что он «умер»... – См.: Пушкин умер или только обмер на время // В. Г. Белинский. Литературные мечтания (1834).

¹⁵ ...«Блока больше нет». – Из рецензии Сергея Боброва на книгу А. А. Блока «Седое утро»: «Блока больше нет... Зачем Блок напечатал эту книгу, верно, не мог не напечатать, а этим он под-писал собственный приговор: отныне его больше нет» (Печать и революция. № 1, 1921).

¹⁶ ...выступая на вечере памяти Блока... – См.: Б. Эйхенбаум. Судьба Блока (1921).

¹⁷ ...герой известного блоковского очерка «Русские дэн-ди»... – переводчик Валентин Стенич.

¹⁸ На этот вопрос превосходно отвечает сам Ю. Тынянов. – Здесь и далее приводятся цитаты из статьи «Литературный факт».

¹⁹ Ю. Тынянов недвусмысленно писал... – В статье «О литературной эволюции» (1927).

²⁰ ...Ю. Тынянов в 1927 году замечал между прочим... – См.: Ю. Тынянов «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)».

²¹ ...Пушкин писал позднее... – «Заметка о Баратынском» (1830).

Об эстетике авангардизма в России

Статья под названием «К вопросу об эстетике русского авангардизма» была впервые опубликована в сборнике «Литературные направления и стили» (М., 1976).

¹ ...в приводимых отрывках из известного в свое время сочинения Алексея Гастева... – Цитируется сочинение А. Гастева «Как надо работать» (1921).

² В. Б. Шкловский справедливо свидетельствует... – См.: В. Шкловский. Жили-были. (Часть «Юность», глава «Футуристы»).

³ ...В. Б. Шкловский писал в свое время... – Доклад В. Б. Шкловского «О воскрешении вещей» на вечере «О новом слове», прошедшем 8 февраля 1914 года.

⁴ Он писал, в частности... – О. Брик. Т.н. «формальный метод».

⁵ Это совершенно ясно выражено, например, в статье В. Б. Шкловского... – Цитируется статья «Преступление эпигона».

⁶ Известная опоязовская фраза... – Эта фраза принадлежит В. Б. Шкловскому.

Выступление на дискуссии «Классика и мы»

Дискуссия «Классика и мы» состоялась в Центральном доме литераторов 21 декабря 1977 года. В. В. Кожин был одним из ее организаторов. По существу, это была первая за много десятилетий (начиная с 1920-х годов) публичная дискуссия, в которой подверглись ревизии многие устоявшиеся положения, касающиеся истории революционного искусства, а также его наследия в современности.

Впервые материалы дискуссии по сохранившейся магнитофонной записи были опубликованы в журнале «Москва» (№ 1–3, 1990). Выступление В. В. Кожина было напечатано в 3-м номере журнала.

¹ ...в связи с... дискуссией на тему «Литература и НТР». – Эта дискуссия под названием «Художник перед лицом НТР» (НТР – научно-техническая революция) прошла в журнале «Литературное обозрение» в начале 1977 года. В ее рамках В. В. Кожин опубликовал статью «Авторитет истории» (Литературное обозрение. № 3, 1977).

² Есть книжка Бориса Анашенкова... – Б. Анашенков. Этот простой сложный человек (научно-техническая революция – социальный прогресс – литература) (М., 1977). Здесь и далее цитируется следующий пассаж из данной книги, относящийся к «круглому столу» в «Литературной газете», участниками которого были, в частности, В. Аксенов, В. Амлинский, В. Липатов, М. Анчаров, М. Ганина, А. Кронгауз: «А вот Леонид Жуховицкий (по мнению Ярослава Голованова, он ближе всех подошел к истине) объявил, что налицо не эмоциональное оскудение, а как раз наоборот – расцвет эмоций... Сегодня каждая вторая десятиклассница чувствует, воспринимает окружающий мир во сто

крат богаче, чем пушкинская Татьяна, так восхищавшая многие поколения глубиной своих переживаний (“Парадоксально, и требует доказательств!” – воскликнул в этом месте Виль Липатов)» (стр. 34–35).

³ ...в лучшем нашем сочинении о романе Толстого «Война и мир», принадлежащем Сергею Бочарову... – Имеется в виду книга С. Г. Бочарова «Роман Л. Н. Толстого “Война и мир”» (М., 1963).

⁴ ...как в четырнадцатом году писал Ленин... – «Нельзя вполне понять “Капитала” Маркса, и особенно его 1 главы, не проштудировав и не поняв всего Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса ½ века спустя» (В. И. Ленин. Записки на полях).

⁵ ...сегодня в нескольких выступлениях прозвучала мысль о том, что русские писатели писали, вообще говоря, для будущего, что они вполне современны сейчас, живы. – Эта мысль прозвучала в выступлениях П. Палиевского, И. Роднянской, С. Ломинадзе, И. Золотусского, Ю. Селезнева. Наиболее отчетливо она была сформулирована в докладе П. В. Палиевского, открывавшего дискуссию: «...Мне кажется, что есть основания считать (вопреки распространенному мнению), что классика не является для нас материалом, из которого мы черпаем какое-то будущее, какие-то новые концепции, мысли и движемся вперед: скорее мы для нее являемся в некотором роде материалом, из которого она призвана творить нечто очень серьезное, достойное этого будущего. Во всяком случае, наша классика, та классика русская, которую мы здесь, в этой стране наследуем» (Москва. № 1, 1990).

⁶ ...глава об испанской литературе. – Исследование «Испанская литература» составила 9-ю главу 1-го раздела 5-го тома, вышедшего лишь в 1988 году, посвященного XVIII веку. Автор – И. А. Тертерян. Далее В. В. Кожин пересказывает своими словами введение в главу – «Состояние испанского литературного процесса»: «Просвещение в Испании находилось в самом жалком состоянии... И социальные (крайне слабое и медленное развитие буржуазии), и идеологические (светский и церковный деспотизм) причины объясняют тот исторический факт, что испанская культура, недавно пережившая свой Золотой век, в XVIII столетии перешла на положение второстепенной европейской культуры».

⁷ ...в связи с проблемой, которая здесь вызвала полемику, – проблемой экранизации и инсценировок. – Этой проблемы

коснулись, сойдясь в жестокой полемике друг с другом, П. Палиевский, А. Эфрос, Ф. Кузнецов и С. Ломинадзе.

⁸ ...Палиевский сказал что-то не совсем такое восторженное о Мейерхольде... – Речь шла о письмах Всеволода Мейерхольда к Михаилу Булгакову, опубликованных в «Вопросах литературы» (№ 7, 1975). Комментируя эту публикацию и предисловие к ней Л. Яновской, Палиевский подчеркнул: «...тут же приводится весьма замечательное высказывание... Булгакова, который резко отрицательно относился к Мейерхольду, постоянно его вышучивал и высмеивал, не хотел с ним иметь ничего общего, и даже письма Мейерхольда Булгакову, где Мейерхольд упорно просит у Булгакова пьесы и Булгаков ему не дает... По эстетическому строю, по принципам своим Булгаков совершенная противоположность Мейерхольду и не желает с ним иметь ничего общего. Однако же Мейерхольд очень желает иметь с ним что-то общее... Чем больше мы это изучаем, тем яснее мы видим, что Мейерхольд не нужен Булгакову, зато Булгаков очень нужен Мейерхольду...»

⁹ ...потом Куняев что-то сказал о Багрицком... – Выступление С. Ю. Куняева было целиком посвящено анализу антиприродных и античеловеческих мотивов в поэзии Эдуарда Багрицкого. Позже статья Куняева «Легенда и время» была опубликована в иерусалимском журнале «22» (№ 14, 1980) и в журнале «Дон» (№ 5, 1989).

¹⁰ ...закричали... об антисемитизме. – Не столько «закричал» (крики соответствующего содержания неслись преимущественно из зала), сколько «открыл» эту «тему» Анатолий Эфрос, зачитавший вслух провокационную записку: « Вы ничего не можете интерпретировать в русской классике. Организуйте свой национальный театр – и валяйте!» Обиняками на ту же тему высказались в своих выступлениях Евгений Евтушенко («Русская классика гневными устами Короленко высказала свое отвращение к насаждавшемуся царской бюрократией антисемитизму!») и Александр Борщаговский («Ну, Багрицкий – это, так сказать, частный выпад. Для меня неприятный, я бы сказал более того – гадкий, для меня лично, субъективно... Это такое яростное обращение собственных эмоций, собственного искреннего восприятия Багрицкого в некую объективность, в такую объективную категорию...» (Москва, № 2, 1990). Непосредственно поддержал А. Эфроса в этом «начинании» ведущий Евгений Сидоров, специально прервавший дискуссию: «Прежде чем предоставить

слово Михаилу Петровичу Лобанову, я бы хотел сказать что приходило очень много записок. В целях экономии времени мы их не все зачитываем (ни одна записка, кроме зачитанной Эфросом и еще одной, упрекавшей ведущих дискуссии в том, что выступают не те, кого объявили в афишах, зачитанной Сидоровым, не была даже процитирована. – С. К.). Но приходят записки разного содержания. Одна из них была отвратительной, и я должен извиниться от имени всех нас, сидящих в том зале, перед Анатолием Васильевичем Эфросом... Я бы даже хотел быть уверенным, что эта записка не была написана писателем... В этих стенах появление такой записки чудовищно и просто невозможно...» (Москва. № 2, 1990).

¹¹ ...Мейерхольд совершенно открыто... выступал против русской классики... – См., в частности, высказывания Вс. Мейерхольда о «Лесе» А. Н. Островского: «Неверно, что мы должны давать в точности то, что, что написал Островский. Если бы Островский воскрес, он должен был бы радоваться тому, что его произведения развивают так, как того требует новая эпоха. Островский находился в тисках техники сцены его времени, мы ушли далеко вперед... Так называемые “трудовые процессы” в “Лесе” – не те, что в будущем театре. Мы еще очень далеки от него: мы пока еще не ковре традиционализма» (Выступление на обсуждении спектакля «Лес» 18 февраля 1924 г.).

¹² ...всплыл вопрос о Татлине... – О Татлине говорил в своем докладе Палиевский, упомянув апологетическую статью о скульпторе Константина Симонове (Комсомольская правда. 13 января 1977): «Статья Михаила Лифшица с попыткой возразить Симонову по поводу его новых взглядов на авангард не могла быть напечатана ни в одном из органов печати, в которые она предлагалась. У нас здесь, в Москве... Может быть, Лифшиц пишет хуже, чем те, кто написал восторженные статьи о Татлине?.. Может быть, он обладает меньшими знаниями, меньшей культурой, чем те авторы, которым была позволена очень широкая пропаганда этого достаточно не крупного авангардиста?.. Статья, серьезно написанная на эту тему, не могла появиться в нашей печати... Раздавались могущественные звонки в редакциях... Это уже очень тревожный сигнал и для нашей советской критики и вообще для состояния критики в нашей стране...» Статья Михаила Лифшица (точнее, текст выступления на XXIV сессии Академии художеств СССР) появилась в авторской кни-

ге «Искусство и современный мир» (М., 1978) в виде главы «Да будет выслушана и противоположная сторона»: «Башня Татлина есть манифест отрицания искусства как такового, полемика против “кистей, резцов и прочего реквизита”, то есть иконоборческий бред, который Ленин сравнил однажды с борьбой против картин и статуй радикального протестанта XVI века доктора Андреаса Карлштаудта... Что касается дерзости проекта Татлина, то хорошая книга по истории архитектуры покажет вам его прообраз – минарет большой мечети в Самарре (IX век новой эры)... Не столь “дерзновенна” и живопись Татлина. Это тоже фольклор – фольклор европейского модернизма».

¹³ Золотусский сказал... – Очень хорошо сказал Золотусский: «Конечно, время отбирает, просеивает, время взвешивает тяжелые частицы, но мы не должны вульгарно относиться ни к прошлому, ни к самим себе. Мне кажется, что, вступая в контакт с классикой, с ее высоким идеальным миром, Мы прежде всего возвышаемся сами. Возвышаемся в отношении друг к другу. И возвышаемся в отношении собственного времени, ценность которого мы начинаем ощущать как непреходящую и отчасти абсолютную. И это очень важно»... Золотусский сказал о схватке мелких страстей: «Кого бы мы ни взяли из классиков – Данте, Гоголя, Пушкина или Достоевского, – это люди, которые варились в кипятке действительности и, может, присутствовали при сшибании таких вот мелких и вместе с тем ожесточенных страстей, которые здесь сегодня сталкивались. Но вместе с тем они всегда умели парить над действительностью и ощущать идеальное существо человеческой жизни».

¹⁴ Я хорошо знаю Куняева, я много лет его знаю... – В. В. Кожинов и С. Ю. Куняев познакомились в 1960 году.

¹⁵ ...«идите домой и читайте»... – Эта фраза несколько в ином виде прозвучала в заключение выступления А. Эфроса: «Если вы говорите “Лес” Островского – “Лес” Островского лежит на полке! Вы его можете прочесть! Кроме того, если тут утверждается, что классик живой, то он дышит, он живет, он с вами разговаривает! С вами лично! (С. Ломинадзе: «Правильно, но зачем посредничество?») Без посредничества сидите дома и читайте!»

¹⁶ Пошла на пьесу в Театре на Малой Бронной. – Речь идет о спектакле по пьесе А. Н. Островского «Не от мира сего» в постановке режиссера А. Л. Дунаева (премьера состоялась в 1972).

Внимание: литература США сегодня. Достижения и просчеты советской американистики

Впервые статья была опубликована в журнале «Москва» (№ 11, 1982). Более не перепечатывалась.

¹ ...книга издана, к сожалению, мизерным тиражом... — Сборник «Американская художественная культура в социально-политическом контексте 70-х годов XX века» вышел в свет тиражом 6900 экземпляров. По тем временам это был, действительно, мизерный тираж.

² ...Н. Анастасьев... написал о нем так... — См.: статью Н. Анастасьева «На пути к герою» в дискуссии «Стилевые поиски в литературах современного Запада» в журнале «Вопросы литературы».

³ ...тот же Н. Анастасьев с достаточной четкостью определил... — В статье «Навстречу жизни (Заметки о современной американской прозе)».

⁴ ...об этом постоянно говорил или, вернее будет сказать, кричал... Норман Мейлер... — Достаточно вспомнить книгу Н. Мейлера «Нагие и мертвые» (1948), хотя бы следующий пассаж: «Вот он, побудительный мотивчик... Докапываешься до сути вещей... и встречаешь одну только грязь».

⁵ ...Энтони Берджес... писал... — Цит по: А. Зверев. США. Итоги года — «моральное поражение»?

⁶ К 1976 году относит американист Александр Мулярчик... — Далее цитируется работа А. Мулярчика «Противоречивый образ десятилетия (о тенденциях духовной жизни США в 70-е годы)».

⁷ О том же говорит... В. Шестаков... — В статье «Американская культура 70-х годов: имиджи и стереотипы».

⁸ Анастасьев говорит о его романе «Октябрьский свет»... — В статье «Навстречу жизни (заметки о современной американской прозе)».

⁹ Другой американист, А. Зверев, пишет о том же романе Джона Гарднера... — Цитируется статья А. Зверева «Американский роман сегодня».

¹⁰ И, как утверждает тот же автор в другой статье... — А. Зверев. США. Итоги года — «моральное поражение»?

¹¹ ...известный американский критик и литературовед Максвелл Гайсмар... характеризовал... — Цитируется статья М. Гайс-

мара «Размышления о современной американской прозе» в переводе А. Зверева.

¹² ...Н. Анастасьев в 1976 году утверждал... – В рецензии «Искусство и мастерство» на книгу: John Updike. A Month of Sundays. New York, 1975.

¹³ ...именно в 1956 году начали свой шаш баш главари «битников» Гинзберг и Керуак... – Начало «шаша» в творчестве Аллена Гинзберга означено поэмой «Вопль», вошедшей в книгу «Вопль и другие поэмы» (1956). В творчестве Джека Керуака – романом «В дороге» (1957).

¹⁴ ...журнал «Москва» на всем протяжении 1960-х – 1970-х годов публиковал на своих страницах образцы подлинной литературы США... – Были опубликованы рассказы Уильяма Фолкнера «Полный поворот кругом» (№ 2, 1960) и «Змеей ужаленный» (№ 9, 1966); романы Эрскина Колдуэлла «Любовь и деньги» (№ 10, 1974) и «Случай в Пальметто» (№ 12, 1976); повесть Джона Стейнбека «О мышах и людях» (№ 8, 1963); роман Эрнеста Хэмингуэя «За рекой, в тени деревьев» (№ 7–9, 1960); роман Роберта Пена Уоррена «Приди в зеленый дол...» (№ 10–12, 1975).

¹⁵ ...как определяет ее Александр Мулярчик... – В статье «Судьбы “литературного истеблишмента” в США».

¹⁶ В 1976 году американистка Т. Ротенберг писала... – В статье «Сопротивляясь своей эпохе...»

¹⁷ Автор брошюры Джеймс Кордженс выражал робкую надежду... – Цит. по рецензии В. Яценко на книгу Korges J. Erskine Caldwell. Minneapolis, 1969.

¹⁸ Так, А. Зверев, подробно разбирая очередную пьесу Джона Апдайка... – См.: статью А. Зверева «Меняющиеся ориентиры».

¹⁹ В одной из своих статей А. Мулярчик... – Статья «Судьба молодежного движения и американский роман первой половины 70-х годов».

²⁰ ...недавно писал... Майк Дэвидоу... – В статье «Филипп Рот – несбывшиеся надежды» (перевод И. Гуровой).

²¹ В уже сравнительно давней работе американистики Л. Земляновой... – «Эстетика молчания» и кризис антиискусства в США.

²² ...важно отметить, что в Бильдербергский клуб входил брат генерала Франко... – См.: указанное сочинение Луиса М. Гонсалес-Мата: «В начале пятидесятих годов США пришли к вы-

воду, что в Европе надо заменить их открытое присутствие другим, менее бросающимся в глаза способом обеспечить свое господство, а именно через посредство многонациональных корпораций и проамерикански настроенных политических деятелей, финансистов, агентов секретных служб...» И далее Гонсалес-Мата указывает, что среди членов комитета, учрежденного «с целью заложить фундамент будущей организации» – «брат испанского каудильо Н. Франко».

²³ ...Рейган... не без торжества поздравил американцев с победой неоконсерватизма в стране... – Далее ссылка на вышеупомянутую статью В. Шестакова.

²⁴ ...А. Зверев... не без удовлетворения писал о позиции... – В статье «На пути к городу человека».

²⁵ Александр Мулярчик... опубликовал... содержательную рецензию... – «Скандал в литературном семействе».

²⁶ «...Рассказывая о трудностях, которые подстерегали его, “пролетария умственного труда”, [сына евреев-иммигрантов из Восточной Европы]...» – В моем личном экземпляре журнальной вырезки рукой В. В. Кожина вписаны слова, обозначенные квадратными скобками, и снабжены примечанием: «Выброшено ЛИ-Том, хотя это цитата из Мулярчика».

²⁷ ...как отмечал недавно Н. Анастасьев... – В статье «От персонажа к герою. Американский роман в 70-е годы».

²⁸ ...статья Юрия Жукова... – «Адвокаты убийц».

²⁹ В связи с этим нельзя... не вспомнить более ранние его же рассуждения... – Речь идет о статье Н. Анастасьева «Неоавангардизм (Заметки о современной американской прозе)».

³⁰ ...номер журнала «Америка», осуждающий «покойного» Джона Гарднера... – Этот номер вышел в свет в январе 1982 года.

Нобелевский миф

Статья впервые была напечатана в периодическом сборнике: «Дневник писателя. Мифы» (март–апрель, 1996).

¹ Мне уже довелось кратко говорить об этом в 1990 году на страницах... журнала «Литературная учеба». – См.: В. В. Кожин. Нет истины, где нет любви // Литературная учеба. № 5, 1990.

² «Защитники» нобелевских экспертов ссылаются на отказ самого Толстого принять премию... – В январе 1902 года Лев Тол-

стой получил письмо от более чем сорока шведских писателей и художников, выступивших с протестом против несправедливого присуждения первой Нобелевской премии по литературе: «Ввиду впервые состоявшегося присуждения Нобелевской премии мы, нижеподписавшиеся писатели, художники и критики Швеции, хотим выразить Вам наше преклонение. Мы видим в Вас не только глубоко чтимого патриарха современной литературы, но также одного из тех могучих проникновенных поэтов, о котором в данном случае следовало бы вспомнить прежде всего, хотя Вы, по своему личному суждению никогда не стремились к такого рода награде. Мы тем живее чувствуем потребность обратиться к Вам с этим приветствием, что, по нашему мнению, учреждение, на которое было возложено присуждение литературной премии, не представляет в настоящем своем составе ни мнения писателей-художников, ни общественного мнения. Пусть знают за границей, что даже в нашей отдаленной стране основным и наиболее сильным искусством считается то, которое покоится на свободе мысли и творчества».

24 января 1902 года в шведской газете «Свенска Дагбладет» была напечатана статья Августа Стриндберга, писавшего о членах Академии: «Это недобросовестные ремесленники и дилетанты в литературе, которые почему-то призваны вершить суд, но понятия этих господ об искусстве так по-детски наивны, что они называют поэзией только то, что написано стихами, предпочтительно рифмованными. И если, например, Толстой навсегда прославился как изобразитель человеческих судеб, если он создатель исторических фресок, то он ими не считается поэтом на том основании, что он не писал стихов!»

Датский литературный критик Георг Брандес заявил в печати, что «Льву Толстому принадлежит первое место среди современных писателей. Никто не внушает такого чувства почитания, как он! Можно сказать: никто, кроме него, не внушает чувства почитания».

Ответ Льва Толстого последовал тогда после кампании в его защиту: «Дорогие и уважаемые собратья! Я был очень доволен тем, что Нобелевская премия не была мне присуждена. Во-первых, это избавило меня от большого затруднения распорядиться этими деньгами, которые, как и всякие деньги, по моему убеждению, могут приносить только зло, а во-вторых, это мне доставило честь и большое удовольствие получить выражение сочувствия со сторо-

ны стольких лиц, хотя и незнакомых мне, но все же глубоко мною уважаемых. Примите, дорогие собратья, выражение моей искренней благодарности и лучших чувств. Лев Толстой».

В 1906 году Льва Толстого выдвинула на Нобелевскую премию Российская академия наук, представляя романы «Война и мир» и «Воскресенье», а также публицистическое сочинение «Великий грех», направленное против частной собственности на землю. В этот раз Толстой отказался от премии уже предварительно в письме к финскому писателю Арвиду Енерфельду: «Если бы это случилось, мне было бы очень неприятно отказываться, а потому я очень прошу Вас, если у Вас есть – как я думаю – какие-либо связи в Швеции, постараться сделать так, чтобы мне не присуждали этой премии. Может быть, вы знаете кого-либо из членов, может быть, можете написать председателю, прося его не разглашать этого, чтобы этого не делали. Прошу Вас сделать, что Вы можете, к тому, чтобы они не назначали мне премии и не ставили меня в очень неприятное положение – отказываться от нее».

³ ...нобелевские премии мыслились как чисто европейские... – См.: «Завещание» Альфреда Нобеля: «Мое решительное намерение состоит в том, чтобы премии присуждались вне зависимости от национальной принадлежности кандидатов: лауреатом должен считаться самый достойный». Вполне возможно, что Нобель имел в виду «национальные принадлежности» Европы, и тогда слова Карла Вирсена о «ведущих писателях Европы» не расходятся по сути со словами учредителя премии.

⁴ Тем самым Шведская академия продемонстрировала свой отход от «европоцентризма»... в 1980-х годах премий были удостоены нигериец Воле Шойинка и египетский араб Нагиб Махфуз. – После Махфуза Нобелевскую премию по литературе получили следующие представители стран Азии и Африки: южноафриканка Надин Гордимер (1991), японец Кэндзабуро Оэ (1994), китаец (живущий во Франции) Гао Синнцзянь (2000), индус (живущий в Великобритании) Видьядхар Сурадхипрасад Найпол (2001), турок Орхан Памук (2006).

⁵ ...творчество... нобелевского лауреата Альбера Камю... – Альбер Камю получил Нобелевскую премию в 1957 г.

⁶ ...каждую шестую из них, получили писатели Скандинавии... – Бернстьерне Мартиниус Бьернсон (1903), Сельма Лагерлеф (1909), Карл Густав Вернер фон Хейденстам (1916), Карл

Адольф Гьеллеруп (1917), Хенрик Понттопидан (1917), Кнут Гамсун (1920), Сигрид Унсет (1928), Эрик Аксель Карлфельдт (1931), Йоханнес Вильхельм Йенсен (1944), Пер Фабиан Лагерквист (1951), Нелли Закс (немка, ставшая в 1940 году шведской подданной, 1966), Харри Эдмунд Мартинсон (1974), Эйвинд Юнссон (1974). Итого – 13 человек, а не 14.

⁷ ...позднее эксперты сожалели о своем решении... – Это сожаление в первый раз проявилось в 1935 г., когда Кнут Гамсун потребовал воспрепятствовать присуждению Нобелевской премии по литературе заключенному в немецком концлагере Карлу фон Осецкому.

⁸ ...историк Теодор Моммзен и философ Анри Бергсон... – Теодор Моммзен был удостоен Нобелевской премии в 1902 году, Анри Бергсон – в 1927-м.

⁹ ...Синклер Льюис, сказавший в своей речи о «великом Шервуде Андерсоне» (позднее о нем же говорил другой лауреат – Джон Стейнбек). – Гарри Синклер Льюис получил Нобелевскую премию в 1930 году. В своей Нобелевской лекции, названной «Страх американцев перед литературой», он произнес: «Мой великий коллега Шервуд Андерсон провозгласил Драйзера нашим ведущим писателем. Я с радостью к нему присоединяюсь... Однако если бы вы присудили премию мистеру Драйзеру, в Америке раздались бы стоны... Вам бы сказали также... что мистер Шервуд Андерсон самым зlostным образом заблуждается, считая половую жизнь столь же важным фактором, как и ужение рыбы». Джон Стейнбек стал нобелевским лауреатом в 1962 г. После получения премии он дал интервью, в котором прозвучал такой диалог с корреспондентом:

« – Так называемый век американского романа создали четверо или пятеро писателей: Фолкнер, Хэмингуэй, Дос Пассос и вы.

– Нет, его создали только двое: Шервуд Андерсон и Драйзер. Все пошло от них». (А. Илюкович... Стр. 110).

¹⁰ ...Хуан Хименес... заявил... что он считает истинно достойным награды... Федерико Гарсиа Лорку. – Хуан Рамон Хименес стал Нобелевским лауреатом в 1956 году. На вручении премии было объявлено, что «в его лице посмертно награждаются Антонио Мачадо и Федерико Гарсиа Лорка».

¹¹ ...Томас Манн и... Сол Беллоу поставили выше себя Джозефа Конрада... – Томас Манн стал лауреатом в 1929 г. Незадол-

го до смерти он написал: «В своем творчестве я вижу результат некоей очень личной и довольно сомнительной сделки с искусством, и когда я слышу, как меня называют “первым повествователем эпохи”, я закрываю себе голову. Глупости! Им был не я, им был Джозеф Конрад, что следовало бы знать. Никогда не смог бы я написать ни “Лорда Джима”, ни великолепного “Ностромо”; а если он, с другой стороны, никогда бы не смог написать “Волшебную гору” или “Фаустуса”, то этот ответный счет получается куда как в его пользу...» (Черновик письма Ирите ван Дорен от 28 августа 1957 года). Сол Беллоу получил премию в 1976 году. «Свою Нобелевскую лекцию Сол Беллоу начал и кончил анализом профессиональных взглядов Конрада...» (А. Илюкович... Стр. 108). В речи в Стокгольме на банкете он призвал «вернуться к простым и частным взглядам на человека, сформулированным Джозефом Конрадом».

¹² ...Франсуа Мориак... напомнил шведским экспертам... о не удостоенном премии шведе Августе Стриндберге... – Мориак стал лауреатом премии в 1952 году.

¹³ ...Уильям Фолкнер возвысил над самим собой Томаса Вулфа... – Уильям Фолкнер возвысил над самим собой Томаса Вулфа... Лауреат премии 1949 года, Фолкнер не произнес имени Томаса Вулфа в Нобелевской лекции. Но еще раньше в беседе со студентами университета в Миссисипи в 1947 г. назвал его первым писателем. Отвечая на вопрос: «кого бы вы назвали в числе пяти самых выдающихся современных писателей?» – он расставил имена в следующем порядке: 1. Томас Вулф. 2. Дос Пассос. 3. Хэмингуэй. 4. Кэзер. 5. Стейнбек. О Томасе Вулфе Фолкнер сказал: «Этот человек обладал великим мужеством и писал так, словно ему мало осталось жить».

¹⁴ ...Элиас Канетти – Роберта Музиля... – Элиас Канетти, ставший лауреатом в 1981 году, Нобелевской лекции не читал. О Музиле он высказался позднее: «Произведения Музиля восхищают меня по сей день, и научился я из них самому трудному: тому, что можно десятилетиями работать, не зная, возможно ли закончить свое произведение, это – отчаянная смелость, состоящая главным образом из терпения, которое предполагает почти нечеловеческое упрямство...»

¹⁵ ...Пабло Неруда – Поля Валери... – Ставший лауреатом в 1971 году Неруда прочел лекцию «На пути к лучезарному городу».

¹⁶ Ее... подхватил в 1987 году... Иосиф Бродский... – См.: Нобелевскую лекцию Иосифа Бродского: «Оказаться внезапно на этой трибуне – большая неловкость и испытание. Ощущение это усугубляется не столько мыслью о тех, кто стоял здесь до меня, сколько памятью о тех, кого эта честь миновала, кто не смог обратиться, что называется, “урби ет орби” с этой трибуны и чье общее молчание как бы ищет и не находит себе в вас выхода. Окажись на этой трибуне Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Роберт Фрост, Анна Ахматова, Уистен Оден, они невольно бы говорили сами за себя и, возможно, тоже испытывали бы некоторую неловкость...»

¹⁷ ...имена многих лауреатов в недалеком будущем совершенно померкнут... – Эти имена можно назвать уже сейчас: Пер Лагерквист (1951), Сальваторе Квазимодо (1959). Даже в полном справочнике «Лауреаты Нобелевской премии», вышедшем в Москве в 2006 году, указано в справке о поэте, что присуждение ему премии вызвало «удивление в литературных кругах», так как он «не считался самым значительным итальянским поэтом»), Иво Андрич (1961), Шмуэль Йосеф Агнон и Нелли Закс (1966), Сэмюэл Беккет (1969), Патрик Уайт (1973), Харри Мартинсон и Эйвинд Юнссон (1974), Сол Беллоу (1976), Алейксандре Висенте (1977), Исаак Башевис Зингер (1978), Элиас Канетти (1981), Клод Симон (1985), Вислава Шимборская (1996). И список этот можно продолжить.

¹⁸ ...не был... «диссидентом» (если воспользоваться нынешним термином)... – Термин «диссидент» впервые стал употребляться в русской печати в конце XIX века. Так называли, в частности, старообрядцев (см. И. Юзов. Русские диссиденты: старoverы и духовные христиане. Спб., 1881). Позже из этого понятия был вытравлен религиозный смысл – и само слово приобрело чисто политическое значение.

¹⁹ ...о чем еще в 1960-х годах... высказался в печати... – В статье «Поэты и стихотворцы» (Вопросы литературы. № 3, 1966).

²⁰ ...появились... беспрецедентные оценки... – Достаточно открыть газету «Московские новости» (№ 4, 1996) и прочесть следующее: «Скончался великий поэт Иосиф Бродский». А под этой шапкой: «Бродский при жизни стал классиком двух литератур... выдающееся явление» (Петр Вайль); «умер последний великий

русский поэт... ушел из жизни ведический мудрец, учивший последним истинам... великий мастер...» (Дмитрий Радышевский). И далее – под заголовком «Он обречен на бессмертие»: «Я считаю, что это был величайший поэт нынешнего дня» (Татьяна Бек. Аргументы и факты. № 5, 1996). «Во второй половине XX века Иосиф Бродский – самый яркий и талантливый продолжатель пушкинских традиций... Завершилась целая эпоха в жизни страны – эпоха Иосифа Бродского...» (Константин Кедров. Известия. 30 января 1996) «...Поэт, оказавший громадное влияние не только на русскую литературу последней трети века, но и на всю эпоху, к литературе мало благосклонную» (Б. Кузьминский. Сегодня. 30 января 1996). Сравнения с Пушкиным уже вовсю делались при жизни стихотворца: «В шестьдесят каком-то году в беглых заметках я сопоставил его имя с именем Пушкина...» (А. Найман. Сегодня. 30 января 1996). «Я бы тут обратился к знаменитой речи Достоевского о Пушкине – там говорится именно о всемирной восприимчивости. И, как русский поэт, Бродский воспринял эту классическую традицию и довел этот интерес и восприимчивость до максимума» (Время стихов. Беседа с Евгением Рейном // Московский комсомолец. 4 сентября 1988).

²¹ ...Борис Пастернак... стал лауреатом благодаря его вызвавшему громкий идеологический скандал роману. – См.: И. Толстой. Отмытый роман Пастернака. «Доктор Живаго» между КГБ и ЦРУ. М., 2008; Он же. «Доктор Живаго». Новые факты и находки в Нобелевском архиве. Прага, 2010.

²² ...семь писателей США (не считая трех недавних иммигрантов...)... – Гарри Синклер Люис (1930), Юджин О'Нил (1936), Перл Бак (1938), Уильям Фолкнер (1949), Эрнест Хэмингуэй (1954), Джон Стейнбек (1962), Сол Беллоу (1976). Ко времени написания «Нобелевского мифа» премию получила негритянская писательница Тони Моррисон (1993). Иммигранты – Чеслав Милош, переехавший в США в 1960 году (1980), Исаак Башевис Зингер, ставший иммигрантом в середине 1930-х гг. (1978), и Иосиф Бродский (1987), эмигрировавший из СССР в 1972 году и перешедший в США на английский язык.

²³ ...шесть писателей Швеции... – Сельма Лагерлеф (1909), Карл Густав Вернер фон Хейденстам (1916), Эрик Аксель Карлфельдт (1931), Пер Лагерквист (1951), Эйвинд Юнссон (1974), Хари Мартинсон (1974).

Гласность и вседозволенность

Опубликовано в книге В. В. Кожина «Статьи о современной литературе» (М., 1990).

¹ Я смог опубликовать ряд статей, написанных семь-десять лет назад. – К таким статьям относятся «Огни прошлого» (Литературная учеба. № 6, 1986), «Уроки истории» (Москва. № 11, 1986), «Прорыв к живому бытию» (Вопросы литературы. № 12, 1987), «Недостаток искусства или своеобразие?» (Сб. «Контекст. 1987» (М., 1988)).

² ...я написал и опубликовал сочинения, которые еще четыре года назад просто не стал бы писать (разве только для личного употребления). – В. В. Кожин имел в виду такие статьи, как «Необходимость героя» (Литературная газета. 11 июля, 1986), «Размывание критериев» (Литературная газета. 7 мая 1986), «Истинное и мнимое. Поэзия сегодня» (Сб. «Взгляд» (М., 1988)), «Творчество Илариона и историческая реальность его времени» (Вопросы литературы. № 12, 1988).

³ ...лакейски восхваляли брежневские мемуары... превращали весь облик США в «лицо ненависти»... – Имеется в виду В. А. Коротич, ставший в 1986 году главным редактором «Огонька», его рецензии на трилогию Л. И. Брежнева («Малая земля», «Целина», «Возрождение») (Политическое самообразование. № 2, 1982) и его книга «Лицо ненависти» (М., 1983).

⁴ ...занимались политиканством и интригами в свитах Суловых и Гришиных. – Речь идет о ректоре Историко-архивного института Ю. А. Афанасьеве, постоянном авторе журнала «Коммунист» и главный редактор «Книжного обозрения» Е. С. Аверин, бывший работник аппарата Московского горкома КПСС.

«Мы меняемся»? Полемические заметки о культуре, жизни и «литдеятелях»

Впервые опубликовано в журнале «Наш современник» (№ 10, 1987), причем при публикации была допущена ошибка в заголовке. Вопросительный знак не был вынесен за кавычки.

¹ ...прозу Набокова... – Впервые произведение Владимира Набокова (повесть «Защита Лужина») было напечатано в Советском Союзе в журнале «Москва» (№ 12, 1986).

² ...фильм «Покаяние»... – Фильм режиссера Тенгиза Абуладзе «Покаяние» был снят в 1984 году. Интерес представляет выступление Александра Шпагина в дискуссии «Двадцать лет без покаяния» (Искусство кино. № 11, 2004): «Я имею в виду огромную роль КГБ в подготовке перестройки. Шеварднадзе был с этой организацией связан напрямую и, думаю, это была непростая акция. За этот фильм, за его выход на экраны, конечно, боролись, но отчасти это было игрой. Картина вышла бы в прокат в любом случае, и не случайно она стала первой... Думаю, что все это готовилось заранее, как такая специальная акция. И ее эзопов язык, ее рыхловатость, недоделанность, невнятность, отсутствие состояния и многое другое как раз и говорит об определенной торопливости авторов...» В первом отснятом варианте не было ни выбрасывания из могилы трупа Варлама Аравидзе (главного героя-тирана), ни самоубийства его внука Торнике – эпизодов, которые потом стали ключевыми в публицистико-истерических отзывах на этот фильм. Они были досняты позже – для «пущего впечатления». Небезынтересны и слова Тенгиза Абуладзе: «Я выкопал Ленина из могилы, а мне дали Ленинскую премию!» Абуладзе также вспоминал слова Шеварднадзе: «Ты будешь преступником, Тенгиз, если не снимешь это кино!» Фильм получил приз экуменического жюри в Канне в 1987 г. Выпуск фильма на экран состоялся при непосредственном содействии А. Н. Яковлева. Э. А. Шеварднадзе занимал в СССР последовательно посты председателя КГБ Грузии, первого секретаря Коммунистической партии Грузинской ССР, министра иностранных дел СССР.

³ ...«литдеятель С.». – Имеется в виду критик и секретарь СП СССР Ю. Суровцев. Далее цитируются пассажи из его книги «Необходимость диалектики» (М., 1982).

⁴ ...с возмутительной по смыслу и тону бухаринской статьей «Злые заметки» (1927). – В «Злых заметках» Н. Бухарин писал о «возврате к Тютчеву и другим» как о признаке «шовинистического свинства».

⁵ ...К. В. Пигарев сказал в 1962 году о стихотворении «Умом Россию не понять...» Тютчева... – См.: К. Пигарев. Жизнь и творчество Тютчева (М., 1962).

⁶ ...«Без Тютчева нельзя жить». – Приведенные в воспоминаниях В. Ф. Мазурского слова Л. Н. Толстого.

⁷ ...П. Н. Лепешинский... счел необходимым добавить... – П. Лепешинский. У истоков партии (М., 1969).

⁸ ...достойного памятника Тютчеву нет до сих пор. – Ко времени написания статьи небольшой памятник Тютчеву (год установки – 1978) стоял в Овстуге. Но подлинно достойный памятник был установлен в Брянске 27 июля 2003 года.

⁹ «Счастлив, кто посетил сей мир»... – Строки из стихотворения Ф. И. Тютчева «Цицерон» (1829).

¹⁰ ...защищающий те же позиции С. Калтахчян... – Далее цитируется статья С. Калтахчяна «Куда стремится “единый поток”? О ленинской концепции “двух культур” и ее извращениях» (Советская культура. 17 марта 1987).

¹¹ Обращусь к... статье Василия Новикова «В. И. Ленин и культурное наследие». – В. И. Новиков. Бессмертье ленинских идей (В. И. Ленин и культурное наследие) (Сб. «Перспектива 87». (М., 1988)).

¹² ...Луначарский... с полной определенностью высказался... – См.: А. Луначарский. Ленин и искусство // Рабочий и театр. № 3, 1925.

¹³ ...С Бухариным, который сам об этом рассказал... – См.: Н. Бухарин. Речь на литературном совещании при ЦК ВКП(б) (Сб. «Вопросы культуры при диктатуре пролетариата» (М.–Л., 1925)).

¹⁴ ...решительное напоминание М. С. Горбачева... – Это напоминание прозвучало на встрече М. С. Горбачева с группой деятелей мировой культуры – участников международной встречи, прибывших в Киргизию по приглашению Чингиза Айтматова.

¹⁵ В.И.Ленин с тревогой говорил в 1920 году... – Цитируется речь В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи» на III Всероссийском съезде РЛКСМ 2 октября 1920 года.

¹⁶ О статье В. Плетнева... Ленин писал... – Речь идет о статье В. Ф. Плетнева «На идеологическом фронте» (Правда. 27 сентября 1922), на которой В. И. Ленин сделал соответствующие пометки. Цитируется набросок резолюции о пролетарской культуре (9 октября 1920).

¹⁷ ...В. И. Ленин ранее в еще более резкой форме писал Горькому... – Письмо В. И. Ленина М. Горькому от начала ноября 1913 года.

¹⁸ ...я... был хорошо знаком с одним из ближайших соратников Авербаха. – Речь идет о В. В. Ермилове, отце второй жены В. В. Кожина.

¹⁹ Один из немногих, он печатно покался за свои давние «разоблачительные» статьи о Николае Заболоцком и Андрее Платонове... – Речь идет о статьях В. В. Ермилова «Юродствующая поэзия и поэзия миллионов» (Правда. 21 июля 1933) и «Клеветнический рассказ Андрея Платонова» (Литературная газета. 4 января 1947). 17 апреля 1964 года был опубликован в «Литературной газете» диалог В. Левина и В. Ермилова «Связь времен», где В. Ермилов, в частности, сказал: «Я не сумел войти в своеобразие художественного мира Платонова, услышать его особенный поэтический язык, его грусть и радость за людей. Я подошел к рассказу с мерками, далекими от реальной сложности жизни и искусства».

²⁰ Ленин недвусмысленно писал... – Цитируется статья В. И. Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции» (1908).

²¹ ...приведу его короткий, но очень выразительный рассказ... – Цитируется письмо В. И. Ленина к Инессе Арманд от 30 января 1917 г.

²² ...ясно, сколь прав Горький, вспоминая о Ленине... – См.: М. Горький. В. И. Ленин. (1924).

²³ ...чуждые России «деятели» не раз обвиняли Ленина и в «душке крестьянской ограниченности», и в «крестьянском уклоне». – С наибольшей силой полемика между В. И. Лениным и «деятелями» по крестьянскому вопросу разразилась в 1914–1915 годах – преимущественно полемика шла с Троцким (См.: В. И. Ленин. О двух линиях революции). Позднее эти обвинения повторились в 1918 году в связи с Брестским миром. Карл Радек заявлял: «Мы стоим теперь перед капитуляцией, – и это главным образом потому, что пролетарская партия, став у власти, считалась прежде всего не с постоянными интересами рабочего класса и революции, а с настроением и давлением усталых крестьянских масс». Моисей Урицкий заявил на заседании ЦК 24 января 1918 года: «...Ошибка т. Ленина в настоящий момент та же, что была и в 1915 г., – а именно он смотрит на дело с точки зрения России, а не с точки зрения международной».

²⁴ ...Ленин еще в 1917 году писал... – Цитируются «Ответ на запрос левых эсеров» (речь на заседании ВЦИК 4 (17) ноября 1917), речь и резолюция по поводу заявления группы народных комиссаров об уходе из Совнаркома (1917), статья «Как организовать соревнование?» (24–27 декабря 1917 или 6–9 января 1918).

²⁵ В своей знаменитой статье-завещании «О кооперации» (1923)... – Эта статья была опубликована в «Правде» 26 мая 1923 года.

²⁶ Только в самое последнее время открыто поставлена задача возвращения на верный, ленинский путь. – Все пламенные речи, посвященные «строю цивилизованных кооператоров» в годы «перестройки», представляли собой циничную демагогию, подготавливавшую общество к людоедской приватизации. Эта демагогия ввела, к сожалению, в заблуждение далеко не только одного В. В. Кожина.

²⁷ Доктор экономических наук Я. Г. Либерман писал... – Цитируется работа Я. Либермана «Государственный бюджет и социалистическое воспроизводство» (1968).

²⁸ В докладе М. С. Горбачева на июньском Пленуме ЦК КПСС... – «О пятилетнем плане экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и задачах партийных организаций по его реализации» (Правда. 17 июня 1986).

²⁹ ...страстный призыв В. И. Ленина... – Цитируется доклад о работе в деревне на VIII съезде РКП(б) 23 марта 1919 года.

³⁰ Один из них писал в статье «Лев Толстой»... – Имеется в виду Л. Д. Троцкий и его статья «Лев Толстой» (1908).

³¹ «Мы мобилизуем крестьянскую силу...» – Цитата из доклада Троцкого IX съезду РКП(б) «Очередные задачи хозяйственного строительства» (март 1920).

³² ...М. Н. Покровский вспоминал о Ленине... – Н. М. Покровский. Чем был Ленин для нашей высшей школы // У великой могилы. М., 1924.

³³ Д. С. Лихачев писал о Бородинском поле... – См.: Д. С. Лихачев. Экология культуры // Памятники Отечества. № 2, 1980.

³⁴ ...современному «неформальному» патриотическому объединению «Память». – Общество «Память» – православное монархическое национальное движение. Как общественная организация оформилась в конце 1970-х годов. Официально было объявлено о создании в октябре 1985 года. 6 мая 1987 года провело первую несанкционированную демонстрацию в центре Москвы. Первый руководитель – Ким Андреев. 31 мая 1988 года было объявлено о создании Национально-Патриотического Фронта «Память» под руководством Д. Д. Васильева. В настоящее время – Русский Фронт Освобождения «Память».

³⁵ ...и нескольких других статей... – См., в частности, статьи А. Черкизова «Демократия – не распушенность» (Советская культура. 31 марта, 1987) и «О подлинных ценностях и мнимых врагах» (Советской культура, 18 июня 1987); Г. Алимова и Р. Лынева «Куда уводит "Память"?» (Известия. 3 июня, 1987); Н. Пасько «Бредни: Кто стоит в рядах "Памяти"» (Вечерняя Москва. 15 июня 1987); А. Киселева и А. Мостовщикова «Поговорим на равных» (Московские новости. № 20, 1987); А. Иванова «Гласность – это интеллигентность» (Московские новости. № 20, 1987).

³⁶ ...статья А. Головкова и А. Павлова (Огонек. 1987, № 21)... – «О чем шумите вы?»

³⁸ Рассуждая о разоблачаемом им в «Студентах» «космополите», сам Трифонов со всей ясностью сказал... – Эти слова были произнесены в заключение диспута о повести «Студенты», состоявшегося в МГПИ им. Ленина, в котором принимали участие студенты и аспиранты института.

³⁹ Даже в популярной песне... – Имеется в виду песня «День Победы» (слова Владимира Харитонов, музыка Давида Тухманова, 1975).

⁴⁰ ...печатала хвалебные отзывы о романах, помпезно изображавших коллективизацию... – Очевидно, имеются в виду рецензии Е. Стариковой на романы Ефима Пермитина «Горные орлы» (Знамя. № 7, 1952) и М. Тевелева «Свет ты наш, Верховина» (Дружба народов. № 4, 1953).

⁴¹ ...не в каком-нибудь «доме на набережной»... – «Дом на набережной» – бывший «Дом правительства», «Первый Дом Советов» или Дом ЦИК и СНК СССР по адресу: ул. Серафимовича, д. 2. Комплекс сооружений на Берсеневской набережной был построен в 1931 г. по проекту Б. М. Иофана для формировавшейся советской элиты. Этот дом стал главным «героем» романа его обитателя Ю. В. Трифонова – «Дом на набережной» (1976).

⁴² ...закон СССР «О всенародном обсуждении важных вопросов государственной жизни»... – Закон был принят 30 июня 1987 года.

Правда и истина

Впервые статья была опубликована в журнале «Наш современник» (№ 4, 1988).

¹ В 1947 году Михаил Пришвин записал размышление... – М. М. Пришвин. Дорога к другу («Дневники»).

² Спросите: руку твою протяни... – Черновые строфы стихотворения В. В. Маяковского «Император» (1928).

³ ...четверть века назад были опубликованы... фрагменты из переписки... Евгения Замятина и... Александра Воронского. – Цитируемые ниже отрывки из писем А. Воронского и Е. Замятина были приведены во вступительной статье А. Г. Дементьева «Воронский – критик» к тому «А. К. Воронский. Литературно-критические статьи» (М., 1963). Полностью письмо А. Воронского было напечатано в сб. «Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. Новые материалы и исследования» (М., 1983). Письмо Е. Замятина – в журнале «De vizu» (№ 0, 1992).

⁴ Я сосредоточусь на... романе Анатолия Рыбакова «Дети Арбата». – Роман был напечатан в журнале «Дружба народов» (№ 9, 10, 11, 1987).

⁵ ...сочинение А. Рыбакова получило самые громкие и восторженные отклики. – Далее цитируются строки из писем, полученных А. Рыбаковым и опубликованных им в «Огоньке» (№ 27, 1987):

«Вы написали грандиозное произведение о 30-х годах, дали углубленный разрез общества от ЦК партии “до самых до окраин”, показали многие стороны жизни того времени, почти не отраженные в литературе» (Василь Быков).

«Я бы сравнил роман с холстами наших лучших передвижников – Сурикова, или Ге, или Ярошенко. Та же спокойная, трезвая живопись, та же поэзия реальности, такое же богатство художественной идеи, та же точность деталей, та же содержательность правды» (Вениамин Каверин).

«Ваш роман – это масштабное историко-социальное полотно, написанное неторопливой реалистической кистью художника, поставившего перед собой трудную, но благородную, а подчас и мучительную задачу исследования “белых пятен” на карте истории...» (Евгений Евтушенко).

«Читал Ваш роман с чувством огромной радости, что наконец-то нашелся среди нас человек, который осмелился сказать подлинную правду о времени» (Вячеслав Кондратьев).

«...Это произведение, отмеченное ярким талантом, – точная, непредвзятая, не злобствующая, а справедливая и гуманная лептопись» (Булат Окуджава).

«Я не колеблюсь сказать, что эта правда – шекспировская, и только прошу судьбу об одном: чтобы у нас сейчас хватило сил выслушать эту правду» (Лев Аннинский).

⁶ ...в «Правде» был опубликован текст речи Сталина... – Текст речи «Троцкистская оппозиция прежде и теперь», произнесенной 23 октября 1927 года на заседании объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б).

⁷ ...объединенный пленум МГК ВКП(б) и Моссовета так обращался к Кагановичу... – Пленум прошел 10–11 июля 1935 года. Приветствие Л. М. Кагановичу было напечатано в «Рабочей Москве» 14 июля 1935 г.

⁸ ...тем же пафосом прониклись влиятельнейшие писатели тогдашней Европы... – См.: Анри Барбюс: «Если Сталин верит в массы, то и массы верят в него. В новой России – подлинный культ Сталина, но этот культ основан на доверии и бреет свои истоки в низах. Человек, чей профиль изображен на красных плакатах – рядом с Карлом Марксом и Лениным, – это человек, который заботится обо всем и обо всех, который создал то, что есть, и создаст то, что будет. Он спас. Он спасет» (Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир. М., 1935). Ромен Роллан: «Я прочел с большим интересом беседу Сталина с Уэллсом. Я восхищаюсь необыкновенной выдержкой Сталина и силой его ума, которая находит свое выражение в словах, столь прямотдушных, столь значительных и вместе с тем столь взвешенных. Уже давно я поражаюсь гранитной твердости его мысли, сочетающейся с практическим пониманием людей и обстоятельств, отточенным богатым и многообразным опытом. Это поистине великий государственный деятель» (Писатели мира о Сталине // Новый мир. № 4, 1953). Лион Фейхтвангер: «...Сталин действительно является плоть от плоти народа. Он сын деревенского сапожника и до сих пор сохранил связь с рабочими и крестьянами. Он больше, чем любой из известных мне государственных деятелей говорит языком народа... Сталин выделяется из всех мне известных людей, стоящих у власти, своей простотой... Он извинил своих крестьян и рабочих тем, что они были слишком заняты другими делами и не могли развить в себе хороший вкус, и слегка пошутил по поводу сотен тысяч увеличенных до чудовищных размеров портретов человека с усами, – портретов, которые мелькают у него перед глазами во время демонстраций...» (Москва 1937. М., 1937). Поль Элюар: «Я стоял на трибуне как зачарованный, меня

до глубины души тронули ликование толпы, единение народа и вождя, демонстрация любви советских людей к великому Сталину. Первомайская демонстрация в Москве явила собой не только весну в природе, но и весну человечества» (Московская правда. 20 мая 1950). Луи Арагон: «Мы как будто бы еще говорим с ним, словно с живым, и мы заявляем ему: товарищ Сталин, мы обещаем быть верным Вашему учению, всегда идти по пути, освещенному Вашим светлым именем...» («Всегда идти по пути Сталина» // Правда. 12 марта 1953 года). В 1953 году Арагон заказал Пабло Пикассо портрет Сталина, чтобы советский вождь остался в памяти во веки веков. И этот портрет был написан.

⁹ ...открытое письмо Роллана Сталину... См.: Ромен Роллан. Собрание сочинений. Т. 13. М., 1958. Стр. 392.

¹⁰ ...брошюрой Берии. — Имеется в виду доклад Л. Берии на собрании Тифлисского партактива «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» 21–22 июля 1935 г. Отдельным изданием вышла в Партиздате в 1936 г.

¹¹ ...Ф. Энгельс очень просто и... убедительно сформулировал... — Письмо Фридриха Энгельса Йозефу Блоху (21–22 сентября 1890).

¹² «...Господствует необходимость, дополнением и формой которой является случайность»... — Цитируется письмо Фридриха Энгельса Виктору Адлеру (11 января 1894).

¹³ Ф. Энгельс... заключил так... — Письмо Фридриха Энгельса В. Боргису (25 января 1894).

¹⁴ ...о котором Ф. Энгельс писал... — В статье «Положение Англии. Восемнадцатый век» (февраль 1844).

¹⁵ ...Энгельс резюмировал... — Письмо Фридриха Энгельса Йозефу Блоху (21–22 сентября 1890).

¹⁶ ...«детскоарбатское» представление об истории... — В печати это выражение появилось на страницах «Нашего современника» в письме читательницы Веры Евстафьевой: «Почему у нас публикуется детско-арбатская литература и занимает главенствующее положение во всей литературе вообще?» (Наш современник. № 10, 1988).

¹⁷ ...Ф. Бурлацкий, отвергая упрощенные решения, говорит... — Освободиться от деформации социализма. Диалог Л. П. Буревой, Ф. М. Бурлацкого и О. П. Темушкина, показанный 17 апреля 1988 года по центральному телевидению, выдержки из которого были опубликованы в «Аргументах и фактах».

¹⁸ ...В. З. Дробижев и Ю. А. Поляков пишут... – В статье «Историческая демография – важное направление научных исследований» (сб. «Историки спорят. Тринадцать бесед»...).

¹⁹ ...в воспоминаниях А. И. Микояна «В начале двадцатых»... – А. Микоян. В начале двадцатых. М., 1975.

²⁰ Недавно известный скульптор В. Лемпорт опубликовал статью... – Статья «Счищая накипь» была опубликована в газете «Московский художник» (№ 43, 1987).

²¹ «По оврагам и по скатам...» – Из поэмы Эдуарда Багрицкого «Дума про Опанаса» (1926).

²² «Но лишь трехдюймовки по деревьям...» – Из стихотворения Николая Ушакова «Зеленые» (1926).

²³ ...только серьезное и глубокое исследование конкретных обстоятельств... – Такие исследования были проведены гораздо позже. Среди них можно отметить исследования книги Н. Ивницкого «Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов)» (М., 1996), Н. Тепцова «В дни великого перелома. Правда о раскулачивании в секретных документах» (М., 2002), а также книгу Е. Прудниковой «Сталин. Битва за хлеб» (М., 2010).

²⁴ ...если воспользоваться словами Ленина... – В. И. Ленин. Пророческие слова // Правда. 2 июля 1918 г.

²⁵ ...Михаил Алексеев в своем повествовании «Драчуны»... – Роман «Драчуны» был опубликован в журнале «Наш современник» в 6, 7, 9 номерах за 1981 год. См. также: Письма читателей о романе «Драчуны» (Литературное обозрение. № 12, 1988).

²⁶ ...этот результат переписи был опубликован лишь в 1960-х годах... – См.: Курс демографии. М., 1967; А. М. Вострикова, П. Г. Подъячих. Статистика населения // В сб.: «История советской государственной статистики» (М., 1969); Г. А. Павлов. Советские переписи населения (1920–1969) // В сб.: «Советская статистика за полвека (1917–1967)» (М., 1972).

²⁷ М. Тольц на страницах «Огонька» (1987, № 51)... – М. С. Тольц. Сколько же нас тогда было. См.: также: М. Тольц. Все ли узнает статистика? (Советская культура. 31 мая 1988).

²⁸ ...Анатолий Ланшиков опубликовал... размышление об одном очерке В. Травинского... – Очерк В. Травинского «К портрету державы» был опубликован в ж. «Знамя» (№ 11, 1967). См. статью А. Ланшикова «Деревня и “деревенская проза”» (Анатолий Ланшиков. Вопросы и время. М., 1978).

²⁹ ...я не могу забыть возмущения, вызванного во мне одним рассуждением В. Лакшина. – Далее цитируется статья В. Лакшина «Иван Денисович, его друзья и недруги» (Новый мир. № 1, 1964).

³⁰ ...к сообществу, которому Михаил Лобанов... дал меткое определение – «просвещенное мещанство». – Статья М. П. Лобанова «Просвещенное мещанство» была напечатана в журнале «Молодая гвардия» (№ 4, 1968).

³¹ ...та лобановская статья вызвала прямо-таки бешеные нападки! – См.: В. Ковский. Об интеллектуализме, мещанстве и чувстве времени (Литературная газета. 23 октября 1968); И. Мотышов. Ответственность художника (Вопросы литературы. № 12, 1968); Л. Крячко. Соблазны «технизма» и духовность (Литературная газета. 22 января 1969); А. Дементьев. О традициях и народности (Новый мир. № 4, 1969); Ф. Чапчахов. Уроки минувшего (Литературная газета. 18 февраля 1970); А. Широков. «Банные традиции» и «современная цивилизация» (Комсомольская правда. 9 сентября 1971). Показательно в этом отношении письмо М. П. Лобанова в редакцию журнала «Вопросы литературы»:

«Необходимая реплика.

В апреле 1969 года проходил пленум Совета по литературной критике при правлении Союза писателей СССР. Один из докладчиков на этом пленуме, Ю. Суровцев, на мой взгляд, бездоказательно обвинил ряд критиков журнала «Молодая гвардия», в том числе и автора этого письма, не в чем ином, как в бесклассовом подходе к литературе и к самой истории России. Выступил и я на этом пленуме, считая нужным подчеркнуть, как важна для плодотворной работы нашей критики выработка общественно-эстетических критериев, достойных современного этапа народной жизни. Мне пришлось тогда показать (и это можно прочесть в стенограмме пленума), что обвинения Ю. Суровцева лишены оснований. Вот, например, Ю. Суровцев цитирует фразу из моей статьи: “У великих русских писателей была культура исторического мышления, т.е. совесть не только перед своими современниками, но и перед потомками. Писатель помнил: а что скажут обо мне потомки?” Ю. Суровцев увидел криминал в слове “совестливость”. Зацепившись за это слово, он вывел заключение о том, что критик не отделяет “демократическую культуру от культуры реакционной”, что он не видит в творчестве Л. Толстого противоречий, а это расходится с ленинской характеристикой творчества Толстого, и т.д.

В журнале “Вопросы литературы” (1969, № 8) напечатан обстоятельный отчет о работе названного пленума. В этом отчете даны все выступления, кроме моего. В журнале приводятся оценки Ю. Суровцева, в частности: “Ю. Суровцев подробно анализирует некоторые статьи М. Лобанова и других, напечатанные в журнале “Молодая гвардия”, и подвергает их критике за одно-сторонние, недиалектичные, а подчас и внеклассовые представления об истории России, о русском народе и русской культуре”. Самая элементарная добросовестность предполагает, так сказать, выслушать и “другую сторону” при столь грозном заявлении. Но о моем выступлении ни слова...

Думается, что журнал “Вопросы литературы”, опубликовав мое письмо, поправит это недоразумение.

М. Лобанов».

Письмо было опубликовано в «Вопросах литературы» (№ 2, 1970).

³² Писатель Юрий Трифонов издал книгу «Отблеск ко-стра»... — Книга была издана в 1967 году.

³³ ...или на улице Грановского... — На этой улице (она носила данное название с 1920-го по 1993 год) располагался 5-й Дом Советов, где жили государственные и партийные деятели, а также маршалы Советского Союза.

³⁴ ...ныне он герой нескольких книг и кинофильмов... — В частности, С. В. Пузицкий фигурировал в книге В. Ардаматского «Возмездие» (М., 1968), а также в сборнике «Мы из ЧК» (Алма-Ата, 1973, 1975). Его образ также воплощен в кинофильмах «Операция “Трест”» (1968) и «Синдикат-2» (1980).

³⁵ ...после 1956 года он издал две книги мемуаров... — См.: С. Аралов. Воспоминания советского дипломата 1922–1923. М., 1960; С. Аралов. Ленин вел нас к победе. М., 1962.

³⁶ ...меня глубоко возмущает следующее рассуждение И. Эрэнбурга в его известных мемуарах «Люди, годы, жизнь»... — Далее цитируется пассаж из 4-й книги сочинения И. Г. Эрэнбурга «Люди, годы, жизнь» (гл. 7).

³⁷ Белинский так и писал об Иване IV... — См.: В. Белинский. Россия до Петра Великого (1841).

³⁸ Александр Герцен... «О развитии революционных идей в России»... — Книга была написана в 1869 году.

³⁹ ...в донесении генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова Николаю I... — Цитируется донесение от 13 июля 1826 года.

⁴⁰ Кондратий Рылеев воскликнул тогда... – На самом деле процитированные слова принадлежали С. Муравьеву-Апостолу (См.: В. Афанасьев. Кондратий Рылеев. М., 1982. Стр. 311).

⁴¹ ...Алексис Токвиль... писал... – Алексис де Токвиль. Старый порядок и революция (1856).

⁴² В 1965 году И. Эренбург писал... – См.: И. Г. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книга VI. Гл. 7.

⁴³ ...Марина Цветаева обращается... – Далее цитируются воспоминания М. И. Цветаевой «Дом у Старого Пимена» (1933).

⁴⁴ ...о чем мне уже довелось сказать в печати... – Ответ В. В. Кожина на анкету «Предварительные итоги литературного года» журнала «Дружба народов».

⁴⁵ Статья «Правда и истина»... вызвала множество резких нападок, особенно на страницах журнала «Огонек»... – См.: М. Тольц. Письмо в редакцию (№ 20, 1988); С. Рассадин. Все поделить? (№ 20, 1988); он же. Кое-что о профессионализме (№ 48, 1988); В. Лакшин. В кильватере (№ 26, 1988); А. Рыбаков. Вступление к главам из романа «Тридцать пятый и другие годы» (№ 30, 1988); Н. Иванова. От «врагов народа» – к «врагам нации»? (№ 36, 1988) и др. Кроме публикаций в «Огоньке» стоит назвать еще статьи Д. Казутина «Возрождение политического самосознания» (Московские новости. 8 мая 1988), А. Тимофеевского «Москва слезам не верит» (Искусство кино. № 10, 1988), С. Радкевича «...Обрекает на хождение по кругу» (Знание – сила. № 2, 1989).

⁴⁶ ...«Огонек»... вдруг «прозрел» и напечатал следующее... – Цитируется статья В. Костикова «Из шагреневой кожи».

1948–1988. Мысли и отчасти воспоминания об «изменении» литературных позиций

Впервые опубликована в журнале «Литературная учеба» (№ 3, 1988).

¹ Несколько вступавших со мной за последнее время в полемику литераторов... – См.: Б. Сарнов. Какого роста был Маяковский? (Огонек. № 20, 1988), В. Лакшин. Как ловчат противники перестройки (Московские новости. № 18, 1988). См.: также интервью Г. Бакланова «О правом деле и мнимых истинах» в «Советской культуре» (26 мая 1988).

² ...основной смысл выступления Игоря Виноградова... – Статья И. Виноградова «Перед лицом неба и земли» (Литературная учеба. № 1, 1988).

³ ...в полемических заметках Владимира Этова и Дмитрия Урнова. – Статьи В. Этова «Надо ли выплескивать с водой ребенка?» и Д. Урнова «О пользе разногласий» (Литературная учеба. № 2, 1988).

⁴ ...десятки авторов... надрывно кричат об этой исключительной роли. – Достаточно назвать статьи М. И. Твардовской (Новый мир. № 3, 1987), Ю. Г. Буртина (Октябрь. № 8, 1987), Ю. Ф. Карякина (Знамя. № 9, 1987), С. И. Чуприна (Вопросы литературы. № 4, 1988) и др.

⁵ «Новый мир»... напал... на критиков, которые... осмеливались хотя бы вспомнить эти имена. – См., например: А. Дементьев. О традициях и народности (№ 4, 1969).

⁶ ...все кому не лень пытаются убедить читателей, что «Новый мир» стал-де жертвой... «русофильского» направления. – См.: Г. Бакланов. О правом деле и мнимых истинах (Советская культура. 26 мая 1988); И. Дементьева. Есть хорошее народное слово... Открытое письмо писателю Анатолию Иванову, главному редактору журнала «Молодая гвардия» (Юность. № 7, 1988); Н. Ильина. Здравствуй, племя, младое, знакомое (Огонек. № 2, 1988); Е. Г. Вал. Письмо в редакцию (Огонек. № 10, 1988); В. Лакшин. В кильватере (Огонек. № 26, 1988) и др.

⁷ ...см.: статью П. Строкова... – «О народе-«Саврасушке», о «загадках» русского характера и исканиях «при свете совести». Эта статья появилась в ответ на статью В. Шошина «Заре навстречу» (Октябрь. № 10, 1968), положительно оценившую статьи В. Чалмаева и М. Лобанова в «Молодой гвардии», что говорит о противоречиях внутри самой редакции «Октября».

⁸ ...воспоминания... Г. Брейтбурда... – См.: Г. Брейтбурд. Твардовский в Италии // Воспоминания о Твардовском. М., 1982.

⁹ ...я писал в статьях, посвященных ранним повестям А. Битова... – «Современность искусства и ответственность человека» (Московский комсомолец. 7 июня 1966) и «Искусство живет современностью» (Вопросы литературы. № 10, 1966).

¹⁰ ...не вписывались в нее и... Виктор Астафьев и Валентин Распутин. – В. Распутин в «Новом мире» у Твардовского не печатался никогда. А В. Астафьев опубликовал лишь один рассказ «Ясным ли днем» (№ 7, 1967).

¹¹ ...критика, опиравшаяся на творчество Астафьева или Битова (а в поэзии, скажем, Рубцова или Соколова), отличалась... от «новомирской»... – Сказанное В. В. Кожинным нуждается в определенных уточнениях. Один из первых серьезных откликов на творчество В. П. Астафьева – повесть «Звездопад» – был напечатан именно в «Новом мире» (Э. Кузьмина // Таежные звезды. № 7, 1962). Но «своим» автором для «Нового мира» Астафьев так и не стал (о чем он по существу и написал в повести «Зрячий посох» при всех отпущенных хвалебных выражениях А. Г. Дементьеву, как первому заместителю А. Т. Твардовского). Следующий отзыв на творчество Астафьева – рецензия на повесть «Кража» (Ф. Левин. Детский дом в Краесветске. № 6, 1967). И, наконец, статья Инны Борисовой «Вступление» (№ 1, 1970). Это был последний номер журнала, подписанный Твардовским, как главным редактором. При этом Астафьев одновременно (и в гораздо больших масштабах) печатался и в «Нашем современнике» (аж с 1961 года), и в «Молодой гвардии». Никогда не печатал «тот» «Новый мир» стихотворений Николая Рубцова, как и отзывов на его стихи. Что касается Владимира Соколова, то при Твардовском он печатался трижды (№ 4, 1960; № 1, 1967; № 9, 1968), в журнале появилось в общей сложности 5 его стихотворений (и одна рецензия Ю. Айхенвальда на сборник «Снег в сентябре» (№ 5 за 1969)). Одновременно его стихи печатали «Октябрь» (№ 2 и № 11, 1965; № 1, 1968), «Молодая гвардия» (№ 6, 1965), «Наш современник» (№ 8, 1970). В одном этом номере было напечатано столько же его стихотворений, сколько за все время в «твардовском» «Новом мире», «Огонек» (№ 29, 1970. В одном № 39 «софроновского» «Огонька» за 1972 год было напечатано 12 стихотворений Соколова – в два раза больше, чем за все время его печатания «у Твардовского»). А на протяжении последующего десятилетия (1970-е годы) его стихи регулярно появлялись на страницах «Нашего современника». В «Новом мире» при Твардовском печатались также стихотворения Анатолия Передреева, Татьяны Глушковой и Светланы Кузнецовой, но как и Соколова, и Астафьева – их невозможно числить в «новомирском» лагере.

¹² ...появляющиеся в последнее время сочинения писателей, которые тогда вполне «заслуженно» получали Сталинские премии, а теперь... разоблачают... глупых «сталинистов»... – В первую очередь речь идет об А. Рыбакове, получившем Ста-

линскую премию за роман «Водители», а в 1987 году опубликовавшем роман «Дети Арбата».

¹³ В печати... сообщалось, что С. П. Королев, находившийся в 1953 году в заключении... рыдал при известии о смерти Сталина... – С. П. Королев был в июле 1944 года досрочно освобожден со снятием судимости. В 1950 году был назначен начальником и главным конструктором ОКБ № 1 в подмосковном Калининграде. В письме жене от 8 марта 1953 г. он писал: «Слушали по радио похороны товарища Сталина. Как страшно тяжело... Я плакал... Кроме неисчерпаемого народного горя к тому, что было сказано... добавить нечего. Наш товарищ Сталин будет вечно жить с нами».

¹⁴ ...это явствует... из воспоминаний вдовы Осипа Мандельштама... – См.: Надежда Мандельштам. Воспоминания. Нью-Йорк, 1970 (главы «Истоки чуда» и «Антиподы»). Замечательны посвоему и строки из письма Николая Харджиева Борису Эйхенбауму (ноябрь 1932) о вечере поэзии Осипа Мандельштама 10 ноября 1932 года в редакции «Литературной газеты»: «зрелище было величественное. Мандельштам, седобородый патриарх, шаманил в продолжение двух с пол. часов. Он прочел все свои стихи (последних двух лет) – в хронологическом порядке! Это были такие страшные заклинания, что многие испугались. Испугался даже Пастернак, пролепетавший: “Я завидую Вашей свободе. Для меня Вы новый Хлебников. И такой же чужой. Мне нужна несвобода...”» (Б. Эйхенбаум. О литературе. М., 1987, стр. 532).

¹⁵ Его поэтические книги, изданные в 1943, 1945 и 1948 годах... – «На ранних поездах» (1943), «Земной простор» (1945), «Избранные стихи и поэмы» (1945), «Избранное» (1948. Тираж этой книги был уничтожен).

¹⁶ ...к «друзьям на Востоке и на Западе»... – См.: Б. Пастернак. Друзьям на Востоке и на Западе. Новогоднее поздравление (1957).

¹⁷ Я писал о ней в статье, опубликованной... в 1978 году... – «Проблема автора и путь писателя: (На материале двух повестей Юрия Трифонова)» (Сб. «Контекст-1977: Литературно-критические исследования» (М., 1978)).

¹⁸ Впоследствии Ю. Трифонов неоднократно писал... – См.: Ю. Трифонов. Краткое в бесконечном. Беседа с А. Бочаровым (Вопросы литературы. № 8, 1974). Роман с историей. Интервью для немецкого журнала «Ваймарер баттраге» (Вопросы литературы. № 5, 1982).

¹⁹ Об этом... много раз говорили «защищавшие» писателя критики... – Например, Н. Иванова в книге «Проза Юрия Трифонова» (М., 1984), В. Кардин в статье «Времена не выбирают» (Новый мир. № 7, 1987), Б. Сарнов в статье «Кому улыбался Блок?» (Огонек. № 3, 1988).

²⁰ ...опубликовал, еще будучи студентом, несколько литературоведческих статей... – «По поводу одной неверной статьи» (в соавторстве со С. Лесневским. Литературная газета. 11 ноября 1952), «Некрасов и Маяковский» (Литературная газета. 14 июля 1953).

²¹ ...вспомним популярнейшего стихотворца, который в 1952 году издал книжку, наполненную безмерными восхвалениями Сталина... а всего через несколько лет сочинял уже «анти-сталинские» стихи... – Имеется в виду Е. Евтушенко, его книга «Разведчики грядущего» (М., 1952) и стихотворение «Наследники Сталина» (1962).

²² ...ибо на них оказывалось тяжкое давление. – В. В. Кожин здесь, скорее всего невольно, упростил ситуацию. Давление, безусловно, оказывалось. Но помимо «давления» было еще и неугасшее за десятилетия искреннее желание «посчитаться». Многие из «космополитов» конца 1940-х годов в свое время (в 1920–1930-е годы) принимали активнейшее участие в погроме русской культуры и современных им русских писателей. И этого никто не забыл. Так же, как никто не забывал ни в 1930-е, ни в 1940-е тяжелого урона, который был причинен им самим, близким или друзьям в годы Гражданской войны или коллективизации.

²³ Один критик... – Имеется в виду Зиновий Паперный.

²⁴ ...Я не вхожу в подробности дела... – «В подробности дела» вошел Иван Толстой, опубликовавший ценное сочинение «Отмытый роман. Загадки первого русского издания “Доктор Живаго”» (М., 2006).

²⁵ Общее собрание московских писателей... – Это собрание состоялось в Доме кино 31 октября 1958 года. Председательствовал С. С. Смирнов. Выступали Л. Ошанин, К. Зелинский, В. Герасимова, В. Перцов, А. Безыменский, А. Софронов, С. Антонов, Б. Слуцкий, Г. Николаева, В. Солоухин, С. Баруздин, Л. Мартынов, Б. Полевой.

²⁶ Общее собрание... единодушно проголосовало за исключение Пастернака из Союза писателей... – Решение было принято еще на совместном заседании Президиума Правления

СП СССР, бюро Оргкомитета СП СССР и Президиума Правления Московского отделения СП СССР 27 октября 1958 года (в заседании принимал участие 61 человек). Но голосование было отнюдь не единодушным. Два писателя – А. Т. Твардовский и Н. М. Грибачев – проголосовали против исключения Пастернака из Союза писателей.

²⁷ Если... назвать имена выступавших... или подписавших опубликованные резолюции... – На выступления 31 октября 1958 года записалось еще 12 человек (Е. Долматовский, С. Васильев, М. Луконин, Г. Серебрякова, П. Богданов, П. Арский, П. Лукницкий, С. Сорин, В. Инбер, Н. Амегова, В. Дудинцев, Р. Азарх, Д. Кугультинов).

²⁸ И когда сегодня иные литературные хамелеоны говорят... о «постыдной странице» в биографии Бориса Слуцкого... – В первую очередь имеются в виду Ольга Ивинская («Годы с Борисом Пастернаком») и Евгений Евтушенко: «Это был его единственный постыдный, трагически необратимый поступок» (предисловие к подборке стихотворений Слуцкого в журнале «Огонек»). См.: также: П. Карп. Культ безличности (Книжное обозрение. 23 ноября 1988). Небезынтересен пассаж из статьи В. Солоухина «Пора объясниться»: «Скажем, Борис Слуцкий был уже не молод, был он не глуп, и был он не трус, прошел как-никак войну. Тогда что же?.. Условимся, что все мы, четырнадцать человек, были трусами, приспособленцами, подхалимами, предателями и подонками, что нам действительно “не отмыться”. Но, дорогие мои, хорошие, ведь в зале, где проходило собрание, присутствовало не менее пятисот писателей. Наверняка там сидели и те, которые говорят теперь, что нам не “отмыться”, которые уже тогда считали Пастернака гением XX века» (Советская культура. 6 октября 1988). Солоухину ответил Г. Поженян, причем в своем «ответе» написал о Слуцком буквально следующее: «Мучил грех и Бориса Слуцкого. Врачи подозревали, что его выступление на том позорном заседании стало причиной его неизлечимой душевной болезни» (Г. Поженян. Пора объясниться? Ну что же... // Советская культура. 13 октября 1988).

Схожее объяснение поступку Слуцкого дал и «выдающийся скандалист» (по характеристике В. Бушина) Григорий Свирский: «...Первым сломался Борис Слуцкий, самый мужественный и зрелый поэт антисталинского года. Он посчитал, что публикация “Доктора Живаго” за границей и ярость партийной бюрократии

в связи с этим подбивает ноги всей молодой литературе. Из-за Пастернака добьют всех... Он позволил себе принять участие в поношении Пастернака в 1959 году.

"Балалайка с одной струной" – незло называли его в Союзе писателей. Струной этой, т.е. его, Бориса Слуцкого, темами, были солдатское мужество, прямота, чистота.

Эта струна лопнула, а другой струны в поэзии его – не было...» (Г. Свирский. Литература нравственного сопротивления 1946-1976. Лондон, 1979).

Иное, нежели и Кожин, и Евтушенко, и Солоухин, и Поженян, и Свирский дал объяснение поступку Слуцкого Станислав Куняев: «По словам Евтушенко, "Борис Слуцкий, человек этически безупречный, совершил в жизни одну-единственную ошибку, постоянно мучившую его": он осудил Пастернака за публикацию на Западе романа "Доктор Живаго". Думаю, что Евтушенко здесь недооценивает цельности и твердости натуры Слуцкого. Да никто бы не смог заставить его осудить Пастернака, ежели бы он сам этого не хотел. А осудил он его как идеолог, как комиссар-политрук, как юрист советской школы, потому что эти понятия, всосанные им в тридцатые годы, как говорится, с молоком матери, были для Слуцкого святы и непогрешимы еще в конце пятидесятых годов. С их высоты он мог осудить не только Пастернака, нанесшего, по его мнению, некий моральный ущерб социалистическому отечеству. С их высоты он, юрист военного времени, вершил суд и справедливость в военных трибуналах, в особых отделах, в военной прокуратуре... Думаю, что воспоминания об этом периоде жизни мучили Слуцкого куда сильнее, нежели пропагандистская история с Пастернаком, в конечном счете лишь пролившая воду на мировую славу поэта» (Я вычитал у Энгельса, я разузнал у Маркса // Наш современник. № 2, 1991).

²⁹ ...тот самый критик... заявил... что я в свое время «громил» Пастернака... – Зиновий Паперный не только заявил, но и написал, и напечатал об этом (правда, не называя имени В. В. Кожина): «На одном из собраний, посвященных "делу" Пастернака, известный критик выступил как обвинитель. Его спросили потом, ради чего он так старается. Он важно ответил: "Вы меня осуждаете только потому, что не в курсе дела. Накануне собрания меня вызвали и сказали, что я должен выступить. Так что я не по своей воле..."» (З. Паперный. Разделяя свою точку зрения... // Взгляд. М., 1988).

³⁰ ...редактор популярнейшего журнала... – В. Коротич, бывший в это время главным редактором «Огонька».

³¹ Я входил тогда в группу молодых... сотрудников Института мировой литературы... – В эту же группу входили П. Палиевский, С. Бочаров, Г. Гачев, В. Д. Сквозников, Е. М. Мелетинский и др.

³² В свое время Ю. Трифонов писал... – В романе «Студенты» (1950).

³³ А через два десятка лет он же с негодованием говорил о Е. Дороше... – См.: Ю. Трифонов. Вспоминая Твардовского // Огонек. № 44, 1986.

³⁴ «Самое легкое и самое трудное дело»... – Статья была напечатана в «Литературной газете» от 12 августа 1970 года.

³⁵ ...и даже прямо писал об этом... – Имеются в виду такие статьи В. В. Кожинова, как «К методологии истории русской литературы» (Вопросы литературы. № 5, 1968), «Национальная литература: прошлое или будущее» (Литературная газета. 23 июля 1969), «О главном в наследии славянофилов» (Вопросы литературы. № 10 1969), «О «поэтической эпохе» 1850-х годов» (Русская литература. № 3, 1969).

³⁶ Но давно уже пришел к выводу, что это... и невозможно, и не нужно. – См.: статью «И назовет меня всяк сущий в ней язык...» (1980), См. стр. 143 наст. изд.

³⁷ ...статья Петра Палиевского о Шолохове... – П. Палиевский. Мировое значение Шолохова (1969).

³⁸ ...Леонтьев в своем знаменитом трактате... – К. Н. Леонтьев. О романах гр. Л. Н. Толстого. Анализ, стиль и веяние (критический этюд). Писано в Оптиной пустыни в 1890 г. (М., 1911).

³⁹ Еще в шестидесятые годы у нас были близорукие последователи Писарева... – В частности, В. В. Кулешов, Ю. И. Суровцев, П. Н. Николаев, В. Д. Оскоцкий, Ф. Ф. Кузнецов.

⁴⁰ Еще Андрей Платонов писал об этого типа экзекуциях... – Далее цитируется статья А. Платонова «Пушкин – наш товарищ» (1937).

⁴¹ ...в 1961 году и сам я... написал работу о Добролюбова... – См.: В. В. Кожинов. Теория литературного творчества в работах Добролюбова // Горьковский университет 1965. Вып. 71. Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы.

⁴² «Стрелять их всех надо!» – прямо-таки прорычал поэт... – Речь идет об Анатолии Жигулине. Тот же Анатолий Жигулин заявил в печати буквально следующее: «...в правовые документы

необходимо внести статью об уголовной ответственности за пропаганду сталинизма. Необходимо также, чтобы в школьных учебниках было четко записано: Сталин и его окружение – преступная группировка, искажившая принципы социализма» (Вина! Она была конечно... Беседа А. Шаталова и А. Жигулина // Московские новости. 31 июля 1988).

⁴³ ...я подробно говорю об этом в своей... книге о Тютчеве... – В. В. Кожин. Тютчев. М.: Молодая гвардия, 1988.

⁴⁴ М. Цетлин... написал и счастливо опубликовал... строки... – Речь идет о стихотворении «У Нестерова».

⁴⁵ ...И. Виноградов... заявил в печати... – В интервью газете «Московский комсомолец» (9 февраля 1989).

«Самая большая опасность...»

Впервые статья опубликована в журнале «Наш современник» (№ 1, 1989). В приложении к этой статье было перепечатано так называемое «письмо одиннадцати» «Против чего выступает “Новый мир”?» за подписями М. Алексеева, С. Викулова, С. Воронина, В. Закруткина, А. Иванова, С. Малашкина, А. Прокофьева, П. Проскурина, С. Смирнова, В. Чивилихина, Н. Шундика (впервые это письмо было напечатано в № 30 журнала «Огонек» за 1969 год).

¹ ...познакомиться с «литературным документом» двадцатилетней давности, который в последнее время подвергся... предельно яростным нападкам. Это... «письмо одиннадцати»... – Эти нападки содержались в публикациях Ю. Трифонова (Огонек. № 44, 1986), Ю. Буртина (Октябрь. № 8 и № 12, 1987), М. Славина (Огонек. № 34, 1987), Н. Ильиной (Огонек. № 2, 1988 и № 18, 1988), В. Лакшина (Огонек. № 13 и № 26, 1988; Московские новости. 24 апреля 1988, Советская культура. 14 мая 1988; Знамя. № 8, 1988), Е. Вала (Огонек. № 10, 1988), С. Рассадина (Огонек. № 13 и № 20, 1988), С. Чупринина (Вопросы литературы. № 4, 1988), Г. Бакланова (Советская культура. 26 мая 1988); И. Дементьевой (Юность. № 7, 1988), М. Санина (Нева. № 2, 1988), Л. Лиходеева (Искусство кино. № 9, 1988), Ю. Пашкова (Юность. № 12, 1988), В. Прохвятилова (Нева. № 12, 1988), А. Туркова (Дружба народов. № 9, 1987; Знамя. № 12, 1988). См.: также: Позиция на всякий случай (редакционная реплика) // Московские новости. 12 июня 1988, а также анонимные статьи «В поисках утраченного времени» (Огонек. № 30, 1987) и «Провинциальные анекдоты. О “рязан-

ском десанте», Петре III и чистоте крови» (Огонек. № 52, 1988). «Письмо одиннадцати» открытым текстом именовалось «причиной смерти Твардовского». См., например, статью Ю. Буртина «Возможность возразить (из личного опыта)»: «Кульминационным пунктом этой хорошо организованной кампании – за которой вскоре последовало решение о смене редколлегии “Нового мира”, вынужденный уход Твардовского, а затем и болезнь его, окончившаяся смертью, – явилось письмо одиннадцати литераторов под характерным “сигнализирующим” заголовком “Против чего выступает Новый Мир”...» (Даугава. № 6, 1988). См.: также статью А. Стреляного «О сухарях и газетах»: «Некоторые уже спрашивают Петра Проскурина, Михаила Алексева, Сергея Викулова, Анатолия Иванова – каждого здравствующего из тех одиннадцати литераторов, которые выступили против Твардовского с клеветническими обвинениями незадолго до его смерти, когда же они раскаются. Ничего я не жду с такой тревогой, как этих раскаяний. ... От того, что они покаются, их интересы ведь не изменятся, они не перестанут преследовать эти интересы, и нам первым будет от этого хуже» (Московские новости. 1 мая 1988).

² Речь идет о Юрии Карякине. Он с... откровенностью выявил... – См.: диалог «Больше социализма!» с участием И. К. Пантина, В. Г. Гельбраса, Л. А. Гордона, Э. В. Клопова, Б. П. Курашвили, В. Н. Шубина, Г. Г. Водолазова, Ю. Ф. Карякина и др. (Огонек. № 12, 1988).

³ Сошлусь на... высказывание... Э. Быстрицкой... – См.: Сцена в подсолнухах. Беседа с Элиной Быстрицкой // Московский комсомолец. 3 апреля 1988.

⁴ Об этом недавно писал В. Амлинский... – В статье «На заброшенных гробницах...».

⁵ «Пушкин, это русский человек в его развитии...» – Цитата из статьи Н. В. Гоголя «Несколько слов о Пушкине» (1935).

⁶ «Завидуем внукам и правнукам нашим...» – Из статьи В. Г. Белинского «Месяцеслов» на 1841 год.

⁷ ...«Сварливый старческий задор»... – Строка из стихотворения Ф. И. Тютчева «Когда дряхлеющие силы...» (1866).

⁸ Виталий Коротич написал недавно следующее... – См.: В. Коротич. Общая судьба, общее дело. Заметки делегата конференции // Огонек. № 28, 1988.

⁹ ...совершенно безбоязненно писал об этих самых брежневских мемуарах... – Далее цитируется статья В. Коротича

«Вместе с партией – вместе с народом» (Политическое самообразование. № 2, 1982).

¹⁰ Ведь Коротич теперь заявляет... – См.: Медицинская газета. 24 июня 1988.

¹¹ ...на страницах... журнала «Огонек» постоянно появляется брань в мой адрес... – См.: материалы А. Блоха (№ 7, 1988), Б. Сарнова (№ 19, 1988), М. Тольца и С. Рассадина (№ 13, № 14, № 20 и № 48, 1988), В. Лакшина (№ 26, 1988), А. Рыбакова (№ 30, 1988), Н. Ивановой (№ 36, 1988) и др.

¹² ...называют друг друга «прорабами перестройки»... – Выражение это впервые употребил М. С. Горбачев 25 июня 1987 года на Пленуме ЦК КПСС, посвященном коренной перестройке управления экономикой.

¹³ Гегель и Маркс справедливо говорили, что исторические события... повторяются дважды... – Карл Маркс писал в сочинении «18 брюмера Луи Бонапарта»: «Гегель замечает где-то, что все великие всемирно-исторические события повторяются дважды: первый раз как трагедия, а второй – как фарс».

¹⁴ После появления в печати сведений о его статье... – Первым о статье В. Коротича в «Политическом самообразовании» вспомнил А. В. Софронов (Жизнь человека неотрывна от своего времени // Журналист. № 10, 1988).

¹⁵ ...в «Огоньке» появилось разъяснение Виталия Коротича... – «Ничего не имея в пору опубликования мемуаров бывшего главы советской державы против самих мемуаров, я тем не менее не писал ерунды опубликованной в указанном журнале под моим именем. Тогда же я дал телеграмму в редакцию о невозможности признать статью своею...» (Огонек. № 44, 1988). По этому поводу последовал комментарий от редакции журнала «Москва»: «Окачивается, солидная статья... была в «Политическое самообразование» В. Коротичем все-таки представлена (оригинал, к счастью, уцелел). Но вот закавыка: выдержана она была в тонах до неприличия восхвалительных, посему редакции пришлось даже смягчить апологетику...А в «протестной» телеграмме сожалелось лишь о том, что из-за вмешательства сотрудника, готовившего статью, снизился-де общий пафос выступления. И гонорар, кстати, автором статьи был получен...» (Москва. № 12, 1988).

¹⁶ Вот перед нами № 1 журнала «Молодая гвардия» за 1982 год. На последней странице состав редколлегии – и главный ре-

дактор, и его заместители, и ответственный секретарь – те же, что и сегодня... – Это утверждение нуждается в некотором уточнении. Главный редактор А. Иванов, заместители В. Горбачев и В. Яковенко, ответственный секретарь А. Игошев оставались и в 1982 году, и в 1988 в своих должностях. Но в самой редколлегии уже не было Н. Думбадзе, А. Колякина, С. Лыкошина, В. Семенова, И. Уханова, Вас. Федорова и В. Шугаева. К 1988 году редколлегия пополнилась именами А. Афанасьева, С. Бобкова, И. Жеглова, В. Малютина, А. Попова, С. Рогожкина, Е. Юшина.

¹⁷ Речь идет о многочисленных авторах... прямо-таки требующих... перенести в сферу культуры... принципы хозрасчета, самоокупаемости, прибыли... – См.: Б. Сарнов: «Альтернативой централизованному управлению экономикой, как мы знаем, являются хозрасчет, самофинансирование, самоокупаемость предприятий. А писатель – это ведь, в сущности, и есть самостоятельное предприятие... Так вот, не пора ли и писателей перевести на самоокупаемость?.. Чтобы тиражи их будущих книг определял читатель... “Коммерциализацию”... следует всячески поддерживать...» (Репутация на госдотации // Огонек. № 44, 1987). В отношении театра с такими же предложениями выступал Марк Захаров (Аплодисменты не делятся // Литературная газета. 31 июня 1985).

¹⁸ ...совсем незадолго до всем известного апрельского Пленума... – 23 апреля 1985 г. открылся апрельский Пленум ЦК КПСС, на котором был провозглашен «курс на перестройку и ускорение».

¹⁹ В. Лакшин... опубликовал... более или менее подробную статью... – В. Лакшин. Не впасть в беспамятство.

²⁰ Лакшин поставил эпиграфом к своей статье слова Михаила Лобанова... – Из статьи М. П. Лобанова «Послесловие» (Наш современник. № 4, 1988).

²¹ ...ироническое письмо Твардовского от 18 августа 1969 года... – Письмо было адресовано И. Соколову-Микитову.

²² К концу года текст поэмы, переписанный кем-то из «новомирцев» и переправленный за рубеж, был там опубликован. – Поэма была опубликована в журнале «Посев» (№ 10, 1969) и была напечатана под измененным названием («Над прахом Сталина») в январе 1970 года в журнале «Эспрессо» и в приложении к журналу «Фигаро».

²³ ...Твардовский, как известно, беспощадно осудил тогда Пастернака... – См.: «В редакцию “Литературной газеты”. Редакция журнала “Новый мир” просит опубликовать на страницах вашей газеты письмо, направленное в сентябре 1956 г. членам тогдашней редколлегии журнала Б. Л. Пастернаку по поводу рукописи его романа “Доктор Живаго” (письмо это было подписано членами редколлегии журнала «Новый мир» Б. Агаповым, Б. Лавреневым, К. Фединым, К. Симоновым, А. Кривицким – С.К.).

Письмо это, отклоняющее рукопись, разумеется, не предполагалось для печати. Оно адресовано автору романа в то время, когда еще можно было надеяться, что он сделает необходимые выводы из критики, содержащейся в письме, и не имелось в виду, что Пастернак встанет на путь, позорящий высокое звание советского писателя.

Однако обстоятельства решительно изменились. Пастернак не только не принял во внимание критику его романа, но счел возможным передать свою рукопись иностранным издателям. Тем самым Пастернак пренебрег элементарными понятиями чести и совести советского литератора.

Будучи издана за границей эта книга Пастернака, клеветнически изображающая Октябрьскую революцию, народ, совершивший эту революцию и строительство социализма в Советском Союзе, была поднята на щит буржуазной прессой и принята на вооружение литературной реакцией.

Теперь же, как стало известно, Пастернаку присуждена Нобелевская премия. Совершенно очевидно, что это присуждение не имеет ничего общего с объективной оценкой собственно литературных качеств творчества Пастернака, связано с антисоветской шумихой вокруг романа “Доктор Живаго” и является чисто политической акцией, враждебной по отношению к нашей стране и направленной на разжигание холодной войны.

Вот почему мы считаем сейчас необходимым предать гласности это письмо членов прежней редколлегии “Нового мира” Пастернаку. Оно с достаточной убедительностью объясняет, почему роман Пастернака не мог найти места на страницах советского журнала, хотя, естественно, не выражает той меры негодования и презрения, какую вызвала у нас, как и у всех советских писателей, нынешняя постыдная, антипатриотическая позиция Пастернака.

Письмо одновременно печатается в одиннадцатой книге “Нового мира”.

Главный редактор журнала “Новый мир”

А. Т. Твардовский

Редакционная коллегия:

Е. Н. Герасимов.

С. Н. Голубев.

А. Г. Дементьев (зам. главного редактора).

Б. Г. Закс.

Б. А. Лавренев.

В. В. Овечкин.

К. А. Федин».

(Литературная газета. 25 октября 1958).

²⁴ ...«письмо» представляло собой... защиту журнала «Молодая гвардия» от крайне агрессивной атаки, предпринятой... Александром Дементьевым. — Ср.: «Как бы ни был хитро задуман механизм “погрома”, статью А. Г. Дементьева интеллигенция на этот раз не проглотила покорно. В органы печати, в ЦК КПСС пошли многочисленные протестующие письма. О возмутительном поступке А. Г. Дементьева говорили во весь голос. Одному из таких писем-протестов — несмотря на неофициальный запрет — почти чудом удалось прорваться в печать. Ослушавшись указания “сверху”, редактор старого “Огонька” А. Софронов срочным набором — пока не запретили — напечатал упомянутое письмо “мужиковствующих”. Условие было только одно — имени Твардовского в “Письме” не упоминать...» (А. Байгушев. О сатрапизме и фарисействе // Москва. № 12, 1988).

²⁵ Резкие статьи о «Молодой гвардии»... — См.: примечания к стр. 557. См.: также: В. Воронов. Заклинания духов (Юность. № 2, 1968), Д. Стариков. Осторожно с концепцией (Октябрь. № 6, 1969), В. Ханжин. К вопросу о внутреннем и внешнем человеке (открытое письмо критику М. Лобанову) (Октябрь. № 5, 1967), а также материалы совета по литературной критике (Молодая гвардия. № 6, 1970) и выступления на нем В. Оскоцкого и В. Огнева:

«Анализируя некоторые поэтические произведения и статьи, опубликованные в последнее время, **В. Оскоцкий** отметил как характерную их черту антиисторизм: в ряде стихов образцом «русского начала» представляется некая вневременная «славянская идиллия», резко противопоставляемая современной цивилизации, причем парадоксально то, что в подобных случаях в

союзники берется не кто иной, как Пушкин – Пушкин, которому русская литература обязана как раз историзмом... Возвращение к извечным “началам”, к незамутненным временем “истокам” – таков, по В. Чалмаеву, будущий путь развития поэзии, пророчествуемый вне каких-либо реальных исторических процессов, социальных и классовых критериев; эстетический же идеал такой поэзии – это идеал “безумцев”, “навевающих” человечеству “золотые сны”... Но “золотые сны” никогда не составляли и не будут составлять основу идейно-художественной программы советской литературы; тенденциям антиисторизма и псевдонародности надо давать решительный отпор.

Идеи патриотизма и народности, сказал **В. Огнев** в выступлении, посвященном критике новейшего “почвенничества”, не могут противостоять идее братства народов. Защитники мифической “самобытности” в угоду своим концепциям искажают суждения великих писателей на этот счет, в частности взгляды Достоевского, для которого народность была неотделима от его любимой идеи “всечеловечности” и которого уж никак нельзя представлять апологетом национальной ограниченности.

²⁶ ...очень резкая статья... П. Строкова... – О народе-«Саврасушке», о «загадках» русского характера и исканиях «при свете совести».

²⁷ ...журнал «Наш современник», главный редактор которого... был заместителем А. Никонова... – Имеется в виду С. В. Викулов.

²⁸ Игорь Виноградов... опубликовал... статью... – И. Виноградов. Перед лицом неба и земли.

²⁹ ...произведения которого... Твардовский опубликовал только один раз в 1969 году... – Это явная опечатка. Повесть Г. Бакланова «Пядь земли» была напечатана в 5 номере «Нового мира» за 1959 год. После этого Бакланов напечатался в «твардовском» «Новом мире» лишь один раз, как критик («По самому строгому счету» (№ 11, 1967)). Юрий Казаков никогда не печатался в «Новом мире» Твардовского.

³⁰ Можаяев недавно обрушился на «Наш современник»... – «...“Повисла” первая книга “Мужиков и баб”, одобренная и принятая к печати редколлегией “Нового мира” при его главном редакторе В. Косолапове. После увольнения Косолапова сменивший его С. Наровчатов наложил запрет на мою рукопись. Такой же запрет наложила полгода спустя на мой роман редколлегия жур-

нала “Наш современник”. Заодно она же запретила и “Кануны” В. Белова. Причины? А вот они: “антисоветчина”, “антихудожественно”. Еще более трудно проходила вторая книга “Мужиков и баб”. После трехлетнего скитания она была направлена в Главлит Ю. Селезневом, временно замещавшим С. Викулова. И что же? Главлит через два месяца поставил на мою рукопись штамп, т.е. разрешил ее к печати. И вот с 1983 года моя рукопись кочевала со штампом Главлита: “Печатать” – по трем редакциям: она годами лежала в “Новом мире”, в “Дружбе народов”, а главный редактор “Москвы” М. Алексеев вообще отказался читать роман.

Приведу выдержки из редакционных рецензий:

“Прежде всего сомнения вызывает идейная сторона содержания произведения” (С. Викулов).

“Роман ваш сложный не в литературном, а в политическом плане. Поднимать разговор сегодня о жестокостях и перегибах, имевших место в те дни, на наш взгляд в журнале нецелесообразно» (В. Карпов). (Люди сопротивления. Диалог писателя Бориса Можаева и литературоведа Людмилы Сараскиной // Московские новости. 31 июля 1988).

В ответ на замечание В. В. Кожина в настоящей статье Б. Можаев напечатал специально ему посвященную отповедь «Портрет ленивого сознания» (Книжное обозрение. № 13, 1991).

Б. А. Можаев здесь, мягко говоря, передернул факты. Но не вполне был точен и В.В.Кожин.

Его собственная статья «И назовет меня всяк сущий в ней язык...», как и повесть В. Крупина «Сороковой день» также получили штамп Главлита, были напечатаны в «Нашем современнике», а затем журнал подвергся настоящему разгрому. Не будет преувеличением сказать, что последствием этого разгрома и стало знаменитое постановление ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства» (1982), после чего нажим цензуры стал неизмеримо более жестким. С. В. Викулов этот урок, безусловно, учел и знал, что при любых разрешительных «штампах» крайним всегда окажется он. Кроме того, если в самом деле вторую книгу «Мужиков и баб» отправил в Главлит Ю. Селезнев, то С. Викулов, до конца жизни продолжавший считать, что и журнал, и его лично подвел его первый заместитель, тем более был изначально настроен против рукописи. И не случайно даже в письме В. И. Белова к С. Ю. Куняеву мелькнула фраза о «небогатом му-

жестве» С. В. Викулова (Станислав Куняев. Вызываю огонь... М., 2001. Стр. 207).

Вторая книга романа «Мужики и бабы» была напечатана в журнале «Дон» (№ 1–3, 1987). Борис Можаяев стал все-таки автором «Нашего современника». Его последний роман «Изгой» был напечатан в № 2–3 за 1993 год.

³¹ ...Марк Соболев в своих недавно изданных воспоминаниях рассказал... – Марк Соболев. Мои дорогие (Новый мир. № 11, 1987).

³² ...к публикуемым в журнале повестям Катаева... – «Святой колодец» (№ 5, 1966) и «Трава забвения» (№ 3, 1967) и «Кубик» (№ 2, 1969).

³³ ...тем историческим периодом, который сейчас нередко называют «первой» – «неудавшейся» – перестройкой (конец 1950 – начало 1960-х гг.). – См. Ю. Карякин. Стоит ли наступать на грабли? (Знамя. № 9, 1988); А. Аджубей. Те десять лет (Знамя. № 6, 1988); 1953–1964. Почему тогда не получилось. Диалог Ю. Левады и В. Шейниса (Московские новости. 1 мая 1988); Что будет если и эта перестройка погибнет? Круглый стол с участием Ю. Карякина, А. Адамовича, Б. Можаяева, Г. Попова, Л. Сараскиной (Московские новости. 5 июля 1988).

³⁴ ...активисты так называемого «Демократического союза»... – «Демократический союз» – либерально-экстремистская партия, была основана 8 мая 1988 года группой советских диссидентов, ставила задачу изменения общественного строя в СССР. В 1989–1991 гг. провела несколько демонстраций, не разрешенных властями. Выступала за распад СССР. С 1993 года – Демократический союз России. В «активе» партии – поддержка Б. Ельцина в его противостоянии с Советами, выступления против союза России и Беларуси, поддержка бомбардировок Югославии, требование предоставления независимости Чечне.

³⁵ На одном из опубликованных обсуждений альтернативы «Сталин-Бухарин»... – Л. А. Гордон весьма разумно заключил... – См.: Больше социализма! Круглый стол с участием И. К. Пантина, В. Г. Гельбраса, Л. А. Гордона, Э. В. Клопова, Б. П. Курашвили, В. Н. Шубина, Г. Г. Водолазова и др. (Огонек. № 12, 1988).

³⁶ ...сошлюсь хотя бы на серьезные историко-публицистические работы Н. Васецкого, О. Лациса, В. Селюнина, А. Ципко. – См.: статьи Н. Васецкого «Сталин и другие: Борьба за лидерство в партии» (Аргументы и факты. № 26, 1988), О. Лациса

«Перелом» (Знамя. № 6, 1988), В. Селюнина «Истоки» (Новый мир. № 5, 1988), А. Ципко «Истоки сталинизма» (Наука и жизнь. № 11 и 12, 1988, № 1 и 2, 1989).

³⁷ Позволю себе напомнить собственную статью... – «Искусство живет современностью» (1966).

³⁸ Позднее Твардовский писал об отце... – См.: А. Т. Твардовский. Автобиография (1951).

³⁹ А вот донесенный до нас... И. Т. Твардовским, рассказ отца о встрече с сыном... – См.: И. Т. Твардовский. Страницы пережитого // Юность. № 3, 1988.

⁴⁰ Сейчас много пишут о Павлике Морозове... – Публикаций с проклятиями Павлику Морозову в конце 1980-х годов было более чем достаточно. После вышедшей на Западе книжки Ю. Дружникова (Альперовича) «Доносчик 001. Вознесение Павлика Морозова» в СССР стали одна за другой появляться статьи В Амлинского (Юность. № 3, 1988), Н. Эйдельмана (Московские новости. 24 июня 1988), С. Соловейчика (Новое время. № 28, 1988), Ю. Феофанова (Неделя. № 23, 1988), А. Угланова (Аргументы и факты. № 22, 1988), Т. Ивановой (Огонек. № 24, 1988) с «разоблачениями» убитого пионера. См.: статью В. Кононенко «Посмертно... репрессировать?» (Человек и закон. № 1, 1989).

⁴¹ Юрий Буртин... утверждает... – См.: Ю. Буртин. Послесловие к «Страницам пережитого» И. Т. Твардовского (Юность. № 3, 1988).

⁴² «Что ж ты, брат, Как ты, брат? Где ж ты, брат? На каком Беломорском канале?» – Из стихотворения А. Т. Твардовского «Братя» (1933).

⁴³ ...в первой публикации этого самого стихотворения (1937 г.)... – См.: А. Твардовский. Стихи (М., 1937).

⁴⁴ ...в 1937 году опубликовал стихотворение «Радость»... – А. Твардовский. Стихи (М., 1937).

⁴⁵ «В краю, куда их вывезли гуртом...» – Стихотворение из цикла «Памяти матери» (1965).

⁴⁶ В 1929 году он записал в своей сокровенной рабочей тетради... – А. Твардовский. Из старых дневников (Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Литературное наследство. Т. 93. М., 1983).

⁴⁷ За три года до Октябрьской революции В. И. Ленин писал... – Далее цитируется статья В. И. Ленина «О национальной гордости великороссов» (1914).

⁴⁸ ...председатель Моссовета М. Н. Покровский вспоминал... — М. Покровский. Ленин и высшая школа (1924).

⁴⁹ Сейчас постоянно пишут о якобы «умеренной»... позиции Бухарина... — См.: И. Горелов. Н. И. Бухарин: вехи политической биографии (Аргументы и факты. № 11, 1988); Г. Бордюгов, В. Козлов. Николай Бухарин. Эпизоды политической биографии (Коммунист. № 13, 1988); Лен Карпинский, Валерий Мокеев, Валерий Писигин. Не играйте в бирюльки (Московские новости. 9 октября 1988); Эдуард Вериге, Михаил Капустин. Противостояние (Книжное обозрение. 7 октября 1988); они же. Гибель и воскресение Николая Бухарина (Советская культура. 6 октября 1988); Стивен Козн. Дуумвират: Бухарин и Сталин (Огонек. № 45, 1988); Лен Карпинский, Стивен Козн. Возвращение Николая Бухарина (Московские новости. 21 февраля 1988); «Он хотел переделать жизнь, потому что ее любил». Беседа Ф. Медведева с А. М. Лариной (Огонек. № 16, 1988); А. Ларина. До и после процесса. Воспоминания вдовы Н. И. Бухарина (Известия. 8 октября 1988); она же. Незабываемое (Знамя. № 10–12, 1988); Л. Лиходеев. Поле брани, на котором не было раненых (Дружба народов. № 9, 1988). Иную точку зрения на Н. И. Бухарина выразил Ю. Максимов (Ю. Отрешко) (Ретушь трагедии // Литературная газета. 6 апреля 1988), но тут же последовала серия окриков: Л. Овруцкий. Не бросая тени на живых и не отнимая чести у мертвых (Огонек. № 17, 1988); А. Лацис. Не так это было... (Известия. 12 апреля 1988); Е. Евтушенко. Оporочить опороченных? (Советская культура. 14 апреля 1988); К. Икрамов, Ю. Карякин. Письмо в редакцию (Литературная газета. 20 апреля 1988). И сама же «Литературная газета» дезавуировала собственную публикацию.

⁵⁰ Ленин писал, что государство отомрет... — Цитируется работа В. И. Ленина «Государство и революция» (1917).

⁵¹ ...Горький писал еще в ноябре 1917 года... — М. Горький. Несвоевременные мысли.

⁵² Оно уже цитировалось на страницах «Нашего современника»... — В статье С. Ю. Куняева «Все начиналось с ярлыков» (Наш современник. № 9, 1988).

⁵³ Его вдова А. М. Ларина... вспоминает... — См.: «Огонек» (№ 16, 1988).

⁵⁴ ...следующие умозаключения И. Эренбурга (речь идет о его мемуарах)... — И. Г. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Кн. III. Гл. 33, 34. В книжном издании 1990 года мемуаров Эренбурга слово «тре-

пет» заменено на «ужас», а «эмбрионы людей» на «сотни тысяч, миллионы строителей».

⁵⁵ Перечисляя великие имена... он писал... – Далее цитируется статья А. В. Луначарского «Гоголь» (1924).

⁵⁶ В 1960-х годах Эренбург писал о Первом съезде писателей... – И. Г. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Кн. IV. Гл. 7.

⁵⁷ ...за предельно дерзостную эпиграмму на Сталина арестован... поэт Осип Мандельштам... – Эта эпиграмма («Мы живем, под собою не чуя страны...») была написана в ноябре 1933 года.

⁵⁸ ...Н. Я. Мандельштам... писала в те же самые 1960-е годы... – Цитируется глава «Капитуляция» из книги «Воспоминания».

⁵⁹ В другом месте своих воспоминаний... – См.: Н. Я. Мандельштам. Вторая книга (глава «Память»).

⁶⁰ Сталин мог, к примеру, объявить на всю страну... – Речь И. В. Сталина на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года.

⁶¹ В обстоятельной книге историка С. Козна о Бухарине... – Стивен Козн. Бухарин. Политическая биография.

⁶² ...Сталин... заявил это на заседании Политбюро и Президиума ЦК... – См.: И. В. Сталин. Группа Бухарина и правый уклон в нашей партии (Из выступлений на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦК ВКП(б) в конце января и начале февраля 1929 г. (краткая запись)) // И. В. Сталин. Сочинения. Т. 11. М.: ОГИЗ, 1949.

⁶³ ...еще в 1924 году Бухарин провозгласил политику «раскрестьянивания»... – Н. Бухарин сделал это на специальном совещании по вопросам политики партии в области художественной литературы 9 мая 1924 г.: «Мы должны вести такую политику, чтобы постепенно, с такой постепенностью, с какой мы ведем крестьянство, учитывая весь его вес и особенности, вести его по линии раскрестьянивания, точно так же и в области художественной литературы, так и во всех других идеологических областях».

⁶⁴ ...он... как определил Ленин, был «в политике дьявольски неустойчив»... – Цитата из письма В. И. Ленина А. Г. Шляпникову (1916).

⁶⁵ ...потребовал «суровой расправы» над ними... – Выступление Н. Бухарина на январском пленуме ЦК 1933 года.

⁶⁶ Сегодняшние горячие поклонники Бухарина... – Впервые «горячие поклонники» выступили на страницах журнала «Огонек»

(№ 48, 1987). А основные их выступления начались после реабилитации Бухарина 4 февраля 1988 г., восстановления в партии в июне 1988 г. и восстановления в АН СССР 10 мая 1988 г. См.: публикации в «Советской культуре» (6 октября 1988), «Книжном обозрении» (7 октября 1988), «Известиях» (9 октября 1988), «В мире книг» (№ 49, 1988), «Коммунисте» (№ 13, 1988).

⁶⁷ ...в своем письме-«завещании» он... написал... – Н. И. Бухарин. Будущему поколению руководителей партии (1938).

⁶⁸ «Бухарину, – писал позднее Пастернак, – хотелось, чтобы такая вещь была написана, стихотворение было радостью для него». – Цит. по: О. Ивинская. В плену времени. Годы с Борисом Пастернаком (гл. «У вождя»).

⁶⁹ Стихи были опубликованы в новогоднем... номере «Известий»... – Б. Пастернак. Мне по душе строптивый норов... (Известия. 1 января 1936).

⁷⁰ ...самое первое по времени «одическое» стихотворение о Сталине в русской поэзии. – Сегодня следует отметить: «первое опубликованное» стихотворение. «Кормчий Сталин» появился в русской поэзии раньше – в поэме Николая Крюева «Кремль» (1934), посвященной, впрочем, не персонально Сталину, а советскому Кремлю в целом. В этой связи стоит упомянуть о том, что три наиболее поэтически совершенных посвящения Сталину и советской власти, созданных в 1930-е годы («Кремль» Крюева, «Ода» Мандельштама и «Сталин» Георгия Шенгели), не только не были опубликованы в то время, при жизни их авторов, но и вообще появились в печати лишь спустя много десятилетий.

⁷¹ В одном из сегодняшних сочинений о Бухарине... – В. Амлинский. На заброшенных гробницах...

⁷² Он считал, что эти, как он определял, «людские элементы»... – Далее цитируется работа Н. Бухарина «Экономика переходного периода» (1920).

⁷³ В 1924 году Бухарин в издевательском тоне писал... – Н. Бухарин. «О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем (ответ профессору И. Павлову)» (Красная новь. № 1, 1924).

⁷⁴ ...были бессмысленно расстреляны или отправлены в лагерь около пятидесяти виднейших инженеров Донбасса («Шахтинское дело»)... – Из нескольких сотен арестованных 82 человека были осуждены во внесудебном порядке. На судебный процесс по делу «Об экономической контрреволюции в Донбассе» было выведено 53 человека. К расстрелу приговорено 11 человек, из них рас-

стреляно было 5, а в отношении остальных приговор был заменен 10 годами лишения свободы. 4 человека были оправданы и 4 получили условные сроки. Остальные 34 человека были приговорены к различным срокам заключения от 1 года до 10 лет.

⁷⁵ ...в 1930 и в 1933 годах... были осуждены на гибель Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов, П. А. Флоренский... – Н. Д. Кондратьев и А. В. Чаянов были арестованы в 1930 году по делу «Трудовой крестьянской партии» (название предполагало связь с организацией «Крестьянская Россия», ставшей «Трудовой крестьянской партией» в 1927 г., созданной в 1920-е годы в Праге эсером С. С. Масловым). 26 января 1932 г. на заседании коллегии ОГПУ Кондратьев был приговорен к 8 годам, а Чаянов – к 5 годам исправительно-трудового лагеря. А. В. Чаянов был расстрелян в 1937 г., Н. Д. Кондратьев – в 1938-м. П. В. Флоренский был арестован 26 февраля 1933 г. и приговорен к 10 годам заключения. Расстрелян 25 ноября 1937 г.

⁷⁶ «Если все наши руководящие учреждения... – писал Ленин...» – Цитата из работы В. И. Ленина «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» (1921).

⁷⁷ Великий ученый выразил свою глубокую озабоченность... – Далее цитаты из И. П. Павлова приводятся по статье Н. Бухарина «О мировой революции...».

⁷⁸ ...Бухарин достаточно ясно высказал его в своей статье... о Есенине... – Н. Бухарин. Злые заметки // Правда. 12 февраля 1927.

⁷⁹ В 1926 году Горький писал о Есенине... – М. Горький. Письмо И. А. Груздеву (9 января 1926).

⁸⁰ Алексей Толстой назвал его... «величайшим поэтом»; Леонид Леонов говорил о «великой песенной силе» Есенина... – См.: А. Н. Толстой. Памяти С. Есенина; Л. М. Леонов. Умер поэт (30 дней. № 2, 1926).

⁸¹ И теперь, когда читаешь гневные статьи о... «беспримерном» докладе Жданова... – См.: хотя бы: Ю. Карякин. Стоит ли наступать на грабли? (Знамя. № 9, 1987). Он же. «Ждановская жидкость» или против очернительства (Огонек. № 19, 1988).

⁸² ...Бухарин почти в том же тоне говорил о нем на съезде писателей... – Н. Бухарин. Поэзия, поэтика и задачи поэтического творчества в СССР. Доклад на 1 съезде Союза писателей СССР.

⁸³ Многие авторы... утверждают, что... главной силой, приведшей Сталина к власти, явилось... «патриархальное» кре-

стьянство... – См.: Л. Овруцкий. История в условном наклонении: «Культ личности не что иное, как бюрократизм, доведенный до логической крайности. Бюрократизм же вырастает из патриархального уклада жизни, из политического бескультурья численно преобладающих крестьянских масс и свойственной им психологии мелкобуржуазного революционаризма, сущность которого в метаниях от забубенного анархизма до страстного упования на “твердую руку”. Из отсутствия глубоко укоренившихся многопоколенных демократических традиций». А. Бутенко. Перед судом поколений: «Да, у культа личности есть социальные корни, есть социальные силы – сначала патриархальное крестьянство, а затем бюрократия; есть командно-административная модель управления, которая постоянно толкает общество в сторону возвеличивания вершины управленческой пирамиды» (Советская культура. 4 февраля 1988). Г. Бордюгов, В. Козлов. Время трудных вопросов: «...Личный режим Сталина, как особая форма организации политической власти, выросал из... тенденций... существовавших в молодом рабочем классе, – стремления к авторитаризму, психологии “плохо орабоченного мужика” (выражение Л. Рейснер)...» (Правда. 3 октября 1988).

⁸⁴ То, что произошло в 1930-х годах, пока еще не изучено... – К настоящему времени появились серьезные книги историков, не только опровергающие расхожие «антисталинистские» сплетни (назвать их высоким словом «миф» не представляется возможным), но и корректирующие в содержательном отношении работы серьезных ученых и писателей (в частности, и В. В. Кожинова). В первую очередь здесь надо назвать книги Юрия Жукова «Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 годах» (М., 2003), «Сталин: тайны власти» (М., 2008), «Народная империя Сталина» (М., 2009). Стоит упомянуть также книги Елены Прудниковой «Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий» (совместно с А. Колпакиди. М., 2006), «Хрущев. Творцы террора» (М., 2007), «Сталин. Битва за хлеб» (М., 2010).

⁸⁵ Акмеисты (А. Ахматова, О. Мандельштам, М. Кузмин, С. Городецкий, М. Зенкевич, Б. Садовский, М. Лозинский, В. Нарбут)... – Из перечисленных 8 поэтов лишь пятеро (Ахматова, Мандельштам, Городецкий, Нарбут и Зенкевич) были акмеистами. Ни Садовский, ни Лозинский в группу не входили (хотя и были связаны с акмеистами товарищескими отношениями). Что касается Михаила Кузмина, то он сам писал об акмеизме как о «неоргани-

ческой, а выдуманной и насильственной школе», которая «с самого рождения лезла по швам, соединяя несоединимых Гумилева, Ахматову, Мандельштама и Зенкевича». Группа эта распалась фактически задолго «до 1930-х годов».

⁸⁶ Есенин фактически ушел из этой группы еще в 1921 году... – Есенин оставался членом группы до своего отъезда в Европу в мае 1922 года. В. В. Кожинов имел в виду «антиимажинистскую» статью «Быт и искусство (отрывок из книги “Словесные орнаменты”», опубликованную в журнале «Знамя» (№ 9, 1921).

⁸⁷ ...Берия, по определению Эренбурга, открыл «огонь по своим»... – См.: «Никто тогда не представлял себе, что через три года после войны американцы будут грозить нам атомной бомбой и что Берия снова откроет огонь по своим...» (Л. П. Берия «после войны» не имел к органам внутренних дел никакого отношения). Следует отметить, что С. Третьяков был арестован 26 июля 1937 г. и расстрелян 10 сентября 1937 г., когда НКВД возглавлял Н. И. Ежов.

⁸⁸ «Причину» ареста писателя гораздо убедительнее раскрыл тот же Эренбург... – И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Т. 2, гл. 28. См.: также книгу С. Поварцова «Причина смерти: расстрел. Хроника последних дней Исаака Бабеля» (М., 1996).

⁸⁹ Совершенно по-иному обстояло дело с группой «крестьянских» писателей... Они погибли в тридцатые годы все, кроме одного Карпова... – См.: Ст. Куняев и С. Куняев. Растерзанные тени (М., 1995).

⁹⁰ Р. Акульшин... – Поэт и прозаик Родион Акульшин не был репрессирован до войны (здесь, видимо, В. В. Кожинов воспользовался моей неточной информацией, использованной в статье «Неизбывный вертоград» (Москва. № 4, 1988). Мобилизованный в народное ополчение, он попал в плен, был освобожден из концлагеря американскими войсками, отказался вернуться в Советский Союз, взяв себе фамилию «Березов». Умер в 1988 году в Ашфорде (штат Коннектикут, США).

⁹¹ ...по убеждению Бакунина... – См.: М. Бакунин. Государственность и анархия. Борьба двух партий в интернациональном обществе рабочих (1874).

⁹² ...исключительно существенное высказывание... – В. И. Ленин. «О значении золота теперь и после полной победы социализма» (1921).

⁹³ Пол Пот действительно родился в крестьянской семье... – Это была богатая и знатная семья, состоявшая в близкой связи с членами камбоджийской королевской фамилии, а старший брат Пол Пота был секретарем королевской канцелярии. Среди вер-хушки Ангки был лишь один выходец из бедной семьи – Ху Ним, министр информации Демократической Кампучии, переводив-ший Арагона и Сартра на кхмерский язык. Любопытные и мало-известные сведения о членах Ангки содержатся в статье Олега Самородного «Увидеть Париж и стать марксистом» (Камбоджий-ская правда. Январь 2011).

⁹⁴ В написанной в Париже диссертации Самфан разрабо-тал теорию «идеального» общества... – Диссертация Кхиеу Сам-фана, защищенная в Сорбонне, носила название «Экономика Камбоджи и проблема ее модернизации».

⁹⁵ ...организация, состоящая почти из одних Павликов Мо-розовых... – Павлик Морозов здесь совершенно ни при чем. Но воздействие демократического агитпропа, распространявшего недостоверные сплетни о несчастном ребенке было настолько сильно, что ему поддался, к сожалению, и В. В. Кожинев.

⁹⁶ ...Ангка... за три года восемь месяцев уничтожила треть населения страны... – В этой фразе содержится «общеприня-тое» представление о терроре, проводимом Ангкой. Внутренний террор против собственного населения, бесспорно, был. Одна-ко к количеству его жертв автоматически приплюсовывалось количество жертв террора при принце Нородоме Сиануке, а также количество жертв американских бомбардировок Камбод-жи. В 1970–1975 годах американцы сбросили на Камбоджу в три раза больше бомб, чем было использовано ими за годы Второй мировой войны. В результате погибло около 1 миллиона насе-ления страны.

⁹⁷ ...биограф Аркадия Гайдара Б. Камов с восторгом сооб-щал... – Б. Камов. Обыкновенная биография: Аркадий Гайдар. М., 1971 (цитируется по ранней редакции).

⁹⁸ Не так давно на страницах «Аргументов и фактов» Н. А. Васецкий... писал... – Н. Васецкий. Л. Троцкий: мифы и ре-альность (Аргументы и факты. № 34, 1988).

⁹⁹ В последнее время были опубликованы сведения... – См.: Ф. Бурлацкий. Ленин и стратегия крутого перелома // Лите-ратурная газета. 16 апреля 1986; Е. Драбкина. Раздумья в Горках

// Новый мир. № 11, 1987; В. И. Старцев. Политические руководители Советского государства в 1922 – начале 1923 гг. // История СССР. № 5, 1988; В. П. Наумов. Ленинское завещание (Правда. 26 февраля, 25 марта 1988).

¹⁰⁰ ...первую часть своего «Письма к съезду»... – Первые две части письма были записаны М. Володичевой, третья – Л. Фотиевой.

¹⁰¹ ...а затем все же напечатало, но с цензурным изъятием... – Статья «Как нам реорганизовать Рабкрин (предложение XII съезду партии)», написанная 23 января 1923 года, была напечатана в «Правде» 25 января 1923 года. «...Члены ЦКК, обязанные присутствовать в известном числе на каждом заседании Политбюро, должны составить сплоченную группу, которая, “не взирая на лица”, должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел». Слова «ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК» были при публикации из текста статьи выброшены.

¹⁰² ...Политбюро вместе с Оргбюро разослало в губкомы письмо... – «Возвращение тов. Ленина к чрезвычайно напряженной работе после болезни привело к переутомлению... Само собой разумеется, что тов. Ленин не принимает участия в заседаниях Политбюро и ему даже не посылают, опять-таки в строгом соответствии с предписанием врачей, протоколы заседаний Политбюро и Оргбюро. Врачи сочли, однако, возможным разрешить тов. Ленину, ввиду невыносимости для него полной умственной бездеятельности, вести нечто вроде дневника, куда он заносит свои мысли по разным вопросам, причем части этого дневника, по указанию самого тов. Ленина, появляются на страницах печати». Кроме перечисленных подписей под этим письмом значится также подпись В. Куйбышева.

Что касается так называемого «завещания Ленина», то в последнее время появились работы, в которых оспаривается аутентичность «Письма к съезду» (см. В. А. Сахаров. Политическое завещание Ленина. М., 2003).

¹⁰³ ...как теперь выяснилось... М. Володичева... тайком от него передавала их копии в Политбюро... – См.: Д. А. Волкогонов. Триумф и трагедия. М., 1988.

¹⁰⁴ Ленин сказал секретарю Совнаркома Л. Фотиевой... – См.: Дневник дежурных секретарей В.И. Ленина // В. И. Ленин. ПСС. Т. 45.

¹⁰⁵ В своей последней статье... Ленин писал... – В. И. Ленин. Лучше меньше, да лучше.

¹⁰⁶ «Деревенская проза», «тихая лирика». – Термин «деревенская проза» употребил А. М. Борщаговский («О хороводе и дне нынешнем», 1964). См.: также В. Гусев (Литературная газета. 14 февраля 1968) и В. Камянов «Эвклиду – Эвклидово» (Вопросы литературы. № 4, 1969), а также статьи Ф. Левина, Л. Вильчек, Е. Стариковой в «Литературной газете» в 1967–1968 гг. Термин «тихая лирика» первым употребил Л. И. Лавлинский в статье «О “тихой” лирике» (Юность. № 10, 1971).

¹⁰⁷ ...прозвучали выступления, в которых поэта обвиняли в том, что он создал образ не настоящего «советского бойца»... – См.: И. Сельвинский. Наболевший вопрос // Литературная газета. 19 октября 1954.

¹⁰⁸ ...книга Твардовского «Родина и чужбина» подверглась настоящему разгрому... – См.: В. Ерилов. Фальшивая проза // Литературная газета. 20 декабря 1947; Б. Рюриков. «Малый мир» А. Твардовского // Комсомольская правда. 15 января 1948; Л. Сублицкий. Заметки о прозе 1947 года // Новый мир. № 2, 1948. См.: также: О книге А. Твардовского «Родина и чужбина». (Стенограммы обсуждений) // Вопросы литературы. № 9–10, 1991.

¹⁰⁹ Обратимся к... статье... К. Симонова. – К. М. Симонов. Задачи советской драматургии и театральная критика.

¹¹⁰ Еще в конце 1954 года Симонов... вопрошал... – К. М. Симонов. Человек в поэзии.

¹¹¹ «Родство со всем, что есть». – Строка из стихотворения Б. Л. Пастернака «Здесь будет все: пережитое...» (цикл «Волны», 1931).

¹¹² ...он писал теперь следующее... – К. Симонов. Литературные заметки.

¹¹³ К. Симонов находил возможным писать следующее... – Александр Сергеевич Пушкин. Доклад К. М. Симонова на торжественном заседании в Большом театре.

¹¹⁴ Вот несколько характерных ответов на приведенный выше вопрос... – Далее В. В. Кожин приводит ответы на анкету Василия Аксенова, Ояра Вациетиса, Андрея Вознесенского,

Рида Грачева, Валерия Осипова, Юсуфа Самедоглу, Юлиана Семенова.

¹¹⁵ К. Симонов много позднее, в 1979 году, подтверждал... – См.: К. М. Симонов. «Глазами человека моего поколения».

¹¹⁶ Доклад Хрущева... покончил с... машиной политического террора... – Это чрезвычайно распространенное заблуждение, которому, увы, отдал дань и В. В. Кожинов. «Машина политического террора» была, по сути, остановлена уже после смерти Сталина при непосредственном участии Л. П. Бери. После казни Бери был продолжен процесс реабилитации. Хрущев, один из главных «рулевых» этой самой «машины» в 1930–1940-е годы, по существу, выполнял указание партаппарата, списывая все реальные и мнимые преступления исключительно на одного Сталина. В то же время он заново начал раскручивать механизм пресловутой «машины». Подробности см. в книге Е. Прудниковой «Хрущев. Творцы террора» (М., 2007).

¹¹⁷ ...выразить глубочайшее согласие с диалогом, состоявшимся 13 сентября 1988 года в Красноярске... – См.: Завтра начинается сегодня. Пребывание М. С. Горбачева в Красноярском крае (Правда // 14 сентября 1988).

¹¹⁸ ...«Новый мир» вовсе не был монолитным журналом. – См.: «Заявление Дементя (А. Г. Дементьева – С. К.) об уходе (после “неприятного разговора” по статье А. Штейна (№ 6) и очерку Рахманова (№ 3))» (Запись от 27 мая 1961 // А. Т. Твардовский. Новомирский дневник. М., 2009. Т. 1). Там же – примечания В. А. Твардовской: «В отсутствие А. Т., бывшего в отпуске, его заместитель А. Г. Дементьев пропустил в печать материалы, вызвавшие неприятие редактора» (с. 534). В апреле 1969 года Твардовский пишет о «рабьем духе» Дементьева. А за 7 лет до этого, в «золотую пору» «Нового мира» в рабочих тетрадях за 1962 год Твардовский записывал: «Неприятности с Паустовским этим, которого черт дернул просить написать о Казакевиче для “НМ”. Неприятны в этой статейки мелкотравчатые штучки, “независимость”, “самый живой из всех живых”, “все правительство” и “Август” Пастернака в чтении Казакевича. Копийку прислал для прочтения у гроба. Мы, т.е. Воронков, я и др., вернее же сказать, я, несмотря на настойчивость Данина, даже, м.б., раздраженный этой настойчивостью, отклонил это дело. Будет, возможно, демаш в отношении “НМ”, но бог с ними. Вообще все эти люди, все

эти Данины, Анны Самойловны (имеется в виду А. С. Берзер, редактор отдела прозы. — С. К.) и /нрзб./ вовсе не так уж меня самого любят и принимают, но я им нужен как некая влиятельная фигура, а все их истинные симпатии *там* — в Пастернаке, Гроссмане (с которым опять волынка по поводу заглавия очерка) и т.п. Этого не следует забывать... Я сам люблю обличать и волнодумствовать, но, извините, отдельно, а не в унисон с этими людьми...» (т. 2, с. 324).

¹¹⁹ ...воспоминания П. Виноградской о Москве двадцатых годов... — Полина Виноградская. Последний рейс (воспоминания о Я. Свердлове) // Новый мир. № 8, 1963.

¹²⁰ ...призывная публицистика С. Смуглого... — С. Смуглый. Просто о сложном // Новый мир. № 9, 1963.

¹²¹ ...опубликованный в «Молодой гвардии» (№ 8 за 1968 год) отзыв о поэзии Николая Рубцова, тогда только что вступившего в литературу... — См. «Звезда труда и поэзии» Л. Лавлинского. В литературу по-настоящему Н. М. Рубцов вступил за 4 года до этого отзыва с первых серьезных публикаций в журнале «Октябрь» (№ 8 1964, № 10 1965). А в 1967 году вышла его книга «Звезда полей», ставшая событием в писательском и читательском мире.

¹²² ...опубликованный в «Молодой гвардии»... рассказ о... конференции «Тысячелетние корни русской культуры». — См.: Молодая гвардия. № 9, 1968.

¹²³ Нельзя умолчать, что и в тексте «письма» содержатся демагогические и просто безосновательные выпады против тех или иных авторов «Нового мира». «Именно в «Новом мире» появились кощунственные материалы... глумящиеся над трудностями роста советского общества (повести В. Войновича «Два товарища», И. Грековой «На испытаниях», роман Н. Воронова «Юность в Железнодорожье»)». В критических статьях В. Лакшина, И. Виноградова, Ф. Светова, Ст. Рассадина, В. Кардина и других, опубликованных в «Новом мире», планомерно и целеустремленно культивируется тенденция скептического отношения к социально-моральным ценностям советского общества, к его идеалам и завоеваниям.

Необходимо подчеркнуть, что эти строки были вписаны в текст письма непосредственно в редакции «Огонька». Изначальный вариант, авторами которого были Михаил Лобанов, Виктор Петелин, Сергей Семанов, Олег Михайлов, Виктор Чалмаев и Николай Сергованцев (См.: В. Петелин. Счастье быть собой), со-

держал полемику исключительно со статьей А. Дементьева и не касался других авторов «Нового мира».

¹²⁴ В. Лакшин... обвиняет меня на страницах «Огонька»... – В. Лакшин. В кильватере // Огонек. № 29, 1988.

¹²⁵ Правда, Лакшина превзошел Рой Медведев... сумевший... в годы застоя издать 24 книги за рубежом... – Например, «К суду истории», «Они окружали Сталина», «О Сталине и сталинизме», «Хрущев (Политическая биография)», «Кто сумасшедший?» (последние две – в соавторстве с Ж. Медведевым), «Юрий Андропов. Неизвестное об известном», «Социализм и демократия», «Проблемы литературной биографии Михаил Шолохова» и др. (См.: К суду истории. Беседа с Роем Медведевым // Московский комсомолец. 17 июля 1988). Стоит отметить, что большинство этих книг было издано по заказу европейских коммунистических партий и лидеров еврокоммунизма. В статье «Корни явления» Рой Медведев писал: «...Трудно, очень трудно полемизировать с такими фанатиками “русского чувства”, как В. Кожинов, который по-настоящему скорбит только о горестной судьбе Николая Второго и его семьи, да о прежней России, которая была разрушена Октябрьской революцией» (Московские новости. 12 июня 1988). В том же номере той же газеты Рою Медведеву ответил И. Р. Шафаревич статьей «Логика истории?»

¹²⁶ ...немало других авторов за одну книжку или даже статью в «тамиздате» попадали тогда в лагерь. – Подобное наказание чаще всего следовало не за сам факт публикации, а за полученный за данную публикацию гонорар, – ибо это было свидетельство «денежного сотрудничества» с идеологическим противником.

¹²⁷ ...дал исчерпывающий ответ в одном из своих выступлений М. С. Горбачев... – Выступление М. С. Горбачева по французскому телевидению.

¹²⁸ ...Ю. Семенов в своем сочинении «Ненаписанные романы»... – См.: журнал «Нева» (№ 6, 1988).

¹²⁹ ...собрания сочинений Толстого, Лескова, Чехова, Куприна, Блока, Андрея Белого... издавались и продолжают... издаваться в урезанном виде... – Достаточно назвать сочинения Н. С. Лескова «Жидовская кувырколлегия», А. П. Чехова «Жидовка», статью Андрея Белого «Штемпелеванная культура», письмо А. И. Куприна Ф. Д. Батюшкову (См.: Наш современник. № 8, 1990 и № 9, 1991). Относительно цензурных вмешательств в тексты

А. А. Блока – см.: С. Небольсин. Искаженный и запрещенный Александр Блок (Наш современник. № 8, 1991). Стоит добавить, что уже в 1989 году, когда издавался сборник статей В. В. Розанова «Мысли о литературе», цензура сделала в тексте 17 больших и мелких купюр, касающихся «еврейского вопроса» (См.: Наш современник. № 10, 1990).

¹³⁰ ...впервые издан «полный» Достоевский... – Это полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского было на некоторое время остановлено после выхода 17-го тома, ибо впереди «маячил» «Дневник писателя за март 1977 г.» со статьей «Еврейский вопрос».

¹³¹ Нынешние «борцы с антисемитизмом» уже не решаются писать нечто подобное о классиках... – Долгое время не решались – но теперь «все дозволено». «Гоголь, Достоевский, Толстой, Чехов отличались такой дремучей непроходимой глупостью, что поневоле уверишься: великий писатель велик во всем» (Д. Быков. Двести лет вместо // Русский журнал. 8 января 2003). См.: также В. Опендик. Двести лет затяжного погрома (Нью-Йорк, 2003. См.: также Г. Бессерман. Кто виноват? Еврейский вопрос в русской классике // Независимая газета. 5 марта 2009. Б. Парамонов. У, Русь // Русская жизнь. 8 апреля 2009.

¹³² ...в Америке, где... изымаются из... школьных библиотек как «антисемитские» сочинения Шекспира, Гердера, Канта, Диккенса... – Эти изъятия проводились по инициативе «Антидиффамационной лиги “Бнай Брит”». Из библиотек 150 американских городов были изъяты «Венецианский купец» Уильяма Шекспира, «Приключения Оливера Твиста» Чарльза Диккенса (в которой еврей и жулик Фейгин изображен, по мнению лиги, «неполиткорректно»), работы Иммануила Канта «Религия только в пределах разума» и Иоганна Готфрида Гердера «О духе еврейской поэзии».

¹³³ ...метод... Заславского и Лежнева... используется сегодня в борьбе против... В. Астафьева, В. Белова, Ю. Кузнецова, С. Куняева, В. Распутина... – См.: «диалог недели» Н. Анастасьева и Ю. Давыдова «Любовь к “ближнему” или “дальному”?» и слова Н. Анастасьева: «Несомненно, что “Привычное дело”, “Царь-рыба”, “Живи и помни” – крупное явление всей нашей художественной истории. Их не зачеркнут никакие публичные выступления авторов этих книг. Но ведь и мимо выступлений не прой-

дешь... Когда ноты националистического избраннычества звучат в высказываниях не второстепенных беллетристов, но замечательных талантливых художников – это опасно» (Литературная газета. 22 февраля 1989). См. также статьи: Ю. Карабчиевский. Борьба с евреем (Даугава. № 6, 1990); Е. Старикова. Колокол тревоги (Вопросы литературы. № 11, 1986); О. Кучкина. Странная литература (Правда. 2 ноября 1986); В. Лакшин. По правде говоря... (Известия. 3-4 декабря 1986); А. Мальгин. В поисках мирового зла (Вопросы литературы. № 9, 1987); П. Гутионтов. Подмена (Известия. 27 февраля 1988); Н. Ильина. Привидение, которое возвращается (Огонек. № 42, 1988); Т. Иванова. Вот приедет барин... (Огонек. № 16, 1988); Она же. Кто чем рискует (Огонек. № 24, 1988); П. Карп (Книжное обозрение. № 22, 1988); Н. Иванова (Огонек. № 36, 1988); Л. Овруцкий. Свобода для несвободной мысли? (Советская культура. 29 сентября 1988); С. Соложенкина. А эти утвержденья лживы... (Сб. «Взгляд» (М., 1988)); С. Лесневский. («Книжное обозрение». № 52, 1987) и др.

¹³⁴ Здесь Твардовский назван «крупнейшим советским поэтом»... речь идет об очерке Твардовского «Как был написан “Василий Теркин”»... – Здесь В. В. Кожинов цитирует следующие отрывки из статей «Молодой гвардии»: «...О творчестве крупнейших советских поэтов, об отдельных этапах развития нашей литературы написано немало (в том числе и интересные книги П. Выходцева о творчестве А. Твардовского, о связи поэта с устным народным творчеством)... Тут в первую очередь хочется отметить глубокий анализ идейно-художественного богатства поэмы А. Твардовского “За далью – даль”...» (Л. Заманский. Пятьдесят лет советской поэзии // Молодая гвардия. № 7, 1968). «“Егор Булычов и другие” М. Горького, “Хорошо” и “Про это” Маяковского, “Поднятая целина” М. Шолохова, “Люди из захолустья” А. Малышкина, “Страна Наири” Е. Чаренца, “Василий Теркин” А. Твардовского, лирика Н. Тихонова, Б. Корнилова, Г. Леонидзе, М. Исаковского, В. Сосюры, Б. Ручьева – какое многогранное и глубокое постижение деяний, дум, порывов и чувств человеческих!» (Ф. Овчаренко. Не казаться, а быть // Молодая гвардия. № 11, 1968). «Сущность поэтического творчества раскрывают перед молодыми литераторами известные советские поэты в своих книгах: Евгений Винокуров – “Поэзия и мысль”; Александр Коваленков – “Поэзия простых слов”; Александр Твардовский – “Как был написан “Василий

Теркин»; Лев Ошанин – «Как создавалась песня»...» (П. Таран. Как учиться самому? (о самостоятельной учебе молодых литераторов) // Молодая гвардия. № 2, 1969).

К сожалению, примеры, приведенные В. В. Кожинным, не показательны. Наиболее интересный и важный эпизод в данной истории – публикация статьи О. Михайлова «И песнь моя – народ родной!», посвященная 60-летию А. Т. Твардовского в № 24 журнала «Огонек» за 1970 год: «...Народность лучших стихотворений и поэм А. Твардовского объясняется, конечно, не только их высокой простотой, их общепонятностью, – она, эта народность, прежде всего в глубине и значительности заключенного в них национального содержания... В поэме «Василий Теркин» русская литература, углубляясь в военную тему, можно сказать, еще раз вспомнила свой национальный характер. В ней чисто и свято звучит и плач о матери-родине, матери-России, попорченной врагом, и громкая победная песнь советского поэта-патриота. В день шестидесятилетия Александра Трифоновича Твардовского мы отдаем должное его русскому таланту. Его творчество, его лучшие стихи и поэмы еще раз и неотразимо подтверждают, что большим поэтом, поэтом национальным делается лишь тот художник, кто хранит безусловную верность заветам отечественной классики, кто с любовью и чуткостью относится к живому русскому языку, который становится его песней».

Уже одна эта публикация ярче и основательнее всего говорит о том, что никто ничего не имел против Твардовского персонально ни в «Молодой гвардии» (О. Михайлов был, между прочим, автором и «твардовского» «Нового мира», и «никоновской» «Молодой гвардии»), ни в «софроновском» «Огоньке».

¹³⁵ «...Дивиться надо: при Советской власти...» – Из стихотворения А. Т. Твардовского «А ты самих послушай хлебобобов...» (1965).

¹³⁶ Он, признанный и крупнейший поэт, едва ли даже и читал этот журнал... – Справедливость этого утверждения В. В. Кожина подтверждается рабочими тетрадями самого А. Т. Твардовского. Во всяком случае при чтении двухтомного «Новомирского дневника» нигде не встречается хотя бы одна запись, свидетельствующая о том, что сам Твардовский читал хотя бы один номер «Молодой гвардии».

¹³⁷ ...повесть «Пашков дом», которую смог опубликовать только в 1987 году. – Н. Шмелев. Пашков дом (Знамя. № 3, 1987).

¹³⁸ ...экономист Н. Шмелев говорит совсем иное... – См.: Н. Шмелев. Авансы и долги (Новый мир. № 6, 1987).

Литература и демопартократия (разышления после съездов писателей и народных депутатов РСФСР)

Статья была опубликована в газете «День» в 1991 году. Публикации ее редакция газеты предпослала следующее уведомление:

«Публикуемая статья Вадима Кожина была заказана ему “Литературной газетой”. Но это издание, присвоившее себе недавно выпретенный подзаголовок “Свободная трибуна писателей”, лишний раз продемонстрировала всю лживость эпитета “свободная”, отказавшись печатать мнение человека, который, к слову сказать, являлся постоянным автором “Литературной газеты” аж с 1952 года! “День” публикует статью в том виде, в каком она была представлена в “ЛГ”».

¹ Михаил Лобанов... публикуя в «Литературной России» (№ 2, 1991) свое сочинение... – Статья Михаила Лобанова «Твердыня духа» содержала следующее примечание «от автора»:

«Во время состоявшейся на Капри конференции, посвященной религиозно-культурным проблемам, на которой выступил и я, уважаемый мною член редколлегии “Литературной газеты” попросил меня подготовить для нее мое выступление, на что я дал согласие. Теперь мне приходится изменить мое намерение, я вынужден отказаться от сотрудничества с “Литературной газетой”, пока ее возглавляет Ф. Бурлацкий, мастерски осуществивший похищение у писателей газеты и окончательно превративший ее в трибуну узкогрупповых интересов».

² ...я сам одновременно с Лобановым говорил на страницах газеты «День» (1991)... – В. В. Кожин. Слово не лжет, даже если лгут люди // День. № 1, 1991.

³ «Свободная трибуна писателей»... – См.: «Как стать свободной трибуной»: «На днях Министерство печати и массовой информации РСФСР официально зарегистрировало “Литературную газету”, признав ее учредителем трудовой коллектив. Наша газета становится отныне свободной трибуной писателей, всей интеллигенции страны» (Литературная газета. 18 сентября 1990).

⁴ ...и даже писал о них... – У истоков стиливого многообразия (Дружба народов. № 8, 1975); Современная жизнь тради-

ций: Размышления об абхазской литературе // Дружба народов. № 4, 1977; «Встретишь звезду на пути...» // Литературная газета. 4 ноября 1981; О творчестве Баграта Шинкуба // Б. Шинкуба. Избранные произведения в 2-х тт. М., 1982; Несколько слов о поэзии Размика Давояна // Литературная Армения. № 11, 1985; Путь поэта // И. Абашидзе. Избранное. М., 1989; вступительная статья к роману Ч. Амирэджоби «Дата Туташхиа» (М., 1990); К спорам о «русском» // Литературная газета. 12 сентября 1990.

⁵ Целый ряд изданий так или иначе «намекал», что на этот съезд... собраны заведомые «реакционеры»... — См.: В. Малухин. Театр одного съезда // Известия. 16 декабря 1990; А. Турков. Не беритесь за топоры // Литературная газета. 19 декабря 1990; А. Борщаговский. Покушение на братство // Книжное обозрение. 29 декабря 1989; А. Щуплов. «Душевное сияние русской литературы» или «праздник нечистой силы» // Книжное обозрение. 21 декабря 1990; А. Иванченко. Агрессия безобразного // Литературная газета. 26 декабря 1990.

⁶ ...эту стопроцентую ложь распространяли в средствах массовой информации даже делегаты съезда... — Имеются в виду, в частности, А. М. Турков и А. Борщаговский.

⁷ ...выборы народных депутатов РСФСР... — Они состоялись 4 марта 1990 года.

⁸ ...подобно знаменитой гоголевской героине... — «Унтер-офицерская вдова», упоминающаяся в монологе городничего Сквозник-Дмухановского в пьесе Н. В. Гоголя «Ревизор».

⁹ ...каждый пятый прошел... через концлагеря и спецпоселения... — Имелись в виду В. Астафьев (бывший на спецпоселении), В. Боков, Л. Бородин, О. Волков, А. Знаменский, В. Кочетков (проходивший проверку в СМЕРШе), Б. Споров. Здесь нужно сказать о неточности термина «концлагеря», обозначающего учреждения, которые существовали и существуют только в период военных действий между странами или в период гражданских войн. В СССР в «мирное время» существовали «исправительно-трудовые лагеря», входившие в систему ГУЛАГа.

¹⁰ В номере от 23 января сего года А. Латынина сообщила... — Имеется в виду статья А. Латыниной «Что впереди?»

¹¹ ...если бы Ю.Бондарев вел себя ныне подобно А. Ананьеву... — А. А. Ананьев, тогдашний главный редактор журнала «Октябрь», ранее был «правоверным» советским беллетристом, подписывавшим все необходимые письма, направленные,

в частности, против А. Солженицына и А. Сахарова. В годы «перестройки» он мгновенно «перековался» в «демократа», написал «покаянное» письмо в секретариат правления СП СССР («...Я, принужденный к послушанию, в унисон с другими подписывал угодные властям письма...» (Литературная газета. 10 сентября 1989)), а свой «демократизм» засвидетельствовал публикациями в своем журнале романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» и его же повести «Все течет» (№ 6, 1989), а также отрывков из книги Абрама Терца (Андрея Синявского) «Прогулки с Пушкиным» (№ 4, 1989).

¹² ...только вчера вышедшие из заключения Л. Бородин и В. Осипов. – Л. И. Бородин, арестованный во второй раз в 1982 году, был приговорен к 10 годам заключения и 5 годам ссылки. Освобожден в 1987 году. В. Н. Осипов после второго ареста в 1975 г. отбывал срок в Дубровлагe до 1982 года, а после провел 3 года под административным надзором.

¹³ ...Василий Белов... сказал... – «Мне кажется, в литературе ничего такого особенного не произошло. Меня не взволновали ни громкие ретроспективные публикации, ни публикации новинок» (Литературная газета. № 1, 1988).

¹⁴ По этому поводу в нескольких изданиях имел место прямо-таки вой возмущения... – См., например: Б. Сарнов. Кому улыбался Блок? // Огонек. № 3, 1988.

¹⁵ Популярный стихотворец-«демократ» сочинил и... переиздавал опус... – Имеется в виду поэма А. Вознесенского «Лонжюмо».

¹⁶ ...пели о «комиссарах в пыльных шлемах». – Слова из стихотворения Б. Ш. Окуджавы «Сентиментальный марш» (1957).

¹⁷ И. К. Полозков... – Первый секретарь Коммунистической партии РСФСР.

¹⁸ «Да ресторацию, черт возьми!»... – Эта переосмысленная здесь В. В. Кожинным игра слов была заимствована (видимо, невольно) из статьи В. А. Чалмаева «Неизбежность»: «“Ресторация” опережает реставрацию» (Молодая гвардия. № 9, 1968).

¹⁹ ...авторы пресловутого плана «500 дней». – Экономическая программа, составленная группой под руководством Г. Явлинского, Н. Петракова и С. Шаталина.

²⁰ Станислав Лем... сказал... – «Чем хуже книга, тем больше она должна стоять». Беседа со Станиславом Лемом.

Сионизм Михаила Агурского и международный сионизм

Эта статья была напечатана в журнале «Наш современник» (№ 6, 1990) вместе со статьей Михаила Агурского «Ближневосточный конфликт и перспективы его урегулирования» и являлась фактически ответом на сочинение Агурского, где проблема Ближнего Востока рассматривалась с сионистской точки зрения. Сама по себе одновременная публикация этих двух статей произвела «шоковое» впечатление как в среде демократов, так и в среде патриотов (нужно вспомнить, что тогда слово «демократия» в патриотическом лагере и слово «патриотизм» в демократическом звучали не иначе как ругательства). Демократы сделали все возможное, чтобы замолчать эту публикацию, продолжая обвинять «Наш современник» в «антисемитизме», а иные активные деятели патриотического стана стали обвинять журнал в «просионизме». Между тем это был первый по-настоящему серьезный диалог между евреем-сионистом и русским мыслителем традиционного «почвенного» направления в советской печати, во время которого были подняты вопросы, не только не утихшие к настоящему времени, но все более и более обострившиеся и к настоящему времени обострившиеся до степени преддверия наступления Третьей мировой войны.

¹ Михаил Агурский...с сочинениями которого я знаком еще с 1970-х годов. — См.: сочинения М. Агурского «Современные общественно-экономические системы и их перспективы» (Изд-под глыб. Париж, 1974), «Религиозная мысль СССР и социальные корни настроения интеллигенции» (Русская мысль. 26 февраля 1976), «К дискуссии о Солженицыне» (Русская мысль. 17 июня 1976), «Русский национализм и еврейский вопрос» (Сион. 1976), а также ходившие в «самиздате» работы «Международное значение "Письма вождям"» и «Неонацистская опасность в Советском Союзе».

² ...о фактах преследования действительных или...мнимых сионистов... (М. Орен, Р. Сланский, «дело врачей»)... — Вот как выглядят эти события в описании М. Агурского: «Охлаждение отношений началось уже в конце 1948 года, но их резкое ухудшение произошло в 1951 году, когда в Чехословакии был провокационно арестован один из лидеров левосоциалистической израильской партии МАПАМ — Мордехай Орен. Он был ложно обвинен в подрывной деятельности против Чехословакии, а впоследствии

включен в провокационный процесс Сланского в 1952 году, на котором впервые был открыто сформулирован миф о всемирном сионистском заговоре против социалистических стран. Арест Орена вызвал бурю в Израиле. Для многих израильтян это было пределом, и они перестали верить в СССР как великую модель социализма и интернационализма. Но по-прежнему оставались многие, кто, несмотря на все, слепо продолжал верить не только в СССР, но и в Сталина как великого вождя всех народов. Произошел раскол кибуцного движения, следы которого можно наблюдать и поныне. Так был нанесен тяжелый удар израильскому левому движению, был нанесен огромный урон симпатиям к СССР, еще более усугубившийся процессом Сланского в Чехословакии и процессом врачей в СССР в 1953 году...»

³ ...в публикуемых ныне воспоминаниях Хрущева... – Н. С. Хрущев. Воспоминания. Глава «Антисемитизм».

⁴ ...израильтянин Вольф Эрлих свидетельствовал... – В. Эрлих. Сионизм – теория и практика.

⁵ ...во время событий вокруг Суэца в 1956 году... – Международный конфликт вокруг Суэцкого канала длился с октября 1956 г. по март 1957 г. В это время продолжались активные военные действия Великобритании, Франции и Израиля, направленные против Египта.

Великобритания и США отказали в помощи президенту Египта Гамалю Абдель Насеру при строительстве Асуанской плотины. 26 июля 1956 года Насер объявил о национализации Суэцкого канала, в результате чего серьезно пострадали банковские группы, контролируемые ветвями семейства Ротшильдов. Еще в 1955 г. Насер, давая интервью журналу «Foreign Affairs», заявил: «Политика Израиля агрессивная и экспансионистская. Однако мы не хотим начинать какой бы то ни было конфликт. Войне нет места в конструктивной политике, которую мы разработали для улучшения участи нашего народа... Война заставит нас потерять многое из того, что мы стремимся достичь...»

Рейды через границу палестинских беженцев, желавших пробраться в свои дома на территории Израиля, который силой оружия в 1948 году неумеренно расширил свои пределы, изгнав коренных жителей, подавались средствами массовой информации как рейды «банд арабских инфильтрантов», по которым открывался огонь на поражение. В 1949–1955 гг. в приграничных стычках

погиб 101 израильтянин и от 2700 до 5000 (в основном невооруженных) палестинцев со стороны Египта.

22 октября 1956 г. в Севре (Франция) состоялась секретная встреча представителей Израиля, Франции и Великобритании, закончившаяся подписанием секретного протокола, по которому Израиль должен был атаковать Египет, а Англия и Франция вторгнуться в зону Суэцкого канала, объясняя свои действия «защитой канала и необходимостью разделить враждующие стороны». Предполагалось, что по окончании войны Израиль аннексирует весь Синай.

29 октября Израиль атаковал позиции египетской армии на Синайском полуострове. 31 октября британские и французские вооруженные силы в рамках операции «Мушкетер» начали бомбардировку Египта. 2 ноября ООН потребовала прекратить военные действия. СССР пригрозил нанесением ракетных ударов по территории Великобритании, Франции и Израиля, что неизбежно привело бы к ядерной войне между СССР и США. Под давлением США (а скорее, лично президента Дуайта Эйзенхауэра) Израиль вывел свои войска с оккупированного Синая в марте 1957 г.

⁶ ...интервьюировавший меня сотрудник израильского журнала... – Речь идет о журнале «22» , издающемся в Иерусалиме.

⁷ ...противоречит основному содержанию большинства... книг и статей о мировом сионизме... изданных в СССР... – В первую очередь В. Кожинов имел в виду книги Ю. Иванова «Осторожно: сионизм!» (1969), В. Бегуна «Вторжение без оружия» (1979) и Л. Корнеева «Классовая сущность сионизма» (1982).

⁸ ...уже в июле 1953 года восстановились дипломатические отношения. – После того как 9 февраля 1953 года в советское посольство в Тель-Авиве была брошена бомба, 11 февраля того же года между СССР и Израилем были разорваны дипломатические отношения. Восстановлены они были 6–15 июня 1953 г.

⁹ В одном из своих интервью... он говорил... – Тайные рычаги сионистского лобби. Беседа с А. Лилиенталем.

¹⁰ Один из советских корреспондентов... писал о силе «сионистского лобби»... – В. Гай. Лобби идет напролом или как «израильский хвост» командует «американской собакой».

¹¹ Известен, например, советский еврей Норинский, щедро рассылавший антисемитские послания. – В 1988 г. академик Д. С. Лихачев, главный редактор журнала «Знамя» Г. Я. Бакланов, а также некоторые ленинградские партийные и советские

функционеры, в том числе – руководители КГБ Василеостровского и Куйбышевского районов города, получили записки с текстом: «Мы с тобой расправимся! Боевики патриотической организации “Память”». Автором записки был член группы «Свобода эмиграции для всех» Аркадий Норинский. Он, по его же показаниям, «направил несколько десятков угрожающих писем под впечатлением от митингов “Памяти” с целью вызвать общественное негодование». Норинский был осужден, как злостный хулиган (ст. 206 ч. 2 УК РСФСР), приговорен к полутора годам лишения свободы условно с обязательной отправкой на принудительные работы (См.: Ленинградская правда. 21 ноября 1988). «Послание» А. Норинского Г. Бакланов опубликовал в журнале «Знамя» (№ 10, 1988) со своим комментарием: «Это письмо пришло как раз в те дни, когда в Ленинграде общество “Память” проводило митинги, когда боевики этого общества вырвали у одного из ленинградцев лозунг “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” и на глазах наблюдавшей все это и бездействовавшей милиции изорвали его... Открыто и безнаказанно продолжают совершаться антиобщественные, противоправные действия, открыто попираются обязательные для всех граждан статьи Уголовного Кодекса и Основной Закон нашего общества – Конституция СССР... В последнее время ряд редакторов, ряд общественных деятелей, писателей получили письма с угрозами расправы, физического уничтожения и т.д. Думается, пора, наконец, нашему обществу узнать, в чем причина такой безнаказанности одних и тех же антиобщественных элементов...» Позже Г. Бакланов заявил: «О чем прикажете спорить с боевиками “Памяти”, которые грозят мне физической расправой?» (Московские новости. 6 ноября 1988). По этому поводу был поднят большой шум в газетах «Известия», «Московские новости», «Комсомольская правда», «Литературная газета», а также в журналах «Огонек» (который, кстати, уже после процесса напечатал большую беседу с А. Норинским в № 9 за 1989 год) и «Юность». См.: В. Бушин. Как Аркадий Михайлович уж больно Григория Яковлевича настрашал, а тот его за это на полтора года упек // Наш современник. № 1, 1989; Ст. Куняев. Семейство Норинских // Вече. № 40, 1990). Антисемитские анонимки и до этого случая использовались, как хороший повод для разогревания антирусской истерии. См.: «Недели за три до статьи в “Молодой гвардии” (имеется в виду статья В. Горбачева «Перестройка и подстройка» в № 7 «Молодой

гвардии» за 1987 год. – С. К.) редакция “Огонька” получила серию анонимных писем-ультиматумов, где от имени “истинно-русских патриотов” от нас требовали публикации провокаторских “протоколов сионских мудрецов” и нескольких хвалебных рецензий на произведения, которые в июльском номере “Молодой гвардии” были поименованы, как эпохальные. В противном случае “истинные” угрожали расправой, уверяли, что “за нами дело не станет”. Никак началось?» (анонимная статья «В поисках утраченного времени» (Огонек. № 30, 1987). См.: также: Неделя. № 25, 1987). Да и в последнее время достаточно вспомнить так же кем-то аккуратно отснятые и переданные по отечественному телевидению сюжеты со свастиками на надгробных плитах или с деревянными табличками, на которых было начертано: «Смерть жидам!» и т.п. См.: также по этому поводу содержательную работу Лэйрда Уилкокса «Кричащие “Волк”».

¹² Джордж Болл... писал в 1982 году... – Дж. Болл. Когда сторонники жесткой линии берут верх.

¹³ И на первый план выдвинулась именно проблема «антисемитизма»... – Эту «проблему» в США и в других странах постоянно инициируют «Американо-израильский комитет общественных дел» и «Антидиффамационная лига» логи «Бнай Брит». Далее В. В. Кожин приводит выдержку из сообщения в рубрике «Мир на орбите дня», полный текст которого выглядит так:

«Лондон. Газета “Индепендент он санди” опубликовала статью, в которой рассматриваются различные аспекты влияния эмиграции евреев из СССР на перспективы ближневосточного урегулирования. Анализируя причины увеличения потока эмигрантов, что привело к серьезным осложнениям в налаживании мирного процесса на Ближнем Востоке, газета указывает на противоречивую и непоследовательную позицию в этом вопросе Соединенных Штатов. “Политика США в отношении еврейской эмиграции – это неразгаданный кроссворд. Вашингтон много лет призывал Моссад разрешить свободную эмиграцию, а теперь установил жесткие квоты на прием советских эмигрантов в США”, в результате чего они вынуждены ехать в Израиль и частично поселяться на оккупированных арабских землях. Тем самым американская администрация поставила под угрозу свою же ближневосточную политику, в основе которой лежит принцип “земля в обмен на мир”.

Газета приводит мнение, что к процессу эмиграции евреев из СССР причастна израильская разведка “Моссад”, которая прово-

цирует беспорядки внутри Советского Союза. Действующее в ее рамках управление по психологической войне распространило в России слухи о еврейских погромах, в связи с чем власти в Москве были вынуждены выступить с успокоительными заявлениями» (Московский комсомолец. 3 марта 1990).

¹⁴ Достоевский писал в 1877 году... – Цитируется глава «Еврейский вопрос» из «Дневника писателя за 1877 год».

¹⁵ ...профессор А. А. Денисов рассказал на страницах «Литературной газеты»... о злоключениях своей работы «Мифы теории относительности»... – См.: интервью Татьяны Путренко с Анатолием Денисовым «Плюрализм и мифы». Работа «Мифы теории относительности» была отпечатана в «ЛитНИИНТИ» в 1989 году.

¹⁶ ...главный популяризатор Эйнштейна в СССР Б. Кузнецов причислил его к «величайшим мыслителям всех времен и народов»... – См.: Б. Г. Кузнецов. Эйнштейн (М., 1967, 3-е изд.).

¹⁷ ...сборник «Светлое время – темное время» (1956), к сожалению, не изданный в нашей стране... – Этот сборник не издан в нашей стране до сих пор.

¹⁸ ...политика Израиля (особенно с конца шестидесятых годов) все более зависит от воли международного сионизма. – С конца 1960-х годов Израиль обладает арсеналом ядерного оружия, которое на сегодняшний день насчитывает до 200 единиц. Со времени арабо-израильской войны 1967 года резко увеличился объем денежной помощи Израилю от США при активном давлении сионистского лобби. См.: статью исследователя политики Ближнего Востока Мартина Шредера в журнале «Огонек» (2011).

¹⁹ ...для видного журналиста Ури Авнери... – Ури Авнери (Хельмут Остерман) с 1946 года выступал за создание единого арабо-еврейского государства, утверждал, что население «ишува» представляет собой новую «азиатско-ивритскую нацию» – естественного союзника арабских национально-освободительных движений, называл Ближний Восток «семитским регионом». Основал движение «Эрец Исраэль Ха Цаира» («Молодой Израиль»), известное также как «Ба-маавак» («В борьбе»). В 1956 году создал движение «Семитское действие» за образование «израиле-палестинско-иорданской федерации». Далее стал выступать за создание Палестинского государства, автор лозунга «Израиль без сионизма», с 1968 года автор многочисленных призывов к миру на Ближнем Востоке.

В 1975 г. основал «Израильско-палестинский мирный совет». Возглавлял еврейско-арабское движение «Прогрессивный список мира». Депутат кнессета нескольких созывов. В 1988 г. отошел от парламентской деятельности. В 1993 г. создал ультралевоую организацию «Гуш Шалом» («Корпус мира»), выступающую за прекращение блокады Израилем сектора Газа, за образование Палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме, за освобождение палестинских заключенных.

Необходимое дополнение к недавней статье

Это дополнение к статье «Сионизм Михаила Агурского и международный сионизм» было напечатано в журнале «Наш современник» (№ 9, 1990).

Здесь материальные интересы – прежде всего.

Это выступление В. В. Кожина было опубликовано в газете «Литературная Россия» (11 января 1991). К тексту выступления редакция предпослала следующее предуведомление:

«В редакции “Литературной России” прошла первая из планируемых ежемесячных встреч журналистов с учеными и писателями. Состоялся содержательный глубокий разговор о событиях в Персидском заливе. Первым на встрече выступил недавно побывавший в Ираке доктор философских наук Э. Володин, положивший в основу своего слова статью “Для чего?”, опубликованную в № 49 “ЛР” от 7.12.90 г. Затем выступил писатель В. Кожин и член-корреспондент АН СССР И. Шафаревич. С этими выступлениями мы знакомим сегодня наших читателей».

¹ ...то, что происходит в Персидском заливе, подается, как правило, абсолютно лживо... – США еще в 1980 г. объявили Ближний Восток зоной своих национальных интересов. Экономическое эмбарго против Ирака было принято в 1989 году, после призыва Саддама Хусейна к странам Ближнего Востока объединиться и стать независимыми от США. И когда 2 августа 1990 г. 4 регулярные дивизии иракских армий вторглись в Кувейт (перед этим правительство Ирака обвинило Кувейт в воровстве нефти из приграничных месторождений Ирака) – совет безопасности ООН под давлением США принял резолюцию № 660, в которой потребовал от Ирака вывести войска из Кувейта. Тогда же американские военные части начали проведение операции «Щит пустыни»

по «обеспечению безопасности» Саудовской Аравии. А 17 января 1991 г. началась операция «Буря в пустыне», проводимая против Ирака многонациональными силами во главе с США. Кроме США, Австралии, Новой Зеландии и Кувейта в операции принимали участие 16 государств Европы, 15 государств Азии, 5 государств Африки. Армейские части США потеряли убитыми 298 человек. Войска международной коалиции – 88 человек. В то же время в Ираке было убито 2278 одних только мирных жителей.

А то, как подавалась война в Персидском заливе на страницах тогда еще советской печати, можно увидеть хотя бы по следующей публикации под рубрикой «Осенняя буря в пустыне. Война за освобождение Кувейта продолжается»: «Меня глубоко огорчили многие вопросы, которые были заданы нашему министру иностранных дел СССР А. А. Бессмертных во время его выступлений и в Верховном Совете и на заседании Президиума высшего органа власти. И особенно насторожили призывы депутатов-полковников. Они звучали однозначно. Никто из них не выступил в защиту резолюции ООН, политики мирового сообщества, поддержанной СССР. Они потребовали даже принять специальную декларацию о невмешательстве в дела в Персидском заливе с явной целью как-то “поправить” нашу внешнюю политику» (Ф. Бурлацкий. Жестокий урок диктатуре // Литературная газета. 23 января 1991). См.: также: Игорь Беляев. Тайны, которые хотелось бы раскрыть до конца // Литературная газета. 12 сентября 1990.

² ...в 1979 году Вьетнам оккупировал Камбоджу. – Вооруженный конфликт Камбоджи (Кампучии) и Вьетнама длился с 1975 по 1989 год, разделившись на пограничную войну (1975–1978) и на непосредственное участие Вьетнама в гражданской войне в Кампучии (1979–1989). При этом все вооруженные инциденты были спровоцированы камбоджийской стороной – правительство «Демократической Кампучии» выдвинуло лозунг: «Готовы воевать с Вьетнамом 700 лет». В конце декабря 1978 г. Вьетнам вторгся в Камбоджу. 7 января 1979 г. был взят Пномпень. В сентябре 1989 г. было объявлено о полном выводе вьетнамских войск из Кампучии.

³ Со времени ухода из Вьетнама США едва ли смогут проявить активную военно-политическую волю. – Это было несколько преждевременное заявление. Дальнейшие события (военная операция НАТО под эгидой США против Югославии 24 марта – 10 июня

1999 г. без мандата ООН, агрессия против Ирака в 2003 г., агрессия против Ливии в 2011 г. – притом что последние две операции диктовались именно политикой в ы ж и в а н и я Запада и, в частности, США) свидетельствовали о том, что воля США к а г р е с с и и против суверенных государств еще не ослабла.

⁴ ...в заключении комиссии Верховного Совета... – 24 декабря 1989 г. на II съезде народных депутатов СССР А. Н. Яковлев зачитал «Сообщение комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 24 августа 1939 года». Это сообщение легло в основу соответствующего заключения комиссии Верховного Совета.

Война и евреи

Эта статья была опубликована как приложение к статье «Итоги войны» в книге В. В. Кожина «Великое творчество. Великая победа» (М., 1999).

Германский фюрер и «царь иудейский»

Первая публикация – в книге В. В. Кожина «Победы и беды России: Русская культура как порождение истории» (М., 2000).

¹ Полкес... действовал по заданию Еврейского агентства, возглавляемого Вейцманом. – Юрий Иванов в книге «Осторожно: сионизм!» (М., 1969) писал со ссылкой на публикацию в «Шпигеле» от 19 декабря 1966 года, что Полкес был «начальником резидентуры фашистской разведки в Палестине и Сирии». В тексте книги Хайнца Хене «Der Orden unter dem Totenkopf» , глава из которой печаталась в «Шпигеле», указывается, что Полкес был платным агентом СД с месячной ставкой 15 фунтов стерлингов.

² Голда Меир... скорбно поминает в своих мемуарах погибшую девушку... – См.: Голда Меир. Моя жизнь (глава «Борьба против британцев»).

³ ...сведения об этом авторитетны и весьма достоверны... – См.: Хеннеке Кардель. Адольф Гитлер – основатель Израиля. М., 2004.

⁴ ...глубокое и тщательное исследование в данном направлении должно быть осуществлено. – Материалы не одного, а нескольких тщательных исследований были опубликованы в последние годы. См.: Исследование Холокоста. Глобальное видение. Материалы международной Тегеранской конференции. 11–12 де-

кабря 2006 года. М., 2007; Эдуард Ходос. Между Спасителем и Антихристом. Харьков, 2005; Норман Д. Финкельштейн. Индустрия Холокоста. М., 2002; Роже Гароди. Основополагающие мифы израильской политики // Наш современник. № 1–4, 1997; Том Сегев. Седьмой миллион. Париж, 2003; Станислав Куняев. Жрецы и жертвы Холокоста. М., 2011.

⁵ Вполне достоверны сведения, что во время арабо-израильской войны 1973 года правительство Израиля... приняло решение пустить в ход ядерное оружие. – В интервью газете «Sunday Times» в 1986 году Мордехай Вануку признал: «В 1973 году Израиль был готов использовать свое ядерное оружие против Сирии. И против Египта». (Эту же информацию он подтвердил позднее в интервью со швейцарской журналисткой Сильвией Капори).

Тройка Маркуса Вольфа и геополитика

Впервые статья была опубликована в газете «День» (№ 18, 1992).

¹ С глубоким удовлетворением читал в «Дне» работу молодого политолога... Александра Дугина. – Работа Александра Дугина «Великая война континентов» публиковалась в газете «День» в № № 4–7, 9–11, 13 за 1992 год.

² ...журнал подвергся всяческим репрессиям – вплоть до обличительного постановления ЦК КПСС. – Был уволен с работы первый заместитель главного редактора Ю.И. Селезнев (См.: Так это было // Москва. № 11, 1999), публикация специально отмечалась в майском письме за 1982 год в ЦК КПСС начальника главного управления по охране государственных тайн П. Романова, также статья стала одним из поводов для появления постановления ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства» (1982).

³ ...друзья... звали его... Чкаловым. – Валерий Чкалов – советский летчик-истребитель, комбриг, Герой Советского Союза, командир экипажа самолета, совершившего первый беспосадочный перелет через Северный полюс из Москвы в Ванкувер.

⁴ ...ныне сенатор штата Аляска... – Виктор Фишер был сенатором штата Аляска в 1957–1958 гг. С 1990 года – содиректор международного центра «Арктика». С 1991-го – сопредседатель Российско-американского международного педагогического уни-

верситета. Директор Института социально-экономических исследований университета Аляски.

⁵ Луи Фишер... писал в 1936 году... – См.: Луи Фишер. Поездка по СССР // Нойе Вельтбюне. 38/1936). (Маркус Вольф. Трое из 30-х... М., 1990. С. 228–236).

⁶ ...товарищи типа А. Яковлева или Г. Арбатова... – А.Н.Яковлев – секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС, 1-й зам. зав. отдела пропаганды ЦК КПСС (стажировался в Колумбийском университете США в 1958–1959 гг.). Директор Института мировой экономики и международных отношений. С конца 1980-х гг. проявлял себя как крайний антикоммунист. См.: его собственные признания: «На первых порах перестройки нам пришлось частично лгать, лицемерить, лукавить... другого пути не было». «Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды “идей” позднего Ленина... Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала... следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и “нравственным социализмом” по революционаризму вообще...» (Большевизм – социальная болезнь века // Черная книга коммунизма. М., 2001). «Я говорил про обновление социализма, а сам знал, к чему дело идет...» (Независимая газета. 2 декабря 2003). Г. А. Арбатов – директор Института США и Канады АН СССР, член ЦК КПСС, также ставший ярым демократом и выступавший против строительства авианесущих кораблей для ВМФ СССР и РФ и против внедрения системы ОГАС (Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации).

О революции и социализме – всерьез

Статья была впервые опубликована в пробном номере газеты «День» в ноябре 1990 года.

¹ Один из старейших... руководителей редакции «Литературной газеты»... – Имеется в виду ее тогдашний главный редактор Ю. Воронов.

² ...книги... Т. Карлейля и И. Тэна... – Томас Карлейль. История французской революции (1937). Ипполит Тэн. Происхождение современной Франции. Т. 1–3 (1876–1893).

³ ...весьма малограмотные радикалы нередко употребляют кличку «вандейцы» для обозначения «врагов перестройки»... – См., например, Е. Евтушенко : «Идет реакция “свиньей”,

как шла тевтонская угроза, и у реакции родной есть дух вандейского навоза. Вандейство – это ремесло глотать мятежников живыми. Провинции французской имя к родимым рылам приросло...» (Вандея // Юность. № 6, 1988); А. Вознесенский: «Новой идее грозит Вандея...» (Зал Чайковского // Огонек. № 25, 1987); А. Адамович: «Рядом с Куропатами – Вандея? Это долго продолжаться не может – такое соседство...» (Оглянись окрест // Огонек. № 33, 1988).

⁴ ...«На что он руку поднимал...» – Строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта» (1837).

⁵ ...о чем откровенно сказал сам автор... – См.: предисловие Олдоса Хаксли к роману «О, дивный новый мир», написанное для издания 1946 года.

⁶ ...слова из статьи М. Хейфеца «Наши общие уроки»... – Эта статья была опубликована как ответ на статью Станислава Куняева «Легенда и время», напечатанную в том же номере журнала «22». См.: комментарий к «Выступлению на дискуссии “Классика и мы”».

⁷ И нет сомнения, что громадная роль и иностранцев, и евреев в русской революции еще ждет тщательного и основательного изучения. – Это изучение было проведено самим В. В. Кожинным. См.: главы «Власть и народ после Октября» и «Какова была роль евреев в послереволюционной России?» в его книге «Россия. Век XX. 1901–1939. От начала столетия до “загадочного” 1937 года. Опыт беспристрастного исследования» (М., 1999).

⁸ Ведь именно он писал в июне 1918 года... – В. И. Ленин. Пророческие слова.

⁹ Через сто семьдесят лет Мао Цзедун еще более откровенно рассуждает... – Процитированные слова Мао Цзедун произнес на одном из совещаний в КПК в 1958 году.

¹⁰ ...после издания книги П. П. Владимирова... – «П. П. Владимир» – псевдоним олимпийского чемпиона по тяжелой атлетике, писателя Юрия Петровича Власова.

Жертвы насилия: истинные наши потери с 1917 по 1941 год

Впервые статья была опубликована в журнале «Москва» № 6, 1994.

¹ ...демографу, подписывающему свои работы именем «Сергей Максудов»... – Настоящее имя демографа – Александр

Бабенышев. Первая его публикация по оценке потерь советского населения в годы Гражданской войны, коллективизации и Второй мировой войны вышла в журнале «Cahiers du Monde» (Париж) в 1977 г. Эмигрировал в 1981 г. В 1989 г. в Вермонте издал книгу «Потери населения СССР».

² ...неоспоримо и остроумно показал полную несостоятельность статистики репрессий... в... книге Роберта Конквеста «Большой террор»... – Книга Р. Конквеста «Большой террор. Сталинские чистки 30-х» вышла первым изданием в 1968 г.

³ Что же касается... статистики «профессора Курганова»... – Эта «статистика» стала весьма распространенной после того, как ее воспроизвел А. И. Солженицын («Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. Гл. 1 («Персты Авроры»)): «И во сколько же обошлось нам это “сравнительно легкое” внутреннее подавление от начала октябрьской революции? По подсчетам эмигрировавшего профессора статистики И. А. Курганова, от 1917 до 1959 года без военных потерь, только от террористического уничтожения, подавлений, голода, повышенной смертности в лагерях и включая дефицит от пониженной рождаемости, – оно обошлось нам в... 66,7 миллионов человек (без этого дефицита – 55 миллионов)». В книге «Потери населения СССР» С. Максудов писал: «И. Курганов является характерным представителем эмигрантской демографической науки. Скорее, следовало бы сказать, псевдонауки».

⁴ ...исходя из «обнаруженной» им в изданной еще в 1957 году в СССР статье немецкого «профессора Г. Арнтца»... – Г. Арнтц. Итоги второй мировой войны (Гамбург-Москва, 1953–1957).

⁵ ...для своего сочинения «Читая Ленина»... – Сочинение В. А. Солоухина «Читая Ленина» представляет собой лишь одну из глав романа «Последняя ступень (Исповедь вашего современника)» (1976–1995). Глава эта вышла отдельным изданием в 1988 г. в издательстве «Посев».

Россия и партаппарат. К истории 75-летнего конфликта

Статья впервые была опубликована в газете «Литературная Россия» (30 октября 1992 г.).

¹ ...он сам в своих...мемуарах «Перестройка: история предательства»... – Н. И. Рыжков. Перестройка. История предательства. (М., 1992).

² ...даже ракетная сделка с «мирной» Индией вызвала самое жесткое сопротивление... – См.: В. Скосырев. МИД предупреждал Российское правительство об опасности ракетной сделки с Индией (Известия. 19 мая 1992). См.: также журнал «Новости космонавтики» (№ 11–12, 1992). При этом США сами торговали и продолжают торговать оружием с Индией. Так, в 2010 г. контракт на поставку американских противокорабельных и тактических ракет на сумму 170 млн долларов.

³ Как определил в 1920 году Бухарин... – Далее цитируется сочинение Н. Бухарина «Экономика переходного периода» (1920), частично написанное в соавторстве с Г. Пятаковым.

⁴ ...воспетые многочисленными евтушенками авантюристское «освоение целины», сооружение громадных плотин и прочее... – В первом ряду здесь, конечно, идет сам Е. Евтушенко. См.: С комсомольской путевкой (Комсомольская правда // 28 февраля 1954); Солнце на целине (Комсомольская правда // 30 апреля 1959); Здравствуй! (Казахстанская правда // 27 сентября 1961); Братская ГЭС (Юность // № 4, 1965).

⁵ ...воспет как герой и мученик в книге «Борцы за народное (!) дело»... – См.: И. П. Шпандарук. Борцы за народное дело. Минск, 1965.

⁶ ...имена множества погибших партаппаратчиков, которых тут же начали взапуски воспевать многочисленные евтушенки... – Имя Е. Евтушенко в данном контексте вполне может употребляться, как нарицательное. См.: Р. Рождественский: «Припомните, тридцатые! Вернись, тугое эхо! Над миром неустроенным громыхни опять! Я скажу о Роберте, о Роберте Эйхе! В честь его стоило детей называть» («Стихи о моем имени»). А. Вознесенский: «Спи, Серго, в васьиловой рубашечке, ты чему во сне улыбаешься? Где-то Куйбышев и Менжинский так же детски глаза смежили...» («Лонжюмо», 1962–1963). У самого Евтушенко таких сентенций наберется на приличный том, но здесь сразу же приходит на память анекдотическое: «Кровавые слезы Блюхера в металле еще отольются. Якир с пьедестала протянет гранитную руку стране...» («Еще не поставленные памятники», 1987). К «евтушенкам» вполне можно отнести и поэтов старшего поколения, в частности Б. Слуцкого («Еще в украинской державе генсеком правит Косиор... Иона рядом с ним, Якир с лицом красавицы еврейской... Петровский, бодрый старикан, специалист по ходакам, и Балецкий, спец по расправам, стоят налево и направо... Позднее: годом

ли, двумя, как лес в сезон лесоповала, наручниками загремя, с трибуны загремят в подвалы...» («Трибуна»)) и А. Межирова («Но сегодня Соня Радек, Таша Смилга снятся мне... Слава комиссарам красным, чей тернистый путь был прям... Слава дочкам их прекрасным, их бессмертным дочерям...» («Снова осень, осень, осень...»)). В годы «перестройки» воспевание партаппаратчиков приняло характер массового психоза. См.: Д. Волкогонов о Троцком. Демон революции (Из книги «Триумф и трагедия») (Правда. 9 сентября 1986); Рой Медведев. Каменев (штрихи к политическому портрету) (Литературная газета. 3 мая 1989); А. Аджубей о Рудзутаке: «Непримиримый» (Литературная газета. 12 августа 1987); Л. Загальский о Г. Каминском: «Он восстал против Сталина» (Литературная газета. 29 ноября 1989); З. Шейнис – «Максим Литвинов возвращается в строй» (Литературная газета. № 35, 1987); Ирина Кун. Эпилог о Бела Куне (Огонек. № 45, 1988); Л. Разгон о М. Рютине: «Наконец!» (Московские новости. 26 июня 1988); Г. Жаворонков об И. Пятницком: «И единожды не солгавший» (Московские новости. 10 апреля 1988); Д. Шелестов о М. Томском: «До выстрела в Болшево...» (Огонек. № 31, 1988) и др.

⁷ ...поскольку сам способствовал компрометации Тухачевского... – Дезинформацию, связанную с «компрометацией» Тухачевского при помощи подложных документов, доведенных до советского правительства через президента Чехословакии Бенеша, запустил в своих мемуарах Вальтер Шелленберг. Тухачевский был реальным участником конкретного военного заговора, который был вовремя раскрыт. См.: Е. Прудникова, А. Колпакиди. Двойной заговор. М., 1999.

⁸ Гитлер... в конце войны постоянно и весьма понятно говорил... об одной из причин поражения Германии... – Эти слова Гитлера привел в своей книге «Адольф Гитлер» (1973) Иоахим К. Фест.

⁹ «Соседа история не обошла...» – Это стихотворение Станислава Куняева впервые было напечатано в альманахе «День поэзии» (М., 1981).

¹⁰ ...широкомасштабная попытка превознести до небес... Бухарина, Зиновьева, Троцкого... – Здесь следует назвать книги Н. А. Васецкого «Зиновьев: страницы политической биографии» и «Ликвидация. Сталин, Троцкий, Зиновьев: фрагменты политических судеб» (М., 1989); работы В. Роговина; а также сочинения Г. Бордюгова и В. Козлова «Николай Бухарин» (Коммунист. № 13,

1988), И. Е. Горелова «Николай Бухарин» (М., 1988), Е. Евтушенко «Вдова Бухарина» (Известия. 10 июня, 1988).

¹¹ ...с уст главных нынешних партаппаратчиков... не сходило горделиво произносимое слово «революция». – Достаточно вспомнить главный «перестроечный» лозунг: «Октябрь и перестройка: революция продолжается». Именно такое название носил доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на совместном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Октябрьской революции (Литературная газета. 4 ноября 1987). Началось это раньше и продолжалось как из рога изобилия: А. Турков. ...Чтобы плыть в революцию дальше // Литературная газета. 8 июля 1987; Д. Кугультинов. Революция продолжается // Литературная газета. 8 ноября 1989. Аналогию между «той» революцией и нынешним днем попытался провести и Н. Эйдельман (Оптимизм исторического знания // Огонек. № 40, 1988). К этому времени в школах был уже отменен экзамен по истории СССР. То есть предмет «история» стал необязательным – по образцу 1920-х р-р-революционных годов, когда молодых ребят, вступавших в жизнь, пытались превратить в «Иванов, не помнящих родства».

¹² ...Попов... опубликовал... сочинение «Система и зубры»... – Г. Попов. Система и зубры (размышления экономиста по поводу повести Д. Гранина «Зубр»). Это сочинение было напечатано в журнале «Наука и жизнь» (№ 3, 1988).

¹³ Вокруг «германского» периода жизни Тимофеева было много острых споров... – См.: Д. Иванов. Что позади? (Огонек. № 18, 1987); Т. Иванова. Не сотвори кумира (Огонек. № 35, 1987); В. Бондаренко. Очерки литературных нравов (Москва. № 12, 1987); И. Ришина (Литературная газета. 27 мая 1987); А. Казинцев. Под семейным абажуром (Советская Россия. 17 июня 1987); В. Струнников, А. Яблоков, В. Иванов. Необоснованные обвинения. Письмо в редакцию (Литературная газета. 27 января 1988); В. Оскоцкий (Книжное обозрение. 29 января 1988); А. Кузьмин. К какому храму мы ищем дорогу? (Наш современник. № 3, 1988); Круглый стол (Литературная газета. 6 июня 1988), Г. А. Середа. Об исторической правде (Наш современник. № 1, 1989). Д. Ильин. Неприкасаемая литература (Наш современник. № 6, 1989). Д. Ильин, В. Провоторов. Кто вы, доктор Тимофеев-Ресовский? (Наш современник, № 11, 1989).

¹⁴ ...писал тогда Вернадский... — Пять вольных писем В. И. Вернадского к сыну // Альманах «Минувшее». Вып. 7. Париж, 1989.

¹⁵ Эта чудовищная акция еще только начинает изучаться... — Документы, относящиеся к этой «акции», опубликованы в книгах: Академическое дело 1924–1931 гг. СПб., 1993; В. Брачев. Травля русских историков. М., 2007.

¹⁶ ...объявляя ее «тюрьмой народов», «нацией Обломовых»... — «Тюрьма народов» — фразеологизм на основе идеи Астольфа де Кюстина, сформулированной в его книге «Россия в 1839 году»: «Сколь ни необъятна эта империя, она не что иное, как тюрьма, ключ от которой хранится у императора». «Тюрьмой народов» прямо объявил Россию В. И. Ленин: «Гнилая самодержавная Россия, эта известная тюрьма народов России, просто обречена на поражение» («К вопросу о национальной политике»). «Нацией Обломовых» объявил русскую нацию Н. И. Бухарин: «Нужны были именно большевики, чтобы из аморфной, мало-сознательной массы в стране... где господствовала “нация Обломовых”, сделать ударную бригаду мирового пролетариата» (Известия. 21 января 1936).

¹⁷ ...у одного влиятельного партаппаратного идеолога... — Имеется в виду директор Института мировой литературы Б. Л. Сучков.

¹⁸ ...признание, сделанное... Сталиным американскому послу Гарриману. — См.: Родина. № 6–7, 1991.

¹⁹ Ныне же при «реформе цен» Россия была беспощадно ограблена. — Имеется в виду «либерализация цен» в ночь с 31 декабря 1991 года на 1 января 1992 года, проведенная правительством Е. Т. Гайдара и приведшая к демонетизации экономики. Потребительские цены выросли в 26 раз. Следствием «реформы» были также нулевой импортный тариф, кризис взаимных платежей предприятий, дефицит наличных денег, снижение налоговых поступлений в бюджет, галопирующая инфляция.

Печатное, но чистосердечное послание Правительству России

При перепечатке этого материала В. В. Кожинев сделал следующее примечание: «Это послание было опубликовано весной 1993 года в издававшейся тогда В. В. Вострухиным непосредственно в доме № 6 на Старой площади газете “Экономика сегодня и завтра” (№ 1 за 1993 г.) и оказалось на рабочем столе адресата, — но не вызвало какой либо реакции».

¹ ...обращенном к человеку, принадлежащему к тем... правительственным деятелям, которые имеют длительный опыт реального... руководства гигантской экономикой России... – Имеется в виду В. С. Черномырдин, который в 1985–1989 гг. занимал пост министра газовой промышленности.

² ...имею в виду выступление М. Я. Гефтера... – М. Я. Гефтер в 1964 году возглавил сектор методологии истории Института истории АН СССР. Автор книги «Историческая наука и некоторые проблемы современности» (М., 1969), после которой сектор закрылся «по идеологическому несоответствию». Сборник «Иного не дано» вышел в 1988 г.

³ Как лаконично сформулировал в свои зрелые годы Байрон... – Цитируется письмо Джорджа Байрона от 28 января 1821 года.

⁴ Ф. Ламенне писал... в своей изданной анонимно и тут же конфискованной властями книге... – Речь идет о книге «Размышления о состоянии церкви во Франции во времена XVIII века».

⁵ ...на престол вззошел родной брат казненного в 1793 году короля... – Людовик XVIII.

⁶ ...Ламменне уже всецело признал их неустранимость. – Он сделал это в книге «О ходе революции и борьбе против Церкви» (1829).

⁷ ...Синявский-Терц не раз вспоминал в различных интервью... – См. например: Интервью в газете «Книжное обозрение» (1990).

⁸ ...«доразвился» до поистине смердяковского заявления «Россия – сука»... – Из статьи Абрама Терца (А. Синявского) «Литературный процесс в России» (1973): «Это не просто переселение на историческую родину, а прежде всего и главным образом – бегство из России... Все бегут, бегут. Россия-Мать, Россия-Сука, ты ответишь и за это очередное вскормленное тобою и выброшенное потом на помойку дитя!..»

⁹ ...защитив... кандидатскую диссертацию... – «Становление романа в европейской литературе (XVI–XVII вв.)».

¹⁰ ...Арнольд Тойнби... заявил в 1976 году... – Арнольд Тойнби умер в 1975 г. Цитируемая фраза взята из изданной посмертно его книги «Человечество и Мать-Земля. Очерки по истории мира» (1976).

¹¹ ...Мартин Хайдеггер... сказал в 1969 году... – Имеется в виду диалог Мартина Хайдеггера с корреспондентом журнала

«L'Express» Фредериком Товарниcki и автором книги «Политические произведения Хайдеггера» Жаном-Мишелем Пальме:

Корр.: Вы сказали однажды: «Что касается будущего, то я больше верю в социализм, чем в американизм!» Сейчас Вы думаете так же?

Х.: Разумеется.

(Мартин Хайдеггер. Разговор на проселочной дороге. М., 1991).

¹² Алексей Федорович Лосев... признался в 1985 году... — См.: А. Лосев. Куда движется человечество // Правда. 31 декабря 1991.

¹³ ...те, кто пришли им на смену... — Речь идет о таких персонажах, как Е. Гайдар, А. Чубайс, А. Илларионов, А. Нечаев, Г. Бурбулис, П. Авен, В. Шумейко.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абакумов В.С. – 939.
 Абашидзе И. В. – 775, 1014.
 Абрамов Ф. А. – 691, 692, 694, 769.
 Абрамович (Рейн) Р. А. – 719.
 Абуладзе Т.Е. – 969.
 Аввакум Петров Кондратьев – 74,
 76–117, 163, 208, 922.
 Авен П. О. – 456, 1034.
 Авербах Л. Л. – 583, 584, 727, 941,
 970.
 Аверин Е.С. – 968.
 Аверинцев С. С. – 165, 397, 626,
 927.
 Авнери Ури (Остерман Гельмут) –
 802, 829, 830, 1021.
 Агапов Б. Н. – 727, 992.
 Агранов Я. (Соренсон Я. Ш.) –
 644, 895.
 Агурский М. С. – 792–801, 803,
 804, 806, 819, 829, 830, 1016, 1022.
 Агнон Шмуэль Йосеф – 966.
 Адамович А.М. – 996, 1027.
 Аджубей А.И. – 996, 1030.
 Адлер Виктор – 976.
 Адуев (Рабинович) Н. А. – 727.
 Азарх Р.М. – 985.
 Айтматов Ч. Т. – 596, 691, 693, 970.
 Айхенвальд Л. Ю. – 723.
 Айхенвальд Ю.А. – 982.
 Аксаков И. С. – 121, 125, 139, 404,
 923, 925.
 Аксаков К. С. – 125, 133, 134, 139,
 140, 199, 304, 305.
 Аксаков С. Т. – 123, 278.
 Аксакова А.Ф. – 940.
 Аксенов В.П. – 560–563, 954, 1006.
 Аксючиц В. В. – 456, 950.
 Акульшин Р. М. – 729, 1003.
 Александр Невский – 160, 224, 266.
 Александр II – 391, 633.
 Александр I. – 932.
 Александр III – 633.
 Александров А. П. – 440.
 Александров И. Г. – 360.
 Александров С. М. – 397.
 Алексеев М. В. – 230, 283, 284.
 Алексеев М. Н. – 622, 977, 988, 989,
 995.
 Алексей Михайлович – 85, 88, 103,
 104, 119, 234, 281, 922.
 Алексей, митрополит – 82.
 Алимов Г. – 973.
 Алтаузен Джек (Я. М.) – 347, 729,
 936, 941.
 Альбац Е. М. – 269, 448.
 Альенде Госсенс Сальвадор – 287.
 Альшиц Д. Н. – 237, 431.
 Амегова Н. – 285.
 Амирэджиби Ч. (М.) И. – 775, 1014.
 Амлинский В. И. – 676, 721, 722,
 954, 989, 997, 1000.
 Ананьев А. А. – 779, 1014.
 Анастасия Марковна – 100.
 Анастасьев Н.А. – 514, 517, 518,
 520–521, 524, 525, 528, 538, 540, 541,
 959–961, 1010.

- Анашенков Б. А. – 504, 505, 954.
 Андерсон Шервуд – 512, 551, 553, 565, 964.
 Андреев А. А. – 737.
 Андрей К (И.) Н. – 972.
 Андрей Белый (Бугаев Б. Н.) – 471, 559, 749, 765, 1009.
 Андрей Черкизович – 187.
 Андрич Иво – 966.
 Андронов А. А. – 441.
 Андропов Ю. В. – 10, 887, 888, 1009.
 Анна – 68.
 Анненков П. В. – 120.
 Анненский И. Ф. – 559, 565, 749.
 Аннинский (Иванов – Аннинский) Л. А. – 666, 949, 975.
 Анпилов В.И. – 933.
 Антоний (игумен) – 47.
 Антонов С.П. – 691, 693, 984.
 Антонов Ю. М. – 360, 937.
 Антонов-Овсеев (Овсеев) В. А. – 890.
 Антонович М. А. – 667, 756.
 Анчаров М.Л. – 954.
 Апдайк Джон Хойер – 513, 514, 520, 521, 525, 529, 960.
 Аполлинер Гийом (Вонж-Костровицкий Вильгельм Альберт Владимир Александр Аполлинарий) – 553.
 Арагон Луи (Луи-Мари Андрие) – 612, 976, 1004.
 Аралов С. И. – 628, 860, 979.
 Арбатов Г.А. – 865, 1026.
 Ардаматский В.И. – 979.
 Ариньон Ж.- П. – 66.
 Аристотель – 88, 136, 354, 500.
 Арманд И.Ф.(Е.Т.-С.) – 971.
 Арнтц Гельмут – 881, 882, 1028.
 Арский (Афанасьев) П.А. – 985.
 Артамонов М. И. – 25, 42, 55, 59, 66, 72, 73, 921.
 Артем Веселый (Кочкуров Н. И.) – 729.
 Архипов А. А. – 61, 62.
 Арцыбашев М. П. – 667.
 Асеев (Штальбаум) Н. Н. – 727.
 Аскольд – 24, 29, 33, 38, 42, 43, 64, 920, 921.
 Аскольдов (Алексеев) С. А. – 498.
 Асмуд – 32.
 Астафьев В. П. – 599–602, 655, 672, 681, 691, 692, 766, 778, 982, 1010, 1011, 1014.
 Астафьев М. Г. – 456, 457.
 Астров В. Н. – 723.
 Ауэзов М. М. – 775.
 Афанасьев А. В. – 778, 991.
 Афанасьев В.В. – 980.
 Афанасьев К. Н. – 759.
 Афанасьев Ю. Н. – 418, 447, 866, 946, 968.
 Ахмат – 185.
 Ахматова (Горенко) А. А. – 382, 554, 663–665, 727, 941, 966, 1002, 1003.
 Бабаевский С. П. – 657.
 Бабель И. Э. – 385, 614, 728, 1003.
 Бабуринов С. Н. – 457.
 Багратион П. И. – 594.
 Багрицкий (Дзюбин) Э. Г. – 507–509, 618, 728, 874, 956, 977.
 Баиов А. К. С.114.
 Баиов К. К. – 114.
 Базанов В.В. – 341, 342, 344, 935.
 Баиов А.К. – 284.
 Баиов К.К. – 284.
 Байгушев А.И. – 993.
 Байрон Джордж Ноэль Гордон – 168, 481, 904, 1033.
 Бак Перл – 551, 565, 967.
 Бакланов (Фридман) Г. Я. – 258, 259, 691, 693, 980, 981, 988, 994, 1018, 1019.
 Бакунин М. А. – 120, 302, 413, 418, 730, 1003.
 Балашов Д. М. – 778.
 Балицкий (Балецкий) В.А. – 1029.
 Балтер Б. И. – 691, 692.
 де Бальзак Оноре – 175.

- Бальмонт К. Д. – 479, 667.
 Барбюс Анри – 612, 613, 975.
 Барт Джон Симмонс – 544.
 Бартольд В. В. – 219, 931.
 Бартенов П.И. – 321.
 Бартенов С.П. – 321, 322.
 Баруздин С.А. – 984.
 Барятинский А.П. – 678.
 Баскаков Н. А. – 62.
 Батый (Бату) Саин-хан – 184, 185.
 Батюшков Ф.Д. – 1009.
 Бахметьев В. М. – 496.
 Бахрушин С. В. – 592.
 Бахтин М. М. – 6, 8, 10, 71, 160, 183, 192, 236, 392, 397–409, 469, 489, 490, 576, 897, 942, 943, 952.
 Бахтина Е. А. – 402.
 Баязид – 249.
 Бегин Менахем – 796, 852.
 Бегун В.Я. – 1018.
 Бежин (Бадылкин) Л. Е. – 777.
 Безыменский А.И. – 984.
 Бек Т.А. – 967.
 Беккет Сэмюэл – 966.
 аль-Бекри Абу-Обейд-Абдаллах – 921.
 Бектимирова Н. Н. – 732.
 Белинский В. Г. – 120, 128, 131–134, 145–147, 149, 158, 166, 193, 302–304, 338, 351, 368, 413–417, 420–422, 477, 481, 482, 567, 578, 632, 677, 678, 669, 766, 924, 926, 927, 930, 935, 938, 943, 947, 953, 979, 989.
 Белицкая А. – 52.
 Белкин А. А. – 660–662.
 Белл Дэниэл – 539, 542.
 Беллоу Сол (Беллоуз Соломон) – 541–544, 553, 964–967.
 Белов В.И. – 373, 672, 691, 692, 694, 766, 769, 778, 780, 784, 995, 1010, 1015.
 Белостоцкий И. С. – 781.
 Белоусов В. Г. – 341.
 Беляев И.П. – 1023.
 Бен Гурион Давид – 800–802, 813, 814, 824.
 Бенавенте-и-Мартинес Хасинто – 551.
 Бенедиктов В. Г. – 477, 482, 483, 749.
 Бенеш Эдуард – 1030.
 Бенкендорф А. Х. – 412, 458, 459.
 Берджес Джон Энтони – 515, 959.
 Бердяев Н. А. – 236, 370, 399, 414, 423–428, 651, 666, 667, 939, 943, 947.
 Бергсон Анри. – 551, 964.
 Берзер А.С. – 1008.
 Берия Л. П. – 336, 611–613, 728, 780, 976, 1003, 1007.
 Берлиоз Гектор – 371.
 Берман М. Д. – 644.
 Беспалов И. М. – 727.
 Бессерман Г. – 1010.
 Бессмертных А.А. – 1023.
 Бетховен Людвиг ван – 439.
 Белль Генрих – 750, 751.
 Бжезинский Збигнев – 539, 861, 864.
 Бирюков Ф. Г. – 692.
 Бисмарк Отто – 378.
 Битов А. Г. – 653–655, 691, 693, 777, 981, 982.
 Блок А. А. – 71, 123, 183, 237, 252, 349, 350, 356, 404, 477, 485, 486, 547, 559, 562, 565, 573, 575, 667, 672, 765, 766, 932, 937, 953, 1010.
 Блок Жан-Ришар – 612.
 Блох А. – 990.
 Блох Йозеф. – 976.
 Блюм Леон – 856.
 Блюменфельд Курт – 824–827, 832, 833.
 Блюмкин Я. Г. – 874.
 Блюхер В.К. – 1029.
 Бобков С.Ф. – 991.
 Боборыкин П. Д. – 411.
 Бобров С.П. – 953.
 Богданов П. Ф. – 985.
 Бодюл И. И. – 687, 688.
 фон Бок Федор Мориц Альбрехт Франц-Фридрих – 358.
 Боков В. Ф. – 778, 1014.

- Болдуин Джеймс Артур – 539.
 Болдырев Ю.Ю. – 933.
 Болеслав Великий – 224.
 Болл Джордж. – 815, 1020.
 Бондарев Ю. В. – 691, 692, 694, 778, 779, 925, 1014.
 Бондарев-Сергеев В. С. – 447, 448, 450–452.
 Бондаренко В. Г. – 778, 948, 1031.
 Бонецкая Н. К. – 392, 400–403, 405–408, 943, 945.
 Бонецкий К. И. – 407, 408.
 Бонч-Бруевич В. Д. – 320, 322, 323, 576, 577, 934, 1022.
 Бор Нильс – 822.
 Боратынский Е. А. – 129, 460, 486, 487, 953.
 Боргиус В. – 976.
 Бордюгов Г.А. – 998, 1002, 1030.
 Борисова И.П. – 982.
 Бородай Ю. М. – 397.
 Бородин А. П. – 223.
 Бородин Л. И. – 778, 780, 784, 948, 1014, 1015.
 Бороздин А.К. – 104.
 Боршаговский А.М. – 956, 1006, 1014.
 Босуэлл Джеймс. – 950.
 Боткин В. П. – 133, 302, 303, 938.
 Бочаров А. Г. – 983.
 Бочаров С.Г. 505, 544, 955, 987.
 Брандес Георг. – 962.
 Брачёв В.С. – 1032.
 Браун Джордж – 810.
 Браун Ди (Доррис Александр) – 390.
 Брежнев Л. И. – 258, 259, 261, 262, 312, 451, 454, 679, 681–684, 687, 688, 691, 771, 968.
 Брейтбурд Г.С. – 981.
 Бреслав Б. А. – 781.
 Брехт Бертольд – 551.
 Брик Л. Ю. – 644.
 Брик О. М. – 493, 495, 496, 583, 727, 954.
 Бродский И. А. – 404, 554, 557–563, 944, 966, 967.
 Бродский Р. М. – 849.
 Бройде-Грэппер Э. Л. – 793.
 Брокгауз Ф. А. – 367, 943.
 Брукс Питер – 531.
 Бруцкус Ю. Д. – 42.
 Брюсов В.Я. – 577.
 Буюева Л.П. – 976.
 Буковский В. К. – 311.
 Булгаков М. А. – 71, 339, 340, 382, 383, 404–406, 565, 621, 748, 956.
 Булгаков С. Н. – 374, 404, 414, 651, 666, 667, 671.
 Булгакова Е. С. – 382.
 Булгарин Ф. В. – 483.
 Бунин И. А. – 168, 183, 547, 548, 551, 557, 567, 667, 927.
 Бурбулис Г.Э. – 914, 1034.
 Бурлацкий Ф. М. – 616, 617, 976, 730, 731, 734, 1004, 1013, 1023.
 Бурлюк Д.Д. – 943.
 Буртин Ю.Г. – 699, 700, 981, 988, 989, 997.
 Бутенко А.П. – 1002.
 Бухарин Н.И. – 264, 265, 309, 326, 344, 345, 348, 380, 384, 580, 581, 609, 644, 695, 696, 705–711, 715–726, 729, 734, 736, 738, 739, 753, 874, 889, 892, 940, 969, 970, 998–1001, 1029–1032.
 Буш Джордж Герберт Уокер (старший) – 790.
 Быков В. В. – 691, 692, 694, 974.
 Быстрицкая Э. А. – 675, 989.
 Вавилов Н.И. – 645, 893.
 Вавилов С.И. – 271.
 Вагнер Рихард. – 371.
 Вадим Храбрый. – 19, 34, 36, 42, 390.
 Вайль П.Л. – 966.
 Вайман И. А. – 320–322, 934.
 Вал Е.Г. – 981, 988.
 Валери Поль (Амбруаз Поль Туссен Жюль) – 551, 553, 560, 965.

- Валихновский Тадеуш – 815.
 Валуа Маргприта – 928.
 Вануку Мордехай – 1025.
 Вардин (Мгеладзе) И. В. – 727.
 Васацкий Н.А. – 696, 734, 996, 1004, 1030.
 Василий 11. С. 67.
 Василий 1 Македонянин. – 39, 921.
 Василинина И.А. – 937.
 Васильев Д.Д. – 972.
 Васильев П.Н. – 385, 727.
 Васильев С. А. – 985.
 Вахрушев В.С. – 942.
 Вахтангов Е.Б. – 713.
 Вацетис О.О. – 1006.
 Вдовин А.И. – 10.
 Вейцман Хаим – 824–827, 833, 846–850, 852–857, 859, 1024.
 Вепрев А.Ф. – 755.
 Вересаев (Смидович) В.В. – 748.
 Вериго Э. М. – 998.
 Вернадский В.И. – 575, 893, 894, 895, 897, 898, 1032.
 Вернадский Г.В. – 57, 203.
 Вернер Рут (Кучински-Бертон Урсула) – 863.
 Вигдорова Ф.А. – 944.
 Видал Гор Юджин Лютер – 539.
 Викулов С.В. – 767, 925, 988, 989, 994–996.
 Вильчек Л.Ш. – 1006.
 Винер Норберт – 821, 822, 827, 828.
 Виноградов Б. П. – 732.
 Виноградов В.В. – 406.
 Виноградов И.И. – 650–656, 659, 661, 665–670, 672, 673, 691–693, 761, 981, 988, 994, 1008.
 Виноградская П. С. – 757, 1008.
 Винокур Г. О. – 492, 498.
 Винокуров Е.М. – 1011.
 Виргилий. – 354.
 Вирсен Карл – 546, 547, 963.
 Висенте Алейксандре – 966.
 Висковатов П.А. – 929.
 Вицини Калоджеро. –
 Владимир Святославич – 22, 27, 29, 32, 44, 46, 53, 54, 59, 60, 66–69, 161, 229.
 Владимир Мономах. – 48, 69, 105, 189, 301.
 Владимир Ярославич – 53, 66–68.
 Владимиров П.П. (Власов Ю.П.) – 877, 1027.
 Влох Вильгельм – 861.
 Влох Лотар – 861, 862.
 Водовозов Н.В. – 156, 927.
 Вознесенский А.А. – 558, 784, 1006, 1015, 1027, 1029.
 Войнович В.Н. – 1008.
 Волков О.В. – 692, 759, 778, 1014.
 Волкогонов Д.А. – 1005, 1030.
 Волконский С.Г. – 412.
 Володарский В. (Гольдштейн М.М.) – 874.
 Володин Э.Ф. – 1022.
 Володичева М. А. – 737, 1005.
 Вольф Конрад – 861–864.
 Вольф Маркус – 859, 861, 862, 864, 866, 1025, 1026.
 Вольф Фридрих – 861.
 Воннегут-младший Курт – 513, 529.
 Воробьев К. Д. – 691, 692, 694.
 Воронин С.А. – 988.
 Воронин С.В. – 785.
 Воронков К.В. – 688, 1007.
 Воронов В. И. – 993.
 Воронов Г.И. – 450, 454, 944.
 Воронов Н. П. – 761, 778, 1008.
 Воронский А.К. – 604, 605, 729, 974.
 Воронцов – 325.
 Ворфоломеев М. А. – 778.
 Вострухин В.В. – 901.
 Всеволод Большое Гнездо. – 219.
 Всеволод Ярославич. – 69.
 Вулф Томас. – 404, 512, 513, 526, 551, 553, 565, 965.

- Вулф Томас Кеннерли – 520.
 Вуль Иосиф – 842, 843.
 Высоцкий В.С. – 568, 569.
 Вяземский П.В. – 127, 131, 282.
- Габрилович Е.И. – 727.
 Гагарин П.И. – 578.
 Гагарин И.С. – 199.
 Гагарин Ю.А. – 257, 264.
 Гадло А.В. – 55, 61.
 Гайдар (Голиков) А. П. – 733, 1004.
 Гайдар Е.Т. – 217, 229, 255, 295, 296, 299, 456, 1032, 1034.
 Гайсмар Максвелл. – 520, 521, 929.
 Галахов А.Д. – 135.
 Галин – 88.
 Галич (Гинзбург) А.А. – 568.
 Галкин А.В. – 337.
 Галковский Д.Е. – 899.
 Галл Мартин (Галл Аноним). – 224, 931.
 Гамарник (Пудикович) Я.Б. – 643, 890.
 Гамзатов Р.Г. – 777.
 Гамсун (Педерсен) Кнут – 550, 552, 964.
 Ганин А.А. – 935.
 Ганина М.А. – 954.
 Гапон Г.А. – 634.
 Гарднер Джон Чамплин – 517–519, 522, 524–527, 535, 540, 541, 544, 545, 959, 961.
 Гароди Роже – 1025.
 Гарриман Уильям Аверелл – 900, 1032.
 Гарт Лидделл – 839, 840.
 Гастев А.Н. – 493, 953.
 Гауптман Герхард Иоханн Роберт – 552.
 Гачев Г.Д. – 987.
 Ге Н.Н. – 974.
 Геббельс Йозеф – 782.
 Гегель Георг Вильгельм – 86, 125, 162–164, 192, 376, 377, 379, 506, 681, 927–929, 990.
- Гейденштейн Рейнгольд – 224, 931.
 Гейдрих Рейнхард Тристан Ойген – 854, 857.
 Гейзе (Хейзе) Пауль – 551.
 Гейзенберг Вернер – 822.
 Гейне Генрих – 348, 599, 600, 765.
 Гельбрас В.Г. – 989, 996.
 Геннадий Новгородский – 169.
 Генрих У111 – 168, 238, 431, 631, 633.
 Генрих Наваррский – 928.
 Георге Стефан – 560.
 Георгий Маниак – 67.
 Герасимов Е.Н. – 993.
 Герасимова В. А. – 984.
 Гердер Иоганн Готфрид – 766, 1010.
 Герцен А.И. – 120–122, 125, 128, 129, 138, 145, 169, 170, 179, 302–305, 337, 338, 349, 350, 413, 420, 578, 584, 632, 633, 672, 765, 766, 923, 924, 928, 979.
 Гефтер М. Я. – 903, 904, 908, 1033.
 Гехт С.Г. (А.Г.). – 385, 727.
 Гете Иоганн Вольфганг – 525, 576, 597.
 Гизо Франсуа Пьер Гийом – 931.
 Гинзберг Аллен Ирвин – 513, 522, 530, 531, 539, 960.
 Гинзбург Л.Я. – 472, 952.
 Гиппократ – 88.
 Гитлер (Шикльгрюбер) Адольф – 236, 358, 782, 820, 839, 840, 852, 854, 855, 857, 859, 890, 1024, 1030.
 Гладков А. К. – 406.
 Глазьев С.Ю. – 311, 456.
 Глейзер Натан – 539, 549.
 Глинка М.И. – 364.
 Глинка С.Н. – 119, 139.
 Глинка Ф. Н. – 351, 352, 468, 936.
 Глок Ч. – 813.
 Глушкова Т.М. – 778, 930, 950, 982.
 Гобель Жан-Баптист-Иосиф – 369.

- Гоголь Н.В. – 71, 123, 129, 133, 134, 145, 168, 173, 174, 200, 317, 352, 404, 413, 417, 460, 482, 485, 507, 576, 585, 668, 672, 677, 678, 712, 764–766, 779, 924, 953, 958, 989, 999, 1010, 1014.
- Гогуа А.Н. – 775.
- Годунов Б. Ф. – 208.
- Голанский М.М. – 902, 903.
- Голенищев-Кутузов П.В. – 633, 979.
- де Голль Шарль – 240, 533, 534.
- Голованов Я. К. – 505, 954.
- Головков А. Э. – 595, 973.
- Голодный (Эпштейн) М. С. – 727.
- Голсуорси Джон – 552.
- Голубев С.Н. – 993.
- Голубинский Е.Е. – 169, 928.
- Гольденберг Э.А. – 723.
- Гольдман Наум (Нахум) – 855, 856.
- Гомер. – 133, 354.
- Гонсалес-Мата Луис М. – 533, 534, 960, 961.
- Горбачев Г. Е. – 727.
- Горбачев В. В. – 991, 1019.
- Горбачев М.С. – 359, 582, 590, 755, 763, 887, 892, 934, 937, 970, 972, 990, 1007, 1009.
- Горбов Д. А. – 727.
- Гордимер Надин – 555, 963.
- Гордин Я.А. – 944.
- Гордон Л.А. – 696, 989, 996.
- Гордон Патрик – 631.
- Гордон Я.И. – 599, 600.
- Горелов И.Е. – 908, 1031.
- Горелов П.Г. – 944.
- Городецкий С.М. – 727, 1002.
- Горский А.В. – 51, 52.
- Горский В.С. – 70.
- Горький Максим (Пешков А.М.). – 84, 86, 105, 184, 324–326, 345, 371, 380, 410, 415, 547, 557, 575, 583, 585, 586, 629, 665, 708, 724, 934, 939, 941, 945, 946, 970, 971, 998, 1001, 1011.
- Гостомысл – 19, 36, 41, 42, 920.
- Грабарь И.Э. – 327.
- Гранин (Герман) Д.А. – 777, 892, 893, 1031.
- Графтио Г.О. – 360.
- Грачев (Вите) Р.И. – 1007.
- Греков Б.Д. – 19, 49, 55, 920.
- Грекова И. (Вентцель Е.С.) – 1008.
- Грибачев Н. М. – 657, 683, 684, 985.
- Грибоедов А.С. – 120.
- Григорьев А.А. – 133, 145, 303, 349, 350, 384, 420, 667, 672, 765.
- фон Гриммельсгаузен Ханс Якоб Кристоффель. – 105.
- Грин Роберт – 105.
- Гринбаум Ицхак – 850.
- Гриневич Г.С. – 921.
- Гришин В.В. – 570, 968.
- Громов М.М. – 268.
- Громыко А.А. – 887.
- Гроссман В.(И.) С. – 1008, 1015.
- Гроссман-Рощин И.С. – 727.
- Груздев И. А. – 727, 1001.
- Грузинов И. В. – 727.
- Грэхем Дэниэл – 533, 534.
- Губер Б.А. – 729.
- Губкин И.М. – 938.
- Гудзий Н.К. – 662.
- Гудмен Пол – 531, 542.
- Гулыга А.В. – 50, 396, 397.
- Гумилевский Л.И. – 268.
- Гумилев Л.Н. – 24, 55, 72–74, 187–189, 194, 920, 929.
- Гумилев Н.С. 559, 1003.
- Гурвич А.С. – 743–746.
- Гурова И. Г. – 960.
- Гусев В.Е. – 106, 107, 110.
- Гусев В.И. – 778, 784, 1006.
- Гучков А.И. – 230.
- Гьеллеруп Карл Адольф – 551, 963.
- Гюго Виктор Мари – 172.
- Давоян Р.Н. – 775, 1014.
- Давыдов Ю.В. – 691, 1010.

- Дадияни Л.Я. – 852, 853.
 Даладьё Эдуар – 839.
 Даль В.И. – 250, 411, 619.
 Даниил (игумен) – 48.
 Даниил (протопоп) – 77.
 Даниил Заточник. – 49.
 Данилевский Н.Я. – 384.
 Данилов В.П. – 624.
 Данин (Плотке) Д.С. – 1007, 1008.
 Данте Алигьери. – 460, 525, 597, 958.
 Дедков И.А. – 692.
 Дектер Майкл – 539.
 Деледда Грация – 551.
 Дементьев А.Г. – 126–130, 133–136, 141, 325, 326, 375, 377, 689, 690, 749, 758, 759, 761, 767–770, 924, 934, 940, 974, 978, 981, 982, 993, 1007, 1009.
 Дементьева И.А. – 981, 988.
 Демьян Бедный (Придворов Е. А.) – 383, 865.
 Деникин А.А. – 628.
 Денисов А.А. – 820, 821, 1021.
 Державин Г.Р. – 50, 153, 474, 746.
 Джойс Джеймс – 551.
 Джонсон Линдон Бэйнс – 530.
 Джонсон Сэмюэль – 461, 464, 950.
 Дзеверин И. А. – 352.
 Дзержинский Ф.Э. – 637, 643, 644, 646, 647, 735, 737.
 Диакон Лев – 921.
 Диккенс Чарльз. – 172, 766, 1010.
 Дикки Джеймс – 516.
 Динамов (Оглодков) С.С. – 727.
 Диоген Лаэртский. С. 88, 354.
 Дионисий – 413.
 Дир – 42, 920.
 Дир Туманный (Панов Н.Н.) – 727.
 Дмитриева В.Г. – 918.
 Дмитрий Донской – 187, 188, 327, 355.
 Дмитрий Иванович – 355.
 Добролюбов Н.А. – 352, 420–422, 650, 651, 670, 672, 947, 987.
 Добрыня – 32.
 Долгоруков П.Д. – 436.
 Долматовский Е.А. – 985.
 ван Дорен Ирита – 965.
 Доризо Н.К. – 925.
 Дорофей – 104.
 Дорош Е.Я. – 665, 691, 692, 987.
 Дос Пассос Джон – 964, 965.
 Достоевский Ф.М. – 6, 32, 36, 71, 84, 89, 109, 121–123, 137, 139, 144, 145, 147, 149–152, 157–159, 165–168, 170–174, 176, 178–181, 183, 184, 190, 192, 193, 200, 228, 236, 278, 300–302, 304, 317, 349, 368, 370, 378, 398, 404, 413, 414, 421, 439, 446, 485, 488, 505, 507, 515, 546, 557, 567, 576, 585, 590, 612, 668, 672, 712, 749–751, 753, 756, 765, 766, 779, 818, 897, 923, 926–930, 938, 947, 952, 953, 958, 967, 994, 1010, 1021.
 Драбкина Е. Я. – 374, 940, 1004.
 Драйзер Теодор – 553, 964.
 Дробижев В.З. – 617, 889, 977.
 Дружинин П.Д. – 667.
 Дружников (Альперович) Ю.И. – 997.
 Друнина Ю. В. – 777.
 Дубельт Л.В. – 412.
 Дубнов С.М. – 856.
 Дугин А.Г. – 859–861, 864, 1025.
 Дудинцев В. Д. – 664, 691, 693, 985.
 Думбадзе Н. В. – 991.
 Думова Н.Г. – 307, 436.
 Дунаев А.Л. – 958.
 Дурново П.Н. – 243, 635, 932.
 Дюма Александр (отец) – 615.
 Евдокия – 355.
 Евклид – 834.
 Евпатий Коловрат – 185.
 Евсеенко И.И. – 778.
 Евстафьева В. – 976.
 Евтушенко Е.А. – 784, 956, 974, 984–986, 998, 1026, 1029, 1031.

- Егоров А.Г. – 332, 352.
 Егоров Б.Ф. – 123, 141, 923.
 Егорычев Н.Г. – 687, 688.
 Едигер – 221.
 Ежов Н.И. – 369, 385, 451, 612, 615, 642, 644, 728, 936, 1003.
 Ежов И.С. – 936.
 Екатерина 11 – 119, 234, 430.
 Екимов Б.П. – 778.
 Еленин (Чехановец) М.С. – 925.
 Елизавета Английская – 631, 633.
 Елисеев Г.З. – 756.
 Ельцин Б.Н. – 230, 296, 297, 311, 320, 447, 456, 871, 887, 892, 896, 933, 934, 936, 996.
 Енерфельд Арвид – 963.
 Енукидзе А. С. – 391, 611, 642, 865.
 Епифаний Премудрый – 113.
 Ермилов В.В. – 741, 749, 970, 971, 1006.
 Ерофеев В.В. – 941, 944.
 Есенин С.А. – 50, 123, 183, 339–345, 348, 349, 380, 492, 559, 565, 621, 672, 724, 725, 727, 728, 749, 750, 920, 935, 1001, 1003.
 Ефимов Б. – 851.
 Ефремов Г. И. – 387.
 Ефрон И.А. – 367, 943.
 Жаботинский В (З) Е. – 404, 847–849, 856, 944.
 Жаворонков Г.Н. – 1030.
 Жданов А.А. – 265, 568, 611, 612, 724, 725, 1001.
 Жданов И. Н. – 53.
 Жеглов И. В. – 991.
 Жигулин А.В. – 692, 777, 987, 988.
 Жириновский В.В. – 296.
 Жуков А.Н. – 778.
 Жуков Г.К. – 364, 937.
 Жуков Н.Н. – 325.
 Жуков Ю.А. – 540, 960.
 Жуков Ю.Н. – 1002.
 Жуковский В.А. – 460.
 Жуковская Л.П. – 51.
 Журавлев Н.В. – 417.
 Жуховицкий Л. А. – 505, 506, 954.
 Заболоцкий Н.А. – 559, 576, 584, 729, 749, 971.
 Забродин В.В. – 406.
 Завенягин А. П. – 893.
 Загальский Л. М. – 1030.
 Заковский Л.М. (Штубис Г.Э.). – 644.
 Закруткин В.А. – 988.
 Закс Б.Г. – 993.
 Закс Г.Д. – 647.
 Закс Нелли – 559, 964, 966.
 Залужная Д.В. – 589.
 Залыгин С.П. – 373, 691, 692, 694, 769, 778.
 Заманский Л. А. – 1011.
 Замятин Е.И. – 604, 605, 974.
 Зарудин Н. Н. – 729.
 Заславский Д.И. – 749, 764–767, 1010.
 Засулич В.И. – 418.
 Захаров М.А. – 991.
 Заходер Б.Н. – 57, 72.
 Зверев А.М. – 518, 519, 526–529, 536, 959–961.
 Зелиг Карл – 823.
 Зелинский К.Л. – 385, 727, 984.
 Землянова Л.М. – 531, 532, 960.
 Зенкевич М.А. – 727, 1002, 1003.
 Зимин А.А. – 631.
 Зиновьев Г.Е. (Радомысльский О. – Г. А.). – 10, 326, 391, 609, 644, 709, 718, 719, 734, 736, 738, 739, 865, 885, 886, 889, 892, 898, 1030.
 Злобин Г.П. – 540, 544.
 Знаменский А.Д. – 778, 1014.
 Золотоносов М.Н. – 405, 406, 945.
 Золотусский И.П. – 9, 509, 574–577, 585, 651, 955, 958.
 Золя Эмиль – 551.
 Зосима (митрополит) – 169.
 Зощенко М.М. – 385, 727.

- Зоя – 67, 68.
 Зырянов П.Н. – 634, 635.
 Зюганов Г.А. – 296, 297.
- И.Щ. – 816–819, 829.
 Иаков Мних – 44, 59.
 Ибаррури Гомес Долорес. – 612.
 ибн-Ибрагим Якуб – 921.
 Ибсен Хенрик – 463, 549–551, 553.
 Иван Аввакумов – 103.
 Иван Калита – 327.
 Иван 111 – 169, 249, 300, 357.
 Иван IУ (Иван Грозный) – 168, 169, 171, 208, 221, 237, 238, 357, 425, 428, 430, 431, 630–633, 636, 641, 867, 928.
 Иванов А.А. – 973.
 Иванов (Скуратов) А.М. – 134, 141, 944.
 Иванов А.И. – 371.
 Иванов А.С. – 981, 988, 989, 991.
 Иванов Вал. И. – 1031.
 Иванов В.В. – 385, 727.
 Иванов В.И. – 372, 939.
 Иванов Вяч. И. – 559, 565.
 Иванов Г.В. – 559.
 Иванов Д. – 1031.
 Иванов Л.И. – 691, 692.
 Иванов-Разумник (Иванов Р.В.) – 923.
 Иванов Ю. С. – 802, 812, 1018, 1024.
 Иванова Н.Б. – 980, 984, 990, 1011.
 Иванова Т.И. – 997, 1011, 1031.
 Иванченко А. Л. – 777, 1014.
 Ивинская О. В. – 985, 1000.
 Ивнев Рюрик (Ковалев М.А.) – 727.
 Ивницкий Н. А. – 977.
 Игнатъев С.Д. – 939.
 Игорь Олегович. – 24–26, 31–33, 44, 45, 64, 68, 73.
 Игорь Святославич. – 160, 175, 219.
 Игошев А. А. – 991.
- Иенг Сари (Ким Чанг) – 272, 732.
 Икрамов А. И. – 642.
 Икрамов К.А. – 998.
 Иларион – 44–47, 49–54, 60, 61, 64, 66, 69–71, 118, 119, 122, 155–157, 376, 673, 921, 968.
 Иларион (арх. Рязанский) – 102.
 Иловайский Д.И. – 646, 647.
 Ильин Д.П. – 1031.
 Ильина Н.И. – 981, 988, 1011.
 Ильф (Файнзилберг) И.А. – 339, 340, 728.
 Илюкович А.М. – 545, 549, 550, 552, 555, 556, 564, 964.
 Инбер В. М. – 385, 727, 985.
 Иоанн Цимисхий – 31, 37.
 Иона (митрополит Московский) – 82.
 Иосиф – 62.
 Иосиф Волоцкий – 377, 413.
 Иофан Б.М. – 973.
 Иоффе А.Ф. – 271.
 Ирина – 64.
 Исаев Е.А. – 925.
 Исаков В.Б. – 457.
 Исаковский М.В. – 1011.
 Искандер Ф.А. – 691, 692.
- Йенсен Йоханнес Вильхельм – 551, 964.
 Йитс (Йетс) Уильям Батлер – 559.
- Кавабата Ясунари – 548.
 Кавелин К.Д. – 135.
 Каверин (Зильбер) В. А. – 727, 974.
 Каган Ю. – 945.
 Каганович Л.М. – 608, 975.
 Казакевич Э. Г. – 691, 692, 1007.
 Казаков Ю.П. – 691, 692, 994.
 Казинцев А.И. – 1031.
 Казутин Д. – 980.
 Калашников М.Т. – 888.
 Калинин М.И. – 369, 736, 737, 938.
 Калинов К.Д. – 881, 882.
 Калокир. – 67.

- Калтахчян С. Г. – 578, 934, 970.
 Кальвин Жан. – 89.
 Кальдерон Педро де ла Барка – 89, 506.
 Каменев (Розенфельд) Л.Б. – 10, 391, 609, 610, 644, 709, 718, 719, 734–739, 865, 1030.
 Каменский В. В. – 727.
 Камков (Кац) Б.Д. – 923.
 Камов (Калманович) Б.М. – 733.
 Кампанелла Томмазо (Джованни Доменико) – 89.
 Камю Альбер – 548, 963.
 Кан Герман – 529.
 Канетти Элиас – 553, 965, 966.
 Кант Иммануил – 404, 766, 1010.
 Капица П.Л. – 751–753, 893.
 Капори Сильвия – 1025.
 Капустин М.П. – 416, 998.
 Кара-Мурза С.Г. – 13, 277, 285, 932.
 Карабчиевский Ю.А. – 1011.
 Караваева А. А. – 728, 729.
 Карамзин Н.М. – 24, 34, 42, 51, 159, 921.
 Карахан (Караханян) Л.М. – 643.
 Каргер М.К. – 63, 759.
 Кардель Хеннеке – 1024.
 Кардин В. (Э.В.) – 984, 1008.
 Кардуччи Джозуэ – 547, 551, 559.
 Карев Н. Н. – 802.
 Карим Мустай (Каримов М.С.) – 777.
 Карл Великий – 184, 211, 220.
 Карл IX – 168, 631, 928.
 Карл У – 169, 184, 220, 631, 633.
 Карлейль Томас – 867, 868, 1026.
 Карлфельдт Эрик Аксель – 551, 559, 964, 967.
 Карлштаудт Андреас – 958.
 Кармин В.А. – 70.
 Карп П.М. – 676–679, 985, 1011.
 Карпец В.И. – 938.
 Карпинский Л. В. – 998.
 Карпов В.В. – 995.
 Карпов П.И. – 385, 728, 1003.
 Карр Эдвард Хеллет – 307.
 Каррье Жан-Батист – 367, 368.
 Карсавин Л. П. – 404, 405.
 Картер Джеймс Эрл – 535.
 Карякин Ю.Ф. – 123, 675, 783, 923, 981, 989, 996, 998, 1001.
 Касаткин И.М. – 384, 728, 729.
 Кассиль Л.А. – 727.
 Кастеланец (Костелянец) Ричард – 523.
 Кастнер Рудольф (Израиль) – 854, 855.
 Катаев В.П. – 338, 339, 379, 385, 598, 657, 693, 694, 714, 728, 935, 996.
 Катаев И.И. – 384, 598, 729, 941.
 Катенин П.А. – 120, 475.
 Катков М. Н. – 446.
 Каховский П. Г. – 119, 633.
 Кацис Л. Ф. – 945.
 Квазимодо Сальваторе – 559, 966.
 Квятковский А. П. – 727.
 де Кеведо Франсиско Гомес – 99, 923.
 Кедрин Д. Б. – 729.
 Кедров К. А. – 967.
 Кеннеди Джон Фицджеральд – 815.
 Кербель Л.Е. – 890.
 Керенский А.Ф. – 306–308, 310, 933.
 Керзон Джордж. – 221, 227, 228, 818, 951.
 Керуак Джек – 513, 522, 527, 531, 960.
 Кива А.В. – 417.
 Кий – 19, 22, 23, 29, 31, 32, 40, 41, 64, 921.
 Ким А.А. – 777.
 Киплинг Редъярд Джозеф – 191, 522.
 Киреевский И.В. – 121, 125, 136–140, 142, 145, 159, 171, 303–305, 376, 377, 667, 672, 924, 925, 927, 928, 933, 940.

- Киреевский П.В. – 121, 125, 199, 304.
 Кириенко (Израитель) С.В. – 297–299, 933.
 Кирилл (Константин) – 29, 30, 33, 43, 65, 136.
 Кирилл Владимирович – 230.
 Кирилл Туровский – 48.
 Киров (Костриков) С.М. – 265, 610, 611, 630, 641, 642, 644.
 Кирпичников А. И. – 62.
 Кирсанов (Кортчик) С. И. – 727.
 Киришон В. М. – 727.
 Киселев А. – 973.
 Киссинджер Генри – 861.
 Клейменов И. Т. – 269.
 Клычков С.А. – 728, 935.
 Ключев Н.А. – 183, 382, 384, 385, 559, 725, 728, 1000.
 Ключевский В.О. – 63, 154, 233–235, 250, 430.
 Ключников С.Ю. – 209.
 Князева Т.А. – 592.
 Ковалевский А.П. – 55.
 Ковалев С.А. – 458, 460–464.
 Коган Л.И. – 644.
 Коган П.С. – 167, 168, 927.
 Кожевников В.М. – 693.
 Кожина З.Ф. – 629.
 Козлов В.А. – 998, 1002, 1030.
 Козлов Ю.В. – 424.
 Козловский И.С. – 281, 759.
 Козырев А.П. – 943.
 Коковцов П.Н. – 57, 62, 65.
 Кокошин А.А. – 835.
 Колдуэлл Эрскин Престон – 513, 522, 523, 527, 565, 960.
 Колинъи Гаспар – 928.
 Колобов О.А. – 829.
 Колпакиди А.И. – 1002, 1030.
 Колчак А.Ф. – 905, 906.
 Кольцов А.В. – 129.
 Колякин А. Н. – 991.
 Комарович В.Л. – 89.
 Кондратенко Н.И. – 298.
 Кондратович А.И. – 692.
 Кондратьев В.Л. – 974.
 Кондратьев Н.Д. – 722, 1001.
 Конквест Роберт – 878, 1028.
 Кононенко В.П. – 997.
 Конрад Джозеф (Коженевский Юзеф Теодор Конрад) – 551, 553, 964, 965.
 Константин У11 Багрянородный – 22, 39, 61, 62, 66, 921.
 Константин У111 – 68.
 Константин IX Мономах. – 68, 69.
 Константин У1 – 64.
 Константинов И. В. – 456, 457.
 Кончак – 219.
 Кончин Е.В. – 324.
 Копелев Л. З. – 863.
 Копылов В.Р. – 873.
 Корджес Джеймс – 527, 960.
 Корин П.Д. – 379–272, 375, 939.
 Корнеев Л.А. – 1018.
 Корниенко Н.В. – 285.
 Корнилов Б.П. – 1011.
 Корнилов Л.Г. – 905.
 Коробов – 607.
 Короленко В.Г. – 462, 547, 951, 956.
 Королев С.П. – 268–270, 276, 658, 983, 983.
 Коротич В.А. – 679–684, 771, 968, 987, 989, 990.
 Корчак Януш (Гольдшмидт Генрик) – 845, 856.
 Корш Е. Ф. – 135.
 Косиков И.Г. – 732.
 Косиор С. В. – 642.
 Косолапов В.А. – 994.
 Костерин А.Е. – 729.
 Костиков В.В. – 980.
 Костырченко Г. В. – 443.
 Косыгин А.Н. – 887.
 Котошихин (Кошихин) Г.К. (Селицкий Иван-Александр) – 76, 922.
 Кочетков В.И. – 778, 1014.
 Кошелев А.И. – 117, 125, 135.

- Козн Стивен. – 715, 998, 999.
 Кравченко В. А. – 891.
 Краевский А. А. – 929.
 Красилов П. А. – 938.
 Краснов П. Н. (генерал). – 379.
 Краснов П. Н. – 778.
 Кржижановский Г. М. – 360.
 Кристал Ирвинг – 539.
 Кромвель Оливер – 615, 905.
 Кропоткин П. А. – 418.
 Крупин В. Н. – 778, 925, 950, 995.
 Крупская Н. К. – 320, 642, 934.
 Крученых А. Е. – 484, 495, 727.
 Крючков К. Ф. – 741.
 Крячко Л. – 978.
 Кугультинов Д. Н. (Кегтлин Дава) – 985, 1031.
 Кузмин М. А. – 471, 492, 727, 1002.
 Кузнецов Б. Г. – 820, 1021.
 Кузнецов Б. И. – 860.
 Кузнецов Ф. Ф. – 508, 509, 956, 987.
 Кузнецов Ю. П. – 7, 12, 14, 766, 778, 1010.
 Кузнецова С. А. – 982.
 Кузьмин А. Г. – 930, 1031.
 Куинли Г. – 813.
 Куйбышев В. В. – 610, 629, 642, 1005, 1029.
 Кукольник Н. В. – 482.
 Кулешов В. И. – 925, 927.
 Кун Бела – 1030.
 Кун (Гал) Ирина – 1030.
 Куняев С. С. – 1003.
 Куняев С. Ю. – 7, 9, 507–509, 766, 778, 874, 891, 956, 986, 996, 998, 1003, 1010, 1019, 1025, 1027, 1030.
 Купер Джеймс Фенимор – 133.
 Куприн А. И. – 183, 404, 765, 1009.
 Курашвили Б. П. – 989, 996.
 Курганов Е. – 945.
 Курганов (Кошкин) И. А. – 878, 1028.
 Кургинян С. Е. – 9, 10.
 Курдаков Е. В. – 563.
 Кузиков (Кузикян) А. Б. – 935.
 Кутузов М. И. – 266, 745, 932.
 Кучкина (Павлова) О. А. – 1011.
 Кучум. – 221.
 Кушнер Б. А. – 493.
 Кхьеу Самфан. – 732, 1004.
 де Кюстин Астольф Луи Леонор – 225, 226, 459, 1032.
 Кюхельбекер В. К. – 120.
 Лавлинский Л. И. – 1006, 1008.
 Лавренев (Сергеев) Б. А. – 992, 993.
 Лавуазье Антуан Лоран – 636, 869.
 Лагерквист Пьер Фабиан – 964, 966, 967.
 Лагерлеф Сельма Оттилиана Ловиза – 552, 963, 967.
 Ладейкин В. П. – 855.
 Лакшин В. Я. – 11, 374, 625, 626, 648, 687–689, 761, 940, 978, 980, 981, 988, 990, 991, 1008, 1009, 1011.
 де Ламенне Фелисите Робер – 907–909, 1033.
 Ландау Хаим – 850.
 Ланщиков А. П. – 625, 666, 778, 925, 932, 977.
 Лапшин В. М. – 364, 569.
 Ларднер Ринг (Рингголд Уилмер) – 526.
 Ларин Ю. (Лурье И. – М. З.). – 718.
 Ларина А. М. – 710, 998.
 Латынина А. Н. – 653, 654, 779, 784, 787, 1014.
 фон Лауэ Теодор. – 307.
 Лацис А. А. – 998.
 Лацис О. Р. – 696, 996.
 Лебедев – 279.
 Лебедев Г. С. – 21, 920.
 Лебедев Е. Н. – 585.
 Лебедев Ю. В. – 585.
 Лебедь А. И. – 296, 297.
 Левада Ю. А. – 996.
 Левертин Оскар – 556.
 Левертов Дениза – 531.
 Левидов (Левит) М. Ю. – 497.
 Левин А. М. – 732.

- Левин В.И. – 971.
 Левин Ф.М. – 982, 1006.
 Левинсон Норман – 828.
 Левитан И.И. – 330.
 Левченко М.В. – 65.
 Лежнев Абрам (Горелик А.З.). – 348–350, 728, 729, 765–767, 1010.
 Лейбович С.Л. – 407, 408.
 Лелевич Г. (Калмансон Л.Г.) – 727.
 Лем Станислав – 790, 1015.
 Лемпорт В.С. – 618, 619, 977.
 Ленин (Ульянов) В.И. – 75, 190, 191, 229, 272, 282, 283, 293, 307, 410, 414, 415, 449, 506, 576–588, 590–592, 606, 620, 630, 641, 676, 695, 703–705, 707, 716, 717, 722, 731, 734–739, 753, 838, 865, 875, 886, 895, 930, 934–936, 938–940, 946, 955, 958, 969–973, 975, 977, 979, 997–999, 1001, 1003–1006, 1026–1028, 1032.
 Леонид (старец). – 377.
 Леонидзе Г.Н. – 1011.
 Леонов Л.М. – 557, 657, 724, 1001.
 Леонтьев К.Н. – 122, 196, 384, 399, 404, 446, 450, 453, 651, 666–668, 672, 943, 987.
 Лепешинский П.Н. – 337, 577, 969.
 Лермонтов М.Ю. – 129, 168, 182, 190, 356, 413, 475, 577, 585, 600, 764, 766, 929, 937, 1027.
 Лесков Н.С. – 123, 176, 182, 183, 190, 378, 404, 446, 488, 765, 766, 779, 1009.
 Лесневский С.С. – 984, 1011.
 Лесючевский Н.В. – 407.
 Либерман Я.Г. – 590, 972.
 Либман Ф. (Герш П.М.). – 330.
 Ливанов Николай (протоиерей). – 282.
 Ливне Элизар – 850.
 Лигачев Е.К. – 319, 351, 887, 934.
 Лилиенталь Альфред – 807–813, 819, 1018.
 Линкольн Авраам – 280.
 Липатов В. В. – 506, 954, 955.
 Литаврин Г.Г. – 67, 68.
 Литвинов М.М. (Валлах М. –Г.М.) – 642, 643, 1030.
 Литовский (Каган) О.С. – 583.
 Литторин Свен-Отто – 913.
 Лифшиц М.А. – 501–503, 957.
 Лихачев Д.С. – 47, 102, 103, 155, 185, 189, 594, 759, 926, 972, 1018.
 Лиходеев (Лидес) Л.И. – 988, 998.
 Лихоносов В.И. – 373, 692, 694, 778.
 Личутин В.В. – 778.
 Лобанов М.П. – 450, 584, 627, 666, 688, 690, 774, 778, 784, 948, 949, 957, 978, 979, 981, 991, 993, 1008, 1013.
 Логунов А.А. – 820, 821.
 Лозинский М. Л. – 727, 1002.
 Лозовский А. (Дридзо С.А.) – 794.
 Ломинадзе С.В. – 9, 585, 955, 956, 958.
 Ломоносов М.В. – 271, 746.
 де Вега Карпью Лопе Феликс – 506.
 Лоренц Хендрик Антон – 822.
 Лорис-Меликов М.Т. – 391.
 Лорка Федерико Гарсиа – 551, 553, 560, 964.
 Лосев А.Ф. – 381, 382, 388, 392–399, 404, 405, 409, 576, 640, 911, 940, 942, 943, 945, 1034.
 Лосото Е. Л. – 585–587, 591, 593–597.
 Лоуренс Дэвид – 553.
 Лошиц Ю.М. – 187.
 Луговской В. А. – 727.
 Лужков Ю.М. – 936.
 Луи Бонапарт – 990.
 Лукин В.П. – 933.
 Луначарский А.В. – 129, 336, 579, 580, 712, 940, 970, 999.
 Луховицкий С. Э. – 269.
 Лыбедь – 41.
 Лыкошин С.А. – 778, 991.
 Лынев Р. – 973.
 Лысенко Т.Д. – 645.

- Льюис Гарри Синклер – 551, 553, 565, 964, 967.
 Любавский М.К. – 592, 895.
 Любимов Б. Н. – 568, 569.
 Любимов Н.М. – 406.
 Любимова Т.Б. – 70.
 Людовик XY111 – 1033.
 Людовик I Благочестивый – 211.
 Лютер Мартин – 89, 107–109.
 Ляпунов А. А. – 893.
- Магомедов М.Г. – 55.
 Мазнин Д. М. – 727.
 Мазурский В.Ф. – 969.
 Маканин В.С. – 778.
 Макарий (старец) – 377.
 Макаров А.И. – 70.
 Маковецкий И.В. – 759.
 Маковицкий Д.П. – 951.
 Максимилиан II – 928.
 Максимов С.В. – 766.
 Максимов (Отрешко) Ю. М. – 998.
 Максудов Сергей (Бабенышев А.П.) – 878, 879, 882–884, 1027, 1028.
 Мал – 31, 32.
 Малашкин С. И. – 988.
 Малиновский Р.Я. – 273.
 Малухин В. Н. – 1014.
 Малуша. – 32.
 Малышкин А.Г. – 729, 1011.
 Мальгин А.В. – 1011.
 Малютин В.А. – 991.
 Мамай – 187, 188.
 Мамонтов С. И. – 785.
 Мандельштам Н.Я. – 713, 714, 983, 999.
 Мандельштам О.М. – 387, 388, 406, 471, 507, 554, 559, 562, 658, 713, 720, 725, 727, 728, 941, 966, 983, 999, 1000, 1002, 1003.
 Манн Томас – 525, 552, 553, 964.
 Мао Цзедун. – 496, 617, 731, 877, 1027.
 Марат Жан-Поль. – 368, 868, 871, 877.
- Марецкий Д.П. – 723.
 Мариенгоф А.Б. – 727.
 Мария – 69.
 Марк Твен (Клеменс Сэмюэл Лэнгхорн) – 526, 551.
 Марков Г.М. – 683, 684.
 Маркс Карл – 155, 230, 247–249, 506, 581, 614–616, 681, 730, 766, 787, 890, 955, 975, 986, 990.
 Маркузе Герберт – 513, 531, 532, 543.
 Марлинский (Бестужев) А.А. – 477, 482.
 Мартен дю Гарр Роже – 552.
 Мартинайтис М. (М. –Т. И.). – 386, 775.
 Мартинсон Харри Эдмунд – 964, 966, 967.
 Мартынов А. М. – 124, 923.
 Мартынов Л.Н. – 663, 984.
 Маслов С.С. – 1001.
 аль Масуди Абу-ль-Хасан Али ибн аль-Хусейн – 57, 921.
 Матвеев А.С. – 76, 78.
 Матевосян Г. И. – 775.
 Матрусов Т.Н. – 896.
 Махфуз Нагиб – 548, 963.
 Мачадо Антонио – 964.
 Мачинская А.Д. – 64.
 Мачинский Д.А. – 57, 64.
 Маяковский В.В. – 470, 479, 494, 557, 559, 573, 574, 603, 604, 665, 974, 980, 984, 1011.
 Медведев Ж.А. – 1009.
 Медведев П.Н. – 469, 470, 493, 498, 499.
 Медведев Р.А. – 761, 762, 1009, 1030.
 Медведев С.А. – 76.
 Медведев Ф.Н. – 998.
 Медичи Екатерина – 928.
 Межиров А.П. – 1030.
 Меир Голда – 795, 796, 802, 845, 846, 850, 851, 854, 855, 857, 858, 1024.
 Мейерхольд В.Э. – 494, 507, 508, 713, 863, 956, 957.

- Мейлер Норман Кингсли – 515,
520, 521, 525, 529, 530–532, 543, 959.
Мелвилл Герман – 526.
Мелетинский Е.М. – 987.
Мелик Семен – 187.
Менделеев Д.И. – 236.
Мендельсон М.О. – 542.
Менжинский В.Р. – 637, 638, 643,
644, 874, 1029.
Меньшиков А.Д. – 281.
Мережковский Д.С. – 667.
Меркулов В.Н. – 939.
де Местр Жозеф Мари – 637.
Металлов Я.М. – 660.
Метерлинк Морис Полидор Мари
Бернар – 552.
Мефодий. – 29, 30, 33, 43, 65, 136.
Мешетич Н.Д. – 635.
Микешин М.О. – 168.
Микоян А.И. – 10, 391, 618, 863,
977.
Милош Чеслав – 967.
Мильчаков В.В. – 70.
Милюков П.Н. – 246, 310, 410, 415,
416, 436, 437, 945.
Милютин Н.А. – 135.
Миндлин И. Б. – 373, 374, 940.
Мине (епископ) – 367.
Минин К. З. – 347, 383, 715, 936.
Мисима Юкио – 548.
Мистраль Габриэла (Алькаяги Лу-
сила Годой) – 551.
Мистраль Фредерик – 546, 551,
559.
Митчелл Маргарет – 551.
Михаил 111 Пьяница – 42, 43.
Михаил Федорович – 186.
Михайлов А.А. – 666.
Михайлов А.В. – 397.
Михайлов О.Н. – 778, 1012.
Михайловский Н.К. – 667.
Михеев В. К. – 55.
Млечин Л.Н. – 10.
Моджорян Л.А. – 829.
Можаев Б.А. – 691, 693, 777, 994–
996.
Мокеев В. – 998.
Молдован А.М. – 52.
Молотов (Скрябин) В.М. – 736,
737, 839, 938.
Молчанов Н.Н. – 240.
Моммзен Теодор Христиан-
Матиас – 546, 551, 964.
Момыш-улы Баурджан – 358, 937.
Монивонг – 732.
Мор Томас – 431.
Моравиа Альберто – 652, 653.
Мориак Франсуа Шарль – 553,
965.
Морозов П.Т. – 699, 733, 997, 1004.
Морозов С.Т. – 282, 785.
Морозова Ф.П. – 81, 90.
Моррис Уильям – 172.
Моррисон Тони (Уофффорд Хлоя
Арделия) – 524, 967.
Москвитин И.Ю. – 201.
Мостовщиков А.М. – 973.
Мотяшов И.П. – 978.
Моцарт Вольфганг Амадей – 371.
Мошин В.А. – 72.
Мстислав – 59, 60.
Мстиславский (Масловский) С.Д.
– 923.
Музиль Роберт – 965.
Му-кадаси (аль Макдиси) – 59.
Мулярчик А.С. – 512, 515, 516,
523–525, 529, 536, 537, 959–961.
Мунблит Г.Н. – 729.
Муравьев-Виленский М.Н. – 412,
946.
Муравьев-Апостол С.И. – 633, 946,
980.
Мусоргский М.П. – 236.
Мчедлов М.П. – 940.
Мюллер Лудольф – 50, 52.
Мяло К.Г. – 730, 930.
Набоков В.Д. – 559, 571, 968.
Наврозов Л.А. 560–563.

- Надеждин Н.И. – 953.
 Надсон С.Я. – 404.
 Назаров М.В. – 309–310, 933.
 Найман А.Г. – 967.
 Найпол Видъядхар Сураджпрасад – 963.
 Наполеон Бонапарт – 220, 225, 226, 236, 346, 347, 366, 369, 505, 593, 594, 615, 731, 867, 872, 905, 932, 936.
 Нарбут В.И. – 727, 1002.
 Наровчатов С.С. – 984.
 Наседкин В. Ф. – 384, 728, 729.
 Насер Гамаль Абдель – 1017.
 Наумов В.П. – 1005.
 Небольсин С.А. – 1010.
 Неверов А.С. – 621.
 Негретов П.И. – 951.
 Нежданова А.В. – 408.
 Некрасов Н.А. – 143, 467, 473, 474, 672, 754, 764, 765, 952, 953, 984.
 Непомнящий В.С. – 585, 669, 670.
 Неру Джавахарлал. – 220, 931.
 Неруда Пабло (Басуальто Нефтали Рикардо Рейсе) – 553, 965.
 Нессельроде Карл (К. –Р.) – 390.
 Нестеров М.В. – 671.
 Нестеров Ф.Ф. – 154, 357, 818, 931.
 Нестер (Нестор) – 47, 48, 73, 153, 154, 921.
 Нечаев А.А. – 1034.
 Никитенко А.В. – 281, 282.
 Никитин Л.А. (Арье Барац) – 782, 945.
 Никитин Н.Н. – 727.
 Никифор II Фока – 67.
 Николаев Д.П. – 133–135, 924.
 Николаев П.Н. – 987.
 Николаева (Волянская) Г.Е. – 984.
 Николаевский Б.И. – 718.
 Николай Гостунский – 355.
 Николай II – 603, 635, 761, 951, 1009.
 Николай I – 322, 355, 378, 431, 633, 761, 867, 979.
 Никольская А.Б. – 51.
 Никон Великий – 47.
 Никон (Минов Никита) – 76, 78–80, 85, 92, 102, 103, 186, 208, 281, 391, 922.
 Никонов А.В. – 690, 691, 994.
 Нил Сорский – 377, 413.
 Нилин П.Ф. – 691, 692.
 Ницше Фридрих – 168.
 Нобель Альфред – 547, 550, 555, 564, 963.
 Нобель Иммануэль – 555.
 Новиков В.В. – 578, 579, 970.
 Новиков Н.И. – 413.
 Новосельский С.А. – 624.
 Новосельцев А.П. – 69.
 Норинский А.М. – 814, 1018, 1019.
 Носенко В. И. – 835.
 Носов Е. И. – 692, 694, 778, 925.
 Ньютон Исаак – 834.
 де Обинье Теодор Агриппа – 89.
 Оболенский В.А. – 436.
 Оболенский Е.П. – 678.
 Обухова Н.А. – 408.
 Овечкин В.В. – 691, 692, 993.
 Овруцкий Л. М. – 998, 1002, 1011.
 Овчаренко Ф.Е. – 1011.
 Огарев Н.П. – 302.
 Огнев В.Ф. – 993, 994.
 Огнев Н. (Розанов М.Г.) – 728.
 Огурцов Важен (Баженов) – 360.
 Оден Уистен – 553, 554, 560, 966.
 Одинцова Е. – 663.
 Одоевский А.А. – 678.
 Одоевский В.Ф. – 145, 282, 482.
 Ознобишин Д.П. – 482.
 Окуджава Б.Ш. – 974, 1015.
 Олег Вещий – 24–26, 33, 43–45, 57, 64, 65, 73.
 Олег Рюрикович – 25, 26, 33, 45.
 Олег Святославич – 60.
 Оленин А.Н. – 51.
 Олеша Ю.К. – 339, 728.
 Ольга (Прекраса) – 19–21, 25, 26, 32, 54, 62, 66, 67, 69.

- О,Нил Юджин Гладстон – 552, 967.
 Оотани Фукаси – 814.
 Опендик В. – 1010.
 Орджоникидзе Г.К. – 10, 391, 610, 642, 643, 1029.
 Ордин-Нащокин А. Л. – 78.
 Орен Ицхак – 848.
 Орен Мордехай – 793, 1016.
 Орешин П.В. – 728, 935.
 Орлов А.А. – 483.
 Орлов А.С. – 105.
 Орлов М.Ф. – 926.
 Оруэлл Джордж (Блэр Эрик Артур) – 553.
 фон Осецкий Карл – 964.
 Осиновский И.Н. – 431.
 Осипов В.Д. – 1007.
 Осипов В.Н. – 780, 948, 1015.
 Оскоцкий В.Д. – 987, 993, 1031.
 Ослябя – 347, 935, 936.
 Островский А.Н. – 122, 123, 511, 585, 936, 957, 958.
 Отрепьев Григорий (Ю.Б.) – 355.
 Оутс Джойс Кэрролл – 524.
 Ошанин Л.И. – 984, 1011, 1012.
 Оэ Кэндзабуро – 963.
 Павел (митрополит) – 98.
 Павленко Н.А. – 921.
 Павленко П.А. – 728.
 Павлов А.Б. – 595, 973.
 Павлов Г.А. – 977.
 Павлов И. П. – 236, 722, 723, 1000, 1001.
 Павлов Н. А. – 456, 457.
 Павлов Н.Ф. – 282, 578.
 Павлова (Яниш) К.К. – 749.
 Паевский В.В. – 624.
 Пазухин А.Д. – 943.
 Пайпс Ричард – 285, 429.
 Пайс Абрахам – 823, 826, 827, 833, 834.
 Палеолог Морис – 229, 236, 240, 241, 424–426, 430, 431, 947.
 Палиевский П.В. – 9, 397, 584, 667, 778, 955–957, 987.
 Пальме Жан-Мишель – 1034.
 Памук Орхан – 963.
 Панарин А.С. – 13.
 Паникин А.С. – 278, 280, 283, 286, 291, 292, 294, 932.
 Пантин И.К. – 989, 996.
 Панферов Ф.И. – 727.
 Панфилов И.В. – 358.
 Паньков Н.А. – 407.
 Паперный В. – 945.
 Паперный З.С. – 984, 986.
 Парамонов Б.М. – 1010.
 Паршев А.П. – 228, 288–290, 314.
 Пастернак Б.Л. – 382, 388, 389, 406, 554, 557, 559, 562, 575, 658, 663–665, 681, 689, 693, 720, 727, 746, 753, 941, 967, 983–986, 992, 1000, 1006–1008.
 Пасько Н. – 973.
 Патрикеев Вассиан – 413.
 Паукер К.В. – 644.
 Паустовский К.Г. – 728, 1007.
 Пашков А.Ф. – 80, 84, 93, 97, 103, 113.
 Пашков Ю.В. – 988.
 Пашуто В.Т. – 66.
 Передреев А.К. – 7, 703, 982.
 Пересвет. – 347, 935, 936.
 Перетц Е.А. – 390.
 Пермитин Е.Н. – 973.
 Перс Сен-Жон (Сен-Леже Мари Рене Алекси) – 554, 559.
 Перцов В.О. – 385, 727, 984.
 Петелин В. В. – 1008.
 Петен (Петезэн) Анри Филипп. –
 Петр (митрополит Московский) – 82.
 Петр 1 – 22, 51, 118–120, 131, 146, 149, 178, 209, 234, 243, 249, 250, 266, 281, 300, 304, 425, 630–632, 867, 933, 979.
 Петр 111 – 234, 430, 989.
 Петраков Н.Я. – 915, 1015.
 Петров (Катаев) Е.П. – 339, 728.

- Петровский П.Г. – 723.
 Петрункевич И.И. – 951.
 Петрянов-Соколов И.В. – 759.
 Печерин В. С. – 199.
 Пигарев К.В. – 573, 969.
 Пикассо Пабло Руис – 976.
 Пильняк (Воган) Б. А. – 729.
 Пилюгина Н.Б. – 70.
 Пимен (патриарх) – 372.
 Пинскер Б.С. – 913.
 Пиранделло Луиджи – 552.
 Писарев Д.И. – 420, 567, 667–669, 672, 943, 987.
 Писигин В.Ф. – 998.
 Пискатор Эрвин – 863.
 Пифагор Самосский – 88.
 Планк Макс – 821, 822.
 Платон – 88, 136, 139, 354.
 Платонов (Климентов) А.П. – 183, 285, 382, 565, 584, 621, 669, 748, 971, 987.
 Платонов О.А. – 950.
 Платонов С.Ф. – 592, 895.
 Плетнев В.Ф. – 583, 970.
 Плетнев Д.Д. – 629.
 Плетнева С.А. – 55, 56, 58, 66.
 Плеханов Г.В. – 328.
 Плимак Е.Г. – 123, 923.
 Плутарх – 354.
 Поварцов С.Н. – 1003.
 Погодин М.П. – 119, 572, 578.
 Погодин (Стукалов) Н.Ф. – 727, 743–746.
 Подгорец Норман – 536–543.
 Подолинский А.И. – 482.
 Подъячих П.Г. – 977.
 Пожарский Д.М. – 347, 383, 715.
 Поженян Г.М. – 985, 986.
 Покровский М.Н. – 592, 704, 705, 972, 998.
 Покровский С.А. – 135, 136, 141, 924.
 Пол Пот (Салот Сар) – 532, 617, 732–734, 1004.
 Полевой (Кампов) Б. Н. – 984.
 Полевой Н.А. – 482, 931.
 Полежаев А. И. – 168.
 Поливанов Е. Д. – 493.
 Полкес Фейфель – 853, 854, 1024.
 Половой Н.Я. – 72.
 Полозков И.К. – 783, 1015.
 Полонская (Мовшесон) Е.Г. – 727.
 Полосин В.(А. –В.) – С. 456, 457.
 Поляк А.Н. – 72.
 Поляков А.И. – 70.
 Поляков Леон (Л.В.). – 842, 843.
 Поляков Ю.А. – 617, 884, 889, 977.
 Полянский Д.С. – 450, 454, 949.
 Понтопидан Хенрик – 551, 964.
 Понтрягин Л.С. – 437–445, 947.
 Понтрягина А.И. – 439.
 Попов А. – 991.
 Попов Г.Х. – 447, 448, 866, 892–894, 900, 996, 1031.
 Поппель Николай – 169.
 Поппэ А.В. – 66, 67.
 Порфирий Успенский – 921.
 Поскребышев А.Н. – 612.
 Потанин В.Ф. – 778.
 Правдухин В.П. – 729.
 Приблудный Иван (Овчаренко Я.И.) – 728.
 Примаков Е. М. – 298, 299, 933.
 Прицак Омелян. – 62, 63.
 Пришвин М.М. – 123, 171, 179, 183, 184, 339, 345, 380, 382, 404, 487, 557, 565, 575, 602, 621, 668, 729, 749, 929, 974.
 Пришвина В.Д. – 397.
 Провоторов В. Г. – 1031.
 Прокофьев А.А. – 988.
 Проскурин П.Л. – 925, 988, 989.
 Протопопов А.Д. – 412.
 Прохватилов В.А. = 988.
 Прохоров Г.М. – 584.
 Прудникова Е.А. – 977, 1002, 1007, 1030.
 Пруст Марсель – 551.
 Птоломей (Клавдий Птолемей). – 354.

- Пуанкаре Жюль Анри – 822.
 Пугачев Е.И. – 234.
 Пугачева А.Б. – 361, 937.
 Пузицкий В.А. – 124, 283, 924.
 Пузицкий С.В. – 284, 628, 860, 979.
 Пуришкевич В.М. – 246.
 Путин В.В. – 297–299.
 Путренко Т.В. – 1021.
 Пушкин А.С. – 18, 28, 36, 44, 71, 124, 127, 129, 144, 145, 148, 151–155, 159, 168, 182, 190, 200, 232, 236, 237, 250, 252, 317, 355, 362, 400, 413, 417, 427, 428, 458–460, 465, 468, 476–478, 481–483, 485–488, 497, 505–507, 559, 567, 576, 577, 585, 662, 663, 668, 669, 672, 676–678, 712, 751, 764, 766, 779, 920, 921, 923, 924, 926, 927, 931, 932, 937, 943, 950, 952, 953, 958, 967, 987, 989, 994, 1006, 1015.
 Пушкин Л.С. – 460.
 Пятаков Г.Л. – 643, 734, 738, 1029.
 Пятницкий (Тарсис) И.А. – 1030.
 Рабле Франсуа – 6, 406–409, 597, 942.
 Радек (Собельзон) К. Б. – 609, 971, 1030.
 Радзивилловский А.П. (И.М.) – 782.
 Радищев А.И. – 413, 434, 937, 947.
 Радкевич С.Б. – 980.
 Радышевский Д.Э. – 967.
 Разгон Л.Э. – 1030.
 Разин С.Т. – 75, 76, 81, 85.
 Рапопорт Я.Д. – 644.
 Распутин В.Г. – 461, 655, 672, 691, 692, 766, 778, 779, 951, 981, 1010.
 Рассадин С.Б. – 11, 980, 988, 990, 1008.
 Рахманов Л.Н. – 1007.
 Рахманинов С.С. – 236.
 Раш К.Б. – 589.
 Ребрин П.Н. – 691.
 Ревуненков В.Г. – 366, 367, 369, 868–871.
 Рейган Рональд – 535, 538, 790, 808, 813, 930, 961.
 Реймонт Владислав (Реймент Владислав Станислав) – 551.
 Рейн Е.Б. – 967.
 Рейснер Л.М. – 1002.
 Рейтлингер Герхард – 843.
 Ремарк Эрих Мария. – 551, 751.
 Ремизов А.М. – 318.
 Ренсимен Уолтер. – 431.
 Рентген Вильгельм Конрад – 823.
 фон Риббентроп Иоахим – 839.
 Рильке Райнер Мария – 551, 560.
 Рисмен Дэвид – 539.
 Ришелье Арман-Жан-Дюплесси – 615.
 Ришина И. – 1031.
 Робертс Джеймс – 535.
 де Робеспьер Максимилиан Франсуа Мари Исидор – 615.
 Робинсон М.А. – 71–74, 922.
 Рогнеда – 32.
 Рогов С.М. – 835.
 Роговин В.З. – 1030.
 Рогожкин С. – 991.
 Рогозин Д.А. – 933.
 Родичев Ф.И. – 420.
 Роднянская И.Б. – 163, 584, 955.
 Рождественский Р.И. – 1029.
 Розанов В.В. – 229, 318, 392, 399, 403, 404, 408, 409, 420–422, 450, 453, 565, 567, 651, 666, 667, 672, 779, 931, 933, 943, 945, 947, 1010.
 Розанов И.Н. – 935.
 Розен Пинхас (Розенблюм Феликс) – 824, 832.
 Розит Д.П. – 723.
 Розов В.С. – 777.
 Розов Н.Н. – 52.
 Ройзман М.Д. – 727, 935.
 Рокоссовский К.К. – 276.
 Рокотов С.М. – 809.
 Роллан Ромен – 552, 612, 613, 975, 976.
 Роман I Лакапин – 65.

- Романов П.К. – 1025.
 Ромм М.И. – 676.
 Ростопчин Ф.В. – 119.
 Рот Филип Милтон – 520, 527, 530.
 Ротенберг Т.А. – 525, 960.
 Рошаль С.Г. – 644.
 Ртищев Ф.М. – 78.
 Рубин Джерри – 531.
 Рубинчик М.А. – 269.
 Рублев Андрей – 236.
 Рубцов Н.М. – 7, 356, 655, 758, 759, 937, 982, 1008.
 Рувинский Л.А. – 850.
 Рудзутак Я.Э. – 610, 736, 1030.
 Рудерман М.И. – 729.
 Рузвельт Элеонора Анна – 865.
 Румянцев О.Г. – 456, 457.
 Рухимович М.Л. – 643.
 Руцкой А.В. – 231, 232, 456.
 Ручьев Б.А. – 1011.
 Рыбаков А.Н. – 605, 607–613, 615, 616, 621, 629, 630, 632, 637–642, 657, 974, 980, 982, 990.
 Рыбаков Б.А. – 55, 56, 350, 936.
 Рыбас С.Ю. – 778.
 Рыжков Н.И. – 887, 1028.
 Рыков А.С. – 609, 736, 737.
 Рылеев К.Ф. – 633, 980.
 Рытхэу Ю.С. – 777.
 Рюрик – 18–21, 23–26, 34, 36, 41, 42, 44, 45, 249, 920.
 Рюриков Б.С. – 741, 1006.
 Рютин М.Н. – 717, 1030.
 Савицкий П.Н. – 209.
 Савицкая Р.М. – 934.
 Садовский (Садовской) Б.А. – 727, 1002.
 Сазонова Л. И. – 71–74, 922.
 Саин-Булат (Самсон Бекбулатович). – 185, 186, 208.
 Сакс Джеффри – 263, 286.
 Салтыков-Щедрин М.Е. – 121, 923.
 Самарин Ю. Ф. – 125, 135, 139, 925.
 Самедоглу Ю.С. – 1007.
 Самородный О.А. – 1004.
 Санин (Копелиович) М.Д. – 988.
 Сапунов Б.В. – 48.
 Сараскина Л.И. – 995, 996.
 Сарнов Б.М. – 387, 666, 669, 941, 980, 984, 990, 991, 1015.
 Сартр Жан-Поль – 532, 732, 863, 1004.
 Сатин Н.М. – 302.
 Сафонов Э.И. – 778.
 Сахаров А.А. – 268.
 Сахаров А.Д. – 230, 375, 949, 1015.
 Сахаров А.Н. – 58, 59.
 Сахаров В.А. – 1005.
 Саянов В.М. – 729.
 Сванидзе Н.К. – 10.
 Свенельд – 32.
 Свердлов Я.(Е. –С.) М. – 643, 890, 1008.
 Светлов (Шейнкман) М.А. – 728.
 Светов Ф.Г. – 1008.
 Свирский Г.Ц. – 985, 986.
 Святополк (Окаянный) – 224.
 Святополк-Мирский Д.П. – 634, 635.
 Святослав – 19–21, 24–26, 29, 32, 37, 44, 45, 56–59, 61, 62, 66, 67.
 Севастьянов В.И. – 360.
 Северянин (Лотарев) И.В. – 479, 484.
 Селезнев Ю.И. – 9, 11, 585, 925, 955, 995, 1025.
 Селивановский А.П. – 345, 727.
 Селиверстов Ю.К. – 397, 402.
 Сельвинская Ц.И. – 862.
 Сельвинский И (К. –Э) – 727, 741, 1006.
 Селюнин В.И. – 696, 996, 997.
 Семанов С.Н. – 925, 1008.
 Семенов В.С – 995.
 Семенов Н.Н. – 271.
 Семенов (Ляндрес) Ю.С. – 763, 1007, 1009.
 Сен Жюст Антуан – 871.
 Сенеш Хана (Аника) – 854, 855.

- Сенкевич Генрик – 546, 552.
 Серафимович А. (Попов А.С.) – 727.
 де Сервантес Сааведра Мигель – 114, 116, 134, 168, 506, 597.
 Сергеев В.А. – 759.
 Сергеев С.М. – 800, 801.
 Сергей Радонежский – 236, 898, 936.
 Сергованцев Н.М. – 1008.
 Серебрякова Г.И. – 985.
 Середа Г.А. – 1031.
 Сеферис Георгос (Сефериадис Георгиос Стилиану) – 559.
 Семин В.Н. – 691, 693.
 Сианук Нородом – 1004.
 Сигизмунд II. – 238.
 Сидоров Е.Ю. – 508, 511, 956, 957.
 Сизов Е.С. – 354, 359.
 Силланпя Франс Эмиль – 551.
 Сильман Т.И. – 600.
 Симеон Черный. – 355.
 Симон Клод – 966.
 Симонов К.М. – 391, 676, 691, 693, 742–749, 752, 942, 957, 992, 1006, 1007.
 Синеус – 41.
 Синцзянь Гао – 963.
 Синьорелли Лука – 371.
 Синяевский А.А. (Абрам Терц) – 400, 449, 862, 909, 910, 943, 1015, 1033.
 де Сиркур Альбер – 126, 127, 130, 158, 927, 929.
 Скабичевский А.М. – 756.
 Скатов Н.Н. – 143, 144, 160, 332, 352, 584, 778, 926.
 Сквозников В.Д. – 987.
 Склирена – 68.
 Скобелев Э.М. – 410.
 Скобелцын Д.В. – 271.
 Скорцени Отто – 358, 937.
 Скосырев В.А. – 1029.
 Скотт Вальтер – 133.
 Скрынников Р.Г. – 237, 238, 431, 631.
 Славин Л.И. – 385, 728.
 Славин М.М. – 988.
 Славский – 279.
 Сланский Рудольф – 793, 1056, 1057.
 Слепков А.Н. – 723.
 Слетов (Кудрявцев) П.В. – 729.
 Слонимский М.Л. – 727.
 Слуцкий Б.А. – 663, 664, 984–986, 1029.
 Случевский К.К. – 749.
 Смелянский А.М. – 382.
 Смилга-Полуян Т.И. – 1030.
 Смирнов А.П. – 717.
 Смирнов Н.П. – 384, 729, 941.
 Смирнов С.В. – 988.
 Смирнов С.С. – 984.
 Смуглый С. – 757, 1008.
 Соболев М.А. – 693, 996.
 Сойфер Д.И. – 853.
 Сократ – 394.
 Соколов Б.В. – 880–882.
 Соколов В.Н. – 7, 655, 982.
 Соколов-Микитов И. С. – 991.
 Солженицын А.И. – 373, 375, 447, 449–455, 457, 458, 557, 693, 776, 779, 907, 948–950, 1015, 1016, 1028.
 Соловейчик С.Л. – 997.
 Соловьев В.С. – 236, 399, 413, 666, 943.
 Сологуб (Тетерников) Ф.К. – 479, 749.
 Солодарь Ц.М. – 855.
 Соложенкина С.Л. – 1011.
 Солоухин В.А. – 447, 452, 778, 886, 984–986, 1028.
 Сольц А.А. – 638, 639.
 Сорель Шарль – 105.
 Сорин С.Г. – 985.
 Соса Рафаэль – 222.
 Сосновский Л.С. – 341–343, 935.
 Сосюра В.Н. – 1011.
 Софронов А.В. – 984, 990, 993.
 Споров Б.Ф. – 778, 1014.
 Сталин (Джугашвили) И.В. – 6, 10, 262, 265–272, 285, 309, 312, 369,

- 379, 385, 391, 452, 568, 569, 606–617, 630, 633, 636, 640–645, 647–649, 657–659, 662, 670, 681, 695, 696, 707, 709, 713–721, 724–726, 728, 730, 734–739, 751–753, 758, 761, 763, 793, 794, 795, 800, 820, 839, 840, 867, 878, 879, 890, 891, 900, 904, 905, 938, 940, 975–977, 983, 984, 988, 996, 998–1002, 1007, 1017, 1026, 1030, 1032.
- Сталина (Аллилуева) С.И. – 863.
- Станиславский (Алексеев) К.С. – 236, 575, 785.
- Станкевич В.Б. – 229, 931.
- Стариков Д.В. – 993.
- Старикова Е.В. – 598–602, 973, 1006, 1011.
- Старцев В.И. – 1005.
- Стейнбек Джон Эрнст – 513, 522, 523, 553, 565, 960, 964, 965, 967.
- Стендаль (Бейль Анри-Мари) – 175.
- Стенич (Сметанич) В.И. – 953.
- Стефан Вонифатьев – 78.
- Стефан Пермский – 82, 113, 115.
- Столлович Л.Н. – 945.
- Столыпин П.А. – 391.
- Страхов Н.А. – 651, 656, 657, 930.
- Стреляный А.И. – 375–379, 381, 385, 389–392.
- Стриндберг Август – 550, 553, 554, 962, 965.
- Строков П.С. – 652, 690, 981, 994.
- Струве П.Б. – 410, 413–417, 420, 421, 946.
- Струнников В.А. – 1031.
- Стуруа М.Г. – 205.
- Стэн Я.Э. – 723.
- Субоцкий Л.М. – 741, 1006.
- Суварин (Лифшиц) Б.К. – 935.
- Суворов А.В. – 266, 745.
- Сулима П. – 358.
- Сумникова Т.А. – 52.
- Суриков В.И. – 974.
- Суров А.А. – 748–750, 753.
- Суровцев Ю.И. – 335, 336, 925, 935, 969, 978, 979, 987.
- Суслов М.А. – 570, 968.
- Сухово-Кобылин А.В. – 936.
- Сучков Б.Л. – 1032.
- Сфенг – 67.
- Сырнева С.А. – 251, 253.
- Сытин И.Д. – 283, 284.
- Сэлинджер Джером Дэвид – 513, 520, 521, 525, 750, 751.
- Сюлли-Прюдом Рене (Прюдом Рене Франсуа Арман) – 546, 551, 555, 559.
- Тагор Рабиндранат (Тхакур Рабиндронэ́тх) – 548, 551.
- Таиров (Корнблит) А.Я. – 383, 713.
- Тамм И.Е. – 271.
- Таран П. – 1012.
- Тарасов Б.Н. – 585.
- Тарасов С. – 936.
- Тарасов-Родионов А.И. – 727.
- Тарле Е.В. – 592.
- Тассо Торквато – 89, 168.
- Татлин В.Е. – 508, 957, 958.
- Тафт Роберт А. – 789, 790.
- Тахо-Годи А.А. – 392–397, 942.
- Твардовская В.А. – 1007.
- Твардовская М.И. – 981.
- Твардовский А.Т. – 373, 438, 557, 559, 576, 596, 598, 652–654, 657, 659, 673, 681, 687–689, 691–694, 698–704, 726, 740, 741, 756, 757, 767–770, 778, 779, 981, 982, 985, 987, 989, 991–994, 997, 1006, 1007, 1011, 1012.
- Твардовский И.Т. – 698, 997.
- Твардовский К.Т. – 698, 700.
- Твардовский П. Т. – 698.
- Твардовский Т.Г. – 698, 699.
- Тевелев М.Г. – 973.
- Тендряков В. Ф. – 692, 694.
- Тепцов Н.В. – 977.
- Терентий – 80.
- Терокс П. – 786.
- Тертерян А.С. – 407.
- Тертерян И.А. – 955.
- Темушкин О.П. – 976.
- Тимирева А.В. – 906.

- Тимофеев А.В. – 482.
 Тимофеев-Ресовский Н.В. – 892, 893, 1031.
 Тимофеевский А.А. – 980.
 Титов К.А. – 299.
 Тихомиров М.Н. – 53–55, 60, 61, 64, 69–72, 74.
 Тихон (патриарх) – 365, 370, 374, 937–939.
 Тихонов Федор – 355.
 Тихонов Н.С. – 727, 1011.
 Ткаченко А.С. – 778.
 Тойнби Арнольд – 248, 911, 912, 1033.
 де Токвиль Алексис – 637, 980.
 Толочко П.П. – 69.
 Толстая Т.И. – 944.
 Толстой А.Н. – 285, 557, 724, 1001.
 Толстой И.Н. – 967, 984.
 Толстой Л.Н. – 75, 84, 96, 109, 112, 122, 123, 151, 155, 173, 174, 176, 182, 183, 190, 193, 200, 236, 317, 324, 333, 346, 355, 378, 398, 404, 414, 415, 458, 460–463, 488, 497, 505–507, 546, 547, 549, 550, 553, 557, 562, 565, 576, 585, 590, 591, 668, 672, 712, 750, 751, 764, 765, 766, 779, 930, 935, 946, 950–952, 955, 961–963, 969, 971, 972, 978, 987, 1009, 1010.
 Тольц М.С. – 977, 980, 990.
 Томашевский Б.В. – 466, 467.
 Томский (Ефремов) М.П. – 609, 736, 737, 865, 1030.
 Томсон Джордж Пэйджет – 834.
 Тон К.А. – 593.
 Тохтамыш – 360.
 Травинский В. – 625, 626, 977.
 Травкин Н.И. – 866.
 Трепов Ф.Ф. – 418.
 Третьяков С.М. – 385, 727, 728, 1003.
 Трифонов В.А. – 627.
 Трифонов Ю.В. – 596–599, 601, 627, 628, 638, 651, 659–663, 665, 691, 693, 694, 973, 979, 983, 984, 987, 988.
 Троепольский Г.Н. – 692, 694.
 Троицкий Н.А. – 351, 352, 936.
 Тростников В.Н. – 780.
 Троцкий (Бронштейн) Л.Д. – 325, 326, 369, 379, 391, 591, 709, 733–739, 874, 885, 886, 892, 938, 940, 971, 972, 1004, 1030.
 Трубецкой Н.С. – 194–198, 226–228.
 Трубецкой С.П. – 678.
 Трувор – 41.
 Тулеев А.Г. – 918.
 Туманский В.И. – 482.
 Туполев А.Н. – 270, 271, 893.
 Турбин В.Н. – 401, 944.
 Тургенев А.И. – 147, 926, 931, 947.
 Тургенев И. Н. – 413, 467, 585, 672, 765.
 Турков А.М. – 692, 998, 1014, 1031.
 Тухачевский М.Н. – 890, 1030.
 Тухманов Д.Ф. – 973.
 Тучков А.А. – 594.
 Тынянов Ю. Н. – 465, 467–469, 472, 473, 475–477, 479–481, 483, 484, 488, 493, 497, 952, 953.
 Тэн Ипполит – 868, 1026.
 Тютчев Ф.И. – 7, 8, 28, 40, 123, 129, 145, 149, 196, 200, 235, 252, 303, 304, 345, 348, 349, 357, 378, 379, 393, 460, 468, 488, 567, 572–577, 583, 585, 599, 600, 671, 677, 749, 750, 765, 779, 921, 937, 940, 942, 969, 970, 988, 989.
 Тютчева Э.Ф. – 937.
 Тяжельников Е.М. – 925.
 Уайлдер Торнтон Найвен – 522, 525, 528, 533.
 Уайльд Оскар – 168.
 Уайт Линн. – 163, 164.
 Уайт Патрик – 966.
 Угланов А.И. – 997.
 Уилкоккс Лэйрд – 1020.
 Улыбышев А.Д. – 120.
 Ульянов И.Н. – 282.
 Ульянова-Емельянова А.И. – 293.
 Уманский К.А. – 865.

- де Унамуно Мигель – 553.
 Унсет Сигрид – 551, 964.
 Уоррен Роберт Пенн – 522–526, 535, 544, 553, 960.
 Урицкий М.С. – 971.
 Урланис Б.Ц. – 618, 872, 884.
 Урнов Д.М. – 650, 651, 655, 656, 981.
 Успенский Г.И. – 121, 123, 923.
 Устинов Д.Ф. – 887.
 Утехин Н.П. – 778.
 Уханов И.С. – 991.
 Ушаков Н. Н. – 619, 727, 977.
 Уэллс Герберт – 873–875, 975.
 Уэлти Юдора – 523, 524.
 Фадеев А.А. – 727.
 ибн Фадлан Ахмед – 56.
 Фазил-хан (Шайда) – 182.
 Федин К. А. – 406, 407, 727, 992, 993.
 Фейхтвангер Лион – 612, 975.
 Феодор (юродивый) – 96.
 Феодора – 68.
 Феодосий Печерский – 47, 673.
 Феоктист – 922.
 Феофан Грек – 355.
 Феофанов Ю.В. – 997.
 Феофил – 63.
 Ферлингетти Лоуренс – 513.
 Фест Иоахим К. – 1030.
 Федор Иоаннович – 207.
 Федоров Б. Г. – 294.
 Федоров В.Д. – 991.
 Федоров Иван – 355, 360.
 Федоров Н.Ф. – 196, 578, 584.
 Фигатнер Ю.П. (Я.И.) – 895.
 Филипп (митрополит Московский) – 82.
 Филипп 11 – 220, 505, 631.
 Филофей – 165.
 Финкельштейн Норман Д. – 1025.
 Фирин (Пупко) С.Г. – 644, 941.
 Фицджеральд Френсис Скотт – 512, 551.
 Фишер Виктор – 861, 864, 1025.
 Фишер Джордж – 861–865.
 Фишер Луи – 861, 865, 1026.
 Флобер Гюстав – 172.
 Флоренский П. А. – 71, 360, 382, 404, 405, 671, 721, 722, 725, 782, 898, 899, 938, 945, 1001.
 Флоренский П.В. – 397, 938.
 Фолкнер Уильям – 513, 522, 523, 525, 526, 553, 565, 750, 960, 964, 965, 967.
 Фонвизин. М. А. – 120.
 Форд Джон – 280.
 Фотиева Л.А. – 737, 1005, 1006.
 Фотий (патриарх Константинопольский) – 38, 39, 65, 136, 921.
 Франк С.Г. – 414.
 Франко Баамонде Франсиско – 960.
 Франко Николас – 961.
 Фрейд Зигмунд (Фройд Сигизмунд Шломо) – 408.
 Френкел Чарльз – 539.
 Фридлендер Г.М. – 765.
 Фридман Милтон – 912–919.
 Фризман Л.Г. – 123, 135, 136, 141, 923.
 Фриновский М.П. – 644.
 Фрост Роберт Ли – 512, 522, 551, 554, 560, 565, 966.
 Фроянов И.Я – 10.
 Фрумкин М.И. – 723.
 Фрэнкленд Кальвиль – 428.
 Фукидид – 354.
 Фулон И.А. – 635.
 Фурман Д.Е. – 804–806.
 Фурсов А.И. – 10.
 Фуше Жозеф – 366.
 Хагемейстер Михаэль – 945.
 Хайдеггер Мартин – 404, 911, 912, 1033, 1034.
 Хаксли Олдос Леонард – 551, 874, 1027.
 Ханжин В. – 993.

- Харджиев Н.И. – 983.
Харди (Гарди) Томас – 551.
Харитонов В.Г. – 973.
Хартли-младший Фред А. – 789, 790.
Хасбулатов Р.И. – 232, 456.
Хатаевич М.М. – 891.
фон Хейденстам Карл Густав Вернер – 551, 963, 967.
Хейфец М. Р. – 874, 1027.
Хемингуэй Эрнест Миллер – 513, 523, 750, 751, 960, 964, 965, 967.
Хене Хайнц – 1024.
Хижняк И.А. – 685, 785, 786.
Хименес Хуан Рамон – 553, 559, 964.
Хлебников В.В. – 183, 492, 559, 749, 943, 983.
Хлопин В.Г. – 271.
Ходасевич В.Ф. – 559.
Ходос Э.Д. – 1025.
Холловэй Дэвид – 269.
Хомяков А.С. – 120, 121, 125, 126, 139, 142, 158, 377, 468, 677, 924, 933, 940.
ибн Хордабех – 21, 64, 920.
Хорив – 41.
Хорошилова Т.М. – 937.
Хорошкевич А.Л. – 631.
Хрушев Н.С. – 259–262, 373, 451, 753, 756, 757, 770, 793, 794, 889–891, 922, 1002, 1007, 1009, 1017.
Ху Ним – 1004.
Хусейн Садлдам – 1022.
Хьетсо Гэйр – 558.
Цандер Ф.А. – 268.
Цветаева М.И. – 554, 559, 562, 646, 647, 966, 980.
Цейтлин Е.Г. – 723.
Цетлин (Амари) М.О. – 671.
Цетлин М.Н. – 671, 988.
Цимисхий Иоанн – 921.
Циолковский К.Э. – 575.
Ципко А.С. – 696, 996, 997.
Чаадаев П.Я. – 36, 126–128, 130, 143, 145, 147–150, 152, 158–162, 178–180, 192, 196, 204, 232, 236, 237, 264, 413, 427, 428, 432, 433, 435, 437, 459, 460, 585, 924, 926, 927, 929, 931, 932, 941, 947.
Чайковский П.В. – 236.
Чаковский А.Б. – 657.
Чалмаев В.А. – 981, 994, 1008, 1015.
Чапчахов Ф.А. – 978.
Чаренц (Согомонян) Е.А. – 1011.
Чаянов А.В. – 721, 722, 725, 1001.
Чемберлен Артур Невилл – 839, 840.
Черкасский И.Б. – 186.
Черкизов (Семенов) А.А. – 973.
Черненко А.М. – 874.
Черненко К.У. – 684.
Черниченко Ю.Д. – 692, 754, 756.
Чернов Е.Е. – 778.
Черномырдин В.С. – 295, 456, 918, 1033.
Черноуцан И.С. – 326, 934.
Чернышевский Н.Г. – 125, 139, 414, 420, 924, 925.
Черчилль Уинстон Леонард Спенсер – 865.
Чехов А.П. – 183, 236, 404, 477, 488, 547, 549, 557, 562, 565, 576, 672, 750, 751, 765–767, 1009, 1010.
Черный Л.С. – 288.
Черный М.С. – 288.
Чивер Джон – 522, 523.
Чивилихин В.А. – 189, 988.
Чижевский А.Л. – 576.
Чингисхан (Тэмуджин) – 208, 221, 931.
Чичерин Б.Н. – 122.
Чкалов В.П. – 862, 1025.
Чубайс А.Б. – 255, 289, 299, 456, 1034.
Чувилин Е.Д. – 918.

- Чугарин И.Д. – 781.
 Чудновский Г.И. – 874.
 Чужак (Насимович) Н.Ф. – 727.
 Чупринин С.И. – 981, 988.
- Шагинян М.С. – 474, 952.
 Шакловитый Ф.Л. – 76.
 Шаламов В.Т. – 949.
 Шаляпин Ф.И. – 236, 760.
 Шамурин Е.И. – 936.
 Шапиро Карл Джей – 531.
 Шапошников Б.М. – 273, 284, 285.
 Шапшал С.М. – 72.
 Шаскольский И.П. – 61.
 Шаталин С.С. – 915, 1015.
 Шаталов А.Н. – 988.
 Шауро В.Ф. – 925.
 Шафаревич И.Р. – 13, 447, 450, 780, 948, 1009, 1022.
 Шах-Али (Шигалей). – 224.
 Шахматов А.А. – 47.
 Шахнович М.И. – 940.
 Шварц И.И. – 781.
 Шеварднадзе Э.А. – 969.
 Шевченко Т.Г. – 168.
 Шевырев С.П. – 119, 134, 468, 749.
 Шейнис З.С. – 1030.
 Шейнис В.Л. – 996.
 Шейц В. – 849.
 Шекспир Уильям – 133, 395, 404, 482, 525, 597, 640, 766, 928, 1010.
 Шелепин А.Н. – 262.
 Шелестов Д. – 1030.
 Шелленберг Вальтер – 1030.
 Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф – 125, 377.
 Шенгели Г.А. – 1000.
 Шенье Андре – 284, 636, 869.
 Шенье Жозеф – 284.
 Шершеневич В.Г. – 727.
 Шестаков В.П. – 959, 961.
 Шестов Л. (Шварцман Иегуда Лейб) – 667.
 Шиллер Фридрих Иоганн Кристоф – 863.
- Шиманский Ю.С. – 831, 832, 835.
 Шимборская Вислава – 966.
 Шинкуба Б.В. – 775, 1014.
 Шипов Д.Н. – 776.
 Широков А. – 978.
 Шихматов (Ширинский-Шихматов) С.А. – 120.
 Шишков А.С. – 119, 120, 932.
 Шишков В.И. – 183.
 Шкловский В.Б. – 385, 493, 494, 496, 497, 714, 727, 748, 953, 954.
 Шляпников А.Г. – 999.
 Шмелев Н.П. – 771, 772, 1012, 1013.
 Шмидт Гельмут – 852.
 Шойinka Акинванде Воле Баба-тунде – 548, 963.
 Шолохов М.А. – 236, 339, 438, 557–559, 576, 621, 640, 667, 681, 727, 987, 1009, 1011.
 Шонфельд Моше – 846.
 Шоу Джордж Бернард – 552.
 Шохина В.Л. – 523, 539–541, 543.
 Шошин В.А. – 981.
 Шпагин А.В. – 969.
 Шпандарук И.П. – 1029.
 Шпиттелер Карл – 559.
 Шредер Мартин – 1021.
 Штейн А.Л. – 585.
 Штейн (Рубинштейн) А.П. – 1007.
 Штрюк Герман – 825.
 Шубин В.Н. – 989, 996.
 Шугаев В.М. – 991.
 Шукшин В.М. – 692, 694, 769.
 Шульженко К.И. – 361.
 Шульмейстер Ю.А. – 849.
 Шумейко В.Ф. – 918, 1034.
 Шундик Н.Е. – 988.
 Шушарин Д.В. – 945.
- Щапов Я.Н. – 46.
 Щек – 41.
 Щербатов И.Д. – 678.
 Щепкин М.С. – 351.
 Щуплов А.Н. – 1014.
 Щусев А.И. – 936.

- Эйдельман Н.Я. – 997, 1011, 1031.
 Эйзенхауэр Дуайт – 815, 1018.
 Эйзенштейн С. М. – 494.
 Эйкен Рудольф Кристоф – 551.
 Эйнштейн Альберт – 820–828, 831–835, 1021.
 Эйхе Р.И. – 1029.
 Эйхенбаум Б.М. – 465–468, 470, 474–478, 497, 952, 953, 983.
 Эйхман Адольф – 853, 854.
 Элиот Томас Стернз – 554, 559.
 Элтер Роберт – 539, 540.
 Элюар Поль – 612, 975.
 Энгельгардт Б.М. – 498.
 Энгельс Фридрих – 107, 155, 581, 614–616, 787, 976, 986.
 Эпштейн Джекоб – 535.
 Эренбург И. Г. – 380, 479, 629, 641, 657, 693, 711, 713, 728, 865, 940, 979, 980, 998, 999, 1003.
 Эрих ХIУ – 631.
 Эрлих А.И. – 339, 340, 935.
 Эрлих Вольф – 795, 1017.
 Эрмлер Ф.М. (Бреслав В.М.) – 675, 676.
 Эрнст (Патра Иоганн) – 863.
 Этов В.И. – 650, 655, 981.
 Эфрос А.В. – 956–958.
 Эшкол (Школьник) Леви – 802.
 Юденич Н.Н. – 325.
 Юдина М.В. – 397.
 Юзов (Каблиц) И.И. – 966.
 Юнг Карл Густав – 408.
 Юнссон Эйвинд – 964, 966, 967.
 Юрий Кончакович. – 219.
 Юсупов Г.Д. – 186.
 Юшин Е.Ю. – 991.
 Яблоков А.В. – 1031.
 Явлинский Г.А. – 296–299, 915, 933, 1015.
 Ягода Г.Г. (Иегуда Е.Г.) – 370, 615, 643–645, 720.
 Якир И.Э. – 642, 890, 1029.
 Яковлев А.Н. – 230, 255, 447–451, 453–455, 839, 865, 887, 892, 895, 945, 948, 949, 969, 1024, 1026.
 Яковлев И.А. – 578.
 Яковлев (Эпштейн) Я.А. – 621, 622, 643–645.
 Яковенко В. – 991.
 Якубинский Л.П. – 493.
 Ямилинец В.Ф. – 803.
 Янин В.Л. – 432, 759.
 Янов А.Л. – 118, 119, 124, 128, 140, 141, 923.
 Яновская Л.М. – 956.
 Ярослав – 22, 46, 53, 59, 60, 66–69, 119, 201, 219, 224, 236, 250, 300, 301, 429.
 Ярослав Всеволодович – 219.
 Ярошенко Н.А. – 974.
 Ясный (Яновский) А.М. – 348, 728.
 Яценко В.И. – 960.
 Яшин (Попов) А.Я. – 692, 741.
 Scheidl T. – 819.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
--------------------------	---

ЧАСТЬ I ИСТОРИЯ РУСИ, РОССИИ И РУССКОГО СЛОВА

Рождение России (создание русской государственности (конец VIII – IX век))	15
Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи ...	45
Художественный смысл «Жития» Аввакума.....	74
О главном в наследии славянофилов	117
«И назовет меня всяк сущий в ней язык...» (заметки о духовном своеобразии России).....	143
О «евразийской» концепции русского пути.....	194
Россия как цивилизация и культура (к 1200-летию Русского государства)	209

ЧАСТЬ II О РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

Уроки истории	319
Послесловие к «Посланиям патриарха Тихона».....	365
К спорам о «русском национальном сознании»	375

Дилемма «Лосев – Бахтин» и розановское наследие	392
Между государством и народом: попытка беспристрастного размышления об интеллигенции	410
К публикации «Жизнеописания...» Понтягина	437
Патриоты, мыслители.....	445
Пушкин и Толстой вам не союзники!	458

ЧАСТЬ III ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЛИТИКА

История литературы в работах ОПояЗа	465
Об эстетике авангардизма в России	491
Выступление на дискуссии «Классика и мы»	504
Внимание: литература США сегодня. Достижения и просчеты советской американистики	511
Нобелевский миф.....	545
Гласность и вседозволенность	566
«Мы меняемся»? Полемические заметки о культуре, жизни и «литдеятелях»	571
Правда и истина	602
1948–1988. Мысли и отчасти воспоминания об «изменении» литературных позиций	649
«Самая большая опасность...»	673
Литература и демопартократия (размышления после съездов писателей и народных депутатов РСФСР)	774

ЧАСТЬ IV ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ВОПРОС НАЦИОНАЛЬНЫЙ

Сионизм Михаила Агурского и международный сионизм	792
Необходимое дополнение к недавней статье	830

Здесь материальные интересы – прежде всего.	836
Война и евреи.....	841
Германский фюрер и «царь иудейский» (о самой, быть может, чудовищной тайне XX века).....	845
Тройка Маркуса Вольфа и геополитика	859
О революции и социализме – всерьез.....	866
Жертвы насилия (истинные наши потери с 1917 по 1941 год).....	877
Россия и партаппарат. К истории 75-летнего конфликта	886
Печатное, но чистосердечное послание Правительству России	901
 Комментарии	 920
 Именной указатель	 1035

Институт русской цивилизации создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 12 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 80 томов).

Редактор Д. В. Орлов
Корректор З. Н. Скобелкина
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 12.07.2012 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 50,8 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация (*вышел*)
- Русское Православие в трех томах (*вышли*)
- Русское государство (*вышел*)
- Русский патриотизм (*вышел*)
- Русское мировоззрение (*вышел*)
- Русский образ жизни (*вышел*)
- Русская география
- Русское хозяйство (*вышел*)
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература (*вышел*)
- Русская икона и религиозная живопись в двух томах (*вышли*)
- Русская архитектура и скульптура
- Русская живопись
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.

Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
 Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
 Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
 Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
 Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
 Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
 Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
 Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
 Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
 Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
 Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
 Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
 Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
 Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
 Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
 Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
 Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
 Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
 Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
 Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
 Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
 Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
 Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
 Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
 Феофан Затворник. Добролюбие, 752 с.
 Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
 Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
 Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
 Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
 Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
 Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
 Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
 Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
 Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
 Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
 Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
 Величко В. Л. Русские речи, 400 с.

Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.
Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.

Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
Синодикъ или Куликовская битва в лицах, 736 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.
Платонов О. История царевубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Звенигородское шос., д. 4 (пав. «Детский мир на Пресне»), тел. 8(495)-788-41-48, podina@rw.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)